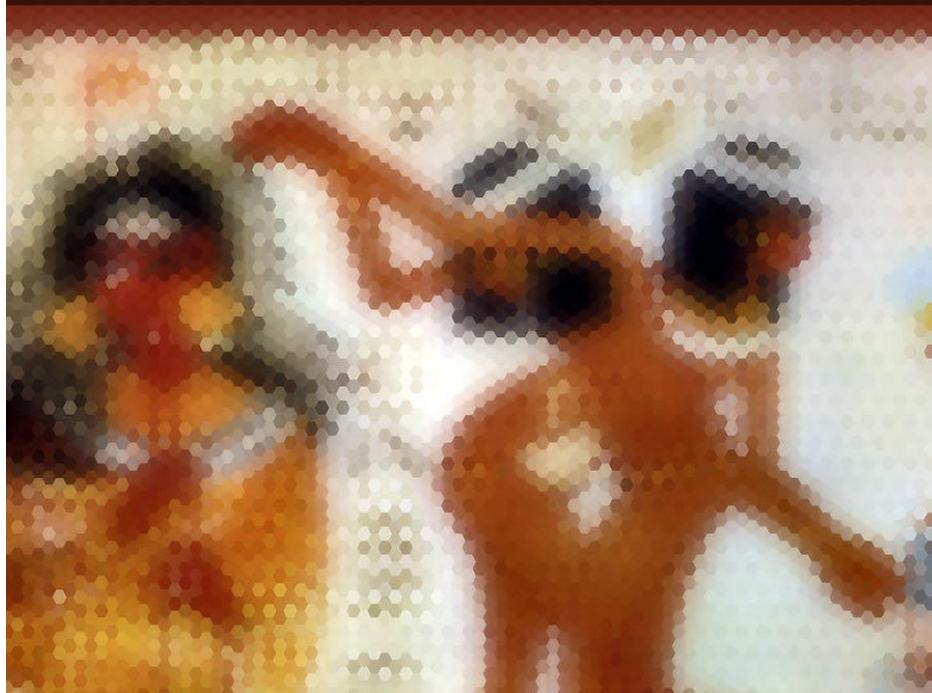

Жизнь в древние времена

Л. В. Ягги, Т. Л. Хейнс

**L. W. YAGGY
T. L. HAINES**

**THE LIFE
IN ANCIENT
TIMES**

Л. В. Ягги, Т. Л. Хейнс

Жизнь в древние времена

Содержание

Помпеи.

Въезжаем в Помпеи.

Обустройство частных домов.

Дом Диомеда.

Магазины и закусочные.

Дома Пансы и Саллюстия.

Дом Холкониусов.

Общий обзор города.

Развлечения.

Римские бани.

Социальные игры и спорт.

Светские развлечения.

Египетская музыка и развлечения.

Игры и спорт египтян.

Семейная жизнь.

Платье, Туалет и Украшения.

Преступления и наказания; Контракты, Деяния и т.д.

Дома, Виллы, Фермерские дворы, Фруктовые сады и т.д.

Египетское богатство.

Домашняя утварь.

Мебель.

Вазы.

Занятость.

Выпекание, крашение и раскрашивание.

Троя.

Ниневия и Вавилон.

Карнак и Баальбек.

Религия или мифология.

Изобразительное искусство.

Лепка.

Мозаика.

Литература.

Гробницы и катакомбы.

Катакомбы.

Библейская истина.

Обращение к мумии.

"И ты ходил повсюду, (какая странная история!)
На улицах Фив три тысячи лет назад,
Когда Мемнониум был во всей своей красе,
И время еще не начало разрушать
Эти храмы, дворцы и колоссальные сооружения,
от которых даже руины кажутся ужасающими.

Возможно, эта самая рука, которая сейчас прижата плашмя,
Сражалась с фараоном бокал к бокалу;
Или уронила полпенни в шляпу Гомера;
Или сняла свою, чтобы пропустить царицу Дидону;
Или держала, по приглашению самого Соломона,
факел при освящении великого Храма.

"Ты мог бы развить — если бы этот иссохший язык
Мог рассказать нам о том, что видели эти незрячие глаза, —
Как выглядел мир, когда он был свежим и молодым
И великий потоп все еще оставлял его зеленым;
Или он был тогда таким старым, что страницы истории
Не содержали записей о его ранних эпохах?

С тех пор, как твоя форма впервые появилась в этом ящике,
Мы, над землей, наблюдали некоторые странные мутации;
Римская империя началась и закончилась,
Возникли Новые миры — мы потеряли старые нации;

И бесчисленные короли были повержены в прах,
В то время как ни один фрагмент твоей плоти не рассыпался.

"Если тайны гробницы не могут быть раскрыты,
Раскрывается природа твоей личной жизни:
Сердце билось под этой кожистой грудью,
И слезы катились по этой пыльной щеке;
Забирались ли дети на эти колени и целовали ли это лицо?
Как тебя звали, какое у тебя было положение, возраст и раса?"

Ответ.

"Дитя последних дней! твои слова разрушили
чары, которые долго сковывали эти глиняные легкие,
Ибо с тех пор, как заговорил мой прокуренный язык,
Прошло три тысячи томительных лет.
Наконец, непеленутый, я "непринужденно стою" перед вами.
Тогда перечисляйте. О, листайте, пока я излагаю свою историю".
*****

ПОМПЕИ.

Содержание

РАЗРУШЕНИЕ ПОМПЕЙ.

Помпеи были в полном расцвете сил в начале христианской эры. Это был богатый и утонченный город с населением около 35 000 человек, прекрасно расположенный у подножия Везувия; он обладал всеми местными преимуществами, какие только может пожелать самый изысканный вкус. Расположенный на берегу моря, у входа в плодородную равнину, на берегу судоходной реки, он сочетал удобства торгового города с безопасностью военной базы и романтической красотой места, прославленного во все века своей

исключительной красотой. Его окрестности, вплоть до вершин Везувия, были покрыты виллами, а побережье вплоть до Неаполя было так изукрашено садами и деревьями, что берега всего залива казались одним городом.

Какая очаровательная картина, должно быть, представилась тому, кто приближался к Помпеям морем! Он созерцал яркие, жизнерадостные греческие храмы, раскинувшиеся перед ним на склонах; форум с колоннами; округлые мраморные театры. Он увидел величественные Дворцы, спускающиеся к самому краю синих волн благородными лестничными пролетами, окруженные зелеными соснами, лаврами и кипарисами, среди темной листвы которых белели мраморные статуи богов.

Искусные архитекторы, скульпторы, живописцы и литейщики бронзы были задействованы для того, чтобы превратить Помпеи в приют искусств; все профессии и призвания стремились украсить город. Огромное количество незнакомцев, приехавших сюда в поисках здоровья и отдыха, придавало этому месту новое очарование и жизнь.

Но за всем этим, заключенный как бы в рамку, пейзаж поднимался пологим склоном к вершине гремющей горы. Но не было недостатка в указаниях на опасность, которая угрожала городу. Весь район покрыт вулканами; и за несколько лет до окончательной катастрофы землетрясение потрясло Помпеи до основания; некоторые здания сильно пострадали. 24 августа 79 года н.э. жители были усердно заняты устранением нанесенного таким образом ущерба, когда внезапно и без какого-либо предварительного предупреждения из-за нависающей горы вырвался огромный столб черного дыма. Поднимаясь на огромную высоту в безоблачном летнем небе, он затем постепенно разрастался, подобно верхушке какой-нибудь могучей итальянской сосны, скрывая солнце и затмевая землю на многие мили вокруг.

Темнота превратилась в глубокую ночь, нарушаемую только голубыми и сернистыми вспышками, вырывавшимися из смолистого облака. Вскоре на землю обрушился густой дождь из тонкого, легкого пепла, почти незаметного на ощупь. Затем быстро последовал ливень из мелкой пемзы и более тяжелого пепла, испускающий удушливые вулканические пары. Через некоторое время слышались звуки приближающегося потока, и вскоре потоки густой черной грязи медленно, но неудержимо полились вниз по склонам гор и закружились по улицам, коварно заползая в такие укромные уголки, куда не смог проникнуть даже легкий пепел. Теперь не осталось места для укрытия. Ни один человек не мог защититься от этого двойного врага. Для тех, кто остался позади, было слишком поздно бежать. Те, кто укрылся в самых дальних уголках домов или в подземных ходах, были заперты навсегда. Те, кто пытался бежать по улицам, были забиты мелкими рыхлыми камнями из пемзы, залегавшими на глубине многих футов, или были запутаны и захлестнуты грязевыми потоками, или были сбиты с ног камнями, падавшими с небес. Если они избегали этих опасностей, ослепленные летящим пеплом и бредущие ощупью в темноте, не зная, в какую сторону идти, их одолевали сернистые пары, и они тонули на шоссе, вскоре оказываясь погребенными под вулканическим веществом. Даже многие из тех, кто в начале извержения выбрался на открытую местность, были застигнуты тьмой и падающим пеплом и несчастно погибли в поле или на берегу моря, где они тщетно искали средства к бегству.

Через три дня обреченный город исчез. Он был погребен под огромной массой пепла, пемзы и затвердевшей грязи глубиной от двадцати до семидесяти футов. Те из его охваченных ужасом жителей, кто избежал уничтожения, навсегда покинули это пустынное место. Проходили годы, поколения, столетия, и о существовании Помпеи — да, даже о самом ее названии — перестали вспоминать. Богатая вулканическая почва покрылась буйной

растительностью. На месте погребенного города процветали виноградники и строились дома.

Прошло почти восемнадцать сотен лет с тех пор, как громовержец Везувий набросил черную мантию пепла на прекрасный город, прежде чем прибыло спасательное средство. Некоторые старинные изделия из бронзы и утвари, обнаруженные крестьянином, привлекли всеобщее внимание. Начались раскопки, и Помпеи, как бы стряхнув с себя заплесневелые погребальные одежды, взирали из классической и поэтической эпохи первого века в прозаический современный мир девятнадцатого века. Мир был поражен и с удивлением и интересом наблюдал, как эта древняя незнакомка поднимается из своей могилы — наблюдать пробуждение далекого прошлого из чрева земли, которое так долго хранило его.

Раскопки велись усердно, пока на сегодняшний день триста шестьдесят домов, храмов, театров, школ, магазинов, фабрик и т.д. Не были открыты перед нами со своим драгоценным содержимым. Часто, но ошибочно, предполагается, что Помпеи, как и Геркуланум, были затоплены потоком лавы. Если бы это было так, раскопки были бы намного сложнее, а результат был бы гораздо менее важен. Мрамор, должно быть, был обожжен, бронза расплавлена, фрески стерты, а более мелкие изделия уничтожены огненным потоком. Разрушение было вызвано ливнями пыли и шлака, а также потоками жидкой грязи, которая образовала плесень, обволакивающую предметы, таким образом предохраняя их от повреждений или разложения. Таким образом, мы получаем идеальное представление о том, каким был римский город восемнадцать столетий назад, поскольку все предстает перед нами почти в идеальном состоянии.

Какое множество великолепных сосудов и утвари хранилось в сундуках и шкафах! Золото и позолоченная слоновая кость, жемчуг и драгоценные камни использовались для украшения столов, стульев и сосудов для еды и питья. С потолка свисали элегантные светильники, а канделябры и маленькие лампочки самых изысканных форм освещали апартаменты по ночам. Сегодня, глядя на стены, глаз может любоваться прекрасными фресками с такими яркими и свежими красками, как будто они были написаны только вчера; в то время как повсюду на потолке, стенах и полу сверкают мраморные изделия редчайшего оттенка, выполненные во всех мыслимых формах изящества и красоты и инкрустированные самыми художественными узорами.

Въезжаем в Помпеи.

Содержание

Теперь мы перейдем к описанию общего вида города, и для этой цели будет удобно предположить, что мы вошли в него через ворота Геркуланума, хотя в других отношениях ворота делла Марина - более обычный и, возможно, лучший вход.

Войдя, посетитель оказывается на улице, идущей немного восточнее южной, которая ведет к Форуму. Справа стоит дом, ранее принадлежавший музыканту; слева - термополиум, или лавка горячих напитков; за ним находится дом весталок; за ним таможня; а немного дальше, там, где другая улица врывается в эту с севера под очень острым углом, стоит общественный фонтан. На последней по названию улице находится дом хирурга; по крайней мере, один назван так из-за количества найденных в нем хирургических инструментов, все они сделаны

из бронзы. На правой, или западной стороне улицы, по которой мы вошли, дома, как мы уже говорили, построены на склоне скалы и имеют высоту в несколько этажей.

Фонтан находится примерно в ста пятидесяти ярдах от городских ворот. Примерно на том же расстоянии, дальше, улица разделяется на две; поворот направо кажется обходным, поворот налево приведет вас к Форуму. Наиболее важной особенностью этого пространства является дом, называемый домом Саллюстия или Актеона, по находящейся в нем картине, изображающей смерть этого охотника. Он стоит на площади около сорока квадратных ярдов и окружен с трех сторон улицами; именно той, которую мы описывали, другой, почти параллельной ей, и третьей, перпендикулярной этим двум. Весь квартал, раскопанный в настоящее время, вплоть до улицы Бань, продолжаемой улицей Фортуны, разделен шестью продольными и одной поперечной улицами на то, что римляне называли островами, или изолированными массивами домов. Два из них полностью заняты домами Пансы и Фавна, которые вместе с их дворами и садами имеют около ста ярдов в длину и сорока в ширину.

От улицы Бань и улицы Фортуны, которые соединяют эти острова на юге, две улицы ведут к двум углам Форума; между ними расположены бани, занимающие почти весь остров. Среди других зданий - молочная лавка и гладиаторская школа. В северо-восточном углу Форума находилась триумфальная арка. В конце улицы Бань и начале улицы Фортуны еще предстоит построить другую триумфальную арку, перекинувшуюся через улицу Меркурия, так что это был явно государственный въезд в город. Форум удален от ворот Геркуланума примерно на четыреста ярдов. Его полное описание мы дадим в своем месте. Недалеко от юго-восточного угла в него впадают две улицы, одна из которых ведет на юг, другая - на восток. Мы пройдем по первой около восьмидесяти ярдов, затем она повернет ярдов на двести на восток и приведет нас в театральный квартал. Другая улица, идущая на восток от Форума, имеет большее значение и называется Улицей Серебряников;¹ в конце которой короткая улица поворачивает на юг и пересекается с другим маршрутом, ведущим к театрам. На обоих этих маршрутах дома, непосредственно граничащие с улицами, расчищены; но между ними находится большой прямоугольный участок неисследованной земли. Два очень элегантных дома в юго-западном углу Форума были открыты французским генералом Шампионне, когда он командовал войсками в Неаполе, и известны под его именем. На западной стороне Форума две улицы вели вниз, к морю; раскопки здесь почти полностью состоят из общественных зданий, которые будут описаны ниже.

ВИД На ПОМПЕИ. (С фотографии.)

Квартал театров включает в себя большой храм, называемый Храмом Нептуна или Геркулеса, храм Исида, храм Эскулапа, два театра, Треугольный форум и жилища солдат или гладиаторов. С севера и востока он ограничен улицами; с юга и запада он, по-видимому, был окружен частично городскими стенами, частично своими собственными. Здесь непрерывные раскопки заканчиваются, и мы должны пересечь виноградники к амфитеатру, расположенному примерно в пятистах пятидесяти ярдах от театра, в юго-восточном углу города, недалеко от стен и под углом, образованным ими. Рядом с амфитеатром находятся остатки стен, которые, как предполагается, принадлежали Форуму Боариум, или рынку крупного рогатого скота. Неподалеку было раскопано и снова засыпано значительное здание, называемое виллой Джулии Феликс. На стенах его была обнаружена следующая надпись, которая, возможно, дает представление о богатстве некоторых помпейских владельцев:

In Praedis Julle Sp F. Felicis
Locantur
Balneum Venerium Et Nongentum Tabernæ Pergulæ
Cœnacula Ex Idibus Aug Primis
In Idus Aug. Sextas Annos Continuos Quinque
S. Q. D. L. E. N. C.

То есть: "В поместье Юлии Феликс, дочери Спурия, сдаются в аренду баня, венерологический кабинет, девятьсот лавок с кабинками и мансардами сроком на пять непрерывных лет, с первого по шестое августа, Иды". Считается, что формула S. Q. D. L. E. N. C., которой завершается реклама, расшифровывается как "si quis domi lenocinium exerceat ne conducito": "пусть не подает заявки тот, кто содержит бордель".

Немного южнее малого театра в 1851 году были обнаружены Ворота Стабии. Отсюда длинная прямая улица, получившая название улицы Стабий, пересекала всю ширину города, пока не заканчивалась на северной стороне у ворот Везувия. Она расчищена до того места, где пересекается с улицами Фортуна и Нола, которые вместе с улицей Бань пересекают город по всей своей длине. Улица Стабии образует границу раскопок; вся та часть Помпеи, которая

лежит к востоку от нее, за исключением амфитеатра и линии, образующей улицу Нола, все еще занята виноградниками и возделанными полями. С другой стороны, та часть города, что лежит к западу от него, по большей части не подвергалась раскопкам; хотя еще остались некоторые участки, лежащие к югу и западу от Улицы Изобилия и Форума, а также к востоку от Вико Сторто, которые еще предстоит раскопать.

Улицы Помпей вымощены большими кусками лавы неправильной формы, аккуратно соединенными вместе, в которых колеса колесниц оставили колеи, все еще различимые; в некоторых местах они имеют глубину в полтора дюйма, а на узких улочках идут по одной колее; там, где улицы шире, колеи более многочисленные и неправильной формы. Ширина улиц варьируется от восьми или девяти футов примерно до двадцати двух, включая пешеходные дорожки или тротуары. Во многих местах они настолько узкие, что их можно пересечь одним шагом; там, где они шире, в центре перехода устанавливают приподнятую ступеньку, а иногда две или три. Эти камни, хотя и лежали посреди пути повозки, не доставляли особых неудобств тем, кто разъезжал в биге, или двуконном колесничном экипаже, поскольку колеса свободно проезжали по оставленным местам, в то время как лошади, будучи неплотно запряженными, могли либо переступить через камни, либо проезжать по бокам. Бордюрные камни приподняты с одного фута до восемнадцати дюймов и отделяют тротуар от дороги. Во всем городе вряд ли найдется улица, не обставленная мебелью с таким удобством. Там, где ширина позволяет проложить широкую пешеходную дорожку, промежуток между бордюром и линией застройки засыпают землей, которую затем покрывают штукатуркой, а иногда и грубой кирпичной мозаикой. Кое-где следы такого рода мостовой все еще сохранились, особенно на тех улицах, которые были защищены портиками.

Обустройство частных домов.

Содержание

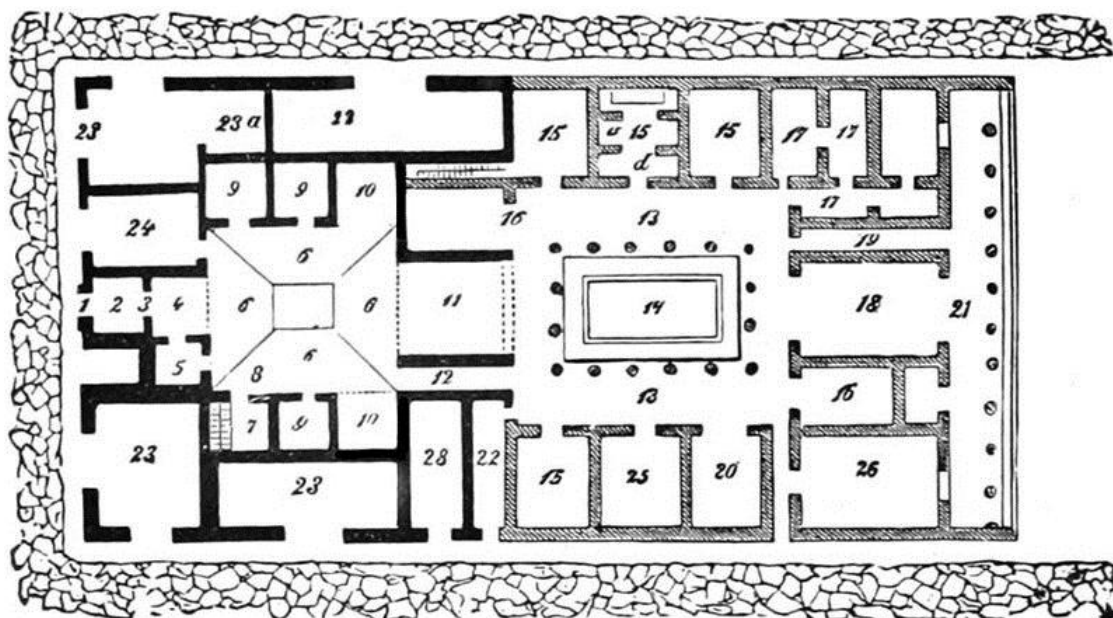
Теперь мы расскажем о некоторых из самых замечательных частных домов, которые были извлечены из-под земли; о картинах, домашней утвари и других предметах, найденных в них; и о такой информации о домашних нравах древних итальянцев, которая может показаться необходимой для иллюстрации этих останков. Эта ветвь нашей темы не менее интересна и не менее обширна, чем другие. Храмы и театры, сохранившиеся в равной степени и с большим величием, чем в Помпеях, можно увидеть во многих местах; но для ознакомления нас с жилищами, частной роскошью и изяществом античной жизни не все разрозненные фрагменты домашней архитектуры, существующие в других местах, сделали так много, как этот город с его товарищем по несчастью, Геркуланумом.

В последние годы республики римляне натурализовали греческое искусство между собой; и греческая архитектура вошла в моду в Риме, как мы можем узнать, среди других источников, из писем Цицерона к Аттику, которые постоянно свидетельствуют о большом интересе, который он проявлял к украшению нескольких своих домов, и упоминают Кира, его греческого архитектора. В то время огромные состояния легко наживались на трофеях новых завоеваний или путем казнокрадства и плохого управления подвластными провинциями, и деньги, нажитые таким нехорошим путем, были растрочены в самой расточительной роскоши. Одним из любимых развлечений было величие зданий. Луций Кассий был первым, кто украсил свой дом колоннами из иностранного мрамора; их было всего шесть, а

высота - двенадцать футов. Вскоре его превзошел Скавр, который установил в своем доме колонны из черного мрамора, называемые Лукуллианскими, высотой тридцать восемь футов и такого огромного и необычного веса, что начальник канализации, как нам сообщает Плиний,² взял на себя ответственность за любой ущерб, который мог бы нанести работам, находящимся в его ведении, прежде чем их разрешат развозить по улицам. Другой блудный сын, по имени Мамурра, подал пример облицовки своих комнат мраморными плитами. Однако наилучшую оценку роста архитектурной роскоши примерно в это время можно найти в том, что Плиний сообщает нам, что в 676 году от основания Рима дом Лепида был лучшим в городе, а тридцать пять лет спустя он уже не был сотым.³ В качестве примера щедрых расходов римлян мы можем упомянуть, что Домиций Агенобарб предложил за дом Красса сумму, составляющую около 242 500 долларов, от которой владелец отказался.⁴ Не были они менее экстравагантными и в своих загородных домах. Мы можем снова процитировать Цицерона, чья привязанность к своим тускуланским и формийским виллам и интерес к их украшению даже в самые опасные времена хорошо известны. Еще более знамениты виллы Лукулла и Поллиона; некоторые остатки последнего до сих пор можно увидеть близ Паузилипо.

Август пытался своим примером обуздать эту экстравагантную страсть, но не добился особого эффекта. А во дворцах императоров, и особенно в Aurea Domus, Золотом доме Нерона, домашняя архитектура Рима или, вероятно, мы могли бы сказать, всего мира достигла своего апогея.

Расположение домов, хотя и различалось, конечно, в зависимости от местных условий и в соответствии с рангом и положением хозяина, в целом было во всех одинаковым. Главные комнаты, отличающиеся только размерами и убранством, повторяются повсюду; те дополнительные, которые были изобретены только для удобства или роскоши, варьируются в зависимости от вкусов и обстоятельств хозяина.

ПЛАН РИМСКОГО ДОМА.

Частная часть включала перистиль, спальни, триклиний, оеі, картинную галерею, библиотеку, бани, экседру, ксист и т.д. Мы переходим к объяснению значения этих терминов.

Перед большими особняками обычно располагался двор или площадка, на которую выходил портик, либо окружавший территорию с трех сторон, либо просто проходивший вдоль фасада дома. В домах меньшего размера портик располагался на уровне улицы. Внутри портика или, если портика не было, выходящего прямо на улицу, находился вестибюль, состоящий из одной или нескольких просторных квартир. Считалось, что он находится без дома и всегда был открыт для приема тех, кто приходил подождать там, пока откроются двери. Протирум в греческой архитектуре был таким же, как вестибюль. В римской архитектуре это была проходная комната между внешней дверью, которая вела в вестибюль, и внутренней дверью, которая закрывала вход в атриум. В вестибюле или в помещении, ведущем в него, обычно сидел привратник, *остиарий*.

Атриум, или кавэйдий, поскольку они, по-видимому, обозначали одно и то же, был самым важным и обычно самым роскошным помещением в доме. Здесь хозяин принимал толпу утренних посетителей, которых не пускали во внутренние покои. Варрон так объясняет этот термин: "Полость дома (*cavum aedium*) - это закрытое место в стенах, оставленное открытым для общего пользования всеми. Он называется тосканским, от тусканцев, после того, как римляне начали подражать их кавэйдийму. Слово "атриум" происходит от атриатов, народа Тосканы, у которого был позаимствован его рисунок." Таким образом, первоначально атриум был общей комнатой отдыха для всей семьи, местом их домашних занятий; и так оно, вероятно, продолжалось и в более скромных слоях общества. Его общее описание можно легко дать. Это было большое помещение, перекрытое крышей, но с отверстием в центре, называемым *compluvium*, к которому крыша наклонялась, чтобы сбрасывать дождевую воду в резервуар в полу, называемый *impluvium*.

Крыша вокруг комплювия была окаймлена рядом сильно орнаментированных плиток, называемых антефиксами, на которых была вылеплена маска или какая-то другая фигура. По углам обычно имелись желоба в виде львиных или собачьих голов или любого фантастического устройства, какое только могло прийти в голову архитектору, которые отводили дождевую воду в имплювий, откуда она поступала в цистерны, откуда ее снова черпали для хозяйственных целей. Для питья предпочиталась речная вода, а еще больше - колодезная. Часто атриум украшали фонтанами, подававшимися по свинцовым или фаянсовым трубам из акведуков или других приподнятых источников воды; римлянам было известно свойство жидкостей, которое заставляет их стоять на одной высоте в сообщающихся сосудах. Это отчетливо признается Плинием,⁵ хотя их обычное использование акведуков вместо труб привело к предположению, что этот великий гидростатический принцип был им неизвестен. Ширина имплювия, согласно Витрувию, составляла не менее четверти и не более трети всей ширины предсердия; его длина регулировалась тем же стандартом. Отверстие над ним часто затенялось цветной вуалью, которая рассеивала мягкий свет и смягчала сильный жар итальянского солнца.⁶ Великолепные колонны дома Скавра в Риме были размещены, как мы узнаем от Плиния,⁷ в атриуме его дома. Стены были расписаны пейзажами или арабесками — практика, введенная примерно во времена Августа, - или облицованы плитами из иностранного и дорогого мрамора, который страстно любили римляне. Мостовая была выложена из того же ценного материала или из еще более ценных мозаик.

ВЕСТИБЮЛЬ ПОМПЕЙСКОГО ДОМА.

Таблинум был придатком атриума и обычно был полностью открыт для него. Он содержал, как следует из названия,⁸ семейные архивы, статуи, фотографии, генеалогические таблицы и другие реликвии длинной линии предков.

Але, крылья, представляли собой похожие, но меньшие помещения, или, скорее, ниши, с каждой стороны дальней части атриума. Краны, челюсти, представляли собой проходы, особенно те, которые вели во внутренние помещения дома из атриума.

В домах небольшой площади незнакомцев селили в комнатах, которые окружали атриум и выходили в него. Великие, чьи связи распространились в провинции, и которых посещало множество людей, которые, приехав в Рим, рассчитывали воспользоваться их гостеприимством, обычно имели *hospitium*, или место приема чужеземцев, либо отдельно, либо среди пристроек их дворцов.

Из частных апартаментов первым следует упомянуть перистиль, который обычно располагался за атриумом и сообщался с ним как через таблинум, так и через краны. В своем общем плане он напоминал атриум, фактически являясь двором, открытым небу посередине и окруженным колоннадой, но он был больше по своим размерам, а центральный двор часто украшали кустарниками, цветами и фонтанами, и тогда он назывался *ксист*. При поперечном измерении протяженность должна быть больше, чем длина,⁹ а межколоночные расстояния не должны превышать четырех и не превышать трех диаметров столбцов.

Об устройстве спален мы знаем мало. Они, по-видимому, были маленькими и неудобными. Когда было место, у них обычно был проктон, или прихожая. Витрувий рекомендует, чтобы они стояли лицом к востоку, чтобы раннее солнце освещало их. Одним из самых важных помещений во всем доме был триклиний, или столовая, названная так из-за трех кроватей, которые окружали стол с трех сторон, оставляя четвертую открытой для прислуги.

Расточительность римлян в вопросах питания хорошо известна, и она распространялась на все, что было связано с застольными удовольствиями. В их комнатах, их диванах и всей мебели для их развлечений великолепие и экстравагантность были доведены до высшей точки. У богатых было несколько таких квартир, которыми можно было пользоваться в разное время года или по разным поводам. Лукулл, известный своим богатством и обильными тратами, установил определенный стандарт расходов для каждого триклиния, так что, когда его слугам говорили, в каком зале он будет ужинать, они точно знали, какое угощение следует приготовить; и есть хорошо известная история о том, как он обманул Помпея и

Цицерона, когда они настояли на том, чтобы пойти с ним домой и посмотреть на его семейный ужин, просто сообщив домой, что он будет ужинать в "Аполлоне", одном из самых великолепных своих залов, в котором он никогда не давал угощений менее чем за 50 000 динариев. около 8000 долларов. Иногда потолок открывался и спускал второе мясное блюдо с дождем из цветов и ароматизированной воды, в то время как канатоходцы исполняли свои эволюции над головами собравшихся. Представления этих *фунамбули* часто представлены на картинах в Помпеях. Мазуа в своем произведении, озаглавленном "Дворец Скауруса", нарисовал причудливую картину жилища римского дворянина высшего класса, в которой он воплотил все разрозненные упоминания о домашней жизни, которые ему удалось собрать благодаря прилежному чтению латинских авторов. Его описание триклиния Скавра даст читателю лучшее представление о стиле, в котором было обставлено и украшено это помещение. По каждому конкретному пункту в описании он цитирует авторитетные источники. Однако мы не будем загромождать наши страницы ссылками на длинный список книг, которые вряд ли будут доступны большинству читателей.

"Бронзовые светильники, [10](#), подвешенные на цепях из того же металла или установленные на канделябрах богатой работы, заливали комнату ярким светом. Рабы, выделенные для этой службы, наблюдали за ними, подправляли фитили и время от времени подливали масло.

"Триклиний в два раза длиннее, чем в ширину, и как бы разделен на две части — верхнюю занимают стол и ложа, нижнюю оставляют пустой для удобства обслуживающего персонала и зрителей. Вокруг первого стены, до определенной высоты, украшены ценными драпировками. Убранство остальной части комнаты благородно и в то же время соответствует ее назначению; гирлянды, увитые плющом и виноградными лозами, разделяют стены на отсеки, окаймленные причудливыми орнаментами; в центре каждого из них с восхитительной элегантностью нарисованы молодые фавны или полуобнаженные вакханки, несущие тирсы, вазы и все убранство праздничных собраний. Над колоннами находится большой фриз, разделенный на двенадцать отделений; каждое из них увенчано одним из знаков Зодиака и содержит изображения мясных блюд, сезон которых наиболее высок в каждом месяце; так что под Стрельцом (декабрь) мы видим креветок, моллюсков и перелетных птиц; под Козерогом (январь) - омаров, морскую рыбу, кабанов и дичь; под Водолеем (февраль) - уток, ржанок, голубей, водяных рельсов и т.д.

ТРИКЛИНИЙ.

"Стол, сделанный из лимонного дерева [11](#) с окраины Мавритании, более драгоценный, чем золото, покоился на ножках из слоновой кости и был накрыт массивным серебряным, чеканным и резным, весом в пятьсот фунтов. Ложа, рассчитанные на тридцать персон, были

сделаны из бронзы, покрытой украшениями из серебра, золота и панциря черепахи; матрасы из галльской шерсти, окрашенной в пурпур; ценные подушки, набитые перьями, были покрыты тканями и расшитыми шелком, смешанным с золотыми нитями. Хрисипп сказал нам, что они были сделаны в Вавилоне и стоили четыре миллиона сестерциев. ¹²

Мозаичный пол, по странному капризу архитектора, представлял собой все фрагменты пиршества, как будто они обычным образом упали на пол; так что на первый взгляд казалось, что комнату не подметали со времени последней трапезы, и отсюда она называлась *asarotos oikos*, неубранный салон. В глубине зала были расставлены вазы из коринфской меди. В этом триклинии, самом большом из четырех во дворце Скавра, легко поместился бы стол на шестьдесят персон; ¹³ но он редко собирает такое большое количество гостей, и когда по большим поводам он принимает четыреста или пятьсот человек, это обычно происходит в атриуме. Эта столовая отведена для лета; у него есть другие для весны, осени и зимы, потому что римляне превращают смену времен года в источник роскоши. Его заведение устроено так, что для каждого триклиния у него есть большое количество столов разного вида, и у каждого стола свое обслуживание и свои особые слуги.

"В ожидании своих хозяев молодые рабы рассыпали по мостовой опилки, окрашенные шафраном и киноварью, смешанные с блестящей пудрой, изготовленной из зеркального ляписа, или талька".

Пинакотeka, картинная галерея, и *Bibliotheca*, библиотека, не нуждаются в пояснениях. Последняя обычно была небольшой, так как в узком пространстве могло поместиться большое количество рулонов (*volumina*).

Экседра имела двойное значение. Это либо скамья, предназначенная для нескольких человек, как перед воротами Геркуланума, либо просторный зал для бесед и общих общественных мероприятий. В общественных банях это слово особенно применимо к тем помещениям, которые часто посещали философы.

Таково было устройство, таковы были главные покои римского дома; они располагались на первом этаже, верхние этажи по большей части были предоставлены рабам, вольноотпущенникам и низшим ветвям семьи. Мы должны, однако, исключить террасу на вершине всего (солярий), любимое место отдыха, часто украшенное редкими цветами и кустарниками, посаженными в огромных ящиках с землей, а также фонтанами и решетками, под которыми можно с удовольствием пообедать.

Читатель, конечно, не предположит, что во всех домах можно было найти все эти квартиры и в одном и том же порядке. От тесного жилища торговца до дворца патриция можно было найти все виды удобств и элегантности. Единственная цель этого длинного каталога - познакомить читателя с общим типом тех предметов, которые мы собираемся ему представить, и объяснить сразу и в совокупности те термины искусства, которые будут встречаться чаще всего.

Читатель получит ясное представление о римском доме из приведенного чуть дальше плана дома Диомеда, который является одним из крупнейших и наиболее регулярно возводимых в Помпеях.

Мы можем здесь добавить несколько наблюдений, почерпнутых, как и многое из предыдущего материала, из ценной работы Мазуа, касающейся материалов и метода строительства помпейских домов. Говорят, что здесь можно встретить все виды каменной

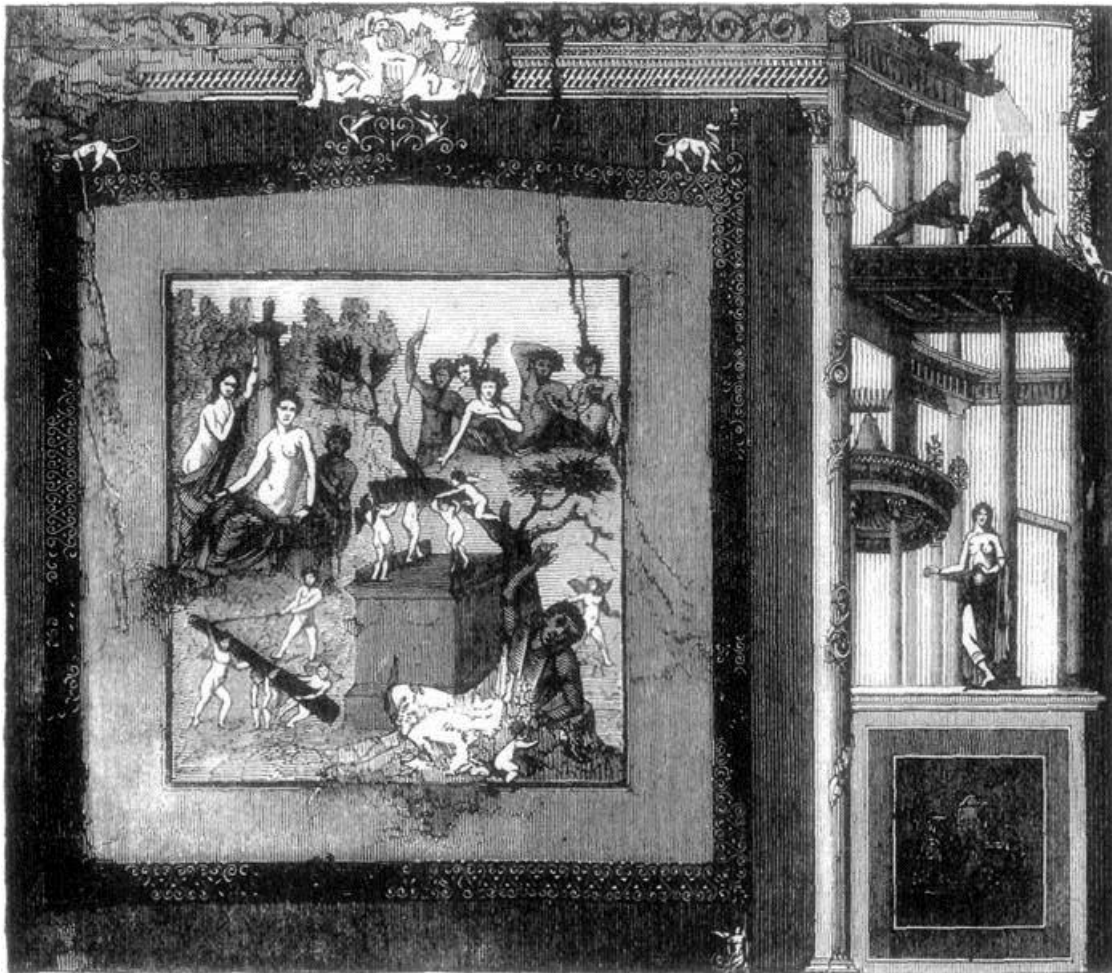
кладки, описанные Витрувием; но обычно предпочитались самые дешевые и долговечные виды.

Было обнаружено, что медь, железо, свинец используются для тех же целей, для которых мы используем их сейчас. Железа здесь больше, чем меди, вопреки тому, что обычно наблюдается в древних трудах. По предметам мебели и т.д., найденным в руинах, видно, что итальянцы были очень искусны в искусстве обработки металлов, однако они, по-видимому, преуспели в декоративной работе, а не в прочном и аккуратном изготовлении полезных предметов. Например, их замки грубой работы, едва ли сравнимые с теми, которые сейчас изготавливаются в той же стране; в то время как внешние украшения дверей, засовы, ручки и т.д. изящны.

Первый частный дом, который мы опишем, можно найти, пройдя по улице Изобилия. Посетитель обнаруживает справа, сразу за задней стеной Стабианских терм, вход в красивое жилище. Надпись красными буквами на внешней стене, содержащая имя Сирикуса, навела на мысль, что это было имя владельца дома; в то время как мозаичная надпись на полу протирума, содержащая слова *Salve Lucu*, дала начало второму названию жилища.

Слева от проти-рама находится квартира с двумя дверями, одна из которых выходит на деревянную лестницу, ведущую на верхний этаж, другая образует вход в комнату рядом с улицей, с окном, подобным описанному в другой комнате рядом с проти-рамом. Стены этой комнаты белые, разделенные красными и желтыми зонами на отсеки, в которых изображены символы главных божеств — орла и шара Юпитера, павлина Юноны, копья, шлема и щита Минервы, пантеры Вакха, Сфинкса, рядом с которым находятся мистический сундук и сестры Исида, которая была Венерой Физической у помпейцев, кадуцей и другие эмблемы Меркурия и т.д. Есть также два небольших пейзажа.

Рядом с этим находится большая и красивая экседра, украшенная хорошими картинами, в треть натуральную величину. Тот, что слева, изображает Нептуна и Аполлона, возглавляющих строительство Трои; первый, вооруженный трезубцем, изображен сидящим; второй, увенчанный лавром, идет пешком и опирается правой рукой на лиру. На стене напротив висит картина, изображающая Вулкана, протягивающего Фетиде руки Ахилла. Знаменитый щит поддерживается Вулканом на наковальне и демонстрируется Фетиде, которая сидит, в то время как крылатая женская фигура, стоящая рядом с ней, указывает ей жезлом на чудеса его изготовления. В соответствии с гомеровским описанием щит окружен знаками зодиака, а в середине изображены медведь, дракон и т.д. На земле лежат нагрудник, поножи и шлем.

ПЬЯНЫЙ ГЕРАКЛ. (Из Помпей.)

На третьей картине изображен Гераклес, увитый плющом, пьяный, лежащий на земле у подножия кипариса. Он одет в *сандикс*, или короткую прозрачную тунику, а на ногах у него что-то вроде туфель, одну из которых он сбросил. Он опирается на левую руку, в то время как правая поднята в пьяном экстазе. Маленький Купидончик дергает свою гирлянду из плюща, другой пытается отнять у него большой кубок. В центре картины находится алтарь с гирляндами. На вершине три Купидона с помощью другого, взобравшегося на дерево, пытаются взвалить на плечи колчан героя; в то время как на земле, слева от алтаря, четыре других Купидона играют с его дубинкой. У подножия алтаря находится табличка с изображением Вакха, указывающая на бога, которому приносил жертвы Геракл.

Слева от картины, на небольшом возвышении, изображена группа из трех женщин вокруг колонны, на вершине которой стоит ваза. Главная и центральная фигура, обнаженная по пояс, держит в руке веер; кажется, она с интересом смотрит на пьяного героя, но кого она представляет, сказать трудно. Справа, на полпути к вершине горы, сидит Бахус, взирая на происходящее с самодовольством, не без примеси удивления. Он окружен своей обычной свитой слуг, один из которых несет тирс. Прилагаемая гравюра даст более четкое представление о картине, которая по изяществу, величию композиции, деликатности и свежести колорита является одной из лучших в Помпеях. Экседра также украшена множеством других картин и орнаментов, описывать которые было бы слишком долго.

На той же стороне атриума, за проходом, ведущим к кухне с духовкой, находится элегантный *триклиний фенестратум* с видом на прилегающий сад. Стены черные, разделенные

красными и желтыми зонами, с канделябрами и архитектурными элементами вперемешку с четвероногими, птицами, дельфинами, тритонами, масками и т.д., А в середине каждого отсека - Вакханка. На каждой стене висят три небольшие картины, выполненные с особой тщательностью. На первом, который был удален, изображен Эней в его палатке, который в сопровождении Мнестея, Ахата и юного Аскания представляет свое бедро хирургу Япису, чтобы извлечь из него наконечник стрелы. Эней поддерживает себя копьем в правой руке, а другой опирается на плечо своего сына, который, подавленный несчастьем своего отца, вытирает слезы с глаз подолом своего одеяния; в то время как Япис, стоя на одной ноге перед героем, намеревается извлечь зазубрину щипцами. Но рана не может быть исцелена без божественного вмешательства. На заднем плане картины Венера спешит на помощь своему сыну, неся в руке ветвь диктамна, которая должна вернуть ему первозданную силу.

Сюжет второй картины, которая сильно повреждена, объяснить нелегко. На нем изображен обнаженный герой, вооруженный мечом и копьем, которому женщина, увенчанная лавром и облаченная в пышную баску, указывает на другую женскую фигуру. Последняя выражает своими жестами свое горе и негодование по поводу ухода воина, о неизбежности которого свидетельствует ожидающая его колесница. Синьору Фиорелли кажется, что он узнает на этой картине Турна, Лавинию и Амату, когда королева умоляет Турна не сражаться с троянцами.

Третья картина изображает Гермафродита в окружении шести нимф, занятых по-разному.

Из атриума узкий *кран*, или коридор, вел в сад. Три ступеньки слева соединяли эту часть дома с другой, более великолепной, частью, вход в которую осуществляется со стороны Страда Стабиана. Сад был окружен с двух сторон портиком, справа от которого находятся несколько квартир, не требующих особого внимания.

Дом, в который можно попасть на более высоком уровне по трем только что упомянутым ступеням, сначала рассматривался как отдельный дом, и Фиорелли назвал его Домом русских князей из-за раскопок, произведенных здесь в 1851 году в присутствии сыновей российского императора. Особенности, наблюдаемые в этом доме, заключаются в том, что атриум и перистиль шире, чем они глубоки, и что они разделены не таблоном и другими помещениями, а просто стеной. В центре тосканского атриума, в который можно попасть с улицы Стабия, находится красивый мраморный имплювий. Наверху - квадратный киппус, облицованный мрамором, со свинцовой трубкой, по которой вода стекала в квадратную вазу или тазик, поддерживаемый небольшим основанием из белого мрамора, украшенным листьями аканта. Рядом с фонтаном стоит стол из того же материала, поддерживаемый двумя ножками с прекрасной скульптурой в виде химеры и грифона. На этом столе стояла небольшая бронзовая статуэтка Геркулеса, вооруженного дубинкой, и молодого фригийца, преклонившего перед ним колени.

Из атриума в перистиль ведет большая дверь. Он имеет около сорока шести футов в ширину и тридцать шесть в глубину и десять колонн, на одной из которых до сих пор сохранился фрагмент антаблемента. Стены были расписаны попеременно красными и желтыми панелями с фигурами Латоны, Дианы, Вакханок и т.д. В нижней части перистиля, справа, находится триклиний. В середине находится небольшой *кувшинс* двумя колоннами, богато украшенными арабесками. В маленькой квартирке слева есть несколько фотографий.

В этом доме, на высоте семнадцати неаполитанских палм (почти пятнадцати футов) от уровня земли, были обнаружены четыре скелета вместе в почти вертикальном положении. Двенадцатью ладонями ниже лежал еще один скелет, рядом с которым лежал топор. Этот человек, по-видимому, пробил стену одной из маленьких камер протирума и собирался

войти в нее, когда был задушен либо обвалом земли, либо выдохами мефита. Считалось, что эти люди погибли во время поисков ценностей после катастрофы.

В задней комнате термополиума недалеко от этого места было обнаружено *граффити*, изображающее часть первой строки "Энеиды", в которой *rs* были превращены в *ls*:

Альма вилумке кано Тло.

Теперь мы вернемся к дому Сирикуса. К нему на Виа дель Лупанаре примыкает здание с двумя дверями, разделенными пилястрами. В качестве знака на стене был нарисован слон, обвитый большой змеей, за которым ухаживал пигмей. Вверху была надпись: *Sittius restituit elephantum*; а под ней следующее:

Hospitium hic locatur
Triclinium cum tribus lectis
Et comm.

И картина, и надпись к настоящему времени исчезли. Находка любопытна, поскольку доказывает, что древние использовали вывески для своих таверн. Орелли привел в своих *Надписях* на галльском языке изображение Петуха (*Gallo Gallinacio*). В том, что в Помпеях последнее слово означает "коммодис". "Вот триклиний с тремя кроватями и другими удобствами".

Прямо напротив ворот Сирикуса находился еще один дом, который также считался *каупоной*, или таверной, судя по нарисованным на дверных косяках клеткам. На стене изображены две большие змеи - эмблема, с которой так часто встречаются. Они были символами Ларес виалес, или компиталес, и, как мы уже говорили, делали это место священным от любых неприятностей. Крест, который иногда можно увидеть на стенах домов в современном итальянском городе, служит той же цели. Над змеями следующая надпись, сделанная довольно крупными белыми буквами: *Otiosis locus hic non est, discede morator*. "Задержавшийся, уходи; здесь не место для бездельников". Кстати, судебный запрет, который, по-видимому, скорее направлен против идеи о том, что этот дом был таверной.

Только что упомянутая надпись дает возможность дать краткий отчет о подобных надписях; мы говорим не о надписях, высеченных в камне и прикрепленных к храмам и другим общественным зданиям, а о надписях, которые были либо нарисованы, либо нацарапаны углем и другими веществами, либо процарапаны острым концом, таким как гвоздь или нож, на штукатурке стен и колонн. Такие надписи позволяют нам заглянуть как в общественную, так и в домашнюю жизнь помпеянцев. Рекламные объявления политического характера обычно рисовались на наружных стенах большими буквами черной и красной краской; поэтические излияния или пасквилады и т.д. - углем или мелом (*Martial, Epig. xii. 61, 9*); в то время как объявления бытового характера чаще встречаются внутри домов, нацарапанные, как мы уже говорили, на штукатурке, откуда их и называли *граффити*.

Многочисленные политические надписи свидетельствуют об активности общественной жизни в Помпеях. Эти объявления, которые по большей части касаются выборов эдилов, дуумвиров и других магистратов, показывают, что помпеянцы в то время, когда их город был разрушен, были в полном восторге от приближающейся комиции по избранию таких магистратов. Здесь мы выберем несколько наиболее интересных надписей, относящихся как к общественным, так и к бытовым вопросам.

По-видимому, было принято закрашивать старые рекламные объявления слоем белой краски и таким образом получать свежую поверхность для новых, подобно тому, как

рекламщик безжалостно приклеивает свою купюру поверх купюры какого-нибудь собрата кисти. В некоторых случаях это новое покрытие было отсоединено или отвалилось, открывая таким образом более старую надпись, иногда относящуюся к периоду, предшествовавшему Социальной войне. Надписи такого рода встречаются только на массивных каменных колоннах более древних зданий, а не на штукатурке, которой в более поздний период было оштукатурено почти все. Их древность дополнительно подтверждается тем, что некоторые из них написаны на осканском диалекте; в то время как тексты на латыни отличаются от более поздних текстов на том же языке формами букв, именами, которые в них встречаются, и архаизмами в грамматике и орфографии. Надписи на греческом языке встречаются редко, хотя буквы греческого алфавита, нацарапанные на стенах на небольшой высоте от земли и, таким образом, очевидно, выполненные школьниками, показывают, что греческий язык, должно быть, широко изучался в Помпеях.

Обычная форма предвыборной рекламы содержит имя рекомендованного лица, должность, на которую он является кандидатом, и имя человека или лиц, которые его рекомендовали, сопровождаемое в целом формулой O. V. F. Из недавно обнаруженных примеров, написанных полностью, выясняется, что эти буквы означают *orat* (или *orant*) *vos faciatis*: "умоляю вас творить" (*édile* и так далее). До этого открытия очень часто считалось, что буквы, о которых идет речь, означают *orat ut faveat*, "просит его об одолжении"; и, таким образом, значение надписи было полностью изменено, и рекомендуемое лицо превратилось в рекомендованного человека. В следующем примере, например, — *M. Holconium Priscum duumvirum juri dicundo O. V. F. Philippus*; значение, согласно более старой интерпретации, будет таким: "Филипп умоляет М. Холкония Приска, дуумвира правосудия, оказать ему благосклонность или покровительство"; тогда как истинный смысл таков: "Филипп умоляет вас создать М. Голконий Прискус - дуумвир правосудия. Из-за этого неправильного толкования домам часто давались неправильные названия; как, вероятно, обстоит дело, например, с домом Пансы, который, судя по смыслу надписи, скорее всего, принадлежал Парату, который вывесил на стенах своего дома обращение к прохожим с просьбой сделать его друга Пансу эдилом. Если бы это был дом Пансы, когда он был кандидатом на должность советника, и если бы у таких кандидатов был обычай вывешивать рекомендательные объявления на своих дверях, можно предположить, что Панса выставил бы нечто большее, чем это единственное послание от единственного друга. Это более вероятный смысл, чем то, что Парат таким образом домогался покровительства Пансы; ибо было бы плохим способом добиться его, уродуя его стены таким дерзким образом. На самом деле мы не хотим отрицать, что прелюбодейные надписи иногда наносились на дома или двери влиятельных или популярных мужчин или хорошеньких женщин. Стих Плавта свидетельствует о таком обычае (*Impleantur meæ foreis elogiorum carbonibus*. *Меркатор*, акт ii. sc. 3). Но, во-первых, надпись на так называемом доме Пансы, очевидно, носила не рекламный, а рекомендательный характер; и, во-вторых, надписи первого рода, как мы узнаем из того же стиха, по-видимому, были написаны проходящими мимо почитателями с помощью какого-нибудь подручного материала, такого как уголь или тому подобное, и не были нанесены на стены с особой тщательностью, затратой времени и средств; мы вряд ли думаем, что владелец дома, будь он скромным и разумным человеком, потерпел бы это.

Рекомендации кандидатов часто сопровождались парой слов похвалы; как *dignus*, или *dignissimus est, probissimus, juvenis integer, frugi, omni bono meritis* и тому подобное. Такие рекомендации иногда подписываются гильдиями или корпорациями, а также частными лицами, и это показывает, что в Помпеях было очень много таких профсоюзов. Таким образом, мы находим упоминания о *оффекторах* (красильщиках), *писторах* (пекарях), *аурификесах* (ювелирах), *помариях* (фруктовщиках), *кэпариях* (бакалейщиках), *линьяриях*

(торговцах деревом), *плострариях* (тележных мастерах), *пишикапи* (рыбаках), *агриколе* (земледельцах), *muliones* (погонщики мулов), *кулинарии* (повара), *fullones* (фуллеры) и другие. Рекламные объявления такого рода, по-видимому, использовались в качестве средства выражения уличного остроумия, точно так же, как между нами происходят предвыборные скандалы. Таким образом, мы находим упомянутые, как бы среди компаний, *pilicrepi* (игроки в мяч), *seribibi* (поздние алкоголики), *dormientes universi* (вся почтенная компания спящих) и, как кульминация, *Pompeiani universi* (все помпейцы, все до единого, голосуют за такого-то). Одна из этих рекомендаций, якобы исходящая от "учителя" или "профессора", гласит: *Valentius cum discentes suos* (Валентий со своими учениками); плохая грамматика, вероятно, задумывалась как насмешка над одним из слабых мест бедняги.

Надписи мелом и углем, *граффити*, а иногда и раскрашенные надписи, иногда содержат хорошо известные стихи еще сохранившихся поэтов. Некоторые из них отличаются от современного текста, но, будучи написаны не очень образованными людьми, они редко или вообще никогда не представляют каких-либо различных прочтений, которые было бы желательно принять, и действительно время от времени содержат просодические ошибки. Другие стихи, некоторые из них отнюдь не достойны презрения, либо взяты из ныне утраченных фрагментов, либо являются выдумкой самого автора. Многие из этих надписей, конечно, носят любовный характер; некоторые передают информацию, не имеющую большого значения ни для кого, кроме автора, — например, что он болен простудой — или болел семнадцать веков назад — или что он считает того, кто не приглашает его на ужин, не лучше грубияна и варвара, или призывает благословения на человека, который это делает. Некоторые из них увенчаны другой рукой с едким сарказмом в адрес первого автора, а многие, как и следовало ожидать, непристойны. Некоторые из *граффити* на внутренних стенах и колоннах домов представляют собой записи о домашних сделках; например, сколько было куплено сала, сколько туник отправлено в стирку, когда родился ребенок или осел и тому подобное. Одно из таких, нацарапанное на стене перистилия уголовного дома в *Страда делла Фортуна* и *Виколо дельи Сциенциати*, по-видимому, представляет собой отчет о *распорядителе* или надзирательнице за прядением, возложенным на рабынь заведения, и интересно тем, что сообщает нам их имена: Виталис, Флорентина, Амаруллис, Януария, Иракла, Мария (Maria, женское от Мариуса, а не Маря а), Лалагия (напоминающая нам о "Лалаге" Горация), Дамалис и Дорис. *Пенсум*, или вес шерсти, доставляемой каждой для прядения, пишется как *песу*, *n* и последнее *m* опускаются, точно так же, как мы находим *salve lucru*, означающее *лукрум*, написанное на пороге дома Сирика. В этой форме *pesu* очень близко к итальянскому слову *peso*.

Мы уже время от времени упоминали грубые гравюры и карикатуры этих художников на стенах, но для того, чтобы полностью углубиться в тему помпейских надписей и *граффити*, потребовался бы отдельный том, и поэтому мы должны возобновить нить нашего описания.

Немного дальше от дома Сирика небольшая улочка, отходящая под прямым углом от Форума, выходит на Виа дель Лупанаре. Как раз на их пересечении, имея вход в оба, находится Лупанар, от которого последняя улица получила свое название. Мы не можем рисковать описанием этого прибежища языческой безнравственности. Он хранится под замком, но гид разбудит ключ для тех, кто, возможно, пожелает его увидеть. Рядом с ним находится Дом Фуллера, в котором была найдена изящная маленькая бронзовая статуэтка Нарцисса, ныне находящаяся в Музее. Больше в доме не было ничего интересного.

Виа дель Лупанаре заканчивается на улице Августалов, или Сухофруктов. На этой последней улице, почти напротив конца Виа дель Лупанаре, но немного левее, находится Дом Нарцисса, или Мозаичного фонтана. Этот дом является объектом недавних раскопок. На

пороге мозаика с изображением медведя и надписью *Иметь*. Проход расписан фигурами на желтом фоне. Слева - медальон с изображением сатира и нимфы; противоположный медальон уничтожен.

Атриум вымощен мозаикой. В первой комнате справа от него есть изображение Нарцисса, любующегося собой в воде. На противоположной картине изображена сидящая женская фигура с ребенком на руках и большим открытым сундуком перед ней. Таблинум красиво вымощен мозаикой и мрамором. За ним, на месте перистилия, находится двор или сад, стена которого расписана фигурой, несущей таз. Внизу находится красивый мозаичный фонтан, от которого дом получил одно из своих названий, с фигурой Нептуна в окружении рыб и морских птиц; вверху изображены большие дикие кабаны.

На противоположной стороне дороги, на восточном углу улицы Лупанар, находится Дом Руля и Трезубца, также называемый Домом Марса и Венеры. Первое из этих названий происходит от мозаичного покрытия в протируме, на котором изображены упомянутые объекты; в то время как изображение на медальоне в атриуме с головами Марса и Венеры дало начало второму названию. Краски на этой картине все еще довольно свежие, и синьор Фиорелли объясняет это тем, что он нанес восковой лак на картину в момент ее обнаружения. Без такой защиты цвета этих рисунков быстро тускнеют; особенно киноварь или киноварь чернеют после нескольких дней пребывания на свету.

Атриум, как обычно, окружен спальными комнатами. Особенностью, еще не встречающейся ни в одном другом доме, является ниша или чулан слева от атриума, имеющий с одной стороны отверстие, достаточное только для того, чтобы просунуть руку, откуда было высказано предположение, что оно служило вместилищем для каких-то ценных предметов. Внутри он расписан стеной из четырехугольных кусков мрамора различных цветов, заканчивающихся вверху карнизом. В каждом из квадратов изображена рыба, птица или четвероногое.

Этот шкаф или ниша находится у двери комнаты, в которой находится вход в подземный ход, выходящий на Виа дель Лупанаре. В других квартирах этого дома нет ничего особо примечательного. Позади находится перистиль с двенадцатью колоннами, в саду которого, как говорят, были обнаружены кустарники в обугленном состоянии.

Дальше по той же улице Августалов, под углом, который она образует с улицей Стабий, находится дом пекаря, на внешней стене которого красными буквами написано "Модестум". Для торговца это, по-видимому, был комфортабельный дом с атриумом и фонтаном, а также несколькими расписными комнатами. За атриумом находится просторный двор с мельницами и печью. В печь было загружено более восьмидесяти буханок, формы которых до сих пор совершенны, хотя и измельчены до углеродистого состояния. Они хранятся в музее.

Узкая улочка, о которой мы упоминали, выходящая на Виа дель Лупанаре почти напротив дома Сирикуса, была названа Виа дель Бальконе из-за небольшого дома с выступающим балконом, или манианумом. Признаки наличия балконов были обнаружены в других местах, и, очевидно, некоторые из них действительно были на Виа дель Лупанаре; но это единственный пример балкона, восстановленного в первоначанном виде благодаря заботам синьора Фиорелли, заменившего обуглившиеся бревна свежими. Посетитель может подняться на второй этаж этого дома, откуда балкон выходит на несколько футов в узкий переулок. В атриуме этого дома находится очень красивый фонтан.

В доме рядом с домом с Балконом, выходящим на небольшую улочку, ведущую от Виа дель Абонданца, и пронумерованном 7 на дверном косяке, есть несколько фотографий в сносной сохранности. На картине в самой дальней комнате слева от атриума Тесей изображен отплывающим на своем корабле; Ариадна, пробудившись ото сна, смотрит на него с отчаянием, в то время как маленький плачущий Купидон стоит рядом с ней. В той же квартире находятся еще две хорошо сохранившиеся картины, сюжеты которых объяснить непросто. На одном изображена самка, показывающая мужчине две маленькие фигурки в гнезде, изображающие, по-видимому, рождение диоскуров. Другой иногда называют "Похищением Елены". Вокруг также есть несколько головок-медальонов.

На небольшой улочке, которая проходит параллельно восточной стороне Форума и называется Вико ди Эвмахия, находится дом, названный *Casa nuova della Caccia*, чтобы отличать его от ранее обнаруженного дома с таким же названием. Как и в первом случае, его название происходит от большой картины на стене перистилия, изображающей медведей, львов и других животных. На правой стене таблинума изображен Вакх, открывающий Ариадну. Сатир приподнимает ее жилет, в то время как Силен и другие фигуры восхищенно смотрят на это. Картина на левой стене уничтожена. При входе в перистиль дверь справа ведет вниз по нескольким ступеням в сад, с одной стороны которого находится небольшой алтарь перед стеной, на которой изображены кустарники.

Переходя с этой улицы в Вико-Сторто, которая является ее продолжением на севере, мы находим справа недавно раскопанный дом, который из-за нескольких найденных на нем плит из разноцветного мрамора был назван Домом Торговца Мрамором. Под большим внутренним двором, окруженным дорическими колоннами, находятся несколько подземных помещений, в одном из которых был обнаружен колодец глубиной более восьмидесяти футов, все еще снабжаемый пресной водой; почти единственный экземпляр подобного рода в Помпеях. В этом доме была найдена уже описанная прекрасная статуэтка Силены. Здесь также были сделаны редкие находки скелетов двух лошадей с останками *биги*.

Это описание можно было бы расширить, но было бы утомительно повторять подробности о более мелких и менее интересных домах, черты которых в целом представляют собой большое единообразие; и поэтому мы завершим этот отчет о более недавних открытиях упоминанием о группе тел, найденных по соседству, формы которых сохранились до наших дней благодаря изобретательности синьора Фиорелли.

Уже отмечалось, что за ливнями из *лапильо*, или пемзы, которыми были завалены и погребены Помпеи, последовали потоки густой, вязкой грязи, которая, растекаясь по отложениям *лапильо* и заполняя все щели, в которые это вещество не смогло проникнуть, завершила разрушение города. Предметы, по которым текла эта грязь, были окутаны ею, как в гипсовой форме, и там, где этими предметами оказывались человеческие тела, после их разложения оставалась полость, в которой их формы сохранялись и передавались так же точно, как в форме, подготовленной для отливки бронзовой статуи. Такие полости наблюдались часто. В некоторых из них остатки обугленного дерева, сопровождаемые бронзовыми или другими украшениями, указывали на то, что вложенный в них предмет был предметом мебели; в то время как в других остатки костей и предметов одежды слишком ясно указывали на то, что дупло было живой могилой, поглотившей какое-то несчастное человеческое существо. В один счастливый момент синьору Фиорелли пришла в голову идея заполнить эти полости жидким гипсом и таким образом получить слепок с предметов, которые были в них вложены. Впервые эксперимент был проведен на небольшой улочке, ведущей от Виа дель Бальконе Пензиле к Форуму. Найденные здесь тела находились на *лапильо* на высоте около пятнадцати футов от уровня земли.

"Среди первых полученных таким образом слепков были слепки четырех человеческих существ. Сейчас они хранятся в комнате в Помпеях, и более ужасные и болезненные, но в то же время глубоко интересные и трогательные предметы трудно себе представить. Перед нами вылепленная и отлитая сама смерть — самая последняя борьба и последняя агония, предстающая перед нами. Они рассказывают свою историю с ужасной драматической правдой, до которой не смог бы дотянуться ни один скульптор. Они стали бы захватывающим эпизодом для опытного автора "Последних дней Помпеи".

"Эти четыре человека погибли на улице. Они оставались в укрытии своих домов до тех пор, пока густая черная грязь не начала заползать во все щели. Изгнанные из своего убежища, они бросились бежать, когда было уже слишком поздно. Улицы уже были глубоко занесены рыхлой пемзой, которая падала в течение многих часов непрекращающимися ливнями и которая доходила почти до окон первого этажа. Эти жертвы извержения не были найдены вместе, и они, по-видимому, не принадлежали к одной семье или домашнему хозяйству. Самый интересный из слепков - это две женщины, вероятно, мать и дочь, лежащие нога в ногу. Судя по их одежде, они были людьми бедного положения. Старшая, кажется, спокойно лежит на боку. Пораженная ядовитыми газами, она, вероятно, упала и умерла без борьбы. Ее конечности вытянуты, а левая рука свободно свисает. На одном пальце до сих пор виднеется ее грубое железное кольцо. Ее дочерью была пятнадцатилетняя девочка; похоже, она, бедняжка, упорно боролась за жизнь. Ее ножки судорожно поджаты, маленькие ручки стиснуты в агонии. В одной она держит свою вуаль или часть своего платья, которым она прикрыла голову, закрыв лицо руками, чтобы защититься от падающего пепла и вонючего сернистого дыма. Форма ее головы прекрасно сохранилась. Можно проследить фактуру ее одежды из грубого льна и даже фасон платья с длинными рукавами, достигающими до запястий; кое-где оно порвано, и гладкая молодая кожа проступает сквозь штукатурку, как полированный мрамор. На ее крошечных ножках до сих пор можно увидеть вышитые сандалии.

ОБНАРУЖЕННОЕ ТЕЛО В ПОМПЕЯХ.

На некотором расстоянии от этой группы лежала третья женщина. На вид ей было около двадцати пяти лет, и она принадлежала к более высокому классу, чем две другие. На одном из ее пальцев было два серебряных кольца, а одежда была более тонкой. До сих пор можно различить ее льняной головной убор, ниспадающий на плечи, как у матроны с римской статуи. Она упала на бок, пораженная жаром и газами, но, по-видимому, ее последней агонии предшествовала ужасная борьба. Одна рука поднята в отчаянии; кисти судорожно сжаты; ее одежда сбилась набок, оставляя открытой конечность красивой формы. Мягкая и податливая глина придала ему настолько совершенную форму, что кажется, будто слепок

сделан с изысканного произведения греческого искусства. Она сбежала со своим маленьким сокровищем, которое было разбросано вокруг нее — двумя серебряными кубками, несколькими драгоценностями и несколькими дюжинами серебряных монет; и при этом она, как хорошая хозяйка, не забыла ключи, вероятно, заперев свои припасы перед попыткой побега. Они были найдены рядом с ней.

"Четвертый актерский состав - это человек из народа, возможно, простой солдат. Как видно на разрезе, он почти колоссальных размеров; он лежит на левой руке, вытянутой вдоль тела, его голова покоится на правой руке, а ноги вытянуты вверх, как будто, поняв, что спастись невозможно, он лег навстречу смерти как храбрый человек. Его одежда состоит из короткого плаща или куртки и облегающих бриджей из какой-то грубой материи, возможно, кожи. На одном пальце виднеется железное кольцо. Черты его лица резко выражены, рот открыт, как при смерти. Часть зубов все еще сохранилась, и даже часть усов прилипла к пластырю.

"Важность открытия синьора Фиорелли можно понять из результатов, которые мы описали. Это может сообщить нам много любопытных подробностей о одежде и домашних привычках римлян, а также о многих интересных эпизодах последнего дня Помпеи. Если бы это было сделано в более ранний период, мы, возможно, обладали бы совершенным слепком Диомеда, когда они держались вместе в своей последней битве, и других жертв, чьи останки сейчас смешаны вместе в хранилище костей ".

Дом Диомеда.

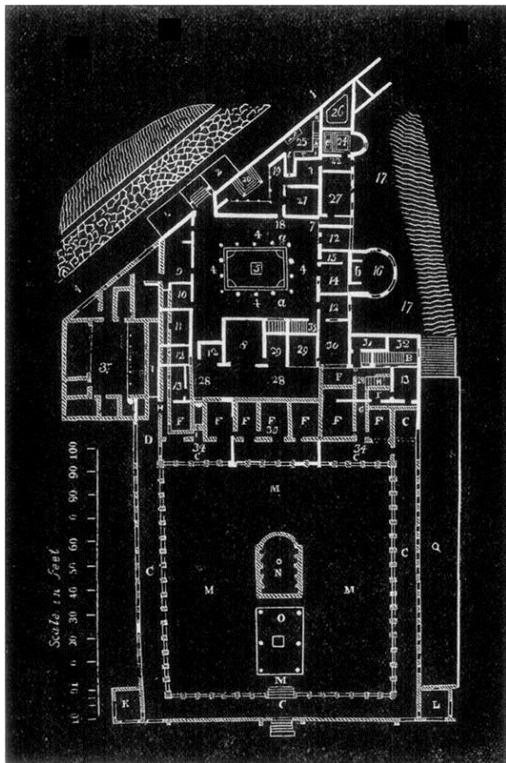
Содержание

Этот дом, самый интересный и, безусловно, самый обширный из обнаруженных на сегодняшний день частных построек, является Пригородной виллой, как его называют из-за его расположения немного поодаль от ворот, на улице Гробниц, которая вела в пригород под названием Август Феликс или составляла его часть. Стоит отметить, что план этого здания находится в тесном соответствии с описаниями загородных домов, данными нам Витрувием и другими — обстоятельство, которое сильно подтверждает уже высказанное мнение о том, что дома в городе построены по римской системе планировки, хотя в их убранстве может преобладать греческий вкус. Мы начнем с извлечения наиболее важных отрывков из описания Плинием Младшим его виллы в Лаурентине, чтобы читатель мог составить некоторое общее представление о предмете, некоторый стандарт, с которым можно сравнить то, что мы собираемся описать.

"Моя вилла достаточно велика для удобства, хотя и не великолепна. Первая квартира, которая предстает перед нами, - это простой, но не заурядный атриум; затем идет портик в форме буквы О, который окружает небольшую, но приятную зону. Это отличное убежище в плохую погоду, защищенное застекленными окнами и, что еще более эффективно, нависающей крышей. Напротив центра этого портика находится приятный каведиум, за которым начинается красивый триклиний, который выступает на пляж, так что, когда юго-западный ветер подгоняет море, последние разбитые волны просто разбиваются о его стены. По обе стороны этой комнаты расположены складные двери или окна одинаковой величины, так что с трех сторон открывается вид как бы на три моря сразу, в то время как в обратном направлении взгляд блуждает по уже описанным помещениям, каведиуму, портику и атриуму, к лесам и далеким горам. Слева находятся несколько апартаментов, включая спальню и комнату, оборудованную под библиотеку, которая имеет эллиптическую форму и

благодаря нескольким окнам пропускает солнечные лучи на протяжении всего пути. Эти покои я превращаю в свою зимнюю обитель. Остальная часть дома отведена моим рабам и вольноотпущенникам, но по большей части она достаточно опрятна, чтобы принимать моих друзей. Справа от триклиния находится очень элегантная комната и еще одна, которую вы можете назвать либо очень большой комнатой (*cubiculum*), либо столовой средних размеров (*coenatio*), откуда открывается прекрасный вид на солнце и море. Пройдя отсюда через три или четыре другие камеры, вы попадаете в *cella frigidaria* бань, в которых есть два бассейна, выступающих из противоположных стен, достаточно больших, чтобы в них можно было поплавать, если у вас возникнет желание сделать это в первую очередь. Затем идут комната помазания, гипокауст, или печь, и две небольшие комнаты; далее - теплая ванна, из которой открывается восхитительный вид на море. Неподалеку находится *сферистерий*, комната, предназначенная для домашних упражнений и игр, открытая для самого жаркого солнца уходящего дня. Рядом с ним находится триклиний, откуда слышен шум моря только во время шторма, да и то еле слышно, с видом на сад и *gestatio*, или место для подышать воздухом в карете или носилках, которые окружают его. Кустарник окружен живой изгородью из самшита и розмарина там, где самшита не хватает; самшит хорошо растет там, где его защищают здания, но засыхает, когда находится на открытом месте под воздействием ветра, и особенно в пределах досягаемости морских брызг. К внутреннему кругу гестацио примыкает тенистая аллея из виноградных лоз, мягкая и нежная даже для голых ног. В саду много шелковицы и инжира, почва особенно подходит для первых. Внутри комплекса *gestatio* также есть криптопортико, по площади сравнимое с общественными зданиями, с окнами, выходящими с одной стороны на море, с другой - в сад. Перед ним находится ксист, благоухающий фиалками, где солнечное тепло усиливается отражением от криптопортика, который в то же время смягчает северо-восточный ветер. По обе стороны от него расположены анфилады апартаментов, в которых, по правде говоря, я вижу свою главную радость".¹⁴ Такова была одна из нескольких вилл, описанных Плинием. Указания Витрувия по строительству загородных домов очень кратки. "В загородных домах, - говорит он, - должны соблюдаться те же принципы, что и в городских, за исключением того, что в последних атриум находится рядом с дверью, но в псевдогородских домах сначала идут перистили, затем атриумы, окруженные мощеными портиками, выходящими на площадки для гимнастических упражнений и прогулок" (*палестры и амбулатории*).¹⁵ Будет казаться, что распределение Загородной виллы было полностью в соответствии с этими правилами.

Дом построен на склоне холма таким образом, что земля понижается не только по линии улицы, по всей ширине дома, но и от фасада к задней части, так что, поскольку сам дверной проем возвышается на пять-шесть футов над проезжей частью, в задней части дома есть место для обширной и великолепной анфилады комнат между уровнем перистилиа и поверхностью земли. Эти два уровня представлены на одном плане, отличаясь разницей в оттенках. Более темные части показывают стены верхнего этажа, более светлые - распределение нижнего. Еще одно различие делается в ссылках, которые цифрами относятся к верхнему этажу, а буквами - к нижнему. Кроме того, имеются подземные своды и галереи, не обозначенные на плане.

ПЛАН ЗАСТРОЙКИ ЗАГОРОДНОЙ ВИЛЛЫ ДИОМЕДА.

1. Широкая пешеходная дорожка, приподнятая на девять дюймов или фут над проезжей частью для карет, тянущаяся по всей длине Улицы Гробниц. 2. Наклонные плоскости, ведущие к крыльцу с каждой стороны. 3. Вход. 4. Перистиль. Это расположение в точности соответствует только что процитированным указаниям Витрувия относительно строительства загородных домов. Порядок перистилия чрезвычайно элегантен. Колонны, их капители и антаблементы, а также картины на стенах все еще в хорошей сохранности. Архитектурные украшения выполнены лепниной; и Мазуа отмечает, что и здесь, и в других случаях художник позволил себе вольности, которым он не позволил бы, если бы работал с более ценными материалами. На этом основании этот выдающийся архитектор рискует высказать предположение, что у штукатурки был особый стиль орнаментации, отличный от стиля архитекторов или каменщиков, работавших у них. Нижняя треть колонн, которая не рифленая, окрашена в красный цвет. Тротуар был сформирован из *opus Signinum*. 5. Открытый двор с имплювием, который собирал дождевую воду и подавал ее в цистерну, откуда удовлетворялись обычные бытовые потребности. 6. Нисходящая лестница, которая вела во двор и здание на более низком уровне, предназначенное для служебных помещений, таких как кухня, пекарня и т.д., а также для использования рабами. Следует помнить, что земля имеет быстрый спуск в сторону от городских ворот. Следовательно, этот нижний этаж находился не под землей, хотя и находился примерно на восемь футов ниже уровня перистилия. Он сообщается с дорогой через заднюю дверь. От подножия лестницы начинается длинный коридор А, несколько расплывчатый на нашем небольшом плане из-за того, что его несколько раз пересекают линии верхнего этажа, который ведет вниз по пологому склону к портику, окружающему сад. Это была задняя лестница, как мы бы ее назвали, по которой слуги общались с этой частью дома. На противоположной стороне дома была еще одна лестница, В, предназначенная для семьи. 7. Дверь и проход в верхний сад, обозначенный 17, на том же уровне, что и корт. 8. Открытый зал, соответствующий по положению таблинуму. Располагаясь таким образом между двором и галереей, 28, она, должно быть, была закрыта складными деревянными дверями, которые, возможно, были

застеклены. 9, 10, 11, 12. Различные комнаты, не содержащие ничего примечательного. 13. Две комнаты, самым приятным образом расположенные на двух концах длинной галереи, 28 и выходящие окнами на верхние террасы сада, с которых открывался вид на весь Неаполитанский залив до мыса Сорренто и острова Капре. 14. Процессия, или прихожая. 15. Ложе рабыни-каморки, или служанки при спальне. 16. Спальня, вероятно, хозяина или же парадные покои. б. Альков. Здесь было найдено несколько колец, которые, очевидно, принадлежали занавеске, закрывавшей ее переднюю часть. с. Пустотелая подставка или прилавок из каменной кладки, вероятно, покрытая штукатуркой или мрамором, служившая туалетным столиком. Там было найдено несколько ваз, в которых, должно быть, содержались духи или косметические масла. Форма этой спальни очень примечательна и не преминет поразить читателя своим точным соответствием эллиптической комнате или библиотеке, описанной Плинием на его вилле в лаурентийском стиле. Окна в полукруглом торце расположены таким образом, что в них попадает восходящее, полуденное и заходящее солнце. "Бычьи глаза", расположенные над окнами, позволяли полностью закрывать их, не затемняя комнату полностью. Эти окна выходили в сад, где во времена Мазуа заботливый опекун посадил розы, что почти убедило его в том, что он нашел подлинный продукт помпейского сада. Должно быть, это была восхитительная комната, судя по ее просторным размерам, элегантности убранства и тихому жизнерадостному уединению обстановки.

17. Верхний сад на уровне двора.

18. Посещение бань, которые, хотя изначально были редкостью в частных домах, стали настолько обычным явлением задолго до разрушения Помпей, что мало кто из богатых людей обходился без них. Слово *balneum* обычно применялось к домашним, *thermæ* - к общественным баням. Этого образца, который, к счастью, был почти идеальным, каким бы маленьким он ни был, достаточно, чтобы дать представление об устройстве частных бань у римлян. 19. Портик с двух сторон небольшого треугольного дворика. В расположении этого двора столько же мастерства, сколько вкуса в убранстве, которое представляет собой симметричную планировку, несмотря на неправильную форму отведенного ему пространства. Его расположение соответствует совету Витрувия; и поскольку он не мог быть обращен фасадом на запад, его разместили южнее. Колонны портика восьмиугольные. В конце галереи, слева от входа, находится небольшая печь, в которой готовился какой-нибудь теплый напиток или тонизирующее средство для купальщиков, которые привыкли пить вино или настойки перед уходом. Здесь были найдены решетка и две сковороды, все еще почерневшие от дыма. В центре основания, или третьей стороны площадки, расположена ванна площадью 20 квадратных футов, около шести, облицованная штукатуркой, края которой облицованы мрамором. Он был покрыт крышей, следы которой до сих пор видны на стенах, поддерживаемой двумя колоннами, расположенными по выступающим углам. Отверстия в стенах, через которые проходят три основные балки, выполнены таким образом, что каждая сторона облицована одним кирпичом. Под этим покрытием вся стена была раскрашена так, чтобы изображать воду с плавающими рыбами и другими водными животными. Вода была голубой и довольно насыщенного цвета: рыбы были представлены в самых ярких и разнообразных оттенках. Несколько лет назад эта картина после увлажнения вернула себе первоначальную свежесть и яркость своего колорита; но воздействие непогоды сделало свое дело, и теперь от нее не осталось и следа. В середине его есть круглое разорванное пространство, к которому раньше была прикреплена маска, через которое ручей устремлялся в бассейн внизу. Две или три ступеньки вели вниз, в этот *баттистерий*, где на открытом воздухе принимались холодные ванны. Этот двор и портик были выложены мозаикой. 21. *Apodyterium*. 22. Фригидарий. 23. Тепидарий. Эти две комнаты, ни в одной из которых не было сосуда для купания, показывают, что часто помещения,

названные таким образом, предназначались не для купания, а просто для сохранения двух промежуточных градаций температуры, между обжигающим жаром кальдария или лаконика и открытым воздухом. На самом деле, в № 22 не было обнаружено никаких следов какого-либо приспособления для подачи или приема воды. Это была просто холодильная камера *cella frigidaria*. Маленькая комната, 23, также не была достаточно большой, чтобы удобно разместить сосуд для купания; но там были найдены деревянные сиденья для удобства тех, кто вышел из бани и пришел туда, чтобы пройти дисциплину стригиля и тщательный процесс очищения и помазания. Эта комната размером не более двенадцати на шесть футов: следовательно, ванна не могла быть рассчитана на прием более чем одного или, самое большее, двух человек одновременно. Здесь был окончательно решен важный вопрос относительно использования стеклянных окон древними. Эта квартира освещалась окном, закрытым подвижной деревянной рамой, которая, хотя и была превращена в древесный уголь, все еще содержала, когда ее нашли, четыре стекла площадью около шести квадратных дюймов. Более сложное и любопытное стеклянное окно было найдено в более поздний период в общественных банях. 24. Кальдарий. Однако его можно было использовать для удовольствия в качестве теплой или холодной ванны, когда погода была слишком холодной для купания на открытом воздухе. *Suspensura caldariorum*, как Витрувий называет полые стены и полы, возведенные на колоннах, удивительно хорошо сохранились. С их помощью вся квартира была полностью охвачена пламенем, и ее можно было легко нагреть до самой удушливой температуры.

Мы, однако, добавим, что Витрувий предписывает укладывать слой глины, смешанной с волосами, между столбами и мостовой; и можно предположить, что некоторые традиции этого обычая сохранились, поскольку гончары страны в некоторых случаях обрабатывают шерсть своей глиной - практика, неизвестная, как мы полагаем, нигде в гончарном искусстве. Пар от горения поднимался над потолком, не попадая в квартиру. Воздух и свет поступали через два окна, одно выше другого. В одном из них Мазуа нашел осколок стекла. Сосуд для купания, е, облицованный штукатуркой и облицованный снаружи мрамором, питался от двух кранов, которые, должно быть, были очень маленькими, судя по занимаемому ими пространству. Следовательно, горячая и холодная вода подавалась по желанию; стоило только наполнить сосуд кипятком, и вся квартира превращалась в одну огромную паровую баню.

Поскольку было бы трудно или невозможно поддерживать работу лампы или факела в таком густом пару, рядом с дверью имеется круглое отверстие, ранее закрытое стеклом, которое пропускало свет лампы, установленной в соседней камере. Гипокауст, или печь и устройство 25 для нагрева воды, расположены так, что их нельзя увидеть с треугольной площадки. Они маленькие, но соответствуют небольшому количеству кипящей воды, которое от них требовалось для приготовления. *например*, Каменный стол. *г*. Цистерна. *ч*. Устье гипокауста. *і*. Печь, вероятно, для кипячения воды, когда требовалась просто теплая ванна, без нагревания кальдариевой взвеси. Рядом с гипокаустом были установлены сосуды для горячей и холодной воды, как описано в главе о ваннах; их подставки были видны между устьем печи и буквой *к*. *l*. Деревянная лестница, которой больше не существует, вела в апартаменты наверху. 26. Водохранилище.

Таково было распределение этой ванны. Несколько картин и мозаик, достаточно заурядных, составляли его единственные украшения; и все же по тому немногому, что осталось, мы можем обнаружить, что хороший вкус, царивший повсюду, и свежесть красок, должно быть, придавали всему этому наиболее приятный эффект.

27. Эта комната, по-видимому, использовалась как гардероб, где многочисленные одежды богатых хозяев этого жилища хранились под прессом, чтобы придать им блеск. Эта гипотеза основана на остатках обожженных тканей, фрагментах шкафов и обугленных досок, найденных в ходе раскопок.

28. Большая галерея, освещенная окнами, выходящими на две террасы, 34, разделенные большим залом, 33. Эта галерея служила приятным местом для прогулок, когда погода не позволяла любоваться внешними портиками или террасами.

29, 29. Эти две небольшие комнаты, выходившие на галерею и, вероятно, закрытые стеклом, вполне могли быть библиотекой, другая - читальным залом, поскольку место, в котором хранились книги, обычно не было тем местом, где их читали; будучи маленькими и ограниченными, они подходили для сравнительно небольшого количества томов, которые обычно содержала древняя библиотека, а также для ограниченного пространства, в пределах которого можно было разместить значительное количество свитков папируса.

Бюст, нарисованный на стене одного из них, подтверждает это предположение, поскольку известно, что древние любили держать портреты выдающихся людей перед глазами и особенно размещать портреты литераторов в своих библиотеках.

30. Форма этого зала подходит для триклиния, а его расположение, защищенное от непосредственного действия солнечных лучей, по-видимому, указывает на то, что это летний триклиний. Тем не менее, гости наслаждались видом на сельскую местность и море через дверь, выходящую на террасу. Перед маленькой комнатой 31 находится квадратное отверстие для лестницы, которая спускается к точке В этаже ниже. Следует отметить, что у входа в каждую часть здания есть домик для раба. Несомненно, у каждой анфилады комнат был свой особый смотритель. Комната, 10, по-видимому, была зарезервирована для смотрителя перистилля; квартира, 15, принадлежала рабу из спальни, который наблюдал за апартаментами своего хозяина; ниша под лестницей, 35, была, без сомнения, местом атриенса, или служителя атриума, когда зал, 8, был открыт, чтобы давать доступ внутрь дома; и когда этот зал был закрыт, он присутствовал в комнате, 12, которая контролировала вход через проход, или краны.

Наконец, маленькая сторожка, 31, расположена таким образом, чтобы следить за всеми коммуникациями между верхним этажом, где находится перистиль, и нижним этажом, в котором, по-видимому, в основном располагались апартаменты семьи.

32. Квартира, полностью разрушенная, которой трудно присвоить название.

33. Крупный цизиценокус, примерно тридцать шесть футов на двадцать шесть. Все окна этой квартиры открывались почти до уровня пола и открывали вид на сад, украшавшие его террасы и шпалеры, а также на обширную и красивую перспективу в сторону моря и Везувия.

34. Большие террасы, возможно, ранее покрытые решетками, которые сообщаются с террасами над галереей, окружающей сад.

35. Лестница, ведущая на верхний этаж, на котором, возможно, находился гинекей или анфилада апартаментов, принадлежащих женщинам. Однако столь уединенная обстановка не всегда соответствовала вкусу римских дам.

Корнелиус Непот говорит, что "они занимают по большей части первый этаж в передней части дома". Мазуа долгое время был под впечатлением от идеи, что здесь, должно быть, был верхний этаж, но долгое время он не мог найти лестницу.

Наконец он обнаружил в этом месте отметины на штукатурке, которые не оставили у него сомнений в том, что она когда-то существовала здесь, хотя, будучи деревянной, исчезла вместе с другими деревянными элементами. Он определил наклон и высоту ступеней и обнаружил, что они были высокими и узкими, как те каменные лестницы, которые все еще существуют в том же доме.

36. Нечто вроде вестибюля у входа в здание, предназначенного для офисов. В этом нижнем дворе, вероятно, находилась кухня.

37. Пекарня, помещения для низших рабов, конюшни и другие принадлежности. Они отделены от главного здания мезолоном, или небольшим внутренним двориком, чтобы уменьшить опасность в случае пожара на кухне или в пекарне. С уровня улицы на уровень сада вели два пути сообщения: с одной стороны - коридор А, А, предназначенный в основном для прислуги, с другой - лестница В, С, С, С, С, Портик вокруг сада.

Сторона под домом и та, что справа от плана, прекрасно сохранились, но было сочтено необходимым поддержать террасу с этой стороны, вставив современные колонны между каждой из старых, и построить две массивные опоры под террасой, на которой расположен большой кизицинский зал. Этот портик был изящно украшен. Если мы можем судить о целом по части, приведенной Мазуа, то внутренний антаблемент был украшен легкой лепниной и бегущими узорами, а над каждой колонной была небольшая картинка. На его тарелке изображен лебедь, улетающий со змеей. Колонны были квадратными, нижняя часть расписана цветами, растущими из шпалер, по-видимому, очень тонкой работы. Роспись в том же стиле выполнена во дворе бань. Потолок портика под террасой по своей конструкции является одним из самых любопытных образцов древнего строительства, дошедших до нашего времени. Это плоская поверхность каменной кладки, подвешенная в воздухе, поддерживаемая не по принципу арки и не с помощью железных скоб, а исключительно благодаря сцеплению строительного раствора, которым она цементируется. Он разделен на отсеки фальшбалками (кессонами) той же конструкции. Все это отличается замечательной прочностью. D. Открытый зал в конце западного портика. E. Фонтан, питаемый, возможно, водой из цистерны. Раньше на террасе, 34, был колодец, через который можно было черпать воду из резервуара этого фонтана, но он был стерт, когда площадь террасы была восстановлена. Ф, Ф, Ф. Разные палаты, залы, триклиний, в котором на полу были обнаружены остатки ковра, и другие помещения, которым трудно присвоить какое-либо конкретное назначение. Все они украшены в самой элегантной и утонченной манере, но их картины спешат разрушаться с быстротой, на которую тяжело смотреть. К счастью, Неаполитанская академия опубликовала сборник подробностей, в котором выгравирована большая часть фресок этой виллы. G. Проход, ведущий по лестнице В на верхний этаж, а по лестнице Н - в подземные галереи. На другой стороне портика есть похожая лестница, Н.

Эти галереи образуют склеп под портиком, освещаемый и проветриваемый через отверстия-петли на уровне земли. Амфоры, поставленные в песок у стены, все еще можно увидеть там, и по этой причине было высказано предположение, что склеп служил погребом; но даже этот склеп был грубо выкрашен. I. Месаулон, или двор, отделяющий служебные помещения от дома. K. Маленькая комната в конце сада. L. Оратория; ниша служила для маленькой статуи. M. Xystus, или сад. N. Piscina, с *garam*. O. Ограждение, закрытое решеткой. P. Дверь в сельскую местность и к морю. В. Эта ограда шириной около пятнадцати футов, по-видимому, была покрыта решеткой, и, должно быть, ее часто посещали, поскольку из верхнего сада к ней ведет величественная лестница. Он выходил окнами на юг и, должно быть, представлял собой восхитительную зимнюю набережную.

Арка слева - это конец открытого зала D над портиком; по бокам расположены террасы 34, 34, а в центре - остатки кизицинского зала. Внизу, на уровне портика, находятся несколько комнат, помеченных буквой F, вероятно, главного летнего жилища семьи, поскольку они хорошо приспособлены для этой цели благодаря своей освежающей прохладе. Их потолки по большей части представляют собой полукруглые своды, богато расписанные и тем более ценные, что до наших дней сохранилось всего несколько потолков. Тщетно было бы пытаться описать сложные сюжеты, замысловатые и разнообразные узоры, которыми богатая фантазия арабесковедов украсила стены и потолки, без помощи рисунков, которые мы не в состоянии передать; и, действительно, потребовались бы цветные пластины, чтобы передать адекватное представление об их эффекте. В великолепном труде о Помпеях, опубликованном мистером Дональдсоном, можно найти несколько сюжетов, взятых из этих комнат, некоторые из них цветные, а также восемь мозаик, некоторые очень сложные, все с элегантным рисунком; и к этой и подобным работам мы должны отнести дальнейшее удовлетворение любопытства читателя.

Таков был этот особняк, которым, без сомнения, владелец гордился и получал удовольствие, судя по расходам, расточаемым нещадной рукой на его убранство; и если бы можно было предположить, что он хоть немного осведомлен о том, что сейчас происходит на земле, его тщеславие могло бы найти некоторое утешение в том, что он был преждевременно лишен его, в посмертной известности, которую он приобрел. Но его вкус и богатство ничего не сделали для увековечения его имени, поскольку не осталось ни следа, который мог бы указать, какому человеку или какой семье оно принадлежало. Действительно, обычно ее называют Виллой Марка Ария Диомеда из-за обнаруженной примерно в тот же период непосредственно напротив нее гробницы, носящей это название. В то время так близко от него не было обнаружено никакой другой гробницы, и на основании этого совпадения обстоятельств был сделан вывод, что это, должно быть, семейная усыпальница, пристроенная к дому, и, как следствие, что сам дом принадлежал Диомеду. Гипотеза с самого начала основывалась лишь на песчаном фундаменте, который впоследствии был полностью разрушен открытием множества других гробниц, расположенных почти так же близко. Все, что мы знаем о владельце или его семье, может быть заключено в одном предложении, которое, каким бы коротким оно ни было, убедительно выражает наши чувства. Их жизнь была полна элегантной роскоши и наслаждений, посреди которых смерть застала их врасплох, смерть в необычных и затяжных мучениях.

Когда Везувий впервые показал признаки надвигающейся бури, воздух был спокоен, как мы узнаем из описания Плиния, и дым от горы поднимался вертикально вверх, пока атмосфера не перестала его поднимать, а затем распространился во все стороны кроной, наводя на мысль об огромной сосне. После этого с запада подул ветер, который был благоприятен для того, чтобы перенести Плиния из Мизена в Стабии, но помешал его возвращению. На следующее утро, вероятно, оно повернуло что-то к северу, когда, по словам Плиния младшего, облако, казалось, опустилось на землю, покрыло море и скрыло остров Капре от его взгляда. Дион Кассий утверждает, что пепел достиг Египта, и на самом деле линия, проведенная к юго-востоку от Везувия, проходила совсем рядом с Помпеями и перерезала Египет. Вероятно, именно в этот момент на Помпеи, на рассвете второго дня, обрушился самый сильный огненный град, и если кто-то из них так долго выживал в окружавшем их душном воздухе и раскаленной земле, то их страданиям, вероятно, в этот момент пришел конец. Вилла, о которой мы говорим, находилась как раз между городом и горой и, должно быть, испытала на себе первые и, если существовали степени нищеты, когда все погибли одинаково, наихудшие последствия этого страшного посещения. Такое посещение в наши дни внушает страх даже тем, кто толпится, чтобы посмотреть на извержение Везувия, как они

пришли бы в картинную галерею или оперу; насколько ужаснее, когда оно сопровождается уверенностью в надвигающейся смерти, тем, кто ни история, ни опыт не познакомили с самым ужасным явлением, представленным природой. В этот или, возможно, более ранний момент любовь к жизни оказалась слишком сильной для социальных привязанностей владельца дома. Он бежал, бросив на произвол судьбы многочисленную семью и молодую и красивую дочь, и направился со своим самым ценным имуществом в сопровождении всего лишь одного раба к морю, до которого так и не добрался живым. Его дочь, двое детей и другие члены его семьи и домочадцев искали защиты в подземных хранилищах, которые, благодаря уже хранившимся там кувшинам с вином и провизии, которую они принесли с собой, они, вероятно, считали достаточным убежищем от зла, о масштабах которого они не могли даже догадываться. Это была напрасная надежда; всех их по-разному ждала одна и та же участь. Прочные своды и узкие отверстия днем действительно защищали их от падающей золы; но жар, достаточный для обугливания древесины и испарения более тонкой части золы, не мог быть предотвращен такими средствами. Жизненно важный воздух превратился в сернистый пар, насыщенный горячей пылью. В своем отчаянии, тоскуя по чистому дыханию небес, они бросились к двери, уже заваленной обломками, и погибли в муках, на которых воображение неохотно останавливается.

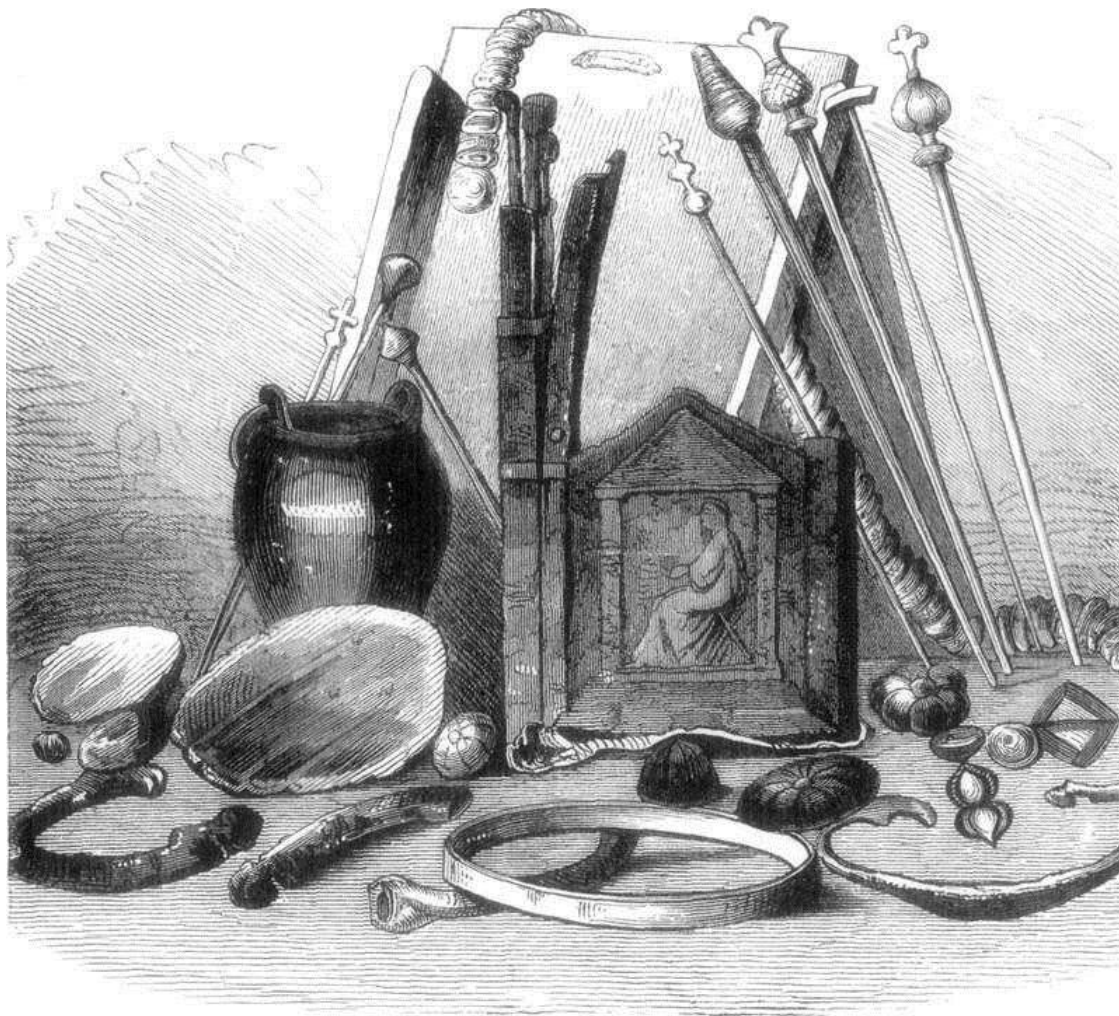
НАСТЕННАЯ РОСПИСЬ В ПОМПЕЯХ.

Читатель, вероятно, склонен будет подумать, что это могло бы очень хорошо подойти для завершения романа, но зачем выдумывать такие сентиментальные истории, чтобы фигурировать в серьезном историческом отчете? Это замечательный пример, возможно, самый сильный из всех, которые когда-либо имели место, особого интереса, которым обладают открытия в Помпеях, поскольку они знакомят нас с домами, более того, с самими личностями давно забытой эпохи, и каждое обстоятельство этого рассказа может быть подтверждено доказательствами, не слишком убедительными. Рядом с садовыми воротами, помеченными буквой "П", были найдены два скелета; один, предположительно хозяин, держал в руке ключ от этих ворот, а рядом с ним лежало около сотни золотых и серебряных

монет; другой, лежавший рядом с несколькими серебряными вазами, вероятно, был рабом, которому было поручено их перенести. Когда были обнаружены своды под комнатой D, у подножия лестницы H были обнаружены скелеты восемнадцати взрослых людей, мальчика и младенца, прижавшихся друг к другу и неподвижных в течение семнадцати столетий с тех пор, как они умерли. Они были покрыты несколькими футами чрезвычайно мелкого пепла, очевидно, медленно поступавшего через вентиляционные отверстия, а затем уплотнявшегося от сырости. Образовавшееся таким образом вещество напоминает песок, используемый литейщиками металла для отливки, но еще более тонкое и оставляет идеальные отпечатки на всем, на чем оно лежит. К сожалению, это свойство не было замечено почти слишком поздно, и мало что сохранилось, кроме шеи и груди девушки, которые, как говорят, обладают необычайной красотой форм. Впечатление настолько точное, что видна сама ткань платья, в которое она была одета, которое своей необычайной тонкостью явно указывает на то, что она не была рабыней, и может быть принято за тонкую ткань, которую Сенека называет сотканным ветром. На других фрагментах отчетливо видны следы драгоценных камней, которые носили на шее и руках, и это указывает на то, что здесь погибли несколько членов семьи. Рядом с ними были найдены сами драгоценности, в том числе два золотых ожерелья, одно из которых украшено голубыми камнями, и четыре кольца с выгравированными драгоценными камнями. Два скелета принадлежали детям, и часть их светлых волос все еще сохранилась; говорят, что большинство из них были признаны женскими. Каждый пол, вероятно, действовал в соответствии со своим характером: мужчины полагались на собственные силы, чтобы спастись, женщины терпеливо ждали исхода опасности, от которой их собственные усилия не могли их спасти.

В том же хранилище были найдены бронзовые канделябры и другие изделия, драгоценности и монеты. У стены были также найдены амфоры, в некоторых из которых все еще сохранилось высохшее и затвердевшее от времени содержимое. Археологи, как говорят, делают вид, что распознают в этом веществе вкус богатого крепкого вина, которым славятся окрестности Везувия.

Помимо внутреннего сада внутри портика, должно быть, был еще один сад, тянувшийся вдоль южной стороны дома. Проход из перистилия, 7, расположение эллиптической камеры, 16, и решетчатая конструкция, Q, с ее просторными ступенями, не оставляют сомнений на этот счет. В немецком периодическом издании было указано, что на полях, прилегающих к этой вилле, были обнаружены следы лемеха плуга. Это единственное основание, которым мы располагаем для предположения, что процесс раскопок вообще вышел за рамки самого дома. Сад на юге, насколько нам известно, все еще неубран, и маловероятно, что в нем есть объекты, представляющие достаточный интерес, чтобы компенсировать труд, затраченный на его вскрытие. Таким образом, наши ограниченные знания о древнем садоводстве вряд ли будут расширены благодаря Помпеям, поскольку такие маленькие цветочные горшки, которые прикреплены к домам в городе, не могут содержать ничего заслуживающего внимания, кроме фонтана или летнего триклиния.

ДОМАШНЯЯ УТВАРЬ.

Однако мы сделаем все возможное, чтобы дополнить представление читателя об итальянской вилле и показать, что могло бы быть, поскольку мы не можем показать, что было здесь, позаимствовав рассказ Плиния о саде, пристроенном к его тосканской вилле, единственный рассказ о римском саде, дошедший до нас.

"Перед домом раскинулся просторный ипподром, полностью открытый посередине, благодаря чему глаз при первом входе охватывает всю его протяженность одним взглядом. Со всех сторон он окружен платанами, увитыми плющом, так что, в то время как их головы цветут собственной зеленью, их тела наслаждаются зеленью, взятой взаймы; и таким образом, плющ, обвивающий ствол и ветви, перекидывается с дерева на дерево и соединяет их вместе. Между каждым платаном посажены самшиты, а за ними - лавровые деревья, тень которых сливается с тенью платанов. Эта плантация, образующая прямую границу по обе стороны ипподрома, изгибается на дальнем конце в полукруг, который, будучи окружен кипарисами, отбрасывает более глубокую и мрачную тень; в то время как внутренние кольцевые дорожки (их несколько), выходящие на открытое пространство, полны роз и дополняют прохладу тени солнечным теплом.

"Пройдя через эти несколько извилистых переулков, вы попадаете на прямую аллею, которая распадается на множество других, разделенных рамками. В одном месте у вас есть небольшой луг; в другом поле вырезано в тысяче различных форм, иногда в виде букв; здесь указано имя мастера, там - имя ремесленника; в то время как тут и там возвышаются

маленькие обелиски вперемежку с фруктовыми деревьями; как вдруг посреди этой элегантной регулярности вы удивлены имитацией небрежной красоты сельской природы, в центре которой находится пятно, окруженное группой карликовых платанов. За ним начинается аллея, перемежающаяся гладкими и вьющимися акантами, где деревья также подстрижены под самые разные названия и формы. В верхнем конце находится альков из белого мрамора, затененный виноградными лозами, поддерживаемый четырьмя небольшими колоннами из каристийского мрамора. Здесь находится триклиний, из которого вода, хлещущая по нескольким маленьким трубкам, как будто вытесняемая весом отдыхающих на нем людей, падает в каменный резервуар внизу, откуда поступает в прекрасный отполированный мраморный бассейн, выполненный так искусно, что он всегда полон, но никогда не переливается через край. Когда я ужинаю здесь, этот таз служит столом, блюда большего размера расставляются по краям, а те, что поменьше, плавают вокруг в виде маленьких сосудиков и водоплавающих птиц.

Этому соответствует фонтан, который непрерывно опорожняется и наполняется; ибо вода, которую он выбрасывает на большую высоту, падая обратно в него, возвращается так же быстро, как и поступает, посредством двух отверстий.

Напротив алькова стоит беседка из изысканного мрамора, двери которой выходят в зеленую ограду, а из верхних и нижних окон также открывается вид на разнообразную зелень. Рядом с ней находится маленький отдельный чулан, который, хотя и кажется отдельным, может быть вынесен в ту же комнату, обставленную кушеткой; и хотя в нем есть окна со всех сторон, все же в нем царит очень приятный полумрак благодаря раскидистой виноградной лозе, которая взбирается на самый верх и полностью затеняет его. Здесь вы можете лежать и воображать себя в лесу, с той лишь разницей, что вы не подвержены воздействию непогоды. В этом месте также бьет фонтан, который мгновенно исчезает. В разных помещениях расположены несколько мраморных скамеек, которые, как и беседка, служат множеством рельефов после того, как человек устанет ходить. Рядом с каждым местом находится маленький фонтан, и по всему ипподрому с журчанием бегут несколько маленьких ручейков, куда бы рука искусства ни сочла нужным направить их, орошая тут и там различные участки зелени и по мере своего продвижения освежая все вокруг".

Магазины и закусочные.

Содержание

Обращать внимание на все дома, раскопанные в Помпеях, было бы до крайности утомительно. Поэтому мы намереваемся просто выбрать некоторые из наиболее важных, подлежащих подробному описанию, расположение которых может служить, с вариациями в зависимости от места и обстоятельств, прообразом целого. Некоторые из них, не отличающиеся особой конструкцией, примечательны красотой своих картин или других украшений; и действительно, именно от картин на стенах многие дома получили свои названия. Некоторые из них также обозначены по мозаикам или надписям на пороге, по ремеслу, которым, очевидно, занимались владельцы, или по какой-то случайности, как присутствие выдающихся личностей при их раскопках - как, например, те, что называются Домом императора Иосифа II., дель Гран Дука, дельи Сьензиати и т.д. Поскольку целью этой работы является дать общее представление о руинах Помпей и показать, насколько позволят наши материалы, частную жизнь первого века во всех ее проявлениях, мы начнем с одного

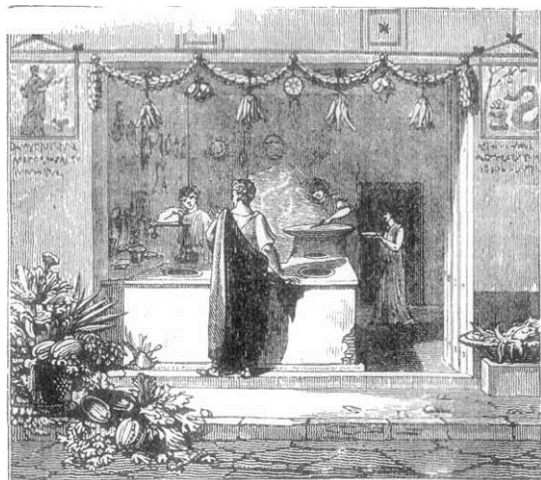
или двух хранилищ. Они представляют большое сходство в своем устройстве и указывают на то, что племя лавочников сильно уступало по богатству и комфорту племени нашего времени и нашей страны. По большей части они очень маленькие, а иногда и без каких-либо внутренних помещений на первом этаже. Верхний этаж, должно быть, состоял из одной или двух спален; но, как мы полагаем, существует только один дом, в котором есть верхний этаж.

В Помпеях редко можно увидеть целый дом, выделенный для торговых целей, часть которого занята самим магазином, а остальная обставлена комфортабельным жилищем для владельца. Дома более богатых классов, вместо того чтобы представлять собой красивое возвышение над улицей, обычно были окружены магазинами. Они приносили значительный доход.

Цицерон в письме Аттику говорит о плачевном состоянии, в которое пришли некоторые из его запасов, "настолько, что их покинули не только люди, но и мыши", и намекает на выгоду, которую он надеялся извлечь из этого, казалось бы, неблагоприятного обстоятельства. Некто Юлий Феликс владел девятьюстами складами, как мы узнаем из надписи в Помпеях.

На ночь весь фасад закрывался ставнями, которые вставлялись в пазы, вырезанные в притолоке и стене подвала перед прилавком, и дверью, которая откидывалась далеко назад, чтобы ее было почти не видно.

В самом дальнем от улицы конце прилавка находится духовка, и предполагается, что на трех ступеньках будут стоять различные сосуды или мерки для жидкостей. Судя по этим признакам, предполагается, что это была поварская лавка; возможно, для продажи как раздетых, так и переодетых продуктов, как указано на снимке. Печь, вероятно, служила для приготовления и поддержания постоянно горячими некоторых популярных блюд для обслуживания любого случайного посетителя; в банках могли храниться масло, оливки или рыбный маринад, называемый *гарум*, изделие высочайшей важности в римской кухне, изготовлением которого славились Помпеи. ¹⁶

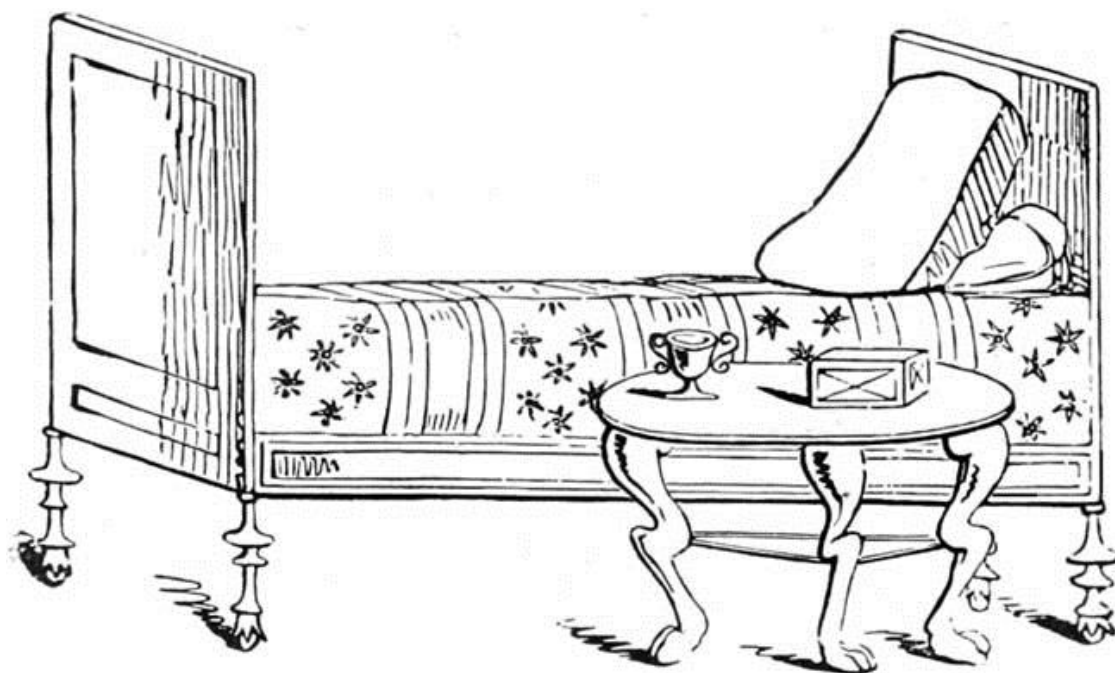
РЕСТОРАН. (Из настенной росписи.)

Стационарные сосуды кажутся неудобными для такого использования из-за сложности их очистки; но практика, как говорят, продолжается и по сей день в Риме, где мелкие лавочники хранят свое масло в похожих сосудах, закрепленных на каменном прилавке. Все орнаменты, представленные на выставке, скопированы с Помпей. Перед магазином, который находится напротив прохода, ведущего за малым театром к солдатским казармам, есть три ступеньки, позволяющие людям переходить дорогу, не замочив ног в плохую погоду.

В сочетании с видом на улицу мы показываем вид другого магазина, в котором также есть прилавок с банками для приема какого-либо жидкого товара. Некоторые называют его Термополиумом, или магазином по продаже горячих напитков, в то время как другие называют его маслбойней. Напротив находится фонтан. Он расположен на углу улицы, непосредственно примыкающей к Дому Пансы. Улица, идущая по левой стороне, ведет к воротам Геркуланума; правая, огибающая дом Пансы, заканчивается городскими стенами.

Следы колес хорошо заметны на асфальте. Интерьер был ярко расписан синими панелями с красными бордюрами, как мы узнаем из цветной картины мистера Дональдсона "Помпеи", из которой это взято. Стойка облицована мрамором. В Помпеях были обнаружены многочисленные термополиии, многие из них идентифицированы или предполагались идентифицированными по пятнам, оставленным на прилавках мокрыми стаканами.

КРОВАТЬ И СТОЛ В ПОМПЕЯХ. *(Из настенной живописи.)*

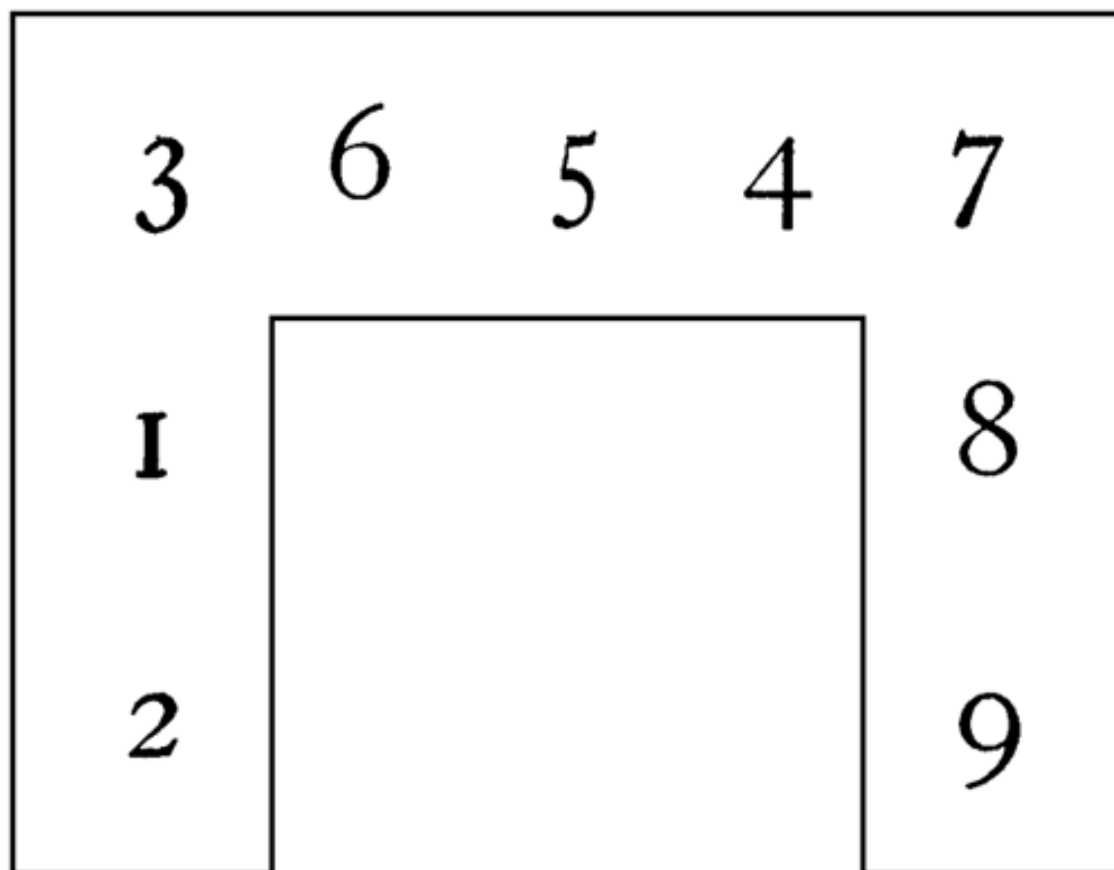
В центре находится небольшой алтарь, расположенный перед нишей, украшенной изображением какой-то богини, держащей в руках рог изобилия. Она отдыхает на кушетке, очень похожей на современную французскую кровать. Матрас белый в фиолетовую полоску с золотыми крапинками; подушка фиолетовая. Туника богини голубая, кровать, стол и рог изобилия золотые. Этот дом стоит прямо у ворот Геркуланума, рядом с широкой лестницей, ведущей на крепостной вал. Бонуччи предполагает, что он принадлежал офицеру, назначенному охранять ворота и стены.

Мы можем воспользоваться этой возможностью, чтобы описать природу и расположение триклиния, о котором так часто упоминалось. В прежние времена Рима мужчины сидели за столом — привычка полулежа пришла из Карфагена после Пунических войн. Сначала эти кровати были неуклюжей формы и покрыты матрасами, набитыми тростником или соломой. Матрасы из шерсти были завезены из Галлии в более поздний период, и вскоре за ними последовали подушки, набитые перьями. Сначала эти трехклинейные кровати были маленькими, низкими и круглыми и делались из дерева; впоследствии, во времена Августа, в моду вошли квадратные и богато украшенные кушетки. В правление Тиберия их начали облицовывать дорогим деревом или черепаховым панцирем и покрывать ценными

вышивками, самая богатая из которых была привезена из Вавилона и стоила невероятные суммы.

На каждом ложе сидело по три человека, и, собственно, все помещение состояло из трех лож, так что число сидящих за столом не превышало числа Муз, и у каждого человека было свое место в соответствии с его рангом и достоинством. Таким образом, были распределены места: 1. Хозяин. 2. Его жена. 3. Гость. 4. Консульское место, или почетное место. Это было самое удобное положение за столом, потому что тот, кто занимал его, опираясь на левую руку, мог легко правой дотянуться до любой части стола, не доставляя неудобств своим соседям. Поэтому он был отведен отдельно для персоны самого высокого ранга.. 5, 6, 7, 8, 9. Другие гости.

ПЛАН ТРИКЛИНИЯ.

Само угощение обычно состояло из трех блюд: первое состояло из свежих яиц, оливок, устриц, салата и других легких деликатесов; второе - из готовых блюд, рыбы и жареного мяса; третье - из выпечки, кондитерских изделий и фруктов. Замечательная картина, обнаруженная в Помпеях, дает любопытное представление о полноценном пиршестве. На ней изображен стол, накрытый со всем необходимым для грандиозного ужина. В центре находится большое блюдо, на котором помещены четыре павлина, по одному в каждом углу, образующих своими хвостами великолепный купол. Кругом лежат омары — один держит в клешнях голубое яйцо, второй - устрицу, третий - фаршированную крысу, четвертый - маленькую корзиночку, полную кузнечиков. Дно украшают четыре блюда с рыбой, над которыми расположились несколько куропаток, зайцев и белок, каждая из которых держит голову между лапами. Все это окружено чем-то, напоминающим немецкую колбасу; затем

идет ряд яичных желтков; затем ряд персиков, маленьких дынь и вишен; и, наконец, ряд овощей разных сортов. Все это покрывается каким-то зеленым соусом.

Другой дом, также относящийся к второстепенному классу, но превосходящий все до сих пор описанные, рекомендуется нашему вниманию красотой найденных картин. То, что владелец не был богат, очевидно по его ограниченной площади и помещению; все же у него было небольшое имущество, как мы можем заключить из магазина, примыкавшего к дому, в котором продавались такие сельскохозяйственные продукты, которые не требовались для использования семьей.

Раньше этот дом был украшен картинами, взятыми из "Одиссеи" и изящных произведений греческой мифологии. Когда Мазуа посетил его в 1812 году, две картины в атриуме все еще существовали, хотя и в очень запущенном состоянии. Вскоре после того, как он скопировал их, они упали из-за того, что штукатурка отклеилась от стены. Одна из них взята из "Одиссеи" и представляет Улисса и Цирцею в тот момент, когда герой, безнаказанно выпив зачарованную чашу, благодаря противоядию, данному ему Меркурием, обнажает свой меч и наступает, чтобы отомстить за своих товарищей.¹⁷ Богиня, охваченная ужасом, немедленно подчиняется, как описано Гомером, в то время как две ее служанки в тревоге разбегаются; однако одна из них, с естественным любопытством, не может устоять перед искушением оглянуться и понаблюдать за окончанием столь неожиданной сцены. Цирцея использует тот самый жест мольбы, который так часто описывают Гомер и трагики, когда она опускается на колени, протягивая одну руку, чтобы обхватить колени Улисса, а другой пытается коснуться его бороды.¹⁸ Эта картина примечательна тем, что показывает нам происхождение той уродливой и бессмысленной славы, которой часто окружены головы святых. Итальянцы позаимствовали его у греческих художников нижней империи, на картинах которых он обычно имеет вид, как мы полагаем, цельной золотой пластины. Сияние вокруг головы Цирцеи имеет тот же характер, внешняя часть или окружность четко очерчена, не затемнена и разбивается на лучи, как мы обычно видим это в итальянской школе. Это великолепие называлось нимбом, или ореолом, и Сервий определяет его как "свещающуюся жидкость, которая окружает головы богов". С особым почтением он принадлежит Цирцее, как дочери солнца. Императоры со свойственной им скромностью принимали его как знак своей божественности; и под этим почтенным покровительством оно перешло, подобно многим другим языческим суевериям и обычаям, в обиход церкви.

На другой картине изображен Ахилл на Скиросе, где Фетида спрятала его среди дочерей Ликомеда, чтобы предотвратить его участие в Троянской войне. Улисс обнаружил его, выставив на продажу оружие вперемешку с женскими безделушками в образе торговца. История хорошо известна. На картине изображен момент, когда молодой герой хватается за оружие. Дейдамия, кажется, не знает, что и думать об этом, и пытается удержать его, в то время как Улисс стоит позади, приложив палец к губам и внимательно наблюдая за всем происходящим.

ГОЛОВА ЦИРЦЕИ.

Дома Пансы и Саллюстия.

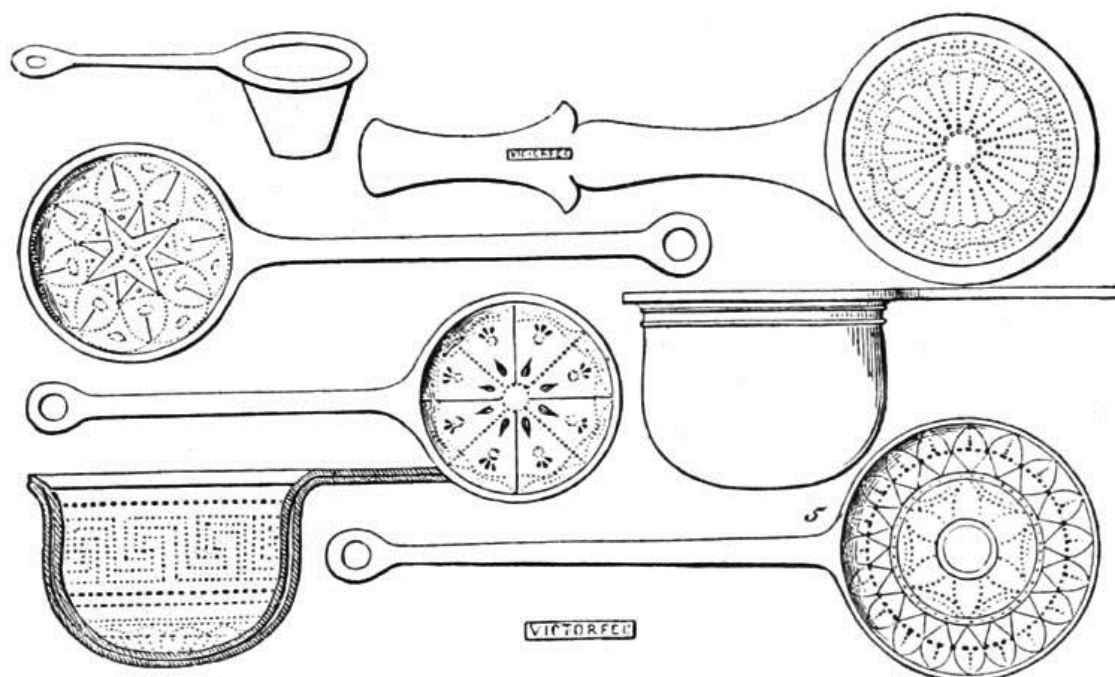
Содержание

Два отсека с пометкой "30" представляют собой дома очень низкого класса, в прошлом имевшие верхний этаж. За последним из них находится двор, который освещает одну из комнат дома Пансы. На другой стороне острова или квартала находятся три дома (32), небольших, но гораздо более респектабельных по размерам и удобству размещения, которые, вероятно, также предназначались для сдачи в аренду. В ближайшем саду были найдены скелеты четырех женщин с золотыми кольцами в ушах и на пальцах, украшенными гравированными камнями, помимо других ценных вещей; это показывает, что такие *инквиллини*, или жильцы, не всегда принадлежали к низшему классу.

Лучший вид на этот дом открывается с передней стороны дверного проема. Взору последовательно открываются дверной проем, протирум, атриум с его имплювием, ионический перистиль и стена сада с виднеющимся вдалеке Везувием. Вход украшен двумя пилястрами коринфского ордера. Помимо внешней двери, в конце протирума была еще одна, предназначенная для защиты атриума от слишком раннего вторжения. Последнее помещение было вымощено мрамором с небольшим уклоном в сторону имплювия. Через таблинум виден перистиль с двумя сохранившимися ионическими капителями. Колонн шестнадцать, они рифленые, за исключением примерно трети их высоты от основания. Они сделаны из вулканического камня и, вместе с капителями, отличаются хорошим исполнением. Но в какой-то период после возведения дома, вероятно, после землетрясения 63 г. н.э., их покрыли твердой штукатуркой, а под спиралями установили большие листья из того же материала, чтобы придать им вид псевдокоринфского, или составного, ордера. Не исключено, что исключительно итальянский заказ, который мы называем Композитным, мог возникнуть в результате аналогичного каприза. О расположении сада, занимавшего открытую часть перистиля, мы мало что можем сказать. Вероятно, он был засажен отборными цветами. Мраморные плиты были уложены под углами для отвода капель с крыши, которые по металлическим трубопроводам направлялись в центральный бассейн глубиной около шести футов, выкрашенный в зеленый цвет. В центре его стоял *jet d'eau*, о чем есть достаточно свидетельств. Это помещение, если его так можно назвать, было необычайно просторным, размером примерно шестьдесят пять футов на пятьдесят. Высота

колонн была равна ширине колоннады, около шестнадцати футов. Их незакрашенная часть окрашена в желтый цвет, остальная часть покрыта белой штукатуркой. Пол приподнят на две ступеньки над уровнем таблинума.

На кухне была найдена любопытная религиозная картина, ныне почти стершаяся, изображающая поклонение Ларам, под чьей защитой и попечительством находились провизия и вся кухонная утварь. В центре - жертвоприношение в честь этих божеств, которые представлены ниже в обычной форме двух огромных змей, нависающих над алтарем. В верхних фигурах есть нечто примечательное. Женская фигура в центре держит рог изобилия, а каждая из мужских фигур держит в руке, ближе к алтарю, маленькую вазу, а в другой - рог. Все лица совершенно черные, а головы мужских фигур окружены чем-то, напоминающим сияние. Их одежда в целом и особенно их ботинки, которые похожи на венгерские сапоги, которые сейчас носят на сцене, кажутся отличными от всего, что можно встретить в других местах. Предназначены ли эти рисунки для самих Ларов? На каждой стороне представлены разные виды съестных припасов. Слева - связка мелких птиц, связка рыбы, кабан с обхватом туловища и великолепно загнутым хвостом и несколько буханок, или, скорее, лепешек, точно таких же, какие были найдены в Помпеях; справа - угорь, нанизанный на проволоку, окорок, кабанья голова и кусок мяса, которое, поскольку здесь, по-видимому, было востребовано свиное мясо, мы можем предположить, что это свиная корейка; по крайней мере, оно так же похоже на это, как и все остальное. Он подвешен на тростинке, как это до сих пор делается в Риме. Исполнение этой картины в высшей степени грубо и небрежно, но в ней есть дух и свобода прикосновения, которые подчеркивают характер представленных объектов и запрещают нам приписывать проявленную небрежность неспособности. Еще одним предметом интереса на кухне является плита для приготовления тушеного мяса и подобных блюд, очень похожая на те угольные печи, которые сегодня можно увидеть на обширных кухнях. Перед ним лежат нож, ситечко и странного вида сковорода с четырьмя сферическими полостями, словно предназначенная для приготовления яиц. Был найден похожий, содержащий двадцать девять отверстий для яиц, круглый, около пятнадцати дюймов в диаметре, без ручки. Другой предмет кухонной мебели представляет собой что-то вроде плоского ковш с отверстиями, который, как говорят, относится к классу под названием *trua*. Очевидно, это предназначалось для перемешивания овощей и т. Д. Во время варки и процеживания из них воды.

КУХОННАЯ МЕБЕЛЬ В ПОМПЕЯХ.

Этот дом долгое время подвергался раскопкам, и, возможно, именно по этой причине, учитывая его масштабы и великолепие, упоминания о нем особенно скудны. Подробных описаний украшений нам не удалось раздобыть, хотя, как говорят, в нем было найдено несколько картин, и среди них одна, изображающая Данаю среди золотого дождя, заслуживает внимания. О саде мало что можно сказать, потому что мало что известно. Согласно лучшим признакам, которые Мазуа мог наблюдать, он состоял из ряда прямых параллельных грядок, разделенных узкими дорожками, которые давали доступ к ним для садоводческих целей, но без прогулок для подышания воздухом и физических упражнений, за исключением портика, примыкающего к дому.

Уступающий дому Пансы и некоторым другим по размерам, но не имеющий себе равных по элегантности убранства и по интересу, который он возбуждает, дом на улице, ведущей от Ворот Геркуланума к Форуму, называется одними Домом Актеона из-за найденной в нем картины; другими - Домом Кая Саллюстия. Он занимает самую южную часть острова, простирающегося до городских стен.

Примечательно, что архитекторы Помпей, по-видимому, по большей части были небрежны независимо от того, строили они на правильной или неправильной площади. Практика окружать жилище владельца лавками позволила им выгодно использовать стороны и углы любого участка земли, какой бы бесформенной он ни был. Таким образом, на другом плане квартиры жилых домов почти все правильной формы и прямоугольные, хотя ни один из четырех углов площади не является прямым.

Общий вид этого дома сделан с улицы напротив и проходит полностью до стены сада. Капитель одной из пилястр, обрамляющих дверной проем, до сих пор хорошо сохранилась. Он вырезан из серой лавы и изображает Силена и Фавна бок о бок, каждый из которых держит за один конец пустую кожаную бутылку, перекинутую через плечо. Украшения такого характера, которые нельзя отнести ни к одному из архитектурных ордоров, распространены в Помпеях и отнюдь не неприятны по своему эффекту, однако противоречат установленным принципам. Справа находится большое отверстие в вестибюле. В центре обзора находится

атриум, который легко узнать по имплювию, а за ним через таблинум видны колонны портика. За имплювием находится небольшой алтарь для поклонения Ларам. В центре бассейна раньше стояла бронзовая лань, через устье которой текла струя воды. На спине у него была изображена фигура Геркулеса.

Стены атриума и таблинума причудливо оштукатурены большими рельефными панелями с глубокими каналами между ними, панели окрашены в разные цвета, сильно контрастирующие друг с другом.

Мы находим среди них различные оттенки одного и того же цвета, несколько красных, например, как синопис, киноварь и другие. Такого рода убранство привело к тому, что некоторые люди называли это место домом продавца красок — предположение, полностью противоречащее роскоши и элегантности, которые царят в нем. Пол был из красного цемента с вкрапленными в него кусочками белого мрамора.

Алтарь в атриуме и маленькая молельня в левом крыле принадлежат к культу Ларов *домашних* или *фамильяров*, на что указывают картины, найденные в ложном дверном проеме, но сейчас снятые. Они состояли из змеи внизу и группы из четырех фигур вверху, использовавшихся для совершения жертвоприношения этим богам.

В центре стоит треножник, в который священник с покрытой головой наливает содержимое патеры. С каждой стороны по два молодых человека, одетых одинаково, по-видимому, в претексте; по крайней мере, их одежды белые, спереди по туникам проходит двойная красная полоса, а на плечи каждого наброшена красная драпировка. В одной руке каждый держит патеру; в другой каждый держит высоко коровий рог с отверстием на тонком конце, через который в патеру на значительном расстоянии бьет ручей. Это, хотя и неудобный, но, по-видимому, обычный сосуд для питья. Способ его использования уже был описан. На заднем плане изображен мужчина, играющий на двойной флейте.

Таким образом, поклонение Ларам было представлено публично, и их изображения были выставлены на всеобщее обозрение, чтобы у всех была возможность поприветствовать их и призвать процветание в дом. У знатных семей также было место домашнего богослужения (*адитум* или *пенетраль*) в самой уединенной части их особняков, где хранились их самые ценные записи и наследственные памятники.

Поклонение этим маленьким божествам (*Dii minuti*, или *patellarii*) было повсеместно популярно, отчасти, возможно, из-за своей экономичности, поскольку они, похоже, довольствовались всем, что попадалось под руку, отчасти, возможно, из-за своего рода чувства товарищества внутри них и по отношению к ним, подобного тому, которое связано с Брауни, Клурикаунами и другими домашними гоблинами северного происхождения.

Как и те гоблины, они иногда изображались в очень гротескных формах. Существует бронзовая фигура одного из них, найденная в Геркулануме и изображенная в "Древностях Геркуланума", лист XVII. vol. viii., который изображает маленького старичка, сидящего на земле, подтянув колени к подбородку, с огромной головой, ослиными ушами, длинной бородой и плутоватым лицом, что хорошо согласуется с нашим представлением о Домовом. Их статуи часто ставили за дверью, как обладающие силой защищать от всего вредного, особенно от злых гениев. При всем уважении к ним, они иногда подвергались грубому обращению, их били ногами, надевали наручники или без церемоний выбрасывали из окна, если из-за их пренебрежения происходил какой-нибудь несчастный случай. Иногда их изображали в виде собак, эмблем верности и бдительности, иногда, как их собратьев по большим дорогам (*Lares compitales*), в виде змей.

Предполагалось, что гении-покровители людей или мест, класс существ, тесно связанных с Ларами, проявляют себя в том же облике: как, например, считалось, что в Афинах священный змей нес вахту в храме Афины на Акрополе. Следовательно, изображения этих животных стали в некотором роде стражами места, в котором они были установлены, подобно изображениям святых в римско-католических странах, и нередко использовались, когда требовалось обезопасить какое-либо место от непочтительного обращения.

Из-за этих ассоциаций присутствие змей стало считаться хорошим предзнаменованием, и естественным следствием стало то, что их держали (разумеется, безвредных) в домах, где они устраивались вокруг алтарей и выходили наружу, как собаки или кошки, чтобы посетители их погладили и попросили чего-нибудь поесть. Более того, за столом, если мы можем отталкиваться от изолированных проходов, они расползались по чашкам гостей; и в жаркую погоду дамы использовали их как живых удавов и обвивали ими свои шеи ради прохлады.

Однако Мартиал, наш авторитет в этом вопросе, похоже, считает это странным вкусом. Таким образом, Вергилий в прекрасном отрывке, в котором он воспользовался божественной природой, приписываемой змеям, всего лишь описывает сцену, свидетелем которой он, возможно, часто был:

Едва успел он закончить, как с нескрываемой гордостью,
змея из гробницы начала выползать;
Его огромное тело на семи толстых томах перекатывалось;
Спина у него была синяя, но с золотыми чешуйками;
Так, верхом на своих кудрях, он, казалось, передавал
перекатывающийся огонь и опалял траву.
По его телу пробегает больше разнообразных красок,
Чем по Ирису, когда ее лук впитывает солнце.
Между возвышающимися алтарями и вокруг,
Перекатывающийся монстр пронесся по земле.
Безобидно играя среди мисок, мимо которых он проходил,
И, высунув язык, попробовал их на вкус;
Насытившись священной пищей, чудесный гость
В пустой гробнице удалился на покой.
Благочестивый принц, удивленный увиденным,
возобновил погребальные почести с еще большим рвением;
Сомневаюсь, что это был гений этого места,
Или хранитель гробницы его отца.

По рисункам, которые имеют заметное сходство друг с другом, мы можем предположить, что эти змеи были значительных размеров и принадлежали к одному и тому же виду, вероятно, к так называемому Эскулапу, который был привезен из Эпидавра в Рим для поклонения богу и, как нам сообщает Плиний, обычно употреблялся в пищу в римских домах. Эти священные животные вели войну с крысами и мышами и таким образом уничтожили один вид паразитов; но поскольку они вели заколдованную жизнь и никто не трогал их насильно, они размножались так быстро, что, подобно обезьянам Бенареса, стали невыносимой помехой. Частые пожары в Риме были единственным, что сдерживало их.

Пройдя через таблиум, мы входим в портик ксиса, или сада, небольшого по площади, но полного орнамента и красоты, хотя и не той красоты, которую нам внушает понятие сада. Он

не больше городского сада, объекта наших постоянных насмешек; и все же, в то время как последний украшен всего одним или двумя чахлыми тополями и несколькими кустами крыжовника, у которых шипов гораздо больше, чем листьев, первый элегантно украшен рукой искусства и выделен как любимое место праздничного веселья. Правда в том, что климат Италии лучше подходит для развлечений на свежем воздухе, чем наш, и что Помпеи не подвергались той напасти сажи, которая вскоре превращает мраморных богинь в трубочистов. Портик состоит из колонн, рифленых и шнуровых, нижняя часть которых окрашена в синий цвет, без пьедесталов, но приближается скорее к римскому, чем к греческому дорическому стилю. Антаблемент исчез. От портика мы поднимаемся по трем ступенькам к храму. Его небольшая протяженность, не превышающая в наибольших размерах семидесяти футов на двадцать, не позволяла сажать на нем деревья, вряд ли даже кустарники. Поэтому центр был занят тротуаром, а по обеим сторонам были расставлены ящики, наполненные землей, для цветов; в то время как, чтобы компенсировать недостаток настоящей зелени, вся стена напротив портика расписана шпалерами и фонтанами, из которых пьют птицы; а выше - зарослями, богатыми и украшенными многочисленными племенами их крылатых обитателей.

Самые интересные находки в Помпеях - это те, которые проливают свет на отрывки древних авторов или подтверждают их. Точно такой же стиль орнамента, по описанию Плиния Младшего, существовал на его тосканской вилле. "Другой кубикундл украшен скульптурным мрамором на высоту подиума, над которым находится картина, изображающая деревья и сидящих на них птиц, не уступающая по элегантности самому мрамору. Под ним небольшой фонтан, а в фонтане чаша, вокруг которой журчат несколько маленьких водопроводных трубок, издающих самое приятное журчание". В конце этого ответвления сада, имеющего форму буквы L, мы видим интересный памятник обычаям частной жизни. Это летний триклиний, в плане подобный тому, что упоминался в предыдущей главе, но гораздо более элегантно оформленный. Каменные кушетки предполагалось застелить матрасами и богатыми гобеленами, когда здесь должен был проходить пир: круглый стол в центре был из мрамора. Над ним была решетка, о чем свидетельствуют квадратные колонны спереди и отверстия в стенах, которые окружают две стороны триклиния. Эти стены элегантно расписаны панелями в преобладающем вкусе; но над панелями есть причудливый фриз, соответствующий назначению этого маленького павильона, состоящий из всевозможных яств, которые могут быть представлены на пиру. Когда Мазуа впервые увидел ее, краски были свежими и прекрасными; но когда он писал, по прошествии десяти лет, она уже пришла в упадок, и до сих пор, вероятно, исчезла, так скоропортящи все те красоты, которые нельзя защитить от суровой погоды, убрав их. Впереди со стены в бассейн стекает струя воды, на которой, наполовину нарисованный, наполовину рельефный, изображен имитирующий фонтан, увенчанный оленем. Между фонтаном и триклинием, на одной линии между двумя пилястрами, поддерживавшими решетку, находился небольшой алтарь, на который праздничная компания могла возливать полагающиеся возлияния. В другой части сада находится небольшая печь, вероятно, предназначенная для поддержания постоянной температуры воды для тех, кто предпочитает теплые напитки. Обычно римляне пили вино, смешанное со снегом и процеженное через ситечко, которых в Неаполитанском музее множество, с причудливыми узорами; но те, кто находился под наблюдением врачей, не всегда могли наслаждаться этой роскошью. Мартиал жалуется, что врач запретил ему пить холодное вино, и в заключение желает, чтобы у его завистников не было ничего, кроме теплой воды. На другом конце сада, напротив фасада триклиния, находился резервуар, в который собиралась дождевая вода, откуда ее отводили для использования в саду и доме. В конце портика, рядом с триклинием, также была цистерна.

Несколько комнат слева от атриума не представляют собой ничего примечательного. Однако справа, как станет очевидно при ознакомлении с планом, располагалась анфилада квартир, тщательно отделенных от остальной части дома и сообщающихся только с атриумом единственным проходом. Расположение и убранство этой части дома доказывают, что это был частный *velereum*, место, если и не посвященное богине, в честь которой оно получило свое название, то, по крайней мере, особо посвященное служению ей. При его обустройстве соблюдалась строжайшая конфиденциальность; ни одно здание не выходит окнами на него; единственный вход закрыт двумя дверями, обе из которых, как мы можем предположить, никогда не открывались одновременно; а рядом с ними находились апартаменты раба, в обязанности которого входило выполнять функции привратника и предотвращать вторжение. Пройдя вторую дверь, посетитель оказывался под портиком, поддерживаемым восьмиугольными колоннами, с двориком или открытой площадкой в центре, а посередине - небольшой бассейн. В каждом конце портика есть небольшие шкафы с соответствующими картинами: в одной из них бросается в глаза изображение Венеры, Марса и Купидона.

Покои были вымощены мрамором, а стены высотой по грудь обиты тем же материалом. В нише шкафа, ближайшего к триклинию, находились небольшое изображение, золотая ваза, золотая монета и двенадцать бронзовых медалей времен правления Веспасиана; а рядом с этим местом были найдены восемь маленьких бронзовых колонн, которые, по-видимому, составляли часть кровати.

В соседнем переулке были найдены четыре скелета, по-видимому, женщины в сопровождении трех рабынь; возможно, жильца этой элегантной квартиры. Рядом с ней лежала круглая серебряная тарелка, которая, вероятно, служила зеркалом, а также несколько золотых колец с гравированными камнями, две серьги и пять браслетов из того же металла.

В обоих кабинетах были застекленные окна, из которых открывался вид на двор и друг на друга; предполагается, что они были снабжены занавесками. На самом дворе нет следов мощения, и, следовательно, он, вероятно, служил садом.

Основа стены черная - цвет, удачно подобранный для того, чтобы наилучшим образом оттенить сомнительный цвет лица, в то время как его мрачный вид компенсируется обилием золотого орнамента в самом элегантном вкусе. Колонны были выкрашены в цвет, называемый *sinopis Ponticum*, разновидность красной охры блестящего оттенка. Почти всю стену двора между кабинетами занимает большая картина с изображением Актеона, от которой дом получил одно из своих названий; с обеих сторон ее обрамляют изображения статуй на высоком пьедестале. Центральная деталь имеет двойное действие. В одной части мы видим скалистый грот, в котором купалась Диана, когда наверху появился неосторожный охотник; в другой его разрывают собственные собаки - суровое наказание за непреднамеренное вторжение. Фон представляет собой дикий горный пейзаж. Расписной фриз и другие картины на стенах дополняют убранство портика.

Большая комната представляла собой триклиний для использования в этой части дома, где место для стола и кроватей, окружавших его с трех сторон, было отмечено мозаичным покрытием. Над левым портиком располагалась терраса. В помещении, помеченном как 36, находилась лестница, ведущая к нему, печь, вероятно, соединенная со службой триклиния, и другие удобства.

В центральной комнате находится вход в таблинум, который, вероятно, был отделен от атриума только занавесками (*parapetasmata*), которые можно было задерживать или раздвигать по своему усмотрению. Сквозь таблинум видны колонны перистиля и фонтан,

нарисованный на стене сада. Справа от таблинума находятся краны, а по обе стороны атриума видны аллеи, частично закрытые, как и таблинум, красивыми драпировками. Ближайшие двери принадлежат камерам, которые открываются в атриум. Над цветными рядами оштукатуренных блоков стены выкрашены в светлый, почти китайский архитектурный стиль, который так распространен, а место карниза занимает ряд живописных масок. Потолок богато украшен резьбой.

Комплювий также был украшен рядом треугольных плиток, называемых антефиксами, на которых рельефно была отлита маска или какой-либо другой предмет. Внизу вдоль карниза через равные промежутки расположены львиные головы, образующие носики, через которые вода сбрасывалась в имплювий внизу. Часть этого карниза, найденная в доме, о котором мы говорим, вполне заслуживает нашего внимания, поскольку содержит в себе образцы трех разных эпох искусства, в которые, мы должны предположить, дом был впервые построен, а затем отремонтирован.

Он сделан из тонкой глины, на нем вылеплена голова льва, хорошо спроектированная и тщательно отделанная. Таким образом, очевидно, что он не предназначался для оштукатуривания, иначе труд, затраченный на его выполнение, был бы в значительной степени потрачен впустую. В более поздний период он был покрыт тончайшей штукатуркой, и были добавлены дополнительные украшения и лепнина, но без ущерба для дизайна или ухудшения качества изготовления; это указывает на то, что на момент его выполнения первоначальная простота искусства уступила место более обогащенному и продуманному стилю орнамента, но без какого-либо заметного упадка, как во вкусе дизайнера, так и в мастерстве мастера.

Еще позже этот элегантный лепной карниз был покрыт третьим слоем из самых грубых материалов, а по дизайну и исполнению - самым варварским, если учесть, какую прекрасную модель имели перед глазами художники.

При реставрации имплювий окружен мозаичной каймой. Она исчезла, если когда-либо и была; но мозаики часто встречаются в этом месте, и поэтому, во всяком случае, допустимо разместить ее здесь, в доме, столь отличающемся богатством и элегантностью своего убранства.

Рядом с имплювием стояла машина, ныне находящаяся в Национальном музее, для нагрева воды и одновременно обогрева помещения, если требовалось. Верхняя круглая часть с открытой крышкой представляет собой резервуар, сообщающийся с полый полукруглой частью, имеющей носик для слива нагретой воды. Три орла, помещенные на нем, предназначены для поддержки чайника. В квадратном основании находился древесный уголь.

На предыдущих страницах мы без разбора взяли из всех кварталов города дома всех классов, от самых маленьких до самых великолепных, полагая, что это будет лучшим способом показать градации богатства и комфорта, различные стили жилья, принятые разными классами граждан, пропорционально их средствам. Было бы, однако, совершенно невозможно таким образом классифицировать все дома, в которых есть что-то достойное описания, и поэтому мы примем топографическую схему как самую простую, начиная от Ворот Геркуланума и продолжая в таком регулярном порядке, насколько позволят обстоятельства, через раскопанную часть города.

Большинство домов непосредственно у ворот, по-видимому, были небольшими гостиницами или харчевнями, которыми, вероятно, пользовались в основном сельские жители,

приезжавшие на рынок, или путешественники низшего разряда. Однако сразу справа от него, в начале улицы, называемой Виа Консуларис, или Домициана, находится жилище более высокого класса, получившее название "Дом музыканта" из-за изображений музыкальных инструментов, украшавших стены. Среди них были систрум, труба, двойная флейта и другие. На правой стороне улицы, однако, здания вскоре благоустраиваются, и в этом квартале расположены некоторые из самых замечательных по размерам и конструкции особняков, какие только могут быть в Помпеях. Частично они стоят на месте стен, которые были снесены на этой стороне, следующей за портом, с какой целью сказать не очень легко; не для того, чтобы освободить место для роста города, поскольку эти дома стоят на самом пределе доступной территории, будучи частично построенными на отвесной скале. Следовательно, помимо верхних этажей, которые погибли, каждый из них состоит из двух или трех этажей, расположенных один под другим, так что квартиры на соседней улице всегда находятся на самом высоком уровне. Те, кто знаком с метрополией Шотландии, легко вспомнят аналогичный способ строительства, который очень заметен на северной стороне Хай-стрит, где первый этаж иногда расположен примерно посередине дома.

Один из самых замечательных из этих домов состоит из трех этажей; первый, на уровне улицы, содержит общественную часть дома, вестибюль, атриум и таблинум, который выходит на просторную террасу. Рядом с ними находится перистиль и другие частные апартаменты, в задней части которых терраса, о которой мы только что говорили, предлагает приятную прогулку по всей ширине дома и образует крышу над просторными апартаментами на нижнем уровне, куда можно попасть либо по наклонному проходу с улицы, проходящему под атриумом, либо по лестнице, сообщающейся с перистилем. На этом этаже находятся ванны, триклиний, просторный салон и другие помещения, необходимые для личного пользования семьи. За этими комнатами находится еще одна терраса, с которой открывается вид на просторный двор, окруженный портиками, в центре которого находится piscina или резервуар. Колонны на стороне, примыкающей к дому, несколько выше, чем на трех других сторонах, чтобы придать террасе большую возвышенность. Под этим вторым этажом есть еще третий, частично подземный, в котором расположены еще одни бани и, помимо помещений для других целей, жилье рабов. Она была разделена на маленькие камеры, едва ли в рост человека, темные и сырые; и мы не можем войти в нее без живого ощущения того жалкого состояния, до которого были доведены эти существа.

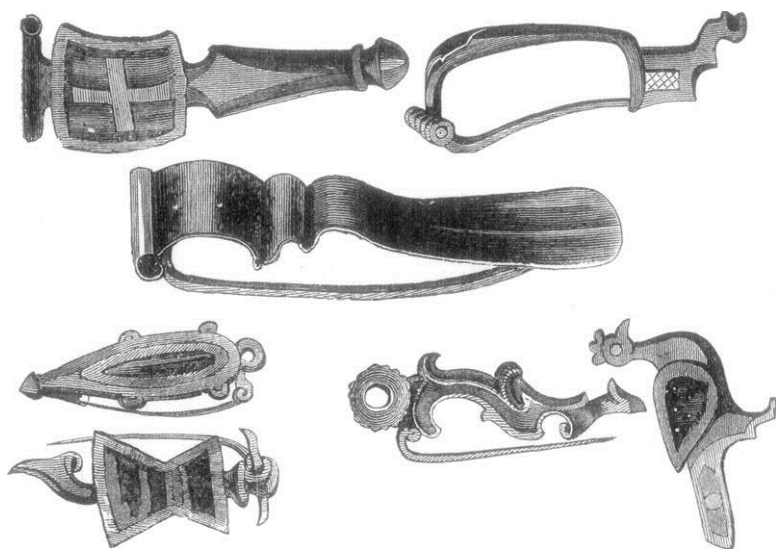
Несколькими шагами дальше, на той же стороне, находится другой дом, похожий по описанию, который, очевидно, принадлежал какому-то важному человеку, вероятно, Юлию Полибию, чье имя встречается в нескольких надписях. Фрагменты богато позолоченной лепнины позволяют нам оценить богатство его убранства и вероятный достаток его владельца. Его легко отличить по огромному коринфскому атриуму, или, скорее, перистиллю. Еще одной особенностью здания является наличие двух вестибюлей, каждый из которых сообщается с улицей и с атриумом. Порттик атриума образован аркадами и опорами, украшенными пристроенными колоннами, центр которого занят двориком и фонтаном. Кажется, что эти аркады окружены окнами. Квадратные отверстия, сделанные в мраморной облицовке карликовой стены, окружающей маленький дворик, были прекрасно различимы, и можно сделать вывод, что они предназначались для установки оконных рам.

Плиний Младший описывает подобный застекленный порттик на своей вилле в Лаурентине; а на античной картине, изображающей термы Фаустины, изображен порттик, отверстия которого полностью застеклены, как мы предполагаем, они были здесь. Порттик и три сообщающиеся с ним квартиры были выложены мозаикой. К одной из угловых опор примыкает фонтан. Кухня и другие квартиры находились ниже этого этажа. Был также

верхний этаж, как видно по остаткам лестничных клеток. Этот дом простирается до того места, где боковая улочка отворачивает от главной дороги, ведущей к Форуму. Теперь мы вернемся к воротам, чтобы описать треугольный остров домов, который ограничивает главную улицу с восточной стороны.

То, что находится рядом с воротами, называется Домом Триклиния и получило свое название от большого триклиния в центре перистилия, просторного и красивого, ограниченного городскими стенами. Дом весталок находится чуть дальше. Какое право она имеет на этот титул, кроме как по правилу противоположностей, мы затрудняемся угадать, видя, что стиль ее убранства очень далек от соответствия той чистоте мыслей и манер, которые мы привыкли ассоциировать с титулом весталки. Картины многочисленны и прекрасны, а мозаики удивительно изящны. Здесь, как и в нескольких других домах, на пороге мы находим слово "Salve" (Добро пожаловать), выполненное мозаикой. Один из них можно увидеть в вырезке на странице 30.

Мы входим через вестибюль, разделенный на три отсека и украшенный четырьмя пристроенными колоннами, который вводит нас в атриум, оборудованный обычным образом и окруженный обычными апартаментами. Самым примечательным из них является триклиний, который раньше был богато выложен стеклянной мозаикой. Отсюда мы переходим к частным апартаментам, которые Бонуччи описывает следующим образом: "Этот дом, по-видимому, первоначально представлял собой два отдельных дома, впоследствии, вероятно, купленных каким-нибудь богатым человеком и сведенных в один. Пройдя по небольшому двору, вокруг которого расположены спальные покои, предназначенные для деловых встреч, мы поспешили нанести наш визит в Пенаты. Мы вошли в кладовую и вернули хозяевам приветствие, которое они до сих пор адресуют незнакомым людям с порога этого особняка. Затем мы прошли через кухню и прилегающие к ней помещения. Кукурузомолки, казалось, ждали, когда привыкшие к ним руки начнут молотить после стольких лет покоя. Масло в стеклянных сосудах, каштаны, финики, изюм и инжир в соседней комнате говорят о запасах на приближающуюся зиму, а большие амфоры с вином напоминают нам о консульствах Цезаря и Цицерона.

ЗОЛОТЫЕ БРОШИ, НАЙДЕННЫЕ В ПОМПЕЯХ.

Мы вошли в частные апартаменты. Вокруг них видны великолепные портики. Многочисленные красивые колонны, покрытые лепниной и окрашенные в очень свежие

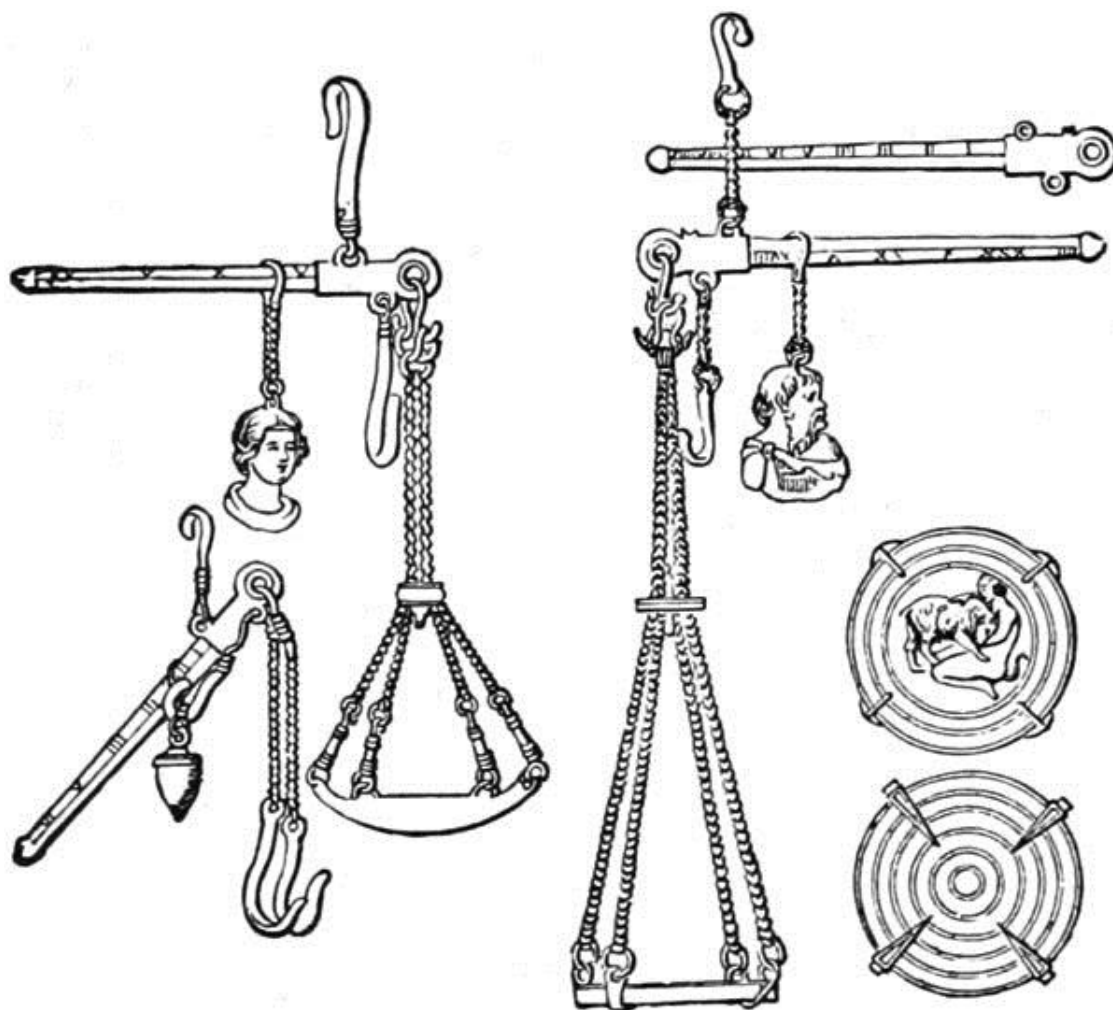
цвета, окружали очень приятный сад, пруд и баню. Элегантные картины, изящные орнаменты, олени, сфинксы, дикие и причудливые цветы повсюду покрывают стены. Шкафы молодых девушек и их туалеты с соответствующими картинами расположены по бокам. В этом последнем было найдено большое количество женских украшений, таких, как видно на разрезе, и других, а также скелет маленькой собачки. В конце виден полукруглый зал, украшенный нишами, а ранее статуями, мозаикой и мрамором. В центре возвышался алтарь, на котором постоянно горел священный огонь. Это *святителище*. В этом тайном и священном месте семья проводила в ликовании самые торжественные и памятные дни; и здесь в дни рождения приносились жертвы Юноне, или Гению, покровительнице новорожденного ребенка".

Следующий дом называется Домом Хирурга, потому что в нем были найдены разнообразные хирургические инструменты. Их было сорок; некоторые напоминали инструменты, которыми пользуются до сих пор, другие отличались от всего, что используют современные хирурги. Во многих случаях описание Цельса реализовано, как, например, в *specillum*, или зонде, который вогнут с одной стороны и плоский с другой; скальпеле *excisori*, имеющем форму острия ланцета с одной стороны и молотка с другой; крючке и щипцах, используемых в акушерской практике. Говорят, что последние по удобству и изобретательности своей конструкции не уступают лучшим достижениям современных огранщиков. Были найдены иглы, циркули для резки (*circini excisorii*) и другие инструменты, все из чистейшей латуни с бронзовыми ручками, обычно заключенные в футляры из латуни или самшита.

В самом доме, который содержит обычные апартаменты, атриум, перистиль и т.д., нет ничего примечательного, кроме картин. Они состоят в основном из архитектурных проектов, комбинаций колонн золотистого и бронзового цветов, расположенных в перспективе, увенчанных богатыми наличниками, замысловатыми фризами и украшенными карнизами, расположенными на порядок выше других. Вперемешку с арабесковыми орнаментами, гротескными картинами и отделениями с фигурками, все они, по-видимому, использовались в домашних работах.

Одна из них изображает женскую фигуру, несущую свитки папируса мужчине, который сидит и сосредоточенно читает. Здесь ясно показан метод чтения этих свитков или томов, которые были написаны поперечными столбцами по ширине папируса. Позади него сидит молодая женщина, играющая на арфе. Все эти фигуры размещены под легкими архитектурными конструкциями, описанными выше, которые, по-видимому, предназначены для того, чтобы венчать террасу. В настоящее время в Италии, особенно недалеко от Неаполя, принято сооружать легкие решетки на крышах домов, где жители наслаждаются вечерним бризом, *на свежем воздухе*, точно так же, как это изображено на этих картинах.

Перистиль небольшой, но в хорошей сохранности. Его межколонные пространства заполнены карликовой стеной, выкрашенной в красный цвет, нижняя часть колонн выкрашена в синий. Этот дом тянется через весь остров от одной улицы до другой. К нему примыкает с юга таможня *телониум*. Здесь широкий вход приводит нас в просторное помещение, где было найдено множество весов, и среди них сталелитейный склад, *статера*, очень похожие на те, что используются сейчас, но украшенные более богато и со вкусом.

ВЕСЫ, НАЙДЕННЫЕ В ПОМПЕЯХ.

Здесь было найдено множество гирь из свинца и мрамора; одна из них с надписью "Еге et habebis" (Купи, и ты получишь), а также весы. Рядом с таможней находится мыловаренная фабрика. В первом помещении были кучи извести, замечательное качество которой вызвало восхищение у современных штукатуров. Во внутренней комнате находятся чаны для мыла, поставленные на одном уровне с землей.

Кроме них, в квартале есть три дома, которые были отмечены названиями: Дом Исиды и Осириса, Дом Нарцисса и Дом Танцовщиц. Из них последний примечателен красотой картин, украшающих его тосканский атриум.

Среди них четыре очень изящные фигуры танцовщиц, от которых и произошло название, данное дому. Другой изображает фигуру, отдыхающую на берегу чистого озера, окруженного виллами и дворцами, на дне которого плавают стая уток и диких птиц. Дом нарцисса отличается элегантностью своего перистыля; промежутки между колоннами заполнены карликовой стеной, в верхней части которой сделано углубление, вероятно, для получения земли для выращивания отборных цветов. Наши материалы не допускают более полного описания домов в этом квартале.

Если идти дальше от Дома Саллюстия, то следующий остров к югу, отделенный от него узкой улочкой, не представляет собой ничего примечательного, за исключением лавки пекаря, подробному описанию которой, в сочетании с искусством крашения, мы намереваемся

посвятить отдельную главу. Он заканчивается острым выступом у вышеупомянутого фонтана. Расположение улиц и домов повсюду крайне несимметрично, но здесь это удивительно даже для Помпей. Сразу за домом с двойным вестибюлем главная улица разделяется на две, наклоненные друг к другу под очень острым углом, которые вместе с третьей поперечной улицей, более важной, называемой Страда делле Терме, или Улицей Бань, образуют еще один небольшой треугольный остров.

Дом апекса был аптекарской лавкой. Здесь было найдено великое множество лекарств, стаканов и флаконов самых необычных форм; в некоторых из последних еще оставались жидкости. В частности, следует упомянуть одну большую стеклянную вазу, способную вместить два галлона, в которой было полтора галлона красноватой жидкости, предположительно бальзама. При вскрытии содержимое начало очень быстро испаряться, и поэтому оно было герметично закрыто. Таким образом, содержимое было потеряно примерно на дюйм в глубину, оставив на стенках сосуда осадок, достигающий того уровня, до которого он был заполнен ранее. Правая улица ведет к зданиям, полностью разрушенным, левая, которая является продолжением Виа Консуларис, или Домициана, ведет нас к Форуму.

Непосредственно к востоку от только что описанного района находится Дом Пансы, занимающий целый квартал. Квартал между ним и городскими стенами, расположенный на севере, не представляет собой ничего примечательного. Дальше, все еще к востоку, находится квартал, отделенный от него узкой улочкой, называемой Виа делла Фуллоника, и ограниченный с другой стороны улицей Меркурия, которая проходит по прямой линии от стен почти до Форума. В этом квартале, помимо нескольких очень красивых частных домов, находится Fullonica, или заведение по валянию и крашению шерстяных тканей. Это, вместе с упомянутой выше пекарней, будет описано далее.

Дом Холкониусов.

Содержание

Проходя по островку или кварталу, ограниченному с севера улицей Голкония, с юга улицей Исиды, с запада улицей Театров, а с востока улицей Стабий, мы находим два замечательных дома, раскопанных за последние несколько лет. Тот, что на северном углу улицы Театров, с номером 4 на входе, иногда называют Домом Голкония. Два магазина, которые ему предшествуют, пронумерованные 2 и 3, по-видимому, были собственностью хозяина дома и сообщались друг с другом. Третий магазин, под номером 1, на углу улицы, по-видимому, занимал красильщик, и называется Taberna Offectoris. На фасаде дома было несколько надписей в предвыборных целях.

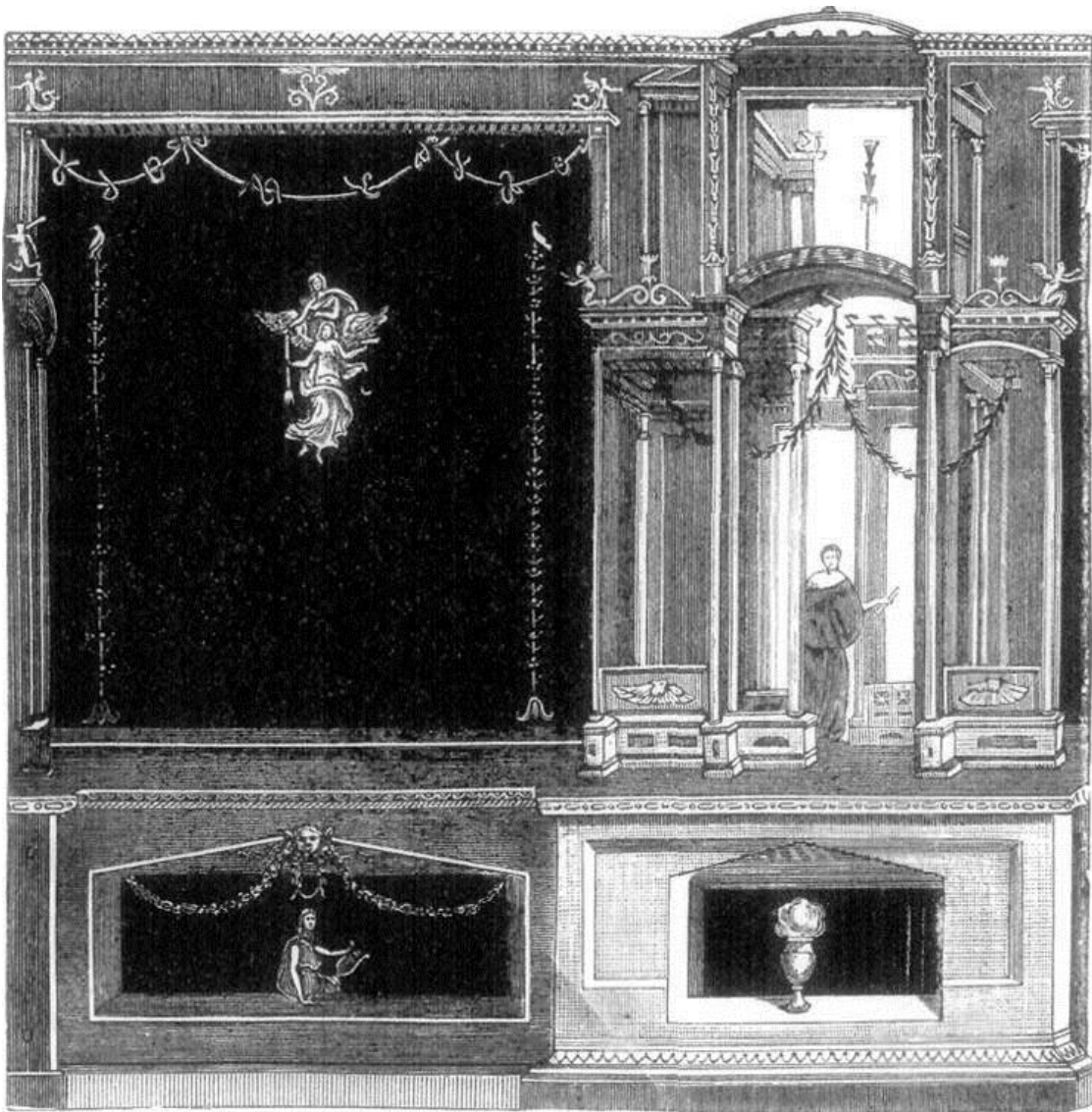
Пилястры по обе стороны от главного входа выкрашены в красный цвет примерно в рост человека, за ними - белая штукатурка. При входе в протирум можно заметить большое отверстие в стене, предназначенное для *репагулума*, или прочного деревянного бруса, которым была заперта дверь. Судя по местам для засовов на пороге, дверь состояла из двух частей (бифора). Стены протирума выкрашены в черный цвет, с красным подиумом, разделенным на три отсека зелеными и желтыми линиями, в середине которых изображены водоплавающая птица, возможно, *ибис*, лебедь с распростертыми крыльями и орнамент, который невозможно разобрать. Ближе к верху стены расписаны фантастическими произведениями архитектуры на белом фоне, среди которых, с одной стороны, изображена

нимфа, спускающаяся, по-видимому, с небес. На ней золотистый жилет, на плечах - вуаль, развеваемая ветерком, а в руке она держит большое блюдо, наполненное фруктами и зеленью. С другой стороны была такая же фигура, играющая на лире, в небесно-голубом жилете и розовой вуали, которая развевалась вокруг нее. На остальных архитектурных картинах были изображены маленькие крылатые Амуры, один из которых держал рог изобилия, другой барабан, а двое - корзины с фруктами и цветами. Это были добрые гении, которые, будучи изображены у входа в дом, отражали все злые влияния и превращали его в радостную обитель.

Тротуар тосканского атриума пестрит небольшими кусочками белого мрамора, расположенными рядами. Имплювий в середине, по-видимому, находился в ремонте, так как с него сняли мраморную облицовку. Стены атриума выкрашены в красный цвет, с вертикальными черными зонами, похожими на пилястры, или *антеи*, помимо линий и орнаментов различных цветов. На стене слева от входа нарисован лежащий Силен, увитый плющом, прижимающий к себе маленького Бахуса, который в тревоге пытается вырваться из его объятий. Рядом с ним, на желтом фоне, изображена бородатая голова мужчины с двумя когтями, торчащими из висков, как рога, и бородой, плавающей, как в воде. Вероятно, это может быть маска Океана, который в чем-то похожем виде изображен на монетах Агригента. Под головой изображен гиппокамп.

В этом атриуме было найдено множество предметов, некоторые из которых находились на высоте четырех или пяти ярдов от пола, следовательно, упали с верхних этажей, а другие - на самом тротуаре. Но одним из самых важных открытий стал скелет женщины у входа в таблинум. Судя по всему, она убегала, и у нее была с собой небольшая коробка с ее ценными вещами и брелками. Среди наиболее любопытных из них было ожерелье, состоящее из амулетов, или талисманов, которые, как следует заметить, являются атрибутами Исиды и ее спутника Анубиса или ее мужа Осириса, здесь рассматриваемого как Бахус. По словам Евсевия, в сундуке Исиака хранились мистические предметы: мяч, игральные кости, колесо (*турбо*), зеркало, прясть шерсти.

Первая спальня справа от атриума сообщалась со складом № 3 и, вероятно, была занята рабом, который вел там дела. Первая спальня слева имела аналогичное сообщение с магазином снаружи.

НАСТЕННАЯ ЖИВОПИСЬ, ОБНАРУЖЕННАЯ В ПОМПЕЯХ.

В Помпеях мало домов, в которых росписей было бы больше или они лучше сохранились, чем в том, который мы рассматриваем. Во второй спальне справа их несколько. В этой комнате можно наблюдать углубление в стене для установки изножья кровати или кушетки. Стены белые, с красным подиумом, увенчаны карнизом, из которого вырастает свод. Верхняя часть расписана линиями, между которыми изображены покоящиеся грифоны, корзины с тирсами, ветки трав и другие предметы.

Нижняя часть стен разделена на более крупные отсеки канделябрами, поддерживающими маленькие шары. В каждом отделении находятся восемь маленьких картинок, изображающих головы и бюсты вакхических персонажей, в очень хорошем состоянии сохранности. Слева изображен Вакх, увитый плющом, его голова покрыта *митрой*, своего рода покрывалом тонкой текстуры, которое ниспадает на его левое плечо. Это украшение, так же как и очертания его черт, раскрывают наполовину женскую природу божества. Напротив него - изображение Ариадны, также увитой плющом, одетой в зеленый *хитон* и фиолетовый *гиматий*. Она прижимает к груди младенца Якха, увенчанного вечным плющом и несущего в руке тирс. Затем следуйте за вакхическими или Паническими фигурами, некоторые беседуют, некоторые выпивают вместе, некоторые, очевидно, движутся в лабиринтах танца. Парис во фригийском колпаке и посохе, кажется, руководит этой

сладострастной сценой и прислушивается к маленькому Купидончику, сидящему у него на плече.

В зале на противоположной стороне атриума, напротив только что описанного, также находились четыре картины, две из которых уничтожены, поскольку стены, по-видимому, были проломлены вскоре после разрушения Помпей людьми в поисках своего захороненного имущества. Из двух других, которые почти стерлись, одна изображает престарелого фавна, держащего в руках тирс и вазу; другая - молодую женщину, беседующую с африканским рабом. У левой стены, по-видимому, стоял деревянный сундук.

В левом зале, или крыле, стены выкрашены в желтый и красный цвета, а подиум - в черный. В середине каждого было по ценной картине, но они, за исключением большей части той, что напротив входа, были почти уничтожены. Спасенный изображает Аполлона, который настиг Дафну и сжимает ее в своих объятиях, в то время как нимфа, упавшая на колени, отталкивает объятия божества. Злобный маленький Купидончик, встав на цыпочки, откидывает в сторону золотистую вуаль, прикрывавшую нимфу, и показывает ее обнаженное тело. Слева в том же помещении находится почти стершееся изображение Персея и Андромеды, а справа - другое с тремя мужскими фигурами, от которых сохранилась только нижняя часть.

Правая ала, которая, однако, из-за возможности закрываться дверцей, должным образом не подпадает под это название, судя по найденным в ней различным кулинарным приборам из металла и фаянса, служила кухней или, скорее, кладовой.

Таблинум, расположенный напротив входа и, как обычно, без какого-либо ограждения со стороны атриума, имеет небольшой мраморный порог, а на полу - маленькие квадратики из цветного мрамора, окруженные мозаичным бордюром. Желтые стены, разделенные на отсеки вертикальными полосами красного, белого и черного цветов, были красиво украшены обычными архитектурными узорами и летающими фигурами. С каждой стороны были две фотографии большего размера, из которых сохранилась только та, что слева от зрителя. На ней Леда показывает Тиндареусу гнездо, в котором находятся два мальчика, появившиеся из яйца. Вдоль стены проходит лепной карниз, над которым на белом фоне нарисована летящая нимфа, между двумя балконами, с которых смотрят вниз мужчина и женщина. Есть также фигуры сфинксов, козлов и т.д.

Деревянная лестница слева от таблинума, первая ступенька которой была каменной, вела на этаж выше. Справа находится проход под названием *fauces*, ведущий в перистиль. На его левой стороне, у самой земли, была грубо нарисована фигура гладиатора с надписью сверху, от которой сохранились только первые буквы - PRIMI. На левой стенке крана, рядом с оконечностью и на уровне глаз, находится другая надпись, или *граффити*, мелкими буквами, которые трудно расшифровать из-за необычного *соединения* букв, но которые, как предполагают ученые, выражают намерение инвалида избавиться от болей в конечностях, обмыв их водой.

В конце *смесителей*, справа, есть вход в комнату, в которой также есть другая дверь, ведущая в портик перистилия. Стены выкрашены в черный и красный цвета, а в отсеках изображены птицы, животные, фрукты и т.д. В этой комнате были найдены два скелета. В квартире слева, или к востоку от таблинума, назначение которой точно определить невозможно, стены также выкрашены в черный цвет, посередине украшены архитектурными рисунками и различными фигурами крылатых Амуров. На стенах большего размера висят две картины, из которых та, что справа, изображает часто повторяющийся сюжет Ариадны, которая, только что пробудившись ото сна и поддерживаемая женской фигурой с крыльями, предположительно Немезидой, с грустью и оцепенением смотрит на удаляющийся корабль

Тесея, уже далеко от Наксоса. На левой стороне изображен Фрикс, пересекающий море на таране и протягивающий руки к Хелле, которая упала и, кажется, вот-вот утонет. Форма этого помещения, в два раза длиннее, чем в ширину, его близость к кухне и окно, через которое рабы могли легко вносить яства, по-видимому, указывают на то, что это был триклиний, или столовая.

Пол, который на ступень ниже перистилия, вымощен *opus Signinum* и украшен мозаикой только с одного конца. На одной из стен, примерно в десяти футах от пола, находится *граффити*, *Sodales Avete* (Добро пожаловать, товарищи), которое мог начертать здесь только человек, вероятно раб, забравшийся на скамью или лестницу.

Виридарий, или ксист, окруженный просторными портиками, когда-то был полон отборных цветов и освежался благодарным журчанием двух фонтанов. Один из них в середине перистилия квадратный, с чем-то вроде круглого стола в центре, из которого хлестала вода. Другой фонтан, обращенный к таблинуму, состоит из небольшой мраморной лестницы, увенчанной статуей мальчика, держащего в правой руке вазу, из которой струей льется вода, а под левой рукой гуся. Статуя довольно сильно повреждена.

В перистиле было найдено множество предметов, в основном таких, какие обычно находят в помпейских домах. Среди них была амфора, над которой черной краской был написан следующий эпиграф:

КУМ. БАБУШКА.

ИЗ.

РИМА. АТЕРИО. FELICI.

что было истолковано как означающее, что в нем содержалось вино Коан, приправленное гранатом, и что оно прибыло из Рима, из запасов Атерия Феликса.

Портик окружен мощными колоннами и, по-видимому, имел второй порядок, опирающийся на первый, как можно заключить из некоторых указаний справа от того, кто входит через *зевы*. Стены выкрашены в красный и черный цвета, украшены архитектурными узорами, канделябрами, извилинами, птицами, крылатыми Амурами и т.д. Есть также четырнадцать небольших картинок, обведенных красными линиями, восемь из которых изображают пейзажи и морские берега с рыбаками, а остальные шесть - фрукты и съестные припасы. На стене с правой стороны находится следующее *граффити*, или надпись, нацарапанная каким-то острым инструментом:

ИХ. ID. IVL. AXVNGIA. PCC.

ЖИВОЙ. MANVPLOS. CCL.

То есть: "25 июля - свиное сало, двести фунтов, чеснок, двести пучков". Таким образом, это, по-видимому, внутренний меморандум о купленных или проданных товарах.

Вокруг портика расположены несколько комнат, все с мраморными порогами и закрытыми дверями, вращающимися на бронзовых петлях. По правую руку от перистилия, недалеко от входа, находится отдельная дверь, или *постикум*, ведущая на улицу Театров, через которую хозяин дома мог скрыться от своих назойливых клиентов.

Комнаты по бокам перистилия не представляют собой ничего примечательного, но три комнаты напротив таблинума значительных размеров и содержат несколько хороших картин. На первой справа изображены две фигуры Нереид, пересекающих море, одна верхом на морском быке, другая на гиппокампе. Обоих монстров ведет Купидон с поводьями

и кнутом, а за ними следуют дельфины. Другая картина напротив входа слишком сильно стерта, чтобы ее можно было разглядеть. Та же стена имеет особенность, не наблюдаемую ни в одном другом помпейском доме, а именно квадратное отверстие размером более фута, достигающее до пола и выходящее в огороженное место с каналом или водостоком для отвода воды из соседних домов. По-видимому, это также было вместилище для ламп, несколько из которых были найдены там.

К этой комнате примыкает большая *экседра* с небольшим *имплювиумом* посередине, что, по-видимому, указывает на отверстие в крыше, конструкцию, до сих пор встречавшуюся только в *предсердиях*. Отсутствие в полу каких-либо каналов для отвода воды, по-видимому, указывает на то, что это не мог быть фонтан. Эта *экседра* примечательна своими росписями. На стене напротив изображен Нарцисс с копьем в руке, склонившийся над скалой и любующийся собой в воде, в которой отражается его изображение; но большая часть картины уничтожена. Маленький Купидончик тушит свой факел в ручье. На заднем плане изображено здание с изображением бородатого Вакха, а рядом с ним конечная фигура Приапа Итифаллического с виноградом и другими фруктами. Эта картина была сильно повреждена в процессе раскопок.

На левой стене висит картина с изображением обнаженного гермафродита. В его правой руке перевернутый маленький факел; его левая рука покоится на плечах Силена, который, кажется, аккомпанирует своим песням на лире, в то время как крылатый Купидон играет на двойной флейте. С другой стороны изображена Вакханка с тирсом и бубном, а рядом с ней маленький Сатир, который тоже держит факел наоборот.

Но лучшая картина в этой квартире - та, что изображает Ариадну, открытую Бахусом. Юная фигура с крыльями, предположительно символизирующая Сон, стоит у изголовья Ариадны и, кажется, указывает на то, что она находится под его влиянием. Тем временем маленькая фавнша приподнимает покрывало, которое прикрывает ее, и с позой, выражающей удивление ее красотой, поворачивается к Бахусу и, кажется, приглашает его полюбоваться ее прелестями. Само божество, увитое плющом и ягодами, одетое в короткую тунику и паллий, трепещущий на ветру, держит в правой руке тирс, а левую поднимает в знак восхищения. На заднем плане Вакханка звучит в свой тимпан и приглашает последователей бога спуститься с гор. Они, предшествоваемые Силеном, повинуются зову; один играет на двойной флейте, другой бьет на кимвалах, третий несет на голове корзину с фруктами. Фавн и Вакханка, посаженные на горе слева, наблюдают за происходящим издали.

В соседнем триклинии, куда ведет дверь из *экседры*, также были три картины, одна из которых, однако, почти уничтожена. Из оставшихся двух то, что слева, представляет Ахилла, обнаруженного Улиссом среди девушек Ликомеда. Тема того, что справа, - суд Париса. Он более примечателен своим духом и колоритом, чем точностью рисунка. В этой квартире также есть шесть медальонов с головами вакхических персонажей.

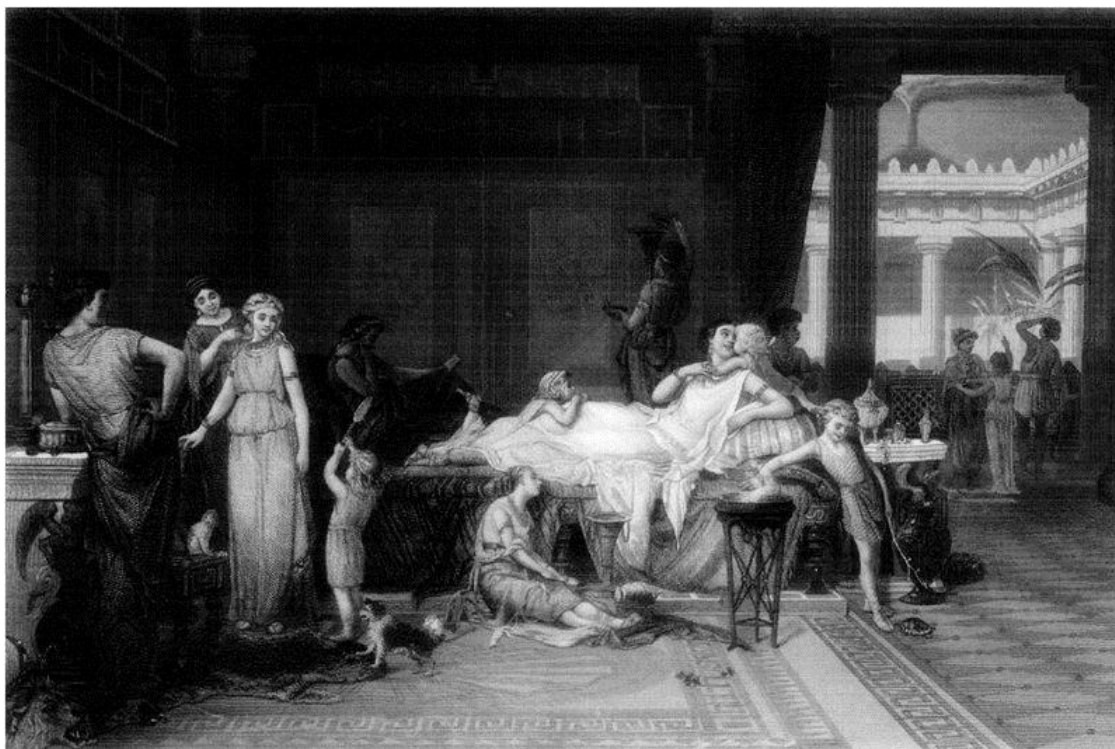
В том же квартале, что и только что описанный дом, и с входом на той же улице стоит дом Корнелиуса Руфа. Это красивое жилище, но поскольку его планировка и убранство ничем не отличают его от других помпейских домов, мы воздерживаемся от описания их.

Единственной примечательной особенностью этих раскопок было обнаружение статуи Гермеса в нижней части атриума слева, на котором стоял мраморный бюст владельца, большой, как в натуре, и хорошо выполненный, с начертанным под ним его именем.

Недалеко от только что описанных домов, на улице Стабия, под углом, образованным улицей, ведущей к амфитеатру, стоит Дом Аполлона Кифарида, раскопанный в 1864 году. Он получил свое название в честь прекрасной бронзовой статуи Аполлона, играющего на лире,

размером в натуральную величину, которая была найдена там, но сейчас находится в музее Неаполя. В этом доме таблинум и перистиль за его пределами находятся на более высоком уровне, чем атриум; следовательно, *fauces*, или проход, ведущий к последнему, поднимается вверх. В перистиле находится полукруглый фонтан, по краю которого были расположены несколько бронзовых животных, изображающих сцену охоты. В центре был изображен дикий кабан, на которого нападают две собаки; по бокам были изображены лев, олень и змея. Эти животные, расположенные в том же порядке, в каком они были найдены, сейчас хранятся в музее.

К Дому Лукреция примыкают несколько магазинов. Тот, что по соседству, кроме одного, похоже, принадлежал химику или мастеру по покраске. Справа от атриума находится тройная печь, построенная для приема трех больших котлов на разных уровнях, к которым вели ступеньки. В доме хранилось большое количество карбонизированных лекарств. По бокам от входа располагались два магазина по продаже готовых изделий. В одном из таких хранилищ, на несколько ярдов ниже прежнего уровня почвы, был обнаружен скелет женщины с двумя золотыми браслетами, двумя серебряными, четырьмя серьгами, пятью кольцами, сорока семью золотыми и ста девяносто семью серебряными монетами в кошельке из золотой сетки.

Нарисован Дж. Кумансом,
Выгравирован и напечатан братьями Иллман.
ДОМ ТРАГИЧЕСКОГО ПОЭТА—САЛЛЮСТИЯ
ДЛЯ МУЗЕЯ АНТИЧНОСТИ

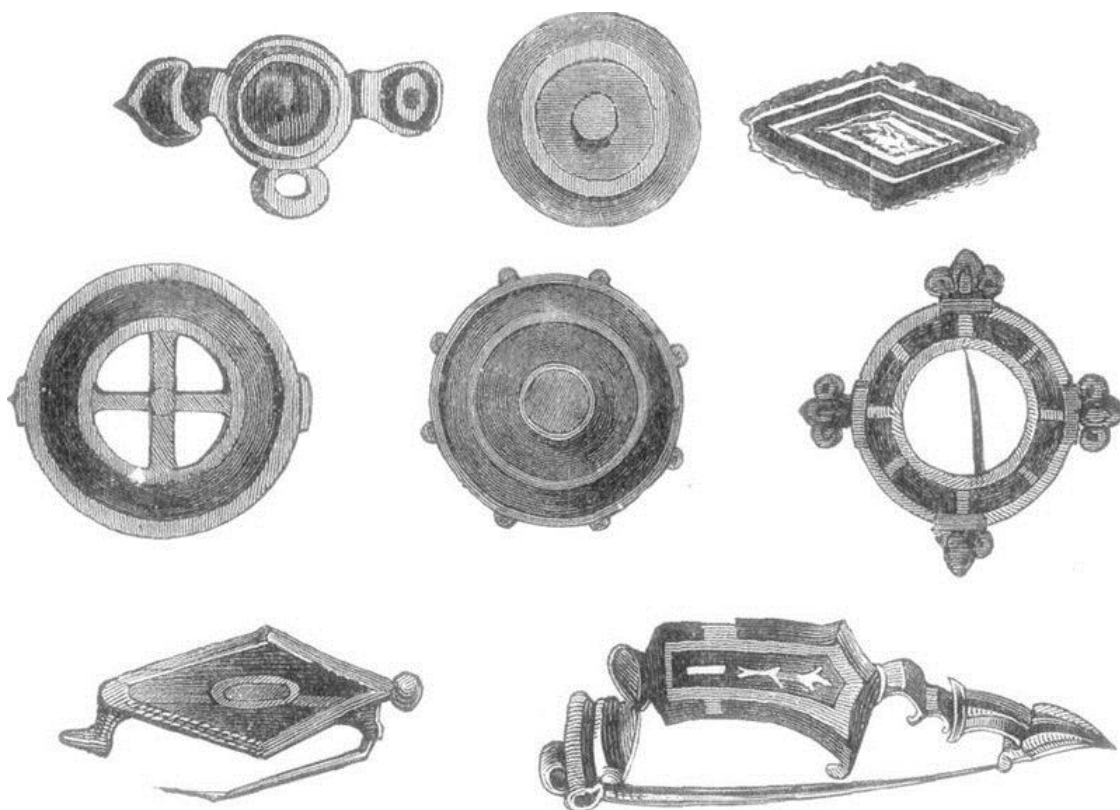
Общий обзор города.

[Содержание](#)

Двигаясь на юг по улице Меркурия, мы проходим под триумфальной аркой Нерона и, перейдя поперечную улицу, ведущую к воротам Нолы, попадаем на улицу Форума, являющуюся продолжением улицы Меркурия, ведущую прямо к триумфальной арке в северной части Форума и ограничивающую остров Бань с восточной стороны. Эта улица - одна из самых просторных в Помпеях. В ходе раскопок здесь был найден длинный список предметов. Один из домов в центре улицы, почти напротив входа в Термы, имеет большее значение, чем остальные, и был назван Домом Бахуса из-за большого изображения этого бога на двери напротив входа. Каналы для подачи воды были обнаружены в атриуме, который был окружен небольшим желобом, выполненным в форме цветов, внешняя сторона которого выкрашена в синий цвет, имитирующий воду с плавающими по ней лодками. Стена за ним расписана колоннами, между которыми расположены балюстрады различных форм. На них восседают журавли и другие птицы, а на заднем дворе есть заросли тростника и других овощей, над которыми видно небо. Большая часть восточной стороны улицы занята рядом магазинов с портиком перед ними. С обеих сторон его обрамляют пешеходные дорожки, и он, должно быть, имел благородный вид, когда заканчивался триумфальными арками с обоих концов, а над ним возвышались великолепные Храмы Юпитера и Фортуны, возведенные на его высоком основании.

Следует отметить, что последнее названное здание не стоит симметрично ни с улицей Форума, ни с улицей Бань, проходящей мимо Дома Пансы. "Портик, - мы снова цитируем Гелла, - немного повернут в сторону Форума, а фасад храма устроен так искусно, что часть его можно увидеть и с другой улицы. Весьма вероятно, что эти обстоятельства являются результатом замысла, а не случайности. Греки, по-видимому, предпочитали смотреть на великолепное здание с угла, и вряд ли можно найти прямоугольный план ни в древней, ни в современной Италии". На улице Форума был создан временный музей предметов, найденных в Помпеях. Рядом с ним находится библиотека, в которой собраны все лучшие произведения, написанные о городе.

ЗОЛОТЫЕ НАГРУДНЫЕ ЗАКОЛКИ, НАЙДЕННЫЕ В ПОМПЕЯХ.

Улица, идущая на запад между банями и Форумом, не представляет собой ничего примечательного, за исключением вывесок молочной лавки и школы гладиаторов. Есть также алтарь, вероятно, посвященный Юпитеру, расположенный у стены дома; над ним находится лепной барельеф с орлом в тимпане. К востоку от Форума эта улица получила название Улицы Сухофруктов из-за надписи, свидетельствующей о том, что на ней продавались сухофрукты; и действительно, было найдено значительное количество инжира, изюма, каштанов, слив, конопляного семени и подобных товаров. Однако сейчас ее обычно называют Улицей Августалов.

Недалеко от того места, где эта улица пересекается с улицей Эвмахии, проходящей в задней части восточной стороны Форума, есть удивительно изящное изображение юного Вакха, выжимающего виноградный сок в вазу, установленную на колонне, у подножия которой изображено встающее на дыбы животное, ожидающее напитка, по-видимому, предназначенное для тигра или пантеры, но очень миниатюрного размера. Это изображение имеет один фут пять дюймов в высоту и один фут два дюйма в ширину. Вероятно, оно служило вывеской виноторговца. В соответствии с этим, на другой стороне магазина, изображен Меркурий, призванный сделать этого плутоватого бога благоприятствующим ремеслу владельца.

Теперь мы отправимся на улицу Изобилия, или Торговцев, ранее называвшуюся Улицей Серебряников. Она имеет около двадцати восьми футов в ширину и ограничена с каждой стороны пешеходными дорожками шириной около шести футов, которые, как описано, сделаны в нескольких местах из твердой штукатурки, вероятно, аналогичной *opus Signinum*. В конце Форума он перегорожен двумя ступенями, которые закрывают доступ колесным экипажам, а в других частях настолько перегружен большими ступенями, что проезд таких транспортных средств, если и не запрещен, то, должно быть, затруднен и неудобен.

Здесь мы можем обратить внимание на одну особенность этой улицы. Он имеет очень пологий спуск в сторону от Форума, и ряды каменной кладки, вместо того чтобы быть проложенными горизонтально, проходят параллельно наклону земли, что, как мы считаем, является уникальным примером такой конструкции.

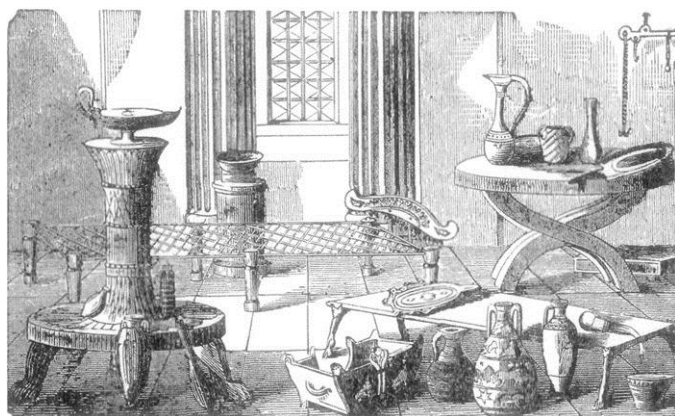
Двери нескольких магазинов на этой улице оставили прекрасные отпечатки на вулканическом отложении, из-за чего создается впечатление, что доски, из которых они были сделаны, прилегали одна к другой, как доски лодки.

Хотя дома, стоящие вдоль этой улицы, к настоящему времени расчищены, на ее южной стороне все еще остается большое незастроенное пространство. Единственный дом, требующий внимания, называется Casa del Cinghiale, или Дом дикого кабана, немного дальше по правой стороне от Форума. Его название происходит от мозаичного покрытия протирума, изображающего кабана, на которого напали две собаки. Дом примечателен своим хорошо сохранившимся перистилем из четырнадцати ионических колонн с капителями. Справа находится кирпичная лестница, ведущая в большой сад. Атриум окаймлен мозаикой, изображающей стены города с башнями и зубцами, которые некоторые принимают за стены Помпеи.

Сразу за этим домом находится небольшая улочка или переулок, поворачивающая направо, называемая *Виколо дей Додичи Дейпо* росписи на внешней стене углового дома в виде фриза, представляющей двенадцать великих божеств. Ниже изображены обычные змеи. На углу квадривиума находится аптекарская лавка, в которой была большая коллекция

хирургических инструментов, ступок, лекарств и пилюль. В остальном дом ничем не примечателен.

О ранних раскопках на южной оконечности города сохранилось мало записей. В Квартале Театров, помимо общественных зданий, есть всего два дома, представляющих какой-либо интерес. Они занимают пространство между храмом Эскулапа и малым театром. Самый восточный из них - один из самых интересных, когда-либо обнаруженных в Помпеях, не из-за красоты или любопытства самого здания, а из-за его содержимого, которое доказывает, что это была обитель скульптора. Здесь были найдены статуи, некоторые наполовину законченные, другие только начатые, с мраморными блоками и всеми инструментами, необходимыми художнику. Среди них были тридцать два молотка, множество циркулей, изогнутых и прямых, огромное количество долот, три или четыре рычага, домкраты для подъема блоков, пилы и т. д. Дом имеет обычное расположение атриума, таблинума и перистилия, но из-за наклона земли перистиль находится на более высоком уровне, чем общественная часть дома, и сообщается с ней лестничным маршем. Под перистилем располагался большой резервуар для воды, который был в хорошей сохранности, когда его впервые нашли, но сильно пострадал из-за обрушения свода под ним.

ЛАБОРАТОРИЯ, НАЙДЕННАЯ В ПОМПЕЯХ.

Возвращаясь по самой южной из двух дорог, ведущих к Форуму, мы находим у стены так называемого треугольного форума один из самых замечательных домов в Помпеях, если не по своим размерам, то по крайней мере по конструкции.

Произведенные здесь раскопки были начаты в апреле 1769 года в присутствии императора Иосифа II, в честь которого был назван этот дом; но после того, как любопытство было удовлетворено, они были снова завалены мусором, как это было тогда обычно, и виноградные лозы и тополя почти полностью покрыли их в то время, когда Мазуа осматривал это место, так что подземные истории были всем, что он мог лично наблюдать. Императора сопровождали в его визите его знаменитый министр граф Кауниц, король и королева Неаполя и один или два выдающихся антиквара. Это было одно из первых частных жилищ, обнаруженных при раскопках в Помпеях. Судя по всему, это был великолепный особняк, и с его возвышенности, должно быть, открывался прекрасный вид на Неаполитанский залив и Сорренто. "Находка" была настолько удачной по случаю визита императора, что возбудила у него подозрения в каком-то обмане. Многочисленные обнаруженные предметы предоставили сэру У. Гамильтону возможность продемонстрировать свои познания в области антиквариата. Джозеф, по-видимому, испытал некоторое отвращение, услышав, что на раскопках было задействовано всего тридцать человек, и настаивал на необходимости трех тысяч. Мы приводим фрагмент дома, стр. 119.

СНОСКИ:

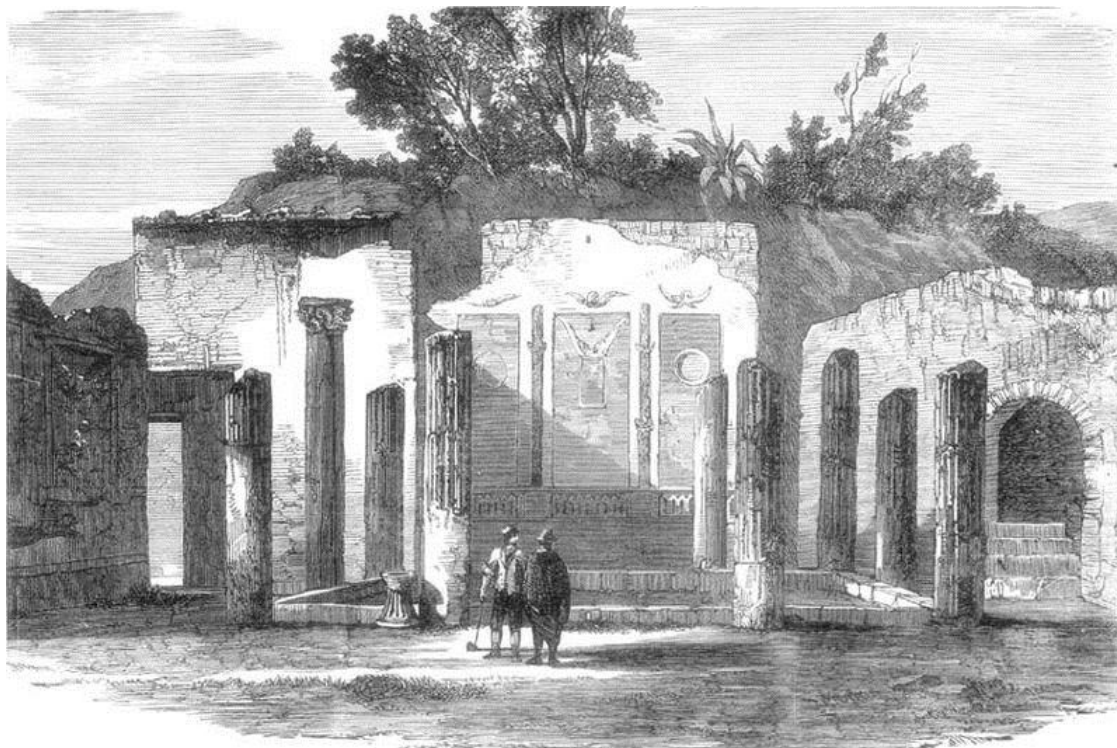
1. Теперь улица Изобилия.
2. Nat. История. xxxvi. 2.
3. Ib. xxxvi. 15.
4. Sexagies sestertium.
5. Nat. Хист. xxxi. 6, S. 31: Aqua in plumbo subit altitudinem exortus sui.
6. Рубент (великая наука) в кавис-эдиуме, музей единственной защиты. Таким образом, мы можем заключить, что имплювий иногда украшался мхом или цветами, если только слова *cavis édiūm* не могут быть распространены на внутренний двор перистиля, который обычно был разбит как сад. [Последнее кажется более вероятным.]
7. xxxvi. 1.
8. От *tabula*, или табелла, изображение. Другое производное - "*quasi e tabulis compactum*", потому что большие отверстия в нем могли быть закрыты ставнями.
9. Это правило, однако, редко соблюдается в помпейских домах.
10. Лучшие из них были сделаны в Egina. Более распространенные стоят от 100 до 125 долларов; некоторые продаются по 2000 долларов. Plin. История. Nat. xxxiv. 3.
11. Эти цитрусовые вызвали бурную дискуссию. Плиний говорит, что они были сделаны из корней или сучков дерева и почитались из-за их прожилок и отметин, которые были похожи на тигровую кожу или павлиний хвост (xiii. 91. кв.м.) На некоторых экземплярах написано *sedri*, что означает *citri*; и было высказано предположение, что на самом деле имеется в виду кипарис, корни и сучки которого крупные и с прожилками; тогда как лимон никогда не используется для изготовления шкафов и не имеет ни прожилок, ни узлов.
12. Около 161 000 долларов.
13. Обычным убранством триклиния были три ложа, расставленные по трем сторонам квадратного стола, на каждом из которых сидели по три человека, в соответствии с любимым правилом, согласно которому вечеринка не должна состоять ни из Муз, ни из Граций, ни из девяти, ни из трех. Там, где развлекались такие номера, диваны, должно быть, были расставлены по бокам длинных столов.
14. Plin. Ep. lib. ii. 17. Мы сильно сократили оригинал, опустив описание, по крайней мере, одного верхнего этажа и другие подробности, которые не показались необходимыми для иллюстрации нашей темы.
15. Витрувий, vi. 8.
16. Его готовили из рыбных внутренностей, размачиваемых в рассоле. То, что приготовлено из рыбы под названием скомбер, было лучшим. Это слово иногда переводят как "сельдь", но лучшие авторитетные источники переводят его как "скумбрия". Согласно Плинию, он был выловлен в Гибралтарском проливе, входящем в него из океана, и использовался только для приготовления гарума. Лучший из них назывался *garum sociorum*, термину, которому мы не

нашли удовлетворительного объяснения, и продавался по цене 1000 сестерциев за два конгия, около 20 долларов за галлон. Низший сорт, приготовленный из анчоусов (афья), назывался алек, это название также дали отбросам гарума. "Ни одна жидкость, кроме мазей, — говорит Плиний, - не стоила дороже". -Hist. Nat. xxxi. 43.

17. "Следовательно, ищи хлев - валяйся там со своими друзьями."

Она заговорила. Я вытащил из-за бедра
Свой острый нож, с осуждающим взглядом
бросился на нее; она с пронзительным криком страха
пробежала под моей поднятой рукой, крепко обхватила мои колени,
И с крылатым акцентом жалобно начала:
"Скажи, кто ты" и т. Д. — Одиссея Каупера. х. 320.

18. Она села перед ним, обхватив левой рукой
Его колени; правую руку она положила ему под подбородок,
И так король, Юпитер—Сатурнианец, взмолился. -Ил. i. 500.

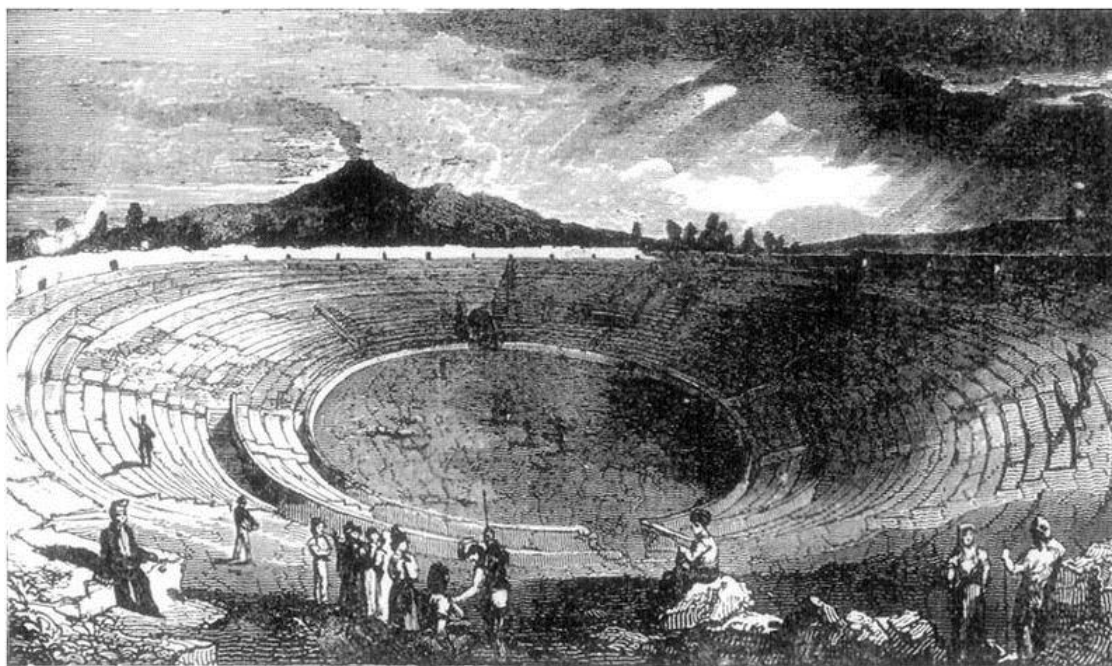
ПЕРВЫЕ СТЕНЫ , ОБНАРУЖЕННЫЕ В ПОМПЕЯХ

РАЗВЛЕЧЕНИЯ.

Содержание

Амфитеатр находится в нескольких сотнях ярдов от театров, в юго-восточном углу городских стен. Несмотря на, возможно, этрускское происхождение, экспозиции амфитеатра настолько типично римские, а Помпеи содержат так много памятных вещей о них, что подробный

рассказ о них, возможно, будет неуместен. В ранний период, в 263 году до н.э., была введена практика принуждения людей к драке на потеху зрителям; а двенадцать лет спустя захват нескольких слонов во время первой Пунической войны доказал, что это средство ввело в римский цирк охоту, или, скорее, забой диких зверей. Вкус к этим зрелищам, конечно, возрастал по мере снисхождения к ним, а их великолепие - по мере богатства города и увеличения возможностей и побуждения к взяточничеству, которые предоставлялись возросшей протяженностью провинций, подвластных Риму. Однако только в последний период республики, или, скорее, до тех пор, пока господство императоров не собрало в одно русло притоки, которые ранее были разделены между многочисленной аристократией, были возведены здания исключительно для проведения гладиаторских боев; здания, совершенно недоступные богатству подданных и в которых, возможно, наиболее полно демонстрировалось великолепие императорского Рима. Многочисленные образцы, разбросанные по всей ее империи в более или менее запущенном состоянии, все еще свидетельствуют о роскоши и основательности их строительства; в то время как в Риме Колизей (см. Фронтиспис) олицетворяет выдающееся великолепие столицы - памятник, превосходящий по величине одни только Пирамиды и столь же превосходящий их по мастерству и разнообразию конструкции, как и другие здания своей гигантской величины.

ВИД НА АМФИТЕАТР В ПОМПЕЯХ.

Греческое слово, которое, слегка изменив его окончание, мы переводим как "амфитеатр", означает театр или место для зрелищ, образующее непрерывную ограду, в противоположность простому театру, который, как мы уже говорили, был полукруглым, но с сиденьями, обычно продолжающимися несколько больше диаметра полукруга. Первым амфитеатром, по-видимому, был амфитеатр Курио, состоящий из двух передвижных театров, которые могли располагаться лицом к лицу или спина к спине, в зависимости от вида развлечения, для которого они требовались.

Обычно гладиаторские представления устраивались на Форуме, а погони и бои диких зверей демонстрировались в Цирке, где однажды, когда Помпей праздновал игры, несколько разъяренных слонов прорвались через барьер, отделявший их от зрителей. Это обстоятельство, наряду с непригодностью Цирка для таких видов спорта, поскольку он был

разделен на два отделения спинной стеной, увенчанной колоннами, обелисками и другими декоративными сооружениями, а также из-за его непропорциональной длины, которая делала его плохо приспособленным для обеспечения общего обзора всем зрителям, побудило Юлия Цезаря во время его диктатуры построить деревянный театр на Марсовом поле, построенный специально для охоты, "который был назван амфитеатром (по-видимому, первое употребление этого слова), потому что он был окружен круглыми стенами". места без сцены".

Первый постоянный амфитеатр был построен частично из камня, частично из дерева Статилием Тавром по наущению Августа, который страстно любил эти виды спорта, особенно охоту на редких зверей. Он был сожжен во время правления Нерона и, хотя и восстановлен, не соответствовал пожеланиям Веспасиана, который начал строительство огромного сооружения, достроенного его сыном Титом, названного Амфитеатром Флавиев, а впоследствии Колизеем. Говорят, что затрат на это здание хватило бы на возведение столицы, и, если мы можем отдать должное Диону, при его посвящении было уничтожено 9000 диких зверей. Евтропий ограничивает их число 5000. Когда охота закончилась, арена наполнилась водой, и последовало морское сражение.

Конструкция этих зданий настолько напоминает конструкцию театров, что нет необходимости описывать их сколь-нибудь подробно. Снаружи они обычно представляли собой овальную стену, состоящую из двух или более этажей аркад, поддерживаемых опорами различных архитектурных порядков, украшенными пилястрами или прикрепленными колоннами. Внутри равное количество этажей галерей давало доступ зрителям на разных высотах, а наклонная плоскость сидений также опиралась на опоры и своды, так что план местности представлял собой ряд круглых рядов опор, расположенных по радиусам, сходящимся к центру арены. Соответствующее количество дверей вело на первый этаж, и проходы оттуда, пересекая круглые проходы между опорами, давали легкий доступ ко всем частям здания. Иногда галерея охватывала все здание целиком и служила общим доступом ко всем лестницам, ведущим на верхние этажи. Так было в амфитеатре в Нисмесе. Иногда каждая лестница имела свое отчетливое сообщение извне: так было в Вероне.

Расположение кресел было таким же, как в театрах; по горизонтали они были разделены перегородками, а по вертикали - клиновидными лестницами. Сцена и оборудование сцены, конечно, отсутствовали, и ее место занимала овальная площадка, названная ареной из-за песка, которым она была посыпана, чтобы поглотить пролитую кровь и обеспечить более прочную опору, чем та, которую обеспечивает каменная мостовая. Он был утоплен на двенадцать-пятнадцать футов ниже самого нижнего ряда сидений, чтобы обезопасить зрителей от травм, и, кроме того, был огорожен круглыми деревянными роликами, вращающимися в своих гнездах, расположенными горизонтально у стены, наподобие тех, которые, как читатель, возможно, заметил, ставятся на низких воротах, чтобы собаки не перелезали, и прочными сетками. Во времена Нерона эти сети завязывали янтарем, а император Карин приказал сделать их из золотого шнура или проволоки. Иногда, для более полной безопасности, арену окружали рвы, называемые *еврипидами*. Впервые это было сделано цезарем в качестве защиты народа от выставленных им слонов, которые, как предполагалось, особенно боялись воды. Арену иногда устилали толченым камнем. Калигула в припадке экстравагантности использовал хризоколлу, а Нерон, чтобы превзойти его, смешал с ней ярко-красную киноварь.

В центре арены находился алтарь, посвященный иногда Диане или Плутону, чаще Юпитеру Латиарису, покровителю Лация, в честь которого приносились человеческие жертвы. У

древних авторов можно найти отрывки, из которых делается вывод, что игры в амфитеатре обычно начинались принесением в жертву *бестиария*, одного из тех гладиаторов, профессией которых было сражаться с дикими зверями, в честь этого кровожадного божества. Предполагается, что под ареной были построены логова для содержания диких зверей.

По словам Фульвия, в Колизее существовали многочисленные подземные сооружения, которые, как он предполагал, были канализационными трубами, построенными для осушения и очищения здания. Другие с большей вероятностью предположили, что это логова диких зверей. Требовались огромные помещения, чтобы содержать тысячи животных, которых забивали по торжественным случаям, но не было большой необходимости отводить дождевую воду, которая попадала на шесть акров, занимавших стены здания. Другие снова предположили, что они были созданы для представления обширных водоемов, благодаря которым арена внезапно превратилась в озеро, когда были продемонстрированы имитации морских сражений. Двери, пробитые в стене, поддерживавшей подиум, сообщались с этими или с другими местами заключения под частью, отведенной для зрителей, и, будучи распахнутыми, можно было сразу ввести огромное количество животных. Вописк рассказывает нам, что император Проб сразу же бросил на арену тысячу страусов, тысячу оленей и тысячу кабанов. Иногда, чтобы удивить и привлечь новизной, арену превращали в лес. "Пробус, - говорит тот же автор, - устроил великолепное охотничье состязание следующим образом: большие деревья, вырванные с корнем, были прочно соединены балками и установлены вертикально; затем корни были засыпаны землей, так что весь цирк стал напоминать лес и доставил нам удовольствие от зеленого пейзажа".

Соблюдался тот же порядок старшинства, что и в театре — сенаторы, рыцари и члены палаты общин занимали каждый свое соответствующее место. Для первого был выделен подиум, широкая площадка, которая проходила непосредственно вокруг арены. Сюда они привезли курульные сиденья, или биселлии, описанные в книге "Говоря о театрах Помпеи"; и здесь был суггестус, крытое сиденье, предназначавшееся императору. Предполагается, что в этой части здания также были почетные места для участниц игр и девственниц-весталок. Если трибуны было недостаточно для размещения сенаторов, некоторые из соседних мест были заняты для их использования. Рядом с сенаторами сидели рыцари, для которых, по-видимому, здесь, как в театре, было выделено четырнадцать рядов; а рядом с ними сидели гражданские и военные трибуны. Позади были *popularia*, или места плебеев. У разных племен были особые клинописи, отведенные им. Были также некоторые дополнительные внутренние договоренности, поскольку Август отделил женатых мужчин от неженатых и выделил отдельный клинок для юношей, рядом с которыми находились их наставники. Женщины размещались на галерее, а слуги - на самой высокой галерее. Общее руководство амфитеатром находилось под опекой офицера по имени *вилликус амфитеатри*. Офицеры, вызванные *локариями*, проследили за распределением людей и удалили любого человека с места, которое он не имел права занимать. В качестве изыска роскоши мы можем заметить, что по всем этим зданиям были проведены скрытые трубопроводы, из которых ароматизированные жидкости разливались по аудитории. Иногда статуи, украшавшие их, использовались для этой цели и, казалось, источали благовония через крошечные отверстия, которыми были проткнуты проходившие через них трубки. Именно на это намекает Лукан в следующих строках: —

- Как когда могущественные римские зрители собираются
На вместительных сиденьях театра,
Сразу же, по тайным трубам и каналам, из каждой античной головы хлещут богатые

настойки;

Одновременно текут десять тысяч шафрановых потоков,
обдавая своим ароматом толпу внизу.

.

Rowe's *Лукан* Роу, книга ix.

Для этих освежающих ванн обычно использовался шафран. Сушеную траву настаивали в вине, особенно в сладком вине. Для той же цели иногда использовались бальзамы и более дорогие мази.

Еще одно приспособление, слишком примечательное, чтобы его можно было опустить при общем описании амфитеатров, - это навес, с помощью которого зрители были защищены от невыносимого жара итальянского солнца. Это называлось *Velum*, или Велариум; и это дало повод для многих споров о том, как временное покрытие могло быть распространено на обширные площади этих зданий. Что-то в этом роде было абсолютно необходимо, поскольку зрелище часто длилось много часов, и когда ожидалось что-то экстраординарное, люди толпами отправлялись занимать места до рассвета, а некоторые даже в полночь.

Кампанцы первыми изобрели способ натягивать навесы над своими театрами с помощью шнуров, натянутых поперек пещеры и прикрепленных к мачтам, которые проходили через перфорированные каменные блоки, глубоко врезаемые в стену. Квинт Катулл представил их в Риме, когда праздновал игры при открытии Капитолия в 69 году до н.э. Лентул Спинтер, современник Цицерона, первым установил навесы из тонкого полотна (*carbasina vela*). Юлий Цезарь осмотрел весь Римский форум и Виа Сакра, от своего собственного дома до Капитолия, что считалось даже более замечательным, чем его гладиаторские бои. Дион упоминает сообщение о том, что эти навесы были из шелка, но он говорит с сомнением; и едва ли даже расточительность цезаря завела бы его так далеко. Шелк в то время в Риме не производился; и мы узнаем от Вописка, что даже во времена Аврелиана сырье ценилось на вес золота. У Лукреция, говоря о влиянии цветных тел на проходящий свет, есть прекрасный отрывок, иллюстрирующий великолепие, демонстрируемое в этой области театрального декора.

Это толпа

Часто наблюдает в театре, чьи широкие навесы,
украшенные малиновым, желтым или с оттенком
лазурной стали, с их рифленых высот
трепещут; и над сценой внизу,
каждая мраморная статуя и поднимающиеся ряды
высокого ранга и красоты, отбрасывают превосходный оттенок,
В то время как стены с более ярким оттенком отражают
яркий полуденный свет, каждый предмет вокруг
Окрашивается в более насыщенный цвет и носит обильную
форму. еще более прекрасный блеск, восхитительный с первого дня.

Однако шерсть была самым распространенным материалом, и веларии, производимые в Апулии, пользовались наибольшим уважением из-за белизны шерсти.

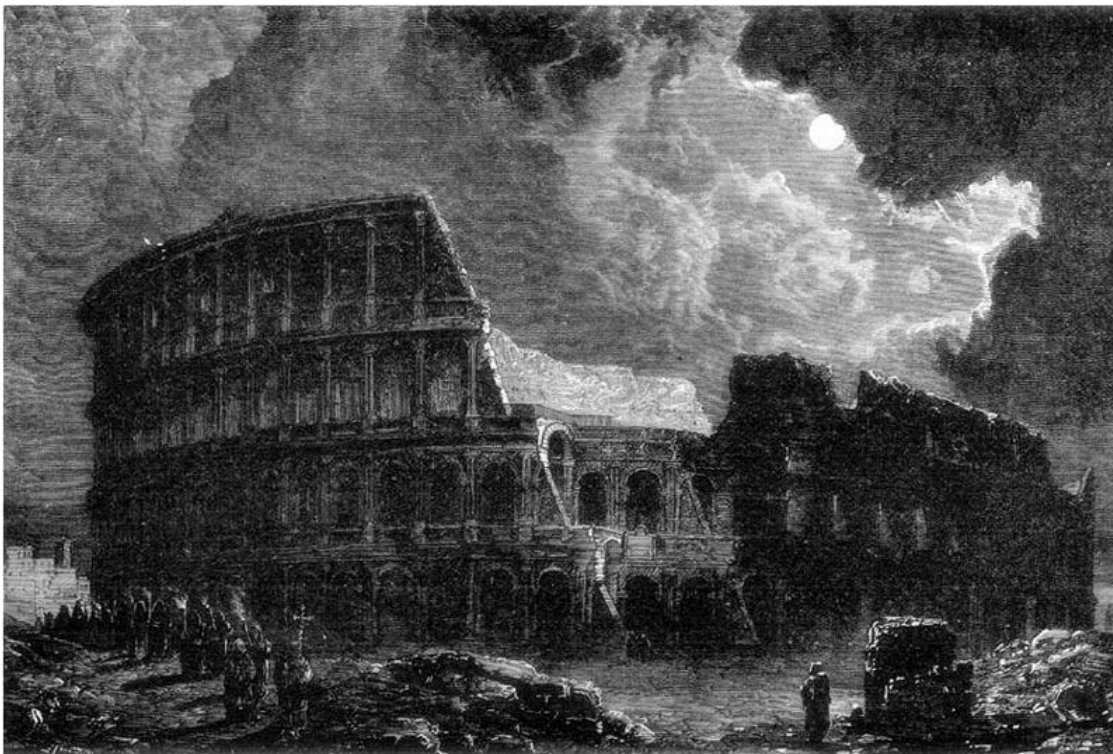
Те, кто не знаком по опыту с трудностью обеспечения устойчивости палаток больших размеров и еще большей трудностью установки навесов, когда из-за цели, для которой они предназначены, невозможно установить опору в центре, могут не до конца оценить

сложность установки этих велариев и управления ими. Прочность была необходима как для самой ткани, так и для шнуров, которые натягивали и поддерживали ее, иначе все это задрожало бы от первого порыва ветра, а прочность не могла быть достигнута без большого веса. Многие из наших читателей, вероятно, не знают, что какой бы короткой и легкой ни была струна, никакое натяжение, приложенное горизонтально, не растянет ее в идеально математически прямую линию. Практически отклонение незаметно там, где приложенная мощность очень велика пропорционально весу и длине струны. До сих пор она существует; и если взять обычный пример, то читатель, вероятно, никогда не видел натянутой бельевого веревки, хотя ни вес, ни длина веревки невелики, без того, чтобы середина была заметно ниже концов. Когда трос одновременно длинный и тяжелый, требуется огромная мощность, чтобы подвесить его даже на изгибе между двумя точками; а величина натяжения и трудность поиска материалов, способных выдержать его, являются единственными препятствиями для строительства цепных мостов, длина которых должна составлять тысячи, а не сотни футов.

При таких сооружениях опоры поднимаются на значительную высоту, чтобы обеспечить достаточную глубину изгиба цепей без углубления проезжей части. В десять—сто раз большей силы, которая была приложена для придания им такой формы, не хватило бы, чтобы привести их даже так близко к горизонтальной линии, но самый неточный и ненаблюдательный глаз сразу заметил бы неравенство в их уровне; и сами цепи, вероятно, поддались бы, прежде чем к ним можно было бы приложить такую силу, как эта. Наименьший диаметр Колизея почти равен по длине мосту Менаи; и если труд по протягиванию веревок через один кажется незначительным по сравнению с трудом по натягиванию тяжелых цепей другого, мы можем принять во внимание вес ткани, которую поддерживали эти веревки, и увеличение трудностей, возникающих из-за действия ветра на такой обширной поверхности.

В ненастную погоду, как мы узнаем от Марциала и других авторов, эти трудности были настолько велики, что велум не мог распространяться. В таких случаях римляне использовали широкополые шляпы или что-то вроде зонтика, который назывался *umbella* или *umbraculum*, от *umbra*- тень. В заключение мы можем добавить, что Суктоний упоминает в качестве одной из тиранических выходок Калигулы, что иногда во время представления гладиаторов, когда солнце палило особенно сильно, он отдергивал навес и в то же время запрещал кому бы то ни было покидать это место.

Трудность этого предприятия вызвала бурную дискуссию относительно средств, с помощью которых римляне ухитрялись растягивать велум на такой высоте по такой большой поверхности и управлять им по своему усмотрению. На службу были наняты матросы, поскольку император Коммод, который гордился своим гладиаторским мастерством и имел обыкновение сражаться на арене, считая, что над ним насмехается раболепная толпа зрителей, когда однажды они приветствовали его божественными почестями, отдал приказ об их убийстве матросами, которые управляли завесами.

РИМСКИЙ КОЛИЗЕЙ.

О способе их обработки не сохранилось никакой информации. Однако очевидно, что они поддерживались мачтами, которые возвышались над вершиной стен. У вершины внешней стены Колизея есть 240 консолей, или выступающих каменных блоков, в которых прорезаны отверстия для размещения концов балок, которые поднимались через отверстия, прорезанные в карнизе, на некоторую высоту над наибольшей высотой здания. Таким образом, было приобретено достаточное количество прочных точек опоры через равные промежутки; и, когда эта трудность была преодолена, следующей задачей было как можно туже натянуть более крупные веревки, от которых зависела устойчивость всего покрытия.

Игры, которым были особенно посвящены эти здания, были, как мы уже намекали, двоякими— те, в которых использовались дикие звери для борьбы либо друг с другом, либо с людьми, и те, в которых мужчины сражались с мужчинами. Под общим термином "гладиаторы" понимаются все, кто сражался на арене, хотя те, кто противопоставлял свое мастерство силе и свирепости диких животных, были особо отмечены названием *бестиариев*. В основном эти несчастные были рабами или осужденными преступниками, которые, приняв эту профессию, приобрели неопределенное продление существования, но свободные люди иногда добывали отчаянное пропитание, подвергая таким рискам свою жизнь; и в период упадка Рима рыцари, сенаторы и даже императоры иногда появлялись на арене, подстрекаемые вульгарной и унижительной жадой народных аплодисментов.

Происхождение этих кровавых развлечений можно найти в самых ранних записях мирской истории и на самых ранних стадиях развития общества. Среди полудицилизованных или диких народов, как древних, так и современных, мы находим обычай после битвы приносить в жертву военнопленных в честь тех вождей, которые были убиты. Так Ахилл приносит двенадцать юных троянцев в жертву призраку Патрокла. Со временем стало обычным приносить в жертву рабов на похоронах всех состоятельных людей; и то ли для развлечения зрителей, то ли потому, что резня беззащитных людей казалась варварством, им вкладывали в руки оружие, и их подстрекали спасти свои жизни смертью тех, кто был против них.

В более поздние времена оснащение этих несчастных людей стало предметом спекуляций, и их тщательно обучали оружейному ремеслу, чтобы повысить репутацию и популярность подрядчика, который их предоставил. Римляне называли этого человека *ланистой*. Сначала эти забавы устраивались около погребального костра умершего или возле его гробницы в соответствии с идеей жертвоприношения, из которой они возникли; но по мере того, как они становились все более пышными и перестали быть специально подобающими для подобных случаев, их перенесли сначала на Форум, а затем в Цирк и амфитеатры.

Гладиаторы были впервые выставлены в Риме в 265 году до н.э. М. и Д. Брутами по случаю смерти их отца. Это представление состояло всего из трех пар. В 216 году до н.э. трое сыновей М. Эмилия Лепида, авгура, развлекали народ на Форуме одиннадцатью парами, и представление длилось три дня. В 201 году до н.э. трое сыновей М. Валерия Левина представили двадцать пять пар. И, таким образом, количество и частота этих представлений увеличивались, а вкус к ним усиливался по мере того, как они доставляли удовольствие, пока не только наследник какого-либо богатого или выдающегося человека, недавно умершего, но и все главные магистраты и кандидаты в магистратуры не стали устраивать людям представления такого рода, чтобы завоевать их расположение и поддержку.

Этот вкус был не лишен неудобств и опасностей. Люди высокого ранга и политической значимости содержали, как их называли, *семьи* гладиаторов — головорезов, готовых выполнить любой приказ своего хозяина; и к падению республики, когда ярость партии побоялась прибегнуть к открытому насилию, вопросы высочайшей важности обсуждались на улицах города самыми презируемыми из его рабов. В заговоре Катилины они опасались такой большой опасности, что были приняты особые меры, чтобы предотвратить их присоединение к недовольной партии; событие, которого следовало опасаться тем больше, что из-за отчаянной войны, в которую они втянули республику за несколько лет до этого под командованием знаменитого Спартака. В гораздо более поздний период, во время триумфа Проба, в 281 году н.э., около восьмидесяти гладиаторов проявили такое же мужество. Презрев проливать свою кровь на потеху жестокому народу, они убили своих надзирателей, вырвались из места своего заключения и наполнили улицы Рима кровью и смятением. После упорного сопротивления они были разбиты на куски регулярными войсками.

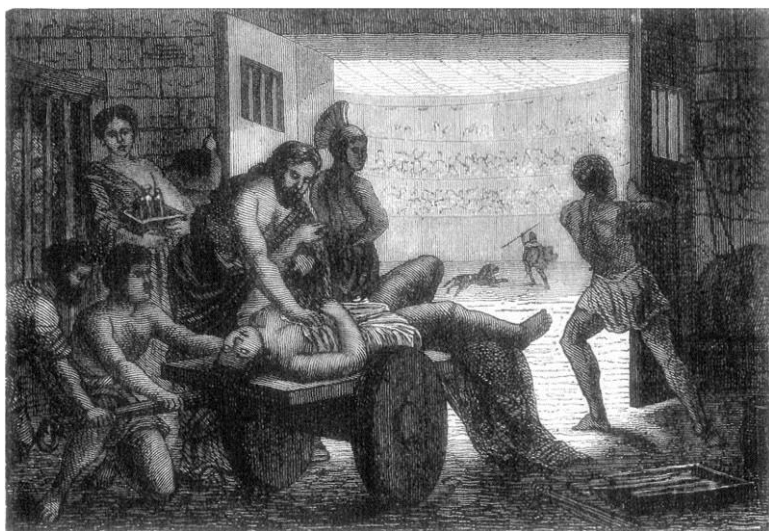
Клятва, которую они давали при поступлении на службу, сохранена Петронием и сформулирована в следующих выражениях: "Мы клянемся, под диктовку Эвмолпа, принять смерть от огня, уз, побоев и меча; и что бы еще ни приказал Эвмолп, как истинные гладиаторы, мы телом и разумом посвящаем себя служению нашему хозяину".

От рабов и вольноотпущенников бесчеловечный спорт в конце концов распространился на людей высокого положения и состоятельных, настолько, что Август был вынужден издать эдикт, запрещающий никому из сенаторов становиться гладиаторами; и вскоре после этого он наложил аналогичные ограничения на рыцарей.

Последующие императоры, в зависимости от их характера, поощряли или пытались подавить этот унижительный вкус. Рассказывают, что Нерон вывел на арену более четырехсот сенаторов и шестисот рыцарей; а на некоторых из его показательных выступлений публично состязались даже знатные женщины. Превосходный Марк Аврелий не только сократил огромные расходы на эти развлечения, но и приказал, чтобы гладиаторы сражались только тупым оружием. Но они были отменены только через некоторое время после введения христианства. Константин издал первый эдикт, осуждавший пролитие человеческой крови, и приказал, чтобы преступников, приговоренных к смерти, скорее отправляли в рудники, чем оставляли для службы в амфитеатре. В царствование Гонория,

когда он праздновал великолепными играми отступление готов и освобождение Рима, азиатский монах по имени Телемах имел смелость спуститься на арену, чтобы разнять сражающихся. "Римляне были разозлены этим вмешательством в их удовольствия, и опрометчивый монах был сбит с ног градом камней. Но безумие народа скоро улеглось; они чтили память Телемаха, заслужившего почести мученичества, и безропотно подчинились законам Гонория, которые навсегда отменили человеческие жертвоприношения в амфитеатре". Это произошло в 404 году н.э. Однако только в 500 году Теодорих окончательно отменил эту практику.

Незадолго до назначенного дня представления его устроитель (*редактор*) опубликовал объявления, содержащие имена и приметы гладиаторов, поскольку у каждого из них был свой отличительный значок, а также указывающие, сколько человек будут сражаться и как долго продлится представление. Похоже, что, подобно нашим странствующим шоуменам, они иногда выставляли картины с изображением того, что должны были содержать спортивные состязания. В назначенный день гладиаторы с большой церемонией прошли процессией в амфитеатр. Затем они разделились на пары, как это было сделано ранее. Гравюра на стене амфитеатра в Помпеях, по-видимому, изображает начало боя. В середине стоит арбитр боя, размечающий длинной палкой пространство для сражающихся. Справа от него стоит гладиатор, вооруженный лишь наполовину, которому двое других приносят меч и шлем. Слева другой гладиатор, также лишь частично вооруженный, трубит в трубу, возвещая начало боя; в то время как позади него двое товарищей, у подножия одной из Побед, окружающих сцену, готовят его шлем и щит.

ОСМОТР РАНЕНЫХ.

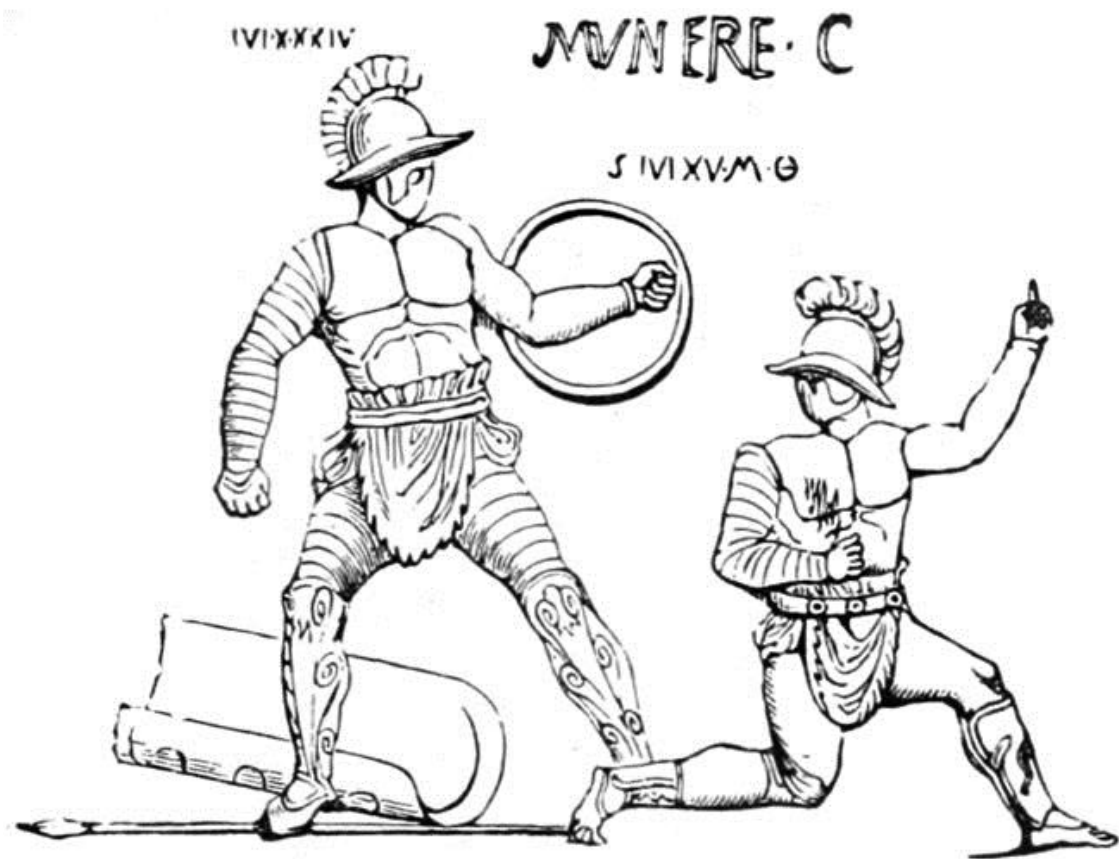
Сначала, однако, они сражались только посохами, называемыми *rudes*, или затупленным оружием; но когда их подогрела и воодушевила видимость битвы, они сменили оружие и при звуках труб перешли к настоящему сражению. Победенный надеялся на жизнь народа или императора; его противник не имел права даровать ее или отказать в ней; но если зрители были недовольны и подавали сигнал о смерти, он был вынужден стать исполнителем их воли. Этим сигналом, как хорошо известно, было опускание больших пальцев. Если кто-то проявлял признаки страха, их смерть была неминуема; если же, с другой стороны, они бесстрашно ждали смертельного удара, люди, как правило, смягчались. Но страх и упадок духа были очень редким явлением, настолько, что Цицерон не раз предлагал принцип чести, который побуждал гладиаторов к действию, как замечательный образец постоянства и

мужества, с помощью которого он намеревался вдохновить себя и других на все, чтобы вынести все ради защиты государства.

Тела убитых протаскивали с помощью крюка или на тележке через ворота, называемые *Libitinensis*, Врата Смерти. Победитель был вознагражден денежной суммой, внесенной зрителями или дарованной из казны, или пальмовой ветвью, или пальмовой гирляндой, украшенной цветными лентами — знаками, часто встречающимися на древних памятниках. Те, кто выживал три года, освобождались от этой службы, и иногда тот, кто получал большое удовлетворение, получал избирательные права на месте. Это было сделано путем предъявления посоха (*rudis*), который использовался перед боем; получив его, гладиатор, если он был свободным человеком, возвращал себе свободу; если он был рабом, он не становился свободным, но освобождался от обязанности рисковать своей жизнью и дальше на арене.

Гладиаторы были разделены, в соответствии с видом их доспехов и наступательного оружия, на классы, известные под названиями Фракс, самнис, Мирмилло и многие другие, простой каталог которых был бы утомительным, а установление и описание их отличительных знаков заняло бы целый трактат.

Другая группа состоит из четырех фигур. Двое - *secutores*, последователи, двое других - *ретиарии*, ловцы сетей, вооруженные только трезубцем и сетью, с помощью которых они пытались опутать своего противника, а затем расправиться с ним. Эти классы, такие как фракс и Мирмилло, были обычными антагонистами и получили свое название от секутора, следовавшего за ретиарием, который ускользал от преследования, пока не нашел возможность забросить свою сеть с выгодой для себя. Непимус, один из последних, пять раз одерживавший победы, сражался против одного из первых, чье имя утеряно, но который шесть раз одерживал победы в различных боях. В этой битве ему повезло меньше. Непимус поразил его в ногу, бедро и левую руку; у него течет кровь, и напрасно он молит зрителей о пощаде. Поскольку трезубец, которым вооружен Непимус, не является оружием, предназначенным для быстрой и верной смерти, секутор Гипполит выполняет эту последнюю услугу своему товарищу. Приговоренный негодяй преклоняет колено, подставляет свое горло под удар меча и бросается вперед, чтобы встретить удар, в то время как Непимус, его победитель, толкает его и, кажется, оскорбляет последние мгновения своей жертвы. Вдалеке находится ретиарий, который, в свою очередь, должен сразиться с Ипполитом. У секуторов был очень простой шлем, так что у их противника могло быть мало или вообще не быть возможности снять его с помощью сети или трезубца; правая рука была облачена в доспехи, в левой был *клипеус*, или большой круглый щит; сандалии, перевязанные узкими лентами, прикрывали их ноги. Они не носят ни бронежилетов, ни покрывал, кроме ткани вокруг талии, ибо только благодаря своей легкости и активности они могли надеяться избежать смерти и одержать победу. У ретиариев голова непокрыта, за исключением повязки на волосах; у них нет щита, но левая сторона прикрыта полукомбинезоном, а левая рука защищена обычным образом, за исключением того, что наплечник находится очень высоко. Они носят калигу, или низкие сапоги, обычные для римских солдат, и носят трезубец; но сети, которой они пытались опутать своих противников, нигде не видно. Этот барельеф завершается поединком между легковооруженным гладиатором и самнитом. Этот последний умоляет зрителей спасти его, но из действий главной фигуры видно, что это не удовлетворено. Победитель смотрит на ступени амфитеатра; он увидел роковой сигнал и в ответ готовится нанести удар.

ПРОШУ ПРОЩЕНИЯ.

ΑΜΠΛΙΑΙ· Ρ·Φ· ΣΥΜΜΑΧ

НЕ ПРЕДОСТАВЛЕНО.

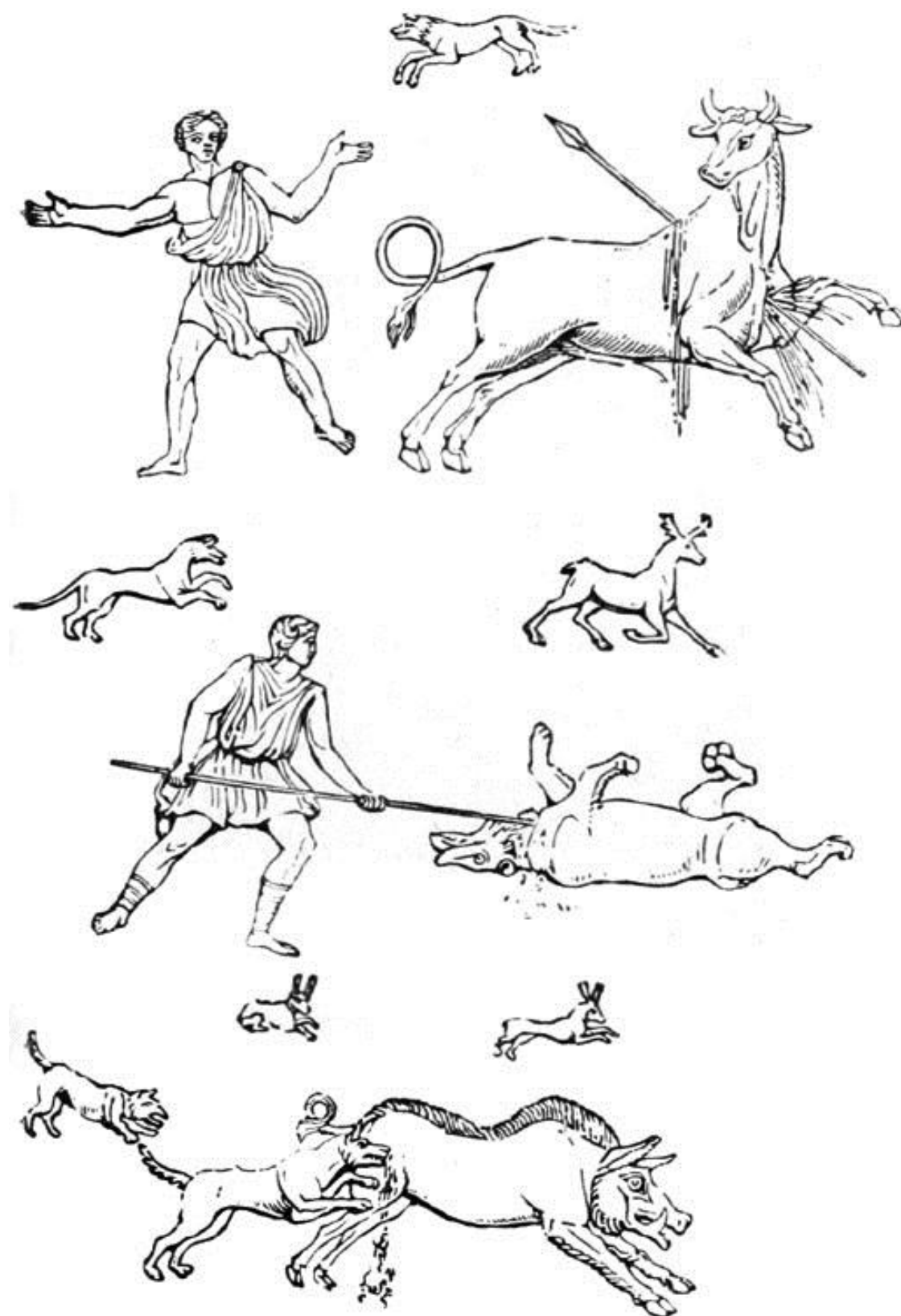
Между пилястрами двери продолжается фриз. Изображены два сражения. В первом самнит был побежден Мирмиллоном. Этот последний желает стать палачом своего товарища, не дожидаясь ответа от народа, к которому обратился побежденный; но *ланиста* останавливает его руку, из которой, по-видимому, самнит получил прощение.

Другая пара демонстрирует похожий бой, в котором Мирмилло падает зарезанным. Раны, кровь и внутренняя сторона щитов окрашены в очень ярко-красный цвет. Мечи, за исключением меча Ипполита, опущены; возможно, предполагалось сделать их из металла.

Барельефы, составляющие нижний фриз, посвящены охоте и поединкам между людьми и животными. В верхней части изображены зайцы, преследуемые собакой; за ними - раненый олень, преследуемый собаками, для которых он вот-вот станет добычей; ниже - дикий кабан, схваченный огромной собакой, из-за которой уже потекла его кровь.

В середине композиции *бестиарий* пронзает медведя ударом своего копья. Этот человек носит что-то вроде коротких охотничьих сапог и одет так же, как и его товарищ, в легкую тунику без рукавов, завязанную вокруг бедер и называемую *subucula*. Это была одежда простых людей, как мы узнаем из скульптур на колонне Траяна. Товарищ этого человека пронзил быка, который улетает, унося с собой тяжелое копье, которым он был ранен. Он поворачивает голову к нападавшему и, кажется, хочет вернуться к атаке; судя по жестам, человек поражен, видя себя обезоруженным и находящимся во власти животного, которое, как он думал, было смертельно ранено. Плиний (lib. viii. cap. 45) говорит о свирепости,

проявляемой быками в этих боях, и о том, что я видел, как они, растянувшись замертво на арене, поднимаются и возобновляют бой.

СРАЖАЕТСЯ СО ЗВЕРЯМИ

Другой вид амфитеатрических развлечений состоял в том, что люди, приговоренные законом, умирали либо от рук палача, либо от ярости диких животных. Ранние христиане были особенно подвержены этому виду жестокости. Нерон воспользовался предубеждением против них, чтобы отвести в сторону народное возмущение после великого пожара Рима, которое обычно приписывают его собственной необузданной любви к озорству; и мы узнаем от Тертуллиана, что после великих общественных бедствий криком черни было: "Львам вместе с христианами".

Колизей теперь обязан своим сохранением христианской крови, столь обильно пролитой в его стенах. После того, как в течение веков он служил каменоломней для всех, чье положение и власть давали им право на долю в общественной добыче, он, наконец, был защищен от дальнейшего ущерба папой Бенедиктом XIV, который освятил здание примерно в середине прошлого века и передал его под защиту мучеников, которые своей кровью засвидетельствовали искренность своей веры.

В помпейском амфитеатре нет ничего, что противоречило бы общему описанию зданий этого класса, и поэтому наше сообщение о нем неизбежно будет кратким. (См. стр. 121.) Его форма, как обычно, овальная: крайняя длина, от внешней стороны внешней галереи до внешней, составляет 430 футов, наибольшая ширина - 335 футов. Зрители получали доступ по билетам, на которых были номера или пометки, соответствующие аналогичным знакам на арках, через которые они входили. Те, кто имел право занимать нижние ряды сидений, проходили через перфорированные аркады более низкого порядка; те, чье место находилось в верхней части пещеры, поднимались по лестницам между сиденьями и внешней стеной здания. Отсюда женщины снова поднялись на верхний ярус, который был разделен на ложи и отведен для них.

Конструкция состоит по большей части из грубой каменной кладки, называемой *opus incertum*, с куонами квадратного камня и некоторыми незначительными восстановлениями из щебня. Эта грубая масса, вероятно, когда-то была покрыта более роскошной облицовкой из тесаного камня, но сейчас от нее не осталось никаких других следов, кроме нескольких ключевых камней, на одном из которых изваяны колесница и две лошади, на другом - голова; кроме того, на клиновидных камнях есть несколько звезд.

На каждом конце эллипса были входы на арену для сражающихся, через которые мертвые тела вытаскивали в сполиарий. Это были также основные подходы к нижним рядам кресел, занимаемых сенаторами, магистратами и рыцарями, с помощью коридоров справа и слева, которые огибали арену. Концы этих проходов были защищены металлическими решетками от проникновения диких зверей. В северном коридоре есть девять мест для постаментов, образующих разделительную линию, разделяющую вход на две части неодинаковой ширины. Места возвышаются над ареной на высоком подиуме или парапете, на котором, когда здание было впервые открыто, сохранилось несколько надписей, содержащих имена дуумвиров, председательствовавших на различных мероприятиях. Были также фрески, одна из которых изображала тигрицу, сражающуюся с диким кабаном; другая - оленя, преследуемого львицей; третья - битву между быком и медведем. Другие сюжеты включали канделябры, распределение пальм между гладиаторами, крылатых гениев, менестрелей и музыкантов; но все они исчезли вскоре после того, как попали в атмосферу. Амфитеатр состоит из двадцати четырех рядов кресел и около 20 000 футов гостиной.

Можно заметить, что арена помпейского амфитеатра, по-видимому, образована естественной поверхностью земли и не имеет ни одного из тех обширных фундаментов, которые можно наблюдать в Поццуоли и Капуе. Следовательно, он, по-видимому, не может

быть превращен в Наумахию, да и найти там достаточно воды для такой цели было бы нелегко.

В римском театре устройство оркестра и сцены отличалось от греческого. Благодаря конструкции, характерной для римского театра, сцена была приближена к зрителям (дуга не превышала полукруга) и сделана значительно глубже, чем в греческом театре. Длина сцены в два раза превышала диаметр оркестра. В римском оркестре не было тимела. Задняя часть сцены, или авансцены, была украшена богатыми нишами, колоннами и фризами, какие можно увидеть в некоторых театрах Малой Азии и в большом театре в Помпеях, относящемся к римскому периоду.

Однако в целом строительство римского театра напоминало греческий. Сенат и другие выдающиеся личности занимали круглые ряды мест в оркестре; претор занимал место несколько выше. Пространство между оркестром и первой трибуной, обычно состоящее из четырнадцати мест, было зарезервировано для всадников, трибун и т.д. Над ними располагались места плебеев. Солдаты были отделены от граждан. Август назначил женщин сидеть в портике, который охватывал все здание. За кулисами находились постсцениум, или комната отдыха, и портики, куда на случай внезапного ливня уходили люди из театра.

Самые ранние театры Рима представляли собой временные постройки из дерева. Великолепный деревянный театр, построенный М. Эмилием Скавром в его правлении в 58 году до н.э., описан Плинием. В 55 году до н.э. К. Помпей построил первый каменный театр в Риме, недалеко от Марсового поля. Храм Венеры Победоносной, которой он посвятил все здание, был возведен в самой высокой части пещеры.

Следующий постоянный театр был построен Августом и назван в честь его любимца, юного Марцелла, сына его сестры Октавии. Обычно сообщается, что архитектором этого здания, вмещавшего 30 000 человек, был Витрувий. Аудитория представляла собой полукруг диаметром 410 футов. Сохранились двенадцать арок его внешней стены. Судя по отметинам, все еще видимым в большом театре в Помпеях, место, отведенное для каждого зрителя, составляло около 13 дюймов. В этом театре было 5000 зрителей. Театр Помпей в Риме вмещал 40 000 зрителей. Говорят, что театр Скавра вмещал 80 000 человек. Римляне превзошли греков в величии этих зданий. Они построили их почти во всех своих городах. Остатки их найдены почти в каждой стране, где правили римляне. Один из самых ярких римских провинциальных театров находится в Оранже, на юге Франции.

Одеум был зданием, предназначенным для декламаций рапсодов и выступлений кифаристов, еще до того, как появился театр. По своей общей форме и устройству одеум был очень похож на театр. Были, однако, некоторые характерные отличия. Одеум был намного меньше театра, и у него была крыша. Древний и оригинальный афинский одеум на Агоре, вероятно, был возведен во времена Гиппарха, который, согласно Платону, первым представил в Афинах поэмы Гомера и заставил рапсодов декламировать их во время Панафинейских богослужений. В Афинах было еще два — Одеум Перикла и Одеум Ирода Аттика. Одеум Перикла был построен в подражание шатру Ксеркса. Он был сожжен Суллой, но был восстановлен в точной имитации оригинального здания. Он находился с восточной стороны театра Диониса. Одеум Ирода Аттика был построен им в память о своей покойной жене Регилле, чье имя он обычно носил. Он расположен под юго-западным углом Акрополя. Его наибольший диаметр в пределах стен составлял 240 футов, и, по расчетам, в нем могло разместиться около 8000 человек. Одеа существовали в нескольких городах Греции, в Коринфе, Патре, Смирне, Эфесе и других местах Малой Азии. В Риме тоже были одеа; одна

была построена Домицианом, а вторая - Траяном. На вилле Адриана, в Тиволи и Помпеях сохранились руины Одеума.

Остатки амфитеатров найдены в нескольких городах Этрурии. Амфитеатр в Сутри считается исключительно этрусским по своему способу постройки. Он вырезан из туфа и, без сомнения, использовался этим народом для праздничных представлений задолго до того, как Рим предпринял что-либо подобное. Римляне скопировали эти сооружения у этрусков. У нас также есть исторические свидетельства того, что гладиаторские бои имели этрусское происхождение и были заимствованы римлянами.

Амфитеатры были характерны только для римлян. Гладиаторские представления, а также погони и бои диких зверей, с которыми всегда связан амфитеатр, сначала проводились в цирке. Его непригодность для подобных видов спорта побудила Юлия Цезаря во время его диктатуры построить деревянный театр на Марсовом поле, построенный специально для охоты. Гай Скрибоний Курион построил первый амфитеатр для проведения погребальных игр своего отца. Он состоял из двух деревянных театров, установленных на шарнирах, так что их можно было поворачивать вместе со зрителями и всеми остальными и ставить лицом к лицу, образуя таким образом двойной театр, или амфитеатр, окончание которого предполагало его эллиптическую форму. Сталий Тавр, друг Августа, в 30 году до н.э. возвел более прочный амфитеатр, частично из камня, частично из дерева, на Марсовом поле. Другие были впоследствии построены Калигулой и Нероном. Амфитеатр Нерона был деревянным и находился на Марсовом поле.

Собравшиеся люди в переполненном театре, должно быть, представляли собой впечатляющее зрелище, в котором великолепные цвета платьев сливались с лазурью южного неба. Не сохранилось ни одного старинного изображения этого предмета. Зрители начали собираться на рассвете, поскольку каждый желал занять хорошее место, предварительно заплатив за вход. Эта сумма, не превышающая двух оболов, выплачивалась строителю или управляющему театром. После возведения каменных театров в Афинах эта плата за вход была выплачена правительством для беднейших слоев населения и действительно стала одной из самых тяжелых статей бюджета. Ибо не только на дионисийских церемониях, но и во многих других праздничных случаях люди требовали бесплатного входа, подтвержденного в их требованиях демагогами. Часто деньги, зарезервированные на случай войны, приходилось тратить на эти цели. Конечно, не все места в театре были одинаково хороши, и соответственно их цены варьировались. Полиция театра должна была следить за тем, чтобы каждый занял свое место в ряду, указанном в билете. Большинство зрителей были мужчинами. В старые времена женщинам разрешалось присутствовать только на трагедиях, грубые шутки комедии считались неприличными для ушей афинских дам. Исключение из этого правила составляли только гетеры. Почти наверняка места мужчин и женщин были разделены. Мальчикам разрешалось быть свидетелями как трагедий, так и комедий. Представляется сомнительным, допускались ли среди зрителей рабы. Поскольку педагогам не разрешалось входить в классную комнату, представляется вероятным, что им также пришлось покинуть театр после того, как они проводили своих юных наставников на их места. Не допускались к зрителям и рабы, несущие подушки для сидений своих хозяев. Однако возможно, что, когда места стали выставаться на продажу, определенным классам рабов разрешили посещать театр. Любимых поэтов и актеров награждали аплодисментами и цветами, в то время как плохим исполнителям приходилось мириться со свистом и, возможно, другими худшими признаками общественного негодования. Греческая публика напоминала южноевропейскую в наши дни

по живости своих демонстраций, которые распространялись даже на публичных персонажей среди зрителей, выходящих из театра.

Витрувий дал несколько подробных указаний, убедительно иллюстрирующих важность предмета, для выбора подходящей обстановки для театра. "Когда Форум завершится, необходимо создать здоровую обстановку, в которой можно было бы построить театр для показа спортивных состязаний в дни фестивалей бессмертных богов. Поскольку зрители задерживаются на своих местах зрелищностью игр и долгое время остаются спокойными, их поры открываются и впитывают потоки воздуха, которые, если они приходят из болотистых или иных нездоровых мест, разносят по телу вредные испарения. Она также не должна быть обращена на юг, потому что, когда солнце заполняет вогнутость, замкнутый воздух, неспособный выходить наружу или циркулировать, нагревается, а затем вытягивает и высушивает соки тела. Также следует тщательно следить за тем, чтобы место не было непригодным для передачи звука, но таким, чтобы голос звучал как можно более отчетливо".

Древняя сцена, в отличие от современной, не поддавалась изменению. Он состоял из солидного здания (*scena stabilis*), представляющего собой фасад королевского дворца и украшенного богатейшими архитектурными орнаментами. Он был построен из камня или кирпича, облицованного мрамором, и имел три двери, из которых средняя, называемая *королевскими воротами*, больше и красивее остальных, должна была служить входом во дворец. Это использовалось только при представлении трагедий, и то только главными действующими лицами драмы. Дверь в правом крыле предназначалась для низших особ, а дверь в левом - для иностранцев или лиц, приезжающих из-за границы. На нашем плане пять углов треугольников, которые еще не убраны, определяют расположение сцены. Напротив центрального находятся царственные двери; по бокам расположены те, через которые вошли второстепенные персонажи. За сценой, как и в греческом театре, были помещения, в которые удалялись актеры; а под ней находились своды или подвалы, которые, как и на современной сцене, служили для входа призраков или для установки любого необходимого оборудования. *Авансцена*, или пространство между оркестром и сценой, соответствующее нашей сцене, хотя и более глубокое, чем греческое, не отличалось большой глубиной, которая не требовалась для исполнения древних драм, в которых на сцене одновременно появлялось всего несколько персонажей. Кроме того, при отсутствии какой-либо крыши голос исполнителей был бы потерян, если бы сцена была слишком глубокой. Тот, что в Помпеях, имеет всего около двадцати одного фута в ширину, хотя его длина составляет сто девять.

Вдоль передней части сцены, между ней и оркестром, проходит довольно глубокое линейное отверстие, служащее вместилищем для *авлеума*, или занавеса, фасон которого был прямо противоположен нашему, поскольку в начале пьесы его приходилось опускать, а не поднимать. Эта операция, выполняемая механизмами, о которых у нас нет четкого описания, называлась *aulæum premere*, как в хорошо известной строке Горация:¹⁹

Quatuor aut plures aulæa premuntur in horas.

Следует, однако, упомянуть, что у древних, по-видимому, также были подвижные декорации (*scena ductilis*), чтобы при необходимости изменять внешний вид постоянной сцены. Это, должно быть, была раскрашенная доска или холст.

Другим методом создания иллюзии было использование масок. Они были необходимы из-за обширности древних театров и обычая выступать на открытом воздухе.

В восточном портике Треугольного форума находятся четыре входа в разные части большого театра. Первые два, когда вы входите, ведут в большой круглый коридор, окружающий всю пещеру; третий выходит на площадку за сценой, откуда есть сообщение с оркестром и привилегированными местами; четвертый вел вниз по длинной лестнице, у подножия которой вы поворачиваете направо, в солдатский квартал, а слева - в уже упомянутую зону. Коридор перекрыт аркой. В нем есть два других входа, один из большого прохода с восточной стороны, другой из меньшего прохода с северной. Шесть внутренних дверей, называемых вомиториями, открывались на равное количество лестничных пролетов, которые вели вниз, к первому этажу. Театр расположен на склоне холма, коридор является самой высокой частью, так что зрители при входе сразу же спускались на свои места, и были сохранены широкие лестницы, которые вели на верхние трибуны театров и амфитеатров Рима. Рядом с первым входом была лестница, которая вела на женскую галерею над коридором; здесь сиденья были разделены на отсеки, как в наших ложах. Скамейки были примерно один фут три дюйма в высоту и два фута четыре дюйма в ширину. Каждому зрителю разрешалось иметь рост в один фут три с половиной дюйма, как можно убедиться в одной части, где отделы отмечены и пронумерованы. Места хватит примерно на пять тысяч человек. Здесь сидели представители среднего класса, обычно на подушках, которые они приносили с собой; высокопоставленные люди сидели в оркестре внизу, на парадных стульях, принесенных туда их рабами. По бокам от оркестра, значительно возвышаясь над ним, видны два отделения, предназначенные, возможно, для проконсула или дуумвиров и их офицеров, другое - для девственных весталок или для использования человеком, который устраивал представления. Это более вероятно, потому что в маленьком театре, где также находятся эти ложи, если можно их так назвать, они имеют связь со сценой.

Этот театр, по-видимому, был полностью покрыт мрамором; скамьи пещеры были мраморными, оркестр был мраморным, сцена со всеми ее украшениями тоже была мраморной; и все же от этого изобилия мрамора сохранилось лишь несколько фрагментов.

Судя по найденной на нем надписи, он был возведен или значительно улучшен неким Голконием Руфом. На первой ступени оркестра была еще одна надпись, составленная из бронзовых букв, врезанных в мрамор. Металл был удален, но полости в мраморе все еще остались. Они были расположены так, чтобы частично охватывать статую, и располагались следующим образом:

**М. ХОЛКОНИО. М. F. RVFO. II. V.I.D. КВИНКВИЕНС. ИТЕР.
QVINQ. ТРИБ. МИЛ. А. П. ФЛАМЕН. СРЕДНИЙ.
ПАТР. ДВОЕТОЧИЕ. Д.Д.**

это означает, что колония посвятила это своему покровителю, М. Голконию Руфу, сыну Марка: далее следуют его титулы. В середине этой надписи есть свободное место, где, вероятно, стояла статуя Голкония, поскольку до сих пор сохранились скобы, которыми что-то крепилось. Или, возможно, это был алтарь, поскольку у древних был обычай приносить жертвы Вакху в театре.

Римские бани.

Содержание

После того, как раскопки в Помпеях были продолжены в значительной степени, было удивительно, что не было обнаружено ни одной общественной бани, особенно потому, что они наверняка располагались почти в самом посещаемом месте и, следовательно, вероятно, где-то недалеко от Форума. Удивление было еще больше из-за небольшого количества ванн, найденных в частных домах. О существовании общественных бань давным-давно свидетельствует надпись, обнаруженная в 1749 году, в которой утверждается, что некто Януарий, получивший избирательные права раб, снабжал бани Марка Красса Фруги водой, как пресной, так и соленой. Наконец, раскопки в окрестностях Форума выявили комплекс общественных бань, превосходно устроенных, просторных, богато украшенных и превосходящих любые даже в самых значительных из наших современных городов. К счастью, они хорошо сохранились и проливают много света на то, что древние, и особенно Витрувий, писали на эту тему.

Надпись во дворе Бань.

**DEDICATIONE. THERMARUM. MUNERIS. КНЕЙ.
ALLEI. НИГИДИИ. МАИ. VENATIO. СПОРТСМЕН.
СПАРСИОНЕС. ВЕЛА. ERUNT. МАИО.
PRINCIPI. КОЛОНИИ. FELICITER.**

"По случаю освящения бань за счет Кнейса Аллея Нигидия Майуса будет организована охота на диких зверей, спортивные состязания, обрызгивание благовониями и установка навеса. Процветания Майусу, главе колонии".

Это объявление о публичном развлечении написано на стене во дворе бань, справа от входа.

Провинциальные города, подражавшие примеру Рима и одинаково любившие всевозможные театральные и гладиаторские представления, о которых мы подробно говорили при описании различных театров Помпей, обычно торжественно завершали строительство любых зданий или памятников, воздвигнутых для общественного служения, посвящением их. Эта церемония была не чем иным, как торжественным открытием или демонстрацией здания людям, в то же время радуя их щедростью и различными зрелищами. Когда частное лицо возводило здание, он сам обычно был тем человеком, который его освящал. Когда церемония проводилась по общественному заказу и за государственный счет, граждане поручали какому-нибудь магистрату или богатому и популярному человеку провести церемонию. В столице таким образом тратились огромные суммы, и человек, стремившийся стать популярным лидером, едва ли мог потратить свои деньги с большей пользой, чем на то, чтобы добиться благосклонности расточительностью своих расходов по этим или подобным поводам. Таким образом, оказывается, что по завершении строительства бань помпеянцы совершили посвящение Кнею Аллею Нигидию Маию, который развлекал их роскошным зрелищем.

Проводились бои (*venatio*) между дикими зверями или между животными и людьми, жестокий спорт, к которому римляне были страстными приверженцами; атлетические игры (*athletæ*), разбрызгивание благовоний (*sparsiones*), а также было решено установить навес над амфитеатром. Удобство такого покрытия будет очевидным не меньше, чем защита от солнца, чем от дождя под итальянским небом: достоинство обещания, которое может показаться незначительным, станет понятным, если учесть трудность натягивания покрытия на огромную площадь древнего амфитеатра. Кстати, мы можем заметить, что изображения охоты и схваток между дикими зверями являются обычными сюжетами росписей Помпей. В амфитеатре были найдены изображения боя между львом и лошадью и другого, между медведем и быком. Велариум, или тент, рекламируется во всех найденных пока надписях,

извещающих о публичных играх. Атлеты и спарсионес не фигурируют ни в каких других. Мы узнаем от Сенеки, что благовония распространялись путем смешивания с кипящей водой, а затем помещались в центр амфитеатра, так что ароматы поднимались вместе с паром и вскоре распространялись по всему зданию.

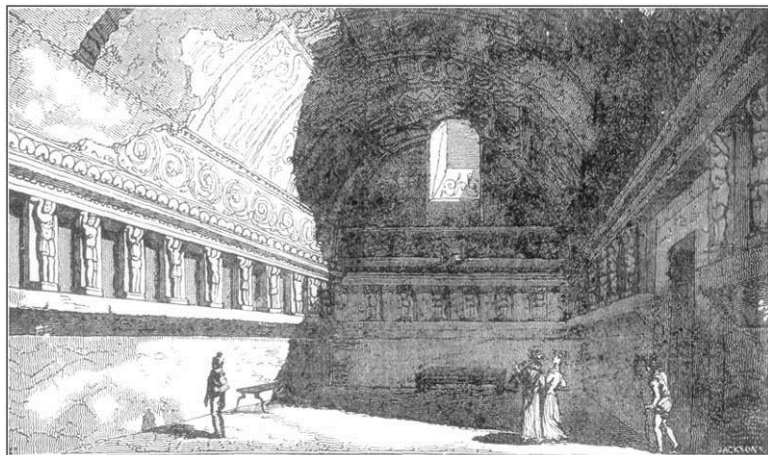
Есть некоторые основания предполагать, что завершение строительства и освящение бань предшествовали разрушению города, но ненадолго, поскольку надпись на стене бань была найдена совершенной, поскольку было принято писать эти объявления в самых общественных местах, и через очень короткий сезон их закрыли другими, как один рекламщик портит труды своих предшественников. Это совершенно очевидно даже по нынешнему разрушенному состоянию города, особенно на углах главных улиц, где легко обнаружить одну надпись, закрашенную поверх другой.

Но вернемся к Ваннам. Они занимают почти целый квартал, образуя неправильный четырехугольник; северный фасад, обращенный к улице Бань, имеет длину около 162 футов, южный фасад - около 93 футов, а средняя глубина - около 174 футов. Они разделены на три отдельных отсека, один из которых был отведен для каминов и прислуги заведения; два других были заняты рядом ванн, примыкающих друг к другу, похожих и приспособленных для одних и тех же целей, и снабжались теплом и водой из одной и той же печи и из одного и того же резервуара. Предполагается, что самая просторная из них предназначалась для мужчин, а меньшая - для женщин. Помещения и переходы вымощены белым мрамором с мозаикой. Из Варрона и Витрувия следует, что бани для мужчин и женщин изначально были объединены, как для удобства, так и для экономии топлива, но впоследствии были разделены для сохранения морали и не имели никакого сообщения, кроме как от печей. Мы будем называть их *старыми* банями для различия и потому, что они были обнаружены первыми; но на самом деле, более недавно обнаруженные Стабийские бани, вероятно, могут быть более древними.

Здесь следует отметить, что старые помпейские *термы* приспособлены исключительно для первоначального назначения бани, а именно как место для купания и мытья. Поэтому их ни на минуту нельзя сравнивать с банями, построенными в Риме в период империи, такие великолепные остатки которых до сих пор можно увидеть в банях Диоклетиана и особенно в банях Каракаллы. В этих обширных заведениях баня составляла лишь часть предоставляемых развлечений. Здесь также были просторные портики для прогулок и бесед, залы и корты для спортивных игр и гладиаторских боев, помещения для лекций философов, риториков и поэтов. Короче говоря, они образовали нечто вроде обширного общественного клуба, в котором были представлены почти все виды развлечений. В недавно обнаруженных банях, называемых *Thermæ Stabianae*, действительно есть большая четырехугольная площадка, или палестра, которая, возможно, служила для гимнастических упражнений и, среди прочего, для игры в мяч, как явствует из того, что в ней были найдены несколько больших каменных шаров. Однако даже это более крупное заведение лишь слегка приближается к великолепию и роскоши римских бань.

Тепидарий, или теплая камера, был назван так из-за теплой, но мягкой и умеренной температуры, которая подготавливала тела купальщиков к более интенсивному нагреву, которому они должны были подвергаться в паровых и горячих ваннах; и, *наоборот*, смягчала переход от горячей ванны к внешнему воздуху. Стена разделена на ряд ниш или отсеков теломонами высотой в два фута, выполненными с высоким рельефом и поддерживающими богатый карниз. Это мужские статуи, поскольку кариатиды - женские статуи, установленные для выполнения функций колонн. Греки называли их Атлантами из хорошо известной басни об Атласе, поддерживающем небеса. Здесь они сделаны из терракоты, или обожженной глины,

инкрустированной тончайшей мраморной лепниной. Единственное, что их прикрывало, - это пояс вокруг чресел; они были выкрашены в телесный цвет, с черными волосами и бородами; лепнина пьедестала и корзины на их головах имитировали золото; а сам пьедестал, а также стена позади них и ниши для хранения одежды купальщиков были окрашены в цвет красного порфира. Шесть из этих ниш закрыты без какой-либо видимой причины.

ПРИЕМ В БАНЯХ (в Помпеях).

Потолок покрыт лепниной с низким рельефом, с разбросанными фигурками и орнаментами маленьких летающих гениев, изящно выполненными на медальонах, вокруг которых вырезана листва. Земля раскрашена, иногда в красный, а иногда в синий цвет. Комната освещается окном высотой в два фута шесть дюймов и шириной в три фута, в бронзовой раме которого были найдены четыре очень красивых стеклянных панели, скрепленных маленькими гайками и шурупами, очень остроумно изготовленными, с целью снятия стекла по желанию. В этой комнате была найдена жаровня семи футов длиной и двух футов шести дюймов шириной, полностью сделанная из бронзы, за исключением железной обшивки. Две передние ноги изображают крылатых сфинксов, заканчивающихся львиными лапами, две другие ноги простые, предназначены для того, чтобы стоять у стены. Дно образовано бронзовыми брусками, на которые уложены кирпичи, поддерживающие пемзу, для получения древесного угля. По краю выполнено что-то вроде фальшивой зубчатой стены, а посередине на высоком рельефе изображена корова. Также были найдены три бронзовые скамейки, похожие по форме и узору. Они имеют один фут четыре дюйма в высоту, один фут в ширину и около шести футов в длину, поддерживаются четырьмя ногами, заканчиваются раздвоенными копытами коровы и украшены на верхних концах головами того же животного. На сиденье надпись: "М. НИГИДИУС, ВАККУЛА". P.S.

Варрон в своей книге "О сельских делах" рассказывает нам, что многие фамилии римских семей происходили от скотоводческой жизни, и особенно от животных, разведению которых они уделяли наибольшее внимание. Как, например, Porcii получили свое название от своего занятия разведением свиней; Ovinii - от ухода за овцами; Caprilli - за козами; Equarii - за лошадьми; Tauri - за быками и т.д. Таким образом, мы можем заключить, что семья этого Марка Ваккулы изначально была скотоводами, и что фигуры коров, столь обильно нанесенные на все изделия, которые он дарил баням, являются своего рода *наклонным гербом*, если позаимствовать выражение из геральдики, подобно тому, как в Риме семья Ториа приказала оттиснуть быка на своих деньгах.

Дверной проем вел из тепидария в кальдарий, или паровую баню. С одной стороны в нем был лаконикум, в котором находилась ваза, называемая лабрум. На противоположной стороне комнаты находилась горячая ванна под названием lavacrum. Здесь необходимо сослаться на слова Витрувия, объясняющие устройство помещений (глава xi. lib. v.): "Здесь следует разместить парилку со сводчатым потолком, длина которой вдвое превышает ее ширину, которая должна иметь на каждом конце, на одном конце *лакони́чный* шкаф, сделанный так, как описано выше, на другом конце - горячую ванну". Эта квартира в точности соответствует описанию, в два раза больше по длине, чем по ширине, исключительно с лаконичным диваном в одном конце и горячей ванной в другом. Тротуар и стены всего здания были выдолблены, чтобы пропускать тепло.

Лабрум представлял собой большую чашу или круглую вазу из белого мрамора, чуть более пяти футов в диаметре, в которую горячая вода с журчанием поднималась по трубке в центре и служила для частичного омовения тех, кто принимал паровую ванну. Он был поднят примерно на три фута шесть дюймов над уровнем тротуара на круглом основании, сложенном из небольших кусков камня или лавы, оштукатуренных и окрашенных в красный цвет, диаметром пять футов шесть дюймов, и внутри него была выбита бронзовая надпись, которая гласит:

**CNÆO. МЕЛИССЕО. CNÆL FILIO. APRO. МАРКО. СТАИО. МАРСИ. FILIO.
RUFO. DUUMVIRIS. ITERUM. IURE. DICUNDO. НИЖНЯЯ ГУБА. EX DECURIONUM
DECRETO. EX. PECUNIA. PUBLICA. FACIENDUM. CURARUNT
CONSTAT. HS. D.C.C.L.**

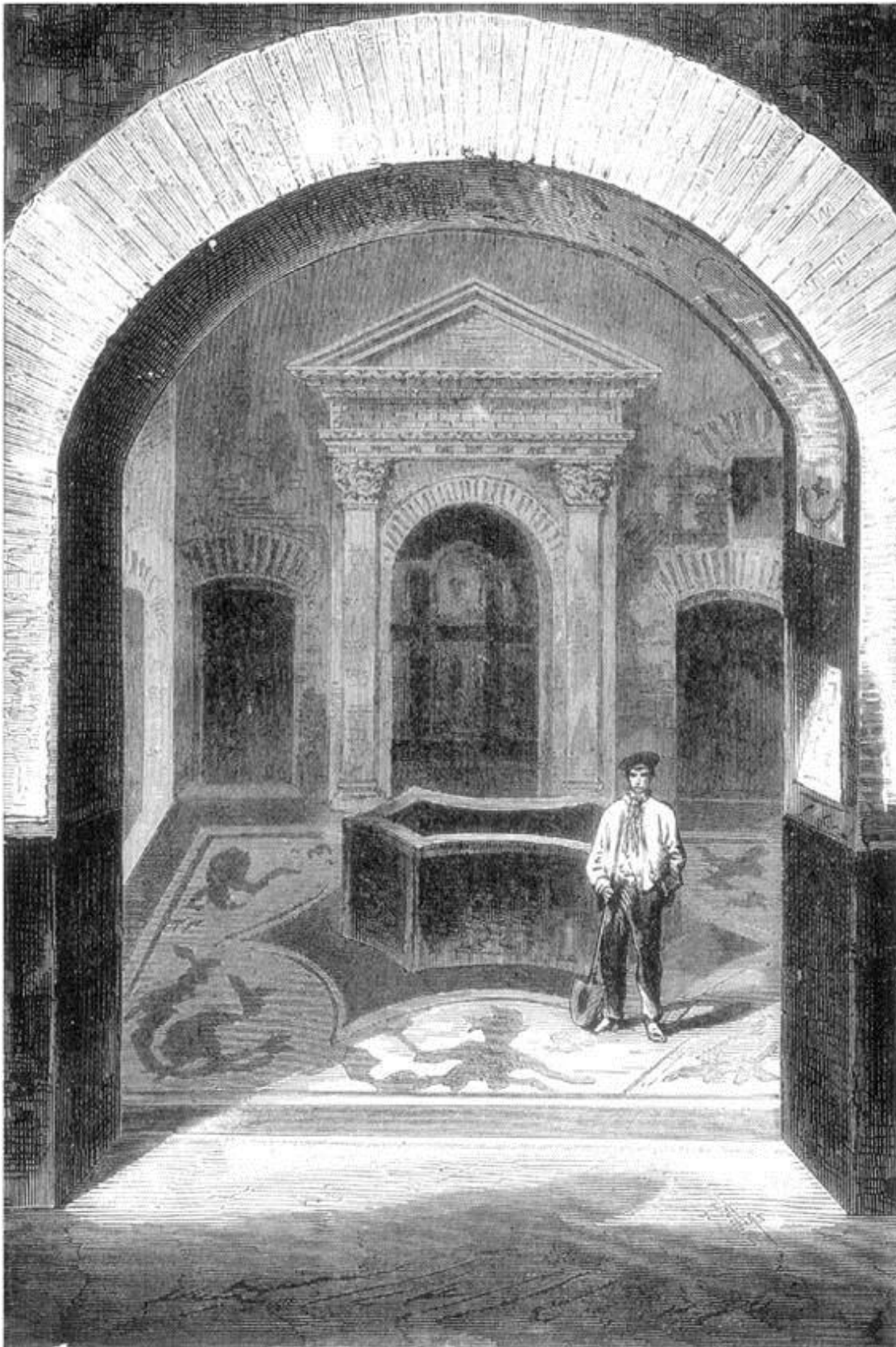
Рассказываю, что "Кнейус Мелиссе́й Апер, сын Кнейуса Апера. Марк Стайус Руфус, сын М. Руфуса, дуумвиров правосудия во второй раз, приказал изготовить лабрум за государственный счет, по приказу декурионов. Это стоило 5250 сестерциев" (около 200 долларов). В Ватикане есть великолепная порфировая лабра, найденная в одной из императорских бань; и Бакиус, крупный современный специалист по ваннам, говорит о лабре, сделанной из стекла.

Эта квартира, как и другие, хорошо оштукатурена и выкрашена в желтый цвет; карниз, сильно украшенный лепными орнаментами, поддерживается рифлеными пилястрами, расположенными через неравные промежутки времени. Они красные, как и карниз и потолок лаконикума, украшенные лепниной с маленькими фигурками мальчиков и животных.

Женская баня очень похожа на мужскую и отличается только меньшими размерами и меньшим количеством украшений. Как мы уже упоминали, он отапливается тем же огнем и снабжается водой из тех же котлов. Возле входа находится надпись, написанная красными буквами. Все помещения сохранили в совершенстве свои сводчатые крыши. В вестибюле установлены сиденья, подобные тем, которые были описаны в мужских банях как предназначенные для рабов или прислуги заведения. В раздевалке находится холодная ванна; она расписана красными и желтыми пилястрами, чередующимися друг с другом на синем или черном фоне, и имеет светлый карниз из белой штукатурки и белое мозаичное покрытие с узкой черной каймой. Здесь есть помещения для раздевания десяти человек одновременно. Холодная ванна сильно повреждена, от альвеуса осталась только квадратная стена, вся мраморная инкрустация разрушена. Из этой комнаты мы переходим в тепидарий, площадью около двадцати квадратных футов, выкрашенный в желтый цвет с красными пилястрами, освещаемый маленьким окошком далеко от земли. Эта квартира сообщается с теплой ванной, которая, как и мужская, обогревается дымоходами, образованными в полах и стенах.

В этой комнате есть картины гротескного рисунка на желтом фоне, но они сильно повреждены и их почти не видно. Пол выложен мозаикой из белого мрамора. Комната по своему общему расположению напоминает горячую мужскую баню; в ней есть нижняя губа в лаконичном виде и горячая ванна, примыкающая к печи. Полый тротуар и дымоходы в стенах почти полностью разрушены; от верхней губы осталась только ножка, в середине которой находился кусок свинцового трубопровода, по которому подавалась вода. Справа от входа в эти женские бани находится каменная стена большой толщины и хорошего стиля кладки.

Эти бани так хорошо устроены, с такой разумной экономией места и удобным распределением их частей, и украшены с такой соответствующей элегантностью, что ясно демонстрируют интеллект и ресурсы превосходного архитектора. В то же время были допущены некоторые грубейшие ошибки, которые были бы непростительны для самого невежественного мастера; как, например, была нарушена симметрия частей там, где они соответствуют друг другу; пилястра срезана дверцей, проходящей через ее середину; и случаются другие ошибки, которых можно было бы без труда избежать. Объяснить эту странную смесь хорошего и дурного вкуса, мастерства и небрежности не так-то просто, но в Помпеях она постоянно повторяется.

ДРЕВНЯЯ ВАННАЯ КОМНАТА. (Как обнаружено).

Витрувий рекомендует выбирать место для бань, защищенное от северных и северо-западных ветров, и формировать окна напротив юга, или, если природа местности этого не позволяет, по крайней мере, к югу, потому что часы купания, которыми пользовались

древние, были с полудня до вечера, и те, кто принимал ванну, могли через эти окна наслаждаться лучами и теплом заходящего солнца.

По этой причине в описанных до сих пор помпейских банях большая часть окон обращена на юг, и они построены в низкой части города, где прилегающие здания служили им защитой от неудобств, причиняемых северо-западными ветрами.

Прежде чем завершить этот рассказ о стабианских банях, мы должны упомянуть, что под портиком, недалеко от входа в мужские бани, были найдены солнечные часы, состоящие, как обычно, из полукруга, вписанного в прямоугольник, и с прекрасно сохранившимся гномоном. Он опирался на львиные лапы и был элегантно украшен. На его основании была надпись Оскана, которая была истолкована Минервини следующим образом: Мариус. Atinius, Marii filius, quæstor, ex multatitia pecunia conventus decreto fieri mandavit. То есть: квестор М. Атиниус, в соответствии с декретом ассамблеи, распорядился, чтобы это было сделано из денег, взимаемых штрафами. Название "Квестор", по-видимому, показывает, что эта надпись, должно быть, была написана после оккупации Помпей римлянами, но в то же время в период, когда язык оскан продолжал оставаться общепринятым. Штрафы, о которых идет речь, вероятно, взимались за нарушения правил, которые должны соблюдаться в палестре.

Социальные игры и спорт.

Содержание

Жонглеры обоих полов, как поодиночке, так и группами, были обычным явлением по всей Греции, устанавливая свои балаганы, как говорит Ксенофонт, везде, где можно было найти деньги и глупых людей. Они часто забавляли гостей на застольных вечеринках своими фокусами. Репутация этого класса людей была какой угодно, но только не вне подозрений, что подтверждается стихом Манефона ("Апотелы", IV., 276), в котором они описаны как "сельские птицы, самый мерзкий выводок города". Их фокусы были неисчислимы и превосходили по смелости и изобретательности фокусы наших фокусников, за исключением, конечно, тех, которые основаны на современных открытиях естествознания. Мужчины и женщины-жонглеры прыгали вперед и назад через мечи или столы; девочки подбрасывали и снова ловили несколько мячей или обручей под аккомпанемент музыкального инструмента; другие демонстрировали поразительное мастерство с ногами, стоя на руках. Канатоходцы исполняли самые опасные танцы и *сальти-мортали*. В Риме даже слонов обучали лазать по канату. Упоминаются также летательные аппараты неизвестной нам конструкции, на которых смелые воздухоплаватели пересекали воздух. Алкифрон рассказывает историю о крестьянине, который, увидев, как жонглер вытаскивает маленькие пули из носов, ушей и голов зрителей, воскликнул: "Пусть такой зверь никогда не войдет в мой двор, иначе все скоро исчезнет". Описания этих трюков часто встречаются у древних писателей, особенно в негодующих инвективах первых отцов Церкви. Среди изображений женщин-жонглеров во всевозможных невозможных позах можно увидеть девушку, исполняющую опасный танец с мечом, описанный Платоном. Он состоит в том, что она совершает сальто вперед и назад на остриях трех мечей, воткнутых в землю. Похожую картину мы видим на вазе Берлинского музея. На другой вазе изображена женщина-жонглер, одетая в длинные панталоны, стоящая на руках и наполняющая ногами кантарос из кратера, поставленного перед ней. Она придерживает ручку кантароса пальцами левой ноги,

в то время как пальцами другой ноги цепляется за ножку кьятоса, используемого для разливки ликера. Женщина, сидящая перед ней, разыгрывает игру с тремя мячами, в которой, кажется, принимает участие и другой артист. На другом девушка в довольно неловком положении пускает стрелу из лука.

Из социальных игр, в которые играют алкоголики, мы упоминаем, помимо сложных коттабо, игры, в которые играют на доске или в кости. Гомер уже упоминает игру первого класса и называет Паламеда ее изобретателем; о точной природе этой игры мы знаем мало или вообще ничего. Мы также не осведомлены о деталях другого вида петтейи, в которую играют пятью маленькими камешками на доске, разделенной пятью линиями.

Так называемая "игра в города", по-видимому, напоминала наши шахматы или шашки. Доска была разделена на пять частей. Каждый игрок пытался поставить мат другому, умело используя своих людей. Азартные игры с костями и астрагалои, скорее всего, были более любимыми у пьющих, чем интеллектуальные, описанные до сих пор. Количество игровых костей было сначала три, затем два; цифры на параллельных сторонах были 1 и 6, 2 и 5, 3 и 4. Чтобы предотвратить списывание, их отливали из конических мензурок, внутренняя часть которых состояла из различных ступеней. Каждая отливка имела свое название, шестьдесят четыре из которых были переданы нам грамматиками. Самая удачливая игральная кость, на каждой из которых была изображена цифра 6, получила название Афродита; самая неудачливая, на трех кубиках с цифрой 1, были нанесены названия "собака" или "вино".

В другую игру аналогичного характера играли с так называемыми астрагалои, игральными костями удлиненной формы, сделанными из суставов рук животных. Две поверхности были плоскими, третья была приподнята, а четвертая слегка вдавлена. Последняя упомянутая сторона была помечена цифрой 1 и имела, среди многих других названий, название "собака"; противоположная поверхность была помечена цифрой 6. Латинские названия двух других сторон, отмеченных 3 и 4, были *suppus* и *planus* соответственно. На астрагалои отсутствовали цифры 2 и 5, узкие торцевые поверхности не учитывались. Количество используемых астрагалов всегда было четыре, такое же, как при игре в кости. Здесь также самой удачливой актеркой была названа Афродита, с которой в то же время была связана честь быть королевой пира.

Молодым девушкам нравилось играть в игру с пятью астрагалами, или маленькими камешками, которые подбрасывались в воздух и ловились верхней поверхностью ладони. Эта игра до сих пор используется во многих странах. У нас есть много старинных копий этих различных игр.

На двух вазах изображены солдаты, играющие в шашки. Астрагалои и игральные кости разных размеров, на некоторых из которых изображены вышеописанные фигуры, другие, очевидно, подделанные, хранятся в нескольких музеях. Из более крупных изображений мы упоминаем мраморную статую девочки, играющей с астрагалом в Берлинском музее, и помпейскую настенную роспись, на которой дети Ясона играют в ту же игру, в то время как Медея угрожает их жизням обнаженным мечом. Знаменитый шедевр Поликлета, изображающий двух мальчиков, играющих с астрагалами, ранее находившийся во дворце Тита в Риме, к сожалению, утерян. Другая настенная роспись изображает на переднем плане Аглаю и Хилейру, дочерей Ниобы, стоящими на коленях и играющими в одну и ту же игру.

В связи с этими социальными играми мы упомянем несколько других любимых развлечений греков. Существование петушиных боев подтверждается росписями на вазах, драгоценными камнями и письменными свидетельствами. Это было любимое развлечение как старых, так и молодых. Говорят, что Фемистокл после своей победы над персами основал ежегодное

развлечение - петушинные бои, которые сделали и их, и перепелиные бои популярными среди греков. Разведение бойцовых петухов было делом огромной важности, Родос, Халкида и Мидия особенно славились своими сильными и крупными петухами. Чтобы усилить их ярость, животных перед боем кормили чесноком. К их ногам прикрепляли острые металлические шпоры, после чего их ставили на стол с приподнятым бортиком. Владельцы и зрители часто ставили на них очень большие суммы.

Здесь мы снова видим древние обычаи, воспроизведенные различными современными нациями. Итальянская игра в *морру* (*il giuoco alla morra* или *fare alla morra*) также была известна древним. В ней оба игрока раскрывают свои сжатые правые руки одновременно со скоростью молнии, после чего каждый должен назвать количество пальцев, вытянутых другим. Это та же игра, которая фигурировала среди египетских развлечений. Миметические танцы были еще одним любимым развлечением на симпозиумах. В основном они изображали мифологические сцены. Следует добавить несколько слов о греческих танцах.

Гомер упоминает танцы как одно из главных удовольствий праздника; он также восхваляет артистичные танцы фаакийской молодежи. Это доказывает, с каким уважением относились к этому искусству даже в тот ранний период. В танцах пхаякай все молодые люди исполняли круговое движение вокруг певца, стоящего в центре, или же два искусных танцора исполняли *ла-де-де*. Слова Гомера, по-видимому, указывают на то, что ритмические движения не ограничивались ногами, как в наших современных танцах, а распространялись на верхнюю часть тела и руки. Возможно, в этом танце можно искать зародыши миметического искусства.

По словам Люциана, целью танца было выразить чувства, страсть и действие с помощью жестов. Вскоре она превратилась в высочайшую художественную красоту в сочетании с ритмической грацией, свойственной грекам. Подобно гимнастическим и агонистическим искусствам, танец сохранял свою первоначальную чистоту до тех пор, пока в Греции господствовала общественная мораль: его связь с религиозным культом предохраняла его от пренебрежения. Постепенно, однако, и здесь механическая виртуозность начала вытеснять истинные художественные принципы.

Разделение танцев по их воинственному или религиозному характеру кажется нежелательным, поскольку все они изначально были связаны с религиозным богослужением. Более уместно проводить различие между воинственными и мирными танцами. Среди воинственных танцев, особенно адаптированных к дорическому стилю, был самым древним и наиболее популярным. Он восходит к мифическим временам. В качестве его создателей упоминаются Пиррих, либо критянин, либо спартанец по происхождению, диоскуры, а также Пирр, сын Ахилла. Пирров танец, исполняемый несколькими мужчинами в доспехах, имитировал движения атаки и защиты. Различные положения были определены правилом; кисти рук играли важную роль в миметическом действии. Он составлял главную особенность дорической гимнастики, а также большой и малой Панафиней в Афинах. Значение, придаваемое этому в последнем городе, подтверждается тем фактом, что афиняне назначили Фриниха главнокомандующим благодаря мастерству, проявленному им в пирровом танце.

Позже в этот танец был введен вакхический элемент, который отныне иллюстрировал деяния Диониса. Фрагмент мраморного фриза изображает сатира с тирсом и лавровым венцом, исполняющего дикий вакхический танец между двумя солдатами, также выполняющими танцевальное движение; скорее всего, это иллюстрирует пирров танец более поздней эпохи.

Из других воинственных танцев мы упоминаем *карлею*, которая изображала удивление воина, вспахивающего поле разбойниками, и драку между ними. Это сопровождалось игрой на флейте.

Более многочисленными, хотя и менее сложными, были мирные хоровые танцы, исполнявшиеся на пирах разных богов, в соответствии с их индивидуальностью. За исключением вакхических танцев, они состояли из размеренных движений вокруг алтаря. Более живыми по своему характеру были гимнопидические танцы, исполняемые мужчинами и мальчиками. Они, как и большинство спартанских хоровых танцев, славились своими изящными ритмами. Они состояли из имитации гимнастических упражнений, особенно борцовского поединка и панкратиона; в более поздние времена их обычно заменял воинственный пирров танец.

Светские развлечения.

Содержание

Теперь мы расскажем о некоторых более домашних развлечениях, таких как вечеринки или ужины, устраиваемые египтянами. В своих развлечениях они, по-видимому, не упустили ничего, что могло бы способствовать веселью гостей. Музыка, песни, танцы, шутовство, состязания в ловкости или азартные игры, как правило, были представлены; и они приветствовали их со всей роскошью, которую могли позволить погреб и стол.

Компания, приглашенная на обед, собиралась около полудня, и они прибывали последовательно на своих колесницах, в паланкинах, которые несли их слуги, или пешком. Иногда их слуги укрывали их от солнца, поднимая щит (как это до сих пор делается в Южной Африке) или каким-либо другим приспособлением; но колесница короля или принцессы часто была снабжена большим зонтиком; и флабелла, которую несли за королем, принадлежавшая исключительно членам королевской семьи, отвечала той же цели. Они были сделаны из перьев и мало чем отличались от тех, которые носили на государственных мероприятиях за спиной папы римского в современном Риме. Зонтики также использовались в Ассирии, Персии и других восточных странах.

Когда посетитель приезжал на своей машине, его сопровождало несколько слуг, одни из которых несли табурет, чтобы он мог выйти, а другие - дощечку для письма или что-нибудь еще, что могло понадобиться ему во время пребывания в доме. Гости собираются в гостиной внутри дома, и их развлекают музыкой в перерыве, предшествующем объявлению ужина; ибо, подобно грекам, они считали недостатком хорошего воспитания садиться за стол сразу по прибытии, и, как Бделиклеон у Аристофана рекомендовал поступать своему отцу Филоклеону, они восхваляли красоту комнат и мебели, стараясь проявлять особый интерес к тем предметам, которые были предназначены для восхищения. Как обычно во всех странах, кто-то из сопровождающих прибыл раньше других; и влияние моды на человека, который сейчас подъезжает в своей коляске, проявляется в том, что он прибывает через некоторое время после остальной компании; один из его лакеев выбегает вперед, чтобы постучать в дверь, другие, замыкающие процессию, готовы взять поводья и выполнять свои обычные обязанности; а тот, кто придерживает сандалии в руке, чтобы ему было легче бежать, иллюстрирует обычай, все еще распространенный в Египте, среди арабов и крестьян страны, которые находят силу стопы большей, когда освобождаются от обременяющей обуви.

Тем, кто прибыл из путешествия или пожелал этого, перед входом в праздничный зал приносили воду для ног. Они также мыли руки перед обедом, воду приносили тем же способом, что и в наши дни; кувшины, мало чем отличающиеся от тех, которыми пользуются современные египтяне, изображены вместе с принадлежащими им тазами на росписях фиванской гробницы. В домах богачей они были из золота или других дорогостоящих материалов. Геродот упоминает золотую подставку для ног, в которой Амасис и его гости обычно мыли ноги.

У греков был тот же обычай приносить воду гостям, многочисленные примеры которого мы находим у Гомера; например, когда Телемах и сын Нестора были приняты в доме Менелая, и когда Асфальтион вылил ее на руки своего хозяина и тех же гостей в другом случае. Вергилий также описывает слуг, приносивших воду для этой цели, когда Эней развлекался с Дидоной. Никто не считал эту церемонию излишней и не отказался от нее, даже несмотря на то, что они предварительно искупались и были помазаны елеем.

Также вероятно, что, подобно грекам, египтяне помазывали себя перед уходом из дома; но все же было принято, чтобы слуга сопровождал каждого гостя, когда он садился, и помазывал его голову, что было одним из главных знаков приветствия. Мазь имела сладкий аромат и содержалась в алебастровой или изящной стеклянной или фарфоровой вазе, некоторые из которых были найдены в гробницах Фив. Слуги забирали сандалии гостей по мере их прибытия и либо ставили их в удобном месте в доме, либо держали на вытянутой руке, пока те прислуживали им.

После окончания церемонии помазания, а в некоторых случаях и при входе в салон, каждому гостю преподносили цветок лотоса, который держал его в руке во время представления. Затем слуги принесли ожерелья из цветов, состоящие в основном из лотоса; голову также обвивали гирляндой, а единственный бутон лотоса, или распустившийся цветок, прикрепляли так, чтобы он свисал со лба. Многие из них, сделанные в виде венков и других украшений, были подвешены на подставках в комнате, готовые к немедленному использованию; и постоянно нанимались слуги, чтобы приносить другие свежие цветы из сада, чтобы угощать гостей по мере увядания их букетов.

У греков и римлян был один и тот же обычай преподносить гостям цветы или гирлянды, которые приносили в начале угощения или перед подачей второго блюда. Они не только украшали свои *головы, шеи и груди*, подобно египтянам, но часто усыпали цветами ложа, на которых они лежали, и все части комнаты; хотя главным образом рассматривалась голова, как явствует из Горация, Анакреонта, Овидия и других древних авторов. Чаша с вином тоже была увенчана цветами, как на египетском пиру. Они также надушили помещение миррой, ладаном и другими отборными благовониями, которые они получали из Сирии; и если скульптуры не дают прямого представления об этой практике у египтян, мы знаем, что она была принята и считалась незаменимой среди них; и Плутарх зафиксировал поразительный пример приема Агесилая Тахосом. Для спартанского принца был приготовлен роскошный обед, состоявший, как обычно, из говядины, гуся и других египетских блюд; его увенчали гирляндами из папируса и приняли со всеми знаками радушия; но когда он отказался "от сладостей и благовоний", египтяне отнеслись к нему с большим презрением, как к человеку, непривычному к манерам цивилизованного общества и недостойному их.

Греки и другие древние народы обычно надевали на праздничные собрания особую одежду, обычно белого цвета; но, по-видимому, у египтян не было принято вносить какие-либо значительные изменения в свой наряд, хотя они явно воздерживались от нарядов мрачного оттенка.

Когда гости расселись и получили эти знаки приветствия, слуги предложили им вина. Дамам его обычно приносили в маленькой вазочке, которую, перелив в чашу для питья, передавали младшему слуге или рабыне, следовавшей за ним; но мужчинам его часто преподносили в кубке с одной ручкой, без наливания в какую-либо чашу, а иногда в вазе большего или меньшего размера из золота, серебра или других материалов.

Геродот и Гелланик оба говорят, что они пили вино из медных или бронзовых кубков; и, действительно, первый утверждает, что это был единственный вид кубка для питья, известный египтянам; но у Иосифа был серебряный кубок, а скульптуры изображают их из стекла и фарфора, а также из золота, серебра и бронзы. Те, кто не мог позволить себе более дорогую посуду, довольствовались чашками более дешевого качества, и многие довольствовались обычной глиняной посудой; но богатые египтяне использовали вазы из стекла, фарфора и драгоценных металлов для различных целей как в своих домах, так и в храмах богов.

Обычай подавать вино в начале приема или перед подачей ужина не был характерен для этого народа; и китайцы по сей день предлагают его на своих вечеринках всем гостям по мере их прибытия точно так же, как древние египтяне. Они также пили вино во время трапезы, возможно, за здоровье друг друга или отсутствующего друга, как римляне; и, без сомнения, хозяин дома, или "распорядитель пира", рекомендовал отборное вино и предлагал их к чаше.

Пока готовился ужин, вечеринку оживляли звуки музыки; оркестр, состоящий из арфы, лиры, *гитары*, тамбурина, двойной и одиночной трубы, флейты и других инструментов, исполнял любимые арии и песни страны. Не считалось неподобающим серьезности и достоинству священника впускать музыкантов в свой дом или получать удовольствие от наблюдения за танцами; и, сидя со своими женами и семьей в окружении своих друзей, высшие должностные лица жреческого ордена наслаждались оживленной сценой. Точно так же на греческих увеселительных заведениях были введены всевозможные развлечения; Ксенофонт и Платон сообщают нам, что Сократ, мудрейший из людей, развлекал своих друзей музыкой, жонглерами, мимикой, шутами и всем, что только можно было пожелать для возбуждения жизнерадостности и веселья.

Танец состоял в основном из последовательности фигур, в которых исполнители старались продемонстрировать большое разнообразие жестов; мужчины и женщины танцевали одновременно или отдельными партиями, но последним, как правило, отдавали предпочтение из-за их превосходной грации и элегантности. Некоторые танцевали под медленные мелодии, адаптированные к стилю их движений; позы, которые они принимали, часто отличались грацией, вполне достойной греков; а другие предпочитали живой шаг, регулируемый соответствующей мелодией. Мужчины иногда танцевали с большим воодушевлением, подпрыгивая от земли скорее в манере европейцев, чем восточных народов; в таких случаях музыка не всегда состояла из множества инструментов, а состояла только из *кроталы* или булавы, мужчина хлопал в ладоши, а женщина щелкала пальцами в такт.

Грациозные позы и жестикуляция были общим стилем их танца; но, как и в других странах, вкус исполнения варьировался в зависимости от ранга человека, которым они были наняты, или их собственного мастерства; и танец в доме священника отличался от танца среди неотесанных крестьян или низших слоев горожан.

У высших слоев египтян не было принято предаваться этому развлечению ни на общественных, ни на частных собраниях, и, по-видимому, никто не практиковал его, кроме

низших слоев общества и тех, кто зарабатывал на жизнь посещением праздничных собраний. Греки, однако, хотя и нанимали женщин, которые любили музыку и танцы, развлекать гостей, смотрели на танцы как на развлечение, которому могут предаваться все слои общества, и достижение, достойное джентльмена; и это был также еврейский обычай, когда молодые леди танцевали на частных мероприятиях, как это до сих пор происходит в Дамаске и других восточных городах.

Римляне, напротив, были далеки от того, чтобы считать это достойным человека высокого ранга или разумной личности; и Цицерон говорит: "Ни один трезвый человек не танцует, если только он не сошел с ума, ни в *одиночестве*, ни в каком-либо приличном обществе; ибо танцы - спутник распутства и роскоши".

Греки не предавались этому чрезмерно, а женственные танцы или необычная жестикуляция считались неприличными для людей с характером и мудростью. Действительно, Геродот рассказывает историю о Гиппоклиде, афиняnine, которому все знатные люди Греции отдавали предпочтение в качестве мужа дочери Клисфена, царя Аргоса, но тот был отвергнут из-за его экстравагантных жестов в танце.

Из всех греков ионийцы были наиболее известны своей любовью к этому искусству; и из-за распутной и непристойной направленности их песен и жестов танцы сладострастного характера (подобные танцам современных альмехов Востока) были названы римлянами "ионическими движениями". Умеренные танцы считались достойными даже самих богов. Юпитер, "отец богов и людей", изображен танцующим среди других божеств; а Аполлон не только представлен Гомером таким занятым, но и получил титул "танцора" из-за своего предполагаемого совершенства в этом искусстве.

Изящество осанки и движений было главной целью тех, кого использовали на собраниях богатых египтян; и нелепые жесты шута были там разрешены до тех пор, пока они не нарушали правил приличия и умеренности. Музыка всегда была необходима, будь то на праздничных собраниях богатых или бедных; и они танцевали под звуки арфы, лиры, гитары, свирели, тамбурина и других инструментов, а на улицах даже под барабан.

Многие их позы напоминали позы современного балета, а *пируэт* приводил в восторг египетскую публику четыре тысячи лет назад.

Платья танцовщиц были легкими и из тончайшей ткани, демонстрируя своей прозрачностью формы и движения конечностей; обычно они состояли из свободного ниспадающего одеяния, достигающего до лодыжек, иногда туго стягиваемого на талии; а вокруг бедер был небольшой узкий пояс, украшенный бисером или орнаментами различных цветов. Иногда кажется, что танцующие фигуры были совершенно обнажены; но это потому, что контур прозрачного одеяния был стерт; и, подобно грекам, они изображали контур фигуры так, как будто видели ее сквозь платье.

Рабов учили не только музыке, но и танцам; и в домах богатых, помимо других занятий, от них требовалось танцевать, чтобы развлечь семью или компанию друзей; и свободные египтяне также зарабатывали на жизнь своими выступлениями.

Пока вечеринка развлекалась музыкой и танцами и последовательно объявлялись опоздавшие гости, по кругу продолжали раздавать прохладительные напитки, а собравшимся гостям уделялось все внимание. Каждому вновь пришедшему предлагалось вино, а мужчины-слуги приносили венки с цветами джентльменам, а женщины или белые рабыни - дамам, когда те занимали свои места. В обязанности старшего слуги или рабыни

входило подавать вино, и чернокожая женщина иногда следовала за ними, выполняя более низкие функции, чтобы принять пустой кубок, когда вино было налито в кубок. Тот же чернокожий раб также разносил фрукты и другие закуски; и особый способ держать тарелку вывернутой рукой, столь широко принятый женщинами из Африки, характерно показан на фиванских картинах.

Каждому человеку после выпивки была вручена салфетка для вытирания рта, что соответствовало *махраму* современных египтян; и подающая ее произносила комплиментарные слова, когда протягивала ее и получала обратно кубок: "Пусть это принесет вам пользу!" и в наши дни ни один азиат не пьет воду, не получив аналогичного пожелания. Но отказываться от предложенного вина, даже если оно было налито, не считалось невежливым; и трезвенник мог продолжать нюхать лотос без всякого оскорбления.

Мужчины и женщины сидели либо вместе, либо отдельно, в разных концах комнаты; но жесткое недоверие не препятствовало тому, чтобы незнакомцы, равно как и члены семьи, были приняты в одно общество; это показывает, насколько египтяне были развиты в привычках социальной жизни. В этом они, как и римляне, сильно отличались от греков и могли бы сказать вместе с Корнелием Непотом: "Кто из нас стыдится приводить свою жену на увеселения? и какую хозяйку семьи можно показать, которая не обитает в главной и наиболее посещаемой части дома? Тогда как в Греции она никогда не появляется ни на каких увеселениях, за исключением тех, на которые приглашаются только родственники, и постоянно живет в женских покоях на верхнем этаже дома, куда не имеет доступа ни один мужчина, если только он не является близким родственником". Женатые люди также не боялись сидеть вместе, и никакое представление о том, что они слишком часто проводили время в обществе друг друга, не приводило к необходимости разделять их. Короче говоря, они были самыми близкими людьми из всех возможных, и они сидели в одном кресле дома, на вечеринке и даже в своей могиле, где скульптура объединила их вместе.

Соответственно, хозяин и хозяйка дома сидели бок о бок на большом подносе, и каждый гость по прибытии подходил, чтобы поприветствовать их. Музыканты и танцоры, нанятые по этому случаю, также поклонились им, прежде чем они начали свою часть. К ножке фотей привязывали любимую обезьянку, собаку, газель или какое-нибудь другое домашнее животное, а маленькому ребенку разрешалось сидеть на земле рядом с матерью или на коленях у отца.

Тем временем беседа стала оживленной, особенно в тех частях комнаты, где дамы сидели вместе, и бегло обсуждались многочисленные темы, которые приходили им в голову. Среди них не был забыт вопрос одежды, и узоры или стоимость безделушек рассматривались с соответствующим интересом. Были с тревогой опрошены производитель сережек и магазин, где они были приобретены; каждая сравнивала качество изготовления, стиль и материалы тех, что носила, желала иметь у соседки или предпочитала свои собственные; и женщины всех сословий соперничали друг с другом в демонстрации "серебряных и золотых украшений", в фактуре своей "одежды", в аккуратности своих сандалий и в расположении или красоте своих заплетенных волос.

Считалось приятным комплиментом предложить друг другу цветок из их собственного букета, и вся жизнерадостность египтян проявилась, когда они сидели вместе. Хозяева не упустили ничего, что могло бы приятно провести их вечеринку, и поддерживали приятную беседу, которая была для них большим очарованием образованного общества, как и для греков, которые считали "более необходимым и приличествующим ублажать компанию

веселой беседой, чем разнообразием блюд". Гости тоже не упускали возможности показать, как им понравилось; и, привлекая внимание друг друга к многочисленным безделушкам, украшавшим комнаты, они сделали хорошо продуманный комплимент вкусу хозяина дома. Они восхищались вазами, резными шкатулками из дерева или слоновой кости и легкими столиками, на которых было выставлено множество любопытных безделушек; они высоко оценили элегантность и комфорт роскошных кресел, богатые подушки и обивки диванов и пуфиков, ковры и другую мебель. Некоторые, кого пригласили осмотреть спальные покои, нашли в украшениях на туалетных столиках и в общем убранстве новые поводы для восхищения; и их возвращение в гостевую комнату дало возможность заявить, что во всем доме царит хороший вкус. Однажды, когда некоторые из восхищенных гостей пребывали в таком экстазе восхищения, а другие были заняты болтовней, возможно, о политике или злободневном скандале, неуклюжий юноша, то ли по неосторожности, то ли перебрав вина, прислонился к деревянной колонне, установленной в центре комнаты для поддержания какого-то временного украшения, и сбросил ее на тех, кто сидел под ней.²⁰ Смятение было велико: женщины кричали; а некоторые, подняв руки, пытались защитить голову и избежать ее падения. Никто, однако, по-видимому, не пострадал; и когда гармония в компании была восстановлена, инцидент дал новую тему для разговора, о которой они во всех подробностях рассказали своим друзьям, когда те вернулись домой.

Вазы были очень многочисленными и различались по форме, размеру и материалам; они были из твердого камня, алебаstra, стекла, слоновой кости, фарфора, бронзы, латуни, серебра или золота; а у беднейших слоев населения были глазурованные керамические изделия или обычная фаянсовая посуда. Многие из их декоративных ваз, так же как и те, которыми пользовались обычно, были самой элегантной формы, что сделало бы честь грекам, египтяне часто демонстрировали в этих предметах личной *роскоши* вкус людей в высшей степени утонченных; и они имели такое сильное сходство с изделиями лучших эпох Древней Греции, как по форме, так и по причудливым узорам на них, что некоторые могли бы даже предположить, что они заимствованы из греческих образцов. Но они были чисто египетскими и были повсеместно приняты в долине Нила задолго до того, как изящные формы, которыми мы восхищаемся, были известны в Греции; факт, неизменно признаваемый теми, кто знаком с отдаленным возрастом египетских памятников и изображающих их картин.

ЕГИПЕТСКИЕ ВАЗЫ.

Некоторые из самых элегантных относятся к ранней эпохе третьего Тутмоса, который жил между 3300 и 3400 годами до нашего времени; и мы восхищаемся не только их формами, но и богатством материалов, из которых они были сделаны, их цветом, а также иероглифами,

свидетельствующими о том, что они были из золота и серебра или из этого последнего, инкрустированного более драгоценным металлом.

Кубки из бронзы, алебаstra, стекла, фарфора и даже обычной керамики также заслуживали восхищения красотой своих форм, узорами, которые их украшали, и превосходным качеством материала; а золотые и серебряные кубки часто имели прекрасную гравировку и были усыпаны драгоценными камнями. Среди них мы легко различаем зеленый изумруд, пурпурный аметист и другие драгоценные камни; и когда голова животного украшала их ручки, глаза часто состояли из них, за исключением случаев, когда вместо них использовалась эмаль или какой-либо цветной состав.

Пока гостей развлекали музыкой и танцевали, был приготовлен ужин; но поскольку он состоял из значительного количества блюд, а мясо было зарезано специально для этого случая, как и в наши дни в странах Восточного и тропического климата, прошло некоторое время, прежде чем его подали на стол. Обычно выбирались бык, козленок, дикая коза, газель или орикс, а также некоторое количество гусей, уток, чирков, перепелов и других птиц; но баранина на фиванском столе исключалась. Плутарх даже утверждает, что "ни один египтянин не стал бы есть мясо овец, за исключением ликополитов", которые делали это из уважения к волкам, которых они почитали; а Страбон ограничивает их жертвоприношением Нитриотис. Но хотя овец не закалывали для жертвенника или стола, их было много в Египте и даже в Фивах; и большие стада держали ради шерсти, особенно в окрестностях Мемфиса. Иногда стадо насчитывало более 2000 особей; и в гробницу под Пирамидами, датируемую более 4000 лет назад, 974 барана были доставлены для регистрации его писцами как часть поголовья умершего; это подразумевает равное количество овец, независимо от ягнят.

На этих трапезах, на которые приглашались чужеземцы, подавалось значительное количество мяса, как у народов Востока в наши дни; их *азума*, или пир, гордится количеством и разнообразием блюд, нескончаемым изобилием яств и, когда разрешается вино, свободой подачи. Кроме того, на все случаи жизни требовалась бесконечная череда овощей; и когда ужинали в уединении, блюда, состоящие в основном из них, пользовались большим спросом, чем косяки, даже на столах богачей, и, следовательно, израильтяне, которые за время своего долгого проживания там приобрели схожие привычки, жалели их наравне с египетским мясом и рыбой.

Их режим питания был очень похож на тот, который сейчас принят в Каире и на всем Востоке; каждый человек садился за стол и макал свой хлеб в блюдо, стоящее в центре, которое убиралось по знаку хозяина, а на смену ему приходили другие, чередование которых зависело от установленных правил и количество которых определялось в зависимости от размера вечеринки или качества гостей.

Среди низших слоев населения овощи составляли очень большую часть их обычной пищи, и они с радостью пользовались разнообразием и изобилием сочных корнеев, произрастающих спонтанно на землях, орошаемых разливающимся Нилом, как только спадали его воды; некоторые из них употреблялись в пищу в сыром виде, а другие обжаривались в золе, отваривались или тушились; их основная пища и пища их детей состояла из молока и сыра, корнеев, бобовых, бахчевых и других растений, а также обычных местных фруктов. Геродот описывает пищу рабочих, строивших пирамиды, как "*рафанус*, лук и чеснок"; первый из них, который теперь называется *фигль*, по вкусу напоминает репу или редьку; но он опустил еще один овощ, чечевицу, которая всегда, как и в наши дни, была главным продуктом их рациона; и которую Страбон очень правильно добавляет к их числу.

Нуммулитовая порода поблизости от этих памятников часто представляет собой скопление вкрапленных в нее семенников, которые в некоторых местах напоминают маленькие семена; и Страбон воображает, что это были окаменевшие остатки чечевицы, привезенной сюда рабочими, поскольку она была обычной пищей трудящихся классов и всех низших слоев египтян.

Выращиванию этого полезного бобового было уделено много внимания, и некоторые сорта стали замечательными благодаря своему превосходству, а чечевица Пелузиум пользовалась уважением как в Египте, так и за рубежом.

То, что обед был подан в полдень, можно заключить из приглашения, данного Иосифом своим братьям; но вполне вероятно, что, подобно римлянам, они также ужинали вечером, как это до сих пор принято на Востоке. Стол был во многом таким же, как и в наши дни в Египте: небольшой табурет, поддерживающий круглый поднос, на который ставятся блюда; но он отличался от этого тем, что его круглая вершина была закреплена на столбе или ножке, которая часто имела форму человека, обычно пленника, который поддерживал плиту на голове; весь стол был сделан из камня или какого-нибудь твердого дерева. На него были положены блюда вместе с буханками хлеба, некоторые из которых были похожи на современные египетские, плоские и круглые, как наши пышки. Другие имели форму булочек или пирожных, посыпанных семечками.

Обычно стол не накрывался никакой скатертью, но, подобно греческому столу, после того, как убрали посуду, ее мыли губкой или салфеткой, а когда гости расходились, слуги полировали ее; хотя иногда встречаются случаи, когда на ней расстилали салфетку, по крайней мере, на тех, на которых лежали подношения в честь умерших.

Обычно за столом сидели один или два гостя, хотя из упоминания людей, сидевших рядами в соответствии с рангом, можно предположить, что столы иногда имели длинную форму, как, возможно, было в случае, когда братья Джозефа "сидели перед ним, первенец по праву рождения и младший по молодости", Джозеф ел в одиночестве за другим столом, где "они накрывали для него одного". Но даже если они круглые, они все равно могут сидеть в соответствии с рангом; одно место всегда является почетным, даже в наши дни, за круглым столом Египта.

В домах богатых хлеб пекли из пшеницы; бедняки довольствовались лепешками из ячменя или из *doora* (*holcus sorghum*), которые они до сих пор так часто употребляют; ибо Геродот так же неправ, говоря, что они считали "величайшим позором питаться пшеницей и ячменем", как и то, что "никто не пил ни из чего, кроме бронзовых (или медных) чаш". Чаши для питья египтян различались не только по материалам, но и по форме. Некоторые из них были простыми и без украшений; другие, хотя и небольших размеров, были сделаны по образцу больших ваз; многие были похожи на наши собственные чашки без ручек; а другие могут быть обозначены как мензурки и блюдца. Первые из них часто делались из алебаstra с круглым основанием, так что они не могли стоять, когда их наполняли, и их держали в руке, или, когда они были пустыми, их переворачивали вниз краем; а блюдца, которые были из глазурованной керамики, иногда украшались цветами лотоса или рыбками, изображенными на их вогнутой поверхности.

Столы, как на римских трапезах, время от времени приносили и убрали с расставленными на них блюдами; иногда каждое блюдо подавалось отдельно, а фрукты, выложенные на тарелку или поднос, сменяли мясо в конце обеда; но в менее фешенебельных кругах, особенно в старину, фрукты приносили в корзинах, которые стояли рядом со столом. Блюда состояли из рыбы; мяса, отварного, жареного и заправленного различными способами;

дичи, домашней птицы и большого количества овощей и фруктов, особенно инжира и винограда, в сезон; а суп, или "похлебка из чечевицы", как у современных египтян, не был чем-то необычным.

Из инжира и винограда они особенно любили, о чем свидетельствует их постоянное употребление даже среди отборных подношений богам; а смоквы сикоморы, должно быть, высоко ценились, поскольку были выбраны в качестве райских плодов, которые богиня Нетпе дарила тем, кого сочли достойными доступа в обители вечного счастья. К столу также подавались свежие финики в течение сезона и в сушеном виде в другие периоды года, а также фруктовое варенье, из которого делали пирог той же формы, что и из тамариндов, которые сейчас привозят из внутренних районов Африки и продают на каирском рынке.

Гости сидели на полу или на табуретках и стульях и, не имея ни ножей, ни вилок, ни какой-либо их замены китайским палочкам для еды, ели пальцами, как современные азиаты, и неизменно правой рукой; евреи и этруски, хотя и имели вилки для других целей, не пользовались ими за столом.

Ложки появлялись, когда требовалось приготовить суп или другие жидкости; и, возможно, в некоторых случаях даже использовался нож, чтобы облегчить разделку крупного сустава, что иногда делают на Востоке и в наши дни.

Египтяне мылись как после, так и перед обедом; неизменный обычай на всем Востоке, как среди греков, римлян, евреев и других; и Геродот говорит о золотой чаше, принадлежавшей Амасису, которой пользовался царь и "гости, которые имели обыкновение есть за его столом".

Абсорбент, по-видимому, также использовался для мытья рук; а порошок из молотого люпина, докак современного Египта, без сомнения, является старым изобретением, переданным по наследству нынешним жителям.

Мыло не было чем-то неизвестным древним, и небольшое количество его было найдено в Помпеях. Плиний, который упоминает его как изобретение галлов, говорит, что он был сделан из жира и золы; а Аретей, врач из Каппадокии, говорит нам, что греки позаимствовали свои знания о его лечебных свойствах у римлян. Но нет никаких свидетельств того, что египтяне использовали мыло; и если случайно они обнаружили что-то подобное, работая со смесями натрия, поташа и других ингредиентов, то, вероятно, это был всего лишь абсорбент, без масла или жира, наравне со стеатитом или глинистыми землями, с которыми, без сомнения, они были давно знакомы.

Египтяне, скрупулезно религиозный народ, никогда не упускали случая выразить свою благодарность за те благословения, которыми они пользовались, и возблагодарить богов за ту особую защиту, которую они, как считалось, оказывали им и их стране, превыше всех народов земли.

Поэтому они никогда не садились за трапезу, не произнеся молитву; и Иосиф Флавий говорит, что, когда Птолемей Филадельф пригласил семьдесят двух старейшин поужинать во дворце, Никанор попросил Елеазара произнести молитву за своих соотечественников, а не за тех египтян, на которых эта обязанность возлагалась в других случаях.

У египтян также был обычай во время или после трапез приносить деревянное изображение Осириса высотой от полутора до трех футов в виде человеческой мумии, стоящей прямо или лежащей на носилках, и показывать его каждому из гостей, предупреждая его о его смертности и преходящей природе человеческих удовольствий. Ему напомнили, что

однажды он станет таким, как эта фигура; что люди должны "любить друг друга и избегать тех зол, которые, как правило, заставляют их считать жизнь слишком долгой, тогда как на самом деле она слишком коротка"; и, наслаждаясь благами этого мира, помнить, что их существование ненадежно и что смерть, к встрече с которой все должны быть готовы, в конечном итоге должна завершить их земной путь.

Таким образом, в то время как гостям разрешалось и даже поощрялось предаваться веселью, удовольствиям от застолья, столь соответствующим их жизнерадостному нраву, их призывали проявлять определенную степень сдержанности в своем поведении; и хотя это чувство извращалось другими людьми и использовалось как стимул к настоящим излишествам, напоминание египтянам о том, что эта жизнь была всего лишь жилищем или "гостиницей" на их пути, и что их существование здесь было подготовкой к будущему состоянию.

"Нечестивые" тоже времен Соломона выражали себя так: "Наша жизнь коротка и утомительна, и в смерти человека нет лекарства; также не было известно ни одного человека, который вернулся бы из могилы. Ибо мы рождены для любых приключений, и в дальнейшем мы будем такими, какими нас никогда не было,... Поэтому давайте же наслаждаться тем хорошим, что есть сейчас,... давайте напоим себя дорогим вином и мазями; и пусть ни один весенний цветок не пройдет мимо нас; давайте увенчаем себя бутонами роз, пока они не увяли; пусть никто из нас не уйдет без своей доли нашего сладострастия; давайте повсюду оставим знаки нашей радости ".

Но даже если египтяне, как и другие люди, пренебрегли хорошим предупреждением, первоначальная цель его была достойна похвалы; и Плутарх прямо заявляет, что оно должно было преподать моральный урок. Мысль о смерти не вызывала у них отвращения; и египтяне так мало возражали против того, чтобы ее приносили им, что они даже приносили мумию умершего родственника на свои вечеринки и ставили ее за стол как одного из гостей; факт, который зафиксирован Лукианом в его "Эссе о горе", и он заявляет, что был очевидцем.

После ужина возобновились музыка и пение; нанятые мужчины и женщины демонстрировали подвиги ловкости: раскачивали друг друга за руки, подбрасывали и ловили мяч или кувыркались назад кубарем, имитируя колесо; обычно это было представление женщин. Они также становились друг другу на спины и делали сальто из этого положения; а самому удачливому акробату вручалось ожерелье или другая награда.

Египетская музыка и развлечения.

Содержание

Хотя сейчас мы не можем составить никакого представления о характере или стиле египетской музыки, нам позволено предположить, что она изучалась на научных принципах; и, какие бы недостатки ни существовали в мастерстве обычных исполнителей, которые зарабатывали на жизнь игрой на публике или для развлечения частных вечеринок, музыка рассматривалась как важная наука, и сами жрецы усердно ее изучали. Согласно Диодору, не было принято делать музыку частью своего образования, поскольку она считалась бесполезной и даже вредной, поскольку делала умы людей женоподобными; но это замечание может относиться только к обычаю изучать ее как развлечение. Платон, который был хорошо знаком с обычаями египтян, говорит, что они считали музыку чрезвычайно

важной из-за ее благотворного воздействия на ум молодежи; и, согласно Страбону, детей египтян обучали грамоте, песням, установленным законом, и определенному виду музыки, учрежденному правительством.

То, что египтяне особенно любили музыку, убедительно доказывается рисунками в их гробницах древнейших времен; и мы даже находим, что среди приспособлений, которыми они украшали причудливые шкатулки или безделушки, они включали фигуры, играющие на любимых инструментах страны. Умение египтян пользоваться музыкальными инструментами также отмечено Афинеем, который говорит, что и греков, и варваров обучали беженцы из Египта, и что александрийцы были самыми учеными и искусными игроками на свирелях и других инструментах.

Из скульптур древних египтян достаточно очевидно, что нанятые ими музыканты были знакомы с тройной симфонией: гармонией инструментов, голосов и голосов и инструментов. Их оркестр состоял из двух арф с одинарной трубой и флейтой; из арфы и двойной трубы, часто с добавлением гитары; из четырнадцатиструнной арфы, гитары, лиры, двойной трубы и тамбурина; из двух арф, иногда разного размера, одна из семи, другая из четырех струн; из двух арф с восемью аккордами и семиструнной лиры; из гитары и квадратного или продолговатого тамбурина; из лиры, арфы, гитары, двойной трубы и бубна. нечто вроде арфы с четырьмя струнами, которую держали на плече; из арфы, гитары, двойной свирели, лиры и квадратного бубна; из арфы, двух гитар и двойной свирели; из арфы, двух флейт и гитары; из двух арф и флейты; из семнадцатиструнной лиры, двойной свирели и арфы с четырнадцатью аккордами; из арфы и двух гитар; или из двух семиструнных арф и инструмента, который держат в руке, похожего на восточный веер, чтобы к которым, вероятно, были прикреплены маленькие колокольчики или кусочки металла, издававшие звенящий звук при встряхивании, как *колокольчики* в форме полумесяца на наших современных оркестрах. Существовало множество других комбинаций этих различных инструментов; и на вакхическом празднике Птолемея Филадельфа, описанном Афинеем, в хоре было задействовано более 600 музыкантов, среди которых было 300 исполнителей на *кифаре*.

Иногда на арфе играли самостоятельно или в качестве аккомпанеента голосу; и оркестр из семи или более хористов часто пел под нее любимую мелодию, отбивая такт руками между каждой строфой. Они также пели под другие инструменты, такие как лира, гитара или двойная труба; или под несколько из них, сыгранных вместе, таких как флейта и одна или несколько арф; или под эти последние с лирой или гитарой. Не было ничего необычного в том, что один мужчина или одна женщина исполняли соло; и хор из многих человек иногда пел на частном собрании без какого-либо инструмента, отбивая рукой такт с интервалами в два-три раза. Иногда группа хористов состояла более чем из двадцати человек, только двое из которых отвечали хлопками в ладоши; и в одном случае мы видели женщину, изображенную с чем-то, что, возможно, было другим видом звенящего инструмента.

Обычай отбивать такт хлопками в ладоши между строфами все еще распространен в Египте.

В некоторых случаях женщины били в бубен и *барабан дарабука* без добавления каких-либо других инструментов; танцуя или поя под эти звуки; и, держа в руках пальмовые или зеленые веточки, они направлялись к могиле умершего друга в сопровождении этого вида музыки. Тот же обычай до сих пор прослеживается в пятничном посещении кладбища и в некоторых других похоронных церемониях среди мусульманских крестьян современного Египта.

Если у высших классов египтян не было обычая учиться музыке с целью играть в обществе, и если среди высокопоставленных лиц можно было найти немного исполнителей-любителей, все же некоторые общие знания об искусстве должны были быть приобретены народом,

столь восприимчивым к его очарованию; а внимание, уделяемое ему жрецами, регулировало вкус и предотвращало внедрение искаженного стиля.

Те, кто играл в домах богачей, а также бродячие уличные музыканты, принадлежали к низшим классам общества и использовали это занятие как средство к существованию; и во многих случаях и менестрели, и хористы были слепы.

Это было не столь необходимым достижением для высших классов египтян, как для греков, которые, как говорит Цицерон, "считали искусство пения и игру на музыкальных инструментах важнейшей частью обучения; отсюда рассказывается об Эпаминонде, который, по моему мнению, был первым из всех греков, что он очень хорошо играл на флейте. А незадолго до этого Фемистокл, отказавшись играть на арфе во время представления, прослыл необразованным и невоспитанным человеком. Таким образом, Греция прославилась искусными музыкантами; и поскольку все люди там учились музыке, те, кто не достиг в ней никаких успехов, считались необразованными и неуспевающими".

Корнелий Непот также утверждает, что Эпаминонд "играл на арфе и флейте и в совершенстве владел искусством танца наряду с другими свободными науками", которые, "хотя и были тривиальными вещами по мнению римлян, считались весьма похвальными в Греции".

Израильяне также любили музыку и танцы, и высокопоставленные лица считали их необходимой частью своего образования. Подобно египтянам, с которыми они так долго жили, евреи тщательно отличали священную музыку от мирской. Они вводили его на общественных и частных торжествах, на похоронах и в религиозных службах; но характер напевов, как и слова их песен, менялся в зависимости от случая; и у них были песнопения веселья, хвалы, благодарения и плача. Некоторые из них были *эпиталамиями*, или песнями, сочиненными в честь бракосочетаний; другие - в ознаменование победы или восшествия на престол принца; чтобы выразить благодарность Божеству или воздать ему хвалу; чтобы оплакать всеобщее бедствие или личное огорчение; и третьи, опять же, были характерны для их праздничных собраний. В этих случаях они представляли арфу, лютню, табрет и различные инструменты вместе с песнями и танцами, и гостей развлекали почти так же, как на египетском пиру. В храме и на религиозных церемониях у евреев были исполнители как женского, так и мужского пола, которые обычно были дочерьми левитов, поскольку фиванские паллаки были либо из царской семьи, либо дочерьми священников; и эти музыканты были привязаны исключительно к служению религии.

Дэвид был не только замечателен своим вкусом и музыкальным мастерством, но и получал удовольствие от того, что представлял его при каждом удобном случае. "И видя, что левиты были многочисленны и больше не использовались, как прежде, для переноски досок, покрывал и сосудов скинии, поскольку ее местонахождение было определено в Иерусалиме, он назначил большую часть из них петь и играть на музыкальных инструментах на религиозных праздниках".

Соломон, опять же, при освящении храма нанял "120 священников, чтобы трубить в трубы"; а Иосиф Флавий утверждает, что на этой церемонии присутствовало не менее 200 000 музыкантов, не считая такого же количества певцов, которые были левитами.

Когда музыкантов нанимали для участия в частном представлении, они стояли либо в центре, либо с одной стороны праздничного зала, а некоторые сидели, скрестив ноги, на земле, как современные турки и другие восточные народы. В этих случаях их обычно сопровождали танцоры, мужчины или женщины, иногда и те, и другие; чье искусство состояло в том, чтобы

выполнять все изящные или нелепые жесты, которые могли вызвать аплодисменты или развеселить собравшихся гостей. Музыка и танцы считались столь же необходимыми в их развлечениях, как и у греков; но ни в коем случае нельзя быть уверенным, что эти развлечения нейтрализовали действие вина, как воображает Плутарх; бодрый воздух, скорее всего, вызвал бы еще один бокал; а трезвость на пиру не входила в число целей жизнерадостных египтян.

Они свободно предавались всему, что могло увеличить их удовольствие, и вино лилось рекой во время их увеселений.

Частные лица не имели особых ограничений в отношении его использования, и женщинам это не было запрещено. В этом они сильно отличались от римлян; ибо в прежние времена ни одна женщина в Риме не пользовалась такой привилегией, и женщинам, как, впрочем, и молодым мужчинам моложе тридцати лет, запрещалось пить вино, за исключением жертвоприношений.

Даже в более поздние времена римляне считали позорным для женщины пить вино; и они иногда приветствовали родственницу, которую подозревали, чтобы выяснить, не пристрастилась ли она тайно к его употреблению. Впоследствии это было им разрешено под предлогом состояния здоровья.

То, что египетским женщинам не запрещалось употреблять вино, видно из фресок, изображающих их пиршества; и художники, иллюстрируя этот факт, иногда приносили свою галантность в жертву любви к карикатуре. Некоторые зовут слуг, чтобы те поддержали их, когда они сидят, другие с трудом удерживаются от падения на тех, кто стоит позади них; неохотный слуга приносит таз слишком поздно, а увядший цветок, который готов выпасть из их разгоряченных рук, предназначен для характеристики их собственных ощущений.

То, что потребление вина в Египте было очень велико, видно из скульптур и из рассказов древних авторов, некоторые из которых порицали египтян за их излишества; и употребляемое количество вина настолько превышало производимое в стране, что во времена Геродота дважды в год из Финикии и Греции поступали крупные партии.

Несмотря на все предписания или увещевания жрецов в пользу воздержания, египтяне обоих полов, судя по скульптурам, время от времени совершали излишества, а мужчины иногда не могли идти с пиршества пешком, и слуги уносили их домой. Эти сцены, однако, по-видимому, относятся не к представителям высших, а к низшим классам, некоторые из которых предавались экстравагантному шутовству, нелепым танцам или стоянию на головах, а часто и забавам, которые заканчивались дракой.

За столами богатых людей иногда добавляли возбуждающие напитки, чтобы взбодрить вкус перед употреблением, и Афиней упоминает капусту как один из овощей, использовавшихся египтянами для этой цели.

Помимо пива, у египтян было то, что Плиний называет искусственным вином, получаемым из различных фруктов, таких как инжир, *миксы*, гранаты, а также травы, некоторые из которых были отобраны за их лечебные свойства. Греки и латиняне объединяли все виды напитков, получаемых в процессе брожения, под одним общим названием, а пиво обозначалось как *ячменное вино*; но использование названия зитос показывает, что египтяне отличали его по собственному особому наименованию. Пальмовое вино также производили в Египте и использовали в процессе бальзамирования.

Пальмовое вино, которое сейчас делают в Египте и Оазисах, получают просто из надреза в сердцевине дерева, сразу под основанием верхних ветвей, и к этой части прикрепляется банка для сбора выделяющегося из нее сока. Но пальма, срезанная таким образом, становится совершенно бесполезной как плодоносящее дерево и вследствие этого обычно погибает; и разумно предположить, что столь большая жертва приносится редко, за исключением случаев, когда необходимо срубить финиковые деревья или когда они растут в большом изобилии.

Современное название этого напитка в Египте - *lowbgeh*; по вкусу оно напоминает очень свежее легкое вино, и его можно пить в большом количестве, если его снять с дерева; но, как только начинается ферментация, его опьяняющие свойства оказывают мощный и быстрый эффект.

Среди различных фруктовых деревьев, выращиваемых древними египтянами, пальмы, конечно, занимали первое место как по своему изобилию, так и по своей огромной полезности. Плоды составляли основную часть их пищи как в августе месяце, когда их собирали свежими с деревьев, так и в другие сезоны года, когда их употребляли в консервированном виде.

У них было два разных способа хранения фиников: один заключался в простом процессе их сушки, другой - в приготовлении консервов, подобных сегодняшнему *агве*; и из них, которые употреблялись либо в приготовленном виде, либо в виде простых сладостей, в гробницах Фив было найдено несколько лепешек, а также сушеные финики.

Плиний делает справедливое замечание относительно местностей, где процветает пальма, и постоянного орошения, которого она требует; и хотя каждый на Востоке знает, что дерево будет расти только там, где много воды, мы все еще читаем о "пальмах пустыни", как будто оно растет в засушливом районе. Где бы он ни был найден, это верный признак наличия воды; и если можно сказать, что он процветает на песчаной почве, то это только в тех ситуациях, когда его корни могут получать определенное количество влаги. Многочисленные цели, для которых могут быть использованы его ветви и другие части, сделали выращивание этого ценного и продуктивного дерева делом первостепенной важности, поскольку ни одна его часть не обходится без особого применения.

Ствол служит для балок, как целых, так и расколотых пополам; из *гирит*, или ветвей, делают плетеные корзины, подстилки для кроватей, курятники и потолки комнат, отвечающие всем назначениям, для которых требуются планки или любые тонкие изделия из дерева; листья превращают в циновки, веники и корзины; из волокнистой оболочки, служащей основой ветвей, делают прочные веревки и циновки, и даже толстые концы *гирит* пригибают и формируют веники.

Помимо *низкокалорийных* плодов дерева, из них изготавливают бренди, вино и уксус; количество сахара в финиках может быть ограничено количеством сахара или меда.

В Верхнем Египте также широко культивировалось другое дерево, называемое *Дом*, или фиванская пальма, и его древесина, более прочная и компактная, чем финиковое дерево, годится как для плотов и других целей, связанных с водой, так и для балок и стропил.

Игры и спорт египтян.

Содержание

Игра в *морру* была распространена как в древней, так и в современной Италии, и в нее играли два человека, каждый из которых одновременно выставлял пальцы одной руки, в то время как одна сторона угадывала сумму обоих. Они были произнесены по-латыни "misere digitis", и эта игра, все еще столь распространенная среди низших слоев индейцев, существовала в Египте около четырех тысяч лет назад, во времена правления осиртасенов.

О такой же или даже большей древности можно говорить и об игре в шашки, или, как ее еще называют, шахматы. Как и в двух первых, игроки сидели на полу или на стульях, а фигуры, или мужчины, выстроенные в ряд по обоим концам столов, передвигались по шахматной доске, как в наших собственных шахматах.

Все фигуры были одинакового размера и формы, хотя на разных досках они различались: одни были маленькими, другие - большими, с круглыми вершинами; некоторые были увенчаны человеческими головами; и многие были более легкой и аккуратной формы, как маленькие кегли-девятки, вероятно, самого модного вида, поскольку они использовались во дворце короля Ремезеса. Последние, по-видимому, были около полутора дюймов в высоту, стояли на круглом основании диаметром в полдюйма; но некоторые имеют всего один дюйм с четвертью в высоту и немногим более полдюйма в ширину на нижнем конце. Были найдены и другие изделия из слоновой кости высотой в один дюйм и шесть восьмых и одну восьмую в диаметре, с маленькой ручкой наверху, точно такие же, как те, что представлены в Бени-Хассане и гробницах возле пирамид.

Они были примерно одинакового размера на одной доске, одни расставлены черными, другие белыми или красными; или одни с круглыми, другие с плоскими головками, стояли с противоположных сторон; и каждый игрок, поднимая их большим и указательным пальцами, продвигал свою фигуру к фигурам своего противника; но хотя мы не можем сказать, было ли это сделано по прямой или диагональной линии, есть основания полагать, что они не могли делать ход задом наперед, как в польских шахматах, когда игроки на доске были перемешаны.

Это было обычное развлечение как в домах низших классов, так и в особняках богачей; и сам царь Ремзес изображен на стенах своего дворца в Фивах, занятым игрой в шахматы со своими придворными дамами.

У современных египтян есть игра в шахматы, очень похожая по внешнему виду на игру их предков, которую они называют *даме*, и играют они во многом в той же манере, что и мы.

Аналогичной игре в чет и нечет была игра, в которой двое игроков держали в сомкнутых руках несколько ракушек или игральные кости над третьим человеком, который стоял на коленях между ними лицом к земле и который был обязан угадать общее число, прежде чем его можно было освободить из этого положения.

Другая игра заключалась в попытках вырвать друг у друга небольшой обруч с помощью крючковатых стержней, вероятно, металлических; и успех игрока, по-видимому, зависел от того, освободит ли он свой собственный обруч от стержня противника, а затем схватит обруч, прежде чем тот успеет его остановить.

Были также проведены две игры, доски для которых с участием мужчин находятся во владении доктора Эббота. Один имеет длину одиннадцать дюймов на три с половиной и имеет десять пробелов или квадратов в три ряда; остальные двенадцать квадратов на верхнем конце (или четыре квадрата в три ряда) и длинную линию из восьми квадратов внизу, образующую подход к верхней части, подобно расположению немецкой тактики. Человечки в ящике доски имеют две формы: один набор из десяти, другой - из девяти.

Другие игры представлены на рисунках, но не таким образом, чтобы сделать их понятными; и многие из них, которые, несомненно, были распространены в Египте, опущены как в гробницах, так и в трудах древних авторов.

Игральные кости, обнаруженные в Фивах и других местах, возможно, не относятся к периоду правления фараонов, но, исходя из простоты их формы, мы можем предположить, что они похожи на кости древнейшей эпохи, в которой также, вероятно, всегда использовалось условное число из шести сторон. Они были помечены маленькими кружочками, обозначающими единицы измерения, обычно с точкой в центре; и были сделаны из кости или слоновой кости, слегка различаясь по размеру.

Плутарх показывает, что игральные кости были очень ранним изобретением в Египте и признаны таковыми самими египтянами, поскольку они были введены в одну из их старейших мифологических басен; Меркурий изображался играющим в кости с Луной до рождения Осириса и выигравшим у нее пять дней эпакта, которые были добавлены для завершения 365 дней в году.

Вполне вероятно, что египтянам было известно несколько азартных игр, помимо костей и *морры*, и, как и у римлян, многие сомневающиеся искали утешения в обещании успеха, прибегая к случайным комбинациям различного рода; и обычай вытягивать, или бросать жребий, был распространен, по крайней мере, еще в период Исхода евреев.

Игры и забавы детей были такими, которые, как правило, укрепляли здоровье за счет физических упражнений и отвлекали ум смешными развлечениями. Бросание и ловля мяча, бег, прыжки и тому подобные подвиги поощрялись, как только им позволял возраст; а маленького ребенка забавляли раскрашенными куклами, чьи руки и ноги, двигаясь на булавках, принимали различные положения с помощью веревочек. Некоторые из них были грубой формы, без ног или с несовершенным изображением единственной руки с одной стороны. У некоторых были многочисленные бусины, имитирующие волосы, свисающие с сомнительного места головы; другие более приближались к форме человека; а некоторые, выполненные с большим вниманием к пропорциям, представляли собой маленькие модели человеческой фигуры. Они были раскрашены в соответствии с фантазией; и самые бесформенные обычно имели самый безвкусный вид, поскольку предназначались для того, чтобы привлекать внимание младенца. Иногда изображался человек, моющийся или замешивающий тесто, которого заставляли работать, дергая за веревочку; а тифонианское чудовище или крокодил забавляли ребенка своими гримасами или движением открывающейся пасти. В "Игрушке крокодила" у нас есть достаточно доказательств того, что представление об этом животном, "не двигающем нижней челюстью и являющемся единственным существом, которое опускает верхнюю челюсть до нижней", ошибочно. Как и другие животные, он двигает *только* нижней челюстью; но, схватив добычу, он вскидывает голову, что создает видимость движения верхней челюсти и привело к ошибке.

В игру в мяч, конечно, обычно играли на свежем воздухе. Это не ограничивалось детьми или представителями одного пола, хотя простое развлечение - бросать и ловить мяч, по-видимому, считалось более подходящим для женщин. У них были разные способы игры.

Иногда игрок, которому не удавалось поймать мяч, был вынужден позволить другой девушке прокатиться у него на спине, которая продолжала наслаждаться этой стойкой до тех пор, пока тоже не промахивалась; мяч бросал игрок другой стороны, который садился на него таким же образом и располагался на определенном расстоянии, в соответствии с заранее оговоренным пространством; и, исходя из должности вьючного животного человека, потерпевшего неудачу, к ней, вероятно, применялось то же название, что и к тем, кто в греческой игре "назывался ослами и был обязан подчиняться командам победителя".

Иногда они ловили три или более мяча подряд, иногда скрещивая руки на груди; они также подбрасывали мяч на большую высоту и ловили его, как наш "небесный мяч"; и им была известна игра, в которую, по описанию Гомера, играли Галий и Лаодам в присутствии Алкиноя; в которой один участник подбрасывал мяч так высоко, как только мог, а другой, подпрыгнув, ловил его при падении, прежде чем его ноги снова касались земли.

Когда египтянки садились на спины проигравшей стороны, они садились боком. Их одежда состояла всего лишь из короткой нижней юбки без обтяжки, свободное верхнее одеяние в таких случаях откладывалось в сторону; оно было стянуто в талии поясом, поддерживаемым ремнем через плечо, и было почти таким же, как раздевание плакальщиц, которое надевают во время траурных оплакиваний по поводу смерти друга.

Мячи были сделаны из кожи, сшиты бечевкой крест-накрест таким же образом, как у нас, и набиты отрубями или кукурузной шелухой; а те, что были найдены в Фивах, имеют около трех дюймов в диаметре. Другие были сделаны из бечевки или из стеблей тростника, сложенных вместе так, чтобы образовалась круглая масса, и покрытых, как и первые, кожей. У них, по-видимому, также был шар меньшего размера, вероятно, из того же материала, и покрытый, как и многие из наших, полосками кожи ромбовидной формы, сшитыми вместе в продольном направлении и сходящимися в общей точке с обоих концов, причем каждая другая полоска была разного цвета; но они встречались только в керамике.

В одном из своих проявлений силы и ловкости двое мужчин стояли бок о бок и, выставив одну руку вперед, а другую за спину, держали за руки двух женщин, которые откидывались назад в противоположных направлениях, всем своим весом прижимаясь к ногам друг друга, и в этом положении вращались по кругу; руки мужчин, которые их держали, время от времени скрещивались, чтобы более эффективно гарантировать устойчивость центра, к которому они поворачивались.

Иногда двое мужчин, сидевших на земле спина к спине, по заданному сигналу проверяли, кто должен первым подняться из этого положения, не касаясь земли рукой. И в этом тоже, вероятно, был суд над тем, кто должен был сначала исправно сесть на землю из положения стоя.

Другая игра заключалась в метании ножа или заостренного оружия в деревянный чурбан, в котором каждый игрок должен был нанести удар по ножу своего противника или, что более вероятно, закрепить свой собственный в центре или по окружности нарисованного на дереве кольца; и его успех зависел от того, сможет ли он чаще всего звенеть своим оружием или приближаться как можно ближе к линии.

Колдовство, по-видимому, также было им известно, по крайней мере, игра в наперстки или кубки, под которые подкладывали мяч, в то время как противная сторона угадывала, под каким из четырех он спрятан.

Египетские вельможи часто допускали к себе в дом карликов и уродливых людей; первоначально, возможно, из гуманных побуждений или из какого-то суеверного уважения к людям, носившим внешний облик одного из их главных богов, Птах-Сокари-Осириса, уродливого Божества Мемфиса; но что бы ни послужило причиной возникновения этого обычая, странным фактом является то, что уже в эпоху Осиртасена, или около 4000 лет назад, такая же фантазия причислять этих людей к своей свите существовала у египтян, как в Риме и даже в современной Европе, вплоть до позднего периода.

Игры низших сословий и тех, кто стремился укрепить тело активными упражнениями, состояли из подвигов ловкости и силы. Борьба была любимым развлечением, и картины в Бени-Хассане изображают все разнообразные позы и способы нападения и защиты, которым она подвержена. И для того, чтобы зрителю было легче воспринять положение конечностей каждого бойца, художник воспользовался темным и светлым цветом и даже рискнул представить попеременно черную и красную фигуры. Эта тема занимает целую стену.

Вероятно, что, подобно грекам, они смазывали тело маслом, готовясь к этим упражнениям, и были полностью обнажены, за исключением пояса, по-видимому, из кожаных ремешков.

Двое сражающихся обычно приближались друг к другу, держа руки в наклонном положении перед туловищем; и каждый старался схватить своего противника способом, наиболее подходящим для его способа атаки. Разрешалось хвататься за любую часть тела, голову, шею или ноги; и борьба часто продолжалась на земле после того, как один или оба упали; этот способ борьбы был распространен и у греков.

Они также сражались одной палкой, рука, по-видимому, была защищена корзиной или гардой, выступающей над костяшками пальцев; а на левой руке они носили прямой кусок дерева, перевязанный ремнями, служивший щитом для отражения удара противника. Однако они, по-видимому, не использовали *цестуси* не владели искусством бокса; хотя в одной группе, в Бени-Хассане, бойцы, по-видимому, наносили друг другу удары. Ни в одном из этих состязаний также нет примера греческого знака признания поражения, которым было поднятие пальца в знак покорности; и, вероятно, египтяне делали это с помощью слова. Также сомнительно, было ли метание диска, или квойта, египетской игрой; но, по-видимому, есть один пример этого, в гробнице царя 19-й династии.

Одним из проявлений их силы или ловкости было поднятие тяжестей; мешки с песком поднимали одной рукой с земли и несли прямой рукой над головой, удерживая в таком положении.

Учебные бои также были развлечением, особенно среди представителей военного сословия, которые были приучены к тяготам войны с помощью этих мужественных развлечений. Одна группа атаковала временный форт и выдвинула таран под прикрытием тестудо; другая защищала стены и пыталась отразить натиск врага; другие, двумя группами поровну, сражались одной палкой или более обычным *небутом*, шестом, которым владеют обеими руками; и драчливый дух народа часто упоминается в сценах, изображаемых их художниками.

Использование *небута*, по-видимому, было столь же распространено среди древних, как и среди современных египтян; и ссоры в деревнях часто разрешались или усиливались, как в настоящее время, с помощью этого эффективного оружия.

Также представлены экипажи лодок, атакующие друг друга с серьезностью настоящей борьбы. Некоторые из них смертельно ранены и, будучи сбиты с ног более искусными противниками, бросаются головой в воду; и справедливость утверждения Геродота о том, что головы египтян были тверже, чем у других народов, кажется, полностью подтверждается сценами, описанными их собственными рисовальщиками.

К счастью, их преемники унаследовали эту особенность, чтобы выдерживать насилие турок и свои собственные сражения.

Древние авторы упоминают множество необычных встреч с палками; среди них можно отметить одну в Папремисе, городе на Марсе, описанную Геродотом. Когда приверженцы божества появились у ворот храма, вход им преградила противоборствующая сторона; и все они, вооруженные палками, завязали грубую драку, которая закончилась не только нанесением нескольких тяжелых ран, но даже, как утверждает историк, смертью многих людей с обеих сторон.

Бои быков также были среди их спортивных состязаний; иногда их устраивали на *дромосе*, или аллее, ведущей к храмам, как в Мемфисе перед храмом Вулкана; и призы вручались владельцу победившего бойца. Большое внимание уделялось их подготовке для этой цели; Страбон говорит ровно столько, сколько обычно уделяют лошадям; и пастухи не стеснялись допускать или поощрять случайные драки из любви к захватывающему и популярному развлечению.

Они, однако, не приговаривали преступников или пленников, взятых на войне, к битве с дикими зверями на потеху бесчувственному собранию; они также не заставляли гладиаторов убивать друг друга и удовлетворять развращенный вкус зрелищами, отвратительными для человечества. Их большое удовольствие доставляли развлечения живого характера, такие как музыка, танцы, шутовство и проявления ловкости; а те, кто преуспевал в гимнастических упражнениях, были вознаграждены призами различного рода, которые в провинциальных городах состояли, среди прочего, из крупного рогатого скота, одежды и шкур, как на играх, отмечаемых в Хеммисе.

Веселые забавы египтян показывают, что они не обладали мрачным характером, который им так часто приписывают; и удовлетворительно иметь эти свидетельства, по которым можно судить об этом, за исключением их физиономии, столь неподобающе измененной смертью, битумом и бинтами.

Однако интеллектуальные способности отдельных людей все еще могут быть предметом решения френолога; и если они избежали испытания *предполагаемым* самопроизвольным вращением маятника под стеклянным колпаком, их почерк все еще открыт для критики мудрецов, которые раскрывают по нему мельчайшие секреты характера; и некоторые из старых переписчиков, возможно, даже сейчас поддаются такого рода проверке. Но, к счастью, они недостижимы для удивления, которое некоторые в наши дни проявляют, видя точное подобие самих себя, как им полагают, написанное их собственным почерком с помощью нескольких умных обобщений, забывая, что больной человек при каждой болезни, о которой он читает в медицинской книге, обнаруживает свои собственные симптомы и воображает, что они соответствуют его собственному конкретному случаю. Ибо, хотя по почерку можно обнаружить определенную опрятность, или аккуратность, небрежность, или другую привычку, описывать по нему все мелочи характера - это только подпитывает любовь к чудесному, которая так сильно возрастает в наши дни, когда реакция доверчивости требует не делать ничего слишком экстравагантного для наших современных *мужиков*.

Среди различных развлечений египтян ни одно не было более популярным, чем охота; и богатая аристократия не пропускала ничего, что могло бы способствовать развитию их любимого развлечения. Они охотились в пустыне на многочисленных диких животных; они ловили их сетями, чтобы когда-нибудь выпустить; а некоторые очень заядлые спортсмены совершали длительные путешествия в места, известные изобилием дичи.

Когда во владениях какого-нибудь вельможи или на обширных пространствах пустыни происходила грандиозная охота, свита егерьей, загонщиков и других лиц, находившихся у него на службе, заботилась о том, чтобы управлять гончими, нести корзины с дичью и охотничьи шесты, расставлять сети и делать другие приготовления для хорошей дневной забавы. Некоторые взяли с собой свежий запас стрел, запасной лук и различные принадлежности на случай несчастных случаев; некоторые были просто загонщиками, другие должны были помогать закреплять крупных животных, пойманных лассо, третьи должны были метить или переворачивать дичь, а третьи несли запас провизии для егеря и его друзей. Последние неслись на обычном деревянном ярме через плечи и состояли из бурдюка с водой и кувшинов с хорошим вином, помещенных в плетеные корзины вместе с хлебом, мясом и другими съестными припасами.

Иногда часть пустыни значительной протяженности была огорожена сетями, в которые загоняли животных загонщики; и местом, выбранным для их крепления, было, по возможности, узкое ущелье или русло ручья, лежащее между какими-нибудь скалистыми холмами. Здесь охотник верхом на лошади или в колеснице мог подстеречь их или оказаться в пределах досягаемости с луком; ибо многие животные, особенно газели, будучи плотно прижатыми собаками, боятся подниматься на крутой подъем, и их легко настичь или застрелить, когда они поворачивают назад.

Огороженные таким образом места обычно находились поблизости от ручьев, к которым они имели обыкновение возвращаться утром и вечером; и, дождавшись времени, когда они отправлялись на водопой, и убедившись в этом по их недавним следам на привычной тропе, охотники расставляли сети, занимали надлежащие позиции для наблюдения за ними незамеченными и постепенно приближались к ним.

Таковы сцены, частично изображенные на египетских картинах, где длинные сети изображены вокруг места, где они охотились; а гиены, шакалы и различные дикие звери, не связанные с этим видом спорта, призваны показать, что они случайно попали в один ряд сетей с антилопами и другими животными.

Точно так же Эней и Дидона отправились в лес на рассвете, после того как слуги окружили его временной изгородью, чтобы отгородить дичь.

Длинная сеть была снабжена несколькими веревками и опиралась на раздвоенные шесты разной длины, соответствующие неровностям почвы, и была устроена так, чтобы закрывать любое пространство, пересекая холмы, долины или ручьи, огибая леса или все, что могло попасться под руку; использовались также сети поменьше для заделки промежутков; а круглая ловушка, обнесенная деревянными или металлическими гвоздями и прикрепленная веревкой к бревну, которое использовалось для ловли оленей, напоминала ту, что до сих пор делают арабы.

Одежды слуг и охотников, как правило, были приглушенного цвета, "чтобы животные не заметили их на расстоянии", плотно облегающие и доходящие лишь до бедер; а лошади колесниц были лишены перьев и эффектных украшений, используемых в других случаях.

Помимо участков открытой пустыни и долин, которые были огорожены для охоты, парки и заросли на собственных территориях в долине Нила, хотя и имели сравнительно ограниченные размеры, предоставляли достаточно места и возможностей для охоты; там содержалось большое количество дичи, главным образом диких козлов, ориксов и газелей.

У них были также пруды с рыбой и просторные птичьи дворы, отведенные для содержания гусей и другой дикой птицы, которую они откармливали к столу.

Обязанностью охотников или егерей было присматривать за заповедниками, и в соответствующие периоды года добывались дикие оленята, чтобы увеличить стада газелей и других животных, которые всегда составляли часть поголовья богатого египтянина.

Египтяне часто выезжали с собаками на открытые равнины, егерь следовал за ними в своей колеснице, а охотники шли пешком. Иногда он ездил только в укрытие на своей машине, а выйдя из нее, участвовал в трудах по поиску дичи, его сопровождающие держали собак на привязи, готовые запустить их, как только она появится. Более распространенным обычаем, когда собаки сбивались с пути на обширной ровной равнине, было оставаться в своей колеснице и, подгоняя своих лошадей во весь опор, пытаться повернуть или перехватить их, когда они удваивались, выпуская меткую стрелу всякий раз, когда они оказывались в пределах досягаемости.

Собаки спускались на землю лицами, специально нанятыми для этой цели и для выполнения всех обязанностей, связанных с питомником; их запускали либо поодиночке, либо парами в узких долинах или на открытых равнинах; а при беге пешком егерь и сопровождающие его егеря, знакомые с направлением и извилинами русел ручьев, сокращали дорогу, пересекая промежуточные холмы, и искали благоприятную возможность для стрельбы из лука; или наслаждались бегом на ровном пространстве перед ними.

Погнавшись пешком и достигнув места, где собаки настигли свою добычу, охотник, если был один, брал дичь, связывал ей ноги вместе и, повесив ее себе на плечи, снова вел за руку спаренных собак, точно так же, как это делают арабы в наши дни. Но обычно это была обязанность людей, которые перевозили клетки и корзины на обычных деревянных коромыслах и которые брали на себя заботу о дичи, как только она была поймана; количество этих заменителей для нашей тележки с дичью было пропорционально предполагаемой дальности охоты и количеству голов, которые они рассчитывали убить.

Иногда горный козел, орикс или дикий бык, будучи тесно прижатыми гончими, поворачивался лицом и держал их на расстоянии с помощью своих грозных рогов и копыта охотника, когда он приближался, чтобы решить успех погони.

Часто случалось, что, когда у егеря было много помощников и местность, на которую предстояло охотиться, была обширной, они разделялись на отряды, каждый брал одну или несколько собак и натравливал их на любое животное, вышедшее из укрытия; иногда они обходились без гончих, просто имея маленькую собачку для прочесывания кустов, или подстерегали более крупных и грозных животных и нападали на них с копьем.

Петля, или *лассо*, также использовалась для поимки дикого быка, антилопы и других животных; но ее можно было набросить, только если для этой цели лежать в засаде, и ее применяли в основном, когда хотели заполучить их живыми.

Помимо лука, гончих и петли, они охотились со львами, которых дрессировали специально для охоты, подобно *гепарду*, или охотящемуся леопарду Индии, которого вырастили из

детенышей в ручном состоянии; и многих египетских монархов сопровождал в битве любимый лев. Но нет ни одного примера хокинга.

Лук, используемый для охоты, был очень похож на тот, что использовался на войне; стрелы, как правило, были такими же, с металлическими наконечниками, хотя у некоторых были только каменные наконечники. Способ натягивания лука также был таким же; и если егеря иногда натягивали тетиву только до груди, более обычным способом было поднять ее и поднести стрелу к уху; а иногда одну или несколько запасных стрел держали в руке, чтобы было легче быстро разряжать их по антилопам и быкам.

Животными, на которых они в основном охотились, были газель, дикая коза или *горный козел*, орикс, дикий бык, олень, *кебш* или дикая овца, заяц и дикобраз; мясо всех этих животных высоко ценилось среди деликатесов на столе; лиса, шакал, волк, гиена, леопард и другие, на которых охотились ради развлечения, ради их шкур или как на врагов фермерского двора. Ибо, хотя тот факт, что гиену иногда покупали вместе с козерогом и газелью, может показаться оправданием предположения, что ее также ели, нет ни одного случая, чтобы ее забивали для стола. Страус представлял для охотника большое искушение из-за ценности своих перьев. Они пользовались большим спросом у египтян в качестве украшений; они также были священным символом истины; и члены двора по торжественным случаям украшали себя страусиными перьями. Труд, затраченный во время охоты на эту быстроногую птицу, был щедро вознагражден; даже ее яйца требовались для каких-то декоративных или религиозных целей (как у современных коптов); и вместе с перьями они составляли часть дани, наложенной египтянами на завоеванные страны, где она водилась в изобилии. Охота на львов была любимым развлечением царей, и пустыни Эфиопии всегда были отличным развлечением, поскольку они изобиловали львами; их успех в тех случаях был триумфом, о котором они часто рассказывали; и Амуноф III хвастался, что сразил в одной *битве* не менее ста двух голов либо луком, либо копьем. Для охоты на слонов они отправились еще дальше на юг; и в последующие времена у Птолемеев были охотничьи угодья в Абиссинии.

СНОСКИ:

19. Ерр. ii. 1, 189.

20. Мы сожалеем, что утратили копию этого забавного предмета. Он находился в гробнице в Фивах.

ДОМАШНЯЯ ЖИЗНЬ.

Содержание

Жизнь замужних женщин, девиц, детей, находящихся на попечении женщин, и рабынь проходила в гинеконите, откуда они выходили лишь в редких случаях. Семейная жизнь гречанок сильно отличалась от наших христианских представлений; она также не походила на жизнь в восточном гареме, которой она была намного выше. Идея семьи поддерживалась как законом, так и обычаем, и хотя государство терпело наложничество и сношения с

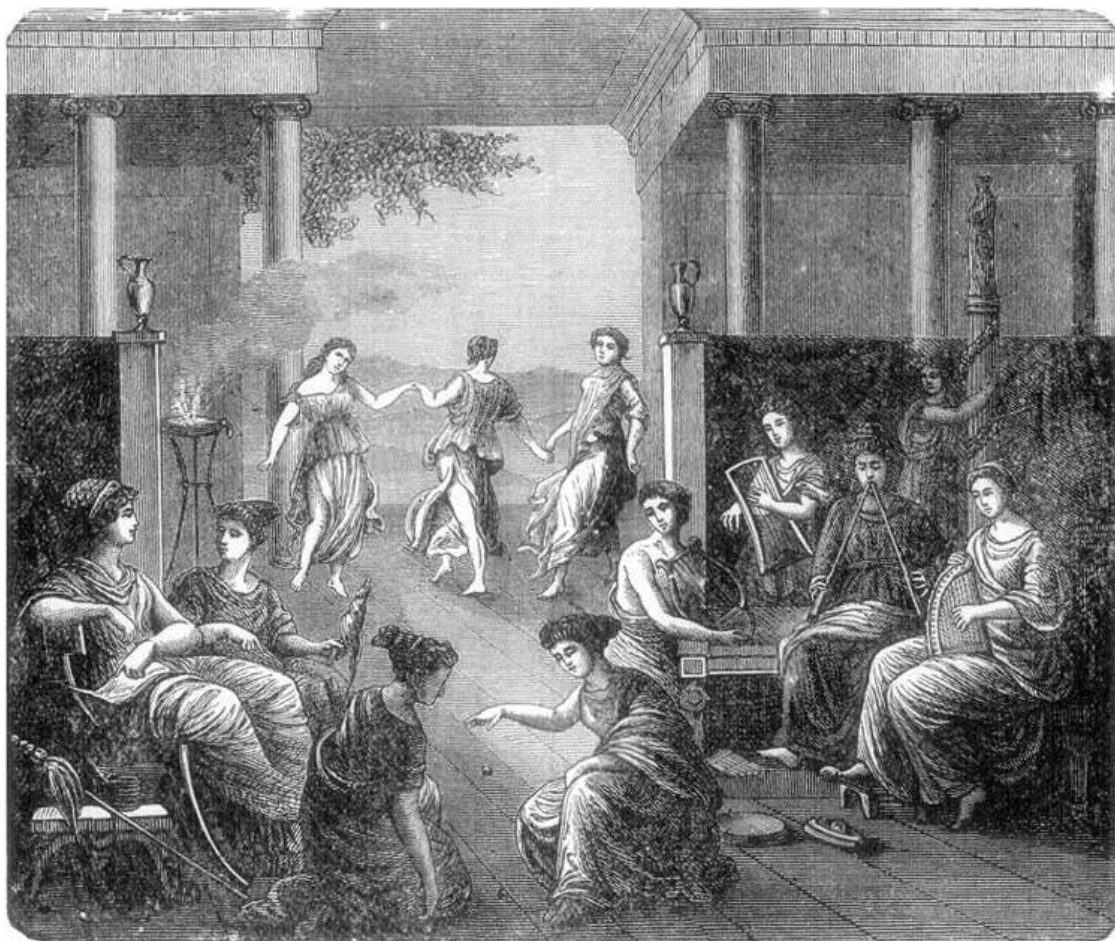
гетерами, более того, поощряло их, тем не менее подобные нечистые элементы никогда не вторгались в семейные отношения.

Наши последующие замечания относятся, конечно, только к высшим классам, поскольку борьба бедняков за существование почти одинакова во все века. В уединении гинаиконитиса девушка выросла в сравнительном невежестве. Забота о домашних обязанностях и о своей одежде была единственным интересом в ее монотонном существовании. Интеллектуальное общение с другим полом было полностью исключено. Даже там, где девушки появлялись публично на религиозных церемониях, они действовали отдельно от юношей. Во всяком случае, общение такого рода не могло оказать длительного влияния на их культуру. Даже брак не изменил этого положения вещей. Девушка всего лишь перешла от гинеконита своего отца к гинекониту своего мужа. Однако в последнем случае она была абсолютной правительницей. Она не разделяла интеллектуальную жизнь своего мужа — одно из фундаментальных условий нашей семейной жизни. Это правда, что муж ревниво следил за ее честью с помощью гинекономой, иногда даже с помощью замка и ключа. Верно также, что общепринятый обычай защищал благовоспитанную женщину от оскорблений; тем не менее, ее положение было всего лишь положением матери семейства. Действительно, ее обязанности и достижения вряд ли рассматривались мужем в гораздо более высоком свете, чем обязанности верной домашней рабыни.

В доисторические времена положение женщин, по-видимому, было в целом более достойным. Тем не менее, даже тогда их обязанности по существу ограничивались домашним хозяйством, о чем свидетельствуют, например, слова, в которых Телемах просит свою мать следить за своим веретеном и ткацким станком, вместо того чтобы вмешиваться в споры мужчин. По мере того как государство становилось все более развитым, оно поглощало все внимание мужчины и еще больше отдаляло его от жены. Счастливые браки, конечно, ни в коем случае не были невозможны; тем не менее, как правило, преобладало мнение, что женщина по природе ниже мужчины и занимает второстепенное положение в отношении гражданских прав. Этот принцип, действительно, неоднократно провозглашался древними философами и законодателями. До сих пор наши замечания относились главным образом к ионийско-аттическому племени, известному скромностью своих женщин и дев. Дорический принцип, выраженный в конституции Спарты, напротив, давал девушкам полную свободу показываться на людях и закалять свои силы физическими упражнениями. Эта свобода, однако, не была результатом философской идеи равенства двух полов, а была основана на желании произвести на свет сильных детей посредством укрепления женского тела.

Основное занятие женщин, помимо приготовления пищи, состояло в прядении и ткачестве. У Гомера мы видим жен знати, занятых подобным образом; и обычай женщин шить необходимые предметы одежды продолжал преобладать даже тогда, когда роскошь более поздних времен вместе с вырождением самих женщин сделали необходимым создание мастерских и мануфактурных производств для этой цели. Античное искусство часто использовалось для этих домашних занятий. Аттические божества, Афина Эргана и Афродита Урания, а также аргивянка Илития, богиня-покровительница деторождения, Персефона и Артемида, все эти пластические произведения представлены как богини судьбы, ткущие нить жизни и, в то же время, защищающие женские устремления; в этом двойственном качестве они имеют эмблему домашней деятельности - прялку в качестве своего атрибута. Сейчас сохранилось лишь несколько изображений прядущих богинь; но многие из них представляют собой изображения смертных прядущих дев, нарисованные на стенах, главным образом для женского использования. Для прядения использовалось

веретено, как это до сих пор имеет место в местах, где северная прялка не вытеснила античный обычай. Гомер описывает благородных дам, управляющих прялкой с помощью принадлежащего ей веретена. Хелен получила в подарок золотое веретено с серебряной корзинкой для хранения ниток. Прялку с привязанным к ее концу пучком шерсти или льна держали под левой рукой, в то время как большой и указательный пальцы правой руки, слегка смоченные, пряли нить, на конце которой висело металлическое веретено. Полотно с веретена наматывалось на катушку для дальнейшей обработки на ткацком станке.

СОЦИАЛЬНОЕ НАСЛАЖДЕНИЕ ЖЕНЩИН (С древней картины.)

Искусство ткачества и вышивки сродни прядению. На вазописях мы часто видим женщин с рамками для вышивания на коленях. Мастерство греческих дам в вышивании в достаточной степени подтверждается со вкусом вышитыми узорами и каймой на греческих платьях, как мужчин, так и женщин. Множество примеров можно найти на вазах.

Наши замечания о женских обязанностях по приготовлению еды должны быть краткими. Тяжелую часть работы, такую как измельчение зерна в ручных мельницах, выполняли слуги. Во дворце Одиссея двенадцать рабынь весь день мололи пшеницу и ячмень на равном количестве ручных мельниц, чтобы накормить многочисленных гостей. Ручная мельница состояла (подобно тем, что до сих пор используются на некоторых греческих островах) из двух камней, каждый около двух футов в диаметре, верхний из которых вращался с помощью изогнутой ручки, чтобы измельчать зерно, высыпаемое через отверстие в нем.

Запекание мяса на вертеле входило в обязанности женщин-рабынь. В каждом доме, даже с умеренным достатком, нескольких из них держали в качестве поваров, горничных и

компаньонки дам на прогулках, поскольку для них считалось неприличным покидать дом без сопровождения нескольких рабов. Насколько женщины принимали непосредственное участие в приготовлении изысканных блюд, мы сказать не можем. В более поздние времена стало обычным покупать или нанимать рабов-мужчин в качестве поваров.

Античные изображения женщин, купающихся, украшающих себя, играющих и танцующих, многочисленны. Афинская девушка, в отличие от своей сестры-спартанки, не считала уместным публично демонстрировать свое телесное мастерство и красоту в коротком хитоне, но принятие ванны, по-видимому, входило в число ее повседневных привычек, о чем свидетельствуют многочисленные сцены купания на вазах. В одном из них рабыня выливает содержимое гидрии на свою обнаженную госпожу. Съежившись на полу, на другом снимке мы видим раздетую женщину, хватающую в руку носик для воды, вытекающий из маски в виде кастрюли в стене в ванну. На полу лежат алебастр и гребень. Изображение на амфоре в Берлинском музее предлагает наиболее интересный вид на интерьер греческой бани. Мы видим купальню, построенную в дорическом стиле. Рядом колонн внутреннее пространство разделено на две ваннные комнаты, каждая для двух женщин. Вода, скорее всего, под давлением подается к верхушкам полых колонн, сообщение между которыми осуществляется с помощью труб, расположенных примерно в шести футах от земли. Отверстия кранов выполнены в виде аккуратно вылепленных голов кабанов, львов и пантер, изо рта которых на купающихся падают мелкие дождевые брызги. Их волосы были туго заплетены в косички. Вышеупомянутые трубки, очевидно, использовались для развешивания полотенец; возможно, они даже были наполнены горячей водой, чтобы согреть купальное белье. Представляется сомнительным, изображена ли на нашем рисунке общественная или частная баня. Также часто изображалась переодевание после ванны.

Нам нет необходимости углубляться в эту тему здесь. Мы упомянем основные принадлежности, такие как расческа, бутылочка с мазью, зеркало и т.д., на следующей странице. Изображенные таким образом сцены, несомненно, заимствованы из повседневной жизни, хотя Афродита с ее Купидонами и Грациями заняла место смертных женщин.

Что касается музыки, игр и танцев, мы упоминаем только игру на балу, которая проводилась в танцевальном ритме и, следовательно, рассматривалась как практика грациозных движений. Гомер упоминает Наусикаа как искусного игрока в эту игру. Примечательно, что везде, где на картинах появляются женщины, играющие в мяч, они изображены в сидячей позе. (Смотрите вырезку, стр. 205.)

Качели были, по сути, женским развлечением. В память о судьбе Эригоны, дочери Икариоса, в Афинах был назначен праздник, на котором девушки предавались радостям качания на качелях. Иллюстрации этого времяпрепровождения часто встречаются на вазах, свободных от какой-либо мифологической символики, даже в тех случаях, когда Эроса заставляют вращать качели.

Теперь мы подходим к тому моменту в жизни девушки, когда она должна руководить своим собственным хозяйством в качестве законной супруги своего мужа. В большинстве случаев греческий брак был делом удобства, мужчина считал своим долгом обеспечить законное продолжение своей семьи. Дорическое племя не пыталось скрыть этот принцип в своих простых законах; остальная Греция признавала его, но молча, из-за более утонченного представления о моральном значении брака.

Уединенность женской жизни, действительно, сделала вопрос личного очарования второстепенным. Равенство происхождения и богатства были главными соображениями.

Выбор афинского гражданина был ограничен афинскими девушками; только в этом случае дети имели полное право первородства, а брак афинского мужчины или девушки с незнакомцем по закону считался незаконным. Такой брак действительно был не чем иным, как формой сожителства. Законы, касающиеся этого пункта, однако, часто обходились. При торжественном обручении, всегда предшествующем фактическому браку, определялся размер приданого невесты; ее положение как замужней женщины во многом зависело от его стоимости. Часто дочери бедных, достойных граждан получали приданое от государства или от ряда граждан.

Во времена Гомера жених добивался расположения невесты богатыми подарками; Ифидамас, например, предлагает сто телок и тысячу козлят в качестве свадебного подарка. Но впоследствии все было полностью изменено на противоположное: отец невесты должен был обеспечить приданое, состоящее частично из наличных денег, частично из одежды, драгоценностей и рабов. В случае раздельного проживания приданое в большинстве случаев должно было быть возвращено родителям жены. Наиболее подходящий возраст для заключения брака Платон в своей "Республике" устанавливает для девушек в двадцать лет, для мужчин - в тридцать. Однако никаких правил на этот счет не существовало. Родители, естественно, стремились избавиться от своих дочерей как можно раньше, не возражая против преклонного возраста жениха, на что лаконично указывает Аристофан.

Самой церемонии бракосочетания, или возвращению домой, предшествовали подношения Зевсу Телеосу, Гере Телеии, Артемиде Эвклее и другим божествам, защищающим брак. Свадебное купание было второй церемонией, через которую должны были пройти и невеста, и жених перед вступлением в брак.

В день свадьбы, ближе к вечеру, после окончания трапезы в доме ее родителей,²¹ невеста покинула празднично украшенный дом, и жених отвез ее на колеснице в свое жилище. Она сидела между женихом и шафером, выбранным из числа его родственников или близких друзей. Сопровождаемая пением гимна, праздничными звуками флейт и дружескими возгласами всех прохожих, процессия медленно двинулась к дому жениха, также украшенному венками из лавры. Мать невесты шла позади колесницы со свадебными факелами, зажженными у родительского очага, согласно незапамятному обычаю. У дверей жениха его мать ожидала молодую пару с горящими факелами в руках. На случай, если в доме невесты не было свадебного угощения, компания теперь села за него. Чтобы предсказать желаемую плодовитость союза, раздавались лепешки с кунжутом. Такое же символическое значение придавалось айве, которую, согласно закону Солона, должна была съесть невеста. После трапезы пара удалилась на таламос, где невеста впервые предстала перед своим мужем. Перед дверью брачных покоев пели эпиграмму, очаровательный образец которой мы имеем в "свадебном гимне Елены" Феокрита. В первые два дня после свадьбы пара получала свадебные подарки. Только после этих дней невеста появлялась без фаты.

Социальное положение гетер сильно отличалось от положения целомудренных женщин. Мы говорим не о низшем классе несчастных, поклоняющихся Афродите Пандемос, а о тех женщинах, которые благодаря своей красоте и изяществу разговора оказывали большое влияние даже на высших мужчин. Мы лишь напоминаем читателю об Аспазии. В глазах общества гетеры, естественно, превосходили уважаемых женщин благодаря их свободному общению с мужчинами. Ибо гетеры не избегали дневного света и не были ограничены законом. Для них был закрыт только дом женатого мужчины.

Прежде чем перейти от частной жизни к общественной, мы должны бросить взгляд на раннее воспитание ребенка матерью. Мы начинаем с самых ранних дней младенчества. После первого купания новорожденного укладывали в пеленки - обычай, не разрешенный более грубыми обычаями Спарты. На пятый или седьмой день младенец должен был пройти церемонию очищения; повитуха, держа его на руках, несколько раз обошла вокруг пылающего алтаря. В этот день для семьи был устроен праздничный обед, двери которого были украшены оливковой короной для мальчика и шерстью для девочки. На десятый день после рождения, когда ребенку было дано имя, состоялся еще один праздник. Эта церемония подразумевала признание отцом законнорожденности ребенка. Имя ребенку выбирали оба родителя, как правило, по имени кого-либо из бабушек и дедушек, иногда также по имени или атрибутам божества, под особую защиту которого таким образом находился ребенок. Завершали церемонию жертвоприношение, принесенное главным образом богине деторождения, здесь Илитии, и трапеза. На последнем празднике друзья и родственники дарили младенцу игрушки из металла или глины, а матери - расписные вазы. Античная колыбель представляла собой плоские качели из плетеной корзины, подобные тем, что изображены на терракотовом рельефе в Британском музее, изображающем младенца Вакха, которого несут сатир, размахивающий тирсом, и вакханка с факелом в руках. Показан другой вид колыбели в форме башмачка, в которой находится младенец Гермес, узнаваемый по его петасо. Он также сделан из лозы. Преимущество этой люльки состоит в том, что она имеет ручки и, следовательно, ее легко переносить. Ее также можно повесить на веревках и без труда раскачивать. Другие колыбели, похожие на наши современные, относятся к более позднему периоду. Пение колыбельных и укачивание детей перед сном были обычным явлением среди древних. Кормилицы обычно использовались среди ионийских племен; богатые афиняне отдавали предпочтение спартанским медсестрам, поскольку они, как правило, были сильными и здоровыми. После того как ребенок был отнят от груди, кормилица и мать-сухопутка кормили его папарикой, приготовленной в основном из меда.

Погремушка, которую, как говорят, изобрел Архитас, была первой игрушкой младенца. Другие игрушки разного рода были частично куплены, частично сделаны самими детьми, когда они подросли. Мы упоминаем раскрашенных глиняных кукол, изображающих людей или животных, таких как черепахи, зайцы, утки и матери-обезьяны с их потомством. Внутри были положены маленькие камешки, производившие дребезжащий звук; это обстоятельство, наряду с тем фактом, что маленькие фигурки такого рода часто находят на детских могилах, доказывает, что это были игрушки. Можно привести в пример маленькие деревянные повозки, дома и корабли, сделанные из кожи, и множество других игрушек, сделанных самими детьми. До шестого класса мальчики и девочки воспитывались вместе под присмотром матери; с этого момента их образование стало отдельным. Собственно образование мальчика стало более общественным, в то время как девочку мать воспитывала дома, самым простым способом, в соответствии с их представлениями. Из числа домашних рабов мальчику был выбран надежный товарищ. Однако он был не наставником в нашем смысле этого слова, а скорее верным слугой, который должен был заботиться о мальчике во время его прогулок, особенно по дороге в школу и из школы. Он также должен был обучить своего ученика определенным правилам хорошего поведения. Мальчик должен был, например, ходить по улице с опущенной головой в знак скромности и уступать место встречающим его старшим. В присутствии последнего он должен был сохранять почтительное молчание. Правильное поведение за столом, изящная манера носить одежду и т.д. Могут быть упомянуты как родственные предметы воспитания. Мальчиков сопровождали педагоги вплоть до шестнадцатилетия. Последние часто появляются на вазописях, и их легко узнать по их одежде, состоящей из хитона и плаща, и сапог с высокой шнуровкой; они также

носят трости с изогнутыми ручками, а их волосы и бороды придают им почтенный вид; в то время как их ученики, согласно афинскому обычаю, одеты более легко и изящно. Педагог группы Ниобидов хорошо известен.

Образование в Афинах было делом частного предпринимательства. Школы содержались частными учителями, государственный надзор распространялся только на моральную, но не на научную квалификацию школьного учителя. Грамматика, музыка и гимнастика, к которым Аристотель добавляет рисование как средство эстетического воспитания, были обычными предметами обучения в школах и гимназиях, а также чтение, письмо и арифметика. Метод обучения письму состоял в том, что учитель составлял буквы, которые ученики должны были имитировать на своих табличках, иногда с помощью учителя. Письменные принадлежности представляли собой маленькие таблички, покрытые воском, на которых буквы были нацарапаны карандашом из металла или слоновой кости. Он был заострен с одного конца и сплюснут или согнут с другого, чтобы при необходимости стереть надпись и в то же время снова разгладить поверхность для других букв. Молодая девушка на очаровательной помпейской настенной росписи держит в руке двойную табличку, в то время как другой рукой она прижимает карандаш к подбородку, словно размышляя над письмом. Ее няня, заглядывая ей через плечо, пытается расшифровать содержание любовного письма. Помимо этих табличек, Геродот упоминает использование бумаги, изготовленной из коры египетского папируса. Стебель (длиной три или четыре фута) разрезали в продольном направлении, после чего сначала снимали наружную кору; оставшиеся слои коры, числом около двадцати, осторожно срезали булавкой; а затем отдельные полосы сплели крест-накрест; путем прессования и продавливания всего материала известковой водой была получена необходимая консистенция материала. Из нижних слоев коры получалась лучшая писчая бумага, в то время как внешние слои превращались в упаковочную бумагу (*emporetica*); самая верхняя кора использовалась для изготовления веревок. Такой ящик, полный пергаментных рулонов, с закрытой крышкой, стоит рядом с Клио на настенной росписи Геркуланума. В левой руке муза держит полуоткрытый свиток, на котором начертаны слова "Клио преподает историю". Чернила были сделаны из черного красящего вещества; они хранились в металлической чернильнице с закрытой крышкой. Двойные чернильницы, которые часто можно увидеть на памятниках, скорее всего, предназначались для хранения черных и красных чернил, последние из которых часто использовались. Чтобы писать на бумаге или пергаменте, древние использовали мемфийский, гнидический или анаитский тростник, заостренный и расщепленный, как наши ручки. Как мы упоминали ранее, у взрослых был обычай писать либо полулежа на кляине, положив лист на согнутую ногу, либо сидя в низком кресле, и в этом случае письменный прибор опирался на колено пишущего. Последняя поза иллюстрируется читающим эфебом на вазописи; несомненно, это была также поза мальчиков, сидящих на поднимающихся ступенях, используемых в качестве формуляров в школах. После завершения начального образования мальчик познакомился с произведениями национальной поэзии, в частности со стихотворениями Гомера, заучивание которых наизусть и декламация наизусть внушали ему патриотическую гордость.

О брачных контрактах египтян мы ничего не знаем, и мы даже не находим церемоний, изображенных на росписях их гробниц. Мы можем, однако, заключить, что они регулировались обычаями, обычными среди цивилизованных народов; и, если можно доверять авторитету Диодора, женщинам в Египте предоставлялись большие привилегии, чем в какой-либо другой стране. Он даже утверждает, что часть соглашения, заключенного во время брака, заключалась в том, что жена должна контролировать своего мужа и что не должно быть никаких возражений против ее *приказов*, какими бы они ни были; но, хотя у нас есть достаточно доказательств превосходства египтян в отношении женщин, как у древних

авторов, так и у сохранившихся скульптур, можно справедливо усомниться в том, что эти послабления распространялись в той степени, о которой упоминает историк, или что приказ выходил за рамки управления домом и регулирования домашних дел.

Однако примечательно, что королевская власть и верховное руководство делами были безоговорочно доверены женщинам, как в тех государствах современной Европы, где салический закон не был введен; и мы не только находим в истории Египта примеры того, как царицы наследовали трон, но Манефон сообщает нам, что закон, предоставляющий эту важную привилегию другому полу, датировался еще правлением Бинотрисы, третьего монарха второй династии.

В первобытные века обязанности женщин сильно отличались от обязанностей более поздних и цивилизованных периодов и, конечно, варьировались в зависимости от привычек каждого народа. Среди скотоводческих племен они черпали воду, пасли овец и присматривали за стадами, а также за мелким рогатым скотом. Как и современные арабы, они готовили как мебель, так и шерстяные материи, из которых были сделаны сами палатки, мололи зерно и выполняли другие черные работы. Они также занимались, как и в Древней Греции, ткачеством, прядением, рукоделием, вышивкой и другими сидячими занятиями в домашних условиях.

Египетские женщины подобным же образом проводили большую часть своего времени за иглой; и скульптуры изображают многих женщин, ткущих и использующих веретено. Но они не содержались в таком уединении, как жители Древней Греции, которым, помимо того, что их держали в определенных помещениях в доме, наиболее удаленных от прихожей и, как правило, в самой верхней части здания, даже не разрешалось выходить на улицу без вуали, как во многих восточных странах в наши дни.

Египтяне относились к своим женщинам совсем по-другому, о чем свидетельствуют рассказы древних авторов и скульптуры. На некоторых общественных празднествах должны были присутствовать женщины — не одни, как мусульманские женщины в мечети, а в компании со своими мужьями или родственниками; и Иосиф Флавий утверждает, что по случаю такого рода, "когда у женщин был обычай ходить на публичные торжества, жена Потифара, сославшись на плохое самочувствие, чтобы ей разрешили остаться дома, была освобождена от участия", и воспользовалась отсутствием мужа, чтобы поговорить с Иосифом.

То, что у египтян был обычай иметь только одну жену, показано Геродотом и памятниками, которые представляют так много сцен, иллюстрирующих их домашнюю жизнь; и Диодор ошибается, предполагая, что мирянам разрешалось вступать в брак с любым числом, в то время как священники ограничивались одной.

Но весьма предосудительный обычай, который не только замечен Диодором, но и полностью подтвержден скульптурами как Верхнего, так и Нижнего Египта, существовал среди них с древнейших времен, происхождение и политику которого нелегко объяснить — брак брата и сестры, — который, как предполагает Диодор, был обязан и санкционирован браком Исиды и Осириса; но поскольку это была чисто аллегорическая басня, и эти идеальные персонажи никогда не жили на земле, его предположение не имеет большого веса; ни один древний писатель не предлагает удовлетворительного объяснения этого факта. такой странный обычай.

Хотя египтяне ограничивались одной женой, они, подобно евреям и другим восточным народам, как древних, так и современных, стеснялись допускать в свой гарем других

обитательниц, большинство из которых, по-видимому, были иностранцами, либо взятыми в плен на войне, либо привезенными в Египет для продажи в рабство. Они становились членами семьи, как в наши дни в мусульманских странах, и не только занимали место рядом с женами и детьми своего господина, но, вероятно, пользовались долей имущества после его смерти.

Эти женщины были белыми или черными рабынями, в зависимости от стран, из которых они были привезены; но, вообще говоря, последние использовались просто как прислуга, которая должна была прислуживать своей госпоже и ее подругам. Первые точно так же исполняли обязанности слуг, хотя они, конечно, занимали положение выше черных рабов.

Среди египтян в отношении детей преобладал тот же обычай, что и у мусульман и других народов Востока; не делалось никакого различия между их отпрысками от жены или любой другой женщины, и все они в равной степени пользовались правами наследования; поскольку они считали ребенка обязанным отцу своим существованием, казалось несправедливым отказывать в равных правах всему его потомству.

Говоря об обязанностях детей в Египте, Геродот заявляет, что если сын не желал содержать своих родителей, он был волен отказаться, но дочь, напротив, была вынуждена помогать им и, в случае отказа, подпадала под действие закона. Но мы можем усомниться в правдивости этого утверждения; и, делая вывод из подчеркнутой строгости сыновних обязанностей у египтян, некоторые из которых мы находим отчетливо обозначенными в скульптурах Фив, мы можем заключить, что в Египте от сына ожидали гораздо большего, чем в любой цивилизованной нации наших дней; и это не ограничивалось низшими слоями общества, но распространялось на представителей высших слоев общества. И если должность веероносца была почетной должностью, и ее предпочитали исполнять сыновьям монарха, с их стороны не требовалось обычного проявления смирения; и они шли пешком за его колесницей, неся определенные знаки отличия своего отца во время триумфальных шествий, которые проводились в ознаменование его побед, и на религиозных церемониях, которыми он руководил.

В ранние времена европейской истории также существовал обычай, согласно которому сын должен оказывать заметное почтение своему родителю; и ни одному принцу не разрешалось сидеть за столом со своим отцом, если только он не получил эту привилегию благодаря своей доблести, будучи вооруженным иностранным государем; как это было в случае с Альбоином, прежде чем он сменил своего отца на троне лангобардов. Европейские народы недолго меняли свои древние привычки, и этим обычаем вскоре стали пренебрегать; но уважение к древним институтам и тем идеям, столь распространенным на Востоке, которые отвергают всякую любовь к переменам, помешало египтянам отказаться от обычаев своих предков; и мы находим, что этот и многие другие примитивные обычаи сохранились даже в период, когда они были наиболее цивилизованными.

В воспитании молодежи они были особенно строги; и "они знали, - говорит Платон, - что детей следует с раннего возраста приучать к таким жестам, взглядам и движениям, которые являются приличными, и не позволять им ни слушать, ни разучивать какие-либо стихи и песни, кроме тех, которые рассчитаны на то, чтобы внушить им добродетель; и поэтому они заботились о том, чтобы каждый танец и ода, представляемые на их пирах или жертвоприношениях, подчинялись определенным правилам".

Они особенно прививали уважение к старости; и тот факт, что этого требовали даже по отношению к незнакомцам, свидетельствует о большом уважении к личности родителя; ибо нам сообщают, что, подобно израильтянам и лакедемонянам, они требовали, чтобы каждый

молодой человек уступал место старшим по возрасту и даже, если сидел, вставал при их приближении.

Эти почести не ограничивались их жизнью; память о родителях и предках почиталась последующими поколениями; их могилы содержались с величайшим уважением; богослужения совершались их детьми или священниками за их счет; и мы ранее видели, какое преимущество было использовано этим чувством в законах о долге.

"Ибо из всех народов, - говорит Диодор, - египтяне сохраняют наивысшее чувство оказанной им милости, считая величайшей прелестью жизни достойное воздаяние за полученные блага"; и из-за высокой оценки, которой пользовалось у них чувство благодарности, даже чужеземцы испытывали благоговение перед характером египтян.

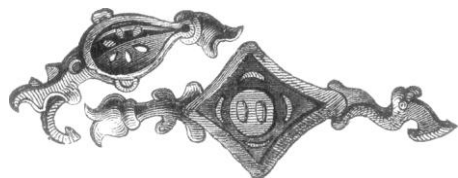
Этот импульс побудил их совершить погребальные обряды своих царей с энтузиазмом, описанным историком; и этому он отчасти приписывает беспрецедентную продолжительность египетской монархии.

Будет только справедливо по отношению к современным египтянам сказать, что благодарность все еще является отличительной чертой их характера; и это одно из многих унаследованных ими качеств, которыми отличались их предшественники; подтверждая то, что мы уже говорили ранее, а именно, что общие особенности народа сохраняются, хотя страна может быть завоевана и номинально заселена чужой расой.

Платье, Туалет и Украшения.

Содержание

Теперь мы переходим к одежде древних. Нам придется рассмотреть те предметы одежды, которые используются для защиты от непогоды, и те, которые предписываются приличиями или модой, а также покрывала для головы и ног, укладку волос и украшения. К сожалению, терминология во многих случаях неопределенна. Поэтому многие моменты должны оставаться нерешенными. Прежде чем перейти к деталям, мы должны отметить, что одежда греков, по сравнению с современной модой, была чрезвычайно простой и естественной. Благодаря теплоте климата и вкусу жителей, удалось обойтись без лишних и тесных предметов одежды. Более того, телу позволялось развивать свою естественную красоту в энергичных упражнениях; и этой гармонией и красотой конечностей греки гордились, что, конечно, благоприятно сказывалось на характере одежды.

ЗОЛОТЫЕ БУЛАВКИ

Идентичный этому по форме хитон носили женщины дорического периода. Он был простым, с короткой юбкой и разрезом в верхней части с обеих сторон. Он застегивался застежками на обоих плечах и укорачивалось до колен путем продевания его через пояс. В таком виде его носят две девушки в Лувре, предназначенные для служения лаконской Артемиде в Карие. Они несут на головах что-то вроде корзин и исполняют праздничный танец в честь

богини. Экзомис носит женская статуя в Ватикане, известная как "Прыгающая амазонка", а также статуи Артемиды и изображения этой богини на драгоценных камнях и монетах. Длинный женский хитон, достигающий до пят и лишь немного подтянутый у пояса, мы видим на вазописи, изображающей танцующих юношей и дев, причем первые одеты в короткие, а вторые - в длинные хитоны. Развитием длинного хитона стал двойной хитон. Это был очень большой продолговатый кусок ткани, оставленный открытым с одной стороны, наподобие мужского дорического хитона. Она была равна примерно полутора длинам тела. Свисающая часть ткани была сложена вокруг груди и спины, от шеи вниз, верхний край был закреплен вокруг шеи, а два открытых угла скреплены вместе на одном плече. Таким образом, с этой открытой стороны было видно обнаженное тело. На другом плече верхний край хитона также скреплялся застежкой — эти застежки, как видно на прилагаемых вырезках, представляли собой сложные украшения, некоторые из которых были богато украшены драгоценными камнями, другие были сделаны из кованого золота — рука просовывалась в отверстие, оставленное между этой застежкой и соответствующим углом ткани.

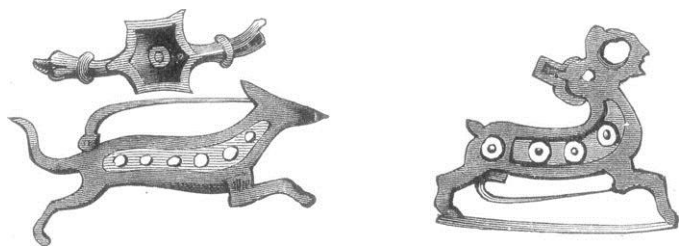

БУЛАВКА ДЛЯ ШАЛИ ИЛИ ТОГИ

Таким же образом был устроен полуоткрытый хитон, открытая сторона которого, от пояса до нижнего подола, была зашита. Бронзовая статуэтка иллюстрирует этот способ надевания. Молодая девушка собирается соединить на левом плече хитон, который закреплен на правом плече с помощью аграфы. Ясно видно, что весь хитон состоит из одного куска. Вместе с открытыми и полуоткрытыми видами хитона мы также находим закрытый двойной хитон, ниспадающий до ног. Это был кусок ткани, значительно длиннее человеческого тела и закрытый с обеих сторон, внутри которого человек, надевающий его, находился как в цилиндре. Как и в хитоне второй формы, нависающая часть ткани была вывернута наружу, а загнутый край натянут до плеч, поперек которых (сначала с правой, а затем с левой стороны) передняя и задняя части были скреплены вместе с помощью застежек, при этом руки просовывались через два продельных таким образом отверстия. Вокруг бедер хитон застегивался с помощью пояса, через который нижняя часть платья, волочащаяся по земле, была задрана ровно настолько, чтобы были видны пальцы ног. Выше пояса хитон располагался более короткими или более длинными живописными складками. Основные изменения различной моды касались расположения диплоидиона, который доходил либо до части под грудью, либо удлинялся до бедер; его передняя и задняя части могли быть либо скреплены вместе на плечах, либо два края могли быть натянуты через плечо до локтя и застегиваться в нескольких местах с помощью пуговиц или аграфов, так что обнаженная рука становилась видимой в промежутках, благодаря чему хитон без рукавов приобретал вид хитона с рукавами. Там, где диплоидион отделялся от хитона, он образовывал своего рода красивую накидку, которая, однако, по своей форме строго напоминала собственно диплоидион. Его форма была значительно изменена модой, иногда принимая форму облегающего жакета, в других случаях (когда бока оставались открытыми) - что-то вроде шали, концы которой иногда равнялись по длине самому хитону. В последнем случае ампехонион, естественно, был по крайней мере в три раза длиннее, чем в ширину. На античных изображениях женщины иногда надевают второй, более короткий хитон поверх другого. Великое множество разновидностей одежды, более различных на вазописях, представляющих реалистические сцены, чем в идеальных костюмах скульптурных типов, мы

должны опустить, тем более что в большинстве случаев они могут быть сведены к описанным общим принципам.

БУЛАВКИ С ЖЕМЧУГОМ

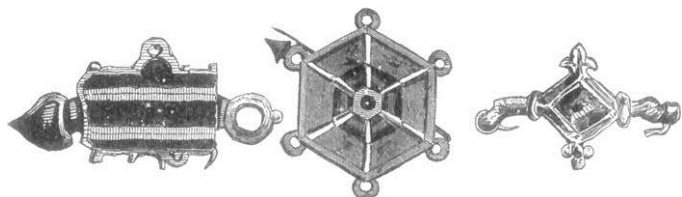
От хитона мы теперь переходим к предметам одежды, подобным плащам. Они также имеют продолговатую форму, существенно отличаясь этим от римской тоги. Он, принадлежащий к этому классу, был устроен так, что один угол был перекинут через левое плечо спереди, чтобы прикрепляться к телу с помощью левой руки. Сзади платье было сдвинуто на правую сторону так, чтобы полностью закрывать его до правого плеча или, по крайней мере, до подмышечной впадины, и в этом последнем случае правое плечо оставалось непокрытым. Наконец, гиматий снова перекинули через левое плечо, так что концы ниспадали на спину.

Что касается материалов описываемой одежды, мы уже упоминали ранее, что лен использовался в основном ионийцами, шерсть - дорийцами; последний материал со временем стал правилом для изготовления мужской одежды по всей Греции. Смена сезонов, естественно, потребовала соответствующего изменения толщины этих шерстяных изделий; соответственно, мы замечаем разницу между летними и зимними платьями. Для женских платьев, помимо овечьей шерсти и льна, обычно использовался бисос, скорее всего разновидность хлопка. Чем-то похожим на бисс, но гораздо более тонким, был материал, из которого ткали знаменитые прозрачные платья на острове Аморгос; они состояли из волокна прекрасного сорта льна, несомненно напоминающего наш муслин и кембрик. Появление шелка в Греции произошло позже, в то время как в Азии он был известен в очень ранний период. Из внутренних районов Азии шелк ввозился в Грецию частично в необработанном виде, частично перерабатывался в платья. Готовые платья такого рода сильно отличались от платьев, изготовленных в Греции из импортируемого шелка-сырца. Остров Кос был первым центром шелковой мануфактуры, где производились шелковые платья, соперничающие по прозрачности с вышеупомянутыми. Эти прозрачные платья, плотно облегающие тело и позволяющие видеть цвет кожи и вены, часто с удивительным мастерством имитировались греческими скульпторами и художниками. Мы лишь напоминаем читателю о прекрасно смоделированных складках хитона, покрывающего верхнюю часть тела младшей дочери Ниобы, стоящей на коленях и ищущей убежища на коленях своей матери; в живописи можно привести несколько настенных изображений Помпей.

Устаревшее представление о том, что белый был универсальным цветом греческой одежды, а цветное платье считалось нескромным, было опровергнуто Беккером. Однако вполне вероятно, что у эпилемемат, похожих на плащи, обычным цветом был белый, как это до сих пор имеет место у восточных народов, часто подвергающихся воздействию солнца. Коричневые плащи, однако, ни в коем случае не являются чем-то необычным; не было их и среди греческих мужчин. Праздничные восточные одежды также использовались, по крайней мере, богатыми греческими слоями населения, как для мужских, так и для женских платьев, в то время как белый по-прежнему оставался любимым цветом скромных гречанок. Это подтверждается, не говоря уже о письменных свидетельствах, рядом маленьких

раскрашенных статуэток из обожженной глины, а также несколькими рисунками на лекифои из аттических захоронений. Оригинальные цвета платьев, хотя и немного изменившиеся в процессе обжига (особенно красные), все же можно отчетливо распознать.

Платья часто украшались переплетенными узорами или прикрепленными каймами и вышивками. Из Вавилона и Фригии, древних очагов искусства ткачества и вышивки, эти ремесла распространились по западному миру, и название "Фригионы", использовавшееся в Риме в более поздний период для художников такого рода, напоминает об этом происхождении. Как мы узнаем из памятников, простейшая кайма, которую ткали или пришивали к платьям, состояла из одной или нескольких темных полос, либо параллельных швам хитона, гиматиона и ампехониона, либо спускающихся к подолу хитона от пояса по бокам или от горла спереди. Вертикальные орнаменты соответствуют римскому *клавусу*. Помимо этих полосатых украшений, мы также встречаем другие, более широкие и сложные; вплетенные в платье или пришитые к нему, они кажутся сомнительными. Они покрывают хитон от подола вверх до колен и выше пояса до шеи, как видно на хитоне, который носила весенняя богиня Опора на вазописи. Весь хитон иногда покрыт узорами в виде звездочек или кубиков, особенно на вазах архаичного стиля. Художники-вазописцы периода упадка в основном изображают фригийские платья с золотой бахромой и роскошной вышивкой пальметто и "извилистыми" узорами, подобные тем, которые носили роскошные южноитальянские греки. Такое роскошное платье носит Медея на изображении смерти Талоса на апулийской амфоре из коллекции Jatta в Руво. На той же картине хитоны Кастора и Полидевка, а также хитоны аргонатов покрыты вышивкой из пальметты, по краям внизу изображены мифологические сцены на темном фоне.

БРОШИ В ОПРАВЕ ИЗ КАМНЕЙ

В городах греки ходили в основном с непокрытой головой, скорее всего, из-за более густых волос южных народов, которые, кроме того, греки выращивали с особой тщательностью. Путешественники, охотники и ремесленники, которые особенно часто подвергались воздействию солнца, носили легкие покрывала для головы. Можно классифицировать различные их формы. Их делали из шкур собак, ласк или коров.

Волосы считаются у Гомера одним из величайших признаков мужской красоты среди длинноволосых ахайцев; не в меньшей степени хорошо уложенные локоны девушек и женщин воспевались поэтами-трагиками. Среди спартанцев стало священным обычаем, вытекающим из законов Ликурга, отпускать волосы мальчику, как только он достигал возраста эфебов, в то время как до этого времени они были коротко подстрижены. Этот обычай преобладал среди спартанцев до тех пор, пока их не вытеснила ахейская федерация. В целом дорийский характер не допускал, чтобы укладке волос уделялось много внимания. Только в торжественных случаях, например накануне битвы при Фермопилах, спартанки укладывали волосы с особой тщательностью.

В Афинах, примерно во времена персидских войн, мужчины носили длинные волосы, завязанные на макушке в узел, который скреплялся заколкой в виде цикады. Однако памятники не дают примеров этого обычая. Только на изображениях двух Панкратиастов на

памятнике, датируемом, скорее всего, римскими временами, мы обнаруживаем аналогию с этим старым аттическим обычаем. После персидской войны, когда одежда и манеры ионийцев претерпели изменения, вошло в обычай обрезать длинные волосы мальчиков по достижении ими возраста эфебов и посвящать их в качестве подношения богу, например, дельфийскому Аполлону или какому-нибудь местному речному богу. Однако жители Аттики ни в коем случае не стригли волосы коротко, как их рабы, а отращивали их в соответствии со своим собственным вкусом или общепринятой модой. Только денди, как, например, Алкивиад, позволяют своим волосам ниспадать на плечи длинными прядями. Философы также иногда пытались возродить старые обычаи, нося длинные волосы.

Греки тщательно ухаживали за бородой. Парикмахерскую с ее разговорчивым обитателем посещали не только те, кто нуждался в услугах цирюльника для стрижки волос, бритья, подстригания ногтей и мозолей, а также вырывания мелких волосков, но и, как говорит Плутарх, это было заведение без вина, где обсуждались политические и местные новости. Алкифрон изображает греческого цирюльника следующими словами: "Вы видите, как обошелся со мной чертов цирюльник на той улице; болтун, который ставит брундицианское зеркало и заставляет свои ножи гармонично звенеть. Я пришел к нему побриться; он вежливо принял меня, усадил на высокий стул, завернул в чистое полотенце и нежно провел бритвой по моей щеке, чтобы удалить густые волосы. Но это был его злонамеренный трюк. Он сделал это частично, не по всему подбородку; в некоторых местах он оставил шероховатости, другие разгладил незаметно для меня." После времен Александра Македонского парикмахерское дело стало прибыльным благодаря отказу от обычая носить окладистую бороду, несмотря на протесты нескольких государств.²² В произведениях искусства, особенно в портретных статуях, борода всегда рассматривается как индивидуальная характеристика. Волосы в основном уложены изящными прядями и закрывают подбородок, губы и щеки, не разделяя их между бакенбардами и усами. Только в архаичных изображениях клиновидная борода расчесана длинными волнистыми линиями, а бакенбарды отделены от усов строгим пробором. В качестве примера мы приводим благородной формы голову Зевса, увенчанную стефаном, из коллекции Талейрана. Обычный цвет волос - темный, светлые волосы считались особой красотой. Гомер наделяет Менелая, Ахилла и Мелеагра желтыми локонами, а Еврипид описывает Менелая и Диониса как светловолосых.

Головной убор женщин был выполнен в простом вкусе. Шляпы, как правило, не носили, потому что, по крайней мере в Афинах, появление женщин на людной улице считалось неприличным и поэтому происходило только в исключительных случаях. В путешествиях женщины надевали легкий широкополый петасос для защиты от солнца. В такой фессалийской шляпе Исмена появляется в "Эдипе в Колоносе". Головной убор афинских дам дома и на улице состоял, помимо обычной вуали, главным образом из различных приспособлений для скрепления их пышных волос. Мы упоминали ранее, что гиматий иногда натягивали на затылок, как вуаль. Но в очень ранний период греческие женщины носили гораздо более короткие или длинные вуали, которые закрывали лицо до глаз и ниспадали на шею и спину большими складками, чтобы при необходимости прикрыть всю верхнюю часть тела. Естественно, что женщины уделяли волосам еще больше внимания, чем мужчины. На вырезке изображено несколько голов афинских женщин, взятых со старой картины с изображением Помпей. Они, а также многочисленные головы, изображенные в скульптурах и драгоценных камнях, дают представление об изысканном вкусе этих головных уборов. В то же время следует признать, что большинство современных моделей одежды, даже самых уродливых, имеют свои модели если не в греческом, то, по крайней мере, в римской античности. Зачесывание волос на затылок волнистыми линиями, несомненно, было в моде.

В этом случае простая лента, обвязанная вокруг головы, соединяла волосы спереди и сзади. Такое расположение мы встречаем на фризе "девы Парфенона" и на бюсте Ниобы. На более старых памятниках, например, в группе Граций на треугольном алтаре в Лувре, волосы спереди уложены мелкими локонами, в то время как волосы сзади частично гладко спадают на шею, а частично собраны в длинные локоны, ниспадающие до плеч. Также не было ничего необычного в том, чтобы зачесывать назад волосы спереди над висками и ушами и завязывать их вместе с волосами сзади в изящный узел. Здесь также использовалась вышеупомянутая лента. Она состояла из полосы ткани или кожи, часто украшенной там, где она располагалась на лбу, металлической бляхой, выполненной в виде лобной части. Этот стефан появляется на памятниках в основном в волосах богинь; принадлежащая ему лента в этом случае имеет форму широкого металлического круга, предназначенного больше не для скрепления, а для украшения волос. Так обстоит дело с бюстом Здесь, на Вилле Людовизи, со статуей той же богини в Ватикане и со статуей Афродиты, найденной в Капуе. Кроме того, греки использовали другой орнаментированный галстук из ткани или кожи, широкий в центре и сужающийся к обоим концам. Его форма имела большое сходство с пращой. Его либо надевали широкой стороной на переднюю часть головы, прикрывая концы с привязанными к ним лентами густыми черными волосами, либо *наоборот*; в последнем случае концы завязывались на лбу замысловатым узлом. Сетка, а вслед за ней и косынка, были созданы из простой ленты точно так же, как ремешки на ногах постепенно превратились в сапоги.

ПРИЧЕСКА. (Из Помпеи.)

Собственно кекрифалос состоит из сетчатой комбинации ленты и золотой нити, наброшенной на волосы сзади, чтобы они не выпадали. На большой сиракузской тетрадрахме с подписью гравера Кимона изображена красивая голова Аретузы, украшенная кекрифалом. Чаше встречаются кекрифало в виде прически, покрывающие все волосы или только волосы на затылке и завязанные в узел на макушке.

Модификации саккоса и способ его завязывания в основном иллюстрируются росписями на вазах. В наши дни греческие женщины Фессалии и острова Хиос носят головной убор, в точности напоминающий античный саккос. Знакомство греков с плойками и косметическими тайнами, такими как масло и помада, может быть доказано как письменными свидетельствами, так и фотографиями. Это вполне соответствовало эстетическим представлениям греков - укорачивать лоб, отбрасывая на него волосы, и до нас сохранилось множество примеров этого на изображениях как мужчин, так и женщин.

Мы завершаем наши замечания об одежде описанием некоторых украшений, образцы которых найдены в греческих захоронениях и в скульптурных имитациях. У Гомера ухаженеры пытаются завоевать благосклонность Пенелопы золотыми заколками, аграфами, серьгами и цепочками. В том же труде Гефест упоминается как мастер красивых колец и заколок для волос. Те же украшения мы снова встречаем в более поздний период в качестве важных предметов женского наряда.

Многие сохранившиеся образцы свидетельствуют о высоком мастерстве греческих ювелиров, изготовлявших наперсники. Заколки для волос в нашем смысле этого слова и гребни для пробора и поднятия волос были неизвестны грекам. Двойной или простой гребень греческих дам, сделанный из самшита, слоновой кости или металла, использовался только для расчесывания волос. Волосы на затылке не выпадали с помощью длинных заколок, головки которых часто представляли собой изящные скульптурные изделия. Хорошо известны заколки для волос, украшенные золотой цикадой, которые во времена Солона использовались как афинскими мужчинами, так и женщинами для закрепления крбилов.

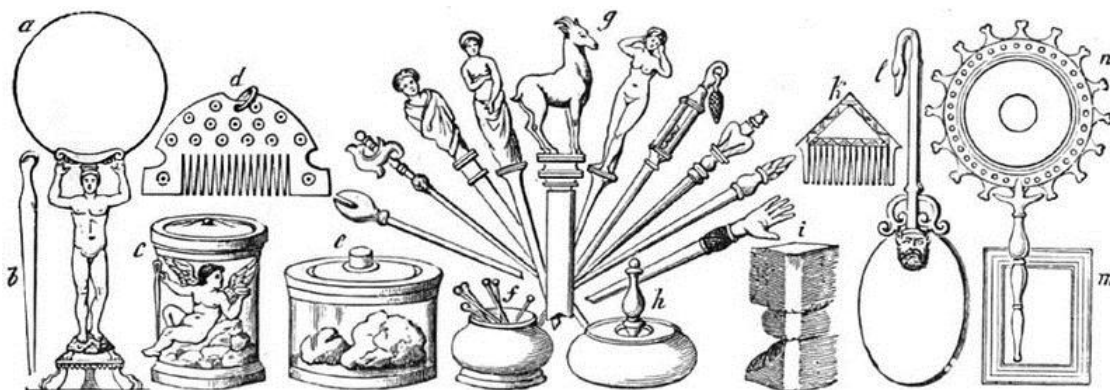
У греков был обычай украшать свои головы по праздничным случаям венками и гирляндами. Украшенный таким образом жених приводил домой невесту. Цветы, исполненные символического значения, возлагались на алтари богов, а участники пирушек были увенчаны венками из мирта, роз и фиалок, последняя была любимым цветком афинян. Цветочный рынок Афин всегда был снабжен гирляндами, которые можно было обвивать вокруг головы и верхней части тела, поскольку последняя также была украшена гирляндами. Часто упоминаются венки, состоящие из других цветов, листьев плюща и серебристого тополя. Венки также нашли свое место в серьезных жизненных делах. Ими награждались победители игр; архонт носил миртовый венок как знак своего достоинства, как и оратор, обращаясь к народу с трибуны.

Увенчание цветами было высокой честью для афинских граждан — его удостоили, например, Перикла, но отказали Мильтиаду. Голова и носилки умерших также были увенчаны свежими венками из мирта и плюща.

Роскошь более поздних времен заменила венки из цветов на золотые, применительно к умершим из более богатых классов. В могилах неоднократно находили венки из тонкого золота. В курганах старого Пантикапея было найдено несколько красивых венков из плюща и початков кукурузы; золотая имитация миртовой короны была найдена в могиле на Итаке. Другие образцы из греческих и римских захоронений хранятся в наших музеях. Особенно примечательна золотая корона греческой работы, найденная в Арменто, деревне Базиликата (в настоящее время в Мюнхене). Дубовая веточка образует почву, из тонких золотистых листьев которой вырастают астры с чашечками из голубой эмали, вьюнок, нарцисс, плющ, розы и мирт, изящно переплетенные. На верхнем изгибе короны изображена крылатая богиня, из головы которой среди пучков травы поднимается тонкий стебель розы. Четыре обнаженных гения мужского пола и две задрапированные гении женского пола, парящие над цветами, указывают на богиню, которая стоит на пьедестале с надписью.

Греческие, особенно афинские, женщины носили зонт от солнца или нанимали рабынь, чтобы держать его над собой. Во время Панафинейской процессии даже дочери метоикой должны были совершать это богослужение. Такие солнцезащитные козырьки, которые, как и наши, можно было закрывать с помощью проволоки, мы часто видим изображенными на вазах и этрусских зеркалах. Эта форма, несомненно, была самой распространенной. Изображенный на скифосе солнцезащитный козырек, похожий на шапочку, который Силен

вместо слуги держит над идущей впереди него почтенной дамой, несомненно, задуман как пародия, возможно, скопированная со сцены комедии. На вазописях мы также часто видим расписной веер в виде листа в руках женщин.

ПРЕДМЕТЫ ТУАЛЕТА, НАЙДЕННЫЕ В ПОМПЕЯХ.

Вышеуказанные предметы были в хорошей сохранности, когда их нашли. *a, l, n* - ручные зеркала; *m* - настенное зеркало; *c* - туалетный столик из слоновой кости с прекрасной резьбой; *d* и *k* - бронзовые гребни; *i* - тонкая расческа; *b* - ушные и зубочистки; *f* - коробочка для булавок со стеклянными и стальными булавками; *h* - коробочка для бальзамов; *g* - заколки для волос из слоновой кости и золота; *e* - коробочка для пудры или красок.

Из секретов греческого туалета мы раскроем только тот факт, что дамы знали толк в красках. Белое, которое они использовали, состояло из свинцовых белил; их красные были сделаны либо из красного сурика, либо из корня. Этот нездоровый способ окрашивания распространился даже на брови, для чего использовался черный цвет, приготовленный либо из измельченной сурьмы, либо из мелкой сажи.

Зеркала греков состояли из круглых кусков полированной бронзы, либо без ручки, либо с богато украшенной. Часто добавлялась крышка для отражающей поверхности. Этрусский обычай выгравировать фигуры на обратной стороне зеркала или обложке, по-видимому, был редкостью среди греков, если судить, по крайней мере, по многочисленным образцам зеркал, найденным в греческих захоронениях. Характерными для них являются, с другой стороны, изящные ручки, представляющие в основном Афродиту, как своего рода идеал красиво украшенной женщины. Эти ручные зеркала часто встречаются на вазах, особенно на тех, которые содержат посуду для купания.

Ношение палки, по-видимому, было распространенным обычаем. В основном они большой длины, с костыльной ручкой; молодые афинские денди, возможно, пользовались более короткими тростями для ходьбы. Первые упомянутые палки, по-видимому, использовались главным образом для того, чтобы опираться при стоянии на месте, на что указывают частые изображения на картинках.

Преступления и наказания; Контракты, Деяния и т.д.

Содержание

Истина или справедливость считалась главной кардинальной добродетелью египтян, поскольку она в большей степени относилась к другим; благоразумие, умеренность и стойкость были относительными качествами и в основном служили непосредственной пользе человека, который ими обладает. Поэтому они с большой серьезностью внушали необходимость полностью оценить это; и ложь не только считалась позорной, но и, когда она причиняла вред какому-либо другому лицу, каралась законом.

Клеветник на мертвых приговаривался к суровому наказанию; а лжесвидетель был обречен на тот же приговор, который был бы вынесен обвиняемому, если бы вина его была доказана; но поддерживать ложь клятвой считалось тягчайшим преступлением, которое из-за своей сложной природы не могло быть наказано ничем иным, как смертью. Ибо они считали, что это включало в себя два различных преступления — неуважение к богам и нарушение веры по отношению к человеку; первое было прямым источником всякого греха, второе разрушало все те связи, которые наиболее важны для благосостояния общества.

Умышленное убийство свободного человека или даже *раба* каралось смертью из убеждения, что людей следует удерживать от совершения греха не из-за какого-либо различия в положении в жизни, а из-за того, в каком свете они рассматривали само преступление; в то же время это показывало, что если убийство раба считалось преступлением, заслуживающим столь сурового наказания, то им еще больше следовало уклоняться от убийства того, кто был соотечественником и свободнорожденным гражданином.

В этом законе мы наблюдаем скрупулезное отношение к справедливости и человечности и имеем неоспоримое доказательство огромного прогресса, достигнутого египтянами в самых важных областях цивилизации. Действительно, египтяне считали лишение человека жизни настолько тяжким преступлением, что быть случайным свидетелем попытки убийства, не предприняв попыток предотвратить его, было тяжким преступлением, смягчить которое можно было только предъявлением доказательств неспособности действовать.

В том же духе они решили, что присутствовать при нанесении кем-либо телесных повреждений другому, не вмешиваясь, равносильно участию в нападении и карается в соответствии с масштабом нападения; и каждый, кто был свидетелем ограбления, был обязан либо арестовать, либо, если это было не в его силах, сообщить об этом и привлечь виновных к ответственности; и если любое пренебрежение на этот счет было доказано против него, преступник приговаривался к получению установленного количества ударов и к продержанию без пищи целых три дня.

Хотя в случае убийства египетский закон был неумолим и суров, королевская прерогатива могла быть применена в пользу виновного, и наказание иногда смягчалось распоряжением короля.

Сабако, действительно, в течение пятидесяти лет своего правления "взял за правило не наказывать своих подданных смертью", независимо от того, виновны ли они в убийстве или любом другом тяжком преступлении, но, "в соответствии с масштабом их преступлений, он приговорил виновных поднять шум вокруг города, к которому они принадлежали". Благодаря этим средствам положение различных городов стало значительно выше, чем во времена Сесостриса; "и либо из-за большей доли преступников, либо по какой-либо другой причине курганы Бубастиса были возведены значительно выше, чем в любом другом городе.

Те же законы, которые запрещали хозяину наказывать раба смертью, отнимали у отца все права на жизнь его отпрыска; и египтяне считали убийство ребенка отвратительным преступлением, требующим прямого вмешательства правосудия. Они, однако, не стали

наказывать за это как за тяжкое преступление, поскольку казалось непоследовательным отнимать жизнь у того, кто подарил ее ребенку, но предпочли применить такое наказание, которое вызвало бы скорбь и раскаяние. С этой целью они постановили, что тело умершего должно быть привязано к шее его родителя и что он должен быть обязан провести целых три дня и ночи в его объятиях под наблюдением общественной охраны.

Но отцеубийцу постигло самое жестокое наказание; и, понимая, что убийство родителя было самым противоестественным из преступлений, они пытались предотвратить его совершение с особой суровостью, с которой за него мстили. Таким образом, преступник был приговорен к растерзанию заостренным тростником, а после того, как его бросили на колючки, он сгорел заживо.

Когда женщина была виновна в совершении преступления, караемого смертной казнью, и ей выносился приговор, они особенно тщательно проверяли, была ли осужденная беременна; в этом случае ее наказание откладывалось до рождения ребенка, чтобы невиновный не пострадал вместе с виновным и, таким образом, отец не был лишен ребенка, на которого он имел по крайней мере равные права.

Но некоторые из их законов, касающихся женского пола, были жестокими и неоправданными; и даже если, что в высшей степени невероятно, им удалось своей суровостью насадить целомудрие и положить эффективный конец преступлениям, все же наказание скорее напоминает нам законы варварского народа, чем мудрого и цивилизованного государства. Женщина, совершившая прелюбодеяние, приговаривалась к потере носа на том основании, что, будучи наиболее бросающейся в глаза чертой и главным или, по крайней мере, незаменимым украшением лица, его потеря ощущалась наиболее остро и наносила наибольший ущерб ее личному обаянию; а мужчина приговаривался к бастинадо из тысячи ударов. Но если было доказано, что против свободной женщины была применена сила, он был обречен на жестокое увечье.

Целью египетских законов было сохранить жизнь и наказать преступника. Смерть отняла у него все шансы на раскаяние, она лишила страну его заслуг, и он был поспешно изгнан из мира, когда меньше всего был готов к суровым испытаниям будущего государства. Поэтому они предпочитали суровые наказания, и, за исключением случаев убийства и некоторых преступлений, которые казались крайне вредными для общества, считалось ненужным жертвовать жизнью преступника.

Как в военных, так и в гражданских делах мелкие правонарушения обычно наказывались палкой; этот способ наказания все еще в большой моде у современных жителей долины Нила и пользуется у них таким уважением, что, убежденные в его эффективности (или, возможно, благодаря ему), они описывают "его нисхождение с небес как благословение для человечества".

Если у современного египтянина есть государственный долг или налог, который он должен уплатить, он упорно упорствует в своей неспособности получить деньги, пока не выдержит определенного количества ударов и не сочтет себя вынужденным их предъявить; и древние жители, если и не под властью своих местных князей, то, по крайней мере, во времена римских императоров, в равной степени гордились проявленным ими упорством и трудностями, с которыми сталкивались правители страны, вымогая у них то, что они были обязаны заплатить; отсюда Аммиан Марцеллин сообщает нам: "египтянин, живущий под властью своих местных князей, был вынужден заплатить их". краснеет, если не может показать многочисленные отметины на своем теле, свидетельствующие о его попытках уклониться от исполнения обязанностей".

Бастинадо было нанесено обоим полам, как и в случае с евреями. Мужчин и мальчиков клали ниц на землю и часто держали за руки и ноги во время наказания; но женщины, когда они сидели, получали удары по спине, которые также были нанесены рукой мужчины. Для суперинтендантов не было ничего необычного в том, что они побуждали рабочих к их работе с помощью убедительной силы палки, независимо от того, были ли они задействованы в поле или в ремесленных занятиях; и мальчиков иногда избивали без церемонии земного поклона, на время наказания им связывали руки за спиной.

Характер некоторых египетских законов был вполне созвучен представлениям первобытной эпохи. Наказание было направлено в первую очередь против провинившегося члена; и фальсификаторы денег, фальсификаторы мер и весов, поддельватели печатей или подписей, а также переписчики, которые вносили изменения в любой подписанный документ путем подчисток или дополнений без разрешения сторон, были приговорены к потере обеих рук.

Но их законы, по-видимому, не санкционировали виселицу или выставление тела преступника напоказ; ибо поведение Рампсинита в случае кражи его сокровищ упоминается Геродотом как особый способ обнаружения сообщника, а не как обычное наказание; если, конечно, вся эта история не выдумка грека *цицерона*.

Кражи, злоупотребление доверием и мелкие махинации карались бастинадо; но грабеж и взлом дома иногда считались тяжкими преступлениями, заслуживающими смертной казни; как видно из поведения вора, пойманного ловушкой в сокровищнице Рампсинита, и из того, что Диодор сообщает об Актизане.

Этот монарх, вместо того чтобы предавать грабителей смерти, ввел новый способ их наказания, отрезав им носы и сослав их в пределы пустыни, где был построен город, названный Риноколура, из-за особого характера их наказания; и таким образом, устранив плохих и не позволив им развращать хороших, он принес пользу обществу, не лишая преступников жизни; в то же время он сурово наказал их за их преступления, заставив их жить своим трудом и добывать ненадежное пропитание перепелами или птицей. все, что они могли поймать в этом бесплодном краю. Смягчение наказания было основой этой части каторжной системы Египта, а Риноколура была их островом Норфолк, где море песка отделяло самых тяжких преступников от тех, кто был виновен в более мелких преступлениях; их отправляли на рудники в пустыне и приговаривали к различным срокам работы, в зависимости от их проступка.

У египтян был особый обычай, касающийся воровства со взломом. Те, кто придерживался *профессии* вора, называли свои имена главарю грабителей и соглашались, что он должен быть проинформирован обо всем, что они могут отныне украсть, как только это окажется в их распоряжении. Вследствие этого владелец утраченных товаров всегда обращался письмом к начальнику полиции с просьбой об их возвращении; и, указав их качество и количество, день и час, когда они были украдены, и другие необходимые сведения, товары были идентифицированы, и после уплаты одной четверти их стоимости они были возвращены заявителю в том же состоянии, в каком были изъяты из его дома.

Будучи полностью убеждены в нецелесообразности полностью пресекать грабеж либо из-за страха наказания, либо с помощью любого метода, который может быть применен самой бдительной полицией, они считали, что для блага общества более выгодно принести определенную жертву, чтобы обеспечить возмещение оставшейся части, чем чтобы закон, взяв на себя защиту гражданина и разоблачение преступника, стал косвенной причиной большего ущерба.

А о том, что египтяне, как и индийцы, и, можно сказать, современные обитатели Нила, были очень искусны в искусстве воровства, у нас есть множество свидетельств от древних авторов.

Можно спросить, какое возмещение могло бы быть получено, если бы товары были украдены ворами, которые не внесли свои имена в книги вождя; но очевидно, что таких частных спекулянтов могло быть немного, поскольку из-за их вмешательства в интересы всей *профессии* обнаружение таких эгоистичных личностей было бы несомненным; и, таким образом, все остальные были бы эффективно лишены возможности грабить, за исключением представителей привилегированного класса.

Жалованье начальника полиции было получено не только из его собственных требований к украденному имуществу или из какого-либо добровольного взноса самих грабителей, но, вероятно, представляло собой фиксированное вознаграждение, назначенное правительством как одному из начальников полиции; также не следует предполагать, что он был кем-либо иным, кроме как уважаемым гражданином и человеком честности. То же самое можно сказать и о современном "*шехе воров*" в Каире, где до сих пор сохранилась эта очень древняя должность.

Большое доверие, оказанное общественным весовщикам, привело к необходимости принятия соответствующих законов, чтобы обязать их выполнять свои обязанности; и учитывая, сколько общественного имущества находилось в их власти, и как легко можно было получить взятки от нечестного торговца, египтяне подвергли суровому наказанию как весовщиков, так и владельцев магазинов, которые были уличены в использовании фальшивых мер и весов или в том, что они обманули покупателя любым другим способом; и они, а также писцы, которые вели фальшивые счета, были наказаны (как указывалось ранее) потерей обоих их рук; по принципу, говорит Диодор, что провинившийся член семьи должен пострадать; в то время как виновный был сурово наказан, чтобы другие могли удержаться от совершения аналогичного преступления.

Как и в других странах, их законы, касающиеся долга и ростовщичества, претерпели некоторые изменения по мере развития общества и усложнения денежных операций.

Бокхорис (который правил в Египте около 800 года до н.э. и который, благодаря своей учености, получил фамилию Уайз), обнаружив, что в случаях задолженности возникало много поводов для споров и часто встречались случаи сильного притеснения, постановил, что никакое соглашение не должно иметь обязательной силы, если оно не подтверждено письменным контрактом; и если кто-либо приносит присягу, что деньги ему не давались займы, то никакой долг не должен признаваться, а претензии стороны, подавшей в суд, должны быть немедленно прекращены. Это было сделано для того, чтобы всегда можно было с большим уважением относиться к названию и характеру клятвы, в то же время заменяя неоспоримое доказательство письменным документом, можно было избежать необходимости частого обращения к клятве, и ее святость не уменьшалась от постоянного повторения.

Ростовщичество во всех случаях осуждалось египетским законодательным органом; и когда деньги брались займы, даже по письменному соглашению, было запрещено увеличивать проценты более чем вдвое по сравнению с первоначальной суммой. Кредиторы также не могли наложить арест на личность должника: их требования и права ограничивались товарами, находившимися в его владении, и такими, которые действительно принадлежали ему; которые понимались под продуктами его труда или тем, что он получил от другого лица, которому они законно принадлежали. Ибо личность каждого гражданина рассматривалась

как собственность государства и могла потребоваться для какой-либо общественной службы, связанной с войной или миром; и, независимо от несправедливости подчинения кого-либо сиюминутному капризу его кредитора, безопасность страны могла быть поставлена под угрозу из-за алчности нескольких заинтересованных лиц.

Этот закон, заимствованный Солоном из египетского кодекса, существовал также в Афинах; и, как замечает Диодор, он гораздо больше соответствовал справедливости и здравому смыслу, чем тот, который позволял кредитору наложить арест на человека, в то время как запрещал ему брать плуги и другие промышленные орудия. Ибо если, продолжает историк, несправедливо таким образом лишать людей средств к существованию и обеспечивать свои семьи, то насколько более неразумным должно быть заключение в тюрьму тех, кто пользовался этими орудиями труда!

Чтобы предотвратить накопление долгов и защитить интересы кредитора, асихисом был принят другой замечательный закон, который, хотя и показывает, как сильно они старались сдерживать растущее зло, доказывает высокое уважение, которое египтяне оказывали памяти своих родителей и святости своих религиозных церемоний. Этим было объявлено незаконным, чтобы кто-либо брал займы деньги, не отдавая в залог тело своего отца или могилу своих предков; и, если он не мог вернуть столь священный залог, он считался позорным; и после его смерти ему было отказано в совершении обычных похоронных обрядов, и он не мог пользоваться правом погребения ни в этой могиле, ни в любом другом месте захоронения; и он не мог похоронить своих детей или кого-либо из своей семьи, пока долг не будет выплачен, а семейная гробница перейдет в фактическое владение кредитора.

В больших городах Египта быстро распространилась любовь к показухе и обычным соблазнам роскоши; значительные суммы тратились на меблировку домов и на многие искусственные прихоти. Богатые драгоценности и дорогостоящие произведения искусства пользовались большим спросом также среди жителей столиц провинций, таких как Фивы и Мемфис; они наслаждались великолепными экипажами, элегантными и просторными лодками, многочисленной свитой, лошадьми, собаками и другими принадлежностями для охоты; и, кроме того, их дома, виллы и сады были построены без обычных затрат. Но в то время как средства, полученные от обширных хозяйств, и обильный урожай плодородной почвы позволяли богатым предаваться экстравагантным привычкам, многие из менее состоятельных людей завидовали наслаждению той роскошью, в которой им отказала фортуна; и, побуждаемые тщеславием и глупым желанием подражания, столь распространенным в цивилизованных сообществах, они сделали карьеру, которая быстро привела к накоплению долгов и потребовала вмешательства законодательной власти; и вполне вероятно, что закон, столь суровый, каким он, должно быть, казался египтянам, был принят только как мера абсолютной необходимости, чтобы положить конец этому. к растущему злу.

Необходимые расходы египтян были удивительно малы, на самом деле меньше, чем у любого другого народа; а пища беднейших классов была самой дешевой и простой. Из-за теплого климата им требовалось мало одежды, а маленькие дети имели привычку ходить без обуви и практически не прикрывать свое тело. Следовательно, именно роскошь и растущие потребности искусственного рода испортили нравы египтян и сделали такой закон необходимым для их обуздания; и мы можем заключить, что он был в основном направлен против тех, кто влезал в долги ради удовольствия или с заранее обдуманной намерением обмануть ничего не подозревающего кредитора.

В способе оформления документов, перевозки грузов и других гражданских контрактов египтяне были особенно обстоятельны и скрупулезны; и большое количество свидетелей является уникальной чертой этих документов. Во времена Птолемеев продажа имущества начиналась с преамбулы, содержащей дату правления царя, в правление которого они были выполнены; также указывались имя председателя суда и клерка, которым они были написаны. Затем последовала основная часть контракта.

В нем указывалось имя человека, продавшего землю, описание его личности, сведения о его происхождении, профессии и месте жительства, площади и характере земли, ее местоположении и границах, а в заключение указывалось имя покупателя, чье происхождение и описание также были добавлены, и сумма, за которую она была куплена. Затем продавец поручился за свое беспрепятственное владение им; и, чтобы обезопасить себя от любых попыток оспорить его право собственности, было указано имя другой стороны, которая приняла его и подтвердила покупку. Затем были проставлены имена свидетелей; и, поскольку председатель суда поставил свою подпись, акт был действителен. Иногда продавец официально признавал продажу следующим образом:

"Все эти вещи я продал тебе: они твои, я получил от тебя их цену и с этого дня не буду требовать их у тебя; и если кто-нибудь помешает тебе завладеть ими, я воспрепятствую этой попытке; и, если я не отразлю ее иным способом, я применю принудительные средства или возмещу тебе ущерб".

Но, чтобы дать более точное представление о форме этих договоров, мы представим полную копию одного из них, приведенную доктором Янгом, и отсылаем читателя к другим, встречающимся в той же работе. Перевод энхориального папируса Париса, содержащего оригинал документа, касающегося мумий: "Это письмо датировано 36 годом 20 атира, в царствование наших государей Птолемея и Клеопатры, его сестры, детей Птолемея и Клеопатры божественной, богов Прославленных: и жреца Александра, и богов—Спасителей, богов-братьев, богов-благодетелей, богов-отцеубийц, богов-Прославленных богов, бога-Отца и богов-Матери, любящих бога". , будучи (как назначено законом): и наградоносец Береники Благодетельной, и корзиноносец Арсинои братолюбивой, и жрица Арсинои Отцеубийцы, будучи назначенной в метрополии (Александрии); и в (Птолемаиде) царском городе Фиваида? священник-хранитель на этот год? Птолемея Сотера, и жреца царя Птолемея Отцеубийцы, и жреца Птолемея Братолюбца, и жреца Птолемея Благодетельного, и жреца Птолемея Любящего Мать; и жрицы царицы Клеопатры, и жрицы принцессы Клеопатры, и жрицы Клеопатры, (царицы) матери, покойной, Прославленной; и корзиноносца Арсинои Братолюбивой (будучи назначенным): заявляет: Костюмер? в храме богини Оннофриса, сына Гора, и Сенпоэрис, дочери Спотуса? ("в возрасте около сорока, подвижный") высокий ("с желтоватым цветом лица, ввалившимися глазами и лысый"); в храме богини к (Гору) своему брату? сын Гора и Сенпоэрис продал за определенную денежную цену половину из трети коллекций умерших "жрецов Осириса"? лежащий в Тинабунуме... в ливийском пригороде Фив, в Мемнонии... аналогично, половина трети литургий: их имена: Мутес, сын Спотуса, со своими детьми и своим семейством; Шапократ, сын Нехтмонта, со своими детьми и своим семейством; Арсиесис, сын Нехтмонта, со своими детьми и своим семейством; Петеместус, сын Нехтмонта; Арсиесис, сын Зминиса, со своими детьми и своим семейством; Осороэрис, сын Гора, со своими детьми и своим семейством; Спотус, сын сын Шапошонсиса, по фамилии? Зоглиф (скульптор) со своими детьми и домочадцами; в то время как там жил также Асос, сын Гора и Сенпоэрис, дочери Спотуса? таким же образом половина трети сборов за умерших, а также фруктов и так далее... он продал его 20-го числа Атира, в царствование вечно живущего короля, чтобы (завершить)

третью часть: аналогично, половину трети коллекций, относящихся к Петеутемису, с его домочадцами, и... точно так же и половина одной трети? из сборов и плодов для петехонсиса, производящего молоко, и из... место на азиатской стороне, называемое Фрекагес, и... мертвые тела в нем: половина того, что принадлежало Асосу, сыну Гора: он продал ему в месяце... половину одной трети коллекций для жрецов Осириса? лежат в Тинабунуме со своими детьми и домочадцами: также половина трети сборов для Петеутемиса, а также для Петехонсиса, производящего молоко, в местечке Фрекагес на азиатской стороне: я получил за них их цену в серебре... and gold; and I make no further demand on thee for them from the present day... before the authorities... (и если кто-нибудь помешает тебе владеть ими, я буду сопротивляться ему, и, если мне это не удастся, я возьму тебе ущерб?). ... Казнен и утвержден. Написано Гором, сыном Фабиса, клерком верховных жрецов Амонрасонтера и созерцателя? Боги, о Благих богах, о богах, любящих Отца, о боге-Отце и о богах, любящих Мать. Аминь.

"Имена присутствующих свидетелей:

Эриус, сын Фанреса Эриуса.

Петеартрес, сын Петевтемиса.

Петеарпократ, сын Гора.

Совпадомней, сын Петеврида.

Снахомес, сын Псенхонсиса.

Тотос, сын Фибиса.

Портис, сын Апполлония.

Зминис, сын Петеместа.

Петевтемис, сын Арсиесиса.

Амоноритий, сын Пачемиса.

Гор, сын Химнарауса.

Арменис (скорее Арбаис), сын Зтенетиса.

Маэсис, сын Мирсиса.

Антимах, сын Антигена.

Петофой, сын Фибиса.

Панас, сын Петосириса".

В этом, как и во многих других документах, требуемые показания весьма примечательны: шестнадцать свидетелей считались необходимыми для продажи части сумм, собранных за несколько гробниц, и для оказания услуг умершим, общая стоимость которых составляла всего 400 медных монет; и имя каждого человека представлено в истинно восточном стиле именем его отца. Не будет лишним предположить, что те же меры предосторожности и мельчайшие формулы соблюдались при аналогичных сделках во времена правления фараонов, какими бы значительными ни были изменения, внесенные Птолемеями и римлянами в законы и местное самоуправление Египта.

Египтяне уделяли большое внимание здоровью, и "они так мудро, - говорит Геродот, - управляли медициной, что ни одному врачу не разрешалось практиковать что-либо, кроме своей особой отрасли". Некоторые из них были окулистами, изучавшими только болезни глаз; другие занимались исключительно жалобами на голову; третьи - на зубы; третьи снова ограничивались жалобами на кишечник; а третьи - тайными и внутренними заболеваниями; акушерами обычно, если не всегда, были женщины ". И это необычный факт, что их дантисты переняли метод, не очень давно практиковавшийся в Европе, - пломбирование зубов золотом, доказательства которого были получены на некоторых мумиях из Фив.

Они получали определенное жалованье из государственной казны; и после того, как они изучили предписания, основанные на опыте их предшественников, им было разрешено практиковать; и, чтобы предотвратить проведение опасных экспериментов над пациентами, они могли быть наказаны, если их лечение противоречило установленной системе; и смерть человека, вверенного их попечению, при таких обстоятельствах рассматривалась ими как тяжкое преступление.

Если, однако, каждое средство было назначено в соответствии с санитарным законодательством, они были освобождены от вины; и если пациенту не становилось лучше, врачу разрешалось изменить лечение после третьего дня или даже раньше, если он брал на себя ответственность.

Несмотря на то, что им платило правительство как организации, получение гонорара за их консультации и посещение не было незаконным; и требования могли предъявляться в любом случае, за исключением поездок за границу и военной службы; когда пациентов посещали бесплатно.

Основным способом предотвращения болезней, принятым египтянами, было соблюдение режима и диеты; "будучи убеждены, что большинство болезней проистекают от несварения желудка и переедания"; и они часто прибегали к воздержанию, рвотным средствам, небольшим дозам лекарств и другим простым средствам облегчения работы организма, которые некоторые люди имели привычку повторять каждые два-три дня.

ДУБОВЫЙ ВЕНОК. (Спасение жизни.)

"Те, кто жил в стране кукурузы", как называет это Геродот, уделяли особое внимание здоровью. "В течение трех последовательных дней, каждый месяц, они проходили регулярный курс лечения, исходя из убеждения, что болезнь обычно возникает из-за некоторого нарушения диеты"; и если профилактические меры оказывались

неэффективными, они прибегали к подходящим средствам, применяя метод лечения, очень похожий на тот, который упоминается Диодором.

Использование многочисленных лекарств в Египте упоминалось священными и светскими писателями; а лечебные свойства многих трав, произрастающих в пустынях, особенно между Нилом и Красным морем, до сих пор известны арабам; хотя их применение было лишь несовершенно зарегистрировано и сохранено.

"О дева, дочь Египта, - говорит Иеремия, - напрасно используй ты многие лекарства, ибо ты не исцелишься"; а Гомер в "Одиссее" описывает множество ценных лекарств, которые Полидамна, жена Тониса, дала Елене во время пребывания в Египте, "стране, плодородная почва которой производит бесконечное количество лекарств, как полезных, так и пагубных; где каждый врач обладает знаниями, превосходящими все остальные".

Плиний часто упоминает продукты этой страны и их применение в медицине; он также упоминает египетских врачей; и, как будто их количество указывало на множество болезней, которым были подвержены жители, он замечает, что это была страна, изобилующая многочисленными болезнями. В этом, однако, он не согласен с Геродотом, который утверждает, что "после ливийцев нет народа более здорового, чем египтяне, что можно объяснить неизменностью времен года в их стране".

Плиний даже говорит, что египтяне осматривали тела после смерти, чтобы установить природу болезней, от которых они умерли; и мы можем легко поверить, что народ, настолько продвинутый в цивилизации и принципах медицины, что назначил каждому врачу его особую отрасль, прибегнул бы к этому эффективному методу приобретения знаний и опыта.

Очевидно, что медицинская наука египтян была востребована и ценилась даже в зарубежных странах; и мы узнаем от Геродота, что и Кир, и Дарий посылали в Египет за врачами. И в более поздние времена они продолжали славиться своим мастерством; Аммиан говорит, что врачу было достаточно сказать, что он учился в Египте, чтобы рекомендовать его; а Плиний упоминает врачей, отправлявшихся из Египта в Рим. Но хотя древние авторы часто упоминают об их врачах, единственное указание на медицинское обслуживание, по-видимому, содержится на картинах Бени Хассана; и даже там неясно, изображен ли врач или цирюльник.

Их врачи, вероятно, щупали пульс; как показывает Плутарх, они делали это в Риме, исходя из высказывания Тиберия: "человек, которому перевалило за тридцать, который *протягивает* руку врачу, смешон"; отсюда наша пословица "дурак или врач после сорока".

Диодор говорит нам, что к снам в Египте относились с религиозным почтением, и молитвы набожных людей часто вознаграждались богами с указанием лекарства, в котором нуждались их страдания; а доверчивые люди часто прибегали к магии, чарам и различным сверхъестественным средствам; которые "обращались к идолам, и к заклинателям, и к тем, у кого были знакомые духи, и к колдунам".

Ориген также говорит, что когда какая-либо часть тела поражалась болезнью, они вызывали демона, которому она должна была принадлежать, чтобы получить лекарство.

В особо важных случаях обращались к оракулам; и в греческом папирусе, найденном в Египте, упоминается о прорицании "через мальчика с лампой, чашей и колодцем", что напоминает мнимую силу современных египетских магов. В нем также упоминается способ обнаружения кражи и исполнения любого желания; и хотя предполагается, что это относится ко 2 веку, практики, на которые он ссылается, несомненно, взяты из древнеегипетского

источника; и другие подобные папирусы содержат рецепты для получения удачи и различных преимуществ или для причинения несчастий врагу.

Некоторые предполагают, что египтяне даже прибегали к животному магнетизму и что сны, указывающие на исцеление, были результатом этого влияния; и (хотя субъекты, ошибочно предполагаемые изображающими это, относятся к совершенно другому действию) не исключено, что они, возможно, открыли способ применения этого искусства и что оно могло быть связано со странными сценами, записанными при посвящении в мистерии. Если бы о такой силе действительно знали, то вряд ли пренебрегли бы ею; и таким образом было бы легко добиться господства над умами суеверных людей.

Действительно, готовность человека во все времена удивлять, с одной стороны, и добиваться чудесного - с другой, в изобилии доказана настоящим и прошлым опытом. Несомненно, что это может воздействовать на нервную систему до такой степени, что может быть вызвано состояние либо крайней раздражительности, либо сна и комы, в последнем случае парализуя чувства настолько, что они становятся невосприимчивыми к боли; и высокочувствительный темперамент может демонстрировать явления, недоступные объяснению; но требуется очень мало опыта, чтобы понять, что на нас чудесным образом воздействуют гораздо более обычные причины; ибо на нервы могут действовать до такой степени, что, как мы обычно называем, "наши зубы заостряются", что простого подпиливания пилы было бы достаточно, чтобы свести с ума любого человека. сумасшедший, если не в состоянии вырваться из его непрекращающегося диссонанса. Что это, как не воздействие на нервы? а чего еще можно желать, чтобы доказать могущество любого агентства? И мир был бы в неоплатном долгу перед профессорами животного магнетизма, если бы вместо того, чтобы превращать его, как это делают некоторые, в простую демонстрацию силы и изумление зрителей, они продолжили бы уже начатые усилия по открытию всех полезных применений, к которым он может быть применен.

Тогда мы могли бы порадоваться тому, что, поскольку астрология привела к более полезным знаниям астрономии, это влияние позволило нам понять нашу нервную систему, от которой зависят столь многие состояния здоровья и с которой мы так плохо знакомы.

Египтяне также приписывали излечение от болезней *эксвотосу*, предлагаемому в храмах. Они состояли из различных видов. Некоторые люди обещали определенную сумму на содержание священных животных; или что-то еще, что могло бы умиловить божество; и после того, как лечение было произведено, они часто подвешивали модель восстановленной части в храме; и уши, глаза, искалеченные руки и другие члены посвящались в память об их благодарности и суеверии.

Иногда путешественники, случайно проходившие мимо храма, начерчивали на стенах обетную фразу, чтобы выразить свое уважение божеству и просить его защиты во время своего путешествия; полная формула которой содержала преклонение перед автором с заверением, что он помнил о своей жене, своей семье и друзьях; и читатель надписи иногда получал часть благословений, которых она требовала. Также были добавлены дата правления короля и день месяца, профессия и происхождение писателя. Полная формула единого поклонения была следующей:

"Поклонение Гая Капитолина, сына Флавия Юлия, из пятого отряда фиванской конницы, богине Исиде с десятью тысячами имен. И я заботился (или преклонялся) обо всех тех, кто любит меня, и о моей супруге, и о детях, и обо всех моих домочадцах, и о том, кто это читает. В 12 году правления императора Тиберия Цезаря, в 15 году Пауни".

Египтяне, согласно Плинию, претендовали на честь изобретения искусства лечения болезней. Действительно, изучение медицины и хирургии, по-видимому, началось в Египте в очень ранний период, поскольку Атот, второй царь страны, как утверждается, написал работы по анатомии; и александрийские школы продолжали до позднего периода пользоваться репутацией и демонстрировать мастерство, унаследованное ими от своих предшественников. Говорили, что Гермес написал шесть книг по медицине, первая из которых касалась анатомии; и различные рецепты, которые, как известно, были полезны, были записаны вместе с их особыми случаями в "Мемуарах врача", включенных в число законов, хранящихся в главных храмах.

Дома, Виллы, Фермерские дворы, Фруктовые сады и т.д.

Содержание

Монументальные летописи и различные произведения искусства, и, прежде всего, письма греков и римлян, познакомили нас с их обычаями и самими их мыслями; и хотя литература египтян почти неизвестна, их памятники, особенно рисунки в гробницах, дают нам представление об их образе жизни, которое вряд ли можно получить из произведений какого-либо другого народа. Влияние, которое Египет оказал в древние времена на Грецию, придает каждому исследованию, касающемуся его, дополнительный интерес; а частое упоминание египтян в Библии связывает их с еврейскими записями, многие удовлетворительные иллюстрации которых встречаются в скульптурах времен фараонов. Их великая древность также позволяет нам понять состояние мира задолго до эры письменной истории; все существующие памятники, оставленные другими людьми, сравнительно современны; а картины в Египте являются самыми ранними описательными иллюстрациями нравов и обычаев любой нации.

Именно на основании этого мы можем составить мнение о характере египтян. Их объявили серьезными, мрачными людьми, опечаленными привычкой к ложным домыслам; но насколько этот вывод согласуется с фактами, будет видно в дальнейшем. Они были, без сомнения, менее жизнерадостны, чем греки; но если сравнительно поздний писатель, Аммиан Марцеллин, мог отметить "довольно печальное" выражение лица после того, как они веками находились под сменявшим друг друга иностранным игом, это вряд ли можно признать свидетельством их характера в первые времена их процветания; и хотя выражение печали могло наблюдаться у нынешнего угнетенного населения, их нельзя считать серьезным или меланхоличным народом. Действительно, многому можно научиться из характера современных египтян; и, несмотря на вливание чужеземной крови, особенно арабских завоевателей, каждый должен заметить сильное сходство, которое они имеют со своими древними предшественниками. Распространенной ошибкой является предположение, что завоевание страны придает ее жителям совершенно новый характер. Иммиграция целого народа, вступающего во владение малонаселенной страной, будет иметь такой эффект, когда коренные жители почти все будут изгнаны вновь прибывшими; но иммиграция не всегда, а завоевание никогда не имело своей целью уничтожение или изгнание коренного населения; они оказываются полезными для победителей и такими же необходимыми для них, как скот или продукты почвы. Захватчики всегда численно уступают завоеванной нации — даже мужскому населению; и когда к их числу добавляются женщины, большинство в значительной степени выступает за первоначальную расу, и они должны оказывать огромное влияние на характер подрастающего поколения. Обычаи старых

жителей также очень легко перенимаются вновь прибывшими, особенно когда оказывается, что они соответствуют климату и особенностям страны, в которой они сформировались; а привычки небольшой группы поселенцев, живущих в контакте с ними, с каждым последующим поколением все больше и больше исчезают. Так было и в Египте; и, как обычно, покоренный народ несет на себе отпечаток древних жителей, а не арабских завоевателей.

Из различных институтов древних египтян ни один не является более интересным, чем те, которые связаны с их социальной жизнью; и когда мы рассматриваем состояние других стран в ранние века, когда они процветали, с 10 по 20 век до нашей эры, мы можем с уважением отнестись к прогрессу, которого они тогда достигли в цивилизации, и признать преимущества, которые они принесли человечеству за время своего существования. Ибо, как и другие люди, они сыграли свою роль в великой схеме мирового развития и внесли свою долю полезности в предначертанный прогресс человеческой расы; ибо страны, как и отдельные люди, наделены определенными качествами, которые, отличаясь от качеств их предшественников и современников, предназначены в должное время для выполнения своих необходимых обязанностей. Интерес, испытываемый к египтянам, объясняется тем, что они проложили путь или были первыми известными нам людьми, добившимися какого-либо значительного прогресса в искусстве и нравах цивилизации; что для периода, когда они жили, было очень похвально и намного превосходило показатели других царств мира. Мы также не можем не отметить разницу между ними и их азиатскими соперниками, ассирийцами, которые даже в гораздо более поздний период имели большие недостатки азиатской жестокости — сдирали кожу заживо, сажали на кол и пытали своих пленников, как это делали персы, турки и другие выходцы с Востока до настоящего столетия, упрек в чем нельзя распространить на древних египтян. Будучи доминирующей расой той эпохи, они неизбежно оказывали влияние на других, с которыми вступали в контакт; и именно этими средствами цивилизация продвигалась вперед по своим различным стадиям; каждый народ стремился улучшить уроки, полученные от соседа, институты которого они ценят или считают полезными для себя. Именно таким образом активный ум талантливых греков искал и совершенствовал уроки, извлеченные из других стран, особенно из Египта; и хотя последний в конце VII века до нашей эры утратил свое величие и престиж превосходства среди народов мира, он по-прежнему был центром обучения и прибежищем прилежных философов; и злоупотребления, последовавшие за падением империи, еще не привели к деморализации в последующие времена.

Ранняя часть монументальной истории Египта совпадает с приходом Авраама и Иосифа и Исходом израильтян; и мы знаем из Библии, каково было состояние мира в то время. Но тогда, и, по-видимому, задолго до этого, привычки общественной жизни в Египте уже были такими, какими мы их находим в самый славный период их карьеры; и поскольку люди уже сложили оружие, а военные носили его только находясь на службе, можно составить некоторое представление об очень отдаленной дате зарождения египетской цивилизации. В обращении с женщинами они, по-видимому, были очень далеко продвинуты по сравнению с другими богатыми общинами той же эпохи, имея обычаи, очень похожие на те, что существуют в современном мире; и к женщинам проявлялось такое уважение, что им отдавалось предпочтение перед мужчинами, и жены и дочери королей наследовали трон подобно мужским ветвям королевской семьи. Эта привилегия также не была отменена, хотя она не раз влекла за собой проблемы, связанные с оспариванием престолонаследия; иностранные короли часто заявляли о своих правах на трон через брак с египетской принцессой. Это было не просто влияние, которым они обладали, которое женщины часто приобретают в самых деспотичных восточных сообществах; и не политическое значение,

придаваемое конкретной личности, как султанше Валиде, королеве-матери, в Константинополе; это было право, признанное законом, как в частной, так и в общественной жизни. Они знали, что если к женщинам не относиться с уважением и не заставлять их оказывать влияние на общество, уровень общественного мнения вскоре понизится, а манеры и мораль мужчин пострадают; и, признавая это, они указывали женщинам на очень ответственные обязанности, которые они должны выполнять перед обществом.

Из их частной жизни можно получить глубокое представление об их характере и обычаях: и их домашнее устройство, стиль их жилищ, их развлечения и занятия объясняют их привычки; поскольку их институты, способ правления, искусства и военные знания иллюстрируют их историю и их относительное положение среди народов древности. По своей форме и расположению дома были приспособлены к климату, модифицированному в соответствии с развитием цивилизации; и мы часто можем проследить в их жилищах некоторые примитивные привычки людей спустя долгое время после того, как они поселились в городах и переняли нравы богатых сообществ; подобно тому, как палатки все еще можно проследить в домах турок, а небольшие оригинальные деревянные комнаты - в особняках и храмах Древней Греции.

Как и во всех странах с теплым климатом, беднейшие классы египтян много жили на открытом воздухе; а дома богатых строились так, чтобы в них было прохладно в течение всего лета; потоки освежающего воздуха свободно циркулировали по ним благодаря продуманному устройству проходов и дворов. Коридоры, поддерживаемые колоннами, вели в разные квартиры через череду тенистых аллей и зон, с одной стороны открытых для воздуха, как в монастырях; и даже небольшие отдельно стоящие дома имели открытый двор в центре, засаженный как сад пальмами и другими деревьями. *Мулькуфы*, или деревянные ветровые паруса, также были закреплены над террасами верхнего этажа, обращенными к преобладающему и прохладному северо-западному ветру, который проходил по их наклонным доскам внутрь дома. Они были в точности похожи на те, что стоят в современных домах Каира, а некоторые из них были двойными и выходили окнами в противоположные стороны.

Дома были построены из необработанного кирпича, оштукатурены и раскрашены всеми сочетаниями ярких цветов, которые так нравились египтянам; а богато украшенный особняк имел многочисленные дворы и архитектурные детали, унаследованные от храмов. Над дверью иногда была надпись типа "хороший дом"; или имя царя, при котором владелец, вероятно, занимал какую-то должность; также было вывешено много других символов добрых предзнаменований, как, например, у входов в современные египетские дома; а посещение какого-нибудь храма давало такое же веское право на запись, как и паломничество в Мекку в наши дни. Бедняки довольствовались очень простыми жилищами; их потребности легко удовлетворялись как в жилье, так и в пище; и их дом состоял из четырех стен с плоской крышей из пальмовых ветвей, уложенных поперек расщепленного финикового дерева в виде балки и покрытых циновками, обмазанными толстым слоем грязи. В нем была одна дверь и несколько маленьких окон, закрытых деревянными ставнями. Поскольку дождей почти не было, глинобитная крыша гостиной не заливалась; и этот коттедж скорее подходил для укрытия от солнца и как кладовка для их вещей, чем для обычного назначения дома в других странах. Действительно, по ночам хозяева большую часть года спали на крыше; и поскольку большая часть их работы выполнялась на открытом воздухе, их легко можно было убедить, что дом им гораздо менее необходим, чем гробница. Убедить богатых в этом ультрафилософском чувстве было не так-то просто; по крайней мере, практика отличалась от теории; и хотя это было распространено среди всех египтян, это не

мешало жрецам и другим вельможам жить в очень роскошных жилищах или наслаждаться благами этого мира; и демонстрация богатства оказалась полезной для поддержания их власти и обеспечения послушания доверчивого народа. Таким образом, мирское имущество священников было очень обширным, и если они время от времени прививали себе привычку к воздержанию, избегали определенных видов нездоровой пищи и совершали множество таинственных обрядов, они были щедро вознаграждены улучшением своего здоровья и влиянием, которое они таким образом приобрели. Высокий интеллект позволил им по-своему выстроить правила, исходящие от их священного тела, с удобным убеждением, что то, что подходит им, не подходит другим; и от нечестивых простолюдинов ожидалось поступать не так, как поступали священники, а так, как они учили их делать.

В их планах городские дома, как и загородные виллы, менялись в зависимости от прихоти строителей. Планировка некоторых из первых состояла из ряда комнат по трем сторонам двора, который часто был засажен деревьями. Другие состояли из двух рядов комнат по обе стороны от длинного коридора с входным двориком с улицы; а другие были расположены в камерах вокруг центральной площади, подобной римскому *имплювию*, и вымощены камнем, или в центре было несколько деревьев, резервуар или фонтан. Иногда, хотя и редко, к входной двери с улицы вела лестница.

Дома небольшого размера часто соединялись вместе и образовывали непрерывные стороны улиц; а внутренний двор был общим для нескольких жилищ. Другие, более скромного вида, состояли просто из комнат, выходящих в узкий коридор или прямо на улицу. У них был только цокольный этаж; и лишь немногие дома были выше двух этажей. В основном они состояли из одного верхнего этажа; и хотя Диодор говорит о высоких домах в Фивах высотой в четыре и пять этажей, картины показывают, что немногие имели по три, а самые большие редко по четыре, включая, как у него, цокольный этаж. Даже большая часть дома была ограничена первым этажом, с дополнительным этажом в одной части, на котором была терраса, покрытая навесом, или легкая крыша, поддерживаемая колоннами. Это место служило дамам семьи для того, чтобы днем сидеть за работой, и летом хозяин дома часто спал по ночам или во второй половине дня устраивал *сиесту*. У некоторых была башня, возвышавшаяся даже над террасой.

На первом этаже находилось то, что итальянцы называют "*piano nobile*"; нижние комнаты использовались в основном под магазины или под офисы, из которых одна была отведена для швейцара, а другая - для посетителей, приходящих по делам. Иногда, помимо гостиной, на цокольном этаже располагались апартаменты для приема гостей, но обычно гостей принимали на втором этаже; на нем же располагались и спальни, за исключением тех случаев, когда дом был двух- или трехэтажным. Дома богатых горожан часто занимали значительное пространство и стояли либо прямо на улице, либо недалеко позади, в открытом дворе; а некоторые большие особняки стояли отдельно и имели несколько входов с двух или трех сторон. Перед дверью было крыльцо, опирающееся на две колонны, украшенные знаменами или лентами, а портики большего размера имели двойной ряд колонн со статуями между ними.

При распределении квартир были приняты многочисленные и различные способы, в зависимости от обстоятельств; однако в целом большие особняки, по-видимому, состояли из двора и нескольких коридоров с ведущими из них комнатами, мало чем отличающимися от многих из тех, что сейчас строятся в восточных и тропических странах. Дома в большинстве египетских городов полностью разрушены, осталось мало следов их планировки или даже расположения; но от некоторых сохранилось достаточно в Фивах, Тель-эль-Амарне и других местах, чтобы мы могли с помощью скульптур установить их форму и внешний вид.

Зернохранилища также располагались очень правильно и, конечно, различались в плане не меньше, чем дома, к которым, есть основания полагать, они часто пристраивались даже в городах; иногда их отделяла от дома только аллея деревьев.

Некоторые небольшие дома состояли просто из двора и трех или четырех кладовых на первом этаже, с единственной комнатой наверху, к которой со двора вел лестничный пролет; но они, вероятно, встречались только в сельской местности и напоминали некоторые из них, которые до сих пор встречаются в деревнях *феллахов* современного Египта. Очень похожей на них была модель дома, ныне находящегося в Британском музее, которая состояла исключительно из внутреннего дворика и трех небольших кладовых на первом этаже, с лестницей, ведущей в комнату, принадлежащую кладовщику, которая была оборудована узким окном или проемом напротив двери, предназначенным скорее для вентиляции, чем для пропускания света. При дворе была изображена женщина, выпекающая хлеб, как это иногда делается в наши дни в Египте, на открытом воздухе; а кладовые были полны зерна.

Другие небольшие дома в городах состояли из двух-трех этажей над цокольным этажом. У них не было двора, и они стояли близко друг к другу, занимая небольшое пространство и возвышаясь пропорционально своему основанию, как многие из тех, что были в Карнаке. В нижней части была только входная дверь и несколько кладовых, над которыми располагались первый и второй этажи, каждый с тремя окнами спереди и сбоку, а над ними чердак без окон и лестница, ведущая на террасу на плоской крыше. Полы были уложены на стропилах, концы которых слегка выступали из стен, подобно зубчатым зубцам; а ряды кирпичей представляли собой волнистые или вогнутые линии, как в стенах ограды в Дайр-эль-Медине в Фивах. Окна первого этажа имели что-то вроде средника, разделявшего их на два фонаря каждое, с фрамугой наверху; а верхние окна были заполнены решетками или поперечными перекладинами из дерева, как во многих турецких гаремах. Модель такого дома также находится в Британском музее. Но в целом египетские дома были гораздо менее правильными в плане и по высоте; и обычное пренебрежение симметрией обычно наблюдается в домах даже в городах.

Двери, как входные, так и внутренние, часто окрашивались в имитацию заморских и редких пород дерева. Они представляли собой один или два клапана, вращающихся на металлических штырьках и закрепленных внутри с помощью планки или болтов. Некоторые из этих бронзовых штырей были обнаружены в гробницах Фив. Они крепились к дереву гвоздями из того же металла, круглые головки которых служили также украшением, а верхний имел выступ сзади, чтобы дверь не ударялась о стену. Мы также находим в каменных перемычках и полу, за порогами гробниц и храмов, отверстия, в которые они поворачивались, а также отверстия для засовов и перекладин, а также углубления для открывания клапанов. Складные двери имели засовы в центре, иногда как сверху, так и снизу; поперек от одной стены до другой располагалась перекладина; и во многих случаях деревянные замки фиксировали их, проходя по центру, на стыке двух створок. Для большей сохранности их иногда запечатывали глиняной массой, о чем свидетельствуют некоторые гробницы, найденные закрытыми в Фивах, скульптуры и рассказ Геродота о сокровищнице Рампсинита.

Ключи изготавливались из бронзы или железа и состояли из длинного прямого стержня, около пяти дюймов в длину, с тремя или более выступающими зубцами; другие имели большее сходство с оберегами современных ключей, с коротким стержнем длиной около дюйма; а некоторые напоминали обычное кольцо с оберегами сзади. Вероятно, они датируются римлянами. Самое раннее упоминание о ключе содержится в Книге Судей (iii. 23-

25), когда Эхуд вышел "через крыльцо, закрыл за собой двери гостиной и запер их", "слуги Эглона взяли ключ и открыли их".

Дверные проемы, как и в храмах, часто были увенчаны египетским карнизом; другие были по-разному украшены, а некоторые, представленные в гробницах, были окружены разнообразными орнаментами, как обычно богато раскрашенными. Эти последние, хотя их иногда находили в Фивах, относились к Мемфису и Дельте в более общих чертах; и два хороших экземпляра их хранятся в Британском музее, привезенные из гробницы возле Пирамид.

Даже в ранний период, когда строились пирамиды, двери имели одну или две задвижки: и двери комнат, и входные двери открывались внутрь вопреки обычаю греков, которые, следовательно, были вынуждены стучать по внутренней стороне входной двери, прежде чем открыть ее, чтобы предупредить проходящих мимо людей; а римлянам было запрещено открывать ее наружу без специального разрешения.

Полы были каменными или из извести или других материалов; но в более скромных жилищах они были сделаны из расщепленных балок финикового дерева, расположенных близко друг к другу или через равные промежутки, с досками или поперечными слоями пальмовых ветвей поверх них, покрытых циновками и слоем грязи. Многие крыши были сводчатыми и построены, как и остальная часть дома, из необработанного кирпича; и были найдены не только арки из этого материала, датируемые 16 веком до нашей эры, но и сводчатые зернохранилища, по-видимому, относятся к гораздо более ранней эпохе. Кирпичи, действительно, привели к изобретению арки; нехватка древесины в Египте указала на необходимость ее замены.

Древесина импортировалась в больших количествах; сосну и кедр привозили из Сирии; а редкие породы дерева были частью дани, взимаемой с иностранных народов, завоеванных фараонами. И они так высоко ценились в декоративных целях, что раскрашенные имитации изготавливались для более бедных людей, которые не могли себе их позволить; а панели, окна, двери, шкатулки и различные виды деревянных изделий часто были из дешевой древесины или платана, окрашенные так, чтобы они напоминали самые редкие иностранные породы дерева. И их остатки, найденные в Фивах, показывают, что эти имитации были искусными заменителями реальности. Иногда даже гробы изготавливались из иностранного дерева; многие найдены из ливанского кедра. Ценность заморских пород дерева также подсказала египтянам процесс облицовки; и это было одним из искусств их искусных краснодеревщиков.

Потолки были покрыты лепниной, богато расписанной различными узорами, со вкусом подобранными как по форме, так и по расположению цветов; одним из старейших из которых является гильоширование, часто ошибочно называемое тосканской или греческой каймой.

Как внутри, так и снаружи их домов стены иногда разделялись на большие панели одного однородного цвета, расположенные вровень с поверхностью или углубленные, не очень отличающиеся от тех, что были в Помпеях; и они были красными, желтыми или окрашенными, чтобы напоминать камень или дерево. По-видимому, именно введение этого способа украшения в римских домах вызвало негодование Витрувия; он говорит, что в старые времена красной краской пользовались экономно, как лекарственными препаратами, хотя сейчас ею покрыты целые стены.

На глухих стенах в гостиных также были изображены фигуры или сцены из домашней жизни, окруженные декоративными бордюрами и увенчанные глубокими карнизами с цветами и различными богато раскрашенными приспособлениями; и, кажется, нет народа, который так любил бы использовать цветы по каждому поводу. В их домашней архитектуре они служили главным украшением лепнины, и каждый посетитель получал букет настоящих цветов в знак приветствия при входе в дом. Это были трубка и кофе современных египтян; и гостю на вечеринке не только дарили лотос или какой-нибудь другой цветок, но и надевали венок ему на голову, а другой - на шею; что побудило римского поэта отметить "множество венков на лбах" египтян на их банкетах. Повсюду в изобилии росли цветы; из них были сделаны венки и гирлянды, они украшали подставки, на которых стояли вазы в праздничном зале, и венчали чашу с вином, а также слуг, которые разносили чаши из нее собравшимся гостям.

Виллы египтян были очень обширными и содержали просторные сады, орошаемые каналами, сообщающимися с Нилом. В разных частях сада у них были большие резервуары с водой, которые служили для украшения, а также для орошения, когда Нил разливался; и на них хозяин дома время от времени развлекал себя и своих друзей прогулкой на прогулочной лодке, буксируемой его слугами. Они также с удовольствием ловили рыбу в прудах на своей территории, и в этих случаях их обычно сопровождал друг или один или несколько членов их семьи. Особый уход всегда уделялся саду, и об их большой любви к цветам свидетельствует их количество, которое они всегда выращивали, а также то, что женщины семьи или слуги преподносили букеты хозяину дома и его друзьям, когда они прогуливались там.

Сам дом иногда украшался пропилами и обелисками, как и сами храмы; возможно даже, что часть здания была посвящена религиозным целям, как часовни других стран, поскольку мы находим священника, совершающего подношения у дверей внутренних покоев; и, действительно, если бы не присутствие женщин, форма сада и стиль крыльца, мы были бы склонны считать это храмом, а не местом проживания. Входы в большие виллы обычно осуществлялись через складные ворота, расположенные между высокими башнями, как во дворах храмов, с маленькими дверцами с каждой стороны; а в других были просто складные ворота с косяками, увенчанными карнизом. Вокруг помещения тянулась одна общая стена, но дворы дома, сад, офисы и все остальные части виллы были огорожены по отдельности. Стены обычно строились из необработанного кирпича, а во влажных местах или в пределах досягаемости затопления нижняя часть укреплялась каменным фундаментом. Иногда их украшали панелями и рифлеными линиями, обычно оштукатуривали, а вершину венчали либо египетские зубчатые стены, обычный карниз, ряд шипов, имитирующих наконечники копий, либо какой-нибудь причудливый орнамент.

Планы вилл менялись в зависимости от обстоятельств, но их общее расположение в достаточной степени объясняется картинками. Они были окружены высокой стеной, примерно в середине которой находился главный вход с одними центральными и двумя боковыми воротами, ведущими на открытую аллею, затененную рядами деревьев. Здесь стояли просторные резервуары с водой, обращенные к дверям правого и левого крыльев дома, между которыми аллея вела от главного входа к тому, что можно назвать центром особняка. Миновав наружную дверь правого крыла, вы попадаете в открытый двор с деревьями, простирающийся почти вокруг ядра внутренних квартир и имеющий черный ход, сообщающийся с садом. Справа и слева от этого двора располагались шесть или более кладовых, небольшая приемная или зал ожидания в двух углах, а на другом конце располагались лестницы, ведущие на верхние этажи. Оба внутренних фасада были снабжены коридором, опирающимся на колонны, с похожими башнями и воротами. Внутреннее убранство этого крыла состояло из двенадцати комнат, двух внешних и одной

центральной, сообщавшихся между собой откидными воротами; и по обе стороны от этих последних находился главный вход в комнаты на первом этаже и к лестницам, ведущим на верхний этаж. В задней части располагались три длинные комнаты и калитка, ведущая в сад, где, помимо цветов, росли разнообразные деревья, беседка и большой резервуар с водой.

Расположение левого крыла было другим. Парадные ворота вели в открытый двор, простиравшийся во всю ширину фасада здания и подпиравшийся к стене внутренней части. Центральные и боковые двери отсюда сообщались с другим двором, окруженным с трех сторон рядом комнат, а за ним был коридор, в который выходило несколько других комнат.

В этом крыле не было черного хода, и, стоя изолированно, внешний двор простирался полностью вокруг него; и ряд дверных проемов сообщался со двора с различными секциями центра дома, где комнаты, расположенные подобно уже описанным, вокруг проходов и коридоров, служили частично гостинными, а частично кладовыми.

Конюшни для лошадей и каретные сараи для колесниц и телег находились в центре, или внутренней части здания; но двор фермы, где содержался скот, находился на некотором расстоянии от дома и соответствовал области, известной римлянам под названием *рустика*. Несмотря на то, что он был огорожен отдельно, он находился внутри общей кольцевой стены, которая окружала участок, прилегающий к вилле; а канал, доставлявший воду из реки, огибал его и тянулся вдоль задней части участка. Он состоял из двух частей: сараев для содержания скота, которые стояли в верхнем конце, и двора, где были закреплены ряды колец, чтобы привязывать их во время кормления в дневное время; и мужчины всегда присутствовали и часто кормили их с рук.

Зернохранилища также находились отдельно от дома и были обнесены отдельной стеной; а некоторые помещения, в которых хранилось зерно, по-видимому, имели сводчатые крыши. Их засыпали через отверстие наверху, к которому мужчины поднимались по ступенькам, а зерно, когда требовалось, доставали через дверцу в основании.

Надзор за домом и угодьями был возложен на управляющих, которые регулировали обработку земли, получали все, что выручали от продажи продукции, следили за прибылью от количества скота в поместье, улаживали все счета и приговаривали провинившихся крестьян к бастинадо или любому наказанию, которого они могли заслуживать. Одному были доверены дела по дому, он подчинялся "правителю", "надзирателю" или "управляющему домом Иосифа"; другие "присматривали за житницами", виноградниками или возделыванием полей; и объем их обязанностей или количество занятых зависели от количества земли или воли ее владельца.

Способ разбивки их садов был таким же разнообразным, как и при постройке домов; но во всех случаях они, по-видимому, проявляли особую заботу о том, чтобы обеспечить обильный запас воды с помощью водохранилищ и каналов. Действительно, ни в одной стране искусственное орошение не требуется так сильно, как в долине Нила; и из-за того, что вода от наводнения не поступает в сады, они в течение всего года зависят от снабжения, получаемого из колодцев и резервуаров или из соседнего канала.

Способ орошения, принятый древними египтянами, был чрезвычайно прост и представлял собой всего лишь *шадуф*, или шест и ведро наших дней; и во многих случаях мужчин нанимали для переноски воды в ведрах, подвешенных к деревянному коромыслу, которое они несли на плечах. То же ярмо использовалось для переноски других вещей, таких как ящики, корзины с дичью и домашней птицей, или всего, что везли на рынок; и, по-видимому,

каждое ремесло использовало его для этой цели, от гончара и кирпичника до плотника и корабельщика.

Часть сада была разбита на аллеи, затененные деревьями, обычно посаженными рядами, и окружена у основания ствола круглым земляным валом, который, будучи ниже в центре, чем по окружности, удерживал воду и направлял ее прямее к корням. Трудно сказать, были ли деревья подстрижены в какой-то определенной форме, или их формальный вид в скульптуре обусловлен просто традиционным способом их изображения; но, поскольку гранат и некоторые другие фруктовые деревья нарисованы с раскидистыми и неправильной формы ветвями, возможно, что платаны и другие, которые представляли собой большие массы листвы, действительно были подстрижены таким формальным образом, хотя, исходя из иероглифического обозначения "*дерево*", имеющего одинаковую форму, мы можем заключить, что это был лишь общий признак для всех деревьев.

Некоторые из них, такие как гранаты, финиковые деревья и *домовые* пальмы, легко распознать в скульптурах, но остальные сомнительны, как и цветущие растения, за исключением лотоса и нескольких других.

К садовому отделу относилась забота о пчелах, которые содержались в ульях, очень похожих на наши собственные. В Египте они требовали большого внимания; и в наши дни там так мало растений, что владельцы ульев часто перевозят пчел на лодках в различные места на Ниле в поисках цветов. Это более мелкий вид, чем наш; и хотя в диком виде они встречаются в сельской местности, они гораздо менее многочисленны, чем осы, шершни и ихневмоны. Дикие пчелы живут в основном под камнями или в расщелинах скал, как и во многих других странах; и выражение Моисея, как и псалмопевца, "*мед из камня*" показывает, что в Палестине их привычки были такими же. Мед в Египте считался очень важным как для домашних целей, так и для подношений богам; мед из Бенхи (отсюда прозванный *Эль-ассаль*), или Атрибис, в дельте, сохранил свою репутацию до позднего времени; и банка меда из того места была одним из четырех подарков, посланных Мухаммеду Джоном Мекауком, губернатором Египта.

Большие сады обычно делились на разные части; основные участки отводились финиковым и платановым деревьям, а также винограднику. Первый можно назвать фруктовым садом. Цветочные сады и огороды также занимали значительное пространство, разбитое на клумбы; а карликовые деревья, травы и цветы выращивались в красных глиняных горшках, точно таких же, как у нас, расставленных длинными рядами вдоль дорожек и бордюров.

Помимо фруктового сада и огородов, на некоторых больших виллах был разбит парк, или райский уголок, с прудами с рыбой и консервами для дичи, а также птичьими дворами для содержания кур и гусей, стойлами для откорма крупного рогатого скота, диких коз, газелей и других животных, родом из пустыни, мясо которых считалось одним из деликатесов на столе.

Именно в этих обширных заповедниках богачи развлекались охотой; кроме того, они обнесли значительное пространство в самой пустыне сетчатыми заграждениями, в которые загоняли животных и расстреливали их из лука или охотились с собаками.

Сады часто представлены в гробницах Фив и других частей Египта, многие из которых примечательны своей протяженностью. Показано, что представленный здесь объект был окружен укрепленной стеной, перед которой проходил канал с водой, соединенный с рекой. Между каналом и стеной, параллельно им обоим, тянулась тенистая аллея из различных деревьев; а примерно в центре находился вход через высокую дверь, перекладина и косяки которой были украшены иероглифическими надписями, содержащими имя владельца

территории, которым в данном случае был сам король. За воротами находились комнаты для привратника и других лиц, занятых в саду, и, вероятно, комната для приема посетителей, чей внезапный вход мог оказаться нежелательным; а сзади открывалась калитка в виноградник. Виноградные лозы росли на решетке, поддерживаемой поперечными стропилами, опирающимися на столбы; а стена, проходящая вокруг нее, отделяла эту часть от остальной части сада. В верхнем конце располагались апартаменты на трех разных этажах, из окон которых открывался вид на зеленые деревья и которые позволяли приятно отдохнуть в летнюю жару. С внешней стороны стены виноградника были посажены ряды пальм, которые повторялись с домом и другими деревьями, по всей длине внешней стены; четыре резервуара с водой, окаймленные лужайкой, где держали гусей и поощряли рост нежного цветка лотоса, служили для орошения территории; а маленькие киоски или беседки, затененные деревьями, стояли у воды и выходили окнами на клумбы с цветами. Пространства, в которых находились резервуары, и прилегающие части сада были обнесены соответствующими стенами, а небольшие участки с обеих сторон, между большим и малым резервуарами, по-видимому, были отведены для выращивания определенных деревьев, которые либо требовали особого ухода, либо приносили плоды высшего качества.

Нарисован Эдвином Лонгом, A.R.A. Выгравирован и отпечатан братьями Иллман.
ЕГИПЕТСКИЙ ПИР
ДЛЯ МУЗЕЯ АНТИЧНОСТИ

Египетское богатство.

Содержание

О том, что богатства страны были огромны, свидетельствует внешний вид мебели и домашней утвари, а также огромное количество золотых и серебряных украшений,

драгоценных камней и других предметов роскоши, которые использовались среди них в древнейшие времена; их сокровища вошли в поговорку во всех соседних государствах, и любовь к пышности продолжала оставаться главной страстью египтян до последнего периода их существования как независимого государства.

Богатство Египта было в основном получено за счет налогов, иностранной дани, монополий, торговли, рудников и, прежде всего, за счет плодородной почвы. Нужды беднейших классов были легко удовлетворены; изобилие зерна, трав и сочных растений обеспечивало жителей долины Нила достаточным запасом при незначительных затратах и с минимальными затратами труда; и в этой плодородной стране производилось так много кукурузы, что, после того как ее хватало для потребления очень многочисленного населения, она представляла большой избыток на внешнем рынке и приносила значительную прибыль правительству, поскольку экспортировалась в другие страны или продавалась торговцам, посещавшим Египет с коммерческими целями.

Золотые рудники в пустыне Бишари были в те времена очень продуктивными; и, хотя у нас нет достоверных сведений об их первом открытии, есть основания полагать, что они разрабатывались в самые ранние периоды египетской монархии. Утверждается, что общая годовая добыча золотых и серебряных рудников (которая, по словам Диодора, опирающегося на авторитет Гекатея, была зафиксирована в гробнице Осимандиаса в Фивах, по—видимому, царя 19-й династии) составляла 3200 мириад, или 32 миллиона *мин* - вес этой страны, называемой египтянами *тп* или *тпа*, 60 из которых равнялись одному таланту. Вся сумма составила 665 миллионов наших денег, но она была явно преувеличена.

Местонахождение серебряных рудников неизвестно; но были открыты золотые рудники Аллаги и другие "месторождения" кварца, а также месторождения меди, свинца, железа и изумрудов, все они находятся в пустыне близ Красного моря; и серой, которой изобилуют в тех же районах, древние египтяне не пренебрегали.

Изобилие золота и серебра в Египте и других древних странах и суммы, о которых сообщается, что они были потрачены, хорошо согласуются с предполагаемой производительностью рудников в те дни; и, поскольку этот предмет представляет особый интерес, возможно, было бы неплохо поинтересоваться количеством и использованием драгоценных металлов в древние времена. В то время они были в основном сосредоточены в сокровищницах князей и некоторых богатых людей; доля, использовавшаяся в коммерческих целях, была небольшой, меди хватало для большинства покупок на внутреннем рынке; и почти все золотые и серебряные деньги (пока еще не отчеканенные) находились в руках немногих состоятельных людей. Изготовление ювелирных изделий и других декоративных предметов занимало небольшую часть огромной массы; но требовалось богатство и привилегии королевской семьи, чтобы позволить себе выставлять напоказ золотые и серебряные вазы или аналогичные предметы по размеру и ценности.

Рудники тех дней, из которых добывались богатства Египта, Лидии, Персии и других стран, давали большой запас драгоценных металлов; и если большинство из них сейчас истощены или едва сохранили следы сокровищ, которые они когда-то приносили, не может быть сомнений в их былой продуктивности; и разумно предположить, что золото и серебро изобиловали в древние времена в тех частях света, которые были впервые заселены, как и в странах, заселенных совсем недавно. Возможно, они никогда и не обладали такими огромными богатствами, как в Калифорнии или Австралии, однако есть свидетельства того, что они были в достаточной степени распространены по различным частям старого света.

Ибо, хотя Геродот (III в., 106) говорит, что в концах земли обладают величайших сокровищ; эти конечностей может приближаться или стать центром, *то есть*, развития цивилизации, когда они придут в то возвышении, которое все великие державы, в свою очередь, кажется, есть шансы на выход; и Великобритания, страна сильно желанный олово, когда-то смотрели как на отделенной от остального человечества, сейчас является одним из коммерческих центров мира. Также настал день, когда Австралия и Калифорния стали соперниками за аналогичное звание; и Англия, место встречи Америки в ее соперничестве с Европой, уступила свою очередь более молодым соперникам.

Наибольшее количество золота и серебра в древние времена добывалось на Востоке; а Азия и Египет обладали изобилием этих металлов. Торговля Колхиды и сокровища Аримаспов и массагетов, поступающие с Уральских (или Алтайских) гор, поставляли много золота в очень ранний период, а индийская торговля отправляла большие запасы в западную Азию. Испания, остров Тасос и другие места посещались финикийцами, в частности, за серебром; а Испания с ее рудниками стала "Эльдорадо" для этих предприимчивых торговцев.

Рудники Восточной пустыни, дань из Эфиопии и Центральной Африки, а также из Азии обогатили Египет золотом и серебром; но это было задолго до того, как Греция (где в героические времена драгоценные металлы были едва известны) получила умеренные запасы серебра из своих собственных рудников; а золото стало там в изобилии только после персидской войны.

Фракия и Македония производили золото, как и другие страны, но ограничивали его своим использованием, как Ирландия использовала продукцию своих рудников; и как это делала ранняя Италия, когда ее различные небольшие государства все еще были свободны от римского ига; и хотя местности, из которых добывали серебро в более древние времена, менее известны, несомненно, что оно использовалось в очень отдаленный период; и (как уже говорилось) оно обычно использовалось во времена Авраама для торговых операций.

Золото упоминается на египетских памятниках 4-й династии, а серебро, вероятно, относилось к тому же раннему времени; но золото, очевидно, было известно в Египте раньше серебра, что согласуется с доводами разума, поскольку золото было легче получить, чем серебро, и часто находилось вблизи поверхности или в ручьях.

Относительная стоимость и количество драгоценных металлов в древнейшие времена в Египте и Западной Азии неизвестны; и даже если в качестве дани было найдено большее количество золота, это не могло быть доказательством того, что серебро было более редким, поскольку могло быть просто предназначено для демонстрации богатства даров. В дани, приносимой Тутмосу III. Южными эфиопами и тремя азиатскими народами, в первых почти нет серебра, зато большое количество золота в кольцах, слитках и пыли. Азиаты из Паунта приносят две корзины золотых колец и одну - золотой пыли в мешочках, золота гораздо меньше, чем эфиопы, и никакого серебра; жители Куфы, или Кафа, больше серебра, чем золота, и значительное количество того и другого делают в вазах красивой и разнообразной формы; а рот-н-н (очевидно, живущий на Евфрате) привозят скорее золота, чем серебра, большую корзину с золотыми и меньшую - с серебряными кольцами, две маленькие серебряные и несколько больших золотых ваз, которые имеют самую изящную форму, а также цветное стекло или другие изделия из него. фарфоровые чашки, много благовоний и битума. В "Великой азиатской дани тому же царю в Карнаке" говорится в одном месте о 100 слитках (или фунтах весом?) золота и серебра, а затем о 401 слитке серебра; но несовершенная сохранность этих записей не позволяет нам установить, сколько было привезено золота или относительные пропорции двух металлов.

М. Леон Фоше, действительно, предположил, что стоимость серебра в некоторых странах первоначально равнялась, если не превышала, стоимости золота... а законы Менеса гласят, что золото стоило в два с половиной раза дороже серебра. ... Повсюду, за исключением Индии, между пятым и шестым веками до нашей эры относительная стоимость золота и серебра составляла 6 или 8 к 1, как это было в Китае и Японии в конце прошлого века. В Греции это было, согласно Геродоту, 13 к 1; впоследствии, во времена Платона и Ксенофонта, и более чем через 100 лет после смерти Александра, как 10 к 1, из-за количества золота, привезенного в результате персидской войны; когда стоимость обоих упала настолько, что во времена Демосфена она была в пять раз меньше, чем при смерти Солона.

Хотя, возможно, невозможно прийти к какому-либо удовлетворительному выводу относительно количества золота и серебра, извлеченных из рудников, использованных в предметах искусства и роскоши или находящихся в обращении в виде денег в Египте и других странах, мы представим несколько фактов, почерпнутых из рассказов древних авторов, касающихся суммы накопленного богатства и целей, для которых использовались эти драгоценные металлы. Мы также покажем некоторые колебания, имевшие место в их поставках в различные периоды, и попытаемся провести сравнение между количеством, которое, как утверждается, использовалось в древние и современные времена.

Когда мы читаем об огромных богатствах, накопленных египетскими и азиатскими царями, или о награбленном Александром и римлянами, мы удивляемся, как столько всего могло быть получено; ибо, даже допуская значительное преувеличение в рассказах о ранних временах, нет причин не верить частным состояниям отдельных лиц в Риме и суммам, растраченным ими, или даже размеру некоторых податей, взимаемых на Востоке. Из древних городов Геродот и другие особенно упоминают Вавилон за его огромное богатство. Диодор (ii. 9) упоминается золотая статуя Юпитера в Вавилоне высотой 40 футов, весом 1000 вавилонских талантов; другая статуя Реи, такого же веса, с двумя львами на коленях, а рядом с ней серебряные змеи по 300 талантов каждая; стоящая статуя Юноны весом 800 талантов, держащая змею и скипетр, усыпанный драгоценными камнями; а также золотой стол весом 500 талантов, на котором стояли две чаши весом 300 талантов и две кадилацы весом по 300 талантов каждая, с тремя золотыми чашами, одна из которых, принадлежащая Юпитеру, весила 1200 талантов, остальные по 600 каждая; что составляет в общей сложности не менее 6900 талантов, что считается равным 55 000 000 долларов. А золотое изваяние Навуходоносора высотой 60 локтей, или 90 футов, при том же соотношении весило бы 2250 талантов, или 17 934 820 долларов.

Давид, у которого не было индийской и арабской торговли, впоследствии приобретенной Соломоном, оставил на строительство храма 100 000 талантов золота и 1 000 000 серебра; и сумма, переданная им из его "собственного имущества", "сверх всего приготовленного для святого дома", составила "3000 талантов золота" и "7000 очищенного серебра"; помимо пожертвований главных людей в размере 500 талантов и 10 000 драхм золота, 10 000 талантов серебра и обилия меди, железа и драгоценных камней.

Ежегодная дань Соломона составляла 666 талантов золота, не считая того, что приносили купцы, и подарка от царицы Савской в размере 120 талантов; а количество золота и серебра, использовавшегося в храме и его доме, было необычайным. Мистер Джейкоб в своей ценной работе о драгоценных металлах обратил внимание на многие из этих огромных сумм, собранных в старые времена. Среди них дань Дария в размере 9 880 талантов серебра и 4 680 золотых, что составляет в общей сложности 14 560, оцениваемых примерно в 37 250 000 долларов; суммы, вывезенные Ксерксом в Грецию; богатство Креса; богатство Пифея, царя

небольшой территории во Фригии, владеющего золотыми и серебряными рудниками, который принимал армию Ксеркса и дал ему 2000 талантов серебра и 4 093 000 статеров золота (что равно 23 850 000 долларов в наших деньгах); сокровища, приобретенные Александром в Сузы и Персия, за исключением того, что было найдено в персидском лагере и в Вавилоне, как говорят, составили 40 000 или 50 000 талантов; сокровища Персеполя оценивались в 120 000 талантов; сокровища Пасагарды - в 6000; и 180 000 талантов, собранных при взятии Экбатаны; помимо 6000, которые были у Дария с собой и были захвачены его убийцами. "Аппиан утверждает, что Птолемей Филадельф обладал сокровищами на огромную сумму в 740 000 талантов"; либо "890 миллионов долларов, или по крайней мере четверть этой суммы"; а состояния частных лиц в Риме показывают, каким огромным богатством они обладали. "У Красса было земель на 8 072 915 долларов, кроме того, еще столько же в деньгах, мебели и рабах; у Сенеки - 12 109 375 долларов; у Палласа, вольноотпущенника Клавдия, равная сумма; у Лентула, авгура, 16 145 805 долларов; Цезарь Исидор, хотя и потерял большую часть своего состояния в гражданской войне, оставил по завещанию 4 116 рабов, 3600 упряжек быков, 257 000 единиц другого крупного рогатого скота и наличными. \$ 2,421,875. Август получил по завещанию своих друзей 161 458 330 долларов. Тиберий оставил после своей смерти 108 984 375 долларов, которые Калигула расточил менее чем за один год; а Веспасиан, вступая в должность, сказал, что для поддержки государства ему требуются *квадригенции миллионов*, или 1 614 083 330 долларов. Долги Мило составили 2 825 520 долларов. Иоанн Цезарь, прежде чем занять какую-либо должность, был должен 1 300 талантов, 1 279 375 долларов; и когда он отправился в Испанию после своего преторства, он, как сообщается, сказал, что "*Bis millies et quingenties sibi deesse, ut nihil haberet*", или "что он был на 10 091 145 долларов хуже, чем ничего". Когда он впервые вошел в Рим, в начале гражданской войны, он взял из казны \$ 5 479 895 долларов и внес в нее в конце 24 218 750 долларов; он купил дружбу Куриона в начале гражданской войны взяткой в размере 2 421 856 долларов и дружбу консула Л. Павла на 1500 талантов, около 1 397 500 долларов; Апиций потратил на роскошную жизнь 2 421 875 долларов; Калигула потратил на ужин 403 625 долларов; а обычные расходы Лукулла на ужин в Зале Аполлона составили 50 000 драхм, или \$ 8070. Дом Мария, купленный у Корнелии за 12 105 долларов, был продан Лукуллу за 80 760 долларов; сожжение его виллы принесло М. Скавр убытки в размере 4 036 455 долларов; а золотой дом Нерона, должно быть, стоил огромную сумму, поскольку Отон потратил на меблировку части его 2 017 225 долларов ". Но хотя Рим значительно обогатился в результате завоеваний, он так и не овладел главным богатством Азии; и наибольшее количество драгоценных металлов всегда исключалось из расчетов древних авторов.

Предполагается, что весь доход Римской империи при Августе "равнялся 200 миллионам наших денег"; а на момент его смерти (14 г. н.э.) золото и серебро, находившиеся в обращении по всей империи, предположительно составляли 1 790 000 000 долларов; что при уменьшении на 1 гран из 360 ежегодно в связи с износом сократилось бы к 482 году н.э. до 435 165 495 долларов; а когда в VII и IX веках начали разрабатывать рудники Венгрии и Германии, все количество чеканенных монет, находившихся в обращении по всей империи, составляло 1 790 000 000 долларов. в первый период количество денег составляло не более 42 миллионов долларов, а во второй - 165 или 170 миллионов долларов; так что, если бы не было получено другого предложения, количество, находившееся тогда в обращении, давно было бы исчерпано.

"Потери серебра от износа", как показывает м-р Джейкоб, "в четыре раза превышают потери золота"; на наши деньги они оцениваются более чем в одну сотую часть ежегодно; и "чем мельче монеты, тем большие потери они несут от истирания". "Максимальная долговечность

золотых монет, по-видимому, установлена на уровне 22 частей из 24 чистого золота с соответствующими сплавами. Когда тонкость повышается или понижается с этой точки, расход на истирание увеличивается".

Именно из-за своей пластичности золото изнашивается намного меньше серебра; и многие древние золотые монеты (например, Александра и других), хотя и явно изношены при использовании, почти сохраняют свой истинный вес, поскольку поверхность частично переносится в прилегающие углубления, а не стирается полностью, как у серебра.

Количество драгоценных металлов, ранее использовавшихся для предметов роскоши, значительно уменьшилось после упадка Римской империи, и в средние века они использовались редко, за исключением чеканки монет; декоративные работы из золота и серебра, выполненные в основном первоклассными художниками, были доступны только людям высокого ранга, пока открытие новых рудников не пополнило их предложение; впоследствии оно было увеличено за счет обильных сокровищ Америки; и количество, применяемое для декоративных целей, тогда начало соперничать с количеством, использовавшимся в старину.

М. Леон Фоше даже подсчитал, что ежегодное изъятие драгоценных металлов из обращения в Европе и Соединенных Штатах за счет использования для предметов роскоши, катастроф на море и экспорта составляет 25 миллионов долларов.

Серебро с американских рудников, экспортируемое в Европу в течение 100 лет, до 1630 года, давало прибавку к валюте на 5 миллионов долларов ежегодно, помимо того, что использовалось для других целей или реэкспортировалось; а с 1630 по 1830 год - с 7½ до 10 миллионов ежегодно; произошло увеличение количества, используемого в качестве валюты, а также экспортируемого в Индию и используемого для предметов роскоши.

Гумбольдт утверждает, что общее количество золота из американских рудников до 1803 года составляло 162 миллиона фунтов весом, а серебра - 7 178 миллионов, или 44 серебра к 1 золоту.

Опять же, общая стоимость золота, добытого за три столетия до 1848 года, включая золото, добытое в России, оценивается в 2 825 000 000 долларов; а общее годовое количество золота до открытия калифорнийских месторождений оценивалось примерно в 50 000 000 долларов. Это из Калифорнии и Австралии уже составляет ежегодно 170 000 000 долларов (или в 3,2/5 раза больше, чем было получено ранее) и продолжает увеличиваться; но, хотя предложение намного превышает предложение, обеспеченное открытием Америки, спрос, предъявляемый к нему современной промышленностью человека, вместе с эффектом быстрого сообщения и расширения торговли, а также из-за большого дефицита золота в мире, не позволит ощутить его действие таким же образом, как при первом получении американского предложения; и еще меньшим будет эффект сейчас, чем это было бы в древние времена, если бы такое большое и внезапное затем было сделано открытие. Ибо, как говорит Шевалье, "Каким бы огромным ни было все количество золота в мире, оно становится незначительным по сравнению с совокупным продуктом других отраслей человеческой промышленности. Если они растут так же быстро, как золото, в его стоимости практически не произойдет изменений; это зависит от соотношения между ним и годовым производством других богатств".

Согласно другому расчету, предполагается, что все золото, имеющееся сейчас в мире, равно примерно 3 410 000 000 долларов; но полное количество любого из двух драгоценных металлов в прежние времена установить нелегко, и невозможно провести какое-либо

определенное сравнение между их прежней и нынешней стоимостью. И еще в меньшей степени в Египте, чем в Греции и Риме, поскольку ни из цен на тамошние товары, ни из каких-либо других способов определения стоимости золота и серебра невозможно получить стандарт расчета.

СНОСКИ:

21. На этой трапезе, вопреки обычаю, присутствовали женщины.

22. Согласно преданию, многие македонцы были убиты персами, которые хватали их за длинные бороды и поваливали на землю. В результате Александр приказал своим войскам побриться во время битвы.

ДОМАШНЯЯ УТВАРЬ.

Содержание

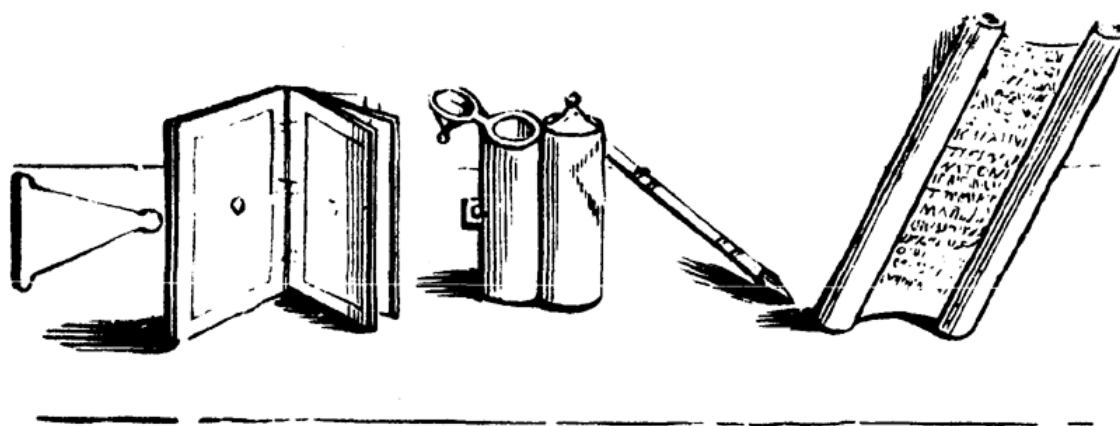
Огромное количество и разнообразие статуй, ламп, урн, предметов домашнего обихода из металла или фаянса и т.д., обнаруженных в Геркулануме и Помпеях, сделали Неаполитанский музей неисчерпаемой сокровищницей информации, касающейся частной жизни древних. Адекватное описание богатства и разнообразия его содержания намного превысило бы весь объем этой работы, а тем более то небольшое пространство, которое она может занять; но это пространство не может быть занято лучше, чем описанием нескольких предметов, представляющих интерес благодаря изобретательности их конструкции, красоте их изготовления или их способности иллюстрировать древние обычаи или древних авторов.

Письменные принадлежности относятся к числу наиболее важных из последнего класса, поскольку о них постоянно упоминают, а также из-за того влияния, которое сравнительная легкость или трудность изготовления копий письменных принадлежностей всегда оказывает на общество. В этой главе нет недостатка в информации. Используемые орудия часто упоминаются, особенно в известных произведениях, таких как письма Цицерона, и их формы были сносно установлены по различным фрагментам древних картин.

Вряд ли есть необходимость утверждать, что для рукописей любого объема, которые предназначались для сохранения, использовались пергамент или пергаментная бумага, а также растительная ткань, изготавливаемая из тростникового *папируса*. Стебель этого растения состоит из ряда тонких концентрических слоев, которые, будучи аккуратно отделенными, наклеивались крест-накрест один на другой, подобно основе и гав в тканых изделиях, так что волокна шли продольно в каждом направлении и оказывали в каждом одинаковое сопротивление насилию. Затем поверхность полировалась ракушкой или каким-либо твердым гладким веществом. В качестве чернил использовалась простая черная жидкость, не содержащая протравы для придания ей стойкости, так что надпись легко стиралась губкой. Длина греческих папирусов, как говорят, варьируется от восьми до двенадцати дюймов; латинские часто достигают шестнадцати; надписи выполнены столбцами, расположенными под прямым углом к длине свитка.

К каждому из них прилагается своего рода талон, который служил заголовком. Поэтому конец свитка, или тома, назывался *frons* - термин, часто встречающийся у Овидия и Марциала и не всегда правильно понимаемый. Следовательно, также, когда мы встречаемся с выражением, *gemina frons*, мы должны понимать, что у тома было по билету на каждом конце. Эти книги также состояли из двух таблиц или страниц и служили для записок, писем и других записей, не предназначенных для сохранения. Они состояли из листов дерева или металла, покрытых воском, на которых древние писали *стилусом*, или, скорее, железным пером, поскольку это был твердый заостренный инструмент длиной от 6 до 8 дюймов, похожий на дамский стилет в больших масштабах. В середине каждого листа, по-видимому, находилась кнопка, называемая *umbilicus*, предназначенная для предотвращения соприкосновения страниц при закрытии и стирания букв, нанесенных на податливый воск.

Представленные здесь таблички можно было бы назвать двойными, поскольку они состоят только из двух листочков; на следующем разрезе можно увидеть другой сорт, состоящий из нескольких листочков, соединенных сзади шарнирами или кольцами. На латыни они назывались *tabulæ* или *tabellæ*, а эпитеты "двойные", "тройные", "пятеричные" служили для обозначения количества листьев.

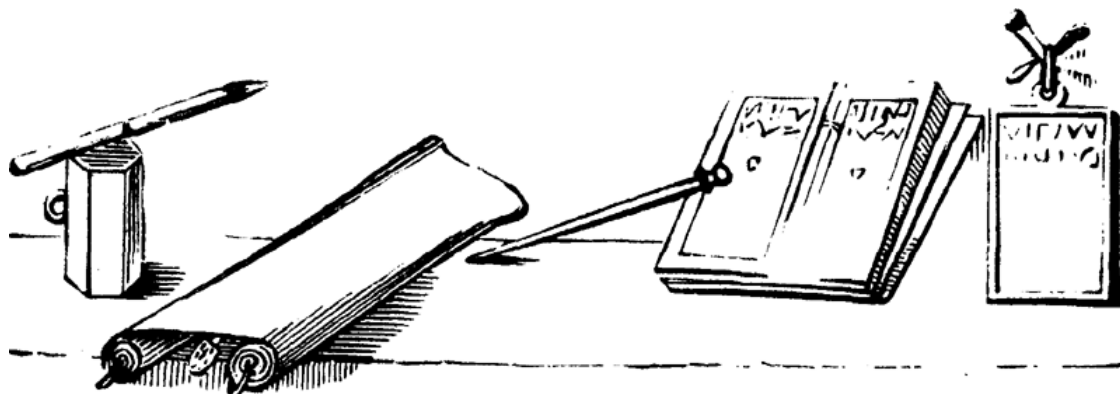

ТАБУЛЫ, АИР И ПАПИРУС.

Рядом с ними стоит двойная чернильница, предназначенная, вероятно, для хранения как черных, так и красных чернил. Первый был сделан либо из ламповой сажи, либо из какого-либо другого вида древесного угля, либо из каракатицы и назывался *atramentum*. Поскольку он не содержал протравы и легко стирался влагой, его можно было использовать для письма на табличках из слоновой кости; и было высказано предположение, что некоторые сорта бумаги покрывались моющим средством или лаком, чтобы облегчить удаление старых надписей и сделать бумагу пригодной для повторного использования. Красные чернила готовили из киновари. Тростинка с заостренным концом, которая лежит рядом с чернильницей, является инструментом, используемым для письма чернилами перед использованием перьев. Он назывался *air*. Открытый папирус объясняет, как читались рукописи, свернутые с обоих концов так, чтобы показывать только ту колонку текста, над которой был сосредоточен ученик. С другой стороны находится сумочка или мешочек для хранения трости, перочинного ножа и других письменных принадлежностей.

Следующий разрез представляет собой, помимо набора перевязанных табличек, еще одну, висящую на гвозде. Такими, вероятно, были те, что были подвешены в Эпидавре и содержали снадобья, с помощью которых вылечивались больные, прочтением которых Гиппократ, как говорят, воспользовался при составлении своих медицинских трудов. Помимо папируса, подобного описанному, в нем также находится шестиугольная

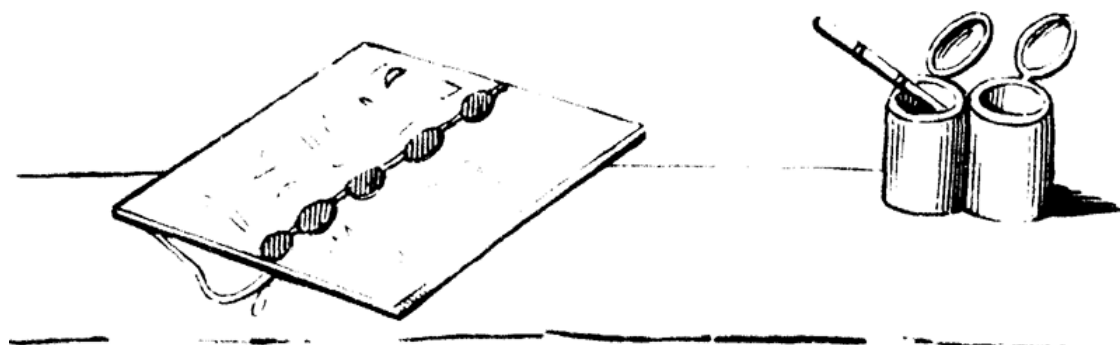
чернильница с кольцом для продевания пальца, на котором лежит инструмент, напоминающий тростинку, но отсутствие узлов указывает на то, что это перо. Другой из этих инструментов прислонен к раскрытой книге.

ТАБЛИЦЫ, СТИЛО И ПАПИРУС.

Они были сделаны из всевозможных материалов; иногда из драгоценных металлов, но обычно из железа, и при случае могли быть превращены в грозное оружие. Именно своим пером цезарь ранил Каску в руку, когда на него напали в сенате его убийцы; и Калигула нанял кого-то, чтобы казнить сенатора теми же инструментами.

Во времена правления Клавдия женщин и мальчиков обыскивали, чтобы выяснить, есть ли стилусы в их пеналах. Таким образом, укол пером - это не просто метафорическое выражение. Таблички, подобные тем, что представлены здесь, были ежедневниками, или бухгалтерскими книгами. Когда они заполнялись или когда надпись на них становилась бесполезной, воск разглаживался, и они снова были готовы для другого использования.

ТАБУЛЫ И ЧЕРНИЛЬНИЦА.

На картинке выше, помимо чернильницы, изображена открытая книга. Тонкость и желтоватый цвет листьев, перевязанных лентой, указывают на то, что они были сделаны из пергамента.

БИБЛИОТЕКИ И ДЕНЬГИ.

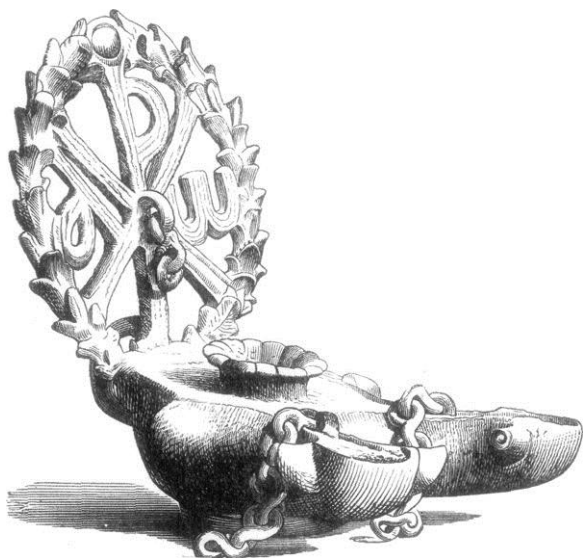
Ниже находится цилиндрическая коробка, называемая *scrinium* и *capsa*, или *капсула*, в которой рукописи были размещены вертикально, названия вверх. Катулл извиняется перед Манлием за то, что не прислал ему требуемых стихов, поскольку у него была с собой только одна коробка с его книгами. Очевидно, что таким образом в небольшом пространстве могло быть размещено большое количество томов; и это, возможно, объясняет малочисленность древних библиотек — по крайней мере, тех помещений, которые считаются таковыми. Рядом с коробкой лежат две таблички, которые, судя по мешочку с деньгами и разбросанным повсюду монетам, вероятно, использовались для подсчета денег.

В Помпеях не было найдено ни одного совершенного папируса, а только фрагменты. В Геркулануме до 1825 года было добыто 1756 экземпляров, не считая многих других, уничтоженных рабочими, которые вообразили, что это просто куски древесного угля. Большинство из них было найдено на загородной вилле, в комнате небольших размеров, заставленной по бокам шкафами, в центре которых стояло нечто вроде прямоугольного книжного шкафа.

Сэр Хамфри Дэви, исследовав их химическую природу, пришел к выводу, что они не обуглились под действием тепла, а изменились под длительным воздействием воздуха и влаги; и он посетил Неаполь в надежде использовать химические ресурсы для расшифровки этих давно утраченных литературных сокровищ. Его ожидания, однако, не увенчались полным успехом, хотя частичная эффективность его методов была установлена; и по истечении шести месяцев он отказался от преследования, частично из-за разочарования, частично из-за уверенности, что досадные препятствия были воздвигнуты на его пути завистью лиц, которым была доверена задача развертывания. Около пятисот томов были хорошо и аккуратно развернуты. Весьма примечательно, что, насколько нам известно, не было найдено ни одной рукописи какого-либо известного стандартного произведения, как, впрочем, и какого-либо произведения кого-либо из великих светил древнего мира.

Самым знаменитым человеком, о котором были найдены какие-либо работы, является Эпикур, чей трактат "*О природе*" был успешно развернут. Этот и несколько других трактатов были опубликованы. Библиотека, в которой это было найдено, по-видимому, была богата трактатами по эпикурейской философии. Единственным произведением на латыни, которое в нем содержалось, была поэма, приписываемая Рабирию, о войне Цезаря и Антония.

Был найден любопытный литературный памятник в форме календаря. Он высечен на квадратном мраморном блоке, на каждой стороне которого перпендикулярными столбцами обозначены три месяца, каждый из которых возглавляется соответствующим знаком зодиака. Предоставленную информацию можно разделить на три категории: астрономическую, сельскохозяйственную и религиозную. Первый начинается с названия месяца; затем следует количество дней; затем ноны, которые в восемь месяцев в году выпадают на пятый день и поэтому назывались квинтанами, в других — на седьмой и, следовательно, назывались септиманами. Иды не упоминаются, потому что между ними и нонами всегда проходило семь дней. Также указано количество часов в дневное и ночное время, причем составная часть обозначается обычными цифрами, дробная - буквой S для полутонов, половиной и маленькими горизонтальными линиями для четвертей. Наконец, назван знак зодиака, в котором находится солнце, и определены дни равноденствий и летнего солнцестояния; что касается зимнего солнцестояния, то мы читаем: *Hiemis initium*, начало зимы. Далее календарь переходит к сельскохозяйственной части, в которой фермеры напоминают об основных операциях, которые необходимо выполнить в течение месяца. Она завершается религиозной частью, в которой, помимо указания бога, под опекой которого находится месяц, отмечаются религиозные праздники, которые в него входят, и предостерегается земледелец от пренебрежения поклонением тем божествам, от благосклонности и защиты которых, как предполагается, в основном зависит успех его трудов.

ЗОЛОТАЯ ЛАМПА. (Найдена в Помпеях.)

Нет более распространенных предметов древнего изготовления, чем лампы. Они встречаются во всем разнообразии форм и размеров, из глины и металла, от самых дешевых до самых дорогостоящих. Большую и красивую золотую лампу, найденную в Помпеях в 1863 году, можно увидеть в помпейском зале музея в Неаполе. У нас есть свидетельство знаменитого антиквара Винклмана об интересе к этому предмету. "Я помещаю среди самых любопытных предметов утвари, найденных в Геркулануме, лампы, в которых древние стремились продемонстрировать элегантность и даже великолепие. В музее в Портичи можно найти лампы всех видов, как из глины, так и из бронзы, но особенно из последней; и поскольку орнаменты древних обычно имеют какое-то отношение к каким-то конкретным вещам, мы часто встречаемся с довольно примечательными предметами. Значительное количество этих предметов можно найти в Британском музее, но в основном они относятся к

разряду обычных. Однако все работы, описывающие Геркуланум и Помпеи, представляют нам образцы более богатого и примечательного класса, которые вызывают восхищение как красотой исполнения, так и причудливым разнообразием рисунков. Мы можем перечислить несколько из них, которые встречаются в находящемся сейчас перед нами произведении "Antiquites d'Herculanum", в котором мы находим Силена с обычными особенностями фигуры, несколько преувеличенными, приписываемыми веселому богу, и сову, сидящую у него на голове между двумя огромными рогами, которые поддерживают подставки для ламп. Другой изображает стебель цветка, растущий из круглого постамента, с которого на маленьких цепочках свисают раковины улиток, на которых держатся масло и фитиль; ствол дерева с подвешенными к ветвям лампами; другой - обнаженного мальчика прекрасной работы, с лампой, свисающей с одной руки, и инструментом для ее обрезки - с другой, причем сама лампа представляет собой театральную маску. Рядом с ним находится витая колонна, увенчанная головой Фавна или Вакханки, которая имеет крышку в короне и, по-видимому, предназначена для хранения масла. Мальчик и пиллар оба помещены на квадратное плато, поднятое на львиных когтях. Но какими бы прекрасными ни были эти лампы, свет, который они давали, должно быть, был слабым и неустойчивым и немногим превосходил свет обычных старомодных ламп, с которыми они в принципе идентичны. Фитиль представлял собой всего лишь несколько скрученных нитей, протянутых через отверстие в верхней поверхности сосуда для масла, и не было стекла, которое удерживало бы свет и не позволяло бы ему колебаться при каждом дуновении ветерка.

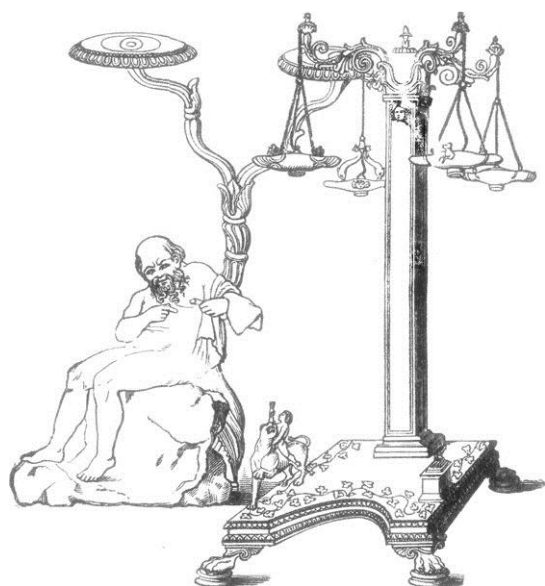

КАНДЕЛЯБР Или ПОДСТАВКА ДЛЯ ЛАМПЫ.

И все же, хотя римляне не продвинулись так далеко в искусстве, чтобы использовать в своих лампах стеклянные дымоходы и полые круглые фитили, они испытывали неудобства, возвращаясь домой ночью через плохо вымощенный, охраняемый и освещенный город, и, соответственно, вскоре изобрели фонари, чтобы удовлетворить эту потребность. Они, как мы узнаем от Марциала, у которого есть несколько эпиграмм на эту тему, были сделаны из рога или мочевого пузыря: мы полагаем, что нигде не упоминается о том, что при этом использовалось стекло. Перед богатыми шел раб, несущий их фонарь. Цицерон упоминает об этом как о привычке Катилины во время его ночных вылазок; и когда месье Антония обвинили в позорной интриге, его фонащика пытали, чтобы вынудить признаться, куда он привел своего хозяина. Одна из таких машин, отличавшаяся значительной изобретательностью и красотой изготовления, была найдена в Геркулануме, а другая, почти

точно такая же, - в Помпеях несколько лет спустя. По форме он цилиндрический, с полусферическим верхом, и изготовлен из листовой меди, за исключением двух основных частей, которые отлиты. Дно состоит из плоской круглой медной пластины, поддерживаемой тремя шариками и загнутой вверх по всему ободу, из которого поднимаются прямоугольные опоры, поддерживающие верхнюю часть рамы. Верх и низ были дополнительно соединены внутренними стойками, между которыми были размещены пластины из рога или стекла, закрепленные сверху и снизу двойными медными накладками. Рог был наиболее распространенным веществом, используемым для передачи света, но также использовались пузырь и другие мембраны. В центре фонаря видна маленькая лампа. Крышка имеет полусферическую форму и поднимается вверх и вниз: в ней проделаны отверстия для поступления воздуха, и, кроме того, на ней нанесены символы NBVRTI-CATIS. Они были истолкованы как Tiburti Cati Sum или Tiburti Cati S. (эврус), что указывает на то, что оно принадлежало Кату или что его должен был нести его раб ".

Одним из самых элегантных предметов мебели в древности были канделябры, под которыми мы подразумеваем те высокие и стройные подставки, которые служили для поддержки лампы, но были независимы от нее и никак с ней не связаны. В своей первоначальной и простой форме они представляли собой простые тростинки или прямые палочки, закрепленные крестьянами на ноге, чтобы поднимать свет на удобную высоту; по крайней мере, такая теория их происхождения согласуется с тем, что нам рассказывают о деревенских нравах ранних римлян, и это в некоторой степени подтверждается способом изготовления многих древних канделябров. Иногда стебель изображают выбрасывающим почки; иногда это палка, боковые ветви которой были грубо обрублены, оставив выступы там, где они росли; иногда это подобие тростника, стебель разделен на суставы. Большинство из тех, что были найдены в погребенных городах, сделаны из бронзы, несколько - из железа. В их общем плане и внешнем виде наблюдается большое сходство, хотя детали украшений допускают бесконечное разнообразие. Все они стоят на трех лапах, обычно с когтями грифона или льва, которые поддерживают легкое древко, простое или рифленое в соответствии с фантазией изготовителя. Все это поддерживает либо цоколь, достаточно большой, чтобы на нем могла стоять лампа, либо розетку для восковой свечи, которую римляне иногда использовали вместо масла при освещении своих комнат. У некоторых из них есть выдвижная ручка, как у пюпитра, с помощью которой лампу можно поднимать или опускать по своему усмотрению.

КАНДЕЛЯБРЫ Или ПОДСТАВКИ ДЛЯ ЛАМП.

Одна из тех элегантных настольных ламп, с восхваления которых началось настоящее обсуждение, представлена на прилагаемой табличке. Вместе с подставкой ее высота составляет три фута. На прямоугольном постаменте возвышается прямоугольная колонна, увенчанная причудливой капителью. На передней стороне колонны изображена маска вакханки с тонкими чертами лица и длинными распущенными волосами, а на противоположной стороне - голова быка с греческим словом Βυσσανιον. Из крайних точек абакса выступают четыре декоративные ветви, красиво отделанные; лампы, которые сейчас свисают с них, хотя и тоже древние, не принадлежат подставке и не были найдены вместе с ней. Они почти одинаковы по рисунку, но различаются по размеру. Три из них украшены различными животными, четвертый простой. Каждый из концов одного из них выполнен в виде раковины. Вверху на высоком рельефе изображены два орла с молнией Юпитера в когтях. На другом изображены две головы быка, на третьем - две головы слона, выступающие по бокам. Последний подвешен двумя дельфинами вместо обычно используемых цепей, хвосты которых соединены и прикреплены к небольшому шарiku и кольцу. Столб расположен не в центре, а на одном конце цоколя, как это имеет место почти в каждом светильнике такого типа, который пока что найден. Полученное таким образом пространство, возможно, служило подставкой для масляной вазы, используемой при отделке ламп. Цоколь красиво покрыт дамаском или инкрустацией в виде виноградной лозы, листья которой сделаны из серебра, а стебель и плоды - из блестящей меди. С одной стороны - алтарь с дровами и огнем на нем; с другой - обнаженный Вакх с густыми волосами, заплетенными в косы и перевитыми плющом. Он едет верхом на тигре, и его левая рука держит поводья, которые, вероятно, разрушило время; правой он поднимает рог для питья. Качество изготовления этой лампы отличается исключительной деликатностью во всех ее деталях.

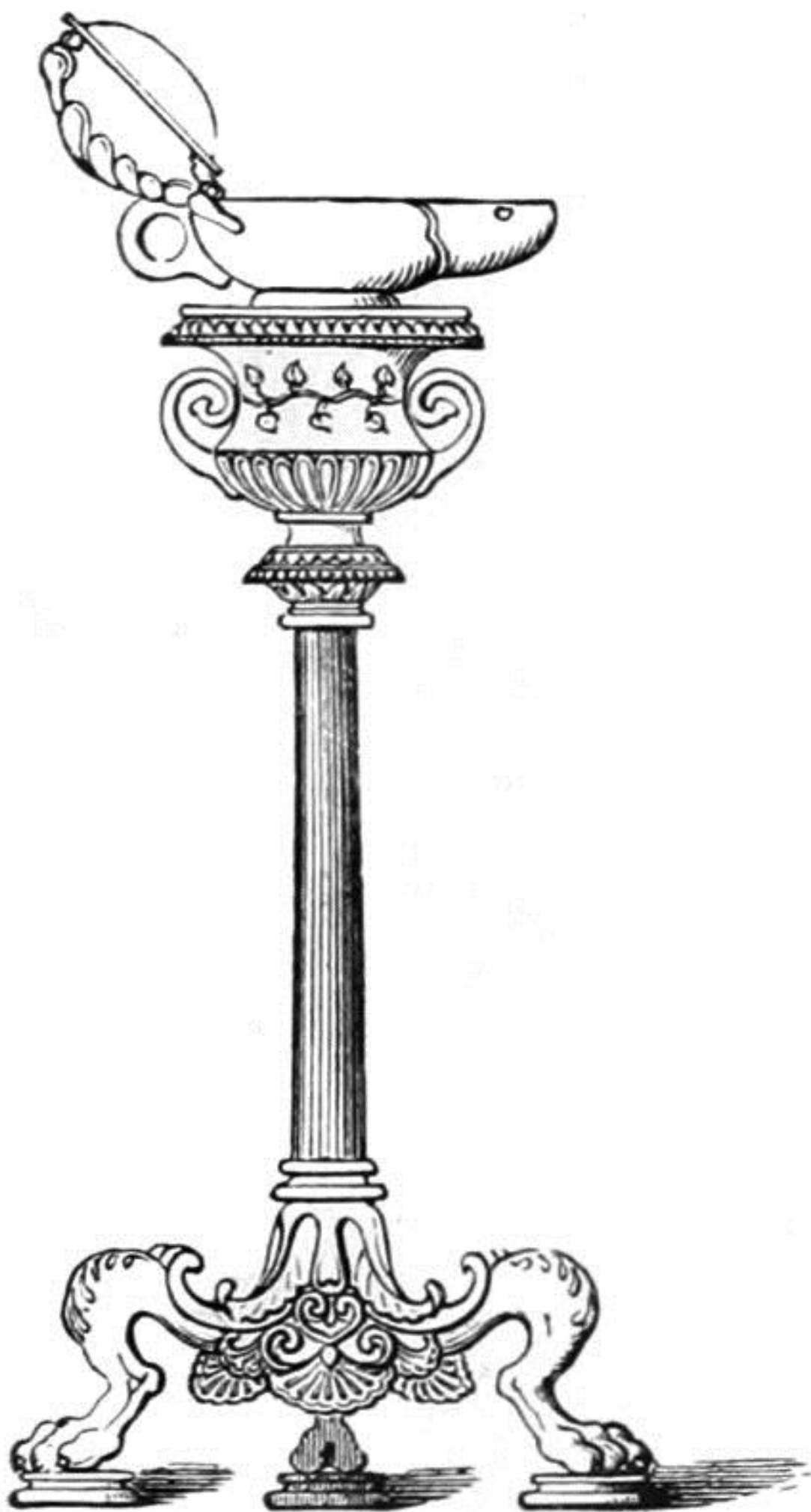
Прежде чем мы оставим эту тему, нам следует обратить внимание еще на один канделябр, который по простоте дизайна и изяществу исполнения вряд ли превзойдет какой-либо другой канделябр из неаполитанской коллекции. Стебель состоит из лилейного растения, разделенного на две ветви, каждая из которых поддерживает плоский диск, который может представлять цветок, на который была установлена лампа. В основании находится бронзовая глыба, придающая устойчивость всему сооружению, на которой восседает Силен, усердно пытающийся перелить вино из бурдюка, который он держит в левой руке, в чашу, которую держит в правой. На этой фигуре все отличительные черты спутника и наставника Бахуса выражены с большим мастерством; заостренные уши, козлиный хвост, лохматая кожа, плоский нос и достаточно округлое тело не оставляют у нас сомнений относительно того, кого предполагалось изобразить. Голова, особенно, достойна восхищения, как с точки зрения мастерства исполнения, так и с точки зрения выразительности.

Среди греческой домашней утвари мы также рассматриваем изделия из лозы, которые часто встречаются на античных картинах. Калатос, корзина для хранения шерсти (используемой для ткачества и вышивки), а также цветов и фруктов, часто встречается на вазописях, иллюстрирующих жизнь греков. Еще во времена Гомера корзины, вероятно, круглые или овальные, использовались во время еды для хранения хлеба и сдобы. У них были низкие края и ручки. Канеон также использовался при подношениях, когда его наполняли гранатами, ветками остролиста и лентами. В Панафинейе благородные афинские девушки несли на головах такие корзины, наполненные священными лепешками, благовониями и ножами. Эти изящные фигуры были излюбленным предметом античной скульптуры. И Поликлит, и Скопас создали знаменитую канефору — первый из бронзы, второй из мрамора. Была также плоская

корзина, используемая в основном для переноски рыбы, похожая на ту, что в наши дни используют рыбаки на юге. Другие корзины, используемые крестьянами, часто появляются на старинных картинах, в оригинале крестьянин несет их на палке через плечо вместе с другой корзиной той же грушевидной формы, взятой с барельефа, изображающего сбор винограда, на котором первая кажется наполненной виноградом, в то время как вторую мальчик наполняет суслом. В то же время это доказывает знание греками искусства изготовления корзинок, достаточно плотных для удержания жидкостей. Тот же факт подтверждается отрывком из Гомера, в котором Полифем позволяет молоку сворачиваться в сыр в корзинках, который затем помещается на решетку, через которую медленно стекает сыворотка. Из сплетенного тростника, или прутьев, состояла также своеобразная сеть, образец которой можно увидеть на оборотной стороне медали, отчеканенной при императоре Макрине, как эмблема приморского города Византия.

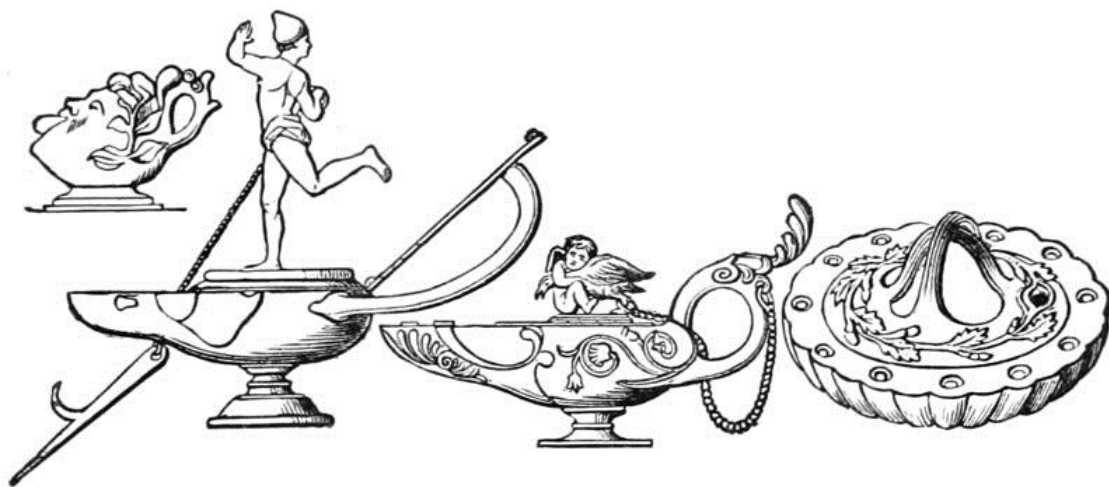
Во времена Гомера для освещения и обогрева помещения использовались огненные корзины, или тазы для камина, которые стояли на высоких шестах и подпитывались сухими поленьями или щепками. Служанки время от времени убирали золу и подбрасывали ее в огонь. Такие корзины для костра на шестах до сих пор используются ночными путешественниками на Юге России и на ночных церемониях в Индии. Использование сосновых факелов столь же древнее. Они представляли собой длинные тонкие палочки из соснового дерева, связанные вместе корой, тростником или папирусом. Кора виноградной лозы также использовалась для изготовления факелов, называемых лофис. Золотые статуи на пьедесталах в зале Алкинооса, несомненно, держали в руках такие факелы. На вазописях мы также видим факел другой формы, который несут в основном Деметра и Персефона, состоящий из двух кусков дерева, прикрепленных крест-накрест к посоху. Имитацией этого деревянного факела, несомненно, был футляр для факела, сделанный из глины или металла в форме сальпинкса. Его поверхность была либо гладкой, либо выполненной в имитации связок палочек и коры деревянного факела, а внутренняя часть была заполнена смолистыми веществами.

ТОРШЕР.

Дата появления масляных ламп в Греции не может быть установлена с точностью; они были известны еще во времена Аристофана. Они были сделаны из терракоты или металла, и их конструкция напоминает те, что использовались римлянами. В основном это закрытые полукруглые формы с двумя отверстиями: одно в центре для заливки масла, другое - в выступе в форме носика, предназначенном для размещения фитиля. Среди небольшого количества сохранившихся до нас греческих ламп мы выбрали несколько наиболее изящных экземпляров, один из них демонстрирует обычную форму лампы. Некоторые сделаны из глины, последние окрашены в различные цвета. Афиняне также использовали фонари, сделанные из прозрачного рога, и освещались масляными лампами. Ночью их носили по улицам подобно факелам. Искры, бережно хранимые под пеплом, служили и грекам, и римлянам для разжигания огня. Однако у древних был осветительный прибор, состоящий из двух кусков дерева, один из которых вдавливался в другой, подобно буравчику, при трении возникало пламя. Согласно Феофрасту, для этой цели обычно использовалась древесина ореха или каштана.

Улица, идущая от Храма Фортуны к Форуму, называемая Улицей Форума в Помпеях и являющаяся продолжением улицы Меркурия, собрала необычайно богатый урожай разнообразной утвари. Длинный список их приведен сэром У. Геллом, согласно которому было найдено не менее двухсот пятидесяти маленьких бутылочек из некачественного стекла и множество других изделий из того же материала, приводить подробности которых было бы утомительно.

СТАРИННЫЕ ЛАМПЫ.

Также были найдены мраморная статуя смеющегося фавна, две бронзовые фигурки Меркурия, одна высотой три дюйма, другая - четыре дюйма, и статуя женщины высотой девять дюймов, а также множество бронзовых ламп и подставок. Мы можем добавить вазы, чаши с ручками, патеры, колокольчики, упругие пружины, петли, пряжки для сбруи, замок, чернильницу и стригало; золотые серьги и серебряную ложку; овальный котел, кастрюльку, форму для выпечки и гирьку из алебаstra, используемую при прядении, с оставшейся осью из слоновой кости. Завершает каталог свинцовая гирька, сорок девять ламп из обычной глины, украшенных масками и животными, сорок пять ламп с двумя фитилями, три шкатулки с прорезью для хранения денег, в одной из которых были найдены тринадцать монет Тита,

Веспасиана и Домициана. Среди обнаруженных наиболее любопытных вещей были семь глазурованных тарелок, упакованных в солому. Также были обнаружены семнадцать терракотовых ваз без прикрас и семь глиняных блюд, а также большой пестик и ступка. Говорят, что весы и стальной завод, которые мы привели, были найдены в одно и то же время. На балке сталелитейного завода нанесены римские цифры от X. до XXXX.; для деления между каждым X. была поставлена буква V; также отмечены деления меньшего размера. Надпись

ИМП. ВЕЧЕР. СРЕДНЕЕ ЗНАЧЕНИЕ. IIХ.

T. IMP. AVG. F. VI. C.

ТОЧНАЯ ДАТА. В. СТОЛИЦЕ.

ВЕСЫ И ГИРИ

что переводится так: "В восьмое консульство императора Августа Веспасиана и в шестое - Тита, императора и сына Августа. Доказано в Капитолии. Это свидетельствует о большой осторожности, проявленной для обеспечения строгого единообразия мер и весов, используемых по всей империи; дата соответствует 77 году нашей эры, всего за два года до великого извержения вулкана. Найденный стальной склад также был снабжен цепями и крюками, а также номерами до XXX. Другая пара весов имела две чашки с гирькой на стороне, противоположной взвешиваемому материалу, для более точной оценки дробного веса; древние называли эту гирьку лигулой и экзаменом.

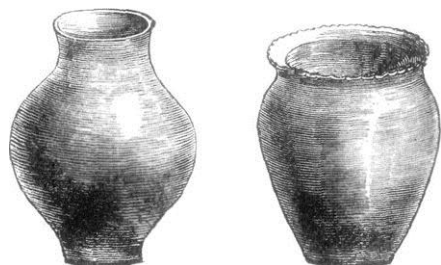
Гелл сообщает нам, что здесь был найден скелет помпейца, "который, по-видимому, ради шестидесяти монет, маленькой тарелки и серебряной кастрюльки оставался в своем доме до тех пор, пока улица не была уже наполовину заполнена вулканическим веществом". Его нашли как будто в момент побега из окна. Двое других были найдены на той же улице.

Лавки на улице с северной стороны Храма Августа, скорее всего, снабжали пирующих лакомствами; и она получила название Улицы сухофруктов из-за большого количества изюма, инжира, слив и каштанов, фруктов нескольких сортов, консервированных в стеклянных вазах, конопляного семени и чечевицы. Однако сейчас она более известна как Улица Августалов. В магазинах были обнаружены весы, деньги, формы для выпечки и хлеба, а также бронзовая статуя Славы, маленькая и изящно выполненная, с золотыми браслетами на руках.

У северного входа в здание на пилястре было написано имя ЦЕЛЬСВМ; рядом с ним в шкатулке были найдены золотое кольцо с вставленным в него гравированным камнем, сорок одна серебряная монета и тысяча тридцать шесть медных монет.

Следующая группа сосудов, хотя и почти лишена украшений и, вероятно, относится к самому обычному классу, даст нам некоторое представление о посуде для приготовления пищи римлян. Одна из самых знаменитых ваз в неаполитанской коллекции была найдена с бронзовым кувшином внутри; а на самой вазе была изображена жертвенная роспись, изображающая священника, совершающего возлияние из вазы с кувшином.

Керамика в древние времена обычно была гораздо более декоративной, чем в настоящее время, хотя часто случалось, что ее орнаменты доставляли неудобства и просто загромождали сосуды; в наш практичный век удобству и полезности придается большее значение, чем красоте. Даже их обычные сосуды не лишены определенной степени элегантности, как по форме, так и по мастерству изготовления.

СОСУДЫ. (Из Помпей.)

Было найдено большое количество глиняных ваз, из которых следующая является очень красивым образцом. Выступ и основание выполнены в любимом стиле оволо; корпус имеет два ряда рифлений, разделенных поперечной полосой, украшенной листьями, и лебедем в центре. Горлышко вазы раскрашено, и на каждой стороне изображен один и тот же сюжет. Она представляет собой колесницу, запряженную четырьмя скачущими во весь опор животными, которые кажутся промежуточными между тиграми и пантерами. Крылатый гений направляет их левой рукой, в то время как правой он подстегивает их копьём.

Другая крылатая фигура, идущая впереди квадриги, с тирсом в левой руке, пытается схватить за уздечку одно из животных. Все это выкрашено в белый цвет на черном фоне, за исключением нескольких деталей, которые окрашены в желтый цвет, а автомобиль и мантия гения - в красный. Ручки представляют собой завязанные узлом шнуры или переплетенные

гибкие ветви, которые заканчиваются головами животных. Эта ваза сильно потрескалась, вероятно, из-за сильного пожара.

Было найдено несколько сосудов для питья необычной конструкции, которые заслуживают особого описания. Они имели форму рога, примитивного сосуда для питья, и обычно имели отверстие на конце, которое закрывалось пальцем до тех пор, пока пьющий, подняв его ко рту, не позволял напитку вытекать струйкой из отверстия.

СОСУД ДЛЯ ПИТЬЯ.

Этот метод употребления алкоголя, который до сих пор практикуется в некоторых частях Средиземноморья, должен требовать большого мастерства, чтобы точно попасть в цель. Иногда отверстие на кончике закрывали, и сбоку прикрепляли одну или две ручки, и тогда основание образовывало рот; а иногда прихотливая фантазия гончара придавала ему форму головы свиньи, оленя или любого другого животного. В одном из Неаполитанских музеев есть голова орла с ушами человека.

Эти вазы обычно изготавливаются из глины, но, несмотря на дешевизну материала, по их хорошему мастерству видно, что они были сделаны не самыми низкими мастерами.

Ученые, по-видимому, в целом заблуждались относительно изготовления стекла у древних, которые, по-видимому, были гораздо более искусны, чем предполагалось. Обширной коллекции бутылок, ваз, бокалов и другой утвари, обнаруженной в Помпеях, достаточно, чтобы показать, что древние были хорошо знакомы с искусством выдувания стекла.

Нет никаких сомнений в том, что римляне владели стеклом в достаточном количестве, чтобы использовать его для украшения дома. Судя по рассказу Плиния, сырье подверглось двум сплавлениям; при первом оно превратилось в грубую массу, называемую аммонитрумом, которая снова была расплавлена и превратилась в чистое стекло. Нам также рассказывают о стекле темного цвета, напоминающем обсидиан, в достаточном количестве, чтобы его можно было отливать в цельные статуи.

Плиний упоминает, что видел изображения Августа, отлитые из этого вещества. Вероятно, это было какое-то грубое стекло, напоминающее аммонийное, или такое, каким изобилует скорлупа наших железных печей. Стекло обрабатывали либо выдуванием его с помощью трубки, как это практикуется сейчас, либо точением на токарном станке, гравировкой и резьбой по дереву, либо, как мы заметили, отливкой в форму.

Древние, несомненно, приобрели большое мастерство в изготовлении, как явствует из рассказов, сохранившихся у древних авторов, так и из сохранившихся до сих пор образцов,

среди которых мы можем отметить, как исключительно красивые, это мучение антикваров, портлендскую вазу, хранящуюся в Британском музее. Мы уже упоминали о другой вазе того же вида и почти такой же красоты, найденной в одной из гробниц близ ворот Геркуланума.

Дион Кассий рассказывает замечательную историю о человеке, который во времена императора Тиберия принес стеклянный кубок в императорское присутствие и разбил его об землю. К удивлению зрителей, сосуд согнулся под ударом, не разбившись, и изобретательный художник немедленно замазал синяк и восстановил его целым и невредимым в его первоначальном виде; в обмен на это проявление его мастерства Тиберий, как говорят, приказал немедленно предать его смерти.

История странная, но она подтверждается Плинием, который упоминает само открытие и дает ключ к пониманию мотивов, которые, возможно, побудили императора к жестокости, по-видимому, столь неспровоцированной. Он говорит о мастере, который изобрел способ изготовления гибкого стекла, и добавляет, что Тиберий изгнал его, чтобы эта новая мода не повредила работникам металлообработки, чье ремесло изготовление золотых, серебряных и других чаш для питья и мебели для стола составляло обширную и важную отрасль.

Римляне также были хорошо знакомы с искусством раскрашивания стекла, о чем свидетельствуют, среди прочих доказательств, стеклянные мозаики, о которых уже упоминалось. Плиний говорит о кроваво-красном сорте, называемом *haematinum*, от крови, белого стекла, синего стекла и т. Д. Однако самым ценным сортом был бесцветный хрустальный бокал, за два стакана которого с ручками по бокам Неро отдал 6000 сестерциев, около 240 долларов.

Под этим заголовком мы можем говорить о вазах, называемых *murrhina*, поскольку одна из теорий, касающихся их, гласит, что они были сделаны из разноцветного стекла. Их природа, однако, сомнительна; не то что их ценность. Плиний говорит о 70 талантах, которые давались за одного, держащего три секстария, что составляет около четырех с половиной пинт. Тит Петроний на смертном одре обманул алчность Нерона, который с помощью обычной тирании вынудил его назначить корону своим наследником, разбив мраморную труллу, или плоскую чашу, стоимостью 300 талантов. Сам Нерон, став принцем, превзошел всех, пожертвовав 100 талантов за один *caris*, или чашу для питья, "памятное обстоятельство, что император и отец своей страны выпил так дорого". Описание этого вещества Плинием звучит так:

"Следует отметить, что у нас есть эти богатые сосуды из кассидоина (называемые по-латыни *murrhina*) с Востока, и это из мест, в остальном не очень известных, но в основном в пределах Парфянского царства; однако основные сосуды происходят из Кармании. Считается, что камень, из которого сделаны эти сосуды, представляет собой некую жидкость, как бы загустевшую в земле от высокой температуры. Нигде эти камни не встречаются крупнее небольших выступов колонн или чего-то подобного, и редко они были настолько толстыми, чтобы служить для такой чаши для питья, о которой я уже говорил. Они в чем-то великолепны, но это скорее можно назвать блеском, чем сияющей и прозрачной чистотой; но то, что делает их столь ценными, - это разнообразие цветов, ибо в этих камнях человек заметит определенные прожилки или пятна, которые, если их повернуть, напоминают разные цвета, склоняющиеся частично к пурпурному, а частично к белому; он увидит в них также третий цвет, состоящий из них обоих, напоминающий пламя огня. Таким образом, они переходят от одного к другому по мере того, как человек держит их в руках, до такой степени, что их пурпурный цвет кажется почти родственным белому, а их молочно-белый цвет так же сильно влияет на пурпур. Некоторые ценят те касидоиновые или мурриновые камни, самые

богатые, которые представляют собой как бы определенные отблески определенных цветов, полностью сходящихся по их краям и концам, подобные тем, которые мы наблюдаем на радугах; другие в восторге от определенных жирных пятен, появляющихся на них; и не учитывается, что они бледные или прозрачные в какой-либо их части, поскольку они считаются большими недостатками; подобным образом, если на касидоиновых камнях видны какие-либо пятна, подобные соляным мозолям или бородавкам, считается, что они склонны к раскалыванию. Наконец, камни из кассидоина в какой-то мере хвалят еще и за запах, который они издают".

По поводу этих слов Плиния возник большой спор. Некоторые считают, что описанный материал - оникс, и это предположение основано на разнообразии цветов, которые представляет этот камень. На это возражают, что оникс и мурра, ониковые вазы и мурриновые вазы упоминаются латинскими авторами одинаково, и никогда без какого-либо намека на их идентичность; более того, есть отрывок, в котором говорится, что Гелиогабал постоянно пользовался ониковыми и мурриновыми вазами. Другие, как мы уже говорили, думают, что это было разноцветное стекло; другие - что это был настоящий китайский фарфор, и это предположение в некоторой степени подкрепляется строкой Проперция:

"Murrepeak. in Parthis pocula cocta focis."

В то же время эта цитата не столь убедительна, как могла бы быть, поскольку Плиний говорит о мурре как о "закаленной в земле жарой", и поэт, возможно, имел в виду только то же самое, хотя выражение в этом случае было бы несколько натянутым. Нам кажется, что описание Плиния явно указывает на какое-то опалиновое вещество; драгоценный опал никогда в наше время не находили в массах, приближающихся к размеру, необходимому для изготовления сосудов, о которых мы говорили. Этот вопрос вряд ли будет решен, и не исключено, что материал, из которого изготовлены эти мраморные вазы, нам совершенно неизвестен, поскольку карьеры по добыче многих видов мрамора, использовавшихся древними, до сих пор ускользали от нашего исследования, а сами мраморы известны только по их повторяемости среди древних построек.

Здесь мы можем отметить один или два факта, связанных со стеклом, которые показывают, что древние были на грани совершенства одного или двух очень важных открытий в физической науке. Они были знакомы со способностью прозрачных сферических тел производить тепло путем пропускания света, хотя и не знали о том, каким образом это тепло вырабатывалось за счет концентрации солнечных лучей. Плиний упоминает тот факт, что полые стеклянные шарики, наполненные водой, если их держать против солнца, нагревались настолько, что обжигали любую ткань, к которой они прикасались; но выражение его лица, очевидно, приводит к выводу, что он считал, что тепло накапливается в самом стакане, а не просто передается через него. Сенека говорит о подобных стеклянных шарах, которые увеличивали мельчайшие предметы для обозрения. Более того, он едва не наткнулся на более замечательное открытие - состав света, поскольку упоминает возможность создания искусственной радуги с помощью углового стеклянного стержня. В гораздо более ранний период Аристофан говорил о "прозрачном веществе, используемом для разжигания огня", что обычно переводится как стекло. Этот отрывок любопытен, поскольку показывает совершенное знакомство с использованием горящего стекла.

С законами отражения древние, как мы знаем из представлений, приписываемых Архимеду, были хорошо знакомы. Удивительно, что, располагая такими замечательными фактами, связанными с рефракцией, они никогда не должны были приступать к исследованию законов, по которым она управляется.

СТЕКЛЯННЫЕ СОСУДЫ (из Помпей).

Первый объект, изображенный *h* в прилагаемом блоке, представляет собой стеклянную воронку, воронку для инфундибула; *g* описывается как сито для вина, но метод его использования не совсем ясен. Дно слегка вогнутое и пронизано отверстиями. Предполагается, что он использовался как своего рода кран, большая часть которого помещалась в бочку, и вино вытекало через горлышко или носик, который был сломан. Рис. *l*, представляет собой устройство для дегустации вин, что-то по принципу сифона. Она полая, и когда воздух выходил через рот на маленьком конце, жидкость, которую нужно было попробовать, втягивалась в полость. *a* и *b*, кувшины для вина; *c*, два маленьких кувшина для вина в стеклянной шкатулке; *d*, *e*, *f* и *q*, кубки или рюмки из тонированного и красивого цветного стекла; *i* и *m*, стеклянные блюда, первое с блюдцем.

Другой вид стеклянного ситечка, несколько экземпляров которого хранятся в Неаполитанском музее, сделан из бронзы и украшен изящными и замысловатыми узорами, как показано на странице 84. Римляне использовали ситечки, наполненные снегом, для охлаждения своих вин, и, возможно, именно для этого и предназначалось то, что представлено здесь. Они назывались *кола винария* или *нивария*. Бедняки использовали льняную ткань для той же цели.

Что касается деталей одежды, то раскопки, будь то в Помпеях или Геркулануме, не позволяют нам устранить никаких трудностей и мало что добавить к тому, что уже известно по этому вопросу. Тем не менее, краткое описание основных предметов одежды и объяснение их латинских названий может оказаться целесообразным для полного понимания некоторых частей нашего предмета. Мужской костюм задержит нас очень ненадолго.

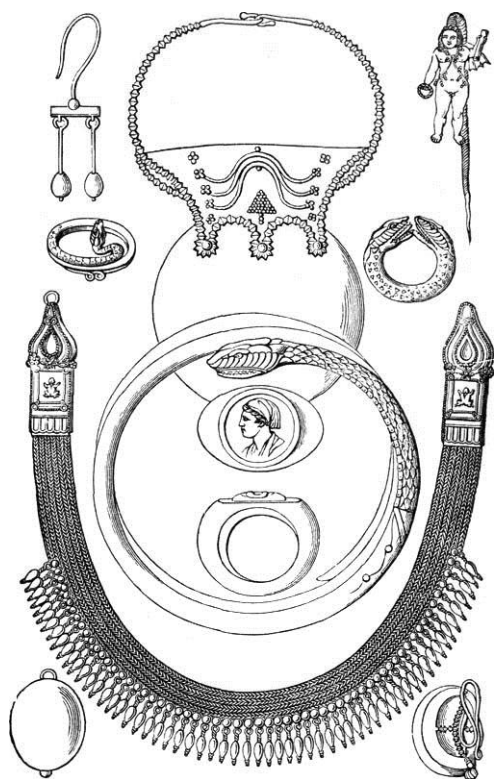
Надлежащая римская одежда, поскольку было бы утомительно и невыгодно знакомиться с разнообразием предметов одежды, привнесенных в более поздние времена иностранными народами, состояла всего лишь из тоги и туники, последняя сама по себе была нововведением в простой и стойкой одежде древних времен. Это был шерстяной жилет, поскольку использование льна было введено поздно, доходивший до колен и сначала шитый без рукавов, которые считались женственными; но по мере того, как в моду вкралась роскошь, использовались не только рукава, но и количество туник было увеличено до трех или четырех. Тога представляла собой просторное полукруглое одеяние, также без рукавов. Описывается, что в нем было отверстие, достаточно большое, чтобы пропустить голову, правую руку и плечо, которые оставались открытыми, с чем-то вроде складки, или лоскута (*lacinia*), который заводился под правую руку и перекидывался через левое плечо, образуя *лазуху*, или лоно, глубокие складки которого служили своего рода карманом. Это обычное описание, которое, признаемся, не дает очень четкого представления о конструкции или

внешнем виде платья. Левая рука была полностью прикрыта, а если и выставлялась напоказ, то из-за того, что была подобрана нижняя кромка просторного одеяния.

ЧАШКИ И МЕТАЛЛЫ

Женское платье состояло из одной или нескольких туник с верхней одеждой, называемой *стол*, которая заменила тогу, которую первоначально носили как женщины, так и мужчины. Говорят, что *стола* была более просторной и украшенной туникой. Туника, которую носили женщины, похоже, ничем не отличалась от мужской, за исключением того, что доходила до пят. Поверх *стола* женщины носили мантию, называемую *палла* или *паллиум*. Говорят, что он был перекинут через плечи, правый конец был подобран и перекинут через левое плечо, так что не было видно ничего, кроме правой руки.

ЗОЛОТЫЕ УКРАШЕНИЯ (Из Помпей).

Некоторые мелкие предположения относительно одного предмета женской одежды были основаны на статуе из Геркуланума, в которой неаполитанский антиквар считает, что он раскрыл природу и конструкцию этого сложного предмета одежды, называемого *тунико-паллиум*, в котором были объединены внешний вид и использование туники и мантии. Это

статуя женщины, застегивающей пряжку на своем платье через правое плечо, предварительно застегнув его на левом таким образом, чтобы рука оставалась обнаженной.

Было найдено множество женских украшений, несколько из которых мы собрали в один блок. Они нарисованы того же размера, что и оригиналы. Нижние углы разреза представляют собой серьги, видимые спереди и сбоку. Это часть простого золотого сфероида, очень толстая, с металлическим крючком сзади для продевания в ухо. Следующий имеет более простую конструкцию, с жемчужными подвесками. Оба этих рисунка, по-видимому, были очень распространены. Верхний правый угол выреза представляет собой нагрудную булавку, прикрепленную к фигуре вакханки с патерой в одной руке и бокалом в другой. Он снабжен крыльями летучей мыши, а по его телу проходят два пояса или виноградных грозди. Крылья летучей мыши символизируют сонливость, возникающую в результате сильного пьянства. Здесь также представлены золотые кольца со змеиными головами, глаза которых инкрустированы красивыми камнями и бриллиантами; также были очень распространены браслеты с таким рисунком.

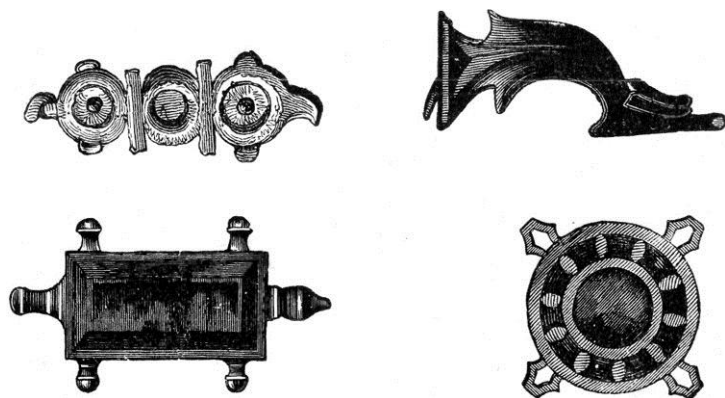
Также было найдено красивое золотое ожерелье, огранка которого представлена на приведенной выше табличке. Оно было очень сложным и изысканным. Также были найдены декоративные английские булавки, как показано на следующих вырезках. Также были найдены медальоны, указывающие на религиозные предметы более позднего времени.

Маленьких туалетных коробочек, сделанных из дерева или слоновой кости, также было множество; и, подобно вазам, они были самых разных форм; а некоторые, содержавшие косметику самых разных видов, служили украшением туалетного столика или будуара дамы. Они были вырезаны различными способами и украшены рельефными декоративными элементами; иногда изображали любимый цветок лотоса с его бутонами и стеблями, гуся, газель, лису или другое животное. Многие из них были значительной длины, заканчивались полый оболочкой, по форме и глубине похожей на ложку, закрытой крышкой, накручивающейся на булавку; и к этому, что можно правильно назвать шкатулкой, остальная часть была просто аксессуаром, предназначенным для украшения или служившим ручкой.

ТЯЖЕЛЫЕ ЗОЛОТЫЕ БУЛАВКИ.

Обычно они были из платана, иногда из тамариска или акации; иногда дерево заменяли слоновой костью и инкрустацией. Ко многим из них была прикреплена ручка менее непропорциональной длины, изображавшая обычный цветок лотоса, фигурку, тифонианское чудовище, животное, птицу, рыбу или рептилию; а сама коробка, закрытая крышкой или открытая, соответствовала характеру остальной части. Некоторые неглубокие, вероятно, предназначались для хранения небольших порций мази, взятой из большой вазы в то время, когда она требовалась, или для других целей, связанных с туалетом, где не требовалась большая глубина; и во многих случаях они скорее напоминали ложечки, чем коробочки.

БРОШИ СО ВСТАВКОЙ ИЗ КАМНЯ.

Многие были сделаны в форме королевского овала, с ручкой или без нее; а тело деревянной рыбы вынимали и закрывали крышкой, имитирующей чешую, чтобы обмануть глаз видом твердой массы. Иногда изображали гуся, готового к столу, или плавающего по воде и сбрасывающего с себя оперение; голова служила ручкой шкатулки, образованной из ее полого корпуса; некоторые представляли собой открытую часть или чашечку, прикрепленную к закрытой шкатулке; другие различной формы представляли собой обычное разнообразие причудливых приспособлений, а некоторые были без крышек, которые могут называться блюдцами. Другие имели точную форму и характер шкатулки, были глубже и вместительнее; и они, вероятно, использовались для хранения безделушек или иногда как хранилища для маленьких баночек с мазями или ароматическими маслами и флаконов с коллириумом, который женщины наносили на глаза.

Некоторые из них были разделены на отдельные отделения, закрытые общей крышкой, которая либо вставлялась в паз, либо закручивалась на булавку с одного конца; а многие еще больших размеров были достаточны для размещения зеркала, расчески и, возможно, даже некоторых предметов одежды.

Эти шкатулки часто были изготовлены из дорогих материалов, облицованы шпоном редких пород дерева или из черного дерева, инкрустированы слоновой костью, расписаны различными приспособлениями или окрашены для имитации ценных материалов; способ крепления крышки и любопытная замена петли, применяемая в некоторых из них, показывают, что первая была полностью снята и шкатулка оставалась открытой, пока ею пользовались.

Ручки из черного дерева или другого твердого дерева были очень распространены. Они были покрыты с особой тщательностью и инкрустированы слоновой костью и серебром.

ЗАЩИТНЫЕ БУЛАВКИ ДЛЯ ТОГИ.

Некоторые коробки были сделаны с заостренной вершиной, разделенной на две части, одна из которых открывалась сама по себе, поворачиваясь на маленьких шарнирах у основания, а два конца коробки напоминали по форме двускатные концы, как верх, стеллажную крышу дома. Стенки, как обычно, скреплялись клеем и гвоздями, обычно деревянными, с "голубиным хвостом" - методом соединения, принятым в Египте в самый отдаленный период; но описание их скорее относится к отделке шкафов, так как они использовались для крепления гребней и подобных предметов к туалету.

Некоторые вазы были найдены в плетеных коробках, закрытых пробками из дерева, тростника или других материалов, предположительно принадлежащих либо дамскому туалету, либо врачу; одна из них, находящаяся сейчас в Берлинском музее, уже была замечена.

Мебель.

Содержание

В убранстве домов египтяне проявляли значительный вкус; и здесь, как и везде, они старательно избегали чрезмерной регулярности, справедливо считая, что ее однообразие утомляет глаз. Они предпочитали разнообразие как в расположении комнат, так и в характере их мебели, и ни окна, ни двери, ни флигели дома в точности не соответствовали друг другу. Следовательно, египтянину больше понравился бы вид наших елизаветинских комнат, чем коробчатых помещений более поздних времен.

Своей манерой сидеть на стульях они скорее напоминали современных европейцев, чем азиатов, не используя, как последние, мягких *диванов* и не сидя, скрестив ноги, на коврах. Они также не возлежали за трапезой, как римляне, на *триклинии*, хотя кушетки и пуфики были частью убранства египтянина. Когда Джозеф развлекал своих братьев, он приказал им *сесть* в соответствии с их возрастом. Египтяне иногда сидели, скрестив ноги, на земле, на циновках и ковровых покрытиях или преклоняли одно или оба колена; это были скорее обычаи для определенных случаев и более бедных слоев населения. Сидеть на пятках также было принято в знак уважения в присутствии начальника, как в современном Египте; и когда жрец нес святыню перед божеством, он принимал эту позу смирения; еще большее уважение проявлялось prostиранием ниц или становлением на колени и целованием земли. Но дом богатого человека всегда был обставлен стульями и кушетками. Использовались также табуреты и низкие сиденья, высота которых составляла всего от 8 до 14 дюймов, они были деревянными или перевитыми ремешками; однако их можно считать эквивалентом наших стульев с тростниковым дном, и, вероятно, они принадлежали людям более скромного достатка. Они различались по своему качеству, а некоторые были инкрустированы слоновой костью и различными породами дерева.

Наиболее распространенными в домах богатых были одноместные и двухместные кресла (что соответствует греческим *тронос* и *дифрос*), последнее иногда сохранялось как семейное кресло и занималось хозяином и хозяйкой дома или супружеской парой. Однако это не всегда было зарезервировано исключительно для них, и они не всегда занимали одно и то же место; иногда они сидели, как и их гости, на отдельных стульях, и *дифрос* иногда предлагался посетителям, как мужчинам, так и женщинам.

Многие из фотей были самой элегантной формы. Они были сделаны из черного дерева и других редких пород дерева, инкрустированы слоновой костью и очень похожи на те, что сейчас используются в Европе. Ноги были в основном имитацией ног животного; а львиные головы или все тело образовывали подлокотники больших лож, как на троне Соломона (I Царств, х. 19). У некоторых, опять же, были складные ножки, как у наших походных стульев; сиденье часто было слегка вогнутым; а те, что находились в царском дворце, были украшены фигурами пленников или эмблемами владычества над Египтом и другими странами. Спинка была легкой и прочной и состояла из одного набора вертикальных и поперечных брусьев или из рамы, постепенно отступающей и заканчивающейся на вершине изящным изгибом, поддерживаемой снаружи перпендикулярными брусьями; а поверх нее была наброшена красивая подушка из цветного хлопка, крашеной кожи или золотой и серебряной ткани, наподобие постелей на празднике Авасуэра, упомянутых в книге Есфирь, или наподобие подушек из перьев, покрытых тканью и расшитых шелком и золотыми нитями во дворце Савра.

Сиденья по принципу наших складных стульев, похоже, были очень популярны. Они были снабжены подушкой или покрыты шкурой леопарда или какого-либо другого животного, которая снималась, когда сиденье складывалось; и не было ничего необычного в изготовлении даже табуретов для изголовья или деревянных подушек по тому же принципу. Они также были различными способами украшены, окованы металлическими пластинами и инкрустированы слоновой костью или иностранными породами дерева; а дерево обычных стульев часто окрашивали так, чтобы оно напоминало дерево более редких и ценных пород.

Сиденья стульев часто были кожаными, расписанными цветами и причудливыми узорами; из переплетенных нитей или ремешков, тщательно и аккуратно уложенных, которые, подобно нашим индийским тростниковым стульям, были особенно приспособлены для жаркого климата; но поверх них иногда клали кожаную подушку, расписанную уже упомянутым способом.

Формы стульев очень сильно различались; у самых больших обычно были легкие спинки, а у некоторых - подлокотники. По большей части они были примерно такой же высоты, как те, что используются сейчас в Европе, сиденье почти на одной линии с изгибом колена; но некоторые были очень низкими, а другие предлагали то разнообразие положений, к которому мы стремимся в креслах-кенгуру в нашей собственной гостиной. Обычная форма ножек была имитацией ножек какого-нибудь дикого животного, например льва или козла, но чаще всего первое - ступня поднималась и опиралась на короткую шпильку; и, что примечательно, мастерство их столяров-краснодеревщиков еще до времен Иосифа устранило необходимость соединять ножки перекладинами. Табуретки, однако, и реже стулья иногда изготавливались из этих укрепляющих элементов, как это до сих пор имеет место в нашей стране; но фотей и кушетка в гостиной не были изуродованы столь неподобающей и неумелой опорой.

Табуреты, использовавшиеся в салоне, были того же стиля и элегантности, что и стулья, часто отличаясь от них только отсутствием спинки; а табуреты более тонкой работы были

сделаны из черного дерева и инкрустированы, как уже говорилось, слоновой костью или редкими породами дерева. Некоторые из них обычного вида имели твердые бока и, как правило, были очень низкими; а другие, с тремя ногами, принадлежали лицам более низкого ранга.

Пуфики представляли собой простые квадратные диваны без спинок, приподнятые над землей почти на том же уровне, что и стулья. Верхняя часть была из кожи или хлопчатобумажной материи, богато раскрашенной, как подушки фотей; основание было из дерева, расписанного различными узорами; а подушки в королевском дворце были украшены фигурами пленников, завоевание страны которых было обозначено их унижительным положением. Та же идея дала им место на подошвах сандалий, на скамеечках для ног царского трона и на стенах дворца в Мединет Хабу в Фивах, где их головы поддерживают некоторые декоративные детали здания.

Скамеечки для ног также составляли часть мебели в гостиной; они были сделаны со сплошными или открытыми стенками, сверху обтянуты кожей или переплетением и варьировались по высоте в зависимости от обстоятельств, некоторые из них были обычного размера, принятого нами сейчас, другие - незначительной толщины и скорее напоминали небольшой коврик. Ковры, действительно, были очень ранним изобретением, и их часто изображают сидящими на них, а также на циновках, которые обычно используются в их гостиных, как и в наши дни, и их остатки были найдены в фиванских гробницах.

Их диваны отличались не меньшим вкусом, чем *fauteuils*. Они были деревянные, с одним приподнятым концом, изящно изгибающимся назад; а ножки, как и у многих уже описанных стульев, были сделаны так, чтобы напоминать ножки какого-нибудь дикого животного.

Египетские столы были круглыми, квадратными или продолговатыми; первые обычно использовались во время трапез и состояли из круглой плоской столешницы, поддерживаемой, подобно *моноподиуму* римлян, на единственной перекладине или ножке в центре или фигурой человека, предназначенной для изображения пленника. Большие столы обычно имели три или четыре ножки, но некоторые были сделаны с твердыми боковинами; и хотя в основном они были деревянными, многие были металлическими или каменными; и они различались по размеру в зависимости от целей, для которых они предназначались.

Об убранстве их спален мы знаем мало или вообще ничего; но очевидно, что они повсеместно пользовались упомянутой выше деревянной подушкой, хотя Порфир заставляет нас предположить, что ее использовали только священники, когда, описывая их образ жизни, он упоминает полуцилиндр из хорошо отполированного дерева, "достаточный для поддержки головы", как пример их простоты и самоотречения. Для богатых они изготавливались из восточного алебаstra с изящной рифленой рукоятью, украшенной иероглифами, вырезанными глубокой резьбой, из платана, тамариска и других пород дерева страны; бедняки довольствовались более дешевыми изделиями из керамики или камня. Порфирий упоминает своего рода плетеную кровать из *пальмовых ветвей*, отсюда и название *баис*, очевидно, разновидность каркаса, называемого *кафас*, который до сих пор используется современными египтянами в качестве опоры для *диванов* в гостиных и их кроватей. Деревянные и, возможно, также бронзовые кровати (подобные железной кровати Ога, царя Башана) использовались более богатыми слоями населения древних египтян; и, по крайней мере, вероятно, что кушетки, на которых они спали, были такими же элегантными, как те, на которых покоились их тела после смерти; и тем более, что эти последние по своему общему стилю очень похожи на мебель в гостиной.

Самый древний образец изголовья кровати - это тот, который упоминается Гомером как собранный Одиссеем в его собственном доме. Он срезал ствол оливкового дерева в нескольких футах от земли и соединил с ним доски кровати, так что ствол поддерживал кровать в изголовье. Поэтому она была неподвижна. Старинную кровать следует рассматривать как продолжение дифроса. Продленный дифрос со скрещенными ножками превратился в складную кровать; диван с перпендикулярными ножками. Первые можно было легко передвинуть и заменить; возможно, они идентичны кроватям, часто упоминаемым в "Одиссее", которые были вынесены во внешний холл для гостей. Одно из них изображено как пресловутое ложе Прокрустеса на рисунке на вазе. Дифрос соответствует кушетке, стоящей на четырех ножках, сначала без изголовья и подножки, которые впоследствии были добавлены с обоих концов. Благодаря дополнительной спинке на одной из длинных сторон получилось то, что мы сейчас называем *шезлонгом* или диваном. Этот спальный клейн, без сомнения, был по сути таким же, как тот, который использовался при приеме пищи. Материалы, помимо обычных пород дерева, клена или самшита, были либо массивными, либо облицованными шпоном. Ножки, спинки и другие части тела, не прикрытые постельным бельем, были тщательно обработаны. Иногда ножки аккуратно вырезаны или обточены, иногда рамы инкрустированы золотом, серебром и слоновой костью, о чем свидетельствует "Одиссея" и другие места.

Постельное белье, упомянутое у Гомера, не состояло из роскошных валиков и подушек, как в более поздние времена. Даже среди более богатых слоев населения она состояла прежде всего из одеял из длинношерстного шерстяного материала или, возможно, своего рода матраса. Шкуры, которые бедняки расстилали на жестком полу, иногда клали под одеяла и другие дополнительные одеяла, чтобы смягчить ложе. Все было покрыто льняными простынями. Легкие одеяла служили для укрытия спящего, который иногда использовал для этой цели свое собственное платье; иногда они состояли из шерстяных одеял, сотканных специально для этой цели. После Гомера, когда в Греции воцарилась азиатская роскошь, на ремни кровати сразу же повесили матрас. Его набивали ошипанной шерстью или перьями и покрывали каким-нибудь льняным или шерстяным материалом. Подушки, как и матрасы, набитые шерстью или перьями, дополняли постельное белье, по крайней мере, в более роскошные времена. (Вырезка на стр. 78 дает хорошее представление о внешнем виде древнеримских и греческих кроватей.) Похожими были клинаи, расставленные в гостиницах, лежа на которых, в полулежачем положении, люди обычно читали, писали и принимали пищу. Они были покрыты мягкими одеялами великолепных цветов, а одна или несколько подушек служили для поддержки тела в полусидячем положении или для опоры на левую руку.

Столы использовались древними главным образом во время еды, а не для чтения и письма. Старинные столы, либо квадратные с четырьмя ножками, либо круглые или овальные с тремя соединенными ножками, а затем с одной ножкой, напоминают наши современные, но они ниже. В большинстве случаев их плиты не достигали высоты клина; более высокие столы были бы неудобны для лежащего человека. В гомеровскую эпоху и даже в более поздние времена перед каждым троном стоял небольшой столик. Использование отдельных блюд для каждого гостя - явление сравнительно новое. Первоначально мясо приносили на больших тарелках, которые разделял стюард, и каждую порцию ставили на пустой стол. За неимением ножей и вилок использовались пальцы. Выпечку раскладывали в корзинки у столов. Были ли гомеровские столы такими же низкими, как более поздние, когда вошло в обычай лежать, а не сидеть, мы должны оставить без ответа из-за отсутствия скульптурных свидетельств. Ножки столов были тщательно обработаны, особенно ножки треног, которые часто имитировали ноги животных или, по крайней мере, имели когти на концах. Столы на

четырёх ножках были более простыми по конструкции. Материалом служило дерево, особенно клен; позже были представлены бронза, драгоценные металлы и слоновая кость.

Для хранения предметов одежды, ценной утвари, украшений, флаконов с мазями и документов использовались большие или меньшие выдвижные ящики и шкатулки. Комоды и вертикальные шкафы с дверцами, по-видимому, были неизвестны в прежние времена; лишь в немногих памятниках более позднего времени (например, на настенной росписи сапожной мастерской в Геркулануме) мы видим нечто, напоминающее наш гардероб. Шкафы, упомянутые Гомером, несомненно, напоминали наши старомодные сундуки. На поверхностях были изображены различного рода орнаменты, либо вырезанные из дерева с рельефом, либо инкрустированные драгоценным металлом и слоновой костью. Несколько коробочек меньшего размера с инкрустированными фигурками или расписными арабесками показаны на рисунках на вазах. Украшения с полированными ногтями, похоже, были очень популярны — мода, вновь введенная в наше время. Самым знаменитым примером такого орнамента была шкатулка Кипселоса в опистодомосе храма Геры в Олимпии. Вероятно, он датируется тем временем, когда был введен счет по Олимпиадам, и служил, по словам Боттичера, для хранения гобеленов по обету и тому подобного. Согласно Павсанию, он был сделан из кедрового дерева и имел эллиптическую форму. Она была украшена мифологическими изображениями, частично вырезанными из дерева, частично инкрустированными золотом и слоновой костью, опоясывающими всю шкатулку пятью полосами, наложенными одна на другую.

Замки, ключи и засовы, известные в ранний период для закрывания дверей, позже были применены к ящикам, о чем в достаточной степени свидетельствуют все еще существующие маленькие ключики, прикрепленные к кольцам для пальцев, которые, хотя все римского производства, скорее всего, были известны грекам. Для дверей они были бы слишком малы.

Убранство греческих домов было простым, но полным художественной красоты. Это особенно проявлялось в сосудах для хранения как сухих, так и жидких запасов, которые были найдены в храмах, жилищах и даже могилах. До нас дошли только последние из упомянутых. Глиняные сосуды — самые многочисленные. Изобретение гончарного круга относится к глубокой древности, и греки в разных местах приписывали его разным мифическим персонажам. Коринфяне называли его изобретателем Гипербиона. В Кермейкосе, квартале гончаров в Афинах, Кермесу, сыну Диониса и Ариадны, поклонялись как таковому. Само название местности произошло от этого "heros eronymos". Рядом с Коринфом и Афинами (которые прославились своими глиняными изделиями благодаря превосходной глине мыса Колиас) Эгина, Лакедемон, Авлида, Тенедос, Самос и Книдос славились своей фаянсовой посудой. В этих местах было сосредоточено производство расписной фаянсовой посуды; отсюда она экспортировалась в порты Средиземного и Черного морей для рынков соседних стран. Благодаря прекрасному обычаю древних оставлять в могилах умерших предметы их повседневной жизни, сохранилось очень много красивых сосудов, которые в противном случае разделили бы разрушение жилищ с гораздо менее хрупкими орудиями труда. Кроме того, из рисунков на этих вазах мы черпаем ценную информацию об общественных и частных привычках греков. Наибольшее количество могил в их первоначальном состоянии, заполненных сосудами, найдено в Италии.

РАЗГРАБЛЕНИЕ КОРИНФА.

Хорошая, особенно красная, глина пользовалась спросом как превосходный товар, и мыс Колиас, недалеко от Афин, поставлял ее в неограниченном количестве. Гончарный круг использовался в очень ранний период. На нем были сформованы как большие, так и маленькие сосуды, с той разницей, однако, что в первом случае ножка, горлышко и ручки формировались отдельно, а затем прикреплялись, как и в случае с маленькими сосудами с широко изогнутыми ручками.

Чтобы усилить красный цвет, сосуд часто глазировали, а затем сушили и обжигали в печи. Контуры фигур, которые должны были быть нарисованы на вазе, были либо вырезаны в красной глине и покрыты блестящим черным лаком, либо сама поверхность была покрыта черным лаком до самых контуров, и в этом случае они выделялись естественным красным цветом глины.

Первый упомянутый процесс был более старым из двух, и, следовательно, большую древность следует приписать сосудам с черными фигурами на красном фоне. В обоих видах картин драпировки или мускулы обнаженных фигур дополнительно обозначались врезкой дополнительных линий цвета поверхности в фигуры. Другие цвета, такие как темно-красный, фиолетовый или белый, которые при тщательном исследовании были признаны растворимыми, наносились после второго обжига сосуда.

Об историческом развитии керамики мы не знаем ничего, кроме того, о чем можно догадаться по различиям в стиле. Как мы говорили ранее, фигурки черного или темно-коричневого цвета, нарисованные на естественном бледно-красном или желтоватом цвете глины, указывают на большую древность. Черные фигурки иногда закрашивали белым или фиолетовым. Эти сосуды в основном небольшие и несколько сжатой формы; они окружены параллельными полосами с изображениями животных, растений, сказочных существ или арабесками. Рисунки выполнены устаревшим жестким шрифтом, подобным тем, что изображены на сосудах, недавно обнаруженных в Ниневии и Вавилоне, откуда можно сделать вывод о влиянии востока на греческое искусство. Этот архаичный стиль, как и строго иератический стиль в скульптуре, был сохранен вместе с более свободным обращением в

более поздний период. В качестве первого шага развития мы замечаем сочетание животных и арабесок, сначала с фигурами получеловеков-полуживотных, вскоре за которыми следуют композиции, относящиеся в основном к определенному ограниченному кругу мифов. Обращение с фигурами демонстрирует жесткость в спокойных позах и жестокость в активных. Дорические формы букв и слов на многих вазах этого стиля, найденных в Греции или Италии, равно как и единообразие их *техники*, указывают на *одно* место изготовления, скорее всего, дорический Коринф, знаменитый своими гончарными мастерскими; с другой стороны, надписи ионическими иероглифами и написанные на ионическом диалекте на сосудах, доказывают их происхождение от мануфактур Ионической Эвбы и ее колоний. Рисунки на этих вазах, также раскрашенные в полосы, распространяют мифологическую тематику за пределы троянского цикла на древнейшие эпические мифы, причем каждая история представлена в своих последовательных фазах.

Последние вазы представляют собой переход ко второму периоду. Формы теперь стали более разнообразными, изящными и стройными. Фигуры выкрашены в черный цвет и покрыты блестящим лаком; *техника* росписи, однако, не отличается от таковой первого периода. Контуры были аккуратно вырезаны и замазаны черной краской; детали драпировок и отдельные части тела также выполнены надрезом, а иногда закрашены белым или темно-красным. По-видимому, это принцип полихромной живописи, который также применяется в скульптуре. Отдельные части доспехов, вышивки и узоры платьев, волосы и бороды мужчин, гривы животных и т.д. Обозначены темно-красными линиями. Такое разнообразие цветов было особенно необходимо для драпировок, которые жестко и неуклюже прилегают к телу. Такая же скованность проявляется при обработке лиц и других обнаженных частей тела, а также при передаче движений. Лица всегда расположены в профиль, нос и подбородок заострены и выступают вперед, а губы сжатого рта обозначены только линией. Плечи, бедра и икры выпирают, тело необычно сжато. Группировка столь же несовершенна. Отдельные фигуры композиций слабо связаны общей идеей сюжета. Они носят, так сказать, повествовательный характер; однако попытка придать природе истину неоспорима.

ГРЕЧЕСКАЯ ВАЗА

Сюжеты частично взяты из цикла о двенадцати богах (например, часто встречающееся рождение Афины, дионисийские процессии и т.д.) Или из троянских и фиванских мифов; частично также из повседневной жизни, такой как погони, борьбы, жертвоприношения, симпозиумы и тому подобное. К этому классу относится большая часть тех больших Панафинейских призовых ваз, которые имеют такое значение для наших знаний о гимнастических соревнованиях.

На нашем третьем занятии фигуры выполнены в естественном цвете поверхности, которая сама выкрашена в черный цвет. В результате характер фигур кажется веселым и оживленным. Оба стиля, по-видимому, когда-то существовали вместе, поскольку мы находим, что они использовались по отдельности на двух сторонах одного и того же сосуда, пока, наконец, рисование черных фигур полностью не вышло из употребления. Рисунки теперь становятся более индивидуальными и освобождаются от оков общепринятой традиции — доказательство свободного развития как политических, так и художественных чувств даже среди низших классов ремесленников. Образцы третьего класса демонстрируют различные стадии этого процесса освобождения. Поначалу фигуры несколько жестковаты, а драпировка, хотя и повторяет линии тела более свободно, чем раньше, все еще демонстрирует следы архаичной строгости обращения; детали, обозначенные черными линиями, все еще тщательно проработаны. Для более мелких складок и мышц используется более темный оттенок красного цвета; венки и цветы кажутся темными; красно-белый используется лишь в немногих случаях — например, для волос старика. Композиция демонстрирует большую концентрацию и симметрию в группировании в соответствии с условиями имеющегося в распоряжении пространства. Фигуры демонстрируют торжественное достоинство, однако с признаками попытки более свободного обращения.

Крамер справедливо называет этот период периодом "сурового стиля" и сравнивает его с хорошо известным "божественным" стилем в скульптуре. Дальнейшее развитие "сурового стиля" - это то, что Крамер называет "прекрасным стилем", в котором грация и красота движений и драпировок, граничащие с мягкостью, заняли место сурового достоинства. В высоком искусстве этот переход можно сравнить с переходом от школы Перуджино к школе Рафаэля или, если верить античным авторам, от школы Полигнота к школе Зевксиса и Паррасия.

Далее нашего внимания заслуживает форма самих сосудов. Тонкие и изящные вазы - амфоры с двумя ручками и кратеры, которые чаще всего встречаются в этот период. Вместе с ними мы встречаем прекрасно выполненные рога для питья, а также головы или целые фигурки, используемые для надевания сосудов. Разнообразие форм и большие размеры некоторых сосудов, перегруженных фигурами, вскоре привели к недостаточной тщательности в композиции. Умеренность, характерная для "красивого стиля", вскоре была заменена преувеличенными украшениями в сочетании с предпочтением представлять роскошные платья и неумеренным использованием белого, желтого и других цветов. Это постепенно привело к упадку керамики.

В некоторых этрусских городах фаянс изготавливался местными мастерами по греческим образцам. Фигурки отличаются от подлинной греческой работы тем, что контуры очень глубоко вырезаны и заполнены красным цветом. Глина также более грубая. В композициях прослеживается примесь местных мифов и обычаев, не говоря уже об этрусских надписях.

Вазы.

Содержание

Расписные вазы можно считать самыми любопытными, самыми изящными и самыми поучительными памятниками, дошедшими до нас с древних времен. Красота форм, тонкость материала, совершенство лака, разнообразие сюжетов и их интерес с исторической точки зрения отводят расписным вазам очень важное место среди произведений искусства древних. Расписные вазы коллекционировались с большим рвением с тех пор, как они стали известны, а самые замечательные были выгравированы знаменитыми художниками и объяснены глубокими археологами. Современное искусство и археология получили от них прекрасные модели и важную информацию. Впервые о них стало известно в семнадцатом веке.

Расписные вазы были в значительной степени объектами торговли и экспорта из одной страны в другую. Как правило, их происхождение можно проследить до Афин как первоначального места экспорта. Коринф также экспортировал вазы, поскольку изделия коринфских гончаров были найдены на Сицилии и в Италии, и нет никаких сомнений в том, что Коринф наладил активную торговлю произведениями искусства с греческими колониями по всему Средиземноморью. Афинские вазы доставлялись финикийцами, торговцами древнего мира, в качестве предметов торговли в самые отдаленные уголки известного тогда мира. В Перипле Скилакса упоминается, что финикийцы обменивали афинскую керамику на африканскую слоновую кость. Фактически это был декоративный фарфор древнего мира.

ЭТРУССКАЯ ВАЗА.

Этрусский.—Гончарное искусство было завезено в Этрурию Демаратом из Коринфа, который, бежав из этого города, поселился в Тарквиниях, современном Корнето, где были найдены вазы в самом архаичном стиле, напоминающие коринфские или так называемые дорические. Вазы, этруское происхождение которых не подлежит сомнению, были найдены в Вольтерре, Тарквиниях (Корнето), Перудже, Орвието, Витербо, Аквапенденте и других городах древней Этрурии. Глина, из которой они сделаны, бледного или красновато-желтого цвета, лак тусклый, работа довольно грубая, орнаменты лишены вкуса и элегантности, а стиль фигурок обладает всеми теми характеристиками, которые уже присущи этрускам. Фигуры нарисованы черным цветом на натуральном цвете глины; иногда на черном фоне

драпировки добавляется немного красного. Этруссские вазы отличаются от греческих главным образом по предмету. На первом изображении фигуры одеты в костюмы, характерные для древней Италии; мужчины и герои представлены с очень густыми бородами и волосами; у богов и гениев большие крылья; чудовищные сочетания, которые невозможно объяснить эллинскими мифами; мы также можем наблюдать божества, религиозные обычаи, атрибуты, манеры, оружие и символы, отличные от греческих. Этруссские божества, такие как Чарун с его булавой, указывают на их этруссское происхождение; сюжеты ваз, однако, в основном взяты из греческой мифологии, обработаны в манере, соответствующей вкусу этрусков и их местной религии, в то время как рисунок на них самый грубый. Если надпись этруссскими иероглифами, неизменно прослеживаемая справа налево, сопровождает картину, определенность относительно их происхождения можно считать полной. Верно, что большинство букв древнегреческого алфавита имеют ту же форму, что и буквы этруссского алфавита; но в последнем есть некоторые особые символы, которые предотвратят любую путаницу. Имена персонажей на вазах пишутся иначе, чем в греческом, например, "Айнас" означает "Аякс", "Атресте" - "Адраст", "Акле" - "Ахиллес", "Алести" - "Алкестида" и т.д. Мы должны также отметить, что этруссские расписные вазы очень редки и немногочисленны по сравнению с теми, которыми мы обязаны искусству Греции.

РИМСКИЕ ВАЗЫ

Греческий.—Паста из этих вазочек нежная, ее легко царапать или резать ножом, она удивительно тонкая и однородная, но имеет рыхлую текстуру. При разрушении она приобретает тусклый непрозрачный цвет, более или менее желтый, красный или серый. Он состоит из кремнезема, оксида алюминия, карбоната извести, магнезии и оксида железа. Цвет зависит от пропорций, в которых смешаны эти элементы; чем светлее части, содержащие больше извести, тем в красном больше железа. Внешнее покрытие состоит из особого вида глины, которая, по-видимому, представляет собой разновидность желтой или красной охры, измельченной до очень тонкой пасты, смешанной с каким-либо клейким или маслянистым веществом и наносимой кистью; большое различие наблюдается в пастах для ваз, поступающих из отдаленных друг от друга местностей, либо из-за их состава, либо из-за выпечки. Паста ранних ваз из Афин и Мелоса очень бледно-красного цвета; паста ваз дорического или коринфского стиля - бледно-лимонного цвета. В лучший период своего развития паста имеет теплый оранжево-красный цвет, но луканские и апулийские вазы имеют более бледный оттенок. Этруссские расписные вазы всех эпох имеют бледно-красный оттенок с гораздо большей долей белого, что, по-видимому, объясняется большим количеством мела, используемого при приготовлении пасты.

Самые ранние вазы изготавливались вручную, в то время как вазы более позднего периода изготавливались с помощью колеса; колесо, однако, является очень ранним изобретением. У египтян и греков это был низкий круглый стол, поворачиваемый ножкой. Изображения гончара, поворачивающего колесо ногой, встречаются на расписных вазах раннего

времени. С помощью этого простого колеса греки творили чудеса, создавая формы, до сих пор не имеющие себе равных по красоте.

После того, как вазы были изготовлены на колесе, пишет доктор Берч, их должным образом высушили на солнце, а затем покрасили; очевидно, что они не могли быть окрашены во влажном состоянии. Самым простым и, вероятно, наиболее распространенным способом было окрашивание всей вазы в черный цвет. Нижнюю часть ножки оставили простой. Когда рисунок был добавлен, художник тщательно проследил контур, слегка очерченный круглой точкой на влажной глине. Художнику было необходимо следовать своему эскизу с большой скоростью, поскольку глина быстро впитывала красящее вещество, и контур должен был быть смелым и непрерывным, каждый раз, когда его соединяли, это умаляло его достоинства. Затем на кисть наносили тонко размолотый лист, и фигурки и орнаменты наносились на него. Затем все было покрыто очень тонкой кремнистой глазурью, вероятно, образовавшейся из соды и хорошо разрыхленного песка. Затем вазу отправляли в печь и тщательно обжигали. Затем ее возвращали в мастерскую, где рабочий или маляр процарапывал все детали заостренным инструментом. Лица женских фигур были выкрашены в белый цвет толстым слоем извести или мела, а глаза красными. Части драпировки, гребни шлемов и *антиги*, или каймы щитов, были окрашены в малиновый цвет, состоящий из оксида железа и извести, как и цвет тела.

Во втором стиле ваз фигуры окрашены в темно-коричневый или черный цвет неравного тона на желтом фоне, образованном кремнистым налетом поверх бледно-красной глины вазы. Усовершенствованием этого стиля стало изменение цвета фигурок путем окрашивания или закрашивания всего основания вазы черным, таким образом, оставляя фигуркам естественный красный цвет глины, а обозначение мускулов и более мелких частей в виде контура - ярко-коричневым. После того как краска высохла, вазу покрывали шликером или кремнистой глазурью, за исключением нижней части ножки и внутренней стороны. И использованные цвета были немногочисленны и просты, и, очевидно, были измельчены чрезмерно тонко и превращены в своего рода мазки. Из этих цветов черный был самым важным и наиболее широко использовался. Всегда существовали большие различия в природе этого цвета. Воклен считает, что это углеродсодержащее вещество, такое как свинец или свинцовая сажа. Герцог де Люин утверждает, что это оксид железа. Из непрозрачных цветов наиболее важным и широко используемым является белый, который, по словам Броньяра, представляет собой карбонат извести или мелкой глины. Красный и желтый используются редко. Синий и зеленый встречаются редко и только на вазах новейших стилей. Предполагается, что жидкостью, использованной для смешивания красок, была вода.

Глазурь, которой были покрыты эти вазы, описана М. Броньяром как блестящая (*lustre*), и использовался только один сорт, рецепт приготовления которого сейчас утерян. По-видимому, он состоял из одной из основных щелочей, либо поташа, либо соды. Вазы из Нолы и Вульчи замечательны красотой и блеском своей глазури.

Согласно д'Анкарвилю, вазы обжигались в открытой печи. Изображения древних печей встречаются на расписных вазах. Печи были простой конструкции, по форме напоминали высокие духовки, подпитываемые снизу огнем, в который вазы помещались с помощью длинной лопаты, напоминающей кожуру пекаря.

ВАЗА, ИЗОБРАЖАЮЩАЯ БРАКОСОЧЕТАНИЕ. (Найдена в Помпеях.)

Цвета, нанесенные по-разному в более ранних и более поздних вазах, привели к тому, что их разделили на два основных класса. На более раннем рисунке земля желтая или красная, а фигуры нанесены на нее черным цветом, образуя своего рода силуэты. Их называют черными или архаичными вазами; они обычно выполнены в античном стиле; их сюжеты принадлежат к древнейшим мифологическим традициям, а надписи на них относятся к древнейшим формам греческого алфавита, написанным справа налево или бустрофедоном. Драпировки, аксессуары, сбруя лошадей и колеса колесниц окрашены в белый цвет. В более поздний период вся ваза была выкрашена в черный цвет, за исключением фигурок, которые тогда были цвета глины, из которой была изготовлена ваза; контуры фигур, волосы, драпировка и т.д. Ранее были прорисованы черным. Таким образом, существует два основных класса греческих ваз, отличающихся черными или желтыми рисунками. В целом они отличаются красотой и элегантностью своих форм. Существует большое разнообразие их размеров; некоторые достигают нескольких футов в высоту и пропорционально широки; другие не выше дюйма. Предмет находится на одной стороне вазы; иногда он занимает всю

окружность, но чаще всего он находится только на одной стороне, и тогда на обратной стороне изображен какой-нибудь незначительный предмет, обычно два или три старика, опирающихся на палку, инструктирующих молодого человека или преподносящих ему какой-нибудь инструмент или утварь; на обратной стороне иногда изображена вакхическая сцена. На некоторых вазах были найдены изображения двух предметов по бокам вазы. На некоторых из лучших ваз предмет проходит по всей окружности вазы. На ноге, шее и других частях тела обычные греческие орнаменты, витрувианский свиток, меандр, пальметта, жимолость. Гирлянда иногда украшает шею или, вместо нее, женскую голову, венчаемую цветком. К этим украшениям, как правило, относятся с величайшим вкусом и элегантностью. Помимо очевидной разницы в стиле ваз, существует заметная разница в исполнении росписей. Не все они отличаются высочайшими достоинствами, но смелость очертаний на них в целом замечательна. Их можно было выполнить только с максимальной быстротой, так как глина очень быстро впитывала краски, так что, если бы линия была прервана, соединение было бы заметно. Некоторые считали, что фигуры были выполнены с помощью вырезанных узоров, которые, будучи нанесенными на вазу, сохраняли на черном фоне основные массы желтого цвета, которые впоследствии были обработаны кистью. Но от этого мнения сэра Уильяма Гамильтона отказался он сам, особенно после того, как были распознаны следы точки, с помощью которой художник сначала набросал на мягкой глине основные контуры, которые он впоследствии завершил кистью, смоченной в черном пигменте, не соблюдая, однако, строго линий, очерченных точкой. Следы от точки наблюдаются редко; все зависело от мастерства и таланта художников. Должно быть, их было очень много, поскольку эти вазы встречаются в таком количестве, и большее их количество можно рассматривать как образцы превосходства их дизайна и вкуса композиции. Нередко художники, которыми были написаны рисунки, ставили на них свои имена; основные известные имена - Клитий, Дорис, расписавшая знаменитую вазу Франсуа, Астей и Эпиктет. Клитиас - самый древний; его рисунки свидетельствуют о зарождении искусства, рисунки других художников демонстрируют большой прогресс в искусстве; название можно узнать по слову *painted*, которое следует за ним сразу. На некоторых вазах начертано имя гончара.

Одним из первых мастеров был Талейдес. Было найдено около пятидесяти имен гончаров, но они встречаются только на отборных образцах искусства. На многих вазах имя художника встречается вместе с именем гончара, что значительно повышает ценность вазы. На знаменитой вазе Франсуа указано имя художника Клитиаса и имя гончара Эрготимоса. Некоторые гончары, такие как Амасис и Евфроний, расписывали и изготавливали вазы. Иногда на вазах встречаются и другие надписи, которые значительно повышают их ценность. Обычно это имена богов, героев и других мифологических персонажей, которые изображены на картинах.

Эти надписи представляют большой интерес по двум причинам: во-первых, по форме букв и порядку, в соответствии с которым они нанесены, можно определить большую или меньшую древность вазы, эти надписи обязательно повторяют все изменения греческого алфавита; необходимо внимательно изучить, идет ли надпись справа налево, заменяются ли долгие гласные, двойные буквы беззвучными гласными или одиночными буквами; в целом это признаки относительной древности, которые доказывают древность самой вазы; во-вторых, потому что названия неизменно объясняют сюжет картины, и даже обозначают под неизвестным до сих пор именем либо какого-то персонажа, который иногда носил другое имя, либо человека, чье настоящее имя было неизвестно, в конечном счете, некое мифическое существо, о котором древние авторы не дают нам никакой информации.

Информация, полученная из ваз, имеет большое значение для изучения греческой мифологии в разные ее эпохи, а также для интерпретации и понимания древних трагических или лирических поэтов. На вазах также были найдены моральные или исторические надписи в прозе и стихах. Буквы этих надписей заглавные или скорописные; они очень тонко прорисованы и часто требуют большого внимания для восприятия. Они прорисовываются черным или белым цветом кистью, иногда их надрезают очень острым концом.

На некоторых из них, которые были подарены каким-то "прекрасным юношам", мы находим надпись "красивый мальчик", а также форму "красивый Онеторид", "красивый Стройбос". Одного юношу называют "самым красивым Гиппокритом". Имена женщин, будь то невесты, красавицы или гетеры, встречаются в сопровождении выражений "прекрасная Нананта", "прекрасная Родон". На других лицах иногда встречаются приветственные выражения, такие как "Приветствую тебя"; "Счастлив, насколько это возможно".

Сюжеты, представленные на расписных вазах, хотя и бесконечно разнообразны, могут быть сведены к трем классам, которые включают их все: 1. Мифологические сюжеты; 2. Героические сюжеты; 3. Исторические сюжеты. *Мифологические* сюжеты относятся к истории всех богов, и их приключения в человеческом обличье воспроизведены на них в тысяче форм. Это требует глубокого и досконального знания греческой мифологии, чтобы объяснить различные сюжеты. Одним из старейших и наиболее популярных сюжетов в Греции была Гигантомахия, которая представлена целиком на многих вазах, в то время как другие содержат отдельные эпизоды из нее.

Среди представленных олимпийских божеств Зевс занимает видное место. Отец богов, великий громовержец, редко появляется один, но в основном его можно увидеть в сценах из "Гераклиды" и "Троянской войны". На черных вазах и вазах самого изысканного стиля с красными фигурами также часто изображены его любовные похождения. Богиня Гера появляется редко.

Афина, великое женское божество ионической расы, играет важную роль во многих сценах. В роли афины Паллады она часто появляется; обычно пешком, но иногда в своей квадриге. Посейдон, морской бог, появляется как подчиненный во многих сценах и как главный герой в других. Аполлон, Артемида, Гефест, Арес, Афродита и Гермес часто появляются в различных сценах на вазах. Большая часть росписей на вазах посвящена Дионису, его празднествам и мистериям. На них мы видим изображения его рождения, детства, образования, всех его подвигов, его банкетов и игр; его обычных спутников, его религиозных церемоний, лампадефори, размахивающих длинными факелами, дендрофори, поднимающих ветви деревьев, украшенных гирляндами и табличками; посвященных, готовящихся к мистериям; наконец, церемоний, характерных для этих великих учреждений, и обстоятельств, связанных с их догмами и их целью. Низшие божества также изображены на вазах.

The *Исторические* сюжеты начинаются с Троянской войны. Художники, так же как и поэты, нашли в этом событии обширное поле для проявления своих талантов и воображения. На вазах изображены главные действующие лица этой незабываемой драмы. Изображены основные сцены Троянской войны; но мы должны отметить, что исторические сюжеты не распространяются на более поздний период, чем Гераклидский.

Среди представленных эпизодов - вступительные сцены "Илиады", ссора Агамемнона и Ахилла, Брисеида, уводимая герольдами, Парис и Елена, смерть Патрокла, горе Ахилла, вооружение Ахилла, смерть Гектора, Приам, умоляющий о трупе Гектора, ужасная сцена последней ночи Трои. Также встречаются многие сюжеты из "Одиссеи". Эпизоды из

греческой драмы встречаются часто, такие как смерть Агамемнона, встреча Ореста и Пилада с Электрой, смерть Клитемнестры, фурии, преследующие Ореста.

ВАЗА, ИЗОБРАЖАЮЩАЯ ТРОЯНСКУЮ ВОЙНУ (*найдена в Помпеях.*)

Мы можем рассматривать как относящиеся к классу исторических ваз те, на которых изображены общественные и частные обычаи; те, которые изображают игры, трапезы, живописные изображения боев животных, сюжеты охоты и похорон.

Миллинген отмечает, что сюжеты картин варьируются в зависимости от периода и мест, в которых они были выполнены; на самых древних вазах часто можно увидеть дионисийские сцены. Поскольку первоначально большее количество из них предназначалось для хранения вина, они были украшены аналогичными предметами. Работы, относящиеся к прекрасному периоду развития искусства, особенно мануфактуры Нолы, города, в котором греческие институты соблюдались с особой тщательностью, представляют древние традиции мифологических эпизодов во всей их чистоте. Те, что относятся к более позднему периоду, представляют сюжеты, заимствованные у авторов трагедий. Наконец, на тех, что относятся к периоду упадка, мы видим изображения новых церемоний и суеверий, которые были смешаны с древней и простой религией греков. Расписные вазы представляют, таким

образом, наибольший интерес для изучения нравов и обычаев древней Греции и тех, которые римляне переняли у нее в подражание.

ВАЗА. (Найдена в Помпеях.)

Относительно использования этих ваз было высказано множество мнений; но тщательное изучение большого количества ваз привело бы нас к предположению, что многие из них, несомненно, были предметами домашней обстановки для использования и украшения, такими как вазы большего размера, предназначенные по своему размеру, весу и форме оставаться на одном и том же месте, в то время как другие, разных размеров и форм, были сделаны для хранения вина и других жидкостей, мазей и духов. Очевидно, что они служили скорее для украшения, чем для использования, и что они рассматривались как предметы искусства, поскольку картины, по-видимому, были выполнены лучшими художниками того периода. В основном они использовались для развлечений и банкетов богатых людей. Их использование можно увидеть в сценах, нарисованных на самих вазах. Многие из них, особенно в более позднем стиле, использовались исключительно в декоративных целях, о чем свидетельствует тот факт, что только одна сторона была выполнена с особой тщательностью, в то время как другой пренебрегли, как в рисунке, так и в сюжете. Тем, у кого были панафинейские сюжеты, вероятно, дарили полные бутылки масла в качестве призов на национальных играх. Они назывались *Атла*. Некоторые вазы с надписью "Из Афин" или "Приз из Афин", по-видимому, были подарены победителям в пятиборье или курсах атлетических упражнений в Панафинеях. Другие, возможно, были преподнесены на палестрических празднествах, или в качестве свадебных подарков, или как клятвы в любви и дружбе; и они отмечены какой-нибудь соответствующей надписью.

ГРЕЧЕСКОЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ.

Мы обнаруживаем, что они также использовались в церемониях Мистерий, поскольку видим их формы, представленные на самих вазах: Вакх часто держит кантар, Сатиры несут диоту. Некоторые из них, по-видимому, предназначались специально для погребальных целей. Некоторые предполагали, что эти вазы предназначались для хранения праха умерших; но это не могло быть их назначением, поскольку их находят только в гробницах, в которых тела были похоронены без сожжения. Благочестивые родственники украсили могилу покойного теми вазами вместе с его доспехами и драгоценностями, которыми они больше всего дорожили при жизни, которые были связаны с их привычками или напоминали обстоятельства, памятью о которых они дорожили.

Мы не могли бы не удивляться идеальной сохранности таких хрупких предметов, если бы не знали, что они были найдены в гробницах. Те, в которых они найдены, расположены у стен, но за пределами города, на небольшой глубине, за исключением Нолы, где извержения Везувия значительно подняли почву с того периода, когда были сделаны гробницы, так что некоторые из гробниц Нолы находятся примерно на глубине двадцати одного фута под землей.

В Греции могилы, как правило, небольшие и предназначены для одиночных захоронений, что объясняет сравнительно небольшой размер ваз, обнаруженных в этой стране. В Афинах более ранние захоронения зарыты глубже всего в почву, а в Коринфе, особенно те, в которых хранятся ранние коринфские вазы, их находят путем бурения на глубину нескольких футов под поверхность.

Ранние гробницы Чивита Веккья и Кере, или Черветри, в Италии, вырыты в земле; а гробницы в Вульчи и на этрусской территории, откуда были извлечены самые прекрасные и крупные вазы, представляют собой камеры, высеченные в скалах. В южной Италии, особенно в Кампании, общие гробницы сооружаются из грубых камней или плиток и имеют ровно такой размер, чтобы вместить труп и пять или шесть ваз; маленькую ставят возле головы, а остальные - между ног тела, или они располагаются в ряд с каждой стороны, часто только с левой.

Количество и красота ваз варьируются, вероятно, в зависимости от ранга и состояния владельца гробницы. Гробницы первого класса больше и построены из крупных обтесанных камней и редко соединены цементом; стены внутри покрыты штукатуркой и украшены росписями; эти гробницы напоминают небольшую камеру; труп кладут посередине, вокруг него расставляют вазы, часто к стенам на бронзовых гвоздях подвешивают какие-то другие. В этих гробницах всегда больше ваз; они также имеют более изящную форму.

В гробницах иногда находят несколько других предметов, таких как золотые и серебряные фибулы, мечи, копья, доспехи и несколько украшений. Предметы, захороненные вместе с трупом, как правило, свидетельствуют о вкусах и занятиях умершего. Воинов находят в их доспехах, женщин - с украшениями для туалета, священников - с их жреческими украшениями, как в гробнице в Черветри. Когда вазы вынимают из раскопок, они покрываются налетом беловатой земли, чем-то похожим на винный камень, известковой природы; он исчезает при нанесении aqua fortis. Эту операцию следует выполнять с большой осторожностью, поскольку, хотя aqua fortis не повреждает черный лак, она может испортить некоторые другие цвета.

2000 ЛЕТ.

Некоторые из этих ваз сохранились так хорошо, как будто их только что выпустили из рук гончара; другие сильно пострадали от землистых солей, с которыми они соприкасались; многие найдены разбитыми — они были собраны и отреставрированы с большим мастерством. Но эта реставрационная работа, особенно если художник добавляет какие-

либо детали, которые не видны на оригинале, может изменить или метаморфизировать предмет, и археологу не следует придавать большого значения этим современным дополнениям при изучении расписной вазы.

Из этих ваз было сформировано несколько коллекций. В Британском музее хранятся лучшие коллекции, приобретенные правительством у сэра Уильяма Гамильтона и других. Музей в Неаполе и Григорианский музей в Ватикане также содержат множество прекрасных образцов из Великой Греции и Этрурии. В Британском музее хранится около 2600 ваз всех видов. Музей в Неаполе насчитывает около 2100 экспонатов, а Григорианский музей в Риме - около 1000. Несколько любителей также сформировали коллекции в Англии, Франции и Италии. Мы можем упомянуть имена Роджера, Хоуп, сэра Гарри Энглфилда в Англии; имена герцога де Блакаса, графа Пурталеса во Франции; и имя маркиза Кампаны в Риме. Общее количество ваз в государственных и частных коллекциях, вероятно, составляет 15 000 всех видов. Некоторые из этих сборников были опубликованы, например, первый сборник сэра Уильяма Гамильтона, объясненный д'Анкарвилем; второй - Тишбейном. Также было опубликовано несколько работ, в которых подробно рассказывается о расписных вазах в целом.

Мы уже упоминали о роскошном обычае, распространенном среди римлян после завоевания Греции и Азии, делать столовую и даже кухонную утварь из чистого серебра. Ценная посуда была обычным явлением в домах богачей. Согласно Плинию, рукояти мечей и пояса простых солдат были украшены серебром; женские ванны были покрыты тем же ценным материалом, который использовался даже для изготовления обычных кухонных и судомоечных принадлежностей. Были открыты крупные мануфактуры серебряной посуды, в которых каждая часть работы поручалась специальному мастеру; здесь выполнялись заказы торговцев серебром. Среди специальных работников этих мануфактур были моделисты, литейщики, токари или полировщики, резчики, рабочие, которые прикрепляли барельефы к поверхности сосуда, и позолотчики. В нынешнем столетии было найдено много ценных сосудов; другие (например, несколько сотен серебряных сосудов, найденных недалеко от старых Фалерий) бесследно исчезли. Среди открытий, которые, к счастью, ускользнули от рук переплавщика, мы упоминаем клад из более чем ста серебряных сосудов общим весом около 50 фунтов, найденный Берни в Нормандии (1830). Согласно надписям на них, эти сосуды принадлежали сокровищнице храма Меркурия; в настоящее время они находятся в бывшей императорской библиотеке в Париже. На юге России раскопки, проводившиеся в 1831, 1862 и 1863 годах среди могил королей Босфорской империи, дали поразительное количество золотых и серебряных сосудов и украшений, относящихся к третьему веку нашей эры. В Помпеях в 1835 году было обнаружено четырнадцать серебряных ваз; в Кере (1836) в могиле было найдено несколько серебряных ваз (ныне в музее Грегориано). Одна из самых интересных находок была сделана близ Хильдесхайма 7 октября 1868 года и состояла из семидесяти четырех сосудов для еды и питья, в основном хорошо сохранившихся; не говоря уже о многочисленных фрагментах, которые, по-видимому, доказывают, что была обнаружена только часть первоначального сокровища; вес всех сосудов (сейчас в Антиквариуме Королевского музея в Берлине) составляет 107 144 фунта, некоторые более 53 тонн серебра. Стиль и техническая отделка ваз доказывают, что они были изготовлены в Риме; форма букв надписей, найденных на двадцати четырех сосудах, указывает на первую половину первого века после Рождества Христова. Поверхности многих из них покрыты альторельефами из чеканного серебра — обстоятельство, которое восходит к имперским временам и в то же время отличает их от барельефных украшений эпохи расцвета греческого искусства. Позолота драпировок и оружия, а также серебристый цвет обнаженных частей тела, как бы имитирующие греческие статуи из золота и слоновой кости, также указывают на

римское мастерство. Прилагаемые вырезки демонстрируют некоторые из лучших фрагментов этого сокровища. Композиция фигур на поверхности вазы в разрезе на странице 340 демонстрирует истинный художественный гений; обнаженные дети балансируют на водных растениях, растущих извилистыми изгибами из пары грифонов; некоторые из детей атакуют крабов и угрей гарпунами, в то время как другие вытаскивают убитых животных из воды. Изящные группы на сосудах для питья на приведенных выше рисунках в основном взяты из вакхического цикла мифов.

НАЙДЕН В ХИЛЬДЕСХАЙМЕ.

НАЙДЕН В ХИЛЬДЕСХАЙМЕ. (Первого века)

ВАЗА Первого ВЕКА.

ВАЗА Первого ВЕКА.

Помимо сосудов из драгоценных металлов и камней, римляне любили сосуды из стекла. Стекольная мануфактура, зародившаяся в Сидоне, достигла своего апогея совершенства, как в отношении цвета, так и формы, в Александрии примерно во времена Птолемеев. Многие из этих александрийских бокалов сохранились до нас, и их красота полностью объясняет их превосходство, по мнению древних, над теми, что производились в Италии. Здесь же, после открытия превосходных месторождений песка в Кумах и Линтернуме, были открыты стекольные заводы. В большинстве наших музеев хранятся образцы старинного производства стекла в форме бутылочек для бальзамов или лекарств из белого или цветного стекла. У нас также есть кубки и бутылки для питья различных форм и размеров, изготовленные из белого или обычного зеленого стекла; они обычно сужаются ко дну и часто имеют бороздки или выступы на внешней поверхности, чтобы предотвратить выскальзывание стакана из рук; часто встречаются урны, оинохои и блюда различных размеров из стекла. Некоторые из них темно-синие или зеленые, другие праздничного цвета с полосками, обвивающими их зигзагообразными или спиральными линиями, напоминающими мозаичные узоры. Нередко встречаются кусочки блестящего стекла, являющиеся, скорее всего, фрагментами так называемых *разноцветных стекол* (не следует путать с изначально белым стеклом, которое обесцветилось под воздействием непогоды). На следующих страницах мы предлагаем назвать несколько наиболее важных образцов изготовления старинного стекла. Одним из первых среди них является сосуд, известный как Барберини или Портлендская ваза, который был найден в шестнадцатом веке в саркофаге так называемой гробницы Севера Александра и его матери Юлии Маммеи. Она хранилась во дворце Барберини в течение нескольких столетий, пока не была приобретена герцогом Портлендским, после смерти которого была передана в Британский музей. Разбитая рукой варвара, она, к счастью, была удовлетворительно восстановлена. Многочисленные репродукции этой вазы в Китае и терракоте сделали ее известной в широких кругах. Мифологические барельефы еще недостаточно объяснены. Подобные стеклянные вазы с барельефным орнаментом иногда встречаются целыми или фрагментами.

ЗАНЯТОСТЬ.

Содержание

Многие искусства и изобретения были широко распространены в Египте на протяжении веков, прежде чем они, как принято считать, стали известны; и мы время от времени удивляемся не меньше, обнаруживая, что некоторые вещи были древними 3000 лет назад, чем были бы удивлены египтяне, если бы услышали, как мы говорим о них как о поздних

открытиях. Одним из них является использование стекла, с которым они были знакомы по крайней мере еще во времена правления первого Осиртасена, более 3800 лет назад; и процесс выдувания стекла представлен во время его правления на картинах Бени Хассана таким же образом, как и на более поздних памятниках в разных частях Египта, вплоть до времен персидского завоевания.

Форма бутылки и использование выдувной трубки недвусмысленно указаны на этих изображениях; а зеленый оттенок оплавленного материала, полученного из огня на конце трубки, в достаточной степени доказывает намерение художника. Но даже если бы у нас не было этих свидетельств использования стекла, об этом свидетельствовали бы те хорошо известные изображения глазурованной керамики, которые были распространены в тот же период; остеклованное вещество, покрывающее их, было того же качества, что и стекло, и содержало те же ингредиенты, сплавленные тем же способом. Помимо множества стеклянных украшений, относящихся, как известно, к более раннему периоду, в Фивах была найдена бусина с именем фараона, жившего около 1450 г. до н.э., удельный вес которой, 25 ° 23', точно такой же, как у хрусталя crown glass, производимого сейчас в Англии.

Стеклянные бутылки встречаются даже на памятниках 4-й династии, датируемых задолго до Осиртасенов, или более 4000 лет назад; прозрачное вещество показывает красное вино, которое в них содержалось; и этот вид бутылок представлен таким же образом среди подношений богам и на праздниках отдельных лиц, где бы ни было представлено вино, с древнейших до позднейших времен. Бутылки и другие предметы из стекла обычно находят в гробницах; и хотя на них нет имен королей или дат, начертанных на них (стекло редко используется для такой цели), нет сомнений в их глубокой древности; и мы можем считать счастливой случайностью то, что сохранилась *одна* бусина с именем правителя 18-й династии. Нет необходимости также указывать, насколько нелогичным является вывод о том, что, поскольку не было найдено других видов стекла с именем царя, они не были изготовлены в Египте в тот же ранний период или даже раньше.

Плиний приписывает открытие стекла нескольким финикийским морякам, случайно разожгшим костер на берегу моря; но если это результат случайности, то секрет, скорее всего, был найден в Египте, где в изобилии имелся натрон (или субкарбонат натрия), а не на берегу моря; и если финикийцы действительно были первыми, кто обнаружил его на *сирийском* побережье, это доказало бы, что их миграция из Персидского залива произошла в очень отдаленный период. Стекло, несомненно, было одним из основных предметов экспорта финикийцев; они торговали бусами, бутылками и другими предметами из этого материала, а также различными изделиями, изготовленными либо у них самих, либо в других странах; но Египет всегда славился своим производством; близ Александрии была найдена особая земля, без которой, по словам Страбона, "было невозможно производить определенные виды стекла многих цветов и блестящего качества", а некоторые вазы, подаренные египетским жрецом императору Адриану, считались настолько любопытными и ценными, что ими пользовались только в торжественных случаях.

Стеклянные бутылки различных цветов охотно закупались в Египте и экспортировались в другие страны; изготовление, а также узоры многих из них, найденных в Греции, Этрурии и Риме, показывают, что они были египетской работы; и хотя им подражали в Италии и Греции, оригинальное искусство было заимствовано у мастеров с берегов Нила.

Их мастерство в изготовлении стекла и в способе окрашивания его в различные оттенки было также таково, что они с успехом подделывали изумруд, аметист и другие драгоценные камни и даже достигли совершенства в искусстве заливать одну и ту же вазу множеством

цветов, чего наши европейские мастера, несмотря на их усовершенствования во многих отраслях этого производства, все еще не могут достичь. Несколько лет назад стеклоделы Венеции предприняли несколько попыток имитировать разнообразие цветов, встречающихся в старинных чашах; но поскольку составные части были разной плотности, не все они охлаждались или затвердевали с одинаковой скоростью, и ваза вышла из строя. И только сделав внутреннюю основу одного цвета, к которой впоследствии добавляются основы внешней поверхности, они смогли изготовить свои разноцветные вазы; некоторые из них были отправлены на Большую выставку 1851 года.

Не так было с египтянами, которые сочетали все нужные им цвета в одной чашке, без внутренней облицовки: те, у кого она была, были более низкого и дешевого качества. У них был даже секрет введения золота между двумя поверхностями стекла; и в их бутылках золотая полоса чередуется с набором синих, зеленых и других цветов. Другой любопытный процесс был также распространен в древнем Египте, более 3000 лет назад, и только что был опробован в Венеции; при этом рисунок на поверхности проходил прямыми линиями прямо через материал; так что, если бы через него было сделано любое количество горизонтальных разрезов, на верхней и нижней поверхности каждого из них было бы одно и то же устройство. На самом деле это стеклянная мозаика, изготовленная путем сплавления вместе как можно большего количества тонких стержней из непрозрачного стекла требуемого для рисунка цвета, таким же образом, как склеивается древесина в Tanbridge-ware, образуя более крупный и грубый узор. Мастерство, требуемое для этой изысканной работы, проявляется не только в самом искусстве, но и в тонкости рисунка; поскольку некоторые птичьи перья и другие детали можно разглядеть только с помощью линзы; это увеличительное средство, очевидно, использовалось в Египте при изготовлении этой Мозаики из стекла. Действительно, открытие хрусталика мистером Лейардом в Нимруде удовлетворительно доказывает его использование в ранний период в Ассирии; и мы можем заключить, что это открытие не было ни недавним, ни ограниченным этой страной.

ДРЕВНИЕ СТЕКЛЯННЫЕ СОСУДЫ.

Винкельман придерживается мнения, что "древние довели искусство изготовления стекла до более высокой степени совершенства, чем мы, хотя это может показаться парадоксом тем, кто не видел их работ из этого материала"; и мы можем даже добавить, что они использовали его для других целей, за исключением, конечно, окон, неудобство которых под жарким

солнцем Египта было бы невыносимым, или даже в Италии, и только одно оконное стекло было найдено в Помпеях, в месте, не подверженном воздействию внешнего света.

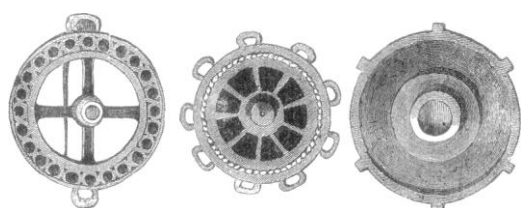

СТЕКЛЯННАЯ ПРОТЯЖКА.

То, что египтяне более 3000 лет назад были хорошо знакомы не только с изготовлением обычного стекла для бус и бутылок обычного качества, но и с искусством окрашивать его в различные цвета, в достаточной степени доказывается фрагментами, найденными в гробницах Фив; и они были настолько искусны в этом сложном процессе, что имитировали самые причудливые приспособления и преуспели в подделке богатых оттенков и блеска драгоценных камней. Зеленый изумруд, фиолетовый аметист и другие дорогие драгоценные камни были успешно подделаны; ожерелье из фальшивых камней можно было купить у египетского ювелира, чтобы порадовать владельца или обмануть незнакомца, выдавая его за настоящий; а некоторые фальшивые жемчужины (недавно найденные в Фивах) были настолько искусно подделаны, что даже сейчас с помощью сильной линзы трудно обнаружить подделку.

Плиний говорит, что изумруд подделать было легче, чем любой другой драгоценный камень, и считает искусство имитации драгоценных камней гораздо более прибыльным видом обмана, чем любой изобретенный человеком; Египет, как обычно, был страной, наиболее известной этим производством; и мы можем легко поверить, что во времена Плиния они настолько преуспели в имитации, что стало трудно отличить фальшивые камни от настоящих.

Многие изделия в виде бусин были встречены в разных частях Египта, особенно в Фивах; и египтяне настолько прониклись духом подражания, что даже маленькие фигурки, скарабеи и предметы, сделанные из обычного фарфора, были подделаны, поскольку были сделаны из еще более дешевых материалов. Фигурка, полностью сделанная из фаянса с глазурованной внешней поверхностью, подвергалась несколько более сложному процессу, чем когда ее вырезали из камня и просто покрывали стекловидным покрытием; следовательно, последнее можно было продать по низкой цене; оно обладало всем блеском первого, и один только его вес выдавал его неполноценность; таким образом, все новое или приятное по внешнему виду было доступно всем классам населения, или, по крайней мере, владелец получал удовлетворение от того, что, казалось, приобрел к каждой модной новинке.

ИМИТАЦИЯ НАСТОЯЩИХ КАМНЕЙ.

Такие изобретения и успешные попытки имитировать дорогие украшения из более скромных материалов не только демонстрируют прогресс искусства среди египтян, но и убедительно доказывают значительный прогресс, которого они достигли в обычаях цивилизованной жизни; поскольку несомненно, что до тех пор, пока общество не достигло высокой степени роскоши и утонченности, искусственные потребности такого рода не создаются, и беднейшие классы еще не испытывают желания подражать богатым в выборе предметов, зависящих от вкуса или случайного каприза.

Стеклянный стеклярус и бусины широко использовались египтянами для ожерелий и для своего рода сети, которой они покрывали обертки и картонную упаковку мумий. Они были расположены таким образом, что своими разнообразными оттенками образовывали многочисленные приспособления или фигурки на манер наших сумочек из бисера; и женщины иногда забавлялись, нанизывая их для декоративных целей, как в наши дни.

Гораздо более многочисленным классом были гончары; и все процессы замешивания глины, переворачивания, обжига и полировки ваз представлены в гробницах Фив и Бени-Хассана, о которых мы уже говорили.

Они часто месили глину ногами, а после того, как она была как следует обработана, руками придавали ей форму удобного размера и помещали на колесо, которое было очень простой конструкции и обычно вращалось рукой. Различные формы ваз были приданы пальцем во время переворачивания; ручки, если они у них были, впоследствии прикреплялись к ним; а приспособления и другие декоративные детали были прорисованы деревянным или металлическим инструментом перед их обжигом. Затем им давали высохнуть, и для этой цели их раскладывали на деревянных досках; затем их с большой осторожностью укладывали на противни и переносили с помощью обычного ярма, которое несли на плечах мужчины, в печь.

Египтяне проявляли большой вкус при изготовлении золотых, серебряных, фарфоровых и стеклянных ваз, но когда они делались из фаянса для обычных целей, они часто были лишены элегантности и едва ли превосходили английские вазы, пока вкус Веджвуда не заменил изящные формы греческих моделей некоторыми неприличными изделиями наших старых гончарных мастерских. Хотя глина Верхнего Египта особенно подходила для изготовления пористых бутылок, ее можно было получить достаточно хорошего качества для изготовления ваз, подобных греческим и итальянским; в Египте также хороший вкус распространялся не на все слои населения, как в Греции; и вазы, используемые для набирания воды из колодца или из Нила, были самого обычного вида, намного хуже тех, которые афинские женщины носили к фонтану Каллиро.

Греки, это правда, были обязаны Египту многими полезными знаниями и многими ранними намеками на искусство, но они быстро превзошли своих наставников; и, пожалуй, ни в чем это не проявляется так ярко, как в произведениях гончара. Примеры наиболее распространенных из них приведены ниже.

Плотники и краснодеревщики были очень многочисленным классом рабочих, и их занятия составляют один из самых важных сюжетов на картинах, представляющих египетские ремесла.

ДРЕВНЕЕГИПЕТСКАЯ КЕРАМИКА.

Для декоративных целей, а иногда даже для изготовления гробов, дверей и шкатулок использовались иностранные породы дерева; сосну и кедр ввозили из Сирии; а часть пожертвований, взимаемых с покоренных племен Эфиопии и Азии, состояла из черного дерева и других редких пород дерева, которые ежегодно привозили вожди, уполномоченные вносить дань от своей страны египетским фараонам.

Шкатулки, стулья, столы, диваны и другие предметы мебели часто изготавливались из черного дерева, инкрустировались слоновой костью, платаном и акацией, покрывались тонким шпоном или украшались резными элементами из редких пород дерева, нанесенными на них или впущенными в них; и любовь к этой витрине подсказала египтянам искусство росписи обычных досок в подражание иностранным сортам, столь широко распространенным в других странах в наши дни.

Краски обычно наносились на тонкий слой штукатурки, гладко укладываемый на предварительно подготовленную древесину, а различные сучки и зернистости, нанесенные на эту основу, указывали на качество древесины, которую намеревались подделать.

Обычными инструментами плотника были топор, тесло, ручная пила, стамески различных видов (по которым ударяли деревянным молотком), дрель и два вида рубанков (один напоминал стамеску, другой, по-видимому, был каменным и служил рашпилем на поверхности дерева, которое затем полировалось гладким предметом, вероятно, тоже из камня); и все это, вместе с линейкой, отвесом и прямым углом, кожаным мешочком с гвоздями, точилом и рожком для масла, составляло основные и, возможно, единственные орудия, которые он использовал. использованный.

В Фивах было найдено множество тесел, пил и стамесок. Все лезвия сделаны из бронзы, рукоятки из акации или тамариска; и, по-видимому, обычным способом крепления лезвия к рукоятке были ремешки из кожи. Вполне вероятно, что некоторые из найденных в гробницах являются всего лишь моделями или незаконченными образцами, и, возможно, было сочтено достаточным показать их внешний вид без необходимости прибавлять их гвоздями под ремешками, поскольку те, с кем они работали, были связаны таким же образом, хотя мы полагаем, что они также были закреплены гвоздями. Однако некоторые из них, очевидно, принадлежали людям, в чьих гробницах они были похоронены, и, по-видимому, ими пользовались; а на резцах часто видны следы ударов молотком.

Дрель часто изображается в скульптурах. Как и все другие инструменты, он был древнейшего времени и в точности походил на инструменты современного Египта, вплоть до гайки дома в которой он вращался, и формы его дужки с кожаным ремешком.

Долото использовалось для тех же целей и тем же способом, что и в наши дни, и ударялся деревянным молотком, иногда плоским с двух концов, иногда круглой или овальной формы; несколько таких долот были найдены в Фивах и находятся в европейских музеях. Ручки стамески были из акации, тамариска или другого плотного дерева, лезвия - из бронзы, а

форма наконечников варьировалась по ширине в зависимости от работы, для которой они предназначались.

Топор в основном использовался строителями лодок и теми, кто изготавливал большие каркасные конструкции; тем же инструментом валили деревья.

Наряду с плотниками можно упомянуть колесников, изготовителей гробов и бондарей, и это подразделение одного класса ремесленников показывает, что они систематически применяли разделение труда.

Изготовители колесниц и дорожных экипажей принадлежали к одному классу; но при их изготовлении использовались как плотники, так и кожевенники; и колесницы либо проходили через руки обоих, либо, что более вероятно, изготовители колесниц составляли отдельную профессию.

Дубление и обработка кожи также были отраслью искусства, в которой египтяне проявляли значительное мастерство; кожевенники составляли одно из основных подразделений четвертого класса, и им был отведен исключительно район города в ливийской части Фив, где они были известны как "кожевенники Мемнонии".

Многие из занятий их ремесла изображены на расписных стенах гробниц в Фивах. Они изготавливали обувь, сандалии, чехлы и сиденья стульев или диванов, футляры для луков и большую часть декоративного убранства колесницы; арфы также украшались цветной кожей, а щиты и множество других вещей были обтянуты кожей, приготовленной различными способами. Они также делают шкуры для переноски воды, вина и других жидкостей, покрытые изнутри смолистым веществом, как это до сих пор принято в Египте.

Магазины египетского города, вероятно, были похожи на магазины Каира и других восточных городов, которые состоят из квадратного помещения, открытого спереди, с опускающимися или раздвижными ставнями, закрывающими его на ночь, и товары, расставленные на полках или подвешенные к стенам, выставлены на обозрение проходящим мимо. Впереди обычно находится возвышенное сиденье, на котором владелец магазина и его покупатели сидят в течение длительного процесса заключения сделки, предшествующего продаже или покупке самого мелкого товара, и здесь праздный бездельник часто проводит целые часы, стремясь не столько принести пользу продавцу, сколько развлечься, наблюдая за оживленной сценой проходящей толпы.

Вероятно, что, как и в наши дни, они ели под открытым небом перед своими магазинами, на виду у каждого проходящего, и на этот обычай, возможно, ссылается Геродот, когда говорит: "Египтяне едят на улице".

Нет прямых доказательств того, что древние египтяне указывали имя и профессию владельца лавки, хотя наличие иероглифов, обозначающих это последнее, вместе с эмблемой, которая на это указывала, может показаться аргументом в пользу этого вопроса; а отсутствие имен многих людей на скульптуре легко объясняется тем фактом, что эти сцены относятся ко всему ремеслу, а не к какому-либо конкретному человеку.

Высокая оценка, которой пользовались жреческие и военные профессии в Египте, ставила их намного выше остальной части общества; но у других классов также была своя степень значимости, и отдельные люди пользовались положением и важностью пропорционально их респектабельности, талантам или богатству.

Согласно Геродоту, вся египетская община была разделена на семь колен, одно из которых было жреческим, другое - солдатским, а остальные пять - пастухами, свинопасами, торговцами, переводчиками и лодочниками. Диодор утверждает, что, подобно афинянам, они были разделены на три класса — священников, крестьян или земледельцев, из которых набирали солдат, и ремесленников, которые занимались ремеслом и другими подобными занятиями, а также занимали общие должности среди народа, — но в другом месте он расширяет это число до пяти и считает пасторов, земледельцев и ремесленников независимыми от солдат и священников. Страбон ограничивает их тремя: военными, земледельцами и священниками; а Платон делит их на шесть групп: священников, ремесленников, пастухов, охотников, земледельцев и солдат; каждое особое искусство или занятие, которое он наблюдает, ограничено определенным подразделением касты, и каждый занимается своей ветвью, не вмешиваясь в занятие другого. Отсюда следует, что первый класс состоял из священников, второй - из солдат, третий - из земледельцев, садовников, охотников, нильских лодочников и других; четвертый - из ремесленников, торговцев и коммерсантов, плотников, строителей лодок, каменщиков и, вероятно, гончаров, общественных весовщиков и нотариусов; а к пятому можно отнести пасторов, птицеводов, птицеловов, рыбаков, чернорабочих и, вообще говоря, простых людей. Многие из них снова были разделены как ремесленники и торговцы в соответствии с их особым ремеслом или занятием; а как пастухи - на бычьих пастухов, чабанов, козопасов и свинопасов, которые, согласно Геродоту, были низшей ступенью не только класса, но и всего сообщества, поскольку никто не хотел ни жениться на их дочерях, ни устанавливать с ними какие-либо семейные связи. Уход за свиньями был настолько унижительным занятием, что на них смотрели как на нечистых, и им даже запрещалось входить в храм без предварительного очищения; и предубеждения индийцев против этого класса людей почти оправдывают нашу веру в утверждение историка.

Не останавливаясь на выяснении относительного положения различных подразделений третьего класса, отметим важность сельского хозяйства в такой стране, как Египет, где богатство и продуктивность почвы всегда были общеизвестны, и этого достаточно, чтобы выдвинуть на первое место земледельцев.

Обильные запасы зерна и других продуктов давали Египту преимущества, которыми не обладала ни одна другая страна. Ее густонаселенное население не только в изобилии снабжалось всем необходимым для жизни, но продажа излишков давала значительные выгоды крестьянину в дополнение к прибыли, которая оттуда поступала государству, поскольку Египет был житницей, где с древнейших времен все люди были уверены, что найдут обильный запас зерна, и некоторое представление об огромном количестве произведенного там зерна можно составить из обстоятельства "семи изобильных лет", дающих, благодаря переизбытку урожая, достаточное количество зерна, чтобы прокормить все население в течение семи лет дефицита, а также из-за того, что в Египте было много зерна. а также "все страны", которые посылали в Египет "покупать" его, когда фараон, по совету Иосифа, откладывал ежегодный излишек для этой цели.

Право вывоза и продажи излишков продукции иностранцам принадлежало исключительно правительству, о чем ясно свидетельствует продажа кукурузы израильтянам из царских запасов, а сбор производился только фараоном; и вполне вероятно, что даже богатые землевладельцы имели обыкновение продавать правительству то количество, которое оставалось в наличии к началу каждого последующего сбора урожая, в то время как сельскохозяйственным рабочим из-за их бережливого образа жизни требовалось очень мало пшеницы и ячменя, и они в целом довольствовались, как и в наши дни, хлебом,

приготовленным из *Доры*. мука; дети и даже взрослые, согласно Диодору, часто питаются кореньями и сочными травами, такими как папирус, лотос и другими, либо сырыми, поджаренными, либо вареными.

Правительство напрямую не вмешивалось в то, чтобы крестьяне соблюдали природу продуктов, которые они намеревались выращивать; и неприятности более поздних времен были неизвестны при фараонах. Считалось, что у них были наилучшие возможности получить путем непосредственного наблюдения точные знания по всем предметам, связанным с земледелием, и, как замечает Диодор, "будучи с младенчества приученными к земледелию, они намного превзошли земледельцев других стран и познакомились с возможностями земли, способом орошения, точным временем сева и жатвы, а также со всеми наиболее полезными секретами, связанными с урожаем, которые они унаследовали от своих предков и усовершенствовали на собственном опыте". "Они арендовали, - говорит тот же историк, - за небольшую сумму пахотные земли, принадлежавшие королям, священникам и военному сословию, и все свое время тратили на обработку своих ферм", а рабочие, обрабатывавшие землю для богатого крестьянина или других землевладельцев, находились под надзором управляющего или владельца поместья, который имел над ними власть и право приговаривать правонарушителей к бастинадо. Об этом свидетельствуют изображения гробниц, на которых часто изображен влиятельный человек, осматривающий возделывание поля, либо сидящий в колеснице, либо идущий пешком, либо опирающийся на свой посох в сопровождении любимой собаки.

Способ орошения на поле крестьянина был таким же, как и в саду виллы; и основное различие в способе обработки земли первого заключалось в использовании плуга.

Обычным приспособлением для сбора воды из Нила для полива посевов был *шадуф*, или шест с ведром, которые до сих пор распространены в Египте, и даже водяное колесо, по-видимому, использовалось в более поздние времена.

Скульптуры гробниц часто изображают каналы, отводящие воду во время наводнения на поля, и видно владельца поместья, описанного Вергилием, курсирующего в светлом раскрашенном ялике или плоскодонке из папируса и наблюдающего за обслуживанием дамб или другими важными делами, связанными с землей. Лодки доставляют зерно в житницы или перегоняют стада с равнин; когда вода спадает, земледелец вспахивает мягкую землю парой волов, и те же самые субъекты приносят в жертву богам первые плоды в знак признания благ, даруемых "благоприятным Нилом". Главный канал обычно проходил по верхней или южной стороне участка, а небольшие ответвления, отходящие от него через определенные промежутки времени, пересекали поля прямыми или изогнутыми линиями, в зависимости от характера или возвышенности почвы.

Были выставлены часовые для наблюдения за дамбами, защищавшими низменности, и принимались все меры предосторожности для предотвращения любого внезапного притока воды, который мог бы поставить под угрозу все еще растущие там продукты, скот или деревни. И сохранение дамб имело такое значение, что для их защиты всегда находился сильный караул из кавалерии и пехоты; для надзора за ними были назначены определенные ответственные офицеры, которым выделялись большие суммы денег на их содержание и ремонт, а во времена римлян любой человек, уличенный в разрушении дамбы, приговаривался к каторжным работам на общественных работах или в шахтах, или клеймился и отправлялся в Оазис. Согласно Страбону, система управлялась настолько превосходно, "что искусству иногда удавалось восполнить то, в чем отказывала природа, и с помощью каналов и насыпей не было большой разницы в количестве орошаемой земли,

независимо от того, было ли наводнение недостаточным или обильным". "Если, - продолжает географ, - она поднималась только на высоту восьми локтей, обычно считалось, что наступит голод, так как для обильного урожая требовалось четырнадцать локтей; но когда Петроний был префектом Египта, двенадцать локтей давали такое же изобилие, и они не страдали от недостатка даже при восьми"; и можно предположить, что длительный опыт научил древних египтян получать аналогичные результаты с помощью тех же средств, которые, забытые в последующий период, были скорее возрождены, чем, как думает Страбон, впервые введены римлянами.

В некоторых частях Египта деревни были подвержены наводнению, когда уровень Нила поднимался выше обычного, что подвергало опасности жизни и имущество жителей, а когда их грубые кирпичные дома долгое время находились под воздействием сырости, фундаменты проседали, и рухнувшие стены, пропитанные водой, снова смешивались с грязью, из которой они были извлечены. В этих случаях благословения Нила влекли за собой большие потери для жителей, поскольку, по словам Плиния, "если уровень воды превышал шестнадцать локтей, результатом был голод, как и тогда, когда он достигал высоты всего в двенадцать". В другом месте он говорит: "настоящее затопление составляет шестнадцать локтей * * * * на двенадцать локтей страна страдает от голода и ощущает нехватку даже на тринадцать; четырнадцать вызывают радость, пятнадцать - безопасность, шестнадцать - восторг; наибольший подъем реки за этот период был на восемнадцать локтей в правление Клавдия; наименьший во время Фарсалийской войны".

Очистив землю от воды и представив в одних местах поверхность жидкой грязи, в других - почти высушенную солнцем и сильными северо-западными ветрами (которые продолжают с перерывами до конца осени и начала зимы), земледелец подготовил почву для посева семян, что было сделано либо плугом и мотыгой, либо более простыми способами, в зависимости от характера почвы, качества продукции, которую они намеревались выращивать, или времени, в течение которого земля оставалась под водой.

Когда уровень воды был низким и на земле долго стояла вода, они часто обходились без плуга и, подобно их преемникам, разрыхляли землю мотыгами или просто растаскивали влажную грязь кустами после того, как семена были брошены на поверхность, а затем просто выгоняли на поле некоторое количество крупного рогатого скота, ослов, свиней, овец или коз, чтобы затоптать зерно. "Ни в одной стране, - говорит Геродот, - они не собирают свои семена с таким небольшим трудом. Они не обязаны проводить глубокие борозды плугом и разбивать комья земли, равно как и не разделять свои поля на множество частей, как это делают другие люди, но когда река сама по себе разливается по земле и вода снова спадает, они засевают свои поля, загоняя по ним свиней, чтобы те затоптали семена, и после этого все терпеливо ждут урожая". В других случаях они пахали, но довольствовались, как нам сообщают Диодор и Колумелла, "прокладыванием легких борозд легкими плугами на поверхности земли", а другие следовали за ними с деревянными мотыгами, чтобы разбить комья богатой и вязкой почвы.

Современные египтяне иногда заменяют мотыгу машиной, называемой *хонфуд*, "еж", которая состоит из цилиндра, утыканного выступающими железными штырями, для разбивания комьев после вспашки земли, но это используется только тогда, когда требуется большая осторожность при обработке земли, и они часто обходятся без мотыги, довольствуясь также теми же небольшими бороздами, что и их предшественники, глубина которых не превышает нескольких дюймов и измеряется от нижней части до вершины гребня. Трудно сказать, унаследовали ли современные египтяне нарек на "ежа" от своих предшественников, но любопытно, что в Англии лишь недавно была изобретена машина для

дробления комьев, не очень похожая на египетскую, которую демонстрировали на Большой выставке.

Древний плуг был полностью деревянным и такой же простой формы, как у современного Египта. Он состоял из перекладки, двух ручек и шеста или балки, которая в последнюю очередь вставлялась в нижний конец ходули или основание ручек и укреплялась веревкой, соединявшей ее с пяткой. У него не было сошника, и ни к одному египетскому плугу не прилагались колеса, но, вероятно, острие было снабжено металлическим носком, либо из бронзы, либо из железа. Его тянули два вола, и пахарь направлял их длинной палкой без помощи поводыев, которыми пользуются современные египтяне. Иногда его сопровождал другой человек, который погонял животных, в то время как он управлялся с двумя рукоятками плуга, а иногда кнут заменял более обычное понукание.

Коров иногда запрягали в плуг, и, возможно, им было известно, что корова пашет быстрее быка.

Способ запрягания животных был чрезвычайно прост. Поперек конца шеста деревянное ярмо или поперечная перекладка длиной около пятидесяти пяти дюймов, или пяти футов, крепилась ремнем, натянутым сзади и спереди на выступ, выступающий из центра ярма, который соответствовал аналогичному колышку или набалдашнику на конце шеста, а иногда в дополнение к ним надевалось кольцо, как на некоторых греческих колесницах. На обоих концах хомута был плоский или слегка вогнутый выступ полукруглой формы, который опирался на подушечку, помещаемую на холку животного, а через отверстия по обе стороны от него проходили ремешки для подвешивания наплечников, образующих ошейник. Это были два деревянных бруска, раздвоенных примерно на половину своей длины, с подкладкой для защиты плеча от трения и соединенных на нижнем конце прочной широкой лентой, проходящей под горлом.

Иногда тяга шла не от холки, а от головы, ярмо привязывалось к основанию рогов, и в религиозных церемониях вола часто тянули носилки или священное место за веревку, прикрепленную к верхней части рогов, без ярма или шеста.

Из отрывка из Второзакония "Не паши вместе на воле и осле" можно сделать вывод, что обычай запрягать в плуг двух разных животных был распространен в Египте; но, очевидно, это было не так, и еврейский законодатель, вероятно, имел в виду практику, принятую некоторыми народами Сирии, страну которых израильтяне собирались оккупировать.

Мотыга была деревянной, как вилы и многие другие сельскохозяйственные орудия, и по форме напоминала букву А, с одним концом короче другого и загнутым внутрь. Более длинный конец, или рукоять, был одинаковой толщины, круглым и гладким, иногда с набалдашником на конце, а нижний конец лезвия имел увеличенную ширину и либо заканчивался острием, либо был закруглен на конце. Лезвие часто вставлялось в рукоятьку, и они были связаны вместе примерно по центру скрученной веревкой. Будучи наиболее распространенным инструментом, заменяющим мотыгу, лопату и кирку, он часто изображается на скульптурах, а несколько из них, найденных в гробницах Фив, хранятся в музеях Европы.

Мотыга в иероглифах обозначает букву М, хотя название этого инструмента было на египетском, как и на арабском, *Торе*. Оно образует начало слова *Mai*, "возлюбленный", и входит во множество других сочетаний.

Нет никаких примеров мотыг с металлическими лезвиями, за исключением очень поздних времен, и нет никаких доказательств того, что лемех плуга был обшит металлом.

У топора было металлическое лезвие, бронзовое или железное, и крестьяне иногда изображаются рубящими деревья этим орудием, в то время как другие заняты рыхлением поля, готовясь к его засеву, — подтверждая то, что мы наблюдали, а именно, что древние, так же как и современные, египтяне часто обходились без использования плуга.

Допуск свиней на поля, упомянутый Геродотом, скорее должен был быть произведен до, чем после того, как они засеяли землю, поскольку их привычки не принесли бы никакой пользы фермеру, и другие животные также ответили бы за "топтанье зерна"; но они, возможно, использовались раньше для очистки полей от корней и сорняков, вызванных наводнением; и это, по-видимому, подтверждается стадом свиней с водяными растениями, представленными на могилах.

Иногда они использовали подкормку азотистой почвой, которую рассыпали по поверхности; этот обычай сохранился и по сей день; но это относилось только к определенным культурам, и главным образом к тем, которые выращивались в конце года, поскольку удобряющие свойства аллювиальных отложений полностью соответствовали назначению самого богатого навоза.

Помимо примеси азотистой земли, египтяне использовали и другие виды подкормок и искали для различных производств почвы, наиболее подходящие для них. Они даже использовали край пустыни для выращивания виноградной лозы и некоторых других растений, которые, будучи состоящими из глины и песка, были особенно приспособлены к таким, которые требовали легкой почвы, и возделывание этого дополнительного участка, который нуждался только в надлежащем орошении, чтобы стать высокопродуктивным, имело то преимущество, что значительно увеличивало площадь пахотных земель Египта. Во многих местах мы все еще находим свидетельства того, что они возделывались древними жителями вплоть до позднего периода существования Римской империи; а в некоторых частях Фьома остатки грядок и каналов для орошения, а также корни виноградных лоз обнаружены на участках, расположенных намного выше уровня остальной части страны.

Профессия земледельца во многом зависела от продукта, который он намеревался выращивать. Тем, кто выращивал исключительно кукурузу, оставалось только ждать сбора урожая, но многие культуры требовали постоянного внимания, а некоторые нуждались в частом искусственном орошении.

Выпечка, крашение и роспись.

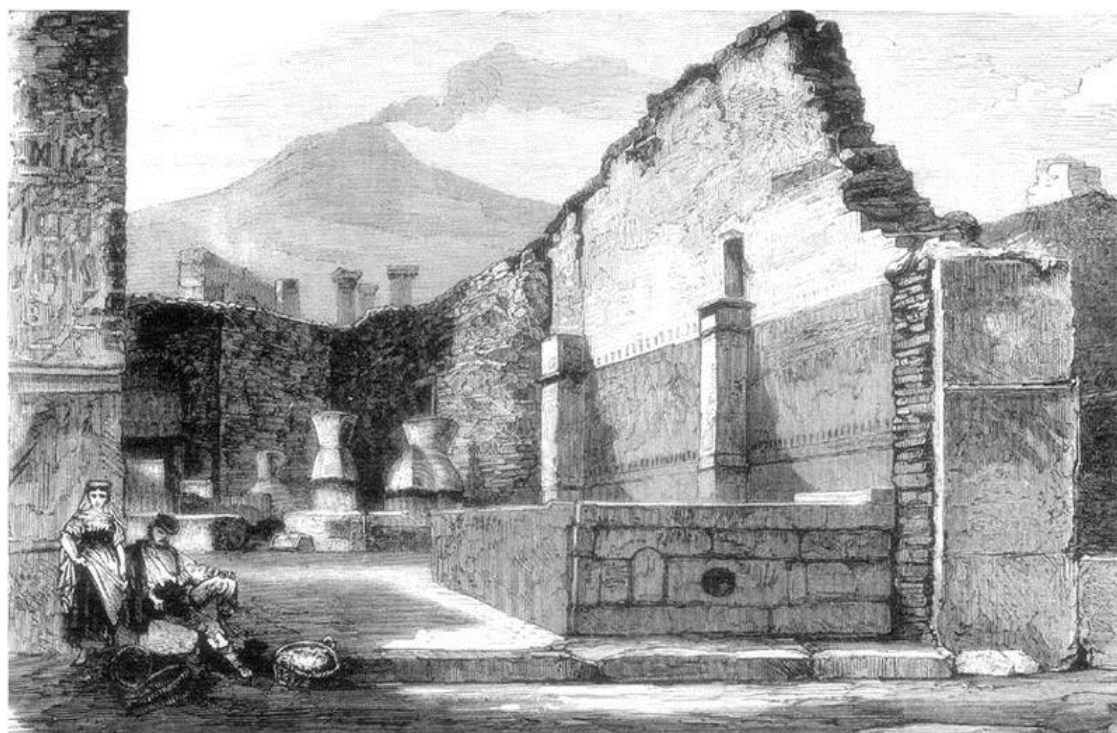
Содержание

Справедливо говорят, что слава актера из всех видов славы самая бренная, потому что он не оставляет никаких следов своего могущества, кроме как в угасающих воспоминаниях поколения, которое его видело. Аналогичное утверждение можно было бы сделать и в отношении механических искусств: из всех видов знания они наиболее скоропортящиеся, потому что знание о них не может быть передано простым описанием. Пусть любое великое потрясение природы положит конец их практике на одно-два поколения, и хотя научная часть их может быть сохранена в книгах, навык манипулирования, приобретенный долгим рядом усовершенствований, будет утрачен. Если Соединенным Штатам суждено снова

впасть в такое состояние варварства, через которое прошла Италия в период, разделяющий древнюю и современную историю, то ее жители через тысячу лет будут знать о ручном процессе книгопечатания, крашения и других искусствах, обеспечивающих наш повседневный комфорт, не больше, чем мы знаем о ручных процессах древней Италии, несмотря на все книги, которые были написаны и будут написаны в будущем. Таким образом, мы относим к числу наиболее интересных открытий Помпеи те, которые касаются способа изготовления изделий кустарного промысла, о которых не будет преувеличением сказать, что мы ничего не знаем, кроме как через это средство. Следует сожалеть, что, насколько нам известно, есть только две профессии, на которые еще пролит свет, а именно пекарь и красильщик. Мы посвятим эту главу сбору того, что известно по этим предметам, и, вероятно, также немного поговорим о живописи.

Было обнаружено несколько пекарен, все в сносной сохранности. Мельницы, печи, корыта для замешивания теста, сосуды для муки, воды, закваски - все было обнаружено и, по-видимому, не оставило нам никаких следов; в некоторых сосудах сохранилась сама мука, которую все еще можно идентифицировать, хотя она превратилась почти в золу. Но в центре оставалось несколько комочков беловатого вещества, напоминающего мел, которое, будучи намоченным и помещенным на раскаленный утюг, придавало особый цвет, который придает мука, обработанная таким образом. Даже сам хлеб, в идеальном, хотя и обугленном виде, в некоторых случаях был обнаружен в духовке. Одна из этих пекарен была пристроена к Дому Саллюстия, другая - к Дому Пансы: вероятно, они стоили приличной арендной платы. Третий, который мы выбираем для описания, поскольку он прекрасно послужит прообразом для всего остального, по-видимому, принадлежал человеку более высокого класса, своего рода капиталисту; ибо вместо того, чтобы просто снимать дом на иждивении у другого человека, он жил в собственном сносно хорошем доме, частью которого является пекарня. Он стоит рядом с Домом Саллюстия, на южной стороне, отделенный от него только узкой улочкой. Его фасад выходит на главную улицу или Via Consularis, ведущую от ворот Геркуланума к Форуму. Войдя через небольшой вестибюль, посетитель оказывается в четырехстилевом атриуме (что нечасто встречается в Помпеях), достаточно просторном, учитывая характер дома, примерно тридцать шесть футов на тридцать. Колонны, поддерживавшие потолок, квадратные и массивные, и их размер в сочетании с признаками, обнаруженными на фрагменте антаблемента, навели Мазуа на мысль, что вместо крыши они были увенчаны террасой. Имплувий мраморный. В конце атриума находится то, что в доме семейного человека назвали бы таблином, через который мы попадаем в пекарню, которая находится в задней части дома и выходит на улочку поменьше, которая, расходясь от главной улицы у фонтана у дома Пансы, избегает прямо к городским стенам. Атриум окружен различными апартаментами, предлагающими множество вариантов размещения, но таких, которые нам нет необходимости описывать.

МЕЛЬНИЦА И ПЕКАРНЯ В ПОМПЕЯХ.

Рабочая комната имеет размеры примерно тридцать три на двадцать шесть футов в длину. В центре расположены четыре каменные мельницы, точно такие же, как в двух других магазинах, поскольку все пекари сами мололи муку. Чтобы дать больше места, они располагаются по диагонали, образуя не квадрат, а ромб. Мазуа присутствовал при раскопках этого дома и видел мельницы в момент их открытия, когда железные изделия, хотя и были полностью изъедены ржавчиной, все же были достаточно совершенны, чтобы удовлетворительно объяснить метод строительства. Лучше всего это будет понятно на следующем рисунке, одна половина которого представляет собой возвышение, а другая - сечение. Вырезка на странице 365 дает некоторое представление о них.

Основание представляет собой цилиндрический камень около пяти футов в диаметре и двух футов высотой. При этом образующий часть того же блока или прочно закрепленный в нем конический выступ высотой около двух футов со слегка загнутыми внутрь сторонами. На нем покоится другой блок, внешне напоминающий коробку для игры в кости, внутри - песочные часы, выполненные в виде двух полых конусов, обращенных вершинами друг к другу, причем нижний соответствует конической поверхности, на которой он покоится, хотя и не с какой-либо степенью точности. Однако, чтобы уменьшить трение, в вершину цельного конуса был вставлен прочный железный стержень, а в узкой части песочных часов было сделано соответствующее углубление. В камне были прорезаны четыре отверстия параллельно этому стержню. Узкая часть была обита снаружи железом, в которое были вставлены деревянные бруссы, с помощью которых верхний камень поворачивался на своей оси трудом людей или ослов. Верхний полый конус служил бункером и был заполнен зерном, которое постепенно просыпалось через четыре отверстия в твердом конусе и измельчалось в порошок трением между двумя шероховатыми поверхностями. Конечно, она постепенно опускалась на дно и выпадала на цилиндрическое основание, вокруг которого был прорезан канал для облегчения сбора. В целом эти машины имеют высоту около шести футов и сделаны из грубого серого вулканического камня, полного крупных кристаллов лейцита. Таким образом, грубая в период высокой утонченности и роскоши машина была одной из самых

распространенных и необходимых — так небрежно относились римляне к количеству труда, потраченного впустую на приготовление предмета повседневного и всеобщего потребления. Вероятно, это было вызвано главным образом наймом рабов, о трудности работы которых мало заботились; в то время как прибыль и поощрение предприимчивости со стороны профессионального пекаря были пропорционально уменьшены, поскольку каждая богатая семья, вероятно, готовила свой хлеб дома. Но то же самое невнимание к полезным искусствам пронизывает все, что они делали. Их мастерство в обработке металлов было равно нашему; ничто не может быть прекраснее исполнения треножников, ламп и ваз, ничто не может быть грубее их замков; в то же время дверные ручки, засовы и т. Д., Которые были замечены, Часто отличались изысканностью обработки. К какой причине можно отнести эту медлительность? В настоящее время мы видим, что материальное усовершенствование любого предмета, пусть даже такого пустякового, как штопор или пенал, почти наверняка принесет состояние какому-нибудь человеку, хотя, к сожалению, этот человек очень часто не изобретатель. Если бы стимулирование промышленности было таким же, результат был бы таким же. Предметы роскоши пользовались большим спросом, и их поставка была первоклассной. Но требования роскошной знати никогда бы не вознаградили ни одного человека за то, что он посвятил свое внимание усовершенствованию мельниц или усовершенствованию работы кузнеца, и в целом торговля была слабой, чтобы задействовать изобретательность. Италия импортировала в основном как сельскохозяйственную продукцию, так и мануфактуры в виде дани из завоеванного мира и, вероятно, экспортировала часть своих специфических продуктов; но мы не знаем, есть ли какие-либо основания предполагать, что она в какой-либо степени производила товары для экспорта.

Первоначально мельницы вращались вручную (на улицах Неаполя до сих пор можно увидеть множество заведений по измельчению кукурузы с помощью ручной мельницы, которую вращал человек. В таких мучных лавках всегда есть изображение Мадонны), и этот тяжелый труд, по-видимому, во все полудикие времена выполнялся женщинами. Так было в Египте; так было и в Греции во времена Гомера, который нанимал на эту службу пятьдесят женщин в доме Алкиноя. Так было в Палестине во времена Евангелистов и в Англии в четырнадцатом и шестнадцатом веках. Мы находим отрывок из Евангелия от Матфея, переведенный Уиклиффом таким образом: "Два wummen schulen (будут) молотить на одной кверне", или ручной мельнице; а историк Харрисон, два столетия спустя, говорит, что его жена молола солод дома на своей кверне. У римлян свободные бедняки иногда нанимались на мельницу, когда не хватало других средств; и Плавт, как говорят, сделал это, будучи доведен до крайней нищеты, и сочинял свои комедии, работая таким образом. Этот труд, однако, падал главным образом на рабов и изображался как самая тяжелая работа, которой им приходилось подвергаться. Тех, кто был виновен в каком-либо правонарушении, в наказание отправляли на мельницу, а иногда заставляли работать в цепях. Однако ослами пользовались те, кто мог себе это позволить. Это полезное животное, по-видимому, использовалось в описываемом нами хозяйстве, поскольку фрагмент челюстной кости с несколькими зубами был найден в помещении, которое, по-видимому, было конюшней; пол вокруг мельницы вымощен грубыми кусками камня, в то время как в остальных помещениях он сделан из штукатурки или компоста. Использование водяных мельниц, однако, не было незнакомо римлянам. Витрувий описывает их конструкцию в терминах, неприменимых к механизму обычной мельницы наших дней, и на них ссылаются другие древние авторы. "Не беритесь за мельницу, о женщины, которые вращают жернова! спите крепко, хотя крик петуха возвещает рассвет, ибо Церера поручила нимфам работу, в которой участвовали ваши руки. Они, срываясь с вершины колеса, заставляют вращаться его ось, которая с помощью движущихся радиусов приводит в действие вес четырех полых фрез. Мы заново ощущаем вкус жизни первых людей, поскольку научились без усталости наслаждаться продуктами Цереры".

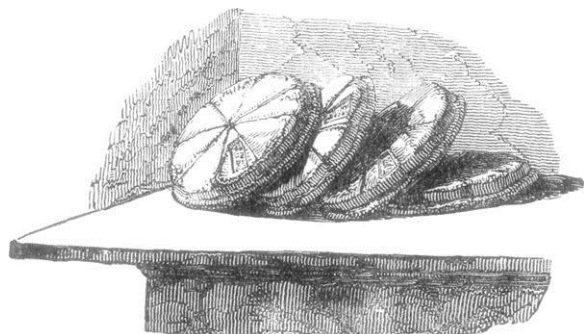
В центре пирса, в задней части, находится отверстие для слива воды, используемой при выпечке хлеба. По бокам расположены сосуды для хранения воды. На пирсе сверху находится картина, разделенная по горизонтали на два отсека. Говорят, что фигуры в верхних изображают поклонение богине Форнакс, богине печи, которую, по-видимому, обожествляли исключительно за преимущества, которыми она обладала по сравнению со старым методом выпечки на очаге. Внизу две змеи-хранительницы катятся к алтарю, увенчанному плодом, очень похожим на ананас; в то время как сверху две маленькие птички гонятся за большими мухами. Эти птицы, помещенные таким образом на символическое изображение, могут рассматриваться, в полном соответствии с духом древней мифологии, как эмблемы местных духов, занятых отгонением этих надоедливых насекомых от хлеба.

Духовка находится слева. При приготовлении блюд большое внимание уделяется экономии тепла. Настоящая печь заключена в нечто вроде предварительной печи, в верхней части которой было отверстие для выхода дыма. Отверстие сбоку предназначено для подачи теста, которое готовилось в соседней комнате и через это отверстие укладывалось на лопатку, которой мужчина, стоявший впереди, ставил его в духовку. Выпеченный хлеб охлаждался в помещении с другой стороны печи через аналогичное отверстие. Под печью находится поддувало для золы. Справа находится большая комната, которая, предположительно, была конюшней. В ней были найдены упомянутая выше челюстная кость и некоторые другие фрагменты скелета. В дальнем конце есть резервуар для воды, который проходит через стену и является общим как для этой комнаты, так и для следующей, так что его можно было наполнить, не заходя в конюшню. Следующая комната оборудована каменными чашами, которые, по-видимому, были корытами для замешивания теста. Сюда также ведет узкая и неудобная лестница.

Хотя кукурузный хлеб был основным продуктом питания итальянцев, употребление самого хлеба возникло не так давно. Долгое время римляне использовали кукурузу, размоченную в паштете, и до войны с Персеем, царем Македонии, около 580 года до нашей эры в Риме не было пекарей. До этого в каждом доме пекли свой хлеб сами, и это было обязанностью женщин, за исключением больших домов, где были мужчины-повара. И даже после изобретения хлеба прошло задолго до того, как стало известно об использовании мельниц, но зерно растирали в ступках. Отсюда названия *пистор* и *пистринум*, пекаря и булочной, которые происходят от *pinsere* - растирать. Печь также появилась сравнительно недавно, как мы уже намекали, говоря о богине Форнакс, и никогда не входила в исключительное употребление. Мы слышим о хлебе, выпекаемом в золе; выпекаемом в форме для выпечки хлеба, которая, вероятно, была похожа на голландскую печь; и о других сортах, названных либо по способу их приготовления, либо по цели, для которой они предназначались. Самый лучший сорт назывался *siligineus* и готовился из самого лучшего и белого сорта пшеничной муки. Из бушеля лучшей пшеницы Кампании высшего качества, содержащего шестнадцать секстариев, получалось четыре секстария силиго, которое здесь, по-видимому, используется для получения муки высшего сорта; полбушеля *flos*, муки с добавлением болтушек; четыре секстария *cibarium*, second; и четыре секстария отрубей; таким образом, получался избыток в четыре секстария. Их буханки, по-видимому, очень часто выпекались в формах, несколько из которых были найдены; возможно, это артопты, а выпеченные таким образом буханки - артоптиции. Несколько таких буханок были найдены целыми. Они плоские и около восьми дюймов в диаметре. На одной из них, хранящейся в Неаполитанском музее, сверху есть штамп:—

SILIGO · CRANII
E · CICER

Это было истолковано как означающее, что цицер (вика) смешивали с мукой. От Плиния мы знаем, что римляне использовали несколько сортов зерна. Приведенный ниже фрагмент дает представление об их форме.

В ПОМПЕЯХ ОБНАРУЖИЛИ ХЛЕБ

Перед домом, по одному с каждой стороны дверного проема, есть два магазина. Ни один из них не имеет никакого отношения к дому; следовательно, делается вывод, что они были сданы в аренду другим лицам, подобно магазинам, принадлежащим более выдающимся личностям. Это предположение тем более вероятно, что ни одна из найденных пекарен не имеет при себе магазинов, а в грандиозном произведении о Геркулануме "Питтюр д'Эрколано" есть картина, изображающая торговца хлебом, обосновавшегося на Форуме, со своим товаром на маленьком столике под открытым небом.

Насколько нам известно, существует только одно ремесло, о котором какие-либо сведения были получены при раскопках в Помпеях, — это валяние и чистка ткани. Это искусство, из-за разницы древних и современных привычек, раньше имело гораздо большее значение, чем сейчас. Шерсть была почти единственным материалом, использовавшимся для пошива платьев в ранние времена Рима, шелк был неизвестен до позднего периода, а льняная одежда использовалась очень мало. Однако шерстяные платья, особенно в жарком климате Италии, часто, должно быть, требовали тщательной чистки, и от того, как это делалось, конечно, во многом зависела их красота. А поскольку того, главный предмет римского костюма, была соткана из цельного куска и, конечно же, стоила дорого, то сделать так, чтобы она выглядела как можно лучше, было очень необходимо людям с небольшим состоянием. Применяемый метод был описан Плинием и другими учеными и хорошо проиллюстрирован на некоторых картинах, найденных на стене здания, которое, очевидно, было *fullonica*, или уборной. В здание, о котором идет речь, можно попасть с улицы Меркьюри, и оно расположено на том же острове, что и Дом Поэта-трагика.

Первой операцией была стирка, которая производилась водой, смешанной с небольшим количеством моющей глины или земли фуллера; мыло, по-видимому, не использовалось. Это делалось в чанах, где одежда была истоптана и тщательно обработана ногами мойщика. Картина на стенах Фуллоники изображает четырех человек, занятых таким образом. Их платье подвернуто, оставляя ноги обнаженными; оно состоит из двух туник, нижняя из которых желтая, а верхняя зеленая. Трое из них, по-видимому, закончили свою работу и отжимают предметы, над которыми они работали; другой, упершись руками в стену с каждой стороны, прыгает и деловито возится с содержимым своего чана. Когда ткань высыхала, ее чистили щеткой и чесали, чтобы поднять ворс — сначала металлическими картами, затем чертополохом. Растение под названием тизл сейчас в основном культивируется в Англии с той же целью. Затем ткань окуривали серой и отбеливали на солнце, постоянно поливая ее водой, пока она была разложена на решетках. На картине рабочий изображен чистящим

щеткой или чесалкой тунику, подвешенную на веревке. Другой мужчина несет раму и горшок, предназначенные, вероятно, для окуривания и отбеливания; горшок, содержащий горящие угли и серу, помещается под раму, чтобы ткани, расстеленные на последней, были полностью подвержены воздействию сдерживаемых паров. Человек, который носит эти вещи, носит что-то на голове, что, как говорят, является оливковой гирляндой. Если это так, то это, а также сова, сидящая на раме, вероятно, указывают на то, что заведение находилось под покровительством Минервы, богини-покровительницы ткацкого станка. На другой изображена женщина, рассматривающая работу, которую молодая девушка проделала на куске желтой ткани. Золотая сетка на голове, ожерелье и браслеты указывают на человека более высокого ранга, чем кто-либо из простых работников заведения; вероятно, это либо сама хозяйка, либо клиент, интересующийся качеством работы, которая была выполнена для нее.

Эти картины, наряду с другими, иллюстрирующими различные процессы искусства, были найдены на пирсе в перистиле Фуллоники. Среди них мы можем упомянуть один, представляющий собой пресс, аналогичный по конструкции используемым сейчас, за исключением необычного расстояния между резьбами винта. Следовательно, древние были знакомы с практическим применением этой механической силы. На другом снимке можно увидеть юношу, доставляющего несколько кусков ткани женщине, на которую, возможно, была возложена задача продажи билетов и сохранения различающегося имущества разных людей. Довольно любопытным доказательством важности, придаваемой этому ремеслу, является то, что надлежащее регулирование этого предмета считалось вполне достойным законодательных актов. В 354 году до н.э. цензоры установили правила, регулирующие порядок стирки одежды, и мы узнаем из сборников римского права, что мочальщики были вынуждены проявлять величайшую осторожность, чтобы не потерять или не испортить имущество. Другая женщина, сидящая на табурете, кажется, занята уборкой одной из карточек. Обе фигуры, описанные последней, одеты в зеленые туники; у первой из них желтая нижняя туника, у последней - белая. Сходство в цветах между этими платьями и платьями описанных выше мужчин-фуллеров, возможно, дает основание предположить, что существовала какая-то ливрея или описанная одежда, принадлежащая заведению, или же содержимое коробки художника с красками, должно быть, было очень ограниченным.

Весь пирс, на котором были найдены эти картины, был передан музею в Неаполе. В перистиле стоял большой глиняный кувшин, который был разбит посередине, а затем осколки тщательно и кропотливо сшиты проволокой. Следовательно, ценность этих сосудов не могла быть очень маленькой, хотя они были сделаны из самой обычной глины. В восточном конце перистилия находился красивый фонтан с бьющей струей. Западный конец занят четырьмя большими каменными чанами, облицованными штукатуркой, глубиной около семи футов, которые, по-видимому, получали воду последовательно, один из другого.

Крашение и роспись в древние времена были гораздо совершеннее, чем в настоящее время, по крайней мере, краски были более прочными и долговечными. У египтян были самые долговечные краски. Хна - это растение, которое в изобилии произрастает в Египте, Аравии и Палестине и использовалось древними, как и современными, для окрашивания. Листья высушивали и измельчали в порошок, а затем превращали в пасту. Это мощный вяжущий краситель, который применяется для высушивания и окрашивания ладоней, подошв ног и ногтей обеих рук, а также придает тканям животных своего рода бурый или ржавый оттенок, который очень стойкий.

Утверждается, что при нанесении нашатырного спирта и извести на окрашенные части они меняли цвет на темный зеленовато-синий и переходили в черный, вероятно, из-за нашатырного спирта, содержащего железо, которое могло дать такой результат.

Тирские женщины красили кольца и звезды на своих лицах. Мужчины окрашивали волосы на голове и бороды в черный цвет. Окрашивание ногтей хной - очень древний обычай. Так красили некоторые древнеегипетские мумии. Предполагается, что еврейские женщины также следовали этому обычаю. Упоминание об этом содержится во Второзаконии, где новобрачной жене предписывается красить ногти. Кроме того, в "Песне Песней Соломона" *Камфара*, в официальной версии, означает хну, цветы которой с тонким ароматом растут пучками, а листья растения используются женщинами для придания ногтям красноватого оттенка.

Говоря об арабских женщинах в наши дни, доктор Томсон в книге "Земля и книга" говорит: "Они красят щеки, накладывают тал вокруг глаз, выгибают брови тем же способом и окрашивают руки и ноги хной, чтобы украсить себя, и если это делает незамужняя женщина, создается впечатление, крайне пагубное для характера девушки".

Галлы названы среди веществ, известных древним, но мы не можем найти, использовались ли они в качестве красящего средства. Уилкинсон говорит, что дубление было в Египте подразделом крашения, и упоминается, что медь с галлом окрашивала кожу в черный цвет; и нет никаких сомнений в том, что галлы использовались для аналогичной цели при обычном крашении. *Мироболланы* и несколько видов коры и стручков *Acacia nilotica* также использовались для дубления из-за их вяжущих свойств и, возможно, аналогичным образом использовались для окрашивания.

Вот несколько основных красящих веществ, использовавшихся красильщиками в древние времена. Существует небольшая путаница в отношении некоторых упомянутых солей, которые использовались ими, особенно щелочных солей, — обстоятельство, однако, не вызывающее удивления. В более современные времена в этой же области возникает аналогичная путаница.

Например, при сжигании селитры с углеродсодержащим веществом образуется карбонат поташа. Зола, остающаяся при сжигании древесины, содержит ту же соль. В золе, оставшейся при сжигании морских водорослей, образуется карбонат соды. При сжигании селитры с серой образуется сульфат калия и т.д. Все они были названы обобщенно, даже в наше время, селитрой, и у каждого была определенная приставка, хорошо понятная адепту или химику того времени.

Мы считаем вероятным, что все эти процессы получения различных солей практиковались в древние времена, но сейчас, имея в виду только общее название *селитра*, данное нам историками, мы не можем точно понять, когда упоминается селитра, какая из селитр имеется в виду.

Когда Соломон говорит о действии уксуса на селитру, химик понимает, что упомянутая соль представляет собой карбонат, но когда природа действия или применения не указана, мы понятия не имеем, какая именно соль имеется в виду. Однако нет никаких сомнений в том, что древние были хорошо знакомы со щелочными солями поташа и соды и применяли их в искусстве. Соли металлов железа, меди и оксида алюминия были хорошо известны, и их применение для окрашивания, как правило, было таким же, как и в наши дни. То, что они использовались как протравители, так и заменители, видно из нескольких ссылок.

Очень наводящее на размышления высказывание Плиния о древних египтянах. "Они начали, - говорит он, - с рисования на белых тканях определенными снадобьями, которые сами по себе не имели цвета, но обладали свойством притягивать или поглощать красящие вещества, после чего эти ткани погружали в подогретый красящий раствор; и хотя раньше они были бесцветными, и хотя этот красящий раствор имел один ровный и однородный цвет, однако, когда вскоре после этого его вынимали, обнаруживалось, что ткань чудесным образом окрашена в разные цвета в соответствии с особой природой нескольких лекарств, которые были нанесены на соответствующие части, и впоследствии эти краски нельзя было смыть стиркой.

Геродот утверждает, что некоторые люди, жившие вблизи Каспийского моря, могли с помощью листьев деревьев, которые они растирали и замачивали в воде, создавать на ткани фигурки животных, цветов и т.д., которые были такими же долговечными, как и сама ткань. Это утверждение скорее наводит на размышления, чем поучает.

Персия очень рано прославилась красильным делом, и красильное дело до сих пор в большом почете в этой стране. Персидские красильщики выбрали Христа своим покровителем; и Бишофф говорит, что в настоящее время они называют красильню мастерской Христа, исходя из существующей у них традиции, согласно которой Он принадлежал к этой профессии. У них есть легенда, вероятно, основанная на том, что Плиний рассказывает о египетских красильщиках: "когда Христа отдали в ученики к красильщику, Его учитель пожелал, чтобы Тот выкрасил несколько кусков ткани в разные цвета; Он положил их все в котел, и когда красильщик вынул их, он ужасно испугался, обнаружив, что у каждого был свой цвет".

Эта или похожая легенда встречается в апокрифической книге, озаглавленной "Первое Евангелие о младенчестве Иисуса Христа". Ниже приводится отрывок:

"Также в определенный день, когда Господь Иисус играл с мальчиками и бегал вокруг, Он проходил мимо лавки красильщика, которая называлась Салим, и в его лавке было много кусков ткани, принадлежащих жителям того города, которые они предназначили для окраски в несколько цветов. Тогда Господь Иисус, войдя в лавку красильщика, взял все ткани и бросил их в печь. Когда Салим пришел домой и увидел, что ткань испорчена, он начал поднимать сильный шум и упрекать Господа Иисуса, говоря: "Что Ты сделал со мной, о ты, сын Марии? Ты причинил вред и мне, и моим соседям; все они хотели, чтобы их одежда была подходящего цвета, но Ты пришел и испортил их всех". Господь Иисус ответил: "Я изменю цвет каждой ткани на тот, который ты пожелаешь", - и затем Он вскоре начал вынимать ткани из печи; и все они были окрашены в те же цвета, которые пожелал красильщик. И когда евреи увидели это удивительное чудо, они вознесли хвалу Богу".

Олово.— У нас нет достоверных свидетельств того, использовали ли древние оксид или соли олова при крашении. Современный красильщик вряд ли смог бы получить стойкие оттенки с помощью некоторых названных красителей без солей олова. Мы знаем, что древние использовали оксиды олова для глазирования керамики и росписи; следовательно, они, возможно, использовали соли олова при своих красильных операциях. Однако у них была другая соль — сульфат алюминия, — которая дает аналогичные результаты, хотя современные производители в большинстве случаев предпочитают олово, поскольку оно придает более блестящий и стойкий оттенок.

Квасцы.— Это то, что называется двойной солью и состоит из сульфата алюминия и сульфата калия. Процесс его изготовления в этой стране заключается в прокаливании глинистого сланца, содержащего железный колчедан, когда сера с железом окисляется, превращаясь в

серную кислоту, которая, соединяясь с глиноземом глины, а также с железом, превращается в сульфат глинозема и железа; к этому добавляется соль поташа, которая, соединяясь с сульфатом глинозема, образует квасцы с двойной солью. Поташ можно заменить содой или нашатырным спиртом с аналогичными результатами; квасцы кристаллизуются из раствора. То, что древние были знакомы с этой двойной солью, оспаривается, но мы думаем, что не может быть никаких сомнений в ее существовании и использовании в очень ранний период. Очень чистые квасцы образуются в вулканических районах при воздействии сернистой кислоты и кислорода на полевошпатовые породы и использовались древними для различных целей. Плиний упоминает *глинозем*, который он описывает как белый и который использовался для отбеливания шерсти, а также для окрашивания шерсти в яркие цвета. Иногда он путает эту соль со смесью сульфата алюминия и железа, которая, по всей вероятности, представляла собой квасцы, содержащие железо, поскольку процесс разделения не был совершенным; и он упоминает, что этот вид квасцов чернеет при нанесении ореховой галлы, показывая, что в нем было железо. Плиний говорит о квасцах, что "под ними понимается разновидность рассола, который выделяется из земли; его тоже существует несколько видов. На Кипре есть белые квасцы и другой вид квасцов более темного цвета; применение их очень различно: белые жидкие квасцы используются для окрашивания в совершенно яркий цвет, а более темные, с другой стороны, для придания шерсти рыжеватого или темного оттенка". Это очень характерно для чистой глиноземистой протравы и протравы, содержащей железо. Он также упоминает, что эти темные квасцы использовались для очистки золота. Должно быть, он имеет в виду здесь его свойство придавать золоту насыщенный цвет. Жидкость из этого железного квасца, нанесенная на светлое золото и нагретая на огне, придает ему очень насыщенный оттенок; этот процесс практикуется до сих пор с той же целью. Однако пока что, что касается применения для окрашивания, нет необходимости доказывать, что древние использовали наши квасцы с двойной солью. Вероятно, квасцы, о которых упоминает Плиний, как исходящие из земли, были сульфатом глинозема без поташа или соды, солью, которую нелегко кристаллизовать, но которая так же эффективна, во многих случаях даже более эффективна при крашении, как квасцы, что подтверждается предпочтением, отдаваемым этой соли перед квасцами для многих целей в наши дни. Плиний говорит, что квасцы были продуктом Испании, Египта, Армении, Македонии, Понта, Африки и островов Сардиния, Мелос, Липара и Странгил, и что наиболее почитаемым является квасец из Египта. И Геродот упоминает, что египетский царь Амасис послал жителям Дельф тысячу талантов этого вещества в качестве своего вклада в восстановление их храма. Несмотря на значительную путаницу в описании Плинием этого вещества, мы полагаем, что оно относится к различным солям оксида алюминия, и независимо от того, использовались ли все они в процессах окрашивания, они использовались в производственных целях и, таким образом, дают нам некоторое представление о передовом состоянии искусства в те времена.

Что касается стоимости и долговечности тирского пурпура, то рассказывают, что Александр Македонский нашел в сокровищнице персидского монарха 5000 центнеров гермионского пурпура необычайной красоты 180-летней давности, и что он стоил 125 долларов по нашим деньгам за фунт веса. Цена окрашивания фунта шерсти во времена Августа приведена Плинием, и эта цена равна примерно 160 долларам наших денег. Вполне вероятно, что его замечания относятся к какому-то определенному оттенку или качеству цвета, которое легко различить, хотя Плиний и не дал ему четкого определения. Он упоминает разновидность пурпура, или гиацинта, который во времена Юлия Цезаря стоил 100 динариев (около 15 долларов по нашим деньгам) за фунт.

Поскольку, согласно нашим современным исследованиям этого красителя, одна рыба, обыкновенная *Purpura lapillus*, выделяет всего около одной капли жидкости, то для окрашивания 1 фунта шерсти потребовалось бы около 10 000 рыб, так что 160 долларов - это не слишком дорого.

Прядением и ткачеством в древние времена занимались в основном женщины; действительно, слова *гав*, *ткачество* и *паутина* связаны со словом *жена*. Однако в Древнем Египте и Индии мужчины также работали на ткацком станке. Вероятно, ничего не могло быть проще или грубее, чем станки, которыми пользовались древние ткачи. Если бы мы сравнили их с ткацкими станками и другим ткацким оборудованием наших дней и пришли бы к выводу, что каков был ткацкий станок, такова и ткань, произведенная на нем, мы совершили бы очень большую ошибку. Есть несколько видов искусства, которые с такой же силой иллюстрируют наш аргумент в пользу совершенства древнего искусства, как и ткачество. Кажется, что наше продвижение идет не столько в направлении качества, сколько в направлении количества. Есть несколько вещей, которые мы можем сделать, которые не были сделаны древними столь же совершенными. Какими бы грубыми ни были их ткацкие станки в Древнем Египте, они производили широко известное полотно, столь часто упоминаемое в Священном Писании и трудах других народов. Чтобы показать, что это не следует рассматривать просто как сравнительный термин, применимый к прошлой эпохе, мы приведем здесь цитату из Дж. Уилкинсона о некоторых тканях для мумий, исследованных покойным мистером Томсоном из Клитеро: "Моим первым впечатлением при виде этих тканей было, что первые виды были муслиновыми и индийского производства; но подозрение, что это хлопок, вскоре было устранено с помощью микроскопа. Некоторые были тонкими и прозрачными, с нежной текстурой, а у самых тонких было 140 нитей на дюйм основы." У ткани, найденной мистером Уилкинсоном в Фивах, было 152 нити на дюйм основы, но это грубовато по сравнению с куском льняной ткани, найденной в Мемфисе, у которой было 540 нитей на дюйм основы. Какими тонкими, должно быть, были эти нити! Цитируя этот отрывок из Уилкинсона старому ткачу, он категорически заявил, что это невозможно, поскольку ни один тростник не может быть сделан таким тонким. Однако в разрезе будет больше нитей, чем одна, и, приняв это решение, мы сможем в наши дни изготавливать ткань толщиной от 400 до 500 дюймов. Однако у древних тканей основа намного тоньше, чем у гав, вероятно, из-за отсутствия приспособления для достаточно плотного стягивания уточных нитей, поскольку у них, по-видимому, нет *прокладок*, как у нас для этой цели. Плиний ссылается на остатки льняного корсета, подаренного Амасисом, царем Египта, родосцам, каждая нить которого состояла из 365 волокон: "Геродот упоминает этот корсет и другой, подаренный Амасисом лакедемонянам, который был унесен самосцами. Оно было сшито из льна, украшенного многочисленными фигурками животных, выполненными золотом и хлопком. Каждая нить корсета была достойна восхищения, поскольку, несмотря на свою тонкость, каждая состояла из 360 других нитей, совершенно разных." Без сомнения, этот вид нити имел символическое значение. Вероятно, это было что-то в этом роде, на что ссылается Моисей, когда упоминает материал, из которого был сделан корсет или пояс первосвященника, — тонкое переплетенное полотно. Еврейские женщины представлены в Ветхом Завете как искусные прядильщицы.

Древний Вавилон также славился своим производством тканей и вышивкой, и быть обладательницей одного из этих дорогих предметов одежды было необычным стремлением. Неудивительно, что, когда Ахан увидел среди трофеев Иерихона прекрасную вавилонскую одежду, он "возжелал ее и взял". Рисунок, изображенный на древней печати Уруха, по словам Роулинсона, украшен бахромой в тонкую полоску, что указывает на развитое состояние этого вида производства за пять или шесть веков до Иисуса Навина. Однако

можно упомянуть, что в древние времена такие производства были национальными, особенно в Египте. Время не имело большого значения, рабочей силы было в избытке, и ни одному мастеру не разрешалось строить планы или вносить какие-либо изменения, но от него ожидали, что он будет стремиться к совершенству операции, которой он занимался, и это вело к совершенству каждую отрасль. У каждого ремесла были свои кварталы в городе или стране, и местность была названа в честь этого ремесла, например, кварталы ювелиров, кварталы ткачей и т.д. Это же правило, по-видимому, практиковалось евреями после их поселения в Палестине, поскольку в Священном Писании мы находим такие названия, как Долина ремесленников. Мы также находим, что определенные ремесла продолжались в семьях; часто встречаются отрывки, подобные следующему: "Отец тех, кто был ремесленником" и "Отец Мереши, города и дома тех, кто ткал тонкое полотно"; и снова: "Мужи Хозебы, Иоаса и Сарафа, которые владели Моавом и Иашувалахом, были гончарами и теми, кто жил среди растений и изгородей и выполнял работу царя". В Древнем Египте каждый сын был обязан заниматься тем же ремеслом, что и его отец. Так сформировалась каста. Производилось ли то же самое в Вавилоне, Персии и Греции, мы не знаем; но, несомненно, в этих странах во всех случаях были должностные лица, руководившие операциями, и надсмотрщики, которым они, в свою очередь, были ответственны, так что каждое производственное искусство осуществлялось под строгим наблюдением и до высочайшего уровня совершенства. Поскольку обладание произведением искусства было предметом амбиций богатой или привилегированной части общества, это привело к соперничеству среди рабочих. Профессор Роулинсон в своей книге "Пять древних монархий" говорит о том, что персы соперничали друг с другом в демонстрации своего богатства и разнообразия художественных изделий. Это подражание привело как к частным, так и к публичным выставкам. Одна из таких выставок, длившаяся в течение шести месяцев, упоминается в Ветхом Завете; поэтому, когда мы открывали нашу Великую выставку в 1876 году, мы всего лишь реанимировали систему, распространенную в древние времена, поскольку событие, описанное в Книге Есфири, произошло по меньшей мере 2200 лет назад:

"В те дни, когда царь Артаксеркс воссел на престоле своего царства, которое находилось во дворце Сузы, на третий год своего правления, он устроил пир для всех своих князей и своих слуг; могущество Персии и Мидии, знать и князья провинций были перед ним; когда он показывал богатство своего славного царства и честь своего превосходного величия, много дней, даже сто восемьдесят дней. И когда эти дни истекли, царь устроил пир для всего народа, присутствовавшего во дворце Сузан, как для большого, так и для малого, на семь дней, во дворе сада царского дворца; где были белые, зеленые и голубые занавеси, прикрепленные шнурами из тонкого льна и пурпура к серебряным кольцам и мраморным столбам; лежа были из золота и серебра, на тротуаре из красного, и синего, и белого, и черного мрамора. И они напоили их в золотых сосудах (сосуды отличались один от другого) и царским вином в изобилии, в соответствии с состоянием царя".

Это, должно быть, была великолепная выставка. Число присутствовавших на этом пиршестве точно не установлено; но, если там были принцы и знать провинций (провинций было 127), а также все офицеры и вельможи Персии и Мидии, а также дворцовая челядь, большая и малая, то, должно быть, собралось огромное общество. Теперь, когда каждый пил из золотой чаши разного рисунка, мы получаем представление об изобилии искусства, о котором можем составить лишь очень ограниченное представление. Этот факт указывает на то, что разнообразие узоров было востребованным объектом — мода, способствующая развитию искусства и дизайна и достойная подражания в наши дни.

Говоря о персах, профессор Роулинсон говорит, что более богатые классы, по-видимому, следовали примеру двора в своей практике. В своих костюмах они носили длинные пурпурные или в цветочек мантии со свободно свисающими рукавами, цветастые туники до колен, тоже с рукавами, вышитые блузки, диадемы и обувь более элегантной формы, чем у обычных персидских. Под мастерками они носили панталоны, под туниками - рубашки, а под ботинками - чулки или носки. В их домах на кушетках были постелены великолепные покрывала, а на полах — роскошные ковры - привычки, которые, должно быть, требовали огромного труда и мастерства и свидетельствовали о больших знаниях в производстве текстильных изделий.

Среди великих исторических народов древности основное потребление меди и олова приходилось на изготовление бронзы; и количества этих металлов, необходимые для этой цели, должны были быть очень велики, поскольку бронза, по-видимому, была основным металлическим веществом, из которого изготавливались изделия как бытового назначения, так и искусства. Уилкинсон, Лейард и другие обнаружили бронзовые изделия в изобилии среди обломков всех древних цивилизаций, на которые распространяются их исследования, доказывая, что производство этого сплава было широко известно в очень ранний период; и, как ни странно, когда мы рассматриваем применение некоторых из найденных инструментов, мы вынуждены прийти к выводу, что бронза, из которой они были сделаны, изначально должна была по некоторым важным характеристикам превосходить любую, которую мы можем производить в наши дни. В ходе этих исследований были обнаружены инструменты плотников и каменщиков, такие как пилы, стамески, молотки и т.д., а также ножи, кинжалы, мечи и другие инструменты, требующие как тонкой твердой кромки, так и эластичности. Если бы мы изготовили такие инструменты сейчас, они были бы бесполезны для той цели, для которой их применяли древние. Уилкинсон говорит: "Никто, кто пытался пробить или разрезать глыбу египетского гранита, не постесняется признать, что наши лучшие стальные инструменты точатся за очень короткое время и требуют повторной закалки; и труда французских инженеров, которые перенесли луксорский обелиск из Фив, вырезав пространство глубиной менее двух футов вдоль поверхности его частично разрушенного пьедестала, достаточно, чтобы показать, что даже с нашими превосходными современными инструментами мы сталкиваемся со значительными трудностями при выполнении того, что для египтян было бы одной из наименее трудных задач".

Но Уилкинсон считает, что бронзовые долота использовались для резки гранита, поскольку он нашел одно из них в Фивах, о котором он говорит: "Его острие мгновенно поворачивается при ударе о тот самый камень, которым его резали; и все же, когда его нашли, вершина была перевернута ударами молотка, в то время как острие было неповрежденным, как будто оно недавно вышло из рук кузнеца, который его изготовил".

"Еще одной замечательной особенностью их бронзы, - говорит тот же автор, - является устойчивость, которую она оказывает воздействию атмосферы — некоторые из них остаются гладкими и блестящими, хотя похоронены на века и с тех пор подвергаются воздействию влажного европейского климата. У них также был секрет покрытия поверхности богатой патиной темно-или светло-зеленого, или другого цвета путем нанесения на нее кислот".

Выгравировано и напечатано братьями Иллман.

ПОДЪЕЗД К КАРНАКУ
К МУЗЕЮ ДРЕВНОСТИ

ТРОЯ.

Содержание

Раскопано доктором Шлиманом.

Нет слов, чтобы описать интерес, который вызывает такой вклад в мировую историю, как открытие Трои доктором Шлиманом. Вера значительной части классического мира на протяжении веков воплощалась в высказывании, довольно распространенном среди греков: "Я знаю только один Илион, и это воспетый Гомером Илион, который можно найти только у муз, обитающих на Олимпе". Сегодня миру дано описание объятых пламенем руин этого города, судьба которого вдохновила бессмертные начатки греческой поэзии, и из этих руин извлекаются на свет тысячи фактов, касающихся происхождения и истории жителей, иллюстрирующих их религию и язык, их богатство и цивилизацию. Он обеспечил недостающее звено, давно засвидетельствованное традицией и поэзией, между знаменитыми греками и их родственниками на Востоке.

Удовлетворение, которое открытие Трои доставляет особенно грекам, возможно, почти соизмеримо с радостью, которую принесло бы христианам открытие, которое настолько подтвердило бы истинность Библии, что навсегда заставило бы замолчать ее критиков и скептицизм того времени. "Илиада" была греческой Библией, и каждая ее страница была полна рассказов о Трое, ее жителях и героях. Это был высший стандарт апелляции по всем вопросам религиозной доктрины и ранней истории. Этому научились мальчики в школе. Этому учились мужчины в более зрелые годы, и даже во времена Сократа были афинские

джентльмены, которые могли повторить наизусть и "Илиаду", и "Одиссею". В какой бы части древнего мира ни поселялся грек, он уносил с собой любовь к великому поэту точно так же, как христианская семья уносит Библию в свой новый приграничный дом. Ни одно произведение светской литературы не оказывало столь широкого и продолжительного влияния.

Место основания Трои находится на плато на восточном берегу Эгейского моря, примерно в 4 милях от побережья и в 4½ милях к юго-востоку от порта Сигеум. Плато расположено в среднем на высоте около 80 футов над равниной и очень круто спускается с северной стороны. Его северо-западный угол образован холмом еще на 26 футов выше, который имеет около 705 футов в ширину и 984 в длину, и из-за своего внушительного положения и естественных укреплений этот холм *Гиссарлык* кажется особенно подходящим для роли городского Акрополя.

Как и другие великие восточные столицы Старого Света, Троя в настоящее время представляет собой курган, подобный тем, что находятся на равнине Тигра и Евфрата, веками приглашавший к исследованиям, которые были приняты и вознаграждены только в наши дни. Сходство настолько поразительно, что вызывает сильное предположение, что, поскольку в курганах Нимруд и Хилла были обнаружены дворцы ассирийских и вавилонских царей, мы можем принять руины, найденные в кургане Гиссарлык, за руины столицы этой первобытной империи в Малой Азии.

Поскольку курганы, открытые Лейярдом и его товарищами по работе, содержали только "королевские покои", возвышавшиеся над грубыми городскими постройками, масштабы которых подтверждаются многочисленными доказательствами, разумно полагать, что руины в Гиссарлыке принадлежат королевскому кварталу, единственной действительно *постоянной* части города, построенной на холме, венчающем нижнее плато, которое возвышало хижины простых людей над болотами и разливами Скамандра и Симоиса. В обоих случаях хрупкие жилища множества людей погибли, а керамика и другие останки, которые были оставлены на поверхности плато Илион, естественно, были бы убраны последующими поселенцами. Поэтическое преувеличение Гомера превознесло убогие жилища, сгрудившиеся вокруг акрополя, превратив их в "хорошо построенный город" с его "широкими улицами".

Ошибочная теория, приписывающая Трою высотам Бунарбаши, на самом деле никогда бы не получила распространения, если бы ее сторонники потратили те несколько часов, которые они провели на высотах и в самом Бунарбаши, на то, чтобы проделать небольшие отверстия с помощью хотя бы одного рабочего. Никто не может понять, как возможно, что к решению великой проблемы "свершившаяся Троя", которая, несомненно, представляет величайший интерес для всего цивилизованного мира, относились настолько поверхностно, что после нескольких часов посещения Троянской равнины люди садились дома и писали объемистые труды в защиту теории, бесполезность которой они поняли бы, если бы провели раскопки всего один час.

Вид с холма Гиссарлык чрезвычайно великолепен. Перед ним раскинулась великолепная равнина Трои, покрытая травой и желтыми лютиками; с северо-северо-запада, примерно в часе езды, она ограничена Геллеспонтом. Полуостров Галлиполи здесь заканчивается мысом, на котором стоит маяк. Слева от него находится остров Имброс, над которым возвышается гора Ида острова Самофракия, в настоящее время покрытая снегом; немного западнее, на Македонском полуострове, лежит знаменитая гора Афон, или Монте-Санто, с ее монастырями, на северо-западной стороне которых до сих пор видны следы того большого

канала, который, согласно Геродоту (vii. 22, 23), был проложен Ксерксом, чтобы избежать плавания вокруг бурного мыса Афон.

Возвращаясь на равнину Трои, мы видим справа от нее, на отроге мыса Ретей, могильный холм Аякса, у подножия противоположного мыса Сигей - могильный холм Патрокла, а на отроге того же мыса - гробницу Ахилла; слева от последнего, на самом мысе, находится деревня Енишер. Равнина, ширина которой составляет около двух часов пути, оттуда ограничена на западе берегами Эгейского моря, высота которых в среднем составляет около 131 фута, и на которой мы впервые видим могильный холм Феста, близкого друга Каракаллы, которого император (согласно Геродиану IV) приказал отравить во время своего визита в Илион, чтобы он мог подражать погребальным обрядам, которые Ахилл совершил в честь своего друга Патрокла, как описано Гомером. Затем на том же берегу находится другой могильный курган, называемый *Уджек-Тепе*, высотой более 78 с половиной футов, который большинство археологов считают курганом старика Эсьета, с которого Политес, полагаясь на быстроту его ног, наблюдал, когда греческая армия сойдет с кораблей.

Быстрая Ирис стояла среди них, и голос
Предполагаемого Политеса, сына Приама,
троянского разведчика, который, полагаясь на свою быстроту,
был размещен на вершине кургана
древнего Эсета, чтобы наблюдать
за выступлением греческих войск со своих кораблей...

Между последними названными курганами мы видим выступающий над высокими берегами Эгейского моря остров Тенедос, к которому хитрые греки отвели свой флот, когда притворились, что снимают осаду. К югу мы видим равнину Трои, простирающуюся снова на расстояние двух часов пути, вплоть до высот Бунарбаши, над которыми величественно возвышается заснеженная гора Гаргарус. Ида, с которой Юпитер наблюдал за битвами между троянцами и греками.

Одной из величайших трудностей было привести огромное скопление *обломков* в Трое в соответствие с хронологией; и в этом доктор Шлиман преуспел лишь частично. Согласно Геродоту (vii. 43): "Ксеркс в своем походе через Троаду, прежде чем вторгнуться в Грецию (480 г. до н.э.), прибыл в Скамандр и отправился в Пергам Приама, поскольку хотел увидеть эту цитадель; и, осмотрев ее и осведомившись о ее прошлой судьбе, он принес в жертву илианской Афине 1000 быков, а волхвы совершили возлияния к гривам героев".

МЕТАЛЛЫ И БУСИНЫ.

Этот отрывок молчаливо подразумевает, что в то время городом уже давно владела греческая колония, и, согласно свидетельству Страбона (XIII. i. 42), такая колония построила Илион во времена владычества лидийцев. Теперь, поскольку начало лидийского владычества датируется 797 годом до н.э., и поскольку илианцы, по-видимому, полностью

обосновались там задолго до прибытия Ксеркса в 480 году до н.э., мы можем справедливо предположить, что их первое поселение в Трое произошло около 700 года до н.э. Сейчас не найдено надписей более поздних, чем те, что относятся ко второму веку после Рождества Христова, и монет более поздней даты, чем Константин II., но очень много принадлежащих Константину Великому, который, как хорошо известно, намеревался построить Константинополь на этом месте, но оно оставалось необитаемым примерно до конца правления Константа II, то есть примерно до 361 года н.э. Поскольку накопление *мусора* за этот длительный период в 1061 год составляет всего шесть с половиной футов, в то время как нам еще предстоит копать на глубину сорока футов, а местами и на сорок шесть с половиной ниже, прежде чем мы доберемся до родной почвы, сколько лет потребовалось, чтобы сформировать слой от сорока до сорока шести с половиной футов? На формирование самого верхнего, греческого слоя в шесть с половиной футов, потребовался 1061 год. Должно быть, потребовалось очень много времени, чтобы засыпать основание Трои *обломками* на глубину сорока шести с половиной футов. Первый слой высотой от тринадцати до двадцати футов на этом холме Гиссарлык принадлежал арийской расе, о которой очень мало что можно сказать. Второй слой был образован троянцами Гомера, и доктор Шлиман и другие предполагают, что они процветали здесь примерно за 1400 лет до Рождества Христова. У нас есть только общее предположение древности, что Троянская война произошла около 1200 г. до н.э., и утверждение Гомера о том, что Дардан, первый троянский царь, основал Дарданию, город, который Вергилий и Еврипид считают идентичным Илиону, и что после него им управлял его сын Эрихтоний, затем его внук Трос, его правнук Илус, а затем его сын Лаомедонт и его внук Приам. Даже если мы допустим, что каждый из этих шести царей правил долго - тридцать три года, - мы, тем не менее, вряд ли перенесем основание города дальше 1400 года до нашей эры, то есть на 700 лет раньше греческой колонии.

Во время трехлетних раскопок в недрах Трои доктор Шлиман ежедневно и ежечасно имел возможность убедиться, что, исходя из нашего собственного или древнегреческого образа жизни, мы не можем составить никакого представления о жизни и деяниях четырех народов, которые последовательно населяли этот холм до появления греческого поселения. Должно быть, им пришлось пережить ужасное время, иначе мы не обнаружили бы стены одного дома на разрушенных останках другого в непрерывной, но *нерегулярной* последовательности; и именно потому, что мы не можем составить никакого представления о том, как жили эти народы и какие бедствия им пришлось пережить, невозможно даже приблизительно рассчитать продолжительность их существования по толщине их руин. Чрезвычайно примечательно, но совершенно понятно из постоянных бедствий, обрушивавшихся на город, что цивилизация всех четырех наций постоянно приходила в упадок; терракоты, свидетельствующие о непрерывном *упадке*, не оставляют в этом сомнений.

Первое поселение на этом холме *Гиссарлык*, по-видимому, существовало дольше всех, поскольку его руины покрывают скалу на высоту от тринадцати до двадцати футов. Его дома и крепостные стены были построены из камней, больших и малых, соединенных с землей, и многочисленные их остатки можно увидеть при раскопках. Предполагалось, что эти поселенцы были идентичны троянцам, о которых пел Гомер, но это не так.

Все, что можно сказать о первых поселенцах, это то, что они принадлежали к арийской расе, что в достаточной степени подтверждается арийскими религиозными символами, встречающимися в слоях их руин, как на керамических изделиях, так и на маленьких любопытных терракотах с отверстием в центре, которые имеют форму кратера вулкана или *карусели*, т.е. волчка.

Проведенные раскопки в достаточной степени доказали, что вторым народом, построившим город на этом холме на *обломках* первых поселенцев (глубина которых составляет от 13 до 20 футов), являются троянцы, о которых поет Гомер. Их *обломки* залегают на глубине от 23 до 33 футов под поверхностью. Этот троянский пласт, который, без исключения, несет на себе следы сильного жара, состоит в основном из красной древесной золы, которая поднимается на 5-10 футов над Великой башней Илиона, двойными Скейскими воротами и великой ограждающей стеной, возведение которой Гомер приписывает Посейдону и Аполлону, и они показывают, что город был уничтожен страшным пожаром. Насколько сильной, должно быть, была жара, видно также по большим каменным плитам на дороге, ведущей от двойных Скейских ворот вниз, на Равнину; ибо, когда дорога была проложена, все плиты выглядели такими неповрежденными, как будто их уложили совсем недавно; но после того, как они несколько дней находились на воздухе, плиты верхней части дороги протяженностью около 10 футов, которые подверглись воздействию жары, начали крошиться, и к настоящему времени они почти исчезли, в то время как плиты нижней части дороги, которых не коснулась жара, начали осыпаться. огонь, остались невредимыми и кажутся неуничтожимыми. Еще одним доказательством ужасной катастрофы является слой отложений расплавленного свинца и меди толщиной от одной пятой до полутора дюймов, который простирается почти через весь холм на глубину от 28 до 29½ футов. То, что Троя была разрушена врагами после кровопролитной войны, дополнительно подтверждается множеством человеческих костей, которые были найдены в этих кучах *обломков*, и прежде всего скелетами в шлемах, найденными в глубине Храма Афины, ибо, как мы знаем из Гомера, все трупы были сожжены, а пепел сохранен в урнах. Таких урн было найдено огромное количество во всех доэллинических слоях на холме. Наконец, Сокровище, которое кто-то из членов королевской семьи, вероятно, пытался спасти во время разрушения города, но был вынужден покинуть, не оставляет сомнений в том, что город был разрушен руками врагов. Это сокровище было найдено на большой ограждающей стене сбоку от царского дворца, на глубине 27½ футов, и покрыто красным троянским пеплом глубиной от 5 до 6½ футов, над которым возвышалась послетроянская крепостная стена высотой 19½ футов.

Поскольку Гомер так хорошо осведомлен о топографии и климатических условиях Трояды, не может быть никаких сомнений в том, что он сам посетил Трою. Но, поскольку он находился там долгое время после ее разрушения, и к тому же ее место было погребено глубоко под *обломками* разрушенного города и на протяжении веков застраивалось новым городом, Гомер не мог видеть ни Великой башни Илиона, ни Скейских ворот, ни великой ограждающей стены, ни дворца Приама; ибо, как может убедиться каждый посетитель Трояды, проведя раскопки, одни только руины и красный пепел Трои, образующие слой толщиной от пяти до десяти футов, покрывали все эти остатки бессмертной славы, а это скопление *обломков*, должно быть, было гораздо больше во время визита Гомера. Гомер не проводил раскопок, чтобы обнаружить эти останки, но он знал о них из предания; ибо трагическая судьба Трои веками была на слуху у всех менестрелей, и интерес, проявленный к ней, был настолько велик, что само предание передавало точную правду во многих деталях.

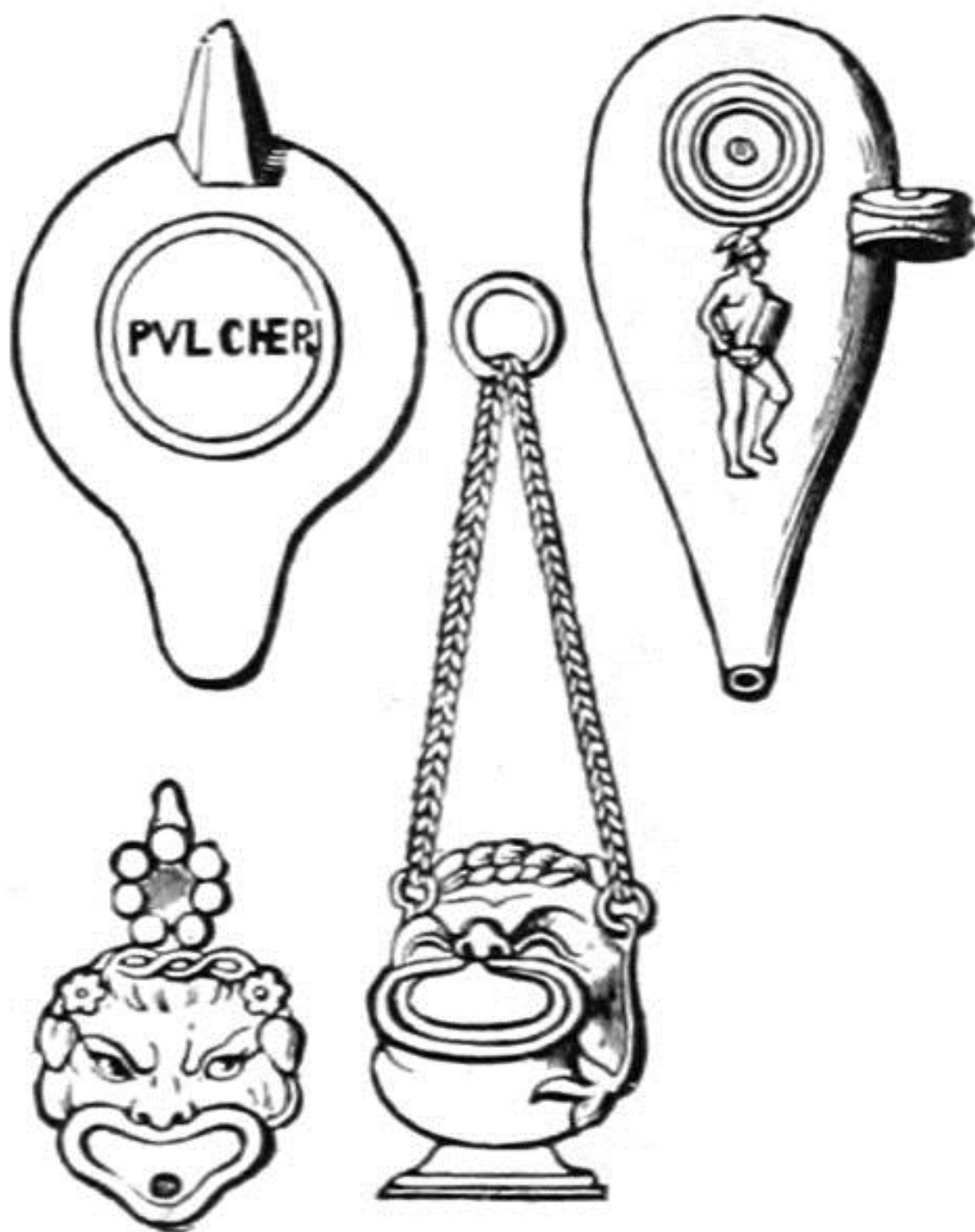
"Скажите же теперь, вы, Девять, обитающие на Олимпе,
Музы — ибо вы Богини, и вы
Were present и знаете все; *мы сами*
Лишь слышим от Молвы, и ничего не знаем —
Кто были вождями и могущественными владыками Греции".

Таковы, например, воспоминания о Скейских воротах в Великой башне Илиона и постоянное употребление названия "Скейские ворота" во множественном числе, потому что их следовало описать как двойные, и фактически было доказано, что это двойные ворота. Согласно строкам "Илиады", теперь представляется чрезвычайно вероятным, что во время визита Гомера царь Трои заявил, что его раса происходит по прямой линии от Эней.

"Но над троянцами будет царствовать Эней,
И сыновья его сыновей, в течение еще не рожденных веков".

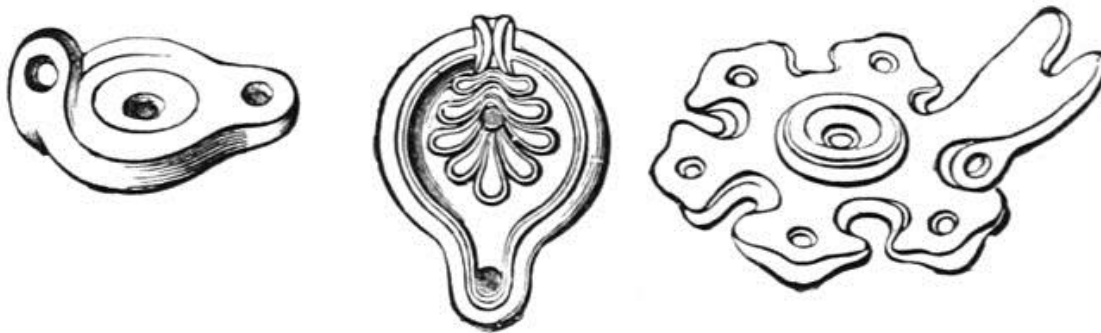
Теперь, поскольку Гомер никогда не видел ни Великой башни Илиона, ни Скейских ворот и не мог представить, что эти здания лежат глубоко под его ногами, и поскольку он, вероятно, представлял Трою очень большой — согласно существовавшим тогда поэтическим легендам — и, возможно, хотел описать ее еще больше, мы не можем удивляться, что он заставляет Гектора спуститься из дворца в Пергаме и поспешить через город, чтобы прибыть к Скейским воротам; тогда как эти ворота и Великая башня Илиона, в которой они стоят, на самом деле находятся прямо перед воротами. королевский дом. То, что этот дом на самом деле является королевским дворцом, очевидно по его размерам, по толщине его каменных стен, в отличие от других домов города, которые построены почти исключительно из необожженного кирпича, и по его внушительному расположению на искусственном холме прямо перед Скейскими воротами, Большой башней и огромной окружающей стеной или рядом с ними. Это подтверждается множеством великолепных предметов, найденных в его руинах, особенно огромной, богато украшенной вазой с изображением совиноголовой богини Афины, божества-покровителя Илиона; и, наконец, помимо всего прочего, богатым Сокровищем, найденным рядом с ним. Конечно, нельзя доказать, что имя этого царя, владельца этого Сокровища, действительно было Приам; но так его называет Гомер и во всех традициях. Все, что можно доказать, это то, что дворец владельца этого Сокровища, этого последнего троянского царя, погиб во время великой катастрофы, которая разрушила Скейские ворота, огромную окружающую стену и Большую Башню и которая опустошила весь город. По огромному количеству красных и желтых обожженных троянских руин высотой от пяти до десяти футов, которые покрывали и обволакивали эти здания, и по множеству послетроянских построек, которые были снова возведены на этих обожженных грудах руин, можно доказать, что ни дворец владельца Сокровища, ни Скейские ворота, ни великая окружающая Стена, ни Великая башня Илиона никогда больше не появлялись на свет. Город, царь которого обладал таким Сокровищем, был безмерно богат, учитывая обстоятельства того времени; и поскольку Троя была богата, она была могущественна, имела много подданных и привлекала подкрепление со всех сторон.

ТЕРРАКОТОВЫЕ ЛАМПЫ.

Это Сокровище предполагаемого мифического царя Приама мифической героической эпохи, во всяком случае, является находкой, которая стоит особняком в археологии, обнаруживая огромное богатство, великую цивилизацию и большой вкус к искусству в эпоху, предшествовавшую открытию бронзы, когда оружие и орудия из чистой меди использовались одновременно с огромным количеством каменного оружия и орудий труда. Это Сокровище также не оставляет сомнений в том, что Гомер действительно должен был видеть золотые и серебряные изделия, подобные тем, которые он постоянно описывает; оно во всех отношениях представляет неоценимую ценность для науки и на века останется объектом тщательного исследования.

Хотя Троянская война была последней, она также была величайшим из всех достижений героической эпохи и была увековечена гением Гомера. Парис, сын Приама, царя Илиона или Трои, злоупотребил гостеприимством Менелая, царя Спарты, похитив его жену Елену, самую красивую женщину того времени. Все греческие князья рассматривали это надругательство как совершенное над ними самими. Откликаясь на призыв Менелая, они собираются с оружием в руках, избирают его брата Агамемнона, царя Микен, руководителем экспедиции и плывут через Эгейское море почти на 1200 кораблях, чтобы вернуть вероломную красавицу. Некоторые, однако, превосходили Агамемнона по славе. Среди них Ахилл выделяется силой, красотой и ценностью, в то время как Улисс превосходит всех остальных в умственных качествах советника, тонкости и красноречии. Таким образом, благодаря противоположным способностям эти два героя образуют центр группы.

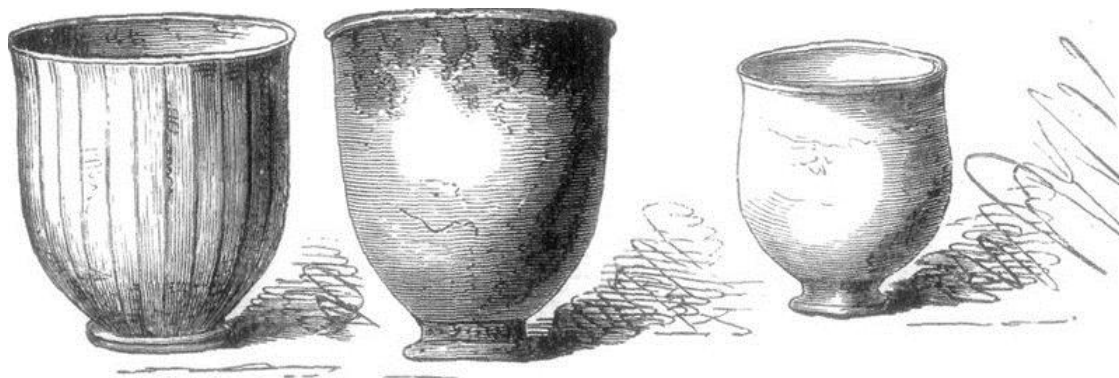

БРОНЗОВЫЕ СВЕТИЛЬНИКИ.

Среди троянцев Гектор, один из сыновей Приама, наиболее отличается героическими качествами и составляет разительный контраст со своим красивым, но женоподобным братом Парисом. Говорят, что даже боги принимали участие в состязании, поощряя своих любимых героев, а иногда сражаясь на их стороне или вместо них. Только на десятый год Троя покорилась неизбежной участи. Он был передан мечу, и его слава обратилась в пепел.

Все дома Трои были очень высокими и имели несколько этажей, что очевидно по толщине стен, конструкции и колоссальным кучам *мусора*. Город был безмерно богат, и насколько он был богат, настолько же он был могуществен, а его здания большими. Руины найдены в сильно разрушенном состоянии из-за сильных пожаров, которые там произошли, а соседние города были в основном построены из камня с руин Трои; Говорят, что Археанакс построил длинную стену вокруг Сигея из своих камней.

Была обнажена часть большого здания, стены которого имеют толщину 6/4 фута и состоят по большей части из обтесанных блоков известняка, соединенных с глиной. Ни один из камней, кажется, не превышает 1 фута 9 дюймов в длину, и они так искусно сложены вместе, что стены образуют гладкую поверхность. Этот дом построен на слое желтого и коричневого пепла и руин на глубине 20 футов, а сохранившаяся часть стен находится на глубине 10 футов под поверхностью холма. В доме, насколько удалось раскопать, была найдена только одна ваза с двумя грудками спереди и одной грудкой сбоку.

ЗОЛОТЫЕ КУБКИ ПРИАМА.

Это первый дом, раскопанный доктором Шлиманом, что совершенно очевидно из того, что он пишет о нем: "С чувством большого интереса я вижу с этой огромной платформы, то есть на перпендикулярной высоте от тридцати трех до сорока двух футов, это очень древнее здание (которое, возможно, было возведено за 1000 лет до Рождества Христова), стоящее как бы в воздухе".

Была раскопана комната высотой десять футов и шириной одиннадцать с одной четвертой; когда-то она была намного выше; ее длина не установлена.

Одно из помещений самых верхних зданий, расположенное под Храмом Афины и относящееся к доэллинистическому периоду, по-видимому, использовалось как погреб виноторговца или как склад, поскольку в нем находятся девять огромных глиняных кувшинов различной формы, высотой около пяти с тремя четвертями футов и шириной четыре с тремя четвертями футов, с горловинами от двадцати девяти с половиной до тридцати пяти с одной четвертой дюймов в ширину. У каждого из этих глиняных кувшинов четыре ручки шириной в три и три четверти дюйма, а глина, из которой они сделаны, имеет огромную толщину в два и одну четверть дюйма.

Также был обнаружен дом из восьми комнат на глубине двадцати шести футов. Он стоит на большой башне, прямо под греческим храмом Афины. Его стены состоят из небольших камней, зацементированных землей, и они, по-видимому, относятся к разным эпохам; ибо, хотя некоторые из них опираются непосредственно на камни Башни, другие были построены только после того, как Башня была покрыта на восемь дюймов, а в некоторых случаях даже на три с четвертью фута *обломками*. Эти стены также имеют различия в толщине; одна из них имеет толщину четыре с половиной фута, другие - всего двадцать пять с половиной дюймов, а третьи опять же не более девятнадцати с двумя третями дюймов. Некоторые из этих стен достигают десяти футов в высоту, и на некоторых из них можно увидеть большие остатки глиняных покрытий, выкрашенных в желтый или белый цвет. Черные отметины, оставшиеся в результате пожара, на нижней части стен других комнат, которые были раскопаны, не оставляют сомнений в том, что полы в них были деревянными и были уничтожены огнем. В одной комнате есть стена в форме полукруга, которая была обожжена до черноты, как уголь. Все помещения, которые еще не открыты и не выходят непосредственно на Башню, были раскопаны до того же уровня; и, без исключения, *обломки* под ними состоят из красного или желтого пепла и обгорелых руин. Над ними, даже в самих комнатах, не было найдено ничего, кроме красной или желтой древесной золы, смешанной с кирпичами, которые были высушены на солнце и впоследствии сгорели во время пожара, или черных *обломков*, остатков мебели, смешанных с массой мелких ракушек: в доказательство этого есть множество останков, которые все еще висят на стенах.

Было найдено очень большое древнее здание, стоящее на стене или контрфорсе. В этом месте стена имеет ширину или толщину около семидесяти девяти футов. Расположение этого здания на возвышенности вместе с его прочной конструкцией не оставляют сомнений в том, что это было самое грандиозное сооружение в Трое; более того, это, должно быть, был Дворец Приама. Это здание, впервые поднятое из-под пепла, покрывавшего его во время пожара в городе, было найдено доктором Шлиманом в том самом состоянии, в которое у Гомера угрожает привести его Агамемнон: "Дом Приама, почерневший от огня".

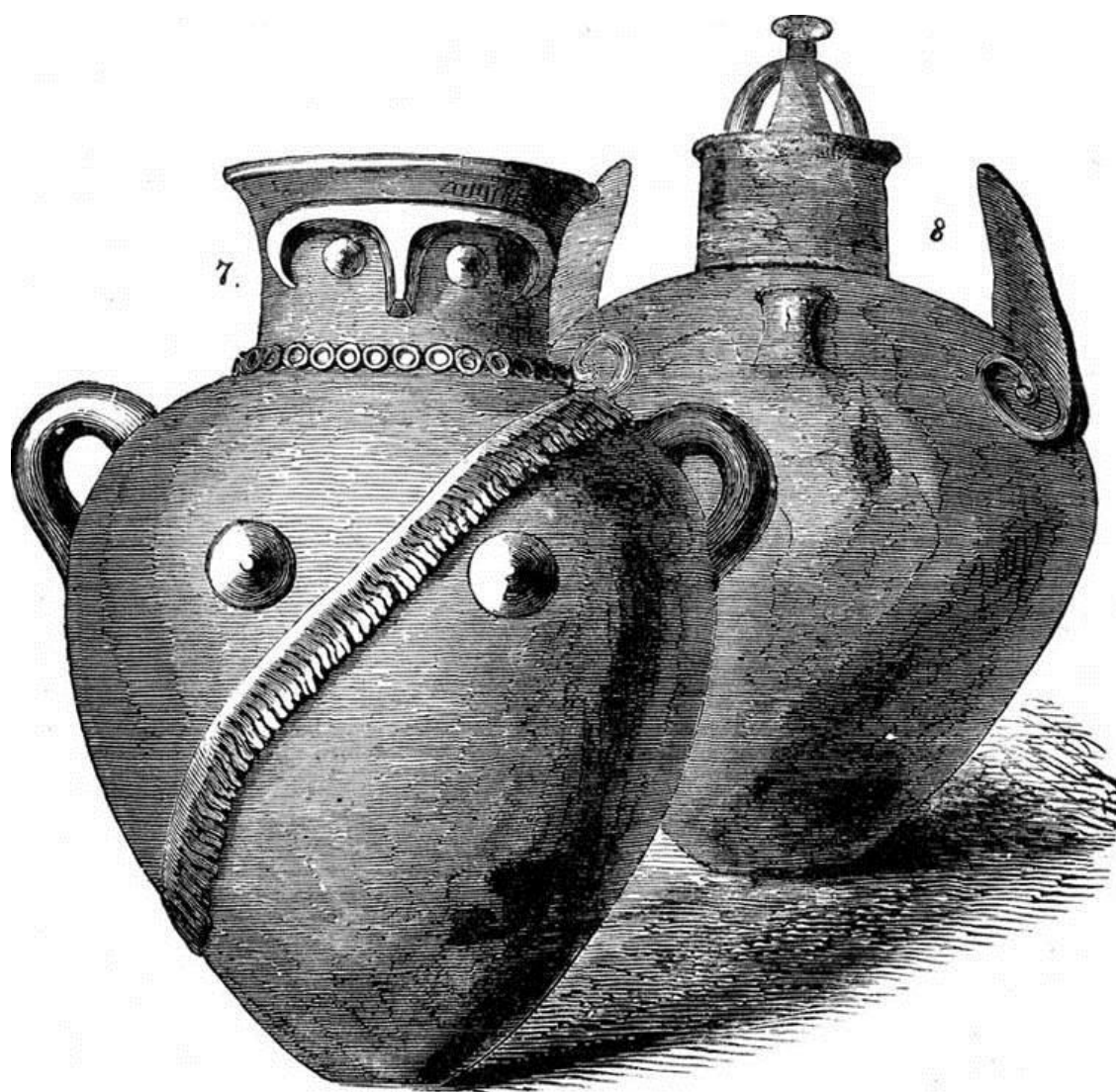
В этом доме, рядом с двойными воротами, на Большой башне Илиона, на краю западного склона Акрополя, сидели Приам, семь старейшин города и Елена; и это сцена самого великолепного отрывка в "Илиаде":

"Прислуживая там престарелому Приаму, сидели
Старейшины города; ...
Все они собрались у ворот СКæан.
... так на башне Илиона
восседали мудрые вожди и советники Трои.
Елену они видели, когда к Башне она подходила".

С этого места отряд осмотрел всю равнину и увидел у подножия Акрополя троянскую и ахейскую армии лицом к лицу, готовую заключить соглашение о том, что исход войны будет решен в единоборстве Париса и Менелая.

- На *цветочном меду Симандера* они стояли
Бесчисленными, как *весенние листья и цветы*.

Описание, которое Гомер дает Илионской башне и связанных с ней происшествий, настолько точно соответствует башне, обнаруженной доктором Шлиманом, что не оставляет сомнений в том, что они идентичны.

ЧУДЕСНЫЕ ТЕРРАКОТОВЫЕ ВАЗЫ. (Из Дворца Приама, на высоте 24 с половиной футов.)

Теперь, что касается предметов, найденных в этих домах, я должен прежде всего упомянуть об обнаружении на глубине двадцати шести футов во Дворце Приама великолепной и блестящей коричневой вазы высотой двадцать четыре дюйма и одна четвертая дюйма с фигурой богини-покровительницы Трои, то есть с головой совы, двумя грудями, великолепным ожерельем, обозначенным выгравированным рисунком, очень широким и красиво выгравированным поясом и другими очень художественными украшениями; рук нет, как и каких-либо указаний на них. К сожалению, эта изысканная ваза пострадала от веса камней, которые на ней лежали. № 4 напоминает совиный клюв, и особенно, поскольку это видно между орнаментами в форме ушей, несомненно, предполагалось изобразить сову с поднятыми крыльями по бокам ваз, благородный вид которым придавала великолепная крышка с короной. Я привожу рисунок самой большой вазы этого типа, которая была найдена несколько дней назад в королевском дворце на глубине от двадцати восьми до двадцати девяти с половиной футов; поверх нее я поместил крышку в форме колокола с короной, которая была обнаружена неподалеку и, по-видимому, принадлежала ей.

ИЗ ДВОРЦА ПРИАМА.

"Я также нашел в Сокровищнице три большие серебряные вазы, самая большая из которых более восьми с четвертью дюймов в высоту и почти восемь дюймов в диаметре, а ручка имеет пять с половиной дюймов в длину и три с половиной в ширину." (№ 23.) Вторая ваза имеет высоту 6,9 дюйма и почти шесть дюймов в диаметре; к ее верхней части приварена еще одна серебряная ваза (№ 22), от которой, однако, сохранились лишь фрагменты. № 19 - великолепная терракотовая ваза из Дворца Приама. Это самая большая ваза из тех, что часто встречаются в руинах, с двумя маленькими ручками и двумя большими вертикальными крыльями. Крышка была найдена рядом с ней.

КРЫШКИ И МЕТАЛЛЫ ПРИАМА.

"На южной стороне холма, где из-за небольшого естественного склона мне пришлось вырыть свою большую траншею с наклоном в четырнадцать градусов, я обнаружил на расстоянии 197 футов от склона башню толщиной в сорок футов, которую я раскопал с северной и южной сторон по всей ширине моей траншеи и убедился, что она построена на скале на глубине сорока шести с половиной футов.

"В настоящее время высота башни составляет всего двадцать футов, но характер ее поверхности и груды камней, лежащих с обеих сторон, по-видимому, доказывают, что когда-то она была намного выше. За сохранение того, что осталось, мы должны благодарить только руины Трои, которые полностью покрывали Башню в том виде, в каком она стоит сейчас. Вполне вероятно, что после разрушения Трои многое из нее устояло, и что та часть, которая возвышалась над руинами города, была разрушена преемниками троянцев, у которых не было ни стен, ни укреплений. Западная часть Башни, насколько она еще открыта, находится всего на расстоянии 121-124 футов от крутого западного склона холма; и, учитывая огромное скопление *обломков*, я полагаю, что Башня когда-то стояла на западном краю Акрополя, где ее расположение было бы наиболее интересным и внушительным, поскольку с ее вершины открывался бы вид не только на всю равнину Трои, но и на море с островами Тенедос, Имброс и Самофракия. В районе Трои нет более возвышенной ситуации, чем эта, и поэтому я предполагаю, что это "Великая башня Илиона", на которую Андромаха взошла, потому что "она слышала, что троянцы находятся в тяжелом положении и что сила ахейцев велика".

"Но до высоты самой высокой башни Илиона Андромаха ушла; с тех пор как пришли вести, троянские силы были превзойдены, и греческие силы были велики".

"После того, как эта Башня пролежала под землей тридцать одно столетие, и после того, как сменявшие друг друга народы на протяжении тысячелетий строили свои дома и дворцы высоко над ее вершиной, теперь ее снова извлекли на свет, и с нее открывается вид если не на всю равнину, то, по крайней мере, на северную часть и Геллеспонт. Пусть этот священный и возвышенный памятник греческого героизма всегда привлекает взгляды тех, кто плывет через Геллеспонт! Пусть он станет местом, куда любознательная молодежь всех будущих поколений совершит паломничество, чтобы разжечь свой энтузиазм к знаниям и, прежде всего, к благородному языку и литературе Греции!

"Прямо рядом с дворцом царя Приама я наткнулся на большое медное изделие самой замечательной формы, которое привлекло мое внимание тем более, что мне показалось, что я вижу за ним золото. Поверх этого медного изделия лежал слой красных и обожженных обломков толщиной от четырех с тремя четвертями до пяти с четвертью футов, твердых, как камень, а над этим снова находилась крепостная стена (шесть футов шириной и двадцать футов высотой), построенная из крупных камней и земли и, должно быть, относящаяся к раннему периоду после разрушения Трои. Чтобы спасти Сокровище от жадности моих рабочих и сохранить его для археологии, я должен был действовать максимально быстро, и хотя время завтрака еще не наступило, я немедленно распорядился, чтобы подали завтрак. Пока люди ели и отдыхали, я вырезал Клад большим ножом, что было невозможно сделать без величайшего напряжения сил и самого страшного риска в моей жизни, потому что огромная крепостная стена, под которой я должен был копать, каждую минуту грозила обрушиться на меня. Но вид стольких предметов, каждый из которых представляет неоценимую ценность для археологии, сделал меня безрассудно смелым, и я никогда не думал ни о какой опасности. Однако я не смог бы вытащить Сокровище без помощи моей дорогой жены, которая стояла рядом, готовая завернуть вырезанные мною вещи в свою шаль и унести их.

СОКРОВИЩА ПРИАМА.

"Первое, что я нашел, был большой медный щит в форме овального подноса, в середине которого находится набалдашник или выступ, окруженный небольшой бороздкой. Он чуть меньше двадцати дюймов в длину, довольно плоский и окружен бортиком высотой в полтора дюйма; выступ имеет два с одной третью дюйма в высоту и четыре с одной третью дюйма в диаметре; борозда, окружающая его, имеет семь дюймов в диаметре и две пятых дюйма в глубину. Этот круглый щит из меди (или бронзы?) с центральным выступом, бороздой и ободком, столь подходящими для скрепления покрытия из бычьих шкур, неотразимо напоминает семикратный щит Аякса (*Илиада* vii. 219-223):

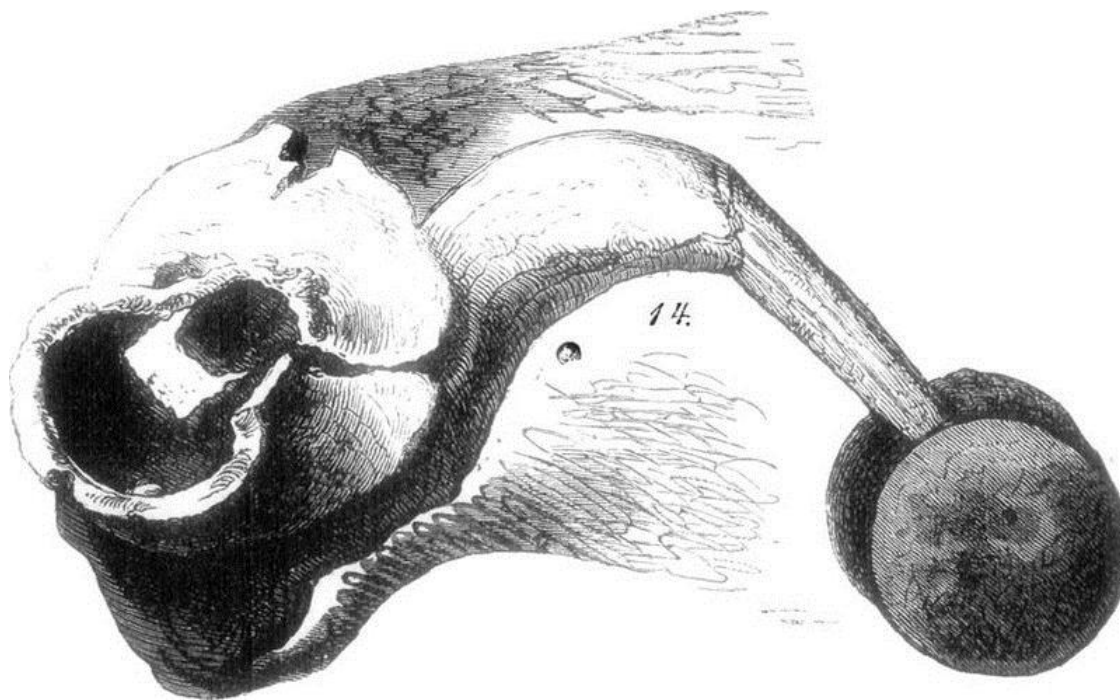
Приближался Аякс; перед ним, как башня,
Свой могучий щит нес он, семикратный, окованный медью,
Работы Тихия, лучшего мастера
, ковавшего из кожи; он жил в Гиле.
Тяжелый щит был выкован из семисложных шкур
крепких быков; восьмой был из сверкающей меди".

Не менее поразительно сравнить щит из Клада с описанием щита Сарпедона, с его круглой пластиной из кованой меди (или бронзы) и покрытием из бычьих шкур, прикрепленных к внутреннему краю обода золотыми проволоками или заклепками (*Илиада* xii. 294-297):

"Широкий шар своего щита,
хорошо выкованного, из чеканной меди, который
выковала рука оружейника, он нес на груди, обшитый прочной бычьей шкурой,
с золотыми прутьями, сплошными по всей окружности".

Вторым предметом, который я достал, был медный котел с двумя горизонтальными ручками. Он шестнадцать с половиной дюймов в диаметре и пять с половиной дюймов в высоту; дно плоское и имеет почти восемь дюймов в диаметре. В "Илиаде" этот сосуд почти всегда используется как котел и часто дается в качестве приза на играх; в "Одиссее" он всегда используется для омовения рук или ног. На этом изображены следы страшного пожара, а возле левой рукоятки видны два фрагмента медного оружия (копье и боевой топор), намертво оплавленных. (См. № 25.)

"Третьим предметом была медная пластина толщиной в две пятых дюйма, шириной в шесть и одну треть дюйма и длиной в семнадцать и одну треть дюйма; она имеет обод высотой около одной двенадцатой дюйма; на одном конце ее расположены два неподвижных колеса с осью. Эта тарелка сильно погнута в двух местах, но я полагаю, что эти искривления возникли из-за высокой температуры, которой изделие подверглось при пожаре; к ней прилила серебряная ваза высотой четыре и три четверти дюйма и шириной; я предполагаю, однако, что это также произошло случайно в результате сильного жара. (См. № 14.)

ЧАСТЬ МАШИНЫ ПРИАМА.

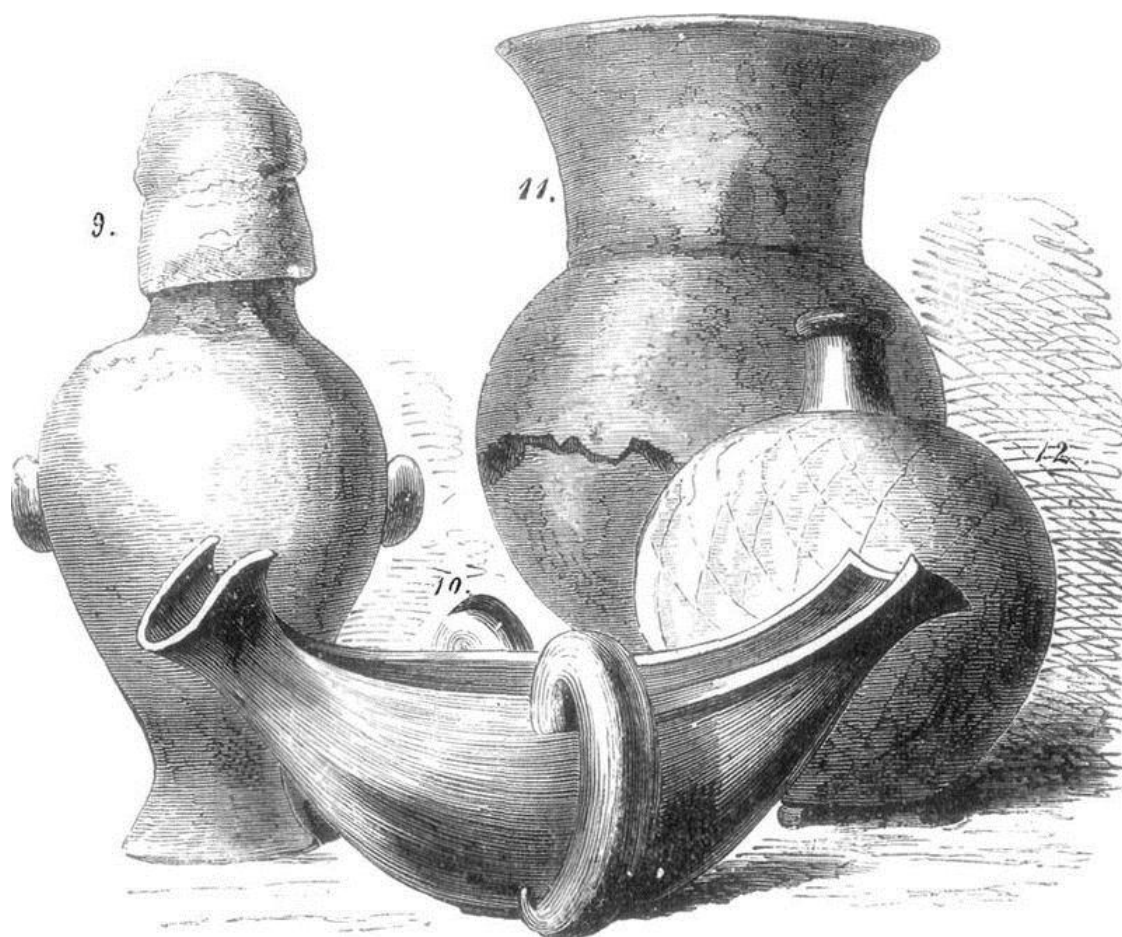

УКРАШЕНИЯ ИЗ ЗОЛОТА И КАМНЕЙ.

Этот замечательный предмет лежал поверх всей массы, и я предполагаю, что он служил засовом на крышке деревянного сундука, в который было упаковано Сокровище. Четвертым предметом, который я достал, была медная ваза высотой пять с половиной дюймов и диаметром четыре с одной третьей дюйма. Затем последовал шарообразный флакон из чистейшего золота весом 6220 гранов, или более одного тройского фунта; он имеет почти шесть дюймов в высоту и пять с половиной дюймов в диаметре и имеет начало зигзагообразного украшения на горлышке, которое, однако, продолжается не по всей окружности. Затем появилась чаша, также из чистейшего золота, весом семь и одна четвертая унции. троя; она имеет три с половиной дюйма в высоту и три дюйма в ширину. (См. № 4 и 12.)

Затем появилась другая чаша из чистейшего золота весом около одного фунта и шести тройских унций; она имеет три с половиной дюйма в высоту, семь с одной четвертой дюйма в длину и семь с одной пятой дюйма в ширину; она имеет форму корабля с двумя большими ручками; с одной стороны есть горлышко шириной в один и одну пятую дюйма для питья, а с другой стороны - другое горлышко шириной в два и три четверти дюйма. Профессор Стефанос Куманудес из Афин отмечает, что человек, подавший наполненную чашку, возможно, сначала отпил из маленького горлышка в знак уважения, чтобы позволить гостю пить из большого рта. (См. № 10.)

"Клад также содержал маленькую золотую чашечку весом в две и одну четвертую унции. троя; также шесть кусков чистейшего серебра в форме больших лезвий для ножей; все они были откованы молотком.

НАЙДЕН ВО ДВОРЦЕ ПРИАМА.

ЩИТ ДВОРЦА ПРИАМА.

"Я также нашел в Сокровищнице три большие серебряные вазы, самая большая из которых имеет более восьми с четвертью дюймов в высоту и почти восемь дюймов в диаметре, а ручка - пять с половиной дюймов в длину и три с половиной в ширину; кроме того, я нашел несколько серебряных кубков. На золотых и серебряных изделиях и рядом с ними я нашел тринадцать медных копий; также четырнадцать медных орудий, которые часто встречаются здесь, и семь больших обоюдоострых медных кинжалов.

"Поскольку я нашел все эти предметы вместе, образующими прямоугольную массу или упакованными друг в друга, кажется несомненным, что они были размещены на городской стене в деревянном сундуке, подобном тем, которые, как упоминает Гомер, находились во Дворце царя Приама. Это представляется тем более достоверным, что рядом с этими предметами я нашел медный ключ длиной более четырех дюймов, головка которого (около двух дюймов в длину и ширину) очень напоминает большой ключ от банковского сейфа. Достаточно любопытно, что у этого ключа была деревянная ручка.

"То, что Сокровище было упаковано со страшным риском для жизни и в величайшей тревоге, доказывается среди прочего также содержимым большой серебряной вазы, на дне которой я нашел две золотые диадемы, обруч и четыре прекрасных сережки самой изысканной работы; на них лежали пятьдесят шесть золотых сережек чрезвычайно причудливой формы и 8 750 маленьких золотых колец, перфорированные призмы и игральные кости, золотые пуговицы и подобные драгоценности; затем следовали шесть золотых браслетов и, поверх всего, два маленьких золотых кубка. Некоторые из них упоминаются Гомером:

"Далеко были отброшены украшения ее головы:
сетка, заколка и тканая лента,
свадебное покрывало, подаренное золотой Венерой".

ЗОЛОТОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ ТРОИ.

"Одна диадема состоит из золотой ленты длиной двадцать один и две трети дюйма и шириной почти в полдюйма, с каждой стороны которой свисают по семь маленьких цепочек для прикрытия висков, каждая из которых имеет одиннадцать квадратных лепестков с углублением; эти цепочки соединены друг с другом четырьмя маленькими поперечными цепочками, на конце которых висит сверкающий золотой идол богини-покровительницы Трои длиной почти в дюйм. Вся длина каждой из этих цепей с идолами составляет десять с четвертью дюймов. Почти все эти идолы имеют что-то от человека, но голову совы с двумя

большими глазами невозможно спутать; их ширина на нижнем конце составляет около девяти десятых дюйма. Между этими украшениями для храмов есть сорок семь маленьких подвесных цепочек, украшенных квадратными листьями; на конце каждой маленькой цепочки изображен идол илионской богини-покровительницы длиной около трех четвертей дюйма; длина этих маленьких цепочек с идолами не превышает четырех дюймов. Филе имеет более восемнадцати дюймов в длину и две пятых дюйма в ширину и имеет по три отверстия на каждом конце. Восемь четырехрядных точек делят его на девять отделений, в каждом из которых по две большие точки, а непрерывный ряд точек украшает весь край. (См. рис. 1.) Из четырех сережек только две совершенно одинаковые; с верхней части, которая имеет форму корзины и украшена двумя рядами украшений в виде бусин, свисают шесть маленьких цепочек, на которых расположены три маленьких цилиндра; к концам цепочек прикреплены маленькие фигурки богини-покровительницы Трои. Длина каждой сережки составляет три с половиной дюйма. Верхняя часть двух других сережек больше и толще, но также имеет форму корзинки; с нее свисают пять маленьких цепочек, полностью покрытых маленькими круглыми листьями, на которых также закреплены маленькие, но более внушительные фигурки илианского божества-покровителя; длина одной из этих подвесок составляет три с половиной дюйма, другой - чуть более трех дюймов. (См. рис. 17.)

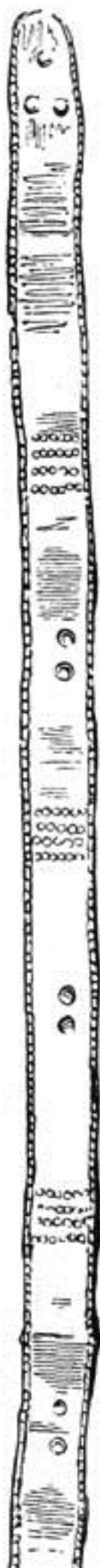

Q112

17.

1.

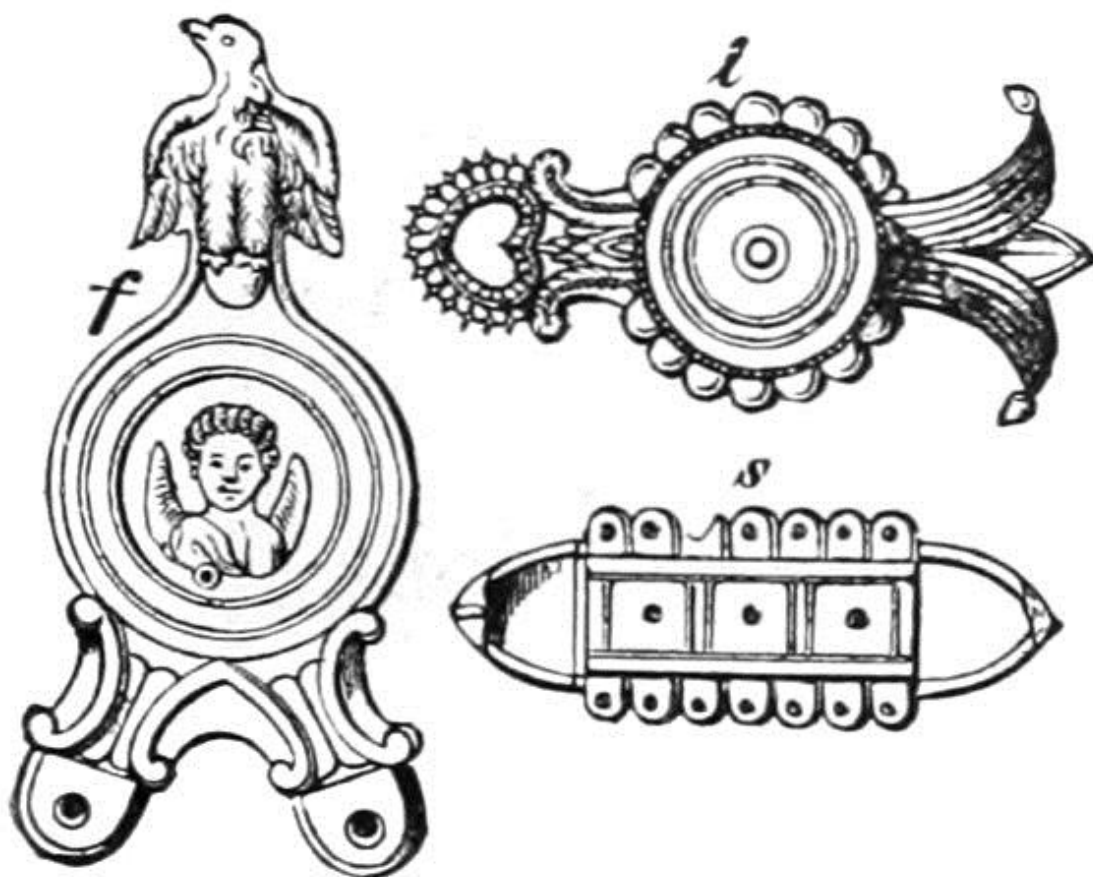
ЗОЛОТЫЕ КИСТОЧКИ ТРОИ.

Гомер в "Илиаде" поет о "красиво переплетенных кистях из чистого золота", которые украшали Афины:

"Повсюду
висели сотни кисточек, редких произведений искусства,
все золотые, каждая ценой в сотню быков".

И снова, когда Гера украшает себя, чтобы пленить Юпитера, ее пояс окаймлен сотней кисточек, а ее серьги описаны в терминах, в точности соответствующих описанным выше тройным листьям:

"Ее пояс, с которого свисала сотня кисточек,
Она опоясала сверху; и тремя яркими каплями
Ее сверкающие драгоценные камни свисали с ушей,
И все вокруг сияло ее грацией и красотой".

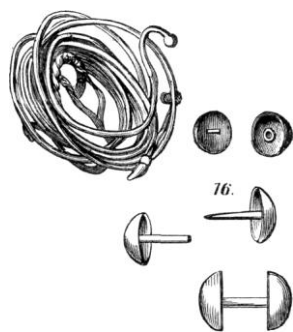
СВЕТИЛЬНИКИ, НАЙДЕННЫЕ В ТРОЕ.

"Из шести золотых браслетов два довольно простые и закрытые, но состоят из украшенной ленты толщиной в одну двадцать пятую дюйма и шириной в одну четвертую дюйма. Остальные три двойные, а концы закруглены и снабжены головкой. У принцессы, носившей

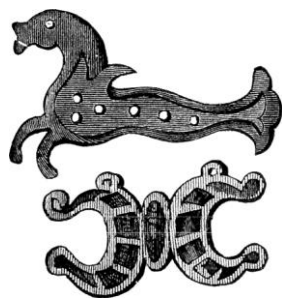
эти браслеты, должно быть, были необычайно маленькие руки, потому что они настолько малы, что десятилетней девочке было бы трудно их надеть.

"Пятьдесят шесть других золотых сережек разного размера, и три из них, по-видимому, также использовались принцессами королевской семьи в качестве колец для пальцев. Были найдены также золотые пуговицы, или запонки, высотой в одну шестую дюйма, в полости которых находится кольцо шириной более одной десятой дюйма для их пришивания; золотые двойные пуговицы, точь-в-точь как запонки для наших рубашек, длиной в три десятых дюйма, которые, однако, не спаяны, а просто склеены, поскольку из полости пуговицы выступает трубочка длиной почти в четверть дюйма, а из другой булавки такой же длины, и булавка просто втыкается в трубку, образуя двойную булавку. (См. рис. № 16.) Эти двойные пуговицы или заклепки, вероятно, использовались только в качестве украшения на кожаных изделиях, например, на рукоятках мечей, щитов или ножей. Я нашел в вазе также два золотых цилиндра длиной более одной десятой дюйма; также небольшой колышек длиной более четырех пятых дюйма и толщиной от шести сотых до восьми сотых дюйма; на одном конце у него перфорированное отверстие для подвешивания, а на другой стороне шесть окружающих насечек, которые придают изделию вид винта; только с помощью увеличительного стекла можно установить, что на самом деле это не винт. Я также нашел в той же вазе два кусочка золота, один из которых имеет одну седьмую дюйма, другой - более двух дюймов в длину; каждый из них имеет двадцать одно отверстие.

"К счастью, у людей, пытавшихся спасти Сокровище, хватило присутствия духа поставить серебряную вазу с ценными предметами, описанными выше, вертикально в сундуке, чтобы ни одна бусинка не могла выпасть, и все сохранилось невредимым.

ШЕСТЬ ЗОЛОТЫХ БРАСЛЕТОВ, СПЯЯННЫХ ВОЕДИНО ПОЖАРИЩЕМ.

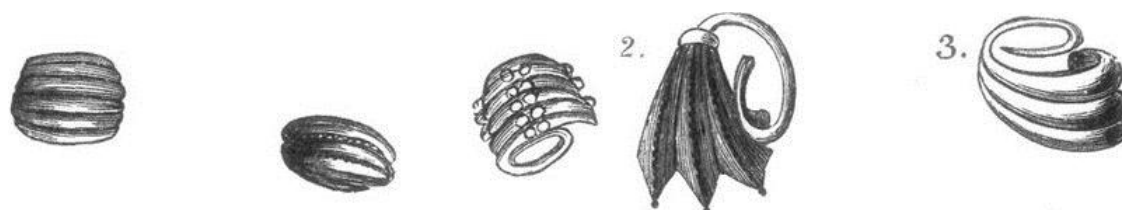

ЗОЛОТЫЕ БУЛАВКИ С ДРАГОЦЕННЫМИ КАМНЯМИ В ОПРАВЕ.

"Господин Ландерер из Афин, химик, хорошо известный своими открытиями и трудами, который самым тщательным образом исследовал все медные изделия из Клада и проанализировал фрагменты, обнаружил, что все они состоят из чистой меди без какой-либо

примеси олова или цинка и что для придания им большей прочности они были обработаны молотком.

Поскольку я надеялся найти здесь другие сокровища, а также хотел показать стену, окружающую Трою, возведение которой Гомер приписывает Посейдону и Аполлону, вплоть до Скейских ворот, я полностью срезал верхнюю стену, которая частично опиралась на ворота, на протяжении пятидесяти шести футов. Посетители Трои, однако, все еще могут увидеть ее часть в северо-западной земляной стене напротив Скейских ворот. Я также разбил огромный земляной блок, который отделял мою западную и северо-западную вырубку от Великой Башни. Результат этих новых раскопок очень важен для археологии, поскольку мне удалось обнаружить несколько стен, а также комнату Королевского дворца, двадцать футов в длину и ширину, на которой нет построек более позднего периода.

ЗОЛОТЫЕ СЕРЬГИ ИЗ ТРОИ.

"Из обнаруженных там предметов я должен упомянуть только превосходно выгравированную надпись, найденную на квадратном куске красного сланца, в котором есть два незасверленных отверстия и окружающий разрез, но ни мой ученый друг Эмиль Бюрнуф, ни я не можем сказать, на каком языке написана эта надпись. Кроме того, было несколько интересных терракотовых изделий, среди которых сосуд, напоминающий по форме современную бочку, с трубкой в центре для наливания и слива жидкости. На стенах Трои, на один и три четверти фута ниже того места, где был обнаружен Клад, были также найдены три серебряных блюда, два из которых были разбиты вдребезги при разборке обломков, однако их можно починить, поскольку у меня есть все осколки. Эти блюда, по-видимому, принадлежали Сокровищу, и тот факт, что последнее каким-то образом избежало наших кирков, объясняется вышеупомянутыми большими медными сосудами, которые выступали вперед, так что я мог вырезать все из твердых обломков ножом.

Далее я нашел серебряный кубок высотой более трех с половиной дюймов, горлышко которого почти четыре дюйма в диаметре; также серебряную плоскую чашу или блюдо диаметром пять с половиной дюймов и две красивые маленькие серебряные вазы самой изысканной работы. Тот, что побольше, с двумя кольцами по обе стороны для подвешивания на веревочках, имеет почти восемь дюймов в высоту с крышкой в форме шляпы и три с половиной дюйма в диаметре по выпуклости. Меньшая серебряная ваза с кольцами с обеих сторон для подвешивания на веревочке имеет высоту около шести и трех четвертей дюйма вместе с крышкой и более трех дюймов в ширину.

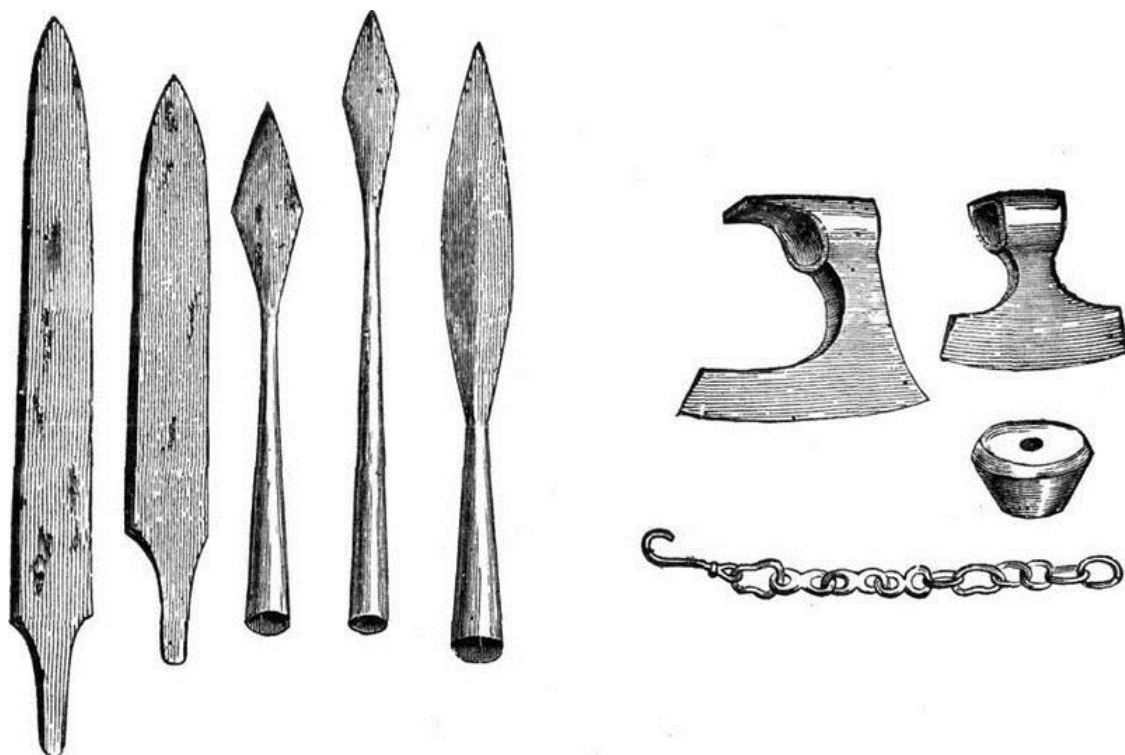
Теперь я понимаю, что вырубка, которую я произвел в апреле, была точно в нужном месте, и что если бы я только продолжил ее, то через несколько недель обнаружил бы самые замечательные здания в Трое, а именно Дворец царя Приама, Скейские ворота, Огромную окружающую стену и Великую башню Илиона; тогда как вследствие отказа от этой вырубki мне пришлось произвести колоссальные раскопки с востока на запад и с севера на юг по всему холму, чтобы найти эти самые интересные здания.

"В верхних слоях северо-западных раскопок мы наткнулись еще на большое количество голов прекрасных терракотовых фигурок лучшего эллинского периода, а на глубине двадцати трех футов на некоторых идолах, а также на верхнюю часть вазы с лицом совы и крышкой в форме шлема. Крышки такого типа, по краю которых насечками обозначены женские волосы, часто встречаются во всех слоях на глубине от тринадцати до тридцати трех футов, и поскольку они принадлежат вазам с совиными мордами, количество крышек дает нам представление о количестве ваз с фигурой Афины с совиной головой, которые существовали здесь, в Трое.

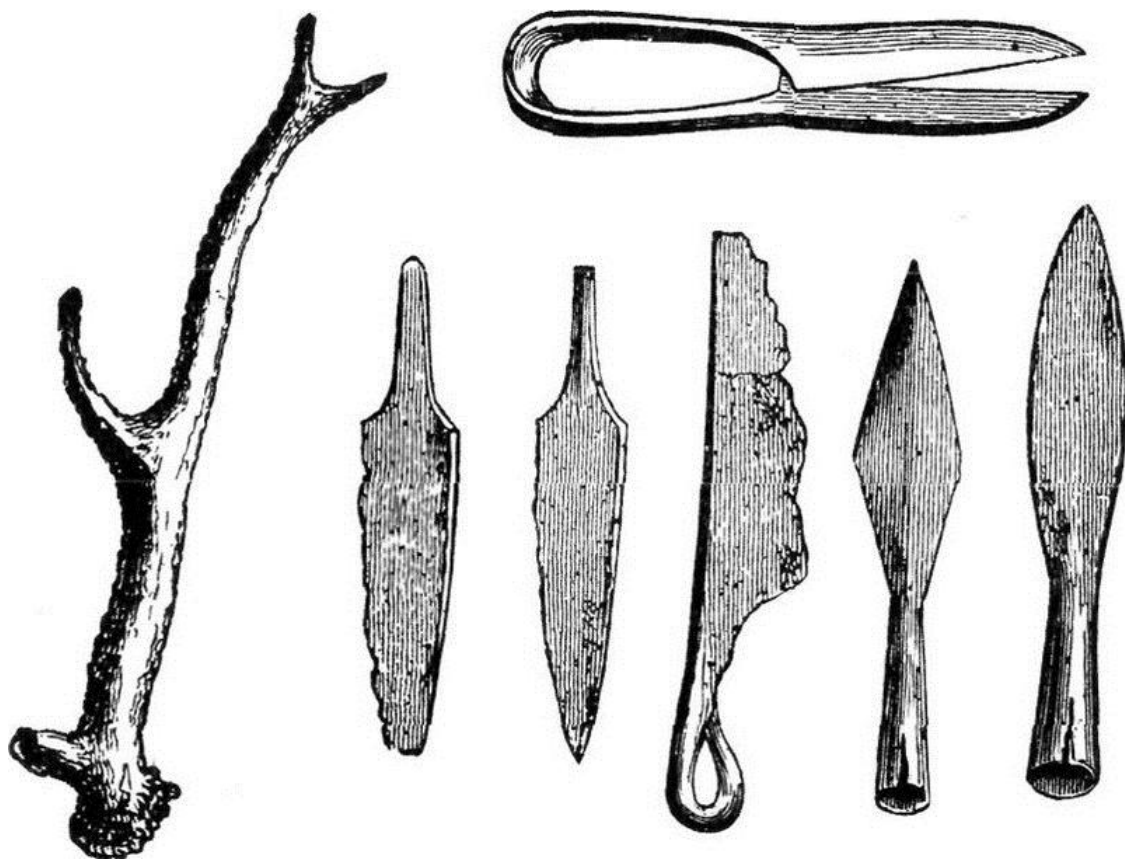
"Гомер редко упоминает храмы, и, хотя он говорит о Храме Афины, все же, учитывая малость города, весьма сомнительно, существовал ли он на самом деле. Вероятно, что богиня-покровительница в то время владела только жертвенным алтарем, который я обнаружил и форма которого в виде полумесяца очень напоминает верхнюю часть идола из слоновой кости, найденного в нижних слоях, а также один конец шести талантов, находившихся среди Сокровищ.

"Ценные камни, такие как те большие флаги, которыми устлана дорога, ведущая от Скейских ворот на Равнину, а также камни ограждающей стены и Большой Башни, остались нетронутыми, и ни в одном камне Скейских ворот нет недостатка. Более того, за исключением домов, которые я сам разрушил, было бы вполне возможно обнаружить "остовы" всех домов, как в случае с Помпеями. Дома, должно быть, были очень высокими, и при их строительстве использовалось много дерева, потому что в противном случае в результате пожара не образовалось бы такого огромного количества золы и мусора.

"На золотых и серебряных изделиях и рядом с ними я нашел тринадцать медных копий длиной от почти семи до более чем двенадцати с половиной дюймов и шириной от более чем полутора до двух с одной третью дюймов в самом широком месте; на нижнем конце каждого есть отверстие, в котором в большинстве случаев все еще торчит гвоздь или колышек, крепивший копьё к деревянной рукоятке. В наконечнике копья, приваренном пожаром к боевому топору, отчетливо видно отверстие от булавки. Таким образом, троянские копья сильно отличались от копий греков и римлян.

КОПЬЯ, ПИКИ, ТОПОР И ЦЕПЬ.

НОЖНИЦЫ, НОЖИ И КОПЬЯ.

"Я также нашел четырнадцать таких медных орудий, которые часто встречаются здесь, но которые никогда не были обнаружены где-либо еще; с одного конца они заостренные, но

тупые, а с другого заканчиваются широким лезвием. Раньше я считал их разновидностью копий, но теперь, по зрелом размышлении, я убежден, что их можно было использовать только как боевые топоры. Они имеют длину от шести до двенадцати дюймов, толщину от почти половины до более чем трех четвертей дюйма и ширину от одного до почти трех дюймов; самый крупный из них весит около трех фунтов.

КОПЬЯ, НАЙДЕННЫЕ ВО ДВОРЦЕ ПРИАМА В ТРОЕ.

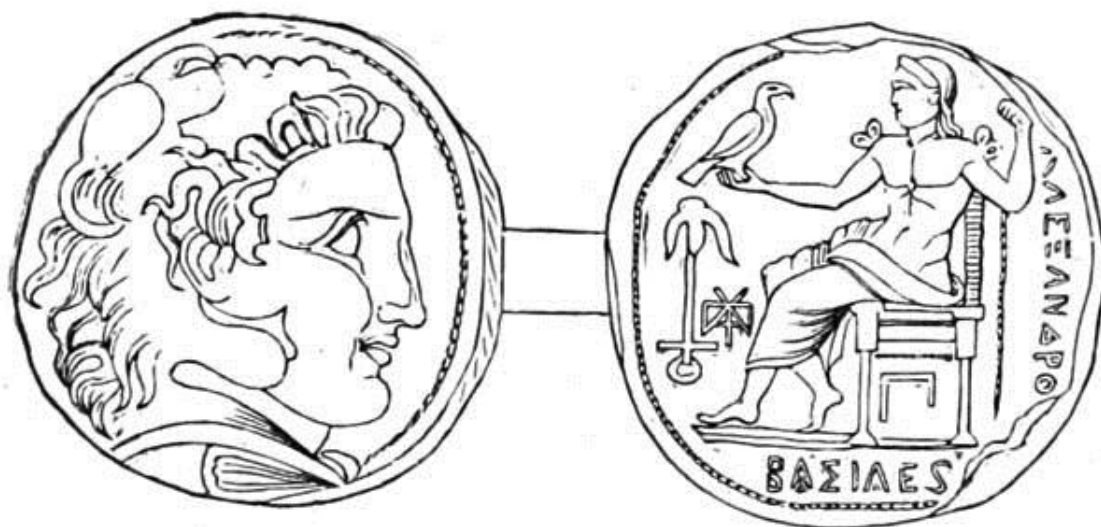
"Там также было семь больших обоюдоострых медных кинжалов с рукояткой длиной примерно от двух до двух и трех четвертей дюйма, конец которой загнут под прямым углом. Эти ручки, должно быть, когда-то были обшиты деревом, потому что, если бы футляры были сделаны из кости, они все равно полностью или частично сохранились бы. Заостренная ручка была вставлена в кусок дерева так, что конец выступал примерно на полдюйма за его пределы, и этот конец был просто загнут закругленно. Самый большой из этих кинжалов имеет десять и две трети дюйма в длину и более двух дюймов в ширину в самой широкой части; у второго кинжала, который имеет ширину более одного и трех четвертей дюйма, отломано острие, и теперь его длина составляет менее девяти дюймов, но, по-видимому, было одиннадцать дюймов; третий кинжал имеет длину восемь и две трети дюйма и размеры более одного и одной четвертой дюйма в самом широком месте.

"На северной стороне холма я теперь также обнаружил несколько стен домов на глубине сорока двух с половиной футов, а также начало замечательной фортификационной стены, продолжение которой можно увидеть в лабиринте стен домов в глубине Храма Афины. На северной стороне, над первичным грунтом, я также обнаружил уже упомянутый участок тротуара, сложенный из мелкой круглой белой морской гальки, под которой находятся обожженные руины здания, которое раньше стояло там.

"Среди нескольких очень замечательных терракотовых изделий, обнаруженных со времени моего последнего отчета, я должен упомянуть два кувшина, найденных на северной стороне, на глубине от двадцати трех до двадцати шести футов, у каждого из которых есть два вертикальных горлышка, стоящих бок о бок, но их ручки соединены. У одного из них также есть рядом с горловинами два небольших возвышения, которые, вероятно, могут указывать на глаза. В третьем кувшине такого типа я нашел только верхнюю часть. Я должен также упомянуть чрезвычайно любопытную чашу, обнаруженную на глубине тринадцати футов, которая состоит из трубки, опирающейся на три ножки и заканчивающейся одним большим и двумя маленькими кубками; большой кубок соединен с противоположной стороной трубки ручкой. На той же глубине я наткнулся на большую вазу, из которой торчит отдельная маленькая ваза; она украшена насечками, имеет три ножки, две очень красивые ручки и кольца для подвешивания. Я нашел также на глубине тринадцати футов вазу с двумя

женскими грудями, двумя большими ручками и гравюрами, напоминающими буквы. Среди других чрезвычайно любопытных терракотовых изделий я должен также упомянуть три горшка с тремя рядами отверстий; у них обычная ручка с одной стороны и три ножки с другой; также три большие вазы с круглыми отверстиями со всех сторон, снизу доверху; их использование для меня загадка; могли ли они служить пчелиными ульями? Также сосуд в форме свиньи с четырьмя ножками, которые, однако, короче брюшка, так что сосуд не может стоять на них; горлышко сосуда, которое прикреплено к спине свиньи, соединено с задней частью ручкой. Далее я нашел кастрюлю в виде корзинки с ручкой, пересекающей горловину, и трубкой в выпуклости для отвода жидкости. Также две терракотовые воронки на глубине десяти футов с буквой, которую я неоднократно встречал на некоторых терракотах. На глубине пяти футов я нашел одну из тех круглых терракотовых плит с двойным отверстием и клеймом, на котором изображены египетские иероглифы; также дюжину таких же изделий, на клеймах которых изображены коронованная голова, птица, собачья голова, летящий человек или орел и олень. На глубине шестнадцати с половиной футов я нашел ручку чашки с прекрасно вылепленной головой быка.

Я также не могу доказать, что часто встречающиеся здесь терракоты в виде лошадиных голов изображают мать Геры, Кибелы или Реи, но это весьма вероятно, поскольку, как хорошо известно, во Фригии ее изображали с лошадиной головой. Терракотовые идолы Илианской Афины встречаются редко, но мы ежедневно находим мраморных идолов этой богини, большинство из которых имеют почти человеческий облик. Мы также часто натываемся на продолговатые плоские куски грубого мрамора, на которых более или менее глубоко выгравировано совиное лицо богини. Часто она так мелко поцарапана, что требуется помощь увеличительного стекла, чтобы убедиться в ее существовании на самом деле; мы нашли несколько таких кусков мрамора, на которых голова совы была выкрашена в черный цвет. С тех пор как я пришел к выводу, что это идолы троянского божества-покровителя, я тщательно собирал их.

МОНЕТЫ Или МЕТАЛЛЫ.

"При раскопках земли, на которой стоял мой деревянный дом, мы нашли на глубине от девяти до девятнадцати дюймов восемнадцать медных и две серебряные медали; одна из последних принадлежит Марку Аврелию. Другая представляет собой тетрадрахму острова Тенедос; на лицевой стороне справа изображена голова Юпитера, слева - Юноны, у обеих общая шея, как у голов Януса. Голова Юпитера увенчана лаврами, голова Юноны - венком

или короной. На реверсе монеты по краю изображен лавровый венок, а в центре - большой двойной топор, над которым стоит слово Teneelion, ниже и справа от рукояти двойного топора изображен крылатый Эрос, который держит в руках предмет, который трудно различить, слева - виноградная гроздь и монограмма, похожая на букву А.

"Из медных монет пять принадлежат Александрии Троадской, две - Офриниуму, одна - Тенедосу, две - Абидосу и одна - Дардании.

"Когда я обнаружил дорогу, вымощенную большими каменными плитами, которая ведет от Скейских ворот на Равнину, камни выглядели такими новыми, как будто их только что обтесали. Но с тех пор под воздействием палящего солнца флаги верхней части дороги, которые особенно пострадали от пожара, уничтожившего город, быстро осыпаются и, вероятно, совсем исчезнут через несколько лет. Однако каменные плиты на северо-западной половине дороги, которые меньше подвергались воздействию жары, могут прослужить еще много столетий.

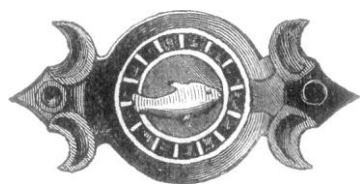
"В этот день, навсегда закрывая раскопки в Илионе, я не могу не горячо поблагодарить Бога за Его великую милость, за то, что, несмотря на ужасную опасность, которой мы подвергались из-за непрекращающихся ураганов, во время гигантских раскопок последних трех лет не произошло несчастья, никто не был убит и никто серьезно не пострадал.

"В моем последнем отчете я не указал точное количество пружин перед Подвздошной костью. Теперь я сам посетил все источники и измерил их расстояние от моих раскопок, и я могу дать следующий отчет о них. Первый источник, который находится прямо под руинами древней городской стены, находится ровно в 399 ярдах от моих раскопок; температура его воды составляет 60,8 ° по Фаренгейту. Он обнесен на высоту шести с половиной футов стеной из больших камней, соединенных цементом, шириной девять с четвертью футов, а перед ним расположены два каменных желоба для поения скота. Второй источник, который также все еще находится под руинами древней городской стены, находится ровно в 793 ярдах от места моих раскопок. Он имеет такое же ограждение из больших камней, семи футов в высоту и пяти футов в ширину, и имеет ту же температуру. Но он вышел из строя, и вода больше не течет по каменной трубе в ограждении, а по земле, прежде чем попасть в трубу. Двойной источник, о котором говорилось в моем последнем отчете, находится ровно в 1033 ярдах от моих раскопок. Он состоит из двух отдельных источников, которые вытекают через две каменные трубы, лежащие рядом друг с другом в ограждении, сложенном из больших камней, соединенных с землей, которое поднимается на высоту семи футов и имеет ширину двадцать три фута; его температура составляет 62,6 ° по Фаренгейту. Перед этими двумя источниками есть шесть каменных желобов, которые расположены таким образом, что лишняя вода всегда течет из первого желоба через все остальные. Весьма вероятно, что это те самые два источника, упомянутые Гомером, у которых был убит Гектор.

"Они (Гектор и Ахиллес) в бегстве и погоне,
Они у сторожевой башни и под стеной,
где стояло трепещущее на ветру фиговое дерево, снова мчались
По общественной дороге, пока не достигли
довольно полноводных источников, откуда
Из двойного источника вытекали бурлящие потоки Скамандра.
В одном течет горячий поток, и снизу,
как из печи, поднимаются клубы пара;
"В разгар летней жары другой становится холодным",
как град, или снег, или кристаллизованная вода;

Рядом с фонтанами стояли корыта для стирки
Из хорошо обработанного камня, где прежде жены Трои
И прекрасные дочери стирали свои лучшие одежды,
В мирные времена, до прихода сынов Греции".

"В этих новых раскопках я нахожу четыре глиняные трубы длиной от восемнадцати с тремя четвертями до двадцати двух с четвертью дюймов и толщиной от шести с половиной до одиннадцати с тремя четвертями дюймов, сложенные вместе для проведения воды, которая была доставлена с расстояния около семи миль от верхнего Тимбрия. Эта река сейчас называется Кемар, от греческого слова катага (свод), потому что акведук римского периода пересекает ее нижнее течение большой аркой. Этот акведук раньше снабжал Илион питьевой водой из верхней части реки. Но Пергаму требовались особые акведуки, поскольку он расположен выше города.

ЭЛЕГАНТНАЯ БРОШЬ ИЗ ТРОИ.

"К сожалению, ни на одном из предметов "Сокровища Приама" не найдено никаких надписей или каких-либо религиозных символов, за исключением 100 идолов гомеровской "богини Афины с совиным лицом" (Thea glaukopis Athene), которые сверкают на двух диадемах и четырех серьгах. Однако это неоспоримое доказательство того, что Сокровище принадлежит городу и эпохе, о которой поет Гомер".

Возникает вопрос: нашел ли Шлиман какие-либо надписи, которые проливают определенный свет на письменные свидетельства о языке, истории и социальном положении, религии, науке и литературе древних обитателей холма, чьи записи еще не являются частью древней истории? На этот счет мало что можно сказать, однако у жителей древней Трои действительно была письменность. На глубине двадцати шести футов в царском дворце была найдена ваза с надписью. Одна из букв напоминает греческую Ρ. Эта же буква встречается на печати, найденной на глубине двадцати трех футов; две другие буквы этой надписи встречаются на другой терракоте, также найденной на глубине двадцати трех футов.

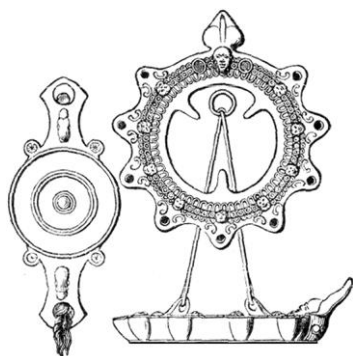
Доктору Мартину Хаугу принадлежит честь первой расшифровки троянских надписей на вышеупомянутой вазе. Он, не без долгих исследований, истолковал это как посвящение "божественному Сигу", божеству, имя которого было найдено в Сигеуме. Трансмутация, однако, казалась вынужденной; и, хотя Хауг был прав в своем методе, его результаты были в лучшем случае очевидны,

"Фрагменты оборванных слов и мыслей,
Но все же проблески истины".

Профессор Т. Гомперц из Вены, сделав одно исправление в чтении Хауга, все еще находил его неудовлетворительным, пока ему не пришла в голову мысль прочесть его справа налево

вокруг вазы, а не слева направо, когда перепутанные слоги вспыхнули, как при внезапной кристаллизации, на чистом греческом и гласили: "Божественному Принцу".

Была найдена еще одна надпись, которую профессор. Макс Мюллер прочитал как само название Илиона. Были найдены и другие надписи, которые пока не интерпретированы.

ЛАМПА, НАЙДЕННАЯ В ТРОЕ.

НИНЕВИЯ И ВАВИЛОН.

Содержание

Вдали от магистралей современной торговли и путей обычных путешественников лежал город, погребенный в песчаной земле полупустынной турецкой провинции, без малейших следов своего захоронения. Смутное предание гласило, что он был спрятан где-то у реки Тигр; но в течение долгого ряда веков его существование в мире было простым названием — словом. Это название наводило на мысль о древней столице сказочного великолепия и величины; скопище дворцов и храмов, окруженных огромными стенами и крепостными валами — о "ликующем городе, который жил беззаботно; который говорил в своем сердце: "Я есть, и нет никого рядом со мной", и который должен был стать "пустынным и сухим, как пустыня".

Более двух тысяч лет пролежал он в своей безвестной могиле, когда французский *ученый* и странствующий ученый искали резиденцию некогда могущественной империи и искали, пока не нашли мертвый город, сбросили с него покров песка и руин и еще раз показали изумленному и любознательному миру храмы, дворцы и идолов; образы войны и погони, жестокости и роскоши древних ассирийцев. Ниневия Священного Писания, Ниневия древнейших историков; Ниневия — сестра—близнец Вавилона, прославлявшаяся великолепием и могуществом, все следы которого, как считалось, исчезли; Ниневия, в которой трудились и плакали плененные колена Израиля и против которой были произнесены слова пророчества, после двадцативекового сна снова была вызволена на свет божий. Свидетельства древнего великолепия вновь предстали перед живыми глазами, а благодаря мастерству рисовальщиков и перу путешественников-антикваров стали известны и сохранены миру.

В истории посещения Ионы Ниневия дважды описывается как "тот великий город" и еще раз как "чрезвычайно великий город в трех днях пути".

Измерение, присвоенное Ниневии священным писателем, без сомнения, применимо к ее окружности и дает окружность около шестидесяти миль.

Ни в одной из исторических книг Ветхого Завета нет никаких подробностей о Ниневии. Пророки, однако, часто упоминают о его великолепии, об "огороженном месте", "твердыне", "доблестных людях и колесницах", "серебре и золоте", "приятной мебели", "резных перемычках и кедровой работе". Софония, писавший примерно за двадцать четыре года до падения Ниневии, говорит о нем:

"Это ликующий город, который жил беззаботно;
Который сказал в своем сердце: "Я есть, и нет никого, кроме меня".

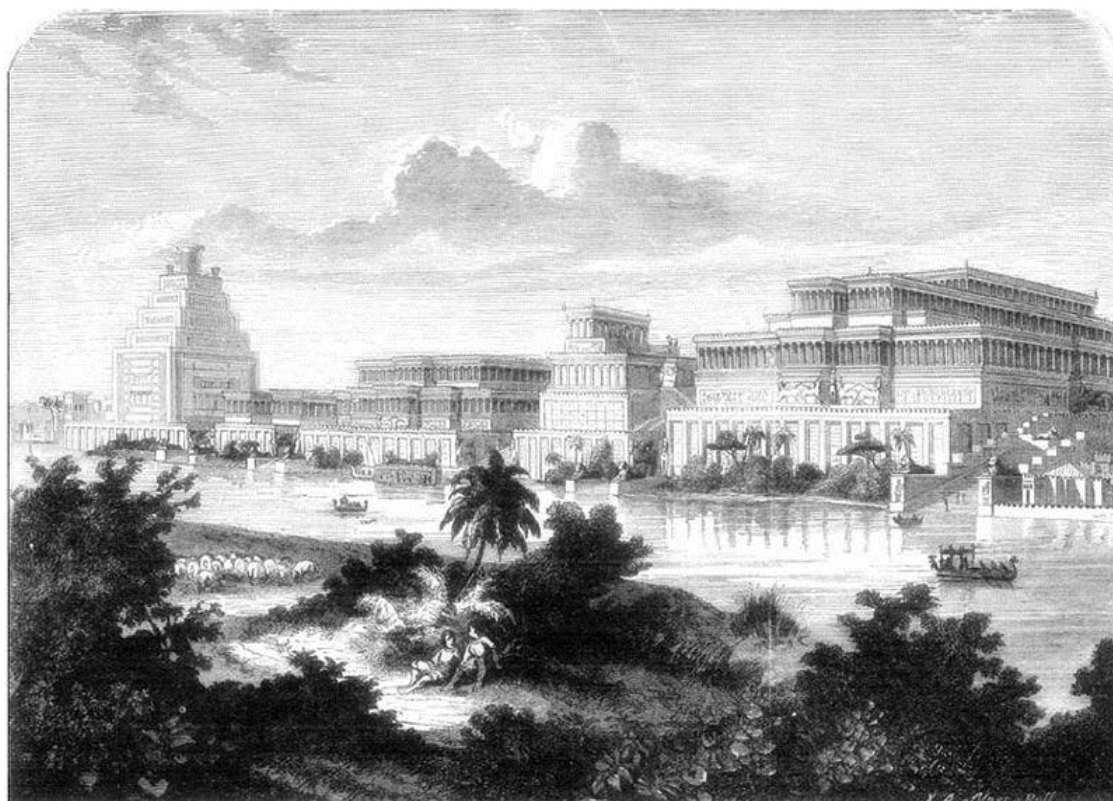
Руины Ниневии были практически неизвестны древним классическим авторам, хотя из всех них мы узнаем, что это был один из старейших, могущественнейших и великолепнейших городов мира; что он полностью погиб за много сотен лет до христианской эры; и что после его падения Вавилон стал столицей ассирийской империи, которая в конце концов стала еще больше и могущественнее. Изучая их детали, мы обнаруживаем, что имена перепутаны, происшествия перенесены, а хронология по очереди запутана, расширена или перевернута. Трудности другого, более своеобразного рода подстерегают этот путь исследования, для которого будет достаточно привести одну иллюстрацию— имена собственные, те фиксированные точки в истории, вокруг которых группируются достижения или страдания ее героев, постоянно меняются в ассирийской номенклатуре; и люди, и боги обозначаются не словом, состоящим из определенных фиксированных звуков или знаков, но всеми различными выражениями, эквивалентными им по значению, будь то синоним или фраза. Следовательно, мы обнаруживаем, что названия, приводимые классическими авторами, как правило, имеют мало аналогий с ассирийскими или вообще не имеют их, поскольку греки обычно интерпретировали собственные названия других стран в соответствии с особенностями своего собственного языка и нередко переводили на него оригинальное название. Геродот, однако, хотя и упоминает только одного ассирийского царя, называет его настоящее имя - Сеннахериб.

Огромные груды кирпича и мусора, которыми были отмечены предполагаемые места расположения Вавилона и Ниневии, использовались жителями окружающей местности в качестве каменоломен с незапамятных времен, не открывая посторонним глазам, кроме глаз диких обитателей этой земли, памятников, которые они, должно быть, поддерживали или прикрывали. Несмотря на тщательное исследование Нибура и Клавдиуса Джеймса Рича, никаких других следов зданий, кроме нескольких участков стен, план которых они не смогли понять, обнаружено не было; если, однако, исследования этих путешественников дали мало непосредственных результатов, то названный первым, несомненно, заслуживает того, что он первым начал раскопки и своим умом пробудил предприимчивость других. Рич, который был резидентом Ост-Индской компании в Багдаде, проводил свой досуг за изучением древностей Ассирии. Впервые он обратил внимание на Вавилон, о котором написал статью, первоначально опубликованную в Германии — его соотечественники, очевидно, проявляли к этим вопросам меньший интерес, чем ученые Вены. В примечании ко вторым мемуарам о Вавилоне, напечатанным в Лондоне в 1818 году, мы находим, что Рич упоминает таким образом Ниневию. Он говорит: "Напротив города Мосул находится ограда прямоугольной формы, соответствующая сторонам света; восточная и западная стороны самые длинные, последняя обращена к реке. Территория, которая сейчас возделывается и не имеет следов застройки, слишком мала, чтобы на ней располагался город крупнее Мосула, но можно предположить, что он соответствует дворцу Ниневии. Граница, которая может быть

прекрасно прослежена по всей окружности, теперь выглядит как насыпь из земли или мусора небольшой высоты; к ней и по ее линии в нескольких местах примыкают насыпи большего размера и прочности. Первый из них образует юго-западный угол, и на нем построена деревня Небби Юнис, гробница пророка (описанная и очерченная Нибуром как Нурика), где показана могила пророка Ионы, очень почитаемая мусульманами. Следующий и самый большой из всех - это тот, который, как можно предположить, является памятником Нину. Он расположен недалеко от центра западной стороны ограда и соединен, как и другие, пограничной стеной; местные жители называют его Куюнджик-тепе. Его форма представляет собой усеченную пирамиду с правильными крутыми сторонами и плоской вершиной; он сложен, как я выяснил из некоторых раскопок, из камней и земли, причем последняя преобладает в достаточной степени, чтобы допустить, что вершина обрабатывалась жителями деревни Куюнджик, которая построена на ней на северо-восточной оконечности. Единственным средством, которым я располагал на момент посещения этого места, чтобы определить его размеры, был шнур, который я раздобыл в Мосуле. Это дало 178 футов для наибольшей высоты, 1850 футов для длины вершины на востоке и западе и 1147 футов для ее ширины на севере и юге.

На этом кургане обнаружены самые грандиозные остатки древнего Ненева. В пределах древних стен находится множество курганов и возвышенностей. Все они искусственны и вызваны остатками древних сооружений. Курган Нимруд имеет около четырех миль в окружности у своего основания, на вершине которого находится курган великой пирамиды 777 футов в окружности и 144½ фута в высоту.

М. Ботта отчетливо проследил стены ограда, образующей почти идеальный квадрат, две стороны которого составляют 5750 футов, остальные 5400, или, скорее, более мили в каждую сторону, все четыре угла являются прямыми, обращенными по сторонам света. М. Ботта начал исследования в кургане Куюнджик в 1842 году, и, не добившись особого успеха, он прекратил свои раскопки в следующем году.

ДВОРЕЦ СЕННАХЕРИБА.

Обнаружен в кургане длиной 1850 футов, шириной 1145 футов и высотой 178 футов.

Лейярд в 1846 году прорыл несколько траншей на южной стороне кургана, но в то время без каких-либо важных результатов. В последующий период он навел некоторые справки относительно барельефа, описанного Ричом, и, поскольку ему указали место, где он был обнаружен, в северной группе руин, он вырыл траншеи, но, не обнаружив никаких следов скульптур, прекратил свои работы.

Завершив свои труды в Нимруде в 1847 году, Лейярд решил провести дальнейшие исследования в Куюнджике. Он начал с юго-западного угла и не только обнаружил остатки дворца, уничтоженного пожаром, но и в течение короткого месяца исследовал девять его комнат. Все комнаты были длинными и узкими, а стены украшали барельефы большего размера, чем большинство тех, что он нашел в Нимруде. Плиты не были разделены полосами надписей, а были покрыты беспорядочно разбросанными по всей поверхности рисунками, все детали были тщательно и изящно выполнены. Крылатые быки с человеческими головами у входов напоминали тех, что были найдены в Хорсабаде и Персеполе по форме головного убора и шапки с перьями; и костюмы фигур в целом также были похожи на те, что были найдены в Хорсабаде. Предполагалось, что дворец возник в период между Хорсабадом и Нимрудом. После того, как мистер Лейярд покинул Мосул, мистер Росс продолжил раскопки и обнаружил несколько дополнительных барельефов - вход, образованный четырьмя сфинксами, и очень большую квадратную плиту, которая, как он предположил, была помостом или алтарем, подобным тому, что был найден в Нимруде.

Здесь он нашел зал, выложенный скульптурными плитами, разделенными, как в Хорсабаде и Нимруде, полосами надписей. Он также нашел у подножия кургана памятник высотой около трех футов, закругленный наверху, содержащий фигуру с длинной клинописной надписью, а над ней различные священные эмблемы. Когда его обнаружили, он опирался на кирпичную кладку, а рядом с ним находился саркофаг из обожженной глины.

После отъезда мистера Росса из Мосула раскопки были переданы в ведение мистера Рассама, английского консула, с правом нанять небольшую группу людей, чтобы не полностью отказаться от владения этим местом.

Лейярд говорит: "За короткий период было сделано несколько открытий, представляющих наибольший интерес и важность, как в Куюнджике, так и в Нимруде. Сначала я опишу результаты раскопок в руинах напротив Мосула.

"Незадолго до моего отъезда в Европу, в 1848 году, передняя часть колоссальных размеров быка с человеческой головой была обнаружена на восточной стороне дворца Куюнджик. Затем эта скульптура, по-видимому, образовывала одну сторону входа или дверного проема. Однако раскопки были прекращены до того, как удалось предпринять какие-либо попытки установить этот факт. По возвращении я обнаружил туннель длиной почти 100 футов под прямым углом к крылатому быку, но не наткнулся ни на какие другие останки, кроме мостовой из квадратных известняковых плит, которая продолжалась до конца раскопок.

"При вскрытии быка, который все еще был частично погребен в мусоре, было обнаружено, что рядом с ним стояли другие скульптуры и что он составлял часть внешнего фасада. Верхняя половина плиты была разрушена; на нижней находилась часть фигуры ассирийского Геркулеса, душащего льва, аналогичной той, что была обнаружена между быками в пропиах Хорсабада, а ныне в Лувре. Задняя часть льва все еще сохранилась. Ноги, ступни и одеяние бога были выполнены с самым смелым рельефом и выполнены с

большой правдивостью и энергией. За этой фигурой, в том же ряду, стоял второй бык. Затем появился широкий портал, охраняемый парой крылатых быков двадцати футов в длину и, вероятно, в целом более двадцати футов в высоту, и двумя гигантскими крылатыми фигурами на низком рельефе. По бокам от них стояли две фигуры поменьше, одна над другой. За этим входом фасад был продолжен группой, подобной той, что находилась на противоположной стороне, меньшим входом во дворец и стеной из скульптурных плит; затем все следы строительства и скульптуры заканчивались у края залитого водой оврага.

Таким образом, была обнаружена часть фасада юго-восточной стороны дворца, образующая, по-видимому, парадный вход в здание. Здесь были сгруппированы десять колоссальных быков и шесть человеческих фигур гигантских пропорций, общей длиной 180 футов. Хотя барельефы справа от входа, по-видимому, были намеренно уничтожены острым инструментом, сохранилось достаточно, чтобы я мог проследить их сюжет. Они изображали завоевание района, вероятно, части Вавилонии, орошаемого широкой рекой и поросшего пальмовыми лесами, пеших копейщиков в бою с ассирийскими всадниками, осажденные замки, длинные вереницы пленных и вьючных животных, увозящих добычу. Среди различных животных, принесенных в качестве дани завоевателям, можно было выделить льва, которого вели на цепи. Не осталось никаких остатков надстройки, которая когда-то возвышалась над колоссами, охраняя этот великолепный вход.

"Хотя верхняя часть крылатых быков была уничтожена, к счастью, нижняя часть и, следовательно, надписи более или менее сохранились. Этому факту мы обязаны восстановлением некоторых из самых ценных записей древнего мира.

"На двух огромных быках, образующих центральный вход, была одна непрерывная надпись, частично поврежденная, но сохранившаяся настолько, что ее можно было прочесть почти повсюду. Она содержала 152 строки. На четырех быках фасада было две надписи, по одной надписи было нанесено на каждую пару, и эти две были совершенно одинакового значения. Эти две разные надписи завершают летопись шести лет правления Сеннахериба и содержат многочисленные подробности, связанные с религией ассирийцев, их богами, их храмами и возведением их дворцов. Из них мы узнаем, что на третий год своего правления Сеннахериб обратил свое оружие против Меродаха-Баладана, царя Вавилона, которого он полностью разгромил, захватив его города и большое количество добычи. Четвертый год, по-видимому, был в основном занят экспедициями против жителей горных районов к северу и востоку от Ассирии. В пятом он переправился через Евфрат в Сирию, жителей которой называют знакомым им библейским именем хеттов. Сначала он овладел Финикией, которая была оставлена ее царем Лулией (греческим Евуллеем). Затем он восстановил на своем троне Падью, или Падии, царя Аккарона и данника Ассирии, который был свергнут его подданными и передан Езекии, царю Иерусалима. Царь Эфиопии и Египта послал мощную армию на помощь жителям Экрона, но она была полностью разбита Сеннахерибом, который впоследствии выступил против Езекии, вероятно, чтобы наказать его за заключение Падии в тюрьму. Надписи описывают эту экспедицию, согласно переводу покойного доктора Хинкса, следующим образом: "Езекия, царь Иудеи, который не подчинился моей власти, сорок шесть его главных городов, крепостей и деревень, зависевших от них, о которых я не принимал во внимание, я захватил и унес их добычу. Я *запер* (?) себя в Иерусалиме, своей столице. Укрепленные города и остальные его города, которые я разорил, я отделил от его страны и отдал царям Аскалона, Экрона и Газы, чтобы сделать его страну маленькой. В дополнение к прежней дани, наложенной на их страны, я добавил дань, характер которой я установил. "Следующий отрывок несколько неразборчив, но суть его, по-видимому, заключается в том, что он взял у Езекии сокровища, которые тот собрал в Иерусалиме, тридцать талантов золота

и восемьсот талантов серебра, сокровища его дворца, помимо его сыновей и дочерей, а также его слуг или рабынь мужского и женского пола, и привел их всех в Ниневию. Однако сам этот город он не претендует на то, чтобы захватить.

"Перевод этого отрывка сэром Х. Роулинсоном в некоторых деталях отличается от приведенного в тексте. Оно заключается в следующем: "Поскольку Езекия, царь Иудейский, не подчинился моему игу, я выступил против него и силой оружия и мощью своей власти взял сорок шесть его укрепленных городов; и из меньших городов, которые были разбросаны вокруг, я взял и разграбил бесчисленное количество. И из этих мест я захватил и увел в качестве добычи 200 150 человек, старых и молодых, мужчин и женщин, вместе с лошадьми и кобылами, ослами и верблюдами, быками и овцами, бесчисленным множеством. А самого Езекию я запер в Иерусалиме, его столице, как птицу в клетке, построив башни вокруг города, чтобы окружить его, и насыпав земляные валы у ворот, чтобы предотвратить побег. * * * Тогда на этого Езекию пал страх перед силой моего оружия, и он послал ко мне начальников и старейшин Иерусалима с тридцатью талантами золота и восемьюстами талантами серебра, а также с другими сокровищами, богатой и необъятной добычей. Все это было доставлено мне в Ниневию, резиденцию моего правительства, Езекия прислал их в качестве дани и в знак своей покорности моей власти".

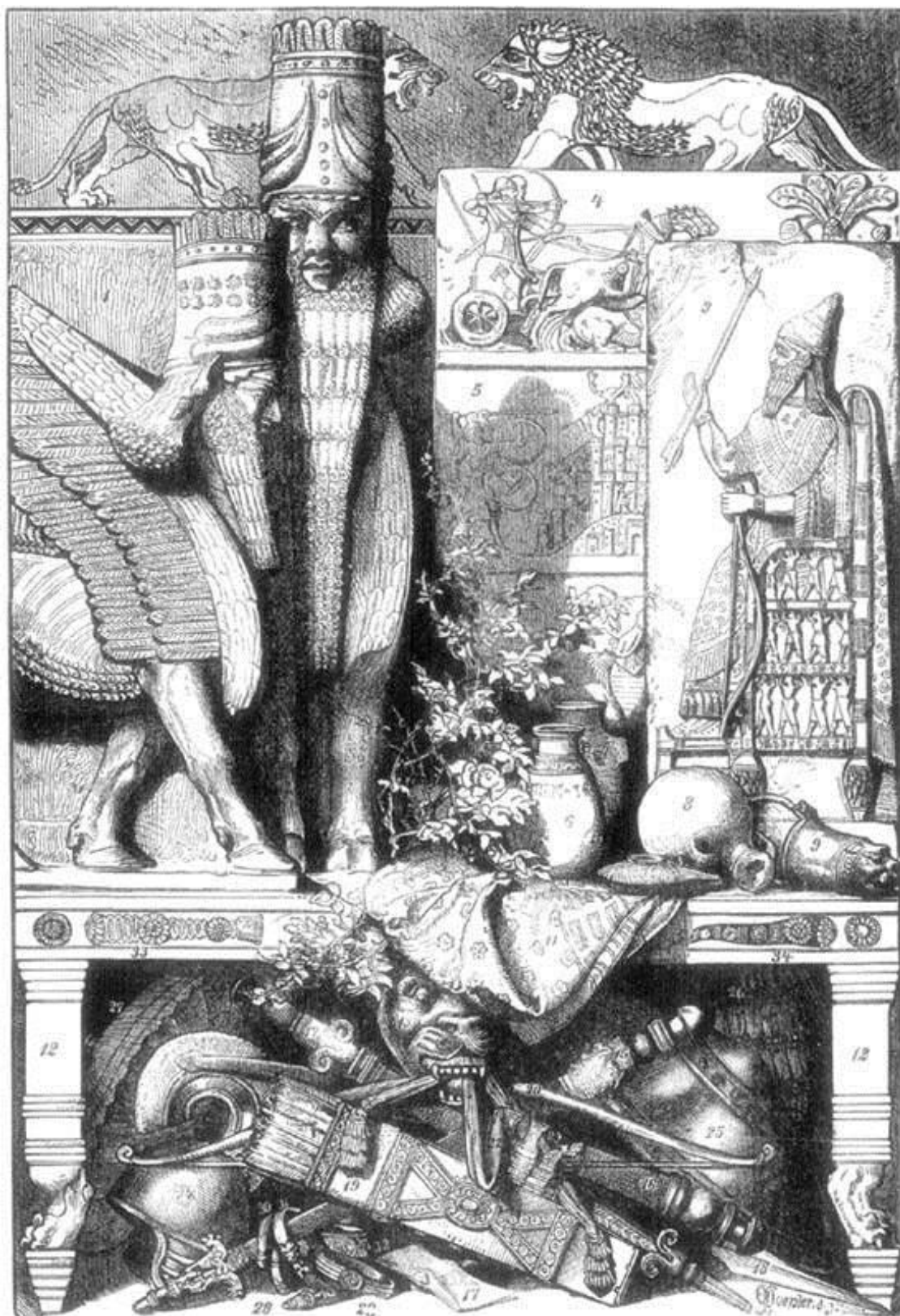
"Не может быть никаких сомнений в том, что кампания против городов Палестины, описанная в надписях Сеннахериба в этом дворце, является той, что описана в Ветхом Завете; и поэтому очень интересно сравнить два рассказа, которые, как будет обнаружено, совпадают в основных упомянутых инцидентах в очень значительной степени. Во Второй Книге Царств сказано— "И вот, в четырнадцатый год царя Езекии Сеннахирим, царь Ассирийский, выступил против всех укрепленных городов Иудеи и взял их. И послал Езекия, царь Иудейский, к царю Ассирийскому в Лохис сказать: я оскорбил; отойди от меня; то, что ты возложил на меня, я понесу. И назначил царь Ассирийский Езекии триста талантов серебра и тридцать талантов золота. И отдал ему Езекия все серебро, которое нашлось в доме Господнем и в сокровищницах царского дома. В то время Езекия снял [золото с] дверей храма Господня и [с] столбов, которыми обложил Езекия, царь Иудейский, и отдал это царю Ассирийскому".

Когда мистер Лейярд вновь посетил Куюнджик в 1849 году, от скульптурных стен, обнаруженных двумя годами ранее, не осталось и следа. Однако более поздние траншеи, вырытые под руководством мистера Росса, все еще были открыты; и рабочие, нанятые по указанию Британского музея, проложили туннели вдоль стен внутри кургана, чтобы избавиться от хлопот по расчистке почвы, которая скопилась на глубине тридцати футов над руинами. Под руководством Лейярда раскопки были возобновлены с большим энтузиазмом, и по прошествии многих недель было исследовано несколько камер и обнаружено множество барельефов. Один зал размером 124 на 90 футов, по-видимому, по словам Лейярда, "образовывал центр, вокруг которого были сгруппированы основные покои в этой части дворца. Его стены были полностью покрыты самыми замысловатыми и высокохудожественными скульптурами. К сожалению, все барельефы, а также гигантские чудовища у входов в большей или меньшей степени пострадали от пожара, уничтожившего здание; но их все же сохранилось достаточно, чтобы показать сюжет и даже дать ему возможность во многих местах полностью восстановить его".

Продолжая свои открытия в кургане, Лейярд "открыл не менее семидесяти одного зала и покоев, а также проходы, стены которых, почти без исключения, были облицованы плитами из скульптурного алебаstra, повествующими о войнах, триумфах и великих деяниях ассирийского царя. По приблизительным подсчетам, только в этой части здания,

исследованной в ходе его исследований, было обнаружено около 9 880 футов, или почти две мили барельефов, с двадцатью семью порталами, образованными колоссальными крылатыми быками и львиными сфинксами. На вырезке на странице 435 показаны некоторые из них. Наибольшая длина раскопок составляла около 720 футов, наибольшая ширина - около 600 футов. Покрытие камер находилось на глубине от двадцати до тридцати пяти футов под поверхностью кургана. Измерения включают только ту часть дворца, которая действительно была раскопана ".

ОБНАРУЖЕН ВО ДВОРЦЕ.

ОБЪЯСНЕНИЕ СОКРАЩЕНИЯ.

- 1.
- 2.

Фигуры с портала дворца
Сеннахериба, имеющие
форму крылатых быков с

- человеческими головами,
увенчанных коронами.
3. Царь Сеннахериб на своем троне. Скульптура, найденная в Нимруде, датируется 7 веком до нашей эры.
4. Король на охоте.
5. Штурм крепости. На переднем плане изображены два воина, облаченные в доспехи, шлемы и вооруженные до зубов мечами и копьями.
6. Вазы из стекла и алебаstra с
7. выгравированным словом "Саргон". Из Нимруда.
8. Сосуд из глазурованной фаянсовой посуды, найденный в Вавилоне.
9. Бронзовая чаша для питья, украшенная головой животного.
10. Светильник из фаянса.
11. Ткань, вытканная в ассирийском стиле. С рельефа в Нимруде.
12. Стол, сложенный из фрагментов скульптур, найденных в Нимруде.
13. Мечи.
- 14.
- 15.
16. Изогнутый меч.
17. Обоюдоострый топор.
18. Копье.
19. Колчан, наполненный стрелами и искусно выполненный.
20. Лук.
21. Кинжалы и нож в одном футляре.
- 22.
- 23.
24. Шлем.
25. Круглый щит, такой, какой

	носили пешие воины.
26.	Нагрудный знак рыцаря высшей степени.
27.	Зонтик, найденный в Нимруде. (Сейчас в Британском музее.)
28.	Золотая серьга.
29.	Золотые браслеты.
30.	
31.	
32.	
21.	Диадемы.
22.	
35.	Настенная роспись, изображающая львов.

Большинство скульптур, обнаруженных в этом зале и группе камер, были переданы на хранение в Британский музей.

За более свежую коллекцию скульптур, которая была обнаружена, мы в долгу перед мистером Ормуздом Рассамом, уроженцем Мосула, другом и коллегой Лейарда; и перед мистером Уильямом Кеннетом Лофтусом, агентом фонда ассирийских раскопок. В 1852 году попечители Британского музея назначили мистера Рассама руководить раскопками в Ниневии. Более года его исследования были почти безрезультатными, когда, наконец, как раз в тот момент, когда его назначение подходило к концу, он снова обратился к ранее заброшенной траншее на северной стороне кургана и почти сразу был вознагражден открытием многочисленных камер и проходов, покрытых разнообразными барельефами в отличной сохранности, которые пострадали от пожара меньше, чем в других дворцах. В одной комнате была изображена охота на льва, расположенная непрерывным рядом из двадцати трех плит, с одним интервалом. Другие плиты изображали дворцы, сады, сражения, осады, процессии и т.д., в целом образуя убранство того, что, должно быть, было великолепным дворцом.

Впоследствии, в 1854 году, по просьбе сэра Генри Роулинсона, мистер Лофтус и его помощник мистер Батчер перенесли свои операции из Южной Вавилонии в Ниневию. Сначала раскопки мистера Лофтуса были безуспешными, но примерно в начале августа он обнаружил остатки здания, расположенного на двадцать футов ниже дворца, который исследовал мистер Рассам, и которое оказалось нижней террасой того же здания, даже более тщательно разработанной и в лучшей сохранности, чем те, что были обнаружены ранее в руинах. У входа в восходящий проход также была обнаружена "масса прочной каменной кладки — по—видимому, опора арки, - выступ которой образован выступающими горизонтальными слоями известняка".

М-р Лофтус в своем отчете от 9 октября отмечает: "Раскопки, проводимые в западном углу Северного дворца, Куюнджик, продолжают выявлять много интересных и важных фактов и определять несколько моментов, которые ранее вызывали сомнения.

"1. Наличие внешней стены подвала из грубо обтесанных каменных блоков, поддерживающей глинобитную стену, на которой все еще сохранилась белая штукатурка и с

которой упали окрашенные кирпичи. 2. В углу дворца, на значительном расстоянии от главных покоев, находится вестибюль с основаниями колонн, в точности такими, какими мы видим их изображенными на скульптурах. 3. Над этим вестибюлем и прилегающими к нему комнатами раньше был еще один этаж, первые верхние комнаты, обнаруженные еще в Ассирии. Он, вместе с его скульптурными плитами, упал в комнаты ниже. 4. Различные скульптуры, обнаруженные здесь, являются работами четырех, если не пяти, разных художников, стили которых отчетливо видны. Очевидно, что эта часть здания была умышленно разрушена, деревянные конструкции сожжены, а плиты разбиты на куски. Лица всех главных фигур слегка повреждены ударами топора".

Эта чрезвычайно интересная серия барельефов, которая сейчас находится в нижнем зале Британского музея, следовательно, представляет осаду и взятие Лахиша, как описано во Второй книге Царств и в надписях на быках с человеческими головами. Сам Сеннахериб изображен сидящим на своем троне и принимающим покорность жителей города, в то время как он послал своих военачальников потребовать уплаты дани от Езекии. Защитники стен замка и замученные пленники, припадающие к ногам завоевателя, - евреи, и скульптор, очевидно, стремился передать своеобразие физиономии этой расы и одежды людей.

Ценность этого открытия трудно переоценить. Хотя, таким образом, мы имеем изображения события, записанного в Ветхом Завете, наиболее интересной и важной иллюстрацией которого, следовательно, являются эти барельефы, они в определенной степени служат для проверки точности толкования клинописных надписей и для устранения любых сомнений, которые все еще могут существовать относительно отождествления царя, построившего дворец на кургане Куюнджик, с Сеннахерибом из Священного Писания. Если бы эти барельефы были единственными останками, извлеченными из руин Ниневии, труд исследователя был бы щедро вознагражден, а сумма, затраченная нации на раскопки, более чем оправдана. Они представляют собой, вместе с надписями, которые они иллюстрируют, и которые также сейчас хранятся в национальной коллекции, самый ценный современный исторический документ, которым обладает любой музей в мире. Можно сказать, что это настоящая рукопись, написанная или вырезанная главным действующим лицом событий, о которых она повествует. Кто бы мог подумать, что это возможно до того, как были сделаны эти открытия, что под кучей земли и мусора, которыми было отмечено место расположения Ниневии, будет найдена история войн между Езекией и Сеннахерибом, написанная в то самое время, когда они происходили самим Сеннахерибом, и подтверждающая даже в мельчайших деталях библейские записи? С тем, кто осмелился бы предсказать такое открытие, обошлись бы как с мечтателем или самозванцем. Если бы было известно, что такой памятник действительно существует, какая сумма была бы сочтена слишком большой для драгоценной записи?

Необходимо сделать несколько замечаний об архитектуре и архитектурных украшениях, внешних и внутренних ассирийских дворцов. Надписи на их стенах, особенно в Куюнджике и Хорсабаде, по-видимому, содержат важные и даже мельчайшие детали не только относительно их общего плана и способа строительства, но даже относительно материалов, использованных для их различных частей, а также для размещенных в них скульптурных объектов и украшений. (Капитан Джонс подсчитал, что курган Куюнджик содержит 14 500 000 тонн земли, и что на его возведение потребовалось бы 10 000 человек в течение двенадцати лет.) Этот факт дает еще одну замечательную аналогию между записями иудейского и ассирийского царей. К истории своих монархов и своего народа еврейские хронисты добавили полный отчет о строительстве и украшениях храма и дворцов Соломона. В обоих случаях, исходя из использования технических терминов, мы едва ли можем

надеяться понять с какой-либо степенью уверенности все детали. Невозможно понять с помощью одного только описания план или внешний вид храма Соломона. Это происходит не только из-за того, что мы не знакомы с точным значением различных еврейских архитектурных терминов, но и из-за трудности, с которой приходится сталкиваться даже в обычных случаях, восстанавливая по простому описанию здание любого рода. В ассирийских надписях мы сталкиваемся, конечно, с еще большими трудностями. Язык, на котором они были написаны, пока известен лишь очень несовершенно, и хотя мы, возможно, сможем с некоторой уверенностью объяснить общий смысл исторических параграфов, все же, когда мы доходим до технических слов, относящихся к архитектуре, даже при очень близком знакомстве с ассирийским языком мы едва ли можем надеяться установить их точное значение. С другой стороны, материалы и общий план ассирийских дворцов все еще сохранились, в то время как от великих еврейских зданий, вероятно, не осталось ни фрагмента каменной кладки, ни малейших следов, которые могли бы нам помочь. Но, как показал мистер Фергюссон, архитектура одного народа может быть проиллюстрирована архитектурой другого. С помощью священных книг и руин дворцов Ниневии, а также останков того времени и более поздних времен, а также обычаев, все еще существующих на Востоке, мы можем в определенной степени установить основные архитектурные особенности зданий обеих наций.

Прежде чем предложить общую реставрацию царских зданий Ниневии, мы попытаемся указать на аналогии, которые, по-видимому, существуют между их фактическими остатками и тем, что записано о храме и дворцах Соломона. Во-первых, как утверждает Сеннахериб в своих надписях, еврейский царь послал носильщиков нош и тесаков в горы принести большие камни, дорогие камни и обтесанные булыжники для закладки фундаментов, которые, вероятно, представляли собой искусственные платформы, напоминающие ассирийские курганы, хотя и построенные из более прочных материалов. У нас есть остатки такой террасы или ступени каменной кладки, возможно, построенной самим царем Соломоном в Баальбеке. Огромные размеры некоторых обтесанных камней в этом сооружении и тех, что все еще остаются в каменоломнях, некоторые из которых имеют длину более шестидесяти футов, вызывают удивление современных путешественников. Размеры Иерусалимского храма - шестьдесят локтей в длину, двадцать в ширину и тридцать в высоту - были намного меньше, чем у великих сооружений, исследованных в Ассирии. Однако собственный дворец Соломона, по-видимому, был значительно больше и по своим пропорциям больше приближался к дворцу царей Ниневии, поскольку имел сто локтей в длину, пятьдесят в ширину и тридцать в высоту. "Притвор перед храмом" размером двадцать на десять локтей, возможно, был пропилен, подобным тому, что был обнаружен в Хорсабаде перед дворцом. Покои, за исключением оракула, были чрезвычайно малы, самый большой из них имел ширину всего семь локтей, "ибо снаружи, в стене дома, он сделал множество подпорок вокруг, чтобы балки не были закреплены в стенах дома". Слова, выделенные курсивом, вставлены в нашей версии для лучшего понимания и, следовательно, могут не передавать точного значения, которое может заключаться в том, что эти покои были такими узкими для того, чтобы балки можно было поддерживать без использования колонн, что уже указывало на узость большего числа комнат в ассирийских дворцах. Эти комнаты меньшего размера, по-видимому, были построены вокруг большого центрального зала, называемого оракулом, и, таким образом, вся планировка соответствует дворам, залам и прилегающим помещениям в Нимруде, Хорсабаде и Куянджике. Оракул имел площадь двадцать локтей, что намного меньше по размерам, чем залы Ниневии; но он был двадцать локтей в высоту — важный факт, свидетельствующий об ассирийской архитектуре, поскольку само здание имело тридцать локтей в высоту, оракул должен был быть не только намного выше прилегающих помещений, но и иметь верхнюю конструкцию в десять локтей. Внутри

него были два херувима из оливкового дерева высотой в десять локтей, с крыльями каждое в пять локтей длиной — "и он покрыл весь дом вокруг резными фигурами херувимов и пальм и распустившихся цветов, внутри и снаружи". Библейские комментаторы описывали херувимов как мифические фигуры, объединяющие человеческую голову с телом льва или быка и крыльями орла. Если вместо пальм мы заменим скульптуры священных деревьев Ниневи, а вместо распустившихся цветов - ассирийский орнамент в форме тюльпана — предметы, скорее всего, очень похожие друг на друга, — мы обнаружим, что оракул храма был почти идентичен по общей форме своих украшений некоторым покоем Нимруда и Хорсабада. В ассирийских залах крылатые быки с человеческими головами также располагались сбоку от стены, и их крылья, подобно крыльям херувимов, "касались друг друга посреди дома". Размеры этих фигур в некоторых случаях были почти одинаковыми в еврейских и ассирийских храмах, а именно, пятнадцать квадратных футов. На дверях также были вырезаны херувимы, пальмы и распустившиеся цветы; таким образом, другие части здания соответствовали таковым в ассирийских дворцах. На стенах Ниневи единственным дополнением, по-видимому, было изображение человека и царя, которые были отвратительны для евреев. Гранаты и лилии в храме Соломона, должно быть, были почти идентичны обычному ассирийскому орнаменту, в котором, особенно в Хорсабаде, промагранат часто заменяет тюльпан и кунжут.

Но описание, данное Иосифом Флавием интерьера одного из домов Соломона, еще более полно соответствует помещениям во дворцах Ниневи и иллюстрирует их. "Соломон построил некоторые из этих (домов) из камней в десять локтей и обшил стены другими камнями, которые были распилены и представляли большую ценность, такими, которые были выкопаны из недр земли для украшения храмов" и т.д. Причудливой работы эти камни были выложены в три ряда; но четвертый выделялся красотой своей скульптуры, ибо на нем были изображены деревья и все виды растений с тенями, создаваемыми их ветвями и свисающими с них листьями. Эти деревья и растения покрывали камень, который был под ними, и их листья были сделаны такими удивительно тонкими, что казались почти движущимися; но остальная часть стены, вплоть до крыши, была оштукатурена и, так сказать, покрыта различными цветами и рисунками.

Чтобы завершить аналогию между двумя зданиями, можно предположить, что Соломон семь лет строил свой храм, а Сеннахериб примерно в то же время возводил свой большой дворец в Куюнджике.

Потолок, крыша и балки еврейского храма были сделаны из кедрового дерева. Находки руин в Нимруде показывают, что та же ценная древесина использовалась в ассирийских зданиях; и царь Ниневи, как мы узнаем из надписей, послал людей, точно так же, как это делал Соломон, рубить ее на горе Ливан. Ель также использовалась в еврейских зданиях и, вероятно, в зданиях Ассирии.

Чтобы понять предлагаемую реставрацию дворца в Куюнджике по существующим остаткам, читатель должен обратиться к вырезке раскопанных руин на странице 427. Следует помнить, что здание не обращено к сторонам света. Однако для удобства предположим, что оно расположено строго на север и юг. Таким образом, к югу от него сразу открывался вид на Тигр, и с этой стороны возвышался один из главных фасадов. Здание, должно быть, стояло на самом краю платформы, подножие которой в то время омывалось рекой, к которой вели пять массивных лестниц. Хотя, исходя из того факта, что во дворец был парадный вход с восточной стороны, весьма вероятно, что какой-то такой подход когда-то существовал с западной стороны, однако никаких его остатков обнаружено не было. Северный фасад, как и

южный, был образован пятью парами быков с человеческими головами и многочисленными колоссальными фигурами, образующими три отдельных прохода.

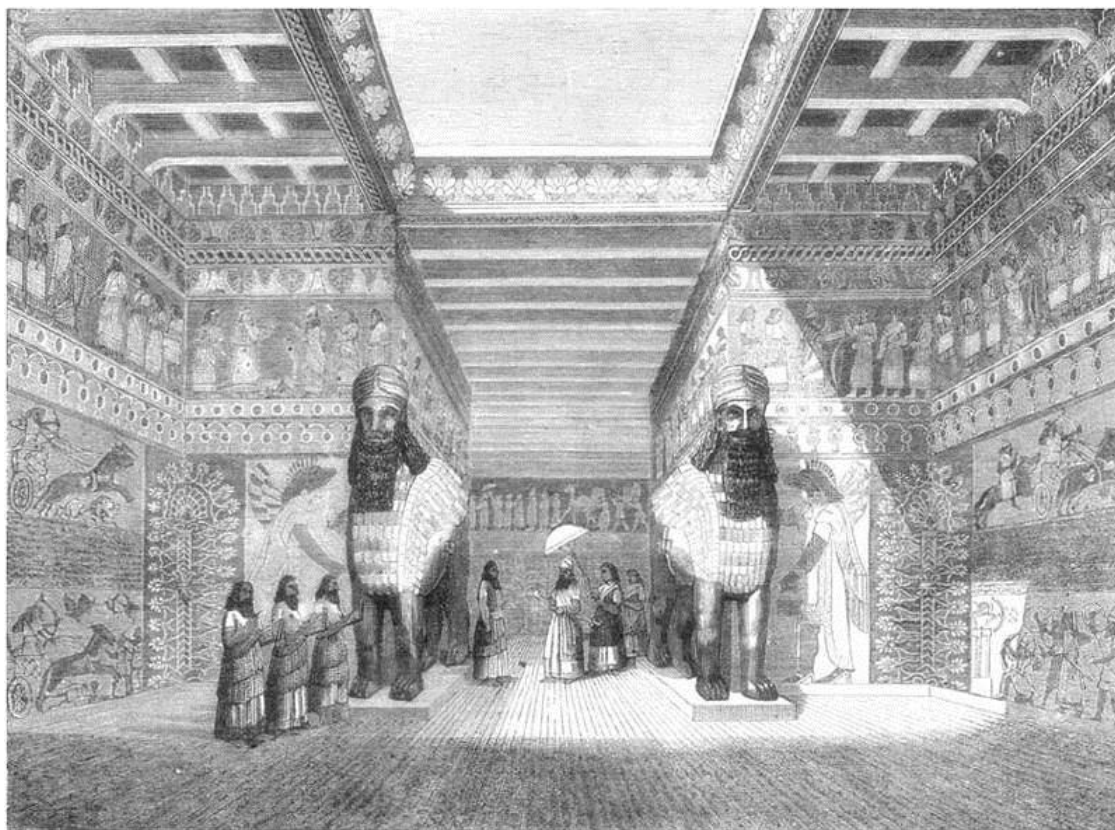
Однако главный подход ко дворцу, по-видимому, находился с восточной стороны, где были обнаружены огромные быки с летописями Сеннахериба. В рамках проекта мы смогли, с помощью мистера Фергюссона, провести реставрацию этого великолепного дворца и входов в него. Наклонные пути, или широкие лестничные пролеты, по-видимому, вели к нему от подножия платформы, и их остатки, состоящие из огромных прямоугольных камней, все еще находятся в ущельях, которые представляют собой всего лишь древние подъемы, углубленные многовековыми зимними дождями. Из этого парадного входа можно было напрямую попасть во все главные залы и покои дворца; тот, что на западной стороне, как видно из руин, вел только в набор из восьми комнат.

Исследованные до сих пор помещения, по-видимому, были сгруппированы вокруг трех больших дворов или залов. Однако следует иметь в виду, что дворец значительно простирается к северо-востоку от главного входа и что в этой части здания, возможно, был еще один зал и подобные вспомогательные помещения. К настоящему времени раскопана только часть дворца, и, следовательно, мы не располагаем его совершенным планом местности.

Общее расположение камер в Куюнджике аналогично расположению камер в Хорсабаде, хотя площадь здания намного больше. Курган Хорсабад постепенно опускается до уровня равнины, и здесь сохранились остатки череды широких террас или ярусов. Некоторые части дворца, такие как пропилеи, на самом деле находились под платформой и находились на некотором расстоянии от нее посреди обнесенной стеной ограды. Однако в Куюнджике все царское здание с пристроенными к нему постройками, по-видимому, стояло на вершине искусственного холма, к высоким перпендикулярным сторонам которого можно было добраться только по ступенькам или наклонным путям. Под платформой пока не обнаружено ни пропилей, ни других сооружений, связанных с дворцом.

Говорят, что надписи относятся к четырем отдельным частям дворца, три из которых, населенные женщинами, по-видимому, впоследствии были сведены к одной. Неясно, все ли они находились на первом этаже, или же у них были разные истории. Мистер Фергюссон в своей гениальной работе по реставрации дворцов Ниневии, в которой он с большой эрудицией и исследованиями полностью изучил архитектуру ассирийцев и древних персов, пытается разделить Хорсабадский дворец на манер современных мусульманских домов, на саламлик, или апартаменты мужчин, и гарем, или апартаменты женщин. Предлагаемое им разделение, конечно, должно зависеть от аналогии и предположения; но мы думаем, что оно может быть принято как весьма вероятное до тех пор, пока более полные и точные переводы надписей, чем те, которые еще могут быть сделаны, не предоставят нам некоторых положительных данных по этому вопросу. Насколько нам известно, в руинах Куюнджика нет ничего, что указывало бы на различие между мужскими и женскими апартаментами. В Куюнджике до сих пор не найдено остатков храма, равно как и высоких конических курганов, подобных Нимруду и Хорсабаду.

ВИД ЗАЛА.

(Из которых 71 был обнаружен во Дворце.)

Во всех исследованных до сих пор ассирийских сооружениях мы находим один и тот же общий план. С четырех сторон больших дворов или залов расположены две или три узкие параллельные камеры, переходящие одна в другую. В большинстве из них на каждом конце есть дверные проемы, ведущие в комнаты меньшего размера, из которых нет другого выхода. Представляется весьма вероятным, что этот единый план был принят со ссылкой на особые архитектурные решения, требуемые зданием, и мы согласны с мистером Фергюссоном в том, что он объясняет это способом освещения квартир.

Первые экскаваторы выражали убеждение, что камеры получали свет сверху. Хотя в некоторых случаях это могло иметь место, недавние открытия теперь доказывают, что ассирийские дворцы имели более одного этажа. В таком случае очевидно, что должны были быть приняты другие средства для обеспечения доступа света во внутренние помещения на первом этаже. Предположение мистера Фергюссона о том, что верхняя часть залов и главных комнат была образована рядом колонн, поддерживающих потолок и обеспечивающих свободную циркуляцию света и воздуха, как нам кажется, в определенной степени отвечает возникшей трудности. Более того, это было подтверждено последующими открытиями и изображением большого здания, по-видимому, дворца, на одной стороне барельефов из Куюнджика.

Хотя большие залы, возможно, были освещены таким образом, внутренние покои, должно быть, оставались почти в полной темноте. И нет ничего невероятного в том, что так оно и было, если судить по современным восточным домам, в которых комнаты намеренно затемнены, чтобы смягчить сильную жару. Скульптуры и украшения в них можно было тогда как следует разглядеть только при свете факелов. Большие дворы, вероятно, были открыты небу, как дворы современных домов Мосула, стены которых также украшены скульптурным

алебастром. Крыши больших залов, должно быть, поддерживались колоннами из дерева или кирпича. Можно предположить, что в них было два или три этажа комнат, открывавшихся либо колоннами, либо окнами. По-видимому, так было и в храме Соломона; ибо Иосиф Флавий говорит нам, что великое внутреннее святилище было окружено небольшими комнатами: "над этими комнатами были другие комнаты, а другие над ними, равные как по своим размерам, так и по количеству, и они достигали высоты, равной *нижней части* дома, поскольку верхняя часть не имела построек". У нас также есть аналогичное расположение комнат в современных домах Персии, в которых в высоком центральном зале, называемом Айван, во всю высоту здания, есть небольшие комнаты на двух или трех отдельных этажах, открывающиеся наружу. Через окна в него, в то время как во внутренних покоях окон вообще нет, и свет проникает только через дверь. Иногда эти боковые покои выходят в центральный двор, как мы предположили, возможно, это имело место во дворцах Ниневии, и тогда выступающая крыша из дерева защищает резные и расписные стены от повреждений непогодой. Занавески и маркизы, без сомнения, были подвешены над окнами и входами в ассирийские дворцы, чтобы защищать от солнечных лучей.

Хотя остатки колонн до сих пор обнаруживались в ассирийских руинах, теперь мы считаем весьма вероятным, как предположил мистер Фергюссон, что они использовались для поддержки крыши. Современный езидский дом в Синджаре является хорошей иллюстрацией не только такого способа поддержки потолка, но и того, каким образом свет мог проникать в боковые помещения. Любопытно, однако, что в руинах не было найдено ни каменных пьедесталов, на которых могли покоиться деревянные колонны, ни следов от них на мостовой. Мы едва ли можем объяснить полное отсутствие всех таких следов. Однако, если не прибегнуть к какой-либо поддержке такого рода, невозможно, чтобы большие залы в Куюнджике могли быть засыпаны. Большой зал, или дом, как он изображен в Библии, в Ливанском лесу, был высотой в тридцать локтей, на четырех рядах кедровых столбов с кедровыми балками на столбах. Ассирийские цари, как мы видели, рубили древесину в тех же лесах, что и царь Соломон, и, вероятно, использовали ее для тех же целей, а именно для изготовления колонн, балок и потолков. Размеры этого зала, 100 локтей (около 150 футов) на 50 локтей (75 футов), очень напоминают размеры центральных залов дворцов Ниневии. "Крыльцо со столбами" имело пятьдесят локтей в длину; следовательно, равнялось ширине зала, который, как мы предполагаем, представлял собой своего рода замкнутое пространство в верхнем конце, в то время как "крыльцо для трона, где он мог судить, даже крыльцо суда, покрытое кедровым деревом от одной стороны пола до другой", вероятно, было приподнятым местом внутри него, соответствующим аналогичному помосту, на котором сидят хозяин и почетные гости в современном восточном доме. Предположив, что три части здания были расположены так, как мы предложили, мы должны были бы иметь их точную копию в зале аудиенций персидских дворцов. Верхняя часть великолепного зала, в котором мы часто видели губернатора Исфахана, была отделена от нижней части колоннами, а его трон представлял собой возвышение с резным изголовьем, украшенное богатыми тканями, слоновой костью и другими драгоценными материалами. Просители и слуги стояли за линией колонн, а придворные внутри. Таким же, возможно, было внутреннее убранство больших залов в ассирийских зданиях.

Мы уже описали внутреннее убранство ассирийских дворцов, и нам нечего больше добавить по этому вопросу. Стены Куюнджика были украшены более изысканно, чем в Нимруде и Хорсабаде. Почти каждая исследованная там камера, а их было около семидесяти, была облицована алебастровыми плитами, на которых были вырезаны многочисленные фигуры и мельчайшие детали. Каждая комната, по-видимому, была посвящена какому-то определенному событию, и в каждой, по-видимому, было изображение самого короля.

Фактически, стены запечатлели в скульптуре то, что делали надписи письменно — великие подвиги Сеннахериба как в мирное, так и в военное время. Следует отметить, что, в то время как в других ассирийских постройках царь часто изображается принимающим активное участие в войне, убивающим своих врагов и сражающимся под осажденным городом, Сеннахериб никогда не изображается в Куюнджике иначе, как в позе триумфатора, в своей колеснице или на своем троне, принимающим пленников и добычу. Также никто никогда не видел, чтобы он пытал своих пленников или собственноручно предавал их смерти.

Однако во дворце Сеннахериба, а также в Нимруде и Хорсабаде были покои, стены которых были просто покрыты штукатуркой, как стены дворца Валтасара в Вавилоне. Некоторые из них, вероятно, были богато украшены цветными фигурами людей и животных, а также изящными узорами; или другие, возможно, были обшиты кедровыми панелями, как покои в храме и дворцах Соломона и в царских постройках Вавилона. Позолота, по-видимому, также широко использовалась в отделке, и некоторые из великих сфинксов, возможно, были покрыты золотом, как херувимы в храме Соломона. Вырезка на странице 445 дает прекрасное представление об интерьере дворцов. Она взята из залов дворца Сеннахериба.

В Куюнджике на плитах тротуара не было надписей, как в Нимруде; но на тех, что между крылатыми быками у некоторых входов, был вырезан сложный и очень элегантный узор. Двери, вероятно, были деревянными, позолоченными и украшенными драгоценными материалами, как ворота Иерусалимского храма, а их петли, по-видимому, повернулись в каменных гнездах, некоторые из которых были найдены в руинах. Чтобы защитить от яркого восточного солнца, к колоннам, поддерживающим потолок, вероятно, подвешивали драпировки или занавески ярких цветов из богатых материалов или специально приподнятые деревянные столбы, как во дворцах Вавилона и Сузана.

Исследования Лейярда убедили его в том, что между самыми ранними и последними постройками, обнаруженными среди курганов Нимруда, прошел очень значительный период. Мы склоняемся к этому мнению, но расходимся с предположением, что руины Нимруда и стоянка самой Ниневии идентичны. Размеры Ниневии, приведенные Диодором Сицилийским, составляли 150 стадиев по двум самым длинным сторонам четырехугольника и 90 по противоположной; площадь составляла 480 стадиев, 60 миль; или, по некоторым данным, 74 мили. Лейярд считает, что если принять четыре больших кургана Нимруд, Куюнджик, Хорсабад и Карамлес за углы квадрата, то четыре стороны будут довольно точно соответствовать 60 милям географа и трехдневному путешествию пророка Ионы.

Завершив таким образом построение параллелограмма, или линии границы, мы должны теперь установить, насколько он соответствует местоположению исследований; и мы обнаруживаем, что он охватывает не только основные курганы, которые уже были исследованы, но и многие другие, о существовании руин в которых либо действительно, либо почти наверняка известно. Другим важным объектом замечания, связанным с этим предметом, является толщина стены, окружающей дворец Хорсабад, которая, по словам Ботты, составляет пятнадцать метров, *то есть* сорок восемь футов девять дюймов, что очень близко к ширине самой городской стены, которая была "настолько широкой, что по ней могли проехать три колесницы в ряд". Это примерно половина толщины стены Вавилона, по которой "могли проехать шесть колесниц вместе" и которая, по словам Геродота, имела ширину восемьдесят семь футов, или почти вдвое больше, чем в Хорсабаде. Необычайные размеры городских стен подтверждаются этими остатками в Хорсабаде. Другим примером является все еще существующая Срединная стена, частично почти целая, которая пересекает наискось равнину Месопотамии от Тигра до берегов Евфрата на расстоянии сорока миль. Великая китайская стена такой же древности, как нам говорят, "пересекает

высокие горы, глубокие долины и, посредством арок, широкие реки, простираясь от провинции Шэнь Си до Ванхэя, или Желтого моря, на расстояние 1500 миль. В некоторых местах, для защиты открытых проходов, он двойной или тройной. Фундамент и угловые камни выполнены из гранита, но основная часть сложена из голубого кирпича, зацементированного чистым белым раствором. На расстоянии около 200 шагов расположены квадратные башни или мощные бастионы". В менее древние времена римские стены в нашей собственной стране служат дополнительным доказательством универсальности этого способа ограждения района или охраны границы до того, как общество установилось на прочной основе. Против приведенных выше предположений о границе Ниневии можно возразить, что река протекает внутри стен, а не снаружи. В ответ мы утверждаем, что, когда стены были разрушены, как описано историком, разлившаяся река проложила бы себе другое русло, которое со временем становилось бы все более и более извилистым из-за препятствий, создаваемых скоплением руин, пока, в конце концов, не заняло русло, по которому течет сейчас.

Вавилон был самым красивым и богатым городом в мире. Даже в наше время он остается чудом. Он был построен около 3000 лет назад, но не достигал вершины своего величия примерно за 570 лет до Рождества Христова, когда Навуходоносор расточил на него почти бесконечное количество богатств.

Его магнитуа составляла 480 фарлонгов, или шестьдесят миль, по компасу. Он был построен на точном квадрате в пятнадцать миль с каждой стороны и окружен кирпичной стеной толщиной восемьдесят семь футов и высотой 350 футов, на которой было 250 башен, или, по мнению некоторых авторов, 316. Верх стены был достаточно широк, чтобы позволить шести колесницам проехать в ряд. Материалы для строительства стены были выкопаны из обширного рва, который также был замурован кирпичной кладкой, а затем заполнен водой из реки Евфрат. Этот ров находился сразу за стенами и окружал город в качестве еще одной надежной защиты.

В городе было 100 медных ворот, по одному в конце каждой из пятидесяти улиц. Улицы были шириной 150 футов и проходили под прямым углом через весь город, образуя таким образом 676 больших площадей. Геродот говорит, что кроме этой, внутри была еще одна стена, не намного уступавшая первой, но более узкая, и город был разделен на две равные части рекой Евфрат, через которую был перекинут мост, и на каждом конце моста было по дворцу. Эти дворцы сообщались друг с другом подземным ходом.

Чтобы город не страдал от разлива реки в летние месяцы, по обе стороны были возведены огромные набережные с каналами для отвода паводковых вод Тигра. На западной стороне города было выкопано искусственное озеро площадью сорок квадратных миль, или 160 миль в окружности, и, по словам Мегасфена, глубиной семьдесят пять футов, в которое впадала река, когда требовался какой-либо ремонт или для получения избытка воды, на случай, если реку придется отрезать от них.

Рядом со старым дворцом стояла Вавилонская башня. Это огромное сооружение состояло из восьми башен, каждая высотой семьдесят пять футов, возвышавшихся одна над другой, с внешней винтовой лестницей, ведущей на вершину, которая с часовней на вершине достигала высоты 660 футов. На этой вершине была возведена часовня Белуса, в которой хранилась, вероятно, самая дорогая мебель в мире. Одно золотое изображение высотой в сорок футов было оценено в 17 500 000 долларов, а вся священная утварь оценивалась в 200 000 000 долларов. Упоминаются и другие замечательные вещи. Во-первых, подземные банкетные залы, которые были построены под рекой Евфрат и полностью из меди; а затем,

как одно из семи чудес света, были знаменитые висячие сады; они имели площадь 400 футов и поднимались на высоту 350 футов, одна терраса над другой, и на них можно было подняться по лестнице шириной в десять футов. Террасы поддерживались большими сводами, опирающимися на столбы в форме бордюра, были полами и заполненными землей, чтобы можно было сажать деревья самого большого размера, все они были построены из обожженного кирпича и асфальта. Все сооружение было укреплено и соединено между собой стеной толщиной в двадцать два фута. Уровень террасы был покрыт большими камнями, поверх которых лежал тростник, затем толстый слой асфальта, затем два ряда кирпичей, также зацементированных асфальтом, и, наконец, свинцовые плиты для предотвращения протечек, земля была насыпана на платформу и террасу и посажены большие деревья. Издали все это выглядело как лес, нависающий над горами.

Утверждается, что великая работа была совершена Навуходоносором, чтобы доставить удовольствие своей жене Анитиде, дочери Астиага, которая сохранила сильное пристрастие к холмам и рощам, которыми изобиловали ее родные Мидии.

Вавилон процветал почти 200 лет в этом масштабе величия, в течение которого идолопоклонство, гордыня, жестокость и всякая мерзость преобладали среди всех слоев населения, когда Бог через Своего пророка провозгласил его полное разрушение, что, соответственно, и было осуществлено, начиная с того, что Кир взял город после двухлетней осады, в 588 году до Рождества Христова, чтобы освободить евреев, как предсказывали пророки. В результате последовательных ниспровержений эта некогда "Слава Превосходства халдеев", эта "Владычица Царств" превратилась в "пустыню" без жителей, а ее храм - в огромную кучу мусора.

Древняя Вавилонская башня сейчас представляет собой курган продолговатой формы, общая окружность которого составляет 2286 футов. С восточной стороны он рассечен глубокой бороздой и имеет высоту не более пятидесяти-шестидесяти футов, но с западной стороны он поднимается в виде конуса на высоту 198 футов, а на его вершине находится солидная груда кирпича высотой тридцать семь футов и шириной двадцать восемь, уменьшающаяся в толщину к вершине, которая изломана, неровна и разорвана большими трещинами, проходящими через треть его высоты; в ней проделаны маленькие отверстия.

На обожженных кирпичах, из которых он построен, есть надписи, а цемент, который кажется известковым раствором, настолько превосходен, что извлечь один целый практически невозможно. Другие части вершины этого холма заняты огромными фрагментами кирпичной кладки неопределенной формы, сбитыми вместе и превратившимися в твердые остекленевшие массы, как будто они подверглись действию сильнейшего огня или были взорваны порохом, причем слои кирпича совершенно различимы. Эти руины, несомненно, провозглашают божественность Священных Писаний. Лейард говорит, что открытия среди руин древнего Вавилона были гораздо менее многочисленными и важными, чем можно было ожидать. Под ними, по-видимому, нет ни скульптур, ни плит с надписями, которыми обшиты стены дворцов, как в Ниневии. Едва ли из огромных куч мусора была выкопана отдельная каменная фигура или одинокая табличка. "Вавилон пал, пал; и все истуканы богов его он поверг до основания". (Исаия xxi. 9.)

Полное отсутствие таких остатков следует объяснить характером материалов, использованных при возведении даже самых дорогостоящих сооружений Вавилона. Поблизости не было карьеров по добыче алебаstra или известняка, подобных тем, что существовали близ Ниневии. Город был построен посреди аллювиальной местности, вдали от холмов. Отложения могучих рек, которые постепенно образовали месопотамские

равнины, состоят из богатой глины. Следовательно, камень для строительных целей можно было добывать только на расстоянии. Черный базальт, излюбленный материал вавилонян для вырезания отдельных фигур и архитектурных украшений, как явствует из фрагментов, найденных среди руин, происходил из Курдских гор или с севера Месопотамии.

Вавилоняне довольствовались строительными материалами, которые находили на месте. Из вязкой грязи своих аллювиальных равнин, смешанной с измельченной соломой, они делали кирпичи, в то время как битум и другие вещества, собранные в непосредственной близости, давали им превосходный цемент. Знание искусства изготовления глазури и красок позволило им покрывать кирпичи богатой эмалью, тем самым делая их одинаково декоративными как снаружи, так и внутри своих зданий. Стены их дворцов и храмов также были покрыты, как мы узнаем из нескольких отрывков Библии, строительным раствором и штукатуркой, которые, судя по цементу, должны были быть очень хорошего качества. Пальцы мужской руки написали слова осуждения вавилонской империи "на штукатурке царского дворца". На этих стенах были расписаны исторические и религиозные сюжеты, различные орнаменты, и, согласно Диодору Сицилийскому, кирпичи были покрыты эмалью с изображениями людей и животных. Изображения из камня, несомненно, использовались в постройках. Из Библии мы узнаем, что фигуры богов из этого материала, а также из металла, хранились в вавилонских храмах. Но такие скульптуры были редкостью, иначе в руинах, должно быть, были обнаружены еще их остатки. Великая надпись Навуходоносора, выгравированная на черном камне и разделенная на десять колонн, в музее, созданном Ост-Индской компанией, по-видимому, содержит некоторые интересные подробности о способе строительства и архитектуре вавилонских дворцов и храмов.

Можно предположить, что по своему общему плану вавилонские дворцы и храмы напоминали ассирийские. Мы знаем, что искусство, религия, обычаи и законы двух родственных народов были почти идентичны. Кроме того, они говорили на одном языке и использовали почти одинаковые письменные знаки. Один, по-видимому, позаимствовал у другого; и, не пытаясь решить вопрос о приоритете независимого существования как нации и цивилизации обоих народов, можно признать, что у них было определенное общее происхождение и что они поддерживали на протяжении многих веков тесную связь. Мы не находим остатков колонн в Вавилоне, как и в Ниневии. Если такие архитектурные украшения использовались, они должны были быть либо деревянными, либо кирпичными.

Хотя строительные материалы, использованные в великих сооружениях Вавилона, могут показаться чрезвычайно скудными по сравнению с теми, которые использовались в колоссальных дворцовых храмах Египта и даже в менее массивных сооружениях Ассирии, все же вавилоняне, по-видимому, возвели с их помощью сооружения, которые вызывали удивление и восхищение самых знаменитых путешественников древности. Обильное использование цвета и вкус, проявленный в его сочетании и в орнаменте, вместе с прочностью и обширностью огромного сооружения, на котором гордо возвышались здания, возможно, в основном способствовали произведению такого эффекта на умы незнакомцев. Дворцы и храмы, подобные храмам Ниневии, были возведены на высоких платформах из кирпича. Кирпичи, как и в Ассирии, либо просто обжигались на солнце, либо обжигались в печи. Последние бывают разных форм и качества. Некоторые квадратные, другие продолговатые. Те, что из Бирс Нимруд, обычно темно-красного цвета, в то время как те, что из Муджелибе, в основном светло-желтого. На большом количестве из них есть надписи сложной клинописью, характерной для Вавилона. Эти надписи были нанесены на них штампом, на котором вся надпись была вырезана рельефно. Каждый символ не был сделан по отдельности, как на ассирийских кирпичах, и в этом их различие. Почти на всех кирпичах,

привезенных из руин Вавилона, есть одна и та же надпись, за исключением одного или двух маловажных слов, и они повествуют о строительстве города Навуходоносором, сыном Набубалучуна. Интерпретацией этих названий мы обязаны покойному доктору Хинк.

Возможно, будет уместно добавить несколько замечаний по истории Вавилона. Время основания этого знаменитого города все еще остается вопросом, который не поддается удовлетворительному определению и в который мы не будем вдаваться. Некоторые полагают, что это произошло сравнительно недавно; но если, как утверждают египетские ученые, название Вавилон встречается на памятниках восемнадцатой египетской династии, то у нас есть убедительные доказательства его существования по крайней мере в пятнадцатом веке до нашей эры. После расцвета Ассирийской империи она, по-видимому, иногда находилась под прямым правлением царей Ниневии, а в другое время управлялась своими собственными независимыми вождями. Походы против Вавилона описаны в самых ранних надписях, обнаруженных в Ассирии; и, как было замечено, даже во времена Сеннахериба и его непосредственных предшественников против его непокорных жителей все еще часто посылались большие армии. Однако Вавилонское царство было почти поглощено Ассирией, доминирующей державой Востока. Когда эта великая империя начала приходить в упадок, Вавилон восстал в последний раз. Мидия и Персия были в равной степени готовы сбросить ассирийское иго, и в конце концов союзные армии Киаксареса и отца Навуходоносора захватили и разрушили столицу Восточного мира.

Теперь Вавилон быстро занял то гордое положение, которое так долго занимала Ниневия. При Навуходоносоре она приобрела власть, которой лишилась ее соперница. Границы города были расширены; были возведены здания необычайных размеров и великолепия; ее победоносные армии завоевали Сирию и Палестину и проникли в Египет. Ее торговля тоже теперь распространилась далеко-далеко, с востока на запад, и она стала "страной торговли и городом торговцев".

Но ее величие как независимой нации было недолгим. Соседние мидийские и Персидские царства, объединенные под властью одного монарха, извлекли не меньшую выгоду, чем Вавилон, из крушения ассирийской империи и были готовы оспорить у нее владычество в Азии. Не прошло и полувека с момента падения Ниневии, когда "Валтасар, царь Халдейский, был убит, и Дарий мидянин захватил царство". С этого времени Вавилония превратилась в простую провинцию Персии. Однако он все еще сохранял большую часть своего бывшего могущества и торговли, и, как мы узнаем из надписей Бисутуна, а также из древних авторов, неоднократно боролся за восстановление своей древней независимости.

После поражения Дария и свержения персидского владычества Вавилон открыл свои ворота Александру, который счел этот город достойным стать столицей своей могущественной империи. По возвращении из Индии он пожелал восстановить храм Бела, превратившийся в руины, и в этой великой работе он намеревался задействовать свою армию, которая теперь больше не была нужна для войны. Однако священники, присвоившие доходы от этого священного места и опасавшиеся, что им снова придется использовать их для своих законных целей, по-видимому, помешали ему осуществить свой замысел.

Этот последний удар по процветанию и даже самому существованию Вавилона был нанесен Селевком, когда он заложил основание своей новой столицы на берегах Тигра (322 год до н.э.). Патрокл, его военачальник, уже вынудил большое количество жителей покинуть свои дома и укрыться в пустыне и в провинции Сузиана. Город, измученный соседством Селевкии, вернулся к своему древнему уединению. Согласно некоторым авторам, ни стен, ни храма

Бела больше не существовало, и лишь немногие халдеи продолжали жить вокруг руин своих священных сооружений.

Тем не менее, однако, часть населения, по-видимому, вернулась на свои прежние места, поскольку в начале второго века христианской эры мы обнаруживаем, что парфянский царь Эвемер отправил многочисленные семьи из Вавилона в Мидию для продажи в рабство и сжег множество великих и красивых зданий, все еще стоящих в городе.

Говорят, что во времена Августа город был совершенно безлюден, за исключением нескольких евреев, которые все еще оставались среди руин. Святой Кирилл Александрийский заявляет, что в его дни, примерно в начале пятого века, в результате засорения больших каналов, вытекающих из Евфрата, Вавилон превратился в обширное болото; а пятьдесят лет спустя река, согласно описанию, изменила свое русло, оставив лишь небольшое русло, обозначающее ее древнее русло. Тогда подтвердились пророчества Исайи и Иеремии о том, что могущественный Вавилон превратится всего лишь в "водоемы", что море обрушится на него и что он будет покрыт множеством своих волн.

В начале седьмого века, во время арабского нашествия, древние города Вавилонии представляли собой "запустение, сушу и пустыню". Среди нагромождений, которые одни отмечали место основания Вавилона, возвышался маленький городок Хилла.

Задолго до того, как Вавилон победил свою соперницу Ниневию, она была известна масштабами и важностью своей торговли. Никакое положение не могло быть более благоприятным, чем у нее, для ведения торговли со всеми регионами известного мира. Она стояла на судоходном потоке, который приносил к ее причалам продукты высокогорья Армении с умеренным климатом, подходил на одном участке своего течения почти на сто миль к Средиземному морю и впадал его водами в залив Индийского океана. Параллельно этой великой реке шла другая, едва ли уступавшая ей по размерам и важности. Тигр тоже пришел с армянских холмов, протекал через плодородные районы Ассирии и доставлял разнообразные продукты в вавилонские города. Умеренные навыки и предприимчивость едва ли могли не превратить Вавилон не только в торговый центр восточного мира, но и в главное звено торговых сношений между Востоком и Западом.

Жители не пренебрегали преимуществами, дарованными им природой. Система судоходных каналов, способная вызвать восхищение даже современного инженера, соединила воедино Евфрат и Тигр, эти великие торговые артерии.

Обширная торговля, сделавшая Вавилон местом сбора людей со всех частей известного мира и доставлявшая ему предметы роскоши из самых отдаленных уголков мира, привела к развращению нравов его народа и породила ту всеобщую расточительность и те изнеженные обычаи, которые в основном способствовали его падению. Приведенного Геродотом описания состояния населения города, находившегося под властью персидских царей, достаточно, чтобы объяснить причину его быстрого упадка и окончательного разорения. Рассказ греческого историка полностью совпадает с обличениями еврейских пророков против греха и нечестия Вавилона. Его жители постепенно утратили свой воинственный характер. Когда персы ворвались в их город, они упивались развратом и похотью; и когда македонский завоеватель появился у их ворот, они с безразличием приняли его нового хозяина.

Таковы были причины падения Вавилона. Ее карьера была столь же короткой и блистательной; и хотя таким образом она исчезла с лица земли, ее руины по-прежнему остаются классической, поистине священной землей. Путешественник без всякого

волнения осматривает эти бесформенные груды, место стольких великих и торжественных событий. На этой равнине, согласно традиции, первобытные семьи нашей расы впервые нашли пристанище. Здесь Навуходоносор хвастался славой своего города и был наказан за свою гордыню. В эти пустынные залы были приведены пленники Иудеи. В них Даниил, не ослепленный окружающей его славой, оставался непоколебимым в своей вере, стал правителем среди своих правителей и пророчествовал о падении царства. Там был устроен пир Валтасара, и была видна надпись на стене. Между этими осыпающимися насыпями Кир вошел в заброшенные ворота. Эти массивные руины покрывают место, где умер Александр.

Карнак и Баальбек.

Содержание

Город Фивы - это, пожалуй, самое удивительное произведение, созданное рукой человека. Его руины являются самым недвусмысленным доказательством древней цивилизации Египта и той высокой степени могущества, которой достигли египтяне благодаря своим знаниям. Его происхождение теряется во мраке времени, поскольку он ровесник нации, которая первой овладела Египтом; и достаточно дать правильное представление о его древности, чтобы сказать, что строительство Мемфиса было первой попыткой соперничать с процветанием Фив.

Его протяженность была огромной; он заполнял всю долину, пронизанную Нилом. Д'Анвиль и Денон утверждают, что его окружность составляла тридцать шесть миль; диаметр - не менее десяти с половиной. Количество его жителей было пропорционально этим огромным размерам. Диодор говорит, что дома были четырех- и пятиэтажными. Хотя во времена Камбиза Фивы сильно утратили свое древнее величие, все же именно ярость этого безжалостного завоевателя нанесла последний удар по их величию. Этот принц разграбил храмы, унес все украшения из золота, серебра и слоновой кости, которые украшали его великолепные здания, и разрушил как его храмы, так и его постройки. До этой несчастливой эпохи ни один город в мире не мог сравниться с ним по размаху, великолепию и богатству; и, по выражению Диодора, солнце никогда не видело такого великолепного города.

До установления монархического правления Фивы были резиденцией главной коллегии жрецов, которые правили страной. Именно к этой эпохе все авторы относят возведение его древнейших сооружений. Перечисление их всех потребовало бы больше времени, чем у нас есть.

Здесь находился храм или дворец Карнак в Луксоре, Мемнониум и Медине-Табу, или, как пишут это некоторые другие путешественники, Мединет-хабу.

Храм, или дворец Карнака, был, без сомнения, самым значительным памятником древних Фив. Он был не менее полутора миль в окружности и занимал около десяти акров. мсье Денону потребовалось почти двадцать минут верхом, чтобы объехать его на полном скаку. Главный вход в великий храм находится на северо-западной стороне, или той, что обращена к реке. От приподнятой платформы начинается аллея криосфинксов, ведущая к парадной пропиле, перед которой стояли две гранитные статуи фараона. Одна из этих башен сохранила большую часть своей первоначальной высоты, но потеряла вершину и карниз. Пройдя через пилоны этих башен, вы попадаете в большой открытый двор, или площадку, размером 275 на 329 футов, с крытым коридором по обе стороны и двойным рядом колонн по

центру. Другие пропилены заканчивают эту область небольшим вестибюлем перед пилоном и образуют фасад большого зала собраний, перемычки дверного проема которого имели длину сорок футов десять дюймов. Большой зал, или гипостильный зал, имеет размеры 170 футов на 329 футов, поддерживаемый центральной аллеей из двенадцати массивных колонн, высотой 62 фута (без постамента или абака) и 36 футов в окружности; кроме того, 122 меньших или, скорее, менее гигантских размера, 42 фута 5 дюймов в высоту и 28 футов в окружности, распределенных в семь линий по обе стороны от первого. Перед ним были два огромных двора, украшенных рядами колонн, некоторые из которых достигали шестидесяти футов в высоту, а другие восьмидесяти; и у соответствующих входов стояли две колоссальные статуи того же масштаба. В середине второго двора стояли четыре гранитных обелиска законченной работы, три из которых стоят до сих пор. Они стояли перед святилищем, полностью построенным из гранита и покрытым скульптурами, представляющими символические атрибуты бога, которому был посвящен храм. Это был Творец вселенной, Творец всего сущего, Зевс греков, Юпитер латинян, но Аммон египтян. Сбоку от святилища располагались здания поменьше, вероятно, покои тех, кто был прикреплен к службе в храме; а за ним другие жилые помещения, украшенные колоннами и портиками, которые вели в другой огромный двор, имеющий с каждой стороны закрытые проходы, или коридоры, а наверху крытый портик, или галерею, поддерживаемую большим количеством колонн и пилястр. Таким образом, святилище было полностью окружено этими обширными и великолепными зданиями, и все оно было обнесено стеной, покрытой изнутри и снаружи символами и иероглифами, которые окружали великолепное сооружение.

КОЛОННЫ КАРНАКА.

За этой стеной были другие здания и другие дворы, заполненные колоссальными статуями из серого и белого мрамора. Эти здания, или храмы, сообщались друг с другом посредством галерей и переходов, украшенных колоннами и статуями. Однако самым поразительным обстоятельством является то, что к этому дворцу примыкают остатки гораздо более

значительного сооружения более высокой древности, которое было внесено в общий план, когда это великолепное здание было восстановлено фараоном Аменофисом, третьим царем восемнадцатой династии, почти 4000 лет назад. Считается, что этому более древнему сооружению, или, скорее, его руинам, более 4000 лет, или 2272 года до Рождества Христова. Вторая стена окружала всю массу этих огромных и великолепных зданий, подход к которым вел по аллеям, справа и слева от которых возвышались колоссальные фигуры сфинксов. На одной аллее у них была голова быка; на другой они были изображены с человеческой головой; на третьей - с головой барана. Этот последний был длиной в полторы мили, начинался у южных ворот и вел к Луксорскому храму.

Доктор Мэннинг говорит: "Сейчас мы входим в самую огромную грудку останков (мы едва ли можем назвать их руинами) в мире. Каждый писатель, пытавшийся описать их, признает свою неспособность передать сколько-нибудь адекватное представление об их масштабах и величии. Длинные крытые аллеи сфинксов, изваянные коридоры, проходы с колоннами, ворота и обелиски, колоссальные статуи, безмолвные в своем запустении, наполняют зрителя благоговением". (См. Вырезку на стр. 463.)

В словах Шампольона нет преувеличения: "Воображение, которое в Европе возвышается намного выше наших портиков, смущенно опускается у подножия 140 колонн гипостильного зала в Карнаке. Площадь этого зала составляет 70 629 футов; центральные колонны имеют тридцать шесть футов в окружности и шестьдесят два фута в высоту, без учета постамента и счетов. Они увешаны картинами и скульптурами, цвета которых удивительно свежи и ярки. Если, как кажется вероятным, великий замысел египетской архитектуры состоял в том, чтобы произвести на человека впечатление собственной ничтожности, внушить чувство всепоглощающего благоговения в присутствии Божества и в то же время показать, что монарх был существом сверхчеловеческого величия, то эти сооружения были хорошо приспособлены для достижения своей цели. Египетский зритель и поклоняющийся должен был быть не привлечен и не очарован, а подавлен. Его собственное ничтожество и ужасность силы и воли Бога были тем, что он должен был чувствовать. Но если таким образом внушался ужас Божества, то божественная власть фараона проявлялась не менее поразительно. Его видят сидящим среди них, питающимся от их груди, заключенным в их объятиях, допущенным к фамильярному общению с ними. Он изображен на стенах храма колоссального роста, в то время как благороднейшие из его подданных в его присутствии всего лишь пигмеи; одной рукой он сокрушает полчища своих врагов, другой сжимает руку своего божества-покровителя.

"Фараон был земным проявлением и аватарой невидимой и таинственной силы, которая вселяла ужас в души людей. "Я фараон", "Клянусь жизнью фараона", "Скажи фараону, на кого ты похож в своей величии". Эти знакомые фразы Священного Писания приобретают новый смысл, когда мы вспоминаем их среди этих храмовых дворцов".

Говоря об этом великолепном храме и о аллее сфинксов, которую мы только что упомянули, Бельцони восклицает, что "при приближении к нему посетитель проникается преданностью и благочестием; их огромные размеры поражают его удивлением и уважением к богам, которым они были посвящены. Огромные статуи, стоящие по обе стороны от ворот, кажется, охраняют вход в святую землю; еще дальше находился величественный храм, посвященный великому Богу творения". И немного позже: "Я потерялся, - говорит он, - в массе колоссальных предметов, каждого из которых было более чем достаточно само по себе, чтобы привлечь все мое внимание. Я казался одиноким посреди всего, что является самым священным в мире; леса огромных колонн, украшенных со всех сторон прекрасными фигурами и разнообразными орнаментами сверху донизу. Изящная форма лотоса,

образующего их капители, и настолько пропорциональна колоннам, что придает виду самый приятный эффект; ворота, стены, постаменты и архитравы также украшены во всех частях символическими фигурами в *барельефах* и *глубокой печати*, представляющими битвы, процессии, триумфы, пиршества, подношения и жертвоприношения, все относящиеся к древней истории страны; святилище, полностью выполненное из прекрасного красного гранита, с различными обелисками, стоящими перед ним, возвещающими далекому миру о том, что они были созданы. пассажир сказал: "Вот обитель святости"; высокие порталы, видневшиеся на расстоянии от входов в обширный лабиринт зданий; различные группы развалин других храмов в пределах видимости; все это оказало такое воздействие на мою душу, что отделило меня в воображении от остальных смертных, вознесло меня над всеми и заставило полностью забыть о мелочах и безумии жизни. Я была счастлива целый день, который пролетел как вспышка молнии".

Таков язык Бельцони, описывающего эти величественные руины и то впечатление, которое они произвели на него. Какими бы сильными и восторженными ни казались выражения его лица, уверяем вас, они совершенно схожи с выражениями других путешественников. Все они, по-видимому, утратили способность выражать свое изумление, и часто заимствуют слова и фразы иностранных народов, чтобы описать свои чувства при виде этих почтенных и гигантских усилий древних египтян.

Мы уже говорили, что эта аллея сфинксов вела к Луксорскому храму.

Этот второй храм, хотя и не равнялся Карнакскому по своим колоссальным пропорциям, не уступал ему по великолепию и намного превосходил его по красоте и стилю исполнения.

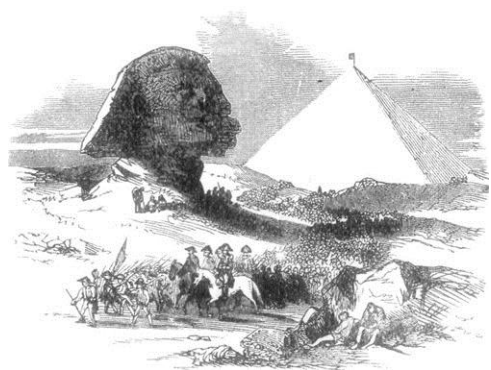
У его входа до сих пор стоят два обелиска высотой 100 футов, состоящих из одного цельного блока, покрытого иероглифами, выполненными в мастерском стиле. Именно по подножиям этих обелисков можно судить о высокой степени совершенства, до которой египтяне довели свои познания в механике. Мы видели, что сдвинуть их с места стоило огромных денег. За ними следовали две колоссальные статуи высотой в сорок футов. Пройдя через три разных больших двора, заполненных колоннами огромных размеров, путешественник достиг святилища, окруженного просторными залами, поддерживаемыми колоннами, и демонстрирующего самую красивую массу скульптур в лучшем стиле исполнения.

"Абсолютно невозможно, - снова восклицает Бельцони, - представить себе изображенную сцену, не видя ее. Самые возвышенные идеи, которые могут быть сформированы из самых великолепных образцов нашей нынешней архитектуры, дали бы очень неверное представление об этих руинах. Мне показалось, что я попал в город великанов, которые после долгого конфликта все были уничтожены, оставив руины своих различных храмов, как единственные доказательства их прежнего существования. Луксорский храм, - добавляет он, - сразу представляет путешественнику одну из самых великолепных групп египетского величия. Обширный пропилеон с двумя обелисками и колоссальными статуями спереди; густые группы огромных колонн, разнообразие помещений и святилище, которое в нем находится. Прекрасные орнаменты, украшающие каждую часть стен и колонн, заставляют изумленного путешественника забыть все, что он видел раньше".

Пока что Бельцони; и в этом его поддерживает Шампольон, который говорит о Фивах с таким же восхищением. "Все, что я видел, все, чем я восхищался на левом берегу, - говорит этот ученый француз, - казалось жалким по сравнению с гигантскими представлениями, которыми я был окружен в Карнаке. Я постараюсь не пытаться что-либо описывать, ибо либо мое описание не выразило бы и тысячной доли того, что следовало бы сказать, либо, если бы я нарисовал слабый набросок, меня приняли бы за энтузиаста или, возможно, за

сумасшедшего. Достаточно будет добавить, что ни один народ, ни древний, ни современный, никогда не представлял искусство архитектуры в таком возвышенном и грандиозном масштабе, как древние египтяне".

Великая пирамида, которая до сих пор остается загадкой, вызывает наше изумление. Геродот, говоря о Египетском лабиринте, сообщает нам, что в нем было 3000 комнат, половина из которых находилась над землей, а половина - под ней. Он говорит: "Верхние покои я сам проходил и видел, и то, что я говорю о них, основано на моих собственных наблюдениях. О подземных помещениях я могу говорить только по рассказам, поскольку не удалось заставить зрителей здания показать их, поскольку в них, по их словам, находились гробницы царей, построивших лабиринт, а также гробницы священных крокодилов; таким образом, я могу говорить о нижних помещениях только понаслышке. Верхние покои, однако, я видел собственными глазами и обнаружил, что они превосходят все другие человеческие творения. Проход между домами и различные изгибы тропинки через дворы вызвали во мне бесконечное восхищение, когда я переходил из дворов в покои, а из покоев в колоннады, а из колоннад в новые дома, и снова из них во дворы, невиданные ранее. Крыша была полностью каменной, как и стены, и стены были покрыты резьбой с фигурами. Каждый двор был окружен колоннадой, которая была построена из белого камня, изящно подогнанного друг к другу. В углу лабиринта стоит пирамида высотой в сорок сажень с выгравированными на ней большими фигурами, в которую ведет подземный ход". Никто из тех, кто читал рассказ о Великой Египетской пирамиде, строительстве Храма Соломона и о сохранившихся до сих пор руинах древних каменных зданий, не усомнится в способностях древних в искусстве строительства из камня. В Баальбеке, вероятно, хранятся самые большие камни, которые когда-либо использовались.

ВЕЛИКАЯ ПИРАМИДА И СФИНКС.

Баальбек расположен на равнине, которая сейчас называется Букаа, на северной оконечности невысокой гряды черных холмов, примерно в миле от базы Антиливан.

Точно неизвестно, сколько ему лет и кем он был построен. Доктор Китто в своей "Библейской истории" приписывает его возведение Соломону. Но нынешние останки в основном относятся к более позднему периоду, вероятно, им около 3000 лет. Часть материала и часть первоначального фундамента были использованы повторно для строительства вторых сооружений.

Баальбек по праву получил всемирную известность благодаря великолепию своих руин, которые вызвали удивление и восхищение путешественников, имевших честь увидеть их. Его храмы являются одними из самых великолепных в греческой архитектуре. Храмы Афин,

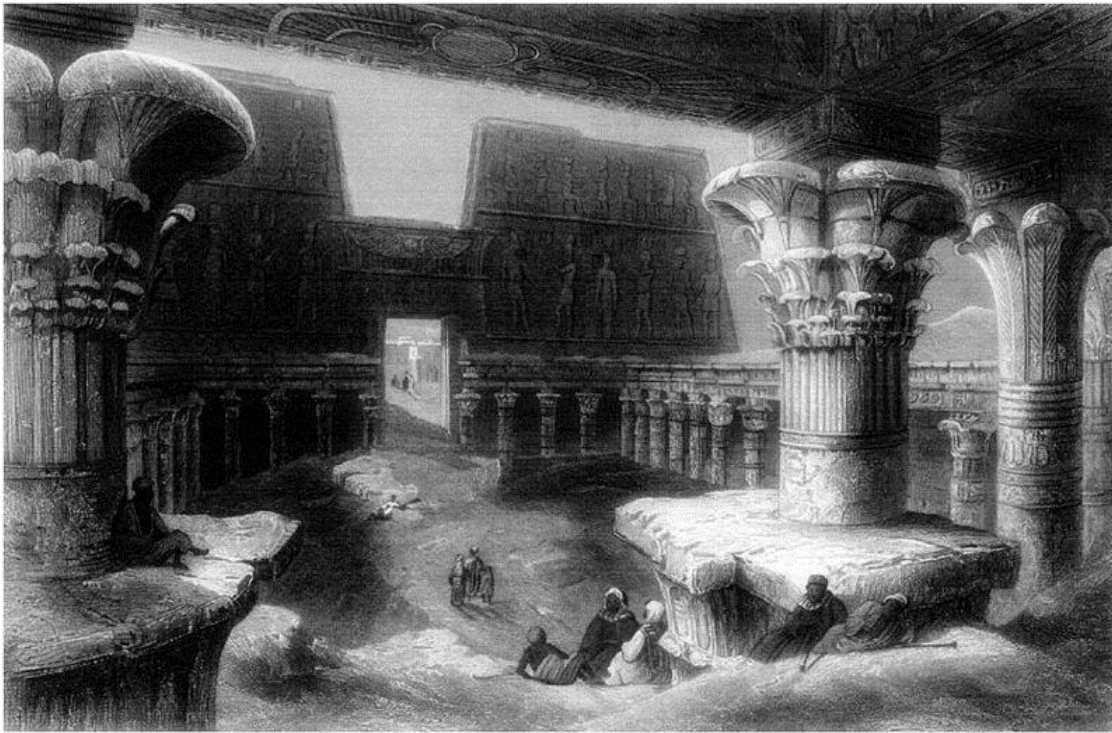
несомненно, превосходят их по вкусу и чистоте стиля, но они значительно уступают им по размерам.

Хотя здания Фив превосходят их по величине, они не идут ни в какое сравнение с симметрией колонн, богатством дверных проемов и фриз, которыми изобилует Баальбек. Фундаменты великого храма сами по себе имеют право быть причисленными к пирамидам среди чудес света, поскольку они возвышаются на двадцать футов над уровнем земли и содержат камни из одной цельной массы длиной девяносто футов, шириной восемнадцать футов и толщиной тринадцать футов.

Однако главными достопримечательностями являются три храма, или главных зала. Первый, который можно назвать великим храмом, состоит из перистилия, от которого сохранилось всего шесть колонн, двух дворов и портика, стоящих на искусственной платформе высотой почти тридцать футов со сводами под ней. Под всей платформой находится огромный двор двухсот футов в поперечнике; он имеет шестиугольную или почти круглую форму. В него можно попасть по сводчатому проходу, который ведет к тройным воротам с глубокой лепниной, которые открываются в первый двор.

Большой двор имеет 440 футов в длину и 370 футов в ширину, и по каждой из его сторон расположены ниши и колонны, которые даже в руинах великолепны.

Две стороны точно соответствуют друг другу, но южная находится в лучшем состоянии, чем другая. Перед этими нишами стоят колонны в стиле шестиугольника, с камерами по углам большого двора или площади. Посетитель, входящий через портик и проходящий в большой двор, видит перед собой на противоположной стороне (западной) двора Великий Храм, первоначально посвященный Ваалу. Это был великолепный перистиль размером 290 на 160 футов, с девятнадцатью огромными колоннами с каждой стороны и по десять с каждого конца, всего пятьдесят восемь. Окружность этих колонн у основания составляет двадцать три фута и два дюйма, а в верхней части - двадцать футов; а их высота, включая основание и капитель, составляла семьдесят пять футов, в то время как антаблемент был на четырнадцать футов выше. В стенах фундамента видны эти огромные камни, некоторые девяносто футов в длину; другие - шестьдесят четыре, шестьдесят три, шестьдесят два и т.д., и все от тринадцати до восемнадцати футов в ширину и очень часто тринадцати футов в толщину. Эти камни отмечают протяженность платформы неизвестной древности, но намного старше храма-перистилия, и именно от этого храм получил свою раннюю дату и название. Вполне вероятно, что большие камни, лежащие в соседнем карьере, предназначались для этого, поскольку храм на тот момент, по-видимому, остался незаконченным.

Выгравировано и напечатано братьями Иллман.

КАРНАКСКИЙ ХРАМ

ДЛЯ МУЗЕЯ АНТИЧНОСТИ

Второй храм не совсем таких размеров, как первый, но это один из величайших памятников древнего искусства в Сирии. Его размеры составляют 227 на 117 футов. Его перистиль состоит из сорока двух колонн, по пятнадцати с каждой стороны и по восемь с каждого конца. У портика был огромный ряд из шести рифленых колонн, а внутри них, напротив концов анфилад, находились еще две. Высота этих колонн составляет шестьдесят пять футов, а их окружность девятнадцать футов и два дюйма, в то время как антаблемент, богато украшенный над колоннами, был около двенадцати футов в высоту.

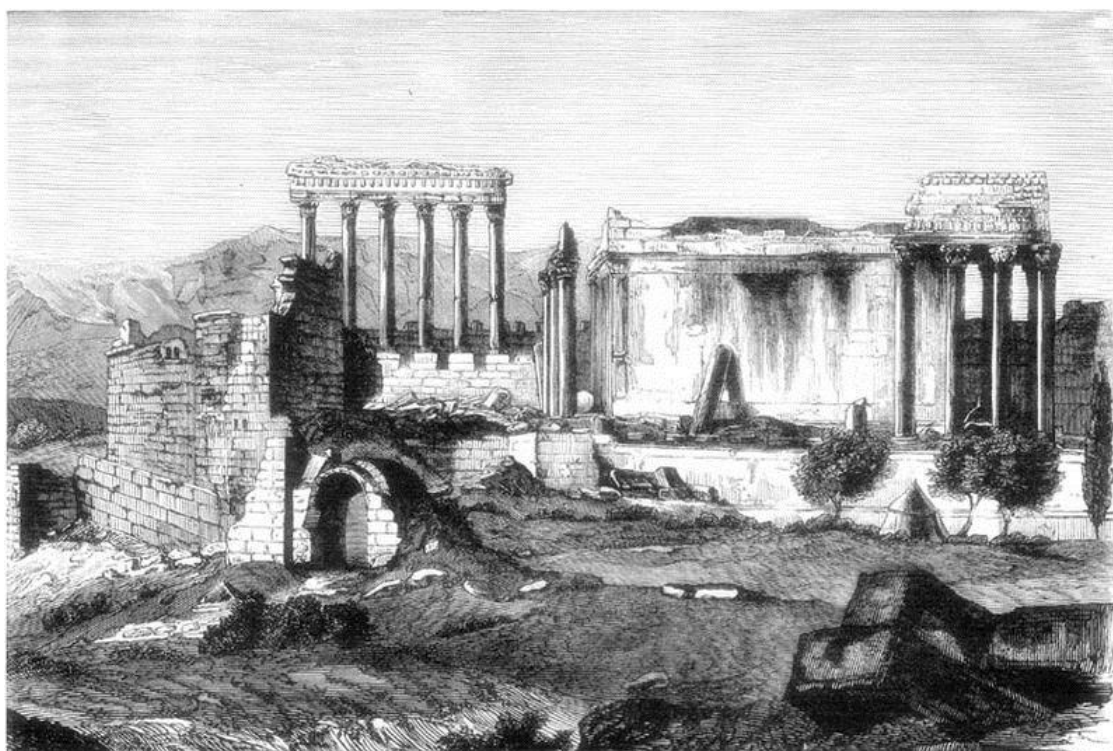
Портик разрушен, осталось лишь несколько фрагментов шахт, также разрушены ступени, по которым к нему приближались. Колонны перистиля в основном упали, но сохранились четыре с их антаблементами на южной стороне возле портика; на западном конце сохранилось шесть, а на северном - девять. Вырезка на странице 473 дает некоторое представление об этом храме.

В 1759 году землетрясение обрушило три колонны великого храма и девять перистилей Храма Солнца. Может показаться, что ничто, кроме землетрясения, не могло уничтожить эти останки, и они даже, кажется, выдерживают это с удивительной стойкостью. На западном конце находится *целла*, или самая внутренняя священная часть здания, ее размеры 160 на 85 футов. Поперек вестибюля была возведена современная стена, и единственный вход - через низкое отверстие, пробитое в стене. Входя через это отверстие, зритель видит перед собой жемчужину сооружения, *большой портал*. Он был двадцать один фут в высоту и сорок два фута в длину и великолепно украшен. Каждая сторона сделана из цельного камня, а перемычки состоят из трех огромных блоков. Архитрав в изобилии украшен каемками из фруктов, цветов и листьев, а на косяке двери изображена знаменитая фигура орла с кадуцеем в когтях и в клюве - гирлянды из длинных витых гирлянд, которые тянутся с каждой стороны, а противоположные концы несут летящие гении.

В 1751 году портал был совершенен. Когда Вуд делал его набросок, но восемь лет спустя толчок землетрясения разрушил стену и позволил центральному камню опуститься примерно на два фута. Тем не менее, даже в таком состоянии это одни из самых поразительных и красивых ворот в мире. Первое отделение имеет размеры девяносто восемь футов на шестьдесят семь, с рифлеными колоннами с каждой стороны, а святилище, или место для алтаря и статуи, занимает пространство глубиной двадцать девять футов в западном конце и значительно возвышается над полом нефа. Таково было устройство этого огромного великолепного сооружения.

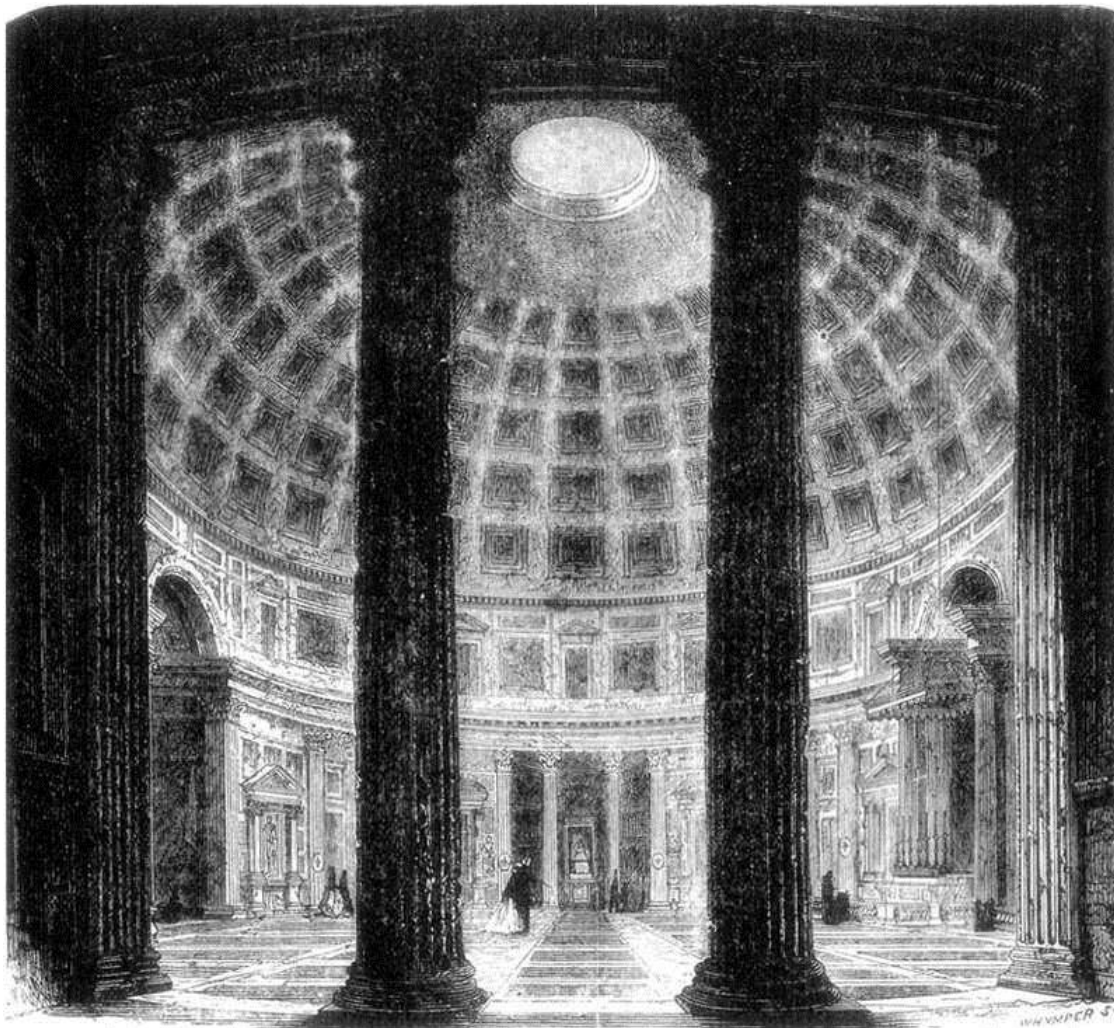
Возможно, здесь уместно упомянуть еще одно здание, хотя и не такое старое и большое, но мы хотим поговорить о нем, потому что оно так замечательно выдержало испытание временем.

РУИНЫ БААЛЬБЕКА.

Мы говорим о Пантеоне, великолепном здании, возведенном М. Агриппой, другом Августа, в непосредственной связи с Термами, построенными и посвященными им Юпитеру Ультору. Это здание, воплощавшее, так сказать, высочайшие устремления римской национальной гордости и могущества, было завершено, согласно сохранившейся на нем оригинальной надписи, 25 годом до н.э., в котором Агриппа был консулом в третий раз. Согласно утверждению Плиния ("His. Nat.", 36, 24, I), которое, однако, было оспорено, первоначально он был посвящен Юпитеру Ультору, статуя которого, следовательно, несомненно, стояла в главной нише напротив входа. В остальных шести нишах стояли статуи такого же количества богов; статуи главных божеств семьи Юлиев, Марса и Венеры, а также величайшего сына этой семьи, божественного Цезаря, были единственными из числа тех, о ком мы располагаем определенными сведениями. Было ли дело в том, что статуи Марса и Венеры демонстрировали атрибуты других главных богов, или в том, что статуи последних стояли в маленьких часовнях (*эдикулах*) между нишами, или в том, что несравненно огромный купол, как предполагалось, символизировал небеса, то есть дом всех богов? Несомненно то, что вместе со старым названием к зданию вскоре было применено новое название Пантеон, *то*

есть храм всех богов. Последнее название было единогласно принято потомками, и даже возникло христианское название здания как церковь всех мучеников (S. Maria ad Martyres). Не вдаваясь в подробности последовательных изменений, которые претерпело здание с течением времени, мы сейчас попытаемся описать его основные черты. Храм состоит из двух частей: круглого здания и портика. Первый имел 132 фута в диаметре, без учета толщины стены, которая составляет 19 футов. Стена идеально круглая и содержит восемь отверстий, одно из которых служит входом, в то время как остальные образуют в определенном порядке либо полукруглые, либо четырехугольные ниши; первые перекрыты полукуполами, вторые - цилиндрическими сводами. Только ниша напротив входа в настоящее время является непрерывной и открытой на всю высоту, что соответствует формированию входной секции; перед каждой из остальных были возведены две колонны, балки которых закрывают отверстие в полукруглом своде. К этой главной части здания пристроен великолепный портик, который, как и в вышеупомянутых храмах, опирается на три колонны, помимо массивной стены. На фасаде восемь колонн. Как правило, все пространство пронаоса было без колонн; вопреки правилу, здесь мы видим, что оно разделено на три нефа с помощью двух пар колонн. Центральный неф, который также был самым широким, вел к входной двери, каждая из двух других заканчивалась огромной нишей. Не говоря уже об эстетических соображениях, эти колонны потребовались в качестве подпорок крыши, покрывающей обширное пространство (портик имеет около 100 футов в длину).

ВИД ПАНТЕОНА ИЗНУТРИ.

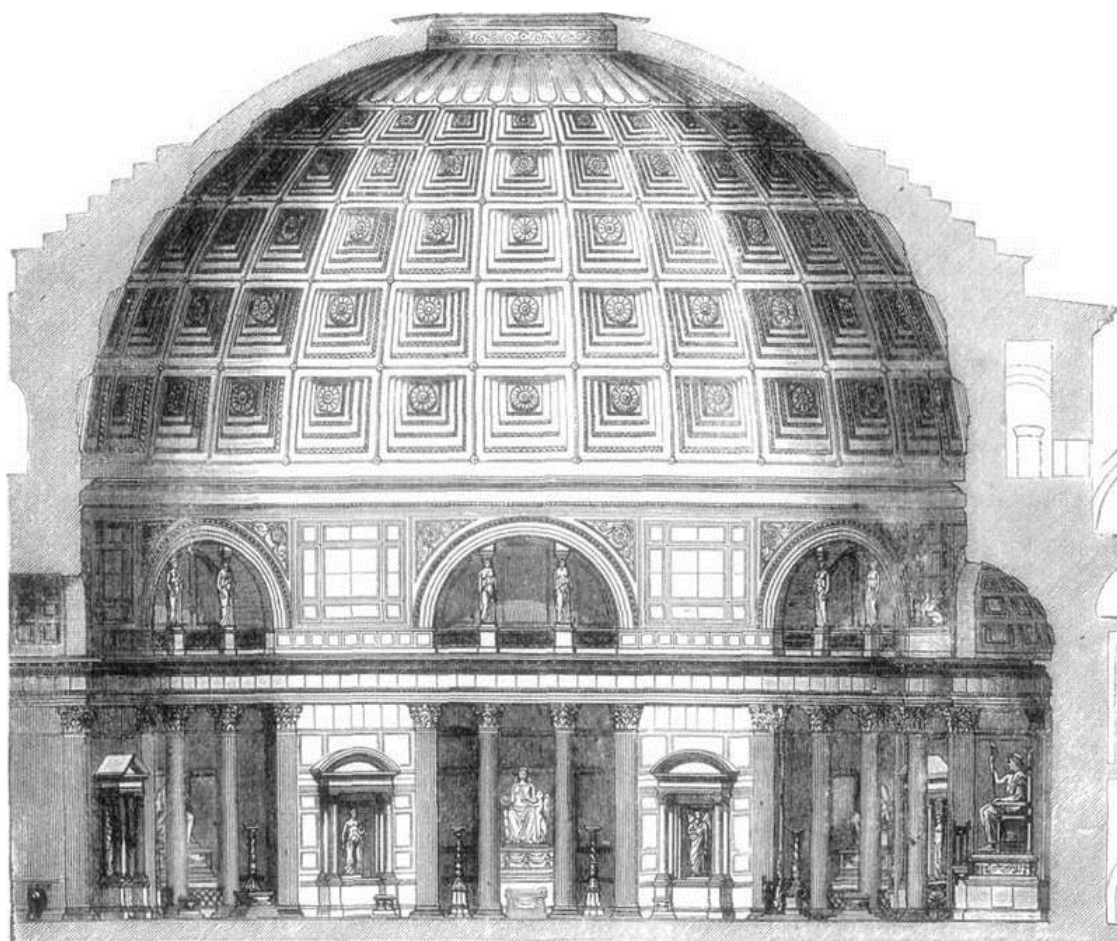

РИМСКИЙ ПАНТЕОН.

Колонны портика несли балки, на фризе которых была помещена следующая надпись крупными буквами: M·AGRIPPA·L·F·COS·TERTIUM·FECIT. Другая надпись под этой, более мелкими буквами, гласит, что здание было восстановлено Септимием Севером и Каракаллой. Балки поддерживают большой фронтон, первоначально украшенный группами статуй, изображающих победы Юпитера над Гигантами. Позади и над этим фронтоном возвышается второй фронтон тех же пропорций, служащий украшением выступающей стены, соединяющей круглое здание с портиком. Крыша портика поддерживалась балками, сделанными из латуни. Согласно чертежу Серлио, эти балки не были массивными, а состояли из латунных пластин, склепанных вместе в квадратные трубы — принцип, часто применяемый современными инженерами в более широком масштабе при строительстве мостов и т.д. К сожалению, материал крыши, за исключением некоторых крупных заклепок, использовался папой Урбаном VIII. для изготовления оружия и различных украшений сомнительного вкуса в соборе Святого Петра. Большие колонны, несущие уродливую дарохранительницу на могиле святого Петра, являются одним из результатов этого варварского разграбления. Напротив, сохранилась старая дверь, также сделанная из латуни, которая ведет из портика внутрь. Внешний вид круглого здания прост и величествен. Скорее всего, первоначально он был покрыт лепниной и терракотовыми орнаментами, от которых, однако, в настоящее время мало что сохранилось; но простые кирпичи, особенно в верхних полосах, где становится видна вставка свода, выглядят, пожалуй, столь же красиво, как и первоначальное покрытие. Весь цилиндр каменной кладки разделен на три полосы с помощью карнизов, которые нарушают тяжеловесность контура, причем деления внутреннего пространства соответствуют разделам внешней поверхности. Первая из этих полос имеет высоту около сорока футов и опирается на основание из свободного камня-травертина. Он состоит из простых горизонтальных каменных плит, разделенных только дверями, которые ведут в камеры, встроенные в толщу стены между нишами. Это соответствует колоннам, образующим первый этаж интерьера, при этом два карниза, внутренний и внешний, находятся на одном уровне. Вторая полоса, высотой около тридцати футов, соответствует второму этажу интерьера, где расположены полукруглые арки ниш. Горизонтальные каменные слои снаружи соответственно разделены большими двойными арками, предназначенными для уравнивания сводов внутри. Они чередуются с арками меньшего размера, образуя, таким образом, достойное оформление экстерьера, гармонирующее с общим дизайном здания. Два карниза внутри и снаружи снова расположены на одном уровне. Третья полоса соответствует куполу, натяжение которого

равно 140 футам. Внешняя каменная кладка достигает примерно трети его высоты, после чего сам купол начинает подниматься семью мощными ступенями.

Высота купола равна диаметру цилиндрического здания, 132 футам, что усиливает трезвое и гармоничное впечатление от всего здания. Нижний из вышеупомянутых внутренних этажей украшен колоннами и пилястрами, последние из которых закрывали ниши. Восемь из этих колонн, высотой более тридцати двух футов, представляют собой монолиты из *giallo antico* - желтого мрамора с красивыми прожилками, относящегося к самым ценным материалам, использовавшимся древними архитекторами. Шесть других колонн сделаны из разновидности мрамора, известной как *pavonazzetto*; благодаря оригинальному способу окраски эти колонны гармонируют с колоннами, изготовленными из более редкого материала. Над первым находится второй нижний этаж, архитектурное оформление которого можно узнать по остроумной попытке реконструкции Адлера. Его первоначальное убранство состояло из табличек из цветного мрамора, эффект был похож на последовательность узких пилястр. Это первоначальное украшение позже было заменено другим. Над главным карнизом, который венчает этот этаж и в то же время завершает круглые стены, возвышается купол, разделенный на пять полос, каждая из которых содержит двадцать пять "шкатулок" прекрасной работы и в отличной перспективе. В центре наверху находится отверстие диаметром сорок футов, через которое свет проникает в здание. Рядом с этим отверстием сохранился фрагмент бронзового орнамента, который, по-видимому, когда-то покрывал весь купол. Даже без этих элегантных украшений здание по-прежнему вызывает восхищение зрителя, как один из шедевров римского гения.

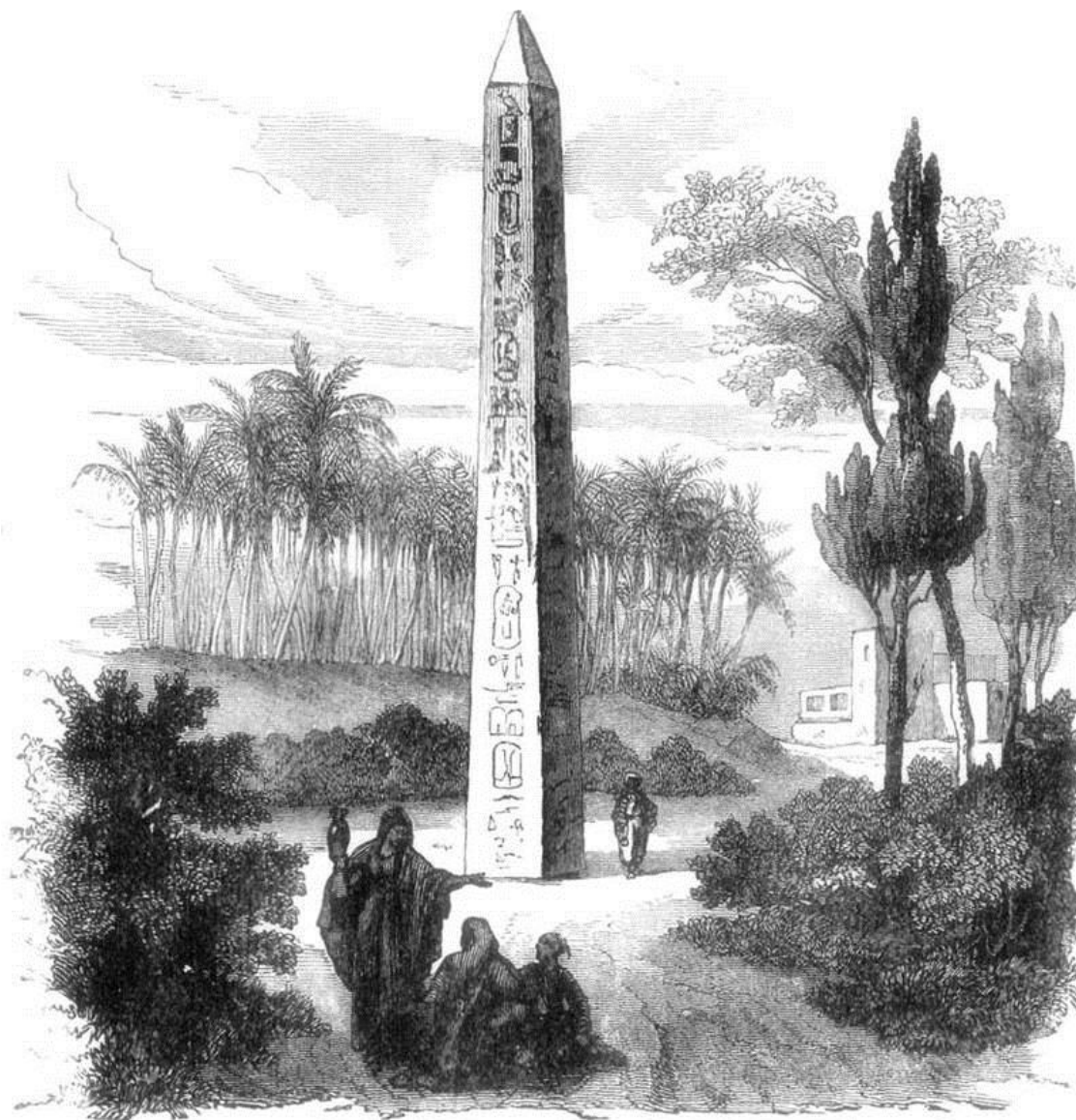
ПОЛОВИНА ПАНТЕОНА.

Обелиски были в Египте памятными столбами, отражающими стиль и титул царя, который их воздвиг, его благочестие и доказательства, которые он дал, посвятив эти монолиты божеству, которого он особенно хотел почитать. Они сделаны из цельного каменного блока, ограненного в форме четырехугольника, ширина которого постепенно уменьшается от основания к вершине ствола, который заканчивается небольшой пирамидой (pyramidion). Они были установлены на простом квадратном пьедестале, но большего размера, чем сам обелиск. Обелиски египетского происхождения. Римляне и современники подражали им, но они никогда не равнялись своим образцам.

Египетские обелиски обычно изготавливаются из красного гранита Сиены. Однако есть некоторые меньших размеров, сделанные из песчаника и базальта. Обычно их размещали парами у входов в храмы, с каждой стороны пропил. Древко обычно имело десять диаметров в высоту и на четверть уже вверху, чем у основания. Из двух, которые находились перед Луксорским дворцом в Фивах, один имеет семьдесят два фута в высоту и шесть футов два дюйма в ширину у основания; другой имеет семьдесят семь футов в высоту и семь футов восемь дюймов в ширину. Каждая грань украшена иероглифическими надписями в *глубокой печати*, а вершина завершается пирамидой, четыре стороны которой изображают религиозные сцены, также сопровождаемые надписями. Углы обелисков острые и хорошо обтесанные, но их грани не идеально ровные, и их небольшая выпуклость является доказательством того внимания, которое египтяне уделяли сооружению своих памятников. Если бы их лица были плоскими, они казались бы глазу вогнутыми; выпуклость компенсирует эту оптическую иллюзию. Иероглифические надписи расположены перпендикулярной линией, иногда есть только одна в середине ширины лицевой стороны, а часто их три. Надпись была сделана в память о короле, построившем храм или дворец, перед которым был установлен обелиск. В нем содержалась запись о домах и титулах, которые царь, воздвигший, расширивший или преподнесший богатые подарки храму, получил взамен от священства, и говорилось, например, что Рамсес был повелителем послушного народа и любимцем Амона. Таков сюжет надписи, которая находится в середине каждой грани обелисков; и хотя имя одного и того же царя и одни и те же события повторяются на четырех сторонах, при сравнении в четырех текстах существует некоторое различие либо в обращении к конкретным богам, либо в титулах царя. Каждый обелиск в его первоначальном виде имел лишь по одной надписи на каждой грани и того же периода правления короля, который его воздвиг; но король, пришедший после него и пристроивший двор, портик или колоннаду к храму или дворцу, имел другую надпись, касающуюся его пристройки, с выгравированным на первоначальном обелиске его именем; таким образом, каждый обелиск, украшенный множеством надписей, относится к нескольким периодам. Завершающий их пирамидион обычно изображает в своих скульптурах царя, воздвигшего обелиск, делающего различные подношения главному божеству храма и другим богам. Иногда также в качестве подношения используется сам обелиск. Короткие надписи на пирамидионе содержат овал царя и имя бога. По этим овалам можно узнать имена царей, воздвигших существующие до сих пор обелиски, будь то в Египте или где-либо еще. Самый большой известный обелиск - святого Иоанна Латеранского в Риме. Он был привезен из Гелиополиса в Александрию императором Константином, а в Рим был доставлен Констанцием, который установил его в Большом цирке. Высота древка составляет 105 футов 7 дюймов. Стороны неодинаковой ширины у основания, две имеют размер девять футов восемь с половиной дюймов, две другие - всего девять футов. Он носит название Тохтмеса III. в центральной части и у Тохтмеса IV. по боковым линиям, короли восемнадцатой династии, в пятнадцатом веке до н.э. Два обелиска в Луксоре были воздвигнуты царем Рамзесом II из девятнадцатой династии в 1311 году до н.э. (Уилкинсон). Один из них был доставлен в Париж. Обелиск Гелиополиса носит имя Осиртасена I., 2020 г. до н.э. (Уилкинсон), и,

следовательно, является самым древним. Его высота составляет около шестидесяти семи футов. Обелиски в Александрии были привезены из Гелиополиса около 2000 лет назад. Тот, что лежал в песке, и тот, что поменьше, был перевезен в Лондон несколько лет назад, а другой, который все еще стоял, был подарен Соединенным Штатам Исмаилом-пашой, отцом нынешнего хедива. Этот памятник древности является бесценным сокровищем для нашей страны. Он носит имя Тохтмеса III. По боковым линиям изображены овалы Рамзеса Великого. Он сделан из красного гранита Сиены. Он носит название Иглы Клеопатры, имеет высоту около семидесяти футов и диаметр у основания семь футов семь дюймов. Мы едва ли можем понять, что у нас в Нью—Йорке стоит такая древняя реликвия - колонна, на которую смотрели Моисей и Аарон и, несомненно, прочитали ее иероглифическую надпись; что на ней было вырезано рыцарское знамя Рамзеса Великого (Сесостриса); что Дарий, Камбиз, Александр Македонский, Птолеми, Юлий Цезарь, Клеопатра, Марк Антоний и Август знали ее; что ее одинаково знали и видели Пифагор, Геродот и Страбон; что длинная процессия самых прославленных перед ним прошли персонажи средневековья, от дней Климента и Анастасия до дней дона Джона Австрийского; и, наконец, он был первым вестником Египта при Наполеоне и Мохаммеде Али. Подобный памятник действительно будет дорог каждому гражданину. Большой интерес вызывает обелиск на Пьяцца дель Пополо, поскольку он также стоял перед Храмом Солнца в Гелиополисе. Лепсиус приписывает его Менепте. Он был перевезен в Рим Августом в 19 году до н.э. для украшения Большого цирка. Обелиск перед собором Святого Петра был привезен в Рим Калигулой и установлен в Ватикане в цирке Калигулы. Его высота составляет около восьмидесяти трех футов. В Риме есть еще несколько египетских обелисков. Ничто не дает лучшего представления о мастерстве египтян и их замечательном знании механизмов, чем возведение этих монолитов.

ОБЕЛИСК ГЕЛИОПОЛИСА. (Возраст более 4000 лет).

Ниже приводится перевод иероглифической надписи, которая нанесена на него: "Гор; живой от рождения; царь Верхнего и Нижнего Египта; Ра Хепер Ка; Владыка двух диадем; Сын солнца; Осиртасен; любимец Бога Гелиополиса от рождения; Вечно живой; Золотой Гор; Добрый Бог; Ра Хепер Ка на первое празднование панегирика. Он (сделал) (этот обелиск) вечным генератором".

Греки никогда не делали обелиски за пределами Египта. Македонские цари, или Птолемеи, правившие в этой стране от Александра до Августа, воздвигли, снесли или расширили множество памятников, но всегда в соответствии с египетскими правилами. Египетские художники выполняли обелиски для своих греческих князей, но они не отступали, как и в других памятниках, от своих древних обычаев. Египетский стиль и пропорции всегда узнаваемы, а надписи также выполнены иероглифами. Обелиск, найденный в Филе, был воздвигнут в честь Птолемея Эвергета II. и Клеопатры, его сестры, или Клеопатры, его жены, и установлен на основании с греческой надписью, описывающей причину и повод создания этого памятника. Он был перенесен из Филы Бельцони и теперь установлен в Кингстон-Холле, Дорсет, мистером Бэнксом. По размерам он очень далек от обелисков фараонов, его высота составляет всего двадцать два фута.

После того, как римляне сделали Египет римской провинцией, они унесли некоторые из его обелисков. Август был первым, кому пришла в голову идея перевезти эти огромные блоки в Рим; ему подражали Калигула, Константин и другие. Обычно их устанавливали в каком-нибудь цирке. Тринадцать из них сохранились в Риме по сей день, некоторые из которых относятся ко времени римского господства в Египте. У римлян были обелиски, сделанные в честь их князей, но материал и качество исполнения надписей позволяют легко отличить их от более древних обелисков. Обелиск Барберини на Монте-Пинчо относится к этому числу; на нем выгравированы имена Адриана, Сабины, его жены, и Антиноя, его фаворита. Обелиск на Пьяцца Навона, судя по стилю его иероглифов, предположительно является римской работой времен Домициана. Имя Сантуса Руфа можно прочесть на обелиске Альбани, который сейчас находится в Мюнхене, и поскольку известно о двух римских префектах Египта с таким именем, следовательно, это был один из тех магистратов, которые воздвигли в этой стране эти памятники в честь правящих императоров, а затем отправили их в Рим. Римляне также пытались делать обелиски в Риме; таков обелиск Триниты де Монти, который раньше стоял в цирке Саллюстия. Это плохая копия ворот дель Пополо. Римские императоры на востоке также перевезли в Константинополь несколько египетских обелисков. Фрагменты двух из этих памятников были найдены на Сицилии, в Катании; один из них имеет восемь сторон, но, вероятно, это не подлинная египетская работа. Использование обелиска в качестве гномона и возведение его на высоком основании в центре открытого пространства были введены только после того, как отдельные обелиски были перевезены в Рим.

РЕЛИГИЯ Или МИФОЛОГИЯ.

Содержание

Мифология происходит от слова миф, означающего басню, следовательно, это система сказочных мнений и доктрин о божествах, которые, как предполагали языческие народы, правят миром или влияют на его дела.

У них было двенадцать богов: Юпитер, Нептун, Плутон, Меркурий, Марс, Вулкан, Аполлон, Диана, Минерва, Юнона, Церера и Веста. Помимо них, были другие меньшие боги, Вакх, Исида, Геба, Музы и Судьбы и т.д.; Также Сон, Сновидения и Смерть; и были еще другие, которые обладали свободной волей и разумом и имели смешанные формы, такие как Пегас, или крылатый конь, Кентавр, получеловек-полуконь, Гидра и т.д.

Греческая теория происхождения вещей заключалась в том, что началом был хаос, несущий в себе семя всей природы, затем появились Земля и Небеса, или Уран; эти двое поженились, и от этого союза произошло многочисленное и могущественное потомство. Первыми были шесть Титанов, все мужчины, а затем шесть женщин и циклопы, числом три; эти последние были гигантских размеров, у них был только один глаз, да и тот в центре лба. Они олицетворяли Гром, Молнию и Огонь, или быстрое пламя.

Титаны вступили в войну со своим отцом и ранили его, и из капель крови, которые вытекли из раны и упали на землю, произошли Фурии, чьи имена означали "Непрестанные", "Завистницы" и "Мстительницы за кровь"; и Гиганты, и мелийские нимфы, и из капель крови, которые упали в море, возникла Венера, богиня любви и красоты.

Младшему и храбрейшему сыну, Сатурну, который ранил и сверг своего отца с престола, с согласия его братьев было разрешено править с условием, что все его дети мужского пола

должны быть уничтожены. Но его жена Рея спрятала от него троих своих сыновей, Юпитера, Нептуна и Плутона, которые, ведя десятилетнюю войну против своего отца, в конце концов свергли его с престола и разделили царство между собой. Старейший, Юпитер, владел небесами и правил всеми богами, Нептун - морями, а Плутон - нижними областями.

Затем Юпитер построил свои дворы на горе Олимп, стал верховным богом неба и земли; его называли отцом людей и богов, и он был поставлен во главе всего творения.

Обычно его изображают величественным, восседающим на троне со скипетром в одной руке и молниями в другой. У Юпитера было несколько жен; он также женился на своей сестре Юноне, которая была богиней-царицей. Помимо Юпитера, Юноны, Нептуна и Плутона, остальные восемь богов были детьми Юпитера.

Нептун уступал Юпитеру по силе. Его изображают несущим трезубец или трехзубую вилку, которой он ударяет по земле и встряхивает ее; поэтому его часто называют "сотрясателем земли". Обычно его изображают в виде Юпитера, безмятежного и величественного, восседающего в колеснице, сделанной из раковин и запряженной дельфинами и морскими коньками, в то время как тритоны и нимфы резвятся вокруг него.

Плутон представлен как мрачный, суровый правитель ада. Его также называют Гадесом и Оркусом. У него есть трон из серы, из-под которого вытекают реки Лета, или "Забвение", Флегетон, Коцит и Ахерон. В одной руке он держит вилку, в другой - ключи от ада, а рядом с ним - собака с тремя головами. Его описывают как человека, вполне подходящего для своего положения, неумолимого и глухого к мольбам, а также объекта отвращения и ненависти как к богам, так и к людям. Из его царств нет возврата, и все человечество, рано или поздно, обязательно будет собрано в его царстве.

Поскольку ни одна из богинь не хотела выходить замуж за сурового и мрачного бога, он схватил Прозерпину, дочь Цереры, когда она собирала цветы, разверз землю и перенес ее в свои владения.

Меркурий был посланником богов. Его изображали с крыльями на шляпе и сандалиях, и обычно он держал в руках жезл с двумя обвитыми вокруг него змеями. Сам он был богом красноречия и покровителем ораторов, купцов, воров, разбойников, путешественников и пастухов.

Марс был богом войны. Скорбь и страх сопровождали его, беспорядок и несогласие в изодранных одеждах идут перед ним, а за ними следуют гнев и шум. Он огромного роста и гигантской силы, и его голос был громче, чем у десяти тысяч смертных.

Вулкан был кузнецом, и его обычно изображают у наковальни в короткой тунике, с молотком в правой руке. Он родился хромым, и его мать, Юнона, была так потрясена, что сбросила его вниз головой с горы Олимпос.

Аполлон был богом стрельбы из лука, пророчеств и музыки, и его обычно видят с арфой в руке и красивой фигурой.

Диана была богиней охоты и появляется с луком в руке и колчаном стрел за спиной, а на боку у нее изображена гончая. Она посвятила себя вечному безбрачию, и ее главной радостью было мчаться, как дорийская дева, по холмам в сопровождении вереницы нимф в погоне за летающей дичью.

Минерва - богиня мудрости и мастерства, учительница ведения войны. У нее серьезное и вдумчивое выражение лица, в одной руке копье, в другой щит, голову закрывает шлем. Говорят, что она произошла из мозга Юпитера.

Юнона, жена Юпитера, была надменной, ревливой и неумолимой; богиня с величественным видом, которую часто можно встретить с павлином у ее ног.

Церера - богиня зерна и урожая. Ее изображают верхом на колеснице, запряженной драконами, и распределяющей зерно по разным регионам земли. В одной руке она держит кукурузу и пшеницу, в другой - зажженный факел, а на голове у нее гирлянда из пшеничных колосьев.

После того, как Плутон украл ее дочь Прозерпину, она искала ее по всему миру.

Веста, богиня домашнего хозяйства и дровиков, изображена в длинном одеянии, с вуалью на голове, лампой в одной руке и копьем в другой. В ее храме в Риме священный огонь охраняли шесть жриц, называемых Девственными весталками.

Среди меньших богов было много, но самым распространенным был Вакх, который был богом похоти, вина и покровителем пьянства и разврата. Он представлен в виде женоподобного молодого человека с длинными распущенными волосами. В одной руке он держит кубок, в другой - гроздь винограда и короткий кинжал.

Музы были богинями, которые руководили музыкой и поэзией, а также всеми свободными искусствами и науками. Их было девять.

Граций было три, и они олицетворяли Великолепие, Радость и Наслаждения. Это были три прекрасные сестры, стоявшие, переплетая руки.

Богинями Судеб были также три богини, которые вершили судьбы смертных. Первый был посохом жизни, второй сплел шнур, а третий обрезал его.

Это краткий очерк происхождения и природы богов и богинь: легенд множество, и некоторые из них чрезвычайно интересны и красивы, в то время как другие шокируют и вызывают отвращение грубыми невозможностями и отвратительными уродствами, которые они раскрывают. Мы решили дать их прямой перевод с греческого, чтобы читатель мог ознакомиться с ними в чистом оригинальном виде и, таким образом, сохранить не только красоту и интерес, но и в то же время представление о стиле древних произведений; лишь несколько историй были изменены, чтобы приблизить их к уровню остальных. Однако мы будем вынуждены использовать греческие названия вместо латинских в этом переводе, поскольку он сделан с греческого, и поэтому приведем названия, переведенные ниже:

Греческий. Латинский.

Зевс, Юпитер.

Здесь Юнона.

Посейдон, Нептун.

Плутон, Плутон.

Деметра, Церера.

Аполлон, Аполо.

Артемида, Диана.

Гефест, Вулкан.

Афина,	Минерва.
Арес,	Марс.
Афродита,	Венера.
Гермес,	Меркурий.
Гестия,	Веста.

Большинство греков, по-видимому, верили, что их божества были реальными личностями, но их философы объясняли легенды, касающиеся их, как аллегорические представления общих физических и моральных истин. Таким образом, греки вместо того, чтобы благоволить природе, поклонялись олицетворенным силам природы.

ДЕЛЬФИЙСКИЙ АПОЛЛОН.

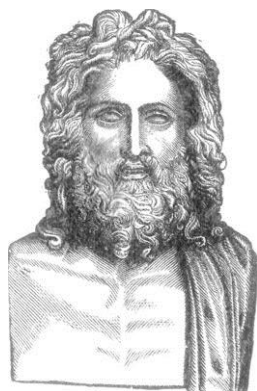
Из страны в страну скиталась леди Лето в страхе и печали, ибо ни один город или страна не давали ей дома, где она могла бы жить в мире. От Крита до Афин, от Афин до Эгины, от Эгины до вершин Пелиона и Афона, через все острова широкого Эгейского моря, Скирос, Имброс и Лемнос, и Хиос, прекраснейший из всех, прошла она в поисках дома. Но напрасно она молила каждую страну принять ее, пока не добралась до острова Делос и не пообещала возвысить его до великой славы, если только там она сможет упокоиться с миром. И она возвысила свой голос и сказала: "Послушай меня, о остров темного моря. Если ты даруешь мне дом, все народы придут к тебе, и к тебе потекут великие богатства; ибо здесь родится Фебус Аполлон, владыка света и жизни, и люди придут сюда, чтобы узнать его волю и завоевать его благосклонность". Тогда ответил Делос и сказал: "Госпожа, ты обещаешь великие дела; но говорят, что могущество Феба Аполлона будет таким, что ничто на обширной земле не сможет противостоять ему; а у меня всего лишь бедная и каменистая почва, где мало что радует глаз тех, кто смотрит на меня. Поэтому я боюсь, что он презрит мою суровую и бесплодную землю и отправится в какую-нибудь другую страну, где построит более великолепный храм и одарит более богатыми дарами людей, которые придут поклониться ему ". Но Лето поклялся темными водами Стикса, и широким небом над головой, и широкой землей вокруг нее, что на Делосе будет святилище Феба, и что там на его алтаре круглый год будут гореть богатые приношения.

Итак, Лето отдыхал на острове Делос, и там родился Фебус Аполлон. И была радость среди бессмертных богов, обитающих на Олимпе, и земля смеялась под улыбкой небес. Тогда был построен его храм на Делосе, и люди стекались в него со всех земель, чтобы узнать его волю и принести богатые жертвы на его алтарь.

ПИФИЙСКИЙ АПОЛЛОН.

Долгое время Аполлон обитал на Делосе; и каждый год все дети Иона собирались на праздник, который устраивался перед его храмом. Но в конце концов было так, что Аполлон прошел через многие земли, направляясь к Пифону. С арфой в руке приблизился он к воротам Олимпа, где Зевс и боги обитают во всей своей славе; и сразу же все возрадовались сладости его игры на арфе. Музы воспевали бессмертные дары богов, а также печали и горести смертных людей, которые не могут убежать от старости и смерти. Светлый Хорай соединил руки с Гебой и Гармонией; Арес стоял рядом с Афродитой и Гермесом, истребителем Аргосцев, глядя на лицо Феба Аполлона, которое сияло, как от света только что взошедшего солнца. Затем из Олимпа он спустился в пиерийскую землю, в Иолкос и на Лелантийскую равнину; но там ему не хотелось строить себе дом. Оттуда он отправился в Микалессос и, пересекши травянистые равнины Теумессоса, пришел в священные Фивы; но

и там он не захотел жить, ибо сюда еще не ступала нога человека, и не было там ни дороги, ни тропинки, а только дикие леса по всей земле.

ЮПИТЕР. (Зевс)

Он странствовал все дальше и дальше, переправившись через реку Кефисос и миновав Окалию и Халиартос, пока не добрался до Тельфузы. Там он решил построить себе храм, ибо земля была богатой и прекрасной, поэтому он сказал: "Прекрасная Телфуза, здесь я хотел бы отдохнуть в твоей счастливой долине, и сюда придут люди, чтобы спросить моей воли и попросить помощи в час страха; и великая слава придет к тебе, пока я буду пребывать на твоей земле". Но Тельфуса пришла в ярость, когда увидела, что Феб размечает место для своего святилища и закладывает его фундамент; и она хитро заговорила с ним и сказала: "Послушай меня, Феб Аполлон. Ты ищешь здесь пристанища, но здесь ты никогда не сможешь обрести покой; ибо моя широкая равнина будет соблазнять людей на борьбу, и топот боевых коней будет нарушать тишину твоего святого храма. Нет, даже в мирное время мычащий скот будет толпами приходить к моему источнику, и смятение опечалит твое сердце. Но отправляйся в Крису и поселись в скрытых расселинах Парнаса, и туда поспешат люди со своими дарами со всех концов земли". Итак, Аполлон поверил ее словам и пошел дальше по стране флегий, пока не пришел к Крису. Там он заложил фундамент своего святилища в глубокой расселине Парнаса, а Трофоний и Агамед, дети Эргиноса, возвели стену. Там же он нашел могучего дракона, который вскормил Тифаона, здешнего ребенка, и он поразил его, сказав: "Гни там, на земле, и не досаждай больше детям человеческим. Глина твоей жизни подошла к концу, и теперь ни сам Тифей, ни Химера со злым именем не смогут помочь тебе. Но земля и палящее солнце поглотят и опалят твое тело". Итак, дракон умер, и его тело сгнило на земле; поэтому название этого места называется Пифо, и они поклоняются Фебусу Аполлону как великому пифийскому царю.

Но теперь Феб знал, что Телфуза обманула его, потому что она ничего не сказала ни о великом драконе Крисы, ни о неровностях этой земли. Поэтому он поспешил вернуться в своем гневе и сказал: "Ты обманула меня, Телфуза, своими коварными словами; но больше твой источник не будет изливать свою сладкую воду, и слава будет принадлежать только мне". Тогда Аполлон обрушил огромные скалы и перекрыл ручей возле прекрасного источника, и слава покинула Тельфузу.

Тогда он подумал про себя, каких людей ему выбрать себе в жрецы в Пифоне; и вдали, стоя на высоком холме, он увидел корабль, плывущий по залитому вином морю, и люди, находившиеся в нем, были критянами, плывущими из страны царя Миноса, чтобы обменять свои товары у жителей Пилоса. Тогда Феб прыгнул в море, принял облик дельфина и

поспешил навстречу кораблю. Никто не знал, откуда взялась огромная рыба, которая ударила по борту их судна своими могучими плавниками; но все были поражены зрелищем, когда дельфин вел судно по темным водам, и они сидели, дрожа от страха, когда оно мчалось без паруса под напором сильного южного ветра. С мыса Малея и земли лаконийцев они направились к Гелосу и Тэнарону, где обитает Гелиос, которым восхищаются сыны человеческие, и где его скот пасется на богатых пастбищах. Там моряки закончили бы свои странствия, но они тщетно пытались высадиться на берег, потому что корабль не слушался руля. Дальше он шел вдоль побережья острова Пелопс, ибо им руководил могучий дельфин. Так из Арены и Аргуфеи оно пришло в песчаный Пилос, через Халкиду и Дим в страну эпейцев, к Фере и Итаке. Там люди увидели расстилавшиеся перед ними воды, омывающие берега Крисы; и сильный западный ветер налетел со своим свирепым дыханием и погнал их на восток, навстречу восходу солнца, пока они не пришли в Крису.

АПОЛЛОН. (С древней скульптуры.)

Тогда Феб Аполлон вышел из моря, подобно звезде, и сияние его славы достигло высоких небес. Он поспешил в свое святилище, и на алтаре он зажег неугасимый огонь, и его яркие стрелы были пущены повсюду, пока вся Криса не наполнилась пламенем его молний, так что страх охватил всех, и пронзительные крики женщин разнеслись в знойном воздухе. Затем,

быстрый, как мысль сердца, он поспешил обратно на корабль; но теперь его облик был обликом мужчины во всей его красе, и золотистые локоны ниспадали на широкие плечи. С берега он окликнул людей на критском корабле и сказал: "Кто вы, чужеземцы? и приходите ли вы как воры и разбойнички, принося ужас и горе, куда бы вы ни пошли? Почему вы остаетесь такими, оставаясь на своих кораблях, и не стремитесь выйти на сушу? Конечно, вы должны знать, что все, кто плывет по широкому морю, радуются, когда их корабль причаливает к берегу, чтобы они могли выйти и попить с народом этой земли?" Так говорил Феб Аполлон; и предводитель критян набрался храбрости и сказал: "Чужеземец, я уверен, что ты не смертный человек, а один из ярких героев или бессмертных богов. А потому скажи нам теперь, как называется эта земля и люди, которые в ней живут. Мы никогда не стремились попасть сюда, ибо плыли из земли Миноса, чтобы обменять наши товары в Пилосе; но кто-то из богов привел нас сюда против нашей воли".

Тогда заговорил могущественный Аполлон и сказал им: "О, чужеземцы, жившие в Кноссе критской земли, не думайте возвращаться в свой древний дом, к своим женам или к своим детям. Здесь вы должны охранять и оберегать мое святилище, и вы будете почитаемы всеми детьми человеческими. Ибо я сын Зевса, и имя мое Фебус Аполлон. Это я привел вас сюда через широкое море, не из коварства или гнева, но для того, чтобы в грядущие времена вы могли обладать великой силой и славой, чтобы вы могли узнать совет бессмертных богов и донести их волю до людей. Тогда поспеши выполнить мой приказ; спусти свои паруса и приведи свой корабль к берегу. Затем выносите свои пожитки, и постройте алтарь на берегу, и разожгите огонь, и принесите в жертву белый ячмень; и поскольку я привел вас сюда в образе дельфина, поклоняйтесь мне как дельфийскому богу. Тогда ешь хлеб и пей вино, сколько пожелает твоя душа; и после этого иди со мной в святое место, где ты будешь охранять мой храм".

И они повиновались словам Феба; и когда они принесли в жертву белый ячмень и обильно поели на берегу моря, они встали, чтобы идти, и Аполлон повел их дальше. Арфа была у него в руке, и он играл сладостную музыку, какой прежде не слыхало ухо ни одного смертного; и они запели "Ио Пэян", ибо новая сила вдохнулась в их сердца, когда они шли вперед. Теперь они не думали ни о тяжелом труде, ни о печали; но с неутомимыми ногами они поднимались на холм, пока не достигли расселин Парнаса, где Феб хотел, чтобы они поселились.

Тогда заговорил предводитель критян и смело сказал: "О царь, ты завел нас далеко от наших домов, в чужую землю; откуда нам здесь взять пищу? На этих голых скалах не вырастет урожай, перед нашими глазами не раскинутся луга. Вся земля голая и пустынная". Но сын Зевса улыбнулся и сказал: "О глупые люди, которых легко низвергнуть, если бы вы исполнили свое желание, вы не получили бы ничего, кроме забот и тяжелого труда. Но послушай меня и хорошенько обдумай мои слова. Прости свои руки и каждый день убивай богатые приношения, ибо они будут приходить к тебе без скупости, видя, что сыны человеческие поспешат сюда со всех земель, чтобы узнать мою волю и попросить помощи в час страха. Только хорошо охраняйте мой храм и держите в чистоте свои руки и свои сердца; ибо, если вы поступаете правильно, никто не отнимет у вас славы; но если вы говорите ложь и совершаете беззаконие, если вы причиняете вред людям, которые приходят к моему алтарю, и сбиваете их с пути истинного, тогда на ваше место восстанут другие люди, а вы сами будете изгнаны навсегда, потому что не послушались моих слов".

НИОБА И ЛЕТО.

Давным-давно на маленьком острове Делос жила женщина по имени Ниоба. У нее было много сыновей и много дочерей, и она очень гордилась ими, потому что думала, что на всем острове Делос и даже во всем мире нет таких красивых детей, как ее собственные. И пока они шли, и прыгали, и бегали среди холмов и долин этого скалистого острова, все люди смотрели на них и говорили: "Конечно, нет других детей, подобных детям леди Ниобы". И Ниобе так понравилось это слышать, что она начала хвастаться перед всеми, какие сильные и красивые у нее сыновья и дочери.

Теперь на этом острове Делос жила еще и дама по имени Лето. У нее было всего двое детей, и звали их Артемида и Феб Аполлон; но они были действительно очень сильными и прекрасными. И всякий раз, когда леди Ниоба видела их, она пыталась думать, что ее собственные дети были еще красивее, хотя она с трудом могла отделаться от ощущения, что никогда не видела никого более великолепного, чем Артемида и Аполлон. И вот однажды госпожа Лето и госпожа Ниоба были вместе, и их дети играли перед ними; и Феб Аполлон играл на своей золотой арфе, а затем он пускал из своего золотого лука стрелы, которые никогда не промахивались мимо цели. Но Ниоба никогда не думала о луке Аполлона и стрелах, которые были у него в колчане; и она начала хвастаться госпоже Лето красотой своих детей и сказала: "Смотри, Лето, посмотри на моих семерых сыновей и семь дочерей и посмотри, какие они сильные и красивые. Я знаю, что Аполлон и Артемида прекрасны, но мои дети еще прекраснее; а у тебя всего двое детей, в то время как у меня семь сыновей и семь дочерей. Итак, Ниоба продолжала хвастаться и никогда не думала, стоит ли ей сердить Лето. Но Лето ничего не сказал, пока Ниоба и ее дети не ушли, и тогда она позвала Аполлона и сказала ему: "Я не люблю госпожу Ниобу. Она всегда хвастается, что ее сыновья и дочери красивее тебя и твоей сестры; и я хочу, чтобы ты показал ей, что никто другой не так силен, как мои дети, и не так красив". Тогда Феб Аполлон разгневался, и мрачная хмурость пробежала по его прекрасному молодому лицу, а глаза его были подобны пылающему огню. Но он ничего не сказал, взял в руку свой золотой лук, перекинул через плечо колчан со своими ужасными стрелами и пошел прочь, к холмам, где, как он знал, находились леди Ниоба и ее дети. И когда он увидел их, он пошел и встал на голой высокой скале, и натянул тетиву своего золотого лука, и достал стрелу из своего колчана. Затем он протянул лук и натянул тетиву до тех пор, пока острие стрелы не коснулось лука; и тогда он пустил стрелу в полет. Он попал точно в цель, и один из сыновей леди Ниобы упал замертво. Затем с лука быстро слетела еще одна стрела, и еще, и еще, и еще, пока все сыновья и все дочери Ниобы не легли мертвыми на склоне холма. Тогда Аполлон позвал Ниобу и сказал: "Иди и хвались теперь своими прекрасными детьми!"

Все это промелькнуло так быстро, что Ниоба едва поняла, не сон ли это. Она не могла поверить, что ее дети действительно ушли — все ее сыновья и все ее дочери, которых она только что видела такими счастливыми и сильными рядом с собой. Но они лежали там, неподвижные и холодные, на земле. Их глаза были закрыты, как будто они спали, а на лицах по-прежнему сияла счастливая улыбка, отчего они выглядели еще красивее, чем когда-либо. И Ниоба подошла к ним всем по очереди, и коснулась их холодных рук, и поцеловала их бледные щеки; и тогда она поняла, что стрелы Феба Аполлона убили их. Затем она села на камень, который был рядом с ними, и слезы потекли из ее глаз, и они потекли по ее лицу, когда она сидела так же неподвижно, как ее дети, которые лежали мертвыми перед ней. Она ни разу не подняла головы — чтобы посмотреть на голубое небо, не пошевелила ни рукой, ни ногой, но сидела и плакала на холодном камне, пока не стала такой же холодной, как сам камень. А ее слезы все лились, и все ее тело становилось все холоднее и холоднее, пока ее

сердце больше не перестало биться, и леди Ниоба не умерла. Но там она, казалось, все еще сидела и плакала, потому что ее великое горе превратило ее в камень; и все люди, когда бы они ни приближались к тому месту, говорили: "Смотрите, вот сидит леди Ниоба, которая была превращена в камень, когда Феб Аполлон убил всех ее детей, потому что она хвасталась, что никто не был так красив, как они". И долгое время спустя, когда камень состарился и покрылся мхом, люди все еще думали, что видят очертания госпожи Ниобы; ибо камень, который, когда они подошли к нему поближе, не очень походил на очертания женщины, издали казался таким, как будто Ниоба все еще сидела там, оплакивая своих прекрасных детей, которых убил Феб Аполлон.

ДАФНА.

В долине Темпе, где ручей Пенейос течет под высотами Олимпоса к морю, прекрасная Дафна провела дни своего счастливого детства. Свежая, как самое раннее утро, она взобралась на скалы, чтобы встретить первые лучи восходящего солнца; и когда он погнал своих огненных коней по небу, она смотрела, как его колесница опускается за западные горы. Она странствовала по холмам и долам, свободная и легкая, как весенний ветерок. Другие девушки вокруг нее говорили каждая о своей любви, но Дафна не желала прислушиваться к голосу мужчины, хотя многие добивались, чтобы она стала его женой.

Однажды, стоя на склонах Оссы в лучах раннего утра, она увидела перед собой великолепную фигуру. Свет только что взошедшего солнца упал на его лицо золотым сиянием, и она поняла, что это был Фебус Аполлон. Он поспешно подбежал к ней и сказал: "Я нашел тебя, Дитя Утра. Других ты отбросила, но от меня тебе не убежать. Я долго искал тебя, и теперь я сделаю тебя своей". Но сердце Дафны было смелым и сильным; ее щеки вспыхнули, а глаза сверкнули от гнева, когда она сказала: "Я не знаю ни любви, ни рабства. Я живу свободным среди ручьев и холмов; и никому не уступлю я своей свободы". Тогда лицо Аполлона потемнело от гнева, и он приблизился, чтобы схватить девушку; но быстрая, как ветер, она убежала. Над холмами и долинами, над утесами и реками ноги Дафны ступали легко, как падающие осенние листья; но все ближе подходил Феб Аполлон, пока, наконец, силы девушки не начали покидать ее. Тогда она простерла руки и воззвала о помощи к госпоже Деметре, но та не пришла ей на помощь. У нее кружилась голова, а конечности дрожали от крайней слабости, когда она приближалась к широкой реке, омывающей равнины Фессалии, пока она почти не почувствовала дыхание Феба, и ее одежда почти не оказалась в его руках. Затем с диким криком она сказала: "Отец Пенейос, прими свое дитя", - и бросилась в ручей, воды которого мягко сомкнулись над ней.

Она ушла; Аполлон оплакивал свое безумие, преследуя таким образом свободную девушку. И он сказал: "Я наказал себя своей глупостью; утренний свет исчез из дня. Я должен идти один, пока мое путешествие не подойдет к концу". Затем он произнес это слово, и на берегу, где Дафна нырнула в ручей, вырос лавр; и зеленый куст с густыми гроздьями листьев навсегда сохранил ее имя.

КИРЕНА.

Среди долин и холмов Фессалии Кирена, прекраснорукая дочь Гипсея, бродила свободно, как олень по склону горы. Из всех дев страны не было ни одной, которая могла бы соперничать с ней по красоте; не было и такой, которая могла бы сравниться с ней по силе рук и быстроте ног. Она не прикасалась ни к ткацкому станку, ни к веретену; ее не интересовали пиры с теми, кто пирует под крышами домов. Ее пиршества устраивались на зеленой траве, под раскидистым деревом; и со своим копьем и кинжалом она бесстрашно ходила среди полевых зверей или выслеживала их в их логовищах.

Однажды она бродила по извилистым берегам Пеней, когда ей на пути из чащи выскочил лев. В ее руке не было ни копья, ни кинжала, но сердце Кирены не знало страха, и она боролась с ним до тех пор, пока зверь не устало опустился к ее ногам. Она победила, но не незаметно, ибо Феб Аполлон наблюдал за девушкой, когда она сражалась с разъяренным львом; и сразу же он позвал мудрого кентавра Хирона, который учил его в дни его юности. "Выйди, - сказал он, - из своей темной пещеры и научи меня еще раз, ибо я хочу задать тебе вопрос. Взгляни на ту девушку и на зверя, который лежит избитый у ее ног; и скажи мне (ибо ты мудр), откуда она пришла и какое имя носит. Кто она такая, что бродит по этим пустынным долинам без страха и обиды? Скажи мне, можно ли добиться ее расположения и завоевать?" Тогда Хирон пристально посмотрел в лицо Фебу, и улыбка промелькнула на его лице, когда он ответил: "Есть скрытые ключи, чтобы отпереть тюрьму любви; но почему ты спрашиваешь меня об имени и расе девушки — ты, который знаешь конец всего сущего и все пути, по которым странствуют сыны человеческие? Ты сосчитал листья, распускающиеся весной, и песчинки, которые ветер бросает на берег реки или на берег моря. Но если мне необходимо сравняться с тобой в соответствующей мудрости, тогда прислушайся к моим словам. Девушка уже посваталась и завоевана; и ты собираешься перевезти ее как свою невесту через темное море и поместить в золотых чертогах далекой ливийской земли. Там у нее будет дом, богатый всеми плодами, которые могут вырасти на земле; и там родится твой сын Аристейос, на уста которого светлый Хорай прольет нектар и амброзию, чтобы он не подвергся судьбе смертных".

Тогда Фебус Аполлон улыбнулся и ответил: "По правде говоря, Хирон, ты заслуживаешь своей славы, ибо нет никого, кто мог бы сравниться с тобой в мудрости; и теперь я отправляюсь с Киреной в страну, которая будет названа ее именем, и где в грядущее время ее дети построят великие и могущественные города, и их имя разнесется по всей земле ради силы и мудрости".

Итак, дева Кирена пришла в ливийскую землю, и там родился ее сын Аристей. И Гермес отнес младенца к светлому Хораю, который даровал ему бесконечную жизнь; и он жил на широких ливийских равнинах, пас свои стада и приносил с земли богатые урожаи. Для него пчелы приносили самый сладкий мед; для него овцы давали самую мягкую шерсть; для него кукурузные поля колыхались от изобилия зерна. Никакая болезнь не коснулась винограда, за которым ухаживала его рука; никакие болезни не терзали стада, пасущиеся на его пастбищах. И те, кто жил в той земле, сказали: "Раздоры и война не приносят сынам человеческим таких даров, как эти; поэтому давайте жить в мире".

ГЕРМЕС.

Давным-давно, ранним утром, в пещере великого Килленского холма лежал новорожденный Гермес, сын Зевса и Майи. Пеленки в колыбели едва шевелились от его мягкого дыхания, в то время как он спал так же мирно, как дети смертных матерей. Но солнце еще и наполовину не проехало по небу на своей огненной колеснице, когда младенец поднялся из своей священной колыбели и вышел из темной пещеры. Перед порогом черепаха лениво щипала траву; и когда ребенок увидел ее, он весело рассмеялся. "Ах! это действительно удача, - сказал он. - Откуда ты взялась, прелестное создание, в своем ярком крапчатом панцире? Теперь ты моя, и я должен взять тебя в свою пещеру. Лучше быть в укрытии, чем на улице; и хотя от тебя может быть какая-то польза, пока ты жив, тебя утешит мысль, что ты будешь сладко петь, когда умрешь ". Тогда юный Гермес взял свое сокровище обеими руками и понес его в пещеру. Там он взял железный щуп и вырвал жизнь из черепахи; и быстро, как мысль, он просверлил отверстия в ее панцире и вставил в них тростниковые палочки. Затем поверх панциря он прикрепил кусок бычьей кожи и с помощью семи шнуров из овечьих

кишок закончил изготовление своей лиры. Вскоре он ударил по ней смычком, и в воздухе разлилась волна сладкой музыки. Подобно веселым песням юношей и дев, которыми они забавляются на деревенских пирах, звучала песня младенца Гермеса; и его глаза лукаво смеялись, когда он пел о любви Зевса и Майи и о том, что он сам был рожден от могущественной расы богов. Он все еще продолжал петь, рассказывая обо всем, что видел вокруг себя в доме нимфы, своей матери, но все это время, пока он пел, его разум размышлял о других вещах; и когда песня закончилась, он вышел из пещеры, как вор в ночи, выполняя свое коварное поручение.

Солнце спешило вниз по склону небес вместе со своей колесницей и лошадьми к медленно катящемуся потоку океана, когда Гермес прибыл к тенистым холмам Пиерии, где на своих обширных пастбищах пасся скот богов. Там он отобрал пятьдесят человек из стада и приготовился перегнать их на Килленский холм. Но перед ним лежали обширные песчаные равнины; и поэтому, чтобы следы скота не рассказали о его воровстве, он гнал животных извилистыми тропами, пока не стало казаться, что они направились к тому месту, откуда он их украл. Он хорошо позаботился о том, чтобы его не выдали собственные шаги, потому что из веток тамариска и мирта, хорошо переплетенных листьями, он наскоро смастерил сандалии и умчался из Пиерии. Его видел только один человек, очень старый мужчина, который работал на своем винограднике на солнечной равнине Ончестос. К нему быстро подошел Гермес и сказал: "Старик, у тебя будет вдоволь вина, когда все эти корни придут в форму плодов. А пока сохраняй мудрую голову на своих ссутуленных плечах и постарайся не помнить больше, чем может быть удобно".

ПЛУТОН И ЕГО ЖЕНА.

Вперед, по темным холмам, и через звучные долины, и по цветущим равнинам, спешил юный Гермес, ведя перед собой свое стадо. Ночь прибывала и убывала, и луна поднялась на свою сторожевую башню в небесах, когда в лучах раннего утра Гермес достиг берегов великого Алфейского потока. Затем он направил свое стадо пастись на травянистую равнину, а сам собрал поленья и, растерев две палочки друг о друга, разжег первое пламя, которое горело на земле, где обитают сыны человеческие. Дым поднялся к небесам, и пламя яростно затрещало под ним, когда Гермес вывел двоих из стада и, опрокинув их на спину, лишил жизни обоих. Их шкуры он разложил на твердом камне; их мясо он разрезал на двенадцать частей; и поэтому Гермес имеет право распоряжаться всеми жертвоприношениями, которые дети человеческие приносят бессмертным богам. Но он не ел ни мяса, ни жира, хотя голод мучил его; он сжег кости в огне и бросил свои сандалии из тамариска в быстрый ручей Алфей. Затем он погасил огонь и изо всех сил топтал пепел, пока на небе снова не возшла бледная луна. И он поспешил в Киллен. Ни бог, ни человек не видели его, когда он уходил, и собаки не лаяли. Ранним утром он добрался до пещеры своей матери и юркнул в замочную скважину двери тихо, как летний ветерок. Его маленькие ножки бесшумно ступали по каменному полу, пока он не добрался до своей колыбели и не лег, играя левой рукой, как

младенец, среди одежды, в то время как правой держал спрятанную под ней черепаховую лиру.

Но, каким бы хитрым он ни был, он не смог обмануть свою мать. Она подошла к его колыбели и спросила: "Куда ты блуждал темной ночью? Хитрый негодяй, зло погубит тебя. Сын Лето скоро будет здесь и унесет тебя, закованного в цепи, которые нелегко сбросить. Убирайся с глаз моих, маленький негодяй, рожденный беспокоить благословенных богов и досаждать расе людей!" Мать, - мягко сказал Гермес, - зачем ты так говоришь со мной, как будто я подобен смертным младенцам, бедному съезжившемуся созданию, которое плачет из-за небольшой взбучки? Я понимаю твой интерес и свой: почему мы должны оставаться здесь, в этой жалкой пещере, без подарков и угощения, которые могли бы развеселить наши сердца? Я не останусь. Приятнее пировать с богами, чем жить в пещере на сквозняках и свистящем ветру. Я попытаю счастья против Аполлона, ибо хочу быть ему равным; и если он не потерпит меня и если Зевс, мой отец, не поддержит мое дело, я посмотрю, что я могу сделать для себя, отправившись в святилище Пифона и похитив оттуда треножники и котлы, железные сосуды и сверкающие одежды. Если у меня нет чести на Олимпе, я, по крайней мере, могу быть принцем воров.

Тем временем, пока они разговаривали, Эос поднялась из глубокого океанского потока, и ее нежный свет залил небо, в то время как Аполлон поспешил к Ончестосу и священной роще Посейдона. Там старик работал на своем винограднике, и к нему быстро подошел Феб и сказал: "Друг хеджер, я пришел из Пиерии в поисках своих коров. Пятьдесят из них были отогнаны, а бык остался с четырьмя собаками, которые их охраняли. Скажи мне, старик, ты видел кого-нибудь с этими коровами на дороге?" Но старик сказал, что будет трудно рассказать обо всем, что ему, возможно, доведется увидеть. "Многие путешественники путешествуют по этой дороге, некоторые со злыми мыслями, некоторые с добрыми; я не могу хорошо вспомнить всех. Это только я знаю, что вчера, от восхода солнца до его захода, я копался в своем винограднике и мне кажется, но я не уверен, что видел ребенка со стадом крупного рогатого скота. Он был младенцем, и в руке у него был посох, и, когда он шел, он странно отклонялся от тропинки в обе стороны".

Тогда Феб остался, чтобы больше ничего не слышать, ибо теперь он точно знал, что зло причинил ему новорожденный сын Зевса. Окутанный пурпурным туманом, он поспешил в прекрасный Пилос и вышел на след стада. "О Зевс! - воскликнул он, - это воистину чудо! Я вижу следы крупного рогатого скота, но они помечены так, как будто крупный рогатый скот шел на луг асфodelей, а не прочь от него. От мужчины или женщины, от волка, медведя или льва я не замечаю ни единого следа. Только кое-где я замечаю следы какого-то странного чудовища, оставившего свои следы наугад по обе стороны дороги". Итак, он помчался к лесистым высотам Киллена и остановился на пороге пещеры Майи. Тотчас же младенец Гермес в страхе свернулся калачиком под одеялом колыбели, как спящий новорожденный младенец. Но, разобравшись во всем своем мастерстве, Феб внимательно осмотрел всю пещеру и открыл три тайных места, полных пищи и питья богов, а также золота, серебра и одежд; но ни в одном из них не было коровы. Наконец он сурово уставился на ребенка и сказал: "Хитрая крошка, где мои коровы? Если ты не скажешь мне, между нами начнется распря; и тогда я брошу тебя в мрачный Тартарос, в страну тьмы, откуда ни твой отец, ни твоя мать не смогут вернуть тебя обратно, и где твое царство будет только над призраками людей". "Ах!" - сказал Гермес, - "это действительно ужасные слова; но почему ты так упрекаешь меня или приходишь сюда искать коров? Я не видел их и не слышал о них, и никто мне о них не рассказывал. Я не могу сказать, где они находятся, или получить награду, если таковая была обещана, за их обнаружение. Это не моя работа; о чем мне заботиться, кроме

как о том, чтобы спать, сосать грудь, играть с пеленками в колыбели и мыться в теплой воде? Друг мой, будет гораздо лучше, если никто не услышит о такой глупой ссоре. Бессмертные боги рассмеялись бы при одной мысли о том, что маленький младенец покидает свою колыбель и бежит за коровами. Я родился только вчера. У меня мягкие ноги, а земля твердая. Но если это тебя утешит, я поклянусь головой моего отца (а это очень великая клятва), что я не совершал этого поступка и не видел, чтобы кто-то другой крал твоих коров, и что я не знаю, что такое коровы".

Говоря это, он украдкой переводил взгляд с одной стороны на другую, при этом его глаза лукаво подмигивали, и он издал протяжный тихий свистящий звук, как будто слова Феба сильно позабавили его. "Что ж, друг, - сказал Аполлон с улыбкой, - я вижу, ты вломишься во многие дома, и твои последователи последуют за тобой; и твоя страсть к говядине огорчит многих пастухов. Но слезай с колыбели, или этот сон будет твоим последним. Я могу обещать тебе только эту честь - вечно называться принцем воров". И так, без дальнейших церемоний Феб подхватил младенца на руки; но Гермес так сильно чихнул, что тот быстро уронил его, и Феб серьезно сказал ему: "Это знак того, что я найду своих коров; тогда покажи мне дорогу". В великом страхе Гермес вскочил и натянул покрывало на уши, говоря: "Жестокий бог, что ты хочешь со мной сделать? Зачем так беспокоить меня из-за коров? Я хотел бы, чтобы на всей земле не было ни одной коровы. Я их не крал и не видел, чтобы кто-нибудь крал коров, какими бы они ни были. Я не знаю ничего, кроме их имени. Но пойдем; Зевс должен разрешить спор между нами.

Таким образом, каждый со своей целью разговаривал с другим, и их умы становились все мрачнее, ибо Феб стремился только узнать, где могут быть его коровы, в то время как Гермес стремился только обмануть его. И они быстро и угрюмо двинулись дальше, младенец первым, а Феб следовал за ним, пока не достигли высот Олимпа, жилища могущественного Зевса. Там Зевс восседал на троне правосудия, и все бессмертные боги стояли вокруг него. Посреди них стояли Феб и младенец Гермес, и Зевс сказал: "Ты принес прекрасную добычу после своей сегодняшней охоты, Феб, — однодневному ребенку. Это прекрасное дело, чтобы предстать перед богами".

- Отец мой, - быстро сказал аполлон, - я должен рассказать историю, которая покажет, что я не единственный грабитель. После утомительных поисков я нашел этого младенца в пещере Киллены; и он такой вор, какого я никогда не видел ни среди богов, ни среди людей. Накануне он угнал мой скот с луга и погнал его прямо в Пилос, к берегу звучащего моря. Оставленные следы были таковы, что боги и люди могли бы восхищаться ими. Следы коров на песке были такими, как будто они шли к моим лугам, а не прочь от них; его собственные следы попросту лишены слов, как будто он шел не на своих ногах и не на руках, и как будто верхушки дубов внезапно начали ходить. Так было и на песчаной почве; и после того, как это было пройдено, вообще не осталось следов. Но один старик видел, как он вел их по дороге в Пилос. Там он на досуге запер скотину и, отправившись в пещеру своей матери, улегся в свою колыбель, как искра в куче золы, которую орел едва ли мог заметить. Когда я обвинил его в краже, он смело отрицал это и сказал мне, что не видел коров и ничего о них не слышал, и не смог бы получить вознаграждение, если бы его предложили за их возвращение".

Так закончились слова Феба, и юный Гермес поклонился Зевсу, повелителю всех богов, и сказал: "Отец Зевс, я скажу тебе правду, ибо я очень правдивое существо и не знаю, как солгать. Этим утром, когда солнце только взошло, Феб пришел в пещеру моей матери в поисках коров. Он не привел свидетелей, но силой заставил меня признаться; он угрожал сбросить меня в бездну Тартароса. И все же у него есть вся сила ранней зрелости, в то время

как я, как он знает, родился только вчера и нисколько не похож на угонщика скота. Поверь мне (ради твоей любви ко мне, твое дитя), что я не приводил этих коров домой и не переступал порога моей матери. Это строгая правда. Нет, клянусь Гелиосом и другими богами, я люблю тебя и уважаю Феба. Ты знаешь, что я невиновен, и, если хочешь, я тоже поклянусь в этом. Но, несмотря на всю его силу, когда-нибудь я отомщу Фебу за его недоброжелательность, а потом помогу тебе, более слабому".

Так говорил Гермес, моргая глазами и придерживая одежду на плечах; и Зевс громко рассмеялся над коварством младенца и предложил Фебу и ребенку подружиться. Затем он склонил голову и приказал Гермесу показать место, где он спрятал скот, и ребенок повиновался, ибо никто не может пренебречь этим знаком и остаться в живых. Они поспешили в Пилос и к широкому потоку Алфей, и из загона Гермес выгнал скот. Но когда он отошел в сторону, Аполлон увидел шкуры, разбросанные по камню, и спросил Гермеса: "Как ты смог, хитрый плут, содрать кожу с двух коров, ты ребенок всего одного дня от роду? Я боюсь твоей мощи в грядущее время, и я не могу оставить тебя в живых". Он снова схватил ребенка и крепко связал его ивовыми лентами; но ребенок сорвал их со своего тела, как лен, так что Феб очень удивился. Напрасно Гермес искал место, где бы спрятаться, и великий страх охватил его, пока он не вспомнил о своей черепаховой лире. Своим смычком он коснулся струн, и волна песни разлилась по воздуху, более полная и сладостная, чем когда-либо. Он пел о бессмертных богах и темной земле, о том, как она была сотворена вначале, и как каждому из богов была отведена своя доля, пока сердце Аполлона не наполнилось могучей тоской, и он обратился к Гермесу и сказал: "Похититель скота, коварный разбойник, твоя песня стоит пятидесяти голов крупного рогатого скота. Постепенно мы уладим нашу вражду. А пока скажи мне, этот чудесный дар пения был рожден вместе с тобой, или ты получил его в дар от какого-нибудь бога или смертного человека? Никогда на Олимпе, от тех, кто не может умереть, я не слышал таких напевов, как эти. Те, кто слышат тебя, могут получить все, что пожелают, будь то веселье, или любовь, или сон. Велика твоя сила, и велика будет твоя слава, и своим кизильным посохом я клянусь, что не встану на пути твоей чести и ни в коем случае не обману тебя".

Тогда Гермес сказал: "Я не завидую тебе за мое мастерство, сын Лето, ибо я ищу лишь твоей дружбы. И все же дары Зевса тебе велики. Ты знаешь его мысли, ты можешь провозгласить его волю и открыть то, что припасено в грядущем времени для бессмертных богов или смертных людей. Я бы очень хотел обладать этим знанием. Но моя способность петь в этот день будет твоей. Возьми мою лиру, утешительницу усталых, милую спутницу в часы печали или пиршества. Для тех, кто хорошо владеет его языком, он может мило беседовать обо всех вещах и отгонять все мысли, которые раздражают, и заботы, которые терзают душу. Тем, кто прикоснется к нему, не зная, как произнести свою речь, он будет лепетать странную бессмыслицу и бредить с неуверенными стонами. Но твое знание рождено вместе с тобой, и поэтому моя лира - твоя. А потому сейчас давай вместе пасти стада, и с нашей заботой они будут процветать и множиться. Больше нет причин для гнева".

С этими словами младенец протянул лиру, и Феб Аполлон взял ее. В свою очередь, он дал ребенку Гермесу сверкающий бич, чтобы тот управлял его стадами. Затем, коснувшись струн лиры, он наполнил воздух сладкой музыкой, и они оба отправились на Олимп, и Зевс в глубине души обрадовался, увидев, что гнев Аполлона миновал. Но Феб все еще страшился коварства Гермеса и сказал: "Я очень боюсь, дитя Майи, что в свое время ты можешь украсть и мою арфу, и мой лук и лишить меня чести среди людей. Приди же и поклянись мне темной водой Стикса, что ты никогда не причинишь мне зла. Тогда Гермес склонил голову и поклялся никогда ничего не красть у Аполлона и никогда не прикасаться к его святыне; а Феб

покаялся, что из всех бессмертных богов не будет ни одного, который был бы ему так дорог, как Гермес. "И в этой любви, - сказал он, - я дам тебе залог. Мой золотой жезл будет охранять тебя и научит всему, что Зевс может сказать мне о добрых или дурных поступках богов или людей. Но высшее знание, о котором ты молился, возможно, не принадлежит тебе; ибо оно скрыто в разуме Зевса, и я дал великую клятву, что никто не узнает его от меня. Но человека, который приходит ко мне с истинными знамениями, я никогда не обману; а тот, кто доверяется ложным предзнаменованиям, а затем приходит расспрашивать в мое святилище, получит ответ в соответствии со своей глупостью, но его подношение войдет в мою сокровищницу. Еще дальше, сын Майи, в расселинах Парнаса, далеко отсюда, обитает крылатый Трий, который давным-давно научил меня тайнам грядущих времен. Тогда ступай к трем сестрам и таким образом испытай их. Если они отведают медовых сот, прежде чем заговорить, они ответят тебе правдиво; но если им не хватает сладкой пищи богов, они будут пытаться ввести в заблуждение тех, кто приходит к ним. Их я даю тебе в советники; только следуй за ними осторожно; и владей ты над всеми стадами и стадами и над всеми живыми существами, которые пасутся на обширной земле; и будь ты проводником, который поведет души смертных людей в темное царство Аида".

Так была обеспечена любовь Аполлона к Гермесу; и Гермес занял свое место среди всех бессмертных богов и умирающих людей. Тем не менее, сыны человеческие не имеют от него большой выгоды, ибо всю ночь напролет он досаждал им своими коварными уловками.

СКОРБЬ ДЕМЕТРЫ.

На полях Энны, на счастливом острове Сицилия, прекрасная Персефона играла с девочками, которые жили там вместе с ней. Она была дочерью владычицы Деметры, и все любили их обеих, потому что Деметра была доброй ко всем, и никто не мог быть более нежным и веселым, чем Персефона. Она и ее спутники собирали в поле цветы, чтобы сделать короны для своих длинных распущенных волос. Они нарвали много роз, лилий и гиацинтов, которые гроздьями росли вокруг них, когда Персефоне показалось, что она увидела Вдалеке великолепный цветок; и она побежала так быстро, как только могла, чтобы сорвать его. Это был прекрасный нарцисс с сотней головок, росших на одном стебле; и благоухание, исходившее от его цветов, радовало обширные небеса над головой, землю и море вокруг. Персефона нетерпеливо протянула руку, чтобы взять этот великолепный приз, как вдруг земля разверзлась, и перед ней предстала колесница, запряженная четверкой угольно-черных лошадей; а в колеснице был человек с темным и серьезным лицом, которое выглядело так, словно он никогда не умел улыбаться и никогда не был счастлив. Через мгновение он вышел из своей колесницы, обхватил Персефону за талию и посадил ее на сиденье рядом с собой. Затем он тронул лошадей кнутом, и они втащили колесницу в огромную пропасть, и земля снова сомкнулась над ними.

Вскоре девочки, игравшие с Персефой, подошли к тому месту, где рос прекрасный нарцисс; но они нигде не могли ее увидеть. И они сказали: "Вот тот самый цветок, который она побежала срывать, и здесь нет места, где она могла бы спрятаться". Еще долго искали они по полям Энны; и когда наступил вечер, они отправились домой, чтобы сказать госпоже Деметре, что не могут сказать, что стало с Персефой.

Очень ужасно было горе Деметры, когда ей сказали, что ее ребенок потерян. Она накинула на плечи темную мантию, взяла в руку горящий факел и отправилась по суше и морю искать Персефону. Но никто не мог сказать ей, куда она пропала. По прошествии десяти дней она встретила Гекату и спросила ее о ее ребенке; но Геката сказала: "Я слышала ее голос, когда она вскрикнула, когда кто-то схватил ее; но я не видела этого своими глазами, и поэтому я не

знаю, куда она ушла". Затем она отправилась к Гелиосу и сказала ему: "О Гелиос, расскажи мне о моем ребенке. Ты видишь все на земле, сидя под ярким солнцем". Тогда Гелиос сказал Деметре: "Я сочувствую тебе в твоём великом горе, и я скажу тебе правду. Это Аид забрал Персефону, чтобы она стала его женой в темной и мрачной стране, которая лежит под землей".

ЦЕРЕРА. (или Деметра, из настенной росписи Помпеи)

Тогда гнев Деметры был страшнее, чем ее горе; и она не захотела оставаться во дворце Зевса на великом фессалийском холме, потому что именно Зевс позволил Аиду забрать Персефону. Итак, она спустилась с Олимposa и долго блуждала, пока не добралась до Элевсина, как раз когда солнце садилось в свою золотую чашу за темно-синими холмами. Там Деметра присела рядом с фонтаном, где вода журчала на зеленом дерне и падала в прозрачный бассейн, над которым раскинули свои ветви несколько темных оливковых деревьев. Как раз в этот момент дочери Келеоса, царя Элевсина, подошли к источнику с кувшинами на головах, чтобы набрать воды; и когда они увидели Деметру, они поняли по ее лицу, что у нее, должно быть, какое-то большое горе; и они ласково заговорили с ней и спросили, могут ли они сделать что-нибудь, чтобы помочь ей. Затем она рассказала им, как потеряла своего ребенка и ищет его; и они сказали: "Возвращайся домой и живи с нами; и наши отец и мать дадут тебе все, что ты можешь пожелать, и сделают все, что в их силах, чтобы облегчить твою печаль". Итак, Деметра спустилась в дом Келеос и пробыла там целый год. И все это время, хотя дочери Келеос были очень нежны и добры к ней, она продолжала оплакивать Персефону. Она никогда не смеялась и не улыбалась и почти ни с кем не разговаривала из-за своего великого горя. И даже земля и все, что растет на земле, оплакивало горе, постигшее Деметру. На деревьях не было плодов, на полях не взошла кукуруза, в садах не распустились цветы. И Зевс посмотрел вниз со своего высокого фессалийского холма и увидел, что все должно погибнуть, если он не сможет успокоить горе и гнев Деметры. Поэтому он послал Гермеса к Аиду, темному и суровому царю, с просьбой отправить Персефону к ее матери Деметре. Но прежде чем Аид отпустил ее, он дал ей съесть гранат,

потому что он не хотел, чтобы она всегда оставалась вдали от него, и он знал, что она должна вернуться, если попробует хотя бы одно из его гранатовых зернышек. Затем огромная колесница была подведена к воротам дворца, и Гермес тронул кнутом угольно-черных коней, и они понеслись прочь быстро, как ветер, пока не приблизились к Элевсину. Затем Гермес оставил Персефону, и угольно-черные кони снова увезли колесницу в мрачный дом царя Гадеса.

Солнце садилось в небе, когда Гермес покинул Персефону, и когда она подошла к фонтану, то увидела сидящего возле него человека в длинном черном одеянии, и она поняла, что это, должно быть, ее мать, которая все еще плакала и оплакивала свое дитя. И когда Деметра услышала шелест своего платья, она подняла лицо, и перед ней предстала Персефона.

Тогда радость Деметры, когда она прижала свою дочь к груди, была больше, чем ее горе. Снова и снова она держала Персефону в своих объятиях и расспрашивала ее обо всем, что с ней случилось. И она сказала: "Теперь, когда ты вернулась ко мне, я никогда больше не позволю тебе уйти; у Гадеса не будет моего ребенка, чтобы жить с ним в его унылом царстве", Но Персефона сказала: "Возможно, это не так, мать моя; я не могу оставаться с тобой всегда; потому что перед тем, как Гермес увел меня к тебе, Гадес дал мне гранат, и я съела несколько зернышек; и, попробовав зернышко, я должна вернуться к нему снова, когда пройдет шесть месяцев. И, действительно, я не боюсь идти, потому что, хотя Аид никогда не улыбается и не смеется, и все в его дворце темно и мрачно, все же он очень добр ко мне, и я думаю, что он чувствует себя почти счастливым с тех пор, как я стала его женой. Но не сожалею, мама моя, ибо он обещал позволять мне приезжать и оставаться с тобой шесть месяцев в году, а остальные шесть месяцев я должна проводить с ним в стране, которая лежит под землей".

Итак, Деметра утешилась за свою дочь Персефону, и земля и все, что на ней росло, почувствовали, что ее гнев и печаль прошли. Деревья снова принесли свои плоды, цветы распустили свои сладкие соцветия в саду, и золотая кукуруза колыхалась, как море, под легким летним бризом. Так счастливо прошли шесть месяцев, а затем пришел Гермес на своих угольно-черных конях, чтобы увезти Персефону в темную страну. И она сказала своей матери: "Не плачь много; мрачный король, женой которого я являюсь, так добр ко мне, что я не могу быть по-настоящему несчастна, и еще через шесть месяцев он позволит мне снова прийти к тебе". Но все же, всякий раз, когда Персефоне приходило время возвращаться в Аид, Деметра вспоминала о счастливых днях, когда ее дитя было веселой девочкой, игравшей со своими товарищами и собиравшей яркие цветы на прекрасных равнинах Энны.

СОН ЭНДИМИОНА.

ЮНОНА (или Здесь).

Одним прекрасным вечером, когда солнце клонилось к Западу, Селена бродила по берегам реки Меандр; и она подумала, что из всех мест, которые она когда-либо видела, нет более прекрасного, чем тихая долина, по которой течет эта ласковая река. По правую руку от нее возвышался холм, склоны которого были покрыты деревьями и цветами, виноградная лоза обвивала вяз, и пурпурные гроздья просвечивали среди темной листвы. Затем Селена попросила проходивших мимо людей назвать ей название холма, и они ответили ей, что он называется холм Латмос. Она шла все дальше, под высокими деревьями, ветви которых колыхались над ней в ясном вечернем свете, пока, наконец, не добралась до вершины и не посмотрела вниз на раскинувшуюся под ней долину. Тогда Селена действительно была поражена, потому что никогда раньше не видела ничего более прекрасного, даже во сне. Ей казалось, что ничего не может быть прекраснее долины Меандра, а теперь она увидела нечто гораздо более прекрасное, чем скалы и камешки и прозрачную воду этой извилистой реки. Это была небольшая долина, на дне которой серебрилось озеро в лучах заходящего солнца. Со всех сторон его пологие берега покрывали красивые деревья, а их длинные ветви свисали над водой. Ни малейшее дуновение ветра не шевелило темную листву, ни одна птица не летала в воздухе. Только большая зеленая стрекоза лениво плавала по озеру, а лебедь в полудреме лежал на серебристых водах. С одной стороны, в самом красивом уголке долины, стоял мраморный храм, колонны которого сияли, как белый снег; и к озеру вели мраморные ступени, над которыми раскинули свои ветви пальмы, и повсюду были гроздья всевозможных прекрасных цветов, среди которых переплетались мхи, папоротники и зеленый плющ. Там были белый нарцисс и фиолетовый тюльпан, темный гиацинт и нежно-красная роза. Но прекраснее всех деревьев и цветов был человек, спящий на мраморных ступенях храма. Это был Эндимион, который жил в этой тихой долине, где никогда не бушевали бури и где темные дождевые тучи никогда не закрывали склоны горы. Там он лежал в тихий вечерний час, и сначала Селене показалось, что она видит едва ли живого человека, потому что он лежал так неподвижно, словно сам был сделан из мрамора. И когда Селена посмотрела на него, у нее перехватило дыхание от изумления; и она осторожно спустилась в долину, пока не подошла к ступенькам, где спал Эндимион. Вскоре солнце скрылось за холмом, и насыщенное вечернее сияние заставило серебристое озеро заблестеть, как золото; Эндимион проснулся и увидел Селену, стоящую рядом с ним. Тогда

Селена сказала: "Я странствую по земле; и я не могу оставаться здесь. Пойдем, и я покажу тебе озера побольше и долины славнее этих". Но Эндимион сказал: "Леди, я не могу пойти. Там могут быть озера побольше и долины прекраснее, чем это, но я люблю это тихое место, где никогда не налетают бури, а небо никогда не бывает черным от туч. Ты не должен просить меня покинуть прохладную тень этих спящих деревьев, мирты и розы, вьющиеся под высокими вязами, и эти воды, где лебеди отдыхают в жаркие часы дня, а стрекоза расправляет свои зеленые и золотые крылья навстречу солнцу".

Много раз Селена просила его, но Эндимион не хотел покидать свой уютный дом; и наконец она сказала: "Я больше не могу оставаться, но если ты не пойдешь со мной, то уснешь на этих мраморных ступенях и никогда больше не проснешься". Итак, Селена оставила его, и вскоре Эндимион погрузился в глубокий сон, руки его упали вдоль тела, и он неподвижно лежал на ступенях храма, в то время как вечерний ветерок начал мягко шевелить широкие листья пальм и лилии, склонившие свои головки над спокойной водой. Там он пролежал всю тихую и счастливую ночь; и там он пролежал, когда солнце поднялось из-за моря и взошло на своих огненных конях в небо. Теперь в этой прекрасной долине было какое-то очарование, которое делало бриз более нежным, а озеро более спокойным, чем когда-либо. Зеленые стрекозы лениво парили в воздухе рядом с Эндимионом, но он так и не открыл глаз; и лебеди смотрели с озера, не прилетит ли он покормить их; но он не пошевелился в своем глубоком сне без сновидений. Там он лежал день и ночь, неделями, месяцами и годами; и много раз, когда солнце садилось за море, Селена приходила и стояла на Латмийском холме и смотрела, как Эндимион спит на мраморных ступенях под поникшими пальмами; и она говорила: "Я наказала его за то, что он не хотел покидать свой дом; и Эндимион вечно спит в земле Латмос".

ФАЭТОН.

В золотом доме, который Гефест сотворил для него с удивительным мастерством, Гелиос не видел никого прекраснее своего сына Фаэтона; и он сказал своей матери Климене, что ни одно смертное дитя не может сравниться с ним по красоте. И Фаэтон услышал эти слова, и сердце его наполнилось злобной гордыней. Итак, он предстал перед тронем Гелиоса и сказал: "О отец, пребывающий в ослепительном свете, они говорят, что я твое дитя; но как я узнаю это, пока живу в твоём доме без имени и славы? Дай мне знак, чтобы люди узнали, что я твой сын". Тогда Гелиос велел ему говорить и поклясться исполнить его молитву; и Фаэтон сказал: "Я буду вести твою колесницу в течение одного дня по высокому небу; прикажи Хораи приготовить для меня лошадей, когда Эос распространит свой дрожащий свет в небе". Но сердце Гелиоса наполнилось страхом, и он со слезами умолял своего сына взять свои слова обратно. "О Фаэтон, светлое дитя Климены, при всей твоей красоте ты все еще смертный; а кони Гелиоса не повинуются земному хозяину". Но Фаэтон не обратил внимания на его слова и поспешил прочь, к жилищу хораев, которые охраняют огненных коней. "Приготовь для меня, - сказал он, - колесницу Гелиоса, ибо в этот день я путешествую по высокому небу вместо моего отца".

Светловолосая Эос распространяла свой слабый свет в бледном небе, и Лампетия гнала скот Гелиоса на их яркие пастбища, когда Хорай вывел своих лошадей и запряг их в огненную колесницу. Нетерпеливой рукой Фаэтон схватил поводья, и лошади понеслись к вершинам голубого неба, пока сердце Фаэтона не наполнилось страхом, а поводья не задрожали в его руках. Все более и более бешено мчались кони, пока, наконец, не свернули с тропы, ведущей в страну Гесперий. Они сошли со своего пути и приблизились к широким земным равнинам. Все яростнее и яростнее вспыхивало обжигающее пламя; деревья склоняли свои увядшие головки; зеленая трава пожухла на склонах холмов; реки вышли из своих илистых русел, и

черные клубы дыма и огня поднимались из скрытых глубин могучих холмов. Тогда в каждой стране сыны человеческие лежали, умирая, на выжженной и зияющей земле. Они смотрели на желтое небо, но облаков не было; они искали реки и фонтаны, но вода не блестела на их бурлящих руслах; и молодые и старые, все легли в безумии сердец, чтобы уснуть сном смерти.

Так мчались кони Гелиоса в своих огненных странствиях, и Зевс посмотрел вниз со своего фессалийского холма и увидел, что все живое на земле обречено на гибель, если Фаэтон не будет сброшен с колесницы его отца. Тогда могучие раскаты грома пробудились в раскаленном небе, которое оплакивало умершие облака; и потоки молний обрушились на Фаэтона и унесли его с пылающих небес далеко вниз, под воды зеленого моря.

Но его сестры горько плакали о смерти блистательного Фаэтона, и дочери Геспероса построили его гробницу на берегу моря, чтобы все люди могли помнить имя сына Гелиоса и говорить: "Фаэтон упал с колесницы своего отца, но он не утратил своей славы, ибо сердце его было устремлено к великим делам".

БРИАРЕОС.

В залах Олимпа царила борьба, ибо Зевс победил древних богов и воссел на трон своего отца Кроноса. В руке он держал молнии; молния дремала у его ног, и вокруг него все боги трепетали перед величием его могущества. Ибо он возлагал на всех трудные задачи, говорил суровые слова и думал сурово править богами, обитающими на земле и в широком море. Весь день Гермес трудился по утомительным поручениям, исполняя его волю; ибо Зевс стремился сокрушить всех одинаково и не помнил того времени, когда он тоже был слаб и бессильен.

ДИАНА (или Артемида).

Затем послышался тайный шепот, когда боги земли и моря совещались друг с другом; и Посейдон, владыка темных вод, заговорил в яростном гневе и сказал: "Послушайте меня,

Здесь и Афины, и давайте восстанем против Зевса и научим его, что он не властен над всеми. Посмотри, как он ведет себя в своем новом величии — как он не думает о помощи, которую мы оказали ему в войне с его отцом Кроносом - как он сразил даже самых могущественных своих друзей. Ибо Прометей, давший огонь смертным людям и спасший их от жгучего холода и гложущего голода, лежит прикованный на скалах Кавказа; и если он не постесняется связать Титана, смотри, чтобы он не поразил и тебя в своем гневе, о здешняя госпожа". И Афина сказала: "Мудрость Зевса покинула его, и все его деяния совершаются теперь хитростью и ложью; давайте крепко свяжем его, чтобы все небо и земля не наполнились раздорами и войной". Поэтому они дали обет, что больше не будут терпеть тиранию Зевса; и Гефест по их приказу выковал крепкие цепи, чтобы накинуть их на себя, когда сон отяжелит его веки.

Но Фетида услышала слова Посейдона и Афины, когда она сидела под водой в своей коралловой пещере, и она поднялась, как белый туман из моря, и преклонила колени перед трон Зевса. Тогда она обхватила руками его колени и сказала: "О Зевс, боги трепещут перед твоим могуществом, но им не нравятся твои жестокие слова, и они говорят, что твоя мудрость покинула тебя, и что ты все делаешь хитростью и ложью. Послушай меня, о Зевс, ибо Гефест выковал цепь и здешнюю владычицу, и Посейдон, владыка морей, и непорочная Афина поклялись крепко связать тебя, когда сон отяжелит твои глаза. Поэтому позволь мне уйти, чтобы я мог привести Бриарея на помощь тебе с его сотней рук, и когда он сядет рядом с тобой, тогда тебе больше не нужно будет бояться гнева Здесь и Посейдона. И когда опасность минует, тогда, о Зевс, помни, что ты должен править мягко и справедливо, ибо не устоит та сила, которая сражается с правдой и любовью; и не забывай тех, кто помогает тебе, и не вознаграждай их, как ты наградил Прометея на Кавказских скалах, ибо, возможно, со временем я смогу попросить у тебя милости для Ахиллея, моего дитя, который живет сейчас в доме своего отца Пелея; и когда этот час настанет, тогда вспомни, как в прошлом я спас тебя от врага. цепи Гефеста".

Тогда Зевс заговорил мягко и сказал: "Поспеши, Фетида, и приведи сюда могущественного Бриарея, чтобы он мог охранять меня своими сотнями рук, и не бойся слов, которые ты произнесла, ибо Зевс не откажется от доброго совета, и боги больше не возненавидят меня за жестокие и недобрые слова".

Так из глубин самой сокровенной земли Фетида призвала Бриарея на помощь Зевсу, и вскоре его гигантская фигура была замечена в зале Олимпа; и боги затрепетали, когда он сел рядом с Зевсом, ликуя величием своей силы. И Зевс заговорил и сказал: "Внемлите мне, о здешняя госпожа, и Посейдону, и Афине. Я знаю ваши советы и то, как вы намеревались связать меня за мои злые дела; но не бойтесь. Только выполняй мои приказания в свое время, и у тебя больше не будет причин говорить, что Зевс - суровый и безжалостный повелитель".

ДИОНИС.

В темной стране под землей, где бродят призраки людей, лежала Семела, дочь Кадмоса, в то время как ее сын Дионис рос полным сил и красоты на цветущей равнине Орхоменос. Но гнев здешней леди по-прежнему пылал одинаково против матери и ребенка. Не испытывала она жалости к беспомощной девушке, убитой огненной молнией Зевса; и вот в темнице Гадеса Семела оплакивала утраченную любовь, ожидая, когда ее дитя поведет ее на пир богов. Но для него здешние хитрости предвещали долгий труд и тяжкую опасность. На суше и на море с ним приключались странные вещи, но от всех опасностей его спасла

собственная сильная рука и любовь Зевса, его отца. Так по всей стране люди говорили о его красоте и силе и говорили, что он достоин быть сыном девушки, осмелившейся взглянуть на величие Зевса. Наконец дни его юности подошли к концу, и великое желание побродить по земле и увидеть города и обычаи людей наполнило его сердце. Итак, из Орхомена Дионис отправился на берег моря и встал на выступающей скале, чтобы полюбоваться бурлящими водами. Радостная музыка волн коснулась его слуха и наполнила душу дикой радостью. Его темные локоны великолепно струились по плечам, а пурпурная мантия шелестела на мягком летнем ветерке. Перед ним на голубых водах весело танцевали в искрящемся солнечном свете корабли, спешащие от берега к берегу по делам войны и мира. Вскоре к берегу приблизился корабль. Ее белый парус был поспешно спущен на палубу, и пятеро членов команды выпрыгнули наружу и нырнули сквозь морскую пену к берегу, недалеко от скалы, на которой стоял Дионис. "Пойдем с нами", - сказали они грубыми голосами, схватив его своими мускулистыми руками. "Не каждый день тирренским морякам попадают такие юноши, как ты". С грубыми шутками они затащили его на корабль и там приготовились связать. "Он храбрый юноша и красив, - говорили они. - У нас не будет недостатка в покупателях, когда мы выставим наши товары на продажу". Итак, вокруг его конечностей они обвязали крепкие веревки, но они упали с него, как осенью опадают увядшие листья с деревьев, и беспечная улыбка заиграла на его лице, когда он сел и спокойно посмотрел на стоявших перед ним разбойников. Затем внезапно послышался голос рулевого, который кричал: "Глупцы, что вы делаете? Гнев Зевса торопит вас навстречу вашей гибели. Этот юноша не принадлежит к расе смертных; и кто может сказать, кто из бессмертных богов облекся в этот прекрасный облик? Отправь его немедленно с миром с корабля, если ты не боишься смертельного шторма, когда мы будем пересекать открытое море. Команда громко рассмеялась, а их начальник насмешливо ответил: "Следи за ветром, мудрый рулевой, и поднимай парус по ветру. Это больше твоя задача, чем заниматься нашими делами. Не бойся за мальчика. Пути ивняка были слабыми; неудивительно, что он стряхнул их. Он отправится с нами, и прежде чем мы достигнем Египта, Кипра или земли гиперборейцев, несомненно, он назовет нам свое имя и имя своих отца и матери. Не бойся, мы нашли дар божий".

Итак, парус был поднят на мачту, и он гордо раздувался на ветру, когда корабль мчался по вздымающимся волнам. И все же солнце ярко освещало воду, а мягкие белые облака лениво плыли по небесам, когда могущественный Дионис начал являть знамения и чудеса схватившим его разбойникам. По палубе струился поток пурпурного вина, и воздух наполнял аромат, подобный райскому пиршеству. По мачтам и реям карабкались гроздья винограда, и с ветвей свисали темные гроздья винограда. Плющ спутанными клубками обвивал снасти, и яркие гирлянды сверкали, как усыпанные драгоценными камнями короны, на каждом стержне весла. Тогда великий ужас охватил всех, когда они закричали старому рулевому: "Скорее поворачивай корабль к берегу; здесь для нас нет надежды". Но за этим последовало еще более сильное чудо. Громкий рев разорвал воздух, и перед ними предстал рыжевато-коричневый лев, а рядом с ним мрачный медведь гризли. Съежившись, как жалкие рабы, тирренцы столпились на корме и сгруппировались вокруг доброго рулевого. Тогда лев прыгнул и схватил вождя, и люди в агонии перепрыгнули через борт корабля. Но сила Диониса все еще преследовала их; и перемена произошла в их телах, когда они услышали голос, который сказал: "В облике дельфинов вы будете бродить по морю в течение многих поколений. Ни днем, ни ночью у вас не будет покоя, пока вы будете спасаться от хищных акул, которые будут преследовать вас по морям".

Но перед старым кормчим снова стоял Дионис, молодой и прекрасный, во всем великолепии неувядающей красоты. Его темные локоны снова мягко рассыпались по плечам, а пурпурная мантия мягко шелестела на ветру. "Не бойся, - сказал он, - добрый и верный друг, потому что

ты помог тому, кто произошел от бессмертной расы богов. Я - Дионис, дитя Зевса, повелитель кубков с вином и веселья. Ты был рядом со мной в час опасности; а потому моя сила защитит тебя от насилия злых людей и утешит тебя в глубокой старости, пока твои глаза не закроются смертным сном и ты не отправишься дальше, чтобы жить среди храбрых героев и добрых людей на асфodelьных лугах Элизима "

Затем по велению Диониса налетел северный ветер и унес корабль в Египет, где царем был Протей. Так начались долгие странствия сына Семелы по областям эфиопов и индийцев навстречу восходу солнца. Куда бы он ни пошел, женщины страны собирались вокруг него с дикими криками и песнями, и он показывал им свои тайные дела, жестоко наказывая всех, кто пренебрегал законами, которые он установил. Итак, по его слову Ликург, эдонийский вождь, был убит своим народом, и никто больше не осмеливался выступить против Диониса, пока он не вернулся в город, где Семела, его мать, была поражена молниями Зевса.

ПЕНФЕЙ.

В течение многих лет Дионис скитался далеко от страны своего рождения; и куда бы он ни приходил, он учил жителей страны поклоняться ему как богу и показывал им странные обряды. Он странствовал далеко, в тех краях, где Ганг впадает своим могучим потоком в Индийское море и куда Нил каждый год приносит богатые дары с южных гор. И во всех землях, в которые он приходил, он заставлял женщин собираться вокруг него и чтить его дикими криками и воплями и чудесными обычаями, каких они никогда прежде не знали. По мере того как он продвигался вперед, лицо страны менялось. Женщины сбивались в группы вдали от глаз мужчин и высоко на бесплодных холмах или внизу, в узких долинах, дикими движениями и яростными криками воздавали почести Дионису, повелителю чаш с вином и пиршества. Наконец, пройдя через фракийское нагорье и мягкие равнины Фессалии, Дионис вернулся в Фивы, где он родился среди раскатов грома и сверкания огненных молний. Кадмос, царь, построивший город, теперь был стар и слаб, и он сделал Пенфея, ребенка своей дочери Агавы, царем вместо себя. Поэтому Пенфей стремился хорошо управлять народом, как это делал его отец Кадмос, и обучать их старым законам, чтобы они могли быть спокойными в мирные дни и организованными и храбрыми на войне.

ВУЛКАН (или Гефест).

Таким образом, было так, что, когда Дионис приблизился к Фивам и приказал всему народу соблюдать новые обряды, которым он пытался их научить, это опечалило Пенфея до глубины

души; и когда он увидел, что женщины, казалось, охвачены безумием и что они группами уходят в пустынные места, где скрываются много дней и ночей, вдали от людских глаз, он оплакивал зло, которое его родственник, Дионис, навлекал на эту землю. Поэтому царь Пенфей издал закон, согласно которому никто не должен следовать этим новым обычаям и что женщины должны спокойно заниматься своей работой в своих домах. Но когда они услышали это, все они были полны ярости, ибо Дионис обманул их своими предательскими словами, и даже сам Кадмос, в своей слабости и старости, был введен ими в заблуждение. Толпами они толпились вокруг дома Пенфея, поднимая громкие крики в честь Диониса и умоляя его следовать новым путем, но он не слушал их.

Так продолжалось много дней; и когда весь город был потрясен безумием нового культа, Пенфей подумал, что он своими глазами увидит странные обряды, с помощью которых женщины в своих тайных убежищах воздавали почести Дионису. И он тайно отправился в какие-то скрытые долины, куда, как он знал, ушли женщины; но Дионис увидел его и возложил на него свои руки, и тотчас же разум самого царя Пенфея помрачился, и безумие верующих овладело им тоже. Тогда в своем безумии он взобрался на высокую сосну, чтобы посмотреть, что делают женщины во время своего веселья; но внезапно одна из них увидела его, и они дико завизжали и в ярости вырвали дерево с корнем. Единодушно они схватили Пенфея и разорвали его на куски; и его собственная мать, Агава, была одной из первых, кто поднял руки на своего сына. Так Дионис, бог вина, восторжествовал; и таким образом в эллинской стране утвердился новый культ.

ASKLEPIOS.

На берегу озера Бойбейс златокудрий Аполлон увидел и полюбил Корониду, прекрасную дочь Флегия. Много раз они бродили под раскидистыми вязами, пока капли росы сверкали на листьях, как драгоценные камни, или сидели под беседками из плюща, когда вечерний свет угасал с неба и голубая пелена тумана опускалась на спящие холмы. Но наконец настал день, когда Аполлон должен был отправиться в западную страну, и когда он держал Коронис в своих объятиях, его голос мягко и печально прозвучал ей на ухо. "Я ухожу, - сказал он, - в страну, которая очень далека, но я обязательно вернусь. Твоя любовь для меня дороже всего на свете, Коронис. Пусть его цветок не увядает, но сохраняй его свежим и чистым, как сейчас, пока я снова не приду к тебе. Танцующие Хораи быстро пролетают мимо, Коронис, и когда они приблизят день, когда я смогу снова заключить тебя в свои объятия, может случиться, я застану тебя гордо смотрящим на дитя нашей любви.

Он ушел, и Коронису показалось, что солнце перестало светить на небесах. В течение многих дней ей не хотелось бродить по извилистому берегу при свете раннего утра или отдыхать в миртовых беседках, когда вечерний румянец исчезал с неба. Ее мысли вернулись к давно минувшим дням, когда златовласый Аполлон радовал ее музыкой своего голоса. Но, наконец, чужеземец пришел в страну Бойбеев и поселился в доме Флегия, и очарование его великолепной красоты пало на Корониду и затмило любовь, которую она питала к Аполлону, который был далеко. И снова для нее на небесах ярко засияло солнце, и птицы наполнили воздух радостной музыкой, но весть быстро разнеслась по стране, и Аполлон услышал дурные вести, возвращаясь со своей сестрой Артемидой в дом Флегия. Выражение печали, которое невозможно передать словами, промелькнуло на его прекрасном лице; но Артемида протянула руку к сверкающему солнцу и поклялась, что девушка пожалеет о своем непостоянстве. Вскоре на берегу озера Бойбейс лежала Коронис, сраженная копьем, которое, возможно, никогда не промахнется мимо цели, а ее ребенок, Асклепий, лежал беспомощным младенцем рядом с ней. Затем послышался голос Аполлона, говорящий: "Не убивай ребенка вместе с матерью, он рожден для великих дел, но отнеси его мудрому

кентавру Хирону и прикажи ему обучить мальчика всей его мудрости и научить его совершать отважные поступки, чтобы люди могли прославлять его имя в грядущих поколениях".

Так в глубоких долинах Пелиона дитя Асклепий достиг зрелости под руководством мудрого и доброго Хирона. Во всей стране не было никого, кто мог бы соперничать с ним в силе тела; но люди еще больше дивились его мудрости, которая превосходила мудрость сынов человеческих, ибо он познал силу каждой травы и листа, способную унять муки болезни и вернуть здоровье истощенному телу. День ото дня слава о его деяниях все шире распространялась по стране, так что все больные спешили к Асклепию и просили его о помощи. Но вскоре разнесся слух, что он победил силу смерти и что Афина, могущественная дочь Зевса, научила Асклепия воскрешать мертвых из темного царства Аида. Затем, когда число тех, кого он привел из мрачной стигийской земли, все больше и больше увеличивалось, Гадес в горячем гнев отправился на Олимп и произнес горькие слова против сына Корониса, так что сердце Зевса наполнилось великим страхом, как бы дети человеческие не были избавлены от смерти и не бросили вызов могуществу богов. Тогда Зевс склонил голову, и с небес сверкнули молнии, а Асклепий был сражен сокрушительной молнией.

Могучим и ужасным было горе, которое всколыхнуло душу златовласого Аполлона, когда был убит его сын. Солнце тускло светило с небес; птицы замолчали в темных рощах; деревья склонили свои головы в печали, и сердца всех сынов человеческих обмякли в них, потому что исцелитель их болей и болезней больше не жил на земле. Но гнев Аполлона был сильнее его горя, и он порастил гигантских Циклопов, которые сформировали огненные молнии далеко внизу, в недрах пылающей горы. Тогда гнев Зевса возгорелся против его собственного ребенка, златовласого Аполлона, и он произнес слово, что тот должен быть изгнан из дома богов в мрачную страну Стигию. Но госпожа Лето упала перед ним на колени и умоляла отдать ей ребенка, и ему было суждено целый год служить рабом в доме Адметоса, правившего в Ферее.

ИКСИОН.

Прекрасная, как румяные облака, плывущие ранним утром по голубому небу, прекрасная Диародовала сердца всех, кто жил в доме ее отца Гесионея. В ее мягких ясных глазах не было лукавства, ибо свет Эос был не чище, чем свет девичьего лица. В ее улыбке не было лукавства, ибо на ней покоились любовь и мудрость Афины. Многие вожди стремились заполучить ее в жены, но ее сердце билось от любви только к Иксиону прекрасному и могучему, который пришел в чертоги Гесионея на лошадях, которые не могут ни состариться, ни умереть. Золотые волосы сияли великолепием на его голове, ослепляя, как лучи, исходящие от Гелиоса, когда он возносит свою колесницу на высоты небес, а его ниспадающее одеяние блестело, когда он двигался, подобно одеянию, которое бог солнца подарил мудрой девушке Медее, жившей в Колхиде.

МИНЕРВА, ИЛИ АФИНА ПАЛЛАДА. *(Найден в Помпеях.)*

Долгое время Иксион жил в доме Гесионея, ибо Гесионей не хотел расставаться со своим ребенком. Но в конце Иксион поклялся дать за нее выкуп, драгоценный, как золотые плоды, которые Гелиос добывает на изобильной земле. Итак, слово было произнесено, и Диа прекрасная стала женой сына Амифаона, и бессмертные кони увезли ее в его сверкающей колеснице. Много дней, месяцев и лет мчались огненные кони Гелиоса по своему пылающему пути и тонули, разгоряченные и усталые, в западном море; но от Иксиона не приходило даров, и Гесионей напрасно ждал богатства, которое побудило его обменять свое дитя. Гонец за гонцом уходил и возвращался, и всегда весть заключалась в том, что у Иксиона есть дела поважнее, чем тратить свое богатство на подлых и жадных. "Скажи ему, - сказал он, - что каждый день я путешествую по широкой земле, радуя сердца детей человеческих, и что у его ребенка теперь более славный дом, чем у могущественных богов, обитающих на высоком Олимпе. Чего бы он хотел еще? Затем день за днем Гесионей беседовал сам с собой, и его народ слышал слова, которые печально слетали с его губ. "Чего бы я хотел еще?" он сказал: "Я хотел бы любви моего ребенка. Я позволил ей уйти, когда богатство самого Феба не могло возместить мне ее потерю. Я обменял ее на подарки, и Иксион утаивает богатство, которое он поклялся отдать. И все же, если бы все богатства его сокровищницы лежали сейчас передо мной, один любящий взгляд Диа стоил бы их всех с лихвой".

Но когда его посланцы снова отправились умолять Иксиона, и все их слова были произнесены напрасно, Гесионей решил действовать хитро, и ночью он послал своих слуг и украл бессмертных лошадей, которые вели его сверкающую колесницу. Тогда сердце Иксиона смирилось в нем, ибо он сказал: "Мой народ ежедневно ищет меня по всей огромной земле. Если они не увидят моего лица, их души упадут в обморок от страха; они не захотят засеивать свои поля, и золотые урожаи Деметры больше не будут развеваться на летнем ветерке". И вот прибыли посланцы из Иксиона, которые сказали: "Если ты хочешь получить богатство, которое ты ищешь, приходи в дом Иксиона, и дары будут твоими, и твои глаза еще раз посмотрят на твоего ребенка". Гесионей поспешно вышел из своего дома,

подобно темному и одинокому облаку, крадущемуся по широкому небу. Всю ночь напролет он мчался своим путем, и, когда свет Эос озарил небо на востоке, он увидел вдалеке фигуру прекрасной женщины, которая манила его своими длинными белыми руками. Тогда сердце старика ожило, и он сказал: "Это Диа, дитя мое. Достаточно, если я смогу только услышать ее голос, заключить ее в свои объятия и умереть". Но его руки и ноги дрожали от радости, и он ждал, пока его дочь не подошла и не встала рядом с ним. На ее лице была более мягкая красота, чем в прежние дни, и звук ее голоса был более нежным и любящим, когда она сказала: "Отец мой, Зевс разъяснил мне многие темные вещи, ибо он дал мне силу искать тайные сокровища земли и узнавать от мудрых существ, которые скрываются в ее потаенных местах, о том, что будет после. И теперь я вижу, что твоя жизнь близка к концу, если ты хочешь взглянуть на сокровища Иксиона, ибо ни один человек не может взглянуть на них и остаться в живых. Возвращайся тогда к себе домой, если не хочешь умереть. Я хотел бы пойти с тобой, но этого не может быть. Каждый день я должен приветствовать Иксиона, когда его огненные кони возвращаются из своего долгого путешествия, и каждое утро я должен запрягать их в его сверкающую колесницу, прежде чем он отправится в свой путь. И все же ты видел мое лицо и знаешь, что я люблю тебя сейчас так же, как в дни моего детства". Но старая жадность снова наполнила сердце Гесионея, и он сказал: "Вера Иксиона подтверждена. Если он все еще удерживает сокровища, которые поклялся отдать, он никогда больше не увидит бессмертных лошадей. Я сам пойду в его сокровищницу и посмотрю, действительно ли у него есть богатство, которым он так гордо хвастается". Затем Диа снова обняла отца, поцеловала его в лицо и печально сказала: "Тогда прощай, мой отец; я иду к себе домой, ибо даже глаза Диа не могут видеть тайных сокровищ Иксиона". Итак, Диа оставила его, и когда старик обернулся, чтобы посмотреть на ее удаляющуюся фигуру, она исчезла из его поля зрения, как тают облака перед солнцем в полдень. И все же он снова продолжал свой путь, пока перед своим славным домом не увидел Иксиона, сияющего, как Фебус Аполлон, своей красотой; но в его горящих глазах был гнев, ибо он был разгневан из-за кражи его бессмертных лошадей. Затем до слуха Гесионея донесся голос Иксиона, резкий, как хлопанье крыльев Эринии, когда она парит в воздухе. "Так ты увидишь мои тайные сокровища. Смотри, чтобы твое зрение было сильным". Но Гесионей поспешно заговорил и сказал: "Клянусь твоей верой не только в том, что ты позволишь мне увидеть их, но и в том, что ты отдашь их мне как мои собственные, ибо таким образом ты добился, чтобы Диа, мое дитя, стала твоей женой". Тогда Иксион открыл дверь своей сокровищницы и толкнул внутрь Гесионея, и вечный огонь поглотил его.

Но далеко вверх, в чистом небе, Зевс узрел деяния Иксиона, и всем богам Олимпа и всем сынам человеческим была разослана весть о том, что Иксион убил Гесионея хитростью. Ужас великой тьмы пал на небеса вверх и землю вниз за грех, вину за который может смыть только Зевс. Диа снова приготовила колесницу своего мужа, и снова он ускорился в своем огненном путешествии; но все люди отвернули свои лица, и деревья склонили свои опаленные и иссохшие головы к земле. Цветы болезненно поникли на своих стеблях и увяли, кукуруза вспыхнула, как сухая стерня на земле, и Иксион сказал про себя: "Мой грех велик; люди не будут смотреть на мое лицо, как в прежние времена, и боги Олимпа не очистят моих рук от вины за мой предательский поступок". Поэтому он сразу же пошел и смиренно пал ниц перед тронем Зевса и сказал: "О ты, обитающий в чистом эфире высоко над темным облаком, мои руки запачканы кровью, и ты один можешь очистить их; поэтому очисти мое беззаконие, иначе все живые существа умрут по всей обширной земле".

Затем бессмертные боги были призваны на судилище Зевса. Рядом с сыном Кроноса стоял Гермес, всегда яркий и прекрасный, вестник, который летает на своих золотых сандалиях быстрее, чем мечта; но прекраснее и славнее всех, кто стоял у его трона, была здешняя леди,

царица голубых небес. На ее челе покоилось величие Зевса и слава безграничной любви, которая проливает радость на изобилующую землю и широкое море. И даже когда Иксион стоял перед судилищем, глаза его со странной тоской остановились на ее бессмертной красоте, и он едва расслышал слова, которые очистили его от чувства вины за кровь.

Итак, Иксион остался в доме Зевса, высоко вверху, в чистом эфире, где только легкие облака плетут волшебную сеть при восходе и заходе солнца. День ото дня его взгляд все теплее и любвеобильнее останавливался на лице здешней дамы, и Зевс видел, что ее сердце тоже вспыхнуло странной любовью, так что в нем зародился яростный гнев.

Вскоре он позвал Гермеса, вестника, и сказал: "Приведи из числа детей Нефелы ту, которая будет носить облик здешней леди, и поставь ее на пути Иксиона, когда он отправится в путь завтра". Итак, Гермес умчался по своему поручению, и в тот день Иксион тайно поговорил с Ней и соблазнил ее сбежать из дома Зевса. "Пойдем со мной, - сказал он, - небесные ветры не могут соперничать в скорости с моими бессмертными конями, а дворец Зевса - всего лишь обитель мертвых рядом с моим славным домом". Тогда сердце Иксиона подпрыгнуло от могучего восторга, когда он услышал слова Неры. "Завтра я встречу тебя в стране детей Нефелы". Итак, на следующий день, когда легкие облака раскинули свою волшебную сеть по небу, Иксион выскользнул из дома Зевса, чтобы встретиться Здесь с госпожой. Пока он шел, волшебная паутина исчезла с неба, и ему показалось, что леди стоит перед ним во всей своей красоте. "Сюда, великая царица незапятнанных небес, - сказал он, - пойдем со мной, ибо я достоин твоей любви и не трепещу перед всем величием Зевса". Но как только он протянул вперед руки, яркая фигура исчезла. Раскат грома прокатился по небу, и он услышал голос Зевса, говорящий: "Я очистил тебя от твоей вины, я приютил тебя в своем доме, а ты поступил со мной вероломно, как прежде поступил с Гесионеем. Ты искал здесь любви, но девушка, стоявшая перед тобою, была всего лишь дочерью Нефелы, которую Гермес привел сюда, чтобы обмануть тебя, приняв вид жены Зевса. А потому услышь свой приговор. Твои бессмертные кони больше не будут мчаться на твоей сверкающей колеснице по земле, но высоко в небесах сверкающее колесо понесет тебя сквозь бегущие годы, и судьба будет преследовать тебя во веки веков".

Так был привязан Иксион к огненному колесу, и сыны человеческие изо дня в день видят сверкающие спицы, когда оно вращается в вышних небесах.

TANTALOS.

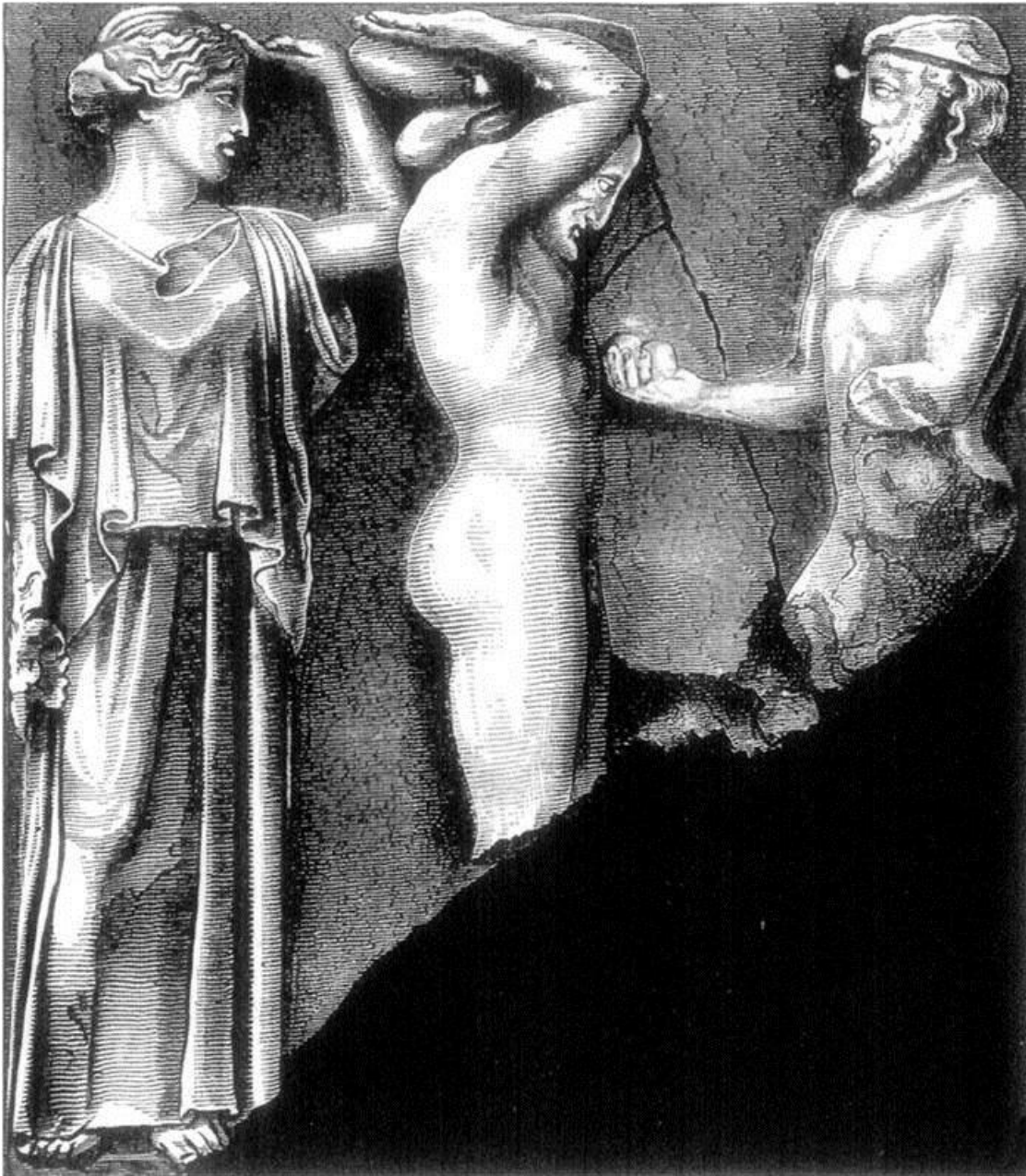
Под могучими скалами Сипилоса стоял дворец Тантала, фригийского царя, сверкающий золотом и драгоценными камнями. Его полированные крыши блестели издали, как лучи, танцующие на взбаламученной воде. Его мраморные колонны переливались оттенками, насыщенными, как оттенки пурпурных облаков, которые собираются вокруг солнца, когда оно опускается на небосвод. И повсюду было известно имя могущественного вождя, который был мудрее всех сыновей смертных людей; ибо его жена, Эврианасса, как говорили, происходила из расы бессмертных богов, а Танталу Зевс дал силу Гелиоса, чтобы тот мог знать его тайные замыслы и заглядывать в сокровенное земли, воздуха и моря. Много раз, как говорили люди, он беседовал с самим Зевсом в своем доме на высоком Олимпе, и день ото дня его богатство увеличивалось, его стада чрезвычайно умножались, а на его полях золотая кукуруза колыхалась, как залитое солнцем море.

Но с годами повсюду распространились мрачные слухи о том, что мудрость Тантала была обращена в ремесло и что его богатство и власть были использованы во зло. Люди говорили, что он согрешил подобно Титану Прометею и украл из пиршественного зала Зевса пищу и питье богов и раздал их смертным людям. И рассказывали истории еще более странные, о

том, как Пандерос привел к нему собаку, которую Рея поместила в пещеру Дикте охранять ребенка, Зевса, и как, когда Гермес приказал ему отдать собаку, Тантал презрительно рассмеялся над ним и сказал: "Ты просишь у меня собаку, которая охраняла Зевса в дни его детства? С таким же успехом можно было попросить у меня невидимый ветерок, который доносится сквозь рощи Сипилоса".

Затем, наконец, люди шепотом заговорили о грехе еще более страшном, которым согрешил Тантал, и была рассказана история о том, как Зевс и все боги спустились с Олимпа, чтобы попить в его пиршественном зале, и как, когда красное вино заискрилось в золотых кубках, Тантал поставил перед Зевсом вкусное мясо и велел ему отведать дорогих яств, а когда пир закончился, сказал ему, что на блюде лежали конечности младенца Пелопса, чья солнечная улыбка радовала сердца людей. смертные люди. Затем настал день отмщения, ибо Зевс повелел Гермесу снова вернуть Пелопса из царства Аида в страну живых людей, и на Тантала обрушился приговор, который должен был мучить его вечно. Говорили, что в тенистом краю, где бродят призраки людей, Тантал лежал взаперти в прекрасном саду, любясь яркими цветами, блестящими плодами и веселящимися водами, но, несмотря на все это, язык у него пересох, а конечности ослабли от голода. Ни одна капля воды не смогла бы охладить его губы, ни один сочный фрукт не смог бы смягчить его агонию. Если он наклонял голову, чтобы напиться, вода утекала; если он протягивал руку, чтобы сорвать золотые яблоки, они исчезали, как туман, перед лицом восходящего солнца, и вместо спелых плодов, блестящих среди зеленых листьев, над его головой нависала могучая скала, как будто она должна была упасть и стереть его в порошок. Вот почему люди говорят, что, когда чаша наслаждения срывается с губ тех, кто хотел бы из нее испить, на них пала участь фригийского Тантала.

ДРЕВНЯЯ СКУЛЬПТУРА На ТАНТАЛЕ.

ТРУДЫ ГЕРАКЛА.

По воле своего отца Зевса Геракл служил в Аргосе лживому и жестокому Эврисфею. Ибо так случилось, что Зевс рассказал о рождении Геракла Здесь, царице, и сказал: "В этот день родится дитя из рода Персея, которое будет самым могущественным из сынов человеческих". И все же он так сказал, потому что Ате обманула его своим злым советом. И вот спросили, должно ли это быть так на самом деле, и Зевс склонил голову, и прозвучало слово, которое невозможно было вспомнить. Тогда она отправилась к могущественным Эйлитиям, и с их помощью добилась того, что Эврисфей родился раньше Геракла, сына Зевса.

УРАНИЯ (муза астрономии).

Так был предопределен жребий, что всю свою жизнь Геракл должен был трудиться по воле слабого и коварного хозяина. Храбрый сердцем и крепкий телом, так что ни один человек не мог сравниться с ним ни по силе, ни по красоте, и все же ему не суждено было получить никакой пользы от всего своего труда, пока он не придет в страну бессмертных богов. Но Зевса огорчило, что коварство Здешной Царицы причинило тяжкое зло его ребенку, и он изгнал Атэ из залов Олимпа, чтобы она больше не могла жить среди богов. Затем он произнес слово, что Геракл должен поселиться с богами на Олимпе, как только закончатся дни его тяжелого труда на земле.

Так рос ребенок в доме Амфитриона, исполненный красоты и могущества, так что люди дивились его великой силе; ибо однажды, когда он спал, в комнату вошли две змеи, обвились своими длинными кольцами вокруг колыбели и смотрели на него своими холодными стеклянными глазами, пока звук их шипения не пробудил его ото сна. Но Геракл дрожал не от страха, а протянул руки, положил ладони на шеи змей и сжимал их все сильнее и сильнее, пока они не упали замертво на землю. Тогда все поняли по этому знаку, что Гераклу предстоит совершить великие дела и претерпеть много горестей, но что в конце концов он одержит победу. Так ребенок вырос большим и окрепшим, и никто не мог сравниться с ним в силе рук и быстроте ног, в укрощении лошадей и в борьбе. Лучшие люди Аргоса были его учителями, а мудрый кентавр Хирон был его другом и научил его всегда помогать слабым и вставать на их сторону против любого, кто их угнетал. Итак, несмотря на всю его великую силу, никто не был более нежен, чем Геракл, никто не был более полон жалости к тем, кто был согнут болью и трудом.

Но для Геракла было большим горем то, что всю свою жизнь он должен был трудиться на благо Эврисфея, в то время как другие были полны радости и наслаждения и пировали за столами, ломаясь от вкусностей. И вот случилось так, что однажды, размышляя обо всем этом, он сел на обочине дороги, там, где пересекались две тропинки, в пустынной долине, вдали от жилищ людей. Внезапно, подняв глаза, он увидел двух женщин, идущих к нему навстречу, каждая по своей дороге. Они обе были прекрасны на вид, но у одной было мягкое и кроткое лицо, и одета она была в приличное платье белоснежного цвета. Другая смело посмотрела на Геракла, и лицо ее еще больше покраснело, а глаза засияли горячим и беспокойным блеском. С ее плеч ниспадали длинные складки мягкого вышитого одеяния, которое едва скрывало красоту ее форм. Быстрым и нетерпеливым шагом она поспешила к

Гераклу, чтобы заговорить первой. И она сказала: "Я знаю, о человек большого труда и печали, что твое сердце печально внутри тебя, и что ты не знаешь, в какую сторону тебе свернуть. Тогда пойдем со мной, и я поведу тебя мягкой и приятной дорогой, где никакие бури не будут досаждают тебе и никакие печали не потревожат тебя. Ты никогда не услышишь о войнах и сражениях, и болезни и страдание не приблизятся к тебе; но весь день напролет ты будешь пировать на богатых пирах и слушать песни менестрелей. Ты не будешь нуждаться ни в игристом вине, ни в мягких одеждах, ни в приятных ложах; ты не будешь испытывать недостатка в наслаждениях любви, ибо ясные глаза девушек будут нежно смотреть на тебя, а их песни убаюкают тебя в тихий вечерний час, когда на небе появляются звезды". И Геракл сказал: "Ты обещаешь мне приятные вещи, госпожа, а на меня жестоко давит суровый хозяин. Как тебя зовут?" "Друзья мои, - сказала она, - называют меня счастливой; а те, кто не смотрит на меня с любовью, дали мне дурное имя, но они говорят неправду".

Тогда заговорил другой и сказал: "О Геракл, я тоже знаю, откуда ты, и какая участь уготована тебе, и как ты жил и трудился с самого детства; и поэтому я думаю, что ты одаришь меня своей любовью, и если ты это сделаешь, то люди будут говорить о твоих добрых делах в грядущее время, и мое имя будет еще более возвеличено. Но у меня нет честных слов, чтобы обмануть тебя. Ничего хорошего никогда не достигается без труда; ничего великого никогда не достигается без тяжелого труда. Если ты ищешь плодов с земли, ты должен возделывать ее; если ты хочешь снискать благосклонность бессмертных богов, ты должен предстать перед ними с молитвами и подношениями; если ты жаждешь любви людей, ты должен делать им добро". Тогда другой прервал ее слова и сказал: "Ты видишь, Геракл, что Арета стремится повести тебя долгим и утомительным путем, но моя широкая и легкая дорога быстро приведет тебя к счастью". Тогда Арета ответила ей (и глаза ее вспыхнули гневом): "О несчастная, что хорошего можешь ты дать и какое удовольствие можешь испытывать ты, не знающий, что значит трудиться? Твои похоти изнежены, твой вкус скучен. Ты пьешь крепкое вино, прежде чем почувствуешь жажду, и насыщаешь себя лакомствами, прежде чем почувствуешь голод. Хотя ты причислен к бессмертным, боги изгнали тебя с небес, и добрые люди презирают тебя. Сладчайшего из всех звуков, когда сердце человека восхваляет его, ты никогда не слышал; сладчайшего из всех зрелищ, когда человек смотрит на свои добрые дела, ты никогда не видел. Те, кто преклоняется перед тобой, слабы и немощны в юности и жалки и омерзительны в старости. Но я живу с богами на небесах и с добрыми людьми на земле; и без меня нельзя думать и совершать ничего доброго и чистого. Больше всех других меня чтут боги, больше всех других меня лелеют мужчины, которые любят меня. В мире и на войне, в здравии и в болезни я - помощь всем, кто ищет меня; и моя помощь никогда не подводит. Мои дети познают чистейшее из всех удовольствий, когда наступает час отдыха после дневного труда. В молодости они сильны, и их конечности полны здоровья; в старости они вспоминают счастливую жизнь; и когда они ложатся смертным сном, их имя почитается среди людей за их храбрые и добрые поступки. Поэтому люби меня, Геракл, и повинуйся моим словам, и ты будешь жить со мной, когда твой труд закончится, в обители бессмертных богов".

Тогда Геракл склонил голову и поклялся следовать ее советам; и когда две девушки скрылись из виду, он с большим мужеством приступил к своему труду и страданиям. Во многих странах он жил и трудился, исполняя волю фальшивого Эврисфея. Добрые дела он совершал для сынов человеческих, но от всего своего труда не получал никакой пользы, кроме любви кроткой Иоле. Далеко в Ахалии, где солнце встает из-за восточного моря, он увидел девушку в чертогах Эвритоса и попытался завоевать ее любовь. Но слово, которое Зевс произнес Здесь, Царице, не давало ему покоя; и Эврисфей отослал его в другие земли, и он больше не видел деву.

Но Геракл продолжал трудиться с добрым сердцем, и вскоре слава о его великих деяниях распространилась по всей земле. Менестрели пели о том, как он убивал чудовищ и свирепых зверей, досаждавших сынам человеческим, как он поразил Гидру в земле Лернаи, и дикого вепря, обитавшего в рощах Эримантоса, и гарпий, скрывавшихся в болотах Стимфалоса. Они рассказали, как он забрел далеко-далеко в страну заходящего солнца, когда Эврисфей велел ему нарвать золотых яблок из сада Гесперид, — как через холмы и долины, через болота и реки, через чащобы и леса он добрался до западного моря и переправился в африканскую страну, где Атлас поднимает свою белую голову к высоким небесам, — как он поразил дракона, охранявшего медные ворота, и принес яблоки царю Эврисфею. Они пели о его утомительном путешествии, когда он странствовал по земле эфиопов и добрался до диких и безлюдных вершин Кавказа, — о том, как он увидел гигантскую фигуру высоко на голой скале и стервятника, который своим клювом прогрыз сердце Титана. Они рассказали, как он убил птицу, сбросил жестокие цепи и освободил Прометея. Они пели о том, как Эврисфей возложил на него бесплодную задачу и отправил его в темную страну царя Аида, чтобы вывести чудовище Кербероса; как на берегу мрачного Ахерона он нашел могучего пса, охраняющего дом Аида и Персефоны; как он схватил его своей сильной правой рукой и отнес царю Эврисфею. Они пели о тех днях, когда он трудился на земле царицы Омфалы под ливийским солнцем; о том, как он разрушил стены Илиона, когда Лаомедон был царем, и о том, как он отправился в Калидон, сватался и завоевал Деяниру, дочь вождя Ойнея.

Долгое время он жил в Калидоне, и жители той страны любили его за его добрые дела. Но однажды его копье поразило мальчика Эвнома, и его отец не рассердился, потому что знал, что Геракл не стремился убить его. И все же Геракл хотел покинуть эту землю, ибо его сердце было опечалено смертью ребенка. Поэтому он отправился на берега Эвеноса, где поразил кентавра Несоса за то, что тот пытался наложить лапу на Деяниру. Яд с наконечника копья быстро растекся по венам кентавра; но Нессос знал, как отомстить Гераклу, и слабым голосом он умолял Деяниру наполнить раковину его кровью, чтобы, если когда-нибудь она потеряет любовь Геракла, она могла завоевать ее снова, намазав ею одежду для него.

ΔΙΣΒΛΑΘΟΥΡΑ
Ρ ΜΟΡΑΠΟΡΙΣ ΔΟΡΟΝ

ЮПИТЕР (*или Зевс с его Молнией*).

Итак, Нессос умер, и Геракл отправился в страну Трахис, и там поселилась Деянира, пока он путешествовал к восточному морю. Много раз луна прибывала и убывала на небе, и кукуруза прорастала из земли и давала свой золотой урожай, но Геракл не возвращался. Наконец пришла весть о том, что он совершил великие подвиги в далеких землях, что Эврит, царь Халии, был убит и что среди пленников была дочь царя, прекраснейшая из всех дев страны.

Тогда слова Нессоса вернулись к Деянире, и она поспешила натянуть расшитое платье, ибо думала только о том, что любовь Геракла ушла от нее и что она должна снова завоевать ее для себя. Поэтому со словами любви и почтения она послала Гераклу подарок, который тот должен был надеть, и гонец нашел его на Кенийском берегу, где он приносил богатую жертву Зевсу, своему отцу, и подарил ему расшитое одеяние в знак любви к Деянире. Затем Геракл плотно обернул его вокруг себя и стоял у алтаря, пока темный дым густым облаком поднимался к небесам. Вскоре месть Несса свершилась. По венам Геракла яд распространялся подобно всепожирающему огню. Жгучая боль становилась все яростнее, и Геракл тщетно пытался разорвать одежду и сбросить ее с себя. Она впилась в плоть, и пока он бился в агонии, темная кровь ручьями хлынула из его тела. Затем к нему подошла дева Иоле. Своими нежными руками она пыталась успокоить его боль и сочувственными словами подбодрить его в его горе. И снова лицо Геракла озарилось глубокой радостью, и глаза его озарились чистым светом, как в дни его могущества, и он сказал: "Ах, Иоле, светлейшая из дев, твой голос ободрит меня, когда я погружусь в сон смерти. Я любил тебя в ясную утреннюю пору, когда моя рука была сильной, а нога быстрой, но Зевс не пожелал, чтобы ты был со мной в моих долгих странствиях. И все же я не скорблю сейчас, ибо ты снова пришел, прекрасный, как мягкие облака, которые собираются вокруг заходящего солнца". Тогда Геракл приказал им отнести его на высокий гребень Оиты и собрать хворост. Итак, когда все было готово, он прилег отдохнуть, и они разожгли большую кучу. Небо заволокло черным туманом, но Геракл все еще стремился взглянуть на прекрасное лицо Иоле и утешить ее в ее горе. "Не плачь, Иоле, - сказал он, - мой труд окончен, и теперь пришло время отдохнуть. Я увижу тебя снова в яркой стране, по которой никогда не ступала нога ночи".

Вечерние тени становились все чернее и чернее, и только длинная полоса света нарушала темноту, сгустившуюся вокруг пылающей груды. Затем с высоких небес спустилась густая туча, и раскаты ее грома разнеслись по воздуху. Итак, Зевс отнес свое дитя домой, и залы Олимпа были открыты, чтобы приветствовать светлого героя, отдохнувшего от своего могучего труда. Там прекрасная девушка Арета возложила ему на голову корону, а Геба облачила его в белое одеяние для пира богов.

ADMETOS.

В залах Фереса был большой пир, потому что Адмет, его сын, привел домой Алкестиду, прекраснейшую из всех дочерей Пелиаса, чтобы она стала его невестой. Менестрели пели о славе дома Фераев и о храбрых подвигах Адметоса — о том, как с помощью златокудрого Аполлона он запряг льва и вепря и заставил их тащить свою колесницу в Иолкос, ибо Пелий сказал, что только тому, кто придет таким образом, он отдаст в жены свою дочь Алкестиду. И звуки веселья эхом разнеслись по залу, и красное вино было разлито в честь Зевса и всех богов, каждого по имени, но имя Артемиды было забыто, и ее гнев сильно разгорелся против дома Адметоса.

Но один, еще более могущественный, чем Артемида, был рядом, чтобы помочь ему, ибо Аполлон, сын Лето, служил рабом в доме Фереса, потому что он убил Циклопов, выковавших молнии Зевса. В его жилах не текла кровь смертных, но, хотя он не мог ни состариться, ни умереть, и никто из сынов человеческих не мог причинить ему вреда, все же все любили его за мягкое обращение, ибо все процветало в стране с того дня, как он пришел в дом Адметоса. И вот было так, что, когда жертвоприношение на брачном пиру закончилось, он обратился к Адмету и сказал: "Гнев Артемиды, моей сестры, возгорелся против тебя, и может статься, что она поразит тебя своим копьем, которое никогда не промахивается мимо цели. Но ты был для меня добрым надсмотрщиком, и хотя я здесь как твой раб, у меня все еще есть власть у моего отца, Зевса, и я добился для тебя этого дара, что, если ты будешь поражен копьем Артемиды, ты не умрешь, если сможешь найти того, кто вместо тебя спустится в темное царство Аида".

Много раз солнце всходило на небо и опускалось спать под западные воды, и все же проходили часы, полные глубокой радости для Адметоса и его жены Алкестиды, ибо их сердца были соединены чистой любовью, и ни одно облако раздора не омрачало их души своей темной тенью. Однажды только Адмет пересказал ей слова Аполлона, и Алкеста ответила с улыбкой: "Где смертная мука, муж мой, для тех, кто любит по-настоящему? Без тебя я не хочу жить, а потому умереть за тебя будет благом".

И снова в доме Адметоса был большой пир, ибо Геракл, могущественный сын Алкмены, пришел туда, странствуя по многим землям, исполняя волю фальшивого Эврисфея. Но даже когда менестрели пели хвалу вождям Фераи, румянец жизни сошел с лица Адметоса, и он почувствовал, что час, о котором предупреждал его Аполлон, настал. Но вскоре кровь снова забурлила в его жилах, когда он подумал о жертве, которая одна могла спасти его от смертного сна. И все же, чего только не сделает человек ради своей жизни? и как ему устоять, когда голос любви встанет на его сторону? И снова прекрасная Алкеста с любовью посмотрела на него, сказав: "Нет тьмы для меня в стране Аида, если только я умру за тебя", - и как только она произнесла эти слова, чары Адметоса рассеялись, и сила дочери Пелиаса медленно иссякла.

Звуки веселья и пиршества стихли. Арфы менестрелей безмолвно висели на стене, и люди разговаривали шепотом, ибо ужасные мойры были рядом, чтобы унести Алкестис в царство теней. На ложе лежала ее прекрасная фигура, бледная, как белая лилия, плывущая по голубой воде, и прекрасная, как Эос, когда вечером ее свет гаснет на небе. Еще немного, и борьба была прекращена, и Адмет с горечью и стыдом оплакивал любовь, которую он потерял.

Тогда душа храброго Геракла всколыхнулась в нем, и он поклялся, что мойры не одержат победы. Поэтому он поспешно удалился и далеко в невидимой стране сразился с силами смерти и спас Алкестиду от Аида, сурового и сурового Царя.

И снова она предстала перед Адметосом, более сияющая своей красотой, чем в прежние дни, и снова в залах Фераи раздались звуки высокого ликования, и менестрели пели о великих деяниях доброго и отважного Геракла, когда он отправился из дома Адметоса исполнять в других землях повеления прекрасного подлого Эврисфея.

ЭПИМЕТЕЙ И ПАНДОРА.

Между Зевсом и людьми произошла ссора, ибо Прометей выступил на их стороне и научил их, как они могут противостоять новому богу, восседавшему на троне Кроноса; и он сказал: "О люди, Зевс жаден до богатства и почестей, и ваши стада будут растрчены на

всесожжения, если вы принесете Зевсу всю жертву целиком. Приди и давай заключим с ним завет, чтобы ему и людям досталась справедливая доля ". Итак, Прометей выбрал большого быка, заколол его и разделил тело. Под кожу он поместил внутренности и мякоть, а под жир - кости. Тогда он сказал: "Выбери свою долю, о Зевс, и пусть то, на что ты возложишь свои руки, будет твоей долей навеки". Тогда Зевс поспешно протянул свою руку и положил ее на жир, и свиреп был его гнев, когда он обнаружил под ним только голые кости. Поэтому люди приносят в жертву бессмертным богам только кости и жир убитых жертв.

Тогда в своем гневе Зевс искал, как бы ему отомстить за себя человечеству, и он отнял у них дар огня, так что они страдали от холода, темноты и голода, пока Прометей не принес им огонь, который он украл с небес. Тогда гнев Зевса стал еще более жестоким, и он поразил Прометея своими молниями, и по его приказу Гермес отвел его к скалам Кавказа и приковал железными цепями к твердой скале, где стервятник прогрыз его сердце своим клювом.

Но гнев Зевса не утихал, и он искал, как бы еще сильнее досадить роду человеческому; и он вспомнил, как титан Прометей предупреждал их не принимать даров от богов и как он оставил своего брата Эпиметея охранять их от козней сына Кроноса. И он сказал про себя: "Род человеческий не знает ни болезней, ни страданий, ни раздоров, ни войн, ни воровства, ни лжи; ибо все эти злые дела запечатаны в большой бочке, которую охраняет Эпиметей. Я выпущу зло на волю, и вся земля наполнится горем и несчастьем".

Поэтому он призвал Гефеста, владыку огня, и тот сказал: "Приготовь дар, который все бессмертные боги преподнесут расе людей. Возьми землю и придай ей форму женщины. Пусть это будет очень справедливо, но придай ей злую природу, чтобы род человеческий пострадал за все то, что они сделали со мной". Затем Гефест взял глину и вылепил из нее образ прекрасной женщины, а Афина облачила ее в красивое одеяние и возложила ей на голову корону, с которой на ее белоснежные плечи упало покрывало. И Гермес, посланник Зевса, дал ей силу слов и жадный ум, чтобы обманывать расу людей. Тогда Гефест привел ее к собранию богов, и они восхитились величием ее красоты; и Зевс взял ее за руку и отдал Эпиметею, и сказал: "Вы усердно трудитесь, дети человеческие; вот тот, кто успокоит и приободрит вас, когда часы тяжелого труда подойдут к концу. Бессмертные боги сжалились над вами, потому что у вас нет никого, кто мог бы утешить вас; и женщина - это их дар мужчинам, поэтому ее зовут Пандора".

Тогда Эпиметей забыл предостережение своего брата, и человечество поклонилось Зевсу и приняло Пандору из его рук, ибо величие ее красоты поработило сердца всех, кто смотрел на нее. Но недолго радовались они дару богов, ибо Пандора увидела на пороге дома Эпиметея огромную бочку, подняла крышку, и из нее полились раздоры и войны, чума и болезни, воровство и насилие, горе и печаль. Тогда в своем ужасе она снова опустила крышку на бочку, и Надежда была заключена в ней, так что она не могла утешить расу людей в том ужасном зле, которое Пандора навлекла на них.

ИО И ПРОМЕТЕЙ.

В чертогах Инахоса, царя Аргоса, Зевс увидел прекрасную девушку Ио и полюбил ее, но когда здешняя царица узнала об этом, она пришла в сильный гнев и попыталась убить ее. Тогда Зевс превратил девушку в телку, чтобы спасти ее от гнева Здесь, но вскоре Здесь узнала, что телка была девушкой, которую она ненавидела, и она пошла к Зевсу и сказала: "Дай мне то, чего я пожелаю", и Зевс ответил: "Говори дальше". Тогда Здесь сказал: "Дай мне прекрасную телку, которую я вижу пасущейся на пастбищах царя Инахоса". И Зевс удовлетворил ее молитву, ибо ему не хотелось признаваться в том, что он сделал с Ио, чтобы

спасти ее от гнева здешних мест, и вот он взял телку и приказал Аргосу с сотней глаз присматривать за ней ночью и днем.

ТАЛИЯ.

Долгое время Зевс искал способ избавить девушку от здешней мести, но тщетно старался, ибо Аргос никогда не спал, и его сто глаз видели все вокруг, и никто не мог приблизиться, не будучи замеченным и убитым. В конце концов Зевс послал Гермеса, светлого посланника богов, который осторожно подкрался к Аргосу, наигрывая тихую музыку на своей лютне. Успокаивающе сладкие звуки коснулись его слуха, и глубокий сон начал отягощать его веки, пока Аргос с сотней глаз не бессильно лег перед Гермесом. Тогда Гермес выхватил свой острый меч и одним ударом отрубил ему голову, за что люди называют его аргосским убийцей со ста глазами. Но гнев Хере был яростнее, чем когда-либо, когда она узнала, что ее сторож убит, и она поклялась, что телка не будет знать покоя, а будет скитаться в ужасе и боли от земли к земле. Поэтому она послала муху-гадюку подстрекать телку своим огненным жалом над холмами и долинами, над морями и реками, мучить ее, если она ляжет отдохнуть, и сводить с ума от боли, когда она попытается заснуть. В горе и безумии она бежала с пастбищ Инахоса, мимо города Эрехтея в землю Кадмос, Фиванскую. Все дальше и дальше шла она, не отдыхая ни днем, ни ночью, по дорийским и Фессалийским равнинам, пока, наконец, не пришла в дику фракийскую землю. Ее ноги кровоточили на острых камнях, тело было изодрано шипами и ежевикой и истерзано укусами страшной гад-мухи. И все же она бежала все дальше и дальше, в то время как слезы часто текли по ее щекам, а ее стоны свидетельствовали о величии ее агонии. "О Зевс, - сказала она, - разве ты не видишь меня в моем страдании? Ты однажды сказал мне о своей любви, и теперь ты терпишь, чтобы меня так дико гоняли из страны в страну, без надежды на утешение или покой? Молю тебя, убей меня немедленно или позволь мне погрузиться в морские глубины, чтобы я мог сбросить с себя тяжкое бремя моего горя".

Но Ио не знала, что, когда она говорила, ее слышал тот, кто пострадал от Зевса еще сильнее. Высоко над ее головой, к пустынным скалам Кавказа, с пронзительным криком парил в небе дикий орел, а стервятник парил рядом, словно поджидая рядом с каким-то умирающим человеком, пока смерть не оставит его в качестве своей добычи. Темные снежные тучи тяжело нависли над горой, ледяной ветер лениво пронизывал замерзший воздух, и Ио подумала, что настал час ее смерти. Затем, когда она подняла голову, она увидела вдали гигантскую фигуру, которая, казалось, была прибита гвоздями к голой скале, и низкий стон достиг ее слуха, как у человека, испытывающего смертельную боль, и она услышала голос, который сказал: "Откуда пришла ты, дочь Инахоса, в эту дику пустыню? Неужели любовь Зевса загнала тебя в эти ледяные уголки земли?" Тогда Ио посмотрела на него с удивлением и благоговением и сказала: "Откуда ты знаешь мое имя и мои печали? и в чем твоя

собственная ошибка? Скажи мне (если тебе дано знать), что ждет тебя и меня в грядущее время, ибо я уверен, что ты не смертный человек. Твой гигантский облик подобен облику богов или героев, которые иногда спускаются, чтобы пообщаться с сынами человеческими, и велик, должно быть, гнев Зевса, что ты так мучаешься здесь". Затем он сказал: "Дева, ты видишь Титана Прометея, который низвел огонь для детей человеческих и научил их, как строить себе дома и возделывать землю, и как добывать себе пищу и одежду. Я дал им мудрые мысли, хорошие законы и благоразумные советы и поднял их из жизни зверей к жизни, пригодной для говорящих людей. Но сын Кроноса испугался моих поступков, опасаясь, что с помощью людей я могу свергнуть его с его места и водрузить на его трон новых богов. Поэтому он забыл все мои добрые дела в прошлые времена, как я помогал ему, когда рожденные на земле гиганты пытались уничтожить его власть и громоздили камень на камень и скалу на скалу, чтобы поразить его трон, и он поймал меня хитростью, сказав мне вкрадчивыми словами, что он мой друг и что моя честь не должна быть подорвана в залах Олимпа. Поэтому он застал меня врасплох и сковал железными цепями, и приказал Гефесту взять и приковать меня к этому склону горы, где мороз, ветер и жара опаляют и мучают меня днем и ночью, а стервятник гложет мое сердце своим безжалостным клювом. Но мой дух не совсем пал, ибо я знаю, что сделал добро сынам человеческим и что они чтут Титана Прометея, который спас их от холода, голода и болезней. И хорошо я знаю также, что царствование Зевса однажды подойдет к концу, и что другой наконец воссядет на его трон, точно так же, как сейчас он восседает на троне своего отца, Кроноса. Приди также сюда, те, кто хочет утешить меня, и ты видишь перед собой дочерей Океаноса, которые только сейчас покинули зеленые чертоги своего отца, чтобы поговорить со мной. Тогда послушай меня, дочь Инахоса, и я расскажу тебе, что случится с тобой в грядущее время. Отсюда, от скованной льдами Кавказской цепи, ты отправишься в скифскую землю и области Халибов. Оттуда ты придешь к месту обитания амазонок на берегах реки Термодон; они будут направлять тебя на твоём пути, пока, наконец, ты не придешь к проливу, который ты пересечешь и который навсегда укажет своим названием, где телка перешла из Европы в Азию. Но конец твоим странствиям еще не наступил".

Тогда Ио больше не могла сдерживать свое горе, и слезы ее хлынули с новой силой; и Прометей сказал: "Дочь Инаха, если ты так скорбишь о том, что Я рассказал тебе, как ты перенесешь то, что помимо всего этого тебе остается сделать?" Но Ио сказала: "Что толку, о Титан, рассказывать мне об этих горестных странствиях? Лучше было бы сейчас умереть и обрести покой от всех этих страданий и печали". "Нет, не так, о дева Аргоса, - сказал Прометей, - ибо, если ты останешься в живых, настанут дни, когда Зевс будет свергнут со своего трона, и конец его правления станет также концом моих страданий. Ибо, когда ты пройдешь через Фракийский Босфор в страну Азии, ты будешь странствовать по многим областям, где обитают горгоны, аримаспы и эфиопы, пока, наконец, не придешь к треугольной земле, где могучий Нил множеством рукавов впадает в море. Там будет место твоего упокоения, и там родится Эпаф, твой сын, от которого в еще более далекие времена произойдет великий Геракл, который разорвет мои цепи и освободит меня от долгих мучений. И если в этом ты сомневаешься в моих словах, я могу рассказать тебе о каждой стране, через которую ты проезжал на своем пути сюда; но будет достаточно, если я расскажу тебе, как говорящие дубы Додоны приветствовали тебя как жену Зевса и мать могущественного Эпафоса. Тогда поспеши в путь, дочь Инахоса. Долгие годы боли и печали все еще ждут тебя, но мои горести сохранятся на протяжении многих поколений. Не стоит сейчас плакать, но есть у тебя утешение в том, что твоя участь счастливее моей, и для нас обоих остается гарантией, что справедливость наконец восторжествует, и могущество Зевса будет низвергнуто, как и могущество Кроноса, которого он сверг со своего древнего трона.

Уходи отсюда поскорее, ибо я вижу Гермеса, вестника, приближающегося, и, возможно, он придет с новыми мучениями для тебя и меня".

И Ио отправилась в свой утомительный путь, а Гермес приблизился к Прометею и велел ему еще раз покориться воле могущественного Зевса. Но Прометей презрительно рассмеялся над ним, и когда Гермес повернулся, чтобы уйти, в воздухе завыл ледяной ветер, и темная туча опускалась все ниже и ниже по склону холма, пока не закрыла скалу, к которой было пригвождено тело Титана, и огромная гора вздыбилась от землетрясения, и сверкающие молнии устрашающе пронеслись по небу. Все ярче и ярче сверкала молния, и все громче гремел гром в ушах Прометея, но он не дрогнул перед всем огненным величием Зевса, и все же, когда буря становилась все яростнее и огненные завитки окутывали его фигуру, его голос был слышен среди шума и рева, и он говорил о дне, когда добро восторжествует, а несправедная власть будет сокрушена и уничтожена навсегда.

DEUKALION.

Со своего трона на высоком Олимпе Зевс смотрел сверху вниз на детей человеческих и видел, что повсюду они следовали только своим похотям и нисколько не заботились о справедливости или законах. И по мере того, как их сердца становились все грубее в своей порочности, они изобретали для себя новые обряды, чтобы умиловить гнев богов, пока вся земля не наполнилась кровью. Далеко в укромных долинах аркадских холмов сыновья Ликаона пировали и произносили гордые слова против величия Зевса, и сам Зевс спустился со своего трона, чтобы посмотреть на их путь и деяния.

Солнце уже клонилось к закату, когда старик приблизился к воротам Ликосуры. Его седые локоны развевались на ветру, а борода спутанными прядями падала на изодранную мантию. С посохом в руке он устало брел своей дорогой, прислушиваясь к звукам разгула, которые доносились до его слуха. Наконец он пришел на Агору, и сыны Ликаона столпились вокруг него. "Итак, мудрый провидец пришел", - сказали они. "Какую историю ты хочешь рассказать нам, старик? Можешь ли ты спеть о днях, когда земля возникла из Хаоса?" Ты достаточно взрослый, чтобы быть там и видеть". Затем с грубыми насмешками они схватили его и положили на землю недалеко от места, где они пировали. "Сегодня мы совершили великое жертвоприношение Зевсу, и твой приход своевременен, ибо ты разделишь с нами пир". И они поставили перед ним блюдо, и пища, которая была на нем, была человеческой плотью, ибо человеческой кровью они думали отвратить гнев богов. Но старик отставил блюдо, и, когда он поднялся, усталость возраста исчезла с его лица, и сыновья Ликаона были опалены великолепием его лица, ибо Зевс предстал перед ними и поразил их всех своими молниями, и их пепел устилал землю.

ЛАОКООН, ЛОЖНЫЙ ЖРЕЦ. *(Изваяно 3000 лет назад.)*

Затем Зевс вернулся в свой дом на Олимпе и дал слово, что на землю обрушится поток вод, дабы сыны человеческие могли умереть за свое великое злодеяние. И поднялся западный ветер во всю свою мощь, и темные дождевые тучи заволокли все небо, ибо северные ветры, которые разгоняют туманы и испарения, были заперты в своей тюрьме. На холмы и долины обрушился безжалостный дождь, и реки, выйдя из своего русла, понеслись по широким равнинам вверх по склонам гор. Из своего дома на высокогорье Фтии Девкалион посмотрел на разгневанное небо и, когда увидел, что воды вздымаются в долинах внизу, позвал Пирру, свою жену, дочь Эпиметей, и сказал ей: "Пришло время, о котором мой отец, мудрый Прометей, предупредил меня. Поэтому приготовь ковчег, который Я построил, и помести в него все, что нам может понадобиться для пропитания, пока на землю не хлынет водный потоп. Далеко на скалах Кавказа железные гвозди вонзаются в плоть Прометей, и коршун гложет его сердце, но исполняются слова, которые он произнес, о том, что за нечестие людей на землю обрушится водный потоп, ибо сам Зевс - всего лишь слуга того, кто могущественнее его, и должен выполнять его приказы".

Тогда Пирра поспешила все приготовить, и они подождали, пока вода не поднялась до высокогорья Фтии и не унесла ковчег Девкалиона. Рыбы плавали среди старых вязовых рощ и извивались среди сучковатых ветвей дубов, в то время как на поверхность воды были выброшены тела людей, и Девкалион смотрел на мертвые лица отважных воинов, дев и младенцев, когда они поднимались и опускались на вздымающихся волнах. Восемь дней ковчег несло во время потопа, в то время как воды покрывали холмы, и все дети человеческие умерли, за исключением нескольких человек, нашедших убежище на вершинах гор. На девятый день ковчег остановился на высотах Парнаса, и Девкалион со своей женой Пиррой ступили на опустошенную землю. Час за часом вода стекала по долинам, и мертвые рыбы и морские чудовища лежали, запутавшись в переплетенных ветвях

леса. Но, насколько хватало глаз, не было никаких признаков живого существа, кроме стервятников, которые кружили в небе, чтобы наброситься на свою добычу, и Девкалион посмотрел на Пирру, и сердца их наполнились горем, которое невозможно передать словами. "Мы не знаем, - сказал он, - жив ли кто-нибудь из всех сынов человеческих и в какой час смертный сон может снизойти на нас. Но могущественное существо, наславшее потоп, спасло нас от его вод; ему давайте построим алтарь и принесем наше благодарственное приношение". Итак, алтарь был построен, и Зевс отнесся с уважением к молитве Девкалиона, и вскоре Гермес, вестник, предстал перед ним. "Проси, чего пожелаешь, - сказал он, - и это будет даровано тебе, ибо в тебе одном из всех сынов человеческих Зевс нашел чистую руку и чистое сердце". Тогда Девкалион склонился перед Гермесом и сказал: "Вся земля опустошена; я молю тебя, позволь людям появиться на ней еще раз". "Именно так и будет, - сказал Гермес, - если вы закроете свои лица своими мантиями и бросите кости вашей матери позади себя, когда будете идти своим путем".

Итак, Гермес отправился в дом Зевса, а Девкалион обдумывал его слова, пока мудрость его отца, Прометея, не показала ему, что его матерью была земля, и что они должны были бросать камни позади себя, когда спускались с Парнаса. Затем они сделали каждый так, как им было велено, и камни, которые бросал Девкалион, превратились в мужчин, но те, которые бросала Пирра, стали женщинами, и люди, которые не знали ни отца, ни матери, отправились на свой тяжкий труд по всей обширной земле. Солнце ярко сияло в небесах и высушило слизь под ними; но их труд был всего лишь утомительным трудом, и так было до сего дня — борьба, тяжелая, как камни, из которых они были извлечены.

Но шли годы, у Пирры и Девкалиона родились дети, и древняя раса людей все еще жила на высотах Фтии. От Елены, их сына, произошли могущественные племена эллинов, а от Протогенеи, их дочери, родился Этолий, человек тяжелого труда и страданий, отец Эндимиона прекрасного, который спит на холме Латмос.

ПОСЕЙДОН И АФИНА.

Недалеко от берегов ручья Кефисос Эрехтей построил город на каменистой и малозагрязненной земле. Он был отцом свободного и храброго народа, и хотя его город был маленьким и скромным, все же Зевс, благодаря своей мудрости, предвидел, что однажды он станет самым благородным из всех городов на всей огромной земле. И разгорелся спор между Посейдоном, владыкой морей, и Афиной, непорочным младенцем Зевса, из-за того, чьим именем следует назвать город Эрехтей. Поэтому Зевс назначил день, в который он должен был рассудить их в присутствии великих богов, обитающих на высоком Олимпе.

Когда настал день, боги воссели каждый на свой золотой трон на берегу ручья Кефисос. Высоко над всем этим возвышался трон Зевса, великого отца богов и людей, и рядом с ним сидела Здесь Царица. В этот день даже сыны человеческие могли смотреть на них, ибо Зевс отложил свои молнии, и все боги с миром спустились, чтобы выслушать его решение между Посейдоном и Афиной. Там сидел Феб Аполлон со своей золотой арфой в руке. Его лицо сияло яркостью своей красоты, но в его сверкающих глазах не было гнева, и рядом с ним без дела лежало безошибочное копье, которым он поражает всех, кто поступает лживо и говорит неправду. Там, рядом с ним, сидела Артемида, его сестра, чьи дни проходили в охоте на земных зверей и в забавах с нимфами на поросших тростником берегах Евроты. Там, рядом с Зевсом, сидел Гермес, вечно яркий и юный, представитель богов, с посохом в руке, исполняющий волю великого отца. Там сидели Гефест, владыка огня, и Гестия, охраняющая очаг. Там тоже был Арес, который наслаждался войной, и Дионис, который любил пиры и

кубки с вином, и Афродита, которая поднялась из морской пены, чтобы наполнить землю смехом и горем.

Перед всеми ними стояли великие соперники, ожидающие суда Зевса. Высоко в левой руке Афина держала непобедимое копье, а на ее эгиде, скрытом от глаз смертных, было лицо, на которое ни один человек не может смотреть и остаться в живых. Рядом с ней, гордый величием своей власти, Посейдон ждал исхода состязания. В его правой руке поблескивал трезубец, которым он сотрясает землю и рассекает воды моря.

Затем со своего золотого трона поднялся оратор Гермес, и его чистый голос зазвучал над всем великим советом. "Послушай, - сказал он, - волю Зевса, который сейчас судит между Посейдоном и Афиной. Город Эрехтей будет носить имя того бога, который произведет из земли лучший дар для сынов человеческих. Если Посейдон сделает это, город будет называться Посейдонией, но если Афина принесет высший дар, он будет называться Афинами".

Тогда царь Посейдон поднялся во всем величии своего величия и своим трезубцем ударил по земле там, где стоял. Тотчас же холм был потрясен до глубины души, земля раскололась, и из пропасти выскочил конь, силы и красоты которого больше никогда не увидишь. Его тело сияло белизной, как свежее выпавший снег, его грива гордо развевалась по ветру, когда он топал по земле и очень развязно рыскал по холмам и долинам. "Узри мой дар, - сказал Посейдон, - и назови город моим именем. Кто даст сынам человеческим что-нибудь лучшее, чем конь?"

Но Афина пристально посмотрела на богов своими пронзительными серыми глазами, медленно наклонилась к земле и посадила в нее маленькое семечко, которое держала в правой руке. Она не произнесла ни слова, но по-прежнему спокойно смотрела на этот великий совет. Вскоре они увидели, как из земли пробился маленький росток, который вырос и выпустил свои веточки и листья. Все выше и выше поднимался он со всей своей густой зеленой листвой и приносил плоды на своих густых ветвях. "Мой дар лучше, о Зевс, - сказала она, - чем дар царя Посейдона. Конь, которого он дал, принесет войну, раздоры и страдания детям человеческим; моя олива - знак мира и изобилия, здоровья и силы, залог счастья и свободы. Разве тогда город Эрехтей не будет назван моим именем?"

Тогда в едином согласии вознеслись голоса богов в воздухе, когда они воскликнули: "Дар Афины - лучшее, что может быть дано сынам человеческим; это знак того, что город Эрехтей будет более великим в мире, чем в войне, и более благородным в своей свободе, чем в своем могуществе. Пусть этот город будет называться Афинами".

Затем Зевс, могущественный сын Кроноса, склонил голову в знак решения, что город должен быть назван именем Афины. С его головы ниспадали бессмертные локоны, и земля дрожала под его ногами, когда он поднялся со своего золотого трона, чтобы вернуться в залы Олимпа. Но Афина все еще стояла, глядя на землю, которая теперь принадлежала ей; и она простерла свое копье в сторону города Эрехтея и сказала: "Я одержала победу, и здесь будет мой дом. Здесь мои дети вырастут в счастье и свободе, и сюда придут сыны человеческие, чтобы узнать о законе и порядке. Здесь они увидят, какие великие дела могут быть совершены руками смертных при помощи богов, обитающих на Олимпе, и когда факел свободы погаснет в Афинах, его свет будет передан другим землям, и люди узнают, что мой дар по-прежнему является лучшим, и они скажут, что почтение к закону и свободе мысли и поступков пришло к ним из города Эрехтея, который носит имя Афины".

МЕДУЗА.

В далекой западной стране, где Геспериды охраняют золотые яблоки, которые Гея подарила здешней госпоже, жила дева Медуза со своими сестрами Стеино и Эвриалой в их одиноком и унылом доме. Между ними и страной живых людей протекал ласковый поток океана, так что сынам человеческим было известно только имя сестер Горгон, и сердце Медузы тщетно стремилось увидеть чье-нибудь лицо, которое могло бы смотреть на нее с любовью и жалостью, ибо на ней лежал смертный приговор, но ее сестры не могли ни состариться, ни умереть. Для них не было ничего страшного в тишине их мрачного дома, когда они сидели с суровыми, безжалостными лицами, глядя на безмолвную землю за океанским течением. Но Медуза бродила взад и вперед, страстно желая увидеть что-нибудь новое в доме, в котором никогда не происходило никаких перемен, и ее сердце тосковало из-за нехватки того, что радует души смертных людей. Ибо там, где она жила, не было ни дня, ни ночи. Она никогда не видела ярких детей Гелиоса, которые утром гнали его стада на пастбища. Она никогда не видела звезд такими, какими они выглядят с неба, когда солнце вечером опускается в свою золотую чашу. Там по небу никогда не проплывало ни облачка, в воздухе никогда не шелестел ветерок, но бледно-желтый свет постоянно разливался по земле. Итак, на лице Медузы отразилась печаль, какой, возможно, никогда не испытают дети человеческие; и выражение безнадежной боли было еще более ужасным из-за величия ее красоты. Она никому не рассказывала о своем ужасном горе, потому что ее сестры не знали таких вещей, как мягкость и любовь, и не было для нее утешения от испуганных грайаи, которые были ее родственниками. Иногда она искала их в их темных пещерах, потому что было приятно увидеть даже слабый отблеск дневного света, достигавший жилища граяев, но они не сказали ей ни слова надежды, когда она рассказала им о своих страданиях, и она побрела обратно в страну, куда, возможно, никогда не проникнет свет Гелиоса. Ее лоб был нахмурен от боли, но ни одна слезинка не скатилась по ее щеке, потому что горе было слишком велико, чтобы плакать.

Но Медузе предстояли еще более тяжелые испытания, ибо Афина, дочь Зевса, пришла из ливийской земли в жилище сестер Горгон и велела Медузе отправиться с ней в сады, где дети Геспероса охраняют золотые яблоки здешней владычицы. Тогда Медуза склонилась к ногам Афины и умоляла ее сжалиться над ее неизбывной печалью, и она сказала: "Дитя Зевса, ты живешь со своими счастливыми родственниками, где Гелиос радует всех своим светом, а Хораи водят радостный танец, когда Феб касается струн своей золотой арфы. Здесь нет ни ночи, ни дня, ни облаков, ни ветерка, ни бури. Позволь мне покинуть эту ужасную землю и взглянуть в лицо смертным, ибо я тоже должен умереть, и мое сердце жаждет любви, которую презирают мои сестры". Тогда Афина строго посмотрела на нее и сказала: "Какое отношение ты имеешь к любви? и что такое любовь людей к тому, кто состоит в родстве с существами, которые не могут умереть? Оставайся здесь, пока не свершится твой приговор, и тогда, может быть, Зевс дарует тебе место среди тех, кто живет в его славном доме ". Но Медуза сказала: "Госпожа, позволь мне сейчас уйти. Я не могу сказать, сколько веков может пройти, прежде чем я умру, и ты не знаешь, какая тоска по нежности и любви наполняет сердца смертных". Затем на прекрасном лице Афины появилось выражение гнева, и она сказала: "Не беспокойте меня. Твоя молитва тщетна, и сыны человеческие отвернулись бы от тебя, если бы ты мог пойти среди них, ибо вряд ли они смогли бы увидеть безысходную печаль на твоём лице". Но Медуза мягко ответила: "Госпожа, надежда обладает чудесной силой убивать самое глубокое горе, и в чистом свете Гелиоса мое лицо может быть таким же прекрасным, как твое".

ГРЕЧЕСКИЙ АЛТАРЬ. (3000 лет.)

Тогда гнев Афины стал еще яростнее, и она сказала: "Ты смеешь соперничать со мной? Я стою рядом с Зевсом, чтобы исполнять его волю, и великолепие его славы покоится на мне, и кто ты такой, что говоришь мне такие слова? Поэтому услышь свой приговор. Отныне, если смертный когда-нибудь посмотрит на тебя, один взгляд на твое лицо обратит его в камень. Твоя красота все еще останется, но она будет для тебя чернотой смерти. Волосы, которые золотыми прядями струятся по твоим прекрасным плечам, превратятся в шипящих змей, которые обвивются вокруг твоей шеи. На твоем лице будут видны только страх и трепет, так что все смертные, которые смотрят на тебя, могут умереть". И Афина отошла от нее, и чернота великого ужаса легла на лицо Медузы, и было слышно шипение змей, обвинившихся вокруг ее головы и обвинившихся кольцами вокруг ее шеи. И все же воля Афины не была исполнена полностью, ибо сердце Медузы не дрогнуло от обреченности, придавшей ее лицу смертоносную силу, и она сказала: "Дочь Зевса, надежда еще есть, ибо ты все еще оставляешь меня смертной, и однажды я умру".

ДАНАЯ.

Из дома Феба Аполлона в Дельфах пришли слова предупреждения Акрисию, царю Аргоса, когда он послал спросить, что должно случиться с ним в последующие дни, и предупреждение заключалось в том, что он должен быть убит сыном его дочери Данаи. Так любовь Акрисия переменялась на его дочь, которая росла прекрасной, как весенние цветы, в доме своего отца, и он запер ее в темнице, нисколько не заботясь о ее несчастье. Но могущество Зевса было больше могущества Акрисия, и Даная стала матерью Персея, и они назвали ее ребенка Сыном Светлого Утра, потому что Зевс рассеял тьму ее тюрьмы. Тогда Акрисий сильно испугался и сказал, что Даная и ее ребенок должны умереть.

Первые лучи дня разливали свой слабый свет по небу на востоке, когда они привели Данаю на берег моря и положили ее в сундук вместе с буханкой хлеба и флягой воды. Ее ребенок спал у нее на руках, и покачивание волн, несших сундук по вздымающемуся морю, навевало на него еще более сладостный сон, и слезы Данаи капали на него, когда она думала о прошедших днях и о смерти, которой она должна была умереть в темных водах. И она помолилась Зевсу и сказала: "О Зевс, подаривший мне моего ребенка, можешь ли ты все еще слышать меня и спасти от этой ужасной участи?" Затем Данаю сморил глубокий сон, и, когда она спала с младенцем на руках, ветры по велению Посейдона унесли сундук и выбросили его на берег острова Серифос.

Случилось так, что Диктис, брат Полидекта, царя Острова, закидывал сеть в море, когда увидел, что волны выбросили что-то на сушу, и он поспешно пошел и вынул Данаю с ее ребенком из сундука и сказал: "Не бойся, госпожа, с тобой здесь ничего плохого не случится,

и те, кто плохо обращался с тобой, не приблизятся, чтобы причинить тебе вред на этой земле". Поэтому он привел ее в дом царя Полидекта, который радушно принял ее в своем доме, и Даная отдохнула после всех своих невзгод.

ФЕМИДА (богиня закона).

Так шло время, и ребенок Персей рос храбрым и сильным, и все, кто видел его, дивились его красоте. Свет раннего утра не чище, чем был румянец на его прекрасных щеках, а золотистые локоны ярко струились по его плечам, подобно лучам солнца, когда они отдыхают на холмах в полдень. И Даная сказала: "Дитя мое, в стране, где ты родился, тебя называли Сыном Ясного Утра. Храни свою веру и поступай справедливо со всеми людьми; так ты заслужишь имя, которое они дали тебе". Так Персей рос, ненавидя все подлое и неправильное, и все, кто смотрел на него, знали, что у него чистые руки и чистое сердце.

Но Данае предстояли злые дни - царь Полидект стремился завоевать ее любовь против ее воли. Долгое время он умолял ее внять его молитве, но сердце ее было далеко, в земле Аргос, где родился ее ребенок, и она сказала: "О царь, моя жизнь печальна и изнурительна; что есть во мне такого, что ты должен искать моей любви? В твоём королевстве есть девушки гораздо прекраснее меня; тогда оставь меня заботиться о моем ребенке, пока мы живем в чужой стране". Тогда Полидект поспешно сказал: "Не думай, госпожа, сбежать от меня таким образом. Если ты не послушаешь моих слов, твой ребенок не останется с тобой, но я отошлю его далеко на запад, чтобы он принес мне голову Медузы Горгоны".

Итак, Даная сидела и плакала, когда Полидект оставил ее, и когда пришел Персей, он спросил ее, почему она скорбит и рыдает, и он сказал: "Скажи мне, мать моя, если жители этой земли причинили тебе зло, и я возьму в руку меч и поражу их". Тогда Даная ответила: "Много трудов ждет тебя в грядущее время, но здесь ты ничего не можешь сделать. Только наберись храбрости и поступай по-настоящему, и однажды ты сможешь спасти меня от моих врагов".

Тем не менее, шли месяцы, и Полидект стремился завоевать любовь Данаи, пока, наконец, не возненавидел ее за то, что она не прислушалась к его молитве. И он произнес слово, что Персей должен отправиться убивать Медузу, а Данаю следует заточить в темницу до тех пор, пока мальчик не вернется из страны Граев и Горгон.

Итак, Даная снова оказалась в тюрьме, и юноша Персей пришел попрощаться с ней, прежде чем отправиться в свой утомительный путь. Тогда Даная обняла его, печально посмотрела в его глаза и сказала: "Дитя мое, все, что смертный мужчина может сделать для своей матери,

я знаю, ты сделаешь для меня, но я не могу сказать, куда приведут тебя твои долгие труды, за исключением того, что страна Горгон лежит за медленно катящимся течением Океана. И я не могу сказать, как ты сможешь выполнить приказ Полидекта, ибо только Медуза из сестер-Горгон может состариться и умереть, и смертоносные змеи будут убивать тех, кто приблизится, и один взгляд ее печальных глаз может обратить все смертное в камень. Говорят, когда-то она была прекрасна на вид, но владычица Афина наложила на нее мрачный рок, так что все, кто увидит лицо Горгоны, должны умереть. Возможно, Персей, что сердце Медузы полно скорее горя, чем ненависти, и что не по ее собственной воле горестный блеск ее глаз превращает все смертное в камень, и, если это так, то дело, которое тебе поручено совершить, освободит ее от ненавистной жизни и принесет ей кое-что из тех благ, о которых она сейчас тщетно мечтает. Тогда иди, дитя мое, и процветай. Тебе предстоит великая битва, и хотя я не знаю, как ты сможешь одержать победу, все же я знаю, что честное ведение дел дает чудесную мощь детям человеческим, и Зевс укрепит руку тех, кто ненавидит предательство и ложь".

Тогда Персей призвал свою мать набраться мужества и дал обет, что не будет полагаться на хитрость и ложь, и он сказал: "Я не знаю, мать моя, опасностей и врагов, которые ожидают меня, но будь уверена, что я не встречу их никаким оружием, которым ты пренебрегла бы. Только, когда пройдут дни и месяцы, не думай, что со мной случилось зло, ибо во мне есть надежда, что я смогу выполнить приказ Полидекта и увезти тебя отсюда в нашу аргивскую землю". Итак, Персей с большим мужеством отправился на поиски Медузы Горгоны.

ПЕРСЕЙ.

Восточный ветер поднял серебристой пеной волны Геллийского моря, когда Персей взошел на корабль, который должен был увезти его из Серифоса. Белый парус был распушен по ветру, и корабль весело мчался по вздымающимся водам. Вскоре перед ними выросли голубые холмы, и когда солнце опустилось на западе, Персей снова ступил на землю Аргивян.

Но теперь ему не было покоя в его древнем доме. Снова и снова, через Аргос и другие земли, он должен странствовать в поисках Горгоны, и ничто, кроме его сильного сердца и крепкой руки, не может помочь ему. Но за себя он не боялся, и если глаза его наполнились слезами, то только потому, что он подумал о своей матери Данае; и он сказал про себя: "О, мать моя, я хотел бы, чтобы ты была здесь. Я вижу башни прекрасного города, где Акрий все еще является королем. Я вижу дом, который ты так долго хотел увидеть, и в который сейчас я не могу войти, но однажды я с триумфом приведу тебя сюда, когда вернусь, чтобы вернуть себе право первородства".

Ярко всплыло перед его мысленным взором видение грядущего времени, когда он прилег отдохнуть под голубым небом, но когда его глаза закрылись во сне, перед ним предстало видение еще более великолепное, ибо госпожа Афина пришла из дома Зевса, чтобы помочь юному герою, когда он приступит к своему утомительному труду. Ее лицо сияло такой красотой, какая не дана дочерям человеческим. Но Персей не испугался из-за ее величия, ибо мягкие чары сна окутали его, и он услышал ее слова, когда она сказала: "Я спустилась с Олимпа, где обитает мой отец, Зевс, чтобы помочь тебе в твоём великом труде. У тебя храброе сердце и сильные руки, но ты не знаешь пути, которым тебе следует идти, и у тебя нет оружия, которым можно убить Медузу Горгону. Тебе многое нужно, но только от леденящего взгляда лица Горгоны я могу защитить тебя сейчас. На ее лицо ты не можешь смотреть и жить, и даже когда она умрет, один взгляд на это страшное лицо все равно обратит все смертное в камень. Поэтому, когда ты будешь близок к тому, чтобы убить ее, твой

взгляд не должен останавливаться на ней. Тогда будь внимательна к себе, ибо, пока они бодрствуют, сестры-Горгоны не боятся никакой опасности, ибо змеи, обвивающиеся вокруг их голов, предупреждают их о любой опасности. Только пока они спят, ты можешь приблизиться к ним, и лик Медузы, ни при жизни, ни после смерти, ты никогда не должен видеть. Возьми же это зеркало, в которое ты можешь заглянуть, и когда ты увидишь там ее отражение, тогда напряги свое сердце, прицелись и унеси с собой голову смертной девушки. Не задерживайся в своем бегстве, ибо ее сестры будут преследовать тебя, и они не смогут ни состариться, ни умереть".

И Афина ушла от него, и ранним утром он увидел рядом с собой зеркало, которое она ему дала, и сказал: "Теперь я знаю, что мой труд не напрасен, и помощь Афины - залог еще большей помощи в грядущее время". Итак, он с добрым сердцем отправился дальше по холмам и долам, через реки и леса, навстречу заходящему солнцу. Он мужественно продолжал трудиться, пока сон не отяжелил его глаза, и вечером он прилег отдохнуть на широком камне. И снова перед ним предстала великолепная фигура. На голове у него блестел полированный шлем, в руке он держал золотой посох, а на ногах были золотые сандалии, которые несли его по воздуху с быстротой более быстрой, чем у орла. И Персей услышал голос, который сказал: "Я Гермес, посланник Зевса, и я пришел вооружить тебя против твоих врагов. Возьми этот меч, который убивает все смертное, на что он может упасть, и продолжай свой путь с веселым сердцем. Утомительный путь еще лежит перед тобой, и много долгих дней должен ты блуждать, прежде чем сможешь получить другую помощь в своем могучем труде. Далеко-далеко, к заходящему солнцу, лежит земля Тартессия, откуда ты увидишь горы с белыми гребнями, где Атлас поддерживает небесные столпы. Там ты должен пересечь темные воды, и тогда ты окажешься в стране граев, которые родственны сестрам Горгонам, и ты больше не увидишь славы Гелиоса, который радует дома живых людей. Лишь слабый свет далекого солнца тускло проникает на пустынную землю, где, спрятавшись в мрачной пещере, скрывается несчастный Граяй. Их ты должен искать, и когда ты найдешь их, не бойся их. По их изможденным и морщинистым лицам струятся спутанные массы длинных седых волос, их голос глухо вырывается из беззубых десен, а единственный глаз переходит от одного к другому, когда они хотят выглянуть из своего унылого жилища. Ищи их, ибо только они могут сказать тебе, что еще тебе остается сделать".

Когда Персей проснулся утром, меч Гермеса лежал рядом с ним, и он поднялся с великой радостью и сказал: "Помощь Зевса не подведет меня; если понадобится еще что-то, не предоставит ли он ее мне?" Итак, он отправился в страну Тартессию, а оттуда через темное море в страну Грайи, пока не увидел вдаль, в небо, столпы Атласа. Затем, когда он приблизился к холмам, раскинувшимся под ними, он подошел к темной пещере, и когда он наклонился, чтобы заглянуть в нее, ему показалось, что он видит седые волосы, которые струились по плечам Граяи. Долгое время он отдыхал на камнях за пределами пещеры, пока по их тяжелому дыханию не понял, что сестры уснули. Затем он тихонько подкрался, взял глаз, который лежал рядом с ними, и подождал, пока они проснутся. Наконец, когда слабый свет далекого солнца, которое освещает смертных людей, достиг пещеры, он увидел, как они нащупывают глаз, который он забрал, и вскоре из их беззубых челюстей раздался глухой голос, который сказал: "Рядом с нами есть кто-то, происходящий от детей человеческих, ибо с незапамятных времен мы знали, что кто-то придет и оставит нас слепыми, пока мы не выполним его приказ". Тогда Персей смело вышел вперед, встал перед ними и сказал: "Дочери Форкоса и Кето, я знаю, что вы родственницы сестер Горгон, и теперь вы должны направить меня к ним. Не думай избежать моего коварства, ибо в моих руках меч Гермеса, и он убивает все живое, на что может упасть". И они быстро ответили: "Не убивай нас, дитя человеческое, ибо мы действительно поступим с тобой и расскажем тебе о том, что должно

быть сделано, прежде чем ты сможешь достичь жилища сестер Горгон. Иди отсюда по равнине, которая простирается перед тобой, затем по холмам и долинам, лесам и пустыне, пока не придешь к медленно текущему океанскому потоку; там призови нимф, обитающих под водами, и они поднимутся по твоему приказу и расскажут тебе многое, чего нам не дано знать".

Он снова пошел вперед, через равнину, через холмы и долины, пока не пришел к Океану, который лениво обтекает мир живых людей. Ни один луч чистого солнечного света не пробивался сквозь пасмурный воздух, но бледно-желтый свет, разливающийся по стране Горгон, показал ему темный поток, когда он стоял на берегу и призывал нимф выполнить его приказ. Вскоре они предстали перед ним, приветствовали его по имени и сказали: "О Персей, ты первый из живущих людей, чьи ноги ступили на этот пустынный берег. Долгое время мы знали, что воля Зевса приведет тебя сюда, чтобы ты свершил гибель смертной Медузы. Мы знаем, в чем ты нуждаешься, и без нас твой труд, по правде говоря, был бы напрасен. Ты должен приблизиться к существам, которые могут видеть все вокруг себя, ибо змеи, обвивающие их головы, - это их глаза, а вот шлем Гадеса, который позволит тебе приблизиться к ним незамеченным. У тебя есть меч, который никогда не падает напрасно; но без этого мешка, который мы даем тебе, ты не сможешь унести голову, вид которой превращает все смертное в камень. И когда твоя смертоносная работа будет завершена над смертной девушкой, ты должен улететь от ее сестер, которые не могут умереть и которые последуют за тобой быстрее орлов, и вот сандалии, которые перенесут тебя по воздуху быстрее сна. Тогда поспеши, дитя Данаи, ибо мы готовы перенести тебя на руках через Океанский поток".

Так они перенесли Персея в страну Горгон, и он отправился дальше в бледно-желтом свете, который вечно озаряет ее.

Той ночью, в темноте их одинокого жилища, Медуза рассказала своим сестрам о роке, который однажды должен свершиться, и она сказала: "Сестры, вас мало волнует горе, образ которого на моем лице превращает все смертное в камень. Вы, не знающие старости или смерти, не знаете ужасной тяжести моей агонии и не можете почувствовать признаков грядущих перемен. Но я знаю их. Змеи, обвивающие мою голову, предостерегают меня не напрасно; но они предостерегают меня от опасностей, которых я теперь не хочу избегать. Гнев Афины, сокрушивший слабые надежды, теплившиеся в моем сердце, все еще оставил меня смертным, и я устал от горя прошедших веков. О сестры, вы не знаете, что значит жалеть, но нечто большее, вы знаете, что значит любить, ибо даже в этой живой могиле мы жили вместе в мире, а мир сродни любви. Но послушай меня сейчас. Мои глаза отяжелели от сна, и мое сердце подсказывает мне, что приближается конец света, ибо я всего лишь смертная девушка, и меня не волнует, что сон, который подкрадывается ко мне, может быть сном тех, чья жизнь закончена. Сестры, моя участь, по крайней мере, счастливее вашей, ибо тот, кто убьет меня, - мой друг. Я устал от своего горя, и, может быть, после моей смерти меня ждут лучшие дела".

Но даже когда Медуза заговорила, лица Стеино и Эвриалы не изменились, и казалось, что для них слова Медузы были всего лишь пустым звуком. Вскоре все сестры Горгоны уснули. Смертоносные змеи лежали тихо, и только дыхание, с шипением вырывавшееся из их пастей, было слышно по всей пещере.

Затем приблизился Персей в шлеме Аида на голове и сандалиях нимф на ногах. В правой руке у него был меч Гермеса, а в левой - зеркало Афины. Долгое время он смотрел на лик Медузы, на котором все еще виднелись остатки ее древней красоты, и сказал про себя:

"Смертная девушка, пусть будет так, что нечто большее, чем смертное горе, придаст твоему облику смертоносную силу. Час твоей гибели настал, но смерть для тебя должна быть благом". Затем опустил меч Гермеса, и великая агония Медузы закончилась. Тогда Персей набросил покрывало на мертвое лицо и вынес его из пещеры в мешке, который нимфы дали ему на берегу медленно бушующего океана.

АНДРОМЕДА.

Ужасен был гнев сестер Горгон, когда они пробудились ото сна и увидели, что гибель Медузы свершилась. Змеи зашипели, поднимаясь узловатыми гроздьями вокруг их голов, а Горгоны в ярости заскрежетали зубами, но не из любви к смертной девушке, чьим горестям пришел конец, а потому, что дитя слабых и трудолюбивых мужчин осмелилось приблизиться к дочерям Форкоса и Кето. Быстрее орлов они вылетели из своей мрачной пещеры, но тщетно пытались найти Персея, ибо на голове у него был шлем Аида, а сандалии нимф несли его по воздуху, как сон. Он шел дальше, не зная, куда его несут, ибо видел лишь смутно в бледно-желтом свете, который вечно нависал над страной Горгон; но вскоре он услышал стон, как от смертельной боли, и перед собой он увидел гигантскую фигуру, на голове которой покоились небесные столпы, и он услышал голос, который сказал: "Ты убил Медузу Горгону, дитя человеческое, и ты пришел избавить меня от моего долгого горя? Взгляни на меня, ибо я - Атлас, восставший вместе с Титанами против власти Зевса, когда Прометей сражался на его стороне; и с незапамятных времен я знал, что для меня нет надежды на покой, пока смертный человек не принесет сюда голову Горгоны, которая может превратить все живое в камень. Ибо так было показано мне от Зевса, когда он заставил меня склониться под тяжестью медных небес. И все же, если ты убил Медузу, Зевс был более милостив ко мне, чем к Прометею, который был его другом, ибо он лежит пригвожденный к скалистым утесам Кавказа, и только твое дитя в третьем поколении отпугнет стервятника, который гложет его сердце, и освободит Титана. Но теперь поспеши, Персей, и дай мне взглянуть в лицо Горгоне, ибо муки моего труда почти превышают мои возможности ". Итак, Персей внял словам Атласа и открыл перед ним мертвое лицо Медузы. Мгновение он жадно вглядывался в ее неподвижное лицо, как будто под чернотой великого ужаса все еще мог разглядеть остатки ее бывлой красоты, и пожалел ее за ее безнадежное горе. Но в одно мгновение напряженные глаза закрылись, вздымающаяся грудь замерла, конечности, дрожавшие под тяжестью небес, были неподвижны и холодны, и Персею, когда он снова поднялся в бледно-желтый воздух, показалось, что седые волосы, струившиеся с головы великана, были подобны снегу, лежащему на вершинах великой горы, и что вместо дрожащих конечностей он увидел только трещины на неровном склоне холма.

Все выше и выше мчался он, сам не зная куда, на золотых сандалиях, пока из мрачного сияния страны Горгон не перешел в мягкий и нежный свет, в котором все вещи носили цвета сна. Это был не свет солнца или луны, потому что в той стране не было ни дня, ни ночи. Ни один ветерок не гнал по небу легких утренних облаков и не шевелил листья лесных деревьев, на которых круглый год блестели золотые плоды, но снизу доносилось эхо сладкой музыки, когда он мягко опускался на землю. Затем он снял со своей головы шлем Гадеса и спросил встреченных им людей, как называется эта счастливая земля, и они сказали: "Мы живем там, где ледяное дыхание Борея не может охладить воздух или иссушить наши плоды, поэтому наша земля называется садом гиперборейцев". Там Персей некоторое время отдыхал от своего тяжелого труда, и весь день напролет он наблюдал за танцами счастливых дев, прекрасных, как Геба и Гармония, и участвовал в богатых пирах, на которых пировали жители страны с лавровыми венками, обвитыми вокруг их голов. Там он покоился в глубоком покое,

ибо никакие звуки раздора или войны никогда не смогут нарушить его, и они ничего не знают о злобе и ненависти, о болезнях или старости.

Но вскоре Персей вспомнил о своей матери, Данае, когда она лежала в своей тюрьме в Серифосе, и он покинул сад гиперборейцев, чтобы вернуться в мир тружеников, но жители той земли знали только, что она лежит за медленно текущим океанским потоком, и Персей не видел, куда он шел, когда поднимался в своих золотых сандалиях в мягкий и мечтательный воздух. Он летел все дальше, пока далеко внизу не увидел реку Океан, и еще раз он увидел свет Гелиоса, когда тот вел свою огненную колесницу по небу. Вдали простиралась могучая ливийская равнина, а еще дальше, за окружавшими ее холмами, он увидел воды темного моря и белую полосу пены там, где буруны разбивались о берег. Подойдя ближе, он увидел огромные скалы, поднимавшиеся из бурлящих вод, и на одной из них он увидел девушку, чьи конечности были прикованы цепями к камню. Складки ее белого одеяния развеивались на ветру, а ее прекрасное лицо было изможденным от дневной жары и ночного холода. Тогда Персей поспешил к ней и долго стоял перед ней, но она не видела его, потому что на голове у него был шлем Аида, и он смотрел на нее, пока слезы не выступили у него на глазах от жалости. Ее руки были сложены на груди, и только шевеление губ свидетельствовало о величии ее горя. Все выше и выше поднимались пенящиеся воды, пока наконец девушка не сказала: "О Зевс, неужели нет никого, кого ты мог бы послать мне на помощь?" Тогда Персей взял шлем в руку и предстал перед ней во всей своей великолепной красоте, и девушка поняла, что ей нечего бояться, когда он сказал: "Госпожа, я вижу, что ты в великой печали; скажи мне, кто причинил тебе зло, и я жестоко отомщу за тебя". И она ответила: "Незнакомец, кто бы ты ни был, я буду доверять тебе, ибо твое лицо говорит мне, что ты не из тех, кто поступает ложно. Меня зовут Андромеда, и мой отец, Кефей, царь богатой ливийской земли, но между ним и стариком Нереем, который живет со своими дочерьми в коралловых пещерах на дне моря, идет вражда, ибо, когда я росла в доме своего отца, моя мать тщеславно хвасталась моей красотой и говорила, что среди всех детей Нерее не было никого прекраснее меня". Кассиопея, ты причинила тяжкое зло мне и моим детям. Я молю тебя, не дай ее народу сбежать из-за ее злых слов.

Затем Посейдон выпустил воды моря, и они хлынули по ливийским равнинам, пока над ними не остались только холмы, которые закрывали его, и тогда вышло могучее чудовище и пожрало все плоды земли. В горе и ужасе люди пали ниц перед моим отцом Кефеем, и он послал в дом Амона спросить, что ему делать с чумой вод и с диким зверем, который досаждал им; и вскоре пришел ответ, что он должен приковать свою дочь к скале, пока зверь не придет и не возьмет ее в качестве своей добычи. Поэтому они привязали меня здесь, на этой пустынной скале, и с каждым днем чудовище приближается по мере подъема воды; и я думаю, скоро они поместят меня в пределах его досягаемости. Тогда Персей подбодрил ее ласковыми словами и сказал: "Девушка, я Персей, которому Зевс дал силу творить великие дела. Я держу в своей руке меч Гермеса, которым была убита Медуза Горгона, и я несущу Полидекту, правящему Серифосом, голову, которая превращает в камень всех, кто на нее смотрит. Тогда не бойся, Андромеда. Я вступлю в битву с чудовищем, и, когда твои враги будут побеждены, я попрошу даровать мне твою любовь". Легкий румянец великой радости выступил на бледных щеках Андромеды, когда она ответила: "О Персей, почему я должна скрывать от тебя свою радость? Ты пришел ко мне, как утренний свет, когда он разгорается в печальную ночь". Но пока она говорила, ярость волн усиливалась, и вода поднималась все выше и выше, в своей ярости ударяясь о скалы, и был слышен глухой рев чудовища, когда оно спешило схватить свою добычу. Вскоре рядом с девушкой он увидел великолепную фигуру со сверкающим мечом в руке и с еще большей яростью хлестнул по воде. Тогда Персей вышел ему навстречу и высоко поднял меч, который дал ему Гермес, и сказал: "Меч

Феба, пусть твой удар будет верным, ибо ты поражаешь врага беспомощных". Так упал меч, и кровь могучего зверя окрасила воды зеленого моря в красный цвет.

ЭВТЕРПА (Муза наслаждения).

С радостью в сердце Персей привел девушку в чертоги Кефея и сказал: "О царь, я убил чудовище, которому ты отдал своего ребенка в добычу; отпусти ее теперь со мной в другие земли, если она не откажет мне". Но Кефей ответил: "Побудь с нами еще немного, и свадебный пир будет готов, если ты действительно хочешь поспешить прочь из ливийской земли". Итак, на пиру рядом с Персеем восседала прекрасная Андромеда; но возникла жестокая ссора, ибо на пир пришел Финей, и его разозлило, что другой взял ему в жены девушку, которую он хотел сделать своей невестой. Глубже и яростнее становился его гнев, когда он смотрел в лицо Персею, пока, наконец, он не произнес злые слова в адрес чужеземца, отнявшего добычу, которая должна была принадлежать ему. Но Персей спокойно сказал: "Почему же тогда ты сам не убил чудовище и не освободил девушку?" Когда Финей услышал эти слова, ярость едва не захлестнула его, и он приказал своим людям обнажить мечи и убить Персея. В пиршественном зале поднялся дикий шум, но Персей открыл лицо Горгоны, и Финей и все его люди превратились в камень.

Затем, в тишине, Персей увел Андромеду из дома ее отца, и, побродив по многим землям, они наконец добрались до Серифоса. Даная еще раз посмотрела в лицо своего сына и сказала: "Дитя мое, прошли утомительные месяцы с тех пор, как я попрощалась с тобой; но я уверена, что моя молитва была услышана, ибо твое лицо подобно лицу того, кто возвращается победителем с битвы". Тогда Персей сказал: "Да, мать моя, помощь Зевса никогда не подводила меня. Когда восточный ветер унес меня отсюда в землю Аргивян, мое сердце было полно печали, потому что я увидел город, который ты жаждал увидеть, и дом, в который ты не мог войти, и я поклялся вернуть тебя с триумфом, когда я приду заявить о своих правах по рождению.

В тот вечер, когда я спал, госпожа Афина пришла ко мне из дома Зевса и дала мне зеркало, чтобы я мог взять голову Горгоны, не глядя на лицо, которое превращает все в камень, и еще одной ночью Гермес предстал передо мной и дал мне меч, удар которого никогда не подводит, и Грайи сказали мне, где я должен найти нимф, которые дали мне шлем Аида, и сумку, в которой была голова Горгоны, и золотые сандалии, которые несли меня, как сон, по суше и морю. О, мать моя, я совершал чудесные поступки с помощью Зевса. Мною была совершена гибель Медузы, и я думаю, что слова, которые ты произнес, были правдой, ибо изображение лица Горгоны, которое я видел в зеркале Афины, было лицом той, чья красота была омрачена мучительной агонией, и всякий раз, когда я смотрел с тех пор на это изображение, мне казалось, что на нем был вид человека, который умер от сильной боли. Итак, когда великан Атлас взглянул на это убитое горем чело, он больше не чувствовал тяжести небес, навалившихся на него, и седые волосы, струившиеся по его голове, показались мне, когда я покидал его, подобными снегу, покрывающему горные вершины зимой. Итак, когда из счастливых садов гиперборейцев я пришел на богатую ливийскую равнину и убил чудовище, пытавшееся убить Андромеду, лицо Горгоны превратило Финей и его народ в камень, когда они пытались убить меня, потому что я завоевал ее любовь". Тогда Даная ответила на вопросы Персея и рассказала ему, как Полидект досадил ей своими злыми словами и как один Диктис защитил ее от своего брата. И Персей пожелал Данае приободриться, потому что расплата Полидекта была близка.

В Серифосе царили радость и пиршество, когда разнеслась весть о том, что Персей привез царю голову Медузы Горгоны, и Полидект устроил грандиозный пир, и вино искрилось в кубках, а менестрели пели о великих подвигах сына Данаи. Тогда Персей рассказал ему обо всем, что Гермес и Афина сделали для него. Он показал им шлем Аида, золотые сандалии и безошибочный меч, а затем открыл лицо Медузы Полидекту и людям, которые помогали ему в борьбе против его матери Данаи. Итак, Персей смотрел на них, когда они сидели на

богатом пиру, застывшие и холодные, как камень, и он чувствовал, что его великая работа закончена. Затем, по его молитве, пришел Гермес, посланец Зевса, и Персей вернул ему шлем Аида, и меч, которым была убита Горгона, и сандалии, которые несли его по воздуху, как сон. И Гермес снова отдал шлем Аиду, а сандалии - океанским нимфам, но Афина взяла голову Горгоны, и ее водрузили на ее щит.

Тогда Персей обратился к Даная и сказал: "Мать моя, тебе пора возвращаться домой. Лицо Горгоны превратило Полидекта и его народ в камень, и Диктис правит в Серифосе. Итак, восточный бриз снова наполнил белые паруса, и Даная снова увидела землю Аргивян. Из города в город разнеслась весть о приходе Персея, победившего Горгону, и юноши и девушки пели "Ио Пайан", ведя завоевателя в чертоги Акрисия.

АКРИСИЙ.

Крики "Ио Пайан" достигли ушей Акрисия, когда он сидел в своем одиноком зале, поражаясь странным событиям, которые, должно быть, произошли, чтобы пробудить звуки радости и триумфа; ибо с того дня, как Даная была выброшена со своим младенцем в бушующие воды, военная слава покинула Аргос, и казалось, что все вожди утратили свою древнюю силу и мужество. Но удивление Акрисия сменилось великим страхом, когда ему сказали, что его дочь Даная возвращается домой и что герой Персей спас ее от Полидекта, царя Сериф. Воспоминание обо всем дурном, что он причинил своей дочери, мучило его, и все еще в его сознании жили слова предупреждения, которые исходили от Феба Аполлона о том, что однажды он будет убит руками ее сына; так что, когда он смотрел на небо, ему казалось, что он больше никогда не увидит солнца.

В спешке и ужасе Акрисий бежал из своего дома. Он задержался не для того, чтобы услышать голос Данаи, он остался не для того, чтобы взглянуть в лицо Персею или увидеть, что герой, убивший Горгону, не держит на него зла за несправедливости прежних дней. Он быстро мчался по холмам и долам, через реки и леса, пока не добрался до дома Тевтамиды, великого вождя, правившего в Лариссе.

Пир был накрыт в пиршественном зале, и фессалийские менестрели пели о храбрых подвигах Персея, ибо даже туда уже докатилась его слава. Они рассказали, как из страны тружеников он перешел в страну Граев и Горгон, как он убил смертную Медузу и превратил гиганта Атласа в камень, а затем они спели о том, как мечом Гермеса он поразил могучего зверя, опустошавшего ливийскую землю, и завоевал Андромеду, чтобы она стала его невестой. Тогда заговорил Тевтамидас и сказал: "Друг мой, я завидую твоей счастливой судьбе, ибо не часто в мире людей отцы получают от своих детей такую славу, какую ты получил от Персея. В грядущие века люди будут любить рассказывать о его великих и благих деяниях, и от него произойдут могущественные вожди, которые воспрянут духом, когда вспомнят, как Персей трудился и одержал победу перед ними. А теперь скажи мне, друг, зачем ты пришел сюда. Щека твоя бледна, и рука твоя дрожит, но я не думаю, что это может быть от тяжести прожитых лет, ибо твоя старость еще совсем молода, и ты, возможно, все еще надеешься увидеть детей Персея, столпившихся у твоих колен".

Но Акрисий едва мог ответить от стыда и страха, потому что не хотел рассказывать Тевтамиду о том зле, которое он причинил Даная. Поэтому он поспешно сказал, что бежал от большой опасности, ибо Феб предупреждал, что он будет убит сыном своей дочери. И Тевтамид сказал: "У твоей дочери есть еще один сын?" И тогда Акрисий был вынужден признать, что он бежал от героя Персея. Но лицо Тевтамиды вспыхнуло от гнева, когда он сказал: "О позор, что ты бежишь от того, кто должен быть твоей славой и гордостью! Повсюду люди говорят о доброте и правдивости Персея, и я не поверю, что он затаил на тебя обиду за что-либо, что

ты ему сделал. Нет, ты причиняешь ему более тяжкое зло, избегая его сейчас, чем тогда, когда бросил его на руках у матери в бушующее море. Поэтому он умолял Акрисия за Персея, пока тот не сказал, что Даная и ее ребенок могут прийти на великие игры, которые должны были состояться на равнине перед Лариссой.

С криками "Ио Пайан" юноши и девушки выходили перед Персеем, когда он проходил из города Акрисий, направляясь в Лариссу, и повсюду, пока он путешествовал, люди выходили из городов и деревень, чтобы приветствовать яркого героя и прекрасную Андромеду, которых он спас от ливийского дракона. Они шли дальше, распространяя повсюду радость, пока холодное сердце самого Акрисия не наполнилось чувством странной радости, когда он увидел группу юношей и дев, которые пришли перед ними в дом Тевтамида. И снова его дочь Даная стояла перед ним, по-прежнему прекрасная, хотя печали двадцати лет притупили блеск ее глаз и веселый смех ее юности исчез. Он еще раз взглянул в лицо Персею и выслушал доброе приветствие героя, которому он причинил зло в дни своего беспомощного детства. Но еще больше он восхищался красотой Андромеды и думал про себя, что на всей необъятной земле нет никого прекраснее Персея и жены, которую он завоевал мечом Гермеса.

Затем, когда они смотрели на вождей, сражавшихся вместе на играх, крики толпы в конце каждой из них говорили о том, что Персей был победителем. Наконец они вышли вперед, чтобы посмотреть, у кого из них будет больше силы в руках, чтобы метнуть квойт; и когда Персей прицелился в цель, квойт уклонился в сторону и ударил Акрисия по голове, и предупреждение Феба Аполлона свершилось.

Велика была скорбь Тевтамида и его людей, когда вождь Аргоса лежал мертвый перед ними; но еще глубже и горше была скорбь Персея за поступок, который он невольно совершил, и он сказал: "О Зевс, я старался держать свои руки чистыми и поступать честно, и ты даровал мне суровую награду".

Итак, они в трауре вернулись в Аргос, но, хотя он от всего сердца стремился хорошо править своим народом, горе Персея не могло уменьшиться, пока он оставался в доме Акрисия. Поэтому он послал гонца к своему родственнику Мегапенту, который правил в Тиринфе, и сказал: "Приезжай ты и правь в Аргосе, а я пойду и буду жить среди твоего народа". Итак, Персей поселился в Тиринфе, и жители города радовались, что он стал править ими. Так быстро пролетели месяцы и годы, пока Персей изо всех сил старался осчастливить свой народ и защитить его от врагов. По его приказу циклопы пришли из далекой ликийской земли и построили могучие стены, окружавшие город со всех сторон; и они помогли ему построить еще один город, который впоследствии стал еще больше и могущественнее Тиринфа. Так выросли стены Микен, и там тоже люди любили и чтили Персея за его справедливый поступок больше, чем за все подвиги, которые он совершил мечом Гермеса. Наконец пришло время, когда герой должен был отдохнуть от своего долгого труда, но, глядя на его лицо, яркое и прекрасное даже после смерти, менестрели сказали: "Мы больше не услышим его голоса, но имя Персея никогда не умрет".

КЕФАЛОС И ПРОКРИС.

Из всех девушек в стране Аттика ни одна не была так прекрасна, как Прокрис, дочь царя Эрехтея. Она радовала сердце своего отца не столько своей красотой, сколько добротой и кротостью. Вид ее прекрасного лица и звук ее счастливого голоса приносили радость всем, кто видел и слышал ее. Все останавливались послушать песни, которые она пела, усердно работая за ткацким станком, и девушки, жившие с ней, радовались, когда приходил час пойти с Прокрис постирать одежду или набрать воды из источника. Затем, когда все ее дела

были закончены, она бродила по холмам и долинам, заходила в каждый уголок и лощинку. Во всей стране не было места, где бы не побывала Прокрис. Она ложилась отдохнуть на вершинах самых высоких холмов или на берегу ручья, где он журчал среди скал далеко внизу, в лесистой долине. Так проходили ее дни вдали от дома; и хотя все любили ее и радовались, видя ее лицо, только Прокрис не знала о своей красоте и не думала о своей доброте. Но те, среди кого она жила, старые и молодые, печальные и счастливые, все говорили, что Прокрис, дитя Херсе, всегда была такой же прекрасной и сияющей, как роса раннего утра.

ТАЛИЯ (*Муза комедии*).

Однажды в своих многочисленных странствиях она поднялась на вершину горы Химеттос, почти до того, как на небе появились первые проблески рассвета. Вдалеке, когда она смотрела на синее море, ее взгляд остановился на сверкающих скалах Эвбы, и она посмотрела и увидела, что к берегу под холмом Химеттос плывет корабль. Вскоре он достиг берега, и она увидела, что из корабля вышел мужчина и начал взбираться на холм, в то время как остальные остались на пляже. Когда он подошел к ней ближе, Прокрис поняла, что у него очень красивое лицо, и подумала, что никогда раньше не видела такой красоты у смертного мужчины. Она слышала, что иногда боги спускаются из своего дома на Олимпе, чтобы пообщаться с детьми человеческими, и что иногда ярких героев видели в тех местах, где они жили на земле до того, как их забрали обитать в чертоги Зевса. Когда незнакомец приблизился к ней, солнце ярко и без единого облачка взошло над темным морем, и его свет упал на его лицо, придав ему более чем смертную красоту. Он осторожно подошел к ней и сказал: "Госпожа, я пришел из далекой восточной страны, и когда я приблизился к этому берегу, я увидел, что кто-то отдыхает здесь, на холме. Поэтому я поспешил покинуть корабль, чтобы узнать название страны, которой я достиг. Меня зовут Кефалос, и мой отец, Гелиос, живет в прекрасном доме за морем, но я путешествую по земле, пока не обойду все земли и не увижу все города, построенные людьми. Скажи мне теперь, как тебя зовут и как называется эта прекрасная земля. Затем она сказала: "Незнакомец, меня зовут Прокрис, и я дочь царя Эрехтея, который живет вон там, в Афинах, где ты видишь светлую линию Кефиса, плавно впадающего в море". И Прокрис проводила незнакомца в дом своего отца, и Эрехтей любезно принял его и устроил перед ним пир. Но пока они пировали и пили темно-красное вино, он почти подумал, что Кефалос, должно быть, один из ярких героев, вернувшихся на свою землю, настолько он был красив, и что никто, кроме его собственного ребенка Прокриса, не мог сравниться с ним по красоте.

Долгое время Кефалос жил в доме Эрехтея, и с каждым днем он все больше и больше любил яркую и счастливую Прокрис; и Прокрис становилась все ярче и счастливее, по мере того как взгляд Кефала мягко и любовно останавливался на ней. Наконец Кефалос признался ей в

своей любви, и Эрехтей отдал ему в жены свое дитя, и не было никого во всей стране, кто жил бы вместе в такой глубокой и чистой любви, как Кефалос и Прокрис.

Но среди дев той земли была одна, которую звали Эос. Она тоже была светловолосой и красивой, но у нее не было мягкого духа и бесхитростного сердца Прокрис. Всякий раз, когда Кефалос отправлялся куда-нибудь со своей молодой женой, Эос старалась незаметно следовать за ними, или, если она случайно встречала их, она позволяла своему взгляду долго задерживаться на прекрасном лице Кефала, пока не начинала завидовать счастью Прокрис. И вот однажды, когда был праздник народа той страны, и девушки танцевали на мягкой траве вокруг фонтана, Кефалос и Эос поговорили друг с другом, и Эос позволила увлечь себя своей злой любви. С того дня она все чаще и чаще пыталась поговорить с Кефалосом, пока, наконец, не склонила перед ним голову и тихо призналась ему в своей любви. Но Кефалос мягко сказал ей: "Девушка, ты прекрасна на вид, и есть другие, которые могут хорошо любить тебя, и ты заслуживаешь любви любого. Но я не могу оставить Прокрис, которую Эрехтей отдал мне в жены. Прости меня, девушка, если Прокрис кажется мне еще прекраснее, чем ты на самом деле; но я ценю ее мягкость больше, чем красоту, и Прокрис, с ее чистой любовью и бесхитростным сердцем, всегда будет мне дороже, чем кто-либо другой на всей необъятной земле. Тогда Эос хитро ответила ему: "О Кефалос, ты позволил ввести себя в заблуждение. Прокрис любит тебя не так, как я; докажи ее любовь, и ты увидишь, что я говорил правду.

Так Эос говорила с ним много дней, и великое счастье его жизни было омрачено, ибо слова Эос всплывали в его памяти, когда он смотрел на счастливую и простодушную Прокрис. Он начал сомневаться, действительно ли она была такой чистой и доброй, какой казалась, и в конце концов сказал Эос, что докажет ей свою любовь. Тогда Эос объяснила ему, как это сделать, и сказала, что если он явится к своей жене как чужеземец и принесет ей богатые дары, как из далекой страны, она забудет свою любовь к Кефалу.

С тяжелым сердцем он ушел, ибо он предчувствовал недобрые дни из тонких слов Эос, и он ушел и поселился в другой стране. Так шло время, пока не прошло много недель и месяцев, и Прокрис скорбела и плакала в доме Эрехтея, пока блеск ее глаз не померк и голос не утратил своей веселости. День за днем она искала Кефалоса по всей стране, день за днем она поднималась на холм Химеттос и, глядя на море, говорила: "Конечно, он вернется снова; ах, Кефалос, ты не знаешь любви, которую ты оставил". Так она изнывала в своем горе, хотя ко всем, кто был вокруг нее, она была такой же нежной и любящей, как всегда. Ее отец был теперь стар и слаб, и он знал, что скоро умрет, но больше всего его огорчало то, что он должен оставить свое дитя в горе более горьком, чем если бы Кефалос остался, чтобы утешить ее. Итак, Эрехтей умер, и люди чтили его как одного из героев страны, но Прокрис осталась в своем доме опустошенной, и все, кто видел ее, жалели ее из-за ее истинной любви и глубокого горя. Наконец она почувствовала, что Кефалос больше не вернется и что она больше не сможет быть счастлива, пока не отправится к своему отцу в светлый дом героев и богов.

Тогда выражение мира и любящего терпения появилось на ее прекрасном лице, и она со странной радостью бродила по всем местам, где побывал с ней Кефалос; и вот так случилось, что однажды Прокрис ранним утром отдыхала на восточных склонах горы Химетос, когда внезапно увидела приближающегося к ней мужчину. Платье было странным, но ей показалось, что она узнала его высокую фигуру и легкую походку, когда он поднимался на холм. Вскоре он подошел к ней совсем близко, и она почувствовала себя так, словно попала в странный сон. Вид его лица и взгляд его глаз перенесли ее в минувшие дни, и она вскочила и подбежала к нему, говоря: "О Кефалос, наконец-то ты вернулся; как ты мог так

долго оставлять меня?" Но незнакомка ответила тихим и нежным голосом (ибо он видел, что она была в великой печали): "Госпожа, ты обманута. Я чужестранец, пришедший из далекой страны, и я хочу узнать, как называется эта земля". Тогда Прокрис снова села на траву, сложила руки и медленно произнесла: "Он изменился, и я не могу сказать, как; но, несомненно, это голос Кефалоса". Затем она повернулась к незнакомцу и сказала: "О незнакомец, я оплакиваю Кефалоса, которого любила и потеряла; он тоже пришел из далекой страны за морем. Ты знаешь его и можешь ли ты сказать мне, где я могу его найти?" И незнакомец ответил: "Я знаю его, госпожа; он снова в своем доме, далеко отсюда, куда ты не можешь пойти; но не думай о нем, ибо он забыл свою любовь". Тогда незнакомец заговорил с ней нежными и успокаивающими словами, пока ее горе не стало менее горьким. Долгое время он жил в этой стране, и Прокрис было приятно слышать его голос, в то время как его взгляд ласково останавливался на ней, пока ей почти не показалось, что она снова с Кефалосом. И она подумала про себя: "Что же это за земля, из которой могут прийти двое, прекрасные, как яркие герои?"

И вот, наконец, когда мягкими и нежными словами он успокоил ее печаль, незнакомец заговорил с ней о своей любви, и Прокрис почувствовала, что она тоже могла бы полюбить его, ибо разве Кефалос не презрел ее любовь и не оставил ее давным-давно? Поэтому он сказал: "Можешь ли ты любить меня, Прокрис, вместо Кефалоса?" и когда она мягко ответила "Да", лицо незнакомца изменилось, и она увидела, что это был сам Кефалос, который заключил ее в свои объятия. С диким криком она вырвалась от него, и горькие слезы потекли по ее щекам, она сказала: "О Кефалос, Кефалос, почему ты так поступил? вся моя любовь принадлежала тебе, и *ты* вовлек меня в злые дела". Затем, не дожидаясь его ответа, изо всех сил она бросилась прочь, поспешила к морскому берегу и велела им приготовить корабль, чтобы увезти ее с земли ее отца. С горечью они выполнили ее просьбу и отвезли ее на остров Крит, далеко в восточном море.

Когда Прокрис ушел, пришла дева Эос, встала перед Кефалосом и сказала ему: "Мои слова правдивы, и теперь ты должен сдержать клятву, которой ты клялся любить меня, если Прокрис отдастся незнакомцу". Так Кефалос жил с Эос, но, несмотря на все ее нежные слова, он не мог любить ее так, как все еще любил Прокрис.

Тем временем Прокрис в глубокой и горькой печали бродил по холмам и долинам Крита. Ей не хотелось смотреть на прекрасное утро, разбивающееся о бледную дорожку ночи; ей не хотелось смотреть на яркое солнце, поднимающееся из темного моря, или когда оно опускается отдохнуть за западными водами. Ибо земля утратила всю свою радость, и она чувствовала, что может умереть. Но однажды, когда она сидела на склоне холма и смотрела на широкие равнины, раскинувшиеся внизу, внезапно перед ней предстала женщина, более яркая и великолепная, чем дочери человеческие, и Прокрис поняла по копью, которое она держала в руке, и по собаке, которая склонилась перед ней, что это Артемида, могущественное дитя Зевса и Лето. Тогда Прокрис упала к ее ногам и сказала: "О госпожа Артемида, сжался надо мной в моем великом горе"; и Артемида ответила: "Не бойся, Прокрис, я знаю твою горе. Кефалос причинил тебе великое зло, но он падет от того же коварства, которым отплатил за твою чистую и доверчивую любовь". Затем она отдала Прокрису свою собаку и копьё и сказала: "А теперь поспеши в свою землю и встань перед Кефалосом, и я наложу на него заклятие, чтобы он не узнал тебя. Следуй за ним в погоне, и во что бы ты ни метнул это копьё, оно упадет, и от этой собаки никогда не ускользнет ни одна добыча, которую ты будешь искать".

Итак, Прокрис отплыл обратно в страну Эрехтея с дарами Артемиды. И когда Кефалос отправился в погоню, Прокрис последовала за ним, и вся слава охоты досталась ей, потому

что гончая поражала все, что хватала, и ее копье никогда не промахивалось мимо цели. И Кефалос очень удивился и сказал девушке: "Отдай мне свою собаку и свое копье", и он много раз умолял незнакомку сделать ему подарок, пока, наконец, Прокрис не сказала: "Я не отдам их, но ради твоей любви ты должна покинуть Эос и поселиться со мной". Тогда Кефалос сказал: "Я не забочусь об Эос; так что только у меня есть твои дары, а у тебя будет моя любовь". Но как только он произнес эти слова, на лице незнакомца произошла перемена, и он увидел, что перед ним стоит сама Прокрис. И Прокрис сказал: "Ах, Кефалос, ты еще раз пообещал любить меня, и теперь пусть я сохраню твою любовь и останусь с тобой навсегда. Я почти могу сказать, что никогда никого не любила, кроме тебя, но ты изменился, Кефалос, хотя и остался прежним, иначе ты не обещал бы любить меня за подаренную мне собаку и копье. Тогда Кефалос умолял Прокриса простить его, и он сказал: "Я попался в ловушку, которую я расставил для тебя, но я пал еще глубже. Когда ты дарил мне свою любовь как незнакомцу, тебе все же было приятно думать, что я подобен Кефалосу, и моя клятва тебе была дана просто за дары, которых я жаждал". Но Прокрис только сказал: "Моя радость снова вернулась ко мне, и теперь я больше не покину тебя".

Так еще раз в стране Эрехтея Прокрис и Кефалос жили вместе в истинной и глубокой любви. Они снова бродили по холмам и долам, как в былые времена, и смотрели с высот Химеттоса на белый берег Эвбы, сверкавший в свете раннего дня. Но всякий раз, когда он отправлялся в погоню с собакой и копьем Артемиды, Прокрис видел, что Эос все еще наблюдает, не удастся ли ей поговорить с Кефалосом наедине и снова завоевать его для себя. Она снова была счастлива, но ее счастье было уже не таким, как тогда, когда Кефалос впервые подарил ей свою любовь, пока ее отец, Эрехтей, был еще жив. Она знала, что Эос все еще завидует ей, и стремилась уберечь Кефалоса от опасности, исходящей от ее предательского взгляда и соблазнительных слов. Во время охоты она всегда держалась рядом с ним, хотя он ее и не видел, и вот случилось так, что однажды, когда Прокрис наблюдал за ним из чащи, складки ее платья зашуршали по ветвям, так что Кефалос подумал, что это какой-то зверь выходит из своего логова, и метнул в нее копье Артемиды, которое никогда не промахивалось мимо цели. Затем он услышал крик, как у человека, получившего смертельный удар, и когда он поспешил в чащу, Прокрис лежал сраженный на земле перед ним. Холод смерти был на ее лице, и ее ясные глаза потускнели, но голос ее был таким же любящим, как всегда, когда она сказала: "О Кефалос, меня не печалит, что твоя рука сразила меня. У меня есть твоя любовь, и, обладая ею, я отправляюсь в страну светлых героев, где мой отец, Эрехтей, ждет своего ребенка, и где ты тоже однажды встретишь меня, чтобы жить со мной вечно". Один любящий взгляд, который она бросила на Кефалоса, и прощальная улыбка исчезла в тишине смерти.

НУМА ПОМПИЛИЙ В ГОСТЯХ У НИМФЫ ЭГЕРИИ.

Тогда над телом Прокриса Кефалоса пролились слезы горькой скорби, и он сказал: "Ах, Эос, Эос, хорошо ты вознаградила меня за то, что я когда-то усомнился в такой любви, какой ты никогда не смогла бы испытать". Много дней и много недель он оплакивал свою потерянную любовь, и каждый день он сидел на склонах Химеттоса и думал со спокойной и почти счастливой печалью о том, как Прокрис покоилась там рядом с ним. Все это время копье Артемиды бездействовало, и пес не отправлялся в погоню, пока вожди не пришли из других земель просить его помощи против диких зверей или людей. Среди них был Амфитрион, владыка Фив, чтобы попросить о помощи, и Кефалос сказал: "Я сделаю так, как ты хочешь от меня. Пришло время мне отправиться в путешествие в светлую страну, где живет Прокрис, за западным морем".

И он отправился с Амфитрионом в фиванскую землю и выследил диких зверей, которые растрачивали его урожай, а затем отправился дальше, пока не пришел в дом Феба Аполлона в Дельфах. Там бог повелел ему поспешить к западному морю, где он должен был снова найти Прокрис. Он шел все дальше, через высоты и долины Этолии, пока не остановился на Леокадийском мысу и не посмотрел на голубую воду. Солнце опускалось низко в небе, и золотые вечерние облака собрались вокруг него, когда он спешил к своему отдыху. И Кефалос сказал: "Здесь я тоже должен отдохнуть, ибо мое путешествие завершено, и Прокрис ждет меня в светлой стране". Там, на белом утесе, он стоял, и как только солнце коснулось воды, силы Кефалоса покинули его, и он мягко погрузился в море.

Итак, снова в домах ярких героев Кефалос нашел жену, которую любил и убил.

СКАЙЛЛА.

Из башни дома своего отца Скилла, дочь Нисоса, наблюдала за кораблями царя Миноса, приближавшимися со стороны острова Крит. Их белые паруса и копья критских воинов сверкали на солнце, а гребни волн вздымались и опадали, неся длинные валы к берегу. Наблюдая за этим прекрасным зрелищем, Скилла с грустью подумала о тех давно минувших днях, когда ее отец гостил в чертогах царя Миноса, а она смотрела на его лицо как на лицо друга. Но теперь между вождями Крита и Мегары разгорелась вражда, ибо Андрогей, сын Миноса, был убит злыми людьми по пути из Мегары в Афины, и Минос пришел сюда со своими воинами, чтобы потребовать плату за свою кровь. Но когда явился вестник с посланием Миноса, лицо царя Нисоса покраснело от гнева, когда он сказал: "Отправляйся к тому, кто послал тебя, и скажи ему, что тот, кого охраняют бессмертные боги, не заботится о гнев людей, чьи копья будут переломлены, как камыш". Тогда глашатай сказал: "Я не могу разгадать твою загадку, вождь Мегары, но в жилах Миноса течет кровь богов, и не может быть, чтобы сын Европы пал от руки тебя или твоего народа".

Солнце в потоке золотого великолепия скрылось за пурпурными вершинами Гераней, и когда на землю опустился вечерний туман, воины Миноса приготовились к наступлению на следующее утро. Но когда свет Эос озарил небо на востоке, и жители Крита выступили на битву, их сила и отважные подвиги ничем не помогли им, ибо руки самых могущественных ослабели, как руки маленького ребенка, потому что тайные чары, в которых заключалась сила бессмертных богов, охраняли город Нисос. И так случилось, что по мере того, как день за днем они тщетно сражались у стен Мегары, дух жителей Крита слабел, и многие говорили, что они пришли сюда не для того, чтобы сражаться против бессмертных богов.

Но каждый день, когда Минос вел своих людей на город, дочь Нисоса выглядывала из своей башни и видела его лицо, прекрасное, как в те дни, когда она жила в его доме в Гноссосе, и пылающее гордостью и рвением к войне. Тогда сердце Скиллы наполнилось странной любовью, и она задумчиво произнесла про себя: "К чему эта борьба вооруженных людей? Любовь превыше всех сокровищ, и для меня ярче, чем любовь других, был бы один добрый взгляд светлого сына Европы. Я знаю заклинание, которое удерживает город мегарцев, и в чем зло содеянного, если я возьму пурпурную прядь волос, которую боги дали моему отцу в залог того, что, пока она остается нетронутой, его народу не причинят вреда? Если я отдам его Миносу, борьба окончена, и, возможно, я завоюю его любовь.

Итак, когда ночная тьма снова опустилась на землю, и все сыны человеческие погрузились в глубокий сон, Скилла украдкой проникла в покои своего отца и похитила пурпурный замок, в котором заключалась его сила и сила его народа. Затем, когда краски раннего утра прокрались по темным небесам, критские стражники увидели фигуру женщины, которая приблизилась к ним и велела отвести ее к шатру царя Миноса. Когда ее привели к нему, с

опущенным лицом она поклонилась до земли и сказала: "Я жила в твоих чертогах в те дни, которые прошли, когда между тобой и домом моего отца Нисоса был мир. О Минос, мир лучше войны, и из всех сокровищ самое драгоценное - любовь. Тогда взгляни на меня нежно, как в прежние дни, ибо дорогой ценой я ищу твоей доброты. В этом пурпурном замке сила моего отца и его народа". Затем странная улыбка промелькнула по лицу Миноса, когда он сказал: "Нельзя так легко отказываться от даров прекрасных дев; воздаяние будет совершенно, когда закончится суматоха раздора".

С могучим криком критские воины ринулись в атаку, когда огненные кони Гелиоса вместе с его колесницей взмыли в пылающие небеса. Тотчас же пали стены Мегары, и критяне ворвались в дом Нисоса. Итак, город был взят, и Минос приготовился выступить против афинян, ибо и на них он стремился отомстить за смерть своего сына Андрогее. Но даже когда он спешил к своему кораблю, Скилла стояла перед ним на берегу моря. "Твоя победа от меня, - сказала она, - где воздаяние за мой дар?" Тогда Минос ответил: "Та, кто не заботится об отце, который лелеял ее, получит свою собственную награду, а дар, который ты принес мне, выше человеческого вознаграждения". Легкий южный бриз раздувал распушенный парус, и корабль Миноса весело танцевал на покрытой рябью воде. Мгновение дочь Нисоса в задумчивости стояла на берегу. Затем она простерла руки и с тихим криком горькой муки сказала: "О Любовь, твое жало жестоко, и моя жизнь умирает, отравленная улыбкой Афродиты!" Так воды сомкнулись над дочерью Нисоса, когда она погрузилась в синие глубины; но борьба, которая раздражает сынов человеческих, все еще преследует ее, когда орел спускается с облаков за своей добычей в соленом море.

ФРИКСОС И ХЕЛЛЕ.

Много-много лет назад жил человек по имени Атамас, и у него была жена по имени Нефела. У них было двое детей — мальчик и девочка. Мальчика звали Фриксос, а его сестру звали Хелле. Они были хорошими и счастливыми детьми и весело играли в полях, и их мать Нефела нежно любила их. Но мало-помалу у них отняли мать, и их отец, Атамас, совсем забыл о ней, потому что не любил ее так, как следовало бы. И очень скоро он женился на другой жене, которую звали Ино, но она была груба и недобра к Фриксосу и Хелле, и они стали очень несчастны. Их щеки больше не были розовыми, и их лица больше не выглядели яркими и жизнерадостными, как раньше, когда они могли вернуться домой к своей матери Нефеле, и поэтому они играли все меньше и меньше, пока никто бы не подумал, что это те же дети, которые были так счастливы до того, как Нефелу забрали. Но Ино ненавидела этих бедных детей, потому что была жестокой женщиной, и ей хотелось избавиться от Фриксоса и Хелле, и она думала, как бы ей это сделать. Поэтому она сказала, что Фриксос испортил всю кукурузу и помешал ей расти, и что они не смогут испечь никакого хлеба, пока он не будет убит. В конце концов она убедила Атамаса, что он должен убить Фриксоса. Но хотя Атамасу было наплевать на Фриксоса и Хелле, все же их мать, Нефела, видела, что происходит, хотя они не могли видеть ее, потому что между ними было облако; и Нефела была полна решимости, чтобы Атамас не причинил вреда Фриксосу. Поэтому она послала барана с золотым руном унести ее детей, и однажды, когда они сидели на траве (потому что были слишком печальны и несчастны, чтобы играть), они увидели прекрасного барана, вышедшего на поле. И Фриксос сказал Хелле: "Сестра, посмотри на этого барана, который идет к нам; смотри, он весь сияет, как золото — его рога сделаны из золота, и все волосы на его теле тоже золотые". Так баран подходил все ближе и ближе, и наконец он улегся совсем рядом с ними и выглядел таким спокойным, что Фриксос и Хелле несколько его не испугались. Потом они поиграли с овцой, и взяли ее за рога, и погладили ее золотое руно, и потрепали ее по голове, и баран выглядел таким довольным, что они подумали, что хотели бы

прокатиться у него на спине. Итак, Фриксос встал первым и обнял барана за шею, а маленькая Хелле встала позади своего брата и обняла его за талию, и тогда они крикнули барану, чтобы он встал и понес их. И баран понял, чего они хотят, и начал сначала ходить, а потом побежал. Мало-помалу он поднялся с земли и полетел. И когда он впервые оторвался от земли, Фриксос и Хелле испугались и стали умолять барана снова спуститься и положить их на землю, но баран повернул голову и посмотрел на них так ласково, что они больше не боялись. Поэтому Фриксос велел Хелле крепко обхватить его за талию и сказал: "Дорогая Хелле, не бойся, потому что я не думаю, что баран хочет причинить нам какой-либо вред, и я почти уверен, что его, должно быть, послала наша дорогая мать Нефела, и что он перенесет нас в какую-нибудь лучшую страну, где люди будут добры к нам, как когда-то была наша мать".

И вот случилось так, что как раз в тот момент, когда баран начал улетать с двумя детьми на спине, Ино и Атамас вышли на поле, думая, как бы им убить Фриксоса, но они нигде не могли его увидеть; и когда они посмотрели вверх, то высоко в воздухе над их головами они увидели улетающего барана с детьми на спине. Тогда они закричали и подняли сильный шум, и подбрасывали в воздух камни, думая, что баран испугается и снова спустится на землю; но барана не волновало, сколько шума они производили и сколько камней швыряли вверх. Все дальше и дальше летел он, все выше и выше, пока, наконец, не стал похож на маленькое желтое пятнышко в голубом небе; и тогда Ино и Атамас больше его не видели.

Итак, эти злые люди сели, очень злые и несчастные. Им было жаль, потому что Фриксос и Хелле ушли целыми и невредимыми, когда они хотели их убить. Но гораздо больше они сожалели о том, что уехали на спине барана, чье руно было сделано из золота. Тогда Ино сказала Атамасу: "Как жаль, что мы не вышли на поле немного раньше, потому что тогда мы могли бы поймать этого барана, убить его и содрать с него золотое руно, и мы были бы богаты до конца наших дней".

Все это время баран летел все дальше и дальше, все выше и выше, с Фриксосом и Хелле на спине. И Хелле начала очень уставать, и она сказала своему брату, что больше не может держаться, и Фриксос сказал: "Дорогая Хелле, постарайся продержаться как можно дольше; я осмелюсь сказать, что баран скоро достигнет того места, куда он хочет нас отнести, и тогда ты ляжешь на мягкую траву и будешь так приятно спать, что больше не почувствуешь усталости". Но Хелле сказала: "Дорогой Фриксос, я действительно постараюсь держаться так долго, как смогу, но мои руки становятся такими слабыми, что я боюсь, что не смогу долго продержаться". И мало-помалу, когда она ослабела, она сказала: "Дорогой Фриксос, если я упаду, ты больше не увидишь Хелле, но ты не должен забывать ее, ты всегда должен любить ее так, как она любила тебя, и тогда когда-нибудь мы снова увидимся и будем жить с нашей дорогой матерью Нефелой". Затем Фриксос сказал: "Постарайся продержаться еще немного, Хелле. Я никогда никого не смогу полюбить так сильно, как люблю тебя; но я хочу, чтобы ты жила со мной на земле, и мне невыносима мысль о жизни без тебя".

Но бесполезно было то, что он говорил так ласково и пытался ободрить свою сестру, потому что он не мог укрепить ее руки и тело; так что мало-помалу бедняжка Хелле упала, как раз когда они пролетали над узким участком моря, упала в него и утонула. И люди называли ту часть моря, куда она впала, Геллеспонтом, что означает море малой Эллы.

Так Фриксос остался один на спине барана; и баран летел все дальше и дальше, пока не добрался до дворца Аэта, царя Колхиды. И царь Аьет прогуливался по своему саду, когда поднял глаза к небу и увидел нечто, очень похожее на желтую овцу с маленьким мальчиком на спине. И царь Аьет был сильно поражен, ибо он никогда раньше не видел столь странной

вещи, и он позвал свою жену, своих детей и всех остальных, кто был в его доме, прийти и посмотреть на это чудесное зрелище. И они посмотрели и увидели, что баран приближается все ближе и ближе, и тогда они поняли, что на спине у него действительно был мальчик; и мало-помалу баран опустил на землю у их ног, и Фриксос слез с его спины. Тогда царь Айет подошел к нему, взял его за руку и спросил, кто он такой, и он сказал: "Расскажи мне, маленький мальчик, как получилось, что ты приехал сюда таким странным образом верхом на спине барана". Тогда Фриксос рассказал ему, что баран пришел на поле, где они с Хелле играли, и утащил их от Ино и Атамаса, которые были очень недобры к ним, и как маленький Хелле устал, свалился со спины и утонул в море. Тогда царь Аэт взял Фриксоса на руки и сказал: "Не бойся; я позабочусь о тебе и дам тебе все, что ты захочешь, и никто не причинит тебе здесь вреда; а баран, который перенес тебя по воздуху, останется в этом прекрасном месте, где у него будет столько травы, сколько он захочет, и ручей, из которого он сможет пить и купаться, когда захочет".

Итак, Фриксоса взяли во дворец царя Айета, и все любили его, потому что он был хорошим и добрым и никогда никому не причинял вреда. И он вырос здоровым и сильным, и научился ездить верхом по стране, и прыгать, и бегать по холмам и долинам, и плавать в чистых реках. Он не забыл свою сестру Хелле, потому что любил ее по-прежнему так же сильно, как и прежде, и очень часто ему хотелось, чтобы она снова приехала и жила с ним, но он знал, что она была с его матерью, Нефелой, в счастливой стране, куда хорошие люди отправляются после смерти. И поэтому он никогда не был несчастлив, когда думал о своей сестре, ибо он сказал: "Однажды я тоже попаду в ту светлую страну и снова буду жить со своей матерью и сестрой, если я всегда буду стараться поступать правильно". И очень часто он ходил посмотреть на прекрасного барана с золотым руном, пасущегося в саду, и гладил его золотые локоны.

Но баран теперь был не так силен, как тогда, когда он летел по воздуху с Фриксосом и Хелле на своем коне, потому что он старел и слабел, и в конце концов баран умер, и Фриксосу было очень жаль. И царь Айет приказал снять с тела золотое руно, и они прибили его к стене, и все пришли посмотреть на руно, которое было сделано из золота, и послушать историю Фриксоса и Гелле.

Но все это время Атамас и Ино рыскали повсюду, пытаясь выяснить, куда делся баран с детьми на спине; и они спрашивали каждого, кого встречали, не видели ли они овцу с золотым руном, уносившую двух детей. Но никто ничего не мог рассказать об этом, пока, наконец, они не пришли в дом Айета, царя Колхиды. И они подошли к двери и спросили Аэта, видел ли он Фриксоса, Гелле и овцу с золотым руном. Тогда Айет сказал им: "Я никогда не видел маленькой Хелле, потому что она упала со спины барана и утонула в море, но Фриксос все еще со мной, а что касается барана, смотрите, вот его золотое руно прибито гвоздями к стене". И как раз в этот момент случайно вошел Фриксос, и Айет спросил их: "Послушайте, а теперь скажите мне, тот ли это Фриксос, которого вы ищете". И когда они увидели его, они сказали: "Это действительно тот самый Фриксос, который уехал на спине барана, но он вырос в великого человека"; и они начали бояться, потому что думали, что теперь не смогут плохо обращаться с Фриксосом, как они делали, когда он был маленьким мальчиком. Поэтому они попытались выманить его, притворившись, что рады его видеть, и сказали: "Уезжай с нами, и мы будем жить счастливо вместе". Но Фриксос увидел по выражению их лиц, что они говорят неправду и что они все еще ненавидят его, и он сказал им: "Я не пойду с вами; царь Айет был очень добр ко мне, а вы всегда были недобры ко мне и к моей сестре, и поэтому я никогда не оставлю царя Айета, чтобы уйти с вами". Тогда они сказали Айету: "Фриксос может остаться здесь, но отдай нам золотое руно, которое досталось от барана,

унесшего детей". Но король сказал: "Я не буду... Я знаю, что ты просишь об этом только потому, что хочешь продать это, и поэтому ты этого не получишь".

Тогда Ино и Атамас в ярости отвернулись и снова отправились в свою страну, несчастные из-за того, что не смогли заполучить золотое руно. И они рассказали всем, что руно барана находится во дворце царя Колхиды, и они пытались убедить каждого отправиться на большом корабле и забрать руно силой. Итак, собралось великое множество людей, и все они сели на большой корабль под названием "Арго", и они плыли и плыли, пока, наконец, не прибыли в Колхиду. Затем они послали кого-то попросить Айета отдать им золотое руно, но он не захотел, и они никогда бы не нашли руно снова, если бы мудрая девушка Медея не показала Ясону, как он может превзойти приказ царя Айета. Но когда Ясон выиграл приз и они снова отплыли на свою родину, руно не было отдано Атамасу и Ино. Другие люди взяли это, потому что они сказали: "Это совершенно правильно, что мы должны получить это, чтобы компенсировать все наши старания помочь заполучить это". Так что, при всей своей жадности, эти несчастные люди остались такими же бедными и несчастными, как всегда.

МЕДЕЯ.

Далеко-далеко, в колхидской стране, где ее отец Айет был царем, мудрая девушка Медея увидела Ясона и полюбила его, который приплыл на корабле "Арго" на поиски золотого руна. Зевс дал ей мудрое и коварное сердце, и она обладала властью над сокрытыми вещами земли, и ничто в широком море не могло противостоять ее могуществу. У нее были заклинания, способные укротить чудовищ, досаждающих детям человеческим, и вернуть молодость морщинистым лицам и трясущимся конечностям стариков. Но чары Эроса были еще могущественнее, и мудрая девушка забыла о своей хитрости, когда взглянула на прекрасное лицо Ясона, и она сказала про себя, что сделает его победителем в его борьбе за золотое руно и отправится с ним, чтобы стать его женой в далекой западной стране. Итак, царь Айет напрасно выводил огнедышащих быков, чтобы они могли опалить Ясона, когда он вспахивал землю зубами дракона, и напрасно из этих зубов вырастал урожай вооруженных людей, готовых к раздорам и кровопролитию. Ибо Медея помазала тело Ясона мазью, чтобы огненное дыхание быков не повредило ему; и по ее приказу он бросил камень в вооруженных людей, и они сражались друг с другом за камень, пока все не упали мертвыми на землю. И все же царь Айет не отдавал ему золотого руна, и сердце Ясона было подавлено, пока Медея не пришла к нему и не велела следовать за ней. Затем она отвела его в укромную лошину, где дракон охранял руно, и наложила свои чары на чудовище и навела ему тяжелый сон на глаз, в то время как Ясон взял руно и поспешил отнести его на борт корабля "Арго".

Итак, Медея покинула дом своего отца и странствовала с Ясоном по многим землям — в Иолкос, в Афины и в Аргос. И куда бы она ни пошла, люди восхищались ее мудростью и красотой, но, глядя на ее прекрасное лицо и слушая ее нежный голос, они не знали силы девичьего гнева, если кто-нибудь причинит ей зло. И поселилась она в Иолкосе, в доме Пелиаса, который послал Ясона искать золотое руно, чтобы тот не стал царем вместо него, и дочери Пелиаса полюбили прекрасную Медею, ибо им и во сне не снилось, что она поклялась отомстить Пелиасу за зло, которое он причинил Ясону. Хитроумно она рассказала дочерям Пелиаса о силе своих заклинаний, которые могли укротить огнедышащих быков, усыпить дракона и вернуть блеск молодости увядшим щекам стариков. И дочери Пелиаса сказали ей: "Наш отец стар, и члены его слабы и шатаются, покажи нам, как еще раз сделать его молодым". Тогда Медея взяла барана, разделала его и положила конечности в котел, и когда она сварила их на очаге, появился ягненок, и она сказала: "Так твой отец снова обретет молодость и силу, если ты поступишь с ним так, как я поступила с бараном, и когда придет время, я произнесу слова моего заклинания, и перемена совершится". И дочери Пелиаса

последовали ее совету и положили тело своего отца в котел, и, пока оно кипело в очаге, Медея сказала: "Я должна подняться на крышу дома и посмотреть на широкое небо, чтобы узнать время произнести слова моего заклинания". И огонь разгорался все яростнее и яростнее, но Медея смотрела на яркие звезды и не спускалась с крыши дома, пока конечности Пелиаса не сгорели дотла.

ПОЛИГИМНИЯ (*Муза риторики и красноречия*).

Затем выражение лютой ненависти промелькнуло на ее лице, и она сказала: "Дочери Пелиаса, вы убили своего отца, и я иду с Ясоном в землю Аргос". И она поспешила туда вместе с ним на своей драконьей колеснице, которая доставила их в дом короля Креона.

Долгое время она жила в Аргосе, радуясь любви Ясона и виду своих детей, которые росли сильными и красивыми. Но Ясон все меньше и меньше заботился о мудрой и коварной Медее, и ему все больше нравилось смотреть на Глауке, дочь короля, пока, наконец, он не возжелал освободиться от любви и власти Медеи.

Тогда в Аргосе заговорили о любви Ясона к прекрасной Глауке, и Медея услышала, что он собирается жениться на другой жене. Ее лицо снова потемнело от гнева, как тогда, когда она оставила дочерей Пелиаса оплакивать своего отца, и она поклялась, что Ясон раскается в своем великом предательстве. Но она спрятала свой гнев в своем сердце, и глаза ее сияли, а голос был мягким и нежным, когда она обратилась к Ясону и сказала: "Мне сказали, что ты женишься на дочери Креона; я не думала, что таким образом потеряю любовь, ради которой я покинула дом моего отца и пришла с тобой в страну чужаков. И все же я не упрекаю тебя, ибо, возможно, ты не можешь любить мудрую колхидскую девушку, как нежных дочерей земли Аргивян, и все же ты не знаешь полностью, как я любил тебя. Тогда иди и живи с Глауке, а я пошлю ей яркий подарок, чтобы ты не забывал минувших дней".

И Ясон ушел, очень довольный тем, что Медея говорила с ним мягко и не упрекала его, и вскоре его дети пришли за ним в дом Креона и сказали: "Отец, мы принесли венок для Глаука и одежду, которые Гелиос подарил нашей матери, Медее, прежде чем она ушла с тобой из дома своего отца". Затем Глауке нетерпеливо вышел вперед, чтобы принять дары, и она возложила сверкающий венок себе на голову и обернула мантию вокруг своего стройного тела. Как счастливый ребенок, она посмотрелась в зеркало, чтобы полюбоваться блеском драгоценных камней на своем прекрасном лбу, и села на кушетку, играя складками одеяния Гелиоса. Но вскоре выражение боли промелькнуло на ее лице, и ее глаза засияли огненным светом, когда она подняла руку, чтобы снять венок, но воля Медеи была исполнена, ибо яд проник в ее вены, и одеяние смертельной хваткой прилипло к ее обожженным и истощенным конечностям. По широким залам разнеслись крики ее агонии, когда Креон сжал своего ребенка в объятиях. Затем яд разлился и по его венам, и Креон умер вместе с Глауком.

Затем Медея поднялась со своими детьми на крышу дома, посмотрела на голубое небо и, простерев руки, сказала: "О Гелиос, подаривший мне мудрое и коварное сердце, я отомстила за себя Ясону, как когда-то отомстила за него Пелиасу. Ты дал мне свою силу; и все же, может быть, я предпочел бы пожизненную любовь беспомощных дочерей человеческих".

Вскоре ее драконья колесница поднялась в небо, и жители Аргоса больше не видели могучей Мидеи.

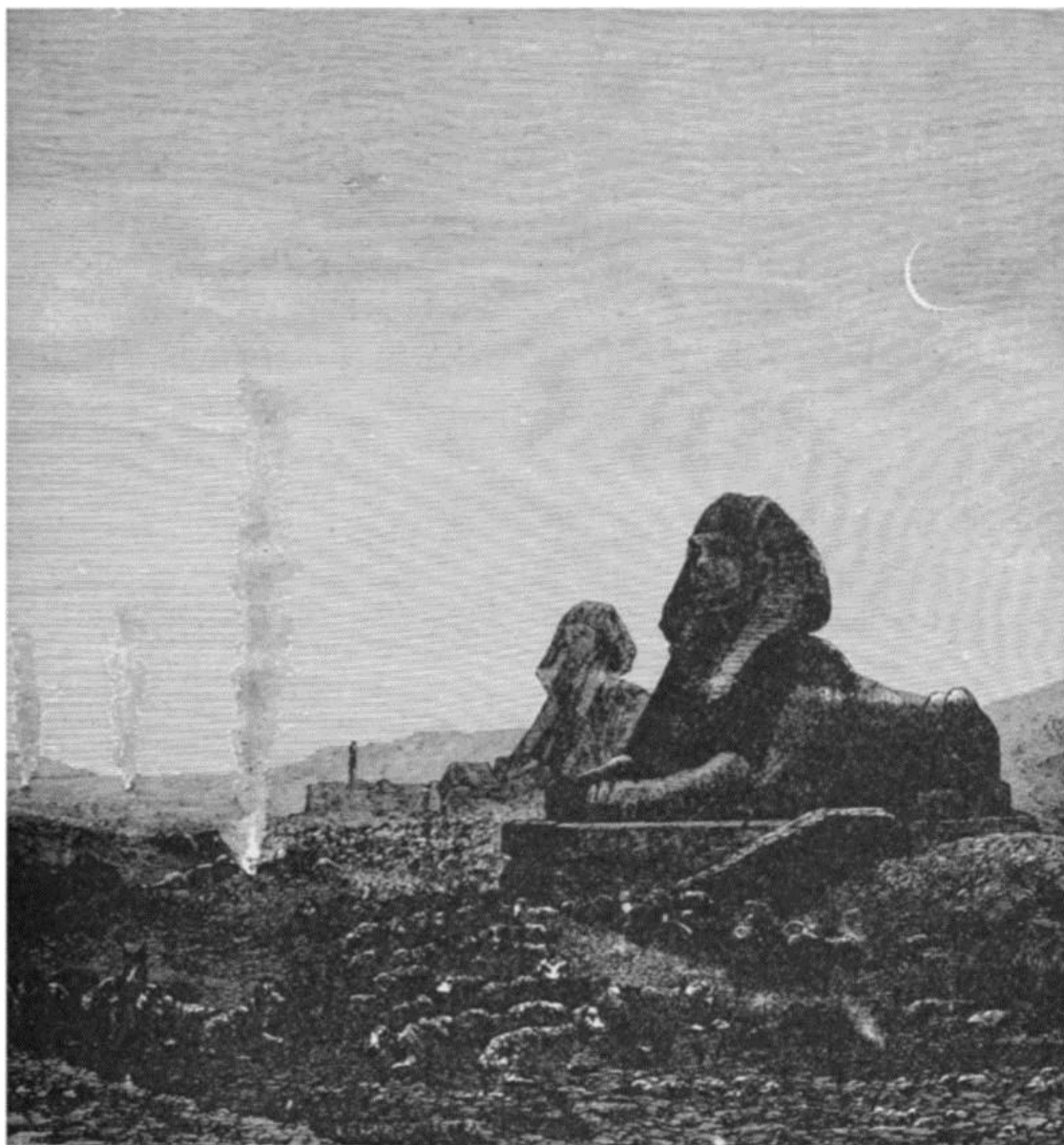
ТЕСЕЙ.

Много-много лет назад маленький ребенок играл на белом песке залива Трезен. Его золотистые локоны развевались на ветру, когда он бежал среди покрытых рябью волн, которые лениво набегали на пляж. Иногда он радостно хлопал в ладоши, когда вода омывала его ноги, и снова останавливался, чтобы удивленными глазами посмотреть на странные существа, греющиеся на солнечном берегу, или смотрел на могучие воды, которые простирались вдаль, яркие, как сапфировый камень. Но вскоре более печальные мысли встревожили ребенка, потому что выражение радости исчезло с его лица, и он медленно подошел к своей матери, которая сидела среди поросших водорослями камней, наблюдая за игрой своего ребенка.

"Мама, - сказал мальчик, - я очень счастлив здесь, но могу ли я сегодня узнать, почему я никогда не вижу своего отца, как это делают другие дети?" Я уже не так молода, и я думаю, что иногда ты чувствуешь себя одинокой, потому что твое лицо выглядит печальным, как будто ты оплакиваешь кого-то, кто ушел".

Мать с любовью и гордостью посмотрела на своего мальчика, пригладила золотистые локоны у него на лбу и сказала: "Дитя мое, есть многое, что может сделать нас счастливыми, и, возможно, у нас обоих впереди еще много радостных дней. Но есть труд для всех, и много трудных задач ждет тебя, сын мой. Только имей храброе сердце и отворачивайся от всего низменного, и тебе будет дана сила победить самого сильного врага. Тогда сядь здесь, рядом со мной, и я расскажу тебе историю, которая может опечалить тебя, но которая не должна делать тебя несчастным, ибо никто не может сделать добро тем, кто тратит свою жизнь на слезы. Много лет прошло с того дня, когда незнакомец приблизился к дому моего отца Питтеуса. Бледный вечерний свет угасал на небе, но по его лицу и силе его рослой фигуры мы могли видеть, что он происходил из благородной расы и мог совершать отважные поступки. Когда Питфей вышел с порога ему навстречу, незнакомец схватил его за руку и сказал: "Я пришел заявить о правах нашей древней дружбы, ибо наши враги стали слишком могущественны для нас, и Пандион, мой отец, больше не правит в Афинах. Тогда позволь мне задержаться здесь, пока я не найду способ наказать людей, которые изгнали своего Короля и сделали его детей скитальцами по земле. "Итак, Эгей жил в доме моего отца, и вскоре он завоевал мою любовь, и я стала его женой. Быстро и счастливо проходили дни, и только одно беспокоило меня, и это была мысль о том, что однажды он должен покинуть меня, чтобы сражаться со своими врагами и снова посадить своего отца на трон. Но даже эта мысль была забыта на некоторое время, когда Эгей впервые взглянул на тебя и, простерев руки к небу, сказал: "О Зевс, обитающий в темном облаке, взгляни вниз на моего ребенка и дай ему сил, чтобы он мог стать лучшим человеком, чем его отец, и если ты прикажешь, чтобы его жизнь была полна тяжелого труда, все же дай ему радость, которая является уделом всех, кто выполняет свою работу с веселым сердцем и бережет свои руки от всего оскверняющего". Затем дни пролетели быстрее и счастливее, чем когда-либо, но наконец прибыли гонцы из

Афин, чтобы сообщить ему, что враги Пандиона враждуют между собой и что пришло время Эгею сражаться за дом своего отца. Вскоре после этого мы сидели здесь, наблюдая, как ты играешь среди сорняков и цветов, вьющихся среди скал, когда твой отец нежно обнял меня и сказал: "Айтра, лучший дар из всех, что когда-либо давали мне боги, я оставляю тебя, чтобы отправиться в свою страну, и я не знаю, что может случиться со мной там, и смогу ли я вернуться сюда, чтобы взять тебя жить со мной в Афинах. Но не забывай об ушедших днях и не падай в обморок из-за отсутствия надежды на то, что мы сможем встретиться снова в грядущие дни. Будь храброй матерью нашему ребенку, чтобы он тоже мог вырасти храбрым и чистым, а когда он станет достаточно взрослым, чтобы знать, что он должен делать, скажи ему, что он рожден из благородной расы и что однажды ему придется храбро сражаться, чтобы вернуть наследство своих отцов. "А теперь, сын мой, ты видишь вон ту скалу, на которую взобрался дикий шиповник. Никто не трогал его с того дня, как твой отец поднял его и положил под него свой меч и сандалии. Затем он положил камень на место, как это было раньше, и сказал мне: "Когда ты сочтешь нужным, скажи нашему ребенку, что он должен подождать, пока не сможет поднять этот камень. Затем он должен надеть мои сандалии на свои ноги, пристегнуть к поясу мой меч и отправиться в город своих предков. "С того дня, дитя мое, я никогда не видел лица твоего отца, и время часто бывает томительным, хотя воспоминания о былых днях сладки, и мое дитя рядом со мной, чтобы подбадривать меня своей любовью. Итак, теперь ты кое-что знаешь о задаче, которая стоит перед тобой. Подумай о словах твоего отца и приготовься к тяжелому труду и опасностям, которые могут выпасть на твою долю в грядущее время".

ЕГИПЕТСКИЙ СФИНКС.

Мальчик с тоской посмотрел в лицо матери, и странное чувство любви, надежды и силы наполнило его сердце, когда он увидел слезы, навернувшиеся на ее глаза, когда сказка закончилась. Его руки обвились вокруг ее шеи, но он сказал только: "Мама, я буду терпеливо ждать, пока не наберусь достаточно сил, чтобы поднять камень, но до того, как придет это время, возможно, мой отец вернется из Афин".

Так шли дни еще много лет, и мальчик, Тесей, рос храбрым, правдивым и сильным. Никто из тех, кто смотрел на него, не завидовал его красоте, ибо его мягкость не оставляла места для зависти, и его мать с гордым и радостным сердцем слушала слова, с которыми жители страны рассказывали о его добрых делах. Наконец дни его юности закончились, но Эгей не вернулся, и Тесей пошел к Айтре и сказал: "Время пришло, мать моя; я должен увидеть сегодня, достаточно ли я силен, чтобы поднять камень". И Айтра мягко ответил: "Да будет так, как ты пожелаешь и как пожелают бессмертные боги, сын мой". Затем он подошел к скале и собрался с духом для могучего усилия, и камень медленно поддался его силе, и меч и сандалии легли перед ним. Вскоре он предстал перед Эйтри, и ей показалось, что лицо Тесея было лицом одного из ярких героев, обитающих в чертогах Зевса. Румянец

великолепной красоты озарил его лицо, когда она пристегнула меч к его боку и сказала: "Боги благословляют тебя, сын мой, и они будут благословлять тебя, если ты доживешь до грядущего времени так, как жил в минувшие дни".

Так Тесей попрощался со своей матерью там, на берегу белого моря, где давным-давно он впервые попросил ее назвать ему свое имя и родню. С грустью, но с доброй надеждой он отправился в свое путешествие. Перед ним расстиралось синее море, и белые паруса кораблей блестели, танцуя на вздымающихся водах. Но Тесей дал обет, что он сразится со злодеями, которые залили землю кровью и из страха перед которыми путники ходили окольными путями. Итак, в Эпидавре он сразился с жестоким Перифетом и ударил его его же собственной дубиной, а на Мегарском перешейке схватил разбойника Синиса и разорвал его на куски между стволами сосен, как он обычно поступал с путниками, попадавшими ему в руки. Затем, в зарослях Кроммиона, он убил огромную свинью, которая разоряла прекрасные кукурузные поля, а на границе он вступил в жестокую схватку со Скироном, который грабил всех, кто попадался ему на пути, и, заставляя их мыть ему ноги, сбрасывал их, когда они наклонялись, со скал, нависавших над бушующим морем. Точно так же поступил с ним Тесей и, отправившись на берега Кефиса, уложил разбойника Прокруста на кровать, на которой он выкручивал и мучил конечности своих жертв, пока они не умирали.

Таким образом, под радостные крики людей, которых он освободил, Тесей вошел в город своих отцов, и слух о нем был доведен до Эгея, царя. Затем воспоминание об ушедших днях вернулось к Эгею, и сердце его сжалось, когда он подумал про себя, что это, должно быть, дитя Айтры, которую он оставил оплакивать на берегу Трезены. Но вскоре в городе вспыхнула междоусобица, ибо среди самых могущественных людей было много тех, кто насмеялся над Тесеем и говорил: "Кто этот чужеземец, что люди так превозносят его, как будто он происходит из рода героев? Пусть он покажет, что он дитя Эгея, если хочет получить наследство, на которое претендует". Так Тесей предстал перед царем, и краска стыда пробежала по лицу старика, когда он увидел меч и сандалии, которые оставил под большим камнем недалеко от берега Трезены. Он произнес всего несколько слов о приветствии и ни слова о любви или доброте к своему ребенку или к жене, которая все еще тосковала по любви прежних дней. Затем, по приказу своего отца, Тесей приготовился снова отправиться по своему тяжелому пути, и его не смущал тяжелый жребий, выпавший на его долю. Только он сказал: "Любовь отца скрасила бы мой труд, но любовь моей матери все еще со мной, и битва идет за правду и за закон".

Так в последующие времена менестрели воспевали славные подвиги Тесея храброго и справедливого. Они рассказали, как, наконец, по приказу своего отца он вышел из ворот Афин и поразил быка, опустошавшего широкие равнины Марафона, и как в тайном лабиринте лабиринта он поразил Минотавров. Они пели о его подвигах в те дни, когда амазонки сражались с афинянами, о том, как он отправился с Мелеагром и его вождями на охоту за ведром в Калидоне, о том, как вместе с героями на корабле "Арго" он привез золотое руно из Колхиды. Они рассказали, как, наконец, он спустился со своим товарищем Пиритусом в мрачное царство Аида и схватил дочь Деметры, чтобы привести ее в страну живых людей. Они пели о свирепом гневе Гадеса, когда его молнии вспыхнули и поразили Пириту, о мрачной тюрьме, где Тесей пролежал много лет, пока, наконец, могучий Геракл не пересек границы страны теней и не освободил пленника.

И вот случилось так, что, когда герои отправились в дом Зевса и на пир богов, слава Тесея была такой же, как слава храброго сына Алкмены, который трудился на благо фальшивого Эврисфея; и всегда в дни пиров менестрели соединяли имена Геракла и Тесея.

АРИАДНА.

Легкий западный бриз нес корабль от афинской земли к прекрасной гавани Гноссос, и воды весело играли вокруг корабля, когда он мчался по морским путям. Но на борту были скорбящие сердца и заплаканные глаза, ибо юноши и девушки, которых этот корабль вез на Крит, должны были стать добычей свирепого Минотавра. Приблизившись к воротам гавани, они увидели людей царя Миноса, столпившихся на берегу, и громко заплакали, потому что больше не должны были смотреть на землю и на солнце, когда оно странствовало по небу.

В этой толпе стояла Ариадна, дочь царя, и когда она смотрела на юношей и дев, выходивших из корабля с данью, перед ней прошел тот, кто был выше и прекраснее всех, и она увидела, что только его глаза были яркими, а походка твердой, когда он удалялся от берега, направляясь к дому Миноса. Вскоре все они предстали перед королем, и он увидел, что только один пристально смотрит на него, в то время как глаза остальных затуманились от обилия слез. Затем он спросил: "Как тебя зовут?" Юноша ответил: "Я Тесей, сын царя Эгея, и я пришел как один из детей-данников, но я не расстанусь со своей жизнью, пока не буду сражаться за нее изо всех сил. А потому, молю тебя, пошли меня первым, чтобы я мог сразиться с Минотавром; ибо если я буду победителем, тогда все они с миром вернутся со мной в нашу собственную землю". Тогда Минос сказал: "Ты действительно пойдешь первым навстречу Минотавру; но не думай победить его в бою, ибо пламя из его уст опалит тебя, и ни один смертный не сможет противостоять его силе". И Тесей ответил: "Дело человека - делать все, что в его силах; боги знают, за кем остается победа".

Но нежное сердце Ариадны наполнилось любовью и жалостью, когда она посмотрела на его прекрасное лицо и ясные и бесстрашные глаза, и она сказала про себя: "Я не могу убить Минотавра или лишить его силы, но я поведу Тесея так, чтобы он мог добраться до чудовища, пока его одолевает тяжелый сон".

На следующий день афинянину Тесею предстояло встретиться с ужасным Минотавром, обитавшим в лабиринте Гноссоса. Далеко в тысяче извилистых переулков находилось его логово, где он поджидал свою добычу, пока их приводили по извилистым тропинкам. Но Ариадна тайно поговорила с Тесеем тихим вечерним временем и дала ему нитяной ключ, чтобы он мог знать, как вернуться из лабиринта после того, как убьет Минотавра; и когда с небес выглянула луна, она привела его к потайным воротам и велела ему смело идти вперед, ибо он должен прийти в логово чудовища, пока сон отяжеляет его глаза. Итак, когда наступило утро, Минотавры безжизненно лежали на земле, и в великом городе Гноссосе царило веселье, и сам Минос радовался, что юноши и девушки могут с миром вернуться с Тесеем в Афины.

Итак, они снова взошли на корабль, и легкий ветерок понес их к домам, которые они и не думали увидеть снова. Но Тесей разговаривал с Ариадной в доме Миноса, и девушка заплакала, как будто на нее навалилось какое-то великое горе, и Тесей нежно обнял ее и сказал: "Прекраснейшая из дев, твоя помощь спасла меня от смерти, но сейчас я не хочу жить, если не могу быть с тобой. Пойдем со мной, и я поведу тебя в более счастливую страну, где мой отец, Эгеус, является королем. Пойдем со мной, чтобы мой народ увидел и полюбил девушку, которая спасла детей дани от свирепого Минотавра.

КАЛЛИОПА. (*Муза героических стихов.*)

Тогда Ариадна радостно последовала за ним, ибо ее собственная любовь заставляла ее думать, что Тесей любит ее не меньше. Поэтому она не плакала, видя, как башни Гноссоса становятся все бледнее и бледнее по мере того, как корабль мчится по танцующим водам, и думала только о счастливых днях, которые ей предстоит провести в светлых Афинах, где Тесей однажды станет царем. Корабль весело мчался своим путем, и среди юношей и дев,

возвращавшихся домой, слышались смех и веселье. И Тесей сидел рядом с Ариадной, говоря слова более глубокой любви, чем на самом деле он испытывал, и воображая, что любит девушку так же, как девушка любит его. Но пока он смотрел на прекрасную Ариадну, образ Эгля снова пришел ему в голову, и старая любовь снова пробудилась в его сердце. Корабль плыл вперед, прокладывая себе путь в пенящихся водах, мимо островов Тера и Аморгос, пока перед ними не предстали высокие скалы Наксоса.

Солнце опускалось в море, когда они подошли к его извилистым берегам, и моряки пришвартовали корабль к суше и вышли отдохнуть до утра. Там они весело пировали на пляже, и Тесей беседовал с Ариадной, пока луна не поднялась высоко в небе. Так они проспали тихие ночные часы, но когда взошло солнце, Ариадна была одна на берегу моря. В сомнении и страхе она бродила по пляжу, но никого не видела, и по синему морю не плыло ни одного корабля. Во многих бухтах и укромных уголках она искала его и плакала в горькой печали: "Ах, Тесей, Тесей, неужели ты оставил меня?" Ее ноги были изранены острыми кремнями, конечности ослабли от сильной усталости, а глаза затуманились от слез. Над ней стеной возвышались высокие утесы, перед ней расстиралось яркое и смеющееся море, и сердце ее упало, потому что она почувствовала, что должна умереть. - Ах, Тесей, - воскликнула она, - разве я поступила с тобой дурно? Я пожалел тебя во время твоего горя и спас тебя от твоей гибели, а потом я прислушался к твоим прекрасным словам и доверился им, как доверяет девушка, когда в ней впервые пробуждается любовь. И все же ты жестоко наказал меня. Ты уехал в счастливые Афины, и, может быть, ты уже думаешь о какой-нибудь яркой девушке, которая там перешла тебе дорогу, и ты оставил меня здесь умирать от усталости и голода. Так разве я не вознаградил бы тебя за поступок любви и сострадания?"

С усталым и опечаленным сердцем она опустилась на камень, и ее длинные волосы рассыпались по светлым плечам. Ее руки были обхвачены коленями, и горячие слезы текли по ее щекам, и она не знала, что перед ней стоит тот, кто прекраснее и ярче всех сынов человеческих, пока она не услышала голос, который сказал: "Послушай меня, дочь Миноса. Я - Дионис, повелитель пира и пирушки. Я странствую с легким сердцем под сладостные звуки смеха и песен по суше и морю; Я видел, как ты помогал Тесею, когда он отправился в лабиринт, чтобы убить Минотавров. Я слышал его прекрасные слова, когда он умолял тебя покинуть свой дом и отправиться с ним в Афины. Я видел, как он сегодня утром, когда на небе еще мерцали звезды, поднял своих людей и уплыл на своем корабле в страну Эгей; но я не пытался остановить его, ибо, Ариадна, ты должна жить со мной. Твоя любовь и красота - слишком великий дар для Тесея, но ты будешь невестой Диониса. Твои дни пройдут среди праздников и пирушек, и когда твоя жизнь здесь закончится, ты отправишься со мной в обители бессмертных богов, и люди увидят корону Ариадны на небесах, когда звезды проглядят ночью с темного неба. Нет, не плачь, Ариадна, твоя любовь к Тесею была всего лишь любовью одного дня, а я полюбил тебя задолго до того, как корабль с черными парусами привез его из бедных и суровых Афин". Тогда Ариадна перестала плакать и в объятиях Диониса забыла лживого и жестокого Тесея; так что среди матрон, столпившихся вокруг веселого бога вина, самой прекрасной и жизнерадостной была Ариадна, дочь Миноса.

[АРЕТУЗА.](#)

На высотах Меналоса охотник Алфей увидел девушку Аретузу, когда она радостно бродила со своими спутниками по зеленым холмам, где вереск простирал свои розовые цветы к небу. Она шла все дальше, прекраснейшая из всего отряда, пока не приблизилась к тому месту, где стоял Алфей, восхищаясь яркостью ее красоты. Затем, идя по извилистой тропинке по склону холма, она увидела, что его взгляд остановился на ней, и ее сердце наполнилось

страхом, потому что его смуглое лицо покраснело от тяжелой долгой погони, а разорванная одежда дико развевалась на ветру. И еще больше она испугалась, когда услышала звук его грубого голоса, когда он умолял ее остаться рядом с ним. Она задержалась, чтобы не слушать его слов, но легкой походкой помчалась через холмы и долины вдоль берега реки, где она сбегает с горных утесов и петляет по узким долинам.

Тогда Алфей дал обет, что девушка не сбежит от него. "Я последую за тобой, - сказал он, - через холмы и долины; я буду искать тебя через реки и моря, и где ты успокоишься, там успокоюсь и я". Они мчались вперед, через темные высоты Эримантоса и широкие равнины Пизы, пока перед ними не расстилались воды западного моря, танцующие в лучах полуденного солнца.

Затем, раскинув руки и обмякнув от усталости, Аретуза громко заплакала и сказала: "О дочери кроткого Океаноса, я играла с вами на белом берегу в дни веселья, а теперь я пришла в ваши зеленые глубины. Спаси меня от руки дикого охотника". И она нырнула под волны смеющегося моря, и дочери Океаноса осторожно понесли ее вниз, пока она не добралась до коралловых пещер, где они сидели, слушая сладкую песню вод. Но там они не позволили ей отдохнуть, ибо сказали: "Ты должна бежать еще дальше, Аретуза, ибо Алфей идет за тобой". Затем на руках они нежно унесли ее в морские глубины, пока, наконец, не опустили на ортигийский берег Тринакской земли, когда солнце уже садилось за горизонт. Смутно она увидела расстилавшиеся перед ней голубые холмы и почувствовала мягкое дыхание летнего ветерка, когда ее глаза закрылись от усталости. И вдруг она услышала резкий голос, который напугал ее на высотах Меналоса, и не стала медлить, чтобы внять его молитве. "Не убегай, Аретуза, - сказал охотник Алфей, - я не хочу причинить тебе вреда; позволь мне упокоиться в твоей любви и умереть за красоту твоего прекрасного лица". Но девушка с диким криком бросилась бежать по извилистому берегу, и легкий шаг ее ноги не оставил отпечатка на блестящем песке. "Так ты не вырвешься из моих объятий", - сказал охотник и протянул руку, чтобы схватить девушку, когда она приблизилась к источнику, вода которого сверкала чистой и яркой в свете заходящего солнца. Тогда Аретуза снова громко позвала дочерей Океаноса и сказала: "О друзья, я снова прихожу в ваши коралловые пещеры, ибо на земле нет для меня места упокоения". Так воды сомкнулись над девушкой, и образ небес снова сошел на яркий фонтан. Затем краска гнева пробежала по лицу Алфея, когда он сказал: "На земле ты пренебрегла моей любовью, о дева, но мой облик станет прекраснее в твоих глазах, когда я упокоюсь рядом с тобой под веселящимися водами". Так над охотником Алфеем протекал Ортигийский поток, и любовь Аретузы была отдана ему в коралловых пещерах, где они обитают с дочерьми Океаноса.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. (Из античной скульптуры.)

ТАЙРО.

На берегах прекраснейшего ручья во всей стране Фессалия золотоволосый Энипей женился на девушке Тироне; с ней он бродил в радостном сердце, следуя по пути извилистой реки и говоря с ней о своей любви. И Тиро слушала его нежные слова, день за днем ускользая из дома своего отца, Салмонея, чтобы провести долгий день на берегу его прекрасного ручья.

Но Салмоней пришел в ярость, когда узнал, что Тиро любит Энипею и что она стала матерью двух прекрасных младенцев. Некому было вступить за Тиро и ее беспомощных детей, потому что ее мать, Алкидика, была мертва, и Салмоней взял в жены бесчувственную Сидеро. Поэтому он последовал ее злому совету и сказал Тиро: "Твои дети должны умереть, а ты должна выйти замуж за Кретея, сына могущественного Айолоса".

Тогда Тиро в горькой печали поспешила на берег ручья, и ее младенцы спали у нее на руках, и она протянула руки с громким криком о помощи, но Энипей не услышал ее, ибо он лежал в своем зеленом жилище далеко внизу, под счастливыми водами. И она положила младенцев среди густого тростника, росшего по берегам, и сказала: "О Энипей, мой отец говорит, что я больше не увижу твоего лица; но тебе я отдаю наших детей; защити их от гнева Салмонея, и, может быть, со временем они отомстят за мои обиды".

Там, уютно устроившись среди высоких камышей, дети спали, пока их не увидел пастух, следовавший за своим скотом вдоль берега. И Тиро с болью в сердце вернулась в дом Салмонея, но она не захотела ни обладать любовью Кретея, ни прислушиваться к его словам. Тогда Сидеро снова прошептала свои злые советы на ухо Салмоней, и он запер Тайро, чтобы она не видела солнечного света и не слышала человеческого голоса. Он отрезал золотистые локоны, падавшие на ее прекрасные щеки, он одел ее в грубую одежду и заковал в оковы, которые не давали ей покоя ни днем, ни ночью. Итак, в своих страданиях она изнывала, и ее

тело было истощено голодом и жаждой, потому что она не хотела стать женой Кретея. Затем она все чаще и чаще вспоминала о тех днях, когда она слушала слова Энипея, бродя с ним у шумящих вод, и говорила про себя: "Он не услышал меня, когда я звала его на помощь, но я отдала ему своих детей, и, может быть, он спас их от смерти; и если они когда-нибудь снова увидят мое лицо, они узнают, что я никогда не любила никого, кроме Энипея, который живет у подножия ручья".

Так шли годы, и Пелий и Нелей жили с пастухом, и они росли сильными телом и храбрыми душой. Но Энипей не забыл обиды Тайро, и он вложил это в сердца ее детей, чтобы наказать Сидеро за ее дурные советы. Так умер Сидеро, и они вывели свою мать из ее мрачной темницы и привели ее на берег ручья, где в прежние дни она слышала слова Энипея. Но глаза ее затуманились от долгого плача, и слова ее детей странно прозвучали в ее ушах, и она сказала: "О дети мои, позвольте мне уснуть, пока я слышу ваши голоса, которые звучат для меня как голос Энипея". Итак, она заснула и умерла, и они положили ее тело в землю на берегу реки, где воды Энипея издавали свою тихую музыку рядом с ее могилой.

НАРКИССОС.

На берегах Кефисоса Эхо увидел и полюбил прекрасную Наркиссос, но юноша не заботился о девах холмов, и сердце его было холодно к словам ее любви, ибо он оплакивал свою сестру, которую Гермес увел за реку Стигийскую. День за днем он сидел один на берегу ручья, оплакивая яркую девушку, чья жизнь была связана с его собственной, потому что они увидели солнечный свет в один и тот же день, и туда пришла Эхо, и села рядом с ним, и тщетно пыталась завоевать его любовь. "Посмотри на меня и увидишь, - сказала она, - я прекраснее сестры, по которой ты скорбишь". Но Наркиссос ничего не ответил ей, ибо знал, что у девушки когда-нибудь найдется кто возразит на его слова. Поэтому он сидел молча и смотрел вниз, в ручей, и там он увидел свое собственное лицо в прозрачной воде, и оно было для него лицом его сестры, по которой он тосковал, и его горе стало менее горьким, когда ему показалось, что он снова видит ее мягкие голубые глаза и почти слышит слова, слетающие с ее губ. Но горе Наркиссоса было слишком глубоко для слез, и оно медленно иссушало источник его жизни. Напрасно слова Эхо долетали до его ушей, когда она молила его внять ее молитве: "Ах, Наркиссос, ты скорбишь о той, кто не может внемлить твоему горю, и ты не заботишься о той, кто жаждет вечно видеть твое лицо и слышать твой голос". Но Наркиссос все еще видел в водах Кефисоса лицо своей сестры-близнеца, и, все еще глядя на него, он заснул и умер. Затем голос Эхо больше не был слышен, потому что она молча сидела у его могилы, и рядом с ней вырос прекрасный цветок. Его белые цветы поникли над берегами Кефисоса, где Наркиссос сидел и смотрел на его прозрачную воду, и местные жители называли растение его именем.

ОРФЕЙ И ЭВРИДИКА.

В живописных долинах страны, которая называлась Фессалия, жил человек по имени Орфей. Каждый день он играл нежную музыку на своей золотой арфе и пел прекрасные песни, каких никто никогда раньше не слышал. И всякий раз, когда Орфей пел, все приходили послушать его, и деревья склоняли головы, чтобы послушать, и даже облака плыли по небу мягче и ярче, когда он пел, и ручей, который бежал у его ног, издавал более тихий шум, показывая, насколько приятной была его музыка.

Итак, у Орфея была жена по имени Эвридика, которую он очень любил. Всю зиму, когда на холмах лежал снег, и все лето, когда солнечный свет делал все вокруг прекрасным, Орфей пел ей, и Эвридика сидела на траве рядом с ним, а звери приходили послушать, и деревья склоняли головы, чтобы услышать его.

Но однажды, когда Эвридика играла с детьми на берегу реки, она наступила на змею в высокой траве, и змея укусила ее. И мало-помалу она начала сильно болеть, и Эвридика поняла, что должна умереть. Тогда она велела детям пойти к Орфею (потому что он был далеко) и сказать, как ей жаль расставаться с ним и что она всегда очень нежно любила его, а потом она опустила голову на траву, заснула и умерла. Поистине печален был Орфей, когда дети пришли сообщить ему, что Эвридика мертва. Он чувствовал себя таким несчастным, что никогда не играл на своей золотой арфе и никогда не открывал рта, чтобы петь, и звери, которые раньше слушали его, удивлялись, почему Орфей сидит совсем один на зеленом берегу, где раньше сидела с ним Эвридика, и почему он больше не исполняет свою прекрасную музыку. Целый день он сидел там, и его щеки часто были мокрыми от слез. Наконец он сказал: "Я больше не могу здесь оставаться, я должен идти искать Эвридику. Я не могу жить без нее, и, возможно, король страны, куда уходят люди после смерти, позволит ей вернуться и снова жить со мной".

И взял он в руки свою арфу и отправился искать Эвридику в далекой стране, где солнце опускается в свою золотую чашу перед наступлением ночи. И он шел все дальше и дальше очень долгим путем, пока, наконец, не подошел к высоким и темным воротам. Она была перегорожена поперек железными прутьями и заперта на засов, чтобы никто не мог ее открыть.

Это было убогое и мрачное место, потому что туда никогда не заглядывал солнечный свет, и оно было покрыто облаками и туманом. Перед этими большими воротами сидел чудовищный пес с тремя головами, шестью глазами и тремя языками, и все вокруг было темно, кроме его глаз, которые сияли, как огонь, и которые видели каждого, кто осмеливался приблизиться. И вот, когда Орфей пришел искать Эвридику, пес поднял свои три головы, и открыл свои три пасти, и заскрежетал на него зубами, и страшно зарычал, но когда Орфей подошел ближе, пес вскочил на ноги и приготовился броситься на него и разорвать на куски. Тогда Орфей снял свою арфу и начал играть на ее золотых струнах. И пес Керберос (так звали его) зарычал и оскалился, обнажив огромные белые зубы, которые были у него во всех трех пастьях, но он не мог не слышать сладкую музыку и удивлялся, почему ему больше не хочется разрывать Орфея на куски. Очень скоро музыка сделала его тихим и неподвижным, и, наконец, она убаюкала его, и только тяжелое дыхание говорило о том, что там была какая-то собака. Итак, когда Кербер уснул, Орфей прошел мимо него и, подойдя к воротам, обнаружил их широко распахнутыми, потому что они открылись сами по себе, пока он пел. И он обрадовался, когда увидел это, ибо подумал, что сейчас увидит Эвридику.

И он все шел и шел долгим путем, пока не пришел ко дворцу царя, и у дверей были поставлены стражники, которые пытались не пустить его внутрь, но Орфей сыграл на своей арфе, и тогда они не могли не отпустить его.

ЭРАТЕ (Муза лютни).

ТЕРПСИХОРА. (*Муза танцев.*)

И он вошел в большой зал, где увидел Короля и Королеву, сидящих на троне, и когда Орфей приблизился, Царь окликнул его громким и ужасным голосом: "Кто ты, и как ты смеешь

приходить сюда? Разве ты не знаешь, что никому не разрешается приходить сюда, пока они не умрут? Я прикажу заковать тебя в цепи и поместить в темницу, из которой ты никогда не сможешь выбраться". Тогда Орфей ничего не сказал, но взял в руку свою золотую арфу и запел еще нежнее, чем когда-либо, потому что знал, что, если он захочет, царь может позволить ему снова увидеть Эвридику. И пока он пел, лицо короля стало выглядеть почти радостным, и его гнев прошел, и он начал чувствовать, насколько счастливее, должно быть, быть нежным и любящим, чем злым и жестоким. Тогда король сказал: "Ты заставил меня почувствовать себя счастливым своей сладкой музыкой, хотя я никогда раньше не чувствовал себя счастливым; а теперь скажи мне, зачем ты пришел, потому что ты должен чего-то хотеть, иначе никто не пришел бы до своей смерти в эту печальную и мрачную страну, королем которой я являюсь". Тогда Орфей сказал: "О царь, верни мне мою дорогую Эвридику, и пусть она уйдет из этого мрачного места и снова будет жить со мной на светлой земле". И царь сказал, что она должна уйти. И Царь сказал Орфею: "Я дал тебе то, что ты хотел, потому что ты так сладко пел, и когда ты вернешься на землю из этого места, твоя жена, которую ты любишь, отправится наверх вслед за тобой, но помни, что ты никогда не должен оглядываться назад, пока она не достигнет земли, потому что, если ты это сделаешь, Эвридика вернется сюда, и я не смогу отдать ее тебе снова, даже если ты будешь петь еще слаще и нежнее, чем когда-либо".

Итак, Орфей страстно желал увидеть Эвридику и надеялся, что Царь позволит ему увидеть ее немедленно, но когда Царь сказал, что он не должен пытаться увидеть ее, пока она не достигнет земли, он был вполне доволен, ибо сказал: "Разве я не должен терпеливо подождать немного, пока Эвридика сможет снова прийти и жить со мной?" Поэтому он пообещал Царю, что спустится на землю, не останавливаясь, чтобы оглянуться и посмотреть, идет ли за ним Эвридика.

Затем Орфей вышел из царского дворца и прошел через темные ворота, а пес Керберос не лаял и не рычал, потому что знал, что Орфею не позволили бы вернуться, если бы царь этого не пожелал. Итак, он все шел и шел долгим путем, и его охватывало нетерпение, и ему все больше и больше хотелось увидеть Эвридику. Наконец он приблизился к стране живых людей и увидел лишь маленькую полоску света там, где солнце собиралось подняться из моря, и вскоре небо стало светлее, и он увидел все перед собой так ясно, что невольно обернулся, чтобы посмотреть на Эвридику. Но, ах! она еще не совсем достигла земли, и вот теперь он снова потерял ее. Он просто увидел что-то бледное и белоснежное, похожее на его собственную дорогую жену, и он просто услышал мягкий и нежный голос, который звучал как голос Эвридики, а потом все это растаяло. И все же ему казалось, что он видит это бледное лицо и слышит этот тихий и нежный голос, который говорил: "О Орфей, Орфей, почему ты оглянулся? Как нежно я люблю тебя, и как бы я был рад снова жить с тобой, но теперь я должен вернуться, потому что ты нарушила свое обещание королю, и я даже не должен целовать тебя и говорить, как сильно я тебя люблю".

И сел Орфей на то место, где у него отняли Эвридику, и не мог идти дальше, потому что чувствовал себя таким несчастным. Там он оставался день за днем, и его щеки становились все бледнее, а тело все слабее и слабее, пока, наконец, он не понял, что должен умереть. И Орфей не сожалел, потому что, хотя он любил яркую землю, со всеми ее цветами, мягкой травой и солнечными ручьями, он знал, что не сможет снова быть с Эвридикой, пока не покинет ее. И вот, наконец, он приклонил голову к земле, заснул и умер; и тогда они с Эвридикой увидели друг друга в далекой стране, где солнце ночью заходит в свою золотую чашу, и больше никогда не расставались.

КАДМОС И ЕВРОПА.

Давным-давно в прекрасной долине Финикии двое детей по имени Кадмос и Европа жили со своей матерью Телефассой. Они были хорошими и счастливыми детьми, полными веселья. Это было очень милое место, в котором они жили, где росли всевозможные красивые деревья с фруктами и цветами. Апельсины сияли золотом среди темной листвы, и огромные гроздья фиников свисали с высоких пальм, которые склонили свои головки, как будто спали, а из липовых рощ доносился восхитительный запах множества фруктов и цветов, которых никогда не увидишь в Америке, но которые цветут и созревают под жарким солнцем Сирии.

Так шли годы; и однажды, когда они играли на берегу реки, на поле появился красивый белый бычок. Он был весь совершенно белый — такой же белый, как самый белый снег; ни на одной части его тела не было ни единого пятнышка. И он пришел и лег на зеленую траву, оставаясь неподвижным и безмолвным. Так они подходили все ближе и ближе к быку, а бык не двигался, но смотрел на них своими большими глазами, как будто хотел попросить их подойти и поиграть с ним, и наконец они подошли к тому месту, где был бык. Тогда Кадмос подумал, что он будет очень храбрым, поэтому он протянул руку и начал похлопывать быка по боку, но бык только издал тихий звук, чтобы показать, как он рад. Тогда Европа протянула руку и погладила его по морде, и взялась за его белый рог, и бык нежно потерся мордой о ее платье.

Так что мало-помалу Кадмос подумал, что было бы приятно прокатиться на спине быка, и он сел верхом, и бык поднялся с земли и медленно поехал по полю с Кадмосом на спине, и всего на минуту или две Кадмосу стало страшно, но когда он увидел, как хорошо и безопасно бык несет его, он больше не боялся. Так они играли с быком, пока солнце не скрылось за холмами, а потом поспешили домой.

Добравшись до дома, они быстро побежали к Телефассе и сказали ей: "Только подумай, мы играли в поле с прекрасным белым быком". И Телефасса была рада, что они были так счастливы, но она не была бы так рада, если бы знала, что собирается сделать бык.

Итак, на следующий день, когда Европа лежала на спине, бык быстро побежал прочь, но Кадмос подумал, что он бежит только ради забавы. И он побежал за ним и закричал, чтобы тот остановился. Но чем быстрее бежал Кадмос, тем быстрее бежал бык, и тогда Кадмос увидел, что бык убегает со своей сестрой Европой. Бык помчался прочь, вдоль всего берега реки, вверх по крутому склону и вниз в долину на другой стороне, а затем помчался по равнине вниз. И Кадмос наблюдал за его белым телом, которое сияло, как серебро, когда он мчался сквозь низкорослые кусты, высокую колышущуюся траву и ползучие растения, которые стелились по всей земле, пока, наконец, белое тело быка не стало похоже только на маленькое пятнышко, и тогда Кадмос больше не мог его видеть.

Очень несчастен был Кадмос, когда у него таким странным образом отняли сестру. Его глаза были полны слез, так что он почти ничего не видел, но все равно он продолжал смотреть и смотреть в ту сторону, куда ушел бык, и надеялся, что со временем вернет свою сестру. Но солнце опускалось все ниже и ниже в небе, и тогда Кадмос увидел, как он спускается за холмы, и теперь он знал, что бык больше не придет, и тогда он начал горько плакать. Он едва осмеливался пойти домой и рассказать Телефассе о случившемся, и все же он знал, что должен рассказать ей. И он медленно и печально пошел домой, и Телефасса увидела, что он идет один, и начала бояться, что с Европой что-то случилось, и когда она подошла к нему, Кадмос едва мог говорить. Наконец он сказал: "Бык убежал с Европой". Тогда Телефасса спросила его, куда он ушел, и Кадмос ответил, что не знает. Но Телефасса спросила: "В какую сторону он пошел?" и тогда Кадмос сказал ей, что бык убежал в страну Запада, где

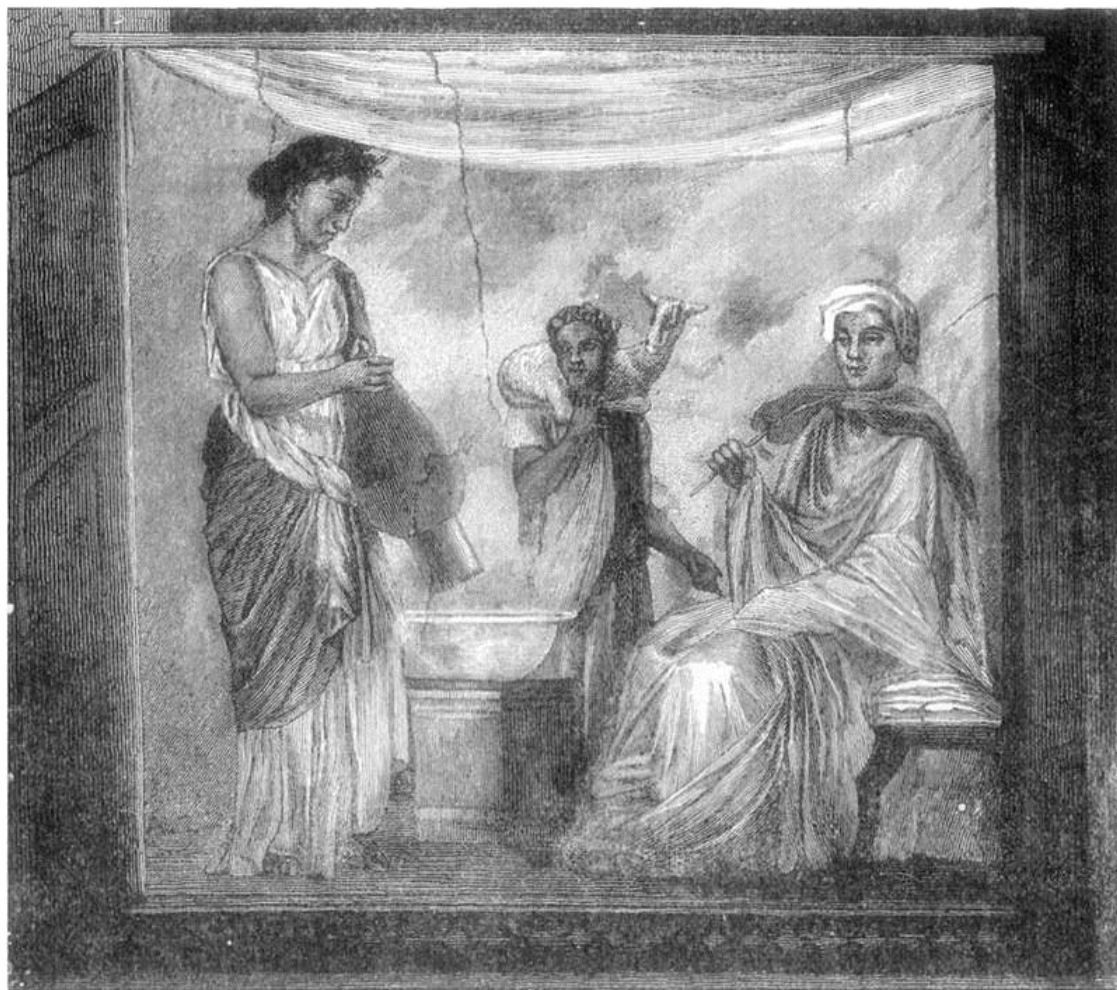
солнце садится в его золотую чашу. Тогда Телефасса сказала, что они тоже должны встать пораньше и отправиться в страну Запада, чтобы посмотреть, смогут ли они снова найти Европу.

В ту ночь они почти не спали, и их щеки были бледными и мокрыми от слез. И еще до восхода солнца, пока звезды еще мерцали в бледном свете утра, они встали и отправились в свое путешествие на поиски Европы. Они ушли далеко-далеко, по долинам и холмам, через реки и леса, и спрашивали каждого, кого встречали, не видели ли они белого быка с девушкой на спине. Но никто не видел ничего подобного, и многие люди подумали, что Кадмос и Телефасса были глупцами, задавая такой вопрос, потому что они сказали: "Девушки не ездят верхом на спинах быков; ты не можешь говорить правду". И они шли все дальше и дальше, расспрашивая каждого, но ничего не слышали о ней; и по пути они иногда видели огромные горы, вздымающиеся высоко в небо, с вершинами, покрытыми снегом и сияющими, как золото, в свете заходящего солнца; иногда они отдыхали на берегу большой широкой реки, где большие белые листья плавали и спали на воде, и где пальмы махали своими длинными ветвями над их головами. Иногда они подходили к водопаду, где вода ярко сверкала, переливаясь через огромные камни. И всякий раз, когда они приезжали в эти прекрасные места, Кадмос говорил Телефассе: "Как бы нам понравилось оставаться здесь, если бы Европа была с нами; но сейчас мы не хотим оставаться здесь, мы должны продолжать искать ее повсюду". Так они шли все дальше и дальше, пока не подошли к морю, и недоумевали, как им удастся перебраться через него, потому что оно было намного шире любой реки, которую они когда-либо видели. Наконец они нашли место, где море было узким, и здесь лодочник перевез их на своей лодке через реку, как раз туда, где утонула маленькая Хелле, упав со спины барана, который увозил ее и ее брата в Колхиду. Итак, Телефасса и Кадмос переправились через Геллеспонт, что означает Геллийское море, и шли все дальше и дальше, по горам, возвышенностям и скалам, по диким мрачным местам, пока не вышли на солнечные равнины Фессалии. И все же они расспрашивали каждого о Европе, но не нашли никого, кто ее видел. И Кадмос увидел, что его мать слабеет и худеет и что теперь она не может ходить так далеко и так быстро, как делала это, когда они вышли из дома на поиски его сестры. Поэтому он попросил ее немного отдохнуть. Но Телефасса сказала: "Мы должны идти дальше, Кадмос, потому что, если мы пойдем, возможно, мы все еще сможем найти Европу". Так они шли дальше, пока, наконец, Телефасса не почувствовала, что не может идти дальше. И она сказала Кадмосу: "Я очень устала, и я не думаю, что смогу больше гулять с тобой; я должна лечь и заснуть здесь, и, возможно, Кадмос, я больше не проснусь. Но если я умру во сне, тогда ты должен идти дальше один и искать Европу, потому что я совершенно уверен, что когда-нибудь ты найдешь ее, хотя меня не будет с тобой. И когда ты увидишь свою сестру, скажи ей, как я мечтал найти ее снова и как сильно я всегда ее любил. А теперь, дитя мое, я должна идти спать, и если я больше не проснусь, то я верю, что однажды мы все снова увидимся в стране, которая светлее и счастливее даже той, в которой мы жили до того, как у нас забрали твою сестру".

Сказав это, Телефасса заснула как раз в тот момент, когда дневной свет начал покидать небо и яркая круглая луна медленно поднялась из-за темного холма. Всю ночь Кадмос бодрствовал рядом с ней, а когда наступило утро, он увидел, что Телефасса умерла, пока она спала. Ее лицо было совершенно неподвижно, и Кадмос понял по счастливой улыбке, появившейся на нем, что она отправилась в светлую страну, в которую уходят хорошие люди после смерти. Кадмосу было очень жаль расставаться со своей матерью, но он не сожалел о том, что теперь она больше не чувствовала усталости или печали. Итак, Кадмос опустил тело своей матери в землю, и очень скоро на ее могиле выросли всевозможные цветы.

Но Кадмос отправился на поиски своей сестры Европы и вскоре встретил пастуха, который вел свое стадо овец. Он был очень красив на вид. Лицо его сияло почти так же ярко, как солнце. У него была золотая арфа, золотой лук и стрелы в золотом колчане, и звали его Фебус Аполлон. И Кадмос подошел к нему и сказал: "Ты не видел мою сестру Европу? белый бык убежал с ней на спине. Ты можешь сказать мне, где я могу ее найти?" И Феб Аполлон сказал: "Я видел твою сестру Европу, но я пока не могу сказать тебе, где она, ты должен пройти еще долгий путь, пока не придешь в город, который называется Дельфы, под большой горой, называемой Парнас, и там, возможно, ты сможешь что-нибудь узнать о ней. Но когда ты увидишь ее, ты не должен оставаться там, потому что я хочу, чтобы ты построил город, и стал королем, и был мудрым, сильным и добрым. Вы и Европа должны следовать за прекрасной коровой, которую я пошлю, пока она не ляжет отдыхать на землю, и место, где ляжет корова, будет тем местом, где я хочу, чтобы вы построили город".

Так Кадмос шел все дальше и дальше, пока не пришел в город Дельфы, который лежал под великой горой, называемой Парнас. И там он увидел прекрасный храм с беломраморными колоннами, которые ярко сияли в свете раннего утра. И Кадмос вошел в храм, и там он увидел свою дорогую сестру Европу. И Кадмос сказал: "Европа, это в самом деле ты? Как я рад, что нашел тебя". Тогда Европа рассказала Кадмосу, как давным-давно бык принес ее сюда и оставил там, и как она сожалела, что не могла сказать Телефассе, где находится. Затем она сказала Кадмосу: "Каким бледным, худым и слабым ты выглядишь; скажи мне, почему ты пришел один, и когда я увижу нашу дорогую мать?" Тогда его глаза наполнились слезами, и Кадмос сказал: "Мы никогда больше не увидим нашу мать в этом мире. Она ушла в счастливую страну, куда уходят хорошие люди после смерти. Она так устала искать тебя, что в конце концов не смогла идти дальше, легла и заснула, и больше никогда не просыпалась. Но она сказала, что, когда я увижу вас, я должен сказать вам, как она жаждала увидеть вас и как она надеялась, что однажды мы все будем жить вместе в стране, в которую она отправилась до нас. А теперь, Европа, мы не должны оставаться здесь, ибо я встретил пастуха по имени Фебус Аполлон. У него была золотая арфа и золотой смычок, и лицо его сияло, как солнце, и он сказал мне, что мы должны последовать за прекрасной коровой, которую он пришлет, и построить город на том месте, где корова ляжет отдыхать".

ДРЕВНЕЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ. (Из настенной росписи Помпей.)

Итак, Европа покинула Дельфы со своим братом Кадмосом, и когда они прошли немного, то увидели корову, лежащую на траве. Но когда они подошли ближе, корова встала и начала ходить перед ними, и тогда они поняли, что это была та самая корова, которую послал Феб Аполлон. И они последовали за коровой, и она шла все дальше и дальше, долгий путь, и наконец она остановилась отдохнуть на большой равнине, и тогда Кадмос понял, что это то самое место, где он должен построить город. И там он построил великое множество домов, и город называли Фивы. И Кадмос стал царем Фив, и его сестра Европа жила там с ним. Он был мудрым и добрым королем и правил своим народом справедливо и по-доброму. И мало-помалу Кадмос и Европа оба уснули и умерли, а потом они увидели свою мать Телефассу в счастливой стране, куда уходят хорошие люди после смерти, и больше никогда с ней не расставались.

БЕЛЛЕРОФОНТ.

Менестрели пели о красоте и великих деяниях Беллерофонта по всем землям Аргоса. Его рука была сильна в битве, ноги быстры в погоне, а сердце чисто, как чистые сердца Артемиды и Афины. Никто из бедных, слабых и несчастных не боялся мощи Беллерофонта. Им вид его прекрасной фигуры приносил только радость, но гордые и хвастливые, клеветники и грабители боялись взгляда его острых глаз. Но рука Зевса тяжело лежала на Беллерофонте. Он жил в чертогах царя Пртоса и служил ему так же, как Геракл служил подлому и коварному Эврисфею. Долгие годы Беллерофонт знал, что должен подчиняться приказам человека более слабого, чем он сам, но душа не подвела его, и он отправился на

свой долгий труд с сердцем, сильным, как солнце, когда оно восходит во всей своей силе, и чистым, как сердце маленького ребенка.

Но Антея, жена царя Пртоса, день за днем созерцала красоту Беллерофонта и не отводила глаз от его прекрасного лица. С каждым днем он казался ей все больше и больше похожим на ярких героев, которые пируют с богами в залах высокого Олимпа, и сердце ее наполнилось любовью, и она попыталась соблазнить Беллерофонта своими соблазнительными словами. Но он не внял ее злобной молитве, не обращал внимания на ее слезы и вздохи; так что ее любовь обратилась в гнев, и она поклялась, что Беллерофонт понесет жестокое возмездие за то, что он не услышал ее молитву. Затем, в ярости, она отправилась к царю Пртосу и сказала: "Беллерофонт, твой раб, пытался причинить мне зло и сбить меня с пути истинного своими коварными словами. Долгое время он боролся со мной, чтобы завоевать мою любовь, но я не слушала его. Поэтому пусть твоя рука ляжет на него тяжелее, чем в прошлые времена, за зло, которое он совершил, и убей его перед моим лицом". Тогда Прет тоже был полон гнева, но он побоялся убить Беллерофонта, чтобы тот не навлек на себя гнев Зевса, своего отца. Поэтому он взял деревянную табличку и нарисовал на ней печальные знаки тяжелого труда и войны, сражений и смерти, и отдал ее Беллерофонту, чтобы тот отнес ее в далекую ликийскую землю, где царем был отец Антеи, и, прощаясь с ним, он сказал: "Покажи эту табличку царю Ликийи, и он вознаградит тебя за все твои добрые дела, которые ты совершил для меня и для народа Аргоса".

Итак, Беллерофонт отправился в свои долгие странствия, и ему не снилось то зло, которое должно было постигнуть его из-за злого коварства Антеи. Все дальше и дальше продвигался он навстречу восходу солнца, пока не пришел в страну ликийцев. Затем он отправился в дом царя, который приветствовал его богатыми пирами и пировал с ним девять дней, а на десятый день он захотел узнать, зачем Беллерофонт пришел в ликийскую землю. Тогда Беллерофонт взял табличку Пртоса и отдал ее царю, который увидел на ней печальные знаки тяжелого труда и горя, сражений и смерти. Вскоре Царь заговорил и сказал: "Тебе предстоит совершить великие дела, Беллерофонт, но когда твой труд закончится, тебя ждут высокие почести здесь и в домах блистательных героев". И царь послал его убить ужасную Химеру, у которой было лицо льва с телом козла и хвостом дракона. Затем Беллерофонт отправился еще дальше, навстречу восходу солнца, пока не добрался до пастбищ, где пасся крылатый конь Пегас, дитя Горго, со змеиной шерстью, и он знал, что если он сможет приручить этого коня, то сможет победить свирепую Химеру.

Долгое время он пытался схватить Пегаса, но конь дико фыркал и в ярости рвал землю, пока Беллерофонт в изнеможении не опустился на землю, и глубокий сон не сковал его веки. Затем, когда он спал, пришла Афина Паллада, встала рядом с ним, подбодрила его своими храбрыми словами и дала ему напиток, который должен был укротить диких пегасов. Когда Беллерофонт проснулся, напиток был у него в руке, и теперь он знал, что должен выполнить задание, которое дал ему ликийский царь. Итак, с помощью Афины он оседлал крылатого Пегаса и поразил Химеру, и отрубил ей голову, и с ней вернулся назад, и рассказал Царю обо всем, что с ним случилось. Но царь пришел в ярость, ибо думал, что больше не увидит лица Беллерофонта, и приказал ему отправиться в путь и сразиться с могучими Солими и прекрасными амазонками. Тогда Беллерофонт снова выступил вперед, ибо ему и во сне не снились коварство и ложь, и он не боялся ни человека, ни зверя, которые могли встретиться с ним в открытом бою. Долгое время он сражался с солими и амазонками, пока все его враги не отступили от удара его могучей руки и не взмолились о пощаде. С радостным сердцем Беллерофонт отправился отнести свою добычу в дом ликийского царя, но когда он приблизился к нему и проходил по узкой лощине, где землю покрывал густой кустарник,

пятьдесят самых могущественных ликийцев бросились на него с яростными криками и попытались убить его. Сначала Беллерофонт убрал свои руки и сказал: "Ликийские друзья, я пировал в чертогах вашего царя и ел его хлеб; конечно, вы пришли сюда не для того, чтобы убить меня". Но они кричали еще яростнее и метали копья в Беллерофонта; тогда он протянул руку в величии своей силы и сражался за свою жизнь, пока все ликийцы не легли мертвыми перед ним.

Усталый телом и печальный сердцем, Беллерофонт вошел в зал, где царь пировал со своими вождями. И Царь знал, что Беллерофонт не смог бы прийти туда, если бы сначала не убил всех воинов, которых он послал подстерегать его. Но он скрыл свой гнев и сказал: "Добро пожаловать, Беллерофонт, храбрейший и могущественнейший из сынов человеческих. Твои труды окончены, и для тебя настало время отдыха. Ты женишься на моей дочери и поделишь со мной мою королевскую власть".

Затем менестрели восхваляли подвиги Беллерофонта, и много дней продолжался пир, когда он женился на дочери царя. Но его судьба еще не свершилась, и снова вокруг него сгустилась темная туча, отягощенная горем и страданиями. Вдали от своего ликийского дома гнев Зевса загнал его в западные земли, где солнце опускается в море. Сердце его по-прежнему было храбрым и бесхитростным, как в дни его ранней юности, но сила его рук ослабла, а свет глаз потускнел. Иногда сила возвращалась к его членам, и его лицо сияло своей древней красотой; и тогда он снова брел в печали, как человек, блуждающий незнакомой тропой в темные часы ночи, когда заходит луна. И вот так случилось, что, когда Беллерофонт достиг западного моря, он заснул и умер, и последнее, что он увидел перед тем, как его глаза закрылись, был красный отблеск заходящего солнца, когда оно прорвалось сквозь сплошные облака и погрузилось в море.

АЛТЕЯ И ГОРЯЩЕЕ КЛЕЙМО.

В залах Ойнея, вождя Калидона, что в этолийской земле, был устроен пир, и все молились о богатстве и славе для вождя, и для его жены Алтеи, и для ребенка, который в тот день родился у них. И Ойней умолял Царя богов и людей богатыми подношениями, чтобы его сын, Мелеагр, мог завоевать имя более великое, чем его собственное, чтобы он вырос храбрым сердцем и с сильными руками, и чтобы в свое время люди могли сказать: "Мелеагр творил великие дела и творил добро людям той земли".

Но могущественные Мойры, от слова которых не мог отказаться даже сам Зевс, предрешили судьбу Мелеагра. Ребенок спал на руках у матери, и Алтея молилась, чтобы ее сын вырос храбрым и нежным и был для нее утешителем в старости и в смертный час. Внезапно, когда она еще не успела заговорить, перед ней предстали мойры. В их холодных серых глазах не было ни любви, ни жалости, и они смотрели сверху вниз с суровыми, неизменными лицами на мать и ее ребенка, и один из них сказал: "Головешка горит в очаге, когда она прогорит полностью, твой ребенок умрет". Но любовь быстрее мысли, и матьхватила горящую головешку из огня, погасила ее пламя водой и положила в тайное место, где до нее не могла дотянуться ни одна рука, кроме ее собственной.

Так ребенок рос храбрым сердцем и крепкими конечностями, всегда готовый охотиться на диких зверей или идти против городов людей. Много великих подвигов совершил он в далекой колхидской стране, когда вожди отплыли с Атамасом и Ино, чтобы отобрать золотое руно у короля Айетеса. Но когда он снова приехал в Калидон, ему предстояли дела поважнее, потому что его отец, Ойней, вызвал гнев могущественной Артемиды. Когда был собран урожай, в его большом зале был устроен богатый пир, и Зевс и все другие боги пировали жирными всесождениями, но для непорочного младенца Лито не было выделено ни одного

дара. Вскоре она отомстила Ойнеусу за причиненную обиду, и в той стране был замечен свирепый кабан, который вырывал плодовые деревья, уничтожал семена в земле и топтал зеленую кукурузу, когда она всходила. Никто не осмеливался приблизиться к нему, потому что его могучие клыки разрывали все, что попадалось ему на пути. Долгое время вожди совещались, что им делать, пока Мелеагр не сказал: "Я пойду; кто последует за мной?" Затем из Калидона и из окрестных городов и земель прибыли могущественные вожди и храбрые юноши, подобно тому, как они поспешили на корабль "Арго", когда пытались отвоевать золотое руно у Колхиды. С ними пришли куреты, которые живут в Плевроне, и среди них были замечены Кастор и Полидевк, братья-близнецы, и Тесей со своим товарищем Пейритом, а также Ясон и Адмет. Но прекраснее всего была Аталанте, дочь Шойнеуса, пришельца из Аркадии. Вожди изо всех сил старались удержать ее от погони, ибо рука у девушки была сильная, ноги быстрые, а цель верная, и им не нравилось, что она пришла из далекой страны, чтобы разделить их славу или отнять их имя. Но Мелеагр полюбил прекрасную и храбрую девушку и сказал: "Если она не отправится в погоню, то и я не пойду с тобой". Поэтому они терпели ее, и погоня началась. Сначала кабан бежал, топча тех, кого случайно встречал, и разрывая их своими клыками, но, наконец, он оказался в ярости и яростно сражался, и многие охотники пали, пока, наконец, копье Аталанте не пронзило ему бок, и тогда Мелеагр убил его.

Тогда была великая радость, когда они притащили тело кабана в Калидон и приготовились делить добычу. Но гнев Артемиды еще не утих, и она вызвала раздор между мужчинами Плеврона и мужчинами Калидона. Ибо Мелеагр стремился заполучить голову, а куреты Плеврона не хотели брать шкуру только для своей порции. Так разгорелась между ними борьба, пока Мелеагр не убил вождя куретов, который был братом Алтеи, его матери. Тогда он схватил кабанью голову, показал ее Аталанте и сказал: "Возьми, девушка, добыча по праву твоя. От твоего копья была нанесена первая рана, сразившая кабана; и ты заслужил награду за быстроту твоих ног и верность твоей цели".

Итак, Аталанте взяла добычу и отнесла ее к себе домой в Аркадию, но люди Плеврона были полны гнева и пошли войной на людей Калидона. Много раз они сражались, но в каждом сражении сильная рука Мелеагра и его отважное сердце приносили победу людям его собственного города, и куреты начинали слабеть духом, так что они трепетали перед копьем и мечом Мелеагра. Но вскоре Мелеагра больше не видели со своим народом, и больше не было слышно его голоса, подбадривающего их к битве. Он больше не брал в руки копья и не поднимал щита для борьбы, но оставался в своем собственном доме рядом с прекрасной Клеопатрой, которую Идас, ее отец, отдал ему в жены.

Ибо сердце его матери наполнилось горем и яростью, когда она услышала историю о смертельной схватке и о том, что Мелеагр, ее сын, убил ее брата. В сильном гневе и печали она села на землю, подняла пыль с земли в воздух и с дикими словами воззвала к Аиду, невидимому Царю, и Персефоне, которая делит его темный трон: "Владыка земель под землей, прости свою руку против Мелеагра, дитя мое. Он погасил материнскую любовь в крови моего брата, и я хочу, чтобы он умер". И даже когда она молилась, ужасные Эринии, которые странствуют по воздуху, услышали ее слова и поклялись исполнить приговор. Но Мелеагр разгневался еще больше, когда узнал, что его мать наложила на него свое проклятие, и поэтому он не захотел выходить из своей комнаты на помощь своему народу в войне.

МЕЛЬПОМЕНА. (*Муза трагедии.*)

Итак, куреты становились все более и более могущественными, и их воины выступили против города Калидон и больше не хотели пускать людей за стены. И повсюду царили слабость сердец и печаль духа, ибо враг опустошил их поля и убил самых храбрых людей, и у них почти не осталось продовольствия. День за днем Ойней умолял своего сына, и знатные люди города падали на колени перед Мелеагром и молили его прийти к ним на помощь, но он не слушал. По-прежнему он оставался в своих покоях рядом со своей женой Клеопатрой, не обращая внимания на голод и стенания народа. Рев войны становился все яростнее и яростнее; расшатанные камни откатывались от пошатнувшейся стены, а разбитые ворота едва могли сдержать врага. Тогда Клеопатра упала на колени перед своим мужем, взяла его за руку, ласково назвала по имени и сказала: "О Мелеагр, если ты хочешь подумать о своем гневе, подумай также о зле, которое несет с собой война — о том, что когда город взят, мужчины убиты, а мать с ребенком, старые и молодые уведены в рабство. Если люди Плеврона победят, твоя мать, возможно, раскается в проклятии, которое она наложила на тебя; но ты увидишь, как твоих детей убьют, а меня - рабыней".

Тогда Мелеагр вскочил со своего ложа и схватил копье и щит. Он не сказал ни слова, но поспешил к стенам, и вскоре куреты отступили перед копьем, которое никогда не промахивалось мимо цели. Затем он собрал воинов своего города, приказал им открыть ворота и выступил против врага. Долгой и ужасной была битва, но в конце концов куреты повернулись и обратились в бегство, и опасность миновала для людей Калидона.

Но Мойры все еще помнили гибель горящего клейма, а безжалостные Эринии не забыли проклятие Алтеи, и они побудили людей Калидона лишить вождя Мелеагра награды за его добрые дела. "Он вышел только по молитве своей жены, - сказали они. Он не внял нашим мольбам, он не обращал внимания на наши страдания и слезы; почему мы должны отдавать ему то, чего он не заслужил ни из какой любви к нам?" Итак, его народ разгневался на Мелеагра, и дух его стал еще более ожесточенным. Он снова лежал в своей комнате, а его копье и щит без дела висели на стене, и ему больше нравилось целый день слушать ласковые слова Клеопатры, чем совершать храбрые и добрые поступки для людей своей страны.

Тогда сердце его матери, Алтеи, все больше и больше отворачивалось от него, так что она сказала с горечью в душе: "Что хорошего принесет мне теперь его жизнь?" - и она достала наполовину сгоревшую головню из тайника и бросила ее в очаг. Внезапно она вспыхнула пламенем, и внезапно силы Мелеагра начали покидать его, когда он лежал в объятиях Клеопатры. "Моя жизнь угасает во мне, - сказал он. - обними меня крепче в своих объятиях; пусть другие наложат на меня проклятие, только так я умру, радуясь твоей любви". Все слабее

и слабее становилось его прерывистое дыхание, но он все еще смотрел любящими глазами на лицо Клеопатры, и его дух испустил радостный вздох, когда в очаге погасла последняя искра головешки.

Тогда было горе и скорбь в доме Ойнея и по всему Городу Калидону, но они плакали и оплакивали напрасно. Теперь они думали о его добрых делах, его мудрых советах и его могучей руке, но напрасно они оплакивали смерть своего вождя во славу его века. Но еще глубже и горше была печаль Алтеи, ибо материнская любовь вернулась в ее сердце, когда мойры свершили гибель ее ребенка. И еще горше горевала его жена Клеопатра и тосковала по любви, которую у нее отняли. В залах Ойнея больше не было радости, ибо Эринии хорошо выполнили свою задачу. Вскоре Алтея последовала за своим ребенком в неизвестную страну, и Клеопатра с радостью отправилась навстречу Мелеагру в темном царстве Аида и Персефоны.

IAMOS.

На берегах Алфея Эвадна присматривала за своим новорожденным младенцем, пока не сбежала, потому что боялась гнева Айпита, правившего в Фезане. Слезы текли по ее щекам, когда она молилась Фебу Аполлону, обитающему в Дельфах, и говорила: "Владыка светлого дня, взгляни на своего ребенка и охрани его, когда он будет лежать покинутый, ибо я больше не могу оставаться рядом с ним".

КЛИО (муза истории).

Итак, Эвадна убежала, а Феб послал двух змей, которые накормили младенца медом, пока он лежал среди цветов, которые гроздьями окружали его. И все больше и больше по всей стране разносилось изречение Феба о том, что дитя Эвадны должно вырасти могущественным в мудрости и в силе рассказывать о том, что должно произойти в грядущее время. Тогда Айпитос попросил всех, кто жил в его доме, сказать ему, где он может найти сына Эвадны. Но они не знали, где лежит ребенок, потому что змеи спрятали его далеко в чаще, где полевые цветы защищали его от ветра и жары. Долго искали они в высоких тростниках, покрывающих берега Алфея, пока, наконец, не нашли младенца, лежащего на клумбе с фиалками. Итак, Айпитос взял ребенка и нарек ему имя Иамос, и он вырос храбрым и мудрым сердцем, хорошо обдумывая признаки грядущего горя и радости и признаки скрытых вещей, которые он видел на небесах над собой или на широкой земле внизу. Он почти не разговаривал с юношами и девушками, жившими в доме Айпитоса, но бродил по голым холмам или по берегу ручья, размышляя о многом. И вот случилось так, что однажды ночью, когда звезды мягко мерцали на небе, Иамос погрузился в воды Алфея и помолился

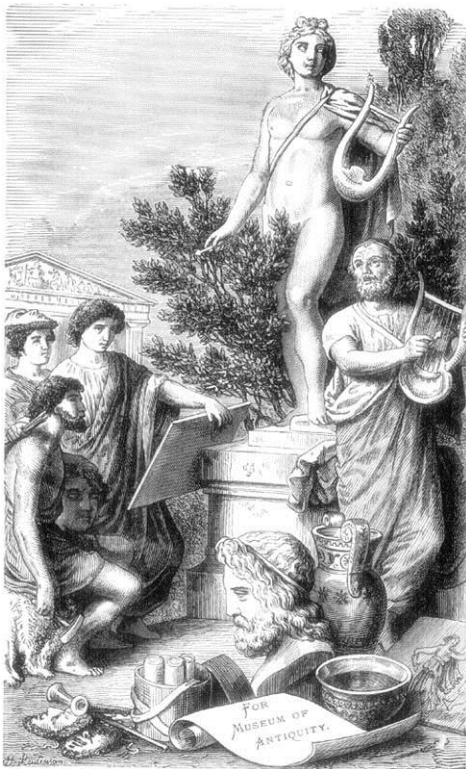
Фебу, живущему в Дельфах, и Посейдону, владыке широкого моря; и он умолял их открыть ему глаза, чтобы он мог открыть сынам человеческим то, чего они сами по себе не могли видеть. Затем они отвели его к высоким скалам, которые смотрят вниз на Пизанскую равнину, и сказали: "Посмотри туда, дитя Эвадны, где белый поток Алфей, мягко извиваясь, прокладывает себе путь к морю. Здесь, в грядущие дни, Геракл, сын могущественного Зевса, соберет сыновей Елены и даст им в торжественных играх самые крепкие из всех уз; сюда они придут, чтобы познать волю Зевса, и здесь твоей работой и работой твоих детей будет читать им знаки, которые сами они не могут понять". Тогда Феб Аполлон коснулся его ушей, и тотчас голоса птиц ясно заговорили с ним о том, что должно было произойти, и он слышал их слова, как человек слушает речь своего друга. Так Иамос чрезвычайно преуспел, ибо люди всей аргивской земли искали помощи у его мудрости и клали к его ногам богатые дары. И он научил своих детей после себя говорить правду и поступать справедливо, так что никто не завидовал их великому богатству, и все люди хорошо отзывались о мудрых детях Иамоса.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО.

Содержание

Художественный инстинкт - один из самых ранних, развитых в человеке; любовь к изображению развивается в самый ранний период; мы видим это у ребенка, мы видим это у дикаря, мы находим следы этого у первобытных людей. Ребенок в самые ранние годы любит обводить формы предметов, знакомых его глазам. Дикарь находит удовольствие в изображении и грубом придании формы предметам, которые постоянно попадают ему на глаза. Художественный инстинкт присущ всем эпохам и всем странам; он естественным образом возникает во всех странах и везде одинаково берет свое начало в способности человека к подражанию. Свидетельства этого инстинкта самого раннего периода были обнаружены среди останков первобытных людей; грубые наброски на сланце и камне мамонта, оленя и человека были найдены в пещерах Франции; американский дикарь изображает грубые сцены охоты или формы животных на покрытиях своих палаток и на шкурах бизонов; дикий австралиец покрывает стены пещер и скалы грубыми рисунками животных. Таким образом, мы обнаруживаем независимую эволюцию искусства дизайна и четкие и обособленные циклы его развития через стадии подъема, прогресса, зрелости, упадка и упадка во многих странах, самых отдаленных и никак не связанных друг с другом. Самым ранним способом изображения людей, животных и предметов был контур и в профиль. Очевидно, что это самый примитивный стиль, характерный для зарождения искусства, поскольку первые попытки детей и нецивилизованных людей ограничены исключительно им; самые неопытные воспринимают объект, который предполагается изобразить, и для его понимания не требуется никаких усилий. Таким образом, контурные фигуры были во всех странах самым ранним стилем живописи, и мы находим, что этот способ практиковался в отдаленный период в Египте и Греции. В Египте мы встречаем картины на этой самой ранней стадии искусства дизайна в гробницах Бени Хассана, датируемые более чем 2000 годом до н.э. Они иллюстрируют нравы и обычаи той эпохи. Традиция гласит нам, что зарождение искусства дизайна в Греции заключалось в том, чтобы проследить по контуру и в профиль тень человеческой головы на стене, а затем заполнить ее так, чтобы получился своего рода силуэт. Греческие расписные вазы самой ранней эпохи демонстрируют образцы этого стиля. С этого скромного начала искусство дизайна в Греции постепенно развивалось, пока не достигло своей высшей степени совершенства под руками Зевксиса и Апеллеса.

Интерес, который проявляют к египетскому искусству, проистекает из его глубокой древности. Мы видим это в первых попытках изобразить то, что в последующие времена и в некоторых других странах постепенно достигло, при лучших условиях, величайшего совершенства; и мы даже прослеживаем в этом зародыш многого, что было улучшено теми, кто более высоко ценил прекрасное и чувствовал его. Ибо как в декоративном искусстве, так и в архитектуре Египет в ранние времена оказывал значительное влияние на другие народы, менее развитые, чем он сам, или только что вышедшие из варварства; и различные традиционные изображения, цветы лотоса, сфинксы и другие сказочные животные, а также ранняя голова Медузы с высунутым языком на древнейшей греческой керамике и скульптурах, а также горный козел, леопард и, прежде всего, (нильский) "гусь и солнце" на вазах, показывают, что они связаны с египетской фантазией и часто прямо заимствованы у нее. У людей было, как и до сих пор, принято заимствовать у тех, кто достиг большей степени утонченности и цивилизации, чем они сами; нация, наиболее развитая в искусстве, определяла вкус, и хотя у некоторых было достаточно изобретательности, чтобы изменить то, что они переняли, и сделать это своим, оригинальную идею все еще можно проследить, когда она почерпнута из иностранного источника. Египет долгое время был доминирующей нацией, и связи, установившиеся в очень отдаленный период с другими странами посредством военной торговли, распространили вкусы этого наиболее развитого народа того времени; и, по-видимому, мода на их украшения была настолько распространенной, что даже на ниневийском мраморе крылатый земной шар и другие хорошо известные египетские эмблемы представлены как устоявшиеся элементы ассирийского декоративного искусства.

ДРЕВНЕЕ ИСКУССТВО И ЛИТЕРАТУРА.

В то время как Греция все еще находилась в зачаточном состоянии, Египет уже давно был ведущей нацией мира; он был известен своим великолепием, богатством и могуществом, и все признавали его превосходство в мудрости и цивилизации. Поэтому неудивительно, что греки допустили в свое раннее искусство некоторые из наиболее популярных тогда форм, и

хотя замечательный вкус этого одаренного народа быстро поднял их до уровня совершенства, которого никогда не достигали египтяне или кто-либо другой, расцвет и первые зародыши искусства и архитектуры следует искать в долине Нила. В древнейших памятниках Греции постоянно преобладает наклонная или пирамидальная линия; колонны в древнейшем греческом порядке почти чисто египетские по пропорциям древка и по форме его неглубоких канавок без закруглений; и примечательным фактом является то, что древнейшие египетские колонны - это те, которые имеют самое близкое сходство с греческими дорическими.

Хотя допускалось большое разнообразие предметов роскоши, таких как мебель, вазы и другие вещи, зависящие от каприза, египтянам было запрещено вносить какие-либо материальные новшества в человеческую фигуру, которые могли бы изменить ее общий характер, и все предметы, связанные с религией, до последнего сохраняли один и тот же общепринятый тип. Бог в самом позднем храме имел ту же форму, что и на памятниках древнейшей эпохи; и царь Менес узнал бы Амона, или Осириса, в святилище птолемеев или римлян. В отношении священных предметов закон был непреклонен, и религия, которая часто так много делала для развития вкуса в скульптуре, сковывала гений египетских художников. Никакие улучшения, полученные в результате опыта и наблюдений, не допускались при рисовании человеческой фигуры; копировать природу не разрешалось; следовательно, изучать ее было бесполезно, и не предпринималось никаких попыток придать конечностям надлежащее движение. Определенные правила, определенные модели были установлены священством, и ошибочные концепции невежественных времен копировались и увековечивались каждым последующим художником. Ибо, как говорят Платон и Синезий, египетским скульпторам не разрешалось предпринимать ничего, противоречащего правилам, установленным относительно фигур богов; им было запрещено вносить какие-либо изменения или изобретать новые сюжеты и привычки, и, таким образом, искусство и правила, которые его связывали, всегда оставались неизменными.

Египетский барельеф, по-видимому, по своему происхождению был простой копией живописи, своей предшественницы. Первая попытка изобразить фигуры богов, священные эмблемы и другие предметы состояла в том, чтобы нарисовать их простые очертания на плоской поверхности, детали которой впоследствии были нанесены цветом; но со временем эти формы были начертаны на камне с помощью инструмента, а промежуточное пространство между различными фигурами впоследствии было вырезано, и некогда ровная поверхность приобрела вид барельефа. На самом деле это было живописное изображение на камне, которое, очевидно, характерно для всех барельефов на египетских памятниках и которое легко объясняет несовершенное расположение их фигур.

Им не хватало концепции и, прежде всего, правильного знания группировки, они были неспособны сформировать те комбинации, которые давали истинное выражение; каждая картина состояла из отдельных частей, собранных вместе в соответствии с некоторыми общими представлениями, но без гармонии или предвзятого эффекта. Человеческое лицо, все тело и все, что они представляли, были составлены таким же образом, из отдельных частей, расположенных вместе одна за другой в соответствии с их относительным положением: глаз, нос и другие черты составляли лицо, но выражение чувств и страстей было совершенно лишено выражения; и лицо царя, атакующего вражескую фалангу в пылу битвы или мирно воскуривающего благовония в мрачном храме, имело те же очертания и тот же безжизненный вид. Таким образом, учитывается особенность вида глаза спереди, представленного в профиль: это было обычное изображение этой особенности, добавленное в профиль, и не учитывалось какое-либо изменение положения головы.

То же самое было и с драпировкой: сначала рисовалась фигура, а затем добавлялась драпировка, не как часть целого, а как аксессуар; у них не было общей концепции, никакого предварительного представления об эффекте, необходимом для отличия воина или жреца, помимо впечатлений, полученных от костюма или от предмета, частью которого они были, и одна и та же фигура была одета в соответствии с персонажем, которого она должна была изображать. Каждая часть картины была задумана сама по себе и вставлена так, как требовалось для завершения сцены; и когда на стенах здания, где должен был быть нарисован объект, были точно размечены квадраты, были введены фигуры, которые соответствовали этому механическому расположению. Элементы были прикреплены к телу, и эти квадраты регулировали их форму и распределение, в какой бы позе они ни находились.

Пока сохранялась эта традиционная система, не могло произойти больших изменений, за исключением небольшого изменения пропорций, которые в какой-то период стали более удлинёнными, особенно в правление второго Ремезеса; но все же общая форма и характер фигур оставались прежними, что привело к замечанию Платона: "картины и статуи, сделанные десять тысяч лет назад, ни в чем конкретно не лучше или хуже того, что они делают сейчас". И, взятый в этом ограниченном смысле — что ни в один период не было достигнуто более близкого приближения к идеалу красоты человеческой фигуры или ее реальному характеру, чем в другой, — его замечание верно, поскольку они всегда были связаны одними и теми же правилами, которые запрещали какие-либо изменения в этих вопросах, даже до позднейших времен, как видно из скульптур памятников, воздвигнутых после того, как Египет долгое время был римской провинцией. Все по-прежнему было египетским, хотя и в плохом стиле; и если тогда они пытались отделать детали с большей точностью, это было всего лишь заменой простоты орнаментом; а стремление приблизить пропорции человеческой фигуры к природе с сохранением ее традиционного типа только усугубляло ее уродство и показывало, насколько египетский стиль несовместим с любым другим стилем.

В композиции современных картин требуются три объекта: одно главное действие, одна точка зрения и один момент времени, а пропорции и гармония частей регулируются перспективой, но в египетской скульптуре этими основами пренебрегали; каждая вещь была принесена в жертву главной фигуре; ее колоссальные размеры указывали на нее как на центр, по отношению к которому все остальное было просто аксессуаром, и, если что-то другое делалось столь же заметным или равного размера, оно все равно находилось на второстепенном месте и предназначалось только для иллюстрации сцены, связанной с героем произведения.

В росписях гробниц допускалась большая вольность в изображении предметов, относящихся к частной жизни, профессиям или манерам и занятиям людей, и иногда можно было наблюдать некоторое указание на перспективу в расположении фигур; но попытка была несовершенной и, вероятно, на взгляд египтянина неприятной, поскольку сила привычки такова, что даже там, где копируется природа, традиционный стиль иногда предпочтительнее более точного изображения.

В батальных сценах на храмах Фив некоторые фигуры, изображающие монарха, преследующего бегущего врага, убивающего вражеского вождя своим мечом и натягивающего лук, когда его лошади везут повозку по распростертым телам убитых, нарисованы с большим воодушевлением, а положение рук дает прекрасное представление о действии, которое художник намеревался изобразить; тем не менее, наблюдаются те же несовершенства стиля и недостаток правды; есть действие, но нет чувства, выражения страстей или жизни в чертах лица; это фигура, готовая к действию. сформированное и

механически *измененное* в движение, и какую бы позу оно ни принимало, точка зрения остается одинаковой: идентичный профиль человеческого тела с аномалией плеч, видимой спереди. Это скорее описание, чем репрезентация.

Но в своей манере изображать большую толпу людей они часто проявляют большой ум, и, поскольку в их привычку входило избегать единообразия, различные положения голов придают предмету достоверность, не утомляя глаз. Нет у них и симметричного расположения фигур на противоположных сторонах картины, подобного тому, что мы находим на некоторых самых ранних картинах в Европе.

По мере того, как их мастерство росло, простое образное изображение было расширено до описательного, и была предпринята попытка создать некоторое сходство с личностью героя; были представлены его машина, армия, которой он командовал, и летающие враги, и то, что поначалу было едва ли более чем символом, стремилось к более возвышенной форме и характеру картины. Аналогичного характера были все их исторические записи, и эти наглядные иллюстрации заменяли письменные документы. Грубый рисунок и скульптура, действительно, задолго предшествовали письмам, и мы обнаруживаем, что даже в Греции описывать, рисовать, гравировать и писать выражались одним и тем же словом.

О качестве карандашей, которыми пользовались египтяне для рисования, трудно составить какое-либо мнение. Для письма обычно использовались трость или тростник, многие из которых были найдены вместе с таблицами или чернильницами, принадлежавшими писцам; ими же они, вероятно, рисовали фигуры красным и черным на камне или штукатурке стен. Чтобы передать цвет, мы можем предположить, что использовались какие-то кисти, но мелкий масштаб, в котором художники представлены в скульптурах, мешает нам решить этот вопрос.

Привычки людей схожих профессий часто схожи даже в самых отдаленных странах, и мы обнаруживаем, что для египетского художника или писца не было ничего необычного в том, что он засовывал свой тростниковый карандаш за ухо, когда был занят изучением эффекта от своей картины или слушал человека по делу, например клерка в конторе.

Говорят, что этруски развили живопись раньше греков, и Плиний приписывает первым определенную степень совершенства еще до того, как греки вышли из младенчества в этом искусстве. Древние росписи в Ардее, Этрурии и Ланувии во времена Плиния все еще сохраняли всю свою первобытную свежесть. Согласно Плинию, картины еще более ранней эпохи можно было увидеть в Кере, другом этруском городе. Обычно считалось, что картины, упомянутые Плинием, были написаны раньше основания Рима. В наши дни гробницы Этрурии представляют собой образцы этруской живописи на всех этапах ее развития, от грубости и условности раннего искусства в гробнице Вейи до правильности и простоты дизайна, а также более совершенного развития искусства, представленного в живописных сценах в гробницах Тарквиниев. В одной из таких гробниц пилястры обильно украшены арабесками, а фриз, идущий по бокам гробницы, состоит из раскрашенных фигур в драпировках, крылатых, вооруженных, сражающихся или везущих их на колесницах. Сюжеты этих картин разнообразны; в них мы находим представления этрусков о состоянии души после смерти, поединки воинов, пиры, сцены похорон. Этруски рисовали также барельефы и статуи.

Греки довели живопись до высшей степени совершенства; их первые попытки были намного позже попыток египтян; они даже не датируются эпохой осады Трои; и Плиний отмечает, что Гомер не упоминает живопись. Греки всегда отдавали предпочтение скульптуре. Павсаний перечисляет только восемьдесят восемь картин и сорок три портрета; с другой стороны, он

описывает 2827 статуй. Фактически, это были более подходящие украшения для общественных мест, и боги всегда были представлены в храме скульптурой. В Греции живопись следовала неизменному закону развития. Ее цикл был пройден до конца. Живопись прошла через последовательные стадии подъема, прогресса, зрелости, упадка и разложения. Считается, что искусство дизайна в Греции зародилось в Коринфе. Легенда гласит: дочь Дибутада, гончара из Коринфа, пораженная тенью головы своего возлюбленного, отбрасываемой лампой на стене, нарисовала ее контур, заполнив его темной тенью. Следовательно, самым ранним способом изображения человеческой фигуры был силуэт. Простейшей формой рисунка был простой контур, или монограмма, и был изобретен Клеантом из Коринфа. После этого контуры были заполнены, а светотень выполнена в одном цвете, и, следовательно, были стилизованы под монохром. Телефан из Сикиона еще больше усовершенствовал это искусство, указав основные детали анатомии; Эвфант из Коринфа, или Крейтон из Сикиона, применил цвет. Кимон из Клеоны - первый, кто упоминается как продвинувший искусство живописи в Греции и освободивший его от архаичной жесткости, заменив традиционную манеру передачи человеческих форм подходом к правдивости по отношению к природе. Он также первым произвел мускульные сочленения, обозначил вены и придал драпировкам естественные складки. Также предполагается, что он был первым, кто использовал различные цвета и ввел ракурс. Первым художником с большой известностью был Полигнот. Точность рисунка и благородная и отчетливая манера изображения самых разных мифологических форм были его большой заслугой; его женские фигуры также обладали очарованием и грацией. Его большие табличные рисунки были задуманы с большим знанием легенд и в искреннем религиозном духе. В Афинах он написал, по словам Павсания, серию картин на мифологические сюжеты в Пинакотеке в Пропилях на Акрополе, а также живописные украшения для храма Тесея и Пицилии. Он выполнил серию картин в Дельфах на длинных стенах Леше. На стене справа при входе в Леше были изображены сцены, иллюстрирующие эпический миф о взятии Трои; слева - посещение Улиссом нижнего мира, описанное в "Одиссее". Плиний отмечает, что вместо прежней суровости и ригидности черт он ввел большое разнообразие выражений и был первым, кто рисовал фигуры с открытыми губами. Лукиан приписывает ему значительные усовершенствования в передаче драпировки, чтобы показать формы под ней. Аполлодор из Афин был первым великим мастером света и тени. Согласно Плинию, он был первым, кто изобразил людей и вещи такими, какими они выглядят на самом деле. Более продвинутая стадия совершенствования живописи началась с Зевксиса, в котором искусство было направлено на иллюзию чувств и передачу внешнего очарования. По-видимому, он в равной степени отличался изображением женских прелестей и возвышенного величия Зевса на его троне. Его шедевром была картина Елены, моделями для которой были пять самых красивых дев Кротона.

Ни место, ни дата рождения Зевксиса не могут быть точно установлены, хотя он, вероятно, родился около 455 года до н.э., поскольку через тридцать лет после этой даты мы находим его с большим успехом занимающимся своим искусством в Афинах. Ему покровительствовал Архелай, царь Македонии, и он провел некоторое время при его дворе. Он, должно быть, также посетил Великую Грецию, поскольку написал свою знаменитую картину Елены для города Кротон. Он приобрел большое богатство благодаря своему карандашу и очень демонстративно демонстрировал его. Он появился в Олимпии в великолепном одеянии, на котором золотыми буквами было вышито его имя, и то же тщеславие проявляется и в анекдоте о том, что после того, как он достиг вершины своей славы, он больше не продавал, а раздаривал свои картины, поскольку они были дороже всякой цены. Что касается его стиля в искусстве, его любимыми сюжетами были одиночные фигуры. Он мог изображать богов или героев с достаточным величием, но особенно преуспел в изображении более мягких

проявлений женской красоты. В одном важном отношении он, по-видимому, отошел от стиля Полигнота, его идеализм был скорее идеализмом *формы* чем *характера* и *самовыражения*. Таким образом, его стиль аналогичен стилю Еврипида в трагедии. Он был великим мастером цвета, и его картины иногда были настолько точными и реалистичными, что казались иллюзией. Примером этого является история, рассказанная о нем и Паррасии. В качестве испытания мастерства эти художники написали две картины. Картина Зевксиса изображала виноградную гроздь и была выполнена настолько естественно, что прилетали птицы и клевали ее. После этого доказательства Зевксис, уверенный в успехе, призвал своего соперника отодвинуть занавес, скрывавший его картину. Но картина с изображением Паррасия была самым занавесом, и теперь Зевксис был вынужден признать себя побежденным, ибо, хотя он обманул птиц, Паррасий обманул автора обмана. Но многие картины Зевксиса также демонстрировали огромную драматическую силу. Он работал очень медленно и тщательно, и, как говорят, ответил кому-то, кто обвинил его в медлительности: "Это правда, что я долго рисую, но потом я рисую так, чтобы работы прослужили долго". Его шедевром был уже упомянутый портрет Хелен.

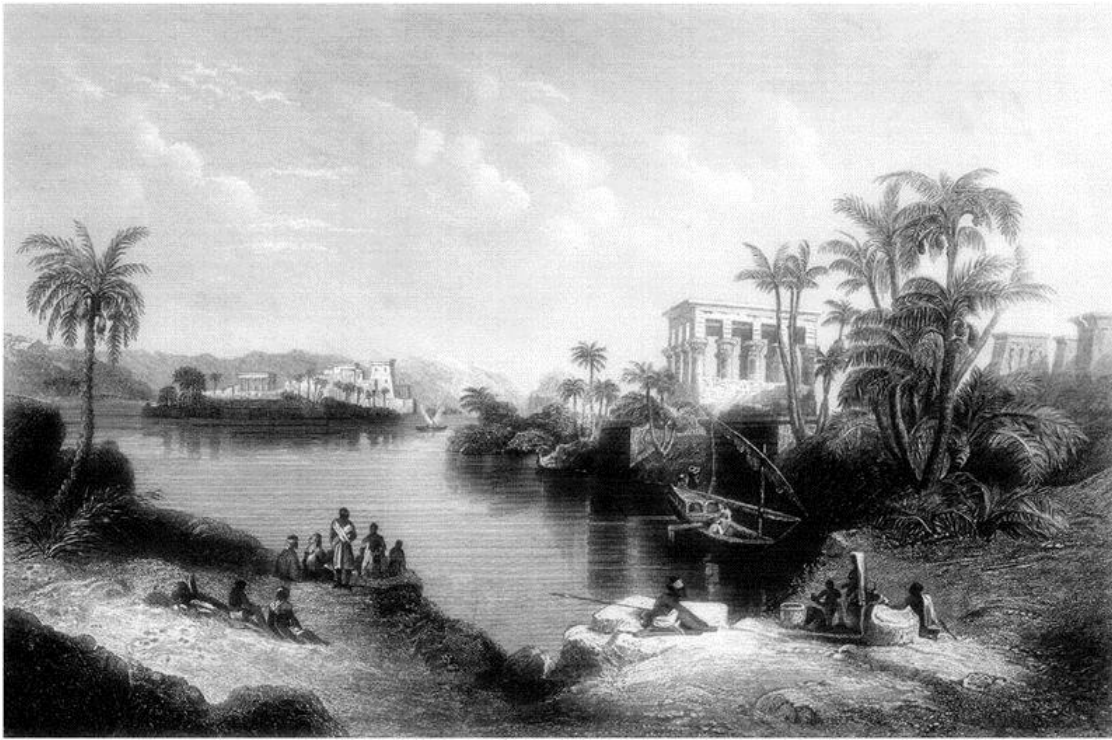
Паррасий был уроженцем Эфеса, но его искусством в основном занимались в Афинах, где ему было предоставлено право гражданства. Его дата не может быть точно установлена, но он, вероятно, был несколько моложе своего современника Зевксиса, и несомненно, что он пользовался высокой репутацией до смерти Сократа. Стиль и степень совершенства, достигнутые Паррасием, по-видимому, были во многом такими же, как у Зевксиса. Он особенно прославился точностью своего рисунка и превосходными пропорциями своих фигур. Для них он установил канон, как Фидий для скульптуры богов, а Поликлет для человеческой фигуры, поэтому Квинтилиан называет его законодателем своего искусства. Его тщеславие, по-видимому, было столь же поразительным, как и у Зевксиса. Среди самых знаменитых его работ был портрет олицетворенного афинянина *Демоса*, который, как говорят, чудесным образом выразил даже самые противоречивые качества этого многоголового персонажа.

ЖИВОПИСЬ. (2600 лет.)

Паррасий преуспел в придании округлости и красивых контуров своим фигурам и отличался богатством и разнообразием своих творений. Его многочисленные изображения богов и героев получили высочайшее признание в искусстве. Однако он был побежден в живописном состязании, предметом которого было состязание Улисса и Аякса за оружие Ахилла, устроенное хитроумным Тимантом, в чьем жертвоприношении Ифигении древние восхищались выражением скорби, доведенным до той степени интенсивности, на которую искусство только осмеливалось намекать. Самой поразительной чертой на картине было скрытие лица Агамемнона под его мантией. (Соккрытие лица Агамемнона на этой картине обычно рассматривалось как "трюк" или остроумное изобретение Тиманта, хотя оно было результатом основного закона греческого искусства — изображать только то, что красиво, и никогда не представлять глазу ничего отталкивающего или неприятного; черты отца, охваченного горем, не были бы приятным объектом для созерцания; поэтому художник, полностью осознавая законы своего искусства, скрыл лицо Агамемнона.) Тимантес отличался своей изобретательностью и экспрессией. Однако превыше всего стоит великий Апеллес, соединивший преимущества своей родной Ионии — изящество, чувственное очарование и богатый колорит — с научной точностью сицилийской школы. Наиболее выдающейся характеристикой его стиля была грация (*charis*), качество, которое он сам признавал присущим только ему и которое служит объединению всех других дарований и способностей, необходимых художнику; пожалуй, ни на одной из его картин оно не было

представлено в таком совершенстве, как в его знаменитой "Анадиомене", на которой Афродита изображена поднимающейся из моря и выжимающей влагу из своих волос. Но героические сюжеты также были приспособлены к его гению, особенно к грандиозно задуманным портретам, таким как многочисленные портреты Александра, который ему тепло покровительствовал. Он не только изобразил Александра с молнией в руке, но даже попытался, как мастер света и тени, изобразить грозу, вероятно, одновременно с природными сценами и мифологическими олицетворениями. Анадиомена, первоначально написанная для храма Эскулапа на Косе, была перенесена Августом в храм Д. Юлия в Риме, где, однако, находилась в ветхом состоянии еще во времена Нерона. Одновременно с ним процветали Протоген и Никий. Протоген был одновременно художником и скульптором и прославился высокой отделкой своих работ. Его шедевром была картина Иалиса, героя-покровителя Родоса, где он жил. Говорят, что он потратил на нее семь лет. Никий из Афин прославился изяществом, с которым он рисовал женщин. Он также был известен как художник-энкаустик, и Пракситель нанял его, чтобы он применил свое искусство к своим статуям. Великолепное искусство этих мастеров в том, что касается света, тона и местных красок, утеряно для нас, и мы ничего не знаем о нем, кроме малоизвестных заметок и более поздних подражаний. Таким образом, нет необходимости подробно говорить о различных школах живописи в Греции, поскольку все их работы утрачены, знание особенностей, характерных для каждой школы, было бы в настоящее время совершенно бесполезно. Живопись должна была следовать неизменному закону всякого развития; достигнув периода зрелости, она, как необходимое следствие, должна была начать период упадка. Искусство этого периода утонченности, пишет мистер Уорнум, которое было названо александрийским, потому что самый знаменитый художник этого периода жил примерно во времена Александра Македонского, было последним в развитии, или приобретении, но оно только добавляло разнообразия тонам, которые не могло улучшить, и в основном характеризовалось разнообразием стилей стольких современных художников. За этим немедленно последовал упадок искусства, неизбежное следствие, когда вместо совершенства разнообразие и оригинальность стали концом художника. Тенденции, характерные для этого периода, породили иногда картины, которые служили низкой чувственности; иногда работы, которые привлекали своим воздействием света, а также карикатуры и пародии на мифологические сюжеты. Художники этого периода были вынуждены привлекать внимание новизной и разнообразием; таким образом, рифмография и низшие классы искусства достигли расцвета и стали характерными стилями того периода. Среди них Пирей был выдающимся; его называли рифарографом из-за низкого качества его подданных. После разрушения Коринфа Муммием и разграбления Афин Суллой искусство живописи переживало быстрый и полный упадок.

Выгравировано и напечатано братьями Иллман.

ФИЛЕЙСКИЕ ОСТРОВА

ДЛЯ МУЗЕЯ АНТИЧНОСТИ

Теперь мы сделаем несколько выдержек из превосходной статьи мистера Уорнума о средствах передвижения, материалах, цветах и методах рисования, используемых греками.

Греки рисовали воском, смолами и акварелью, которым придавали надлежащую консистенцию, в зависимости от материала, на котором они рисовали, с помощью камеди, клея и яичного белка; камедь и клей были самыми распространенными.

Они рисовали по дереву, глине, гипсу, камню, пергаменту и холсту. Обычно они рисовали на панелях или столах и очень редко на стенах; а мольберт, подобный тому, что используется сейчас, был распространен среди древних. Эти панели, когда они были закончены, были вставлены в рамы из различных материалов и вставлены в стены. Древние использовали также палитру, очень похожую на ту, которой пользуются современные люди, о чем в достаточной степени свидетельствует фреска из Помпей, на которой изображена женщина, изображающая копию Гермеса для обетной таблички с палитрой в левой руке.

Более ранние греческие мастера использовали только четыре цвета: землю Мелоса для белого; аттическую охру для желтого; Синопис, землю с Понта, для красного; и лампадно-черный; и именно с этими простыми элементами Зевксис, Полигнот и другие того времени выполняли свои знаменитые работы. Постепенно были найдены новые красящие вещества, подобные тем, которые использовались Апеллесом и Протогеном.

Количество пигментов, упоминаемых древними авторами, действительно, так велико и такова их красота, что весьма сомнительно, обладают ли современные художники, при всей помощи современной науки, каким-либо преимуществом в этом отношении перед своими предшественниками.

Теперь мы приводим следующий список цветов, которые, как известно, обычно использовались древними художниками:

Красный.— В древности красных было очень много: киноварь, киноварь, двусульфур ртути, называемый также Плинием и Витрувием, сурик. *Cinnabaris indica*, упомянутый Плинием и Диоскоридом, представлял собой то, что в просторечии называют кровью дракона, смолу, получаемую из различных видов пальмы аира. Милтос, по-видимому, имел различное значение; его использовали для изготовления киновари, сурика, свинцового красителя и рубрики, красной охры. Существовали различные виды рубрик; однако все они представляли собой красные оксиды, из которых лучшими были лемнийский с острова Лемнос и каппадокийский, называемый римлянами рубрика синопика, из Синопе в Пафлагонии. Сурик, красный оксид свинца, *red lead*, римляне называли *cerussa usta*, а, согласно Витрувию, *sandaracha*.

Римская сандарача, по-видимому, имела различное значение. Плиний говорит о различных оттенках сандарачи; существовал также сложный цвет из равных частей прокаленной сандарачи и рубрики, называемый сандикс, который, по предположению сэра Х. Дэви, приближался по оттенку к нашему малиновому; в живописи его часто покрывали пурпуром, чтобы придать ему дополнительный блеск.

Желтый. Желто—охристый, гидратированный пероксид железа, *sil* римлян, составлял основу многих других желтых оттенков, смешанных с различными красками и карбонатом извести. Охру добывали в разных местах — лучшей считалась Чердачная; иногда для придания желтого цвета использовался более светлый сорт сандарачи.

Зеленый.—Хризоколла, которая, по-видимому, представляла собой зеленый карбонат меди, или малахит (*green verditer*), была зеленым, который больше всего нравился древним; существовал также искусственный вид, который изготавливался из глины, пропитанной сульфатом меди (синим купоросом), который окрашивался в зеленый цвет желтым красителем. Самыми распространенными и дешевыми цветами были Аппиан, который представлял собой глину, и *creta viridis*, обычная зеленая земля Вероны.

Синий. Древние голубые были очень многочисленны; главным из них был *særguleum*, лазурь, разновидность *verditer*, или синего карбоната меди, разновидностей которого существовало множество. Александрийский был самым ценным, как наиболее близкий к ультрамарину. Его также производили в Поццуоли. Эта имитация называлась *sælon*. Армений был металлического цвета и готовился путем измельчения в неосязаемый порошок. Он был светло-голубого цвета. Было высказано предположение, что ультрамарин (лазурит) был известен древним под названием Армений, из Армении, где он был добыт. Однако из описания Плиния очевидно, что "сапфиром" древних был современный лазурит. Он пришел из Мидии.

Индиго, знак зодиака, был хорошо известен древним.

Фиолетовый.—У древних было несколько видов пурпура, *purpurissimum*, *ostrum*, *hysginum* и различные составные цвета. Пурпуриссимум изготавливался из *creta argentaria*, мелкого мела или глины, пропитанной фиолетовым красителем, получаемым из мурекса. По цвету он варьировался от сурика до синего и включал все градусы фиолетовых оттенков. Лучший сорт был получен из Поццуоли. Пурпуриссимум индикум был привезен из Индии. Он был темно-синего цвета и, вероятно, был таким же, как индиго. Страум представлял собой жидкость цвета, которой придавали нужную консистенцию путем добавления меда. Он производился из секрета рыбы, называемой острум, и различался по оттенку в зависимости от страны,

откуда его привозили; будучи более глубоким и фиолетовым, когда его привозили с севера, и более красным, когда привозили с южных берегов Средиземного моря. Римский острум представлял собой смесь красной охры и синего оксида меди. Хисгин, согласно Витрувию, представляет собой цвет между алым и фиолетовым. Знаменитая тирская краска была темно-насыщенного фиолетового цвета, цвета свернувшейся крови, но при поднесении к свету приобретала малиновый оттенок. Он был произведен комбинацией выделений мурекса и букцинума. При приготовлении красителя букцинум использовался в последнюю очередь, поскольку краситель из мурекса был необходим для быстрого придания цвета, в то время как букцинум своим красным оттенком оживлял темный оттенок мурекса. Сэр Х. Дэви, исследовав вещество розового цвета, найденное в банях Тита, которое внутри имело блеск, приближающийся к карминовому, счел его образцом лучшего тирского пурпура. Пурпура, как упоминается у Плиния, была аметистового или фиолетового цвета.

Коричневый.—Ochra usta, жженая охра. Коричневый цвет был получен из прокаленной охры, оксидов железа и марганца, а также соединений охры и черноты.

*Черный.*Атраментум, или черный, был двух видов, натуральный и искусственный. Натуральный изготавливался из черной земли или из секрета каракатицы, сепии. Искусственный - из остатков обугленного вина, обожженной слоновой кости или лампово-черного цвета. Atramentum indicum, упомянутый Плинием, вероятно, был китайской тушью.

*Белый.*Обычным греческим белым был мелинум, земля с острова Мелос; для фресковой живописи лучшим был африканский партоний. Была также белая земля Эретрии и кольцевидная белая. Карбонат свинца, или белила cerussa, по-видимому, не часто использовался древними художниками. Он не был найден ни на одном из остатков живописи в римских руинах.

Способы окраски.— Древние практиковали два различных вида живописи — акварелью и воском, оба из которых практиковались различными способами. Из первых основными были фреска на свежем воздухе; и различные виды темперы (темпера) с клеем, яичным белком или камедью (гуаццо); и с воском или смолами, когда они были нанесены любыми средствами, с которыми можно было работать с водой. Из последних основным был метод "через огонь", называемый энкаустикой.

Фрески, вероятно, мало использовались древними для создания произведений имитационного искусства, но, по-видимому, это был обычный метод простой раскраски стен, особенно у римлян. Окраска на открытом воздухе, при которой краски смешивались просто в воде, как следует из термина, применялась, когда состав штукатурки на стенах был еще влажным (удо текторио), и по этой причине ограничивалась определенными цветами, поскольку таким образом нельзя использовать никакие цвета, кроме земляных.

Стены с фресками после росписи были покрыты энкаустическим лаком, как для усиления цвета, так и для защиты от вредного воздействия солнца или непогоды. Витрувий описывает этот процесс как греческую практику. Когда стена была окрашена и высохла, пунический воск, расплавленный и закаленный с небольшим количеством масла, натирали по ней жесткой щеткой (seta); это делалось гладким и ровным путем нанесения *прижигателя* или железной сковороды, наполненной тлеющими углями, на поверхность, как можно ближе к ней, насколько это было необходимо для расплавления воска; затем ее натирали свечой (воском) и чистой тканью. В энкаустической живописи восковые краски *выжигались* в земле с помощью горячего утюга (называемого прижиганием) или кастрюли с горячими углями, которую держали у поверхности картины. Простой процесс выжигания составляет всю разницу между энкаустикой и обычным методом росписи восковыми красками.

Теперь мы скажем несколько слов относительно широко обсуждаемого вопроса о раскрашивании статуй. Его древность и универсальность не вызывают сомнений. Действительно, практика раскрашивания статуй является характерной чертой примитивного мастерства изготовления изделий из глины или дерева. Это был пережиток старой религиозной практики обмазывания ранних статуй богов кинуварью, и делалось это для удовлетворения суеверных вкусов необразованных людей. Статуи для религиозных целей, возможно, были написаны в соответствии с формулой, предписанной религией, но статуи как предметы искусства, на которых скульптор проявил весь свой гений и вкус, несомненно, были выполнены только из чистого и неокрашенного мрамора. В хризелефантиновых, или слоновых, статуях Юпитера и Минервы работы Фидия искусство превратилось в служанку религии. Сам Фидий предпочел бы, чтобы они были выполнены в мраморе.

Далее мы можем отметить, что форма в ее чистейшем идеале, будучи главной целью скульптуры, никогда не сможет удовлетворить утонченный вкус любого применения цвета, которое могло бы умалить чистоту и идеальность этого чистейшего из искусств. Раскрашивание скульптуры и придание ей реалистичности явно вторгается в область живописи и, таким образом, отходит от истинного принципа скульптуры, который заключается в придании форме наиболее совершенного и идеализированного развития. Мы должны также учитывать, что скульптура из мрамора, судя по ее белизне, рассчитана на отображение света и тени. По этой причине статуи и барельефы размещались либо на открытом воздухе, чтобы получать прямые лучи солнца, либо в подземных помещениях, или термах, где они получали свет либо из верхнего окна, либо ночью от сильного света лампы, причем скульптор с этой целью изучал влияние теней. Следует также помнить, что статуи в греческих и римских храмах получали свет из верхней части здания, многие из храмов были гипетрическими, что обеспечивало преимущество верхнего освещения - главной цели скульптора. Цвет в этих статуях или барельефах имел бы тенденцию искажать контрасты света и тени и слишком сильно смешивать их; например, раскрасьте фотографию статуи, которая демонстрирует заметный контраст света и тени, и это приведет к путанице и смешению того и другого. Вкус к полихромной скульптуре в период упадка искусства, очевидно, был всего лишь возвращением к примитивному несовершенству искусства, когда была предпринята попытка создать иллюзию, чтобы угодить необразованному вкусу вульгаристов.

Римляне почерпнули свои знания живописи у этрусков, своих предков и соседей; говорят, что первые греческие художники, пришедшие в Италию, были привезены Демаратом, отцом Тарквиния Приска, римского царя; во всяком случае, Этрурия, по-видимому, оказала большое влияние на искусство Рима во времена правления Тарквиниев. Традиция приписывает им первые работы, которые использовались для украшения храмов Рима, и, согласно Плинию, ни искусству, ни художникам не уделялось особого внимания. У Фабия, первого среди римлян, была картина, выполненная в храме Салуса, от которой он получил название Живописца. Произведения искусства, привезенные из Коринфа Муммием, из Афин Суллой и из Сиракуз Марцеллом, привили им вкус к картинам и статуям в общественных зданиях, который со временем стал всепоглощающей страстью многих выдающихся римлян. К концу республики Рим был полон художников. Юлий Цезарь, Агриппа, Август были одними из первых великих покровителей художников. Светоний сообщает нам, что цезарь потратил огромные суммы на покупку картин старых мастеров. При Августе Марк Лудий рисовал морские сюжеты, пейзажные декорации и исторический пейзаж в качестве украшения квартир вилл и загородных домов. Он изобрел тот стиль оформления, который мы сейчас называем арабеской или гротеском. Она быстро распространилась, так что бани Тита и Ливии, остатки, обнаруженные в Кумах, Поццуоли, Геркулануме, Стабиях, Помпеях, короче

говоря, любые постройки того времени, которые были найдены в хорошей сохранности, представляют собой многочисленные и прекрасные ее образцы. В это время также преобладала страсть к портретной живописи; искусство, льстившее их тщеславию, больше соответствовало вкусам римлян, чем искусство, которое могло создавать красивые и утонченные произведения, подобные греческим. Портретов, должно быть, было чрезвычайно много; Варрон создал коллекцию портретов 700 выдающихся людей. Портреты, декоративная живопись и сценография, похоже, поглотили искусство. Пример или, скорее, притязания Нерона, должно быть, также способствовали развитию живописи в Риме; но римских художников было, однако, немного; побед консулов и грабежей преторов было достаточно, чтобы украсить Рим всеми шедеврами Греции и Италии. Они ввели моду иметь вкус к прекрасным произведениям греческого искусства. В более поздний период вкусы были настолько испорчены, что рисованием практически занимались рабы, а художника оценивали по количеству работы, которую он мог выполнить за день.

Остатки живописи, найденные в Помпеях, Геркулануме и в банях Тита в Риме, являются единственными картинами, которые могут дать нам какое-либо представление о колорите и живописи древних, которые, хотя и обладают многими красотами, особенно по композиции, очевидно, являются работами художников низшего уровня в период упадка. В Помпеях едва ли найдется дом, стены которого не были бы украшены фресками. Самые маленькие квартиры были облицованы штукатуркой, окрашены в самые яркие и бесконечно разнообразные цвета, в отсеках, просто тонированных светлым грунтом, окруженных орнаментальным краем, а иногда украшенных одной фигурой или предметом в центре или на равном расстоянии друг от друга. Эти картины очень часто являются историческими или мифологическими, но охватывают все разнообразие сюжетов, некоторые из них самой изысканной красоты. Пейзажная живопись никогда не была любимой у древних, а если и появлялась в живописи, то была второстепенной. Целью живописи древних было представлять и иллюстрировать мифы о богах, подвиги героев и важные исторические события, следовательно, придавая особое значение очертаниям человеческого облика. Пейзаж, с другой стороны, ничего не иллюстрировал, не представлял важного события, заслуживающего упоминания, и, таким образом, не имел абсолютно никакого значения в греческом храме или пинакотеке. В эпоху упадка, как в Помпеях, его использовали просто в декоративных целях. Постоянно встречается множество архитектурных предметов, в которых легко проследить истинные принципы перспективы, но они скорее обозначены, чем детально выражены или точно отображены; тогда как в большинстве случаев полное отсутствие знаний об этом искусстве слишком очевидно. По-видимому, были наняты греческие художники; действительно, местных художников было мало, в то время как первых повсюду было в избытке, и их превосходство в дизайне, должно быть, всегда обеспечивало им предпочтение.

Сюжетами римских фресок обычно являются греческие мифы; в композиции и стиле мы видим греческую концепцию, измененную римским влиянием. Стиль рисунка скорее ловкий, чем виртуозный; быстрота исполнения, по-видимому, ценится больше, чем точное, добросовестное изображение правды природы; рисунок, как правило, небрежен, и эффекты иногда достигаются с помощью уловок и приемов, которые относятся скорее к сценографии, чем к высшим отраслям искусства. Однако не следует забывать, что большинство этих картин были архитектурными украшениями, которые следовало рассматривать не как самостоятельные композиции, а как части более крупных композиций, в которые они были вставлены, как в рамку. Как примеры древнего колорита они представляют наибольший интерес, и из них можно многое почерпнуть о технических материалах и процессах, использовавшихся древними художниками.

Лепка.

Содержание

Мы не намерены останавливаться здесь на истории скульптуры во всех ее фазах, но приведем отличительные черты, характеризующие различные стили египетской, греческой и римской скульптуры, поскольку они видны в статуях естественного или колоссального размера, в статуях меньших пропорций и, наконец, в бюстах и барельефах.

Мы приведем также стили каждой отдельной нации, которые преобладали в каждую отдельную эпоху, стили, которые отмечают этапы развития искусства скульптуры во всех странах. Скульптура, подобно архитектуре и живописи, да и вообще всему искусству, имела коренную и независимую эволюцию во всех странах, все эти искусства возникли естественным образом и везде одинаково берут свое начало в способности человека к подражанию. У них были свои стадии развития в восходящей и нисходящей шкалах, их взлет, прогресс, кульминационная точка, упадок и распад, их цикл развития; последовательность этих стадий обязательно развивалась везде, где зарождался дух искусства, где он рос и прогрессировал. Первый и самый важный шаг в изучении произведения древней скульптуры - это с уверенностью определить, является ли оно египетской, этрусской, греческой или римской работы; и это различие полностью основывается на глубоком знании стиля, характерного для каждой из этих наций. Следующий шаг состоит в том, чтобы по его характерным чертам определить, к какому периоду, эпохе или стадии развития искусства данного конкретного народа он относится. Далее мы приведем различные атрибуты и характеристики богов, богинь и других мифологических персонажей, которые отличают различные статуи, видимые в египетской, этрусской, греческой и римской скульптуре.

Это перечисление можно найти во многих скульптурных галереях различных музеев как в стране, так и за рубежом.

Человек *пробовал* создавать скульптуры задолго до того, как он *изучал* архитектуру; простая хижина или грубый дом отвечали всем требованиям как место обитания, и прошло много времени, прежде чем он попытался изобрести то, чего не требовала необходимость.

Архитектура - это творение разума; у нее нет модели в природе, и требуется большая сила воображения, чтобы постичь ее идеальную красоту, правильно сочетать части и судить о гармонии форм, совершенно новых и недоступных опыту. Но желание человека подражать и фиксировать то, что проходило перед его глазами, короче говоря, передавать впечатление от своего собственного ума другому, естественно на любой ступени развития общества; и как бы несовершенно ему ни удавалось изображать сами объекты, его попытки указать на их относительное положение и воплотить выражение его собственных идей являются источником высочайшего удовлетворения.

Как желание запечатлеть события дало первый импульс, религия дала второй импульс скульптуре. Простая колонна из дерева или камня, которая первоначально была выбрана для изображения божества, впоследствии приняла человеческий облик, благороднейший образ силы, создавшей ее; хотя *Гермы* Греции не были, как некоторые думали, источником статуй, а были заимствованы у египетских богов в форме мумий.

Павсаний считает, что "в древние времена все статуи были деревянными, особенно те, что были сделаны в Египте"; но это, должно быть, было в период столь отдаленный, что он находится далеко за пределами известной истории этой страны; хотя вполне вероятно, что, когда искусство находилось в зачаточном состоянии, египтяне ограничивались статуями такого рода; и они иногда устанавливали деревянные фигурки в своих храмах, даже до времен последних фараонов.

Долгое время после того, как люди попытались разглядеть части фигуры, статуи продолжали оставаться очень грубыми; руки располагались прямо вдоль бедер, а ноги были соединены вместе; и они не выходили за рамки этого несовершенного состояния в Греции вплоть до эпохи Дедала. К счастью для них самих и для всего мира, грекам было позволено освободиться от старых привычек, в то время как египтяне в позднейшие периоды продолжали следовать несовершенным моделям своих ранних художников, и им навсегда помешали достичь совершенства в скульптуре; и хотя они добились больших успехов в других областях искусства, хотя они проявляли значительный вкус в формах своих ваз, мебели и даже в некоторых архитектурных деталях, им вечно не хватало идеальной красоты и способа изображения естественных положений человеческой фигуры.

В Египте предписанный автоматический характер фигур эффективно препятствовал всякому прогрессу в скульптурном искусстве; конечности были прямыми, без каких-либо попыток действовать или, более того, без каких-либо признаков жизни; на самом деле это были *статуи* человека, которого они изображали, а не человека, "живущего в мраморе", чем они полностью отличались от греческих. Ни одна статуя воина не была изваяна в различных позах нападения и защиты; ни один борец, ни один *дискобол*, ни один боксер не демонстрировал грации, силы или мускульных действий мужчины; также красота, чувственность и элегантность женских форм не были высечены в камне: все было сделано в соответствии с одной и той же неизменной моделью, которая ограничивала человеческую фигуру несколькими обычными позами.

Сидящая статуя, будь то мужчина или женщина, изображалась с руками, положенными на колени или скрещенными на груди; коленопреклоненная фигура иногда поддерживала небольшой алтарь или священную эмблему; а когда она стояла, руки располагались прямо по бокам бедер, одна нога (и всегда левая) была выдвинута вперед другой, как будто в позе ходьбы, но без какой-либо попытки разъединить ноги.

Древнейшие египетские скульптуры на всех крупных памятниках были выполнены в низком рельефе и, как обычно в любой период, раскрашены (обелиски и все, что вырезано из твердого камня, некоторые погребальные таблички и другие мелкие предметы выполнены в глубокой печати); и этот стиль оставался в моде до времен Ремезеса II, который очень широко внедрил глубокую печать на больших памятниках; и даже его батальные сцены в Карнаке и Мемнониуме выполнены в этой манере. Рельефы были немного приподняты над уровнем стены; обычно они имели плоскую поверхность со слегка закругленными краями, что по эффекту намного превосходило глубокую печать; и следует сожалеть, что лучшая эпоха искусства, когда дизайн и исполнение были в зените своего развития, отказалась от столь превосходного стиля; который тоже улучшался бы пропорционально прогрессу того периода.

После воцарения двадцать шестой династии были предприняты некоторые попытки возродить искусства, которыми долгое время пренебрегали; и, независимо от покровительства правительства, богатство частных лиц щедро использовалось для их поощрения. Общественные здания были возведены во многих частях Египта и украшены

богатой скульптурой; город Саис, царская резиденция фараонов этой династии, был украшен с величайшим великолепием, и были сделаны обширные пристройки к храмам Мемфиса и даже к храмам далеких Фив.

Новый импульс, приданный таким образом искусству, не остался без эффекта; скульптуры того периода демонстрируют элегантность и красоту, которые могли бы даже побудить некоторых считать их равными произведениям более ранней эпохи, а в гробницах Ассасифа в Фивах находится множество замечательных образцов египетского искусства. Тем, однако, кто понимает истинный дух этой своеобразной школы, очевидно, что, хотя по мелочности и отделке они заслуживают высочайшей похвалы, все же по величию замысла и смелости исполнения они далеко уступают скульптурам Сетоса и второго Ремезеса.

Мастерство египетских художников в рисовании смелых и четких контуров, пожалуй, более достойно восхищения, чем все, что связано с этой отраслью искусства, и нигде свобода их рисунка не бросается в глаза так сильно, как в фигурах в незаконченной части гробницы Бельцони в Фивах. Они преуспели только в рисовании, будучи совершенно неосведомленными о правильном способе раскрашивания фигуры, и их живопись была не имитацией природы, а просто гармоничным сочетанием определенных оттенков, которые они хорошо понимали. В самом деле, по сей день гармония положительных цветов в полной мере ощущается в Египте и на Востоке, и странно обнаружить, что в Северной Европе ее почти не воспринимают, где теории берут на себя смелость объяснить уму то, что глаз еще не усвоил, как если бы грамматика могла быть написана до того, как язык будет понят.

Примечательной особенностью египетской скульптуры является частое изображение их царей в колоссальной форме. Два самых известных колосса - это сидящие фигуры на равнине Фив. Известно, что один из них - красноречивый Мемнон (Амуноф III), упомянутый Страбоном. Их рост составляет сорок семь футов, а ширина плеч - около восемнадцати футов трех дюймов. Но самой грандиозной и самой крупной колоссальной статуей была колоссальная статуя царя Ремзеса II из сиенитового гранита в Мемнониуме в Фивах. На нем был изображен король, сидящий на троне в обычной позе королей, руки покоятся на коленях. Сейчас от него остались фрагменты. Его рост в плечах составлял двадцать два фута четыре дюйма. По словам сэра Г. Уилкинсона, вся масса, когда она была целой, должна была весить около 887 тонн. Колоссальная статуя Ремзеса II. лежит лицом на земле на месте Мемфиса; он был установлен перед храмом Птах. Его общая высота оценивается в сорок два фута восемь дюймов без постамента. Он сделан из белого кремнистого известняка. Другой известный колосс - статуя так называемого Мемнона, ныне находящаяся в Британском музее. Предполагается, что это статуя Ремзеса II. Он был привезен Бельцони из Мемнониума в Фивах.

В разные эпохи египетской скульптуры египетские художники были связаны определенными установленными канонами или правилами пропорций, которыми они руководствовались в своей работе, и которых они были обязаны неукоснительно придерживаться. Ниже приведены каноны трех различных эпох: 1. По канону времен пирамид высота считалась равной шести футам от подошвы стопы до макушки головы, а деления производились на половину или треть фута. 2. Канон с двенадцатой по двадцать вторую династию является лишь продолжением первой. Вся фигура помещалась в несколько квадратов по полфута, а вся высота была разделена на восемнадцать частей. В этих двух канонах рост выше шестого фута не учитывается. 3. Канон эпохи Псамметиков, о котором упоминает Диодор, исчисляет весь рост в двадцать один и одну четвертую фута от подошвы до макушки головы, взятой за верхнюю часть. Пропорции другие, но без какого-либо введения греческого канона. Канон и ведущие линии изначально были нанесены красным, впоследствии исправлены главным

художником черным цветом, после чего дизайн был выполнен. В Египте почти каждый объект скульптуры и архитектуры был раскрашен. Колоссальные египетские статуи, как правило, сделаны из гранита, базальта, порфира или песчаника. Два колосса на равнине Фив, конечно же, сделаны из твердого песчаника. Египтяне также работали с темными и красными гранитами, брекчиями, серпентинами, арагонитом, известняками, яшмой, полевым шпатом, сердоликом, стеклом, золотом, серебром, бронзой, свинцом, железом, твердыми породами дерева, пихтой или кедром, платаном, черным деревом, акацией, фарфором, слоновой костью и терракотой. Все предметы, от самого гигантского обелиска до мельчайших предметов личной жизни, украшены иероглифами.

Египетские скульпторы также отличались правильным и превосходным изображением животных. Действительно, в их изображении можно заметить свободу рук, выбор и разнообразие форм, правдивость и даже то, что заслуживает названия подражания, что контрастирует с единообразием, жесткостью, отсутствием природы и жизни, которые представляют человеческие фигуры. Платон упоминает закон, который запрещал художникам ни в малейшей степени отклоняться при выполнении статуй человеческого облика от типа, освященного жреческой властью. Таким образом, художник, не будучи ограниченным в своем изучении формы животных, мог таким образом придать своему изображению большее разнообразие движений и, подражая животным в природе, компенсировать себе стеснение, которое он испытывал, изображая царей и священников. Два колоссальных льва из красного гранита, привезенные в Англию покойным герцогом Нортумберлендским, могут рассматриваться как удивительно хорошие образцы египетского искусства применительно к изображению форм животных. Они демонстрируют значительное знание анатомии в четко очерченных линиях развития мышц. Форма также естественна и легка, что превосходно отражает идею силы в состоянии покоя. Они были изваяны во времена правления Амунофа III. Изображения священных животных, киноцефала, льва, шакала, барана и т.д., Часто встречаются в египетской скульптуре.

Греческий. Этапы цикла развития искусства скульптуры в Греции можно разделить на пять различных периодов или эпох, назвав их, для большего удобства, главным образом по имени главного художника, стиль которого преобладал в тот период.

I. Дейдеский, или ранний	(-580 г. до н. э.)
II. Эгинет, или архаика	(580-480 гг. до н. э.)
III. Фидиан, или великий	(480-400 гг. до н. э.)
IV. Пракситель, или прекрасная	(400-250 гг. до н. э.)
Против упадка	(250-)

До эпохи Дедала в развитии искусства существовала более ранняя стадия, на которой недостаток искусства, характерный для этой ранней стадии, проявлялся в грубых попытках изобразить человеческую фигуру, поскольку похожие и почти идентичные грубые изображения предпринимаются на ранних стадиях развития искусства во всех странах; поскольку ранние попытки детей почти идентичны во всех возрастах. Присутствие бога обозначалось способом, сродни африканскому фетишизму, самыми простыми и бесформенными предметами, такими как необработанные каменные блоки, простые колонны или куски дерева. Первая попытка изображения состояла в придании каменной или деревянной глыбе некоего подобия человеческой формы, и эта грубая попытка представляла собой божество. Такой примитивной формы были Венера Кипрская, Купидон Феспийский; Юнона Аргосская была сделана таким же грубым образом из ствола дикой груши. Таким образом, эти попытки представляли собой не более чем бесформенные блоки с едва

очерченными головой, руками и ногами. Предполагается, что некоторые из этих деревянных блоков в грубой попытке имитации были отделаны настоящими волосами и обтянуты настоящими драпировками, чтобы скрыть несовершенство формы. Следующим шагом было придать этим бесформенным блокам человеческую форму. Верхняя часть приобрела подобие головы, и постепенно обозначились руки и ноги; но в этих ранних имитациях человеческой фигуры руки, несомненно, изображались тесно прижатыми к бокам; а ноги, хотя и были до некоторой степени очерчены, все же были соединены в общую колонну.

Эпоха Дедала знаменует собой улучшение моделирования человеческой фигуры, придание ей жизни и действия. Это усовершенствование в искусстве состояло в том, чтобы изобразить человеческую фигуру с руками, отделенными от тела, ногами и открытыми глазами; в целом, придать ей видимость природы, а также жизни, и таким образом ввести принцип имитации. Этот важный прогресс в практике искусства является характерной чертой школы Дедала, поскольку под именем Дедала мы должны понимать само искусство скульптуры в его примитивной форме и на его первой стадии развития. Согласно Флакسمану, грубые попытки этого века были направлены на то, чтобы представлять только божества и героев — Юпитер, Нептун, Геркулес и еще несколько героических персонажей имели одно и то же лицо, фигуру и действия; те же узкие глаза, тонкие губы с загнутыми вверх уголками рта; заостренный подбородок, узкие поясицы, накаченные мышцы; то же выдвинутое вперед положение нижних конечностей; правая рука поднята за головой, а левая вытянута. Их единственными различиями было то, что Юпитер держал в руках молнию, Нептун - трезубец, а Геркулес - пальмовую ветвь или лук. Женские божества были облачены в драпировки, разделенные несколькими перпендикулярными складками, их позы были похожи на позы мужских фигур. Волосы как мужских, так и женских статуй этого периода уложены с особой тщательностью, собраны в пучок сзади, иногда полностью завиты.

Между грубостью дейдалийцев и жестким и суровым стилем эгинетанцев существовал переходный стиль, к периоду которого Плиний относит художников Дипнуса и Сциллиду. Метопы храма Селина на Сицилии, барельефы, изображающие Агамемнона, Эпея и Тальтибия в Лувре, памятник Гарпии в Британском музее и Аполлон Тенейский являются примерами этого стиля.

Эгинетанец.—В эгинетский период скульптуры в характере голов, в деталях костюма и в манере обращения с бородой и волосами все еще сохранялось что-то архаичное и условное, несомненно, заимствованное из привычек и учений первобытной школы. Но в то же время в изображении человеческой формы и манере обращения с обнаженной натурой преобладает знание анатомии и совершенство имитации, доведенные до такой высокой степени достоверности, что дают убедительные доказательства продвинутой ступени и более высокой ступени развития искусства. Ниже приведены основные характеристики эгинского стиля, полученные в результате тщательного изучения статуй, найденных в Эгине, которые, несомненно, были произведениями школы эгинского периода. Стиль, в котором они выполнены, называется иератическим, или архаичным.

Головы, либо совершенно лишенные выражения, либо сведенные к общему и условному выражению, демонстрируют в косом положении глаз и рта ту натянутую улыбку, которая, по-видимому, была характерной чертой, общей для всех произведений этого архаичного стиля; ибо мы находим ее также на самых древних медалях и на барельефах первобытного периода.

Волосы, также систематически заплетенные в мелкие завитки или косички, обработанные с замечательным усердием, имитируют не настоящие волосы, а настоящие парики, особенность, которую можно отметить на других работах в древнем стиле этрусского

происхождения. Борода обозначается на щеке глубокой отметиной и редко наносится рельефно, но в последнем случае так, чтобы имитировать накладную бороду, и, следовательно, в той же системе, что и волосы. Костюм выдержан в том же традиционном и иератическом стиле; он состоит из драпировки с прямыми и правильными складками, ниспадающими симметричными и параллельными массами, чтобы имитировать настоящие драпировки, которыми были задрапированы древние статуи из дерева. Следовательно, эти традиционные формы драпировки и прически можно рассматривать как происходящие от имитации ранних статуй из дерева, первых предметов культа и искусства у греков, которые часто были покрыты накладными волосами и одеты в настоящие драпировки. Мышечное развитие, наблюдаемое на этих рисунках, несколько преувеличено, но, учитывая период, удивительно точно и соответствует природе. Гений подражания, проявленный в этом стиле, доведен, насколько это возможно, до выражения форм тела, хотя все еще сопровождается небольшой скудостью и сухостью, правдивость деталей, изысканная тщательность исполнения демонстрируют столь глубокое знание строения человеческого тела, столь большую ловкость рук — словом, имитация природы настолько искусна и, в то же время, настолько проста, что нельзя не признать в них произведения искусства, достигшего точки, когда требовалось всего несколько шагов для достижения совершенства. Ко второй половине этого периода относятся скульпторы Канах, Каламис и Пифагор. Канах был скульптором знаменитой бронзовой статуи обнаженного Аполлона по имени Филезий в Дидими, недалеко от Милета, и считался очень строгим в своем стиле.

Фидиан. — "Этот период (мы здесь принимаем слова мистера Во) - золотой век греческого искусства. В этот период возник дух скульптуры, который самым счастливым образом сочетал изящество и величие и, освободив пластическое искусство от оков античной скованности, достиг под руководством Перикла и рукой Фидия своей кульминации. Любопытно отметить постепенный прогресс искусств; ибо ясно, что это происходило медленно и не *per saltum*, когда серьезность старшей школы сменилась совершенным стилем эпохи Фидия". На этом этапе развития искусства идеал достиг своего апогея, и мы созерцаем красоту и совершенство, которым нет равных. Только в эту эпоху скульптура, благодаря величию и возвышенности, которых она достигла в своем стиле, была способна придать форму возвышенным представлениям о божестве, выработанным умом Фидия. Считалось, что он один способен воплотить и сделать явными Глазу возвышенные образы Гомера. Поэтому его называли "скульптором богов". Хорошо известно, что в концепции своего Юпитерианского Олимпа Фидий хотел воплотить в жизнь возвышенный образ, под которым Гомер представляет повелителя богов, и ему это удалось реализовать. Скульптор воплотил этот образ следующим образом, согласно Павсанию: "Бог, сделанный из слоновой кости и золота, восседал на троне, его голова была увенчана оливковой ветвью, его правая рука представляла собой Победу из слоновой кости и золота с короной и перевязью; его левая рука держала скипетр, усыпанный всевозможными металлами, на котором восседал орел; сандалии бога были золотыми, как и его одеяние, на котором были различные животные, с цветами всех видов, особенно с лилиями; его трон был богато отделан золотом и драгоценными камнями". . Были также статуи; четыре Победы, спускающиеся с трона, стояли у каждого подножия трона; те, что впереди, покоились каждая на сфинксе, захватившем фиванского юношу; под сфинксами дети Ниобы были убиты стрелами Аполлона и Артемиды". Флаксман отмечает, что эта статуя высотой шестьдесят футов была самым известным произведением древней скульптуры не только из-за колоссальных размеров, но больше из-за продуманного величия и возвышенной красоты. Ею Минерва в Парфеноне была сделана из золота и слоновой кости. Богиня была изображена стоящей, облаченной в тунику, а ее голову покрывал грозный эгис; в правой руке она держала копье; в левой она держала статую Победы высотой около пяти футов; ее шлем был увенчан сфинксом и двумя

грифонами, а над забралом восемь лошадей впереди неслись во весь опор. Щит, установленный у ног богини, был украшен с обеих сторон барельефами. У основания статуи были сфинкс и змея. Этот колосс был тридцати семи футов в высоту. Говорят, что драгоценный камень Аспаса и серебряная афинская тетрадрахма являются копиями головы этой Минервы.

Другой замечательной статуей Фидия была Афина Промах в Акрополе. На ней была изображена богиня-покровительница афинян, полностью вооруженная и готовая к бою, с поднятой рукой и копьем в руке. Это сооружение было колоссальных размеров и стояло под открытым небом, почти напротив Пропилей. Он возвышался над крышей Парфенона, и говорят, что гребень шлема и наконечник копья были видны издалека с кораблей, приближавшихся к Афинам из Суниума. Предполагается, что его высота вместе с пьедесталом составляла около семидесяти футов, материалом была бронза. Есть две мраморные статуи, которые дошли до нас и которые дают некоторое представление о Минерве Фидия. Одна из них - Паллада из Веллетри, которая, как предполагается, является копией Минервы Промахус (вырезка сделана на стр. 530). Минерва Фарнезе в Неаполе может дать некоторое представление о хриселефантиновой статуе в Парфеноне. Однако на ней не представлены аксессуары афинской фигуры. Сфинкс, змей и щит не изображены. Скульптуры Парфенона, находящиеся сейчас в Британском музее, могут помочь нам оценить манеру Фидия и характер его школы, которые так наблюдал Флаксман. Статуи фронтонов, метопы и барельефы примечательны величиим стиля, простотой, правдивостью, красотой, которые являются характерными чертами этой школы. На восточном фронте было изображено рождение Минервы, а на западном - состязание между Минервой и Нептуном за покровительство земле Аттики. Из сохранившихся до нас фигур восточного фронтона обычно предполагалось, что лежащая фигура может быть идентифицирована как Тесей, другая - как Церера, третья Ирис, вестница, собирающаяся объявить смертным о великом событии рождения Минервы, которое только что произошло, в то время как группа из трех женских фигур считается олицетворяющей три Судьбы. На западном фронте сохранились фигуры Кекропса, первого царя и основателя Афин, и Аглауры, его жены, а также бога реки Илисса, или Кефиса. Метопы, которые обычно представляют собой одиночные состязания между афинянами и кентаврами, выполнены в сильном горельефе, полном смелых действий и страстного напряжения — хотя это по большей части смягчается удивительной красотой формы и виртуозным стилем композиции, который знает, как с максимальной свободой приспособляться к строгим условиям пространства. Эти рельефы были расположены высоко, так как они были рассчитаны на полный солнечный свет и отбрасывали более глубокие тени.

Фриз можно считать главным украшением искусства Фидия. Здешние художники с предельной красотой передали значение храма, изобразив праздничную процессию, которая проводилась в Афинах каждый пятый год в честь Минервы, с торжественной помпой доставляя в храм Парфенона пеплос, или священное покрывало, которое должно было быть подвешено перед статуей богини. Конец процессии только что подошел к храму, архонты и герольды ожидают, тихо беседуя друг с другом, окончания церемонии. За ними следует вереница афинских дев, поодиночке или группами, многие из них с банками и другими сосудами в руках. Затем следуют мужчины и женщины, затем носители жертвенных даров, затем флейтисты и музыканты, за ними воины на колесницах, запряженные четверью великолепными лошадьми. Все это завершается гарцующими всадниками - расцветом мужественной молодежи Афин. Этот фриз находился внутри колоннады Парфенона, в верхней части стены целлы, и продолжался вокруг здания. Из-за своего расположения он получал лишь второстепенный свет. Будучи размещенной непосредственно под софитом,

она получала весь свой свет из промежутков между колоннами и отражаясь от тротуара внизу. Мистер Уэстмакотт отмечает, что эти работы, несомненно, являются прекраснейшими образцами существующего искусства, и они полностью и восхитительно иллюстрируют прогресс и, можно сказать, завершение скульптуры. Они в замечательной степени демонстрируют все качества, составляющие изобразительное искусство — правдивость, красоту и совершенное исполнение. В формах были выбраны самые совершенные, наиболее подходящие и изящные. Все грубое или вульгарное опущено, и представлено только то, что объединяет два основных качества - истину и красоту. Результатом этого счастливого сочетания является то, что было названо идеальной красотой. Однако эти скульптуры, которые возникли в сознании Фидия и, несомненно, были выполнены на его глазах и в его школе, не являются творениями его рук. Сам Фидий пренебрегал мрамором и почти не работал с ним. Несомненно, это были работы его учеников Алкамена, Агоракрита, Колота, Пеония и некоторых других художников его времени. Ибо, как замечает Флакسمан, стили разных рук достаточно очевидны в альто- и бассо-релефе. К эпохе Фидия принадлежат скульпторы Алкамен, Агоракрит и Пеоний. Величайшим произведением Алкамена была статуя Венеры в Садах, работа, к которой, как говорят, сам Фидий приложил последний штрих. Он также выполнил бронзовую статую завоевателя на играх, которая, по словам Плиния, была известна как "Энкриноменос, высоко одобренный". Агоракрит, который, по словам Плиния, был таким любимцем Фидия, что дал свое имя многим работам этого художника, вступил в соревнование с Алкаменесом, предметом которого была статуя Венеры. Плиний сообщает нам, что Алкаменес добился успеха не потому, что его работа была превосходной, а потому, что его сограждане предпочли отдать свои голоса в его пользу незнакомцу. Именно по этой причине Агоракрит, возмущенный обращением с ним, продал свою статую с четким условием, что она никогда не будет перевезена в Афины, и сменил ее название на Немезиду. Соответственно, он был воздвигнут в Рамне.

Недавно в Олимпии была обнаружена мраморная статуя Победы, прекрасная Ника в отличной сохранности, носящая имя Пионий. Эта статуя упоминается Павсанием как жертвоприношение по обету, установленное мессенцами в Альтисе, священной роще Зевса в Олимпии. Статуи на восточном фронте храма Юпитера в Олимпии были работы Пеония, а на западном - Алкамена. На первом изображалось конное состязание Пелопса с Эномаем, а на втором Лапифы сражались с кентаврами на свадьбе Пиритоса.

Фриз храма Аполлона в Бассе, недалеко от Фигалеи, в Аркадии, относится к этому периоду. Это была работа Иктина, архитектора Парфенона. Состязания с амазонками и битвы с кентаврами составляют тему целого. На этих рельефах вылеплены самые живые и смелые композиции. Однако они демонстрируют преувеличение и лишены того покоя и красоты, которые являются характерными чертами произведений Фидия.

В "наполовину задрапированной Венере Милосской", которая сейчас находится в Лувре, мы имеем подлинную греческую работу, представляющую промежуточный стиль между стилем Фидия и Праксителя. "Величественно серьезная, - пишет профессор Любке, - и почти суровая, стоит богиня Любви, еще не представленная, как в более поздних представлениях, как женщина, требующая любви. Простая драпировка, лежащая на бедрах, обнажает величественные формы верхней части тела, которые, при всей ее красоте, обладают тем таинственным чувством неприступности, которое является подлинным выражением божественного".

Пракситилианский. Этот период характеризуется более богатым и плавным стилем исполнения, а также выбором более мягких и деликатных сюжетов, чем обычно выбирались для представления. При этом искали скорее прекрасное, чем возвышенное. Праксителя

можно считать первым скульптором, представившим этот более чувственный, если можно так выразиться, стиль искусства, ибо он был первым, кто в "Обнаженной Венере" соединил предельную роскошь личного очарования с духовным выражением, в котором сама царица любви предстала как женщина, нуждающаяся в любви и исполненная внутреннего стремления. Сначала он придал большое значение телесной привлекательности, которой было наделено божество. Его любимыми сюжетами были изображения юной и женской красоты. В своей "Венере Книдской" он изобразил богиню в самом изысканном женском обличье. Его Купидон олицетворял красоту и грацию мальчиков того возраста, которые казались грекам наиболее привлекательными. Его "Аполлон Савроктонос" представлял собой юношу изысканной красоты и пропорций. "Венера Книдосская" выделяется прежде всего как одно из знаменитых произведений искусства древности. Этот художник изобразил богиню совершенно раздетой; но это смелое нововведение было оправдано тем фактом, что она поднимала свое одеяние левой рукой, как будто только что вышла из ванны, в то время как правой скромно прикрывала свою фигуру. Сколько бы ни сохранилось последующих копий этой знаменитой статуи, мы можем представить себе только внешнее представление о позе, но не о чистом величии работы Праксителя. В Ватикане (галерея Кьярамонте, № 112) есть картина очень низкого исполнения, но, возможно, единственная, которая дает правильное представление об этой Венере, поскольку она максимально соответствует позе статуи на монете Книдоса и описанию Лукана.

Его Купидон изображен стройным, неразвитым мальчиком, полным живости и активности, искренне пытающимся натянуть струны на свой смычок. Римская копия этой статуи находится в Британском музее.

Он также выполнил из бронзы Фавна, известного как "Перибозтос, прославленный"; лучшая из дошедших до нас копий этой знаменитой статуи находится в Капитолии; и юного Аполлона, получившего прозвище Зауроуктонос, потому что он пускает стрелу в ящерицу, которая крадется к нему; копия этой статуи из мрамора находится в Ватикане, а другая из бронзы - на Вилле Альбани.

Современником Праксителя был Скопас. Его работы демонстрируют мощную экспрессию, величие в сочетании с красотой и изяществом. Группа Ниобы и ее детей во Флоренции была приписана ему. Другой очень известной работой Скопаса была статуя пифийского Аполлона, играющего на лире, которую Август установил в храме, который он построил для Аполлона на Палатине, в благодарность за его победу при Акциуме. Плохая римская копия этой статуи находится в Ватикане. Он также прославился своими головами Аполлона. Из этих многих превосходных копий сохранилось до наших дней, самая лучшая - та, что раньше находилась в коллекции Джустиниани, а теперь в Британском музее.

Поздние открытия в Галикарнасе позволили обнаружить подлинные работы Скопаса в скульптурах барельефов мавзолея, воздвигнутого Артемизией в память о ее муже Мавсоле, царе Карии, восточная сторона которого, как известно, была создана его руками; другие стороны - его современниками Бриаксисом, Тимофеем и Леохаром. Части из них сейчас находятся в Британском музее.

Барельефы храма Ники Аптерос были связаны с особенностями, которые характеризуют произведения Скопаса. Фигура Виктори, наклонившейся, чтобы снять сандалию, на барельефе из этого храма примечательна своей великолепно оформленной драпировкой.

Есть все основания полагать, что скульптурные украшения храма Артемиды в Эфесе, фундаменты которого были недавно обнаружены мистером Вудом, были созданы

Праксителем и Скопасом. Барабан колонны с барельефными фигурами из этого храма недавно был передан Британскому музею.

Прекрасную фигуру вакханки на барельефе в Британском музее обычно относят к Скопас.

Ниже приведены некоторые из наиболее характерных черт человеческого облика, перенятых греческими скульпторами того времени:

В профиль лоб и губы соприкасаются с перпендикулярной линией, проведенной между ними. У молодых людей лоб и нос образуют почти прямую линию, что придает лицу выражение величия и утонченности. Лоб низкий, глаза большие, но не выпуклые. Глазу была придана глубина, чтобы придать брови более изящную дугу, а за счет более глубокой тени - более смелый рельеф. Резкий выступ верхнего века и глубокая впадина зрачка придавали глазам живую игру света. Форма глаза у голов божеств и идеальных голов была настолько разной, что это само по себе является характеристикой, по которой их можно отличить. У Юпитера, Аполлона и Юноны глазное отверстие большое и округло изогнутое; оно также имеет меньшую длину, чем обычно, чтобы образуемый им изгиб мог быть более сферическим. У Паллады тоже большие глаза, но верхнее веко опускается на них больше, чем у трех только что упомянутых божеств, чтобы придать ей скромный девичий вид. Маленькие глазки предназначались для Венер и сладострастных красавиц, что придавало им томный вид. Верхняя губа была короткой, нижняя - более полной, чем верхняя, поскольку это, как правило, придавало подбородку округлость; короткая верхняя губа и круглый и величественно очерченный подбородок были наиболее существенными признаками подлинно греческого воспитания. Губы обычно были сомкнуты; у статуй богов, особенно у Венеры, они слегка приоткрывались, но зубов никогда не было видно. Ухо было тщательно смоделировано и отделано. Красота, и особенно их исполнение, являются, по мнению Винкельмана, самым верным признаком, по которому можно отличить антиквариат от дополнений и реставраций. Волосы были вьющимися, обильными, уложены распущенными прядями и выполнены с предельной вообразимой тщательностью; у женщин они были завязаны в узел на затылке. Волосы на лбу были представлены растущими изогнутой линией над висками, чтобы придать лицу овальную форму. Лицо всегда было овальным, и крест, нарисованный в овале, указывал на форму лица. Перпендикулярная линия отмечала положение бровей, носа, рта и подбородка; горизонтальная линия проходила через глаза и была параллельна рту. Руки юноши были красиво округлыми, с ямочками на щеках; пальцы были заостренными, но суставы обычно не обозначались. У мужчин грудь была высокой, выпуклой и выступающей. В женском облике, особенно у богинь и девственниц, форма грудей в высшей степени девственна, поскольку их красота обычно заключалась в умеренности их размера. Как правило, они были немного выше, чем положено от природы. Живот не был выдающимся. Ноги и колени юношеских фигур округлены с мягкостью и плавностью и не отмечены мышечными движениями. Пропорции конечностей были длиннее, чем в предыдущий период. У мужских и женских фигур ступня была округлой формы; у женщин пальцы изящные, с ямочками над первыми суставами, слегка обозначенными.

Очевидно, что этот тип красоты форм, принятый греческими скульпторами, согласуется с типом лица и фигурой самих греков и демонстрирует заметную аналогию с ним, поскольку, как отмечает сэр Чарльз Белл, греческое лицо имеет прекрасный овал, лоб полный и вынесен вперед, глаза большие, нос прямой, губы и подбородок тонкой формы; короче говоря, формы головы и лица были типичными для античности и для всего, чем мы больше всего восхищаемся.

Скульпторы этого века, вместо того чтобы стремиться к абстрактному, недостижимому идеалу, изучали природу в ее отборных формах и достигали прекрасного, отбирая и концентрируя в одной те прелести, которые присущи всем. Они избегали изображения всех бурных движений и возмущений страстей, которые полностью испортили бы то выражение безмятежного покоя, которое является выдающейся характеристикой прекрасного периода греческой скульптуры. Действительно, главной целью греческого скульптора было изображение только прекрасного, и этому принципу он подчинил характер, выражение лица, костюм и все остальное.

Лисипп, преемник Праксителя и Скопаса, был современником Александра Македонского. Он способствовал развитию их стиля благодаря особой полноте, округлости и гармоничному общему эффекту, которыми, по-видимому, были охарактеризованы его работы. Его школа демонстрировала сильную натуралистическую тенденцию, более близкое подражание природе, что привело ко многим уточнениям в деталях. В портрете этого, несомненно, было больше, чем в идеальных работах. Плиний так отзывается о его стиле: "Считается, что он внес большой вклад в искусство скульптуры, выразив детали прически и сделав голову меньше, чем это делали древние, а тело более изящным и менее громоздким - метод, с помощью которого его статуи казались выше".

Портретных статуй Александра Македонского работы Лисиппа было очень много. Великий царь позволял моделировать себя только Лисиппу. Говорят, что голова Александра в образе молодого Амона на монетах Лисимаха была создана им самим. Атлет, скребущий свое тело стригилом, был самой известной из бронзовых статуй Лисиппа. Предполагается, что статуя атлета в Ватикане в аналогичной позе является мраморной копией оригинальной бронзовой работы Лисиппа; хотя это и более низкая работа, она иллюстрирует утверждения Плиния относительно пропорций, принятых Лисиппом — маленькая голова и длинное и стройное тело. Барельефы также на памятнике Лисикрату, представляющие историю Диониса и тирренских пиратов, представили все характерные черты школы Лисиппа. Он был возведен во времена архонтизма Эвенета, в 335 году до н.э.

В этот период канон Поликлета стал общепринятым. Ему последовал Лисипп, который назвал Дорифор этого художника своим мастером. В своей практике работы с головами и конечностями своих фигур Лисиппу последовали Силанион и Евфранор, и можно сказать, что его авторитет управлял греческой школой вплоть до позднего периода развития искусства.

Плиний говорит нам, что Евфранор был первым, кто изобразил героев с подобающим достоинством и уделил особое внимание пропорциям. Однако в большинстве случаев он сделал тела несколько более стройными, а головы - более крупными. Его самой знаменитой статуей был Парис, который в равной степени изображал судью богинь, возлюбленного Елены и убийцу Ахилла. Очень красивая мраморная сидящая фигура Париса в Ватикане, без сомнения, является копией этой работы.

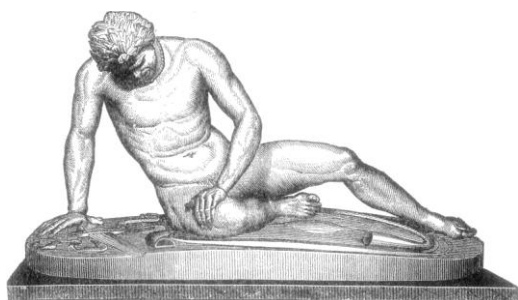
Впоследствии после этих скульпторов у нас появился Чарес, родосец, который построил знаменитый колосс Гелиоса у входа в гавань Родоса высотой 105 футов. Похоже, нет никаких оснований для распространенного утверждения о том, что его ноги простирались над входом в гавань.

Из более поздних азиатских или родосских школ у нас есть знаменитые изображения Лаокоона на странице 555 и Кинжала, привязанного к быку, обычно называемого Торо Фарнезе. В обоих случаях преобладает драматический элемент, а трагический интерес не ценится. В "Лаокооне" непревзойденное мастерство проявляется в мастерстве исполнения;

но если целью художника было вызвать жалость или благоговейный трепет, он привлек слишком много внимания к своему мастерству резьбы по мрамору. Лаокоон был казнен, согласно Плинию, Агесандром, Полидором и Афинодором, уроженцами Родоса. Эта группа, находящаяся сейчас в Ватикане, была найдена в банях Тита. По свидетельству античного драгоценного камня, на котором выгравировано изображение этой группы, мы обнаруживаем, что правая рука Лаокоона была неправильно восстановлена. На драгоценном камне рука Лаокоона соприкасается с его головой, а не поднята высоко, как восстановлено Джованни да Монторсоли.

"Булл Фарнезе", произведение, в котором мы располагаем самой колоссальной группой античности, была выполнена Аполлоном и Тавриском из Траллеса. К той же школе принадлежит Умирающий Гладиатор, который, несомненно, представляет, как обычно предполагается, бойца, погибшего в амфитеатре. Он примечателен полным отсутствием идеального изображения, а также своей полной индивидуальностью и близким подражанием природе. Эта статуя, вероятно, является одним из шедевров знаменитого Пиромеха, который выполнил несколько групп и большие композиции с батальными сценами для Аттала, царя Пергама, в ознаменование его решающей победы над галлами (240 г. до н.э.).

К более поздней афинской школе, вероятно, относится Торс Бельвидере, которым так восхищались Микеланджело, Геркулес Фарнезе, Венера Медичи и Сражающийся Гладиатор. Торс Бельвидера в настоящее время считается копией Геракла Лисиппа работы Аполлония, сына Нестора, и, вероятно, выполненной в македонский период. "Геркулес Фарнезе" настолько преувеличен по своему стилю, что считался произведением еще во времена Римской империи. Согласно Флакману, Венера де'Медичи - это ухудшенная разновидность или повторение Венеры Праксителя. В настоящее время общепризнано, что это произведение позднего македонского периода, вероятно, Клеомена, чье имя фигурирует в его основе. Сражающийся гладиатор носит имя Агасия Эфесского. По позе фигуры ясно, что статуя изображает не гладиатора, а воина, сражающегося с конным бойцом, вероятно, афинянином, отражающим удар кентавра.

УМИРАЮЩИЙ ГЛАДИАТОР.

Македонская эпоха, к которой принадлежало большинство этих статуй, началась с Александра Македонского и закончилась поглощением греческого искусства римлянами.

Искусство, достигшее в два предыдущих периода своей кульминационной точки совершенства, согласно закону всякого развития, когда достигается кульминационная точка, начинается тенденция к снижению и период упадка, ибо цикл развития должен завершиться и пройти стадии подъема, прогресса, зрелости, упадка и распада.

Однако нельзя установить точную дату начала стадии упадка; нельзя указать четкую демаркационную линию, отделяющую одну стадию от другой. Упадок был настолько постепенным, что произошло неизбежное смешение этих двух факторов. Мы замечаем очевидные признаки упадка на четвертой стадии, в то время как на пятой, или стадии упадка, мы иногда встречаем некоторые благородные произведения искусства, сохранившие совершенный стиль более ранних периодов. Период упадка неизбежно и неизменно следует за эпохой зрелости и совершенства. Как замечает м-р Леки, "Скульптор и художник эпохи Праксителя низвели искусство до чувственности; оба они разрушили его религиозный характер, оба они подняли его до высокого эстетического совершенства, но в обоих случаях за этим совершенством последовал быстрый упадок". Мюллер замечает: "Творческая деятельность, подлинный центральный пункт всей деятельности искусства, создающий особые формы для особых идей, должно быть, ослабла в своих усилиях, когда естественный круг идей у греков получил полное пластическое воплощение, или она, должно быть, была болезненно доведена до ненормальных изобретений. Таким образом, мы обнаруживаем, что искусство в этот период, с большей или меньшей степенью мастерства исполнения, наслаждалось то фантастическими, то женственными постановками, рассчитанными лишь на то, чтобы очаровывать чувства. И даже в лучших и благородных произведениях того времени в целом все еще было что-то — не очень бросающееся в глаза, но ощущаемое естественным чувством, что-то, что отличало их от более ранних работ, — *стремление к эффекту*". Дух подражания был характерен для более поздней части этого периода упадка. Скульпторы этого века, отчаявшись сравняться с произведениями прошлого века, полностью предались рабскому подражанию. Имитация, естественно, уступала оригиналу, и каждая последующая попытка имитации была всего лишь ступенькой ниже в деградации искусства. Когда они перестали изучать природу, они подумали восполнить утраченную красоту формы отделкой деталей, и в еще более поздний период они придали вместо величия стиля преувеличение формы. Наконец, будучи совершенно неспособными справиться со своими предшественниками в ваянии статуй, они прибегли к изготовлению бюстов и портретов, которые они выполнили в бесчисленном количестве. Искусство достигло своего наивысшего расцвета, и таким образом цикл развития греческой скульптуры завершился на своей последней стадии — полном упадке и деградации.

Роман. — В самые ранние периоды римляне подражали этрускам, поскольку, вообще говоря, все работы первых периодов существования Рима были выполнены этрускими художниками. Их самые ранние статуи богов были сделаны из глины. Этрусское искусство оказало наибольшее влияние на Рим, поскольку Рим был украшен памятниками этрусского искусства в самом зачаточном состоянии; именно тосканец по имени Ветуриус Мамуриус изготовил щиты (*ancilia*) для храма Нумы и бронзовую статую Вертумны, тосканского божества, в пригороде Рима. Всей своей культурой римляне были обязаны этрускам, у которых они научились искусству архитектуры, терракоты и живописи; когда что-либо в этом роде требовалось для украшения их простых зданий, они привлекали художников этой более утонченной расы. Таким образом, самые древние памятники Рима соответствовали современному стилю этрусского искусства; таким образом, в фигурах есть сходство; отличить их можно только по атрибутам, поскольку эти атрибуты говорят о том, была ли статуя связана с вероучением Этрурии или Рима. Таким образом, не существовало никакого римского стиля, собственно так называемого; единственное различие, которое следует отметить, заключается в том, что статуи ранних периодов, выполненные римлянами, характеризуются, как и сами римляне того же периода, бородой и длинными волосами. Согласно свидетельству Плиния, в более поздний период вся архитектура, вся скульптура общественных зданий Рима были выдержаны в тосканском стиле.

После второй Пунической войны греческие художники заняли место этрусских художников в Риме; взятие Сиракуз дало римлянам представление о прекрасных произведениях Греции, а сокровища искусства, привезенные из Коринфа, главным образом способствовали пробуждению у них вкуса, и вскоре они превратили в посмешище свои древние глиняные статуи; греческое искусство постепенно перенесли в Рим; греческих художников там стало предостаточно, и с тех пор история римского искусства смешивалась с историей превратностей греческого искусства. Стиль скульптурных произведений при первых императорах можно рассматривать как продолжение развития греческой скульптуры. Эти работы, особенно портретные статуи, которые были преобладающими произведениями того периода, демонстрируют большую силу и характер, хотя в некоторых частях тела, особенно в волосах, заметен недостаток ухода. Характеры голов всегда соответствуют описаниям, которые историки дали о человеке, которому они принадлежат, римская голова существенно отличается от греческой тем, что у нее более выпуклый лоб, более орлиный нос и в целом черты лица более решительного характера. Однако в качестве общего замечания можно отметить, что римские статуи имеют более толстую и прочную форму, с меньшей легкостью и изяществом, более суровые и с менее идеальным выражением лица, чем греческие статуи, хотя в равной степени выполнены греческими художниками. При Августе и последующих римских императорах, чтобы удовлетворить спрос на греческие статуи для украшения их домов и вилл, скульпторами того времени было изготовлено несколько копий и имитаций знаменитых греческих произведений. Предполагается, что Аполлон Бельвидерский, Венера Капитолийская и несколько копий знаменитых греческих произведений в различных музеях, таких как Фавн, Купидон, Аполлон Савроктонос и Венера Праксителя, Дискобол Мирона и несколько работ Скопаса и Лисиппа, относятся к этому возрасту. Археологи в настоящее время в целом согласны с мнением, что Бельвидерский Аполлон - это всего лишь копия очень прекрасной греческой статуи римского периода примерно начала третьего века до нашей эры, и что оригинал был сделан из бронзы. Другая копия была идентифицирована в бронзовой статуэтке, которая сейчас находится в Санкт-Петербурге и известна как строгановский Аполлон. По этой статуэтке видно, что Аполлон Бельвидер держал в левой руке не лук, как считалось, а *эгис*, в позе, наводящей ужас на врага. Изготовление этой статуи обычно относят к периоду после вторжения галлов, которых в 278 году до нашей эры бог в тревоге изгнал из своего святилища в Дельфах. (Вырезку Аполлона Бельвидера можно увидеть на странице 495.)

"Фавна Праксителя" есть две копии в Ватикане, но обе уступают той, что хранится в Капитолии. Копия Купидона Праксителя находится в Британском музее. Аполлона Савроктоносского есть две копии, одна в Ватикане, а другая в бронзе на Вилле Альбани. В Ватикане есть несколько копий Книдосской Венеры Праксителя; в частности, одна из них, в галерее Кьярамонте, № 112, хотя и очень плохая как произведение искусства, в точности повторяет позу оригинальной статуи, как она изображена на Книдосской монете. Венера Капитолийская - римская версия статуи Праксителя; она отличается по позе. До сих пор сохранилось несколько копий Дискобола Мирона: одна хранится в Британском музее, другая - в Ватикане, а третья, гораздо более изящная, чем обе остальные, находится во владении принца Массимо. Очень тонкая мраморная копия знаменитой бронзовой работы Лисиппа находится в Ватикане. Копия пифийского Аполлона работы Скопаса находится в том же музее.

Благородная статуя Августа, обнаруженная в 1863 году и находящаяся сейчас в Ватикане, является великолепным примером портретных статуй того периода. Она полна жизни и индивидуальности. Поза проста и величественна, как и подобает портрету императора. Бюст

юного Августа в Ватикане благодаря глубине выражения, индивидуальности, истинности натуры и изысканности отделки и обработки является чудом портретной живописи.

При Тиберии и Клавдии было введено ограничение на право выставления статуй на всеобщее обозрение; следовательно, было изготовлено меньшее количество статуй и меньше внимания уделялось совершенству портрета. Однако в этот период было создано несколько превосходных работ. При Адриане стиль стал чище и утонченнее, поскольку этому императору приписывают частичное возрождение греческого искусства. Волосы были тщательно уложены, брови приподняты, зрачки обозначены глубокой впадиной — существенной характеристикой этого возраста, редкой до этого периода и часто появляющейся впоследствии; головы требовали большей силы, не меняя, однако, характера. Одним из самых замечательных произведений эпохи Адриана являются многочисленные повторения статуи Антиноя, идеального портрета фаворита Адриана, демонстрирующего большое художественное совершенство. То, что находится в Капитолии, примечательно не только своей исключительной красотой, но и правильной анатомией. В Британском музее есть прекрасная статуя-портрет императора Адриана. При Антонинах упадок искусства был еще более очевиден, проявляя недостаток простоты и внимания к тривиальным и вычурным аксессуарам. Так, на бюстах волосы и борода пышно завиты, при этом тщательно выражению черт лица часто пренебрегают. Эта эпоха была примечательна также возвращением к стилю примитивного и несовершенного искусства в воспроизведении египетских статуй.

Мозаика.

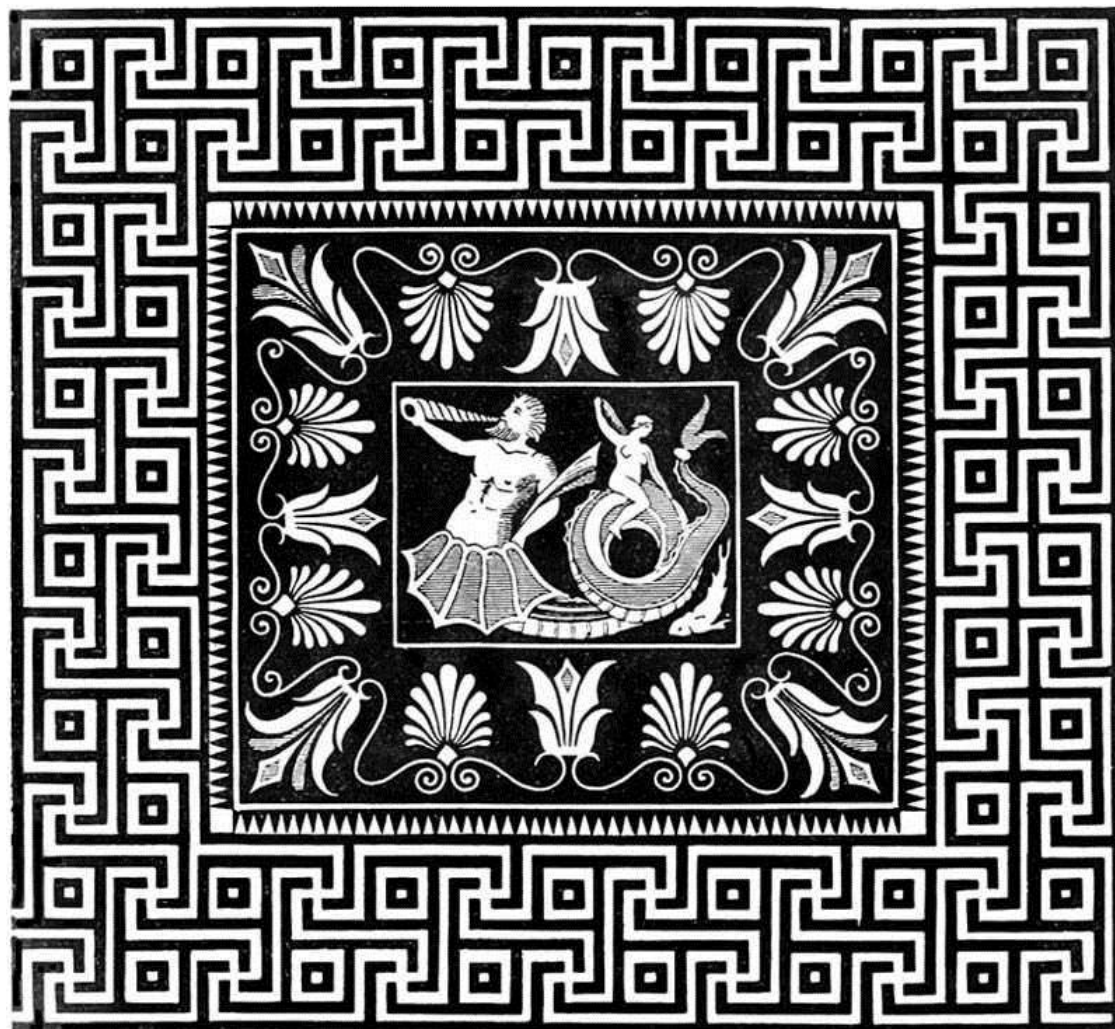
Содержание

Мозаика, *opus musivum*, - это разновидность живописи, выполненной из мельчайших кусочков цветных материалов, обычно либо мрамора, либо натуральных камней, либо стекла, более или менее непрозрачного и всевозможных оттенков, которые могут потребоваться объекту, затвердевших в очень тонком цементе, и которые, таким образом, образуют картины разного рода, соперничающие по цвету и оттенку с теми, что написаны кистью.

Древние народы знали искусство мозаики, и предполагается, что оно происходит из Азии, где создавались картины такого рода в подражание прекрасным коврам, производившимся во все периоды в этих странах. Египтяне, весьма вероятно, использовали его для других целей; однако никаких следов его не было обнаружено в храмах или дворцах, руины которых сохранились. В египетской коллекции в Турине находится фрагмент футляра для мумии, росписи которого выполнены мозаикой с удивительной точностью и правдивостью. Материал - эмаль, цвета разных оттенков, и их разнообразие совершенно верно передает оперение птиц. Считается, что это единственный образец египетской мозаики.

Греки довели искусство мозаики до высочайшего совершенства, придав ему после времен Александра такое значение, которое давало право причислять его к самостоятельному искусству. Умело управляя оттенками и придавая фигурам в своих композициях изысканную гармонию, они на небольшом расстоянии напоминали настоящие картины. Мозаикам давались разные названия в зависимости от того, выполнялись ли они из кусков мрамора определенного размера; тогда это был *литостромон*, *opus sectile*; или из маленьких кубиков, в данном случае это называлось *opus tessellatum* или *вермикулатум*. Название

асаротон было дано мозаике, предназначенной для украшения пола обеденного зала. Предполагалось, что он представляет собой неубранный зал, на полу которого все еще оставались крошки и остатки трапезы, упавшие со стола. Говорили, что его ввел Сосус из Пергама, первый известный мозаичист, о котором мы слышим.

МОЗАИЧНЫЙ ПОЛ

Мозаика использовалась для украшения тротуаров, стен и потолков общественных и частных зданий. Греки в целом предпочитали мрамор всем другим материалам. Был подготовлен слой строительного раствора, который служил основанием и был покрыт очень мелким цементом. Художник, имея перед собой цветной рисунок, который он должен был выполнить, закрепил цветные кубики в цементе и отполировал всю поверхность, когда она затвердела, позаботившись, однако, о том, чтобы слишком сильная полировка своим отражением не испортила общего эффекта его работы. Большим преимуществом мозаики является то, что она устойчива к влажности и всему, что могло бы изменить цвета и красоту росписи. Для облицовки зданий нельзя было использовать роспись, а мозаика придавала им очень элегантный вид. Мозаика Капитолия, найденная на вилле Адриана, может дать представление о совершенстве, которого достигли греки в этом искусстве. Он представляет собой вазу, полную воды, по бокам которой изображены четыре голубя, один из которых пьет. Некоторые предполагают, что это пергамская мозаика, упомянутая Плинием. Он полностью состоит из кубиков мрамора, без какой-либо примеси цветного стекла. Мозаика этого вида может считаться самой древней; лишь постепенно искусство раскрашивания

мрамора, эмали и стекла расширило количество материалов, пригодных для мозаик, и значительно упростило их выполнение. Затем она была доведена до очень высокой степени совершенства. Мозаика, найденная в Помпеях, на которой изображены три фигуры в масках, играющие на разных инструментах, а рядом с ними ребенок, отличается высочайшей точностью исполнения. Он сделан из очень маленьких кусочков стекла самых красивых цветов и различных оттенков. Волосы, маленькие листочки, украшающие маски, и брови наиболее изящно выражены. Ценность этой мозаики усиливает имя художника, работавшего над ней, — Диоскорид Самосский. Еще одна мозаика, найденная в Помпеях, - прекрасная, изображающая Акрату верхом на Пантере. Сюжеты, представленные на мозаиках, бесконечно разнообразны и, как правило, заимствованы из мифологии или героических мифов. На них можно найти пейзажи и орнаменты в бордюрах, на ладах, в отделениях вперемешку с тритонами, nereидами, кентаврами. Главный предмет находится в центре, остальное служит границей или каркасом. Мозаика на греческом мозаичном тротуаре, найденном в Галикарнасе, выполнена очень тонкой работы и состоит из маленьких кубиков белого, черного и красного мрамора.

МОЗАИЧНЫЕ ГОЛУБИ.

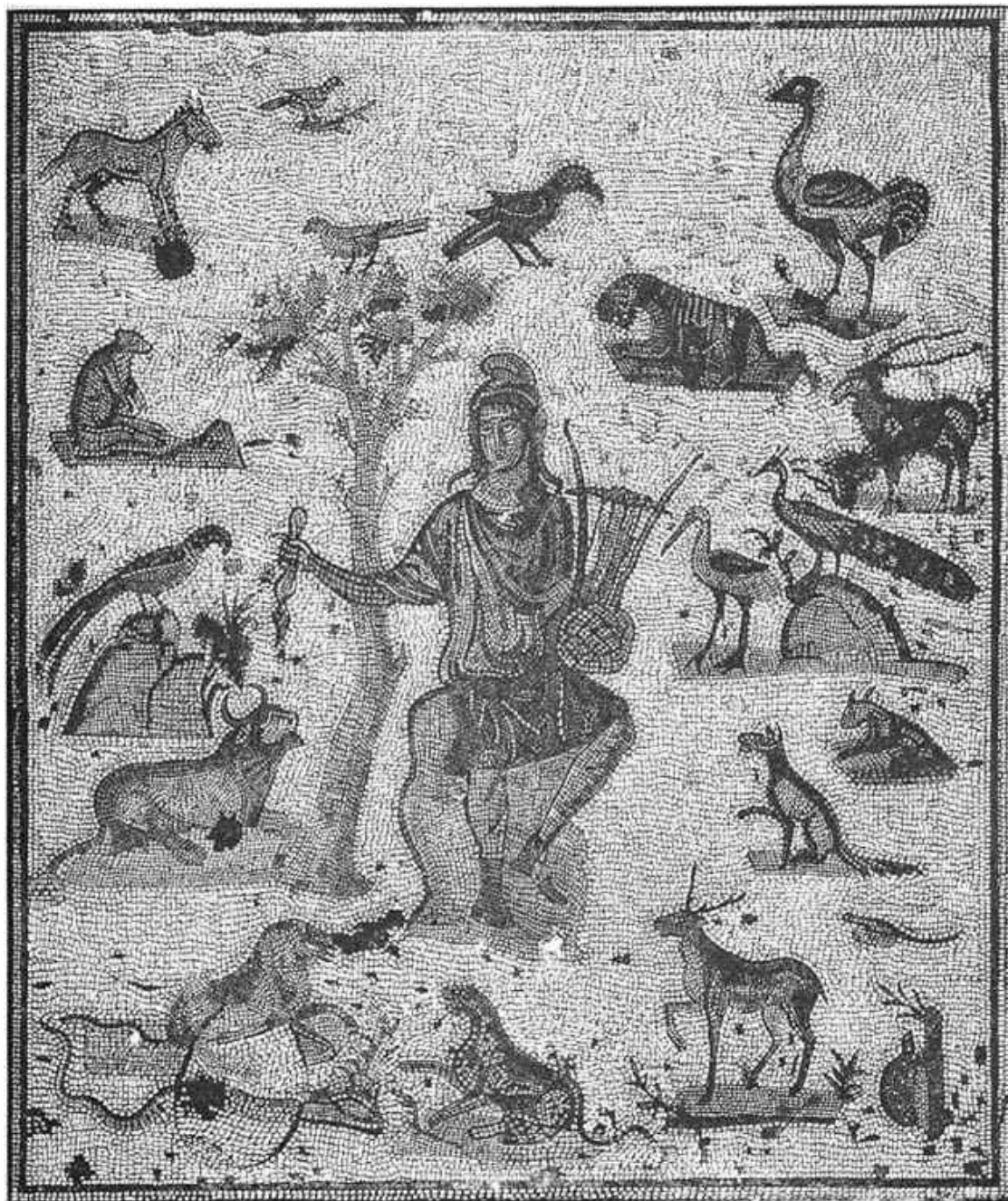
Другая, еще более замечательная мозаика была обнаружена в Доме Фавна и, пожалуй, является самым красивым и величественным образцом искусства, который когда-либо был найден. Эта мозаика, которая сейчас хранится в музее Неаполя, имеет около восемнадцати футов в длину и девять в ширину. Сюжет изображает битву между греками и варварами, последние, по-видимому, восточной расы; но было высказано множество предположений относительно того, какая битва изображена на самом деле. Некоторые видели в нем сражение между Патроком и Сарпедоном и смерть последнего; другие узнавали в нем сражения при Гранике, Арбеле, Платее, Марафоне и т. Д. Но наиболее распространенным

является мнение профессора Куаранты, который относит картину к битве при Иссе. Греческий вождь, предположительно представляющий Александра Македонского, нарисован с большой красотой и энергией. Бросившись в атаку с непокрытой головой в разгар боя, он пронзил своим копьем одного из персидских вождей, чья лошадь, раненная в плечо, уже упала. Превосходно передано выражение физической агонии на лице раненого. Другая лошадь, которую привел для него слуга, прибыла слишком поздно. Смерть персидского генерала, очевидно, решила исход дня. На заднем плане персидские копья все еще направлены против наступающих греков. Но при виде павшего полководца другой персидский вождь в квадриге, который, судя по богатству его одежды и снаряжения, высоте тиары и красной хламиды, вероятно, является самим Дарием, протягивает правую руку в позе тревоги и отчаяния, в то время как возникший призывает своих лошадей к стремительному бегству. Ничто не может сравниться с энергией, с которой как люди, так и животные изображены на этой непревзойденной мозаике. Если греческий герой действительно представляет Александра Македонского, мозаика, вероятно, может быть копией картины Апеллеса, единственного художника, удостоившегося чести изобразить македонского завоевателя. К сожалению, работа сильно пострадала с левой стороны, или с той, на которой изображен греческий хост. Однако, когда его обнаружили, он находился в таком изуродованном состоянии и, по-видимому, находился в процессе восстановления. Граница изображает реку, по-видимому, Нил, с крокодилами, бегемотами, ихневмонами, ибисами и т.д.; отсюда некоторые пришли к выводу, что мозаика является копией картины на ту же тему, которая, как известно, была написана египетской художницей по имени Елена и привезена в Рим Веспасианом.

Расписные полы впервые использовались греками, которые делали и раскрашивали их с особой тщательностью, пока их не вытеснили мозаичные полы, называемые *литостротами*. Самым известным мастером такого рода был Сосус, который выковал в Пергаме мостовую, которая называется *asarotus oikos*, неубранный зал, сделанный из брусков или квадратных мозаик разных цветов таким образом, чтобы они напоминали крошки и объедки, упавшие со стола, и тому подобные вещи, которые обычно сметают, как если бы они все еще были по небрежности оставлены на мостовой. Там также превосходно изображена пьющая голубка, причем таким образом, что тень от ее головы отбрасывается на воду. Видно, как другие голуби сидят на краю сосуда, прихорашиваясь и греясь на солнце. Первыми мощеными полами, которые вошли в обиход, были полы под названием *barbarica* и *subtegulanea*, которые были выбиты трамбовками, что может быть известно под названием *ravimentum*, от *ravire* - таранить. Тротуары, называемые скальптурата, впервые появились в Италии в Храме Юпитера Капитолийского после начала третьей Пунической войны. Но до начала кимбрийских войн такие тротуары были в обычном пользовании в Риме, и люди получали от этого огромное удовольствие.

Для галерей и террас, открытых небу, они были изобретены греками, которые, наслаждаясь теплым климатом, покрывали ими свои дома; но там, где замерзает дождевая вода, таким тротуарам доверять нельзя. Чтобы сделать террасу такого типа, необходимо уложить два ряда досок, одну поперек другой, концы которых следует прибить гвоздями, чтобы они не перекручивались и не коробились; для этого берут две части нового мусора и одну часть черепицы, растертую в порошок; затем с другими тремя частями старого мусора смешивают две части извести и таким образом укладывают слой толщиной в фут, стараясь плотно утрамбовать его. Поверх него нужно выложить слой строительного раствора толщиной в шесть пальцев, а на этот средний слой выложить большие тротуарные плитки глубиной не менее двух пальцев. Этот вид тротуара должен быть сделан таким, чтобы он поднимался к центру в пропорции от полутора дюймов до десяти футов. Уложенный таким образом, он

должен быть тщательно выструган и отполирован каким-нибудь твердым камнем; но, прежде всего, необходимо позаботиться о том, чтобы дощатый пол был сделан из дуба. Что же касается таких, которые каким-либо образом начинаются или деформируются, то о них не стоит думать. Более того, было бы лучше проложить между ним и известью слой кремня или мякины, чтобы известь не имела такой силы, которая повредила бы доску под ним. Также было бы неплохо выложить на дно подстилку из круглой гальки.

АПОЛЛОН ОЧАРОВАТЕЛЬНАЯ НАТУРА.

И здесь мы не должны забывать о другом виде этих мостовых, которые называются Græsanisa, устройство которых таково: на пол, хорошо взбитый трамбовками, укладывается подстилка из мусора или битой черепицы, а затем на нее ложится подстилка из древесного угля, хорошо взбитого и пригнанного вплотную друг к другу, с песком, известью и мелкой золой, хорошо перемешанных вместе, толщиной в полфута, хорошо выровненных; и это

имеет вид земляного пола; но, если его отполировать твердым гладким камнем, весь пол будет ровным. кажется, что все черное. Что касается тротуаров, называемых литострота, которые сделаны из разноцветных квадратов или игральных костей, они вошли в обиход во времена Силлы, который изготовил один из них в Пренесте, в храме Фортуны, тротуар которого можно увидеть и по сей день.

Здесь можно отметить, что римская вилла в Нортли, в Оксфордшире, осмотренная и описанная мистером Хэйквиллом, изобиловала прекрасными тротуарами. Основание одного из них, которое было нарушено, было исследовано, когда было обнаружено, что естественная почва была удалена на глубину около семи футов, а пространство заполнено материалами, которые имеют близкое сходство с теми, которые рекомендует Плиний.

Образец более грубого вида мозаичного покрытия можно увидеть в галерее Таунли в Британском музее.

ЛИТЕРАТУРА.

Содержание

Совершенство, которого достигли греки в литературе и искусстве, является одной из самых поразительных черт в истории народа. Их интеллектуальная активность и острое понимание прекрасного постоянно порождали новые формы творческого гения. В развитии греческого разума наблюдался непрерывный прогресс с самого раннего рассвета истории народа до падения его политической независимости, и каждая последующая эпоха была свидетелем создания некоторых из тех гениальных произведений, которые были образцами и предметом восхищения всех последующих времен.

Поэты были популярными писателями Древней Греции; прозаики появились не ранее шестого века до христианской эры, когда было создано первое литературное прозаическое эссе, на честь которого претендуют три современных автора. Греки достигли высокого уровня цивилизации еще до того, как можно было сказать, что у них появилась собственная история. Народы, значительно отставшие от них в интеллектуальном развитии, бесконечно превосходили их в этом отношении. Воображение, по-видимому, было полностью ослеплено и очаровано величием героических эпох и проявляло лишь небольшой интерес к событиям, которые ежедневно происходили вокруг них. Поэзия составляет главную часть ранней греческой литературы. Мы приводим образцы как греческой поэзии, так и прозы. Мы не будем пытаться привести образцы всех, а только те, которые, по общему мнению, считаются лучшими.

ГОМЕР.

Семь городов боролись за звание места рождения Гомера. Сейчас общепризнано, что он родился около 950 года до нашей эры в городе Мелесигене.

Немало странно, что ничего не известно с уверенностью ни о происхождении, ни о месте рождения, ни даже об эпохе величайшего поэта древности, того, кто после Мильтона считается величайшим эпическим поэтом мира. Все рассказы о нем сходятся в двух отношениях: в том, что он много путешествовал, и в том, что он был поражен слепотой. Из первого обстоятельства был сделан вывод, что он был либо богат, либо пользовался покровительством богатых; но это не покажется необходимым, если учесть, что в его время

путешествия обычно совершались пешком, и что он, вероятно, путешествовал, чтобы заработать на жизнь, в качестве странствующего музыканта или чтеца. Из большинства преданий, повествующих о нем, следует, что он был беден, и следует опасаться, что его странствия были вызваны необходимостью, а не простым желанием удовлетворить любопытство. Все, что было выдвинуто по поводу его слепоты, является всего лишь предположением. Несомненно, что это несчастье произошло из-за несчастного случая или болезни, а не из-за действия природы при его рождении; ибо характер его композиций, по-видимому, скорее предполагает, что он был полностью одарен, чем лишен зрения; и если они даже были созданы во время его слепоты, они являются великолепным доказательством живой силы воображения, которое не только восполняет недостаток телесных органов, и не просто придает объектам природы разнообразные оттенки, но и представляет их уму в более ясном свете, чем мог бы пролить на них тот, чья способность непосредственного зрения была совершенно свободна от недостатков. .

О событиях из жизни Гомера известно почти так же мало, как о его происхождении и месте рождения. Однако общий отчет таков, что он много лет был школьным учителем в Смирне; что, будучи навестленным неким Ментесом, командиром левкадского корабля, он был уговорен им оставить свое занятие и отправиться в путешествие; что в компании с этим капитаном он посетил различные страны вдоль берегов Средиземного моря и, наконец, был оставлен на Итаке из-за слабости в глазах. Находясь на этом острове, он был принят состоятельным человеком по имени Ментор, который рассказал ему истории, на которых впоследствии была основана "Одиссея". По возвращении Ментеса он сопровождал его в Колофон, где тот полностью ослеп. Затем он вернулся в Смирну, а затем переехал в Ким (называемый также Кума) в Эолиде, где он получил бурные аплодисменты за декламацию своих стихов, но денежного вознаграждения не получил; люди утверждали, что они не могут содержать всех Гомеров, или *слепцов*, и поэтому он получил имя *Гомер*. Оттуда он переезжал с места на место, наживая много богатства своими декламациями, и умер на острове Иос, одном из Киклад, где и был похоронен.

Произведения, приписываемые Гомеру, состоят из двух эпических поэм, *Илиады* и *Одиссеи*, по двадцать четыре книги в каждой, *Батрахомиомахи*, или "Битвы лягушек и мышей", юмористической, пародийно-героической поэмы и своего рода пародии на *Илиаду*; *Маргитов*, сатирической, личной сатиры, и около тридцати *гимнов*. Однако все они, за исключением двух великих эпосов, сейчас считаются фальшивыми.

Но современному скептицизму (который, по-видимому, считает, что сомнение свидетельствует о более высоком уровне интеллекта, чем вера на основании доказательств) пришлось отстаивать смелую позицию, согласно которой "Илиада" и "Одиссея" были собранием отдельных сочинений разных авторов, составленных впервые во времена тирании и по приказу Писистрата в Афинах около 550 г. до н.э. Главными сторонниками этой теории являются знаменитые немецкие ученые Вольф и Гейне, расцвет которых пришелся примерно на 1800 год.

Те, кто, возможно, пожелает углубиться в этот предмет, прочтут "Пролегомены" Вулфа и критику его великого оппонента Г.В. Нитча; но краткое изложение аргументации можно найти в "Классической литературе" Брауна и в "Истории греческой литературы" сэра Томаса Нюна Талфура.

Даже сам Вольф откровенно заявляет, что, читая "Илиаду", он обнаруживает такое единство замысла, такую гармонию красок и такое постоянство характера, что готов отказаться от

своих теорий и рассердиться на себя за то, что усомнился в общепринятой вере в личность Гомера.

Профессор Фелтон в своем превосходном издании "Илиады" так замечает в предисловии: "Со своей стороны, я предпочитаю рассматривать ее в том виде, в каком мы получили ее от древних редакторов, как одну поэму, произведение одного автора, и автор этот Гомер - первый и величайший из менестрелей. Насколько я понимаю "Илиаду", в ней есть единство плана, гармония частей, согласованность различных ситуаций одного и того же характера, что характеризует ее как произведение одного ума; но ума столь жеразностороннего, сколь разнообразны формы природы, аспекты жизни и сочетания сил, склонностей и страстей в человеке ". В настоящее время литературный мир в целом придерживается этих взглядов.

"Гипотеза, к которой вынуждены прибегнуть противники личности Гомера, подразумевает нечто более удивительное, чем теория, которую они оспаривают. Они заявляют, что питают глубочайшее почтение к гению, проявленному в этих стихах. Они согласны также с той древностью, которую обычно приписывают им; и они приводят этого гения и эту древность в качестве аргументов, доказывающих, что один человек не мог их сочинить. Таким образом, они предполагают, что в варварскую эпоху вместо одного удивительно одаренного существа было много; могущественная раса бардов, каких мир с тех пор никогда не видел, — множество чудес вместо одного. Весь опыт говорит против этого мнения. В разные периоды мира появлялись великие люди, при самых разных обстоятельствах, которые удивляли и восхищали его; но то, что интуитивная сила была так странно рассеяна в какой-то один период среди огромного числа людей, которые не оставили после себя преемников, недостойно доверия. И нас просят поверить, что это произошло в эпоху, которую сторонники этой теории считают неблагоприятной для поэтического искусства! Общая теория, независимая от других доказательств, является *prima facie* наиболее вероятной. Поскольку раннее существование этих произведений не подлежит сомнению, легче поверить в одного, чем в двадцать Гомеров". —Талфурд.

ДРЕВНИЕ АВТОРЫ.

ВСТУПИТЕЛЬНЫЙ АРГУМЕНТ "ИЛИАДЫ".

(Автор Гомер.)

Гнев Ахилла, для Греции ужасный источник
бесчисленных бед, небесная богиня, пой!
Тот гнев, который обрушился на мрачное правление Плутона,
Души безвременно убитых могущественных вождей;
Чьи конечности, непогребенные на голом берегу,
Рвали пожирающие собаки и голодные стервятники;
С тех пор, как боролись великие Ахилл и Атрид.
Таков был приговор сов'короля, и такова воля Юпитера.

Папаримский.

МИНЕРВА ВООРУЖАЕТСЯ ДЛЯ БИТВЫ.

(Автор Гомер.)

Минерва завернула ее в одеяние, которое сама причудливо соткала
великолепных цветов, когда она сидела на лазурном полу Юпитера;
И надела руки, которые он надевает, склонившись к полному слез полю.
На ее широко расставленных плечах висел его огромный и ужасный щит,
окаймленный вечно сражающимися змеями; хотя он был обращен к жизни
Страданиями и смертями битвы; в нем хмурилась кровавая борьба;
В нем сияла священная Стойкость; в нем падала Погоня;
В нем была голова чудовища Горгоны, в которой выставлены на обозрение
все ужасные атрибуты Юпитера; на своей большой голове она поместила
Его четырехцветную сверкающую золотую каску, такую восхитительно огромную, что в ней
поместилась бы сотня гарнизонов.
солдат постигают.
Затем к своей сверкающей колеснице поднимаются ее могучие ноги;
И в своей яростной руке она берет его могучее, огромное, прочное копье,
которым в порыве своего гнева она продвигается вперед,
И опрокидывает целые поля людей; чтобы показать, что она была семенем
того, кто гремит. Затем небесная царица, чтобы подстегнуть своих лошадей,
берет бич, и они летят вперед; обширные врата небес
завенели и распахнулись сами собой; ответственность за это отдана,
Со всем Олимпом и небом, на определенные Часы;
Которые очищают или скрывают все это в облаках, или проливают ливнем.
Таким образом, их конь, повинующийся бичу, ускорился, и вскоре они покорили
вершину всех вершинных небес, где престарелый сын Сатурна
Сейт был отделен от других богов.

Перевод Чепмена, В.

РАССТАВАНИЕ ГЕКТОРА И АНДРОМАХИ.

(Автор Гомер.)

Гектор теперь проходил мимо с печальным предчувствием на сердце,
Чтобы найти свою супругу, гораздо более дорогую часть своей души;
Дома он искал ее, но тщетно:
она с одной служанкой из всей своей свиты слуг
Удалилась оттуда; и со своей второй радостью,
юным Астианаксом, надеждой Трои:
Задумчивая она стояла на возвышении Илиона,
Наблюдала за войной, и ее тошнило от этого зрелища;
Там ее печальные глаза тщетно изучали ее повелителя,
Или оплакивать раны, нанесенные ее истекающей кровью стране.
Гектор, услышав это, вернулся без промедления;
Быстро миновав город, он прошел своим прежним путем,
По улицам с дворцами и парадными аллеями,
И встретил скорбящего у Скейских ворот.
Навстречу ему поспешила радостная красавица,
Его непорочная жена, богатая наследница Эция.
Рядом стояла медсестра, в чьих объятиях сжималась,
улыбаясь, его единственная надежда;
Которую украшает каждое мягкое очарование и ранняя грация,
Прекрасную, как новорожденная звезда, озаряющая утро.
Безмолвный воин улыбнулся и с удовольствием отдался
нежным страстям всем своим могучим умом:
Его прекрасная принцесса бросила скорбный взгляд,
Повисла на его руке, а затем удрученно заговорила;
Грудь ее дрогнула от предзнаменующего вздоха,
И крупная слеза задрожала в ее глазах.
"Слишком дорогой принц! ах, куда ты бежишь?
Ах, слишком забываешь о своей жене и сыне!
И разве ты не думаешь, как несчастны мы будем,
я - вдова, он - беспомощный сирота!
Наверняка такое мужество отрицает продолжительность жизни,
И ты должен пасть, пожертвовав своими добродетелями.
Греция в лице своих одиночных героев боролась напрасно;
Теперь тебе противостоят полчища, и ты должен быть убит!
О, даруйте мне, боги! прежде чем Гектор встретит свою гибель,
Все, о чем я могу просить небеса, - скорейшей могилы!
Так будут течь мои дни в одном печальном ритме,
И закончатся печалью, как и начались.
Теперь у меня не осталось родителей, с которыми я мог бы разделить свои горести,
Ни отцовской помощи, ни нежной заботы матери.
Свирепый Ахилл окутал огнем наши стены,
опустошил Тебу и убил моего воинственного отца!
От той же руки пали семеро моих храбрых братьев,
В один печальный день узревшие врата ада.
Моя мать дожила до того, чтобы носить ордена победителей,
королевы лесных земель Гиппоплатии.
И все же, пока мой Гектор жив, я вижу в тебе
Моего отца, мать, братьев - всех:
Увы! мои родители, братья, родня, все

еще раз погибнут, если мой Гектор падет.
Твоя жена, твой младенец, раздели с тобой опасность:
О, докажи заботу мужа и отца!
Тот квартал, который больше всего раздражает искусных греков,
Где вон те дикие фиговые деревья примыкают к стенам Трои;
Ты с этой башни защищаешь важный пост;
Туда Агамемнон направляет свое ужасное войско,
Которое стремятся захватить Тидид, Аякс.
И там мстительный спартанец поджигает свой поезд.
Трижды наши смелые враги подвергались яростной атаке,
Или ведомые надеждами, или продиктованные с небес.
Пусть другие сражаются с их оружием в руках,
Но мой Гектор останется здесь и будет охранять свою Трою.
Вождь ответил: "Я позабочусь об этом посту,
и не только об этом, но и обо всех делах войны.
Как сыны Трои, прославленные в военном деле,
И гордые дамы Трои, чьи одежды подметают землю,
Смогли бы придать блеск моему прежнему имени,
Если бы Гектор подло покинул поле славы?
Моя ранняя юность была приучена к боевым мукам,
Моя душа влечет меня на воюющие равнины;
Позволь мне быть первым, кто защитит трон,
И охранит славу моего отца и мою собственную.
И все же он наступит, день, предначертанный судьбой;
(Как трепещет мое сердце, когда мой язык рассказывает!)
День, когда ты, имперская Троя! должен склониться,
Должен увидеть, как падут твои воины, как закончится твоя слава.
И все же никакое страшное предзнаменование не ранит мой разум так сильно,
смерть моей матери, гибель моего рода,
Ни седые волосы Приама, запекшиеся кровью,
Ни все мои братья, задыхающиеся на берегу,
Как твое, Андромаха! я страшусь твоих горестей;
Я вижу дрожащего, плачущего пленника, которого ведут!
В Аргиве намечаются наши битвы,
И беды, в которых столь значительная часть была твоей!
Выполнять суровые приказы победителя или нести
тяжесть воды из источника Гиперии.
Там, пока ты стонешь под бременем жизни,
Они кричат: "Узри жену могущественного Гектора!"
Какой-нибудь надменный грек, который доживает до того, чтобы видеть твои слезы,
Усугубляет все твои горести, называя мое имя.
Мысли о прошлой славе и настоящем позоре,
Тысячи горестей пробудятся при этом имени!
Пусть я останусь холодным до того ужасного дня,
Придавленный грузом монументальной глины!
Твой Гектор, погруженный в вечный сон,
Не услышит твоего вздоха и не увидит твоих слез".
Сказав это, прославленный вождь Трои
Протянул свои нежные руки, чтобы обнять прелестного мальчика.

Младенец с плачем прильнул к груди своей кормилицы,
испуганный ослепительным шлемом и покачивающимся гребнем.
С тайным удовольствием каждый любящий родитель улыбнулся,
И Гектор поспешил увести свое дитя;
Он снял с бровей сверкающие ужасы
И положил сверкающий шлем на землю.
Затем поцеловал ребенка и, подняв высоко в воздух,
Так обратился к богам с молитвой отца:
"О, ты, чья слава наполняет эфирный трон!
И все вы, бессмертные силы, защитите моего сына!
Даруй ему, как и мне, заслужить справедливую славу,
Охранять троянцев, защищать корону;
Вести войну Против врагов своей страны,
И возвысить Гектора будущего века!
Поэтому, когда, торжествующий после успешных трудов
убитых героев, он несет вонючую добычу,
все воинство может приветствовать его заслуженным одобрением,
И сказать: "Этот вождь превосходит славу своего отца";
В то время как довольный, среди общих криков Трои,
сознательное сердце его матери наполняется радостью.
Он заговорил и, с любовью глядя на ее прелести,
вернул приятную ношу в ее руки;
Мягко приложил младенца к ее благоухающей груди,
успокоил и с улыбкой оглядел.
Смутное удовольствие вскоре сменилось страхом.
К ее улыбке примешалась нежная слеза.
Смягченный вождь с добрым состраданием взглянул на него,
И осушил падающие капли, и таким образом продолжил:—
"Андромаха, гораздо лучшая часть моей души,
Почему несвоевременные печали терзают твое сердце?
Никакая враждебная рука не сможет опередить мою гибель,
Пока судьба не обрекает меня на безмолвную могилу.
Фиксированный - это термин для всей расы земли;
И таковы тяжелые условия нашего рождения, что
Тогда никакая сила не сможет противостоять, никакое бегство не спасет,
Все тонут одинаково, и боязливые, и храбрые.
Не более — но спеши выполнять свои обязанности дома,
Там направо веретено и направо ткацкий станок:
Меня слава зовет на военную арену,
Поле боя - это сфера для мужчин;
Где сражаются герои, я претендую на первое место,
Первым в опасности, как и первым в славе."
Сказав это, славный вождь снова надевает
Свой высокий шлем черного цвета с перьями.
Его принцесса с пророческим вздохом,
Неохотно расстаётся и часто отводит взгляд,
Который струился при каждом взгляде; затем, двигаясь медленно,
ищет свой собственный дворец и предается своему горю.
Там, пока она со слезами оплакивала богоподобного человека,

По всему ее телу пробежала мягкая инфекция.
Благочестивые девы избавляются от своих смешанных горестей,
И оплакивают живого Гектора как мертвого.

Папа Римский, "Илиада", VIв.

РАСА ЛЮДЕЙ.

(Автор Гомер.)

Подобно листьям на деревьях, обнаруживается раса человеческая,
То зеленая в юности, то увядающая на земле;
Следующей весной появляется другая раса;
Они опадают один за другим и один за другим поднимаются:
Так распадаются поколения на своем пути;
Так расцветают эти, когда те уходят в прошлое.

Папа Римский, "Илиада", VIв.

СОВЕТ БОГОВ.

(Автор Гомер.)

Теперь Аврора, прекрасная дочь зари,
Оросила розовым светом росистую лужайку;
Когда Юпитер созвал небесный сенат,
Где возвышаются облачные вершины высокого Олимпа.
Сир Богов нарушил свое ужасное молчание,
Небеса внимательно задрожали, когда он заговорил: —
"Небесные государства, бессмертные боги, прислушайтесь!
Услышьте наш указ и благоговейте перед тем, что услышите;
Установленный указ, который не все небеса могут изменить;
Ты, Судьба, исполни его; и вы, Силы, одобряйте!
Какой бог, но войдет в то запретное поле,
Кто окажет помощь или только пожелает уступить,
Со стыдом возвратится на небеса,
Израненный нечестными ранами, подвергшийся презрению небес:
Или далеко, о, очень далеко, сброшенный с крутого Олимпа,
Низко в темной татарской пропасти будет стонать,
Прикованный горящими цепями к медным полам,
И запертый неумолимыми дверями ада;
Так же глубоко под адским центром, отброшенный,
Как из этого центра в ад. эфирный мир.
Пусть тот, кто искушает меня, страшится этих ужасных обитателей,
И знает, что Всемогущий - бог богов.
Итак, соберите все свои силы, вы, высшие силы,
Соедините все и испытайте всемогущество Юпитера:
Опустите нашу золотую вечную цепь,
Чьи крепкие объятия удерживают небо, и землю, и майна;
Стремитесь все, смертные и бессмертные по рождению,

Притянуть этим Громовержца на землю:
Вы тщетно стремитесь! Стоит мне только протянуть эту руку,
я поднимаю богов, океан и сушу;
Я прикрепляю цепь к высоте великого Олимпа,
И огромный мир, трепеща, повисает передо мной!
Для таких я царствую, безграничный и всевышний;
И таковы люди и боги по сравнению с Юпитером".

Папа Римский, "Илиада", viii.

НОЧНАЯ СЦЕНА.

(Автор Гомер.)

Ликующие войска выстроились в боевом порядке вокруг,
И сияющие огни освещали всю землю.
Как при луне, мерцающем ночном светильнике!
Ясная лазурь небес распространяет свой священный свет,
Когда ни одно дуновение не нарушает глубокой безмятежности,
И ни одно облачко не омрачает торжественную сцену;
Вокруг ее трона вращаются яркие планеты,
И бесчисленные звезды золотят светящийся столб,
С темных деревьев сбрасывается более желтая зелень,
И серебром осыпаются вершины каждой горы;
Тогда сияют долины, возвышаются скалы в перспективе,
Поток славы льется со всех небес:
Сознательные люди, радующиеся жизни. это зрелище,
Окиньте взглядом голубой свод и благословите полезный свет.
Так много языков пламени пылает перед гордым Илионом,
И озаряют своими лучами мерцающий Ксанф:
Длинные отблески далеких костров
Поблескивают на стенах и дрожат на шпилях.

Папа Римский, "Илиада", viii.

НЕНАВИСТЬ К ВОЙНЕ.

(Автор Гомер.)

Проклят человек, лишенный закона и правоты,
Недостойной собственности, недостойного света,
Непригодный для общественного правления или частной заботы;
Этот негодяй, это чудовище, которое наслаждается войной:
Чье вождество - убийство, и чья ужасная радость
Разорять свою страну и уничтожать себе подобных!

Папа Римский, "Илиада", IXв.

ЛОЖЬ.

(Автор Гомер.)

Кто смеет думать одно, а говорить другое,
мое сердце ненавидит его, как врата ада.

Папа Римский, "Илиада", IXв.

ЛИВЕНЬ СТРЕЛ.

(Автор Гомер.)

Как пушистый снег
Часто Выпадает в какой-нибудь зимний день, когда Юпитер
Поднялся, чтобы пролить его на расу человеческую,
И показать свои богатые стрелами запасы; он убаюкивает ветер,
Затем непрерывно стряхивает его вниз, покрывая толстые
горные вершины, мысы, цветущие луга,
И богатые культурой долины, а также порты и берега
Вдоль окаймленной бездны; но там волна
задерживает Их дальнейшее продвижение; в то время как все остальное
Лежит под быстро нисходящим ливнем Юпитера;
Так густо, из стороны в сторону, со стороны троянцев, брошенных
против греков, и со стороны греков, вернувшихся,
Летели каменные залпы.

Купер, "Илиада", xii.

ПРИАМ ВЫПРАШИВАЕТ ТЕЛО ГЕКТОРА.

(Автор Гомер.)

"Подумай, о Ахиллес, подобие богов,
О своем собственном отце, преисполненном дней, как я.
И дрожащий на мрачной грани жизни.
Может быть, какой-нибудь соседский вождь даже сейчас
притесняет его, и нет никого под рукой,
нет друга, который помог бы ему в беде.
И все же, несомненно, услышав, что Ахилл жив,
Он все еще радуется, день за днем надеясь,
Что однажды он снова увидит лицо
своего собственного сына, вернувшегося из далекой Трои.
Но меня не утешают приветствия, чьи храбрейшие сыновья,
Так поздно ставшие цветами Илиона, все убиты.
Когда сюда пришла Греция, у меня было пятьдесят сыновей;
Но огненный Марс проредил их. Один у меня был,
Один, больше всех моих сыновей, сила Трои,
Которого, защищая свою страну, ты убил —
Гектор. Чтобы искупить Его тело, я прихожу

Во флот Ахайи, принося себя,
Бесценный Выкуп в твой шатер.
Вознеси хвалу богам, Ахилл! вспомни
Своего отца; ради него прояви сострадание
Ко мне, еще более жалкому, кто подносит
К моим губам (унижение, еще
Невиданное на земле) свою руку, убившую моего сына!
Сказав это, он пробудил в своей душе сожаление
О своем родителе; он мягко положил свою руку
На руку Приама и мягко оттолкнул его,
Воспоминание растопило обоих. Валяясь перед
ногами Ахиллеса, Приам оплакивал своего сына,
Расправившегося с Гектором, и Ахилл оплакивал
По очереди своего отца и по очереди своего друга
Патрокла: звуки скорби наполнили шатер.

Купер, "Илиада", ххiv.

ПЛАЧ ЕЛЕНЫ По ГЕКТОРУ.

(Автор Гомер.)

Горе охватило всех вокруг;
Тогда Елена так издала свой жалобный звук:—
"Гектор, душе Елены дороже всех,
Кого я в стенах Илиона осмеливаюсь называть братом,
С тех пор, как Парис сюда, в Трою, привела его супруга,
Которая в могиле нашла более счастливое ложе.
С тех пор, как я пришел сюда, двадцатый год,
С тех пор, как я покинул свою землю и все, что мне когда—то было дорого:
Но никогда с того часа Елена не слышала
От тебя сурового упрека или болезненного слово;
Но если бы твои сородичи обвинили меня, если бы недобрая
царица обратила внимание на непостоянный ум Елены —
(Ибо Приам, все еще благожелательно мягкий,
смотрел бы на меня, как отец на свое дитя) -
Твоя нежная речь, твоя мягкость души,
Бы твоими силами, взяли под контроль их более суровые умы.
Поэтому, с сердцем, разрывающимся от мучительного горя,
О Тебе и о моем несчастном "я" я так оплакиваю;
Ибо ни одно доброе око в Трое не останавливается на Елене,
Но тот, кто смотрит на меня, содрогается и испытывает отвращение".

Сотби, Илиада, хxi.

Здесь мы приведем несколько страниц истории Троянской войны, представив некоторых персонажей, сюжеты и т.д., Упомянутых в предыдущих стихотворениях, в виде рассказа в прозе.

ПАРИЖ.

В чертогах Приама вместо радости царила печаль, потому что у него родился сын, и потому что госпоже Гекубе приснился сон, из которого провидцы узнали, что ребенок принесет гибель земле Илиона. Поэтому его мать холодными, лишенными любви глазами смотрела на младенца, лежащего слабым и беспомощным в своей колыбели, и Приам приказал им взять ребенка и оставить его на суровой Иде, ибо источник его любви был закрыт для него.

В течение пяти дней ночью на младенца падала роса, а днем яростно светило солнце, когда он лежал на пустынном склоне холма, и пастух, который положил его туда, чтобы он уснул сном смерти, посмотрел на ребенка и сказал: "Он спит, как младенцы могут спать на шелковых ложах; боги не желают, чтобы он умер". Поэтому он взял его к себе домой, и ребенок вырос с румяными щеками и проворными ножками, храбрый и выносливый, так что никто не мог сравниться с ним в силе и красоте. Свирепые волки не приближались к стадам, пока Парис сторожил загон, грабитель не таился возле усадьбы, когда Парис сидел у очага. Поэтому все пели о его силе и великих деяниях и называли его Александром, помощником людей.

Много лет он пас стада на лесной Иде, но Приам, его отец, жил в Илионе и думал, что больше не увидит его лица, и он сказал про себя: "Несомненно, мое дитя давно умерло, и богам не было устроено пиршества, чтобы Парис мог спокойно жить в темном царстве Аида". Затем он приказал своим слугам привести ему быка из стада, которого можно было бы отдать тому, кто победит на играх, и они выбрали того, которого Парис любил больше всех остальных и которого он выгонял на пастбище. Итак, он последовал за слугами Приама в горе и гневе, и он выступил вперед и боролся со своими братьями на играх, и во всех них Парис был победителем. Тогда один из его братьев пришел в ярость и поднял на него свой меч, но Парис бежал к алтарю Зевса, и был слышен голос Кассандры, его сестры, говорившей: "О слепец с глазами и сердцем, разве ты не видишь, что это Парис, которого ты отправил спать сном смерти на лесной Иде?"

Но Парис не захотел жить в священном Илионе, ибо он не любил тех, кто пытался убить его, когда он был еще беспомощным ребенком, и снова пас стада на широких равнинах и неровных склонах холмов. Он был крепок телом и отважен сердцем, и лицо его сияло дивной красотой, так что те, кто видел это, считали его таким же прекрасным, как светлые герои. Там, бродя по лесистым долинам Иды, он увидел прекрасную Энону, дочь бога реки Кебрена, и посватался к ней. Много раз он сидел с девушкой на берегу ручья, и звук их голосов сливался с тихим журчанием воды. Он говорил ей о любви, и Никто не смотрел с удивительной радостью в его прекрасное лицо, когда утренняя роса сверкала белизной на траве и когда вечерняя звезда выглянула на бледном небе.

Так Парис женился только на Одной, и сердце девушки было полно счастья, ибо не было никого храбрее и нежнее - никого с таким отважным сердцем, с такими гибкими конечностями, с такой нежностью и любовью, как Парис. Так проходили дни в быстром радостном сне, ибо никто не думал о грядущих переменах.

Среди богов и людей был пир и веселье, ибо храбрый Пелей завоевал Фетиду, морскую деву, себе в жены; и она поднялась из глубин своих коралловых пещер, чтобы отправиться в его дом во Фтии. Пир был накрыт в его древнем зале, и кубки сверкали от темного вина, ибо все боги спустились с Олимпа, чтобы разделить пир в доме Пелея. Только Эрис не пригласили, ибо она была дитя Войны и Ненависти, и они боялись увидеть ее лицо в часы смеха и веселья; но ее злое сердце не успокоилось, пока она не нашла способ отомстить за то зло, которое они ей причинили.

Боги слушали песнь Феба Аполлона, когда он создавал сладкую музыку на струнах своей арфы, когда на стол перед ними было брошено золотое яблоко. Они не знали, откуда оно взялось, только видели, что это должен был быть подарок для самой красивой в этой огромной толпе, ибо так было написано на яблоке. Затем радость пиршества прошла, и музыка песен смолкла, ибо началась борьба, которая должна была получить золотую награду; и тут царица сказала: "Сами боги склоняются передо мной, когда я вхожу в залы Олимпа, и люди поют во славу моего величия; поэтому дар должен быть моим". Но Афина ответила и сказала: "Знание и доброта - лучшие вещи, чем власть; мой титул более достоин". Тогда прекрасная Афродита подняла свою белую руку, и торжествующая улыбка пробежала по ее лицу, когда она сказала: "Я - дитя любви и красоты, и звезды заплясали в небесах от радости, когда я выпрыгнула из морской пены; Я не боюсь состязания, ибо мне одной должен быть вручен золотой дар".

Итак, борьба в пиршественном зале разгоралась все сильнее, пока Зевс не заговорил громким голосом и не сказал: "Сейчас не нужно бороться. Среди соснового леса Иды живет Парис, прекраснейший из сынов человеческих; пусть он будет судьей, и яблоко достанется той, кому он его отдаст". Тогда Гермес поднялся и быстро повел их по суше и морю к неровному склону холма, где Парис ухаживал и никого не завоевал.

Вскоре посланец Зевса предстал перед Парисом и сказал: "Прекраснейший из сынов человеческих, среди бессмертных богов идет борьба, ибо Здесь и Афродита, и Афина ищут каждая по золотому яблоку, которое должно быть отдано той, кто прекраснее всех. Поэтому рассуди их, когда они придут, и верни мир в чертоги Зевса".

Во сне радости и любви Никто не насытился берегом реки, и она посмотрела на свое прекрасное лицо, которое было показано ей в тихом омуте, куда не проникала сила потока, и она сказала себе: "Боги добры, ибо они даровали мне лучший дар, чем красота, ибо любовь к Парижу озаряет для меня дивной красотой небеса вверху и широкую землю внизу". Тогда пришел Парис и сказал: "Смотри, Ноне, дражайшее дитя светлых вод, Зевс призвал меня быть судьей в важном деле. Сюда идут царица, Афродита и Афина, каждая в поисках золотого яблока, которое должно быть отдано той единственной, кто прекраснее всех. Но не уходи, Никто; широкие виноградные листья покрыли нашу летнюю беседку; там задержись и послушай приговор, где тебя никто не увидит".

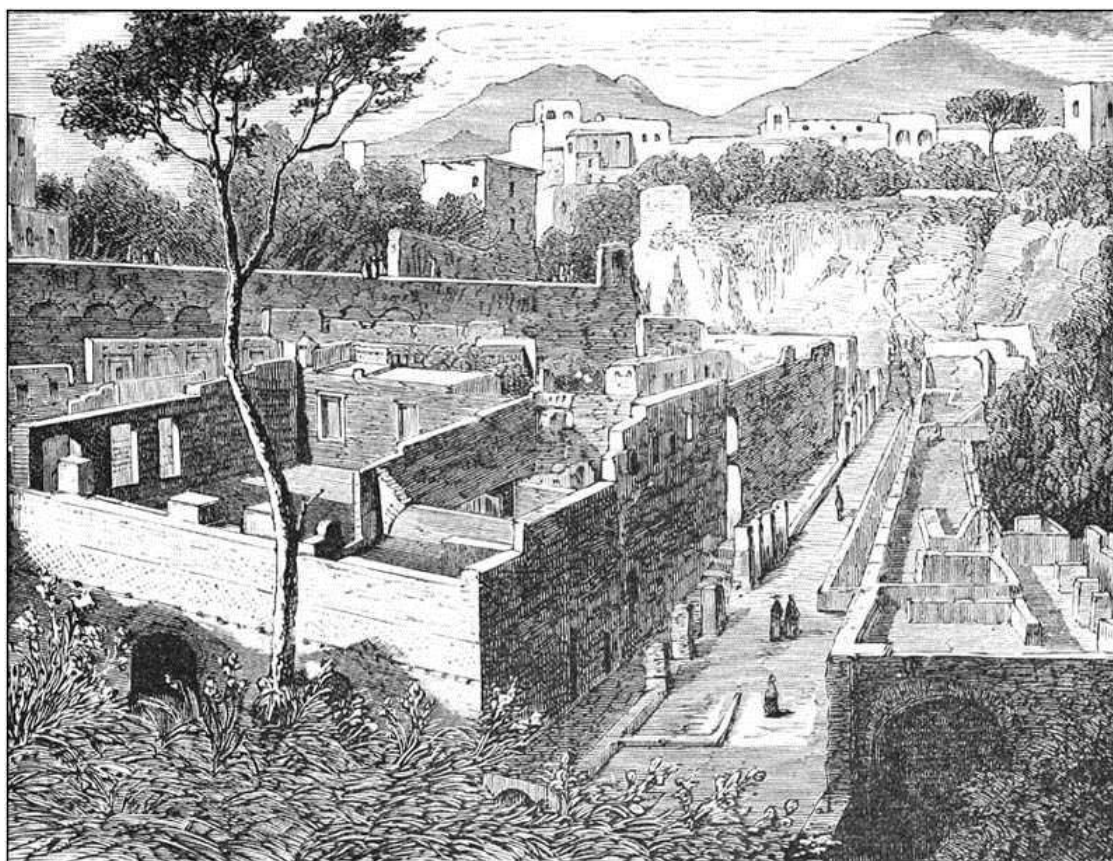
Итак, Парис заседал в суде, и здесь заговорил с ним, и сказал: "Я знаю, что я прекраснейший, ибо ни у кого другого нет такой красоты и величия, как у меня. Тогда послушай меня, и Я дам тебе силу совершать великие подвиги среди сынов человеческих и имя, которое будут воспевать менестрели среди тех, кто родится в далеком будущем". Но Афина ответила: "Не обращай внимания на ее слова, о Парис. Твоя рука сильна, а сердце чисто, и люди, среди которых ты живешь, почитают тебя даже сейчас, потому что ты сделал им добро. Есть вещи получше, чем власть и высокая слава; и если ты послушаешься меня, я дам тебе мудрость и силу; и чистая любовь будет твоей, и память о счастливых днях, когда ты приблизишься к темной стране Аида".

Тогда Парису показалось, что он слышит голос Эноны, и ему показалось, что он шепчет ему: "Мудрость и справедливость лучше власти, отдай их Афине". Но Афродита смотрела на него смеющимися глазами, когда подошла ближе к нему. Ее темные кудри волнами упали ему на плечо, и он почувствовал дыхание ее розовых губ, когда она положила руку ему на плечо и тихо прошептала ему на ухо: "Я не говорю тебе о своей красоте, ибо, может быть, ты видишь, что я очень красива, но послушай меня, и я отдам тебе в жены прекраснейшую из всех дочерей человеческих". Но Парис ответил: "Я не нуждаюсь в твоём даре, о дитя яркой

морской пены, ибо более прекрасной жены, чем та, которую не может надеяться иметь ни один смертный мужчина. И все же ты прекраснейшая из дочерей бессмертных богов, и дар прекраснейшей принадлежит тебе.

Поэтому он положил золотое яблоко в ладонь ее белоснежной руки, и прикосновение ее тонких пальцев пронзило сердце Парижа, когда она расставалась с ним с улыбающимися губами и смеющимися глазами. Но здесь Царица и Афина, непорочное дитя Зевса, ушли недовольные, и их гнев навеки обрушился на город и землю Илион.

Тогда Парис подошел к Эноне, обнял ее и сказал: "Видела ли ты мрачное лицо этой дамы, когда я преподносил прекраснейшей подарок, который может быть только у прекраснейшей? Но какое мне дело до гнева Здесь и Афины? Одна улыбка с губ Афродиты лучше, чем их благосклонность на всю жизнь." Но Никто печально не ответил: "Я хотел бы, чтобы ты говорил правду, Парис; но в моих глазах госпожа Афина гораздо прекраснее, а Афродита всегда фальшиво прекрасна". Тогда Парис крепче обнял ее, поцеловал в бледную щеку и ничего не сказал.

БИБЛИОТЕКА ГЕРКУЛАНУМА.

Но яростный гнев Эрис еще не утих. Далеко на западе, в царстве могущественного Менелая, свирепствовал голод, люди умирали на обочинах дорог, и у воинов не было сил идти на битву, а у охотников - в погоню. Много раз они пытались узнать волю богов, но вместо ответов слышали только мрачные слова, пока Феб Аполлон не сказал, что голод на земле никогда не прекратится, пока они не привезут из Илиона кости детей Прометея, которых Зевс заточил на пустынных скалах Кавказа. Итак, Менелай, царь, покинул свой дом и отправился в город Приама. Там он увидел прекрасного Париса и взял его с собой в страну Спартанцев, ибо он сказал, что Парис должен вернуться домой богатым. И Парис поверил его словам и поплыл с

ним по широкому морю. Долгое время он жил в Спарте и день за днем видел госпожу Елену в чертогах Менелая. Сначала он подумал про себя: "Я бы хотел, чтобы никто не был здесь и не видел жену Менелая, ибо, несомненно, она прекраснее всего на свете". Но вскоре он все меньше и меньше думал о Нонон, которая скорбела о его долгом пребывании в чужой стране, блуждая среди сосновых лесов вуди-Иды.

Для Париса быстро пролетели дни, ибо сердце его было наполнено странной любовью, и воля Эрис исполнялась в нем. Он не думал об Эноне и ее одиноких скитаниях по вересковой Иде; его не заботили добрые дела Менелая; и так случилось, что, когда Менелай был далеко, Парис наговорил Елене слов злой любви и обманом заставил ее покинуть свой дом. Они скрылись и плыли по морю, пока не пришли в землю Илион; и Елена жила с Парисом в доме его отца, Приама.

Но никто не оплакивал любовь, которую она потеряла, и ее слезы падали в ласковый ручей Кебрен, когда она сидела на его травянистых берегах. "Ах, я, - сказала она, - Афродита ужалила мою любовь. О Парис, Парис! неужели ты забыл все свои слова? Здесь твои руки обнимали меня, и здесь, когда твои губы были прижаты к моим, ты сказал, что на бескрайней земле нет для тебя живого существа прекраснее, чем Ты. Уверен я, что Елена принесла тебе лишь ложную радость; ибо ее сердце не принадлежит тебе, как сердце девушки, когда оно отдается своей первой любви; и уверен я также, что Елена не более прекрасная жена, чем я, ибо мое сердце полностью принадлежит тебе, и красота женщины портится, когда она отдается беззаконной любви. Но облако сгущается вокруг тебя; и я происхожу из рода богов, и мои глаза открыты, чтобы узреть то, чего добровольно я бы не увидел. Я вижу воды, черные от кораблей, и полчища ахейцев, собравшихся у стен Илиона. Я вижу, как возвращаются луны, в то время как твой народ тщетно борется с гневом здешних Мест и могуществом сына Пелея; и вдали я вижу пламя, которое сожжет священный Илион. Я вижу твоего отца, сраженного в его собственном чертоге, и копье, которое выпьет твою живительную кровь. Ах, я! за грядущий рок и за те приятные дни, когда мы любили друг друга и бродили по долинам Иды".

Так Парис жил с Еленой в доме Приама; но люди говорили: "Это больше не храбрый Александр", ибо он непринужденно возлежал на шелковых ложах, а его копье и щит без дела висели на стене. Для него вино искрилось в кубке, в то время как солнце поднималось высоко в небесах, и он заботился только о том, чтобы слушать голос Елены или менестрелей, которые пели о любви и беседах любящей смех Афродиты. А Елена сидела рядом с ним в угрюмом настроении, ибо думала о прежних днях и о том зле, которое она причинила доброму царю Менелая. Тогда в ее сердце зародилась глубокая ненависть к Парису, и она возненавидела его за лживые слова и нежные взгляды, когда он лежал, потягивая вино, и отдыхал днем и ночью на шелковых ложах.

Но по всем улицам Илиона слышались спешка и крики вооруженных людей, ужас и вопли женщин и детей; ибо полчища ахейцев пришли отомстить за обиды Менелая. И все же Парис не внял молитвам своих братьев о том, чтобы он вернул Елену; поэтому она оставалась рядом с ним в его позолоченных покоях, а он не выходил на битву, пока все люди не стали поносить его за порочную любовь, за то, что он оставил прекрасную Женщину.

Так за Париса пал могучий Гектор; за него погиб храбрый Сарпедон; и женщины Илиона оплакивали своих мужей, сраженных ахейскими воинами. Все яростнее и яростнее становилась борьба, ибо здесь и Афина сражалась против жителей Трои, и никакая помощь не приходила от любящей смех Афродиты.

Много раз проходили годы, пока ахейцы пытались взять город Приама, пока, наконец, с великим стыдом Парис не снимал со стены свое копье и щит и не выходил на битву, но сила

его сердца и руки иссякли, и он дрожал от яростных боевых кличов, как ребенок дрожит от рева бури. Затем перед стенами Илиона разгорелась еще более ожесточенная борьба, и тела убитых грудami лежали на поле битвы. Ослабевшие и усталые, люди Приама были заперты за стенами, пока ахейцы не ворвались в ворота и не предали город мечу и пламени. Тогда крик мужчин и женщин вознесся к высоким небесам, и кровь ручьями потекла по земле. С могучей вспышкой взметнулось пламя горящего города, и мечте о Париже пришел конец.

Он быстро бежал от гнева Менелая и не хотел оглядываться ни на аргивянку Елену, ни на резню своих родственников и своего народа. Но стрела Филоктета со свистом рассекла воздух, и острое вонзилось в бок Париса. Он поспешно вытащил его из раны, но оружие Геракла не сделало своего дела, и яд заструился по его горящим венам. Он поспешил дальше, к сосновым лесам Иды, но его конечности задрожали под ним, и он опустился на землю, приблизившись к травянистому берегу, где в прежние дни пас свои стада. "Ах, Ноне, - сказал он, - дурной сон закончился, и твой голос возвращается к моему уху, мягкий и любящий, как тогда, когда я ухаживал за тобой и завоевал тебя среди долин Иды. Ты не слышишь меня, Никто, иначе я знаю, что, прощая все обиды, ты поспешил бы мне на помощь".

И пока он говорил, Никто не стоял перед ним, прекрасный, как в минувшие дни. Сияние чистого вечернего времени было озарено ее лицом, и глаза ее сияли светом неугасившей любви. Затем она положила на него руку и мягко сказала: "Ты узнаешь меня, Парис? Я та самая, за которой ты ухаживал в долинах вуди-Иды. Мое горе не изменило меня, но ты уже не тот, о Парис, ибо твоя любовь ушла далеко, и ты долго предавался дурным мечтам". Но Парис сказал: "Я причинил тебе зло, Единственная, прекраснейшая и сладчайшая, и что может искупить это зло? Огонь горит в моих венах, моя голова кружится, и мой взор затуманивается; взгляни на меня только один раз, чтобы, думая о нашей древней любви, я мог заснуть и умереть".

Тогда никто не преклонил колен рядом с Парисом и не увидел раны, нанесенной стрелой Филоктета; но вскоре она поняла, что ни боги, ни люди не могут остановить яд, которым Геракл пропитал свое могучее оружие. Там она опустилась на колени, но Парис больше ничего не сказал. Холод смерти прошел по нему, когда Никто не взглянул ему в лицо и не подумал о тех днях, когда они жили и любили среди долин Иды.

Долгое время она стояла на коленях рядом с ним, пока на небе не показались звезды. Тогда Никто не сказал: "О Эрис, хорошо ты исполнила свою волю, и хорошо Афродита исполнила твое повеление. О Парис, мы любили и страдали, но я никогда не делал тебе ничего плохого, и теперь я следую за тобой в темную страну Аида".

Вскоре пламя взметнулось к небесам над погребальным костром Парижа, и никто не прилег отдохнуть на пылающем ложе рядом с ним.

АХИЛЛ.

Девять лет ахейцы сражались против Илиона, чтобы отомстить за обиды и горести Елены, и все же война продолжалась, и только слова Калхаса, которые он произнес давным-давно в Авлиде, вселяли в них надежду, что день отмщения близок. Ибо между царем Агамемноном и могущественным сыном Пелея возникла вражда, и жителям Аргоса казалось, что все их труды напрасны. В сильном гневе Ахилл дал обет, что больше не выйдет на битву, и в угрюмом молчании сидел в своем шатре или мрачно бродил по морскому берегу. С новой отвагой войска троянцев высыпали из своих стен, когда узнали, что Ахилл больше не

сражался на стороне ахейцев, и вожди тщетно искали его помощи, когда битва обернулась против них самих. Тогда лицо войны изменилось, ибо жители Илиона вышли из своего города, заперли ахейцев в их лагере и яростно сражались, чтобы захватить корабли. Многие вожди и воины были повержены, а Ахилл все еще сидел в своем шатре, лелея свой великий гнев и понося всех, кто приходил к нему с дарами и молитвами.

Но дороже всех других сыну морской нимфы Фетиды был Патрокл, сын Ментия, и сердце Ахилла наполнилось жалостью, когда он увидел слезы, текущие по его лицу, и он сказал: "Дорогой друг, расскажи мне о своей горе и ничего не скрывай от меня. Есть ли у тебя дурные вести из нашего дома во Фтии, или ты оплакиваешь беды, которые досаждают нам здесь?" Тогда Патрокл смело заговорил и сказал: "Не сердись на мои слова, Ахилл. Силы аргивян иссякают, и самые могущественные из их вождей лежат ранеными или мертвыми вокруг своих кораблей. Они называют тебя сыном Пелея и Фетиды, но люди скажут, что ты родился среди суровых скал и бесплодного моря, если ты увидишь, что твой народ погибает, и не поднимешь руку, чтобы помочь им". Тогда Ахилл ответил: "Друг мой, на мне обет, и я не могу уйти, но ты надень мои доспехи и отправляйся на битву. Только прислушайся к моим словам и не отправляйся в моей колеснице против города Илиона. Прогони наших врагов с кораблей и позволь им сражаться на равнине, а потом возвращайся в мой шатер".

Тогда сердца ахейцев воспрянули духом, ибо после Ахилла во всей войске не было воина более храброго и могучего, чем Патрокл. По его слову мирмидоняне вскочили после долгого отдыха и поспешно схватили оружие, чтобы последовать за ним на битву. Вскоре вышел Патрокл. На голове у него был сверкающий шлем Ахиллеса, а тело опоясывали доспехи. Только при нем не было своего могучего копья, ибо никто из смертных не мог владеть этим копьем в битве, кроме Ахиллеса. Перед шатром стояла колесница, и в нее были запряжены лошади Ксантос и Балиос, которые не стареют и не умирают.

Итак, Патрокл отправился на битву, а Ахилл вошел в свой шатер и, наливая темное вино из золотого кубка, помолился Зевсу и сказал: "О ты, живущий далеко в Додоне, где селлои исполняют твои приказания и провозглашают твою волю, дай силу и победу Патроклу, моему другу. Пусть он прогонит людей Илиона с кораблей и невредимым вернется ко мне после битвы. Но Зевс услышал молитву лишь отчасти, ибо судьба заключалась в том, что Ахилл больше не увидит Патрокла живым.

Тогда войска троянцев дрогнули, когда Патрокл приблизился на колеснице Ахилла, и никто не осмелился выступить против него. Вперед мчались бессмертные кони, и куда бы они ни шли, земля была красной от крови троянцев, сраженных его копьем. Тогда Сарпедон, великий вождь ликийцев, обратился к Главку и сказал: "О друг, я должен выйти и сразиться с Патроком. Народ гибнет от его меча, и не подобает вождям отступать в борьбе". Но судьба Сарпедона была предрешена, и вскоре его тело безжизненно лежало на земле, в то время как мужчины Аргона и Илиона сражались за его сверкающее оружие.

Тогда судьба постигла и Патрокла, ибо Феб Аполлон сражался против него в битве, и в пыли валялся шлем, которого не касался ни один враг, когда он покоился на голове Ахиллеса. Перед ним сверкнуло копье Гектора, когда он сказал: "Пришел час твоей смерти, Патрокл, и помощь Ахилла теперь не может прийти к тебе". Но Патрокл сказал только: "Теперь твое время хвастаться; подожди еще немного, и меч Ахиллеса выпьет твою живительную кровь".

Итак, Патрокл умер, и из-за его тела завязалась ожесточенная схватка, и многие пали с обеих сторон, пока вокруг не образовалась огромная куча мертвых. Но вдали от места битвы кони Ксантос и Балиос оплакивали своего возницу, и они не двигались с места вместе с колесницей, но стояли неподвижно, как столбы, на земле, пока Зевс не посмотрел на них с

жалостью и не сказал: "Разве для этого я отдал тебя Пелею, вождю фтийских коней, которые не могут состариться или умереть, для смертного человека, самого жалкого существа, которое ползает по земле? Но не бойся; ни один враг не прикоснется к колеснице Ахилла или к бессмертным коням, которые ее везут. Ваши члены наполнятся новой силой, и вы будете летать, как птицы, по полю битвы, пока не прибудете к шатру вашего господина". Тогда кони перестали плакать, но, быстрые, как орлы, понесли Автомедона сквозь битву, в то время как Гектор и его люди яростно пытались схватить их. Наконец битва закончилась, и, пока ахейцы несли тело Патрокла на корабли, Антилох, сын Нестора, пришел в палатку Ахилла и сказал: "Твой друг убит, а у Гектора его доспехи".

Тогда темная туча горя опустилась на душу Ахилла. В яростном горе он обеими руками подбросил землю в воздух, разорвал на себе одежду и, рыдая, лег в пыль. Далеко-далеко в своих коралловых пещерах на дне моря Фетида услышала глухие стоны своего ребенка и, подобно белому туману, поднялась из вод и пошла утешать его; и она сказала: "Почему ты плачешь, сын мой? Когда Агамемнон причинил тебе зло, ты молился о том, чтобы ахейцы остро нуждались в твоей помощи в битве, и твое желание исполнилось. Пусть так будет и впредь." Но Ахилл ответил: "Какая мне польза, мать моя, от того, что моя молитва была услышана, раз Патрокл, мой друг, убит, а у Гектора мои доспехи? Теперь мне остается только одно. Я убью Гектора и отомщу за убийство Патрокла. Тогда слезы потекли по щекам Фетиды, когда она сказала: "Тогда свершилась твоя собственная участь, ибо, когда ты убьешь Гектора, жить тебе останется недолго". "Так что пусть будет так, - сказал Ахилл. - Могучий Геракл вкусил смерти; поэтому позволь и мне умереть, чтобы только Гектор умер раньше меня".

Тогда Фетида больше не пыталась отвлечь его от задуманного, но отправилась в дом Гефеста, чтобы купить доспехи для своего ребенка взамен тех, что Гектор отнял у Патрокла. И Ахилл дал обет, что двенадцать сыновей троянцев будут убиты на могиле его друга, а Гектор умрет до того, как будут совершены погребальные обряды. Тогда Агамемнон послал ему дары и сказал добрые слова, чтобы вражда между ними прекратилась, и Ахилл теперь отправился сражаться за ахейцев. Итак, в доспехах, которые Гефест выковал по молитве Фетиды, он взошел на свою колесницу и приказал своим лошадям невредимым доставить его с поля битвы. Тогда конь Ксантос склонил голову, и длинные локоны его гривы упали на землю, когда он ответил: "Мы действительно спасем тебя, о могучий Ахилл; но твоя гибель близка, и вина лежит не на нас сейчас, и не тогда, когда мы оставили Патрокла мертвым на поле битвы, ибо Феб Аполлон убил его и передал славу и оружие Гектору". И Ахилл сказал: "Зачем говорить мне о дурных предзнаменованиях? Я знаю, что больше никогда не увижу своих отца и мать, но если мне суждено умереть в чужой стране, я сначала отомщу досыта".

Затем снова раздался боевой клич Ахилла, и могучая жизнь влилась в сердца ахейцев, когда они схватились за оружие при этом звуке. Густо, как увядающие листья осенью, падали троянцы под его безошибочным копьем. Вождь за вождем падали, пока их войска в ужасе не оказались под стенами Илиона. Только Гектор ожидал его прихода, но тень смерти уже подкрадывалась к нему, ибо Феб Аполлон оставил великого защитника Трои, потому что так пожелал Зевс. Так в борьбе силы Гектора иссякли, и он опустился на землю. Нога Ахилла покоилась на его груди, а острое копье упиралось ему в шею, в то время как Гектор сказал: "Убей меня, если хочешь, но верни мое тело моему народу. Не дай полевым зверям растерзать его, и за это доброе дело тебе достанутся богатые дары от моего отца и моей матери". Но глаза Ахилла вспыхнули смертельной ненавистью, когда он ответил: "Если бы Приам дал мне твой вес золотом, это не спасло бы твое тело от птиц и собак". И Гектор сказал: "Я и не думал убеждать тебя, ибо сердце твое сделано из железа, но смотри, чтобы ты

не поплатился за свой поступок в тот день, когда Парис и Феб Аполлон убьют тебя у скейских ворот Илиона". Затем живая кровь Гектора окрасила землю в красный цвет, и Ахилл сказал: "Умри, негодяй! Свою судьбу я встречу в тот час, когда бессмертным богам будет угодно послать ее".

Но месть Ахилла еще не свершилась. У его ног лежал мертвый Гектор, но ярость в его сердце была неистовой, как всегда, и он привязал тело к своей колеснице и яростно тащил его до тех пор, пока никто из видевших его не смог сказать: "Это был храбрый и благородный Гектор". Но потом произошли события еще более страшные, ибо над Патроком были совершены погребальные обряды, и двенадцать сыновей троянцев были убиты во время великого жертвоприношения. Тело Гектора все еще лежало на земле, и жители Илиона тщетно пытались выкупить его у Ахилла. Но Феб Аполлон спустился, чтобы охранять его, и он накрыл его своим золотым щитом, чтобы уберечь от всего неприличного. Наконец царь Приам взошел на свою колесницу, ибо сказал: "Конечно, он не пренебрежет молитвой отца, когда тот просит тело своего сына". Тогда Зевс послал Гермеса отвести старика к шатру Ахилла, чтобы никто другой из ахейцев не увидел его. Затем он встал перед человеком, убившим его сына, поцеловал ему руки и сказал: "Услышь мою молитву, Ахилл. Твой отец такой же старик, как и я, но он надеется однажды увидеть, как ты возвращаешься с великой славой из Илиона. Мои сыновья мертвы, и не было в Трое сыновей храбрее меня; и Гектор, цветок и гордость всех, был сражен твоим копьем. Побойся богов, Ахилл, и пожалей меня в память о твоём отце, ибо никто никогда не осмеливался, как я, поцеловать руку человека, убившего его сына. И Приам заплакал о своем дорогом ребенке Гекторе, и слезы потекли по щекам Ахилла, когда он подумал о своем отце Пелее и своем друге Патрокле, и их скорбный крик раздался одновременно.

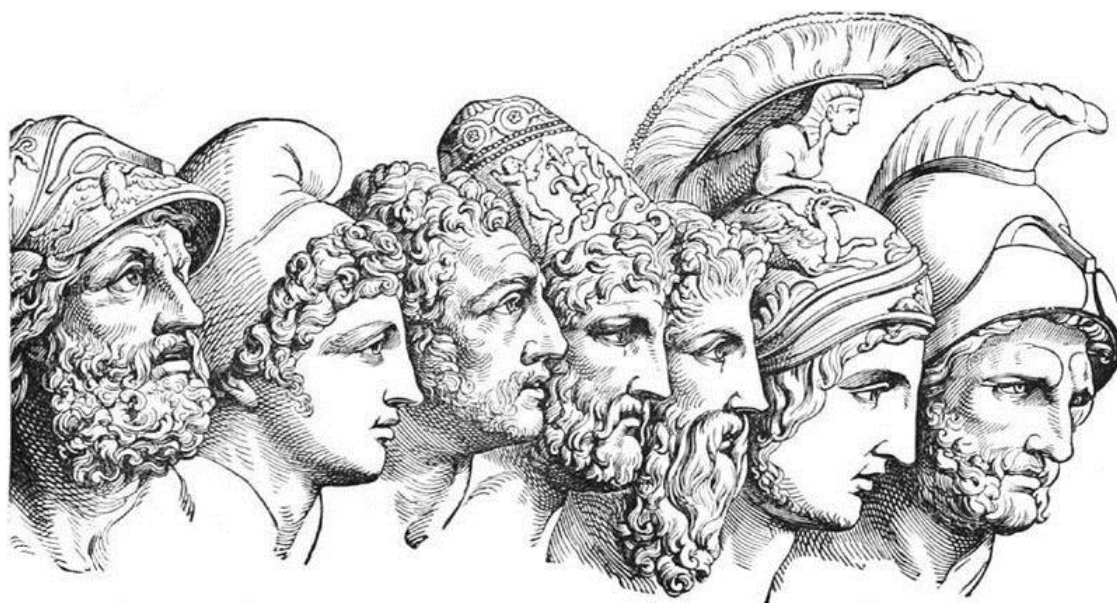
Итак, тело Гектора было перенесено обратно в Илион, и богам под землей было принесено великое жертвоприношение, чтобы Гектор мог быть принят в царстве Аида и Персефоны. Но приближалось время, когда судьба Ахилла должна была свершиться, и копье Феба Аполлона пронзило его сердце, когда они сражались у скейских ворот Илиона. В пыли лежало тело Ахиллеса, в то время как ахейцы целый день сражались вокруг него, пока с небес не разразилась могучая буря. Затем они отнесли его на корабли, положили на кушетку и вымыли в чистой воде. И снова из своих коралловых пещер на дне моря поднялась златоногая Фетида, и крик нимф, следовавших за ней, наполнил воздух, так что ахейцы, услышавшие его, затрепетали и бросились бы бежать на корабли, но Нестор, мудрый вождь пилийцев, сказал: "Не бегите, аргивяне, ибо те пришли оплакивать погибшего Ахилла". Итак, Фетида стояла, рыдая, у тела своего ребенка, а нимфы заворачивали его в сияющие одежды. Много дней и ночей они плакали и смотрели вокруг, пока, наконец, не собрали на берегу моря большую кучу дров, и пламя не взметнулось к небесам. Затем они собрали пепел и поместили его вместе с прахом Патрокла в золотую урну, которую выковал Гефест и подарил Дионису, а над ней воздвигли огромную пирамиду из камней на берегу Геллийского моря, чтобы люди могли видеть ее издалека, когда они плывут по широким водам.

МЕСТЬ ОДИССЕЯ.

Легкий ветерок наполнял паруса феакийского корабля, на котором Одиссей спал сном мертвеца без сновидений. Дикая музыка волн разносилась в воздухе, когда барк мчался по своему сверкающему пути, но их рокот не достигал ушей странника, ибо чары Афины были на нем, и все его заботы и горести были на некоторое время забыты.

Рассветный свет крался по небу на востоке, когда добрый корабль вошел в гавань морского бога Форкиса и остановился без якоря или троса под скалами, защищающими от дыхания

суровых ветров. В начале маленькой бухты широколистное оливковое дерево раскинуло свои ветви перед пещерой, где морские нимфы ткали свои прекрасные пурпурные одежды. Матросы осторожно подняли Одиссея на руки; осторожно они вынесли его с корабля и опустили на сушу вместе с дарами, которые Алкиноус, Арете и Наосикаа преподнесли ему, когда он отправлялся в Итаку. Итак, феакийцы ушли, и Одиссей снова отдохнул в своей стране. Но когда он пробудился ото сна, то не понял, где находится, потому что Афина рассеяла туман по суше и морю. Гавань, скалы, деревья, тропинки имели странный вид в тусклом и мрачном свете; но пока Одиссей все еще размышлял, куда ему спрятать подарки, чтобы их не нашли воры, перед ним предстала великолепная фигура, и он услышал голос, который сказал: "Разве ты не узнаешь меня, Одиссей? Я - Афина Паллада, которая стояла рядом с тобой, чтобы охранять тебя во всех твоих странствиях и избавлять тебя от всех твоих врагов. И теперь, когда ты снова стоишь на своей земле Итака, я пришел к тебе еще раз, чтобы приказать тебе приготовиться к великой мести и терпеливо переносить все, что может выпасть на твою долю, пока не пробьет час". Но Одиссей с трудом мог поверить, что он на Итаке, хотя с ним говорила Афина, пока она не рассеяла туман и не показала ему прекрасную гавань с ее раскидистыми оливковыми деревьями, дом морских нимф и старый холм Неритос с его лесистыми склонами.

Менелай. Парис. Диомед. Odysseus. Нестор. Ахилл. Агамемнон.
ГЕРОИ ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЫ.

Затем они поместили дары феакийцев в пещеру прямо у потока живых вод, который тек через нее к морю, и Афина коснулась его посохом, и вся красота его формы исчезла. Его лицо покрылось морщинами, сверкающие глаза потускнели, а золотистые локоны рассыпались по плечам. Его блестящая одежда превратилась в вонючие лохмотья, когда Афина повесила ему на плечо нищенский кошелек, вложила в руку посох и показала тропинку, которая вела к дому свинопаса Евмея.

Итак, Одиссей пошел своей дорогой, но когда он вошел во двор Евмея в своей изодранной одежде, собаки набросились на него с громким лаем, пока свинопас не отогнал их и не отвел незнакомца в свое жилище, где постелил ему мохнатую козью шкуру, чтобы он мог лечь. "Ты любезно принял меня, - сказал Одиссей. - боги даруют тебе взамен то, чего желает твое сердце". Тогда Евмей печально ответил: "Друг мой, я не могу презирать чужеземца, даже

если он еще беднее и подлее меня, ибо это Зевс посылает к нам бедняка и попрошайку. Воистину, я мало что могу дать, ибо так бывает с рабами, когда молодые вожди господствуют в стране. Но далеко тот, кто сильно любил меня и отдал мне все мое состояние. Я хотел бы, чтобы весь род Елены был стерт с лица земли, ибо именно ради нее мой учитель отправился сражаться с троянцами в Илионе".

Затем Евмей поставил перед ним мясо и вино. "Это всего лишь домашняя еда, - сказал он, - и скудная настойка, но вожди, которые толпятся вокруг жены моего господина, едят весь жир этой земли. У них была храбрая жизнь, потому что богатыми были сокровища, которые мой хозяин оставил в своем доме, когда отправился мстить за обиды, причиненные Елене".

"Назови мне имя твоего хозяина, друг", - попросил незнакомец. "Если он действительно был таким богатым и великим, я, возможно, смогу кое-что рассказать вам о нем, потому что я был странником во многих странах". "Да какой от этого прок?" - ответил свинопас. - Многие бродяги приходят сюда с выдуманными историями к жене моего хозяина, которая жадно слушает их, надеясь вопреки всему. Нет, он, должно быть, давным-давно умер; но мы все еще любим Одиссея и называем его нашим другом, хотя он очень далеко. "Нет, на этот раз ты ошибаешься, - сказал незнакомец, - ибо я действительно знаю Одиссея, и я клянусь тебе, что солнце не закончит своего путешествия по небу до возвращения твоего господина". Но Евмей покачал головой. "Мне нечего дать тебе за твои новости. Я уверен, что Одиссей не вернется. Не говори больше о нем, ибо мое сердце сжимается, когда кто-либо заставляет меня вспомнить о друге, которого я потерял. Но как тебя зовут, друг, и откуда ты родом?"

Тогда Одиссей побоялся открыться, поэтому рассказал ему длинную историю о том, как он пришел с Крита и был сделан рабом в Египте, как спустя много лет Феникс привел его в пурпурную страну, как Фидон, вождь феспротийцев, показал ему сокровища Одиссея и как, наконец, он попал в руки разбойников, которые одели его в нищенские лохмотья и оставили на берегу Итаки. Но Евмей по-прежнему не верил. "Я не могу поверить твоему рассказу, мой друг, когда ты говоришь мне, что Одиссей жил в земле Феспротий. Я был сыт по горло подобными новостями с тех пор, как пришел эолийец и сказал мне, что видел его на Крите с Идомениеем, чинившим корабли, пострадавшие от шторма, и что он снова приедет к себе домой до окончания того лета. С тех пор прошло много лет, и если я все еще приветствую тебя, то это не из-за твоих ложных вестей о моем учителе". "Хорошо, - сказал Одиссей, - я заключу с тобой завет. Если он вернется в этом году, ты оденешь меня в добротные одежды и отправишь домой, в Дулихион, если нет, прикажи своим людям сбросить меня со скал, чтобы нищие научились не лгать. "Нет, как я могу это сделать, - сказал Евмей, - когда ты ел хлеб в моем доме? Услышит ли Зевс когда-нибудь еще мою молитву?" Не рассказывай мне больше никаких лживых историй, и давай поговорим как друзья.

Тем временем Телемах был далеко, в Спарте, куда он отправился искать своего отца, Одиссея, если, может быть, ему удастся найти его; и однажды ночью, когда он без сна лежал на своем ложе, Афина встала перед ним и предупредила, чтобы он поспешил домой. "Поклонники пожирают твое состояние и подстерегают, чтобы убить тебя до того, как корабль достигнет Итаки; но боги, которые охраняют тебя, избавят тебя от них, и когда ты прибудешь на сушу, отправляйся прямо в дом Евмая".

Затем утром Телемах попрощался с Менелаем, и белокурая Елена вложила в его руки прекрасное одеяние, сотканное ее собственными руками. "Возьми это, - сказала она, - в память о Елене и подари своей невесте, когда настанет день твоей свадьбы". Итак, они отправились из Спарты и прибыли в Пилос, и там, когда Телемах приносил жертву, мудрый провидец Феоклимен стоял рядом с ним и спросил его о его имени и расе, и когда он узнал, что он сын Одиссея, он умолял Телемаха взять его с собой на корабль, ибо он убил человека в

Аргосе и бежал от мстителя за кровь. Итак, Феоклимен, провидец, прибыл с Телемахом в Итаку.

Затем Одиссей снова попытался заручиться дружбой Евмая, и когда трапеза закончилась, он сказал: "Завтра рано утром я должен отправиться в дом Одиссея. Поэтому пусть кто-нибудь проводит меня туда. Может быть, Пенелопа прислушается к моим вестям, и женихи подадут старику милостыню. Ибо я умею хорошо служить, друзья мои, и никто не умеет разжигать огонь, подбрасывать дрова или подавать кубок с вином более ловко, чем я. Но Евмей рассердился и резко сказал: "Почему бы тебе не остаться здесь? Ты не раздражаешь ни меня, ни моих друзей, и когда Одиссей вернется домой, будь уверен, что он даст тебе пальто, накидку и все остальное, что тебе может понадобиться. И нищий сказал: "Да вознаградит тебя Бог, добрый друг, за то, что ты помог незнакомцу", - и спросил его, живы ли еще отец и мать Одиссея. Затем Евмей рассказал ему, как его мать зачахла и умерла после того, как Одиссей отправился в Илион, и как Лаэрт дожил до жалкой старости.

Но корабль Телемаха уже достиг берега, и он послал нескольких своих людей сказать Пенелопе, что ее сын вернулся, а сам отправился в дом Евмая. Свинопас действительно был рад увидеть его, потому что ему и в голову не пришло снова взглянуть ему в лицо. И Телемах спросил: "Моя мать все еще в своем доме, или она вышла замуж за другого, и покрыто ли брачное ложе Одиссея паутиной?" "Нет, она все еще в своем доме, - сказал Евмей, - но день и ночь она проливает горькие слезы в своем безутешном горе". Тогда Телемах заметил нищего; и когда он узнал его историю от Евмая, он встревожился. "Что нам с ним делать? Должен ли я дать ему плащ и шпагу и отослать его прочь? Я боюсь привести его в дом моего отца, потому что поклонники могут насмеяться над ним". Тогда нищий вставил свое слово: "Воистину, эти поклонники встречаются нам на каждом шагу. Как все это происходит? Вы уступаете им по собственной воле, или люди ненавидят вас, или вы ссоритесь со своими родственниками? Если бы в этих моих иссохших руках была сила их молодости, вскоре некоторые из этих претендентов ответили бы за свои проступки; и если бы их было слишком много, чтобы я мог справиться с ними, лучше умереть, чем видеть, как они пожирают землю". - Нет, друг, твои догадки неверны, - сказал Телемах. "Народ не ненавидит меня, и у меня нет вражды со своими сородичами; но эти поклонники слетелись к нам, как пчелы, со всей округи".

Вскоре Евмей встал, чтобы пойти с вестью к Пенелопе, и когда он ушел, великолепная фигура предстала перед дверью, но глаза только Одиссея видели ее, и он знал, что это была Афина Паллада. "Время пришло, - сказала она. - покажись Телемаху и приготовься вместе с ним к великому мщению". Затем Афина провела своим золотым посохом по его телу, и тотчас же его изодранные одежды превратились в белую и блестящую мантию. Юный румянец снова вернулся на его щеки, и золотые локоны рассыпались по плечам, так что Телемах изумился и сказал: "Кто ты такой, чужеземец, что похож на одного из светлых богов? Но теперь одежда твоя была разорвана, а руки твои тряслись от старости". "Нет, я не бог, - ответил человек многих трудов и печалей, - я твой отец". Тогда Одиссей поцеловал своего сына, и слезы потекли у него по щекам, но Телемах не поверил. "Люди не меняются так, - сказал он, - от возраста к юности, от убожества и слабости к силе и великолепию". "Это дело рук Афины, - сказал незнакомец, - которая может сделать все свежим и прекрасным, и если я не Одиссей, никто другой никогда не придет на Итаку". Тогда Телемах обнял своего отца и заплакал, и их плач раздался вместе, и Одиссей сказал: "Приближается время мести. Сколько этих претендентов? "Их можно назвать десятками, - сказал Телемах, - и что такое двое против стольких?" "Их достаточно, - ответил Одиссей, - если только Зевс и Афина будут на их стороне".

Затем Телемах отправился в дом Одиссея, где женихи были сильно разочарованы, потому что их посланцы не смогли убить его. И Пенелопа вышла из своей комнаты, прекрасная, как Артемида и Афродита, и поцеловала своего сына, который рассказал ей, как он отправился в Спарту, тщетно разыскивая своего отца. Но Феоклимен, провидец, замолвил словечко и сказал: "Одиссей сейчас в Итаке и готовится ко дню великого мщения".

Вскоре Евмей вернулся в свой дом и там нашел нищего, потому что Одиссей снял свою блестящую одежду, и сияние юности снова исчезло с его лица. И они вместе отправились в город и сели у прекрасного источника, к которому люди приходили за водой, и Мелантий, пастух коз, когда он гнал стадо для женихов, заметил их и осудил. "Воры любят воров, говорят они; где ты нашел этого бродягу, друг свинопас?" и он толкнул Одиссея пяткой. Тогда Одиссей разгневался и хотел убить его, но тот сдержался, и Евмей громко помолился нимфам, чтобы они вернули его господина домой. И Мелантий сказал: "Молись дальше, как хочешь, но Телемах скоро ляжет на дно, ибо Одиссей больше не увидит Итаку". Затем он погнал коз дальше, к дому Одиссея, а Евмей и нищий последовали за ним, и когда они беседовали по дороге, свинопас велел ему войти первым в дом, чтобы кто-нибудь, обнаружив его снаружи, не мог насмехаться над ним или причинить ему боль. Но нищий не захотел. "Много тяжелых испытаний выпало мне на суше и на море, - сказал он, - и я не скоро паду духом". Вскоре они стояли перед дверью, и потрепанный возрастом пес попытался подняться и поприветствовать его, но силы покинули его, и Одиссей заплакал, когда увидел своего пса Аргоса в таком ужасном положении. Затем, повернувшись к Евмаю, он сказал: "Пес приятной формы. Был ли он быстрым и сильным в молодости?" - Во время погони от него никогда ничего не ускользало, но сейчас о нем некому позаботиться. Это не имело значения, потому что двадцать долгих лет подошли к концу, и когда Аргос еще раз увидел своего хозяина, он опустил на солому и умер.

Затем Одиссей вошел в свой дом и, стоя нищим в своем собственном зале, попросил милостыню у Антиноя. "Дай, - сказал он, - ибо ты выглядишь как Король, и я разнесу твое имя по всей земле. Ибо я тоже когда-то был богат, и у меня был славный дом, и часто я помогал страннику; но Зевс отнял все мое богатство и изгнал меня на Кипр и в Египет". Но Антиной оттолкнул его в сторону. - Что это за зараза? - спросил он. - Отойди, старик, или ты снова отправишься в Египет и на Кипр, которые тебе не очень понравятся. Тогда Антиной ударил его по спине, но Одиссей стоял твердо, как скала, и покачал головой, предвкушая грядущую месть. Но другие рассердились и сказали: "Ты совершил дурное дело, если действительно есть бог на небесах; более того, часто сами боги в облике чужеземцев ходят по земле, наблюдая за злом и добром".

Когда эта весть была доведена до Пенелопы, она сказала Евмаю: "Пойди и позови сюда этого незнакомца, потому что, возможно, он может что-нибудь рассказать мне об Одиссее". Но нищий тогда не захотел уходить. "Скажи ей, - сказал он, - что я хорошо знаю ее мужа и что я разделял его беды; но я не могу поговорить с ней до захода солнца. Вечером она увидит меня".

Затем, когда Одиссей насытился в зале, к нему подошел нищий Арней, которого женихи называли Ирос, потому что он был их вестником, и он сказал: "Вставай, старик, и иди, ибо вожди приказали мне изгнать тебя; но я предпочел бы, чтобы ты ушел по своей собственной воле". Но Одиссей сказал: "Нет, друг, здесь достаточно места для нас обоих. Ты такой же нищий, как и я, и давай молить богов помочь нам; но не поднимай на меня руки, чтобы я не разгневался и не ударил тебя; ибо, если я это сделаю, ты, как я понимаю, не захочешь снова приходить в дом Одиссея, сына Лаэрта. Но Айрос презрительно посмотрел на него и сказал: "Послушай, как этот бродяга разговаривает, совсем как старая печница. А теперь иди и

приготовься, и давай посмотрим, кто из нас сильнее". Тогда Антиной, который слышал, как они ссорились, приятно улыбнулся и крикнул другим претендентам: "Смотрите, незнакомец и Ирос бросают вызов друг другу. Давайте соберем их вместе и посмотрим". Но Ирос в страхе отпрянул, когда нищий поднялся, и успел нанести только один слабый удар, когда Одиссей повалил его на землю. Тогда все женихи подняли руки и чуть не умерли от смеха, когда незнакомец потащил Айроса из зала и сказал: "Не вмешивайся больше в дела других мужчин, чтобы с тобой не случилось чего похуже". Тогда Одиссей подобрал свою изодранную одежду, вышел и снова сел на пороге, в то время как поклонники громкими возгласами восхваляли его подвиг, а Амфиномий протянул ему кубок розового вина: "Пей, чужеземец, и пусть тебе сопутствует удача в будущем, ибо сейчас твоя участь достаточно тяжела и мрачна". Добрые слова тронули сердце нищего, и он сказал: "Послушай моего совета, Амфиномус, и доверься мне, который перенес много горестей и печалей и скитался по многим землям с тех пор, как Зевс изгнал меня из моего дома. Отойди от этих злых людей, которые растрачивают чужое имущество, и не обращай внимания на грядущие беды, когда Одиссей снова предстанет в доме своего отца". Но Амфиномий и слышать не хотел, ибо Афина обрекла его на гибель в день великого мщения.

Итак, посмеиваясь над нищим, спокойно сидевшим на пороге, женихи пировали за пиршественным столом Одиссея, пока на небе не появились звезды. Но когда они ушли спать, Одиссей велел Телемаху собрать их оружие и отнести во внутреннюю комнату. И они несли копья, щиты и шлемы, в то время как Афина шла впереди с золотым светильником в руке, чтобы освещать путь. И Телемах сказал: "Несомненно, здесь должен быть кто-то из благословенных богов, отец мой, ибо стены, балки и колонны сверкают так, словно полны глаз, пылающих огнем". Но Одиссей велел ему замолчать и поспать, и Телемах пошел своей дорогой, а Одиссей задержался, чтобы посоветоваться с Афиной о предстоящем возмездии.

Затем, когда он сидел один в зале, Пенелопа вышла из своей комнаты, чтобы послушать, что незнакомец может рассказать ей об Одиссее. Но прежде чем она заговорила, Меланто обругала его так же, как ее отец Мелантий обругал его у фонтана, и Одиссей сказал: "Ты презираешь меня за то, что мои одежды порваны, а лицо покрыто морщинами старости и горя? Что ж, я тоже был молод и силен. Тогда смотри, чтобы с тобой не произошла перемена, когда Одиссей вернется в свой дом. Тогда Пенелопа прямо спросила его: "Кто ты, незнакомец, и откуда ты пришел?" И нищий сказал: "Не проси меня, ибо у меня были тяжкие неприятности, и мысль обо всех моих горестях вызовет слезы на моих глазах, так что ты можешь подумать, что я сошел с ума от горя". Но Пенелопа убеждала его: "Послушай меня, старик. Моя красота поблекла, когда Одиссей покинул меня, чтобы отправиться в Илион, и моя жизнь была полна горя с тех пор, как вокруг меня столпились женихи, потому что моего мужа, как они говорили, больше не было на земле. Поэтому я молила их позволить мне соткать саван для Лаërта и каждую ночь расплетала паутину, которую сплела днем. Так прошло три года, но на четвертый женихи разгадали мою уловку, и я не знаю, как дальше избегать брака, который я ненавижу. А потому скажи мне, кто ты такой, ибо ты не вырос взрослым человеком из дерева или камня". Затем Одиссей пересказал ей историю, которую он рассказал свинопасу Евмаю, и глаза Пенелопы наполнились слезами, когда незнакомец рассказал о подвигах Одиссея. "Добрый друг, - сказала она, - твои добрые слова успокаивающе звучат в моих ушах. Здесь ты будешь жить, и я дам тебе одежду, которую я предназначал для того, кто больше не вернется ко мне". Но Одиссей не принял этого и старался утешить ее, пока, наконец, не поклялся ей, что до конца года ее муж предстанет перед ней.

И вот, по приказу Пенелопы, его старая няня Эвриклея принесла воды, чтобы омыть ему ноги, и, пристально посмотрев на него, сказала: "Много чужеземцев приходило в этот дом, но ни один из них не был так похож ни фигурой, ни голосом на моего ребенка Одиссея", - и незнакомец ответил, улыбаясь: "Большинство людей, видевших нас обоих, отметили сходство". Тогда она опустилась на колени, чтобы омыть ему ноги, но Одиссей, насколько мог, отвернулся от огня, так как боялся, что она увидит след от раны, нанесенной бивнем кабана давным-давно, когда он отправлялся на Парнас. Но он тщетно старался. Ибо вскоре она увидела шрам и отпустила его ноги, и вода пролилась на землю, когда она закричала: "Это Одиссей, и я не узнала его, пока не увидела отпечаток смертельной раны, которую Автолик исцелил своей чудесной силой". Тогда Одиссей велел ей замолчать, ибо Афина притупила слух Пенелопы, чтобы она не слышала, а он не хотел, чтобы кто-нибудь узнал, что вождь вернулся в свой дом.

СТАРИННАЯ ГРАВЮРА НА МЕТАЛЛЕ.

Итак, все ушли, и Одиссей один остался в зале в тихие ночные часы. Но когда наступило утро, женихи снова пировали за пиршественным столом и много раз поносили нищего и Телемаха, пока Пенелопа не принесла лук, который Ифит, сын Эврита, подарил Одиссею. Затем она встала перед вождями и сказала: "Тот, кто из вас сможет натянуть этот лук, станет моим мужем, и с ним я покину дом, который я любила и который я все еще буду видеть в своих снах". Но когда Антиной увидел это, сердце его дрогнуло, ибо он знал, что никто никогда не натягивал лук, кроме одного Одиссея, и он предупредил претендентов, что это сильно отнимет у них силы. Тогда Телемах хотел испытать лук, но отец не позволил ему этого. Тогда Лейодес взял его в руку и тщетно пытался растянуть, пока, наконец, в ярости не отбросил его и не сказал: "Пенелопа должна найти себе другого мужа, потому что я не тот мужчина". Но Антиной отругал его за малодушие и велел Мелантию принести жира, чтобы намазать лук и сделать его гибким; но даже при этом они тщетно пытались растянуть его.

Тогда Одиссей вышел во двор, куда до него ушли пастух и свинопас, и сказал им: "Друзья, намерены ли вы помочь Одиссею, если он внезапно придет в свой дом, или вы примете участие в людях, которые пожирают его имущество?" И они оба поклялись, что будут сражаться за своего господина до смерти. Тогда Одиссей сказал: "Я тот человек, который после тяжких страданий вернулся на двадцатом году жизни в свою страну; и если ты сомневаешься, посмотри, вот шрам от раны, нанесенной мне кабаньим клыком, когда я ходил на Парнас в дни моей юности". Когда они увидели шрам, они бросились обнимать Одиссея, целовали его в голову и плечи и плакали, пока он не сказал: "Останьтесь, друзья, чтобы никто не увидел нас и не рассказал женихам в доме. А теперь послушай меня. Эти люди не позволят мне взять лук; так что ты, Евмей, отдай его в мои руки, и пусть Филоитий запрет ворота внутреннего двора. Но в зале Эвримах застонал от досады, потому что не мог натянуть лук; и он сказал: "Дело не в том, что я люблю Пенелопу, потому что есть много ахейских женщин, таких же прекрасных, как она; но в том, что все мы так слабы по сравнению с Одиссеем". Тогда нищий стал умолять их, чтобы он тоже попробовал и посмотрел, сохранилась ли в нем сила его юности или долгие странствия отняли силу у его рук. Но Антиной сказал: "Старик, вино причинило тебе вред; и все же лучше выпить еще больше, чем сражаться с людьми, которые лучше тебя". Тогда Пенелопа сказала: "Чего ты боишься, Антиной? Не терзай себя мыслью, что нищий уведет меня как свою невесту, даже если он сумеет натянуть лук Одиссея. "Нет, госпожа, - ответил он, - дело не в этом; но я боюсь, как бы ахейцы не сказали: "Женихи не смогли натянуть лук, но пришел бродячий нищий, который сделал то, что они тщетно пытались сделать".

Тогда свинопас взялся за лук, но женихи велели ему снова положить его, пока, наконец, Телемах не велел Евмаю отнести лук Одиссею; и когда свинопас вложил его в руки нищего, Эвриклея закрыла двери зала и закрепила их корабельными тросами. Затем, когда Одиссей поднял лук, в небесах прогремел гром, и сердце его возрадовалось, потому что Зевс дал ему знак его великой победы. Вскоре стрела соскочила с тетивы, и Антиной мертвым распростерся на полу.

Тогда остальные заговорили в великом гневе и сказали: "Сегодня стервятники растерзают твою плоть, потому что ты убил величайшего вождя Итаки". Но они не знали, когда говорили так, что настал день великого мщения; и голос Одиссея был слышен сквозь всеобщий шум, когда он сказал: "Несчастные, неужели вы воображали, что я никогда больше не буду стоять в своем собственном чертоге? Вы растратили мое состояние, вы пытались украсть у меня жену, вы не боялись ни богов, ни людей, и это день вашего рока". Щеки женихов смертельно побледнели от страха; но один Эвримах набрался храбрости и сказал Одиссею, что Антиной совершил это злодеяние только потому, что хотел убить Телемаха и стать царем Итаки вместо Одиссея. "Тогда пощади остальных, ибо они - твой народ, и мы заплатим тебе большой выкуп". Но Одиссей сурово посмотрел на него и сказал: "Этот дом, полный серебра и золота, не остановит моей руки в день моего великого мщения".

Тогда Эвримах обнажил свой меч и приказал своим товарищам храбро сражаться за свои жизни; но снова послышался лязг лука, и Эвримах безжизненно распростерся на земле. Так они падали один за другим, пока пол зала не стал скользким от крови. Но вскоре все стрелы в колчане Одиссея были израсходованы, и, прислонив лук к стене, он взвалил на плечо большой щит, надел на голову шлем и взял в руку два копья. Тогда Агелай крикнул Мелантию: "Поднимись к лестнице и крикни людям, чтобы они ворвались в зал и спасли нас". Но Мелантий сказал: "Этого не может быть, потому что он находится рядом с воротами зала, и один человек может охранять его против сотни. Но я принесу тебе оружие, ибо знаю, что Одиссей и его сын спрятали его во внутренних покоях. Он поспешно побежал туда и принес

щиты, копья и шлемы, и сердце Одиссея дрогнуло от страха, когда он увидел женихов, облачающихся в доспехи и размахивающих копьями. "Кто это сделал?" - спросил он, и Телемах ответил: "Это моя вина, отец мой. Я оставила дверь приоткрытой, но Евмей пойдет и посмотрит, помогал ли кто-нибудь из женщин женихам, или, как я думаю, это Мелантий. Итак, Евмей и пастух встали по одну сторону двери в комнату, и когда Мелантий вышел с оружием для вождей, они схватили его и, связав толстыми веревками, подняли на балки и оставили болтаться в воздухе. - Будь на страже там, Мелантий, всю ночь напролет в своем воздушном гамаке, и когда золотое Утро вернется из океанских вод, ты не преминешь увидеть ее.

Но в зале толпа поклонников стояла лицом к лицу с Одиссеем и Телемахом в смертельной ярости, и вскоре Афина предстала перед ними в образе Наставницы. Тогда все стали умолять ее о помощи, а женихи угрожали ей и говорили: "Не сбивайся с пути истинного, Наставница, словами Одиссея, ибо, если ты встанешь на его сторону, мы не оставим тебе ни дома, ни земель, ни жены, ни детей, когда отомстим за злодеяния сына Лаэрта". Но гнев Афины разгорелся еще сильнее, и она сказала: "Где твоя сила, Одиссей? Много лет троянцы падали под ударами твоего меча, и благодаря твоей мудрости ахейцы штурмовали стены свежего Илиона. И теперь ты стоишь, дрожа, в своем собственном чертоге? Затем образ Ментора исчез, и они увидели ласточку, улетающую над деревом на крыше. В великом страхе женихи собрали совет, и шестеро из них выступили вперед и метнули свои копья в Одиссея и Телемаха. Но все промахнулись, за исключением Амфимедонта и Ктесиппа, которые ранили Телемаха в запястье и Евмая в плечо.

Но снова появилась Афина, и на этот раз она высоко подняла свой ужасный Эгис перед глазами женихов, и сердца всех упали в обморок от страха, так что они сбились в кучу, как скот, услышавший рев льва, и, как скот, были убиты, и пол зала был залит кровью.

Так закончилась резня, и в доме Одиссея воцарилась тишина, более страшная, чем шум битвы, ибо свершилось дело великого отмщения.

Но Пенелопа лежала на своем ложе в сладком сне, который послала Афина, чтобы утолить ее горе, и она не услышала шагов Эвриклеи, когда та радостно вбежала в комнату. "Вставай, дорогое дитя, вставай. Исполнилось желание твоего сердца. Одиссей снова стоит в своем собственном доме, женихи мертвы, и не осталось никого, кто мог бы досадить тебе". Но Пенелопа не могла поверить от радости и страха, даже когда Эвриклея рассказала ей об укусе кабана, который исцелили Автолик и его сыновья. "Пойдем, дорогая няня, - сказала она, - посмотрим на тела вождей и человека, который их убил". Тогда она спустилась в зал и села напротив Одиссея, но не произнесла ни слова, и Одиссей тоже сидел молча. И Телемах сказал своей матери: "Разве ты не рада моему отцу, который перенес столько горестей с тех пор, как Зевс забрал его из дома двадцать долгих лет назад?"

И Пенелопа сказала: "Дитя мое, я не могу говорить, ибо сердце мое как камень внутри меня; но если это действительно Одиссей, то есть тайные знаки, по которым мы узнаем друг друга". Но когда она велела Эвриклее приготовить ложе, стоявшее снаружи комнаты для новобрачных, Одиссей поспешно спросил: "Кто передвинул ложе, которое я сделал своими руками, когда я делал комнату вокруг оливкового дерева, которое росло во дворе? Едва ли смертный мог сдвинуть его с места, потому что он был тяжел из золота, слоновой кости и серебра, а на него я постелил бычью шкуру, поблескивающую пурпуровой краской".

Тогда Пенелопа заплакала от радости, бросившись в его объятия; ибо теперь она знала, что это действительно был Одиссей, вернувшийся на двадцатом году. Долгое время они плакали

в объятиях друг друга; но проницательная Афина сдерживала ярких и сверкающих коней утра, чтобы день не вернулся слишком рано.

Тогда прекрасная Эвринома помазала Одиссея и облачила его в царское одеяние; и Афина вернула ему всю его древнюю красоту, как тогда, когда он в юности отправлялся в Илион. Так они сидели вместе при свете пылающих факелов, и Пенелопа услышала от Одиссея историю его горестей и странствий, и она рассказала ему о своих собственных горестях, в то время как он был далеко в Илионе, мстя за обиды и горести Елены. Но, несмотря на всю свою глубокую радость и безмятежный покой, Одиссей знал, что это не место его отдыха.

"Должно прийти время, - сказал он, - когда я должен буду отправиться в страну, где нет моря; но провидец, который поведал мне о том, что должно произойти, сказал, что мой последний час будет полон света и что я оставлю свой народ счастливым".

И Пенелопа сказала: "И все же мы можем радоваться, муж мой, что ушли ненавистные вожди, которые омрачали твой дом и пожирали твоё имущество, и что я снова держу тебя в своих объятиях. Двадцать лет Зевс не желал мне этого глубокого счастья, но никогда мое сердце не отворачивалось от тебя, и ничто не могло помешать тебе прийти снова, чтобы порадовать мое сердце, как в утро нашей жизни и веселья".

СОЛОН.

(636 г. до н. э.)

ВОСПОМИНАНИЕ ПОСЛЕ СМЕРТИ.

Пусть смерть неумелой, не заслуженной не будет
Печальной судьбой, уготованной мне!
Но те, кто любил меня при жизни, когда я умру,
Все еще с любовью хранят о мне самые дорогие воспоминания.

ИСТИННОЕ СЧАСТЬЕ.

(Автор Солон.)

Человек, который хвастается золотыми запасами,
зерном, которое нагружает его стонущие полы,
полями, покрытыми свежей зеленой травой,
Где видны скачущие кони и стада,
я считаю не более счастливым, чем мужчина,
Чьи конечности здоровы, чья пища проста,
Чьи радости вызывает любовь цветущая жена,
Чьи часы радуется улыбающееся потомство.

СОФОКЛ.

Софокл родился в Афинах в 495 году до н.э. Его отец, хотя и был бедным механиком, обладал достаточной проницательностью, а также великодушием, чтобы дать своему сыну превосходное образование, чьи великие способности рано начали проявляться и привлекли внимание первых граждан Афин. Не дожив до двадцати пяти лет, он выиграл приз в драматическом состязании со своим старшим, Эсхилом, и его последующая карьера соответствовала этому великолепному началу. Говорят, что он сочинил сто двадцать

трагедий, двадцать четыре раза получал первую премию и в других случаях занимал второе место в списке соревнующихся поэтов. Столь превосходным было его поведение, столь величественной была его мудрость, столь утонченными были его поэтические способности, столь редким было его мастерство во всех изящных искусствах и столь непрерывным было его процветание, что греки считали его особым любимцем небес. Он жил в первом городе Греции и в ее лучшие времена вызывал восхищение и любовь, доходящие до благоговения. Он умер в глубокой старости, без болезней и страданий, и его оплакивали с такой искренностью и глубиной скорби, какие не проявлялись при смерти ни одного другого гражданина Афин.

ГЕРОДОТ.

О знаменитом историке Геродоте известно едва ли больше, чем о прославленном поэте Гомере. Он родился в Малой Азии около 484 года до нашей эры

Получив хорошее образование, он начал тот курс терпеливых и наблюдательных путешествий, который должен был прославить его имя как туриста-философа и историка. Берега Геллеспонта, Скифии и Эвксинского моря; Эгейские острова; Сирия, Египет, Палестина, Колхида, северные районы Африки, Экбатана и даже Вавилон были объектами его неустанных исследований. Вернувшись из своих путешествий примерно через двадцать лет, он на некоторое время поселился на Самосе, где написал девять книг о своих путешествиях по этим странам.

Очарование трудов Геродота заключается в серьезности человека, который описывает страны как очевидец, а события - как человек, привыкший участвовать в них. Жизнь, колоритность, энергия авантюриста и странника сквозят на каждой странице. У него нет ни одного из определяющих качеств, которые рождаются из скрытности. Он рисует историю, а не рассуждает о ней; он окрашивает все, что описывает, умом, бессознательно поэтическим. То солдат, то священник — то патриот - он всегда поэт, хотя и редко философ. Он повествует как свидетель, в отличие от Фукидида, который подводит итоги как судья. Ни один писатель никогда так красиво не применял суеверия к истинам. Сама его доверчивость имеет свою собственную философию; и современные историки поступили неразумно, пренебрегая случайным повторением даже его басен. Ибо если его истины описывают события, то его басни рисуют нравы и мнения того времени; и последние дополняют историю, события которой являются лишь скелетом.

Чтобы объяснить частое использование им диалогов и драматический эффект повествования, мы должны вспомнить суд, которому подвергся труд Геродота. Каждый автор, сам того не сознавая, ориентируется на вкусы тех, к кому обращается. Ни маленький кружок ученых, ни скрупулезные и критически настроенные исследователи не подвергались испытанию, которому подвергся Геродот. Его хроники не были диссертациями, над которыми следовало холодно размышлять и скептически относиться; их читали вслух на торжественных празднествах перед тысячами слушателей: они должны были пробудить любопытство, потешить нетерпение, возбудить удивление в живой и разношерстной толпе. Таким образом, историк естественным образом впитал дух рассказчика, поскольку был вынужден приукрасить свою историю романтической легендой — ужасным суеверием - сплетничающим анекдотом, — которые до сих пор характеризуют рассказы популярного устного беллетриста на мусульманских базарах или на морских песках Сицилии. И все же справедливо было сказано, что рассудительного читателя Геродот нелегко ввести в заблуждение в важных деталях. Его описания местности, нравов и обычаев исключительно точны, и путешественники до сих пор могут проследить следы его верности.

Немногие просвещенные туристы могут посетить Египет, Грецию и регионы Востока, не поражаясь точности, трудолюбию и терпению Геродота. Записать все факты, подтвержденные путешественниками, проиллюстрированные художниками и дополненные учеными исследованиями, было бы почти невозможно; эта золотая жила была найдена в таком изобилии, что чем больше исследуется ее природных сокровищ, тем более ценными они кажутся. Оазис Сива, который посетили Браун, Хорнеманн, Эдмонстон и Минутуоли; гравюры последнего, демонстрирующие тождество бога Амона и бога Фив; египетский способ ткачества, подтвержденный рисунками Уилкинсона и Минутуоли; фонтан солнца, который посетил Бельцони; одна из стел Сесостриса, которую Геродот видел в Сирии и узнал по дороге в Бейрут, на которой до сих пор сохранился иероглиф Ремезеса. разборчиво; замешивание теста, нарисованное со скульптуры в Фивах Уилкинсоном; одежда низших классов того же автора; чудеса египетской архитектуры в Эдфу; открытие Кайо Мероз в глубинах Эфиопии; эти и множество других блестящих свидетельств сосредоточивают свои некогда расходящиеся лучи в едином потоке света на храме гения, воздвигнутом Геродотом, и отображают богиню Истины, заключенную внутри.

Ниже приведены основные сюжеты его девяти книг, которые были названы в честь девяти муз:—

Книга I. Клио.—Передача Лидийского царства от Гигеса Кресу.—меньшинство Кира.—его свержение лидийской державы.—растущее величие Афин и Лакедемонян.

Книга II. Эвтерпа.—Диссертация о Египте—египетские обычаи и королевская преемственность этой империи.

Книга III. Талия.—Достижения Камбиза — его полное подчинение Египту—избрание Дария Гистаспа на персидский трон, затем освободившийся из-за убийства самозванца Смердиса.

Книга IV. Мельпомена.Полное повествование о катастрофических походах персов против скифов в царствование Дария Гистаспа.

Книга V. Терпсихора.—Политический прогресс Лакедемонян, Афин и Коринфа — представление об их относительных ресурсах во времена Дария—изгнание Гиппия из Афин.

Книга VI. Эрат.—Происхождение лакедемонянских царей—причины враждебности Дария к Греции—первое вторжение персов в Элладу—Марафонская битва.

Книга VII. Полигимния.—Приготовления и грандиозный поход Ксеркса в Грецию—битва при Фермопилах.

Книга VIII. Урания.—Дальнейшие успехи персидского оружия—Захваченные и сожженные Афины—поражение персов на море-битва при Саламине.

Книга IX. Каллиопа.—Поражение персов при Платеях —поражение у мыса Микале и их полное отступление в пределах своей территории.

КРОКОДИЛ.

(Автор Геродот.)

Ниже приведены особенности крокодила: в зимние месяцы они ничего не едят; они четвероногие и безразлично живут на суше или в воде. Самка откладывает и высиживает яйца на берегу, проводя большую часть дня на суше, но ночью удаляется в реку, вода в

которой теплее ночного воздуха и росы. Из всех известных животных это то, которое из самого маленького размера вырастает в самое большое, поскольку яйцо крокодила лишь немногим больше гусиного, а молодой крокодил пропорционален яйцу, однако, когда оно полностью вырастает, животное часто достигает семнадцати локтей и даже больше. У него глаза свиньи, зубы крупные и похожие на бивни, размер пропорционален его телосложению; в отличие от любого другого животного, у него нет языка; оно не может двигать нижней челюстью, и в этом отношении оно также уникально, поскольку является единственным животным в мире, которое двигает верхней челюстью, но не нижней. У него сильные когти и чешуйчатая кожа, непроницаемая на спине. В воде он слеп, но на суше у него очень острое зрение. Поскольку крокодил обитает главным образом в реке, внутренняя часть его рта постоянно покрыта пиявками, поэтому так получается, что, в то время как все другие птицы и звери избегают его, с трохилусом он живет в мире, поскольку многим обязан этой птице, ибо крокодил, когда он покидает воду и выходит на сушу, имеет привычку лежать с широко открытой пастью, лицом к западному бризу; в такие моменты трохилус залезает ему в рот и пожирает пиявок. Это приносит пользу крокодилу, который доволен и заботится о том, чтобы не повредить трохилус.

Одни египтяне почитают крокодила священным, другие относятся к нему как к врагу. Те, кто живет недалеко от Фив, и те, кто обитает вокруг озера Мерис, относятся к ним с особым почтением. В каждом из этих мест они держат по особому крокодилу, которого учат быть ручным и покладистым. Они украшают его уши серьгами из расплавленного камня или золота и надевают браслеты на передние лапы, ежедневно давая ему определенную порцию хлеба с определенным количеством жертвоприношений; и, после того как при жизни они обращались с ним с максимально возможным вниманием, они бальзамируют его, когда он умирает, и хоронят в священном хранилище. Жители Элефантины, с другой стороны, настолько далеки от того, чтобы считать этих животных священными, что даже едят их мясо.

Способов ловли крокодила много и они разнообразны. Я опишу только тот, который кажется мне наиболее достойным упоминания. Они насаживают на крючок кусок свинины и позволяют вынести мясо на середину ручья, в то время как охотник на берегу держит живую свинью, которую он потрошит. Крокодил слышит ее крики и, направляясь на звук, натывается на свинину, которую мгновенно проглатывает. Мужчины на берегу ловят рыбу, и когда они вытаскивают ее на сушу, первое, что делает охотник, - это залепляет ему глаза грязью. После выполнения этого с животным легко справляются, в противном случае оно доставляет большие неприятности.

АРТАБАН ОТГОВАРИВАЕТ КСЕРКСА.

(Автор Геродот.)

Остальные персы молчали, ибо все боялись поднять голос против предложенного им плана. Но Артабан, сын Гистаспа и дядя Ксеркса, доверяя своему родству, осмелился заговорить: "О царь, - сказал он, - невозможно, если высказывается не более одного мнения, сделать выбор в пользу лучшего; тогда человек вынужден следовать любому совету, который ему могут дать, но если произносятся противоположные речи, тогда выбор может быть осуществлен. Точно так же чистое золото само по себе не распознается, но когда мы пробуем его вместе с более неблагородной рудой, мы понимаем, какая из них лучше. Я советовал твоему отцу, Дарию, который был моим родным братом, не нападать на скифов, расу людей, у которых не было города в их собственной земле. Однако он думал покорить эти кочующие племена и не захотел слушать меня, но двинул против них армию, и прежде чем вернулся домой, потерял многих из своих самых храбрых воинов. Ты готовишься, о царь, напасть на народ, намного

превосходящий скифов, на народ, выделяющийся среди других как на суше, так и на море. Поэтому мне следует сказать тебе, какой опасности ты этим подвергаешься. Ты говоришь, что наведешь мост через Геллеспонт и поведешь свои войска через Европу против Греции.

Теперь предположи, что с тобой случится какое-нибудь несчастье на суше или на море, или и то и другое вместе. Может быть, даже так, ибо эти люди слывут доблестными.

Действительно, об их доблести можно судить по тому, что они уже сделали; ибо, когда Датис и Артаферн повели свою огромную армию против Аттики, афиняне в одиночку нанесли им поражение. Но допустим, что они не увенчались успехом по обоим элементам. И все же, если они наберут людей на свои корабли и, победив нас на море, поплывут к Геллеспонту и там разрушат наш мост — это, сир, было бы страшной опасностью. И здесь я догадываюсь о том, что произойдет, не только благодаря уму моей матери, но я помню, как однажды мы чудом избежали катастрофы, когда твой отец, наведя мосты через фракийский Босфор и Истер, выступил против скифов, и они испробовали всевозможные молитвы, чтобы побудить ионийцев, которые охраняли мост через Истер, прорвать проход. В тот день, если бы Гистиейус, царь Милета, встал на сторону других царей и не выступил против их взглядов, персидская империя пришла бы в упадок. Конечно, ужасно даже слышать, что судьба короля полностью зависела от одного человека.

- Тогда не думай больше о том, чтобы подвергаться такой большой опасности, когда в этом нет необходимости, но последуй совету, который я тебе дам. Прервите это собрание, и когда вы хорошенько обдумаете этот вопрос с самим собой и решите, что вы будете делать, объявите нам о своем решении. Я не знаю ничего в мире, что приносило бы человеку столько пользы, как хороший совет с самим собой; ибо даже если дела идут не так, как ты надеялся, все равно советуешь хорошо, хотя фортуна сделала совет бесполезным; тогда как, если человек советует плохо и сопутствует удача, он получил неожиданный доход, но его совет от этого не менее глуп. Видишь ли ты, как Бог Своей молнией всегда поражает крупных животных и не допускает, чтобы они наглели, в то время как те, что поменьше, не раздражают Его? Как точно так же Его стрелы попадают в самые высокие дома и самые высокие деревья? Так явно Он любит рушить все, что возвышает само себя. Таким образом, часто могучее воинство терпит поражение от горстки людей, когда Бог в Своей ревности насылает страх или бурю с небес, и они погибают недостойным их образом. Ибо Бог никому не позволяет иметь высокие мысли, кроме Самого Себя. Опять же, спешка всегда приводит к катастрофам, из-за которых обычно возникают огромные страдания; но в промедлении кроется много преимуществ, не очевидных (это может быть) на первый взгляд, но таких, которые с течением времени видны всем. Итак, таков мой совет тебе, о царь.

"А ты, Мардоний, сын Гобрия, воздержись говорить глупости о греках, которые являются людьми, которых мы не должны легкомысленно уважать. Ибо, понося греков, ты поощряешь царя повести против них свои собственные войска; и это, как мне кажется, именно то, к чему ты особенно стремишься. Пошли Небо, чтобы ты не преуспел в своем желании! Ибо клевета - самое ужасное из всех зол. В ней двое людей поступают несправедливо, и один человек причинил ему зло. Клеветник поступает неправильно, поскольку он оскорбляет человека за его спиной; и слушатель, поскольку он верит в то, что не исследовал досконально. Человек, оклеветанный в его отсутствие, страдает от несправедливости со стороны обоих; ибо один выдвигает против него ложное обвинение, а другой считает его злодеем. Однако, если нам придется воевать с этим народом, по крайней мере, позвольте царю остаться дома, в Персии. Тогда позволь нам с тобой обоим поставить на кон наших детей, и ты выбери своих людей, и, взяв с собой столько войск, сколько захочешь, поведи наши армии на битву. Если дела у короля пойдут хорошо, как ты говоришь, пусть я и мои дети будем преданы смерти; но

если они погибнут, как я пророчествую, пусть пострадают твои дети, и ты тоже, если вернешься живым. Но если ты откажешься от этого пари и все же решишь выступить с армией против Греции, я уверен, что некоторые из тех, кого ты оставишь позади себя, однажды получат печальную весть о том, что Мардоний навлек великое бедствие на персидский народ и стал добычей собак и птиц где-то в стране афинян или же в стране лакедемонян; если, конечно, ты не погибнешь раньше по дороге, испытав на себе мощь тех людей, против которых ты хотел побудить царя начать войну. ."

СОКРАТ.

Сократ родился в Афинах примерно в середине или последней половине апреля 469 года до н.э. Он вызывал больше восхищения и почтения, чем любой другой человек древности или современности. Благодаря своим способностям и чистоте он перешел от варварской софистики к самой чистой форме религии, которая когда-либо была изобретена человеком, она была ближе к религии Христа, чем когда-либо была достигнута смертным прежде. Целью всей его философии было достижение правильных представлений о моральных и религиозных обязательствах.

Хотя Сократ был сыном скульптора с ограниченными средствами, он получил образование в соответствии с модой того времени. Музыка, поэзия и гимнастические упражнения составляли основную часть воспитания афинского юношества, и в этом был наставлен Сократ.

Под влиянием Критона, богатого афинянина, который впоследствии стал близким другом и учеником нашего философа, он поднялся в более высокую сферу. Затем он начал изучать физику, математику, астрономию, натурфилософию и т.д.

Сократ, однако, не смог получить никаких удовлетворительных знаний от философов и учителей своего времени. Неудовлетворенный мнимой мудростью космологов и софистов, он полностью отказался от всех спекулятивных тем и посвятил все свое внимание человеческим делам, и его серьезность как социального реформатора навлекла на него растущую ненависть со стороны "консерваторов" того времени, а также со стороны того еще большего класса, чьи чувства злобы и мести по отношению к тем, кто разоблачает их безумие и пороки, их порочные частные обычаи и общественные институты, могут быть утолены только смертью их жертвы. Соответственно, предрассудки, непопулярность и ненависть в конце концов возобладали, и против него были выдвинуты два обвинения: одно в неверии в национальные божества, а другое в развращении молодежи. То, что он не верил в идолов, которым поклонялось большинство его современников, верно; но то, что он развращал молодежь, было столь же абсурдно, сколь и ложно, ибо все его учения всегда были направлены на то, чтобы очистить их и повести по путям добродетели и истины. Он защищал себя, и его защита представляет собой совершенное целое, ни больше, ни меньше того, какой она должна была быть. Гордо сознавая свою невиновность, он старался не вызывать жалости у своих судей, поскольку его не заботил оправдательный приговор, и "демонстрировал тот союз смирения и возвышенности, который, возможно, не наблюдается ни у кого, за исключением святого Павла". Его речь не возымела действия, и он был приговорен выпить болиголов. Он оставался в тюрьме тридцать дней до приведения приговора в исполнение, и этому промежутку времени мы обязаны той возвышенной беседой о бессмертии души, которую Платон воплотил в своем "Федоне".

СОКРАТ, ПЬЮЩИЙ ЯД (С древней настенной росписи.)

Наконец настал роковой день, когда ему исполнилось полных двадцать лет и десять. Отказавшись от всех способов побега, к которым его постоянно и назойливо призывали друзья, он взял отравленную чашу из рук мальчика, который принес ее ему в тюремную камеру, спокойно выпил ее под слезы и рыдания окружающих друзей, ходил по комнате, пока зелье не начало действовать на его организм, а затем лег на свою кровать и вскоре испустил дух. Такой была жизнь и такой была смерть этого великого человека. Это было воспринято как величайший из всех человеческих примеров не только его собственными соотечественниками, но и всем цивилизованным миром.

СОКРАТ И АРИСТОДЕМУС.

(Автор Сократ.)

Теперь мы расскажем о том, как Сократ рассуждал о Божестве с Аристодемом, прозванным *Маленьким*. Ибо, заметив, что он не молился, не приносил жертв богам и еще не советовался ни с каким оракулом, но, напротив, высмеивал тех, кто это делал, он сказал ему:

- Скажи мне, Аристодем, есть ли какой-нибудь человек, которым ты восхищаешься из-за его достоинств?

Аристодемус ответил: "*Многие*." — "Назовите некоторые из них, прошу вас".

"Я восхищаюсь, - сказал Аристодем, - Гомером за его эпическую поэзию, Меланиппидом за его дифирамбики, Софоклом за трагедии, Поликлетом за скульптуру и Ксевкисом за живопись".

— Но что кажется тебе более достойным восхищения, Аристодем, - художник, создающий образы, лишённые движения и разума, или тот, кто умеет создавать животных, наделённых не только активностью, но и пониманием.

"В *последнем* не может быть никаких сомнений, - ответил Аристодем, - при условии, что создание было результатом не *случайности*, а мудрости и изобретательности".

"Но поскольку существует множество вещей, *использование* которых мы можем легко увидеть, в то время как о других мы не можем сказать, с какой целью они были созданы, какую из них, Аристодем, ты считаешь работой мудрости?"

"Казалось бы, наиболее разумным утверждать это о тех, чья пригодность и полезность столь очевидны".

Но совершенно очевидно, что Тот, кто в начале сотворил человека, наделил его чувствами, *потому что* они были *хороши* для него; глазами, которыми можно было видеть все, что было видно; и ушами, чтобы слышать все, что должно было быть услышано. Скажем, Аристодем, для какой цели следовало бы готовить запахи, если бы обоняние было отвергнуто? Или зачем нужны различия горького и сладкого, пикантного и невкусного, если не был точно так же дан вкус, удобно расположенный, чтобы разделять их и заявлять о разнице? Разве это Провидение, Аристодем, не бросается в глаза самым выдающимся образом, которое, поскольку глаз человека так чувствителен в своем окружении, приготовило веки, подобные дверям, для его защиты; которые выдвигаются сами по себе, когда это необходимо, и снова закрываются, когда приближается сон? Разве эти веки не снабжены, так сказать, ограждением по краю, защищающим от ветра и глаза? Даже бровь сама по себе не лишена офиса, но, как пентхаус, готова отводить пот, который, стекая со лба, может проникать внутрь и раздражать эту не менее *нежную* чем *удивительную* часть нас! Разве не достойно восхищения то, что уши воспринимают звуки любого рода и все же не слишком ими наполняются? Что передние зубы животного должны быть сформированы таким образом, чтобы они, очевидно, лучше всего подходили для разрезания пищи, а боковые - для измельчения ее на куски? Что рот, через который передается эта пища, должен быть расположен так близко к носу и глазам, чтобы не пропускать *незамеченным* все, что непригодно для употребления в пищу; в то время как природа, напротив, удалила и скрыла от чувств все, что могло бы вызвать у них отвращение? И можешь ли ты все еще сомневаться, Аристодемус? должно ли такое расположение частей, как *это*, быть делом случая или мудрости и изобретательности?"

"У меня больше нет никаких сомнений", - ответил Аристодем. - "И, действительно, чем больше я размышляю об этом, тем более очевидным мне кажется, что человек должен быть *шедевром* какого-то великого Мастера, несущего на себе бесконечные знаки любви и благосклонности Того, кто его так сформировал".

А что ты думаешь, Аристодем, о том *желании* индивидуума, которое ведет к продолжению рода? О той нежности и привязанности самки к своему детенышу, которые так необходимы для его сохранения? О той неутоленной любви к жизни и страхе распада, которые так сильно овладевают нами с того момента, как мы начинаем существовать?"

"Я думаю о них, - ответил Аристодем, - как о множестве регулярных операций одного и того же великого и мудрого Художника, намеренно решившего *сохранить* то, что Он когда-то создал".

"Но далее (если только ты не желаешь задавать мне вопросы), видя, Аристодем, что ты сам осознаешь разум и разумность, предположи, что в другом месте нет разума? Ты знаешь, что твое тело - это малая часть той обширной земли, которую ты повсюду видишь; ты также знаешь, что влага, содержащаяся в нем, является малой частью той могучей массы вод, частью которой являются сами моря, в то время как остальные элементы в своем изобилии способствуют твоему образованию. Таким образом, только душа, та интеллектуальная часть нас, которая пришла к тебе по какой-то счастливой случайности, я не знаю откуда. Если это так, то нигде больше действительно нет разума; и мы должны быть вынуждены признать, что эта колоссальная вселенная со всеми содержащимися в ней различными телами — одинаково поразительными, независимо от того, рассматриваем ли мы их величину или количество, независимо от их использования, независимо от их порядка — все было создано не разумом, а случайностью!"

"Я с трудом могу предположить иное, - возразил Аристодем, - ибо я не вижу ни одного из тех богов, о которых ты говоришь как о *создающих* и *управляющих* всем сущим, тогда как я вижу художников, когда они работают здесь, среди нас".

- И ты еще не видишь своей души, Аристодем, которая, однако, совершенно определенно *управляет* твоим телом, хотя по твоей манере говорить вполне может показаться, что тобой управляет *случай*, а не *разум*.

"Я не презираю богов, - сказал Аристодем. - напротив, я настолько высоко ценю их превосходство, что предполагаю, что они не нуждаются ни во мне, ни в моих услугах".

- Ты ошибаешься, Аристодемус; чем большее великолепие они проявили в своей заботе о тебе, тем больше чести и услуг ты оказываешь им.

"Будь уверен, - сказал Аристодем, - если бы я когда-нибудь убедился, что боги заботятся о человеке, я бы не захотел, чтобы наставник напоминал мне о моем долге".

- И можешь ли ты сомневаться, Аристодем, что боги заботятся о человеке? Разве не *только* ему была дарована славная привилегия ходить прямо, благодаря чему он может с большей выгодой обозревать то, что находится вокруг него, с большей легкостью созерцать те великолепные объекты, которые находятся наверху, и избегать многочисленных бед и неудобств, которые в противном случае постигли бы его? Других животных, действительно, они снабдили ногами, с помощью которых они могут перемещаться с одного места на другое; но человеку они также дали *руки*, с помощью которых он может создавать множество вещей для своего использования и делать себя счастливее, чем существа любого другого вида. Язык был дарован каждому другому животному, но какое животное, кроме человека, обладает способностью образовывать с его помощью слова, с помощью которых можно объяснить свои мысли и сделать их понятными другим? И чтобы показать, что боги отнеслись с уважением к самим его *удовольствиям*, они не ограничили их, как у других животных, *временами* года, но человеку предоставлено предаваться им всякий раз, когда это не причиняет ему вреда.

"Но боги проявили себя столь щедрыми к человеку не только в отношении тела! Их самый превосходный дар - это та *душа* которую они вложили в него, которая намного превосходит то, что можно найти в других местах. Ибо каким животным, кроме человека, открыто хотя бы о *существовании* тех богов, которые *создали* и до сих пор *поддерживают* в таком регулярном порядке это прекрасное и колоссальное устройство вселенной? Какие еще существуют виды существ, которые могут служить, которые могут обожать их? Какое другое животное способно, подобно человеку, противостоять нападениям жары и холода, жажды и голода?"

Который может запастись лекарствами на время болезни и улучшить силу, данную природой, с помощью правильно подобранных упражнений? Который может, подобно ему, получать информацию и наставления или с таким же удовольствием хранить в памяти то, что он видел, слышал и выучил? Поскольку все это так, тот, кто не видит, что человек является, так сказать, *богом* посреди этого видимого творения; настолько он превосходит, будь то по дарованиям души или тела, всех животных, какие бы там ни были созданы! Ибо, если бы *тело быка* было соединено с *разумом человека*, острота последнего мало помогла бы ему, хотя и не позволила бы осуществить хорошо продуманный план; и *человеческая* форма не принесла бы больше пользы животному, пока оно оставалось лишенным понимания! Но в тебе, Аристодем, соединилась чудесная *душа*, тело не менее чудесное, и говоришь ли ты после *этого*: "Боги не заботятся обо мне!" - Чего же тогда ты хочешь еще, чтобы убедить себя в их заботе?

"Я бы хотел, чтобы они послали и сообщили мне, - сказал Аристодемус, - что я *должен* или *недолжен* делать таким образом, как, по твоим словам, они часто поступают с тобой".....

- И что же тогда, Аристодемус? Полагаешь ли ты, что, когда боги дают какое-нибудь предсказание *всем* афинянам, они имеют в виду это не для *тебя*? Если своими чудесами они громко возвещают всей Греции — *всему* человечеству — о том, что их постигнет, то неужели они немые только для *тебя*? И неужели *ты* единственный человек, которого они оставили без своей опеки? Веришь ли ты, что они смогли бы внушить человеку уверенность в своей *способности* сделать его счастливым или несчастным, если бы у них не было такой *силы*? или даже сам человек задолго до этого не смог бы разглядеть это грубое заблуждение? Как получилось, Аристодем, что ты помнишь или не замечаешь, что королевства и содружества, наиболее известные своей *мудростью*, а также древностью, - это те, чье благочестие и набожность были наиболее заметны? И почему ты думаешь, что провидение Божье не может легко распространиться на всю вселенную? Поэтому, как и среди людей, мы наилучшим образом испытываем любовь и благодарность нашего ближнего, проявляя к нему доброту, и открываем его мудрость, советуясь с ним в нашем горе; поступай и ты подобным образом по отношению к богам, и, если ты хочешь испытать, какова их мудрость и какова их любовь, сделай себя достойным раскрытия некоторых из тех божественных тайн, которые не могут быть раскрыты человеком и сообщаются только тем, кто советуется, кто поклоняется, кто повинуется Божеству. Тогда ты, мой Аристодем, поймешь, что есть Существо, чей взор пронизывает всю природу, и чье ухо открыто для каждого звука; *простирается* во все места; *простирается* во все времена, и чья щедрость и забота не могут знать иных границ, кроме тех, которые установлены его собственным творением!"

Этой речью и другими речами подобного рода Сократ учил своих друзей, что они должны не только воздерживаться от всего нечестивого или недостойного перед *людьми*; но даже наедине со своими поступками они должны следить за своими действиями; поскольку боги постоянно наблюдают за нами, и ни один из наших замыслов не может быть скрыт от них.

ЕВРИПИД.

Еврипид достиг расцвета около 450 года до н.э.; родился в 480 году до н.э. Он провел свою юность в высочайшей умственной и физической подготовке. Он был уроженцем Афин и переживал самые славные дни в их анналах, будучи непосредственно связан с Эсхилом и Софоклом, а в более зрелые годы был учеником Сократа.

Сравнивая Еврипида и двух других мастеров греческой трагедии, можно сказать, что он занимает первое место по трагическому представлению и эффекту; Софокл - первое место по

драматической симметрии и орнаменту; Эсхил - первое место по поэтической силе и величию. Эсхил был самым возвышенным, Софокл - самым прекрасным, Еврипид - самым патетичным. Первый демонстрирует высокий интеллект; второй развивает утонченный вкус; третий потакает чувствующему сердцу. Каждый, так сказать, представляет собой прекрасную скульптуру. В "Эсхиле" это обнаженный герой, обладающий всей силой, смелостью и достоинством древности. У Софокла и Еврипида это, возможно, один и тот же герой; но у первого он облачен в развевающиеся одежды, элегантно обращение и мягкую учтивость утонченной эпохи; у второго он поддается каким-то меланхолическим эмоциям, никогда не обращая внимания на свою позу или походку и небрежно набрасывая на себя свои неоценимые одежды. Они были сопоставлены иллюстрацией из другого произведения искусства: "Возвышенный и отважный Эсхил напоминает некий сильный и неприступный замок, расположенный на скале, чье боевое величие внушает благоговейный трепет вззирающему — его зубчатые стены защищают герои, а ворота гордо увешаны трофеями". Софокл предстает с великолепным достоинством, как какой-нибудь императорский дворец богатейшей архитектуры; симметрия частей и целомудренное великолепие целого радуют глаз и вызывают одобрение суждения. Патетический и нравственный Еврипид обладает торжественностью готического храма, чьи многоэтажные окна пропускают тусклый религиозный свет, достаточный для того, чтобы увидеть его высокую сводчатую крышу, и памятники мертвым, которые возвышаются повсюду, впечатляя наши умы жалостью и ужасом как эмблемы ненадежности и кратковременности человеческого величия, и ужасающим ощущением нашей собственной смертности.

АРИСТОФАН.

О жизни Аристофана известно очень мало. Он родился около 444 года до н.э. и посвятил себя комической поэзии. Он написал пятьдесят четыре пьесы, из которых одиннадцать сохранились до наших дней.

Комедии Аристофана повсеместно считаются эталоном аттической письменности в ее величайшей чистоте. Его гений был огромен, разносторонен и оригинален, а его знание человеческой природы превосходило только Гомера и Шекспира.

Благородный тон морали, возвышенный вкус, здравая политическая мудрость, смелость и острота сатиры, сквозящая повсюду великая цель исправления глупостей современности и улучшения положения своей страны — все это черты Аристофана, которые, как бы намеренно они ни были замаскированы грубостью и шутовством, дают ему право на высочайшее уважение со стороны каждого читателя античности. Он действительно снизошел до того, чтобы сыграть роль шута афинского тирана. Но его шутки были средством донесения до них самых здравых истин. У них никогда не было гораздо более высокой цели, чем вызвать минутный смех. Он был не сочинителем фарсов, а глубоким философом-политиком; опечаленный и пристыженный состоянием своей страны, он выступал на сцене, любимом развлечении афинян, помогая осуществлять одно великое общее дело, которое Платон предложил в своих диалогах и в котором, по-видимому, объединились все лучшие и благородные умы того времени, как в союзе — реформирование жестокой демократии. В комедиях Аристофана столько же системы, сколько и в диалогах Платона. Каждая сторона извращенного общественного сознания обнажается в свою очередь. Его демагоги в "Рыцарях", его суды в "Осах", его внешняя политика в "ахарнианцах", его тирания над союзниками в "Птицах", состояние женского общества в "Сисистрате" и "Экклезиазусе" и его испорченный поэтический вкус в "Лягушках". Ни одна пьеса не обходится без определенной цели; и состояние национального образования, как величайшей цели из всех, витает в Облаках. Какой бы свет ни проливала эта восхитительная пьеса на характер Сократа и

положение, которое он занимает в платоновских диалогах — пункт, можно заметить, по которому ежедневно совершаются величайшие ошибки, — она ценна главным образом тем, что в кратком, но очень полном анализе и с помощью ряда тонких рембрандтовских штрихов, ни один из которых нельзя упускать из виду, раскрывает все черты той ужасной школы софистики, которая в то время систематически развращала афинскую молодежь и против которой была направлена вся батарея Платона. подчеркнуто направленный.

ПЛАТОН.

Платон родился в 429 году до нашей эры и умер, когда ему было восемьдесят два года, в свой день рождения. Он был учеником Сократа, первого и чистейшего из философов-моралистов. Благодаря редкому сочетанию блестящего воображения с любовью к строгим математическим штудиям и глубоким метафизическим изысканиям; благодаря обширным зарубежным путешествиям; благодаря близкому общению с самыми просвещенными людьми своего времени, особенно с Сократом, поучительные беседы с которым он посещал в течение восьми лет, а также благодаря переписке, которую он поддерживал с пифагорейцами Великой Греции, этот великий философ превзошел всех остальных широтой и глубиной своих взглядов, правильностью и красноречием, с которыми он их выражал; в то время как его чистый моральный облик давал ему право занять свое место в обществе Великих людей. на стороне Сократа. Сократ однажды сказал: "О какой большей награде может мечтать учитель, чем иметь таких учеников, как Ксенофонт и Платон?"

Очевидно, что целью Платона было благородное стремление поставить перед человеком высокий интеллектуальный уровень и, следовательно, косвенно, высокий моральный стандарт в качестве цели и объекта его устремлений; поощрять его усилия в стремлении к истине, чистоте, красоте и добродетели, зная, что характер очистится в ходе этого усилия и что сознание достигнутого прогресса, шаг за шагом, само по себе будет наградой. Объектом науки, как он учил, было истинное, вечное, неизменное, то, что есть; только в одном можно было найти объединение этих атрибутов — в Боге. Таким образом, долг человека, согласно системе Платона, состоит в том, чтобы познать Бога и Его атрибуты и стремиться находиться под практическим влиянием этого знания. Этому христианина учат, но гораздо более просто и недвусмысленно, - познавать Бога и Иисуса Христа, которого Он послал, и предлагать себе совершенный стандарт, быть совершенным так же, как совершенен его Отец Небесный, и надеяться на то, что с помощью той помощи, на которую Платон не имел права рассчитывать, он достигнет совершенной меры полноты Христа. Хотя Платон верил и учил, что человек должен стремиться к созерцанию Единого, Вечного, Бесконечного и посвятить себя ему, он смиренно признавал, что никто не может достичь совершенства в таком знании; что это слишком чудесно и превосходно для человеческих сил. Неспособность человека воспринять это знание он объяснял тем, что душа в ее нынешнем состоянии существования была стеснена своей земной обителью.

Платон определял добродетель как подражание Богу, или свободное усилие человека достичь сходства со своим оригиналом, или, другими словами, унисон и гармонию всех наших принципов и действий в соответствии с разумом, что приводит к высшей степени счастья. Зло противостоит этой гармонии как болезнь души. Добродетель действительно одна, но состоит из четырех элементов — *мудрости, мужества, воздержанности и справедливости*. В своей практической философии он сочетал жесткий принцип морального долга с духом мягкости и человечности; а образование он описывал как либеральное развитие и моральную дисциплину ума. Политику он определил как применение в широком масштабе законов морали; ибо общество, состоящее из индивидов, несет аналогичные моральные обязательства, а целью политики должны быть свобода и

согласие. Красоту он считал чувственным воплощением морального и физического совершенства; следовательно, она едина с истиной и добродетелью и вдохновляет на любовь, которая ведет к добродетели.

Если бы так много так называемых христианских законодателей и христианских людей пошли к этому "языческому" философу и научились у него - узнали, что поступать правильно — это всегда высшая безопасность, высшая целесообразность, высший "консерватизм", высшее благо!

Как прекрасно Эйкенсайд выражает это:—

Так была послана с небес красота,
прекрасная служительница истины и добра,
В этом темном мире: ибо истина и добро едины,
И красота пребывает в них, а они в ней,
С одинаковым участием. А потому,
о сыны земли! не хотите ли вы разорвать узы?
О, а потому, с опрометчивой, стремительной целью,
Ищите вы тех цветистых радостей, которыми рука
щедрой фантазии расписывает каждую лестную сцену,
Где, *кажется*, обитает красота, и ни разу не спросите,
Где санкция вечной истины,
Или где печать безусловного добра,
Чтобы уберечь ваши поиски от безумия! желая этого,
О чудо! красота увядает в твоих пустых объятиях,
И с блеском идиотской игрушки
фэнси издевалась над твоими клятвами".

СОВЕРШЕННАЯ КРАСОТА.

(Автор Платон.)

"Тот, кто стремится любить по-настоящему, должен с самой ранней юности стремиться к общению с прекрасными формами и сначала сделать одну-единственную форму объектом своей любви и в ней развить интеллектуальные совершенства. Следовательно, он должен считать, что красота, в какой бы форме она ни пребывала, является братом той красоты, которая существует в другой форме; и если он должен стремиться к тому, что прекрасно по форме, было бы абсурдно воображать, что красота не является одним и тем же во всех формах, и поэтому он отдавал бы большую часть своего пылкого предпочтения одной из них из-за своего восприятия множества требований к его любви. Кроме того, он счел бы красоту, которая есть в душах, более превосходной, чем та, которая есть в форме. Так что тот, кто наделен замечательной душой, даже если цветок формы увял, был бы достаточным объектом его любви и заботы и товарищем, с которым он мог бы искать и приходить к таким выводам, которые способствуют улучшению молодости; так что его можно было бы побудить наблюдать красоту и соответствие, которые заключаются в соблюдении своих обязанностей и законов, и мало ценить простую красоту внешней формы. Затем он поведет своего ученика к науке, чтобы тот мог взглянуть на прелесть мудрости; и что, созерцая таким образом всеобщую красоту, он больше не будет недостойно и подло поработать себя привлекательности одной формы любви, ни одного предмета дисциплины или науки, но обратится к широкому океану интеллектуальной красоты и от вида прекрасных и величественных форм, которые она содержит, в изобилии проявит свои концепции в

философии; пока, укрепленный и утвержденный, он, наконец, не будет неуклонно созерцать одну науку, которая является наукой об этой всеобщей красоте.

ИЗ ДРЕВНЕЙ СКУЛЬПТУРЫ.

"Умоляю вас, постарайтесь запомнить то, что я говорю, с как можно большей наблюдательностью. Тот, кто до этого момента был дисциплинирован в любви, постепенно созерцая прекрасные объекты в их порядке, теперь, подходя к концу всего, что касается любви, внезапно созерцает красоту, удивительную по своей природе. Это то, о Сократ, ради чего были перенесены все прежние труды. Оно вечно, произведено, неразруσιμο; не подвержено ни увеличению, ни распаду; не подобно другим вещам, частично красивым и частично деформированным; не в одно время красиво, а в другое время нет; не красиво по отношению к одной вещи и не деформировано по отношению к другой; не здесь красиво, а там деформировано; не красиво в оценке одного человека и не деформировано в оценке другого; и эта высшая красота не может быть представлена воображению как красивое лицо, или красивые руки, или любая часть тела, ни как какой-либо дискурс, ни как какая-либо наука. Оно также не существует ни в каком другом живом существе, ни на земле, ни на небесах, ни в любом другом месте; но оно вечно однородно, непротиворечиво и моноидно само по себе. Все остальные вещи прекрасны благодаря его причастности, при том условии, что, хотя они подвержены возникновению и разложению, оно никогда не становится больше или меньше и не претерпевает никаких изменений. Когда кто-либо, восходящий от правильной системы любви, начинает созерцать эту высшую красоту, он уже прикасается к завершению своего труда. Ибо те, кто дисциплинирует себя по этой системе или руководятся другой, начинают подниматься через эти преходящие объекты, которые прекрасны, к тому, что есть сама красота, продвигаясь как бы по ступеням от любви к одной форме к любви к двум, а от любви к двум - ко всем формам, которые прекрасны; и от красивых форм к прекрасным привычкам и установлениям, а от установлений - к прекрасным доктринам;

пока, в результате размышления над многими доктринами, они не придут к тому, что есть не что иное, как доктрина о самой высшей красоте, в знании и созерцании которой они, наконец, пребывают.

"Такая жизнь, мой дорогой Сократ, - воскликнула незнакомая Пророчица, - проводимая в созерцании прекрасного, - вот жизнь, которой должны жить люди; которую, если тебе доведется когда-нибудь испытать, ты будешь ценить гораздо выше золота и богатых одежд и даже тех прекрасных личностей, на которых ты и многие другие сейчас взираешь с изумлением и не готовы ни есть, ни пить, чтобы ты мог видеть эти объекты своей любви и жить вечно с ними!" Каким же тогда мы должны представить себе аспект самой высшей красоты, простой, чистой, незагрязненной примесью человеческой плоти и красок, а также всех других праздных и нереальных форм, сопутствующих земной жизни; божественную, изначальную, высшую, самую моноидную красоту? Какой должна быть жизнь того, кто пребывает рядом и взирает на то, к чему подобает стремиться всем нам? Не думаете ли вы, что ему одному предоставлена прерогатива порождать не образы и тени добродетели, ибо он соприкасается не с тенью, а с реальностью; с самой добродетелью, в создании и питании которой он становится дорог богам, и если такая привилегия предоставлена какому—либо человеческому существу, то он бессмертен?" -Из "Банкета", переведенного поэтом Шелли.

ПОСЛЕДНИЕ ЧАСЫ СОКРАТА.

(Автор Платон.)

"Когда мертвые прибывают в то место, куда их ведет демон, по отдельности, в первую очередь судят их, как тех, кто жил хорошо и благочестиво, так и тех, кто этого не сделал. И те, кто, по-видимому, прожил средний образ жизни, направляясь в Ахерон и садясь на имеющиеся у них суда, прибывают на них к озеру и там поселяются, и когда они очищаются и подвергаются наказанию за беззакония, которые они, возможно, совершили, они освобождаются, и каждый получает награду за свои добрые дела, согласно своим заслугам; но те, кто кажутся неизлечимыми из-за тяжести своих проступков, либо из-за совершения многих великих святотатств, либо из-за множества несправедливых и незаконных убийств, либо из-за других подобных преступлений, - им подходит судьба швыряет в Тартар, откуда они никогда не выходят. Но те, кто, по-видимому, были виновны в излечимых, но тяжких преступлениях, такие как те, кто в гневе совершил какое-либо насилие над отцом или матерью и прожил остаток своей жизни в состоянии раскаяния, или те, кто подобным образом стал убийцей, они должны попасть в Тартар, но после того, как они упали и пробыли там год, волна выбрасывает их, убийц - в Коцит, а отцеубийц и матереубийц - в Пирифлегетон; но когда, увлекаемые за собой, они прибывают в Тартар. Ахерузианское озеро, там они взывают и взывают, одни к тем, кого они убили, другие к тем, кого они ранили, и, взывая к ним, они умоляют позволить им выйти в озеро и принять их, и если они убедят их, они выйдут и освободятся от своих страданий, но если нет, их унесут обратно в Тартар, а оттуда снова в реки, и они не перестанут страдать, пока не убедят тех, кому они причинили вред; ибо этот приговор был вынесен им судьями. Но те, кто, как оказывается, прожил в высшей степени святую жизнь, - это те, кто, будучи освобожден и отпущен на свободу из этих областей земли, как из тюрьмы, прибывают в чистую обитель наверху и обитают в верхних частях земли. И среди них те, кто достаточно очистил себя философией, будут жить без тел на протяжении всего будущего времени и достигнут жилищ, еще более прекрасных, чем эти, которые нелегко описать, да и в настоящее время для этого недостаточно времени.

"Но ради того, что мы описали, мы должны приложить все усилия, Симмий, чтобы приобрести добродетель и мудрость в этой жизни; ибо награда благородна, а надежда велика.

"Действительно, утверждать положительно, что все это именно так, как я их описал, не подобает здравомыслящему человеку; что, однако, либо это, либо что—то в этом роде имеет место в отношении наших душ и их обиталищ - поскольку наша душа, безусловно, бессмертна, — мне кажется, в это наиболее уместно верить и стоит риска для того, кто верит в его реальность; ибо риск благороден, и правильно соблазнять себя такими вещами, как чары; по этой причине я так растянул свой рассказ. Исходя из всего этого, человек должен быть уверен в своей душе, который в течение этой жизни пренебрегал всеми удовольствиями и украшениями тела как чуждыми его природе, и который, решив, что они приносят больше вреда, чем пользы, ревностно посвятил себя приобретению знаний, и который, украсив свою душу не чужим, а присущим ей украшением, воздержанием, справедливостью, стойкостью, свободой и правдой, таким образом, ожидает своего перехода в Ад, как тот, кто готов уйти, когда судьба призовет его. Тогда вы, - продолжал он, - Симмий, Кебес и остальные, каждый из вас когда-нибудь отправитесь в путь; но сейчас судьба призывает меня, как сказал бы трагик, и мне почти пора отправляться в баню; ибо мне кажется, что будет лучше выпить яд после того, как я искупаюсь, и не утруждать женщин омовением моего мертвого тела ".

Сказав это, Критон сказал: "Да будет так, Сократ; но какие приказания ты можешь дать этим людям или мне, касающиеся твоих детей или любого другого дела, в решении которого мы можем быть тебе наиболее полезны?"

"В том, что я всегда говорю, Критон, - ответил он, - нет ничего нового; что, заботясь о себе, вы сделаете одолжение и мне, и моим близким, и самим себе, что бы вы ни делали, хотя вам и не следует сейчас обещать этого; но если вы будете пренебрегать собой и не будете жить, так сказать, по стопам того, что было сказано сейчас и ранее, даже если вы сейчас будете много обещать, и притом искренне, вы вообще ничего хорошего не добьетесь".

"В таком случае мы постараемся это сделать, - сказал он. - но как нам похоронить вас?"

"Как вам будет угодно, - сказал он, - если только вы сможете поймать меня, и я не убегу от вас". И в то же время мягко улыбаясь и оглядывая нас, он сказал: "Я не могу убедить Критона, друзья мои, что я тот Сократ, который сейчас беседует с вами и который методизирует каждую часть беседы; но он думает, что я тот, кого он вскоре увидит мертвым, и спрашивает, как ему похоронить меня. Но то, что я некоторое время назад подробно доказывал, что, выпив яд, я больше не останусь с вами, а отойду в некое счастливое состояние блаженного, - это я, кажется, напрасно убеждал его, хотя в то же время хотел утешить и вас, и себя. Будьте же вы моими поручителями перед Критоном, - сказал он, - в обязательстве, противоположном тому, которое он дал судьям; ибо он обязался, что я останусь; но будьте поручителями в том, что, когда я умру, я не останусь, а уйду, чтобы Критону было легче перенести это, и когда он увидит, что мое тело сожжено или похоронено, пусть не сокрушается за меня, как будто я перенес что-то ужасное, и не говорит при моем погребении, что Сократ похоронен, или вынесен, или похоронен. Ибо будь уверен, - сказал он, - превосходнейший Критон, что неподобающее высказывание не только порочно по отношению к самой вещи, но также наносит некоторый вред нашим душам. Тогда ты должен набраться храбрости и сказать, что похоронишь мое тело, и похоронить так, как тебе заблагорассудится и как, по твоему мнению, наиболее соответствует нашим законам.

Сказав это, он встал и пошел в комнату мыться, и Критон последовал за ним, но он велел нам подождать его. Поэтому мы ждали, обсуждая между собой то, что было сказано, и обдумывая это снова, а иногда говоря о нашем бедствии, о том, насколько тяжелым оно будет для нас, искренне думая, что, подобно тем, кто лишен отца, мы проведем остаток нашей жизни сиротами. Когда он искупался и к нему привели его детей, ибо у него было два маленьких сына и один взрослый, и пришли женщины, принадлежащие к его семье, поговорив с ними в присутствии Критона и дав им такие наставления, какие он пожелал, он велел женщинам и детям уйти, а затем вернулся к нам. И теперь близился закат, ибо он провел внутри довольно много времени. Но когда он вернулся после купания, то сел и после этого почти не разговаривал. Затем вошел офицер из Одиннадцати и, встав рядом с ним, сказал: "Сократ, мне не нужно будет обвинять тебя в том, что я делаю с другими, в том, что они сердятся на меня и проклинают меня, когда по приказу архонтов я приказываю им выпить яд. Но вас, во всех других случаях за то время, что вы были здесь, я находил самым благородным, кротким и превосходным человеком из всех, кто когда-либо бывал в этом месте; и поэтому теперь я твердо убежден, что вы не будете сердиться на меня, ибо вы знаете, кто виноват, но только не они. А теперь, поскольку вы знаете, о чем я пришел сообщить вам, прощайте и постарайтесь перенести неизбежное как можно легче ". И в то же время, разразившись слезами, он отвернулся и удалился.

И Сократ, глядя ему вслед, сказал: "И ты тоже прощай; мы сделаем так, как ты прикажешь". В то же время, повернувшись к нам, он сказал: "Как вежлив этот человек; за все время, что я здесь, он навещал меня, иногда беседовал со мной и показал себя достойнейшим из людей; а теперь как великодушно он оплакивает меня. Но давай, Критон, повинемся ему, и пусть кто-нибудь принесет яд, если он готов к употреблению, но если нет, пусть этот человек сам его растолочь".

Тогда Критон сказал: "Но я думаю, Сократ, что солнце все еще находится над горами и еще не село. Кроме того, я знаю, что другие выпили яд очень поздно, после того, как им было объявлено о нем, и вдоволь поужинали. Тогда не спеши, ибо время еще есть".

На это Сократ ответил: "Эти люди, которых ты упоминаешь, Критон, делают это с полным основанием, ибо они думают, что выиграют, поступая таким образом, и я тоже с полным основанием не стану этого делать; ибо я думаю, что ничего не выиграю, выпив немного позже, разве что стану смешон сам себе, потому что так люблю жизнь и жалею ее, когда ее уже не остается. Тогда иди, - сказал он, - повинуйся и не сопротивляйся.

Критон, услышав это, кивнул мальчику, стоявшему рядом. И мальчик, выйдя и пробыв там некоторое время, пришел, приведя с собой человека, который должен был ввести яд, который принес его готовым, растертым в чашке. И Сократ, увидев этого человека, сказал: "Ну, мой добрый друг, поскольку ты искусен в этих делах, что я должен делать?"

"Ничего другого, - ответил он, - кроме как, выпив его, походить, пока не почувствуешь тяжесть в ногах, затем лечь: так оно достигнет своей цели". И в то же время он протянул чашу Сократу. И он принял это очень весело, не дрожа и нисколько не меняясь в цвете или выражении лица, но, по своему обыкновению, пристально глядя на человека, сказал: "Что вы скажете об этом зелье относительно возлияния кому-либо, законно это или нет?"

"Мы толчем столько, Сократ, - сказал он, - сколько считаем достаточным для питья".

"Я понимаю вас, - сказал он, - но, безусловно, молиться богам о том, чтобы мой отъезд отсюда был счастливым, законно и правильно; поэтому я молюсь, и пусть так и будет". И, сказав это, он выпил бокал с готовностью и спокойствием. До сих пор большинству из нас с

трудом удавалось сдерживаться от слез; но когда мы увидели, что он пьет и допил напиток, мы больше не могли этого делать; но вопреки моему желанию слезы хлынули полным потоком, так что, закрыв лицо руками, я заплакал о себе, ибо я оплакивал не его, а свою судьбу, лишившись такого друга. Но Критон, еще до меня, когда он не мог сдержать слез, поднялся. Но Аполлдор и до этого не переставал плакать, а затем, разразившись агонией горя, рыдая и причитая, он пронзил сердце каждого присутствующего, кроме самого Сократа. Но он сказал: "Что вы делаете, мои замечательные друзья? Я действительно, главным образом по этой причине отослал женщин, чтобы они не совершили никаких глупостей подобного рода. Ибо я слышал, что правильно умирать с добрыми предзнаменованиями. Поэтому будь спокоен и терпи."

Когда мы услышали это, нам стало стыдно, и мы сдержали слезы. Но он, походив, когда сказал, что ноги у него тяжелеют, лег на спину, ибо так велел ему этот человек. И в то же время тот, кто дал ему яд, взяв его за руку, после короткого промежутка времени осмотрел его ступни; а затем, сильно надавив на ступню, он спросил, чувствует ли он это; он сказал, что нет. И после этого он сжал бедра; и, поднявшись таким образом выше, он показал нам, что становится холодным и окоченевшим. Затем Сократ коснулся себя и сказал, что, когда яд достигнет его сердца, он должен уйти. Но теперь части вокруг нижней части живота были почти холодными; когда, обнажившись, ибо он был прикрыт, он сказал, и это были его последние слова: "Критон, мы должны Эскулапу петуха; поэтому заплати его и не пренебрегай им".

"Это будет сделано, - сказал Критон, - но подумай, есть ли тебе еще что сказать".

На этот вопрос он ничего не ответил, но вскоре после этого сделал конвульсивное движение, и человек накрыл его, и взгляд его был неподвижен, и Критон, заметив это, закрыл ему рот и глаза.

Таков, Эхекрат, был конец нашего друга, человека, можно сказать, лучшего за все время, что мы знали, и, более того, самого мудрого и справедливого.

ДЕМОСФЕН.

Демосфен родился в 382 году до нашей эры и умер в 322 году до нашей эры в возрасте шестидесяти лет. Его отец умер, когда ему было всего семь лет, и оставил сыну большое состояние, которое было растрчено его опекунами.

Демосфен, к величайшему счастью, был вынужден полагаться на ресурсы собственного интеллекта и решил посвятить свою жизнь ораторскому искусству. Он выбрал Исея своим учителем, и хотя у него было слабое телосложение и он затруднялся с речью, все же благодаря постоянным, настойчивым усилиям и ежедневной практике он заставил себя без смущения и с полным успехом обращаться к собравшимся толпам афинского народа. Его первые попытки овладеть ораторским искусством были предприняты, чтобы отстоять свои права и вернуть собственность, которую его опекуны присвоили себе. В этом он оказался полностью успешным. После этого он продемонстрировал свои способности оратора на нескольких публичных мероприятиях и преуспел силой своего красноречия в предотвращении вступления афинян в войну с Персией.

Но большая часть ораторских усилий Демосфена была направлена на то, чтобы пробудить афинян от лени и вооружить их против коварных замыслов и амбициозных планов Филиппа, который в 358 году до н. э. начал нападение на северных морских союзников Афин.

В наше время речь лорда Чатема об американских делах, произнесенная в Палате лордов 18 ноября 1877 г.; речь Эдмунда Берка о "Долгах Набоба Арко", произнесенная в Палате общин 28 февраля 1785 г.; речь Фишера Эймса о "Британском договоре", произнесенная в нашей Палате представителей 28 апреля 1796 г.; речь Дэниела Уэбстера об "Общественных землях", произнесенная в Сенате Соединенных Штатов 1830 г., и речь Чарльза Самнера о печально известном "Законопроекте о беглых рабах" произнесенный в Сенате в 1852 году, Уилл по эффектности, блестящему и логичному красноречию стоит в одном ряду с виртуозными усилиями Демосфена.

ФИЛИПП И АФИНЯНЕ.

(Речь Демосфена.)

ЦАРЬ ФИЛИПП (Македонский).

Если кто-то из вас, афиняне, думает, что с Филиппом трудно бороться, учитывая как величину власти, уже находящейся в его руках, так и тот факт, что все сильные места потеряны для нашего государства, — он думает достаточно справедливо. Но пусть он примет во внимание следующее: мы сами, афиняне, когда—то владели Пидной, и Потидеей, и Метоней, и всей этой страной — как бы в нашем собственном домашнем кругу; и многие государства, находящиеся сейчас под его властью, начинали самоуправляться и быть свободными, и предпочитали поддерживать дружеские отношения с нами, а не с ним. Итак, если бы Филипп в то время лелеял мысль о том, что трудно бороться с афинянами, когда у них были такие крепости в его стране, в то время как он был лишен союзников, — он не добился бы ничего из того, что он совершил, и никогда не приобрел бы такой великой власти. Но он, по крайней мере, знал это достаточно хорошо, афиняне, — что все эти крепости являются военными трофеями, открытыми для каждого соперника, и что, естественно, имущество отсутствующих достается тем, кто находится на месте, а возможностями беспечных пользуются те, кто готов работать и рисковать. Так было и в его случае, ибо, одержимый подобными чувствами, он полностью подчинил себе и теперь удерживает все места; некоторые, как можно было бы удержать их в своих руках по обычаю войны; другие, сделав их союзниками и друзьями. Неудивительно, ведь все готовы искренне служить тем, кого они видят подготовленными и готовыми делать то, чего требует необходимость.

Подобным образом, если и вы, афиняне, теперь готовы принять тот же принцип (поскольку, увы! вас не было раньше), и каждый из вас, отбросив всякое притворство, готов проявить себя полезным государству, насколько позволяют его необходимость и его власть; если каждый готов *делать*— богатые вносить свой вклад, лица трудоспособного возраста выходить на поле боя; одним словом, если вы решите быть сами себе хозяевами, и каждый перестанет ничего не делать, надеясь, что его сосед все сделает за него, — вы оба вернете

себе свое имущество (с позволения небес) и свои возможности, безрассудно растраченные; вы возьмете отомстить ЕМУ.

Не думайте, что его нынешняя счастливая судьба неизменна — бессмертна, как у бога; с другой стороны, некоторые ненавидят его, другие боятся его, афиняне, и завидуют ему, и это тоже относится к числу тех, кто, по-видимому, находится с ним в близких отношениях; ибо все те страсти, которые бушуют в других людях, мы можем предположить, что они скрыты и в сердцах тех, кто его окружает. Теперь, однако, все эти страсти склонились перед ним, не имея выхода из-за вашей лени и безразличия, от которых, повторяю, вам следует немедленно отказаться. Ибо вы видите положение вещей, афиняне, до какой степени высокомерия он дошел — этот человек, который не оставляет вам выбора действовать или молчать, но хвастается и произносит слова ошеломляющей дерзости, как они говорят нам. Он не такой человек, чтобы довольствоваться тем, что он завоевал, но всегда стремится к чему-то другому и на каждом шагу ограждает нас, бездельничающих и бездельничающих, во все более и более узких кругах. Когда же, афиняне, когда вы сделаете то, что должны? Как только что-нибудь произойдет? Как только, великий Юпитер! Как только необходимость заставит вас? Почему, какая необходимость заставляет вас сейчас думать о своих поступках? По моему мнению, самая насущная необходимость для свободных людей - это позор, сопутствующий их государственной политике.

Или ты предпочитаешь — скажи мне, ты предпочитаешь бродить туда-сюда, спрашивая на рыночной площади: "Какие новости? какие новости?" Что может быть новее, чем то, что македонец сокрушит афинян в войне и будет господствовать над всей Грецией? "Филипп мертв?" "Нет, клянусь Юпитером, но он болен". Какая тебе разница? какая разница? Ибо, если с ним что-нибудь случится, ты быстро воздвигнешь другого Филиппа, если будешь вести свои общественные дела так, как ведешь сейчас. Ибо не столько своей собственной силе, сколько вашей лени обязан он своим нынешним возвышением.

И все же, даже если с ним что-нибудь случится и фортуна начнет благоволить нам (ибо она всегда заботилась о нас больше, чем мы о самих себе); ты знаешь, что, находясь ближе к ним, ты мог бы утвердить свою власть над всеми этими беспорядочными владениями и мог бы диктовать, какие условия ты мог бы выбрать; но так, как ты действуешь сейчас, если бы какой-то шанс представился тебе в Амфиполе, ты не смог бы им воспользоваться, настолько тебе не хватает приготовлений и рвения.

МЕРЫ СОПРОТИВЛЕНИЯ ФИЛИППУ.

(Речь Демосфена.)

Пусть теперь кто-нибудь выйдет вперед и скажет мне, благодаря чьему изобретению, кроме нашего, Филип стал сильнее. Что ж, сэр, это выглядит плохо, но дома дела обстоят лучше. Какие доказательства можно привести? Побеленные парапеты? Отремонтированные дороги? фонтаны и балаганы? Посмотрите на людей, плодами государственной мудрости которых являются все это. Они поднялись от нищеты к богатству или от безвестности к почету; некоторые сделали свои частные дома более роскошными, чем общественные здания, и по мере того, как государство приходило в упадок, их состояние возрастало.

Что привело к таким результатам? Как получилось, что тогда все шло успешно, а сейчас идет не так? Потому что в древности люди, имевшие мужество быть солдатами, контролировали государственных деятелей и распоряжались всем вознаграждением; любой из остальных

был счастлив получить от народа свою долю почестей, должностей или преимуществ. Теперь, наоборот, государственные деятели распоряжаются вознаграждением; через них делается все; вы, люди, обессиленные, лишенные сокровищ и союзников, становитесь подчиненными и прихлебателями, счастливыми, если эти люди раздают вам деньги на шоу или присылают вам жалкие крохи; и, что самое недостойное мужчины, вы благодарны за то, что получаете свои собственные. Они, запирая вас в городе, ведут вас к вашим удовольствиям и делают вас ручными и покорными их рукам. Я говорю, что невозможно обладать высоким и благородным духом, пока ты занят мелкими и подлыми занятиями; каковы бы ни были занятия людей, их характеры должны быть схожи. Клянусь Церерой, я бы не удивился, если бы я, упомянув об этих вещах, больше пострадал от вашего негодования, чем люди, которые привели их в исполнение. Ибо даже свободу слова вы допускаете не по всем предметам; я действительно удивляюсь, что вы допустили ее здесь.

Если бы вы даже сейчас, отказавшись от этих обычаев, несли военную службу и вели себя достойно; если бы вы использовали эти домашние излишества как средство для получения преимущества за границей; возможно, афиняне, возможно, вы могли бы получить какое-нибудь солидное и важное преимущество и избавиться от этих льгот, которые подобны диете, предписанной врачами больным. Поскольку это не придает сил и не доводит пациента до смерти, ваших пособий недостаточно, чтобы принести существенную пользу, и в то же время они не позволяют вам отказаться от них и обратиться к чему-то другому. Таким образом, они усиливают общую апатию. Что? Меня спросят, вы имеете в виду стипендиальную службу? Да, и немедленно такое же соглашение для всех, афиняне, чтобы каждый, получая свои дивиденды от общества, мог выполнять то, что требуется государству. Нужен ли мир? Вам лучше дома, вас не принуждают поступать бесчестно из-за бедности. Существует ли такая чрезвычайная ситуация, как нынешняя? Лучше быть солдатом, как и подобает, во имя дела своей страны, живущим на эти самые пособия. Кто-нибудь из вас достиг призывного возраста? То, что он сейчас берет нерегулярно, не оказывая услуг, пусть он берет, просто регулируя, контролируя и совершая необходимые дела. Таким образом, не отступая от нашей политической системы и не дополняя ее, лишь устраняя некоторые нарушения, я привожу ее в порядок, устанавливая единые правила получения денег, службы на войне, членства в жюри присяжных, выполнения того, что каждый может делать в соответствии со своим возрастом и чего требует случай. Я никогда не советую нам раздавать бездельникам жалование трудолюбивых или сидеть сложа руки, пассивные и беспомощные, и слушать, что наемники такого человека побеждают, как это делаем мы сейчас. Не то чтобы я осуждал кого-либо, кто оказывает вам услугу; я только призываю вас, афиняне, выполнять за свой счет те обязанности, за которые вы почитаете чужеземцев, и не отказываться от того достойного поста, который, пройдя через множество славных опасностей, завещали ваши предки.

Я сказал почти все, что считаю необходимым. Я верю, что вы изберете тот курс, который лучше для страны и для вас самих.

ОПИСАННЫЕ БЫВШИЕ АФИНЯНЕ.

(Автор Демосфен.)

Я прошу вас, афиняне, посмотрите, как это было во времена ваших предков; ибо на внутренних (а не иностранных) примерах вы можете усвоить урок долга. Фемистокл, командовавший в морском сражении при Саламине, и Мильтиад, командовавший при Марафоне, и многие другие, которые несли службу в отличие от современных полководцев, — несомненно, они не были украшены медью и не переоценивались нашими предками,

которые чтили их, но только как личности наравне с самими собой. Ваши предки, о мои соотечественники, не пожертвовали своей частью ни ради одной из этих слав. Нет человека, который приписал бы победу при Саламине Фемистоклу, а не афинянам; а битву при Марафоне - Мильтиаду, а не республике. Но теперь люди говорят, что Тимофей взял Коркиру, Ификрат разбил спартанскую дивизию, а Хабрий одержал морскую победу при Наксосе; ибо вы, по-видимому, преуменьшаете заслуги этих действий из-за чрезмерности почестей, которыми вы наградили за них каждого из военачальников.

Так мудро поступали афиняне того времени, раздавая политические награды; так же неправильно поступаете и вы. Но как обстоит дело с наградами иностранцев? Менону Фарсалийцу, который дал двенадцать талантов денег на войну при Эйоне со стороны Амфиполя и помог им двумястами всадниками из своих собственных слуг, афиняне тогда проголосовали не за свободу своего города, а только за иммунитет от поборов. И в прежние времена Пердикке, царствовавшему в Македонии во время нашествия варваров - когда он уничтожил персов, отступивших с Платей после их поражения, и довершил разгром царя, — они проголосовали не за свободу своего города, а только за иммунитет от поборов; несомненно, они считали свою страну ценностью, честью и достоинством, превосходящими все возможные обязательства. Но теперь, вы, афиняне, принимаете самых подлых людей, слуг и сыновей слуг, в свои граждане, получая цену, как за любой другой товар, который можно продать. И вы впали в подобную практику не потому, что ваша природа ниже, чем у ваших предков, а потому, что они были в состоянии высоко думать о себе, в то время как у вас, афинян, эта сила отнята. Мне кажется, что ваш дух никогда не будет великодушным и благородным, пока вы занимаетесь мелкими и подлыми делами; точно так же вы не можете быть жалким и подлым духом, пока ваши поступки благородны. Какими бы ни были занятия людей, их чувства обязательно должны быть схожими.

Отметьте, какое обобщенное представление можно составить о деяниях, совершенных вашими предками и вами самими. Возможно, благодаря такому сравнению вы сможете превзойти самих себя. Они в течение сорока пяти лет с общего согласия возглавляли греков и принесли в цитадель более десяти тысяч талантов; и много славных трофеев они собрали за победы на суше и на море, которыми даже мы до сих пор гордимся. И помните, они воздвигли их не только для того, чтобы мы могли любоваться ими с восхищением, но и для того, чтобы мы могли подражать добродетелям посвященных. Таково было их поведение; но что касается нашего — павшего, как мы, в явном для всех вас одиночестве, — посмотрите, есть ли в нем хоть какое-то сходство. Разве не более полутора тысяч талантов было безрезультатно потрачено на нуждающийся народ Греции? Разве не были растрочены все частные состояния, доходы государства, пожертвования наших союзников? Разве союзники, которых мы приобрели на войне, не были недавно потеряны в мирное время? Но, по правде говоря, в древности только в этом отношении было лучше, чем сейчас, в других отношениях хуже. Очень далеки от этого! Давайте рассмотрим те примеры, которые вам понравятся. Здания, которые они оставили, украшения города в виде храмов, гаваней и тому подобного были настолько великолепны и прекрасны, что ни одному последующему поколению не осталось места превзойти их; вон те ворота, Парфенон, доки, портики и другие сооружения, которыми они украсили город и завещали нам. Частные дома людей, стоявших у власти, были настолько скромны и соответствовали названию конституции, что если кто-нибудь знает стиль дома, который занимали Фемистокл, или Кимон, или Аристид, или Мильтиад, и другие прославленные люди того времени, он увидит, что он был не величественнее, чем у соседей. Но теперь, афиняне, что касается общественных мер, наше правительство довольствуется ремонтом дорог, фонтанов, побелкой и украшениями; не то чтобы я винил авторов этих работ; совсем наоборот; я виню вас, если вы полагаете, что такие

меры - это все, что вам нужно выполнить. Что касается индивидуального поведения — ваши люди на посту (некоторые из них) сделали свои частные дома не только более роскошными, чем толпа, но и более великолепными, чем общественные здания; другие - это сельскохозяйственные угодья, которые они приобрели в таких размерах, о каких когда-то и мечтать не могли.

Причина этого различия в том, что раньше люди были господами над всеми; любой отдельный гражданин был рад получить от них свою долю почестей, должностей или прибыли. Теперь, напротив, эти люди распоряжаются вознаграждением; все делается по их воле; с людьми обращаются как с подчиненными и иждивенцами, и вы с радостью берете то, что эти люди позволяют вам, в качестве своей доли.

КОРОННАЯ РЕЧЬ.

(Автор Демосфен.)

Позвольте мне начать, афиняне, с того, что я умоляю все Небесные Силы, чтобы те же самые добрые чувства, которые я питал на протяжении всей своей общественной жизни по отношению к этой стране и каждому из вас, теперь вы могли проявить по отношению ко мне в нынешнем соревновании! В двух отношениях мой противник явно имеет передо мной преимущество. Во-первых, на карту поставлены разные интересы; для меня ни в коем случае не одно и то же - лишиться вашего уважения, а для Эсхина, неспровоцированного добровольца, потерпеть неудачу в своем импичменте. Другим моим недостатком является естественная склонность мужчин с удовольствием выслушивать оскорбления и обвинения, но уделять мало внимания тому, чьей темой является его собственное оправдание. Следовательно, моему противнику достается та часть, которая служит вашему удовлетворению, в то время как мне остается только то, что, я почти могу сказать, неприятно всем. И все же, если я не буду говорить о себе и своем собственном поведении, я окажусь беззащитным перед его обвинениями и без доказательств того, что мои почести были заслужены. Следовательно, я должен это сделать, но с умеренностью. И имейте в виду, что вина за то, что я заикнулся на личных темах, должна по справедливости лежать на том, кто инициировал этот личный импичмент.

По крайней мере, мои судьи, вы согласитесь, что этот вопрос волнует меня не меньше, чем Ктесифон, и оправдывает с моей стороны такое же беспокойство. Быть лишенным чего-либо, особенно от руки врага, тяжело переносить, но быть лишенным своего доверия и уважения — всего самого ценного - действительно невыносимо. Итак, поскольку это моя ставка в этом деле, я заклинаю вас всех прислушаться к моей защите от этих обвинений с той беспристрастностью, которую предписывают законы — те законы, которые впервые были даны Солоном и которые он установил, не только выгравировав их на медных табличках, но и утвердив клятвы, которые вы даете, заседаая в суде; потому что он понял, что, поскольку обвинитель вооружен преимуществом говорить первым, у обвиняемого не может быть шансов противостоять своим обвинениям, если вы, его судьи, соблюдая клятву, данную перед Небесами, не примете с благосклонностью защиту, которая приходит последней, и прислушиваясь в равной степени к обеим сторонам, вы, таким образом, составите свое мнение по делу в целом.

ЦИЦЕРОН.

Цицерон, взятый в целом за его красноречие, за его ученость, за его истинный патриотизм, за глубокие и облагораживающие взгляды, которые он оставил нам в своих критических, ораторских и философских трудах, а также за его чистоту во всех бытовых отношениях

посреди почти всеобщего распутства, стоит на страницах истории как одно из самых ярких имен, которые оставили нам древние. Вероятно, он больше всего отличился как оратор, и в этом качестве он наиболее известен, хотя как ученый и государственный деятель ему почти не было равных. Он родился третьего января 106 года до н.э. Его отец был членом ордена всадников и жил в достатке недалеко от Арпинума, но впоследствии переехал в Рим с целью обучения своих сыновей Марка и Квинта. Для них были наняты самые лучшие учителя. Почти сразу после окончания школы он получил повышение и поднялся с одного почетного положения на другое.

Можно усомниться, приходил ли когда-либо к власти какой-либо человек с более добродетельным и по-настоящему благородным поведением, и целостность его общественной жизни могла сравниться только с чистотой его личной морали. Но поскольку его историю преподают нашим школьникам, а его речи читают на языке оригинала, мы не будем удлиннять наши замечания. Ниже приведены его работы. Они многочисленны и разнообразны, но могут быть объединены в пять отдельных разделов: 1. *Философские труды*. 2. *Речи*. 3. *Переписка*. 4. *Стихотворения*. 5. *Исторические и прочие сочинения*. Наиболее важными являются следующие:

AUGUSTUS CAESAR. (Найден в Помпеях.)

Во-первых, его *философские работы*, 1. *Об изобретении риторики*, "Об искусстве риторики"; цель - представить в сжатой форме все, что наиболее ценно в работах греческих риторов. 2. *De Partitione Oratorio Dialogus*, "Диалог о нескольких разделах риторики", своего рода катехизис риторики. 3. *De Oratore*, "Об истинном ораторе", систематический труд по ораторскому искусству. Это одна из его самых блестящих работ, настолько точно выполненная в мельчайших деталях, что ее можно рассматривать как шедевр мастерства во всем, что касается изящества стиля и композиции. 4. *Brutus: de claris Oratoribus*. Книга написана в форме диалога и содержит полную критическую историю римского красноречия.

5. *Оратор*, "Оратор", адресованный Марку Бруту, излагающий свои взгляды на то, что представляет собой идеальный оратор. 6. *De Republica*, "О республике", в шести книгах, призванных показать наилучшую форму правления и долг гражданина; но значительная часть этого утрачена. 7. *De Officiis*; трактат о моральных обязательствах, рассматриваемый не столько с точки зрения метафизического исследования основы, на которой они покоятся, сколько с точки зрения практических дел в мире и взаимодействия в социальной и политической жизни. Это одно из его самых ценных наследий. 8. *De Finibus Bonorum et Malorum*, "О концах добра и зла", серия диалогов, посвященных М. Бруту, в которых излагаются мнения греческих школ, особенно эпикурейцев, стоиков и перипатетиков, о Высшем благе, о *Summum Bonum*, то есть о *finis*, "конце".

ОСКОРБЛЕНИЕ В АДРЕС КАТИЛИНЫ.

(Автор Цицерон.)

Как долго, о Катилина, будешь ты злоупотреблять нашим терпением? Как долго ты будешь сбивать с толку правосудие в своей безумной карьере? До какой крайности доведешь ты свою дерзость? Неужели тебя ничуть не пугает ночная стража, выставленная для охраны Дворца? Ничуть, городская стража! Ничуть, собрание всех добропорядочных граждан? Ничего, судя по собранию сената в этом укрепленном месте? Ничего, судя по отведенным взглядам всех присутствующих? Разве ты не видишь, что все твои козни раскрыты? — что твой гнусный заговор известен каждому человеку здесь, в сенате? — что мы хорошо осведомлены о твоих действиях прошлой ночью; о позапрошлой ночи; о месте собрания, созванном обществе, согласованных мерах? Увы, времена! Увы, общественная мораль! Сенат все это понимает. Консул это видит. И все же предатель жив! Жив? Да, воистину, и противостоит нам здесь, на совете; принимает участие в наших обсуждениях; и своим оценивающим взглядом выделяет каждого из нас на убой! И все это время мы, какими бы напряженными мы ни были, думаем, что в полной мере выполнили свой долг перед государством, если только избежим меча и ярости этого безумца!

Давно бы уже, о Катилина, консулу следовало приказать казнить тебя и навлечь на твою собственную голову гибель, которую ты замышлял против других! Когда-то в Риме была такая добродетель, что нечестивый гражданин считался более отвратительным, чем самый смертоносный враг. Для тебя, Катилина, у нас все еще есть закон. Не думайте, что мы бессильны из-за того, что терпеливы. У нас есть указ — хотя он хранится в наших архивах, как меч в ножнах, — указ, по которому твоя жизнь будет обращена в возмездие за твои преступления. И если бы я приказал немедленно схватить тебя и предать смерти, я просто сомневаюсь, что все добрые люди не подумали бы, что это сделано скорее слишком поздно, чем слишком жестоко. Но по уважительным причинам я все же отложу удар, давно заслуженный. Тогда я обреку тебя, когда не найдется человека, столь потерянного, столь порочного, нет, столь подобного тебе, который не признался бы, что это было справедливо. Пока есть хоть один человек, который осмеливается защищать тебя, живи! Но ты будешь жить в таком окружении, под таким пристальным присмотром бдительной стражи, которую я расставил вокруг тебя, что ты и шагу не сделаешь против Республики без моего ведома. Там будут глаза, которые заметят малейшее твое движение, и уши, которые уловят твой самый осторожный шепот, о котором тебе и не снилось. Ночная тьма не скроет твоей измены — стены уединения не заглушат ее голоса. Сбитый с толку со всех сторон, твои самые тайные замыслы ясны, как полдень, что ты можешь теперь иметь в виду? Действуй, замышляй, устраивай заговор, как тебе заблагорассудится; нет ничего, что ты мог бы придумать, ничего, что ты мог бы предложить, ничего, что ты мог бы предпринять, чего бы я не узнал, не услышал

и не понял сразу. Ты скоро узнаешь, что я даже более активен в обеспечении сохранения государства, чем ты в планировании его разрушения!—*Первая речь.*

ИЗГНАНИЕ КАТИЛИНЫ ИЗ РИМА.

(Автор Цицерон.)

Наконец-то, римляне, мы избавились от Катилины! Мы изгнали его, опьяненного яростью, дышащего злом, угрожающего вновь напасть на нас огнем и мечом. Он ушел; он бежал; он сбежал; он откололся. Больше в пределах самых стен города он не замышляет ее разрушения. Мы вынудили его перейти от тайных заговоров к открытому восстанию. Плохой гражданин теперь является признанным предателем. Его бегство является признанием его измены! Если бы его сопровождающих было не так мало! Поторопитесь, вы, спутники его развратных утех; поторопитесь, и вы сможете догнать его до наступления ночи на Аврелианской дороге. Пусть он не томится, лишенный вашего общества. Спешит присоединиться к близким по духу людям, составляющим его армию; его армию, я говорю — ибо кто сомневается, что армия под командованием Манлия ожидает, что Катилина станет их предводителем? И такая армия! Изгнанники чести и беглецы от долгов; игроки и уголовники; негодяи, мечтающие о грабежах, убийствах и пожарах!

Против этих доблестных войск вашего противника готовьте, о римляне, свои гарнизоны и армии; и сначала этому искалеченному гладиатору противостоите ваши консулы и генералы; затем, против этой жалкой, отверженной орды, ведите вперед силу и цвет всей Италии! С одной стороны, борется целомудрие; с другой - распутство; здесь чистота, там осквернение; здесь непорочность, там предательство; здесь благочестие, там нечестие; здесь постоянство, там ярость; здесь честность, там низость; здесь воздержание, там похоть; короче говоря, справедливость, умеренность, стойкость, благоразумие, борьба с беззаконием, роскошью, трусостью, опрометчивостью; каждая добродетель с каждым пороком; и, наконец, борьба лежит между обоснованной надеждой и абсолютным отчаянием. В таком конфликте, если бы даже человеческая помощь потерпела неудачу, разве бессмертные боги не наделили бы такую заметную добродетель силой восторжествовать над таким сложным пороком?—*Вторая речь.*

ТИРАН, КОТОРОГО ОСУДИЛ ПРЕТОР.

(Автор Цицерон.)

Долгое время господствовало мнение, отцы, что при государственном преследовании богатые люди, какими бы очевидными ни были их обвинения, всегда находятся в безопасности. Это мнение, столь пагубное для вашего ордена, столь пагубное для государства, теперь в вашей власти опровергнуть. Перед вами на суде человек, который богат и который надеется, что его богатство послужит оправданию, но чья жизнь и поступки являются достаточным осуждением в глазах всех честных людей. Я говорю о Кае Верресе, который, если сейчас и не получит того приговора, которого заслуживают его преступления, то не из-за отсутствия преступника или прокурора, а из-за неспособности министров юстиции выполнить свой долг. Оставляя в стороне постыдные нарушения его юности, что представляет собой квесторство Верреса, как не одну непрерывную сцену злодеяний? Общественное достояние растрачено, консул ободран и предан, армия дезертировала и доведена до нищеты, провинция ограблена, гражданские и религиозные права народа попраны! Но его преторство на Сицилии увенчало его порочную карьеру и завершило создание прочного памятника его позору. Его решения нарушили все законы, все прецеденты, все правильно. Его поборы с трудолюбивых бедняков не поддаются

исчислению. С нашими самыми верными союзниками обращались как с врагами. Римских граждан, подобно рабам, предавали смерти с помощью пыток. Самые достойные люди были осуждены и изгнаны без суда, в то время как самые жестокие преступники за деньги купили освобождение от наказания в силу своей вины.

Теперь я спрашиваю, Веррес, что ты можешь противопоставить этим обвинениям? Разве ты не тиран претор, который на расстоянии не большем, чем Сицилия, в пределах видимости итальянского побережья, осмелился предать позорной смерти на кресте этого злополучного и невинного гражданина Публия Гавия Косана? И в чем заключался его проступок? Он заявил о своем намерении обратиться к правосудию своей страны с жалобой на ваши жестокие преследования! За это, когда он собирался отплыть домой, его схватили, привели к вам, обвинили в шпионаже, подвергли бичеванию и пыткам. Напрасно он восклицал: "Я римский гражданин! Я служил под началом Луция Претия, который сейчас находится в Панорме, и который подтвердит мою невиновность! Глухой ко всем увещаниям, безжалостный, жаждущий невинной крови, ты приказал применить жестокое наказание! В то время как священные слова "Я римский гражданин" были у него на устах — слова, которые в самых отдаленных регионах служат пропуском к защите, — вы приговорили его к смерти, к смерти на кресте!

О свобода! О звук, некогда восхитительный для каждого римского уха! О священная привилегия римского гражданства! когда—то священная - теперь поправа! Неужели до этого дошло? Должен ли низший чиновник — губернатор, в руках которого вся власть римского народа, — в римской провинции, в пределах видимости от Италии, связывать, бичевать, пытать и предавать позорной смерти римского гражданина? Неужели ни крики невинных, умирающих в агонии, ни слезы сочувствующих зрителей, ни величие римского государства, ни страх перед правосудием этой страны не остановят безжалостного чудовища, которое, уверенное в своем богатстве, поражает самые основы свободы и бросает вызов человечеству? И спасется ли этот человек? Отцы, этого не должно быть! Этого не должно быть, если только вы не хотите подорвать сами основы социальной безопасности, задушить правосудие и вызвать анархию, массовые убийства и разорение в содружестве.—*Речь против Верреса.*

ПРЕИМУЩЕСТВА ВОЗРАСТА.

(Автор Цицерон.)

Действительно, старость настолько далека от того, чтобы быть обязательно состоянием вялости и бездеятельности, что она обычно продолжает проявлять себя в том виде занятий, который был любимым объектом ее стремления в более энергичные годы. Я добавлю, что можно привести примеры людей, которые в этот период жизни успешно применили себя даже к овладению каким-либо научным искусством, которому они прежде были совершенно незнакомы. Так, Солон в одном из своих стихотворений, написанном в преклонных годах, прославляет то, что "он чему-то учился каждый прожитый день". И хотя я сам стар, лишь недавно я приобрел познания в греческом языке; к которым я применил с еще большим рвением и прилежанием, поскольку давно испытывал искреннее желание познакомиться с трудами и характерами тех замечательных людей, к примерам которых я время от времени обращался в ходе нашей нынешней беседы. Таким образом, Сократ тоже на старости лет научился играть на лире - искусству, которое древние не считали недостойным своего применения. Если я и не последовал примеру философа в данном случае (о чем, действительно, я очень сожалею), то, тем не менее, я не пожалел усилий, чтобы овладеть греческим языком и ученостью.

Неоценимы также преимущества старости, если мы посмотрим на нее с другой точки зрения; если мы рассматриваем ее как избавляющую нас от тирании похоти и честолюбия; от гневных и противоречивых страстей; от всякого чрезмерного и иррационального желания; одним словом, как учащую нас замыкаться в себе и искать счастья в собственной груди. Если к этим моральным преимуществам, естественным образом вытекающим из продолжительности жизни, добавить ту сладкую пищу для ума, которую можно почерпнуть в областях науки, то я не знаю ни одного периода жизни, который проводился бы более приятно, чем ученый досуг добродетельной старости.

БЕССМЕРТИЕ ДУШИ.

(Автор Цицерон.)

А теперь, среди различных мнений философов относительно последствий нашего окончательного распада, не могу ли я рискнуть высказать свое собственное? и чем скорее смерть приближается ко мне, тем яснее я, кажется, различаю ее истинную природу.

Итак, я вполне убежден, что мои дорогие усопшие друзья, два ваших прославленных отца, еще так далеки от того, чтобы перестать жить, что состояние, которым они сейчас наслаждаются, вполне пристойно можно назвать *жизнью*. Душа во время своего заключения в этой тюрьме тела обречена судьбой подвергнуться суровому покаянию; ибо ее родное местопребывание находится на небесах, и она с неохотой вынуждена спускаться из этих небесных обителей в эти низшие области, где все чуждо и противно ее божественной природе. Но я убежден, что боги таким образом широко распространили бессмертных духов и облекли их в человеческие тела, чтобы могла возникнуть раса разумных существ, которые не только будут владычествовать над нашей землей, но и будут созерцать небесное воинство и подражать в своем нравственном поведении тому же прекрасному порядку и единообразию, которые так бросаются в глаза в этих великолепных сферах. Это мнение я вынужден принять не только как согласующееся с наилучшими выводами разума, но и из уважения к авторитету самых благородных и выдающихся философов. И еще больше укрепляет меня в моей вере в бессмертие души беседа, которую Сократ — которого оракул Аполлона провозгласил мудрейшим из людей — провел на эту тему незадолго до своей смерти. Одним словом, когда я рассматриваю способности, которыми наделен человеческий разум; его удивительную быстроту; его удивительную способность вспоминать прошлые события и проницательность в предвидении будущего; вместе с его бесчисленными открытиями в различных искусствах и науках, я чувствую сознательную убежденность в том, что этот активный, всеобъемлющий принцип никак не может быть присущ смертной природе. И поскольку эта непрестанная деятельность души черпает свою энергию из своих собственных внутренних и сущностных сил, не получая ее от какого-либо постороннего или внешнего импульса, из этого неизбежно следует (поскольку абсурдно предполагать, что душа покинет саму себя), что эта деятельность должна продолжаться вечно. Но далее; поскольку душа, очевидно, является простой, несоставной субстанцией, без каких-либо разнородных частей или разнородной смеси, она, следовательно, не может быть разделена; следовательно, она не может погибнуть. Я мог бы добавить, что легкость и быстрота, с которыми молодежь учат овладевать бесчисленными очень сложными искусствами, являются сильным предположением о том, что душа обладала значительной частью знаний до того, как вошла в человеческую форму, и что то, что кажется полученным в результате обучения, на самом деле не что иное, как воспоминание о ее прежних идеях. Таково, по крайней мере, мнение Платона.

ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ.

Юлий Цезарь родился 12 июля 100 года до н.э. Что касается его интеллектуального характера, то Цезарь был одарен природой самыми разнообразными талантами и отличался необычайной гениальностью и достижениями в самых разнообразных областях деятельности. Он был в одно и то же время генералом, государственным деятелем, законодателем, юристом, оратором, поэтом, историком, филологом, математиком и архитектором. Казалось, он одинаково способен преуспеть во всем и привел доказательства того, что превзошел бы большинство людей в любом предмете, которому посвятил бы энергию своего великого ума; и Миддлтон говорит, что он был единственным человеком в Риме, способным соперничать с Цицероном как оратором. В течение всей своей напряженной жизни он находил время для литературных занятий и всегда получал удовольствие от общества и бесед ученых людей.

Цезарь написал много работ на разные темы, но сейчас все они утрачены, кроме его "Комментариев". Они рассказывают историю первых семи лет Галльской войны в семи книгах и Гражданской войны вплоть до начала Александрийской в трех книгах. Чистота его латыни, ясность и красота стиля сделали его "Комментарии" самым популярным и желанным учебником для изучающих латинский язык.

Им было внесено важнейшее изменение в реформу календаря, которое имело не только огромное значение для его страны и цивилизованного мира, но и принесло пользу по сей день. Какую же совершенную глупость, не говоря уже о порочности, проявили заговорщики, предавшие его смерти; ибо вместо мудрого, благородного, великодушного они возвели к высшей власти одного из самых низких людей во всем Риме — Августа, который, будучи одним из второго триумvirата, согласился на убийство своего близкого и благородного друга Цицерона.

JULIUS CAESAR. (С древней скульптуры.)

НЕМЦЫ.

(Юлий Цезарь.)

Германцы сильно отличаются от этих обычаев, поскольку у них нет друидов, которые возглавляли бы священные службы, и они не придают большого значения жертвоприношениям. Они причисляют к числу богов только тех, кого они видят и с помощью которых они явно получают пользу, а именно солнце, огонь и луну; о других божествах они не слышали даже по слухам. Вся их жизнь занята охотой и постижением военного искусства; с детства они предаются усталости и лишениям. Те, кто дольше всех оставался целомудренным, получают наибольшую похвалу среди своего народа; они думают, что это способствует росту, увеличивает физические силы и укрепляет сухожилия.

Они не уделяют большого внимания сельскому хозяйству, и большая часть их пищи состоит из молока, сыра и мяса; ни у кого нет определенного количества земли или своих индивидуальных границ; но магистраты и ведущие люди каждый год выделяют племенам и семьям, объединившимся вместе, столько земли и в том месте, которое они считают подходящим, и год спустя заставляют их переселяться в другое место. Для этого постановления они выдвигают множество причин — чтобы, соблазнившись давним обычаем, они не сменили свой пыл в ведении войны на земледелие; чтобы они не стремились приобрести обширные поместья, и более могущественные не выгоняли более слабых из их владений; чтобы они не строили свои дома со слишком большим желанием избежать холода и жары; чтобы не возникло желание богатства, из-за которого возникают разделения и раздоры; и чтобы они могли поддерживать простой народ в довольном состоянии духа, когда каждый видит, что его собственные средства равны средствам самых могущественных.

Величайшая слава для нескольких государств заключается в том, что вокруг них как можно больше пустынь, а их границы опустошены. Они считают настоящим доказательством своей доблести то, что их соседи будут изгнаны со своих земель и покинут их, и что никто не осмелится поселиться рядом с ними; в то же время они думают, что будут в большей безопасности из-за этого, потому что они избавлены от опасений внезапного вторжения. Когда государство либо отражает войну, развязанную против него, либо ведет ее против другого, избираются магистраты для руководства этой войной с такой властью, что они имеют власть над жизнью и смертью. В мирное время нет общего магистрата, но главы провинций и кантонов вершат правосудие и разрешают споры среди своего собственного народа. Грабежи, которые совершаются за пределами каждого штата, не несут в себе позора, и они признают, что совершаются с целью дисциплинирования их молодежи и предотвращения лени. И когда кто-либо из их вождей говорит на собрании, "что он будет их вождем, пусть те, кто готов последовать, назовут свои имена", те, кто одобряет и предприятие, и человека, встают и обещают свою помощь, и народ аплодирует им; те из них, кто не последовал за ним, причисляются к числу дезертиров и предателей, и им впоследствии отказывают в доверии во всех вопросах. Причинять вред гостям они считают нечестивым; они защищают от зла тех, кто пришел к ним с какой бы то ни было целью, и почитают их неприкосновенными; для них открыты дома для всех, и обслуживание осуществляется бесплатно.

БИТВА ПРИ ФАРСАЛИИ.

(Юлий Цезарь.)

Между двумя линиями оставалось столько места, сколько было достаточно для наступления вражеских армий; но Помпей приказал своим солдатам ожидать атаки Цезаря и не выдвигаться со своих позиций, иначе их линия будет приведена в беспорядок. И говорят, что он сделал это по совету Кая Триария, чтобы сдержать стремительность атаки солдат Цезаря и сломить их строй, и чтобы войска Помпея, оставаясь в своих рядах, могли атаковать их в беспорядке; и он думал, что дротики будут падать с меньшей силой, если солдаты останутся на своих местах, чем если бы они встретились с ними на их пути; в то же время он верил, что солдаты Цезаря, пробежав вдвое больше обычного, устанут и изнурятся от переутомления. Но мне кажется, Помпей действовал без достаточных на то оснований, ибо в сердцах всех людей от природы заложены определенная порывистость духа и рвение, которые воспламеняются желанием встретиться с врагом. Это полководец должен стараться не подавлять, а усиливать; и не напрасным было заведение наших предков, чтобы со всех сторон звучали трубы и раздавался общий клич; они воображали, что враг охвачен ужасом, а их собственная армия воодушевлена мужеством.

Но наши люди, когда был подан сигнал, бросились вперед со своими дротиками, готовыми к пуску, но, заметив, что люди Помпея не побежали навстречу их атаке, приобретя опыт по привычке и натренировавшись в прежних битвах, они по собственному желанию снизили скорость и остановились почти на полпути, чтобы не столкнуться с врагом, когда их силы истощатся, и после короткой передышки они снова возобновили движение, и бросили свои дротики, и мгновенно обнажили мечи, как приказал им Цезарь. Не потерпели неудачи и люди Помпея в этом кризисе, ибо они приняли наши дротики, выдержали нашу атаку и сохранили свои ряды; и, пустив в ход свои дротики, прибегли к своим мечам. В то же время конница Помпея, согласно их приказу, сразу же бросилась вперед с левого фланга, и весь его отряд лучников хлынул за ними. Наша кавалерия не выдержала их атаки, но немного отступила, после чего конница Помпея стала теснить их более энергично и начала обходить отряды с фланга нашей армии. Когда Цезарь понял это, он подал сигнал своей четвертой линии, которую он сформировал из шести когорт. Они мгновенно бросились вперед и атаковали лошадей Помпея с такой яростью, что ни один человек из них не устоял на ногах; но все, развернувшись, не только покинули свой пост, но и поскакали вперед искать убежища в самых высоких горах. При их отступлении лучники и пращники, оставшиеся обездоленными и беззащитными, были изрублены на куски. Когорты, развивая успех, атаковали левое крыло Помпея, в то время как его пехота все еще продолжала сражаться, и атаковали их с тыла.

В то же время Цезарь приказал наступать своей третьей линии, которая до этого в бой не вступала, но оставалась на своем посту. Таким образом, новые и свежайшие войска пришли на помощь уставшим, а другие атаковали их с тыла, и люди Помпея не смогли удержать свои позиции, но все бежали, и Цезарь не обманулся в своем мнении, что победа, как он объявил в своей речи своим солдатам, должна начаться с тех шести когорт, которые он поставил в качестве четвертой линии против конницы. Ибо из-за них кавалерия была обращена в бегство; из-за них лучники и пращники были изрублены в куски; из-за них левое крыло армии Помпея было окружено и вынуждено первым обратиться в бегство. Но когда Помпей увидел, что его кавалерия разбита, а та часть его армии, на которую он возлагал свои самые большие надежды, повержена в смятение, отчаявшись в остальном, он покинул поле боя и сразу же верхом на лошади отступил к своему лагерю, громким голосом, чтобы солдаты могли слышать, крикнув центурионам, которых он поставил охранять преторианские ворота: "Обезопасьте лагерь, - говорит он, - защищайте его с усердием, если ему будет угрожать какая-либо опасность; я побываю у других ворот и ободрю лагерную стражу". Сказав это, он удалился в свою палатку в полном отчаянии, но в то же время с тревогой ожидая исхода.

Цезарь, вынудив помпеянцев бежать в их окопы и думая, что он не должен давать им никакой передышки, чтобы оправиться от испуга, призвал своих солдат воспользоваться благосклонностью фортуны и напасть на лагерь. Хотя они были измучены сильной жарой, поскольку битва продолжалась до полудня, все же, будучи готовыми к любым трудам, они с радостью подчинились его приказу. Лагерь храбро защищали когорты, которые были оставлены для его охраны, но с гораздо большим мужеством фракийцы и иноземные вспомогательные войска. Ибо солдаты, бежавшие туда в поисках убежища с поля битвы, испуганные и измученные усталостью, побросав свое оружие и военные штандарты, были больше заняты мыслями о своем дальнейшем побеге, чем об обороне лагеря. Войска, размещенные на зубчатых стенах, также не могли долго противостоять огромному количеству наших стрел, но, теряя сознание от полученных ран, покинули это место и под предводительством своих центурионов и трибунов бежали, не останавливаясь, к высоким горам, которые примыкали к лагерю.

В лагере Помпея вы могли видеть беседки, в которых были накрыты столы; расставлено большое количество посуды; полы палаток устланы свежим дерном; палатки Луция Лентула и других, затененные плющом; и многое другое, что было доказательством чрезмерной роскоши и уверенности в победе; так что легко можно было сделать вывод, что они не опасались исхода дня, поскольку предавались ненужным удовольствиям, и все же упрекали в роскоши армию Цезаря, огорченные и страждущие войска, которые всегда были уверены в победе. испытывал нехватку в предметах первой необходимости. Помпей, как только наши люди форсировали траншеи, вскочил на коня и, сняв свою генеральскую форму, поспешно выехал через задние ворота лагеря и со всех ног поскакал в Лариссу. Он не остановился и там, но с той же поспешностью, собрав несколько своих летучих отрядов и не останавливаясь ни днем, ни ночью, он прибыл к берегу моря в сопровождении всего тридцати лошадей и поднялся на борт барки с продовольствием, часто жалуясь, как нам рассказывали, что он был настолько обманут в своих ожиданиях, что был почти убежден, что его предали те, от кого он ожидал победы, когда они начали бегство.

ВЕРГИЛИЙ.

Вергилий родился 15 октября 70 года до н.э. и умер в 19 году до н.э. Его отец был богатым фермером и дал своему сыну хорошее образование на греческом и латыни. Его основными работами были *Георгики* и *Энеида*. *Георгики* (Георгики), или "Сельскохозяйственные поэмы", - это дидактическая поэма в четырех книгах, посвященная Меценату. В первой книге он рассказывает о возделывании почвы; во второй - о фруктовых деревьях; в третьей - о лошадях и другом крупном рогатом скоте и в четвертой - о пчелах. Это дает нам наиболее законченный образец латинского гекзаметра, который у нас есть. Ученые признают, что она стоит во главе всех произведений Вергилия и, безусловно, является самым сложным и экстраординарным примером силы в приукрашивании самой бесплодной темы, которую когда-либо позволял себе человеческий гений. Самые обычные принципы ведения сельского хозяйства изложены с изяществом, которого едва ли мог бы достичь поэт, пытающийся облечь в стихи самые возвышенные положения философии.

Неизвестно, в какое время Вергилий изобразил *Энеиду*, но с самого раннего возраста у него, по-видимому, было сильное желание сочинить эпическую поэму, которая стала бы непреходящим памятником его славы. И ему это удалось, ибо эта поэма причислена к одному из величайших эпосов мира. Она разделена на двенадцать книг и берет свое начало

из старой римской традиции, согласно которой Эней и его отряд троянцев поселились в Италии и основали римскую нацию.

ВОСХВАЛЕНИЕ СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ.

(Автор Вергилий.)

Трижды счастливые мужчины! которых благословляют подлинные удовольствия,
Если бы они только знали и чувствовали свое счастье!
Вдали от войн и раздоров, от общественных распрей,
Земля с целебными плодами поддерживает их жизнь;
Хотя им нужны купола с высокими арками, мраморные залы,
И колонны, отделанные золотом и слонами,
Ужасными рядами, где стоят бронзовые статуи,
Отполированные работы искусной руки Греции;
Ни ослепительный вид дворца, гордые порталы которого
Каждое утро извергают пресмыкающуюся толпу;
Ни носить громоздкую гордость тканевых одежд,
Ни искать мягкую шерсть в Сирийский пурпур,
Ни с фантастической роскошью не оскверняющий
природную сладость жидкого масла;
Но спокойное довольство, защищенность от грешных забот,
Но домашнее удовольствие, мир и покой - их;
Досуг и непринужденность в рощах и прохладных долинах,
гротах, журчащих ручьях и мрачных долинах;
Мычащие быки и блеющие овцы,
И под ветвистыми деревьями восхитительный сон!
Там изобилуют леса, лужайки и логова зверей,
Там молодежь умеренна и трудолюбива;
Там боятся алтарей и праведных богов,
И почитают престарелых отцов верные сыновья.
Там Правосудие задержалось до того, как она покинула человечество,
И оставила после себя некоторые следы своего правления!

Георгикс II. Уортон.

ЗАНЯТИЯ ПЧЕЛЫ.

(Автор Вергилий.)

Если все с чем-то великим можно сравнить, то
Таковы пчелы и такова их напряженная забота:
Каждая в своей степени прилежна к меду,
Юный поклонник, серьезная, опытная пчела;
та в поле; эта в государственных делах,
Занята дома, остается за воротами,
Укрепляет соты, возводит стену,
Поддерживает руины, чтобы ткань не упала:
Но поздно ночью с усталыми крыльями приходит
Трудящаяся молодежь с тяжелой ношей домой.
Равнины, луга и фруктовые сады, весь день он бороздит,

Побеги желтого тимьяна растягивают его бедра:
Он портит цветы шафрана, он пьет синеву
фиалок, буйных цветов и ивовой росы.
Их тяжкий труд обычен, обычен их сон;
Они взмахивают крыльями, когда начинается утро;
Без промедления врываются в городские ворота и
заканчивают свою работу только на закате дня:
затем, израсходовав последние остатки света,
ночью они дают своим телам должный покой;
Когда глухой звон их вечерних колоколов
Распускает сонных парней и разносит их по кельям.

Георгики IV. Драйден.

ВЕРГИЛИЙ И ГОРАЦИЙ.

НАКАЗАНИЯ В АДУ.

(Автор Вергилий.)

Теперь Эней бросает взгляд влево,
Туда, где возвышаются высокие стены с тройными валами.
Вот катится быстрый Флегетон с громopodobным звуком,
Разбивая свои камни, и кружит свои волны.
На могучих колоннах, возвышенных, висят
Массивные ворота, непробиваемо прочные.
Напрасно люди, напрасно боги пытались бы
Отрубить лучи адаманта.
Здесь возвышалась железная башня; перед воротами,
Днем и ночью, сидела бодрствующая фурия,
бледная Тисифона; одеяние, которое она носила,
Со всей пышностью ужаса, было покрыто кровью.
Здесь громкий бич и еще более громкий голос боли,
Треск оков и гремющая цепь.
Поражите великого героя ужасающим звуком,
хриплым, грубым, смешанным шумом, который гремит вокруг:
О! откуда этот раскат стонов? что это за боль?
Какие преступления могли вызвать такие огромные страдания?
Таким образом, она — отважный страж троянского государства,
Никто из чистых не должен проходить через эти ужасные врата.
Поселившись в лесах Гекаты над Аверном,
я узнал секреты этих ужасных жилищ,
Со всеми пытками мстительных богов.
Здесь Радамант проводит свое ужасное правление,
Слышит и осуждает трепещущую нечестивую свиту.
Те скрытые преступления, которые негодяй скрывает до самой смерти,
Со смешанной радостью и ужасом в груди,
Суровый судья ужаса приказывает ему показать,
И обнажает преступные тайны сегодня;
Ее плоть Тисифона в этот момент дрожит;
Призрак, которого она бичевала тысячей змей;
Затем к ней на помощь, со многими громовыми воплями,
Призывает своих ужасных сестер из бездн ада.
Рядом с могучим Титием, которого я видел,
могучий сын-великан Земли, раскинулся на адском поле;
Он покрыл девять больших акров, пока лежал,
В то время как с яростными криками стервятник разрывал
Его печень для своей еды и вычерпывал дымящуюся добычу;
Глубоко погрузил свой окровавленный клюв, но не напрасно,
Ибо плодоносящие волокна все еще прорастают снова,
Набухают и возобновляют боль огромного монстра,
Она вечно обитает в его просторной груди,
И не дает покоя. ревущий дьявол на мгновение отдыхает;
Но все же эта "бессмертная добыча" обеспечивает ему "бессмертный пир".

Нужно ли мне рассказывать об ужасных муках Лапифов,
муках Иксиона или судьбе Гибельного?
На высоте раскачивается скальный обломок,
выступает в воздух и трепещет над их головами.
Растянувшись на диване, они тоскующими глазами наблюдают, как
В царственной пышности сменяют друг друга банкеты,
В то время как светлые колонны, восхитительные для созерцания,
Поддерживают императорские золотые балдахины.
Королева фурий, величественная гостья,
Сидит рядом с ними и охраняет соблазнительный пир,
К которому, если они прикоснутся, она поднимает свой ужасный факел,
Пламя в их глазах и гром в их ушах
Те, кто на земле преследовал низкие цели,
Ненавидели своих братьев или убивали своих родителей,
И, что еще более многочисленно, те, кто увеличил свои запасы,
Но никогда не помогал своим родственникам или бедным;
Или за несправедное дело сражались и проливали кровь;
Или погибли в грязном ложе прелюбодеяния;
Или разорвут узы веры низким обманом;
их ждут мучения, назначенные судьбой.
Но каковы их муки, не стремись ты узнать,
Или ужасный приговор их бесконечному горю.
Кто-то катит камень, отскакивающий вниз по склону,
Кто-то повисает на вращающемся колесе;
Там Тесей стонет от боли, которая никогда не умрет,
Прикованный навеки к огненному креслу.
Там Флегий испытывает невыразимое горе,
И неумолчно рычит сквозь тени внизу;
Будьте справедливы, вы, смертные! клянусь этими муками,
Этими ужасными муками, не презирать бога.
Этот негодяй продал свою страну тирану,
И обменял славную свободу на золото.
Законы за взятку он пропускал, но пропускал напрасно,
За те же самые законы взятку отменяли бы снова.
Все они стремились к каким-то чудовищным преступлениям;
Все чувствуют муки, которых требовали эти преступления!
Будь у меня сотня ртов, сотня языков,
медный голос и несокрушимые легкие,
я не смог бы раскрыть и половины грандиозной сцены,
Повторить их преступления или сосчитать их ужасные горести!

Æneid VI. Pium.

ГОРАЦИЙ.

Гораций родился в 65 году до н.э. и умер в 8 году до н.э. Его отец дал ему хорошее образование. Примерно в возрасте семнадцати лет он потерял отца, а впоследствии его имущество было конфисковано. Ему приходилось писать ради хлеба насущного — *Paupertas impulit audax ut против facerem*— и, поступая так, он приобрел большую репутацию и

достаточные средства, чтобы купить место писца в канцелярии квестора. Теперь он познакомился с Вергилием и Варием, а через них был представлен великодушному покровителю ученых Меценату, который отвел нашему поэту место в своем сердце, в то время как он, в свою очередь, никогда не устает признавать, сколь многим он обязан своему прославленному другу.

Следующие удачные замечания о римских сатириках принадлежат профессору Сэнборну, бывшему профессору латыни в Дартмутском колледже, а ныне в Университете Сент-Луиса: "Главными римскими сатириками были Гораций, Ювенал и Персий. Гораций весел; Персий серьезен; Ювенал возмущен. Таким образом, остроумие, философия и возвышенное презрение отмечают соответствующие страницы. Сатира Горация была игривой и добродушной. Его стрелы всегда были обмакнуты в масло. Он был прекрасным образцом образованного джентльмена. Его окружение, очевидно, изменило его чувства. Он был поочередно эпикурейцем и стоиком. Он восхвалял и высмеивал обе секты. Он практиковал экономию и восхвалял щедрость. Он жил умеренно и воспевал праздники. Он был любимцем двора и платил за его покровительство комплиментами и панегириками, непревзойденными по тонкости чувств и красоте выражения. Гораций - спутник каждого мужчины. У него есть совет и предостережение для всех. Его критические замечания составляют наиболее одобренные каноны риторика; его мудрые размышления украшают страницу моралиста; его юмор и остроумие придают остроту и силу сатирику, а его более серьезные сентенции не вызывают презрения у христианского философа. Ювенал жесток и обличителен. Его характерные черты - энергия, сила и негодование; его оружие - ирония, остроумие и сарказм; он решительный персонаж, и вы должны уступить и покориться или сопротивляться. Его обличения порока поразительны. Он ненавидел греков, аристократию и женщин лютой ненавистью. Ни один автор не писал с такой ужасной горечью о сексе. В отличие от других сатириков, он никогда не смягчается. Его стрела всегда на тетиве, и все, что носит облик женщины, - его игра. Самыми знаменитыми из современных подражателей Горация и Ювенала являются Свифт и Поуп".

Его главные произведения - оды, сатиры и Послания.

ЛИЦИНИЮ.

(Автор Гораций.)

Прими, дорогой друг, истины, которым Я учу,
Так ты будешь жить вне досягаемости
враждебной силы Судьбы;
Не всегда искушай далекие глубины,
И не всегда робко крадись
Вдоль предательского берега.

Тот, кто твердо придерживается золотой середины,
И живет в довольстве между
малым и великим,
не испытывает ни нужды, которая мучает бедных,
Ни язв, которые преследуют дверь богача,
Отравляя все его состояние.

Самые высокие сосны сильнее всего ощущают силу
зимних порывов; самая высокая башня
тяжелее всего падает на землю;
Стрелы, которые щадят склон горы,
Его облачную вершину, раскалываются,
И разносят руины вокруг.

Хорошо информированный философ
Радует, испытывая здоровый страх,
И надеется, несмотря на боль;
Если с севера надвигается Зима,
Вскоре, танцуя, наступает сладкая Весна,
И Природа снова смеется.

Что, если твои небеса будут затянуты тучами?
Мрачный облик не продлится долго;
Ожидайте более светлого неба;
Бог, натягивающий серебряный лук,
иногда будит и Муз
И пускает свои стрелы мимо.

Если препятствия преграждают тебе путь,
Прояви свое великодушие,
И покажи свою силу;
Но о! если судьба наполнит твой парус
более чем благоприятным штормом,
Возьми с собой половину парусины.

Купер.

К ПИРРЕ.

(Автор Гораций.)

Какая молодость, о Пирра! цветущая красавица,
С венком из роз и надушенными волосами,
Ухаживает за тобой в тени этого грота,
Настойчивая в молитве и с влюбленным взглядом?
Для кого ты заплетаешь свои косы,
Простая в своей элегантности?
Увы! очень скоро он пожалеет о
Твоей сломленной вере, о твоём изменившемся облике:
Как тот, кто поражен ревом
бурунов на подветренном берегу,
Кого нежный воздух и безмятежное небо
Соблазнили на коварную глубину,
Так будет плакать о твоём вероломстве
Тот, кто сейчас наслаждается тобой, прекрасной и доброй,

Но не мечтает о переменчивом ветре.
Трижды несчастны они, обманутые и преданные,
Которые доверяют твоей сверкающей улыбке и языку Сирены!
Я избежал кораблекрушения и повесил
В храме Нептуна свой промокший жилет, выставленный напоказ,
С табличкой обета на его алтаре,
Благодаря морского бога за его своевременную помощь.

Лорд Рейвенсворт.

СЕНЕКА.

Сенека родился в 7 году до н.э. и умер в 65 году н.э. Его труды носили философский характер. Его характер вызывал большие сомнения. Его великим несчастьем было то, что он был знаком с Нероном, который приказал предать его смерти, на что он просто ответил, что нельзя ожидать, что тот, кто убил его брата и его мать, пощадит своего учителя. Некоторое время его не было в Риме, и когда он вернулся навестить свою мать в деревне, за ним установили слежку, и Нерон послал в дом отряд вооруженных людей, чтобы попросить его выбрать способ своей смерти. Его слава зиждется на его многочисленных произведениях, которые, при всех их недостатках, обладают большими достоинствами. Его основные работы, носящие философский характер, - это эссе "О гневе", "Об утешении", "О Провидении", "О спокойствии ума", "О твердости мудреца", "О милосердии", "О краткости человеческой жизни", "О счастливой жизни" и т. Д., А также "Послания Луцилия", которых насчитывается сто двадцать четыре. Помимо них, до нас дошли десять трагедий, приписываемых ему, озаглавленных "Геркулес Фуренс", *Фиест*, *Фиваида* или *Финисса*, *Ипполит* или *Федра*, *Эдип*, *Троады* или *Гекуба*, *Медея*, *Агамемнон*, *Геркулесетей* и *Октавия*". Они никогда не предназначались для сцены, но были созданы для чтения по римскому обычаю. Они содержат много ярких отрывков и обладают некоторыми достоинствами как стихотворения.

СЧАСТЬЕ, ОСНОВАННОЕ НА МУДРОСТИ.

(Автор Сенека.)

Принимая как должное, что *человеческое счастье* основано на *мудрости* и *добродетели*, мы рассмотрим эти два пункта по порядку, и *сначала мудрость*; не в широте ее различных действий, а только в том, что касается хорошей жизни и счастья человечества.

Мудрость - это правильное понимание; способность отличать добро от зла; что следует выбирать, а что отвергать; суждение, основанное на ценности вещей, а не на общепринятом мнении о них; равенство сил и твердость решимости. Она следит за нашими словами и поступками, она увлекает нас созерцанием творений природы и делает нас неуязвимыми как для доброй, так и для злой судьбы. Она большая и просторна и требует много места для работы; она обшаривает небо и землю; ее целью является прошлое и грядущее, преходящее и вечное. Она исследует все обстоятельства времени; "что это такое, когда это началось и как долго это будет продолжаться"; и то же самое для ума; "откуда это пришло; что это такое; когда это начинается; как долго это длится; переходит ли оно из одной формы в другую или служит только одной и блуждает, когда покидает нас; где оно пребывает в состоянии разделения и каково его действие; как оно использует свою свободу; сохраняет ли оно память о прошлых вещах и приходит ли к познанию самого себя". Это привычка совершенного ума и совершенства человечества, поднятого так высоко, как только может

поднять его природа. Она отличается от *философии*, как алчность и деньги; одно желает, а другое желаемо; одно является результатом и наградой другого. Быть мудрым - это использовать мудрость, так же как видеть - это использовать глаза, а хорошо говорить - красноречие. Тот, кто совершенно мудр, совершенно счастлив; более того, само начало мудрости облегчает нам жизнь. Также недостаточно знать это, если только мы не запечатаем это в своем сознании посредством ежедневной медитации и таким образом не привнесем *добрую волю* в хорошую привычку. И мы должны практиковать то, что проповедуем, ибо *философия* - это не предмет популярной показухи, и она заключается не в словах, а в вещах. Это не развлечение, которым занимаются ради удовольствия или для того, чтобы придать вкус отдыху, но оно формирует ум, управляет нашими действиями, говорит нам, что мы должны делать, а что нет. Он стоит у руля и ведет нас через все опасности; более того, мы не можем быть в безопасности без него, ибо каждый час дает нам возможность воспользоваться им. Она учит нас всем жизненным обязанностям, благочестию к нашим родителям, вере в наших друзей, милосердию к несчастным, рассудительности в совете; она дает нам *мир*, когда мы ничего *не боимся*, и *богатство*, когда мы ничего не *желаем*.

Нет таких условий жизни, которые препятствовали бы мудрому человеку выполнять свой долг. Если его состояние хорошее, он *закаляет* его; если плохое, он *управляет* им; если у него есть поместье, он будет проявлять свою добродетель в изобилии, если его нет, то в бедности; если он не может делать этого в своей стране, он сделает это в изгнании; если у него нет командования, он будет исполнять обязанности простого солдата. Некоторые люди владеют искусством подчинять себе самых свирепых зверей: они заставляют льва обнять своего хозяина, тигра поцеловать его, а слона преклонить перед ним колени. Это случай мудрого человека, оказавшегося в величайших трудностях; пусть они никогда не будут такими ужасными сами по себе, когда они однажды приходят к нему, они совершенно ручные. Те, кто приписывает изобретение земледелия, архитектуры, мореплавания и т. Д. Мудрым людям, возможно, правы, что они были изобретены мудрыми людьми; но они не были изобретены мудрыми людьми, поскольку *мудрые люди*; ибо мудрость учит не наши пальцы, а наш разум: игра на скрипке и танцы, оружие и укрепления были произведениями роскоши и раздора; но мудрость наставляет нас на пути природы и в искусствах единства и согласия; не в инструментах, но в управлении жизнью; и не для того, чтобы заставить нас жить только , но жить счастливо. Она учит нас, что такое добро, что такое зло, а что только кажется таковым; и отличать истинное величие от опухоли. Она очищает наш разум от шлака и тщеславия; она возносит наши мысли к небесам и уносит их в ад; она рассуждает о природе души, ее силах и способностях; о первых принципах вещей; о порядке провидения: она возвышает нас от материальных вещей к вещам бестелесным; и восстанавливает истину обо всем: она исследует природу, дает законы жизни; и говорит нам, "что недостаточно знать Бога, если мы не повинемся Ему". Она рассматривает все случайности как акты провидения; придает вещам истинную ценность; избавляет нас от всех бед. от ложных мнений и осуждает все удовольствия, сопровождающиеся покаянием. Она не допускает, чтобы было хорошо то, что не будет таковым вечно; чтобы ни один человек не был счастлив, кроме того, кому не нужно никакого другого счастья, кроме того, что он имеет внутри себя; чтобы ни один человек не был великим или могущественным, кто не был бы хозяином самого себя; — и в этом счастье человеческой жизни; счастье, которое нельзя ни испортить, ни уничтожить.

ВОПРЕКИ ОПРОМЕТЧИВЫМ СУЖДЕНИЯМ.

(Автор Сенека.)

ЕВКЛИД.

Каждому человеку полезно укреплять свою слабую сторону; и если он любит свой покой, он не должен быть любознательным и прислушиваться к рассказчикам; ибо человек, которому чрезмерно любопытно все слышать и видеть, сам умножает неприятности; ибо человек не чувствует того, чего не знает. Тот, кто слушает после частной беседы то, что люди говорят о нем, никогда не обретет покоя. Сколько вещей, которые сами по себе невинны, становятся вредными из-за неправильного толкования? Поэтому на одних вещах мы должны остановиться, над другими посмеяться, а третьи снова простить. Или, если мы не можем избежать чувства унижения, давайте, однако, воздержимся от открытого признания этого; что может быть легко сделано, как показывают многие примеры тех, кто подавил свой гнев под страхом большего страха. Это хорошее предостережение - не верить ничему, пока вы не будете полностью уверены в этом; ибо многие вероятные вещи оказываются ложными, и короткое время станет доказательством несомненной истины. Мы склонны верить многим вещам, которые не желаем слышать, и поэтому делаем выводы и приобретаем предубеждение, прежде чем сможем судить. Никогда не осуждайте друга, не выслушав его, или не сообщив ему о его обвинителе или его преступлении. Это обычное дело - сказать: "Не говори, что ты получил это от меня; потому что, если ты это сделаешь, я буду это отрицать; и никогда больше тебе ничего не скажу". Это означает, что друзей сводят вместе за уши, и информатор высовывает шею из ошейника. Не допускайте никаких историй на этих условиях, ибо это несправедливо - верить в тайне и сердиться открыто. Тот, кто предается догадкам, подвергается большой опасности; ибо не может быть подозрений без некоторых вероятных оснований; так что без большой искренности и простоты, без использования всего наилучшего невозможно жить в обществе с человечеством. О некоторых вещах, которые нас оскорбляют, мы сообщаем в отчетах; другие мы видим или слышим. В первом случае давайте не будем слишком легковерны; некоторые люди сочиняют истории, которые могут ввести нас в заблуждение; другие рассказывают нам только то, что слышат, и сами обманываются; некоторые делают своим развлечением дурные дела; другие делают их только для того, чтобы получить благодарность; есть такие, которые разлучили бы самых дорогих друзей в мире; другие любят творить пакости и стоят в стороне, чтобы посмотреть, что из этого выйдет. Если бы это было незначительное дело, у меня были бы свидетели; но если бы оно было более важным, я бы дал показания под присягой и предоставил время обвиняемому, а также адвокату, и слушал бы это снова и снова.

РАВЕНСТВО ЛЮДЕЙ.

(Автор Сенека.)

Нехорошо все еще роптать на природу и фортуна, как будто это их недоброжелательность делает тебя незначительным, когда только твоя собственная слабость делает тебя таким; ибо

именно добродетель, а не происхождение, делает человека ценным или счастливым. Философия ни отвергает, ни выбирает какого-либо человека по его качествам. Сократ не был *патрицем*, Клеант - всего лишь *младшим садовником*; и Платон возвеличивал философию не своим происхождением, а своей добротой. Все эти достойные люди - наши *прародители*, если только мы окажем себе честь стать их *учениками*. Исток всего человечества был один и тот же, и только чистая совесть делает любого человека благородным, ибо это исходит даже от самих небес. Это высказывание великого человека, что если бы мы могли проследить наше происхождение, то обнаружили бы, что все рабы произошли от принцев, а все принцы - от рабов. Но фортуна перевернула все вверх дном в долгой истории революций. Совершенно очевидно, что до этого у нас ничего не было, и наши предки были одни из них великолепными, другие - убогими, как это случилось. Мы потеряли памятники нашего происхождения; и, по правде говоря, важно не то, откуда мы пришли, а то, куда мы идем. Слава наших предшественников не в большей степени делает нам честь, чем им стыдно за порочность их потомков. Все мы состоим из одних и тех же элементов; почему же тогда мы должны ценить себя за благородство крови, как будто не все мы равны, если бы только могли восстановить наши доказательства? Но когда мы не можем продолжать в том же духе, *herald* предоставляет нам какого-нибудь *героя* на место прославленного оригинала, и происходит подъем оружия и семей. Для человека тратить свою жизнь на то, чтобы получить титул, который пригодится только после его смерти, придумывать *эпитафию*, - ниже компетенции мудрого человека.

ВСЕ УСТРОЕНО БОГОМ.

(Автор Сенека.)

Каждый человек знает без слов, что эта чудесная ткань Вселенной не лишена Управляющего, и что постоянный порядок не может быть делом случая, ибо тогда части напозли бы одна на другую. Движение звезд и их влияние осуществляются по велению вечного указа. Именно по велению Всемогущей Силы тяжелое тело земли находится в равновесии. Откуда происходят смена времен года и течение рек? удивительная сила мельчайших семян? как дуб вырастающий из желудя. Не говоря уже о тех явлениях, которые кажутся наиболее нерегулярными и неопределенными; как облака, дождь, гром, извержения огня с гор, землетрясения и те бурные движения в нижних слоях воздуха, которые имеют свои определенные причины, так же как и те явления, которые кажутся нам более восхитительными, потому что встречаются реже; как кипящие фонтаны и новые острова, выступающие из моря; или что мы скажем о приливах и отливах океана, постоянстве времени и меры приливов в соответствии с изменениями луны, влияющей на большинство тел; но в этом нет необходимости, ибо дело не в том, что мы сомневаемся в провидении, а в том, что мы жалуемся на него. И это было бы хорошим служением - примирить человечество с богами, которые, несомненно, являются лучшими для лучших. То, что добро должно причинять вред добру, противоречит природе. Хороший человек - это не только друг Бога, но и Его образ, ученик и подражатель, а также истинное дитя своего Небесного Отца. Он верен себе и действует с постоянством и решимостью.

ПЛУТАРХ.

Плутарх родился в 90 году н.э. в Херонее, городе Беотия. Ему мы обязаны столь многими жизнями философов, поэтов, ораторов и полководцев древности. Ни одна книга не пользовалась таким всеобщим спросом и не читалась с большей жадностью, чем

"Жизнеописания Плутарха". Какой бы древней она ни была, будь то греческая или латинская, ни одна из них не получила такой всеобщей популярности. Но характер самого Плутарха, не в меньшей степени, чем его метод написания биографии, объясняет его всеобщую популярность и придает его книге особое очарование и ценность. Он был человеком широкой и щедрой натуры, сильных чувств, утонченных вкусов, быстрого восприятия. Его ум был развит в приобретении лучших знаний своего времени и дисциплинирован изучением книг так же, как и людей. Он заслуживает звания философа; но его философия носила скорее практический, чем умозрительный характер, хотя он был сведущ в мудрейших доктринах великих мастеров древней мысли и в некоторых своих нравоучительных трудах показывает себя их достойным последователем. Прежде всего, он был человеком веселого и добродушного нрава. Он любит справедливость и свободу, его симпатии всегда на стороне того, что правильно, благородно и благородно.

Он получил образование в Дельфах и совершенствовался благодаря преимуществам зарубежных путешествий. По возвращении он был нанят своей страной в посольстве в Риме, где открыл школу для юношества, используя все свое свободное время в этой столице мира и главном средоточии эрудиции для приобретения тех обширных знаний, которые он впоследствии прочитал на радость и в назидание человечеству. "Следует иметь в виду, - говорит он, - что моя цель - писать не истории, а жизнеописания. И самые славные подвиги не всегда дают нам яснейшее представление о добродетели или пороке в людях; иногда менее важные вещи, выражение или шутка, лучше сообщают нам об их характерах и склонностях, чем самые знаменитые осады, величайшее вооружение или самые кровопролитные сражения вообще. Следовательно, поскольку художники-портретисты более точны в линиях и чертах лица, в которых виден характер, чем в других частях тела, мне должно быть позволено уделять более пристальное внимание приметам и признакам человеческих душ; и, хотя я пытаюсь с их помощью изобразить их жизнь, я могу быть свободен предоставить другим заниматься более важными вопросами и великими битвами".

УЖАСНЫЕ ЗАПРЕТЫ СИЛЛЫ.

(По Плутарху.)

Таким образом, Силла был полностью поглощен резней и наполнял город бесчисленными казнями, множество совершенно незаинтересованных людей пали жертвой личной вражды, благодаря его разрешению и снисхождению к своим друзьям, Гай Метелл, один из молодых людей, осмелился в сенате спросить его, чем закончилось это зло и в какой момент от него можно ожидать, что он остановится? "Мы не просим вас, - сказал он, - простить тех, кого вы решили уничтожить, но освободить от сомнений тех, кого вам угодно спасти". Сулла ответил, что пока не знает, кого щадить: "Что ж, тогда, - сказал он, - скажи нам, кого ты накажешь". Это, по словам Силлы, он сделает. Эти последние слова, как утверждают некоторые авторы, были произнесены не Метеллом, а Афидом, одним из заискивающих компаньонов Силлы. Сразу после этого, не связываясь ни с кем из магистратов, Силла объявил вне закона восемьдесят человек, и, несмотря на всеобщее возмущение, после однодневной передышки он отправил в отставку еще двести двадцать человек, а на третий день - еще столько же. В обращении к людям по этому случаю он сказал им, что назвал столько имен, сколько смог придумать; те, которые ускользнули из его памяти, он опубликует в будущем. Он также издал указ, делающий смерть наказанием человечества, запрещающий любому, кто осмелится принять и лелеять запрещенного человека, без исключения, брату, сыну или родителям. И тому, кто убьет хоть одного запрещенного человека, он назначил награду в два таланта, даже если это будет раб, убивший своего господина, или сын, убивший своего отца. И что считалось самым несправедливым из всех, он заставил наследодателя передать их

сыновьям и сыновьям сына и устроил открытую распродажу всего их имущества. Запрет распространялся не только в Риме, но и во всех городах Италии кровопролитие было таким, что не уцелели ни святилища богов, ни очаги гостеприимства, ни дома предков. Мужчин убивали в объятиях их жен, детей - на руках их матерей. Те, кто погиб из-за общественной или личной вражды, были ничем по сравнению с числом тех, кто пострадал из-за своего богатства. Даже убийцы начали говорить, что "его прекрасный дом убил этого человека, сад того, третьего, его горячие ванны". Квинт Аврелий, тихий, миролюбивый человек, считавший, что вся его роль в общем бедствии заключается в сочувствии несчастьям других, выйдя на форум, чтобы прочесть список, и оказавшись среди запрещенных, воскликнул: "Горе мне, моя альбанская ферма донесла на меня". Он не успел уйти далеко, как был убит негодяем, посланным с этим поручением.

СРАВНЕНИЕ ДЕМОСФЕНА И ЦИЦЕРОНА.

(По Плутарху.)

Опуская точное сравнение соответствующих способностей, говоря о Демосфене и Цицероне, все же многое кажется уместным сказать; что Демосфен, чтобы стать мастером риторики, применил все способности, которыми он обладал, природные или приобретенные, полностью таким образом; что он намного превзошел по силе красноречия всех своих современников в политических и судебных выступлениях, по величию и величественности всех панегирических ораторов, а по точности и научности всех логиков и риториков своего времени; что Цицерон был высокообразован, и по его способностям прилежное изучение привело к тому, что он стал самым опытным ученым во всех этих областях, оставив после себя многочисленные собственные философские трактаты об академических принципах; как, впрочем, и в его письменных выступлениях, как политических, так и судебных, мы видим, что он постоянно пытается продемонстрировать свою ученость. И в их речах можно обнаружить разный темперамент каждого из них. Ибо ораторское искусство Демосфена было лишено всяких прикрас и шуток, полностью рассчитано на реальный эффект и серьезность; пахло не лампадой, как насмешливо сказал Пифей, а умеренностью, вдумчивостью, аскетизмом и серьезной серьезностью его характера. В то время как любовь Цицерона к насмешкам часто доводила его до грубости; и в своей любви высмеивать серьезные аргументы в судебных делах шутками и остроумными замечаниями в интересах своих клиентов он слишком мало заботился о том, что прилично. Действительно, Цицерон по натуре был очень расположен к веселью и остроумиям и всегда появлялся с улыбающимся и безмятежным выражением лица. Но во взгляде Демосфена были постоянная забота и вдумчивость, а также серьезная тревога, которую он редко, если вообще когда-либо, скрывал, и поэтому его враги, как он сам признавался, считали его угрюмым и невоспитанным.

АЛЕКСАНДР СЕВЕРУС.

Также из их нескольких сочинений совершенно очевидно, что Демосфен никогда не касался собственных похвал, кроме как пристойно и без оскорблений, когда в этом была необходимость и для какой-нибудь более весомой цели; но в других случаях - скромно и скупо. Но безмерное хвастовство Цицерона самим собой в своих речах доказывает, что он виновен в неконтролируемом стремлении к отличиям, он все чаще призывает к тому, чтобы

оружие уступило место мантии, а солдатские лавры - языку. И, наконец, мы видим, что он превозносит не только свои поступки, но и свои речи, как только произнесенные, так и опубликованные. * *

Способность убеждать людей и управлять ими действительно в равной степени принадлежала обоим, так что те, кто командовал армиями и лагерями, нуждались в их помощи. Но то, что, как считается, и обычно говорят, больше всего демонстрирует и испытывает характер людей, а именно власть и положение, возбуждая каждую страсть и обнаруживая каждую слабость, - это то, чего Демосфен никогда не получал; и он никогда не был в состоянии показать себя таким образом, так как никогда не занимал никакого выдающегося поста и не водил ни одну из тех армий на поле боя против Филиппа, которые он поднял своим красноречием. Цицерон, с другой стороны, был послан квестором на Сицилию и проконсулом в Киликию и Каппадокию в то время, когда алчность была в разгаре, а командующие и губернаторы, нанятые за границей, как будто считали воровство подлым делом, стали брать его открытой силой; так что брать взятки не казалось чем-то отвратительным, но тот, кто делал это наиболее умеренно, пользовался большим уважением. И все же в то время он привел самые убедительные доказательства как своего презрения к богатству, так и своей человечности и добродушия. И в Риме, когда он был назначен номинальным консулом, но на самом деле получил суверенную и диктаторскую власть против Катилины и его заговорщиков, он подтвердил истинность предсказания Платона о том, что тогда бедствиям государств придет конец, когда по счастливой случайности верховная власть, мудрость и справедливость объединятся в одно целое. * *

Наконец, смерть Цицерона вызывает у нас жалость; к старику, которого жалкие слуги носили взад и вперед, убегая и прячась от смерти, которая по природе своей была так близка, и все же в конце концов он был убит. Демосфен, хотя поначалу и казался немного умоляющим, тем не менее, тем, что он приготовил яд и держал его при себе, заслуживает нашего восхищения; и еще более восхитительным было то, как он его использовал. Когда храм бога перестал служить ему убежищем, он, так сказать, нашел убежище у более могущественного алтаря, освободившись от оружия и солдат и смеясь над жестокостью Антипатра.

[По-видимому, таковы были взгляды Плутарха на самоубийство и, по сути, дух эпохи, в которую он жил. С точки зрения философии наших дней, самоубийство не проявляет ничего, кроме слабости и, как правило, безумия.]

Выгравировано и напечатано братьями Иллман.
ШКОЛА ДЕВСТВЕННЫХ ВЕСТАЛОК
(НАСТЕННАЯ ЖИВОПИСЬ ПОМПЕИ)
ДЛЯ МУЗЕЯ АНТИЧНОСТИ

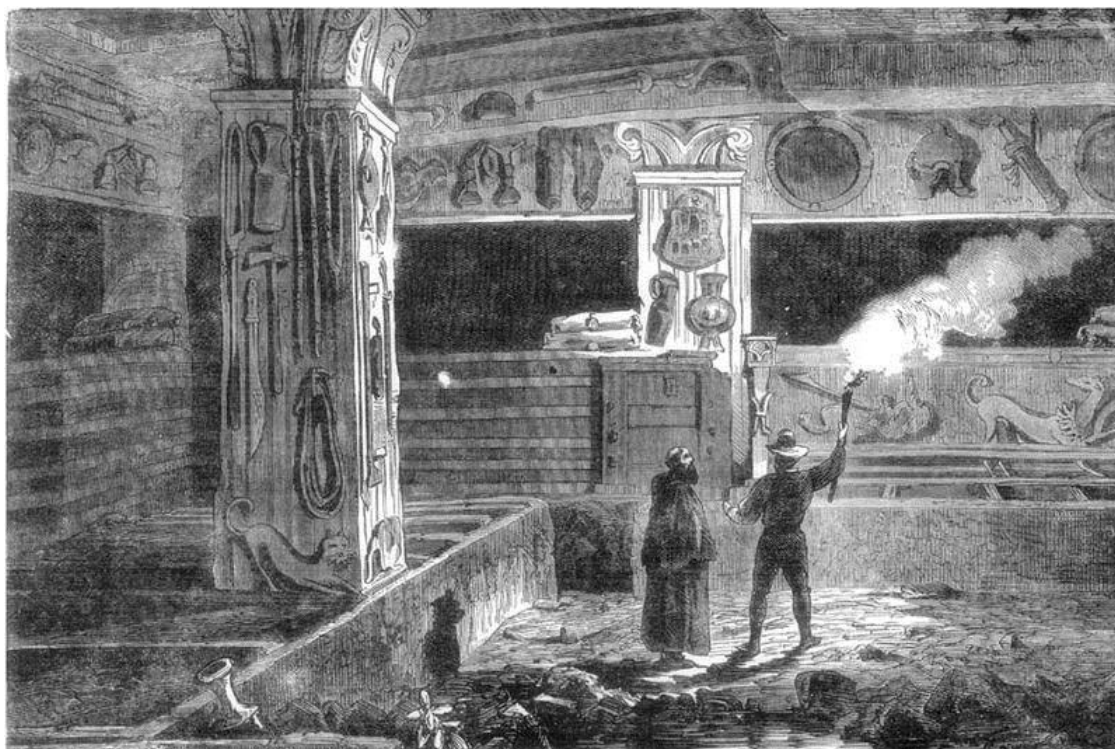
ГРОБНИЦЫ И КАТАКОМБЫ.

Содержание

ГРОБНИЦЫ.

Уважение к мертвым и внимательное отношение к надлежащему исполнению погребальных обрядов были отличительными чертами человека во все века и в разных странах. Среди греков и римлян погребению мертвых придавалось большое значение, поскольку, если труп оставался непогребенным, считалось, что дух усопшего в течение ста лет странствовал по эту сторону Стикса. Следовательно, религиозным долгом стало засыпать землей любое непогребенное тело, которое кто-либо мог случайно встретить. Этого считалось достаточным, чтобы умиловить адских богов. Самой ранней гробницей был курган, насыпанный над мертвыми. Это форма, естественно предложенная человеку на ранних стадиях его развития. Существует два класса примитивных гробниц, которые, очевидно, относятся к высочайшей древности. *Гипергейные*, или приподнятые насыпи, или курганы, и *гипогейные*, которые находятся под землей или раскопаны. Курганы можно рассматривать как самую простую и древнюю форму захоронения. Его использование было повсеместным среди всех первобытных народов. Таким был мемориал, воздвигнутый греками над телами своих героев. Эти возвышенные курганы можно встретить во всех странах. Этруски усовершенствовали эту форму, окружив основание подиумом или несущей стеной из каменной кладки, как в Кокумелле в Вульчи и в гробнице Регули-Галасси. Лидийцы применили аналогичное усовершенствование в гробнице Алиатта, недалеко от Сард.

Пирамида, которая является всего лишь дальнейшим развитием в камне этой формы погребения, характерна не только для Египта, она была принята в нескольких других странах. Примеры подземных гробниц можно найти в Египте, Этрурии, Греции. В Египте и Этрурии можно найти примеры необычайного труда, затраченного на раскопки и строительство этих подземных обителей мертвых. Великое почтение, которое египтяне оказывали телам своих предков, и их тщательное сохранение путем бальзамирования обусловили необходимость в большом количестве гробниц огромной протяженности. Египтяне называли свои земные жилища гостиницами, потому что люди останавливаются там ненадолго; гробницы усопших они называли вечными обителями, потому что умершие жили в них вечно.

ЕГИПЕТСКАЯ ГРОБНИЦА.

Пирамиды были гробницами. Эти памятники были последней обителью царей ранних династий. Их можно встретить только в Нижнем Египте. Фиванские цари и их подданные не возводили пирамид, и ни одна из их гробниц не является структурной. В Верхнем Египте при многочисленных раскопках живой породы в горах Фиваиды были обнаружены их бранные останки. Ничто не может сравниться с великолепием и тщательностью, с которыми были раскопаны и украшены эти царские гробницы. По-видимому, у их королей был обычай, как только они восставали на трон, начинать готовить место своего последнего упокоения. Раскопки, по-видимому, продолжались непрерывно, год за годом, роспись и украшения заканчивались по мере продвижения, пока рука смерти не положила конец правлению короля и одновременно работам над его гробницей. Таким образом, гробница стала показателем продолжительности правления короля, а также его великолепия. Вход в них, тщательно закрытый, часто обозначался фасадом, вырубленным на склоне холма. Множество проходов, иногда пересекаемых глубокими колодцами и большими залами, в конце концов вели, часто через скрытые входы, в большую камеру, где находился саркофаг, обычно из гранита, базальта или алебаstra. Стены всего раскопа, а также крыша были покрыты картинами, цветными скульптурами и иероглифическими надписями, в которых часто повторялось имя умершего короля. Обычно мы находим в них представленные

похоронные церемонии, процессию, посещение души умершего главными божествами, ее подношения каждому из них, наконец, ее вручение богом, который защищал ее, верховному богу Аменти, подземного мира или Аида. Великолепие этих произведений, богатство и разнообразие их орнамента превосходят всякое представление; фигуры, хотя и в большом количестве, иногда имеют колоссальные размеры; часто сцены гражданской жизни чередуются с похоронными изображениями; на них также изображены сельскохозяйственные работы, домашние занятия, музыканты, танцы и мебель поразительного богатства и элегантности; на потолке обычно изображены астрономические или астрологические сюжеты. Несколько гробниц царей восемнадцатой династии и последующих династий были найдены в долине Бибан-эль-Молук на западной стороне Фиванской равнины. Один из самых великолепных из них - тот, что был открыт Бельцони и теперь известен как храм Осирея Менептаха из девятнадцатой династии. Наклонный проход ведет в помещение, получившее название "Зал красоты".

Пробравшись дальше, Бельцони обнаружил в конце ряда комнат большой сводчатый зал, в котором находился саркофаг с телом монарха, ныне находящийся в музее сэра Джона Соуна. Вся протяженность этой череды камер и проходов выдолблена в сердце скалы на длину 320 футов, и они обильно покрыты рисунками и иероглифами, которые обычно можно найти в этих погребальных камерах. Гробницы других царей, Ремзеса III. и Ремесес Миамун, демонстрируют подобную серию проходов и камер, покрытых картинами и скульптурами, в бесконечном разнообразии, некоторые из которых представляют глубочайшие тайны египетской религии; но, как говорит мистер Фергюссон, как и все гробницы, их великолепие больше зависит от картин, украшающих стены, чем от чего-либо, что строго можно назвать архитектурой. Одна из гробниц в *Бибан-эль-Молуке* имеет длину 862 фута без учета боковых камер; общая площадь раскопок составляет 23 809, что занимает акр с четвертью площади для одной камеры.

Частных лиц хоронили в соответствии с их рангом и состоянием. Их гробницы, также раскопанные в живой породе, состояли из одной или нескольких камер, украшенных картинами и скульптурами; в последней находились саркофаг и мумия. По словам сэра Г. Уилкинсона, гробницы были собственностью священников, и поскольку достаточное их количество всегда находилось наготове, покупка была произведена в кратчайшие сроки, при этом для завершения даже скульптур или надписей ничего не требовалось, кроме указания имени покойного и нескольких заявлений, касающихся его семьи и профессии. Многочисленные сюжеты, изображающие сцены земледелия, ремесла людей, короче говоря, различные занятия египтян, различающиеся лишь деталями и способом исполнения, были изображены в этих гробницах и задумывались как краткое описание человеческой жизни, которое в равной степени подходило каждому будущему обитателю. Гробницы в Бени-Хассане датируются даже раньше, чем гробницы в Фивах. Среди них гробница монарха или губернатора провинции эпохи Осиртасена I. Стены этой гробницы покрыты серией изображений, изображающих обычные занятия и распорядок дня умершего, таким образом иллюстрируя манеры и обычаи египтян той эпохи. Эти изображения являются своего рода олицетворением жизни или жизненного пути человека, предшествовавшего его поступлению в обители мертвых. Таким образом, они были призваны показать, что умерший тщательно и должным образом выполнял все обязанности и призвание, которых требовало его жизненное положение и почтение к богам. На кладбищах Гизе и Саккары находятся гробницы времен Неферхереса, шестого царя второй династии, вероятно, самой древней в Египте. Вокруг великой пирамиды расположены многочисленные гробницы разных периодов; среди них гробницы принцев и других членов семьи или времен Хуфу. Одной из наиболее интересных является так называемая гробница

Кэмпбелла, предположительно датируемая примерно 660 годом до н.э. В центре ее находилась построенная гробница, перекрытая тремя камнями в качестве подпорок, над которыми возвышалась полукруглая кирпичная арка. Рядом с ним также находятся несколько гробниц частных лиц, которые в основном были жрецами Мемфиса. Во многих из них есть ложные входы, а в некоторых есть ямы с отверстиями в верхней части гробницы. Стены увешаны обычными картинами, изображающими обычные занятия покойного.

Мумии.—Происхождение процесса бальзамирования объяснялось по-разному. Реальное происхождение, по-видимому, таково: частью религиозной веры египтян было то, что в награду за хорошо прожитую и добродетельную жизнь их тела после смерти должны существовать и вечно оставаться нетленными в их гробницах, поскольку мы находим в "Книге мертвых" следующую надпись, помещенную над духами, которые обрели благосклонность в глазах Великого Бога: "Тела, которые они оставили, будут *вечно покоиться* в их гробницах, пока они радуются в присутствии Бога всевышнего". Эта надпись, очевидно, демонстрирует веру в отдельную вечность для души и тела; в вечное существование тела в гробнице и души в присутствии Бога. Предполагалось, что душа существует до тех пор, пока существует тело. Отсюда необходимость бальзамирования тела как средства обеспечения его вечного существования. Некоторые считали, что недостаток земли для кладбищ, а также раскопки, производимые в горах для добычи материалов, использовавшихся в огромных зданиях Египта, вынудили их прибегнуть к способу мумификации. Другие считают, что этот обычай возник скорее из санитарных правил на благо живущих. По словам мистера Глиддона, мумификация предшествовала, по всей вероятности, строительству пирамид и гробниц, поскольку остатки мумий были найдены в древнейших из них, и, фактически, первые мумии были зарыты в песок еще до того, как египтяне обзавелись необходимыми инструментами для выемки гробниц в скале. Самый ранний способ мумификации был чрезвычайно простым; тела готовили с использованием натрона или сушили в печах и заворачивали в шерстяную ткань. В более поздний период в каждом провинциальном храме было предусмотрено помещение для мумификации. Тела были переданы священникам для бальзамирования, а через семьдесят дней возвращены их друзьям для передачи на хранение. Способ бальзамирования зависел от ранга и положения умершего. Существовало три способа бальзамирования; говорят, что первый стоил талант серебра (около 1250 долларов); второй - 22 мины (300 долларов); третий был чрезвычайно дешевым. Геродот описывает этот процесс следующим образом: "В Египте определенные лица по закону назначены заниматься этим искусством как своим особым занятием, и когда им приносят мертвое тело, они изготавливают из дерева узоры мумий, имитируемые живописью. Подготавливая тело в соответствии с самым дорогостоящим способом, они начинают с извлечения мозга из ноздрей изогнутым крючком, частично очищая голову этими средствами, а частично вливая в нее определенные лекарства; затем, сделав надрез сбоку острым эфиопским камнем (черным кремнем), они вытаскивают кишки через отверстие. Очистив и промыв их пальмовым вином, они покрывают их растертыми ароматическими веществами, а затем, заполнив полость порошком из чистой мирры, кассии и других ароматических веществ, за исключением ладана, зашивают ее снова. Сделав это, они солят тело, выдерживая его в натроне в течение семидесяти дней, к этому периоду они строго ограничены. По истечении семидесяти дней они омывают тело и полностью заворачивают его в полосы тонкого льна, смазанные с внутренней стороны жевательной резинкой. Затем родственники забирают тело и заказывают деревянный ящик, сделанный в форме человека, в который они его помещают; а запертым хранят в комнате своего дома, прислонив вертикально к стене. (Предполагалось, что мумия такого типа представляет умершего в виде Осириса.) Это самый дорогостоящий способ бальзамирования.

"Для тех, кто выбирает средний сорт, из—за дороговизны готовят тело следующим образом: - Они наполняют шприцы кедровым маслом и вводят его в брюшную полость, не делая никаких разрезов и не удаляя кишечник; и, следя за тем, чтобы жидкость не вытекла, они выдерживают ее в соли в течение указанного количества дней. Затем извлекается кедровое масло, и сила его такова, что оно приводит кишечник и все внутренности в состояние растворения. Натрон также растворяет плоть, так что не остается ничего, кроме кожи и костей. По окончании этого процесса они восстанавливают организм без каких-либо дальнейших операций.

"Третий вид бальзамирования предназначен только для бедных. При этом они просто очищают тело инъекцией сирмеи и солят его в течение семидесяти дней, после чего оно возвращается друзьям, которые его принесли ".

Сэр Г. Уилкинсон дает некоторую дополнительную информацию относительно более дорогого способа бальзамирования. Тело, подготовленное с использованием соответствующих специй и лекарств, было обернуто льняными бинтами длиной иногда в 1000 ярдов. Затем он был заключен в картонную коробку, плотно прилегающую к мумифицированному телу, которое было богато раскрашено и спереди покрыто сетью бусин и стекляруса, расположенных со вкусом, лицо было покрыто толстым слоем сусального золота, а глаза сделаны из эмали. Три или четыре ящика, последовательно закрывавшие картонаж, были подобным же образом украшены росписью и позолотой, и все это было заключено в саркофаг из дерева или камня, обильно украшенный живописью или скульптурой. Эти футляры, как и картонаж, различались по стилю и богатству в зависимости от расходов, понесенных друзьями покойного. Забальзамированные таким образом тела, как правило, принадлежали священникам различных рангов. Иногда сама кожа покрывалась листовым золотом; иногда все тело, лицо или веки; иногда только ногти. Во многих случаях корпус или картонаж были украшены дорогостоящим образом, а внешние футляры были слабо украшены; но некоторые предпочитали выставлять напоказ богатые футляры и саркофаги. Были найдены некоторые мумии с лицом, закрытым маской из ткани, плотно прилегающей к нему, и покрытым составным покрытием, раскрашенным таким образом, чтобы походить на умершего и иметь вид плоти. По словам сэра Г. Уилкинсона, они, вероятно, относятся к греческой эпохе. Греческие мумии обычно отличались от египетских способом избавления от бинтов на руках и ногах. Ни у одного египтянина конечности не были забинтованы отдельно, как у греческих мумий. На грудь часто помещали скарабея, непосредственно соприкасавшегося с плотью. У этих скарабеев, когда они были каменными, были распростерты крылья из свинца или серебра. На картонной коробке и футляре, в соответствующей ситуации выше, также была помещена та же эмблема, указывающая на покровительственное влияние Божества. Сюжетами, нарисованными на картонаже, были четыре гения Аменти и различные эмблемы, принадлежащие божествам, связанным с умершими. Длинный ряд иероглифов, тянувшийся спереди, обычно содержал имя и качества умершего, а также приношения, сделанные им богам; а поперечные полосы часто повторяли первые, с аналогичными жертвоприношениями другим божествам. На груди помещалась фигура Нетпе с распростертыми крыльями, защищающая умершего; священные ковчеги, лодки и другие предметы были расставлены в разных отделениях, и часто представлялись Осирис, Исида, Ану비스 и другие божества. В некоторых случаях Исида изображалась обнимающей ноги мумии с соответствующей легендой: "Я обнимаю твои ноги". Заплетенная борода была прикреплена к подбородку, когда мумия принадлежала мужчине; отсутствие этого придатка указывало на мумию женщины.

САРКОФАГ, ИЛИ ГРОБ. (С рельефно вырезанным снаружи изображением Ноева ковчега.)

Футляры для мумий и саркофаги.— Внешняя оболочка мумии была либо из дерева — платана или кедра — либо из камня. Когда она была деревянной, у нее была плоская или круглая вершина, иногда с крепкими квадратными столбами, возвышающимися под каждым углом. Все это было богато расписано, и у некоторых людей более старшего возраста часто в одном из углов была изображена дверь. На одном конце была изображена Исида, на другом - Нефтида, а верхняя часть была расписана лентами или причудливыми узорами. В других случаях крышка представляла собой изогнутую верхнюю часть обычного египетского балдахина. Каменные гробы, обычно называемые саркофагами, были продолговатой формы, с плоскими прямыми стенками, как у ящика, с изогнутой или заостренной крышкой. Иногда фигура умершего изображалась на последнем рельефно, как фигура царицы Амасиса в Британском музее; а некоторые были в форме имени короля или овала. Другие были сделаны в форме мумифицированного тела из базальта, гранита, сланца или известняка, образцы которых можно увидеть в Британском музее. Эти футляры хранились в погребальных камерах. Рядом с ними клали различные подношения, а иногда и инструменты, связанные с профессией умершего. Рядом с ними также были расставлены вазы и маленькие фигурки умерших из дерева или остекленевшей фаянсовой посуды. В музее сэра Джона Соуна находится саркофаг Сети I (Менефты) 1322 г. до н.э., вырезанный из цельного куска восточного алебаstra. Он обильно покрыт иероглифами, а сцены на нем изображают прохождение солнца в ночные часы. Он был найден Бельцони в его гробнице в Бибан-эль-Молуке. Ранее предполагалось, что саркофаг, находящийся сейчас в Британском музее, был идентичным саркофагу, в котором находилось тело Александра Македонского. Иероглифическое имя, которое было прочитано на памятнике, доказывает, что это имя Нектанебо I, из тридцатой династии, который правил с 381 по 363 год до нашей эры. Его материалом является брекчия из карьера близ Фив, и он отличается своей твердостью. Замечательный гроб прямоугольной формы из уинстона принадлежал Менкаре, греческому Микерину и строителю третьей пирамиды; эта интересная реликвия была найдена полковником Вайсом в погребальных камерах третьей пирамиды, но, к сожалению, была потеряна в море по пути в Англию. Остатки кедрового гроба этого монарха находятся в Британском музее. Много красивых саркофагов находится в Ватикане в Риме.

ГРОБ ИЗ АЛЕБАСТРА. (Изваянные черты лица покойного.)

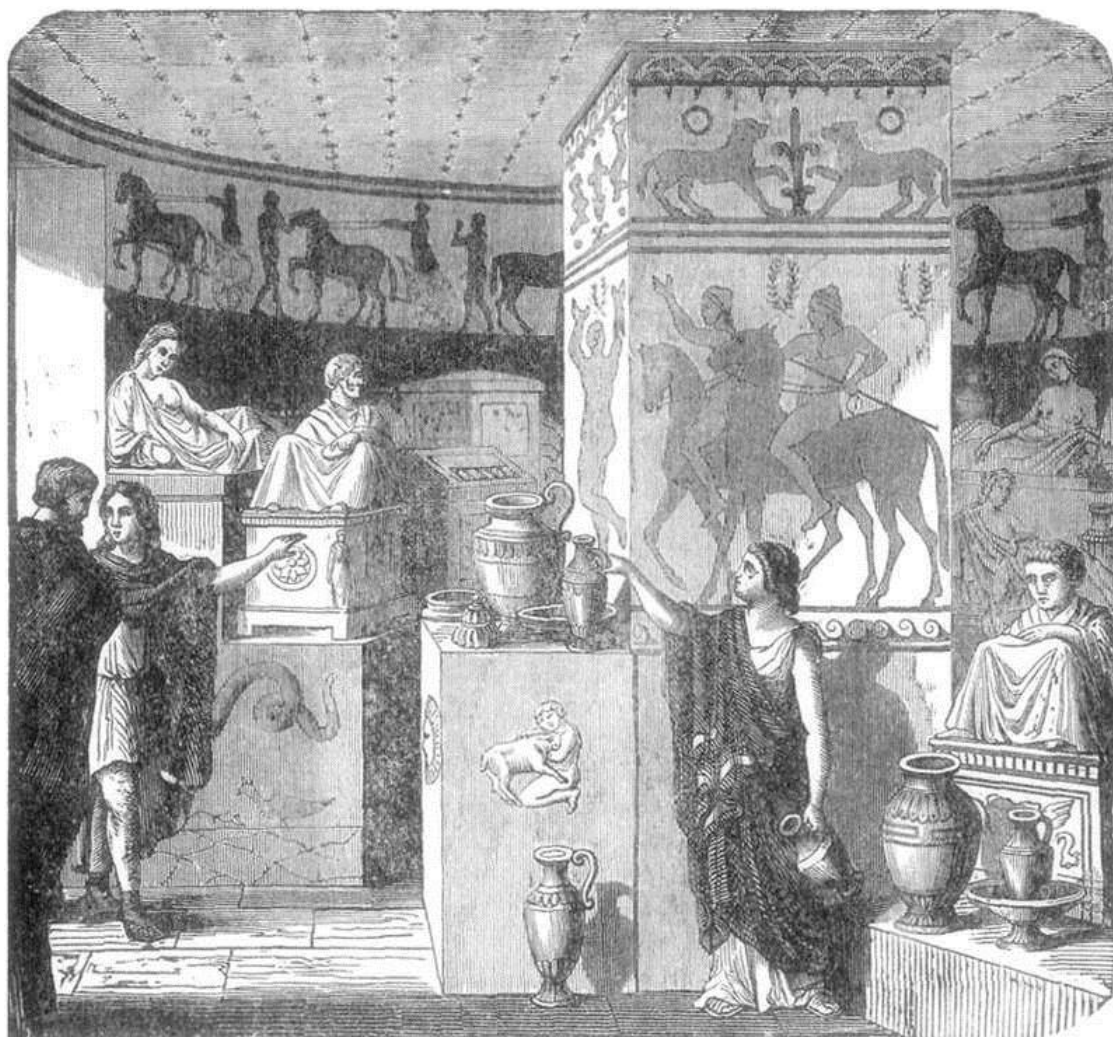
Ваз, обычно называемых канопи, из-за их сходства с некоторыми вазами, изготовленными римлянами для имитации египетского вкуса, но недопустимых в применении к какой-либо египетской вазе, было четыре, из разных материалов, в соответствии с рангом покойного, и их ставили рядом с его гробом в гробнице. Некоторые из них были сделаны из обычного известняка, самые дорогие - из восточного алебаstra. Эти четыре вазы образуют целую серию; в них были помещены основные внутренности мумии, забальзамированные специями и различными веществами и завернутые в льняную ткань, каждая из которых содержала отдельную порцию. Предполагалось, что они принадлежали четырем гениям Аменти, чьи головы и имена они носили. Ваза с крышкой, изображающей человеческую голову Амсета, содержала желудок и толстый кишечник; ваза с головой киноцефала Хапи содержала тонкий кишечник; в вазе, принадлежащей Туаутмутфу с головой шакала, были легкие и сердце; а для вазы Кабсенуфа с головой ястреба были зарезервированы желчный пузырь и печень. По бокам ваз было несколько столбцов иероглифов, которые выражали поклонение умершего каждому из четырех божеств, символы которых украшали крышки, и которые давали имя умершего.

Маленькие фигурки, называемые *шабти*, приносимые в жертву в знак уважения к умершим, в большом количестве можно найти в гробницах. Это были изображения Осириса, чей облик должен был принять умерший, и который отсюда был назван Сирианином. Они имеют несколько форм, иногда в виде умершего, стоящего в одежде того периода, но чаще всего в форме мумии, тело замотано бинтами, из которых выглядывают руки, держащие мотыгу, рюкзак и кирку, а также шнур от квадратной корзины, перекинутой через левое плечо или затылок. Головной убор умершего соответствует либо эпохе, либо достоинству, а в случае монархов сопровождается уреем, эмблемой королевской власти. Некоторые фигуры держат эмблему жизни, *анкх*, и стабильности, *тат*, или кнут, *кху*. Как правило, они сделаны из дерева или остекленевшей фаянсовой посуды. Имя и звание покойного указаны на всех захоронениях в одной гробнице и разбросаны по земле вокруг саркофага. Обычно на них иероглифами написана шестая глава погребального ритуала. Некоторые найдены с пустым местом, оставленным для имени умершего, что наводит на мысль, что родственники и друзья

приобрели эти фигурки у торговцев; похоронная формула со списком обычных подношений за душу Осириса уже была на них; не было недостатка ни в чем, кроме имени умершего; после этого они, очевидно, были предложены в качестве свидетельства уважения родственниками и друзьями умершего, возможно, на похоронах, а затем собраны и помещены в гробницу. Иногда эти маленькие фигурки помещали в раскрашенные футляры, разделенные на отделения. Эти футляры были около двух футов в длину и одного фута в высоту.

На некоторых мумиях были найдены рукописи на папирусе различной длины. Эти свитки папируса находят в гробах или под одеяниями мумий, между ног, на груди или под мышками. Некоторые из них заключены в цилиндрический футляр. Папирус из Туринского музея имеет шестьдесят шесть футов в длину, в Париже - двадцать два фута; другие имеют разную длину, вплоть до двух или трех футов. Исследование Турина можно считать законченным. В целом верхняя часть страницы занята рядом фигур божеств, которых душа посещает последовательно; остальная часть заполнена перпендикулярными столбцами иероглифов, которые представляют собой молитвы, с которыми душа обращается к каждому божеству; ближе к концу рукописи нарисована сцена суда; великий бог Осирис восседает на своем троне; у его ног огромная самка крокодила с открытой пастью; позади - божественные весы, увенчанные киноцефалом, эмблемой вселенской справедливости; хорошие и плохие поступки души взвешиваются в его присутствии. Гор осматривает оперение, а Тот записывает приговор; рядом стоит душа умершего в своей телесной форме, которую две богини, Истина и Справедливость, ведут к великому судье мертвых. Египтологи дали этим папирусам название "Ритуал мертвых", но на самом деле они носят название "Книга проявления к Свету". Копия этого, более или менее полная, в зависимости от состояния покойного, хранилась в футляре каждой мумии. Книга была переработана при двадцать шестой династии, а затем приняла свою окончательную форму. Но многие его части относятся к величайшей древности. В этой книге рассказывается о целой серии паломничеств, которые душа, отделенная от тела, совершала в различных подразделениях низших областей. В нем также содержался сборник молитв об использовании умершего в загробном мире и магические формулы, предназначенные для обеспечения сохранности мумии от разложения и предотвращения овладения ею злым духом до окончательного возвращения души умершего. Многие из этих ритуалов также записаны не иероглифами, а иератическими знаками, которые представляют собой сокращенную форму иероглифических знаков. Папирусы с иероглифами почти всегда разделены линейчатыми линиями на узкие вертикальные столбцы шириной в дюйм или меньше, в которых иероглифические знаки расположены один под другим. Иногда встречаются папирусы, написанные иероглифами *enchorial*. Несколько рукописей на греческом языке на папирусе были также обнаружены в Египте; они, однако, датированы позднее и относятся к продаже земель; многие из обнаруженных относятся к землям и владениям в окрестностях Фив, одно из которых полностью приведено на странице 245.

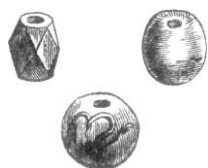
ОБНАРУЖЕНА ГРОБНИЦА С ЕЕ СОКРОВИЩАМИ. (В Помпеях.)

Римские гробницы.—Прежде чем приступить к описанию гробниц, которые выстраиваются вдоль дороги, когда посетитель приближается к Помпеям, и, по-видимому, подготавливают его к той похоронной тишине, которая царит в давно исчезнувшем городе, особенно примечательном своим контрастом с веселым и праздничным стилем убранства, который все еще характеризует окружающие его останки, мы намерены, как мы делали в других случаях, дать некоторую общую информацию по предмету, который мы собираемся рассмотреть подробно, в интересах тех из наших читателей, кому незнакомы формы римского захоронения и выражения римской скорби.

Как ни велико, абсурдно велико среди необразованных людей значение, придаваемое в наши дни надлежащему исполнению погребальных обрядов, это ничто по сравнению с интересом, который испытывали к этому предмету римляне; и не только они, но и другие народы древности, к нравам которых мы здесь не имеем никакого отношения. У римлян действительно были веские причины для такого беспокойства, поскольку они, как и греки, верили, что если тело остается непогребенным, душа в течение ста лет блуждает по ту сторону Стикса, одинокая и подавленная, неспособная обрести доступ к месту своего последнего упокоения, будь то среди счастливых или несчастных. Поэтому, если какой-либо человек погибал в море или иным образом при таких обстоятельствах, что его тело невозможно было найти, его оставшиеся в живых друзья воздвигали *кенотаф*, или пустую гробницу, которая также служила ему паспортом на стигийском пароме, как если бы его тело

было сожжено или предано земле с надлежащими церемониями. Поэтому религиозным долгом, которым не следовало опрометчиво пренебрегать, стало засыпать землей любое непогребенное тело, которое люди случайно видели, ибо даже такой небольшой гробницы, как эта, считалось достаточным, чтобы успокоить угрызения совести адских богов. Читатель, если здесь есть читатели латыни, которым незнакомы эти суеверия, может обратиться к шестой книге "Энеиды", строке 325, и к замечательной оде Горация, 28-й части первой книги, которая полностью посвящена этому предмету. Погребение, таким образом, было делом огромной важности.

Когда приближалась смерть, ближайший родственник нависал над умирающим, пытаясь вдохнуть его последний вздох, в глубокой уверенности, что *анима*, жизненный принцип, покидает тело в этот момент. Отсюда такие фразы, как *animam in primo ulu tenere, spiritum excipere* и тому подобное. Любопытно наблюдать, как устоявшаяся форма выражения удерживает свои позиции. И вот мы здесь, по прошествии полутора тысяч лет, все еще говорим о последнем вздохе умирающего друга, как будто действительно имели в виду то, что говорили. После смерти тело омывали и умащивали люди по имени *поллинкторы*; затем укладывали на носилки ногами к двери, чтобы символизировать его приближающийся уход, одетым в лучшее одеяние, которое у него раньше было. Гроб часто украшали листьями и цветами - простая и трогательная дань любви, которая идет от сердца и говорит с ним, и поэтому сохраняла свое значение в любую эпоху и в любом регионе, незатронутая постоянными изменениями обычаев, просто произвольными и общепринятыми.

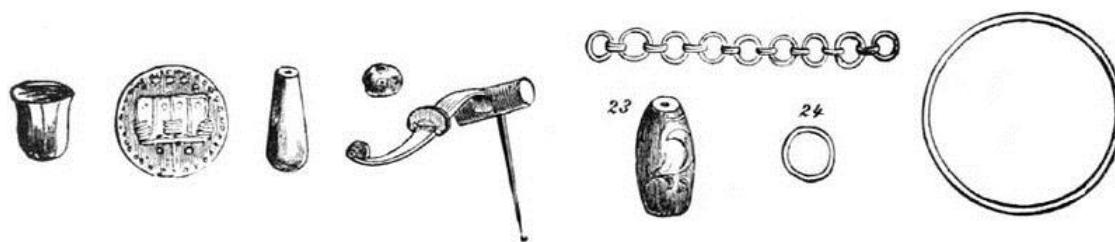
В ранние века существования Рима обряды погребения и сожжения, по-видимому, использовались одинаково. Впоследствии первое, по-видимому (поскольку вопрос не очень ясен), возобладало, пока ближе к концу седьмого века существования города, после смерти Суллы, который, как говорят, был первым из патрициев Корнелиев, кто был сожжен. С тех пор трупы почти повсеместно предавались огню вплоть до утверждения христианства, когда снова была введена старая мода, против которой яростно выступали отцы церкви, вероятно, из-за ее тесной связи с языческими ассоциациями и суевериями. Нам говорят, что между смертью и похоронами прошло семь дней; на восьмой день тело было предано огню; на девятый пепел был помещен в гробницу. Вероятно, это относится только к похоронам великих, где требовалось много пышности и размаха подготовки, и особенно к тем публичным похоронам (*funera indictiva*), на которые глашатай приглашал весь народ, причем церемония часто завершалась театральными и гладиаторскими представлениями, а также роскошным банкетом. Но у нас нет намерения рассказывать о пышности, сопровождавшей римскую знать к гробнице: для нашей цели достаточно объяснить обычаи частной жизни, которым Улица Гробниц обязана своим происхождением и своим интересом.

В прежние времена похороны праздновались ночью, потому что религиозные обряды совершались днем; и для служителей церкви или для всего, что связано с поклонением божествам высшего мира, было осквернением даже видеть, а тем более прикасаться ко всему, что связано со смертью. Из этого ежевечернего торжества произошли многие слова, связанные с этим предметом. Тех, кто нес носилки, первоначально называли *Vesperones*, отсюда *Vespillones*, от *Vespera*, вечер; и сам термин *funus* получен грамматиками, *funalibus*, от веревочных факелов, покрытых воском или жиром, которые продолжали использоваться

еще долго после того, как необходимость в них отпала. Эта практика, которой сейчас гораздо больше двух тысяч лет, все еще сохраняется в Римской церкви вместе со многими другими церемониями, заимствованными из языческих обрядов. Святой Златоуст уверяет нас, что это не современное возрождение, и приводит прекрасную причину для его сохранения. "Скажите мне, - говорит он, - что означают эти сверкающие светильники? Разве мы не отправляемся в путь вместе с мертвыми, радуясь, как люди, которые победили в своей битве?"

Тело клали на носилки, первые использовались богатыми, вторые - бедными, и выносили в сопровождении музыкантов и певиц, которые пели панихиду. Этим наемным слугам, чья шумная скорбь была столь же искренней, как и немое горе наших немых, на смену, если покойный был знатен или отличался личными подвигами, ставились многочисленные ложа с фамильными изображениями его предков, каждое отдельно, чтобы длина его рода могла быть более заметной; изображения тех народов, которые он покорил, тех городов, которые он взял; добычей, которую он завоевал; знаками отличия должностных лиц, которые он занимал; но если среди них были фасции, то они переносились в обратном порядке. Затем появились рабы, которых он освободил (и часто ради этого посмертного великолепия хозяин освобождал огромное количество из них), в шляпах в знак своего освобождения. За трупом шли ближайшие родственники, обильно демонстрируя горе, насколько это можно было показать, рыдая, воя, бия себя в грудь и по щекам и вырывая волосы, которые в качестве последней дани любви были возложены на грудь покойного, чтобы быть съеденными вместе с ним. Бритье головы также было признаком траура. Любопытная инверсия обычных обычаев жизни заключается в том, что сыновья умершего оплакивали с покрытой головой, а дочери - с непокрытой.

При таком сопровождении тело несли к месту захоронения, обычно через Форум, где, если покойный был человеком какого-либо положения, с ростры произносилась надгробная речь в его честь. Почти во всех случаях место захоронения находилось за пределами города. Двенадцатью таблицами было предписано, что никто не должен быть сожжен или похоронен в пределах города; и поскольку этот полезный закон вышел из употребления, его время от времени возрождали и приводили в исполнение. Причины его создания были двоякими: религиозными и гражданскими. К первой главе относится причина, уже указанная для другого обряда, что сам вид вещей, связанных со смертью, приводил к осквернению предметов, посвященных богам верхнего мира. Это дошло до того, что жрец Юпитера не мог даже войти в какое-либо место, где была гробница, или хотя бы услышать звуки погребальных труб; более того, его жена, Фламиника, не могла носить обувь, сделанную из шкуры быка, умершего естественной смертью, потому что все вещи, умершие спонтанно, были дурным предзнаменованием. Кроме того, для любого человека было дурным предзнаменованием застать могилу врасплох. Другая причина заключалась в том, что общественное удобство не могло быть нарушено частными обрядами, поскольку никакие могилы, однажды установленные, не могли быть демонтированы без святотатства, за исключением случаев, когда это было сделано государством при наличии достаточных оснований. Гражданские причины следует искать в нездоровых выделениях с больших захоронений и опасности возгорания от сжигания погребальных куч по соседству с домами. Однако это не означает, что в черте города не было гробниц. Некоторые, по-видимому, были включены в результате постепенного расширения стен; другие были установлены в те промежутки времени, когда закон двенадцати таблиц, как мы уже говорили, пришел в упадок; также не похоже, что они были уничтожены или их содержимое удалено. Таким образом, и у кланов Клавдиев, и у кланов Цинцианов были гробницы в Риме, причем у первого - под Капитолием.

ПРЕДМЕТЫ , НАЙДЕННЫЕ В ГРОБНИЦЕ

Если семья была достаточно влиятельной, чтобы иметь родовую усыпальницу, покойного клали в нее; если у него таковой не было, и он был богат, он обычно сооружал усыпальницу на своей собственности при жизни или покупал участок земли для этой цели. По возможности гробницу всегда размещали рядом с дорогой. Отсюда обычная форма надписи, *Siste, Viator* (Останься, Путешественник), постоянно используемая в церквях теми недалекими умниками, которые думали, что хорошим английским языком не может быть ничего, что не было бы наполовину латынью, и забывали, что в нашей стране путешественник должен был уже остановиться, чтобы навестить пономаря, прежде чем он сможет сделать это в соответствии с рекомендациями памятника. Для бедных существовали общественные могильники, называемые *путикули*, *путеи*, из траншей, вырытых для приема тел. Такова была земля у Эсквилинских ворот, которую Август отдал Мecenату под его сады. Общественные гробницы также предоставлялись государством выдающимся людям - честь, которой в прежние времена удостаивались немногие. Эти гранты обычно выдавались на Марсовом поле, где никто не мог быть законно похоронен без постановления сената в его пользу. Из надписей, найденных на Улице Гробниц в Помпеях, следует, что большая часть, если не вся земля, на которой построены эти гробницы, была общественной собственностью, собственностью корпорации, как мы бы сейчас сказали; и что участки многих, возможно, всех, были либо куплены, либо предоставлены декурионами или муниципальным сенатом в благодарность за полученные обязательства.

Иногда тело сжигали в том месте, где оно должно было быть погребено, которое, когда курган и гробница были соединены таким образом, называлось *бустум*; иногда гробница находилась на некотором расстоянии от места сожжения, которое тогда называлось *устрина*. Таким образом, слова *bustum* и *sepulchrum*, хотя и часто используются как синонимы, на самом деле таковыми не являются, поскольку последнее связано с первым, но никоим образом не охватывает его. Сваю было приказано соорудить из необработанного дерева, не отшлифованного топором. Для разжигания пламени добавляли смолу и кипарис, ароматный запах которых был полезен для того, чтобы перебить зловоние горящего тела. Погребальные костры великих людей были огромных размеров и великолепно украшены; и все классы, по-видимому, потакали своему тщеславию в этом отношении в меру своих возможностей, так что маленький и оставленный без присмотра погребальный костер упоминается как признак незначительного или лишенного друзей человека. Тело было положено на носилки; затем присутствовавший ближайший родственник открыл глаза, которые тот же человек был обязан закрыть сразу после смерти, и поджег дрова, отвернув лицо, в доказательство того, что он выполнял эту операцию не по доброй воле, а по необходимости. По мере того как продолжалось горение, в огонь бросали различные подношения. Считалось, что гивы любят кровь; поэтому животных, особенно тех, которых они любили при жизни, убивали и бросали в кучу в виде лошадей, собак и голубей, помимо животных, обычно используемых в жертвоприношениях, таких как овцы и быки. Людей, особенно военнопленных, иногда предавали смерти, хотя и не в более поздние времена

республики. Самые дорогие одежды и оружие покойного, особенно трофеи, добытые на войне, также были посвящены в его честь, а пламя подпитывалось дорогими восточными маслами и камедью. Когда тело превращалось в пепел, их затем гасили вином и собирали ближайшие родственники; после чего, если горе было настоящим, их снова орошали слезами; если нет, вино или мази одинаково хорошо подходили для этой цели. Вся церемония описана Тибуллом в нескольких строках:

Там, пока огонь тлеет на земле,
можно будет найти Мои кости, всего меня целиком.
Облаченные в траурные одежды, скорбящая пара
Соберется со всех сторон с благочестивой заботой;
Румяным вином окропят мощи,
И на них польют собранное белоснежное молоко.
Затем с помощью светлых льняных тканей влага высыхает,
чтобы лечь в какую-нибудь холодную мраморную гробницу.
С ними приложите специи, сладости и камедь,
И все, что приходит из богатой Аравии,
И что присылают богатые пределы Ассирии,
И слезы, печальное приношение в память о мне.
Элег. iii. 2-17.

Собранный таким образом пепел затем окончательно помещался в урну, которая изготавливалась из различных материалов, в зависимости от качества умершего; обычно из глины или стекла, но иногда из мрамора, бронзы и даже драгоценных металлов. Церемония, таким образом, закончилась, префект произнес слово "*Illicet*" (сокращенная форма *Ire licet*, "Идти дозволено"), и присутствующие удалились, трижды окропленные веткой оливы или лавра, смоченной в воде, чтобы очистить их от скверны, которой они заразились, и трижды повторив слова "*Vale*" или "*Salve*", слова, часто встречающиеся в монументальных надписях, например, в одной из прекрасных по простоте надписей, которую мы цитируем: "Долина".

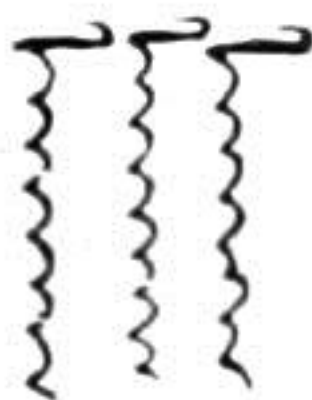
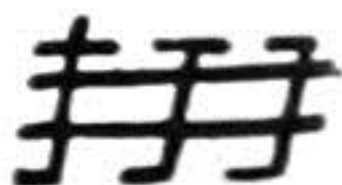
Прощай, самая счастливая душа Кайи Оппии. Мы последуем за тобой в том порядке, который может быть установлен природой. Прощай, сладчайшая мать.

Различие между кенотафами и гробницами уже объяснялось. Кенотафы, однако, были двух видов: те, что воздвигались людям, уже должным образом похороненным, которые были просто почетными, и те, что воздвигались непогребенным умершим, которые имели религиозную цель и действенность. Это уклонение от уголовных законов, запрещающих лежать непогребенными, было в основном полезно лицам, потерпевшим кораблекрушение или убитым на войне; но оно пошло на пользу всем, чьи тела не могли быть найдены или опознаны. Когда устанавливался кенотаф последнего класса, приносились жертвы, громким голосом трижды произносились имена умерших, как бы призывая их в их новое жилище, и кенотаф освящался с теми же привилегиями, как если бы в нем покоился прах умершего.

Наследник, однако, не исполнил свой последний долг, когда положил тело своего предшественника в гробницу; все еще проводились должные торжественные обряды, причем дорогостоящего характера. Римляне любили сохранять живую память о своих умерших, проявляя в этом постоянство привязанности, которое делает им честь; и не только сразу после похорон, но и время от времени в установленные сроки они устраивали праздники и приносили им жертвы и возлияния. Месяц февраль был специально выделен

для того, чтобы воздать честь гривам, которые получили это отличие в силу того, что в старые времена были последним месяцем года. Частные поминки также отмечались на девятый день после смерти, да и вообще в любое время, за исключением тех дней, которые были отмечены как несчастливые, потому что на них обрушилось какое-то большое общественное бедствие. Помимо этих праздников, умерших чтили жертвоприношениями, которые приносились гривам, и играми; но последние больше относятся к тем пышным общественным похоронам, которые мы взяли на себя смелость не описывать. Инферии состояли главным образом из возлияний, для которых использовались вода, молоко, вино, но особенно кровь, запах которой считался особенно приятным для призраков. На могилу также бросали благовония и цветы; и нецелесообразность растрачивать богатые вина и драгоценные масла на холодный камень и мертвое тело, когда их можно было использовать для утешения живых, была излюбленной темой *bons vivans* того времени. Именно с таким намерением увенчать его гирляндами и почтить возлияниями Электра и Орест встретились и узнали друг друга у могилы своего отца. Особым спросом для этой услуги пользовались розы, а также лилии:

Принесите полные канистры благоухающих лилий,
Смешанных с весенними пурпурными розами;
Позвольте мне усыпать похоронными цветами его тело,
Этот дар, которым родители обязаны своим детям,
Этот бесполезный дар, по крайней мере, я могу преподнести.
Dryden, Æn, vi. 883.

ИЕРОГЛИФЫ.

Надписи.—Прежде чем перейти к описанию катакомб, мы поговорим о надписях древних. Большинство гробниц действительно египетские, и ни один народ не оставил столько надписей, сколько египтяне. Все его памятники покрыты ими. Его храмы, дворцы, гробницы, отдельные памятники представляют собой бесконечное количество надписей иероглифическими, иератическими и демотическими знаками. Египтяне редко выполняли статую или фигурное изображение, не написав рядом с ней свое имя или сюжет. Это имя неизменно встречается рядом с каждым божеством, персонажем или индивидуумом. В каждой нарисованной сцене, на каждой скульптурной фигуре имеется надпись, более или менее обширная, объясняющая ее предмет.

Иероглифы, которыми пользовались египтяне, были трех видов — иероглифические, иератические и демотические. Последнее также называют *энчориальным*, или популярным. Первой, несомненно, была система изобразительных знаков, или графическое письмо — самая ранняя форма письма на первой стадии своего развития; иератическое - сокращенная форма иероглифического; демотическое - упрощенная форма иератического и близкое приближение к алфавитной системе.

Иероглифы (в стиле египтян *схай эн нетер тур*- написание священных слов) состоят из знаков, представляющих объекты физического мира, такие как животные, растения, звезды, человек и различные его члены, а также различные объекты. Они чистые или линейные, причем последнее является сокращением первого. Чистые всегда были изваяны или раскрашены. Линейные обычно использовались в более ранних папирусах, содержащих погребальные ритуалы.

Они были разделены на четыре класса: 1, Репрезентативные или иконографические; 2, Символические или тропические; 3, Загадочные; 4, Фонетические. При изучении иероглифических надписей разных эпох становится очевидным, что эти четыре класса символов использовались беспорядочно, в соответствии с удовольствием и удобством художника.

1. Иконографические, репрезентативные или имитационные иероглифы - это те, которые представляют изображения выражаемых вещей, например, солнечного диска, обозначающего солнце, полумесяца, обозначающего луну. Они могут быть стилизованы под чистые иероглифы.

2. Символическое, или тропическое (Бунзен назвал идеографическим), заменяло один объект другим, с которым оно имело аналогию, например, небо и звезда обозначали ночь; нога в капкане - обман; две руки, протянутые к небу, выражали слово "приношение"; кадило с несколькими крупинками ладана - поклонение; пчела была сделана для обозначения Нижнего Египта; передняя часть льва - сила; крокодил - темнота. Следующие иероглифы были на триумфальном зале Тутмоса III и после перевода означают:

ИЕРОГЛИФЫ.

"Я пошел: я приказываю вам сократить и сокрушить всех высших офицеров Цахи. Я бросаю их вместе со всем их имуществом к твоим ногам".

Этот тип символов, по-видимому, был специально изобретен для выражения абстрактных идей, особенно относящихся к религии или королевской власти. Это символы, на которые обычно ссылались древние, когда говорили об иероглифах, и их труднее всего интерпретировать.

3. Загадочными являются те, в которых символическая фигура заменена той, которую предполагалось изобразить, в виде ястреба для обозначения солнца; сидящая фигура с изогнутой бородой для обозначения бога. Эти три вида использовались либо *отдельно*, либо *в компании* с фонетически написанным словом, которое они представляли. Итак: 1. Слово Ра, солнце, может быть написано только буквами или за ним также может следовать иконограф, *солнечный диск* (который, если бы он был один, все равно имел бы то же значение — Ра, солнце). Точно так же за словом "луна", Ааа, последовал полумесяц. В этих случаях знак, следующий за фонетическим словом, был назван *окончательным*, поскольку он служил для определения значения того, что ему предшествовало. Мы приводим здесь несколько переведенных слов:

ИЕРОГЛИФЫ.

"В своем превращении в золотого спербе ты достиг этого".

2. Таким же образом, *тропические* иероглифы могут быть отдельно или в компании со словом, написанным фонетически; и за выражением "писать", *схай*, может следовать или не следовать тропический иероглиф "перо и чернильница" в качестве определяющего знака. 3. Символическая фигура, *бог* головой ястреба, несущий диск, обозначающий "солнце", также может стоять отдельно или после имени "Ра", написанного фонетически, в качестве определяющего знака; и, как правило, определительный следует за именами, а не предшествует им. Детерминативы бывают двух видов — идеограммы и общие детерминативы: первые представляют собой изображения объекта, о котором говорится; вторые - условные символы класса понятий, выражаемых словом.

4. Фонетический. Фонетическими знаками были знаки, выражающие звуки. Они либо чисто *алфавитные* либо *слоговые*. Все остальные египетские фонетические знаки имеют *слоговые* значения, которые можно разложить на комбинации букв алфавита. При соблюдении этого фонетического принципа количество цифр, используемых для обозначения звука, могло быть увеличено почти неограниченно, и любой иероглиф мог обозначать первую букву его названия. Столь обильный алфавит был бы постоянным источником ошибок. Таким образом,

アリスとオズ

Иероглифическое письмо было использовалось на памятниках всех видов, на храмах, а также на мельчайших фигурках и на кирпичах, используемых в строительных целях. На самых древних памятниках это письмо абсолютно такое же, как и на самых поздних египетских произведениях. За пределами Египта едва ли найдется хоть один пример графической системы, идентично идентичной за период более двух тысяч лет. Иероглифические знаки были либо выгравированы рельефно, либо заглублены под поверхность общественных памятников, а также предметов из твердых материалов, подходящих для глиптического искусства. Иероглифы на памятниках либо скульптурные и простые, либо украшены цветами. Цветные делятся на два различных класса: монохроматические, состоящие из одного простого тона, и полихроматические, или те, которые с большей или меньшей точностью передают цвет объекта, который они должны были изображать. Иероглифические фигуры были расположены вертикальными столбцами или горизонтальными линиями и сгруппированы вместе по мере необходимости, чтобы не оставлять излишне свободных мест. Они были написаны справа налево или слева направо. Порядок, в котором должны были быть прочитаны символы, был показан направлением, в котором расположены фигуры, поскольку их головы неизменно повернуты к читателю. Одна строка иероглифов — например, посвящение храма или любого другого памятника — иногда проходит одной половиной слева направо, а другой половиной справа налево; но в этом случае знак, такой как священный тау или обелиск, не имеющий определенного направления, помещается в середине надписи, и именно от этого знака две половины надписи берут каждая противоположное направление.

Период, когда иероглифы — древнейшие египетские иероглифы - были впервые использованы, остается неопределенным. Они найдены в Великой пирамиде времен четвертой династии и, очевидно, были изобретены задолго до этого, поскольку уже использовали скоропись.²³ Это показывает, что они намного старше любой другой известной письменности; а письменные документы на древних языках Азии, санскрите и зенд, относятся к недавнему времени по сравнению с документами Египта, даже если будет доказана датировка Ригведы пятнадцатым веком до нашей эры. Манефон показывает, что изобретение письменности было известно в царствование Атота (сына и преемника Менеса), второго царя Египта, когда он приписывает ему написание анатомических книг, а традиция приписывает ему еще более раннее происхождение. Во всяком случае, показано, что иероглифы и использование папируса с обычным тростниковым пером были распространены во времена строительства пирамид, а стиль скульптур доказывает, что в то время они были очень древним изобретением. В иероглифах самых ранних периодов было меньше фонетических знаков, чем в последующие эпохи, поскольку эти периоды были ближе к первоначальному изобразительному письму. Количество знаков также варьировалось в разное время, но их можно считать от 900 до 1000. В последующие периоды

были добавлены различные новые символы, и еще большее их количество было введено при Птолемеях и Цезарях, которых нет в ранних памятниках; некоторые, опять же, относящиеся к более древним временам, вышли из употребления.

Иератика - это сокращенная форма иероглифики; таким образом, каждый иероглифический знак - иконографический, символический или фонетический — имеет свою сокращенную иератическую форму, и эта сокращенная форма имеет то же значение, что и сам знак, уменьшенной копией которого он является. Оно было написано справа налево и представляло собой символ, используемый жрецами и священными писцами, откуда и пошло его название. Он был изобретен, по крайней мере, еще во времена девятой династии (4240 лет назад) и вышел из употребления, когда был введен демотический язык. Иератическое письмо обычно использовалось для рукописей, а также встречается на футлярах мумий и на отдельных камнях и табличках. На них кистью были нанесены длинные надписи. Надписи такого рода также встречаются на зданиях, написанные или выгравированные древними путешественниками. Но наиболее важное их использование было в исторических папирусах и храмовых реестрах. Из них была почерпнута наиболее ценная информация о хронологии и системах счисления египтян.

Демотический, или энхориальный, состоит из знаков, происходящих от иератического, и является его упрощенной формой, но из него обычно исключаются фигуративные или иконографические знаки, и сохраняется лишь несколько символических знаков, относящихся только к религии; знаки, почти приближающиеся к алфавитным, в основном встречаются в этом третьем виде письма. Оно неизменно было написано, как и иератическое, справа налево. Таким образом, очевидно, что у египтян, строго говоря, была только одна система письма, состоящая из трех видов знаков, причем второй и третий регулярно выводились из первого, и все три подчинялись одним и тем же фундаментальным принципам. Демотический язык был зарезервирован для общего использования египтянами: указы и другие публичные акты, контракты, некоторые погребальные стелы и частные сделки были написаны на демотическом. Промежуточный текст Розеттской надписи относится к такому типу. Не совсем точно, когда демотический язык впервые вошел в употребление, но это было, по крайней мере, еще во времена правления Псамметиха II из двадцать шестой династии (604 г. до н.э.); и, следовательно, он уже давно использовался, когда Геродот посетил Египет. Вскоре после своего изобретения он был принят на вооружение для всех обычных целей.

Главными объектами интереса при изучении египетских надписей являются их исторические указания. Их можно найти в именах царей или высших должностных лиц, а также в датах, которые они содержат. Имена королей всегда заключены в овал, называемый *картушем*. Овал содержит либо королевский титул, либо настоящее имя, либо номен короля.

ЕГИПЕТСКИЙ СТОЛП.

Даты, которые встречаются в этих королевских легендах, также имеют большое значение с исторической точки зрения, и памятники, на которых есть какие-либо цифровые обозначения, чрезвычайно редки. Этими числовыми указаниями являются либо возраст умершего на погребальной табличке, либо количество различных освященных предметов, которые он поднес богам, либо дата события, упомянутого в надписи. Даты, собственно так называемые, наиболее интересны для коллекционирования; они выражены иероглифическими символами, отдельными строками, выражающими количество единиц до девяти, когда произвольный знак обозначает 10, другой 100 и еще один 10000.

Самыми известными египетскими надписями являются надписи на Розеттском камне. Этот камень, табличка из черного базальта, содержит три надписи: одну иероглифами, другую демотическим или энхориальным языком и третью на греческом языке. Все надписи имеют одинаковый смысл и представляют собой указ мемфисского жречества в честь Птолемея Эпифана, датированный примерно 196 годом до нашей эры. "Птолемей там назван Царем Верхнего и Нижнего Египта, Сыном богов Филопатора, одобрен Птахом, которому Ра даровал победу, живой образ Амона, сына Ра, Птолемей Бессмертный, возлюбленный Птахом, Бог Эпифан, всемилостивый. В дате указа нам сообщаются имена жрецов Александра, богов Сотера, богов Адельфи, богов Эвергета, богов Филопатора, самого бога Эпифана, Береники Эвергетис, Арсинои Филадельф и Арсинои Филопатор. В преамбуле с благодарностью упоминаются заслуги царя, или, скорее, его мудрого министра Аристомена, и постановление предписывает, чтобы статуе Царя поклонялись в каждом храме Египта и ее носили в процессиях вместе с богами страны, и, наконец, что указ должен быть высечен у подножия каждой статуи царя священными, общеупотребительными и греческими письменами" (Шарп). Сейчас она находится в Британском музее. Этот камень примечателен тем, что привел к открытию системы, которой придерживались египтяне в своей монументальной письменности, и тем, что дал ключ к ее интерпретации, причем доктор Янг дал первые намеки, установив фонетическое значение иероглифических знаков, которые были продолжены Шампольоном.

Другая важная и гораздо более древняя надпись находится на Абидосской табличке в Британском музее. Он был обнаружен мистером Бэнксом в одной из комнат Абидосского храма в 1818 году. Сейчас он сильно изуродован, но в совершенном виде представлял собой подношение, сделанное Ремесом II из девятнадцатой династии своим предшественникам на

троне Египта. Табличка сделана из тонкого известняка и первоначально содержала имена пятидесяти двух царей, расположенные в двух верхних строках, по двадцать шесть в каждой строке, и третью или нижнюю строку с именем и прозвищем Ремесеса II. или III. повторяется двадцать шесть раз. В верхней строке, начиная с правой руки, приведены имена монархов, предшествовавших двенадцатой династии. Имена во второй строке принадлежат монархам двенадцатой и восемнадцатой или девятнадцатой династий. Царь Ремесес II, вероятно, стоял по правую руку от таблички, а по другую - нижняя часть фигуры Осириса. Боковая надпись представляет собой речь умершего царя, обращенную к "их сыну" Ремесесу II.

Карнакская табличка, находящаяся сейчас в одном из залов библиотеки в Париже, была обнаружена Бертоном в помещении, расположенном в юго-восточном углу дворца-храма в Фивах, и была опубликована ее первооткрывателем в его "Иероглифическом отрывке". Сама камера была полностью описана Розеллини в его "Monumenti Storici". Короли расположены в два ряда, над каждым из них возвышается большая фигура Тутмоса III, пятого короля восемнадцатой династии. В ряду слева от входа тридцать одно имя, а в ряду справа - тридцать, и все они предшественники Тутмоса. Среди списков также представлены фиванские цари, правившие в Верхнем Египте во время узурпации власти гиксосскими захватчиками. Над головой каждого короля изображен овал, содержащий его королевские титулы.

Недавно месье Мариетт обнаружил в гробнице близ Мемфиса ценнейшую табличку с именами царей, принадлежавшую священнику, жившему при Ремесесе II и носившему имя Тунар-и. Он содержит два ряда имен королей, в каждом по двадцать девять. Шесть были полностью стерты из верхнего ряда и пять - из нижнего. Верхний ряд содержит имена Ремесеса II. и его предшественников, которые, по-видимому, все предназначены для царей Верхнего Египта или царей Мемфиса, правивших Верхним Египтом, в то время как имена в нижнем ряду, по-видимому, предназначены для современных первосвященников Мемфиса, некоторые или все из которых, возможно, называли себя царями Нижнего Египта. Некоторые полагают, что результат сравнения этой таблички с другими авторитетными источниками, а именно с Манефоном, Эратосфеном и табличкой из Абидоса, противоречит более длинным взглядам на хронологию, которых придерживались Бунзен, Лепсиус и другие. Таким образом, читаем список имен задом наперед из Ремесеса II. для Амосиса, первого представителя восемнадцатой династии, эта табличка, как и табличка из Абидоса, сразу же переходит к царям двенадцатой династии Манефона; таким образом, утверждается, что промежуточные пять династий, упомянутых Манефоном, должно быть, правили одновременно с другими, и не добавляют никакого отрезка времени к хронологической таблице. В этой табличке есть и еще одно упущение, касающееся еще четырех династий. Таким образом, эта табличка, по-видимому, подтверждает взгляды противников более длинной хронологии Бунзена и других, вычеркивая из длинной хронологии два периода, составляющих вместе 1536 лет. Но полная копия мемфисской таблички была недавно найдена в Абидосе М. Мариеттом, что полностью подтверждает хронологию Манефона и подтверждает взгляды Бунзена и Лепсиуса. *Moniteur* публикует письмо М. Мариетта, содержащее следующее заявление: "В Абидосе я обнаружил великолепный аналог скрижали Сахара. Сети I. в сопровождении своего сына, впоследствии Ремесеса II. (Сесостриса), преподносит подношение семидесяти шести царям, выстроившимся в ряд перед ним. Менес (первый царь первой династии в списке Манефона) стоит во главе их. От Менеса до Сети I. Этот внушительный список охватывает почти все династии. В нем представлены первые шесть. Далее мы знакомимся с еще неизвестными нам правителями, принадлежащими к неясному периоду, который простирается с конца шестого по начало одиннадцатого века. С одиннадцатого по восемнадцатое число новая таблица следует

проторенной дорожке, с которой она больше не сходила во времена правления Тутмоса, Аменофиса и первых Ремесов. Если в этом новом списке не все абсолютно новое, мы, по крайней мере, находим в нем ценное подтверждение списка Манефона, и при нынешнем состоянии науки мы вряд ли можем ожидать большего. Все, что подтверждает Манефон, вселяет в нас уверенность в наших собственных усилиях, даже если все, что ему противоречит, ослабляет получаемые нами результаты. Более того, новая табличка из Абидоса является самым полным и лучше всего сохранившимся памятником, которым мы располагаем в этом отношении. Ее стиль великолепен, и в ней нет ни единого недостатка в картушах или овалах. Оно было найдено выгравированным на одной из стен маленькой комнаты в большом храме Абидоса.

ЕГИПЕТСКАЯ КОЛОННА.

Важный камень с греческой надписью и аналогичными египетскими иероглифами был обнаружен профессором Лепсиусом в Сане, бывшем Танисе, главном месте грандиозных архитектурных начинаний Ремезеса II. Греческая надпись состоит из семидесяти шести строк, в наиболее совершенной сохранности, датируемая временем правления Птолемея Эвергета I. (238 год до н.э.). Иероглифическая надпись состоит из тридцати семи строк. Было также обнаружено, что жрецы приказали добавить демотическую надпись на каменной или медной стеле священными письменами египтян и греческими иероглифами; к сожалению, этого недостаточно. Содержание надписи представляет большой интерес. Она датирована девятым годом седьмого Апеллея—семнадцатого Тибия, правления Эвергета I. Египетские жрецы собрались в Канопусе, чтобы отпраздновать день рождения Эвергета пятого Диоса и его принятие царских почестей двадцать восьмого числа того же месяца, когда они приняли опубликованный здесь указ. Они перечисляют все добрые дела царя, среди которых заслуга в том, что он вернул в ходе военной экспедиции священные изображения, унесенные в прежние времена персами, и приказывают воздать ему великие почести в награду за его услуги. Эта табличка из известкового камня с закругленной вершиной имеет высоту около семи футов и полностью покрыта надписью. Открытие этого камня имеет огромное значение для изучения иероглифов.

Мы можем упомянуть здесь еще одну табличку с надписями, знаменитую таблицу Исиака в музее в Турине. Это бронзовая табличка, покрытая выгравированными или утопленными египетскими фигурами или иероглифами, контуры которых заполнены серебром, образующим своего рода черньку. Это был один из первых объектов, который пробудил интерес к интерпретации иероглифов и вызвал научные решения у Кирхера и других. Сейчас это считается одной из тех псевдоегипетских постановок, которые так широко фабриковались во времена правления Адриана.

На египетских обелисках также есть важные надписи. Самая древняя из них - надпись из Гелиополиса.

Мы выбрали эти несколько примеров египетских надписей из-за их известности. Почти каждый египетский памятник, какого бы периода он ни был, храмы, статуи, таблички, небольшие статуэтки были испещрены иероглифическими надписями, как правило, выполненными с большой тщательностью и отделкой. Египетские здания также были покрыты религиозными или историческими картинами, изваянными и раскрашенными на всех стенах; было подсчитано, что в одном-единственном храме насчитывалось не менее 30 000 квадратных футов скульптур, а по бокам этих картин были бесчисленные надписи, в равной степени составленные из искусно сгруппированных фигуративных знаков, объясняющих сюжеты и сочетающиеся с ними гораздо более удачно, чем если бы это были лучшие алфавитные знаки в мире.

На их изучение потребовалось бы больше, чем целая жизнь, и у нас есть место только для того, чтобы дать несколько общих советов.

Мы обладаем гораздо более точными знаниями о греческих надписях, чем о египетской палеографии. Греческий алфавит и все его разновидности, а также язык, обычаи и история этого прославленного народа нам известны лучше. Греческие надписи возвращают нас к тем славным периодам греческого народа, когда его герои и писатели обессмертили себя своими прославленными делами и сочинениями. Какие эмоции должны возникнуть в груди

археолога, который обнаружит в истертом времени мраморе погребальный памятник, установленный Афинами двадцать три столетия назад над могилой своих воинов, погибших при Потидее.

Их души приняли высокие небеса; их тела обрели,
На равнинах Потидеи, эту священную гробницу.
Их враги пали без числа: немногие остались,
Спасенные своими крепостными стенами от общей гибели.
Город-победитель оплакивает своих героев, павших,
Первыми в битве, они погибли во славу ее".

Наиболее важной монументальной надписью, представляющей греческие летописи, иллюстрирующей и устанавливающей хронологию греческой истории, является паросская хроника, ныне хранящаяся среди арунделианских мраморов в Оксфорде. Он был назван так из-за предположения, что он был сделан на острове Парос в 263 году до нашей эры. В идеальном состоянии это была квадратная табличка из грубого мрамора толщиной в пять дюймов; и когда Селден впервые осмотрел ее, она имела размеры три фута семь дюймов на два фута семь дюймов. На этом камне были выгравированы некоторые из основных событий в истории Древней Греции, образующие хронологический свод за 1318 лет, который начался с правления Кекропса, первого царя Афин, в 1582 году до н.э., и закончился архонтированием Диогнета. Он был расшифрован и опубликован ученым Селденом в 1628 году. В нем нет упоминания об олимпиадах и отсчет ведется в обратном порядке от нынешнего времени по годам.

При толковании греческих надписей особое внимание следует уделять различению многочисленных титулов магистратов всех сословий, государственных служащих различных рангов, имен богов и народов, городов и племен города; предписанных формул для различных видов памятников; текстов указов, писем и т.д., которые приводятся или цитируются в аналогичных текстах; названий памятников, таких как стелы, таблички, киппи и т.д., Указания мест или частей, принадлежащих к тем местам, где они должны быть установлены или депонированы, таких как храм или вестибюль, двор или перистиль, общественная площадь и т.д.; те, за чей счет он был возведен, весь город или курия, общественное достояние или частный фонд, имена и фамилий государственных или частных лиц; предоставленные привилегии или услуги, такие как право убежища, гостеприимства, гражданства; наказания, вынесенные против тех, кто разрушит или изуродует памятник; условия договоров и союзов; указания веса, денежных единиц и мер.

Другим ранним примером памятной надписи, дату которой также можно точно установить, является надпись, недавно обнаруженная доктором Фриком на бронзовом змее с тремя головами, ныне находящемся в Константинополе, которая поддерживала золотой треножник, который был посвящен, как утверждает Геродот, Аполлону союзными греками в качестве десятой части персидской добычи на Платеях и который был установлен рядом с алтарем в Дельфах. На этом памятнике, как мы узнаем от Фукидида, Павсаний, регент Спарты, начертал высокомерный дистих, в котором он отмечает победу от своего имени как главнокомандующего, почти не упоминая союзные войска, которые ее одержали. Впоследствии эта эпиграмма была стерта лакедемонянами, которые заменили ее надписью, перечисляющей различные эллинские государства, принимавшие участие в отражении персидских захватчиков. Надпись содержит именно то, чего следовало ожидать от утверждений Фукидида и Геродота: названия тех греческих государств, которые принимали активное участие в разгроме персов. Расшифровано тридцать одно имя, и, похоже, есть

следы еще трех. Первые три имени в списке - лакедемоняне, афиняне, коринфяне. Остальные надписи почти идентичны надписям на статуе Зевса в Олимпии, приведенным Павсанием. Названия нескольких государств, по-видимому, расположены на змее в целом в соответствии с их относительной важностью, а также с некоторым учетом их географического распределения. Сначала перечисляются государства континентальной Греции, затем островитяне и отдаленные колонии на севере и западе. Предполагается, что нынешняя надпись была сделана на змее в 476 году до н.э.

Посвятительные надписи на статуях в Бранхиде, вероятно, относятся к 580-520 годам до н.э. Знаменитая сигейская надпись, привезенная из Троады в Англию в прошлом веке, теперь признана не псевдоархаичной имитацией, как утверждал Бокх, а подлинным образцом греческой письменности в Малой Азии, современным или почти современным надписям Бранхиды. Кирхгоф считает это не позднее 69-й Олимпиады (504-500 гг. до н.э.).

Наиболее интересной надписью архаического периода является знаменитая бронзовая табличка, которую сэр Уильям Гелл получил из Олимпии и на которой выгравирован договор между элейцами и герейцами. Термины этого образца древней дипломатии необычайно лаконичны. Кирхгоф помещает эту надпись перед Олимпиадой 75 (480 г. до н.э.); Бокх относит ее к гораздо более ранней дате. В любом случае, мы можем рассматривать это как старейший из дошедших до нас договоров на греческом языке. Первоначально он, должно быть, был прикреплен к стене какого-нибудь храма в Олимпии.

На стене Парфенона была найдена серия афинских надписей на мраморе, в то время как другие были собраны из множества фрагментов, извлеченных из руин Акрополя и при раскопках в Афинах. Из публичных документов, сохранившихся в этих надписях, наиболее важными являются следующие: списки дани, списки сокровищ и публичные отчеты.

Недавно при раскопках на Афинском Акрополе была обнаружена интересная надпись. Это камень, на котором заключен договор между Афинами и Халкидой. Надпись относится ко временам Перикла и описывает условия, на которых Халкида на Эвбе снова была принята в афинскую зависимость или союзный союз после ее восстания и восстановления в 445 году до н.э. Событие описано у Фукидида. Надпись сделана на аттическом греческом, но орфография архаичная.

На погребальных памятниках обычно есть надпись, в которой указаны имена и титулы умершего, его страна, его возраст, имена его отца и его матери, его титулы и заслуги, его выдающиеся качества и добродетели. Часто погребальная надпись содержит только имена покойного, его страны, и приветствия и обетные формулы обычно завершают ее.

Сигейский мрамор - один из самых знаменитых палеографических памятников из существующих. Он написан древнегреческими иероглифами в бустрофедонской манере. Смысл надписи, которая по смыслу повторяется дважды, в верхней и нижней части камня, состоит в том, чтобы зафиксировать передачу трех сосудов для использования в Пританеуме, или городской ратуше сигеев. Верхняя и нижняя надписи, выполненные обычными буквами, гласят так:

Первая надпись переводится так: "Я дар Фанодика, сына Гермократа, Проконнесу; он подарил вазу (кратер), подставку для нее и ситечко сигейцам для Пританея". Вторая надпись, в которой говорится: "Я также дар Фанодика", повторяет содержание предыдущей надписи и добавляет: "если со мной случится какое-нибудь несчастье, сигейцы должны меня вылечить. Эзоп и его братья создали меня". Нижняя надпись более древняя. Сейчас она почти стерта. Кирхгоф считает, что это произошло не позднее Олимпиады 69 года до н.э. (504-500).

Афинский народ воздвигает эту статую Сократу, сыну Сократа Торикского.

"Сыны Афин, Сократ, от тебя
Усвоили уроки божественной Музы;
Отсюда этот твой прием мудрости: мы стремительны
Воздавать благодатью за благодать, нашей любовью за твою."
"Афины" Вордсворта.

Римлянину Перпенне,
консулу, Сенату и народу Сиракуз.

Человек, благодаря мудрым советам которого этот город Сиракузы вздохнул после своих трудов и увидел час покоя. За эти заслуги лучшие из его граждан воздвигли ему мраморное изображение, но хранят его мудрость в своих сердцах.

Музей Сиракуз.

На воротах в Никее (Перевод):

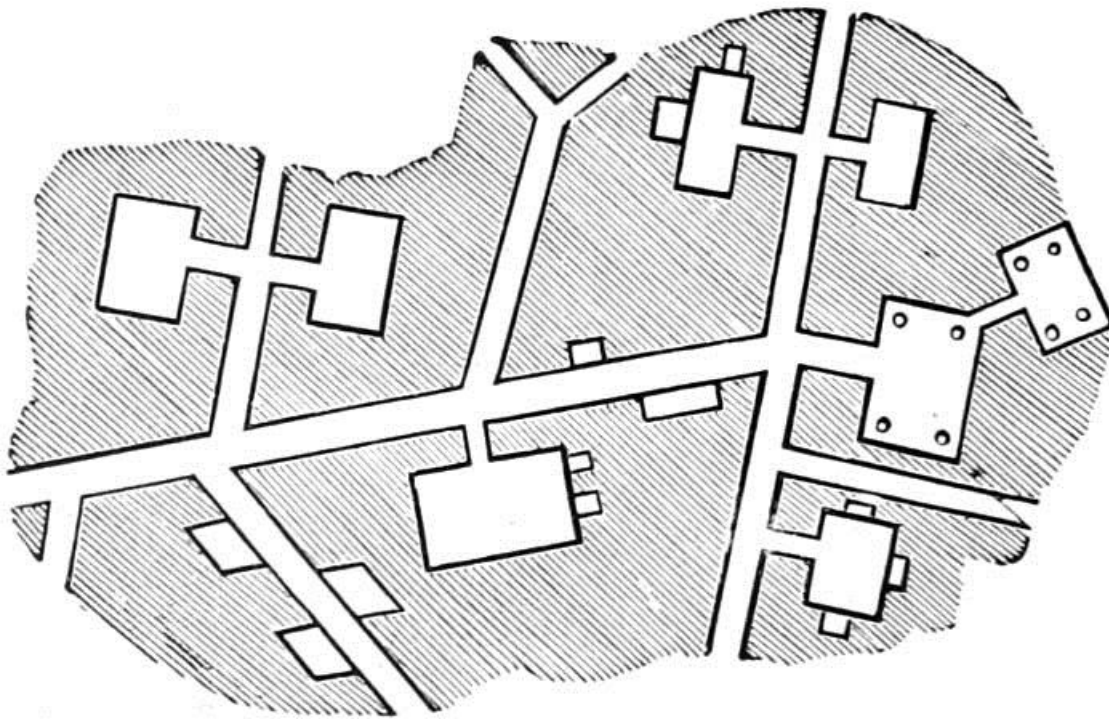
"Великолепнейший, большой и добрый город Никее [возводит] эту стену для самодержца цезаря Марка Аврелия Клавдия, благочестивого, удачливого, августейского Трибуна, проконсула во второй раз, отца своей страны, и для Священного Сената, и для народа Римлян, во времена прославленного консула Веллея Макрина, легата и наместника августейского цезаря Антонина, великолепного оратора". 269 г. н.э.

Катакомбы.

Содержание

Катакомбы, или подземные кладбища, относятся к числу самых грандиозных чудес древности, и с момента своего открытия вызывают живейший интерес археологов.

Вырезка на странице 875 представляет собой план римских катакомб. Только они были много лет назад рассчитаны на 590 миль в длину, в то время как мистер Марчи в свете более недавних исследований и новых открытий подсчитал, что их длина составляет от 800 до 900 миль, и что в могильных ограждениях их обширных впадин было погребено от 6 000 000 до 7 000 000 представителей человеческой расы. Большинство катакомб расположено на глубине от пятидесяти до семидесяти пяти футов под поверхностью земли, и ни один луч естественного света не может проникнуть сквозь густую темноту ночи, которой повсюду изобилует. Горе тому человеку, чья смелость заставляет его в одиночку углубляться в эти темные глубины! Коридоры и переходы настолько обширны и запутанны, что он, должно быть, безвозвратно заблудился и жалко погиб в этом бесконечном лабиринте. Даже самые опытные гиды с горящими факелами в руках предпочитают следовать только тщательно исследованными проходами и стараются не оставлять проторенных троп.

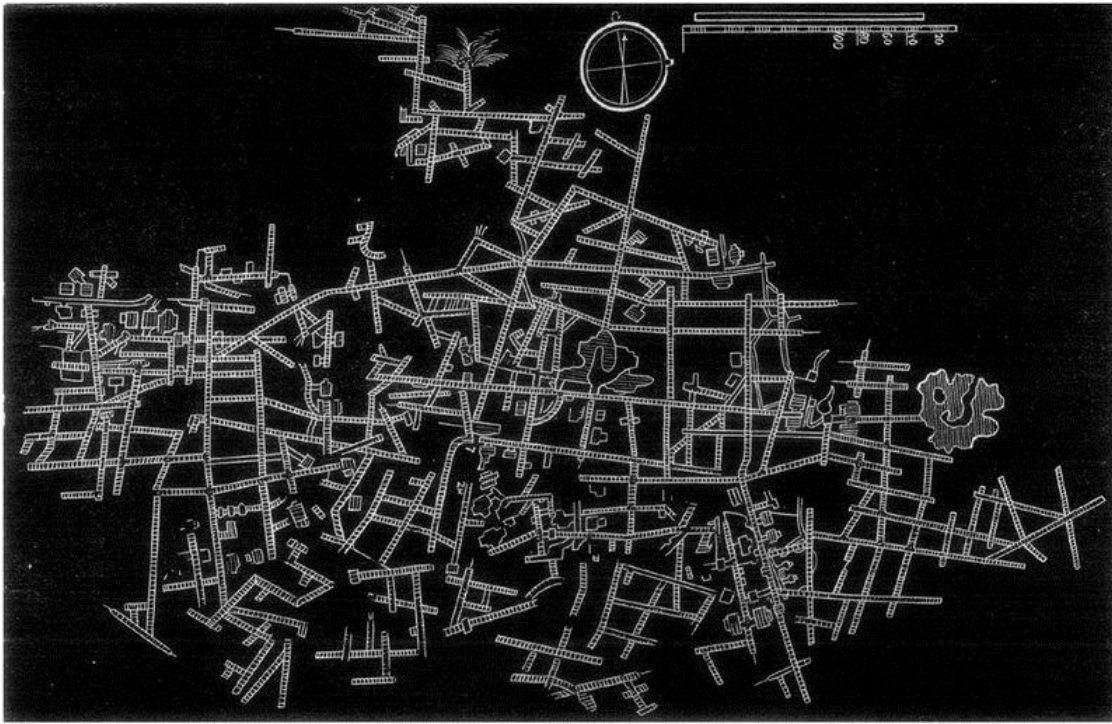

СЕКЦИИ КАТАКОМБ С КАМЕРАМИ.

Проходы имеют высоту от шести до двенадцати футов и среднюю ширину от трех до шести футов. В туфе, из которого сложены их стены, одна над другой выдолблены ниши, в которые клали умерших, по три-шесть человек с каждой стороны. Все проходы и галереи украшены этими жуткими накладками, и большинство из них заканчивают свой долгий и унылый путь в камере, как читатель может заметить, изучив приведенные ниже разрезы.

Эти покои часто имеют большие размеры и изначально были украшены с большим великолепием и высоким искусством. Это были усыпальницы богатых и знатных семей, которые не жалели ни труда, ни денег на благоустройство своих последних жилищ. Стены и потолки были искусно изваяны и расписаны самыми одаренными художниками того времени. В саркофагах или гробах из бронзы, порфира и других редких пород мрамора хранились тела умерших. На их массивных крышках и боковых сторонах были вырезаны формы и черты тех, кто лежал внутри, так что даже сегодня мы располагаем прекрасными и точными портретами древних людей. Вокруг саркофагов были расставлены богатые золотые вазы, серебряные кубки для питья и многие другие ценные сокровища, дорогие усопшим при жизни. Статуи из бронзы и мрамора были расставлены в роскошном порядке и поблескивали в мягком свете, падавшем от причудливых ламп из драгоценных металлов, необычной формы и выполненных с особым мастерством.

В Римской Кампанье было сорок три катакомбы, названия которых зафиксированы в надписях, в мартирологах и в Папских реестрах, использовавшихся Анастасием, с тех пор переизданных с дополнениями в различных формах и повторенных по существу Баронием в его "Анналах" и Панвинием в его трактате о кладбищах. Аринги считает, что это число составляет пятьдесят шесть, а из рассказа синьора де Росси следует, что сейчас это число составляет около шестидесяти. Количество *общих* кладбищ не так уж велико.

ПЛАН КАТАКОМБ В РИМЕ. (Длина оценивается от 800 до 900 миль.)

Первоначальные входы в катакомбы во многих случаях вели по подземным дорогам или коридорам, иногда называемым улицами. Эти коридоры, которые служили входами в места захоронений и проходами в них, первоначально были старыми дорогами из песчаных карьеров, из которых добывали пуццолановый песок; когда этот слой песка добывают, вход обычно закрывают. Мягкий слой пуццоланового песка, однако, обычно использовался не для погребений, а более твердый слой под ним, называемый "гранулированным туфом". Различные горизонтальные слои туфа очень сильно различаются по твердости, а также по толщине.

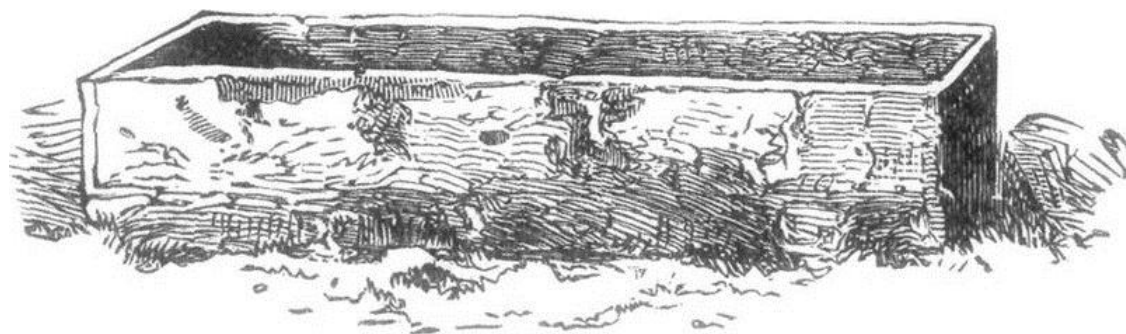
Хотя эти катакомбы, возможно, и не самые лучшие кладбища, все же их использование было бы бесконечно предпочтительнее недавней римской практики сбрасывать тела всех людей, чьи семьи не могут позволить себе купить участок земли в бессрочное пользование, в яму точно так же, как древние римляне поступали с телами своих рабов.

На могильнике Святого Лоренцо имеется триста восемьдесят ям, одна из которых вскрывалась каждую ночь. Все тела, привезенные для погребения в тот день или ночью, были брошены в него после того, как чиновники сначала раздели их до нитки; а затем на них была брошена горячая известь, чтобы они полностью разложились до истечения года. Устье ямы было закрыто известковой затиркой, чтобы не могли вытекать сточные воды, и это покрытие не нарушалось до тех пор, пока яму не захотели использовать снова.

Эти коридоры или проходы песчаных карьеров, из которых был извлечен пуццолановый песок, достаточно велики, чтобы пропустить лошадь и повозку; часто это были входы в катакомбы, коридоры которых обычно проходят рядом с *аренариями* или песчаными карьерами или под ними, и по ним едва может пройти человек или двое мужчин с телом; высота варьируется от пяти до семи или восьми футов или более, в зависимости от толщины слоя туфа. В катакомбах Святого Гермеса часть широкой дороги из песчаного карьера была уменьшена до трети ее ширины за счет возведения кирпичных стен с *местами* в них.

В настоящее время, как правило, нет сообщения между одними катакомбами и другими; каждая занимает отдельный холм или возвышенность в Кампанье и отделена от других промежуточными долинами. Когда первый ярус гробниц простирался до краев холма, под ним устраивался второй, а затем иногда третий или больше. Таким образом, учитывается способ, которым выкапывается порода по нескольким извилистым во всех направлениях коридорам, чтобы освободить место для как можно большего количества тел. План катакомб Святой Присциллы является хорошей иллюстрацией этого. Вряд ли было бы безопасно проводить раскопки в скале в большем объеме. Самые нижние коридоры часто находятся ниже уровня долин, и, возможно, изначально там были проходы из одного в другой, так что один вход в S. Calixtus, возможно, был через S. Sebastian's. Особенно сухой характер песчаника или туфа, в котором раскопаны эти гробницы, сделал их превосходно рассчитанными для этой цели. Эти катакомбы были общественными кладбищами христианского Рима на протяжении нескольких столетий, и для здоровья города было бы лучше, если бы так продолжалось всегда. К сожалению, после осады Рима готами во времена Юстиниана, когда содержимое некоторых катакомб было изъято, использование этих превосходных мест для захоронений было прекращено.

То, что *аренарии* во времена Нерона считались местами захоронений, очевидно из его возгласов ужаса при мысли о том, что его доставят туда живым с целью сокрытия. Песчаные карьеры также упоминаются Цицероном в его Речи от имени Клуенция, где он говорит, что молодой Азиний, гражданин знатной семьи, был заманен в один из них и убит.

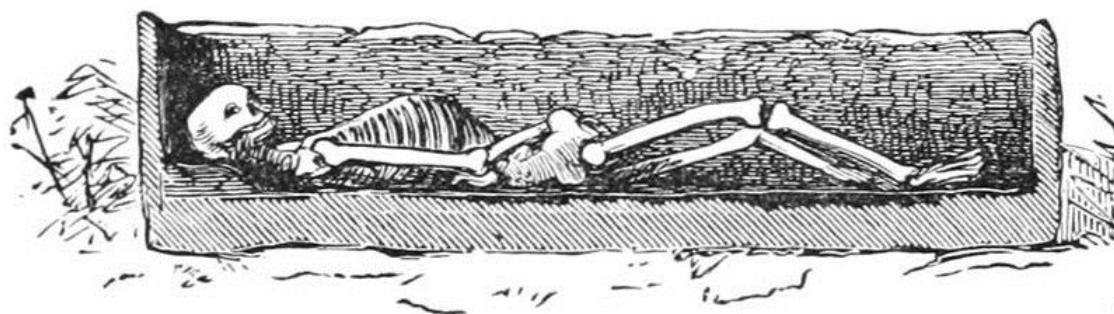
КАМЕННЫЙ ГРОБ.

Это показывает, что они использовались до христианской эры, и есть все основания полагать, что они использовались с тех пор, как в обиход вошел известковый раствор, который, как полагают, был за много веков до этого периода. Из знаменитого песка пуццолана делают лучший строительный раствор в мире, благодаря его зернистости. Этот ценный песок в той или иной степени встречается почти по всей Римской Кампанье, в горизонтальных слоях или слоями между слоями туфа; часть самого туфа, который является песчаником, может быть соскоблена в этот песок, но его легче взять в готовом виде, предоставленном природой. Люди, когда-то привыкшие к использованию этого песка, не могут без него обходиться, и ежедневно можно увидеть сотни тележек, наполненных им, проезжающих через Кампанью, доставляя его либо в Рим, либо в Остию, либо в Порту для экспорта. Горизонтальные слои этого песка обычно имеют толщину не более шести футов, хотя на определенном уровне они простираются по всей поверхности страны. Поэтому его выкапывают горизонтальными коридорами с различными ответвлениями, простирающимися на многие мили, подрывающими всю поверхность почвы, но не большими или глубокими ямами, так что название "песчаная яма" довольно обманчиво для американцев, которые обычно воображают, что это всегда большая и глубокая яма, к

которой ведут только эти дороги; это не всегда так, сами дороги выкапываются в слое песка и часто сами являются песчаными карьерами. Иногда на разных уровнях залегают разные слои песка, а в некоторых случаях могут быть две дороги из песчаных карьеров, расположенные одна над другой, с прослойкой из твердого туфа между ними.

В *Священном акте* говорится, что одним из наказаний, наложенных на христиан императором Максимином во время шестого гонения, 35 г. н.э., была добыча песка и камней. Особо упоминаются мученики Кириак и Сисинн, которых приказали строго охранять и заставляли рыть песок и носить его на собственных плечах.

Некоторые катакомбы, очевидно, были устроены под могилами на обочине дороги, а в катакомбах Святого Каликста остатки гробницы находятся на поверхности земли. Погребальные часовни четвертого века, обычно встречающиеся над катакомбами, вероятно, заменяют более ранние гробницы. Церковь Святого Урбана в настоящее время считается семейной усыпальницей первого века, много лет спустя превращенной в церковь.

КАМЕННЫЙ ГРОБ С ОТКРЫТОЙ СТОРОНОЙ.

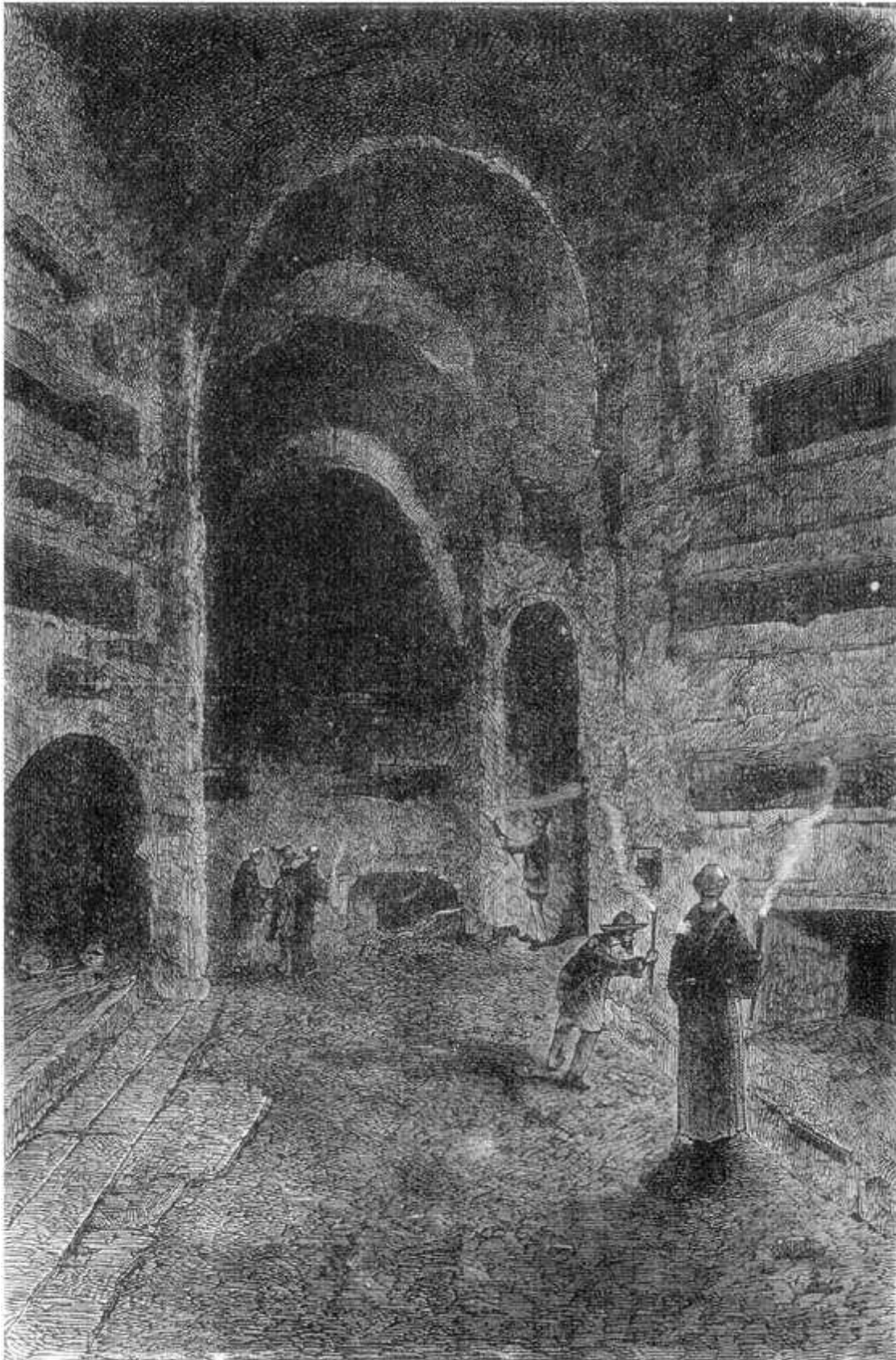
Сохранилось много надписей, касающихся сохранения могилы с землей, принадлежащей ей навечно, и в них часто упоминается количество шагов вдоль дороги и в поле. Их размеры сильно различаются. Гораций упоминает один, который был 1000 на 300 футов. Надпись на одном из них, раскопанном на Виа Лабикана, дает размеры 1800 футов на 500 футов; другой был всего двадцать четыре фута на пятнадцать футов и еще шестнадцать квадратных футов. В случае с одной из больших гробниц, принадлежащей семье, принявшей христианство, им было легко устроить под ней катакомбу и позволить хоронить там своих собратьев-христиан или продать часть большого пространства под отдельные склепы. Множество сводов площадью шестнадцать квадратных футов могло быть построено на пространстве 1800 футов в длину и 500 футов в ширину, как тот, что находится на Виа Лабикана. Если прилегающее поле принадлежало той же семье, катакомба могла быть расширена настолько, насколько простиралась сама семейная собственность. Это наиболее вероятное объяснение *prædium* леди Люцины и других христианских мучеников. Они были наследницами, которым принадлежали такие могила и луг. Когда пространство было ограничено, три или четыре этажа были раскопаны последовательно, один под другим, как мы видим во многих примерах.

Размеры Микеле де Росси удивительным образом совпадают с этим. Он считает, что *площадь* каждой отдельной катакомбы составляет соответственно 100, 125, 150, 180 и 250 футов. Ни одно из этих пространств не является слишком большим для площади, обычно оставляемой вокруг важной гробницы, и семейная собственность на этой территории простиралась бы на любую глубину. Каждое кладбище было законченным само по себе, но иногда соединялось с другими подземными дорогами.

Эти гробницы были защищены специальными законами, и *территория*, на которой стояла гробница, была включена в нее. Территория часто была значительной и предназначалась для захоронения последующих поколений семьи, которой она принадлежала. Гробницы периода ранней империи ни в коем случае не предназначались исключительно для *колумбариев* для погребальных урн. Случаи, когда есть места и для тел, и для урн, возможно, более многочисленны, чем случаи, когда есть только для урн. Прекрасные саркофаги, которые сейчас можно найти в музеях или которые использовались для различных целей, таких как корыта для воды, вазы для цветов и различные другие, изначально находились в гробницах, и, как правило, в гробницах, в которых также были *колумбарии* для погребальных урн. Под некоторыми языческими гробницами на Виа Латина есть катакомбы для погребения тел, и часто в них клали тела.

Обычай сжигания тел никогда не был всеобщим и просуществовал лишь определенный период; обычай хоронить тела возник снова вскоре после христианской эры и, вероятно, был вызван сильным чувством, возникшим среди христиан по этому поводу. Роскошно расписанные помещения в верхней части гробниц первого и второго веков на Виа Латина, очевидно, имитировались бедняками в катакомбах в четвертом и пятом веках и позже; но нет никаких свидетельств наличия каких-либо библейских или религиозных сюжетов для росписей до времен Константина. Характер картин почти повсеместно более поздний, а те немногие, что написаны рано, не являются ни христианскими, ни библейскими.

ВИД КАТАКОМБ ИЗНУТРИ.

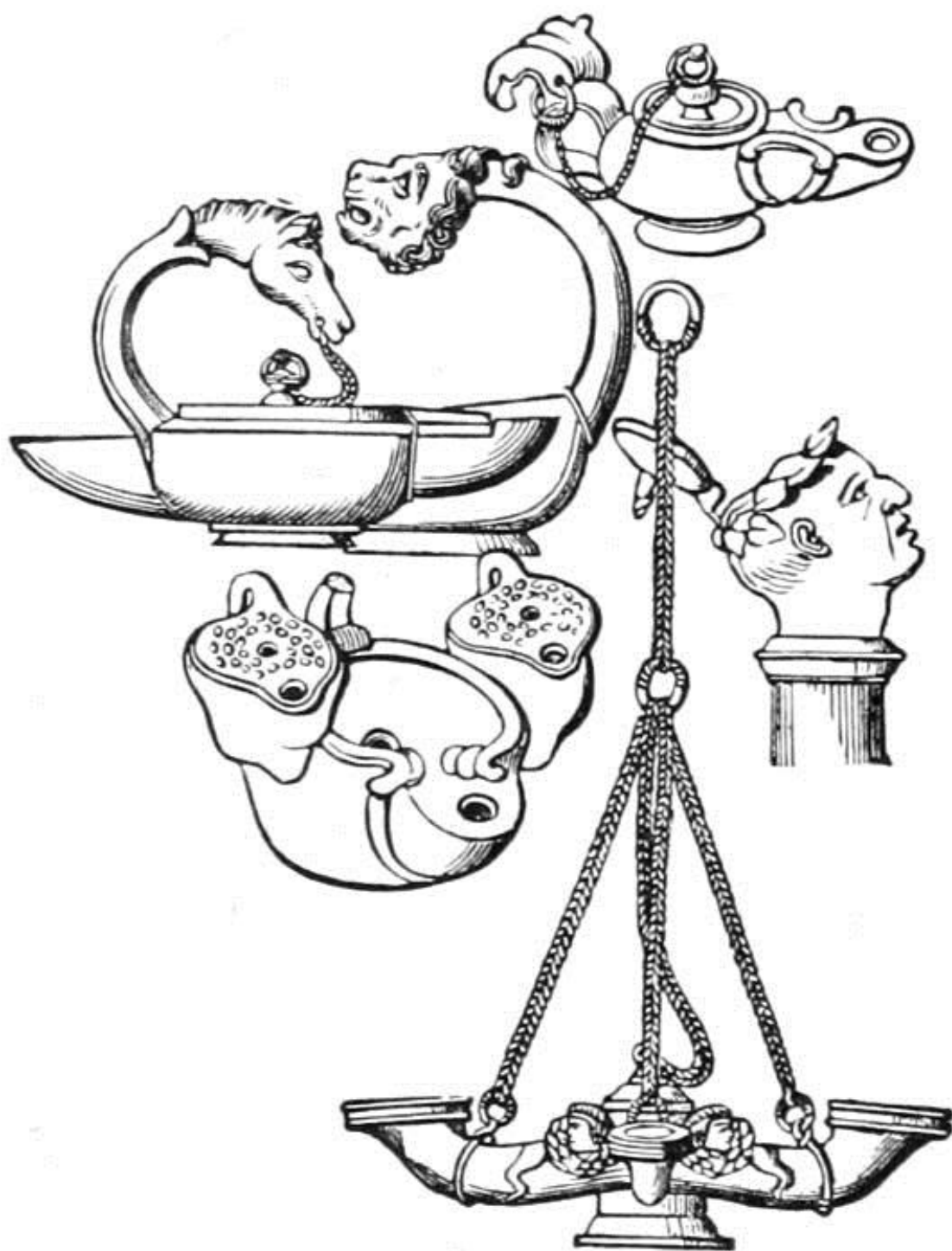
Вполне могло случиться, что некоторые члены семьи были христианами, а другие - нет, и это объяснило бы смешение языческих гробниц с христианскими в одних и тех же катакомбах. Подземные дороги из песчаных карьеров часто проходят параллельно большим дорогам на

небольшом расстоянии от них, и такая дорога, проходящая позади подземного кладбища или катакомб, была бы очень удобна для христиан во время гонений. Та часть этих дорог, которая проходила в пределах кладбища, естественно, также использовалась для захоронений, поскольку мы видим, что они были отчетливо видны в случае С. Гермеса и почти с такой же уверенностью в других случаях. В обычные времена не было необходимости в секретности. Тела христианских мучеников передавались для захоронения тем, кто обращался за ними.

Катакомбы СС. Утверждается, что Сатурний и Тразо, вход в которые находится в садах виллы Гангалани, примерно в миле от Рима, на Виа Салария, были частью великой катакомбы Святой Присциллы, вход в которую находится примерно в четверти мили дальше от Рима, на той же дороге. Спускаясь в храм Святого Сатурнина по крутым ступеням современного вида, но, возможно, только отреставрированным, мы вскоре проходим под дорогой и слышим, как над головой проезжают экипажи; затем мы продолжаем спускаться на глубину около пятидесяти футов, разделенную на пять коридоров, из которых в настоящее время видны только четыре; но мы проходим мимо входа в пятый на одной из лестничных площадок и видим вход в него. В двух нижних коридорах этой катакомбы по бокам расположены гробницы или *кубикулы*; некоторые из них раскрашены, как и свод коридора перед ними.

Песчаник, из которого сложены эти катакомбы, более твердый, чем обычно, по этой причине, по-видимому, здесь только три боковых часовни для семейных захоронений и несколько арочных гробниц; большинство углублений для могил представляют собой просто параллелограммы, достаточно большие, чтобы вместить тело или два тела рядом, одно за другим, углубления выкопаны на достаточную глубину для этой цели, и на некоторых из них оставлены плиты, закрывающие отверстия на своих местах. Скелетам разрешено оставаться в нескольких гробницах, где плиты были сняты и оставлены открытыми. В одной из часовен сохранились остатки картин четвертого века в сильно разрушенном состоянии. Две другие часовни соединены коротким переходом; очевидно, они были местами семейных захоронений, вторая была пристроена, когда первая была заполнена. Проход проложен через главную гробницу первой часовни, тело, ранее погребенное там, вероятно, было перенесено во внутреннюю часовню, когда это было сделано. Расписная часовня находится в верхнем коридоре, двойная - в нижнем.

При спуске из сада два верхних коридора имеют гробницы по бокам и представляют собой обычные катакомбы; третий представляет собой *аренариум*, или песчаную яму, без гробниц, достаточно большую, чтобы по ней могла проехать лошадь с повозкой, как в обычных песчаных карьерах. Должно быть, в это место был еще один вход, и говорят, что он находился в полумиле отсюда, что не является невероятным, судя по другим песчаным карьерам, как тем, которые сейчас используются, так и другим, которые закрыты, некоторые из которых, как известно, имеют длину более мили, а с различными ответвлениями галерей коридоры в целом часто простираются на несколько миль. Эти галереи достаточно велики для лошади и повозки, но не для проезда двоих, для этой цели через равные промежутки времени сделаны подъездные пути. Проходы в катакомбах сильно различаются как по высоте, так и по ширине, но редко превышают три фута в ширину. Часовни также различаются по размеру, но ни одна из них не вмещает более пятидесяти человек; те, что находятся в нынешних катакомбах, невелики.

ЛАМПЫ, НАЙДЕННЫЕ В КАТАКОМБАХ.

О том, что каждая из этих часовен была местом захоронения семьи и считалась частной собственностью, свидетельствуют остатки двери у входа в некоторые из них, как, например, в катакомбе Святой Присциллы. В одном из них каменный карниз с отверстием для шарнира остается на своем месте; нижний камень с соответствующим отверстием был сдвинут, но лежит на полу в соседней часовне. Другая дверь была сделана с возможностью скольжения вверх и вниз наподобие опускающей решетки или современного створчатого окна, как мы видим по пазам, оставшимся с обеих сторон. Это близко к *люминарии*, или колодцу для впуска света и воздуха, и кажется вполне возможным, что это действительно было окно, или что верхняя часть была сделана так, чтобы опускаться для впуска света и воздуха из

люминарии. Если это было место захоронения Присциллы, то картины, вероятно, были обновлены при реставрации Джоном I., 523 год н.э. Нижняя часть стены облицована лепниной с продолговатыми панелями, окрашенными в имитацию различных видов мрамора; толщина лепнины составляет около дюйма, как у мраморных плит, а промежутки между панелями заглублены на такую глубину, как если бы каждая панель была окрашена перед тем, как ее разместили и прикрепили к стенам, как мраморные плиты. Повсюду валяется несколько длинных узких полос белой штукатурки, которые, по-видимому, были вставлены в полые пазы между плитами. Своды в этой катакомбе во многих частях поддерживаются кирпичными арками; в одном месте, на пересечении, находятся четыре небольшие низкие кирпичные арки, характер которых соответствует периоду реставрации в шестом веке; раствор между кирпичами или плитками примерно такой же толщины, как и сами плитки, которые имеют толщину чуть больше дюйма, так что на фут приходится пять плиток, включая раствор между ними. Эти кирпичные арки являются не последующим ремонтом, а частью первоначальной конструкции, несущей свод. *Аренариум*, или галерея с песчаными карьерами, через которую сделан нынешний вход, очевидно, использовался как подземная дорога. Ответвление акведука, идущего вдоль этой стороны, является частью обширной системы орошения, проводимой по всему этому району, причем вода доставлялась из реки Аква Дева, которая протекала в этом направлении. Вероятно, это была часть первоначальной линии Акведука, которая была изменена в части, прилегающей к Риму; это не было прослежено в какой-либо значительной степени, но синьор де Росси нашел много остатков и указаний на это. Дороги из песчаных карьеров, или *аренариум*, тянулись на многие мили параллельно большим дорогам, и, вероятно, возчики предпочитали их открытым дорогам в жаркую погоду, поскольку на них всегда прохладно.

Все христианские надписи носят погребальный характер и по большей части находятся в катакомбах, или подземных кладбищах. Слово "кладбище" происходит от греческого слова, означающего "место для сна", отсюда частые формулы в христианских эпитафиях: "dormit in pace", он спит с миром; "dormitio Elpidis", место для сна Элпис; "cubiculum Aurelia", спальная комната Аврелии. Термин "катакомбы" был применен к этим подземным кладбищам в гораздо более поздний период. Практика подземных захоронений среди первых христиан, очевидно, произошла от еврейского обычая хоронить умерших в выкопанных гробницах, и, таким образом, возможно, была перенята первыми обращенными евреями. У римских евреев были очень ранние собственные катакомбы в Монте-Верде, примыкающие к месту их проживания, в квартале Трастеверин в Риме. Этот подземный способ погребения, несомненно, имеет египетское происхождение. Обычно предполагается, что ранние христиане использовали для своих захоронений раскопки, сделанные римлянами для добывания камня и цемента для строительных целей. Это ошибочное мнение. Недавние геологические наблюдения за почвой Агро Романо показали, что поверхность Кампани состоит из вулканических пород разной природы и возраста. Самый ранний из серии, литоидный туф, с древнейших времен постоянно использовался в городских зданиях, о чем свидетельствуют массивные блоки Большой клоаки, табулария Капитолия и стен Ромула; второй, или граноларе из туфа, который, хотя и имеет достаточную консистенцию, чтобы сохранять форму, приданную ему экскаватором, не может быть обтесан или извлечен блоками; и пуццолана, которая широко использовалась во все века для изготовления строительного раствора или римского цемента. Таким образом, литоидный туф и пуццолана использовались римлянами только для строительных целей, и катакомбы никогда не находили раскопанными в них. Катакомбы были вырублены только в гранулярном туфе и, следовательно, были раскопаны ранними христианами специально для захоронений. Христианские архитекторы тщательно избегали массивных слоев туфа-литоида, и мы полагаем, что установлено, что все известные катакомбы проложены исключительно по

руслу туфа-граноларе. С не меньшей осторожностью эти подземные инженеры избегали слоев пуццоланы, которые сделали бы их работу небезопасной и в которых невозможно было бы построить постоянную каменную гробницу. Таким образом, мы приходим к любопытному факту, что при строительстве катакомб землекопы тщательно избегали слоев твердого камня и слоев мягкого камня, используемых соответственно для строительства и для строительного раствора, и выбрали тот слой средней твердости, который лучше всего соответствовал их специфическому назначению. Раннехристианские надгробные надписи характеризуются символами и формулами, характерными для христианского вероучения; в них обычно преобладает идея другой жизни, загробной.

Символы, встречающиеся в связи с погребальными надписями, бывают трех видов; большая часть из них относится к исповеданию христианства, его доктринам и его милостям. Второй класс, частично светского описания, указывает только на профессии умершего, а остальные представляют имена собственные: таким образом, лев должен читаться как имя собственное, *Лео*; осел, *Онагр*; дракон, *Драконтиус*. Из первого рода наиболее часто встречается монограмма Христа. Другими обычно используемыми символами являются корабль, эмблема церкви; рыба, эмблема Христа; ладонь, символ мученичества. Якорь олицетворял надежду на бессмертие; голубь - мир; олень напоминал верующим о благочестивых устремлениях псалмопевца; лошадь была символом силы веры; загнанный заяц - преследования; павлин и феникс символизировали знаки воскресения. Христос, как добрый пастырь, также был представлен в эпитафии. Были представлены даже персонажи языческой мифологии, которые христиане использовали в скрытом смысле, поскольку Орфей, очаровывающий диких зверей музыкой своей лиры (см. стр. 701), был тайным символом Христа как цивилизатора людей, ведущего все народы к вере. Предполагалось, что Улисс, прикрепленный к мачте своего корабля, имеет некоторое отдаленное сходство с распятием.

Классифицируя римские надписи, М. де Росси принял следующие подразделения. Первое включает только те надписи, которые содержат определенное указание на время и поэтому поддаются точному хронологическому упорядочиванию. Вторая включает в себя избранные надписи, а именно: во-первых, священные и исторические, а затем те, которые либо свидетельством, либо формами, либо символами иллюстрируют доктрины, богослужение или мораль христиан. Третий, чисто топографический, отводит каждой надписи надлежащее место среди древних населенных пунктов Рима. Сюда входят также надписи неизвестного или неопределенного местонахождения, а также надписи поддельного происхождения или сомнительной подлинности.

Рассматривая хронологическое расположение христианских надписей, важно иметь в виду, что в более ранние века христиане отмечали время либо по годам правления епископа, либо по некоторым гражданским формам, преобладавшим в различных странах, в которых они проживали. В Риме общепринятой датой был консульский год. Общее использование христианской эры в качестве обозначения времени началось, как хорошо известно, позже шестого века, на котором заканчивается серия работ М. де Росси. В коллекции М. де Росси одна надпись датирована 107 годом н.э., а другая - 111 годом. За период с 204 года, в котором встречается следующая надпись с датой, до церковного мира в 312 году было найдено двадцать восемь датированных надписей; после церковного мира количество датированных надписей быстро увеличивается. Между восшествием на престол Константина и концом четвертого века в его коллекции насчитывается 450 датированных надписей, а в пятом веке их примерно столько же; но в шестом их количество снова сокращается, и в том столетии их осталось немногим более 200.

В тех случаях, когда указание времени отсутствует, М. де Росси для определения даты прибегал к другим хронологическим указаниям и тестам, основанным на языке, стиле, названиях и материальном исполнении надписи. Из 11 000 сохранившихся римских надписей, датируемых VII веком, М. де Росси находит хронологические свидетельства, указывающие на дату не менее 1374 года.

Существуют также разновидности флексии, такие как "spiritu sancta" для "spiritu sancto", "pauperorum" для "pauperum", "vocitus" для "vocatus", "requiescent" для "requiescunt" и т.д.

Существуют также новые или необычные термины или новые знакомые слова в новых или необычных значениях, такие как "pausavit, отдохнувший, bisomus, trisomus, quadrisomus", содержащие два, три, четыре тела; compar и conpar (муж и жена); fecit для egit, *пройденный*; "percepit", полученный, *науч.* крещение, а также "consecutus est" в том же смысле и т.д.

Иногда латынь пишется греческими буквами, а иногда греческий - латынью.

Возраст выражается "vixit", или "vixit in sæculo", "annos" (или "аннис") "менструации", "умирает" (или "diebus"), иногда указывается количество часов. Иногда "qui fuit" означает "vixit"; иногда ни то, ни другое не выражается, и мы имеем форму в родительном падеже "sal. annorum" и т.д.

Часто упоминается время, проведенное в супружеской жизни, и мы находим такие фразы, как "vixit mecum, duravit mecum, vixit in conjugio, fecit mecum, fecit in conjugio, fecit cum compare", с точным указанием количества лет и т.д., И часто с каким-либо выражением, отмечающим счастье супружеской жизни пары.

Эпитеты, применяемые к покойному, указывают на сильную привязанность, а хвалебные речи иногда экстравагантны.

Род занятий или жизненное положение указаны с соответствующими титулами во многих датированных христианских эпитафиях. Но все они, как предполагается, относятся ко времени более позднему, чем времена Константина.

Одни и те же обозначения места захоронения и гробницы встречаются как в христианских, так и в языческих эпитафиях.

В надписях часто встречаются приветствия или выражения добрых пожеланий или молитв к умершему или за него.

Буквы этих надписей также обычно очень неправильные. Они имеют высоту от полудюйма до четырех дюймов, окрашены в разрезе пигментом, напоминающим венецианский красный. Смысл надписей также не всегда очевиден. Преобладающей характеристикой более ранних надписей является чрезвычайная простота языка и настроений. Но, с другой стороны, иногда встречаются преувеличенные примеры противоположного стиля.

Другой особенностью этих христианских надписей является неиспользование трех имен, которые обычно носили римляне. М. де Росси привел двадцать надписей с полными именами до Константина. Из них не менее семнадцати имеют преномину, тогда как после Константина можно сказать, что преномина полностью исчезла.

Год обычно указывается по именам консулов. Сокращение COS от "consulibus" использовалось вплоть до середины третьего века, когда начали использоваться COSS, CONS и CONSS; COS очень редко встречается в четвертом веке и почти никогда в пятом или шестом; COSS вышло из употребления примерно в первой четверти пятого века, и после

этого использовался CONS; во времена Диоклетиана с S для одного консула и SS для двух. В то же время были введены CC. SS. CS, но они очень редко использовались в пятом, а в шестом едва ли есть их пример. Примерно с середины четвертого века минусы стали ставиться перед именами, а не после них, и это употребление стало распространенным обычаем в пятом и шестом веках.

На момент открытия римских катакомб общее количество известных христианских надписей, собранных со всех частей Италии, не превышало тысячи. Из них также ни один не имел подземного происхождения и не датировался ранее 553 года нашей эры. В настоящее время количество христианских надписей Рима только в катакомбах до VI века значительно превышает 11 000. Они были тщательно вывезены с кладбищ и теперь г-н де Росси систематически расставляет их на стенах христианского музея, недавно созданного по приказу Пия IX в Латеранском дворце. Большое количество этих надписей также нанесено на стены галереи Лапидария в Ватикане.

РАННИЕ НАДПИСИ.

В. Г. ВЕСПАСИАНО III COS
ЯН 71 г. н. э.

Этот фрагмент был получен как часть христианской эпитафии Реджи, Марини и де Росси. Это самый древний из всех видов медвежьих фиников.

СЕРВИЛИЯ. АНОРВМ. XIII
PIS. ET BOL. КОСС.

Тринадцатилетняя Сервилия умерла в консульство Пизона и Болана в 111 году нашей эры.

TEMPORE. ADRIANI. IMPERATORIS. МАРВИС. ADOLESCENS DVX.
MILITVM QVI SATIS. VIXIT DVM VITAM PRO CHO CVM. САНГБАЙН
ПРОДОЛЖАЕТ. В. ТЕМПЕ. TANDEM QUIEVIT. BENE MERENTES CVM.
LACRIMIS. ET. METV. POSVERVNT. I.D. VI.

"Во времена императора Адриана Мариус, молодой военный офицер, прожил достаточно долго, когда с кровью отдал свою жизнь за Христа. Наконец он почил с миром. Достойные устроили это со слезами и в страхе, 6-го числа перед идами". 130 г. н.э.

ALEXANDER MORTVVS NON EST SED VIVIT SVPER ASTRA ET CORPVS
IN HOC TVMVLO QVIESCIT VITAM EXPLEVIT SVS ANTONINO IMPo
QVIVBI MVLTVM BENE FITII ANTEVENIRE PRAEVIDERET PROGRATIA
ODIVM REDDIDIT GENVA ENIM FLECTENS VERO DEO SACRIFICATVRVS
AD SVPLICIA DVCITVRO TEMPORA INFVSTA QVIBVS INTER SACRA
ET VOTA NE IN CAVERNIS QVIDEM SALVARI POSSIMVS QVID MISERIVS
VITA SED QVID MISERIVS IN MORTE CVM AB AMICIS ET PARENTIBVS
SEPELIRI NEQVEANT TANDEM IN COELO CORVSCANT PARVM VIXIT
QVI
VIXIT IV. X. TEM.

- Во Христе. Александр не умер, но живет за пределами звезд, и его тело покоится в этой гробнице. Он жил при императоре Антонине, который, предвидя, что его услуги принесут

огромную пользу, воздавал злом за добро. Ибо, когда он стоял на коленях и собирался принести жертву истинному Богу, его увели на казнь. О, печальные времена! в котором священные обряды и молитвы, даже в пещерах, не дают нам защиты. Что может быть более жалким, чем такая жизнь? и что, чем такая смерть? когда они не могли быть похоронены своими друзьями и родственниками. Наконец-то они сияют на небесах. Едва ли жил тот, кто жил в христианские времена". 160 год н.э.

С кладбища Святой Каллисто.

AVRELIA DULCISSIMA FILIA QVAE
DE. SAECVLO RECESSIT VIXIT ANN. XV. M. IIII.
СЕВЕРО И КВИНТИН КОСС.

"Аврелия, наша милейшая дочь, ушедшая из мира. Она прожила пятнадцать лет и четыре месяца. Север и Квинтин - консулы". 325 год н.э.

Consule Claudio et Paterno, nonis Novembribus, die Veneris, luna XXIV, Leuces filiæ Severæ
carissimæ posuit et spiritui sancto tuo. Mortua annorum LV et mensium XI dierum X.

"В консульство Клавдия и Патерна, в ноябрьские ночи, в пятницу, 24-й лунный день, Левка воздвиг (этот памятник) своей очень дорогой дочери и твоему святому духу. Она (умерла в возрасте) пятидесяти пяти лет и одиннадцати месяцев (и) десяти дней". 269 г. н.э.

Д. М.
П. ЛИБЕРИО ВИКСИТ
ЭНН Н . В МЕНСТРУАЦИИ Н . III
УМИРАЕТ N. VIII R. ANICIO
FAVSTO ET VIRIO GALLO
COSS

-Публий Либерий прожил пять лет, три месяца и восемь дней. Он удалился (из этого мира) в консульство Аниция Фауста и Вирия Галла". 298 год н.э.

Б.М.
CVBICVLVM. АВРЕЛИИ. MARTINAE. CASTISSIMAE ADQVE. PVDI.
CISSIMAE FEMINAE QVE FECIT. IN. COIVGIO. ANN. XXIII. D. XIII.
BENE MERENTI. КВЕ ВИКСИТ. ЭНН. XL. М. XI. D. XIII. DEPOSITIO EIS
DIE. III. НЕТ. ОКТЯБРЬ. НЕПОТИАНО. ET FACVNDО. СВЯЗИ. В ТЕМПЕ

- Достойным.

Комната Аврелии Мартины, моей жены, самой целомудренной и скромной, прожившей в браке двадцать три года и четырнадцать дней. Достойной, прожившей сорок лет, одиннадцать месяцев и тринадцать дней. Ее похоронили в третьи ночи октября. Непотиан и Факунд были консулами." В мире. 336 год н.э.

Galleria Lapidaria. Ватикан.

Еще один, написанный греческими буквами:

"Здесь покойтся Эвтерпа, спутница Муз, прожившая просто, благочестиво и безукоризненно пятнадцать лет, двадцать два дня и три месяца. Она умерла на пятый день перед декабрьскими календами, в консульство наших господ, в десятый раз и в третий раз (*т.е. в консульство Константина, в десятый раз, и Юлиана в третий раз*)". 360 г. н.э.

ΡΟΜΑΝΟ. ΝΕΟΦΙΤΟ
ΒΕΝΕΜΕΡΕΝΤΙ QVI VI
ΧΙΤ. ΑΝΝΟΣ. VΙΙΙ. DΧV.
ΟΤΒΕΧΑΤΗ Β ΤΕΜΠΕ DN
FL. GRΑΤΙΑΝΟ. ΑVΓ. ΙΙ. ΕΤ.
ΡΕΤΡΟΝΙΟ ΡΡΟΒΟ. CS.

"Роману, неофиту, достойному, который прожил восемь лет и пятнадцать дней. Он покойтся в мире Господнем. Флавий, Грациан и Петроний Проб - консулы.

HIC QVIESCIT ANCILLA DEI QVE DE
SVA OMNIO POSSIDIT DOMVM ISTA
QVEM AMICE DEFLEN SOLACIVMQ REQVIRVNT.
PRO HVNC VNVM ORA SVBOLEM QVEM SVPERIS.
TITEM REQVISTI ETERNA REQVIEM FELICITA.
S. CAVSA MANBIS ΙΙΙΙΧ. KALENDAS ΟΤΟΒRIS
CVCVRBITINVS ET ABVMDANTIVS HIC SIMVL QVIESCIT
DD. NN. GRΑΤΙΑΝΟ V. ET TEODOSIO. ΑΓΑ.

Hic quiescit ancilla Dei, quæ de suis omnibus possidet domum istam, quam amicæ deflent solaciumque requirunt. Pro hac una ora subole, quam superstitem reliquisti. Æterna in requie felicitatis causa manebis, XIV. kalendis Octobris, Cucurbitinus et Abumphantius hic simul quiescunt. DDNN Gratiano v et Theodosio Augustis (Consulibus).

"Здесь покойтся раба Божья, у которой из всех ее богатств теперь есть только этот дом, о котором ее друзья оплакивают и тщетно ищут утешения. О, молись за эту единственную оставшуюся дочь, которую ты оставил позади! Ты пребудешь в вечном покое счастья. 14 октября - Календарный день. Куркурбитин и Абумдантий отдыхают здесь вместе. В консульство наших владык Грациана (V) и Феодосия императоров". 380 г. н. э.

HIC POSITA EST ANIMA DVLCES
INNOCA SAPIENS ET PVLCHRA NOMINE
QUIRIACE QVE VIXIT. ΑΝΝΟΣ. ΙΙΙ. Μ ΙΙΙ. DVΙΙΙ.
DP Β ΤΕΜΠΕ ΙΙΙΙ. ΙΔ ΙΑΝ. ΚΟΝC. ΔΕΝΗ. ΤΕVΔΟCΙΟ.
CPEΔΝΙΗ. ΙΙ Ι ΜΕΡΟΒΑVΔΕ. VC. ΙΙΙ

Hic posita est anima dulces (dulcis) innoca (innocua), sapiens et pulchra, nomine Quiriace, quæ vixit annos ΙΙΙ., menses ΙΙΙ., dies VΙΙΙ. Депонирование в паче, IV. Idus Januarias, Consulibus Domino nostro Teudosio (Theodoric) Augusto ΙΙ. et Merobaude Vire Clarissimo ΙΙΙ.

"Здесь был похоронен милый дух, бесхитростный, мудрый и прекрасный, по имени Квириас, который прожил три года, три месяца и восемь дней. Похоронен с миром, на четвертый день перед январскими Идами, в консульство нашего господина Теодория Августа, во второй раз, и Меробауда, самого выдающегося человека, в третий раз". 388 г. н.э.

PERPETVAM SEDEM NVTRITOR POSSIDES IPSE
HIC MERITVS FINEM MAGNIS DEFVNCTE PERICLIS
HIC REQVIEM FELIX SVMIS COGENTIBVS ANNIS
HIC POSITVS PAPAS ANTIMIOO VIXIT ANNIS LXX
DEPOSITVS DOMINO NOSTRO ARCADIO II ET FL. RVFINO VVCCSS НЕ ЯВЛЯЕТСЯ
НИКЕМ.

"Ты, наш кормящий отец, занимаешь вечное место, будучи мертвым, и заслужив конец своим великим опасностям. Здесь, счастливый, ты находишь покой, согнутый годами. Здесь покоится наставник Антимео, который прожил семьдесят лет. Похоронен в ноябрьские дни; наши лорды Аркадий во второй раз и Флавий Руфин стали консулами". 392 год н.э.

Galleria Lapidaria.

HIC REQUIESCET IN SOMNO PACIS
MALA QVI VIXIT ANNOS XXXVIII. M. V. DV.
ACCEPTA APVT DE IV. IDVS IVNIAS AETIO CONL.

Hic requiescet (requiescit) in somno pacis, Mala qui (quæ) vixit annos XXXVIII. menses V. dies V.
Accepta apud (apud) De(um) IV idus Junias. Aetio Consule.

"Здесь покоится мирным сном Мала, проживший тридцать восемь лет, пять месяцев и пять дней. Принят перед Богом на четвертый день перед июньскими идами, в консульство Аэция". 432 год н.э.

LEVIVAE CONIVNX PETRONIA FORMA PVDORIS
HIS MEA DEPONENS SEDISVS OSSA LOCO
PARCITE VOS LACRIMIS DVLCEC CVM CONIVGE NATAE
VIVENTEMQVE DEO CREDITE FLERE NEFAS
DP IN PACE III NON OCTOBRIS FESTO VC. CONSS.

- Петрония, жена священника, образец скромности. В этом месте я кладу свои кости; поберегите свои слезы, дорогие муж и дочери, и верьте, что запрещено плакать о том, кто живет в Боге. Похоронен с миром 3 октября в консульстве Феста". 472 год н.э.

В ТЕМПЕ
АВРЕЛИО. FELICI QVI VIXIT CVM COIVCE
ANNOS X. VIII DVLCS. В КОЙВДЖИО
СОХРАНИЛСЯ ПАМЯТНЫЙ БИКСИТ. ANNOS. L. V
RAPTVS ETERNE DOMVS. XII КАЛ. ИЕНВАРИА.

С миром

Аврелию Феликсу, который прожил со своей женой восемнадцать лет в прекраснейшем браке. Доброй памяти. Он прожил пятьдесят пять лет. Навечно унесенный двенадцатыми календами января".

ИРЕН В ПЕЙСЕ. АРЕТВСА В ДЕО

"Ирина спит с миром". "Аретуза спит в Боге".

"Валерия спит с миром".

ZOTICVS HIC AD DORMIEN DVM.

-Зотик лег здесь спать.

DOMITIANUS ANIMA SIMPLEX
DORMIT IN PACE.

"Домициан, простая душа, спит с миром".

NICEFORVS ANIMA
DVLCIS IN REFRIGERIO.

"Никифор, милая душа, в месте освежения".

ПРИМИТИВЫ В ПОСТЕ PACE QVI
MVLTA. ANGVSTIAS FORTISSIMVS MARTYR
ET. VIXIT. АНОНОС П.М. XXXVIII КОНИВ. SVO
PERDVLCISSIMO BENEMERENTI FECIT.

"Примитий в мире: самый доблестный мученик после многих мучений. 38 лет. Его жена передала это своему самому дорогому, достойному мужу".

ЛАННВC ХРІ. МАРТИР ТРЕБУЕТ ОТВЕТА.
СВЯТОЙ ОТЕЦ ДИОКЛИЗИАНО СКОНЧАЛСЯ.

"Здесь покойся Ланн, мученик Христа. Он пострадал при Диоклетиане".

NABIRA IN PACE ANIMA DVLCIS
QVI BIXIT ANNOS XVI. M. V
ANIMA MELEIEA
TITVLV FACTV
A PARENTES

"Навира в мире; милая душа, прожившая шестнадцать лет и пять месяцев; душа сладкая, как мед: эту эпитафию написали ее родители".

SEVERO FILIO DVL
CISSIMO LAVRENTIVS
PATER BENEMERENTI QVI BI
XIT ANN. ИИИИ. Я. VIII. DIES V.
ACCERSITVS AB ANGELIS VII. IDVS. IANVA.

"Лоуренс своему милейшему сыну Северусу, унесенному ангелами 7 января в иды".

MACVS PVER INNOCENS
ESSE IAMINTER INNOCENTIS COEPISTI.
QVAM STAVILES TIVI HAEC VITA EST
QVAM TELETVM EXCIP ET MATER ECLESIAE DEOC
MVNDO REVERTENTEM COMPREMATVR PECTORVM
GEMITVS STRVATVR FLETVS OCVLORVM.

"Макус (или Маркус) невинный мальчик. Ты уже начал принадлежать к числу невинных. Насколько длительна для тебя такая жизнь! С какой радостью ваша мать, церковь Божья, примет вас, возвращающихся в этот мир! Давайте сдержим наши вздохи и перестанем плакать".

Galleria Lapidaria.

PAX
HIC MIHI SEMPER DOLOR ERIT IN AEVO
ET TVVM BENERABILEM BVLTVM LICEAT VIDERE SOPORE
CONIVNX ALBANAQVE MIHI SEMPER CASTA PVDICA
RELICTVM ME TVO GREMIO QVEROR.
QYOD MIHI SANCTVM TE DEDERAT DIVINITVS AVTOR
RELICTIS TVIS IACES IN PACE SOPORE
MERITA RESVRGIS TEMPORALIS TIBI DATA REQVETIO
QVE VIXIT ANNIS XLV. МЕНВ. СМЕРТЬ XIII
ДЕПОНИРУЕТСЯ В ТЕМПЕ, НЕОБХОДИМОМ ДЛЯ БУДУЩИХ ПОКОЛЕНИЙ

Мир.

"Это горе всегда будет тяготить меня: да будет мне даровано созерцать во сне твой почитаемый лик. Моя жена, Альбана, всегда целомудренная и скромная, я скорблю, лишенный твоей поддержки, ибо наш Божественный Автор дал мне тебя как святыню (благо). Ты, достойный, покинув своих (родственников), покойся с миром - во сне-ты встанешь — тебе дарован временный покой. Она прожила сорок пять лет, пять месяцев и тринадцать дней. Похоронен с миром. Это сделал Плацус, ее муж".

Galleria Lapidaria.

ЦЕРКОВЬ Святого СЕБАСТЬЯНА "В КАТАКОМБАХ".

I. Надпись папы Дамасия в честь святого Евтихия, мученика, в двенадцати стихах (на левой руке при входе в церковь). Таких надписей в катакомбах очень много, и все это красивой каллиграфией, и обычно латинскими стихами, не лишенными элегантности стиля, хотя построение предложений иногда неясно. Дамас восстановил все катакомбы после того, как они были повреждены во время гонений при Юлиане Отступнике.

ЕВТИХОВЫ. МУЧЕНИК. ЦРВДЕЛИЯ. IVSSA. ТИРАННИ
КАРНИФИКВМКВ. VIAS. PARITER. TVNC. MILLE. NOCENDI
VINCERE. QVOD. ПОТВИТ. MONSTRAVIT. ГЛОРИЯ. ХРИСТОС
КАРЦЕРИС. ВДОХНОВЕНИЕМ. SEQVITVR. НОВА. ПОЭНА. ПЕР. ARTVS
ТЕСТОВЫЙ СЕРВЕР. FRAGMENTA. PARANT. NE. SOMNVS. ADIRET
BISSANI. ПЕРЕХОДЯЩИЙ. УМИРАЕТ. ALIMENTA. НЕГАНТВР
МИТТИТВР. В БАРАТРУМЕ. СВЯТЫНИ. LAVAT. OMNIA. SANGVIS
VVLNERA. QVAE. ИНТВЛЕРАТ. MORTIS. МЕТВЕНДА. TOTESTAS
НОСТЕ. SOPORIFERA. TVRBANT. БЕССОННИЦА. MENTEM
OSTENDIT. ЛАТЕБРА. INSONTIS. QVAE. MEMBRA. TENERET
QVAERITVR. ИЗОБРЕТАТЬ. COLITVR. FOVET. OMNIA. PRESTANS
EXPRESSIT. ДАМАСВС. MERITVM. VENERARE. СЕПВЛЧКВМ Ф

"В том, что мученик Евтихий смог преодолеть жестокие приказы тирана, а также в то время тысячи способов пыток палачей, проявилась слава Христа. Новое наказание следует за тюремной грязью. Они разбивают плитки на его конечностях, чтобы предотвратить приближение сна. Дважды за шесть дней ему отказывали в еде. Святого бросают в яму, кровь заливает все раны, нанесенные ужасной силой смерти. Ночью, которая обычно приносит сон, бессонница беспокоит его разум. Место сокрытия, которое удерживало конечности невинных, проявило их (?). Его ищут, когда его находят, его почитают, он приносит пользу всему существу. Дамас продемонстрировал свои исключительные заслуги; поклонитесь его могиле".

2. Другая надпись в той же Катакомбной церкви (над дверью с правой стороны, обращенной к алтарю).

VISITET. НИС. ПИА. Мужчины. SCTORVM. BVSTA. FREQVENTER
ВКЛЮЧЕН. КРИСТО. QVORVM. ГЛОРИЯ. ПРЕСТУПНИКИ. ERIT
НИС. EST. КЛАДБИЩЕ. BEATI. ЧАЛИКСТИ. РАРЕ. ET. MARTIRIS INCLITI.
QVICVQVE. ИЛВД. COTRICTVS. ET. COFESSVS. INGRESSVS FVERIT.
PLENAM. РЕМИССИЯ. ВСЕЯДНОСТЬ. ГРУДНАЯ КЛЕТКА. СПАЗМ. ОБТИНЕВИТ

PER. MERITA. ГЛОРИОЗА. СЕНТ. СЕНТЯБРЬ. QVATVOR. МИЛИВ
СКТОРВ. МАРТИРВ. QVORŪ. ІВІ. КОРПУСЫ. В. ТЕМПЕ. СЕНТЯБРЬ.
СВТ ВНА. РЕЗЮМЕ. QVADRAGINTA. пол. ПОНТИФИКИБВС. BEATIS. QVI.
OMNES EX MAGNA. ТРИБВЛАТИОН. VENERŪT. ET. VT. HEREDES. IN. DOMO
DOMINI. ОГОНЬ. MORTIS. SVPLICIVM. PRO. КРИСТИ. НАЗОВИ ИМЯ ПЕРТВЛЕРВНТ

"Пусть благочестивый разум почаще посещает здесь могилы святых,
Слава которых будет вечной во Христе".

"Здесь находится кладбище блаженного Каликста, знаменитого папы римского и мученика. Тот, кто войдет в него с раскаянием и после исповеди, получит полное отпущение всех своих грехов благодаря славным заслугам 174 000 святых мучеников, чьи тела покоятся здесь с миром вместе с сорока шестью благословенными понтификами, которые все вышли из великой скорби и понесли наказание смертью за имя Христа, чтобы они могли стать наследниками в доме Господнем".

КАРТИНЫ.

Если могилы первых мучеников до "мира церкви" вообще обычно украшались картинами, что маловероятно, то почти наверняка некоторые из этих картин обновлялись в различные последующие периоды. Лучшими памятниками первых трех столетий являются надгробные камни с вырезанными на них надписями и маленькими простыми эмблемами.

Трудно судить об искусстве рисования только между концом третьего и началом четвертого века. Но это искусство было на пике совершенства в первом веке, во втором оно все еще было очень хорошим, в третьем оно начало приходить в упадок, но не так быстро, чтобы оправдать предположение, что очень плохие рисунки в катакомбах относятся к тому периоду, за исключением тех, которые уже упоминались как нехристианские. Рисунок фигур на мозаичных изображениях в склепе Святой Констанции, относящихся к первой половине четвертого века, определенно лучше, чем любой из библейских сюжетов в катакомбах. Мозаичные изображения пятого века по бокам нефа церкви Святой Марии Маджоре, опубликованные Чампини, гораздо больше похожи на них.

Святой Паулинус, епископ Нолы, писавший в пятом веке, говорит, что он расписал катакомбы *для паломников*, и приводит свои доводы в пользу этого. Он считал за благо оживить весь храм Святого Феликса, чтобы эти цветные изображения могли привлечь внимание крестьян и помешать им слишком много пить на пирах. Храм здесь, очевидно, означает гробницу или склеп, в котором проводились памятные праздники и которые были изображены на картинах. Его выражения подразумевают, что такие картины тогда не были общепринятым обычаем.

То, что расписные своды в катакомбах использовались для проведения праздников по различным поводам точно так же, как расписные помещения в языческих гробницах, очевидно из упоминания о них несколькими авторами четвертого и пятого веков; в дополнение к письмам Паулина Нольского и Святого Августина и гимнам Пруденция, есть также замечательный отрывок из проповеди Феодорита о мучениках (написанной около 450 г. н.э.):

"Наш Господь Бог даже после смерти приводит Своих в храмы для ваших Богов и делает их тщетными и опустевшими; но этим [Мученикам] Он воздает почести, ранее оказанные им. Для вашей ежедневной пищи и ваших священных и других праздников Петра, Павла и Фомы, Сергия и Марцеллина, Леонтия, Антонина и Маврикия и других мучеников совершаются

торжественные обряды; и вместо старой низменной пышности и непристойных слов и действий совершаются их скромные празднества, но не пьянством и непристойными и смехотворными представлениями, но слушанием божественных песен и святых проповедей, молитв и восхвалений, украшенных слезами. Поэтому, когда вы хотите распространяться о чести мучеников, какой смысл их отбрасывать? Отвергайте, друзья мои, заблуждения демонов и под их руководством вступайте на путь, ведущий к Богу, и приветствуйте их присутствие святыми песнями, поскольку это путь к вечной жизни".

Бозио перечисляет шесть *кубикул*, или семейных часовен-усыпальниц на кладбище или катакомбах Присциллы, и тринадцать арочных гробниц с росписями. Эти картины, с которых он делает гравюры, в его время были гораздо совершеннее, чем сейчас. Его гравюры хороши для того периода, когда они были выполнены; но это было время, когда все рисунки были плохими, неряшливыми и неправильными, так что все, чего мы можем ожидать, - это только общее представление о картине. Костюм и украшения указывают не на какой-то очень ранний период развития искусства, а скорее на время, когда оно значительно пришло в упадок. Костюм в Риме, как и на Востоке в целом, был гораздо более стационарным и менее подверженным изменениям, чем на Западе, и они *могли* произойти уже в четвертом или пятом столетии, но вряд ли могли быть раньше. Несколько мучеников, похороненных на Виа Салария, пострадали во время десятого гонения при Диоклетиане, называемого великим гонением, примерно в 300 году: следовательно, украшения их гробниц не могут быть датированы ранее четвертого века, и многие из них были восстановлены или возобновлены в последующие времена. Записано, что Джон I., 523 год н.э., обновил кладбище Присциллы, и это, вероятно, означает, что он обновил картины в стиле своего времени, поскольку большая часть сохранившихся сейчас картин носит характер того периода.

Сравнивая костюмы фигур из этих катакомб с теми, что изображены на иллюстрациях знаменитой рукописи Теренция, обычно относимой к седьмому или восьмому веку и которая вряд ли может быть раньше пятого, мы сразу видим, что длинная ниспадающая мантия была обычным костюмом того периода, а узкий шарф из черной ленты, перекинутый через плечи и концы которого доходили почти до земли, был обычным знаком слуги. Это, по-видимому, было принято как часть костюма христианина, идущего молиться Богу, будь то в церковь, часовню или любое другое место, символизирующее иго Христово, как говорит Дюрандус. Стихарь и палантин священника англиканской церкви являются более близкой копией этого древнего костюма, чем любой другой, который сейчас носят в римской церкви. Богатая накидка была одеждой римского сенатора и языческих священников; вероятно, она была принята епископом Рима, когда он принял титул и должность Верховного понтифика, и через некоторое время этому обычаю последовали другие епископы и священники его общины.

СТЕКЛЯННЫЕ ВАЗЫ.

Ценная работа о древних стеклянных вазах, найденных в катакомбах, была опубликована Ф. Буонаротти во Флоренции почти одновременно с работой Болдетти о катакомбах и Фабретти о найденных в них надписях. Это основа всех последующих работ на эту тему; фигуры плохо нарисованы и выгравированы, в соответствии с модой того периода, но многие из более поздних работ ненамного лучше. Сюжеты, как правило, те же, что и на картинах на стенах: Добрый Пастырь, их больше, чем каких—либо других; Адам и Ева, Моисей, ударяющий о Скалу, Ной и Ковчег, воскрешение Лазаря, Петр и Павел, как правило, бюсты - их очень много. Как стиль рисунка, так и характер надписей указывают на поздние даты и частое копирование с одного и того же типа. На одной изображены три фигуры: святого Петра, Святого Павла и сидящего между ними Святого Лоуренса. Часто встречается Святая Агнесса, всегда нарисованная обычным шрифтом восьмого века. Другие бюсты, очевидно,

представляют собой портреты похороненных людей. На некоторых изображены отец, мать и ребенок; —один носит имя Херонтий; другой состоит из двух бюстов, Цериции и Соттака;— другой представляет собой семейную группу, отца, мать и четверых детей; имя частично прервано. ... N ... BVSVISTRIS. P. Z. остается.—Авраам с обнаженным мечом в руке и Исаак с завязанными глазами, стоящий на коленях у его ног вместе с бараном. Высокая женская фигура с молитвенно воздетыми руками; надпись - PETRVS PAVLVVS ANE, возможно, посвященная Агнессе. Другой подобный предмет состоит из двух фигур, сидящих лицом друг к другу; над левой фигурой написано имя Криствс, над правой - СТЕФАНВС. Некоторые сюжеты явно языческие; другие, очевидно, взяты из иудейских катакомб, например, два льва, охраняющие ковчег, а под ними два семиствольных подсвечника с листьями, вазами и пальмовой ветвью.

S. CALIXTUS.

Это одна из самых ранних катакомб; она упоминается в очень ранний период как место захоронения, которое тогда использовалось, а не как только что построенное. Микеле де Росси в ходе своих исследований в этих катакомбах обнаружил кирпичную лестницу и несколько кирпичных мест, очевидно, переделанных и дополненных к первоначальным катакомбам, и печати на этих кирпичах принадлежали Марку Аврелию, 161-180 гг. н.э. Эта лестница находится в нижней части катакомб, сделанная с целью их расширения, и, по-видимому, показывает, что в первом веке земля использовалась как кладбище. Первоначальная часть, вероятно, была сделана до того, как появились христиане для захоронения. Хотя лестница построена позже, а кирпичи использовались повторно, они, вероятно, были найдены на месте.

Говорят, что Каликсту было доверено управление духовенством, и Зефирин, его предшественник, поставил его над *кладбищем* до того, как он стал епископом или папой. Это выражение "*над кладбищем*", по-видимому, доказывает, что все катакомбы рассматривались как одно кладбище и что он осуществлял общее руководство погребением христиан.

Это катакомба, которую обычно показывают незнакомцам, а теперь используют для паломничеств; ее нынешнее состояние археологу совершенно неинтересно. Верхняя часть его, ближайшая ко входу, была настолько *отреставрирована*, что утратила всякое археологическое значение. Эта часть катакомб освещается в определенных случаях и используется для возбуждения набожности верующих. В годовщину ее мученической кончины у алтаря, установленного в кладбищенской часовне Святой Цецилии, отслужена отслуженная месса, и по этому случаю эта часть катакомб освещена свечами.

Остальные части находятся в обычном состоянии, почти без надписей, а могилы пусты. Самая ранняя надпись из этих катакомб с установленной датой относится к 268 или 279 году н.э.; она датирована именами консулов, которые применимы к любой из этих двух дат. Сохранилась одна важная надпись епископа Дамасия, ценная во многих отношениях; она показывает, что кладбищенская часовня, в которой она была найдена, была построена в его время, а мраморная плита, на которой она выгравирована, имеет языческую надпись на обратной стороне, очевидно доказывающую, что она использовалась просто как мраморная плита, без ссылки на эту надпись. Это показывает, с какой целью *некоторые* языческие надписи, найденные в катакомбах, могли быть перенесены туда. Два небольших и очень любопытных надгробия, состоящие из мозаичных рисунков, которые, как говорят, были взяты из этой катакомбы, сейчас хранятся в ризнице церкви Святой Марии в Трастевере. В течение нескольких столетий они находились в нефе, встроенные в одну из опор; но во время

реставраций, произведенных в 1868-76 годах, их убрали и встроили в стену ризницы. На одном изображен пейзаж со зданиями в стиле третьего века, гавань или озеро с судном и рыбаками, тащащими огромную сеть, очевидно, предназначенную для чудесного вылова рыбы. Это чрезвычайно любопытное мозаичное изображение, вероятная дата которого - начало четвертого века. Другая небольшая мозаика изображает птиц различных видов и создана гораздо раньше, чем вид на гавань, возможно, еще в первом веке. Возможно, птицы должны были символизировать души верующих. Они выгравированы Чампини в его работе над мозаикой. Некоторые из оригинальных картин [Бозио приводит на восьми табличках гравюры с изображением ряда ваз и ламп, найденных в этих катакомбах, несколько видов кубикеры, и более семидесяти картин. Те же сюжеты были повторены Перре и синьором де Росси.] остаются в нижней части этой катакомбы, которые не были восстановлены, и это обычные сюжеты: Даниил и два льва, Моисей, бьющий по скале, воскрешение Лазаря и т.д.

РАСПИСНОЙ ПОТОЛОК.

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ.

S. CALIXTUS.

Похоже, что эта картина действительно предназначена для "Тайной вечери", больше, чем большинство картин этого класса. Центральная фигура обладает определенным достоинством. На круглых тарелках на столе лежат рыбы, а восемь корзин полны хлеба. Возможно, это христианская картина плохого периода, предназначенная для увековечения некоторых чудес нашего Господа. Основные линии по краям платьев были обновлены. Эта картина находится под *арко-солиумом* в часовне Таинств, месте захоронения епископов Рима в третьем веке. Все картины в той части этой великой катакомбы, которая обычно открыта для публики и в которой по определенным поводам служат мессы, по словам хорошо информированных людей, были *отреставрированы* в течение последних двадцати лет, но сейчас римско-католические власти это отрицают.

Гравюра с этой картины приведена Бозио в шестой *галерее* этой катакомбы, стр. 523; он называет ее "Христос и апостолы". Это также дано Перре в "Современном французском стиле", том i, стр. 28; и доктором Норткоутом на листе xiii, сильно украшенном цветом и улучшенном мастерством современных художников.

С. ПОНТИАНУС.

Баптистерий с изображением Крещения Христа на стене, над аркой. Он изображен стоящим в реке Иордан по пояс в воде, в которой плавают рыбы и из которой пьет олень; Святой Голубь у Него над головой. Святой Иоанн Креститель стоит на берегу и льет воду Себе на голову, или, возможно, только протягивает руку, чтобы коснуться ее. На противоположной стороне изображена другая фигура в белом платье, скрывающем лицо. У всех трех фигур есть нимб.

РАЗИНУТЫЙ РОТ.

Агапе, или праздник любви, является распространенным сюжетом росписей в катакомбах, и иногда кажется, что это, очевидно, изображение семейных посиделок, которые проводились в годовщины в этих гробницах, точно так же, как это было в расписных гробницах на Виа Латина или Виа Аппиа. Часто предполагается, что на этих картинах изображена Тайная вечеря, и иногда это так и может быть, но та, что перед нами, вряд ли предназначена для Христа и его Апостолов.

ХРИСТОС И ЦЕРКОВЬ.

Предполагается, что эти две фигуры, по одной с каждой стороны маленького столика, на котором стоят два блюда, одно с рыбой, а другое с хлебом, представляют нашего Господа после Воскресения и христианскую Церковь в виде женщины с поднятыми руками в восточной молитвенной позе, которую в катакомбах обычно называют Оранте. Это объяснение, конечно, носит лишь предположительный характер, но не кажется невероятным. Картина настолько повреждена, что трудно сказать, к какому периоду она относится. Часть этой великой катакомбы относится еще ко второму веку. В этом отрывке *стравит* может означать также покрытие стен плитами из порфира, как и пола. Очевидно, что в нескольких случаях слово *платония* применяется Анастасием к часовне, облицованной мраморными плитами для надписей, как у святого Себастьяна.

КАМЕРА В КАТАКОМБАХ. (С головой Христа и т.д., первого века.)

ГОЛОВА ХРИСТА В ОРЕОЛЕ.—МАРИЯ, МАТЬ
ХРИСТА, И МАРИЯ МАГДАЛИНА.—СВЯТОЙ МАРК,
СВЯТОЙ ПАВЕЛ И СВЯТОЙ ПЕТР.

Это кладбище, или катакомбы, находится на западном берегу Тибра, примерно в полумиле от Porta Portuensis, по дороге в Порту, но на холме выше и на более высоком уровне, чем дорога там, где сейчас находится виноградник. Почва, в которой сделаны эти катакомбы, сильно отличается от других; вместо гранулированного туфа или вулканического песка, который обычно используется для их строительства вблизи Виа Аппиа и Виа Ардеатина, это аллювиальная почва, образовавшаяся под действием воды на берегу Тибра. То ли по этой причине, то ли по каким-то другим, которые не были объяснены, картины в этой катакомбе намного совершеннее, чем в любой другой; они самые знаменитые и популярные, и их чаще гравировали и публиковали, чем любые другие.

Изображение головы Христа очень красивое, в ореоле или круглом нимбе, с изображенным на нем крестом, называемым также крестообразным нимбом. Эта голова много раз гравировалась и публиковалась, и забавно сравнивать те, что обычно продаются в магазинах Рима, с оригиналом, показанным на фотографии. Они проиллюстрируют, каким образом умные современные художники *улучшили* оригиналы; трудно понять, что они предназначены для одной и той же картины.

Фигуры трех святых, святого Павла, Святого Петра и Святого Марка, нарисованы на потолке, в то время как Мария, Мать Христа, и Мария Магдалина находятся над головой Христа и с левой стороны от Нее.

БИБЛЕЙСКАЯ ИСТИНА.

Содержание

С нашей стороны может показаться самонадеянным писать на эту тему. "Это все равно что нарисовать солнце углем", - так самый ученый богослов излагает свои размышления о Слове Божьем. С самым благоговейным чувством бесконечной ценности такого предмета или великого зла, которое может произойти из-за сложности его внешнего вида, мы пришли к выводу, что ничто, кроме самого благоговейного чувства святости предмета, не может уберечь нас от опасности, к которой нельзя относиться легкомысленно, не только в отношении фактов, но и в отношении комментариев и размышлений; но с такой осторожностью такой предмет может стать в высшей степени назидательным и интересным.

Почему мы должны завершать эту работу в наш век неверия, не изложив, по крайней мере, то, что было известно о Библии? Почему бы нам не привести "облако свидетелей" руин, которые мы уже описали? Обнаружение ассирийских и вавилонских исторических записей, идущих параллельно с повествованиями Священного Писания, дало бесчисленное количество доказательств. От руин Ниневии и Долины Нила; от плит и барельефов Сеннахериба и гробниц, катакомб с их 1100 христианскими надписями и памятников фараона; от свитков халдейских парафразистов и сирийских версионистов; от келий и библиотек монашеских писцов и сухих и пыльных трудов ученых и антикваров - яркие репродукции древнего и восточного мира почти заглушили скептицизм в отношении истории.

Внимательное прочтение настоящего тома даст множество иллюстраций к этим замечаниям. Зная, что содержание повествования почерпнуто из источников, пользующихся неоспоримым авторитетом, читатель может не беспокоиться относительно правдивости зафиксированных фактов. Следовательно, он сможет полностью подчиниться благотворному влиянию, которое такая история должна оказывать на разум.

Помощь, которую читатель получит от хорошо организованного повествования об этих возвышенных событиях, будет сочтена важной не только как привлекающая внимание к фактам, иначе менее заметным, но и как приучающая его при чтении божественных оригиналов самостоятельно упорядочивать и классифицировать отдельные части истории. Когда эта способность приобретена, разум будет лучше владеть материалами для размышлений, и несколько аргументов, на которых основано доказательство небесной истины, будут видны с большей отчетливостью и оценены с более практическим ощущением их силы и ценности.

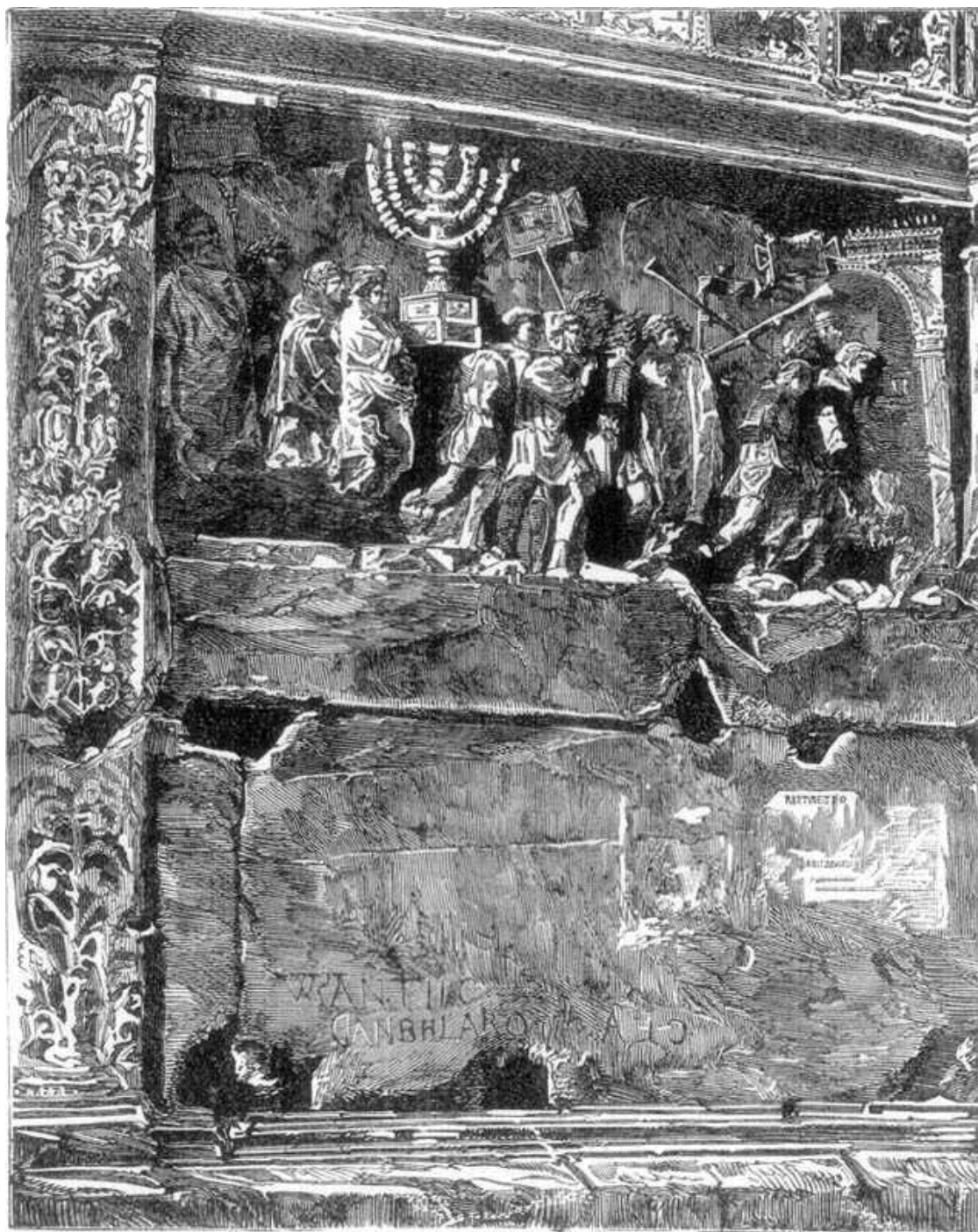
Опираясь на многочисленные научные труды по этому вопросу, почему бы нам, по крайней мере, не поставить Библию в один ряд с Гомером, Геродотом, Вергилием, Горацием и другими, которые уже заняли довольно много места в настоящей работе? Писание, несомненно, содержит, независимо от божественного происхождения, больше истинного *величия*, более изысканную *красоту*, более чистую *мораль*, более важную *историю* и более тонкие образцы *поэзии* и *красноречия*, чем можно было бы почерпнуть в пределах того же объема из всех других книг, когда-либо созданных в любую эпоху или на любом языке.

Библия удивительным образом согласуется со всемирной историей. В истории нет ничего более общего, чем признание Бога. Священная и мирская история в равной степени

опираются на этот принцип. Вымыслы поэтов о разных эпохах мира совпадают с фактами Священного Писания. Первый, или Золотой век, описывается как райское состояние, слабо представляющее блаженство первой пары в Эдеме, Быт. ii. А второй, или Железный век, описанный в фантастике о Пандоре и ее роковом ящике зла, который распространился по всей земле, соответствует истории внедрения зла в мир, Быт. iii. Знаменитый Воссий с большой изобретательностью показывает сходство между историей Моисея и басней о Вакхе. Космогония древних финикийцев, очевидно, сходна с описанием сотворения мира, данным Моисеем, и аналогичное утверждение можно сделать относительно древнегреческой философии. Путешествуйте на север, юг, восток и запад, и вы обнаружите, что период, использованный при сотворении мира, использовался как мера времени, хотя никакие естественные изменения не указывают на это как на меру, как в случае с месяцем и годом. Обратитесь к языческим классикам, к записям наших скифских предков, к суевериям Египта, Индии, как Восточной, так и Западной, и, действительно, ко всем разнообразным формам, в которых суеверие проявляло себя, и в одном или во всех вы встретите свидетельства всемирного потопа, грехопадения человека, того, что змей был орудием в этом, умиловительных жертвоприношений, ожидания великого избавителя. О долгой жизни людей в ранние века мира упоминают Бероз, Манефон, Хиромус и Геланик, а также Гесеид и многие другие авторы, цитируемые Иосифом Флавием, а затем Сервием в его заметках о Вергилии. Павсаний, Филострат, Плиний и несколько других авторов сообщают нам об остатках гигантских тел, которые были найдены в земле, что в некоторой степени подтверждает рассказ Моисея о допотопных великанах. Берос, халдейский историк, которого цитирует Иосиф Флавий, и Абиденус, которого цитируют Евсевий, Плутарх, Лукиан, Молон, Николай Дамаскин, а также многие языческие поэты, упоминают о всемирном потопе; и некоторые предания, касающиеся этого, можно найти у американцев и китайцев; не говоря уже о том, что некоторые современные путешественники сказочно рассказывали о каких-то руинах ковчега, которые, как говорят, остались на горе Арарат и которые были замечены там несколько столетий назад. Александр Полифистор цитирует Артапана и Эвполема, упоминающих Вавилонскую башню; и первый говорит о ней как о построенной Белом. Страбон, Тацит, Плиний и др. Дают нам описание разрушения Содома и Гоморры и соседних городов, в основном совпадающее с описанием Моисея. Геродот, Диодор, Страбон и др. упоминают обрезание как обряд, используемый несколькими из тех народов, в которые, согласно Моисею, путешествовал Авраам или которые произошли от него. Беросус и некоторые другие прямо и с уважением упоминают Авраама и некоторых членов его семьи. Евполем и Диус, цитируемые Евсевием и Гроцием, упоминают многие замечательные обстоятельства жизни Давида и Соломона, соглашаясь с историей Ветхого Завета. Что касается упоминания о Навуходоносоре и некоторых последующих царях Вавилона, а также о Кире и его преемниках, то оно настолько часто встречается у древних авторов, что не нуждается в более особом упоминании о нем. Цельс упоминает очень многие отрывки из Ветхого Завета, и на них основаны возражения против христианства. Разве все это не свидетельствует в пользу достоверности Ветхого Завета? Что касается Нового Завета, то у нас есть свидетельства Тацита и Светония о существовании Иисуса Христа, основателя христианской религии, и о Его распятии в правление Тиберия и во время прокуратуры Понтия Пилата, времени, к которому евангелисты относят это событие. Порфирий, также, хотя и был закоренелым врагом христианства, не только допускал существование такой личности, как Христос, но почитал Его как самого мудрого и благочестивого человека, вознесенного на небеса как одобренный богами; и соответственно цитировал некоторые оракулы, относящиеся как к Его страданиям, так и к добродетелям с их последующими наградами. Цельс, точно так же, философ-эпикурейец, полный вражды к христианской религии, упоминает бесчисленные обстоятельства в истории Христа, на самом деле их так много, что

краткое изложение христианской истории можно было бы почти взять из тех самых фрагментов его книги, которые сохранил Ориген, и никогда не претендует на то, чтобы оспаривать Его реальное существование или истинность фактов, записанных о Нем. Иерокл, ученый человек и государственный деятель, писавший против христиан, говорит об Иисусе, превозносимом христианами как о боге; упоминает Петра и Павла по имени; и ссылается как на Евангелия, так и на Послания. Император Юлиан, живший в четвертом веке и прозванный "Отступником", пишет о рождении Иисуса в царствование Августа; свидетельствует о подлинности Евангелий и Деяний Апостолов; и допускает, что Иисус Христос творил чудеса. Он стремился ниспровергнуть христианскую религию, но подтвердил ее. Избиение младенцев в Вифлееме засвидетельствовано Макробием; темнота при распятии описана Флегеном и процитирована Оригеном. Нравы и богослужение первобытных христиан отчетливо описаны Плинием. Великая нужда во всем римском мире, предсказанная Агавом в правление Клавдия (Деяния xi. 28), засвидетельствована Светонием Дионом, Иосифом Флавием и другими. Изгнание евреев из Рима Клавдием (Деяния XVIII. 2) было вызвано, как говорит Светоний, восстанием, которое они подняли из-за Хрестуса, что является его способом написания имени Христос. Благодаря кропотливым исследованиям и обширной эрудиции неоднократно доказывалось, что остатки всех основных доктрин христианской религии можно найти в памятниках, писаниях или мифологиях всех народов и эпох. И основные факты, содержащиеся в Евангелиях, подтверждаются памятниками великой славы, которые и по сей день существуют в каждой христианской стране. Например, крещение во имя Отца, Сына и Святого Духа, обряд, посредством которого с самого начала люди были посвящены в Церковь Христову, и исповедание христианства. Вечеря Господня, совершаемая в память умирающей любви Христа. И установленное соблюдение первого дня недели в честь воскресения Христа из мертвых. Кто может сказать и доказать, что это не свидетельствует об истинности и достоверности Нового Завета? Что, кроме вдохновения, могло создать такую внутреннюю гармонию и такое внешнее соответствие?

ФРИЗ С АРКИ ТИТА.

Из памятников нет более поразительного, чем Арка Тита. Это знаменитое сооружение было возведено сенатом и народом Рима в знак признания заслуг Тита в завоевании евреев. Вероятно, что строительство памятника было завершено после смерти Тита. Он состоит из единой арки из греческого мрамора изысканных пропорций, с рифлеными колоннами по каждой стороне. Фриз, придающий ему особый интерес и ценность, находится с правой стороны, проходящей под аркой, ведущей в сторону Колизея. Он изображает триумфальное шествие пленных евреев, серебряные трубы, столы с хлебами и золотой подсвечник с его семью ветвями. Говорят, что сам подсвечник был брошен в Тибр с моста Мильвина по случаю битвы между Максенцием и Константином. Если предложение изменить русло Тибра будет реализовано, не исключено, что эта драгоценная реликвия еще может быть возвращена.

Ни одна книга никогда не создавалась случайно. Каждый том в мире обязан своим существованием какому-то существу или существам. И мы уверены, что у Библии не могло не быть разумного автора. Но в пределах разумности существуют только плохие существа, хорошие существа и Бог. Следовательно, среди них должно быть найдено все, что исходит от разума, ибо эта классификация включает в себя всех разумных существ. Теперь, что дурные существа — злые люди и адские духи — не могли породить книгу, столь полную добра, это разумное мнение; ибо оно не имеет никакого сходства с таким источником. Он предписывает все обязанности, запрещает любой грех и налагает самые суровые наказания за любое нечестивое поведение; и как тьма не может породить свет, так и зло не может породить добро. Не помогло бы делу и предположение, что добрые существа — благочестивые люди и святые ангелы — были составителями этих хорошо составленных записей; ибо они не могли и не хотели писать книгу, приписывая свои собственные изобретения божественному вдохновению; тем более что такие подделки самым суровым образом осуждаются во всех ее частях. Следовательно, поскольку Бог - единственное оставшееся существо в пределах разумного, которому можно обоснованно приписать Священные Писания, они по необходимости должны были быть написаны Им. И действительно, Библия - это произведение, настолько превосходящее все усилия простого человека, насколько солнце превосходит те скудные лучи, которыми имитируется его великолепие или восполняется его отсутствие.

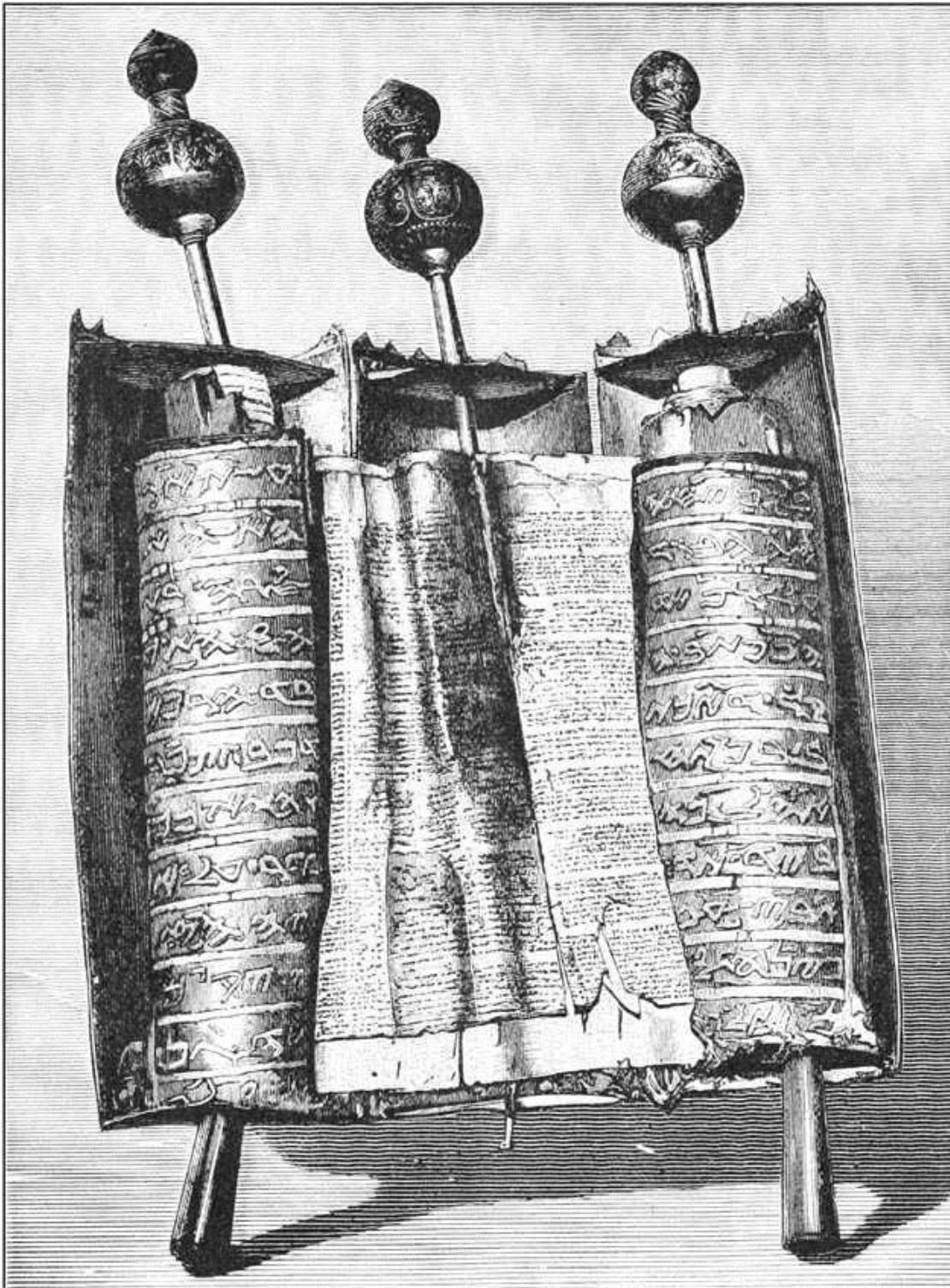
Честные и последовательные рассуждения подводят нас теперь к нашему последнему общему утверждению, которое заключается в следующем: *автором Библии был Бог.*

Под Библией мы, конечно, подразумеваем как Ветхий, так и Новый Заветы. "Два Завета, - говорит один, - можно сравнить с двойными дверями Храма: Старое — это раскрытое Новое, Новое - это развернутое Старое". Новый Завет ясно признает Ветхий как откровение от Бога; и, ссылаясь на Канон, принятый евреями, объявляет книги, из которых он состоит, подлинными и заслуживающими доверия. И под тем, что Бог является автором Библии, мы подразумеваем, что она была "дана по Его вдохновению". Возможно, здесь необходимо дать определение некоторым терминам, которые либо были, либо могут быть использованы в дальнейшем в этом эссе. И это: —Священное Писание; Завещание; Вдохновение; Евангелие; Христианство; и Религия. Писание, от *scriptura*, означает письменность — применяется для придания особого значения тому, что написано в Библии. Завет, от *testamentum* - дело или воля; но согласно другому толкованию, соответствующее название Библии - Ветхий и Новый Заветы, а именно Моисеев и христианский. Вдохновение от *спиро* означает, что я дышу. "Под божественным вдохновением Священного Писания, - говорит способный писатель, - я подразумеваю такое немедленное и полное открытие Святым Духом умам писателей священного писания тех вещей, которые иначе не могли бы быть известны, и такой эффективный надзор за теми вопросами, о которых они могли бы быть проинформированы, или другими способами, чтобы полностью уберечь их от всех ошибок, в каждой частности, которая могла бы хоть в малейшей степени повлиять на какие-либо доктрины или заповеди, содержащиеся в их писаниях". Евангелие, от бога, добро и заклинание, история, повествование или послание; и которое обозначает благую весть, благовестие, весть от Бога — решительно применяется к книге, которая содержит рассказ о жизни нашего Спасителя, чудесах, смерти и так далее. Христианство, от *christianitas*, означает религию христиан. А Религия, от *religare*, означает связывать, потому что истинной религией душа как бы привязана к Богу и Его служению. Исходя из всего этого, мы будем вправе продолжить утверждение нашего положения, а именно, что Бог был автором Библии. И мы считаем, что это можно доказать.

С глубокой древности. Она признана старейшей книгой в мире. Его записи охватывают сотворение мира, происхождение человека, внедрение зла, падение и возрождение нашей расы; и он содержит единственный рациональный отчет, когда-либо данный по этим важным вопросам. Мы можем проследить Библию до времен Цезарей, далее до перевода Септуагинты, а за ее пределами мы можем довести доказательство до разделения евреев и самаритян; мы можем подняться до того времени, когда обнаружим, что закон, должно быть, был дан человеком по имени Моисей народу в пустыне, во времена, когда идолопоклонство было повсеместным, и точно так же у нас есть факты, записанные в девятнадцатой и двадцатой главах книги Исход. И если Моисей не получал закон от Бога, то получить его вообще — иметь его таким, какой он есть, — такое же великое чудо, как и то, что он исходит от Самого Бога; и вы можете выбирать чудеса по своему усмотрению, ибо одно такое же великое чудо, как и другое. Татиан, один из греческих отцов церкви, говорит нам, что "хотя Гомер был раньше всех поэтов, философов и историков и был древнейшим из всех светских писателей, все же Моисей был древнее самого Гомера". Тертуллиан, другой знаменитый писатель второго века, говорит о том же самом. "Сами язычники не отрицали, что книги Моисея существовали за много веков до возникновения государств и городов Греции, до их храмов и богов, а также до появления греческих букв". Более того, он добавляет: "Моисей жил за пятьсот лет до Гомера; а другие пророки, пришедшие намного позже Моисея, были еще древнее, чем любой из мудрецов, законодателей и философов Греции. И как писания Гомера были для них образцом, так и он точно так же следовал писаниям пророков, какими они были тогда известны и распространились по всему миру". А превосходный и образованный сэр У. Джонс, касаясь того же вопроса, заметил: "В древности этих писаний никто не сомневается".

Из-за его неповрежденной сохранности. Хотя тысячи людей ненавидели его и относились к нему с крайним отвращением, все же он сохранялся среди всех революций времени и передавался из поколения в поколение даже до сих пор. И что она во всех существенных моментах совпадает с той, которая изначально исходила из рук ее авторов, у нас есть самые удовлетворительные доказательства, какие только могут потребоваться. "Что касается Ветхого Завета, - говорит ныне покойный ученый Уильям Гринфилд, - то оригинальные рукописи долгое время хранились у евреев, которые всегда отличались тем, что были самыми верными хранителями своих священных книг, которые они неоднократно переписывали и самым тщательным образом сравнивали с оригиналами, в которых они даже пронумеровали слова и буквы. То, что евреи не исказили эти писания, полностью доказывается молчанием пророков, а также Христа и Его апостолов, которые, хотя и выдвигают против них множество тяжких обвинений, ни разу не обвинили их в искажении ни одного из их священных писаний; а также согласием во всех существенных пунктах всех версий и рукописей, насчитывающих почти 1150 дошедших до нас, что является ясным доказательством их неповрежденной сохранности".

ПЯТИКНИЖИЕ, НАПИСАННОЕ 3200 ЛЕТ НАЗАД.

Одним из самых замечательных и древних из них является Пятикнижие, представленное на вырезке ниже. Мистер Миллс говорит о нем: "Сам свиток сделан из того, что мы бы назвали пергаментом, но из материала гораздо более древнего, исписан столбцами глубиной двенадцать дюймов и шириной семь с половиной. Почерк убористый, но далеко не такой крупный и красивый, как на экземплярах книг, которые я рассматривал ранее. Поскольку текст довольно мелкий, каждая колонка содержит от семидесяти до семидесяти двух строк. Имя писца написано своего рода акростихом и является частью текста, проходящего через

три колонки и встречающегося во Второзаконии. Это была работа правнука Аарона, как указано в письменном виде. Весь свиток выглядит очень древним и удивительно хорошо сохранился, учитывая его почтенный возраст.

"Одна из половинок металлического цилиндра очень любопытна и заслуживает большего внимания, чем она получила в руках библейских археологов. Он сделан из серебра, около двух футов и шести дюймов в длину и десяти или двенадцати дюймов в диаметре, и покрыт рельефной работой с описательной надписью, прикрепленной к каждой части. Оказывается, это Скиния Пустыни.

"Фактически, постоянное чтение священных книг, которые были одновременно правилом их веры и их политической конституции, как публично, так и в частном порядке; многочисленные копии оригинала, а также версии Септуагинты, которая была широко распространена по миру; различные секты и партии, на которые разделились евреи после закрытия их канона, а также их рассеяние по всем частям земного шара, сделали невозможными любые попытки фальсификации до времен Христа, и после этого периода, если бы те же книги были в руках христиан, они бы немедленно обнаружили подделку". обман евреев, если бы они попытались осуществить такой замысел, в то время как молчание евреев, которые не преминули бы заметить попытку, если бы она была предпринята, является ясным доказательством того, что они не были развращены христианами.

"Столь же убедительными являются доказательства целостности и нетленности Нового Завета. Умножение копий, как оригиналов, так и переводов на различные языки, которые читались не только в частном порядке, но и публично в религиозных собраниях первых христиан; благоговение христиан к этим писаниям; разнообразие сект и ересей, которые вскоре возникли в христианской церкви, каждая из которых апеллировала к Священному Писанию в поисках истинности своих доктрин, сделали любые существенные изменения в священных книгах совершенно невозможными; в то время как молчание их злейших врагов, которые, несомненно, обвинили бы их в попытке, если бы она была предпринята, и согласие всех дошедшие до нас рукописи и версии являются убедительными доказательствами целостности и нетленности Нового Завета; что дополнительно подтверждается согласием с ним всех цитат, встречающихся в писаниях христиан с древнейших времен до настоящего времени. Фактически, пока что в Священных Томах не было никаких грубых искажений, лучшие и наиболее способные критики доказали, что даже в незначительных вопросах Священное Писание Нового Завета меньше пострадало от повреждений времени и ошибок переписчиков, чем любые другие древние писания; и что самая худшая из дошедших до нас рукописей не извратила бы ни одного догмата нашей веры и не разрушила бы ни одной моральной заповеди".

Добавьте к этому свидетельство британского критика. "Ни один слог, написанный восемью малоизвестными авторами Священных Писаний Нового Завета, принятых Церковью в качестве канонических после смерти Иоанна, не был утрачен в течение восемнадцати столетий. И все же из исторических трудов Тацита недостает по крайней мере половины; из ста сорока четырех книг Ливия сохранилось только тридцать пять; собрания сочинений Аттика полностью исчезли; речи Гортензия известны только по намекам его соперника; а литературная слава великого диктатора сохранилась лишь в двух повествованиях, одно из которых иногда подвергалось сомнению. "Где мудрый? Где писец? Где спорщик этого мира?" Не может ли быть силой Божьей, которая среди этих обломков красноречия и учености сохранила в неприкосновенности даже до наших более поздних дней простые и неизученные сочинения неграмотных галилеян — страстные, но грубые речи изготовителя палаток из Киликии?" Доктор Адам Кларк, знающий свое дело судья, которого покойный

преподобный Роберт Холл назвал "океаном учености", сказал: "Я тщательно исследовал этот вопрос, и я могу со всей совестью сказать, что у нас есть Священные Оракулы, по крайней мере, в существенной сумме. и сущность, как они были переданы Богом Моисею и пророкам; и Церкви Христовой Иисусом, Его евангелистами и апостолами; и что в различных прочтениях еврейских и греческих рукописей нельзя найти ничего, что подтверждало бы какую-либо ошибку в доктрине или уклончивость в моральной практике. Все в целости и сохранности - все чисто и свято". А рассудительный Селден, которого Гроций называет "славой английской нации", в своей "Застольной беседе", говоря о Библии, говорит: "Английский перевод Библии является лучшим переводом в мире и наилучшим образом передает смысл оригинала; для английского перевода была использована Библия епископа, а также короля Якова. Переводчики во времена короля Якова избрали отличный путь. Эта часть Библии была дана тому, кто лучше всех владел этим языком, а затем они встретились вместе, и один прочитал перевод, остальные держали в руках какую-нибудь Библию, либо на одном из изученных языков, либо на французском, испанском, итальянском и т.д. Если они находили какую-либо ошибку, они сообщали, если нет, он читал дальше."²⁴

Из его важных открытий. Он делает открытия для человека по самым важным предметам, которые естественный разум никогда бы не смог сделать. Один из древних сказал: "Библия - это история Бога". Она раскрывает все, что необходимо знать о существовании, природе, совершенствах, взаимоотношениях, разуме и воле Бога. Она раскрывает всю историю человека — начинается с его сотворения, продолжается его нынешним состоянием и завершается его вечной судьбой. Она раскрывает удивительную любовь Бога к человеку, план искупления, средства спасения и очищающую природу крови Христа. Она дает ответы на самые интересные и сбивающие с толку вопросы, когда-либо задававшиеся человеку им самим или предлагавшиеся ему его собратьями; и таким образом снабжает его той информацией, которую не может передать ни один другой том. Она указывает на вторую жизнь, раскрывает вечность и говорит о воскресении тела — бессмертии души — грядущем суде - рае, даре искупительной любви — и аде, ужасной пустыне греха. Одним словом, это сердце Бога, открытое человеку, карта небес— непогрешимое правило жизни— непоколебимая основа надежды, неиссякаемый источник утешения и единственный надежный проводник к вечной жизни и счастью. Прекрасный старый писатель прекрасно замечает: "Чего нет в Священном Писании? Бедны ли мы? Есть сокровищница богатств. Больны ли мы? Есть лавка лекарств для души. Мы падаем в обморок? Вот шкаф с сердечными приборами. Неужели у нас нет Христа? Вот звезда, которая ведет ко Христу. Мы христиане? Есть группы, которые держатся во Христе. Страдаем ли мы? В этом наше утешение. Нас преследуют? В этом наша защита. Мы покинуты? В этом наше выздоровление. Мы искушаемы? Вот наш меч и победа. Молоды ли мы? Вот наша красота. Стары ли мы? Вот наша мудрость. Пока мы живы, вот правило нашей беседы; когда мы умрем, вот надежда на наше прославление. Чтобы я мог сказать вместе с Тертуллианом: "Я преклоняюсь перед полнотой Писания". О благословенные Писания! Кто может знать их и не любить? Кто может любить их и не испытывать удовольствия от медитации на них днем и ночью? Кто может медитировать на них и не желать любить их, любить желать их, и одновременно желать и любить понимать их? Это Книга книг, как сказал Давид о мече Голиафа: "Нет ничего подобного". "Библия - это действительно то, что назвал великий философ, почтенный Роберт Бойль, "эта несравненная книга". Мы часто думали, что возвышенные описания, которые она дает о Боге, смиряющие и возвышающие доктрины, которые она раскрывает, и возвышенная мораль, которую она прививает, сами по себе являются решающими доказательствами ее божественного авторитета. Ибо, конечно, ничего подобного им нет в самых почитаемых произведениях самых знаменитых авторов ни в древности, ни в наше время.

Из-за его своеобразного стиля. Как удивительно просто и незамысловато! Ни одна история никогда не была изложена так ясно, как библейская: ни заповеди никогда не были столь ясными, ни обещания менее двусмысленными. Как удивительно величественно! Всякий раз, когда этого требует дело, стиль меняется

"Как лестница во сне Патриарха,
Ее подножие на земле, а высота за пределами небес".

Засвидетельствуйте многие Псалмы; книгу Иова; пророков, особенно Исаяю xl. и xliii.; и Апокалипсис. И как удивительно лаконично и выразительно! Священные писатели никогда не перегружают свой предмет словесным грузом. Они выражают себя немногочисленными и хорошо подобранными словами — "в красивой одежде, без красок искусства". Об этом свидетельствуют Притчи; 1 Кор. xiii и др. "Да будет свет", - замечает великий критик Лонгин, как поистине возвышенное выражение. А стиль Священного Писания привлек внимание даже неверующих. Руссо был поражен величием Священного Писания. Хорошо известен его красноречивый панегирик Евангелию и его автору. Доктор Тиллотсон замечает, что "Описания, которые Вергилий дает Елисейским полям и Адским областям, бесконечно далеки от величия Священного Писания при описании рая и ада, так что по сравнению с ним они кажутся детскими и пустяковыми"; и все же, возможно, он обладал самым правильным и лучше всего управляемым воображением из всех людей и соблюдал величайшую благопристойность в своих описаниях. "Я знаю, - сказал эlegantный Джозеф Аддисон, - что есть люди с тяжелым характером и без гения, которые могут читать слова Священного Писания с таким же безразличием, как и другие газеты; однако я не отчаиваюсь привить людям ума любовь и восхищение священными писаниями, и, как бы я ни был стар, я обещаю себе дожить до того дня, когда среди вежливых людей будет так же модно восхищаться вознесением Святого Павла, как прекрасным выражением Вергилия или Гомера; и видеть, как хорошо одетый молодой человек производит на свет евангелиста". вытащить из кармана и смутиться не больше, чем если бы это было классическое издание, напечатанное Эльзевиром".

От его внутренней гармонии. Хотя они были написаны в разные периоды людьми, живущими в разных частях света, и людьми, чьи природные способности, образование, привычки, занятия и т.д. были чрезвычайно разнообразными, все же где здесь какое-либо реальное противоречие? Священные писания в точности совпадают в том представлении, которое они дают нам о Боге; о человеке; о грехе и спасении; об этом мире и загробном; и, короче говоря, обо всем, что связано с нашим долгом, безопасностью, интересами и комфортом. Все они, очевидно, придерживались одних и тех же суждений, были направлены на установление одних и тех же принципов и применяли их для одних и тех же практических целей. Они не могли писать согласованно — сравнивая заметки и т.д., поскольку жили в разные времена и в разных местах; и все же точное совпадение, которое замечает среди них прилежный ученик, наиболее удивительно, и его нельзя объяснить никакими рациональными принципами, не признав, что они "писали, движимые Святым Духом".

"Откуда, как не с небес, людям, неискушенным в искусствах,
родившимся у разных народов и в разных частях света,
Говорить такие согласующиеся истины; или как и почему
все должны сговариваться, чтобы обмануть нас ложью?
Непрошенные их страдания; неблагодарные их советы;
Лишающие их наживы и мученическая смерть - их награда".

Из-за его поразительной беспристрастности. Помощники Святого Духа в написании Священных Писаний были не презренными или обычными, а несравненными и экстраординарными личностями. Как Моисей, "самый кроткий человек на земле", особый любимец Бога, с которым Бог "разговаривал лицом к лицу"; такого не было среди всех пророков Израиля. Самуил, могущественный человек в молитве. Царь Давид, "муж по сердцу Божьему". Царь Соломон, "мудрейший из всех царей", которого Бог почтил постройкой Храма. Даниил, в котором был обнаружен "превосходный дух" и большая ловкость в "раскрытии секретов и загадок". Иоанн, "ученик, которого Иисус любил" больше всех остальных, который "прислонился к груди Иисуса". Павел, "который был восхищен на третье небо", "чьи писания, - говорит Златоуст, - подобно адамантовой стене, окружают все церкви". Одним словом, "все они святые мужи Божьи, движимые Святым Духом". Моральный облик святых писателей вне подозрений: их злейшие враги никогда не пытались запятнать их репутацию ни малейшим пятном. Многие из них действительно присутствовали при сценах, которые они описывают; они были очевидцами фактов и свидетелями разговоров, которые они описывают. Следовательно, они не могли обмануться сами: у них не могло быть ни малейшего побуждения обманывать других. Они честно описывают свои собственные ошибки, а также другие детали истории. Каждый искренний человек должен признать, что Священные Писания отличаются достоверностью повествования и что, в отличие от практики других исторических источников, они не скрывают недостатков людей, которых они описывают. Недостатки Авраама и Иакова описаны подробно, так же как и их добродетели; и неверие Фомы и отступничество Петра не скрыты, а достоверно описаны. Особенно кажется, что апостолы повсюду забывают, что пишут о себе, и, похоже, несколько не заботятся о своей собственной репутации, а только о том, чтобы представлять факты такими, какими они были, каковы бы ни были последствия. Поэтому они с готовностью признаются не только в низости своих первоначальных занятий и скандалах своей прежней жизни, но и в своих предрассудках, безумствах, ошибках, неверии, трусости, честолюбии, необдуманном рвении, глупых спорах и т.д. Насколько верным бывает перо вдохновения — здесь истина беспристрастной рукой обмакивает свой карандаш, то в более яркие, то в более темные цвета, и таким образом рисует своих персонажей в самой жизни. Доктор Битти справедливо говорит: "Стиль Евангелия является неотъемлемым доказательством его истинности. Мы не находим в нем никаких признаков искусственности или партийного духа; никаких попыток преувеличить, с одной стороны, или принизить, с другой; никаких замечаний, сделанных с целью предвосхитить возражения, ничего от той осторожности, которая всегда отличает свидетельства тех, кто осознает обман; никаких попыток примирить разум читателя с тем, что может быть необычным в повествовании; все честно, откровенно и просто". И мы причисляем это к числу доказательств Божественного авторитета Библии.

От его грандиозных чудес. Чудо, от *miraculum*, чудо, вундеркинд. "Чудо, - говорит Хорн, - это разумное приостановление, или контроль, или отклонение от известных законов природы". Это знаковый акт Божественного Всемогущества, то, чего не может совершить никакое другое существо, кроме Бога. Чудеса проистекают из Божественной силы и являются надлежащим доказательством Божественной миссии. *Реальность* чудес, описанных в Священном Писании, совершенных Христом, пророками и апостолами, может быть доказана *числом и разнообразием* — они совершались *публично*, а не в углу — как перед *врагами*, так и перед друзьями — *мгновенно*, а не постепенно — и *независимо* от всех второстепенных причин — были такими, которые *все люди могли исследовать* и судить о них — и все служили *важной цели*, достойной Божественного автора: а именно., чтобы установить Божественную истину. Насколько превосходят чудеса, сотворенные Моисеем и Аароном, чудеса, сотворенные мудрецами, колдунами и волшебницами Египта! Станьте свидетелем трансформации жезла, Исход vii. 10-12—появление надоедливых вшей—паразитов -Исход

viii. 16-19—чума тьмы, Исход x. 22-24—разделение Красного моря, Исход xiv. 21-31. Они несут на себе все признаки истинных чудес. И насколько выше мнимых сверхъестественных деяний Мухаммеда и предполагаемых языческих и римских чудес были чудесные деяния Христа и Его апостолов! Например, наш Спаситель усмирил бурю, успокоил взбаламученный океан, ходил по морю, накормил голодающих, открыл глаза слепым, заткнул уши глухим, исцелял больных, очищал прокаженных, изгонял бесов, воскрешал мертвых и возвращал Себя к жизни; а Его апостолы исцеляли хромых, изгоняли духа прорицания, давали Святого Духа, возвращали мертвых к жизни и т.д. Каждый простодушный ум должен видеть во всех них признаки настоящих чудес. Вдумайтесь в Матфея xi. 2-6; и Иоанна xiv. 11. Никодим, фарисей и правитель среди иудеев, был настолько поражен необычайным характером чудес нашего Господа, что пришел к Нему, сказав: "Равви, - сказал превосходный учитель, - мы знаем, что Ты учитель, пришедший от Бога; ибо никто не может творить тех чудес, которые Ты творишь, если Бог не будет с Ним". И чудеса, которые мы думаем вместе с Никодимом, показывают, что пророк или религиозный учитель исходит от Бога, потому что Бог не сотворил бы чуда, удостоверяя ложь, или поощряя лжеучителя. Поэтому, когда совершается чудо в подтверждение чего-либо или как свидетельство чего-либо, мы знаем, что это истина, потому что Бог дал об этом Свое свидетельство. Каждое настоящее чудо - это дело Божье, совершенное с Его позволения и при Его попустительстве; следовательно, это, безусловно, свидетельство Божье. И это величайшее из чудес, воскресение Самого Господа нашего из мертвых, венчает все это и ясно свидетельствует о Божественности Библии и истинности христианской религии.

Из его замечательных пророчеств. Пророчество - это объявление о чем-то грядущем; предсказание будущих событий. Это предсказание таких будущих событий, которые были недоступны человеческой проницательности и которые, следовательно, никто, кроме Бога, не мог открыть. Какой простой человек может предсказать события завтрашнего дня? Кто может сказать, что произойдет в грядущие века? Это единственная прерогатива Бога, который один знает конец от начала. Итак, Библия изобилует предсказаниями, которые были произнесены задолго до их фактического исполнения, и о которых никакая человеческая проницательность не могла бы догадаться или предсказать. Возьмите первое данное в Евангелии обещание — семя женщины поразить змея в голову; и помните, что это обещание было дано по меньшей мере за четыре тысячи лет до его исполнения. Знаменитое предсказание Иакова (Быт. xlix. 10) было произнесено между шестнадцатью и семнадцатью сотнями лет до того, как оно произошло. Моисей объявил об осаде Иерусалима римлянами и т.д. (Deut. xxviii. 49 и др.), пятнадцатью веками ранее. В первой книге Царств (гл. xiii. 2, 3). есть пророчество об Иосии по имени, на триста тридцать один год; и в книге Исаии (xlv. 1) о Кире, за сто лет до рождения кого-либо из них. Согласно предсказаниям пророков, Ниневия была опустошена (Наум i. 1, 2, 3); Вавилон был охвачен разрушением (Исаия xlii. 14); Тир стал местом раскидывания сетей (Иезекииль xxvi. 4, 5); Египет - низшим из царств и т.д. (Иезекииль xxix. 14, 15). Даниил ясно предсказал последовательное падение четырех великих империй древности — Вавилонской, Персидской, Греческой и Римской, и все это произошло. История не только верно описала основные черты характера Христа за сотни лет до Его явления, но и едва ли в Его жизни есть хоть один случай, который был бы упущен из виду пророчеством. И согласно предсказаниям Нового Завета, мы видим Иерусалим в руинах; Храм не восстановлен; евреи рассеяны, но не уничтожены; обращение народов в христианство; многочисленные антихристианские искажения Евангелия; идолопоклонство, тиранию и преследования римской иерархии и т.д. Какое предвидение все это подразумевает — предвидение, которое можно найти только в Боге! "Пусть теперь неверующий или скептически настроенный читатель тщательно и трезво поразмыслит над этими предсказаниями. Приоритет записей по отношению к событиям не подлежит

сомнению. Завершение очевидно для каждого компетентного исследователя. Итак, вот факты. Мы призваны объяснить эти факты на основе рациональных и адекватных принципов. Соответствует ли человеческое предвидение этой задаче? Энтузиазм? Предположение? Случайность? Политическая уловка? Если ни один из этих, ни какой-либо другой принцип, который может быть изобретен человеческой проницательностью, не может объяснить факты, тогда истинная философия, так же как и истинная религия, будет приписывать их вдохновению Всемогущего. У каждого следствия должна быть причина". Пророчество - это разновидность постоянного чуда. И пророчества Священного Писания не лишены самого полного доказательства, которое допускает данный случай, того, что книги, которые их содержат, являются безошибочным словом Божиим.

Из-за его святой тенденции. Оно пришло непосредственно от Бога и непосредственно ведет к Нему. Оно несет на себе печать Божества и является, решительно и реально, "силой Божьей ко спасению всякому верующему". Она содержит самые прекрасные заповеди — самые веские увещания - и самые драгоценные обещания. Библия учит нас наилучшему образу жизни, самому благородному способу страдания и самому комфортному способу смерти. Слово Божье, сопровождаемое Его Духом, передает силу слабым, мудрость простым, утешение скорбящим, свет тем, кто находится во тьме, и жизнь мертвым. Это представляет бесконечного Бога говорящим в манере, достойной Его Самого; с простотой, величием и авторитетом.

В нем излагаются наиболее важные доктрины. Например, учение о Троице лиц или субстанций в Единстве Божества — истинная, высшая и вечная божественность Христа — личность, божественность и служения Святого Духа — великие дела творения и провидения — грехопадение человека от смертного образа Божьего — необходимость, природа и степень искупления — покаяние перед Богом и вера в Господа Иисуса Христа — оправдание кровью креста — свидетельство Духа в душе верующих — возрождение Духом Божиим — святость в сердце и жизни — воскресение мертвых — искупление через смерть. всеобщий суд — и вечность будущих наград и наказаний.

Это воспитывает высшую мораль. Любовь к Богу и любовь к нашему ближнему — поступать с другими так, как мы хотели бы, чтобы они поступали с нами — прощать наших врагов — жить "трезво" — в употреблении пищи, одежды и всего, что касается нас самих, "праведно" — в исполнении всех обязанностей по отношению к нашим ближним и "благочестиво" — поклоняться Богу правильным образом — сдерживать всякую нечистоту мыслей и желаний — воздавать почести тому, кому воздается честь, и отдавать должное тому, кому воздается должное — культивировать смирение, кротость, незлобивость, покладистость, бескорыстие, истина, справедливость, благодеяние, милосердие и другие добродетели — и избегание гордыни, недовольства, отчаяния, мести, жестокости, угнетения, раздоров, супружеской измены, самоубийства и других пороков и преступлений, которые вредят человечеству.

Это предохраняет от любых ошибок. Это непогрешимое правило суждения и практики, которое ясно учит тому, во что мы должны верить и что мы должны делать — оно просвещает разум, формирует суждения, наставляет сердце и спасает от тех "жизненных ошибок", которые "порождают ошибки в мозгу". Всякая ошибка — ложное суждение о вещах или согласие с ложью — проистекает из незнания Священных Писаний, Марка xii. 24; Иоанна vii. 17; 2 Тим. iii. 13–17.

Это способствует святости и миру здесь, а также ведет к счастью и раю в будущей жизни. "Чем молодой человек должен очистить свой путь?" Псалом cxix. 9, 103–105. "Закон

Господень совершенен, обращая душу", Псалом хіх. 7-11. Какой панегирик совершенству священных писаний! совершенству их полезности — их достоверности— их чистоты— их ценности — их удобств — их покоя - и их сладости. И этот панегирик был произнесен пророком, поэтом и королем — не обычным собранием.

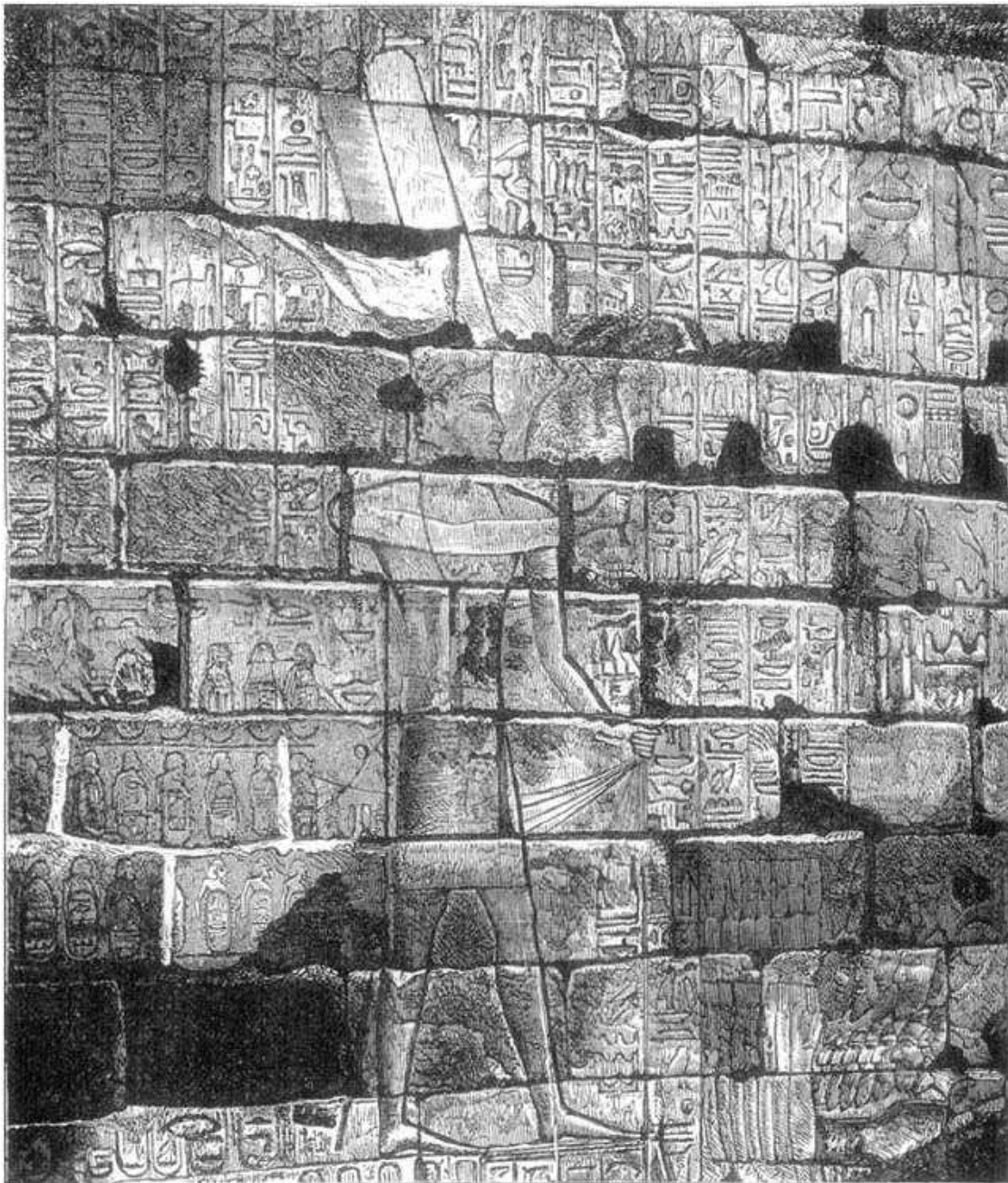
Это в значительной степени обеспечивает любящему это Божественное благоволение.
"Так говорит Господь: небо - престол мой, а земля - подножие ног моих; но на этого человека я буду взирать, даже на того, кто беден и сокрушен духом и трепещет перед словом Моим".
"Такое сердце, - говорит Мэтью Генри, - это живой храм Божий; Он обитает там, и это место Его упокоения; оно подобно небу и земле, Его трону и подножию Его ног".

И это дает самые мощные мотивы для применения ее предписаний. Ибо его награды таковы, что "око не видело, и ухо не слышало", а его угрозы в высшей степени рассчитаны на то, чтобы устроить обидчиков. Библия повсюду изобилует сильным рвением к Божественной славе и глубиной самоотречения со стороны авторов. И какой контраст она представляет в этом отношении со всеми другими авторскими произведениями! В Священном Писании Бог - это все во всем: в других писаниях человек всегда занимает видное место и, как правило, единственный претендует на похвалу и восхищение. И ни один человек не может внимательно прочесть священный том, не испытав благоговейного трепета. Ибо, о, как торжественно и вдохновляюще! и как превосходно рассчитано воздержание от греха и возвышение взглядов и чувств! Поэтому мы говорим, что ни один человек не может прилежно читать Священные Писания, не став при этом мудрее и совершеннее. Знаменитый Джон Локк, чья чистая философия научила его преклоняться перед ее источником, сказал умирающими устами, давая свой совет молодому дворянину: "Изучай Священное Писание, особенно Новый Завет; ибо в нем содержатся слова вечной жизни: его автор — Бог, его цель — спасение, а суть - истина, без какой-либо примеси заблуждения".

"Это приятно подбадривает наши поникшие сердца,
В этой темной долине слез".

Это делает больше—

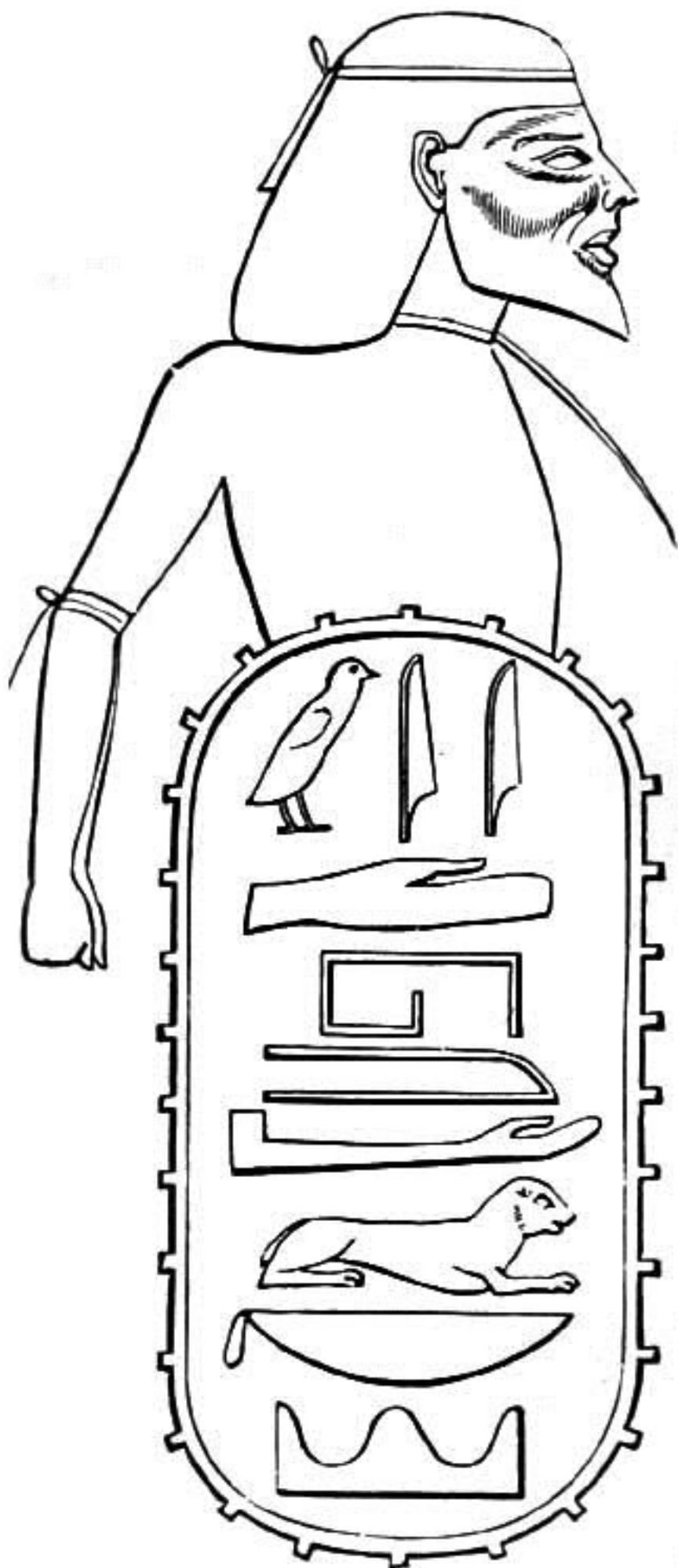
"Это излучает сияние повсюду,
И указывает путь к блаженству и небесам".

ШИШАК И ЕГО ПЛЕННИКИ НА СТЕНЕ СО СКУЛЬПТУРАМИ В КАРНАКЕ.

"Это для нашего света и данного руководства". И о, какой источник света, силы и покоя! Как это проясняет понимание и наполняет душу сладким восторгом! Как она оживляет наши бездействующие силы и направляет все наши блуждающие шаги прямо! И как ее обещания радуют наши сердца, а ее заповеди направляют нашу жизнь!

"Священную страницу украшает слава,
Величественная, как солнце;
Она освещает все эпохи,
Она дарит, но ничего не заимствует".

ПОРТРЕТ РОБОАМА.

Ах! нет слов, сравнимых со Священными Писаниями. Ни одно из них не содержит таких полезных доктрин— таких разумных повелений, таких весомых аргументов. Строки Священного Писания богаче, чем золотые прииски. Как явно подходит для грешной расы! и как восхитительно создан для совершенства человеческого счастья! Какие доказательства Божественного происхождения! Покажите, если сможете, во всем этом мире хоть одну книгу из всех, что когда-либо были созданы в любую эпоху или нацию, например Библию. Да, Библия пришла от Бога; и она имеет моральное сходство с Тем, от кого она пришла. Бог свят, справедлив и благ. И Библия также свята по своей природе, справедлива в своих требованиях и хороша в своих положениях и тенденциях.

Из-за его благотворного воздействия. Он творил чудеса во все века, во всех местах, для всех людей и во всех возможных проявлениях человеческой жизни. Христианство — религия Библии — преподавало великие уроки преданности, самоуправления и доброжелательности. Она распространила и сохранила литературу, уничтожила нелиберальные предрассудки, породила смирение, прощение обид, уважение к истине, справедливости и честности, стойкость при преследованиях, терпение при мирских невзгодах, спокойствие и смирение при приближении смерти, воспрепятствовала блуду, многоженству, супружеской неверности, разводам, самоубийствам и дуэлям, остановила детоубийство, жестокие спортивные состязания, насилие войны, пороки королей и нападения принцев — и сделала своих искренних проповедников правдивыми, честными, справедливыми, непорочными, прекрасными и заслуживающими внимания. Это улучшило положение женщин — исправило распутных мужчин — отменило человеческие жертвоприношения - предотвратило убийства принцев и революции в государствах— поощряло гостеприимство к незнакомцам — основало благотворительные учреждения—освободило рабов— уменьшило тяготы рабства— выкупило пленников — освободило заключенных — защитило вдов и сирот - смягчило до нежности и слез сердца деспотов — и дало стабильность тронам, мудрость человеческим законам и защиту людям. Разве это не сделало больше для чести принца и блага подданного, чем любая другая система?

Это было благословением для каждой страны, в которую оно было введено. Это было благословением для Великобритании. Она облачила в изящные одежды некогда обнаженных жителей этой великой страны: она построила города, возделала леса, воздвигла наши храмы, упорядочила наши институты и сделала страну одновременно могущественной и счастливой. Америка обрела в нем свою свободу и свой мир. Несправедливость Африки была смягчена и устранена благодаря ее справедливости и великодушию. Азия и морские острова ждут его света и исцеления. В каждой языческой стране, где она преобладала, она отменила идолопоклонство с его кровавыми и оскверненными обрядами; подняла уровень морали и, таким образом, улучшила нравы людей; и распространила повсюду отборные благословения небес — свободу пленным, свет слепым, утешение страждущим, надежду отчаявшимся и жизнь умирающим. Спросите жителей Новой Зеландии, Тахейты, Тонги, каннибалов, детоубийц, убийц целых островов, что это сделало для спасения их душ. Это одновременно и желание всех народов, и слава всех стран.

И это произвело самое благоприятное воздействие на множество людей. Она просветила самых невежественных; смягчила самых ожесточенных; исправила самых распутных; обратила самых отчужденных; очистила самых оскверненных; возвысила самых

деградировавших; и подняла самых подверженных опасности из ада на небеса. Что же превратило преследующего и богохульствующего Савла в доброго и преданного человека? Это была религия. Что побудило женщину, которая была грешницей, омыть ноги Иисуса своими слезами и вытереть их волосами своей головы? Это была религия. Что же породило веру Авраама, кротость Моисея, терпение Иова, мудрость Соломона, миролюбие Иосифа, раскаяние и рвение Давида, мягкость Стефана, смелость пророков, неустрашимое рвение Павла, героизм Петра и мягкий нрав "возлюбленного ученика"? Это была религия. Что же было такого, что создавало такую чистоту жизни и придавало такое величие смерти в случаях Гроция, Селдена, Салмасиуса, Хейла, Пасхалья, Бойля, Локка, Ньютона, Берхейва, Аддисона, Маклорина, Литтлтона и тысячи других? Это была религия.

Даже люди, которые старались вытравить из сознания всякое уважение к религии, признавали важность и целесообразность этого. Бейль признает, что религия полезна, если люди действуют в соответствии с ее принципами; а Вольтер прямо говорит, что религия необходима в каждом устойчивом сообществе; законы являются ограничением для открытых преступлений, а религия - для тех, которые являются частными. "Ни одна религия, - говорит Болингброк, - никогда не появлялась в мире, естественная тенденция которой была бы в такой степени направлена на содействие миру и счастью человечества, как христианская. Религиозная система, записанная евангелистами, является полной системой для достижения всех целей истинной религии, естественной или богооткровенной. Евангелие Христа - это непрерывный урок строжайшей морали, справедливости, доброжелательности и всеобщего милосердия. ... Если предположить, что христианство было чисто человеческим изобретением, то это было самое приятное и полезное изобретение, которое когда-либо было навязано человечеству для его блага". Юм признает, что "неверие в будущее в значительной степени ослабляет узы морали и по этой причине может считаться пагубным для мира гражданского общества". Руссо признает, что "если бы все были совершенными христианами, отдельные люди выполняли бы свой долг, народ был бы послушен законам, вожди справедливы, судьи неподкупны, солдаты презирали бы смерть, и в таком государстве не было бы ни тщеславия, ни роскоши". Гиббон признает, что Евангелие или церковь препятствовали самоубийствам, развивали эрудицию, сдерживали угнетение, поощряли освобождение рабов и смягчали свирепость варварских народов; что свирепые народы получали в то же время уроки веры и человечности, и что в наиболее развращенном состоянии христианства варвары могли учиться справедливости у закона и милосердию у Евангелия. "Приписывать христианству преступления, - говорит знаменитый король Пруссии, - это поступок новичка". Его словам вполне можно верить в подобном утверждении. И все же эти неверующие были настолько подлыми и извращенными, что порицали систему, которую они признают полезной. Как неблагодарно! Как предосудительно! Соберите теперь мысли, разбросанные по этой теме, и будьте честны — искренне верьте и открыто признайте, что Бог был автором Библии. Чем, кроме сверхчеловеческого, поистине божественного влияния, веющего в Священных Писаниях, можно объяснить энергию и благотворность их нравственных тенденций?

Из общего приема. Огромное количество мудрых и хороших людей на протяжении многих поколений и в разных странах соглашались принимать Библию как откровение от Бога. Многие из них были отмечены серьезностью, эрудицией, проницательностью и беспристрастностью в оценке людей и вещей. Мы могли бы сослаться на Альфреда, "исполненного души — светоч темного века", — на Карла V, императора Германии, — на Густава Адольфа, знаменитого короля Швеции; на Сельдена, образованного и трудолюбивого юриста и антиквара, — на Бэкона, "яркую утреннюю звезду науки", — на Ашера, известного архиепископа Арма, - на Ньютона, "солнце, лучи которого озарили мир",

— на Бойля, прославленного гениальностью и эрудицией, — на Мильтона, князя поэтов, — на Локка, человека глубоких познаний. мысленно посвящается Джонсу, одному из самых ярких гениев и выдающихся ученых восемнадцатого века, а также многим другим бессмертным именам. И если свидетельство истинности Библии удовлетворяет людей с такими высокими интеллектуальными способностями, то разве оно не должно удовлетворять и нас? Мы не хотим намекать на то, что мы должны верить в Божественность Священных Писаний только потому, что они верили в это. Но мы хотим сказать, что нам не следует опрометчиво делать выводы против того, что они получили. Они являются признанными авторитетами в других случаях; тогда почему не в этом? Если мы можем положиться на них в их философских исследованиях, почему не в их религиозных? Несомненно, неверующие наших дней, стоящие на столь низком уровне по сравнению с верующими прежних дней, должны были бы выражаться с большей скромностью по этому важному вопросу и колебаться, прежде чем открыто заявлять о своем несогласии с этой книгой о религии и морали, получившей поддержку таких почетных имен, как те, что были упомянуты.

По поводу распространения христианства было красноречиво сказано: "Несмотря на яростное и накопившееся противодействие, оно распространило свои благословения среди городов Азии и островов Греции, над пустынями Аравии и европейского континента! С холма Голгофы он быстро добрался до императорского Рима, собирая по пути свежие лавры, пока не вошел во дворец и не развеял свое знамя над гордым жилищем Цезаря! Несмотря на все влияние священников и королей, выступавших против этого, и все ужасы виселицы или пламени, оно быстро распространилось по обширной Римской империи и достигло Британии, маленького морского острова. С божественной силой она одержала победу над умственной и моральной косностью, превзойдя все, чем могла похвастаться философия Греции или Рима; и она все еще будет побеждать, пока солнце в небесах не взойдет высоко ни на одно человеческое существо, лишенное знания Иисуса Христа ". А преподобный Роберт Холл, упомянуть которого - значит похвалить, заметил: "Мы видим христианство пока только в зачаточном состоянии. Она еще не достигла тех великих целей, которым призвана отвечать и к которым постоянно продвигается. В настоящее время это всего лишь горчичное зернышко, и кажется, что оно дает нежный и слабый урожай, но будьте уверены, это посажено десницей самого Бога, и Он никогда не допустит, чтобы оно погибло. Скоро он протянет свои ветви к реке, а свои тени - до краев земли. Усталые будут отдыхать под ним, голодные будут вкушать его плоды, а его листья будут служить исцелению народов. Те, кто исповедует имя Иисуса, будут получать удовольствие от созерцания увеличения и величия Его царства. "Он должен царствовать до тех пор, пока не повергнет всех врагов Себе под ноги". Религия Иисуса - это религия не одной эпохи или одной нации. Это шлейф света, впервые приведенный в движение Богом, и который будет продолжать двигаться и распространяться до тех пор, пока не наполнит всю землю своей славой. Его благословения снизойдут, и его влияние будут ощущать последними поколениями. Непрерывный в своем течении и безграничный в своих масштабах, он не будет ограничен временем или пространством. Земля слишком узка для проявления своих последствий и достижения своих целей. Она указывает вперед, в вечность. Великий Искупитель снова явится на землю как судья и правитель ее; пошлет Своих ангелов и соберет Своих избранных с четырех ветров; уничтожит грех и смерть; навсегда поместит праведников в присутствие своего Бога, их Бога, своего Отца и их отца."

"Как воды покрывают глубину синего океана,
Так полно будет познан Бог среди смертных;
Его слово, подобно солнечным лучам, охватит весь мир,

земной шар Станет Его обширным храмом, а милосердие - Его троном".

Христианство, хотя и не подвергалось гонениям, подвергалось жестоким преследованиям; и все же оно восторжествовало — и восторжествовало тоже, несмотря на всех своих врагов. Подобно кусту Моисея, он не сгорел от огня; и поднялся среди пламени и процветал. И подобно орлу — царственной птице бурь — он будет продолжать безопасно парить среди любой бури. Все попытки воспрепятствовать его продвижению будут столь же бессильны и тщетны, как попытки отогнать набегающую волну острием иглы. Когда неверующие смогут сдерживать ветры в своих кулаках, заглушать раскаты грома дыханием своих уст, приостанавливать смену времен года своим кивком головы и гасить солнечный свет завесой, тогда, и только тогда, они смогут остановить распространение истины или опровергнуть истины Библии. Неразумные и несчастные люди! они всего лишь бороздят воздух — ударяют соломинкой — пишут на поверхности воды — и ищут инжир там, где растет только ежевика.

И не сравнивайте распространение мусульманства с распространением христианства, ибо это бесполезно, если не абсурдно. Достаточно сказать, что первое распространялось фанатизмом, ложью, потворством страстям, обещанием роскошного рая и частым использованием меча; но второе - здравомыслием, правдой, обузданием страстей, обещанием чистых и святых небес и использованием только меча Духа, то есть слова Божьего. Христианство пришло — увидело — и победило. И все ее победы были бескровными — приносили несказанную пользу самим побежденным. Они не опустошили ни одной страны, не пролили ни одной слезы, кроме как для того, чтобы вытереть их, и не разбили ни одного сердца, кроме как для того, чтобы исцелить их. Итак, чему же следует приписать все это? Можем ли мы обоснованно приписать всеобщее восприятие Библии и последующее распространение христианства чему-либо, кроме божественной силы? Разве это не беспрецедентно? "Могли ли бы какие-либо книги, - говорит один талантливый писатель, - подвергнуться столь страшному и длительному испытанию и достичь столь незапятнанного и совершенного триумфа, если бы они не были даны Божеством и не охранялись им?"

От его бесчисленных мучеников. "Если человек, - говорит доктор Джортин, - отдает свою жизнь за имя Христа или за то, что он считает религией Христа, когда он мог бы продлить свои дни, отрекшись от своей веры, он должен быть мучеником в календаре каждого разумного человека, хотя он, возможно, сильно ошибался в некоторых своих мнениях". Было подсчитано, что с момента возникновения христианства не менее пятидесяти миллионов мучеников сложили свои жизни ради него. Некоторые были почтенными годами; другие находились в расцвете сил; и немало было представительниц слабого пола. По большей части это были хорошо образованные люди. Многие из них были образованными и респектабельными людьми; не раскольничали в своих принципах и не буйствовали в своих страстях. Они не были ни необузданны в своих представлениях, ни безрассудно расточительны в своей жизни. Это можно с уверенностью утверждать о таких людях, как Поликарп и Игнатий, Иероним и Гусс, Латимер и Кранмер, Ридли и Хупер, Филпот и Брэдфорд, Ламберт и Сондерс и многих других. Тем не менее, они так ценили Библию, что вместо того, чтобы отречься от нее и отказаться от надежд, которые она внушала, они отдавали свои тела на сожжение или другие мучения, и "радовались, и хлопали в ладоши в огне", или что-то в этом роде. "Все, что есть у человека, он отдаст за свою жизнь". Все считают жизнь сладкой и драгоценной. Ни один здравомыслящий человек не пожертвует своей жизнью, когда он может ее сохранить, иначе как ради какого-то глубоко укоренившегося убеждения в истине или долге. С этой точки зрения христианские мученики

имеют право на наше уважение. Ибо они дали сильнейшее доказательство искренности своей веры, и никакие подозрения в мошенничестве не могут быть обоснованно выдвинуты против них. "Мы приходим к выводу, - говорит доктор Джортин, - что им помог Бог, который облегчил их боль и дал им не только смирение и терпение, но и ликование и радость. И это замечательное поведение бывших христиан по праву может считаться доказательством истинности Библии и нашей святой религии, и мы заслуживали бы порицания и презрения, если бы мы расстались с ней и покорно отказались от нее из-за нескольких возражений ". "Ни один человек, - замечает доктор Битти, - никогда не отдавал свою жизнь за честь Юпитера, Нептуна или Аполлона; но сколько тысяч людей скрепили свое христианское свидетельство своей кровью!" Какая моральная победа! И откуда, как не с небес, взялась такая религия, имеющая такое признание?

Можно было бы добавить другие аргументы, стремящиеся продемонстрировать истинность нашего утверждения; но, несомненно, было приведено достаточно, чтобы установить авторитет Библии на незыблемой основе. "Навеки, о Господь, слово Твое утверждено на небесах. Я почитаю все Твои заповеди, касающиеся всех вещей, правильными; и я ненавижу всякий ложный путь". "Всякая плоть подобна траве, и вся слава человека подобна цветку травы. Трава засыхает, и цветок ее опадает; но слово Господне пребывает вовеки. И это есть слово, которое через Евангелие проповедуется вам".

"Самые гордые творения Гения придут в упадок,
И ярчайший блеск Разума угаснет;
Искусство софиста, самый смелый полет Поэта
Погрузятся во тьму и завершатся ночью;
Но Вера, торжествующая над Временем, устоит,
она возьмет Священный Том в свои руки;
Небесный дар Вернется к своему источнику,
А затем растает в потоке Славы".

СНОСКИ:

23. По словам месье Пьерре, самые древние иероглифы, которые можно увидеть в одном из европейских музеев, - это иероглифы на статуях Сефы и Несы в Лувре; они датируются периодом, предшествовавшим четвертой династии. Однако на перекладине двери гробницы одного из жрецов Сената, пятого короля второй династии, в библиотеке Эшмола в Оксфорде, изображены иероглифы более ранней даты.

24. Библия короля Якова - это то, что сейчас широко используется в этой стране и Великобритании.